

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

ТОМЪ СХІ.

«ИСТОР. ВѢСТН.», АПРѢЛЬ 1915 Г., Т. СХІ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХІ.

1915

ПЕТРОГРАДЪ

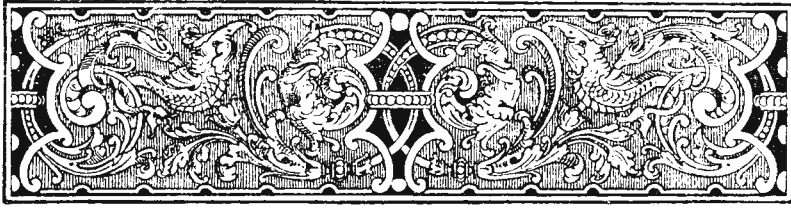

Тип. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Зртелевъ, 13

1915

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что германцы, постепенно накапливаясь въ Восточной Пруссіи, подтянувъ свѣжія силы, въ теченіе послѣднихъ дней производили усиленныя развѣдки, и 25-го января перешли въ наступленіе значительными силами на участкѣ отъ Хоржеле до Юганисбурга. Одновременно германцы предприняли активныя дѣйствія на обоихъ флангахъ восточно-прусскаго фронта въ районѣ Ласденена, гдѣ при отраженіи германской атаки намъ удалось одинъ изъ атакованныхъ батальоновъ уничтожить почти полностью, и на путяхъ отъ Рыпина, гдѣ наша конница стянулась къ Серпцу.

На лѣвомъ берегу Вислы 26-го января непріятель активныхъ дѣйствій не предпринималъ. Судя по оставленнымъ передъ нашими позиціями тѣламъ, германцы, повидимому, потеряли убитыми и ранеными въ теченіе шестидневнаго штурма позиціи Боржимовъ — Гуминъ — Воля-Шидловская, нѣсколько десятковъ тысячъ людей.

Въ Карпатахъ сраженіе продолжалось. Въ районѣ между Бартфельдомъ и Свидникомъ непріятель пытался перейти къ активнымъ дѣйствіямъ, однако, не выдержавъ сильнаго напряженія, которое принялъ бой, отступилъ, составивъ плѣнныхъ. Въ районѣ перевала Лупковъ наше наступленіе продолжало развиваться, за сутки нами было взято въ плѣнъ 69 офицеровъ, 5.200 нижнихъ чиновъ, 10 пулеметовъ. Перешедшія переваль Тухолку германскія колонны произвели 25-го января двадцать двѣ яростныя атаки на занятые нами высоты въ районѣ Козювки. Германцы наступали въ густыхъ строяхъ въ нѣсколько шеренгъ, подъ нашимъ энергичнымъ перекрестнымъ огнемъ, дважды непріятель овладѣвалъ одной изъ высотъ, но контръ-атакой нашей пѣхоты, послѣ про-

должительнаго безпримѣрнаго штыкового боя былъ сброшенъ съ нея. Потери, понесенныя здѣсь германцами, чрезвычайно велики. Непрiятельскiя атаки на вышковскомъ направленiи также были отбиты.

На Черномъ морѣ крейсеръ «Бреслау» обстрѣлялъ Ялту. Наши крейсера 26-го января обстрѣляли турецкую батарею у Трапезунда и потопили тамъ грузенный пароходъ. Другой пароходъ съ провiантомъ и двухмачтовая шхуна были потоплены нами у Иерса.

27-го января великобританское правительство извѣстило:

«Послѣ пораженiя, понесеннаго турками 20-го и 21-го января, часть турецкихъ войскъ отступила на 20 миль къ востоку отъ канала, а другая часть еще дальше. До сегодняшняго дня доставлено въ Каиръ 653 плѣнныхъ. Несмотря на затруднительность поисковъ убитыхъ, въ виду обширности пустыни, английскiе патрули уже похоронили 506 турокъ».

На западно-европейскомъ фронтѣ положенiе дѣлъ къ 27-му января было слѣдующее:

Въ Бельгiи происходилъ прерывавшiйся по временамъ артиллерiйскiй бой; непрiятель бомбардировалъ Ипръ и Фюрнъ. Бельгiйская артиллерiя разрушила ферму, защитники которой бѣжали.

Вдоль дороги изъ Бетюнъ на Лабассѣ французы вновь заняли мельницу, на которой непрiятелю удалось раньше утвердиться. Германцы бомбардировали Суассонъ зажигательными снарядами. На всемъ фронтѣ р. Эна и въ Шампани французская артиллерiя успѣшно боролась съ германскими батареями.

На Аргонской возвышенности бой вокругъ Багатель происходилъ въ одномъ изъ самыхъ густыхъ участковъ лѣса и принялъ вслѣдствiе этого довольно безпорядочный характеръ; обѣ стороны, въ общемъ, сохранили свои позицiи.

Въ бояхъ 25-го января участвовало не болѣе 3—4 батальоновъ съ каждой стороны. За 26-е января со стороны французовъ въ бою былъ лишь одинъ батальонъ. Въ Лотарингiи и въ Вогезахъ продолжалась артиллерiйская перестрѣлка.

Днемъ 26-го января французы взорвали у Фэ, къ юго-западу отъ Перроннъ, минную галерею, въ которой работали непрiятельскiе солдаты.

27-го января съ сербскаго театра войны были получены извѣстiя о томъ, что 24-го января въ теченiе всей второй половины дня австрiйскiй аэропланъ леталъ надъ городомъ Пожаревацемъ и сбросилъ нѣсколько бомбъ; изъ нихъ пять взорвались въ городѣ, причеиъ раненъ былъ ребенокъ; три бомбы упали за предѣлами города.

Въ Вѣлградѣ царить временное спокойствiе. Ежедневно происходятъ лишь незначительныя ружейныя перестрѣлки. Берега Савы и Дуная покрылись тонкимъ слоеиъ льда.

28-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ, что въ Восточной Пруссiи продолжались бои въ районахъ Ласдененъ—Рагупененъ и Арисъ.

Въ Карпатахъ наши войска на дуклинскомъ, лупковскомъ и ужокскомъ направленiяхъ, тѣсня противника, продолжали продвигаться впередъ, при-

чемъ нами вновь было взято въ плѣнъ 23 офицера, до 1,500 нижнихъ чиновъ и захвачено нѣсколько пулеметовъ и одна картечница.

28-го января французское правительство сообщало, что день 27-го января ознаменовался лишь довольно упорными артиллерійскими боями на нѣкоторыхъ частяхъ фронта, въ особенности на рѣкѣ Энъ и въ Шампани. Слѣдуетъ отмѣтить лишь въ Лотарингіи одно незначительное пѣхотное дѣло, на сѣверо-востокѣ отъ Манонвиллера, гдѣ одинъ изъ французскихъ отрядовъ набросилъ непріятельскіе посты изъ Реманбуа къ Лентрэ».

Въ теченіе ночи съ 27-го на 28-е января французы взорвали у Лабуасселя три фугаса, причемъ имъ удалось занять воронки, несмотря на произведенную германцами контръ-атаку, которую французы отбили штыками. На Аргонской возвышенности происходила артиллерійская перестрѣлка въ районѣ Болантъ и Багатель.

Ожесточенная, но безплодная атака произведена была германцами на укрѣпленія у Сентъ-Терезъ. Въ Лотарингіи, у восточной границы Паруаскаго лѣса и къ сѣверу отъ него передовые посты французскихъ войскъ безъ затрудненія отбили атаку германцевъ. Небольшое столкновеніе къ сѣверо-востоку отъ Манонъ-Вилье закончилось преслѣдованіемъ непріятеля французами. Въ Вогезахъ, у Фонтенель и Бандесаптъ, атака непріятеля была остановлена.

Въ районѣ Каньи на рѣкѣ Энъ французскій летчикъ уничтожилъ непріятельскій сигнальный шаръ. Близъ Вердена былъ сбитъ германскій аэропланъ. Пилотъ его, лейтенантъ фонъ-Гиделинъ, оказался летчикомъ, который въ сентябрѣ сбросилъ надъ Парижемъ бомбы и прокламаціи, приглашавшія населеніе Парижа сдаться.

Русскій министръ финансовъ П. Л. Баркъ, прибывшій изъ Парижа въ Лондонъ для дѣловыхъ совѣщанія, выѣхалъ оттуда въ Петроградъ.

29-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Восточной Пруссіи опредѣленно выяснилось сосредоточеніе нѣмцами весьма значительныхъ силъ, которыя, перейдя въ наступленіе, развивали таковое преимущественно въ направленіяхъ къ Вильковишкамъ и Лыку. Установлены новыя формированія, прибывшія на фронтъ изъ центра Германіи. Наши войска, задерживая противника, стали отходить отъ линіи Мазурскихъ озеръ къ нашей пограничной полосѣ. На фронтѣ праваго берега Вислы происходили боевыя столкновенія частнаго характера на направленіи отъ Мышинца къ Остроленкѣ, и въ районѣ Серпецъ на рѣкѣ Скрвѣ. На лѣвомъ берегу Вислы происходила только перестрѣлка.

Въ Карпатахъ атаки непріятеля къ западу отъ Мезо-Лаборча на Яблонь, что къ востоку отъ перевала Ужокъ, и наступленіе германцевъ на высоты у Козювки были нами успѣшно отбиты. Высоты у Раббе, къ востоку отъ перевала Лупковъ, взяты нами послѣ упорнаго боя, причемъ нами захвачено до 1.000 плѣнныхъ и орудія.

26-го января наши миноносцы произвели лихой набѣгъ на Ризе, Трапезундъ и Платану. У Трапезунда обстрѣляли турецкія батареи и уничтожили два моста; въ Платанѣ потопили 30 груженыхъ фелюгъ и моторный катеръ; у Ризе разстрѣляли 20 фелюгъ и совершенно уничтожили желѣзный мостъ.

На фронтѣ кавказской арміи боевых столкновений не было.

29-го января французское официальное сообщеніе такъ обрисовало положеніе дѣлъ на западномъ театрѣ войны:

На всемъ фронтѣ происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ сѣверномъ районѣ съ обѣихъ сторонъ состоялись полеты на аэропланахъ со сбрасываніемъ бомбъ, однако бомбы, сброшенные непріятельскими аэропланами во французскія линіи, не причинили никакого вреда. Въ Шампани французами была отбита атака германцевъ, направленная на лѣсные участки, которыми французы недавно завладѣли къ сѣверу отъ Мениль-ле-Юрлю. На Аргонской возвышенности борьба изъ-за укрѣпленія у Мари-Терезъ была крайне упорна; силы германцевъ достигали приблизительно одной бригады; французскія войска удержали всѣ позиціи; потери непріятели весьма значительны, также серьезны и потери французовъ.

Въ Вогезахъ стоялъ густой туманъ и шелъ обильный снѣгъ. Пѣхотный бой у Фонтенель, въ Бандесаптѣ, начался въ очень темную ночь, причемъ германцы ввели здѣсь въ бой не менѣе двухъ батальоновъ. Французскія войска уступили было часть занятой ими мѣстности, но затѣмъ, днемъ 28-го января, рядомъ контръ-атакъ отбили почти все уступленное пространство.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 29-го января гласило:

Непріятель подвергъ сильной бомбардировкѣ Ньюпоръ и берега Изера, но причинилъ лишь незначительный ущербъ; артиллерія успѣшно отвѣчала. На Аргонской возвышенности, въ районѣ Багатель, послѣ упорнаго боя, продолжавшагося все утро, германцы въ часъ дня повели атаку на укрѣпленіе у Мари-Терезъ, причемъ непріятель наступалъ колоннами на четыре шеренги, фронтомъ длиною въ 500 метровъ. Атака была отбита огнемъ французской артиллеріи и пѣхоты. Непріятель оставилъ на полѣ битвы большое число убитыхъ. Въ Вогезахъ, къ югу отъ замка Делюсъ, къ сѣверу отъ перевала Сентъ-Мари, французы внезапной атакой заняли непріятельскую траншею. На нѣкоторыхъ участкахъ фронта происходилъ сильный артиллерійскій бой.

30-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ между Нижнимъ Нѣманомъ и Вислой отдѣльныя боевыя столкновения происходили къ западу отъ Маркграбово, у Лыка, на полпути между остроленкой и Мышинцемъ, къ западу отъ Мышинца и въ районѣ Серпца. На лѣвомъ берегу Вислы происходила только перестрѣлка, причемъ наша артиллерія во многихъ пунктахъ достигла хорошихъ результатовъ.

Въ Карпатахъ мы отбили непріятельскія атаки въ районѣ Свидника, у Вышкова, Пороги у Ростокі, что близъ границы Буковины. На разсвѣтъ 29-го января германцы вновь понесли значительный уронъ у высоты 992, у Козювки, при производствѣ на нее двухъ повторныхъ безуспѣшныхъ атакъ. Въ районѣ Лутовиска и Завадка наши войска овладѣли частью непріятельскихъ окоповъ, причемъ нами взято въ плѣнъ 500 человекъ при трехъ пулеметахъ.

30-го января французское правительство официально увѣдомило, что на пространствѣ между моремъ и рѣкой Соммой происходили артиллерійскіе бои. Къ югу отъ Лабусселя непріятель взорвалъ мину въ концѣ одной изъ фран-

цузскихъ траншей, въ которой, однако, французы удержались. Отъ Соммы до Аргонской возвышенности можно отмѣтить лишь артиллерійскій обстрѣлъ непріателемъ Траси-ле-Мона и дѣятельность, проявленную французской артиллеріей въ секторахъ Реймса и Суассона. Въ Веврѣ непріятельская артиллерія поддерживала довольно сильный огонь у Рамбюкура и Газельскаго лѣса. Французы бомбардировали станціи Тіокуръ и Арнавилъ.

Въ Бельгіи и въ Шампани происходили значительные артиллерійскіе бои. На Аргонской возвышенности между Фонтэнъ-Мадамъ и укрѣпленіями Мари-

Генераль-лейтенантъ К. А. Шульманъ, командиръ крѣпости Оссовецъ.
Герой войны.

Терезъ дѣятельность непріятеля выразилась лишь во взрывѣ минъ и въ метаніи бомбъ; французы отвѣчали тѣмъ же; пѣхота не выходила изъ траншей. Въ Лотарингіи французскія войска отбили германскую атаку на Арракуръ. Въ Вогезахъ французскіе егеря заняли холмъ въ разстояніи 800 метровъ къ сѣверо-западу отъ фермы Сюдель, въ районѣ къ сѣверу отъ Гартмансвейлеркопфа. Въ этомъ блестящемъ дѣлѣ, происходившемъ въ сильную снѣжную метель, французы понесли лишь ничтожныя потери.

Великобританское правительство 30-го января извѣстило о томъ, что 34 английскихъ аэроплана и гидроаэроплана атаковали районы Брюгге, Зеэбрюгге,

Вланкенберга и Остенде, въ цѣляхъ воспрепятствовать усиленію базы германскихъ подводныхъ лодокъ. Ими причинены были большія разрушенія, какъ въ этихъ районахъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Всѣ летчики возвратились благополучно, несмотря на сильный артиллерійскій огонь непріятели.

31-го января штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ Нѣманъ—Висла боевыя столкновенія происходили къ западу отъ Юрбурга, въ районѣ Лыка, близъ Кадзидло, и къ востоку отъ Серпеца. Непритель понесъ въ районѣ Лыка значительныя потери при успѣшномъ отраженіи нами его атакъ. На лѣвомъ берегу Вислы наша артиллерія успѣшно обстрѣливала непріятельскія походныя колонны, движеніе коихъ обнаруживалось въ нѣкоторыхъ направленіяхъ.

Въ Карпатахъ наши войска захватили укрѣпленныя высоты въ районѣ Свидника и между переваломъ Лупковъ и Верхнимъ Саномъ, причемъ нами было взято до 1.000 плѣнныхъ. На фронтѣ между перевалами Ужокъ и Тухолка мы нѣсколько потѣснили германцевъ. На высотѣ у Козювки германцы окопались въ сорока шагахъ передъ нашими окопами. У Вышкова настойчивыя атаки непріятели были нами отбиты.

Къ 31-му января, согласно официальному сообщенію изъ Парижа, положеніе дѣлъ на западно-европейскомъ театрѣ войны было слѣдующее:

Отъ моря до Лиса германцы ожесточенно бомбардировали Ньюпортъ и область Большой дюны. Въ ночь съ 28-го на 29-е января нѣмцы бомбардировали Ипръ и днемъ 29-го января позиціи къ востоку отъ Ипра. Французская артиллерія успѣшно отвѣчала. На фронтѣ отъ Лиса до Соммы съ перерывами продолжалась канонада въ области Арраса. Близъ Каранси французы взорвали два фугаса передъ небольшими непріятельскими постами. На Соммѣ между Узой и Эномъ, а также въ Шампани происходила энергичная артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ Вердена пролетѣло около десяти непріятельскихъ аэроплановъ. Сброшенные ими бомбы не причинили никакого вреда. Въ ночь съ 28-го на 29-е января французы отразили всѣ атаки германцевъ на наши траншеи въ Корскомъ лѣсу къ сѣверу отъ Вердена. Въ Лотарингіи германскія атаки на передовые посты французовъ въ Арракурѣ были предприняты одной ротой въ то время, какъ другая столь же безуспѣшно пыталась отбить у насъ позиціи въ Ранзе. Въ Эльзасѣ непритель бомбардировалъ окопы, захваченные французами 29-го января въ районѣ Зюделькопфа, но, благодаря устройству французскихъ окоповъ, результаты этой бомбардировки были ничтожны.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 31-го января гласило:

Въ Бельгіи происходила незначительная артиллерійская перестрѣлка. Въ Лабуасселѣ французами взорвана мина, причемъ они заняли образовавшуюся воронку. Передъ Домпьеромъ къ юго-западу отъ Перонна взрывъ одной изъ французскихъ минъ застигъ врасплохъ работавшихъ тамъ баварскихъ саперъ. Непритель бомбардировалъ деревни Байлли Траси-ле-Валь. Французской артиллеріей обстрѣливался вокзалъ въ Нуайонѣ. Въ Шампани въ области Суэна одинъ изъ французскихъ батальоновъ, которому удалось овладѣть лѣсомъ передъ своими траншеями, не могъ удержаться тамъ, въ виду контръ-атаки непріятели, произведенной значительно превосходящими силами, а также

потому, что снѣжная буря не дала артилеріи возможности оказать необходимую поддержку.

1-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что бои на правомъ берегу Вислы постепенно развивались. На фронтѣ отъ Мохова до дороги изъ Мышинца въ Остроленку они имѣли характеръ отдѣльных частныхъ столкновений. Въ районѣ Лыкъ—Райгородъ—Граево бои велись съ значительнымъ упорствомъ, съверше же наши войска подъ давленіемъ значительныхъ силъ германцевъ стали отходить въ направленіи на укрѣпленную линію рѣки Нѣмана. На лѣвомъ берегу Вислы происходила только перестрѣлка, причемъ на Нидѣ непріятель временами развивалъ весьма сильный артиллерійскій огонь.

Въ Карпатахъ мы отразили непріятельскія атаки въ районѣ Горлице и Свидника и овладѣли непріятельскими укрѣпленіями у Смольника, что восточнѣе Лукова; нами здѣсь было взято въ плѣнъ 18 офицеровъ, свыше 1,000 нижнихъ чиновъ и захвачено 3 пулемета. Упорные бои велись на фронтѣ Тухла—Вышковъ и на путяхъ къ Надворной.

По официальному сообщенію отъ 1-го февраля, въ Бельгіи происходила бомбардировка Ньюпорта, французскихъ траншей у Большой дюны и Ипра, причемъ артиллерія французовъ отвѣчала непріятельскимъ батареямъ. Отъ рѣки Лиса до рѣки Эна происходилъ съ перерывами артиллерійскій бой. Около Нулеттъ непріятельскій отрядъ, пытавшійся подойти къ французскимъ траншеямъ, былъ отброшенъ огнемъ французской пѣхоты. Въ Шампани непріятельская артиллерія проявила довольно интенсивную дѣятельность на фронтѣ передъ Реймсомъ. Городъ снова подвергся обстрѣлу. Французскій огонь, направленный противъ нѣмецкихъ траншей, далъ, повидимому, хорошіе результаты. Между Аргоннами и рѣкой Мозелемъ день прошелъ спокойно. Въ Лотарингіи непріятельскія силы были двинуты противъ французскихъ отрядовъ, занимавшихъ выдвинутую впередъ позицію на сѣверо-востокъ отъ Понтъ-а-Муссона. Исходъ сраженія къ 1-му февраля еще не выяснился. Въ Эльзасѣ непріятель перешелъ въ наступленіе въ долину Лаухъ, продвигаясь двумя колоннами обѣими сторонами рѣки. Движеніе этихъ войскъ было выслѣжено и задержано патрулями французскихъ лыжниковъ. Къ названному времени эти войска находились въ соприкосновеніи съ передовыми частями французскаго фронта. Въ Вогезахъ происходила сильная снѣжная буря.

На англо-турецкомъ театрѣ войны, согласно сообщенію великобританскаго правительства, боевыя дѣйствія развивались въ такомъ порядкѣ:

Незначительныя англійскія вооруженныя силы были высажены на Синайскомъ полуостровѣ, гдѣ онѣ къ сѣверу отъ Тура напали врасплохъ на турецкій отрядъ, состоявшій изъ 200 человекъ, и разбили его, захвативъ 100 человекъ въ плѣнъ. На полѣ битвы найдены были тѣла майора и 60 солдатъ. Лагерь непріятеля и всѣ его запасы были уничтожены. Потери англичанъ—одинъ убитый и одинъ раненый. 50 турокъ, подъ предводительствомъ двухъ германскихъ офицеровъ, произвели рекогносцировку одной изъ англійскихъ позицій, которую они считали не защищенной. Однако, когда они обнаружили присутствіе тамъ 200 человекъ египетскихъ войскъ, то обратились въ бѣгство.

Согласно вечернему официальному сообщенію французскаго правительства отъ того же 1-го февраля артиллерійская перестрѣлка продолжалась въ Бельгіи между рѣками Уазой и Эномъ и въ Шампани. Въ Лотарингіи въ районѣ Понтъ-а-Муссона французы повели контръ-атаку на непріятеля, занявшаго Норруа и утвердившагося на сосѣдней возвышенности; бой здѣсь продолжался.

2-го февраля Государь Императоръ возвратился изъ дѣйствующей арміи въ Царское Село.

2-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой боевыя дѣйствія велись 1-го февраля приблизительно въ тѣхъ же районахъ, какъ и наканунѣ. На лѣвомъ берегу Вислы происходила обычная перестрѣлка.

Въ Карпатахъ мы отразили настойчивыя атаки австрійцевъ у Свидника и нѣсколько продвинулись на лѣвомъ берегу Верхняго Сана, захвативъ болѣе 1,000 плѣнныхъ, 5 пулеметовъ и орудіе. Греманцы, атаковавшіе высоты у Мыга, у Козювки и между перевалами Вескидь и Вышковъ, были нами отбиты съ большимъ уропомъ. Отъ Тухлы и Вышкова наши войска, перейдя въ контръ-атаку, сбили непріятеля съ части укрѣпленныхъ ими высотъ. На путяхъ къ Надворной и въ Буковинѣ начали выдвигаться значительныя силы австрійцевъ.

2-го февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ:

Въ Бельгіи непріятель непрерывно обстрѣливалъ артиллерійскимъ огнемъ французскія траншеи у большой дюны. Тяжелая артиллерія французовъ сосредоточила свой огонь на непріятельскихъ мортирныхъ батареяхъ. Французскія войска заняли около 250 метровъ непріятельскихъ траншей, расположенныхъ вдоль дороги изъ Бетюнъ на Лабассэ. Сильная артиллерійская перестрѣлка происходила въ районѣ Ланса, въ окрестностяхъ Альбера, между рѣками Авромъ и Уазой, въ окрестностяхъ Суассона и Вернейля, къ сѣверовостоку отъ Вайи. На Аргонской возвышенности, въ направленіи Багатель и Мари-Терезъ, продолжалась упорная борьба между французскими и непріятельскими траншеями, но пѣхотныхъ атакъ не было. Между Аргоннами и рѣкой Маасомъ французы съ первой же минуты помѣшали попыткѣ непріятели атаковать французовъ между селеніемъ Маланкуръ и лѣсомъ того же названія. Въ Лотарингіи непріятель, отгѣснивъ французское сторожевое охраненіе, занялъ высоту съ сигнальной вышкой Ксонъ и поселокъ Норруа, но былъ отброшенъ контръ-атакой французовъ къ сѣвернымъ склонамъ упомянутой высоты, причѣмъ однако удержался на нѣкоторыхъ участкахъ траншей. Наблюдавшееся на обоихъ берегахъ рѣки Лаухъ наступленіе германцевъ не поддерживалось ими 1-го февраля; они ограничились лишь артиллерійскимъ обстрѣломъ французскаго расположенія на южномъ берегу рѣки, на сѣверномъ же берегу германцы остановились передъ передовой линіей французовъ, идущей отъ Лангенфельдкопфа до Рамспахскаго лѣса. Французскіе лыжники произвели блестящую контръ-атаку на склонахъ Лангенфельдкопфа.

«Можно отмѣтить лишь нѣсколько удачныхъ дѣлъ нашей артиллеріи. Такъ, близъ Пелькапелле, къ сѣверовостоку отъ Ипра, непріяТЕЛЬСКАЯ ба-

таря была приведена къ молчанію. У Борена, къ югу отъ Арраса, были уничтожены германскія траншеи. Въ окрестностяхъ Суассона, а также въ районѣ Порта, мы удачно обстрѣляли непріятельскіе окопы и мѣста сосредоточенія непріятельскихъ войскъ».

3-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ:

Въ районѣ Августова наши войска 2-го февраля вели упорный бой съ превосходными по численности силами нѣмцевъ, которые стремились охватить оба наши фланга. Отъ Граева непріятельская колонна продвигалась въ направленіи къ Оссовцу. Между Вислой и Вкрой непріятель достигъ фронта Плоцкъ—Раціонжъ. На Взурѣ мы отбили слабую непріятельскую атаку у фольварка Жилинъ, на остальныхъ позиціяхъ на лѣвомъ берегу Вислы происходила только перестрѣлка.

Въ Карпатахъ положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. Наши войска продвинулись впередъ на лѣвомъ берегу Верхняго Сана, гдѣ нами было взято въ плѣнъ нѣсколько офицеровъ и свыше 600 нижнихъ чиновъ, и вновь геройски отбили настойчивыя германскія атаки у Козювки и Вышкава. Въ Буковинѣ непріятель занялъ Надворную и переходитъ рѣку Сереть.

3-го февраля французское правительство официально увѣдомило, что британскія войска 2-го февраля отбили потерянные ими наканунѣ два участка траншей между Сентъ-Луа и Ипрскимъ каналомъ. На французскомъ фронтѣ день 2-го февраля прошелъ спокойно. Пѣхотныхъ дѣйствій не происходило. Подтверждался значительный успѣхъ французской артиллеріи.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 3-го февраля гласило:

День 3-го февраля былъ на всемъ фронтѣ благопріятель для французовъ. Въ Бельгіи происходилъ артиллерійскій бой. Французская воздушная флотилія бомбардировала германскій авіаціонный паркъ у Гистеля (Ghistelles). Англійскій воздушный отрядъ бомбардировалъ Остенде. Къ югу отъ Ипра англійская армія захватила нѣкоторое количество непріятельскихъ траншей, въ которыхъ за послѣдніе два дня происходилъ довольно упорный бой. Между рѣками Узой и Эномъ, близъ Балъи, французская артиллерія удачно обстрѣливала скопленіе автомобильныхъ транспортовъ непріятели и станки для метанія гранатъ. Въ секторѣ Реймса французскія войска продвинулись впередъ на сѣверъ отъ Босежура и заняли около трехъ километровъ германскихъ траншей, захвативъ при этомъ нѣсколько сотъ плѣнныхъ и въ числѣ ихъ пять офицеровъ. На Аргонской возвышенности происходили пѣхотные бои на пространствѣ между Фуръ-де-Пари до мѣстности, лежащей къ западу отъ Бурейль (Bouqueilles); бои эти развиваются въ благопріятныхъ для французовъ условіяхъ. Къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона французы въ Лепретрскомъ лѣсу заняли нѣсколько непріятельскихъ блокгаузовъ.

По сообщенію великобританскаго правительства отъ 3-го февраля, 2-го февраля днемъ сорокъ англійскихъ аэроплановъ, дѣйствуя совмѣстно съ восемью французскими, бомбардировали районъ Зеэбрюгге и Остенде, съ цѣлью закончить начатое дѣло. Результаты оказались еще болѣе удовлетворительными.

По сообщенію отъ 3-го февраля, сербская армія 2-го февраля заняла Ракшште. Сербскіе авангарды достигли уже Шенбаца, который заняли. Сербскій

гарнизонъ, находившійся тамъ, освобожденъ. Ему пришлось вести героическую борьбу противъ албанцевъ, которые окружили его въ мечети. Сербскій отрядъ, прибывшій форсированнымъ маршемъ въ Призрѣнъ, миновалъ городъ и въ тотъ же день вступилъ въ бой съ албанцами, которыхъ ему удалось отбросить. Этотъ отрядъ наступалъ затѣмъ въ направленіи Паклиша, который также былъ нами занятъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сербами заняты были Борскія позиціи послѣ ожесточенныхъ боевъ близъ Лабунисчи. Сербская наша армія отбросила албанскій отрядъ, бѣжавшій по направленію къ Пришеаду, преслѣдуемый нашими войсками. Албанцы, надвигавшіеся по направленію къ Гора и Дервенту, отступаютъ къ Масси и Корытнику. Потери непріятеля были весьма велики. Гассанъ-бекъ, руководившій этой атакой, съ трудомъ спасся бѣгствомъ, переправившись верхомъ черезъ Дрину. Его сопровождало большое число всадниковъ, изъ которыхъ большинство, по словамъ мѣстныхъ жителей, были иностранцы. Почти всѣ эти всадники утонули, переправляясь верхомъ черезъ Дрину. Вся территория между Охтисомъ Загричани и Рбница была очищена отъ непріятеля въ теченіе этого дня. На линіи Охридскаго округа сербская армія вчера послѣ полудня заняла позиціи Раяца. Бой прекратился къ шести часамъ вечера. Сербскія войска провели ночь на отбитыхъ у непріятеля позиціяхъ. Непріятель же оставался на позиціяхъ у Чафа-Сами. 3-го февраля утромъ съ разсвѣтомъ бой возобновился вокругъ Чафа-Сами. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, сербское лѣвое крыло совершило удачное обходное движеніе лѣвыхъ позицій албанцевъ.

4-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что бои на правомъ берегу Вислы продолжались примѣрно въ тѣхъ же районахъ, пріобрѣтая на нѣкоторыхъ участкахъ крайне упорный характеръ. Къ сторонѣ Нѣмана у противника замѣчались одни развѣзды. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ переменъ.

Въ Галиціи атака противника на фронтъ Хава—Вырокочь¹⁾ отбита была съ громадными для Австрійцевъ потерями. Восточнѣе противникъ безуспѣшно пытался атаковать насъ въ районѣ Лубне и Студенне²⁾. При отбитіи этой атаки нами было взято въ плѣнъ десять офицеровъ и свыше 1.400 нижнихъ чиновъ и захвачено три пулемета.

На фронтѣ отъ Козювки до Вышковскаго перевала германцы въ теченіе минувшаго дня произвели рядъ стремительныхъ и упорныхъ атакъ, направляя главныя усилія на Вышковъ. Всѣ эти атаки были нами отбиты, причѣмъ германцы понесли громадныя потери. Одинъ изъ ихъ батальоновъ былъ почти цѣликомъ переколотъ, остатки же его взяты въ плѣнъ.

4-го февраля британское адмиралтейство, описывая воздушное нападеніе англійскихъ легчиковъ на непріятельское побережье, сообщило, что сорокъ англійскихъ аэроплановъ и гидроплановъ бомбардировали Остенде, Мидлькирке, Гистель и Зеэбрюгге. Летчики сбросили бомбы на тяжелыя батареи, рас-

¹⁾ Мѣстность Хава на западъ отъ Мезо-Лаборча, въ пяти верстахъ отъ него; Вырокочь—тамъ же въ пятнадцати верстахъ.

²⁾ Мѣстечко Лубне и Студенне—на лѣвомъ берегу Сана, южнѣе Лутовиска.

положенныя къ востоку и западу отъ остендской гавани, кромѣ того, бомбы были сброшены на батареи въ Мидлькерке, на товарные вагоны, двигавшіеся между Остенде и Гистель, а также на молъ въ Зеебрюгге, съ цѣлью увеличить брешь, нанесенную во время предыдущихъ атакъ. Летчики бомбардировали доки въ Зеебрюгге, баржи, стоявшія за городомъ у Бланкенберга, и траулеры у Зеебрюгге. Восемь французскихъ летчиковъ содѣйствовали англійской эскадрѣ, произведя смѣлую атаку на гистельскій аэродромъ, чѣмъ воспрепятствовали германскимъ аэропланамъ отразить нападеніе англійскихъ летчиковъ. Британское адмиралтейство указываетъ, что летчикамъ всегда даются строгія инструкціи ограничивать свои нападенія только пунктами, имѣющими военное значеніе. Летчиками-офицерами, съ своей стороны, прилагаются всѣ усилія къ тому, чтобы избѣгать бросанія бомбъ въ населенные кварталы.

Въ Лондонѣ 4-го февраля была опубликована телеграмма сэра Джона Френча, сообщающая о военныхъ операціяхъ за періодъ отъ 17-го ноября до 31-го января. Упомянувъ о пребываніи короля Георга на фронтѣ, фельдмаршалъ Френчъ говоритъ, что когда испытаніе силы и выносливости войскъ достигло высшаго напряженія во время затяжного и вмѣстѣ съ тѣмъ горячаго сраженія на фронтѣ Ипръ—Армантьеръ, присутствіе его величества оказало большую поддержку и ободрило войска. Операціи англійской арміи почти все время зависѣли отъ состоянія погоды. Въ первые дни декабря по нѣкоторымъ признакамъ на всемъ протяженіи фронта союзныхъ армій можно было заключить, что непріятель оттягиваетъ значительныя силы съ западнаго театра войны. Тогда были сдѣланы приготовленія для совместнаго франко-британскаго наступленія. Атака началась 21-го ноября и закончилась нанесеніемъ непріятелю тяжелыхъ потерь. Однако союзники все же временно отошли на свои первоначальныя позиціи. Дѣлая обзоръ военнымъ дѣйствіямъ индійской арміи, фельдмаршалъ Френчъ заявляетъ, что индусы выказали въ бояхъ необычайное упорство и отвагу. Послѣ анализа военныхъ дѣйствій подъ Жювиньи, Вегюна и Лаба ссѣ, Френчъ переходитъ къ описанію опыта превращенія одного изъ лучшихъ гвардейскихъ батальоновъ территоріальной пѣхоты въ учебный корпусъ для офицеровъ и заявляетъ, что результаты получились великолѣпныя. Въ настоящее время изъ этого корпуса ежемѣсячно выходятъ до ста офицеровъ. Фельдмаршалъ отзывается въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ объ арміи вообще и говоритъ, что англійскія войска во Франціи должны были выдержать самое тяжелое испытаніе, которое когда-либо возлагалось на солдата. Едва тяжелые бои, описанные въ предыдущемъ отчетѣ, закончились, какъ войскамъ пришлось стать лицомъ къ лицу съ суровыми лишеніями зимней кампаніи. Солдатамъ по много часовъ приходилось стоять по поясъ въ ледяной водѣ, причемъ всего лишь какихъ-нибудь двѣсти ядровъ отдѣляли ихъ отъ бдительнаго врага. Несмотря на то, что были приняты всевозможныя мѣры для облегченія тягостей войны, тѣмъ не менѣе страданія людей были очень велики. Но англичане выдержали это съ чисто солдатскимъ мужествомъ, и если иногда бывали признаки утомленія, то все же въ общемъ духъ войскъ оставался бодрымъ и общее состояніе здоровья войскъ было прекрасно. Говоря о территоріальныхъ войскахъ, фельдмаршалъ Френчъ заявляетъ, что эти войска оправдали самыя широкія надежды,

возлагавшіяся на нихъ. Въ заключеніе телеграммы Френчъ съ благодарностью признаетъ цѣнную помощь и поддержку, оказанныя за этотъ періодъ времени англійскимъ войскамъ французскими генералами Фопъ, Дюрбалеми и Модсюи.

4-го февраля французское правительство сообщило, что, несмотря на сильный обстрѣлъ, французскіе и англійскіе военные летчики, бомбардировавшіе 3-го февраля районъ Гистель и Остенде, благополучно возвратились къ войскамъ.

Бельгійская артиллерія успѣшно обстрѣливала мѣста сосредоточенія войскъ и прикрытія непріятеля.

Въ Шампани французскія войска въ теченіе ночи отбили десять непріятельскихъ контръ-атакъ. Въ Аргоннахъ боевая дѣятельность была довольно энергичною; французы разрушили близъ Фонтэнъ-о-Шарнъ блокгаузъ и сотни метровъ траншей. Произведенная по крайней мѣрѣ тремя германскими батальонами атака между Фуръ-де-Пари и высотой «263» на западъ отъ Бурейль была очень энергична. Французы рѣшительно отразили ее, нанеся непріятелю большія потери и взявъ плѣнныхъ. Въ восточной части Маланкурскаго лѣса французскія войска заняли сотни метровъ траншей.

3-го февраля, въ 1 ч. 30 мин. дня французскій пароходъ «Ville de Lille», шедшій изъ Шербурга въ Дюнкеркъ, замѣтилъ на сѣверѣ отъ Барфлера германскую подводную лодку «U 16». Пароходъ пытался спастись, но подводная лодка настигла его и, давъ предварительно его экипажу десять минутъ времени для посадки въ шлюпки, потопила, наложивъ въ него и взорвавъ бомбы. Подводная лодка вознамѣрилась равнымъ образомъ потопить норвежскій пароходъ, но должна была отказаться отъ этого намѣренія въ виду приближенія дивизиона миноносцевъ изъ Шербурга. Лодка взяла курсъ на востокъ, погрузилась въ воду и исчезла.

4-го февраля съ сербскаго фронта были получены такія извѣстія:

«Въ теченіе 3-го февраля сербская армія выбила албанцевъ изъ позицій, занятыхъ ими на пограничной полосѣ. Сербы заняли окопы у Чафа-Сами. Число убитыхъ и раненыхъ со стороны сербовъ неприведено было до сихъ поръ въ извѣстность. Потери непріятеля весьма велики. На полѣ сраженія непріателемъ оставлено много австрійскихъ и турецкихъ ружей. Сербскія армія продолжала преслѣдовать непріятеля, съ цѣлью разгромить его послѣднія атаки и лишить его возможности возобновить нападеніе».

На пространствѣ между моремъ и рѣкой Уазой французская артиллерія удачно обстрѣливала расположеніе непріятеля, разсыявъ многочисленныя скопленія его войскъ, взорвавъ зарядные ящики и уничтоживъ поѣзда. Къ сѣверу отъ Арраса французы заняли двѣ линіи траншей, отбили ожесточенныя атаки непріятеля, захватили много плѣнныхъ и нанесли германцамъ тяжелый уронъ; здѣсь было убито большое число германскихъ офицеровъ. На реймскомъ участкѣ французы за 3-е февр. продвинулись впередъ близъ Луавра на нѣсколько сотъ метровъ, причемъ удержались и укрѣпились на занятыхъ позиціяхъ. Въ Шампани французы продолжали успѣшно продвигаться къ сѣверо-западу отъ Перта и заняли позиціи непріятеля на фронтѣ въ 800 метровъ. Всѣ контръ-атаки германцевъ къ сѣверу отъ Мениль-ле-Юрлю и Босежура были отбиты, причемъ

французы захватили одинъ большой станокъ для метанія гранатъ и нѣсколько малыхъ и взяли въ плѣнъ двѣсти человекъ; бой здѣсь продолжался. На Аргонской возвышенности французскія войска продвинулись въ Грюрійскомъ лѣсу и удержали за собою занятое пространство, несмотря на произведенныя германцами двѣ ожесточенныя контръ-атаки и упорный штыковой бой; непріятель понесъ при этомъ очень большія потери. Предпринятая германцами атака у Фуръ-де-Пари французами была рѣшительно отбита. Между Аргонской возвы-

Генераль-отъ-инфантеріи А. Е. Эвертъ.
Герой войны.

шенностью и рѣкой Маасомъ французы продвинулись въ различныхъ мѣстахъ. Въ Эльзасѣ французы овладѣли группой высотъ, господствующихъ надъ фермой Сюдель, и удержали за собой все занятое пространство. Французскіе авіаторы сбрасывали бомбы на желѣзнодорожную станцію въ Фрейбургъ (Freiburg in Bresgau).

Вслѣдствіе бомбардировки непріателемъ Бѣлграда изъ тяжелыхъ орудій, повреждены многія зданія. Убито восемь мирныхъ жителей и восемь ранено. Сербская армія продолжала вести энергичный бой съ албанцами.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

11

5-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщалъ, что бои на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой 4-го февраля продолжались, причѣмъ наибольшаго упорства они достигли въ районѣ Августова и на путяхъ отъ Серпеца къ Плонску. На лѣвомъ берегу Вислы боевыхъ дѣйствій не происходило. Въ Карпатахъ мы отбили рядъ настойчивыхъ атакъ австрійцевъ на фронтѣ отъ Свидника до Верхняго Сана. Въ районахъ Козювки, Тухлы, Сенечува, Вышкова и Клаусе, продолжая успѣшно отражать непрерывныя атаки нѣмцевъ, мы произвели рядъ успѣшныхъ контръ-атакъ. Въ Буковинѣ наши отряды отошли за Прутъ.

5-го февраля французское правительство сообщило, что отъ моря до Уазы въ теченіе ночи на 5-е февраля не произошло ничего новаго. Подтверждалось, что при успѣшныхъ дѣйствіяхъ, благодаря которымъ французы овладѣли двумя линиями германскихъ траншей, на сѣверъ отъ Арраса (къ сѣверо-западу отъ Ролинкура), французскія войска нанесли непріятелю серьезныя потери, причѣмъ ими захваченъ станокъ для метанія бомбъ и нѣсколько сотъ бомбъ. Въ долинѣ рѣки Эна и въ секторѣ Реймса происходили артиллерійскіе бои, въ которыхъ французская артиллерія опредѣленно выказала преимущество надъ непріятельскою. Въ Шампани, въ районѣ Перта, вся территория, захваченная французскими войсками 4-го и 3-го февраля, удержана французами. Среди многочисленныхъ плѣнныхъ, взятыхъ 3-го и 4-го февраля, имѣлись офицеры и солдаты 6-го и 8-го корпусовъ дѣйствующей арміи, а также 8-го, 10-го и 12-го запасныхъ корпусовъ. Въ Аргоннахъ французы также удержали за собою территорию у лѣса Ла-Грюри, къ югу отъ Фонтэнъ-о-Шармъ. Въ то же время они нѣсколько продвинулись впередъ въ районѣ Бурейль, у высоты 263. Успѣхи французовъ между Аргоннами и Маасомъ дали имъ возможность занять лѣсъ къ югу отъ Шеппійскаго лѣса. Кромѣ того, они продвинулись на 400 метровъ на сѣверъ отъ Маланкура и приблизительно на такое же разстояніе къ югу отъ Форжа. Всѣ эти позиціи сохранены за французами.

Вечернее сообщеніе французскаго правительства отъ того же 5-го февраля гласило:

День 5-го февраля былъ для французовъ не менѣе благопріятный, чѣмъ два предшествовавшихъ дня. Отъ моря до рѣки Эна происходили артиллерійскіе бои и только около Рокленкура германцы пять разъ атаковали французскія войска, пытаясь снова завладѣть отбитыми у нихъ 4-го февраля траншеями. Они были отброшены и оставили на полѣ сраженія нѣсколько сотъ труповъ, среди которыхъ были офицеры. Въ Шампани, въ районѣ Суэна, Перта и Босежура, непріятель произвелъ въ ночь на 4-е февраля, а потомъ утромъ 5-го февраля двѣ весьма ожесточенныя контръ-атаки на весь фронтъ, чтобы вновь овладѣть траншеями, уступленными имъ 3-го и 4-го февраля. Обѣ эти контръ-атаки были окончательно отражены. Французскія войска не только отбросили непріятеля штыковымъ ударомъ, но удержали свои позиціи и захватили три пулемета и нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Согласно показаніямъ послѣднихъ, германскіе полки, участвовавшіе въ атакѣ, потерпѣли весьма значительный уронъ. Нѣкоторые полки потеряли треть, а другіе половину своего состава. На правомъ берегу рѣки Мааса у Эпаржа, гдѣ французы продвинулись впередъ 4-го

февраля, занятый ими районъ былъ удержанъ ими, несмотря на контръ-атаки непріятели. Въ Лотаринги, въ районѣ Ксона французы произвели атаку, въ результатъ которой завладѣли деревней Норруа и заняли всю позицію. Сообщеніе германцевъ, будто они эвакуировали Норруа, ложно, они именно были вытѣснены оттуда. Въ Эльзасѣ французы заняли Питонъ, къ югу отъ фермы Гудель, который представлялъ собою сильно укрѣпленный редутъ. При этомъ французы захватили станокъ для метанія бомбъ, пять пулеметовъ, нѣсколько сотъ ружей, щиты, бомбы, матеріаль для изготовленія проволочныхъ загражденій, телефонные аппараты, нѣсколько тысячъ патроновъ и мѣшки съ землею.

6-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой наши войска въ районѣ Августова постепенно выходятъ изъ боя, у Оссовца и на путяхъ къ Ломжѣ бои развиваются. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ Дунайца происходилъ оживленный огонь; попытка австрійцевъ приблизиться къ нашему лѣвобережному укрѣпленію у Отфинова не удалась.

Въ Карпатахъ, въ районѣ Ясіонки и къ сѣверо-востоку отъ Стропко, мы отбили рядъ непріятельскихъ атакъ. Лихимъ штыковымъ ударомъ наши войска овладѣли высотой сѣвернѣ Воля-Михова. На разсвѣтъ 4-го февраля нашъ батальонъ захватилъ въ районѣ Завадка лонетъ, переколовъ защищавшихъ его германцевъ. Двѣ контръ-атаки германцевъ, въ густыхъ строяхъ, были нами успѣшно отражены съ большимъ для непріятели урономъ. Въ районѣ Вышкова продолжались упорные бои. За два дня нами было захвачено свыше 2.000 плѣнныхъ съ шестью пулеметами.

6-го февраля французское правительство извѣстило о томъ, что въ два часа ночи съ 1-го на 2-е февраля германская подводная лодка, какъ предполагаютъ, «U 16», на высотѣ Діеппа выпустила мину въ пароходъ «Dinoga». Однако водонепроницаемая переборка выдержала ударъ, пароходъ не затонулъ и достигъ Діеппа. «Dinoga»—австрійскій пароходъ, захваченный въ началѣ войны, и находится въ пользованіи французовъ.

Въ Бельгіи была отражена атака противника на французскія траншеи къ востоку отъ Ипра. Непритель (при этомъ ввелъ въ первую линію пять ротъ. Близъ Рольсенкура, на сѣверъ отъ Арраса, попытка германцевъ перейти въ наступленіе была остановлена. Реймсъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Шампани, въ районѣ Суэна, Перта и Босежура, непритель въ ночь съ 5-го на 6-е февраля произвелъ пять контръ-атакъ, пытаясь взять обратно траншеи, потерянные въ теченіе предыдущихъ дней. Всѣ эти контръ-атаки были отбиты. Бой продолжался и 5-го февраля, причемъ французы достигли новыхъ успѣховъ. Въ Аргоннахъ нѣмцы съ 5-го на 6-е февраля пытались произвести нѣсколько нападений, но потерпѣли неудачу. Французы разрушили непріятельскій блокгаузъ, расположеніе котораго были ими заняты. На правомъ берегу Мааса у Эпаржа три контръ-атаки германцевъ на траншеи, которыя французы заняли 4-го февраля, были остановлены французской артиллеріей.

Между Люссомъ и Визенбахомъ, въ районѣ Бономъ, непритель, успѣвшій утвердиться у подножія высоты «607», на которую онъ наступалъ въ составѣ

п*

полка, былъ выбитъ 6-го февраля утромъ путемъ контръ-атаки, произведенной полутора ротами. Французскія войска удержались на высотѣ, несмотря на энергичныя усилія германцевъ. Атака непріятели на Паттель къ сѣверу отъ фермы Сюдель отражена.

Вечернее официальное сообщеніе отъ того же 6-го февраля гласило, что съ вечера 5-го февраля не произошло ничего существеннаго. Ночь прошла спокойно. Въ долину Эна и на Реймскомъ участкѣ происходили оживленные артиллерійскіе бои. Въ районѣ Перта всѣ занятыя французами позиціи остаются въ ихъ рукахъ. Между Аргоннами и Маасомъ французы у Понъ-де-Катръ-Анфанъ взяли бомбометатель. Въ Вогезахъ у Визенбаха, въ районѣ Бономъ французы отразили двѣ упорныя атаки. Кромѣ того, французы укрѣпили свои позиціи, методически продвигаясь впередъ къ сѣверу и югу отъ фермы Сюдель.

Австрійскій аэропланъ сбросилъ въ Цетиньѣ четыре бомбы. Убиты двѣ женщины и трое дѣтей.

Австрійцы открыли артиллерійскій огонь по Бѣлграду.

1-го февраля было опубликовано официальное сообщеніе фельдмаршала Френча:

«Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ дней непріятель проявилъ значительную дѣятельность къ югу отъ Ипра. Боевыя дѣйствія въ этой части расположенія войскъ были подчасъ серьезны. Въ одномъ или двухъ мѣстахъ непріятелю удалось занять нѣкоторыя изъ нашихъ траншей, но путемъ контръ-атакъ онъ былъ выбитъ изъ нихъ. На одномъ мѣстѣ германцами оставлено 60 человекъ убитыми. Одна изъ траншей непріятели была взорвана, причемъ было взято нѣкоторое количество плѣнныхъ. Наши войска съ большой храбростью производили контръ-атаки, несмотря на трудности, связанныя съ болотистой почвою въ траншеяхъ и съ дурной погодой. Въ ночь съ 2-го на 3-е февраля была произведена атака на наше расположеніе къ сѣверу отъ Ипрскаго канала; на слѣдующую ночь подобная же атака была произведена близъ Невъ-Шапель. Обѣ атаки были отражены съ потерями для непріятели. Всѣ занятыя нами за послѣдніе дни участки укрѣплены нами и сохраняются нами безъ затрудненій. На югѣ отъ рѣки Лиса наши орудія съ успѣхомъ боролись съ непріятельскою артиллеріей, огонь которой нѣсколько усилился за послѣднее время. Нашъ воздушный флотъ сдѣлалъ нѣсколько важныхъ развѣдокъ и имѣлъ успѣшное столкновеніе съ непріятельскими аэропланами. Одинъ изъ нашихъ летчиковъ на дняхъ напалъ на два германскихъ аэроплана, причемъ одинъ изъ нихъ обратилъ въ бѣгство, а на другого привлекъ вниманіе нашей артиллеріи, которая принудила его спуститься въ предѣлахъ нашего расположенія».

7-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что 6-го февраля на правыхъ берегахъ Бобра и Нарева боевыя дѣйствія велись въ районѣ Осовца и на путяхъ къ Ломжѣ, Остроленкѣ, Праснышу и Плонску, имѣя характеръ встрѣчныхъ боевъ. На лѣвомъ берегу Вислы нами были отбиты слабыя непріятельскія атаки на Нижней Взурѣ у Витковице, къ югу отъ Равы у Мрочковице и на Верхней Нидѣ у Вохинець. На Дунайцѣ близъ Жабно была отражено наступленіе германо-австрійскаго отряда.

Въ Карпатахъ нами были отражены настойчивыя атаки близъ Ясіонки, Строшко и Мезо-Лаборча. Особеннымъ упорствомъ отличались атаки германцевъ на фронтъ между Тухлой и Вышковымъ. Высота сѣверо-западнѣ Сенечува была захвачена непріателемъ, но послѣ успѣшной для насъ штыковой контръ-атаки высота осталась за нами. Въ районѣ Клаусе мы продвинулись съ боемъ впередъ. Подъ Перемышлемъ мы легко отразили двѣ вылазки гарнизона крѣпости, понесшаго большія потери.

7-го февраля французское правительство извѣстило о томъ, что въ Бельгіи непріатель обстрѣлялъ Ньюпортъ, Банъ (Bains) и Бюръ (Buge). Французы успѣшно отвѣчали его батареямъ. Германцы, повидимому, ввели 6-го февраля въ наступленіе противъ французскихъ траншей на востокъ отъ Ипра значительныя силы. Послѣ упорной бомбардировки французскаго расположенія они пытались произвести штыковой ударъ, но были отбиты, причемъ артиллерія французовъ обстрѣляла резервы противника, которые должны были поддержать атаку. Потери германцевъ весьма велики. Отъ Лиса до Уазы и на Энѣ, въ районѣ Берри-о-Бакъ, артиллерія проявила большую дѣятельность. Потери противника въ Шампани за послѣдніе дни были весьма значительны. По показаніямъ плѣнныхъ, одинъ батальонъ, будто бы, совершенно уничтоженъ. На правомъ берегу Мааса непріатель къ концу 6-го февраля произвелъ противъ траншей, которыя французы заняли въ Эпаржѣ, четвертую контръ-атаку, отброшенную такъ же, какъ и три предыдущія, французскою артиллерією. Въ Вогезахъ непріатель продолжаетъ безуспѣшно свои контръ-атаки на высоту «607», къ югу отъ Люсса. Въ Саттелѣ, къ югу отъ Перта, непріателю удалось укрѣпиться у восточнаго подножья Рейхаккеркопфа. Борьба на этомъ пунктѣ, гдѣ французы имѣли передовую постъ, продолжается.

Вечернее французское официальное сообщеніе отъ того же 7-го февраля гласило: въ Бельгіи на всемъ фронтѣ, до Реймса включительно, происходила ружейная и артиллерійская перестрѣлка. Дѣятельность французовъ продолжалась въ Шампани въ хорошихъ условіяхъ. Французы отбросили нѣсколько контръ-атакъ и еще продвинулись къ сѣверу отъ Перта, занявъ лѣсъ, который былъ сильно укрѣпленъ непріателемъ. Въ Аргоннахъ произошло нѣсколько малозначащихъ стычекъ. Въ Эпаржѣ, къ югу отъ Вердена, французы, отбросивъ шестую контръ-атаку непріателя, вновь произвели атаку, которая позволила имъ расширить и укрѣпить достигнутые вчера успѣхи. Французы взяли три пулемета, два станка для метанія бомбъ и 200 человекъ плѣнныхъ, среди которыхъ нѣсколько офицеровъ.

Великобританское адмиралтейство сообщило 7-го февраля слѣдующее: 6-го февраля въ восемь часовъ утра британскій флотъ въ составѣ линейныхъ кораблей, крейсеровъ и истребителей, поддержанный значительной французскою эскадрой, подъ общей командой вице-адмирала Секвиль-Кардена, атаковалъ форты, расположенные при входѣ въ Дарданеллы. Первоначально фортъ Кемкаль, а затѣмъ фортъ, расположенный у мыса Геллесъ, были подвергнуты долгому и сильному обстрѣлу. Два форта были сильно повреждены, въ два другихъ форта было много попаданій, но въ виду того, что они представляли открытыя земляныя укрѣпленія, трудно установить нанесенныя поврежденія.

Форты были настолько повреждены, что они были не в состояніи отвѣчать на огонь. Въ 2 ч. 45 м. пополудни часть кораблей получила приказаніе вступить въ бой съ фортами на болѣе близкомъ разстояніи, пользуясь менѣе сильными орудіями. Тогда батареи съ обѣихъ сторонъ открыли огонь. Въ бою съ непріятелемъ участвовали на близкомъ разстояніи суда: «Vengeance», «Cognwallis», «Triumph», «Suffren», «Gaulois» и «Bouvet», которыхъ поддерживали на болѣе отдаленномъ разстояніи «Inflexible» и «Agamemnon». Форты европейской стороны, повидимому, приведены къ молчанію. Одинъ фортъ на азиатской сторонѣ еще стрѣлялъ въ то время, когда боевыя дѣйствія окончились изъза наступленія темноты. Ни одно изъ союзныхъ судовъ не повреждено. Вой будетъ продолженъ завтра утромъ, послѣ воздушной развѣдки. Для аэроплановъ приспособлено судно «Ark Royal», на которомъ находятся нѣсколько гидроаэроплановъ и аэроплановъ.

8-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что германцы, убѣдившись, рядомъ исключительныхъ по упорству и настойчивости атакъ, стоявшихъ имъ неисчислимыя жертвы, въ невозможности прорвать наше расположеніе на лѣвомъ берегу Вислы, приступили въ теченіе минувшаго января къ осуществленію новаго плана. Закончивъ формированіе внутри государства нѣсколькихъ новыхъ корпусовъ и рѣшившись на дальнѣйшую переброску своихъ войскъ съ ихъ западнаго фронта противъ насъ, они, неизмѣнно пользуясь своей широко развитой сѣтью желѣзныхъ дорогъ, бросили большія силы въ Восточную Пруссію, имѣя задачей разбить нашу десятую армію, которая занимала укрѣпленныя позиціи вдоль Ангерапа и Мазурскихъ озеръ. Для обезпеченія успѣха этого удара германцы перебросили также часть своихъ силъ на правый берегъ рѣки Вислы съ фронта рѣкъ Бзуры и Равки. Усиленіе германцевъ въ Восточной Пруссіи начало обнаруживаться уже съ 22-го января, но размѣръ его могъ быть выясненъ лишь нѣсколькими днями позднѣе. Не имѣя возможности, въ виду недостатка желѣзнодорожныхъ линій, съ необходимой быстротой собрать на фронтѣ Восточной Пруссіи силы, необходимыя для должнаго отпора, соотвѣтствующимъ начальствомъ было принято рѣшеніе отвести упомянутую выше армію изъ Восточной Пруссіи въ направленіи къ пограничной полосѣ и далѣе къ рѣкамъ Нѣману и Бобру. При обозначенномъ движеніи правое крыло десятой арміи, тѣснимое весьма большими силами и угрожаемое обходомъ съ праваго фронта, принуждено было къ весьма снѣжному отходу въ направленіи на Ковну. Своимъ быстрымъ движеніемъ оно обнажило флангъ слѣдующаго корпуса, который этимъ былъ поставленъ въ исключительно тяжелое положеніе, выйти изъ котораго удалось лишь отдѣльнымъ его частямъ. Остальные корпуса десятой арміи, ведя непрерывные упорные бои, медленно отходили по назначеннымъ имъ направленіямъ, доблестно отбиваясь отъ наступавшаго противника, нанося ему жестокія потери и преодолевая тѣ неимоверныя трудности, которыя создалъ глубокій снѣгъ, занесшій всѣ дороги. Вслѣдствіе неблагоприятнаго состоянія дорогъ, автомобили были лишены возможности двигаться, поѣзда опаздывали и частью не доходили по назначенію. Медленно, шагъ за шагомъ отходя, наши корпуса, составлявшіе лѣвый флангъ десятой арміи, въ теченіе девяти дней задерживали противника на разстояніи,

обычно проходимо въ четыре дня. Къ 6-му февраля эти корпуса, отходившіе черезъ Августовъ, вышли изъ бои и заняли указанныя имъ мѣста. Въ настоящее время боевыя дѣйствія на германскомъ фронтѣ продолжаютъ развиваться на подступахъ къ Оссовцу, на путяхъ отъ Ломжи къ Едвабно, къ сѣверу отъ Кадзидло и на полпути между Плоцкомъ и Плонскомъ. Мѣстами бои ведутся со значительнымъ упорствомъ. На правомъ берегу Вислы, на путяхъ отъ Плоцка, среди германскихъ войскъ обнаружены и австрійскія части. За два послѣднихъ дня нами захвачено въ плѣнъ до 1.000 германцевъ.

Въ Галиціи непріятель въ теченіе 6-го и 7-го февраля, послѣ сильнѣйшей артиллерійской подготовки, повелъ наступленіе въ районѣ къ сѣверу отъ Закличина, по послѣ троекратныхъ атакъ былъ отброшенъ. Бои между Мезо-Лаборчемъ и Верхнимъ Саномъ продолжаются, причѣмъ атаки наши и непріятельскія чередуются. Новыя атаки германцевъ на высоту у Козювки и въ районѣ Нижней Рожанки отбиты. Наши войска послѣ ожесточеннаго боя овладѣли высотами юго-восточнѣ Тухлы и сѣверо-западнѣ Сенечува. Въ южной Галиціи непріятель занялъ Станиславовъ.

8-го февраля французское правительство извѣстило о томъ, что въ Бельгіи произошло нѣсколько вооруженныхъ столкновеній, въ которыхъ участвовала пѣхота. Въ ипрскомъ секторѣ французы отобрали траншею, которую непріятель занималъ въ теченіе непродолжительнаго времени. Подтвердилось, что германцы оставили на полѣ сраженія нѣсколько сотъ человекъ убитыми. Потери французовъ были незначительны. Въ Шампани французы удержали за собою отбигую у непріятеля территорию. Въ вечеру 7-го февраля были отбиты двѣ непріятельскія контръ-атаки. Въ Вогезахъ французы отразили три атаки, одна изъ которыхъ была произведена на сѣверномъ берегу рѣки Фехтъ, а двѣ другія на южномъ. Послѣ этого французы произвели контръ-атаку. Сраженіе продолжалось.

На пространствѣ отъ моря до рѣки Эна происходила съ перерывами артиллерійская перестрѣлка, причѣмъ огонь французской артиллеріи былъ весьма удаченъ. Въ Шампани французы блестяще отбили контръ-атаку непріятеля, а затѣмъ преслѣдовали его и заняли всѣ германскія траншеи къ сѣверу и востоку отъ взятаго ими 7-го февраля лѣса. На остальномъ фронтѣ происходилъ также бой, причѣмъ французы отбили двѣ непріятельскія контръ-атаки и еще продвинулись впередъ къ сѣверу отъ Мениля. Здѣсь французскія войска взяли два пулемета и около 100 плѣнныхъ. У Эпаржа непріятель произвелъ седьмую контръ-атаку, чтобы отбить захваченныя нами за послѣдніе два дня позиціи; однако эта контръ-атака потерпѣла, какъ и предшествовавшія, полную неудачу.

9-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что боевыя дѣйствія на правыхъ берегахъ Бобра и Нарева пока все еще сохраняютъ характеръ отдѣльныхъ боевъ. Небольшое столкновеніе было на пути изъ Гродны въ Липскъ, гдѣ наши войска атаквали германцевъ. Въ бояхъ въ районѣ Оссовца крѣпостная артиллерія принимала дѣятельное и успѣшное участіе. На путяхъ отъ Ломжи, послѣ упорнаго боя, наши войска овладѣли Едвабно. Въ праснышскомъ районѣ непріятель наступалъ значительными силами. На путяхъ между Раціонжемъ и Плонскомъ наши войска въ результатѣ боевъ

овладѣли нѣсколькими деревнями. Взято въ плѣнъ около 500 германцевъ. На лѣвомъ берегу Вислы мы отразили атаки непріятеля по сѣверному берегу Пилицы и въ районѣ Лопушно.

Въ западной Галиціи непріятель поддерживалъ сильный артиллерійскій огонь. Выяснилось, что при атакахъ въ районѣ къ сѣверу отъ Закличина австрійцы понесли 5-го февраля очень большія потери. Въ Карпатахъ наши войска, овладѣвъ высокою у Смольника, что восточнѣе Лупкова, отразили повторныя атаки австрійцевъ. Противникъ здѣсь подходилъ къ нашимъ цѣпямъ на 50 шаговъ и каждый разъ вынужденъ былъ отходить съ громадными потерями подъ нашимъ огнемъ. Высоту у Козювки въ ночь на 7-ое февраля германцы вновь безуспѣшно атаковали четыре раза. Въ районѣ Вышкова мы овладѣли высотой, составлявшей существенную часть непріятельской позиціи. Въ Восточной Галиціи, къ юго-западу отъ Станиславова, въ районѣ Красне—Небыловъ Перехинско, мы атаковали австрійцевъ и, послѣ упорнаго боя, доходившаго до штыковъ, отбросили двѣ ихъ бригады, послѣ чего отбили контръ-атаки значительныхъ непріятельскихъ силъ. Нами было захвачено здѣсь въ плѣнъ до 1.500 австрійцевъ при 20 офицерахъ и нѣсколько пулеметовъ.

9-го февраля французское правительство увѣдомило о томъ, что между Аргонской возвышенностью и рѣки Маасомъ, на опушкѣ Шепшійскаго лѣса, французы заняли одну непріятельскую траншею и расширили свои позиціи. У Эпаржа французскія войска въ одномъ мѣстѣ продвинулись впередъ, въ другомъ же слегка отступили. Въ Эльзасѣ на обоихъ берегахъ рѣки Фехтъ продолжались пѣхотные бои, въ которые непріятель ввелъ три полка. Передовые посты французовъ отошли къ своей главной линіи сопротивленія, прочно занятой ими; непріятель велъ атаки въ густыхъ и глубокихъ колоннахъ, вслѣдствіе чего понесъ весьма тяжелыя потери. Германскій цеппелинъ 9-го февраля утромъ бомбардировалъ Кале. Пятью сброшенными имъ бомбами убито пять человѣкъ, принадлежащихъ къ гражданскому населенію; причиненныя цеппелиномъ поврежденія незначительны.

Французскія батареи уничтожили тяжелое германское орудіе, находившееся близъ Ломбартзиде. Между рѣками Лисомъ и Эномъ удачнымъ огнемъ французской артиллеріи были разсѣяны скопленія непріятельскихъ обозовъ. Въ ночь съ 8-го на 9-ое февраля и днемъ 9-го февраля германцы ожесточенно бомбардировали Реймсъ; число жертвъ довольно значительно; этимъ способомъ пріятель отплатилъ за свои неудачи послѣднихъ дней. На фронтѣ Суэнъ—Босежуръ французы подвинулись еще впередъ, заняли линію непріятельскихъ траншей и два лѣсныхъ участка, отбивъ при этомъ двѣ особенно ожесточенныя контръ-атаки; французскія войска взяли большое число плѣнныхъ и нанесли непріятелю большой уронъ. На Аргонской возвышенности французскія артиллерія и пѣхота имѣли перевѣсъ, въ особенности близъ Фонтень-о-Шармъ, Мари-Терезъ и Болантскаго лѣса. Между Аргоннами и рѣкой Маасомъ позиціи, занятія французами въ результатъ ихъ передвиженія за послѣдніе два дня въ Шепшійскомъ лѣсу, были расширены и закрѣплены за ними. У Эпаржа французы новыми атаками продолжали продвигаться впередъ; къ 9-му февраля французы занимали почти всѣ непріятельскія позиціи у Комбра, къ юго-востоку

отъ Эпаржа, каковая мѣстность находится такимъ образомъ въ сферѣ ихъ огня. У Бушотскаго лѣса, къ югу отъ Эпаржа, французы отбили германскую атаку. Французскія войска заняли траншею на выгорѣвшемъ участкѣ Апремонскаго лѣса. Въ Эльзасѣ французы заняли большую часть селенія Штосвейеръ; вчера французы занимали лишь его окраины.

10-го февраля французское правительство увѣдомило о томъ, что къ западу отъ Ломбартиде непріятель подготовлялъ двѣ пѣхотныя атаки, но, благодаря

Генераль-лейтенантъ Ханъ-Нахичеванскій.

Герой войны.

мѣткости французской артиллеріи, оба раза непріятельскія войска не могли продвинуться впередъ. Бомбардировка Реймса отличалась крайней ожесточенностью и продолжалась въ первый разъ шесть часовъ, а второй разъ пять часовъ. Непріятель обстрѣливалъ всѣ участки города, выпустивъ 1.500 снарядовъ. Уцѣлѣвшія до сего времени части собора значительно пострадали. Между прочимъ, разрушенъ былъ внутренній сводъ собора. Въ 20 домахъ вспыхнули пожары. Въ городѣ было убито 20 мирныхъ жителей. Къ востоку отъ Аргоннъ между Маланкуромъ и Маасомъ французская артиллерія заставила замолчать германскую батарею и взорвала зарядные ящики.

Къ 8-го февраля происходили боевыя столкновенія въ Зачорохскомъ краѣ. причѣмъ турки были отгѣснены за рѣку Ичхалсу.

Съ западно-европейскаго фронта 10-го февраля были получены извѣстія о томъ, что бомбардировка германцами Реймса отличалась крайней ожесточенностью и продолжалась первый разъ шесть часовъ, а второй разъ—пять часовъ. Непрiятель обстрѣливалъ всѣ участки города, выпустивъ 1.500 снарядовъ. Уцѣлѣвшія до сего времени части собора значительно пострадали. Между прочимъ разрушенъ внутренній сводъ собора. Въ двадцати домахъ вспыхнули пожары. Въ городѣ убито двадцать мирныхъ жителей. Къ востоку отъ Аргоннъ, между Маланкуромъ и Маасомъ французская артиллерія заставила замолчать германскую батарею и взорвала зарядные ящики.

10-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ:

«Въ сообщеніи отъ 8-го февраля упоминалось объ исключительно тяжеломъ положеніи частей одного изъ нашихъ корпусовъ при отступленіи изъ Восточной Пруссiи. Это были части 20-го корпуса генераль-лейтенанта Булгакова, въ составѣ 29-й дивизіи и трехъ второчередныхъ полковъ. Вечеромъ 31-го января связь 10-й арміи съ корпусомъ была прервана. Корпусъ находился въ то время въ районѣ между Гольдапомъ и Сувалками, окруженный германской арміей, силы коей постепенно нарастали. До 9-го февраля корпусъ геройски дрался съ много разъ его превосходившими силами противника, пройдя за эти дни съ боями свыше пятидесяти верстъ и продолжая пробиваться къ юго-восточной части Августовскихъ лѣсовъ.

«По показаніямъ плѣнныхъ, онъ нанесъ сильныя потери германскимъ отрядамъ, пытавшимся преградить ему дорогу, въ особенности въ озерно-лѣсистыхъ дефиле, у Гибы. Отдѣльные пробившіеся изъ состава корпуса люди нынѣ сообщили, что корпусъ дрался до послѣдняго патрона и полнаго истощенія силъ, доблестно отбиваясь на четыре фронта, сохраняя свою артиллерію и ведя съ собой большое количество плѣнныхъ германцевъ.

«8-го февраля упорные бои на правыхъ берегахъ Бобра и Нарева продолжались. Подъ Осовцомъ наступавшія германскія части были отброшены огнемъ крѣпости. Къ сѣверу отъ Ломжи бой идетъ на путяхъ къ Радзивилову, Щучину и Кольно. Несмотря на атаки значительныхъ силъ непрiятеля, мы сохранили Едвабно. Особенно напряженно, но безуспѣшно, германцы атаковали въ ночь на 9-ое февраля, при поддержкѣ бронированныхъ автомобилей, вдоль щучинскаго и кольненскаго шоссе.

«Наступленіе германцевъ въ праснышскомъ районѣ продолжается. Три атаки на городъ Праснышь отбиты, при большомъ содѣйствіи нашихъ бронированныхъ автомобилей, разстрѣливавшихся нѣмцевъ съ семидесяти пяти шаговъ.

«На путяхъ къ Плонску нѣкоторыя селенія переходятъ изъ рукъ въ руки.

«На лѣвомъ берегу Вислы, къ югу отъ фольварка Могелы, мы взорвали подъ германскимъ окопомъ три мины. Отъ детонаціи послѣдовали взрывы фугасовъ у германцевъ, образовавшіяся воронки заняты нами, причѣмъ въ остаткахъ

германских траншей захвачено три пулемета, минометы и бомбы къ нимъ, а также плѣнные. Потери германцевъ при взрывахъ около 500 человекъ.

«Въ Карпатахъ австрійцы обстрѣливали монастырь южнѣ Мезо-Лаборча двѣнадцатидюймовыми гаубицами. Настойчивыя атаки ихъ въ районѣ Микувъ—Смольникъ—Тискова отбиты съ громадными для нихъ потерями. Въ районѣ Козювки австрійцы смѣнили германцевъ. Къ югу отъ Долины и у Станиславова упорные бои съ большими непріятельскими силами».

«День 10-го февраля всюду въ сравнительномъ затишьѣ, за исключеніемъ Шампани, гдѣ бой продолжался въ благопріятныхъ для французовъ условіяхъ. Въ районѣ Босежура французскія войска заняли новыя траншеи и удержали за собою позиціи, отнятыя у непріятеля въ предшествующіе дни. Къ сѣверо-западу отъ Вердена, у Дрильянкуръ, въ районѣ Форжскаго лѣса, наши батареи взорвали непріятельскій складъ боевыхъ припасовъ. Во время своей атаки 8-го февраля въ Бушитскомъ лѣсу германцы были рѣшительно отбиты и понесли тяжелыя потери. Въ Эльзасѣ германцы повели было атаку со стороны занятой еще ими части селенія Штосвейеръ, но были немедленно остановлены французскимъ огнемъ».

Французское морское министерство 10-го февраля сообщило, что въ семь часовъ тридцать минутъ утра судно, принадлежащее флотилии второй французской эскадры, обнаружило и обстрѣляло германскую подводную лодку, шедшую надъ водой въ восьми миляхъ къ юго-западу отъ мыса Альпрекъ, близъ Булони. Прежде, чѣмъ подводная лодка успѣла погрузиться въ воду, въ нее попало нѣсколько снарядовъ. На мѣстѣ ея исчезновенія были замѣчены масляныя пятна.

Того же 10-го февраля англійское адмиралтейство увѣдомило о томъ, что пароходъ, совершающій почтовые рейсы между Фолькстономъ и Булонью, былъ атакованъ 9-го февраля вечеромъ германской подводной лодкой вскорѣ послѣ отхода изъ Булони. Мина прошла въ тридцати ярдахъ впереди судна. Пассажиры, численностью въ 92 человекъ, были всѣ невоенные; въ числѣ ихъ было нѣсколько подданныхъ нейтральныхъ государствъ.

На турецкомъ театрѣ войны, по свѣдѣніямъ того же адмиралтейства, вслѣдствіе неблагоприятной погоды, отсутствія достаточнаго свѣта и сильнаго юго-западнаго вѣтра, военныя дѣйствія въ Дарданеллахъ было временно пріостановлены. Бомбардировкой 6-го февраля серьезно повреждены внѣшніе форты».

Официальная телеграмма изъ Сингапура 10-го февраля сообщила: «Побуждаемая чувствомъ зависти, вызваннымъ недавними повышеніями, часть стоящаго въ этомъ городѣ индійскаго пѣхотнаго полка отказалась повиноваться начальству и произвела серьезный бунтъ. Беспорядки эти были подавлены мѣстными силами и отрядомъ сикховъ, а также благодаря содѣйствію морскихъ отрядовъ, высаженныхъ съ англійскихъ и союзныхъ судовъ. Убиты 6 англійскихъ офицеровъ и 16 унтеръ-офицеровъ; 9 унтеръ-офицеровъ и солдатъ ранено. Кромѣ того, убиты 14 англичанъ невоеннаго званія, въ томъ числѣ одна женщина. Часть взбунтовавшихся была убита, многіе же сдались. Въ настоящую минуту порядокъ восстановленъ. Частной собственности никакого вреда причинено не было».

11-го февраля главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

«Въ официальныхъ сообщеніяхъ, исходящихъ изъ Берлина, неудача, которую потерпѣла наша 10-ая армія при своемъ отходѣ къ Нѣману и Бобру, излагается въ совершенно извращенномъ и преувеличенномъ видѣ. Совершенно ложно германское утвержденіе объ истребленіи всей нашей 10-й арміи. Въ дѣйствительности части одного изъ нашихъ корпусовъ (20-го) были поставлены въ исключительное тяжелое положеніе, о чемъ уже сообщалось, и другой корпусъ съ большими потерями отошелъ съ верховскихъ позицій. Что же касается до другихъ корпусовъ арміи, то они, отбивъ попытки противника ихъ охватить, нынѣ занимаютъ указанные имъ районы, и уже въ теченіе нѣсколькихъ дней ведутъ бои съ непріателемъ на общемъ фронтѣ нашихъ армій, успѣшно выполняя поставленные имъ задачи.

«Изъ состава войскъ 20-го корпуса въ послѣдніе дни вновь вышли изъ Августовскихъ лѣсовъ и присоединились къ намъ два полка 29-й дивизіи».

Штабъ верховнаго главнокомандующаго 11-го февраля сообщилъ слѣдующее:

Къ сѣверу отъ Гродны, у Ястржембы и Штабина, 10-го февраля происходили боевыя столкновенія. Въ Августовскихъ лѣсахъ два полка 29-ой дивизіи пробились сквозь непріятельское расположеніе и присоединились къ нашимъ войскамъ. Непріятельскіе разъѣзды стремятся переправиться на правый берегъ Нѣмана.

Сраженіе на правомъ берегу Нарева принимаетъ значительные размѣры. Германцы ведутъ многочисленныя атаки на весь фронтъ отъ рѣки Бобра, въ районѣ Едвабно, до рѣки Вислы, въ районѣ Бодзаново. На праснышскомъ направленіи бои достигаютъ большого напряженія.

На лѣвомъ берегу Вислы нами отбиты слабыя непріятельскія атаки у селенія Богуславы, что къ западу отъ Опочны и Лопушно.

Въ Карпатахъ идетъ упорный бой къ востоку отъ Лупкова. На мункачскомъ направленіи наши войска одержали рядъ успѣховъ. У Завадки на разсвѣтѣ 9-го февраля наши войска овладѣли тремя рядами окоповъ на высотѣ 901, имѣющей почти отвѣсныя склоны; германцы, защищавшіе гору, частью уничтожены, частью взяты въ плѣнъ.

Атаки германцевъ въ районѣ къ югу отъ Козювки отражены, южнѣ Тухлы, послѣ ожесточеннаго боя наши войска овладѣли высотами праваго берега Рожанки.

На путяхъ къ Долинѣ и Галичу нашими вчерашними дѣйствіями было приостановлено наступленіе значительныхъ непріятельскихъ силъ.

11-го февраля съ балканскаго театра войны пришли слѣдующія вѣсти: «Официальное австрійское сообщеніе отъ 6-го февраля о бомбардировкѣ Бѣлграда во всемъ противорѣчитъ дѣйствительности. Сообщеніе это представляетъ бомбардировку Бѣлграда въ видѣ репрессалій за мнимый обстрѣлъ сербами не защищенныхъ австрійскихъ городовъ. Оправданіе это является тѣмъ болѣе ложнымъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, бомбардировка Бѣлграда производилась еще въ то время, когда о репрессаліяхъ не могло быть рѣчи. Всѣмъ извѣстны подробности бомбардировки столицы Сербіи по официальнымъ сербскимъ сообщеніямъ, по подробностямъ, сообщеннымъ иностранными корреспондентами,

а также по фотографіямъ, воспроизведеннымъ въ иллюстрированныхъ журналахъ. Нынѣ, говоря объ обстрѣлѣ Бѣлграда, какъ о репрессаліяхъ за бомбардировку не защищенныхъ городовъ, австрійцы косвенно признаютъ, что теперь Бѣлградъ такой же не защищенный городъ, какимъ онъ былъ и раньше. Невѣрно и то, будто сербы бомбардировали не защищенные австрійскіе города. Они обстрѣливали лишь пункты, имѣющіе военное значеніе, какъ, на примѣръ, фабрику взрывчатыхъ веществъ, военный вокзалъ и т. д. Австрійцы же ежедневно подвергаютъ артиллерійскому обстрѣлу бѣлградскій вокзалъ, а поэтому не имѣютъ основанія протестовать противъ обстрѣла вокзала Митровицкой желѣзной дороги. Что же касается Землина, то сербы не бомбардировали этого города, но направляли свой огонь противъ монитора, который укрывался за городомъ съ цѣлью обстрѣла Бѣлграда. Поэтому не вина сербовъ, если направлявшіеся въ мониторъ снаряды попали въ городъ. Бомбардировка же Бѣлграда не вызывалась стратегическими соображеніями и является нарушеніемъ международнаго права, въ виду невоеннаго населенія этой столицы. Американскій санитарный отрядъ и англійскіе журналисты имѣли возможность воочию убѣдиться, что сербскія сообщенія безпристрастно рисуютъ совершенные австрійцами акты варварства».

По сообщенію британскаго адмиралтейства, въ морѣ погибло вооруженное торговое судно «Clamenaughten». Взорваны минами и потоплены у мыса Вичи-Хэдъ пароходы «Rio Patana» и «Harpalion». Пароходъ «Deptford» затонулъ въ Сѣверномъ морѣ на высотѣ Скарборо.

11-го февраля французское правительство официально сообщило слѣдующее: «Отъ Лиса до рѣки Эна происходятъ артиллерійскіе бои, достигающіе по временамъ значительнаго напряженія, но оканчивающіеся все благопріятно для насъ. Въ Шампани, къ сѣверу отъ Мениля, мы произвели нѣсколько контръатакъ. Наша артиллерія на правомъ берегу Мааса привела къ молчанію нѣсколько германскихъ батарей. Дополнительные сообщенія указываютъ на особое значеніе успѣха, достигнутаго нами въ Эпаржѣ, а также на крупныя потери непріятели. На очень небольшой части непріятельскихъ окоповъ, занятыхъ нами, мы насчитали болѣе 600 убитыхъ германцевъ. По словамъ плѣнныхъ, взятыхъ по окончаніи боя, два германскихъ полка, выбитые изъ ихъ позицій нашей атакой, потеряли болѣе 3,000 человекъ, т.-е. болѣе половины своего состава. Мы продвинулись въ Буа-Брюль и Апремонскомъ лѣсу».

12-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на участкѣ Нѣмана отъ Ковны до Олиты наши передовыя части на лѣвомъ берегу выдвинулись на значительное удаленіе отъ рѣки. Въ районѣ Свѣнтоянскъ—Гожа лѣвый берегъ занятъ германцами, переправившимися у Свѣнтоянска небольшой пѣхотный отрядъ на правый берегъ рѣки. Въ этомъ районѣ шелъ бой. На лѣвомъ берегу Нѣмана къ сѣверу отъ Гродны и на Верхнемъ Бобрѣ въ районѣ Штабина боевыя дѣйствія продолжались. У Осовца крѣпостная артиллерія успѣшно дѣйствовала по германскимъ батареямъ. На правомъ берегу Нарева боевыя дѣйствія велись на всемъ фронтѣ, причемъ главныя усилія непріятели сосредоточились на новгородскомъ и праснышскомъ направленіяхъ. Наши войска, отбивъ на многихъ участкахъ атаки герман-

цевъ съ огромнымъ для нихъ урономъ, сами успѣшно атаквали германцевъ на переправахъ черезъ рѣку Оржиць. Съ особеннымъ ожесточеніемъ германцы обороняли господскій дворъ дер. Красносельць, взятый нами штурмомъ въ шесть часовъ вечера 11-го февраля. До 150 нѣмцевъ, уцѣлѣвшихъ изъ состава гарнизона этого опорнаго пункта, сдались въ плѣнъ. На лѣвомъ берегу Вислы 11-го февраля германцы перешли въ наступленіе въ районѣ фольварка Могелы. Отбивъ огнемъ наступающія части, наша пѣхота стремительно бросилась впередъ и на плечахъ отступавшихъ германцевъ ворвалась на ихъ позицію и послѣ штыкового боя захватила непріятельскіе окопы первой и второй линій. Нами при этомъ взято въ плѣнъ 7 офицеровъ, 1 врачъ, до 400 нижнихъ чиновъ и захвачены пулеметы.

Три непріятельскихъ батальона, двинувшіеся на выручку отъ Болимова, были разбѣяны огнемъ нашей артиллеріи.

Въ Карпатахъ продолжались бои. Въ Восточной Галиціи упорные бои происходили на рѣкѣ Чечвѣ, гдѣ мы ночной атаккой выбили австрійцевъ изъ селенія Лухи, и на рѣкахъ Золотой Быстриць и Воронѣ. Встрѣченные нашимъ огнемъ у селеній Волчинець и Подлуже, австрійцы въ беспорядкѣ отошли, заваливъ своими тѣлами переправы у этихъ селеній. У селенія Подпѣчары австрійцы были также отброшены нашей контръ-атакой послѣ штыкового боя.

На кавказскомъ фронтѣ за 9-ое февраля на нѣкоторыхъ направленіяхъ происходили небольшія столкновенія съ турками. Въ Зачорохскомъ краѣ при попыткѣ продвинуться впередъ турки были отброшены съ большими потерями.

12-го февраля англійское адмиралтейство сообщило, что «бомбардировка Дарданеллъ, приостановленная вслѣдствіе неблагоприятныхъ условій погоды, возобновилась въ четвергъ, въ восемь часовъ утра. Послѣ обстрѣла съ большого разстоянія эскадра броненосцевъ обстрѣливала укрѣпленія съ близкаго разстоянія. Всѣ форты у входа въ проливъ приведены къ молчанію. Военныя дѣйствія продолжаются».

Согласно сообщенію адмиралтейства, за время съ 5-го февраля германскими подводными лодками потоплено 7 англійскихъ судовъ изъ общаго числа 708 пароходовъ всѣхъ національностей, водоизмѣщеніемъ болѣе 300 тоннъ, пришедшихъ въ англійскіе порты, и 673 парохода, вышедшихъ изъ тѣхъ же портовъ за недѣлю, съ 4-го по 11-ое февраля. Общее число прибывшихъ судовъ за восемь недѣль по 24-ое февраля нов. ст. составило 5.772 и отбывшихъ судовъ— 5.507.

Сообщеніе французскаго правительства отъ 12-го февраля гласило слѣдующее:

«Вблизи Ломбартзиде огнемъ нашей артиллеріи разрушенъ одинъ блокгаузъ и нѣсколько непріятельскихъ люнетовъ. Въ Шампани мы удержали за собою всѣ занятыя нами вчера позиціи, отбивъ всѣ контръ-атаки непріятеля. Наши легчики сбросили 60 бомбъ на желѣзнодорожную станцію, поѣзда и мѣста скопленія войскъ, бомбардировка эта была весьма удачна. На Аргонской возвышенности, у Мари-Терезъ, мы рѣшительно остановили попытку германцевъ атаквать насъ. Между Аргоннами и рѣкой Маасомъ, у Шеппійскаго

лѣса, мы вновь продвинулись впередъ, причѣмъ наша тяжелая артиллерія уничтожила блиндированныя прикрытія непріятеля. Непріятелю нѣ удалось отбить у насъ взятые нами траншеи. Въ Лотарингіи, близъ Парруа, произошла стычка сторожевыхъ отрядовъ, причѣмъ германцы были обращены въ бѣгство».

«Въ районѣ Ломбартзиде наша артиллерія сильно повредила и заставила замолчать непріятельскую батарею.

«День 12-го февраля прошелъ относительно спокойно на фронтѣ отъ Лиса до Шампани. Въ районѣ Суэна и Босежура операціи продолжались при благопріятныхъ для насъ условіяхъ. Къ сѣверу отъ Мениля мы овладѣли германской укрѣпленной позиціей, разсѣяли нашимъ огнемъ колонну, шедшую къ юго-востоку отъ Тагюра, и заставили замолчать непріятельскія батареи, взорвавъ при этомъ нѣсколько зарядныхъ ящиковъ. Въ Аргоннахъ, у ручья Мерисонъ, близъ Фуръ-де-Пари, мы разрушили непріятельскій блокгаузъ. Близъ форга Мари-Терезъ атака германцевъ была остановлена нашимъ артиллерійскимъ огнемъ».

13-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что непріятельская пѣхота, переправившаяся черезъ Нѣманъ у Свѣнтоянска, отбита на лѣвый берегъ. На лѣвомъ берегу, къ сѣверу отъ укрѣпленій Гродны, бой продолжается на значительномъ фронтѣ, причѣмъ нѣкоторыя селенія переходятъ изъ рукъ въ руки. Германская осадная артиллерія начала бомбардировку крѣпости Оссовца тяжелыми калибрами въ 4 часа дня 12-го февраля. Крайне стремительная атака германцевъ на участокъ между Бобромъ и Едвабно отбита съ огромными для нихъ потерями. Въ праснышскомъ районѣ наши войска достигли существенныхъ успѣховъ, вынудивъ германцевъ къ отступленію на фронтѣ около сорока верстъ. Непріятельскія контръ-атаки послѣ упорныхъ штыковыхъ схватокъ отбиты. Наши войска продолжаютъ успѣшно штурмовать селенія, въ которыхъ удерживается непріятель. Нами захвачено свыше 1.000 плѣнныхъ и много пулеметовъ. На лѣвомъ берегу Вислы мы отбили германскую атаку въ районѣ Боржимова и удержались въ захваченномъ нами 11-го февраля фольваркѣ Могелы. Подтверждается, что непріятель въ этомъ районѣ понесъ чувствительныя потери, нами захвачено четыре миномета. Въ Западной Галиціи въ районѣ Закличина мы отразили настойчивыя повторныя атаки австрійцевъ, поддержанныя сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ. Потери непріятеля весьма значительны. Бои въ Карпатахъ не внесли существенныхъ перемѣнъ. Въ Восточной Галиціи въ районѣ Рознатова мы отбили четыре атаки австрійцевъ, причѣмъ взяли свыше 400 плѣнныхъ. Передовыя части непріятеля отброшены изъ Холина, Калуща и Рыбно».

По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ, наши успѣхи въ праснышскомъ районѣ въ теченіе 11-го, 12-го и ночи на 13-ое февраля приобрѣли значительные размѣры. Войска, доблестно преодолевая огнемъ и штыками сопротивление германцевъ, энергично продвигаются впередъ. Противникъ отступаетъ на всемъ этомъ фронтѣ, оставляя намъ плѣнныхъ, орудія, пулеметы, обозъ. Успѣху нашихъ войскъ самоотверженно содѣйствуютъ бронированные автомобили, разстрѣливающіе пѣмцевъ съ разстояній, доходящихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ до нѣсколькихъ десятковъ шаговъ. Потери непріятеля очень ве-

лики. До настоящаго времени выяснено, что въ теченіе 11-го и 12-го февраля нами взято въ плѣнь 30 офицеровъ, 2.600 нижнихъ чиновъ, 7 орудій, 11 пулеметовъ и большое количество обоза.

На кавказскомъ фронтѣ къ 13-му февраля положеніе дѣлъ было таково:

За 10-го февраля попытки турокъ овладѣть высотами лѣваго берега Ичхалсу отражены съ большими для нихъ потерями. Въ Зачорохскомъ краѣ 11-го февраля наши войска съ большимъ успѣхомъ продвинулись впередъ. На прочихъ направленіяхъ въ теченіе дня происходили незначительныя перестрѣлки.

13-го февраля изъ Парижа было официально сообщено, что французскій эскадренный миноносецъ «Dague», конвоируя отрядъ транспортовъ, съ провіантомъ для Черногоріи, 11-го февраля, въ 9 ч. 30 м. вечера наскочилъ на австрійскую мину въ фортѣ Антивари и пошелъ ко дну. Экипажъ, въ числѣ 38 человекъ, погибъ. Операция подвоза провіанта, тѣмъ не менѣе, продолжалась, и возвращеніе конвоировавшихъ судовъ произошло нормальнымъ образомъ. 10-го февраля съ французскаго крейсера «Desaix» близъ Акабы былъ произведенъ десантъ, который, при поддержкѣ артиллеріи крейсера, расчлѣнилъ небольшое скопленіе турецкихъ войскъ, занимавшихъ селеніе.

На всемъ фронтѣ происходила артиллерійская перестрѣлка. Въ Шампани французы продолжали продвигаться впередъ. Въ сѣверу отъ Мениля имъ удалось путемъ устройства двухъ послѣдовательныхъ линій траншей продвинуться до хребта возвышенности, занятой Германцами. Далѣе на западъ французы расширили занятые ими участки захватомъ важной части непріятельскаго расположенія.

Бомбардировка дарданельскихъ фортовъ возобновилась съ дальняго разстоянія 12-го февраля, въ 8 час. утра. Затѣмъ послѣдовала бомбардировка съ средняго разстоянія. Четыре форта были совершенно разрушены. Одинъ изъ нихъ оказался приведеннымъ въ боевое состояніе исключительно германцами. Вылавливаніе минъ изъ пролива производится подъ защитою броненосцевъ и крейсеровъ союзнаго флота.

Бельгійская армія взяла обратно небольшую часть траншей, которую она не надолго потеряла. Англичане отразили атаку германцевъ въ Бельгійи, а въ другомъ мѣстѣ заняли сто метровъ по дорогѣ въ Лабассэ. Германская артиллерія проявила довольно большую дѣятельность въ долину Эна. Французскія батареи въ теченіе дня привели ее къ молчанію. Въ Шампани французы продолжали продвигаться впередъ и заняли часть лѣса къ сѣверо-западу отъ Перта и къ сѣверу отъ Мениль-ле-Юрлю. Боевыя дѣйствія продолжаются въ долину Мааса. Въ Жюмель-Дорнъ французы уничтожили прикрытіе для пулеметовъ и разрушили непріятельскія траншеи. Французскія войска достигли новыхъ успѣховъ въ рошѣ Брюль и въ Апремонскомъ лѣсу. Они выбили нѣмцевъ изъ нѣсколькихъ ходовъ сообщенія между ихъ траншеями. Германцы потерпѣли серьезныя потери, оставивъ французамъ много щитовъ и инструментовъ.

14-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ теченіе 13-го февраля германцы на большей части общаго фронта, повидимому, перешли къ оборонѣ. На лѣвомъ берегу Нѣмана столкновенія происхо-

шли на путяхъ къ Симо и Серее, вызванныя продвиженіемъ нашихъ передовыхъ частей. Къ сѣверу отъ Гродны боевыя дѣйствія ограничились преимущественно сильнымъ огнемъ. У деревни Чарнева батальонъ германцевъ съ саперами двинулся по гати черезъ долину Бобра. Выждавъ, пока часть колонны противника переправилась на нашъ берегъ, наша артиллерія уничтожила неприятельскую колонну своимъ огнемъ, а оставшіеся въ живыхъ иѣмцы въ числѣ пяти офицеровъ и нѣсколькихъ десятковъ нижнихъ чиновъ сдались въ плѣнъ.

Вице-адмиралъ Фредерикъ Стерди.

командовавшій англійскимъ флотомъ въ бою у Фалклендскихъ острововъ.

Артиллерія Осовца вела успѣшный бой съ осадными батареями, включающими 11 и 12-дюймовыя гаубицы. Въ праснышскомъ районѣ мы продолжали энергично наступать. Городъ Праснынь, перешедшій временно въ руки германцевъ, взятъ былъ нами обратно. Отходъ германцевъ распространялся на болѣе широкій фронтъ и мѣстами принималъ безпорядочный характеръ. Число плѣнныхъ, уже точно зарегистрированное, 40 офицеровъ и 3.600 нижнихъ чиновъ. Плѣнные продолжали прибывать въ значительномъ числѣ. Въ атакахъ отступающихъ германцевъ принимала участіе также наша конница. На лѣвомъ берегу Вислы

«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

111

на Дунайцѣ и въ Карпатахъ положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. Въ Восточной Галиціи въ районѣ Рознатовъ мы отбили упорныя атаки австрійцевъ. Всего въ этомъ районѣ взято въ плѣнъ за нѣсколько послѣднихъ дней 19 офицеровъ, 1.593 нижнихъ чина и захвачено пять пулеметовъ.

На западно-европейскомъ театрѣ войны положеніе дѣлъ, согласно официальному сообщенію отъ 14-го февраля, обстоитъ въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Аргоннахъ французская артиллерія взорвала складъ снарядовъ близъ Сентъ-Юбера. Въ Маланкурскомъ лѣсу, между Аргонами и Маасомъ, непріятель залилъ одну изъ французскихъ выдвинутыхъ траншей горящею жидкостью, вслѣдствіе чего французы принуждены были ее оставить. Находившіеся въ траншеѣ были сильно обожжены. Предпринятой контръ-атакой германцы были немедленно остановлены, причемъ имъ были нанесены потери и захвачены плѣнные. Въ районѣ Вердена и на правомъ берегу Мааса тяжелая артиллерія французовъ обстрѣляла германскую артиллерію, разрушила орудія и взорвала около двадцати зарядныхъ ящиковъ и складовъ снарядовъ, и также уничтожила отрядъ войскъ и совершенно разрушила лагерь непріятеля. Въ Брюльсской роцѣ борьба продолжалась съ успѣхомъ для французовъ. Отрядъ германскихъ авіаторовъ бросилъ нѣсколько бомбъ на бельгійскомъ побережьи за Ньупоромъ, которыми убиты женщина и старикъ. Въ Веврѣ германскій авіаторъ, намѣревавшійся перелетѣть черезъ французскія линіи, былъ отраженъ французскимъ огнемъ. Французскому авіатору удалось бросить три бомбы въ казармы близъ эспланады.

15-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На лѣвомъ берегу Нѣмана, сѣвернѣе Гродны, бои развиваются съ большимъ упорствомъ на значительномъ разстояніи впереди укрѣпленій. Атаки, ведущіяся съ обѣихъ сторонъ, поддерживаются сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ; высоты и селенія переходятъ изъ рукъ въ руки. При успѣшномъ штурмѣ высоты 100,3 мы захватили у нѣмцевъ шесть орудій и нѣсколько сотъ плѣнныхъ; эта высота и высоты въ направленіи къ селенію Келбаски къ вечеру 14-го февраля оставались за нами. Артиллерійскій бой подъ Оссовомъ продолжается.

Въ ночь на 14-го февраля непріятель, получивъ подкрѣпленіе, вновь ворвался въ Праснышъ; весь день за Праснышъ шелъ упорный бой, къ вечеру 14-го февраля гор. Праснышъ вновь занятъ нами. Защищавшій городъ непріятель въ большомъ, но еще не выясненномъ числѣ положилъ оружіе. На другихъ участкахъ праснышскаго сраженія мы достигли также значительныхъ успѣховъ. Во многихъ мѣстахъ непріятель бросилъ свои обозы и раненыхъ. Наши войска доблестно добиваются развитія достигнутыхъ успѣховъ, не считаясь ни съ упорнымъ сопротивленіемъ врага, ни съ усталостью. Общее число плѣнныхъ, зарегистрированныхъ и уже отправленныхъ въ тылъ до вечера 14-го февраля: 58 офицеровъ и 5.400 нижнихъ чинавъ. На лѣвомъ берегу Вислы, на Дунайцѣ и въ Карпатахъ безъ существенныхъ переменъ. Въ Восточной Галиціи наши войска, двинувшись изъ долины Чечвы на фронтъ Ясиновець—Рознатовъ, нанесли австрійцамъ тяжелое пораженіе. Наступленіе велось густымъ лѣснымъ массивомъ, почему наши полки должны были пробивать себѣ дорогу штыками

и прикладами безъ содѣйствія артиллеріи. Въ этомъ дѣльномъ бою мы захватили 4.000 пѣшныхъ и 9 пулеметовъ.

На кавказскомъ фронтѣ положеніе дѣлъ было таково:

За 13-го февраля въ Захорохскомъ краѣ наши войска съ успѣхомъ продвигаются впередъ, сбивая турокъ съ занимаемыхъ ими позицій. Въ Алашкертской долигѣ на перевалахъ къ югу отъ Алашкерта нашими войсками въ бою было захвачено два турецкихъ орудія.

15-го февраля французское правительство опубликовало слѣдующее сообщеніе:

«На дюнахъ, въ районѣ Ломбартзиде, французскій патруль овладѣлъ непріятельской траншеей, убивъ защищавшихъ ее германцевъ и захвативъ пулеметы. Въ Шампани успѣхи, достигнутые нами въ пятницу вечеромъ, къ сѣверу отъ Мениль-де-Юрлю, имѣли послѣдствіемъ овладѣніе германскими траншеями на протяженіи 500 метровъ, въ которыхъ мы захватили около 100 пѣшныхъ, два пулемета и скорострѣльное орудіе. Эта операція была завершена блестящей штыковой атакой. Въ ночь съ 13-го на 14-ое февраля германцы произвели энергичную контръ-атаку, но были отбиты. Въ субботу къ западу отъ Перта и къ сѣверу отъ Босежура наши войска снова продвинулись впередъ. Въ Лотарингіи, въ районѣ Ланувейля (Lanouvelle), у Паруаскаго лѣса, мы отбили атаку германцевъ.

«Вблизи Диксмоде бельгійская артиллерія разрушила двѣ непріятельскія траншеи. Бельгійская пѣхота заняла ферму на правомъ берегу Изера. Бельгійскій авіаторъ сбросилъ бомбы надъ приморскимъ вокзаломъ въ Остенде. Германцы снова бомбардировали Реймсъ и выпустили 60 снарядовъ, часть которыхъ попала въ соборъ.

«Въ Шампани мы къ концу вчерашняго дня достигли значительнаго успѣха. Мы овладѣли двумя германскими укрѣпленіями, однимъ къ сѣверу отъ Перта и другимъ къ сѣверу отъ Босежура, причемъ мы продвинулись впередъ между этими двумя пунктами и на сѣверо-западѣ отъ Перта захватили 200 пѣшныхъ. Общее число германскихъ солдатъ, сдавшихся въ пѣни въ теченіе послѣднихъ десяти дней, превышаетъ тысячу. На правомъ берегу р. Мааса происходятъ довольно оживленные артиллерійскіе бои. Въ Веврѣ день прошелъ спокойно. Въ районѣ Гартмансвейгеркофа мы продвинулись впередъ».

13-го февраля англо-французскимъ флотомъ продолжались методическія операціи по форсированію Дарданеллъ. Вылавливаніе минъ въ проливѣ было выполнено безъ всякихъ инцидентовъ на протяженіи четырехъ миль. По окончаніи этой операціи три броненосца приблизились къ проливу и, проникнувъ въ освобожденную отъ минъ зону, съ успѣхомъ бомбардировали турецкія батареи въ то время, какъ отрядъ сухопутныхъ войскъ закапчивалъ разрушеніе четырехъ фортовъ, обстрѣлянныхъ наканунѣ. Потери соединенныхъ флотовъ были во время этой операціи весьма ничтожны: одинъ убитый и трое раненыхъ.

Пароходъ «Дасія», задержанный французскимъ крейсеромъ въ западной части Ламанша, приведенъ въ Брестъ.

15-го февраля великобританское адмиралтейство извѣстило о томъ, что бомбардировка фѣртовъ при входѣ въ Дарданеллы производилась слѣдую-

цами судами: «Queen Elisabeth», «Agamemnon», «Irresistible», «Gaulois», «Vengeance», «Cornwallis», «Suffren», «Charlemagne», «Triumph», «Albion». Во время послѣдовавшей затѣмъ операціи по очищенію отъ минъ входа въ проливъ, которая прикрывалась эскадрой броненосцевъ и контръ-миноносцевъ, турки начали обстрѣливать суда, причемъ на броненосцѣ «Agamemnon» убито трое и серьезно ранено пять человѣкъ. 13-го февраля проливъ на протяженіи четырехъ миль былъ очищенъ отъ минъ, послѣ чего «Albion» и «Majestic», сопровождаемые «Vengeance», вошли въ предѣлы безопасной зоны пролива и атаковали фортъ Дарданосъ, а также нѣсколько новыхъ батарей, возведенныхъ на азиатскомъ берегу. Турки отвѣчали слабо и вскорѣ очистили форты у входа въ проливъ, послѣ того, какъ было обстрѣляно съ внутренней стороны пролива. Отряды войскъ послѣ полудня, высаженные на берегъ, совершенно разрушили форты за исключеніемъ Кумъ-Кала, который разрушенъ только отчасти. Занимавшій фортъ Кумъ-Кала неприятельскія части были отброшены за Мендерескій мостъ, который также частью разрушенъ. Англичане за 14-ое февраля потеряли одного убитымъ и троихъ ранеными. Военныя операціи продолжались.

16-го февраля штабъ верховнаго главно командующаго опубликовалъ слѣдующее обширное увѣдомленіе:

«15-го февраля завершилась наша операція подъ Праснышемъ, гдѣ мы разбили не менѣе двухъ германскихъ корпусовъ, отбросивъ ихъ къ границѣ.

«Германцы, вынудивъ къ отходу нашу десятую армію, поставили себѣ дальнѣйшей цѣлью операцію противъ нашихъ войскъ, развивавшихъ успешныя дѣйствія на млавскомъ направленіи. Задумавъ первоначально съ демонстративной цѣлью потѣснить лѣвое крыло нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ въ млавскомъ районѣ, они, повидимому, имѣли затѣмъ въ виду стремительнымъ ударомъ въ нашъ правый флангъ со стороны Хоржеге опрокинуть наши войска къ Вислѣ.

«24-го января германцы перешли въ наступленіе въ районѣ Липно—Серпецъ—Вѣжунъ силами до пяти дивизій. Къ началу февраля неприятель здѣсь достигъ фронта Плоцкъ—Раціонъ, но затѣмъ упорными боями 3-го и 5-го числа дальнѣйшему наступленію германцевъ въ этомъ районѣ былъ положенъ предѣлъ. Къ этому времени между Млавой и Виленбергомъ противникъ сосредоточилъ большія силы, съ коими и перешелъ въ наступленіе.

«Съ 5-го февраля начала обнаруживаться напряженная дѣятельность передовыхъ частей германцевъ въ районѣ Хоржеге, а 7-го февраля большія силы германцевъ стремительно бросились впередъ и, обходя Праснышъ съ востока, достигли с. Щуки.

«Праснышъ являлся крайнимъ опорнымъ пунктомъ праваго фланга нашего расположенія въ этомъ районѣ. Здѣсь дѣйствовала наша пѣхотная бригада, которая послѣ энергичной активной обороны стянулась частью силъ къ Праснышу. Помимо нея, мы располагали небольшими преимущественно кавалерійскими частями, игравшими роль внѣшняго резерва и задерживавшими обходъ германцевъ.

«Выдѣливъ войска для атаки Прасныша и выдвинувъ сильный заступъ для прикрытія операціи со стороны Нарева на фронтъ Пржитулы—Красно-

сельць—Подосье—Устье—Венгерки—Красне—Колачково, непріятель устремилъ свои главныя усилія противъ праваго фланга нашихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ млавскомъ районѣ.

«Одиннадцативерстный участокъ Лысаково—Хойново былъ одновременно атакованъ какъ съ сѣвера, такъ и съ юга, то есть съ тыла, гдѣ обходящія Праснышь непріятельскія колонны достигли Воли-Вержбовской, почти на полпути между Праснышемъ и Цѣхановымъ. Въ то время на весь фронтъ нашего расположенія производились энергичныя вспомогательныя атаки.

«Днемъ 11-го февраля непріятелю, послѣ упорнаго боя, удалось ворваться въ Праснышь, но уже съ шести часовъ утра этого же дня началось и наше рѣшительное наступленіе на широкомъ фронтѣ отъ Красносельца—Венгжиново—Колачково до Воли Вержбовской. Наши войска повсюду потѣснили германцевъ, и 36-ая германская резервная дивизія, упорно державшаяся на переправахъ черезъ Оржиць, уже къ вечеру названнаго дня потерпѣла серьезное пораженіе. Однако еще утромъ 12-го февраля непріятель не отказался отъ поставленной себѣ цѣли—нанесенія рѣшительнаго удара нашей арміи, и бой у Воли Вержбовской носилъ встрѣчный характеръ. Только къ вечеру 12-го февраля наши войска окончательно отбросили германцевъ на ближайшія къ Праснышу позиціи.

«13-го и 14-го февраля упорные бои развивались на фронтѣ Дзилингъ—Хойново—Праснышь—Бартники—Шля. Уже вечеромъ 13-го февраля наши войска ворвались въ Праснышь, который, однако, окончательно былъ закрѣпленъ за нами лишь къ вечеру слѣдующаго дня. Германскія войска начали въ безпорядкѣ отступать, стремясь выйти на Млаву и Хоржеле.

«Не считаясь съ утомленіемъ отъ предшествующихъ маршей и четырехдневнаго наступательнаго боя, наши войска продолжали преслѣдованіе, нанося въ теченіе 15-го февраля тяжкія потери германскимъ арріергардамъ.

«Въ наши руки за время этой операціи попала богатая военная добыча. Общее число захваченныхъ плѣнныхъ не менѣе десяти тысячъ.

«Такимъ образомъ, замысль германцевъ противъ нашихъ войскъ, дѣйствовавшихъ на млавскомъ направленіи, встрѣченный нашимъ контръ-маневромъ со стороны Нарева, потерпѣлъ полное крушеніе и окончился пораженіемъ германцевъ.

«Въ теченіе 15-го февраля на остальныхъ участкахъ фронта, гдѣ мы соприкасались съ германцами, значительныхъ боевыхъ столкновеній не происходило.

«Общее число захваченныхъ нами плѣнныхъ въ Гродненскомъ районѣ достигаетъ 1.300, при пятнадцати пулеметахъ и нѣсколькихъ орудіяхъ.

«Въ Карпатахъ австрійцы густыми массами ведутъ безуспѣшныя атаки на фронтъ Лупковъ—Творильне. Потери ихъ отъ нашего огня и контръ-атакъ очень велики.

«Въ Восточной Галиціи непріятель перешелъ къ оборонѣ. Въ районѣ Лезуполь успѣшно дѣйствовалъ нашъ бронированный поѣздъ. Въ Буковинѣ нами занята Салагура».

На Кавказскомъ фронтѣ на приморскомъ направленіи наши передовыя части, тѣсня противника, достигли линіи рѣки Хопа-Чай. 15-го февраля наши

войска въ приморскомъ районѣ овладѣли съ боемъ важнымъ для турокъ въ военномъ отношеніи портомъ Хона.

16-го февраля французское правительство увѣдомило о слѣдующемъ положеніи дѣлъ:

«Снѣжныя бури и дождь препятствовали операціямъ на многихъ пунктахъ фронта. Въ Шампани, къ сѣверу отъ Мениля, мы отразили сильную контръ-атаку германцевъ и сохранили за собою всю мѣстность, занятую нами за вчерашній день, нанеся противнику большія потери. Въ томъ же самомъ районѣ мы продвинулись еще нѣсколько впередъ. Вблизи Понтъ-а-Муссона, въ дѣсу Ле-Претръ, мы овладѣли германскимъ блокгаузомъ. Въ Зульцернѣ, къ сѣверо-западу отъ Мюнстера, въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ 16-го февраля мы отбили довольно сильную атаку противника. Въ обоихъ этихъ дѣлахъ нами захвачены плѣнные. Въ Гартмансвейлеркопфѣ, несмотря на германскія контръ-атаки, мы сохранили за собою захваченную нами ранѣе территорію.

«Въ теченіе 15-го и 16-го февраля министръ Мильеранъ посѣтилъ часть театра военныхъ дѣйствій между рѣками Уазой и Вель (Vesle). Министръ разсмотрѣлъ мѣста расположенія артиллеріи, оказывающей непосредственную поддержку передовымъ позиціямъ, затѣмъ лежація одна за другой линіи обороны въ тылу, лагерныя расположенія, парки, санитарныя отряды. Всюду онъ нашелъ состояніе войскъ вполне нормальнымъ, военное снаряженіе прекраснымъ; оборонительныя сооруженія оказались прекрасно исполненными и весьма цѣлесообразно расположенными. На пути своемъ на театръ военныхъ дѣйствій и при возвращеніи оттуда Мильеранъ осматривалъ укрѣпленія Парижа».

У Дарданеллъ положеніе дѣлъ было таково:

Англо-французскій флотъ, продвинувшись въ проливъ, обстрѣливалъ фортъ Дарданосъ. Фортъ отвѣчалъ слабо. Маякъ Сейдельваръ горитъ. Форты Эргогрулъ, Зелдельбаръ и Органи разрушены. Одинъ изъ броненосцевъ, благополучно приблизившись къ фортамъ, цѣлый часъ обстрѣливалъ укрѣпленія.

Военныя дѣйствія въ Дарданеллахъ вновь пріостановлены сильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, дождемъ и туманомъ, которые затруднили бомбардировку съ большого разстоянія и операціи аэроплановъ.

16-го февраля въ Парижѣ было опубликовано слѣдующее официальное объявленіе о расположеніи германскихъ силъ:

«Въ иностранныхъ газетахъ появились невѣрныя свѣдѣнія о распредѣленіи германскихъ силъ на французскомъ и русскомъ фронтахъ. Такъ, не соответствующее дѣйствительности сообщеніе о томъ, будто германцы перевели съ западнаго фронта на восточный четыре или пять корпусовъ для усиленія арміи Гинденбурга. Въ дѣйствительности, съ нашего фронта былъ взятъ одинъ лишь корпусъ за исключеніемъ одного полка, причемъ корпусъ этотъ ушелъ 14-го февраля; онъ состоялъ изъ девяти полковъ; его замѣнили девять или десять полковъ изъ состава частью одного заново сформированнаго корпуса, частью резервной баварской дивизіи, каковыя полки оперируютъ въ настоящій моментъ въ Эльзасѣ.

«Далѣе, невѣрно и то, будто у германцевъ на нашемъ фронтѣ нѣтъ меньше войскъ, чѣмъ было въ январѣ мѣсяцѣ. Наоборотъ, у нихъ по крайней мѣрѣ однимъ полкомъ больше.

«Вполнѣ вѣрно сообщеніе о томъ, что наступленіе Гинденбурга велось войсками, получившими подкрѣпленіе въ видѣ, во-первыхъ, заново сформированныхъ корпусовъ, еще не бывшихъ въ бою, во-вторыхъ, войскъ, переброшенныхъ съ одного пункта восточнаго фронта на другой. Заново сформированными корпусами являются 38-й и 40-й. Переведены изъ Польши, съ южнаго фронта Вислы, для включенія въ составъ арміи Гинденбурга, были: 20-й корпусъ, 1-й резервный корпусъ, 1-я резервная гвардейская дивизія, 5-я гвардейская бригада и одна бригада силезскаго ландвернаго корпуса. Всего же три корпуса. Такимъ образомъ, германская армія, давшая сраженіе у Мазурскихъ озеръ получила подкрѣпленіе изъ шести корпусовъ, изъ коихъ три были переведены съ другихъ частей восточнаго фронта, два были заново сформированы, одинъ же переброшенъ съ западнаго фронта.

«Если подвести итогъ германскимъ войскамъ на восточномъ фронтѣ, то германцы располагаютъ на всемъ его протяженіи 30-ю корпусами, къ которымъ слѣдуетъ прибавить австрійскія войска, составляющія 22 корпуса.

«На французскомъ фронтѣ у германцевъ 47 корпусовъ, каковое число не измѣнилось съ прошлаго декабря мѣсяца».

16-го февраля была прочитана въ палатѣ общинъ Асквитомъ нота, обращенная Великобританскимъ и французскимъ правительствами къ нейтральнымъ государствамъ, начинающаяся съ указанія на то, что въ виду осуществленія такъ называемой германской блокады исключительно подводными лодками блокада эта игнорируетъ международный обычай, обязывающій каперское судно приводить задержанное судно на призовой судъ, а также не считается съ ответственностью за проведеніе различія между неприятельскими и нейтральными судами и грузами, явно лежащее на каперскомъ суднѣ, равно какъ и съ общечеловѣческимъ долгомъ—заботиться о спасеніи командъ торговыхъ судовъ. Все это неосуществимо для германскихъ подводныхъ лодокъ, которыя не имѣютъ возможности приводить свои призы на призовые суды, не могутъ дѣлать различій между судами нейтральныхъ и воюющихъ государствъ и не въ состояніи принимать мѣръ къ спасенію командъ. Такимъ образомъ, примѣняемый Германіей способъ борьбы при помощи подводныхъ лодокъ ставитъ истребленіе безъ разбора всѣхъ нейтральныхъ и неприятельскихъ судовъ на мѣсто правильнаго каперства. Германія усвоила эту систему борьбы противъ мирныхъ коммерсантовъ и командъ не военныхъ судовъ для того, чтобы помѣшать провозу всякихъ продуктовъ и въ томъ числѣ пищевыхъ продуктовъ для гражданскаго населенія въ порты Великобританіи и сѣверной Франціи или же вывозу ихъ изъ этихъ портовъ. Вслѣдствіе этого противники Германіи вынуждены прибѣгнуть къ репрессивнымъ мѣрамъ и препятствовать провозу товаровъ всякаго рода въ предѣлы Германіи и обратно. Однако мѣры эти будутъ осуществляться союзниками безъ всякаго риска для нейтральныхъ и невоенныхъ судовъ въ строгомъ согласіи съ велѣніями гуманности. Великобританское и французское правительства оставляютъ за собой свободу

задерживать въ своихъ портахъ и приводить въ эти порты суда съ грузами, предназначенными, по предположеніямъ, для непріятели, либо принадлежащими подданному непріятельской страны, или же отправленными изъ одного изъ непріятельскихъ государствъ. Союзныя правительства не имѣютъ въ виду конфисковать такого рода суда или грузы, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они будутъ подлежать конфискаціи по другимъ причинамъ. Мѣры эти не коснутся судовъ, которыя вышли въ море до указанного въ нотѣ срока.

17-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

«На фронтѣ между Иваномъ и Вислой наши войска 16-го февраля продолжали наступленіе. Къ сѣверо-западу отъ Гродны наши войска успѣшно продвигаются впередъ. Противникъ, оказывая упорное сопротивленіе, отошелъ за линію д.д. Маньковце—Ратичи—Раковце. Неприсятель продолжаетъ бомбардировку Осовца снарядами весьма крупнаго калибра. Между рѣками Шисса и Розога наши войска, наступая съ боемъ, подходятъ къ дорогѣ Мышинецъ—Кольно. Въ районѣ Прасныша, тѣснимый нами, противникъ снѣшно отходить на Яновъ и Млаву. Наши войска ведутъ также успѣшное наступленіе на ближайшемъ къ Вислѣ участкѣ, въ районѣ къ югу отъ Родзаново. На лѣвомъ берегу Вислы безъ переменъ.

«Въ Карпатахъ 15-го февраля австрійцы, выставивъ многочисленную артиллерию, произвели рѣшительный, но безуспѣшный натискъ на шестидесятиверстный участокъ между рѣками Ондавой и Саномъ. Уже наканунѣ густыя массы австрійской пѣхоты подтягивались на ружейный выстрѣлъ къ нашимъ позиціямъ. Первые атаки ночью и на разсвѣтъ 15-го февраля были направлены въ районъ Творильне, гдѣ, однако, австрійцы понесли огромныя потери. Въ центрѣ, въ районѣ Раббе—Радзювъ, цѣлый день 15-го февраля развивался необыкновенный по упорству и ожесточенію бой. Отчаянныя атаки непріятели многократно кончались рукопашными схватками. Потери непріятели чрезвычайны: всѣ скаты горъ и ложины завалены его тѣлами; многія части непріятели уничтожены до послѣдняго человѣка. Въ районѣ къ сѣверу отъ Стрпоко неприсятель въ ночь на 16-ое февраля велъ густыми массами шесть атакъ, и каждый разъ направленные имъ массы разметывались нашимъ ружейнымъ и пулеметнымъ огнемъ. Послѣ отбитія шестой атаки наша пѣхота бросилась въ штыки и окончательно опрокинула австрійцевъ, которые отхлынули отъ нашихъ позицій. Всего нами взято плѣнныхъ въ эти дни до 1.000 человѣкъ. Новая атака на высоту 992 у Козювки отброшена. Неприсятель, вторгшійся въ Восточную Галицію, приостановленъ. На путяхъ отъ Галича къ Станиславову австрійцамъ нанесено значительное пораженіе, послѣ котораго обозначился ихъ отходъ. Близъ Сѣльца нами взято въ плѣнъ 17 офицеровъ, 1.250 нижнихъ чиновъ, 4 пулемета».

На западномъ театрѣ войны положеніе дѣль, по сообщенію отъ 17-го февраля, было таково:

На фронтѣ отъ моря до рѣки Эна день прошелъ сравнительно тихо. Лишь къ юго-востоку отъ Сентъ-Элуа, на югѣ отъ Ипра, неприсятель произвелъ атаку, которая была отбита англичанами. Въ Шампани германцы вновь бомбардировали Реймсъ, выпустивъ около 50 снарядовъ. Несмотря на

бүрю, французы продолжали продвигаться впередъ между Пертомъ, или, точнѣе, между райономъ къ сѣверо-западу отъ Перта и Мешля и райономъ къ сѣверу отъ Босежура.

Французскія войска овладѣли наиболѣе возвышенными пунктами холмистой мѣстности, пролегающей параллельно французскому атакуемому фронту. Подтвердилось, что германскія гвардейскія части, произведшія въ ночь съ воскресенья на понедѣльникъ контръ-атаку, понесли весьма тяжелый уронъ. Въ Аргонахъ, на участкѣ Багатель—Мари-Терезъ, происходили пѣхотные и миныые бои въ выдвинутой впередъ траншеѣ, которую французы на короткое время вынуждены были уступить, а затѣмъ вновь заняли. Въ районѣ Вокюа французы продвинулись впередъ, удержавъ за собой, несмотря на двѣ контръ-атаки непріятели, занятое пространство, причѣмъ взяли нѣкоторое количество пѣхотныхъ. Въ Вогезахъ, у Ла-Шаплотъ, близъ Селья французы заняли непріятельскія траншеи и продвинулись на 300 метровъ.

На пространствѣ между моремъ и р. Энотъ происходили артиллерійскіе бои, принимавшіе по временамъ довольно упорный характеръ; здѣсь французы имѣли перевѣсъ. На всемъ фронтѣ реймскаго сектора, въ особенности у фермы Альжэ, близъ форта Помпель, непріятель произвелъ утромъ нѣсколько атакъ, легко отбитыхъ французами. Между Суэнотъ и Босежуромъ французы продолжали продвигаться впередъ. Французскія войска заняли нѣсколько пунктовъ въ лѣсныхъ участкахъ, приведенныхъ непріятеlemъ въ оборонительное состояніе, и продвинулись по ту сторону гребня возвышенности, вершины которой они заняли за послѣдніе дни. Здѣсь французы отбили сильную контръ-атаку. Въ Аргонской возвышенности, въ районѣ Вокюа французскія войска удержали за собой всѣ занятія ими 16-го февраля позиціи и взяли въ плѣнъ около 100 германцевъ. Почная атака непріятели въ Лепретрескомъ лѣсу, близъ Понтъ-а-Муссона, потерпѣла неудачу.

18-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

«Въ теченіе 16-го и 17-го февраля между Нѣманомъ и Вислой германцы наступали лишь въ районѣ Оссовна; нѣсколько попытокъ ихъ приблизиться къ крѣпости, нами отражены. Въ гродненскомъ районѣ и на остальныхъ участкахъ общаго фронта наши войска вновь продвинулись впередъ. Селеніе Кержекъ на лѣвомъ берегу Омудева взято нами штурмомъ, при этомъ нами захвачено 10 офицеровъ, нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ и 2 пулемета. На лѣвомъ берегу Вислы безъ перемѣнъ.

«Въ Карнатахъ, между Ондавой и Санотъ, наши войска продолжаютъ съ полнымъ успѣхомъ отбивать продолжающіяся атаки австрійской арміи. Германцы вели атаки въ районѣ Козювки и Рожанки, не имѣвшія также никакого успѣха; въ послѣднемъ пунктѣ намъ удалось окружить и уничтожить двѣ германскія роты. Въ Восточной Галиціи австрійцы, оборонявшіе переправы черезъ Ломницю, понесли новую крупную неудачу. Наши войска, перешедшія съ боемъ черезъ эту рѣку, заняли с. Красна. За сутки захвачено до 6.000 пѣхотныхъ съ 64 офицерами, 4 орудія, 7 пулеметовъ и большое количество полковыхъ и дивизионныхъ обозовъ».

Бомбардировка Дарданелль, согласно официальному сообщению французского правительства от 18-го февраля, продолжалась 17-го февраля, причем французская морская дивизия контр-адмирала Генратта оперировала в Саросской бухте, направляя огонь против фортов Лигних и Буларь. Броненосец «Suffren» успешно обстреливал форт «Султань». Броненосец «Gaulois» поджег казармы на форт «Наполеонь», причем гарнизоны эвакуировали укрепления. Броненосец «Vouvet» серьезно повредил мость через рѣку Кавакъ. Къ морскимъ силамъ, дѣйствующимъ въ Дарданеллахъ, присоединился русскій крейсеръ «Аскольдъ».

Отъ моря до рѣки Эна происходила артиллерійская бомбардировка различнаго напряженія. Германцы въ полдень возобновили бомбардировку Реймса, пользуясь снарядами, вызывающими пожарь. Въ Шампани, на фронтѣ къ сѣверу отъ Суэна, Мепля и Босежура, французы продолжали продвигаться и укрѣплять свои позиции. Французскими войсками произведены были атаки на всемъ этомъ фронтѣ, т.-е. на протяженіи болѣе шести километровъ. Линіи германскихъ окоповъ идутъ въглубь на одинъ километръ.

17-го февраля движеніе французскихъ войскъ было особенно замѣтно къ западу отъ Перта, гдѣ они захватили траншеи и увеличили линію своихъ позиций въ дѣсу. Наконецъ, въ томъ же самомъ районѣ французы отразили нѣсколько ожесточенныхъ контръ-атакъ, причемъ германскій гвардейскій полкъ понесъ огромныя потери. Французами захвачено около сотни пѣшыхъ и одинъ пулеметь. Нѣсколько германскихъ атакъ въ дѣсу Консанвуа, къ сѣверу отъ Вердена, и въ Лепретрекомъ дѣсу, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, ими легко отражены.

17-го февраля, въ три часа утра пять австро-венгерскихъ военныхъ судовъ бомбардировали незащищенную гавань и городъ Антивари. Снарядами былъ подожженъ небольшой магазинъ пищевыхъ продуктовъ и потоплена стоявшая въ гавани королевская яхта «Румія». Убитъ одинъ, ранено нѣсколько человѣкъ.

19-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наше наступленіе на фронтѣ между Неманомъ и Вислой продолжалось. На путяхъ отъ Олиты непріятель удерживался въ озерныхъ тѣснинахъ у Симо и Серее. Въ гродненскомъ районѣ наши войска вновь продвинулись впередъ. У Оссовца продолжалась упорная артиллерійская борьба. Къ востоку отъ Едвабно наши войска достигли линіи непріятельскихъ окоповъ, и въ районѣ селеній Моцараже и Сеспржанка идетъ рукопашный бой. При развитіи нашего успѣха у Кержеца противъ германской бригады, выбитой изъ этого селенія, число пѣшыхъ увеличилось до 24 офицера и 600 нижнихъ чиновъ. Между рѣкой Оражицомъ и Вислой ведутся бои, особенно упорные на участкѣ между Млавой и Хоржеде. Въ Карпатахъ между Ондавой и Саноми, несмотря на огромныя потери, австрійцы днемъ и ночью продолжаютъ безуспѣшныя атаки нашихъ позиций. Наши войска отражаютъ ихъ огнемъ, ручными гранатами и штыковыми контръ-атаками, въ теченіе коихъ намъ удается захватывать много пѣшыхъ и пулеметовъ. Въ Восточной Галиціи австрійскіе арьергарды выгались задержаться на рѣкѣ Лувкѣ и далѣе до Лезуполя. За минувшія сутки въ Карпа-

тахъ и Восточной Галиціи нами было взято въ плѣнь 47 офицеровъ, 3.000 нижнихъ чиновъ и захвачено 16 пулеметовъ.

За 17-е февраля на фронтъ кавказской арміи значительныхъ боевыхъ столкновений не было.

19-го февраля французское правительство уведомило о томъ, что бомбардировка Дарданеллъ продолжалась. Въ Бельгii, въ районѣ дюнь, французская артиллерія особенно успѣшно обстрѣливала позиціи непріятеля; французская пѣхота заняла еще одну траншею впереди французскихъ линій. Въ Шампани французы продолжали продвигаться впередъ, закрѣпили, кромѣ того, за собою и расширили свои позиціи, а именно къ сѣверо-западу отъ Перта и Мениля, гдѣ они взяли около 100 человекъ плѣнныхъ. На возвышенности къ сѣверо-востоку отъ Мениля непріятель произвелъ новыя контръатаки, которыя были французами отбиты. Взятые въ плѣнь подтверждаютъ, что оба германскихъ гвардейскихъ полка, принимавшіе участіе въ бояхъ 18-го февраля, понесли тяжкій уронъ.

На Аргонской возвышенности у Фуръ-де-Пари и у Вокюа французы отбили атаки германцевъ; близъ Вердена, у форта Во, ими были сбиты германскій аэропланъ; два летчика взяты въ плѣнь.

18-го февраля летчикъ капитанъ Гапшъ сбросилъ бомбы и поджегъ германскій пороховой заводъ въ Ротвейлѣ, въ 23 километрахъ къ сѣверу отъ Донауэшингена. Во время этого воздушнаго набѣга летчикомъ было пройдено 300 километровъ. Германскій аэропланъ безуспѣшно обстрѣливалъ лазаретъ въ Жерармерѣ.

Германская подводная лодка «U 8» была потоплена контръ-миноносцами дуврской флотиліи. Экипажъ ея былъ взятъ въ плѣнь.

По сообщенію англійскаго адмиралтейства, бомбардировка Дарданеллъ продолжалась. Командующій флотомъ адмиралъ не допелъ еще о результатахъ, достигнутыхъ внутри проливовъ. Военное судно «Doublin» разрушило у входа въ проливы наблюдательный пунктъ на Галипольскомъ полуостровѣ. «Sarrinге» бомбардировалъ турецкія батареи и войска въ разныхъ пунктахъ залива Андрамити. Близъ форта «В» разбито шесть повѣйшихъ полевыхъ орудій. Общее число приведенныхъ въ негодность турецкихъ орудій составляетъ 40. Французскіе броненосцы бомбардировали фортъ Булаиръ и разрушили Кавакскій мостъ.

20-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой продолжались упорные бои. На нѣкоторыхъ участкахъ наши войска успѣшно продвинулись впередъ. Въ районѣ сел. Моцарже нами было захвачено шесть пулеметовъ и взято въ плѣнь четыре офицера и нѣсколько сотъ нижнихъ чиновъ. Плѣнные германцы также захвачены нами при взятіи укрѣпленій у станціи Конопки.

Въ Карпатахъ, къ югу отъ Закличина, мы захватили непріятельское укрѣпленіе. Атаки австрійцевъ въ теченіе 19-го февраля были нѣсколько слабѣе. Въ Восточной Галиціи наши войска 19-го февраля вступили въ Станцлавовъ и успѣшно переправились черезъ Дукву.

20-го февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ:

«Къ сѣверу отъ Арраса, близъ Нотр-Дамъ-де-Лореттъ, французы взяли обратно большую часть передовой траншеи, которую потеряли 18-го февраля, и захватили въ плѣнъ 150 человекъ. Непрiятель вновь обстрѣлялъ Реймскій соборъ. Въ Аргоннахъ у Вокуа французы отбили двѣ контръ-атаки и достигли новыхъ успѣховъ, нанеся противнику чувствительныя потери и взявъ много плѣнныхъ. Въ рукахъ французовъ находилась наибольшая часть деревни.

Въ Бельгiи, въ районѣ донъ, французы сильно укрѣпили передовую траншею, взятую 19-го февраля французскими войсками. Германцы пытались установить соприкосновенiе между траншеями французовъ и нѣмцевъ. Французскiй огонь разсѣялъ 12 попытокъ ихъ произвести эту операцiю. На сѣверъ отъ Арраса контръ-атаки французовъ въ районѣ Нотр-Дамъ-де-Лореттъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Французы захватили нѣмецкую пулеметную роту. Въ Шампани, въ районѣ Перта обнаруживаются существенныя успѣхи. Рота нѣмцевъ, находившаяся въ сторожевомъ охраненiи, оказалась окруженной войсками французовъ и осталась въ рукахъ ихъ, несмотря на сдѣланныя со стороны противника попытки освободить ее. Французы продвинулись впередъ на всемъ фронтѣ и взяли одну траншею на сѣверо-западъ отъ Перта. На сѣверъ отъ той же деревни французы заняли возвышенность, гдѣ захватили плѣнныхъ. Въ районѣ Вадонвиллера и въ районѣ Селля французы, благодаря своимъ атакамъ, продвинулись вплоть до непосредственнаго соприкосновенiя съ проволочными загражденiями противника и отбили его контръ-атаки. Въ Эльзасѣ у Гартмансвейлеркопфа французы взяли рядъ траншей, укрѣпленiе и захватили два пулемета.

20-го февраля англiйское адмиралтейство официально сообщило: Изъ осмотра парохода «Thordis», который прибылъ въ Англiю и сообщилъ о потопленiи имъ 15-го февраля германской подводной лодки, видно, что судно, по всей вѣроятности, дѣйствительно потопило подводную лодку, выпустившую по нему мину».¹

Военное судно изъ состава второй легкой французской эскадры обстрѣляло 19-го февраля въ Ламаншѣ германскую подводную лодку типа «U 2». Въ подводную лодку попало три снаряда, послѣ чего она опустилась въ воду и исчезла, скрывшись безслѣдно.

21-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее: на лѣвомъ берегу Нѣмана германцы отгѣснены за станцiю Симно и въ районѣ Лейпуны. Въ расположенiи войскъ на правомъ берегу Нарева значительныхъ измѣненiй не послѣдовало. На путяхъ къ Ломжѣ идутъ упорныя бои, причемъ въ ночь на 20-ое февраля мы выбили непрiятеля съ командующей высоты западнѣе шоссе Стависки—Ломжа, близъ дер. Карово, и захватили семь пулеметовъ. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ рѣки Пилицы 20-го февраля германцы повели атаку на небольшой участокъ нашихъ позицiй у дер. Доманевице. Въ Карпатахъ безуспѣшныя атаки австрiйцевъ на балигородскомъ направленiи продолжаются. Въ Восточной Галиции мы, сбивая австрiйцевъ съ ихъ укрѣпленныхъ позицiй на рѣкѣ Быстрицѣ и захватывая сотни плѣнныхъ, продолжаемъ наступленiе.

Въ теченіе 19-го февраля наши войска съ прежнимъ успѣхомъ продолжали наступленіе въ Чорохскомъ краѣ.

21-го февраля великобританское адмиралтейство сообщило официально донесенія, полученныя отъ вице-адмирала Гардена, о военныхъ дѣйствіяхъ въ Дарданеллахъ:

«До двухъ часовъ дня 18-го февраля нельзя было предпринять какихъ бы то ни было операций, съ этого же момента, несмотря на то, что погода продолжала быть неблагоприятной, «Irresistible», «Albion», «Prince George» и «Triumph» возобновили атаку на фортъ Дарданъ и на батареи, скрытыя по сосѣдству съ нимъ. Огонь этихъ батарей оказался на этотъ разъ менѣе сильнымъ, чѣмъ раньше. Морскіе аэропланы обнаружили мѣстонахожденіе нѣсколькихъ полевыхъ и двухъ постоянныхъ батарей. 19-го февраля наступила прекрасная погода, и флотъ продолжалъ сильнымъ огнемъ разрушать непріятельскіе форты, а также очищать проливъ отъ минъ. Отряды войскъ, поддерживаемые частями морской пѣхоты, произвели десантъ у Кумъ-Кале и Седиль-Бахра и стали очищать мѣстность у входа въ проливы, уничтоживъ при этомъ 4 орудія Норденфельда. На обоихъ берегахъ произошли мелкія стычки, причемъ было обнаружено, что ближайшія селенія заняты значительными силами непріятели. Въ тотъ же день къ вечеру «Sapphire» привелъ къ молчанію батарею полевыхъ орудій, находившуюся къ сѣверу отъ Дикили въ Адрамитскомъ заливѣ. «Prince George» обстрѣлялъ укрѣпленія Безикской бухты. За 19-ое февраля у англичанъ было 19 убитыхъ, 3 пропавшихъ безъ вѣсти и 25 раненыхъ. 20-го февраля «Queen Elisabeth» началъ атаку проливовъ перекиднымъ огнемъ, поддерживаемый «Inflexible» и «Prince George», причемъ огонь сосредоточивался на фортахъ Румилэ, Меджидэ и Тобія, отмѣченномъ на картѣ адмиралтейства буквой J, на Гамидэ, на второмъ Тобія, отмѣченномъ буквой L, и на фортѣ Намазіэ, отмѣченномъ буквой T, каковыя форты вооружены: фортъ J— 2-мя 11-дюйм.-4-мя 9,4-дюймовыми, 5-ю 3,4-дюймовыми орудіями; фортъ L—2-мя 14-дюймовыми орудіями, фортъ T—однимъ 11-дюймовымъ орудіемъ, однимъ 10,2-дюймовымъ и 11 орудіями 9,4-дюймовыми, 3-мя орудіями 8,2-дюймовыми и 3-мя 5,9-дюймовыми. Броненосецъ «Queen Elisabeth» произвелъ 29 залповъ, имѣвъ нихъ удовлетворительные результаты: складъ боевыхъ припасовъ на важномъ фортѣ L былъ взорванъ; остальные форты были повреждены. За огонь съ судовъ «Inflexible» и «Prince George» наблюдали съ внутренней стороны Дарданеллъ «Irresistible», «Canopus», «Cornwallis» и «Albion», которые подвергались сильному огню скрытыхъ батарей, пока «Sapphire» не открылъ огонь по турецкимъ войскамъ въ окрестностяхъ Адрамитскаго залива и не уничтожилъ военную станцію Тузбурна. 20-го февраля командиръ ость-индской эскадры вице-адмиралъ сэръ Ричардъ Пирсъ (Peirse) съ эскадрой броненосцевъ и крейсеровъ подошелъ къ Смирнѣ, послѣ полудня въ теченіе двухъ часовъ систематически бомбардировалъ фортъ Лени-Кале, причемъ огонь эскадры далъ 32 попадания, причинившихъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ значительныя поврежденія. Огонь эскадры вызваны два взрыва, по всей вѣроятности складовъ военныхъ припасовъ. Непріятель не отвѣчалъ на огонь. Огонь крейсера «Euryalus», бывшаго подъ флагомъ вице-адмирала, отличался необычайной мѣткостью. Нынѣ

началась бомбардировка съ близкаго разстоянія. Погода прекрасная. Уничтоженіе крѣпостей Смирны представляется необходимымъ для успѣха главныхъ военныхъ операцій.

21-го февраля французское военное министерство сообщило:

«Въ виду положенія въ Дарданеллахъ и въ цѣляхъ готовности ко всякимъ случайностямъ, правительство рѣшило сосредоточить въ Сѣверной Африкѣ экспедиціонный корпусъ. Войска эти будутъ готовы выйти въ море по первому приказанію для отправленія на мѣсто, гдѣ обстоятельства потребуютъ ихъ присутствія.

Въ Бельгіи, въ районѣ дюнь, французская артиллерія весьма удачно обстрѣливала непріятельскія батареи тяжелыхъ орудій, расположенныя у Вестенде. Къ сѣверу отъ Арраса, въ районѣ Нотр-Дамъ-де-Лореттъ, французы съ успѣхомъ продолжали свои контръ-атаки. Германцы, введшіе здѣсь въ бой значительныя силы, потерпѣли серьезную неудачу. Въ Шампани, въ оврагѣ къ сѣверо-западу отъ Босежура французскими войсками была отбита контръ-атака германцевъ. Шедшій въ теченіе всего дня дождь замедлилъ военныя дѣйствія. Въ Эльзасѣ движеніе французовъ въ Вогезахъ, у Гартмансвейлеркопфа, выразилось въ занятіи 300 метровъ германскихъ траншей. 20-го февраля французы отбили непріятельскую контръ-атаку у Уффгольца и взорвали складъ боевыхъ припасовъ въ Сернэ. Въ ночь съ 20-го на 21-ое февраля французы уничтожили передовые посты непріятеля, пытавшіеся расположиться на вершинѣ горы Силлакеркопфъ, составляющей восточное предгорье Гонека.

22-го февраля донесеніе штаба верховнаго главнокомандующаго гласило:

Наше наступленіе на лѣвомъ берегу Нѣмана и на путяхъ къ сѣверо-западу отъ Гродны продолжается. Войска наши оттѣснили германцевъ за фронтъ Сопоцкинъ—Лицкъ и энергично продвигаются дальше. Также на главномъ направленіи наши атаки сопровождаются успѣхомъ; въ теченіе дня здѣсь нами взято до 500 плѣнныхъ съ 7 офицерами и захвачено три пулемета. На лѣвомъ берегу Вислы въ районѣ Пилницы бой принимаетъ болѣе крупныя размѣры. Въ Карпатахъ, между Ондавой и Саномъ, атаки австрійцевъ продолжаются; къ юго-западу отъ Лутовиска они пытались перейти на правый берегъ Сана, однако произведенной въ ночь на 21-ое февраля контръ-атакой австрійскія части, перешедшія Санъ, уничтожены.

22-го февраля французское морское министерство увѣдомило:

«21-го февраля броненосецъ «Queen Elisabeth» бомбардировала перекиднымъ огнемъ изъ Саросской бухты два большихъ укрѣпленія на азиатскомъ берегу, защищающія проходъ у Чавакъ-Кале, а также форты Гамидіа № 1, Тобія и Султанія. Одновременно съ этимъ вошедшіе въ Дарданельскій проливъ броненосцы продолжали перекиднымъ огнемъ обстрѣливать форды Дардана на азиатскомъ побережьи и Суандере на европейскомъ».

23-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ сувалкскомъ районѣ непріятель оттѣсненъ на фронтѣ Маріамполь—Симно—Августовъ; наше наступленіе продолжалось. На правомъ берегу Нарева положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На лѣвомъ берегу Вислы

въ районѣ Шилицы наступленіе германцевъ было нами остановлено; наши войска перешли въ контръ-атаку.

Въ Карпатахъ австрійцы въ районѣ Свинника прекратили атаки и отхлынули отъ нашихъ позицій; но продолжали безуспѣшно штурмовать наши позиціи на балигротскомъ направленіи. Также неудачны были новыя непріятельскія атаки у Козювки и Тухлы. Въ районѣ Клаусе мы окружили небольшую непріятельскую обходную колонну. Одинъ батальонъ изъ ея состава сдался полностью.

22-го февраля черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ, Эргели-Килимли и Козду. Непрѣятельскія батареи приведены къ молчанію. Разрушены были сооруженія для добычи, промывки и перевозки угля, пристани и сараи и потоплено восемь пароходовъ и одно большое парусное судно.

21-го февраля боевыя столкновенія въ Захорохскомъ районѣ и къ югу отъ Хоя продолжались.

23-го февраля официальное сообщеніе французскаго правительство увѣдомило о слѣдующемъ:

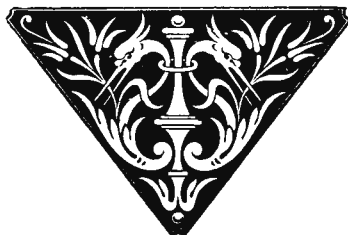
Французы захватили непріятельскія траншеи на сѣверо-западъ отъ Суэна. Траншеи, взятые нами между Пертомъ и Босежуромъ, занимають пространство отъ 400 до 500 метровъ. При этомъ французы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Въ районѣ праваго берега рѣки Мааса тяжелая артиллерія французовъ, согласно показаніямъ плѣнныхъ, серьезно повредила 42-сантиметровое орудіе, недавно установленное на непріятельской батарее. Орудіе это непріятель принужденъ быть снятъ съ позиціи и отправитъ въ тылъ для починки. При этомъ было убито четыре артиллериста и семь ранено. Въ Лотарингіи французскія войска продвинулись на сѣверъ отъ Бадонъ Воллье. Въ Вогезахъ у Рейхарксеркопфа германцы произвели днемъ ожесточенную контръ-атаку и временно овладѣли этой высотой, но послѣ стремительной атаки въ штыки французскими стрѣлками германцы были отброшены, и стрѣлки окончательно завладѣли этой позиціей. Непрѣятель понесъ весьма тяжелыя потери. Въ Верхнемъ Эльзасѣ атака, произведенная непріятелемъ къ югу отъ станціи Бургай противъ выдвинутыхъ французскихъ позицій, была отражена огнемъ французской пѣхоты.

23-го февраля англійское адмиралтейство сообщило, что военныя дѣйствія въ Дарданеллахъ развиваются благоприятно, благодаря прекрасной погодѣ. 21-го февраля три изъ самыхъ крупныхъ англійскихъ судовъ начали перекиднымъ огнемъ бомбардировать форты, расположенные къ южной части залива, направляя при этомъ огонь черезъ Галлипольскій полуостровъ, въ то время, какъ другія французскія и англійскія суда вновь атаковали различные форты и батареи съ внутренней стороны пролива. Большинство судовъ, находившихся внутри пролива, получили поврежденія, но не серьезнаго характера. Убитыхъ на нихъ нѣтъ. Въ тотъ же деньъ четыре французскихъ броненосца вошли въ проливъ, дабы прикрыть обстрѣлъ прямымъ огнемъ укрѣпленій пролива судами «Agamemnon» и «Lord Nelson». Французскія суда привели къ молчанію батареи Дардана и вступили въ бой съ различными скрытыми орудіями. Вслѣдъ за этимъ «Agamemnon» и «Lord Nelson»

продвинулись вперед и вступили в бой прямым огнем съ фортами проливовъ, съ разстоянія 12—14 тысячъ ярдовъ. Форты Румелиэ, Меджидиэ и Гамидиэ № 1 были приведены къ молчанію послѣ сильной бомбардировки, причемъ на обоихъ фортахъ произошли взрывы. Фортъ Гамидиэ № 2 не отвѣчалъ на огонь со времени происшедшаго на немъ въ пятницу взрыва. Въ бронепосцы «Агамемнон» и «Lord Nelson» попало по три снаряда, но причиненныя имъ поврежденія не серьезны. На «Lord Nelson» было три легко раненыхъ. Въ то время «Dublin» продолжалъ слѣдить за Булаирскимъ перешейкомъ, причемъ въ него три или четыре раза попадали снаряды орудій 4-дюймоваго калибра. Дабы опредѣлить мѣстонахожденіе скрытыхъ батарей, нашимъ морскимъ аэропланамъ приходилось летать весьма низко. Въ одинъ изъ нихъ попало 28 пуль, въ другой 8. Одинъ офицеръ былъ раненъ, но благополучно возвратился.

Затѣмъ адмиралтейство сообщило, что оно не считаетъ возможнымъ примѣнять къ офицерамъ и экипажамъ подводной лодки «U 8» почетныя отношенія соотвѣтственно ихъ военному достоинству, такъ какъ представляется болѣе чѣмъ вѣроятнымъ, что эта лодка нападала и потопила невооруженныя торговыя суда и выпускала мины въ суда, на которыхъ находились лица невоеннаго званія, подданные нейтральныхъ государствъ и женщинъ. Для установленія этого факта необходимо, конечно, получить неоспоримое доказательство. Съ другой стороны, окончательно выяснить этотъ вопросъ удастся лишь послѣ заключенія мира. Тѣмъ не менѣе, до тѣхъ поръ лица, надъ которыми тяготѣетъ подобное обвиненіе, будутъ подвергнуты особымъ ограниченіямъ, а именно въ отношеніи этихъ военнопленныхъ не будетъ приниматься во вниманіе различіе чиновъ. Они будутъ содержаться подъ стражей и отдѣльно отъ прочихъ военнопленныхъ.

Другое официальное сообщеніе англійскаго правительства отъ того же 23-го февраля гласило: 22-го февраля послѣ полудня морскіе аэропланы совершили набѣгъ на Остенде и сбросили 11 бомбъ надъ морской базой подводныхъ лодокъ и 4 бомбы надъ курзаломъ, гдѣ помѣщалась главная квартира. Всѣ аэропланы и пилоты возвратились благополучно. Повидимому, бомбами причинены значительныя поврежденія. Подводныхъ лодокъ летчиками не было обнаружено.

ЗА БѢЛОЙ ЛЫБЕДЬЮ¹⁾.

(Повѣсть изъ поморскаго быта).

XII.

АЕМЪ ПАХНУЛО. Сильно за первую четверть перешло, когда собрался снова Павелъ Братниковъ на лебединый ловъ. Теперь ужъ пора настала настоящая, птица должна была слетѣться, снѣгу осталось совсѣмъ немного, пожни освободились отъ него, болота и тундры потвягли.

Давно дожидался этого времени Павелъ, встрѣчался онъ не разъ съ Дуней, любились они, разговоры вели долгіе, любовные, ласковые, а все надуматься не могли, какъ приступить, какъ разговоръ съ матушкой Измарагдой завести, да и къ Андрею къ самому подкинуться.

— Вотъ слушай, любя моя, какъ повертаюсь я съ лова, понабью птицы побольше, въ городѣ расторжусь, тогда съ деньгами легшае будетъ съ отцомъ твоимъ столкнуться, а матери Измарагдѣ свѣчу большую изъ города привезу, на пелены иконныя пожертвую, поласковѣе смотрѣть на меня станеть, кровопійцей звать не сможетъ... Дѣнежки-то хоть не Богъ, а все жъ силу громадную имѣють.

Бѣлицу неприятно кольнуло подобное сравненіе. Она привыкла, живя при моленной, къ благочестивымъ мыслямъ.

¹⁾ Окѣчаніе. «Истор. Вѣсти.», т. СXXXIX, стр. 710.
«Истор. ввсти.», апрѣль 1915 г., т сxl.

— Дыхало-то свое не распускай, Павлушка, негоже такъ-то говорить,—укорила она парня.

— Да худого я, Дуничка, ничего и не сказалъ, къ слову такъ пришлось. Ну, прощай, мнѣ спаряжаться надобно, а тебя, поди, старухи ваши изыскались.

Крѣпко обнявшись, они разстались, но Дуня, что-то вспомнивъ, быстро вернулась обратно.

— Ой, Павликъ, забыла тебѣ сказать, Ванюшка-то Федосовъ о сегодня прѣхалъ, сказываешь, и отецъ его на дняхъ сюда будетъ.

— Это Паньку-то глядѣть?

Зардѣлась невольнo дѣвушка. Не хотѣлось ей огорчать любимаго чловѣка, но невольная гордость, что она сама не обѣвокъ въ полѣ, вырвала у ней слѣдующія слова:

— Не одну Паньку, и другія есть у насъ въ деревнѣ дѣвушки, не хуже ея!

Уловилъ въ ея словахъ парень что-то чужое, дѣланное.

— Ужь не на тебя ли мясчичка зариться хочеть?

— А когда бы и на меня?—горделиво тряхнулась Дуня и вызывающе посмотрѣла на Павла.

Холодкомъ повѣяло отъ нея, задорно прозвучалъ голосъ.

— Ой, Авдотья Андреевна, не закидывайся, не возгордись, попомни, что мнѣ сказывала, что обѣщалась, како слово давала,—послышался тревожный окрикъ парня, до сердца проникъ онъ дѣвушкѣ.

Очнулась, поняла...

— Чтой ты, милый мой, люба хорошій! И въ помыслахъ не держала слову своему измѣнить, тебя на другого промѣнять, такъ къ слову пришлось,—попимая свою ошибку и стараясь утѣшить Павла, торопливо говорила бѣлица.

— Ну, то-то, говори, да не заговаривайся, Авдотья Андреевна, вѣдь мы съ тобой не шутки шутимъ, а жисть зачинать вмѣстяхъ на думали,—строго отновѣдалъ ей Павелъ.

Поцуро шла дѣмой дѣвушка, тяжело ей было на душѣ; чуяла, что огорчила она дорогого ей чловѣка.

Не весель былъ и парень, собираясь на ловъ. Теперь мать ужъ не ворчала на него, не сердилась, какъ раньше, помогала сыну собираться.

— Какъ ты, Павлуша, нарты-то поволокешъ за собой, ишь сколь путь-дорога спортилась, не близко, почитай, до пожегъ монастырскихъ-то, бери съ собой поменѣ запасу.

— Ничего, маменька, силой меня Господь Богъ не обидѣлъ, доволоку, назадъ еще больше волочить придется, коль ловы удачливы выберутся.

Всѣмъ въ деревнѣ было вѣдомо, что Павелъ «на лыбедь» собирается. Одни завидовали ему, другіе негодовали, зачѣмъ такую птицу онъ бьетъ, да вообще «смертью промышляетъ».

— Негоже этимъ дѣломъ заниматься, въ писаніи сказано, что не убій,—вразумительно объяснялъ Родіонъ сосѣду по избѣ, Агаѳону Ластикову.—Ты попомни только, когда Каинъ убилъ Авеля, такъ съ той поры и заказъ Богомъ положенъ, чтобы вольную птицу не стрѣлять и звѣря, который зла тебѣ не причинить, не бить.

Агаѳонъ внимательно слушалъ разсказъ, стараясь не проронить ни слова.

— Ну, а потомъ-то что сдѣлалось?—спросилъ онъ.

— Что потомъ? Кромѣ мѣсяца, никто не видалъ, какъ это убивство случилось, а онъ свѣтилъ невдалечѣ, солнцу-баюшкѣ и повѣдалъ о томъ. Разсердился Каинъ, когда узналъ, что мѣсяцъ ему подвохъ такой сдѣлалъ, и рѣшилъ въ отместку зломъ отплатить.

— Ишь онъ какой злобственный былъ!

— Вотъ слушай, что онъ сдѣлалъ-то: мѣсяцъ до той поры красовался и свѣтилъ такъ же ярко, какъ и солнышко, невысоко стоялъ, лѣсенку подставъ, а то съ дерева достать возможно его было. Взобрался Каинъ на мѣсяцъ, ведро смолы съ собой прихватилъ и помазку взялъ, да такъ свѣтель-мѣсяцъ высмолилъ, что его днемъ не видать стало. Ну, мѣсяцъ за такую обиду забралъ въ себя Каинъ и на небо Господне поднялся, вотъ глянь когда мѣсяцъ полный на небѣ встанетъ, самъ увидишь Каинъ; тамъ онъ съ ведровой помазкой, расширя ноги, и стоитъ. Дружить солнышко съ мѣсяцемъ перестало съ той поры, разошлись они и стали въ разное время свѣтить, днемъ и ночью, никогда не стрѣчаются....

ХІІІ.

Съ тяжелымъ чувствомъ вышелъ изъ дома Павелъ, его взволновало сообщеніе Дуни, онъ чуть было не рѣшилъ даже остаться и выждать; но медлить было нельзя, «вольная птица» недолго осталась во время перелета на монастырскихъ пожняхъ.

Пр летая съ юга на далекую Новую Землю, гдѣ лебеди, дикіе гуси высиживаютъ своихъ дѣтей, спокойные за ихъ участь, не боясь выстрѣловъ, силковъ и другихъ людскихъ приспособленій для ихъ лова, они останавливаются на нѣсколько дней здѣсь на берегу бурнаго Бѣлаго моря, иногда же, если холодъ задержится и понесутся тучи снѣга, на большее время.

На необитаемыхъ островкахъ, отгороженныхъ отъ людей луговыхъ пространствахъ, дикихъ полянкахъ пасутся вольныя птицы, отдыхаютъ до новаго дальняго перелета.

На пожняхъ Николо-Карельскаго монастыря, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ мало проходимыми тундрами, болотными «окнами» и трясинами, было одно изъ излюбленныхъ мѣстъ для лебяжьихъ и гусиныхъ стай. Здѣсь онѣ чувствовали себя въ безопасности, спокойно паслись, набирались силъ отдыхали...

Съ нѣкоторыхъ поръ и здѣсь нашель ихъ врагъ-человѣкъ; который годъ ужъ охотятся на птицу нѣсколько человѣкъ изъ сосѣднихъ деревень. Пока ихъ еще немного, всего двое или трое, но это потому, что большинство окружныхъ сель и деревень заняты другимъ промысломъ, жители ихъ большей частью держатся старой вѣры и не любятъ проливать кровь. Только Павелъ Братниковъ да Филиппъ Калюжный съ Красноторки и прибѣгаютъ сюда, на уединенные монастырскіе луга стрѣлять птицу.

Никто имъ не мѣшаетъ, никто запрета не положитъ; древній монастырь хоть и великъ, но въ немъ всего три человѣка братіи, не воспрепятствуютъ иноки охотникамъ стрѣлять пасущуюся на пожняхъ дичь.

Посмотрѣлъ какъ-то изъ окна своей кельи старшій іеромонахъ, какъ испуганно мечутся пернатые переселенцы на не совсѣмъ еще освободившихся отъ снѣга луговыхъ пространствахъ, какъ падаютъ они, подстрѣленные, на землю, сжалось у него сердце, пожалѣлъ онъ вольную птицу, но запрета не положилъ.

— Должно, такъ быть предназначено,—качая головой, сказалъ самъ себѣ сѣдой инокъ:—слабый всегда передъ сильнымъ долженъ покориться!—и охота попрежнему продолжалась.

Не легко было пробираться Павлу по болоту, да еще съ нартами. Черезъ лѣсъ пробрался онъ благополучно, подъ высокими деревьями снѣгъ на трошкѣ еще крѣпко держался, но когда онъ вышелъ на болото, на открытое мѣсто, гдѣ весеннее солнце почти согнало снѣгъ, пооттаяло тонкую, зыбкую кору мѣстами, тутъ переходъ сдѣлался тяжелымъ. Издавна проложены по всей трясинѣ, гдѣ она потверже, гдѣ имѣются кочки, не толстые, но длинные кладни. По нимъ и перебирался съ давнихъ временъ богомольецъ. Кое-когда, время отъ времени сгнившія перекладины замѣнялись новыми, но много лѣтъ уже прошло, какъ перестали заботиться о переходѣ черезъ болото, да и некому: старовѣрамъ незачѣмъ итти въ монастырь на богомолье, общеніе съ православной церковью имѣть не желаютъ, да и сами богомольцы поуменьшились, а кто надумалъ съѣздить въ монастырь помолиться, выбираетъ зиму студеную, да прямо на лошадахъ къ монастырю по замерзшимъ болотамъ ѣдетъ, а если лѣтомъ, то воднымъ путемъ по рѣчкамъ мелкимъ, но все же въ приливъ проходнымъ, на лодкахъ сплываютъ.

Давно ужъ опустѣлъ монастырь, а когда-то славился: свободолобивая новгородская посадница Марѳа Борецкая его построила...

Обѣзжали на стругѣ новгородскіе вотчинные морскіе ловы двое изъ ея сыновей, Феликсъ и Антонъ. Разбушевалось угрюмое море, разбило ихъ стружокъ,—и всѣхъ, кто былъ въ немъ, потопило, только одинъ дякъ спасся отъ смерти.

На берегъ выбрался, оглянулся вокругъ себя—видитъ, двое юношей, сыновья его госпожи, властной посадницы, обнявшись другъ съ другомъ, мертвые лежатъ.

Заплакалъ дякъ, пожалѣлъ такъ рано угаснїя молодья жизни, похоронилъ утопшихъ тутъ же, на берегу, а потомъ и въ Новгородъ поспѣшилъ, печальную вѣсть матери ихъ принесъ.

Встрепенулась гордая посадница, слезой горячею разлилась, приказала на томъ мѣстѣ, гдѣ сыновья похоронены, обитель воздвигнуть, чтобы вѣчно поминали отошедшихъ въ лучшїй мїръ юношей.

Такъ возникъ этотъ монастырь. Щедро награждала его при жизни Марѳа посадница, да и потомъ, при московскихъ царяхъ процвѣтала онъ, много вольностей и даровъ получалъ онъ отъ московскихъ владыкъ.

Позже сталъ онъ мѣстомъ ссылки людей, чѣмъ-либо провинившихся противъ вѣры православной, «еретиковъ», какъ въ то время ихъ называли. Томился въ его подземельяхъ горячїй обличитель неправды Арсенїй Мацѣвичъ, и архїепископъ Феодосїй Яновскїй, и Игнатїй Смола, сосланъ былъ туда князь Хованскїй, — всѣхъ узниковъ, которые здѣсь находились, не перечесть.

Злая иронїя судьбы! За тяжелыми каменными стѣнами, въ мрачныхъ подземельяхъ томились эти люди, борцы за свободу, за смѣлое горячее слово, глухо звучали тяжелыя цѣпи на ихъ рукахъ и ногахъ, а тутъ же, неподалеку искони отдыхала на зеленыхъ лугахъ свободная, знающая только голубую бездонную высь, смѣло летящая противъ грознаго вѣтра «птица лыбедь», дикїе гуси, никогда не подчинявшїеся волѣ человѣка, не носившіе никогда на себѣ его ярма...

Упало значенїе обители много ужъ лѣтъ. Раскрылись ея мрачныя темницы, нѣтъ болѣе за толстыми бѣлыми стѣнами томящихся узниковъ, только грузныя колодки, тяжелыя цѣпи да безвѣстныя могилки въ оградѣ монастыря слабо напоминаютъ о свободолобивыхъ людяхъ, о ихъ пребыванїи здѣсь.

Позднею весной и лѣтомъ, когда подѣзжаешь съ разлива, красивую картину представляетъ собою древнїй монастырь. Онъ точно выплываетъ изъ моря, бѣлымъ миражемъ издалека кажется, точно сейчасъ исчезнетъ, растаетъ какъ мечта, какъ фантастическое видѣнїе. Да и осенью, въ темную погоду бѣлыя стѣны его храма, высокихъ переходовъ, точно маякъ, радуютъ идущихъ съ моря рыболововъ, утѣшаютъ ихъ, что земля близко, что свирѣпыя волны моря не поглотятъ ихъ жалкіе карбасы и шляпки.

А зимой, окруженный снѣгами, когда губа обледенится по краямъ и все засыплетъ кругомъ снѣжными сугробами, монастырь оживаетъ, къ нему легче добраться, и окрестные жители, въ эту пору свободные отъ работы, часто навѣщаютъ древнюю обитель и гостятъ въ ней подолгу.

Весна же снова отдаляетъ монастырь отъ всего живущаго, ото всѣхъ.

XIV.

Сильно отвягло болото. Кладни мѣстами ушли въ топь, но такъ какъ еще болото было глубоко промерзши, то идти по немъ не было опасности.

Усталъ Павелъ. Еще полпути не сдѣлалъ, какъ присѣлъ отдохнуть на нарты, сталъ приглядываться, далеко ли идти ему еще до монастырскихъ поженъ.

Конца не видно тянущемуся болоту; только далеко, далеко легкимъ маревомъ висѣли на горизонтѣ очертанія монастырскаго собора и колоколенъ.

Вѣтеръ дулъ съ моря. Весенній воздухъ пьянилъ, стоялъ погожій солнечный день. По блѣдно-голубому сѣверному небу неслись легкія облака.

Павелъ подкрѣпился взятымъ съ собой хлѣбомъ и пошелъ дальше, таща за собой нарты.

Солнце долго стояло надъ горизонтомъ и когда, наконецъ, оно зашло, день все-таки не хотѣлъ угасать, упрямо споря съ надвигающеюся ночью.

Весенняя сѣверная ночь—это легкое, воздушное, темное покрывало, наброшенное на землю на короткое время. Минуетъ срокъ, сдернетъ съ себя это покрывало природа, пробудится, оживится, и снова заблеститъ свѣжими красками утро...

Вотъ ужъ недалеко обитель. Въ западномъ углу неба, позолоченномъ только что ушедшимъ на покой свѣтиломъ, древнія постройки отчетливо вырѣзались, точно пронизали воздухъ. Казалось, онѣ совсѣмъ близко; но до сумерекъ приблизиться къ монастырю Братникову все же не удалось.

Только когда легкій покровъ упалъ на землю, ноги охотника стали на твердую почву, громадное болото осталось позади него, передъ нимъ лежалъ безконечный лугъ, почти совсѣмъ оголившійся отъ снѣжнаго покрова.

«Перегожу здѣсь ночь, какъ бы еще птицу не напугать, а поутру раньше и зачну ее бить»,—подумалъ Павелъ.

Оставшаяся послѣ осени трава, довольно высокая, мѣшала его глазамъ рассмотреть спящихъ на пожняхъ птицъ. Завернулся охотникъ потеплѣе, легъ на нарты и быстро заснулъ.

Онъ усталъ отъ неблизкаго перехода, сонъ сморилъ его.

Со стороны моря стало подыматься солнце, блеснули первые лучи его, взметнулись ввысь золотымъ покровомъ и легли по низинамъ. Поднимаясь все выше и выше, солнечный блескъ заливалъ всю землю, заискрился въ зеленоватыхъ волнахъ утрюмаго моря, позолотилъ кресты монастырскихъ храмовъ и колоколенъ.

Привычка рано вставать сказалась. Не долго спалъ Павелъ: солнечный лучъ разбудилъ его. Онъ протеръ заспанные глаза, сталъ

прсматриваться на лежащую передъ нимъ луговину. Скоро глаза его рассмотрѣли желанную добычу.

Точно бѣлой волной было залито все видимое пространство. Отдохнувшіе за ночь лебеди мирно паслись на пожняхъ и съ тихимъ курлыканьемъ бродили по травѣ. Большими сѣрыми пятнами, вкрапленными въ лебяжьи стаи, паслись дикіе сѣрые гуси, между ними расхаживали важные журавли; не мѣшая своимъ сосѣдямъ, разыскивали они въ травѣ пищу.

Мирная картина дружбы пернатыхъ поразила даже Павла, онъ медлилъ приступать къ избіенію беззаботно пасущихся птицъ, но скоро охотничья кровь въ немъ проснулась. Осторожно, не дѣлая шуму, онъ зарядилъ свой штуцеръ и гдѣ ползкомъ, гдѣ перебѣгая приблизился къ птицамъ. Охотникъ зналъ, что стрѣлять въ лебедей издалика, тѣмъ болѣе такимъ ружьемъ, какое у него было въ рукахъ, очень трудно. Штуцеръ не могъ брать на большое разстояніе, кромѣ того, Павлу по опыту было извѣстно, что выстрѣлъ, направленный лебедю въ грудь, очень рѣдко достигаетъ своей цѣли. Толстое перо, плотный слой жира да и самая грудная кость уменьшаютъ силу удара, и пуля не убиваетъ сразу, очень часто совсѣмъ не наноситъ вреда.

«Лебедя нужно бить съ заду, — не разъ говорилъ ему покойный отецъ, тоже ходившій въ свое время на лебедей.—Гуся того бей какъ хочешь, у него и перо легче, и самъ онъ щупловатѣе, ну, а «лыбедь» царь-птица, съ нимъ справа другая».

На журавлей Павелъ не зарился: ни мясо, ни перо ихъ не имѣли такой цѣнности, какъ лебяжье, да и гуся дикаго Павелъ билъ мало, только при случаѣ. Цѣнною добычей были лебеди, на нихъ всегда находился хорошій спросъ въ городѣ.

Величественно бродятъ по пожнѣ пара грузныхъ, бѣлыхъ, какъ снѣгъ, птицъ. Красиво изогнуты ихъ змѣеподобныя шеи, любовно свиваются ими птицы другъ съ другомъ, нѣжно курлычутъ, отдыхаютъ на волѣ, откармливаются, чтобы снова летѣть дальше, на угрюмый пустынный островъ. Не чуяли они, что зоркій глазъ охотника слѣдитъ за ними.

Еще ближе подползаетъ Павелъ къ безпечнымъ птицамъ... Наставилъ на нихъ свой штуцеръ, примѣтился, ждетъ, чтобы только онѣ обернулись къ нему хвостами.

Притаился, шелохнуться боится, чтобы не спугнуть царственную пару пернатыхъ. Замеръ, а у самого сердце трепещетъ. Но тверда рука.

Подняла отъ земли голову лебѣдка, прислушивается, точно чувствуетъ человѣка. Но нѣтъ, снова согнула она шею и стала безпечно щипать траву.

Медленно повернулись обѣ птицы, жадно ожидалъ этой минуты Павелъ. Грянулъ выстрѣлъ—лебедь, какъ подкошенный, свалился,

лебедка испуганно замахала крыльями, но не улетѣла, а безпомощно завертѣлась вокругъ убитаго самца, растерянно курлыкая, точно недоумѣвая...

Торопливо зарядилъ свое старенькое ружье Братниковъ, снова приложился, намѣтился—и пернатую вдову постигла участь ея супруга.

Громко прогремѣвшіе выстрѣлы не особенно потревожили остальные стаи, птицы не видѣли человѣка, и это ихъ успокоило. Нѣсколько разъ стрѣлялъ Павелъ въ мирно пасущихся птицъ, еще убилъ нѣсколько лебедей и гусей, но солнце поднялось выше, откинулись тѣни ярче, птицы пугливо отошли дальше, пробираться по открытому пространству для охотника было неудобно.

— Ну, на сегодня утро довольно набилъ,—съ понятнымъ только охотнику чувствомъ удовлетворенія сказалъ самъ себѣ Павелъ и, не желая пугать птицъ, подобралъ убитыхъ имъ лебедей и гусей, перетащилъ ихъ къ нартѣ, уложилъ ихъ подъ нею и плотно прикрылъ дохою отъ горячихъ лучей солнца.

XV.

Въ сбдорской моленной шла тихая работа матери Измарагды. Она не оставила надежды, что мясникову сыну понравится дочка Родіона, и, когда онъ пріѣхалъ въ деревню и остановился у одного изъ крестьянъ, сейчасъ же захлопотала устроить смотрины. Нужно было это сдѣлать какъ бы ненарокомъ, въ случайной встрѣчѣ. Старуха придумывала, какъ уладить, чтобы въ случаѣ отказа жениха не обезславить дѣвушку и не обидѣть Родіона, одного изъ самыхъ богатыхъ и вліятельныхъ мужиковъ въ деревнѣ.

— Пошла бы ты, Дунюшка, покликкала ко мнѣ Палашу, у меня тутъ поразсыпалось на окладѣ одномъ, больно древнемъ, бурмицкое зерно, пособрать нужно, а она до этого дѣла мастерица.

Смекнула Дуня хитрость уставщицы, отлегла отъ ея сердца работа.

«Значить, все-таки Паньку сватать мяснику надумала, меня въ покоѣ оставила»,—рѣшила дѣвушка и пошла за Панькой.

— Зоветь тебя мать Измарагда, приходи, Панька,—небрежно кинула подругѣ посланная.

— Опять, что ли, чистить и мыть у васъ въ моленной, сами-то со своими старухами, что ль, не можете?—недовольно отозвалась Родіонова дочь.

— Ужъ не знаю, что тамъ такое, кажись, окладныя иконы бурмицкимъ зерномъ изукрасить нужно,—тоже схитрила дѣвушка и дѣланно спросила:—Такъ придешь что ли?

— Если и впрямь подвѣсь низать, приду,—согласилась Пелагея.

Довольная своей удачей, возвращалась посланная въ моленную,
— Сейчасъ, матушка, Панька прибѣжитъ.

Уставщица взглядомъ поблагодарила дѣвушку.

— Спасибо, Дунюшка, да ты куда? Останься,—сказала старуха, замѣтивъ, что Дуня собралась выйти изъ горницы:—и ты мнѣ понадобишься.

Снова тревожно забилось сердце Павловой невѣсты.

«И не меня ли, впрямь, Ванькѣ на выборъ казать хочеть,—промелькнуло у ней въ мысляхъ:—ну, ужъ я ему и покажу себя, такой представляюсь, что отступится!»

Часъ спустя молодой Федосовъ пришелъ къ уставщицѣ. Это былъ невысокій, щупловатый парень, одѣтый по-городски, въ поджачную пару, но штаны были спрятаны въ высокіе сапоги, на жилеткѣ болталась толстая серебряная цѣпочка, поверхъ ворота косо-воротки для чего-то былъ повязанъ яркій галстукъ. Волосы Федосовъ носилъ по-русски, съ проборомъ по срединѣ.

Лицо молодого мясника было блѣдно, исшиго, бородака чуть пробивалась клочьями, рыжеватые усики отгѣняли некрасивый большой ротъ, открывая запущенные, зеленоватые, хотя крѣпкіе зубы.

Всѣ ухватки парня носили на себѣ отпечатокъ города, онъ хотѣлъ казаться чѣмъ-то особеннымъ, выдѣляться изъ среды крестьянъ и все время повторялъ: «вотъ у насъ-то въ городѣ».

— Ну, Иванъ Васильевичъ, пошукались мы съ твоимъ родителемъ о женитьбѣ еще когда, теперь ты вотъ самъ пріѣхалъ, посмотри дѣвицу-то, которую я для тебя выбрала,—сказала уставщица гостю.

— А гдѣ она, матушка Измарагда?—хриплымъ голосомъ спросилъ Федосовъ.—Повидать бы ее мнѣ надобно.

— Вѣстимо, что повидать, только нужно такъ повидать, чтобы и ей не въ особую примѣту было, да и на дѣлѣ на какомъ, я ужъ объ этомъ надумала. Пройдемъ вмѣстѣ со мной въ моленную, тамъ она окладъ на иконѣ Всемиловитваго Спаса бурмицкимъ зерномъ нижежь, я тебя проведу, какъ бы для молитвы, а ты къ ней присмотришь хорошенько, пока я тебѣ объ иконахъ нашихъ древнихъ сказывать буду.

Нахальная улыбка проплыла по лицу городского слетка. Его заинтересовало предложеніе старухи.

— Что жъ, матушка Измарагда, хитро ты придумала, пойдѣмъ, покажи дѣвушку-то.

— Пеллагею звать ее, а по отцу Родионовной,—шопотомъ по-яснила она мяснику, когда они проходили въ сѣнцы.

Въ моленной, кромѣ Палаши, нанизывавшей жемчугъ на новую нитку и протиравшей драгоцѣнные зерна, стояла въ уголку на клиросѣ слѣпая Маргарита и, беззвучно шевеля губами, шоптала молитвы, перебирая пальцами кожаную лѣстовку.

— Вотъ, Иванъ Васильевичъ, паша святыня,—умильно говорила Измарагда, указывая молодому человѣку на рядъ древнихъ иконъ, вставленныхъ въ иконостасъ.—Помолись святынямъ-то, да коли чистъ устами, не осквернилъ ихъ поганымъ зельемъ, приложиться можешь.

Но мясникъ плохо слушалъ ея слова, онъ точно впился глазами въ молодую дѣвушку, у окна набиравшую бурмицкое зерно на нитку. Солнце заливало всю моленную, золотые лучи скользили по темнымъ волосамъ Пелагеи, по ея смуглому лицу и мелкими разсыпчатыми бликами играли на жемчужной ниткѣ, которую она держала въ рукахъ. Должно быть, дѣвушка чужла настойчивый взглядъ вошедшаго въ моленную незнакомаго гостя, ей былъ непріятенъ этотъ испытующій взглядъ, эта назойливость, съ которой Иванъ разсматривалъ ее.

Покупая по деревнямъ скотъ, онъ именно такимъ пытливымъ взглядомъ цѣнилъ живой товаръ. Привычка сказалась и здѣсь.

Старая уставщица не стала мѣшать его наблюденіямъ, точно одобряя своимъ молчаніемъ эти странныя смотрины.

— Вы что же это дѣлаете, барышня?—вкрадчивымъ голосомъ спросилъ онъ дѣвушку.

Поднялись суровые дѣвичьи глаза на Ивана, чуть замѣтная усмѣшка тронула губы Пелагеи, она рѣзкимъ голосомъ отвѣтила ему:

— Должно, видите, како дѣло дѣлаю! У Спаса Всемиловскаго окладъ нижу.

Осторожѣлъ мясникъ отъ такого отвѣта, но сейчасъ же нашелся:

— Теперь вижу, барышня, что дѣлаете, а сразу-то намъ, городскимъ, не понятно что-то.

Старуха Измарагда кинула сердитый взглядъ на Палашу и старалась сгладить ея рѣзкій отвѣтъ.

— Она у насъ, Иванъ Васильевичъ, по простотѣ, кое-когда и не такъ скажетъ, какъ бы слѣдовало; гдѣ ужъ намъ, деревенскимъ, подь одну мѣрку съ городскими стать.

— Хе-хе-хе,—непріятнымъ, дряблымъ смѣхомъ отозвался Иванъ.—Деревенскіе вы, а куды нашихъ городскихъ хитрѣе, все норвите обмануть.

Недовольна была уставщица и этими словами, какъ и смѣхомъ, неудобнымъ въ такомъ священномъ мѣстѣ, какъ моленная.

— Ну, теперь, гостюшка, помолился нашимъ святынямъ, ко мнѣ вернемся, я тебя часомъ напою, варенье прошлогоднее хороше у меня имѣется, и поленика, и морошка, все мои дѣвушки трудницы собирали и сварили намъ, старымъ, на утѣху. Ой, грѣшница великая, не могу отъ сладкаго то отстать.

— Позвольте, матушка Измарагда, мнѣ съ барышней-то потолковать, можеть, она и смиловится, гордость-то свою скинетъ,—

замѣтилъ Федосовъ и ближе подошелъ къ Пелагеѣ, снова уставляя взглядъ на ея полную грудь, на красивое лицо со строго обрисованными линиями носа и губъ.

Упряма была Пелагея, не понравился ей горожанинъ, она ужъ смекнула, въ чемъ тутъ дѣло, поняла, что не спроста привела сюда его уставщица, и на всѣ вопросы молодого мясника коротко отвѣчала или оставляла совсѣмъ безъ отвѣта.

Недовольный такимъ обращеніемъ, избалованный паренъ небрежно отвернулся отъ нея и пошелъ къ выходу изъ моленной.

Сердито косясь на дѣвушку, вышла слѣдомъ за нимъ и уставщица. Она была недовольна Пелагеей, ея обращеніемъ съ богатымъ гостемъ.

XVI.

Смотрины не удались. Молодой Федосовъ развязно повторялъ:

— Ну, мать честная, если всѣ у васъ дѣвушки таковы, такъ у насъ городскія куда лучше, и въ обхожденіи ласковыя, да и не дерзять.

— Такая ужъ она зародилась, Ванечка,—съ поровомъ, закинется, ничего не подѣлаешь, а порой ласкова, слово за слово такъ и нижетъ.

— Нѣтъ ужъ, матушка Измарагда, увольте отъ такой невѣсты, спервоначалу по виду мнѣ она понравилась, красива, словъ нѣтъ, и въ городѣ у насъ такую не сыщешь, а поровиста.

— Не эту, такъ другую найдемъ, дѣвокъ-то въ деревнѣ у насъ вдосталь, поживи денька два-три, осмотришься, увидишь кое-какую.

— Ой ли, матушка, только бы не задарма время провести, папаша оженить меня хочетъ всенепремѣнно здѣсь у васъ, а я бы въ городѣ себѣ невѣсту не хуже вашей нашель,—откровенно сознался мясничекъ.

— Волю родителя исполнять должно, самъ, поди, знаешь, сколь она важна, родителю покорись, по евоному поступишь, и на всю жизнь счастье себѣ обрѣтешь,—наставительно говорила уставщица.—Матери у тебя нѣтъ, такъ замѣсто нея отца вдвойнѣ долженъ слушаться и почитать.

— Это что у васъ, матушка, за дѣвушка?—неожиданно спросилъ молодой Федосовъ, небрежно слушавшій наставленія старухи, замѣтивъ вошедшую въ горницу Дуню.

— Это не наша, деревенская, а тамъ подальше, съ Солзы, отецъ ейный рыбачить, семужину беретъ. А что? Аль приглянулась?

Дуня вышла изъ комнаты, только тогда отвѣтилъ на вопросъ старухи заѣзжій гость.

— Эта куда лучше той-то, спесивой, и взглядъ у ней мягче, а по красотѣ, пожалуй, и не уступить, ншь, словно пава какая выплыла!—восхищался Дуней Иванъ.

— Что жъ, коли по нраву тебѣ пришлась, присмотришь къ ней получше, высватаю и ее за тебя, дѣвица хорошая, отъ труда нѣ бѣжить, завсе въ работѣ. Отецъ ся претить не станетъ, доволенъ будетъ только. А все жъ, посовѣтуйся допрежь всего съ родителемъ, онъ тебѣ и укажетъ, какъ поступить. Тѣмъ временемъ еще которую изъ нашихъ дѣвицъ посмотришь, можетъ, и другая не хуже Дуни тебѣ приглянется.

— Дуней звать-то?—полюбопытствовался Федосовъ.

— Евдокіей крестили, по отцу Андреевой.

— Имя-то сколь хорошо, пріятно покликать даже. Ладно, ма-тушка, погожу отца, а тамъ вмѣстяхъ и обтолкуемъ все дѣло.

— Ну-ну, ишь ты какой разумный,—замѣтила старуха, довольная, что все-таки ей удастся услужить городскимъ благодѣтелямъ.

— Отрѣзала я такъ наотмашь прямо парню-то, — злорадно сообщила подругѣ Пелагея, рассказывая ей все, что произошло въ моленной.— Другой разъ не станетъ лѣзть ко мнѣ, прилипала городской! Словно шуба вытертая по виду-то самъ, ишь хударябый какой, глаза поввалились, бороденка тощая торчитъ, самъ такой щуплявый,—разбирала городского жениха Родіонова дочка.

Молча слушала ее Дуня. Перекинулась ея мысль на себя; хоть и не слышала она, о чемъ разговаривали уставщица съ молодымъ мясникомъ, когда она входила въ комнату, но чуяла, что непріятность какая-то надвигается.

«Какъ бы и впрямь Ванька-то ко мнѣ не подсватался, чего добраго,—опасливо думала бѣлица.— Да нѣтъ, не удастся, пока къ отцу поѣдутъ, мы съ Павломъ иначе поступимъ».

— О, грѣхи, грѣхи,—бормотала старая Маргарита, плетясь изъ моленной въ свою каморку:—сколь нынче озорной народъ пошелъ; парень съ лаской, съ прилежностью дѣвку спрашиваетъ, а она, словно цѣпная собака, на него огрызъ держитъ, а то и молчитъ совѣмъ!

Уставщица, держась за стѣнки сѣнецъ, пробралась въ свой уголь, нащупала теплую лежанку и съ трудомъ взобралась на нее.

Пригрѣлась застывающая кровь, думы размаячило, вспомнилась старой та пора, когда она сама была молода, въ дѣвкахъ гуляла, у родителей въ довольствѣ да въ холѣ жила. Дальняя старуха оказывалась, изъ-подъ самой Пинегы. Въ тѣ времена и самый городъ и вокругъ него все по старой вѣрѣ жили, а какъ стали ссыльных туда присылать, поиначе пошло: и куревомъ занялись да отъ моленныхъ отставать стали, къ церковникамъ ходить зачали, почитай, чуть ли не все обміршились.

Вспомнились Маргаритѣ женихи ея, а было ихъ немало, изъ богатаго дома вышла старуха да и красовита была, всемъ подругамъ на зависть. Одинъ паренекъ ужъ больно ей нравился, Семеномъ звали, церковный былъ, ну, и положили запретъ старики дочери выходить за него замужъ, другого для нея на виду имѣли, своего по-

морца. Заартачилась въ тѣ поры Маргарита, сперва бѣллицей въ пустыньку ушла, опосля и черную наметку на себя надѣла, а тамъ дальше попривыкла, отъ житейскихъ помысловъ отодвинулась и впрямь черницей задѣлалась, домой не вернулась, такъ вѣковущей и осталась.

Старики объ этомъ не пожалѣли, а даже порадовались, что своя молитвенница имѣется.

И вотъ теперъ, лежа на мягкой кошмѣ, все припомнилось слѣпой уставщицѣ, далекимъ маревомъ померещился бывший суженый Семень, но ясно лицо его ей не напомнилось и сгбло...

— Охъ, искушеніе, прости, Господи,—съ тяжелымъ вздохомъ прошптала старая, укладываясь половчѣ и начиная дремать.

Снаружи, за небольшимъ окномъ назойливо верещали недавно прилетѣвшія птички, хлопотливо стараясь сооружать гнѣздо...

XVII.

Третій день бьетъ птицу Павелъ, все опасливѣе и опасливѣе становятся лебеди, дикій гусь, тотъ глушышь, прямо подъ ружье лѣзетъ, а лебеди боязливо вытягиваютъ шею, прислушиваются, а чуть человѣка замѣтятъ, грузно отлетаютъ дальше по пожнямъ; помогаетъ имъ и журавль: издалека видитъ длинноногая птица, гдѣ тается охотникъ, пугливо закричитъ и вспорхнетъ. Ну, на него глядя, и лебеди осторожку блюдутъ.

Все же Павелъ набилъ птицы не мало, такъ-сякъ изловчается, добычу беретъ.

Три дня ужъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ на монастырскихъ пожняхъ оставался, пулѣки и порохъ къ концу подходятъ, нужно кончать, а то и впрямь всей добычи съ собой не уволочешь. Съ тяжелымъ грузомъ по болоту пройти будетъ не легко, солнце съ каждымъ днемъ растапливаетъ все глубже трясины, какъ бы и впрямь не завязнуть.

«Засосетъ, пожалуй, аль въ «окно» какое угодишь,—опасливо думаетъ охотникъ,—и не выберешься, да и помочь некому, о завтра день закончу и въ обратъ пойду», рѣшилъ Братниковъ, укладываясь на почлегъ послѣ удачливаго дня.

Проснулся рано, на монастырскіе храмы помолился, водички испилъ, не то ручеекъ, не то рѣчонка малая черезъ пожни пробивается. Вода невкусная, солоноватая, претитъ съ нея. Взялъ ружьецо Павелъ и сталъ пробираться по громадному лугу, подбираясь къ бѣлой пушистой стаѣ.

Замѣтилъ человѣка журавль, закурлыкалъ, проворно отбѣжалъ въ сторону.

— Ишь, примѣтющій какой,—вырвалось у Павла:—какъ бы лыбедь не отогналъ дальше.

Охотникъ понагнулся ниже и осторожно сталъ пробираться по начинающимъ зеленѣть пожнямъ.

Грузная бѣлоснѣжная птица подѣ самый выстрѣлъ на него идетъ, уткнула головку въ траву, копошится.

Екнуло сердце у Павла, штуцерокъ къ щекѣ вскинулъ, приложился, ждетъ, чтобы жертва обернулась.

Вотъ-вотъ сейчасъ грянетъ выстрѣлъ, палецъ твердо лежитъ на собачкѣ, только нажать ее остается.

«Бумъ!»—звонко прокатился металлическій гулъ по широкому приволью зеленѣющихъ поженъ.

Загудѣлъ благовѣстникъ съ монастырской колокольни, къ утренѣ заблаговѣстили.

Встрепенулись мирно пасущіяся птицы, закурлыкали, зашнѣли гуси, вздрогнулъ охотникъ, рука невольно отошла отъ ружья, вспомнилось ему, что сегодня воскресъ-день, зазрела совѣсть.

«Въ Божій храмъ на молитву людей созываютъ, а я тутъ мертвить Божьи созданія хочу», промелькнуло въ головѣ Павла.

Задумался онъ и объ охотѣ забылъ. А съ колокольни одинъ за другимъ несутся звонкіе послы, гудитъ старинная мѣдь, заполняетъ воздухъ серебристымъ звономъ, летятъ звуки все дальше и дальше, нѣтъ имъ преграды, нѣтъ остановки, эхомъ откликнутся негдѣ, такъ и гинуть, расплываясь безслѣдно въ утреннемъ воздухѣ.

Словно ожила эта бѣлая громада, эта таинственно молчавшая до сихъ поръ обитель. Въ будень-день только въ призывный колоколь звонятъ, не великъ онъ, звону большого не подаетъ, тутъ же въ стѣнахъ обительскихъ и остается, о воскресъ-день иноки «благовѣстника» изъ молчанія вызываютъ, вотъ онъ и заговорилъ теперь.

— Не стану я сегодня птицу бить, грѣхъ-отъ на душу брать, сберуся въ монастырекъ, перебѣгну помолиться, — сказалъ самъ себѣ Павелъ, совершенно забывая въ эту минуту разницу между церковниками и молящимися по старой вѣрѣ.

Зачаровалъ, ольстилъ его мягкій звукъ монастырскаго «благовѣстника», до самаго сердца проникъ онъ, разбудилъ тамъ дремавшую совѣсть...

Мигомъ брошено ружьишко подѣ нарты, на груди настрѣляныхъ птицъ; крупно шагая по мокрому еще лугу, пошелъ Братниковъ къ монастырю. Пришлось ему перейти двѣ небольшія рѣчонки, крутыми заворотами пересѣкавшія пожни подѣ самыми стѣнами обители. По обочени залитой водой тропки прошелъ охотникъ, а тутъ неподалечку и святые ворота въ деревянной оградѣ прорѣзаны.

Никого. Пустыненъ весь дворъ, травкой зеленой залитъ. Стихъ колоколь, отзвукомъ тихимъ гудитъ еще только не успокоившаяся мѣдь. Тихо.

Поднялся по высокимъ ступенямъ Павелъ, въ сѣнъ старинную, узорными столбами подпертую вошелъ, кверху поднялся, въ икону

Николая угодника съ мечомъ, что у входа храма на стѣнѣ написана, глазами уставился. На приволье морское, что изъ прорѣзовъ въ стѣнахъ отсюда видѣлось, полюбовался и ходомъ длиннымъ пошелъ, только отзвукъ отъ плитъ при шагахъ его раздался, эхомъ далеко впереди повторяется.

И здѣсь пустынно, точно вымерли все люди, ни черной ряски шюка не видно, человѣческаго голоса не слышно, почитай, все переходы кругомъ обошелъ Павелъ.

Уловилъ онъ чуткимъ ухомъ гдѣ-то слабый напѣвъ церковный, къ тяжелымъ желѣзнымъ дверямъ подошелъ, робко распахнулъ ихъ, пѣснопѣніе густой волной пробило черезъ вторую дверь, навстрѣчу къ нему прыгнуло...

Въ храмъ вошелъ парень, робко къ стѣнѣ приткнулся, рука сама крестное знаменіе творить, къ иконамъ древняго письма, что въ иконостасѣ вставлены, голова кланяется.

И здѣсь, въ храмѣ, раздѣва богомольца и обчелся, на клиросѣ, заставленномъ большимъ образомъ, въ золоченой ризѣ, утрепо поютъ, старичекъ-монахъ служитъ, возгласы подаетъ.

Дивится Братниковъ, какъ-то, пошпаче, чѣмъ у нихъ въ моленной, и распѣвъ иной, и служба другая, а молитва все жь на умъ проносится, въ сердце проникаетъ.

Большое окно, зарѣшеченное древней кованной желѣзной рѣшеткой, подъ солнцемъ, золото льется съ неба, узоръ отъ рѣшетки на полъ кладетъ, на серебряныхъ ризахъ блічками играетъ, пыльный столбъ, точно живой, въ солнечномъ лучѣ крутится.

Небольшой храмъ весь залитъ свѣтомъ.

Страшное чувство, котораго никогда не испытывалъ Братниковъ, бывая въ моленной, охватило его... Здѣсь онъ не слышалъ надоѣдливаго гнусаваго пѣнія, повторяющихся малопонятныхъ ему возгласовъ уставщицы, долгаго чтенія безконечнаго канона. Утренняя шла быстро. Иноки хорошо знали, что впереди еще не мало дѣла по обители, пѣвшіе на клиросѣ трудники имѣли много другихъ занятій: тутъ былъ и кухарь, и разносчикъ воды, и дрововозъ, служили наспѣхъ.

Древнія монастырскія стѣны остались ужъ далеко за охотникомъ, а онъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ утрени.

XVIII.

Старикъ Федосовъ не пріѣзжалъ еще въ деревню. Иванъ хотѣ и соскучился по городу, но старался скрасить свое пребываніе здѣсь смотромъ невѣсть. Выдалъ онъ и Анну Лазоревую, о которой говорила уставщица, показали ему и рыжую хохотушку Степаниду, дочку горбатаго Алексея, еще двухъ-трехъ дѣвушекъ повидѣлъ онъ, но когда мать Измарагда спросила мясника, какая же изъ нихъ

больше всего ему понравилась, Иванъ насупился, недовольно свистнулъ, пробормотавъ:

— Ну, ужъ и папаша, сказывалъ, что у васъ тутъ такія красы-раскрасавицы имѣются, что станешь передъ ними, ротъ разинешь и глазъ свести не сможешь, а на дѣлѣ-то выходитъ иначе,—двухъ только я и отмѣтилъ.

— Кого же да кого, Иванъ Васильевичъ?—осторожно спросила старуха.

— Да вотъ та первая, что мнѣ казали, въ моленной, Пелагея, красивая дѣвушка.

— А другая которая?

— Ваша келейница, мать Измарагда, Дуня, за ней бы я «поманчукался», и собой видна, да и характеромъ веселымъ къ себѣ манить.

— Такъ вотъ и бери первую-то, коли нравится, отецъ пріѣдетъ, сватать ее зачнемъ.

Лицо мясника состроилось въ гримасу.

— А, ну ее... строптива больно, ишь гордыню-то свою тогда мнѣ показала, морду въ сторону воротить, не стоитъ. А вотъ ты, мать Измарагда, соватай мнѣ свою-то, Дуняшу, эта въ самый разъ подходитъ.

— Что жъ, пожалуй, и Дуню поладюсь за тебя высватать,— не такимъ охотнымъ тономъ, какъ раньше, согласилась старуха:—рановато, какъ бы, только ей замужъ-то итти.

— Э, матушка, сколько кобыла жеребятъ ни рожала, а хомута не миновала!

Посжилась уставщица, услыхавъ грубую поговорку гостя, но ничего ему не возразила. Молчаніе ея Иванъ принялъ за одобреніе, засмѣялся и снова сказалъ:

— А мнѣ ужъ, какъ ни беречься, а не миновать обжечься! Погуляла голова вволю, поискать нужно мягкую подушечку.

Уставщица торопливо перебирала пальцами лѣстовку, творя «умную» молитву.

Желаніе ея выдать замужъ за сына благодѣтеля Пелагею Родионову не удалось: и отецъ и самъ женихъ были противъ нея.

— Мать Маргарита, а мать Маргарита,—осторожно будила слѣпую Измарагда, войдя въ ея каморку.

Старуха испуганно озиралась, чуткѣй старческой сонъ ея вспорхнулъ. Она суетливо сползла съ лежанки, оправляла повойникъ на головѣ и шептала:

— Господи помилуй, Господи помилуй!

— Посовѣтоваться къ тебѣ пришла, мать Измарагда,—начала уставщица.

— Какой ужъ я совѣтъ дать могу тебѣ, матушка, стара, свѣта, Божьяго кое время не вижу,—тихо отозвалась старуха.

— Видишь, дѣло-то оно какое,—не слушаяся возраженій, продолжала Измарагда,—Иванъ, гостенокъ нашъ, Дуню сватать за него просить.

Зрачки слѣпой широко раскрылись, она уставилась на старшую,

— За Дуняшу, сказываешь, матушка? Что жъ, Господь съ ней, пусть идетъ, коли человѣкъ онъ хорошій. Какъ будто я дослушала, что и богатѣйшинокъ отецъ-то евоный.

— Жалко мнѣ Дуню отпускать, пойми это, можетъ, осталась бы у насъ еще въ моленной, попривыкла больно, гдѣ теперь другую найдешь.

— Пелагею возьми,—увѣренно сказала Маргарита.

— Спесива, горда.

— Э, матушка, пособиешь ей спесь-отъ, на послушаніе какое пострже поставимъ, не сбѣжитъ, отецъ-отъ строгій, да и мать потачки не дастъ.

— Такъ, думаешь, Дуню-то сватать?—раздумчиво спросила снова Измарагда.

— И не медля минуты, матушка, ишь какое счастье дѣвкѣ привалило.

— Пусть такъ будетъ,—и уставщица прошла къ себѣ въ комнату, отыскала чернильницу, плохонькое заржавленное перо, велѣла Дуниѣ кликнуть черничку Хіонію, хорошо умѣвшую грамотѣ, и когда та пришла, приказала писать письмо Журнакову.

«Андрей Никитичъ, сказываю тебѣ большую радость, тотъ купецъ городской, что Дуню смотрѣлъ, снова къ намъ пріѣхалъ и хочетъ ее сватать; поспѣшай сюда къ намъ, нужно немедля образовать ихъ да коли возможно будетъ, до Петровокъ и честнымъ вѣнцомъ обсоюзить. О приданомъ не безпокойся, женихъ самъ богатый, если съ тебя и спросится, то самая малая толика...»—затѣмъ слѣдовали благословенія и все какъ слѣдуетъ по укладу.

— Свернуть сама ты, сестра, сумѣешь, вотъ тамъ сургучика осталось, возьми, припечатай,—приказала уставщица,—да позови Вавилу, пусть ко мнѣ сюда придетъ.

Черница исполнила метаніе и пошла за дворникомъ, служившимъ при моленной.

— Вотъ тебѣ грамотка, Вавила, сбѣгани-ка въ Солзу, можетъ, кого путевыхъ повстрѣчаешь, подвезуть, передать ее Андрею Журнакову и упреди, чтобъ не задержался, а сюда къ намъ бы жаловалъ, спѣшное, дескать, у матушки дѣло до тебя имѣется.

Дворникъ низко поклонился старухѣ, взялъ письмо, спряталъ его тщательно въ шапку и отправился.

XIX.

— Авдотья Андреевна, поклонь, что ли, родителю низкій передать?—встрѣтившись на лѣстницѣ съ бѣлицей, сказала Вавила.

Вздрогнула отъ неожиданности дѣвушка, съ лица смахнулъ смѣшокъ.

— Аль гдѣ повидашь тятеньку?

— Къ нему самому матушка Измарагда спосылаетъ, съ грамоткой. Звать его сюда велить, дѣло какое-то до него есть, ужъ не пожалиться ли на тебя она хочетъ?—усмѣхаясь, придумывалъ мужикъ.

— Что жъ, кланяйся, а если сюда пріѣдетъ, сама его повижу,—степенно отвѣтила она и медленно прошла по сѣнцамъ, но сейчасъ же вернулась и побѣжала черезъ дворъ въ избу къ черницамъ.

«Никто, какъ Хіонія, шьемю написала, къ ней подвернусь, по-разспрошу, пошукаю ее», сообразила Дуня.

— Спасибо, милая сестрица, за писаньице,—обратилась она къ Хіоніи.

— Не за что, Дуниша, я только матушкину волю исполнила,—наивно отозвалась голубоглазая горбунья,—радуюсь, что ты тятеньку своего увидишь, да и съ другой радостью твоей великой поздравляю.

— А какю такой?—притворясь ничего не знающей, спросила дѣвушка.

Лицо горбуньи расплылось въ улыбку.

— Ужъ не знаю, сказывать ли тебѣ—и, наклонившись къ самому уху Дуни, таинственно прошептала:—женшокъ къ тебѣ посватался, замужъ ладятъ тебя выдать.

Заколodилось сердце молодой Журнаковой, все еще таившіяся сомнѣнія исчезли, она видѣла теперь, что мясниковъ сынъ хочетъ на ней жениться.

«Отца вызвали, тотъ обрадуется, что такой женихъ дочкѣ сватается,—злорадно думала она:—сейчасъ прискочить».

Закусивъ до крови губы, задумчиво стояла Дуня передъ горбуньей, изумлявшейся, что сообщенная ею новость не обрадовала бѣлицу.

— Славный молодець, богатый,—пыталась снова навести на разговоръ Хіонія.

Но Дуня, коротко бросивъ: «Спасибо, сестрица», поспѣшно ушла изъ избы.

«Не сдамся, не сдамся,—твердила она сама себѣ:—эхъ, Павлушки-то здѣсь нѣтъ, подговорила бы я его, убѣжали бы съ нимъ вмѣстѣхъ!»

Но осторожность ей сейчасъ же подсказывала:

«Куда, куда бѣжать, отца ославить на всю округу! Коли не вѣнчанная жить съ нимъ стацеть, проклянуть тятенька».

Внезапная мысль мелькнула у ней въ головѣ:

«Къ церковникамъ, что ль, пойти, тамъ обвѣнчаться, а какъ потомъ наши, скитскіе-то, посмотрять на меня? «Изженуть», какъ паршивую овцу изъ стада, чужая для нихъ стану!»

Но это изгнаніе ее не такъ пугало, сколько отцовское проклятье. Суровая догма старовѣровъ о силѣ родительскаго проклятія давила дѣвушку. Хоть и угодливъ былъ рыбакъ Андрей, а все жь на обмѣрившуюся дочку поглядѣлъ бы строго; сладъ она самокрутку въ старовѣрской какой моленной да изъ согласія поморскаго не уходи, все еще ничего, посердился бы старикъ, поругаль, можетъ, и побилъ бы дочь и зятя, какъ это водится, а потомъ простилъ.

Безцѣльно идя по деревенской улицѣ, она натолкнулась на навязываемаго ей жениха.

— Авдоть Андреевнѣ наше почтеніе-съ, куда изволите гулять итти, барышня?—вградчиво спросилъ ее Иванъ и, свернувъ руку калачикомъ, предложилъ:—не угодно ли-съ пройти вмѣстѣхъ со мной?

Дуня окинула его презрительнымъ взглядомъ, но не нашлась ничего отвѣтить, настолько дико показалось ей его предложеніе.

— Можетъ, ваши городскія такой обычай держать, а здѣсь въ Обдорѣ не попривыкли мы къ этому.

— Потомъ привыкнете, у насъ въ городѣ всегда мужчина съ барышней подъ ручку гуляетъ.

Дуня быстро сообразила, какъ избавиться отъ надоѣдливаго мясничка.

— Ой, простите, Иванъ Васильевичъ, затараторилась я здѣсь съ вами, а матушка Измарагда меня ждетъ, по ея дѣлу я ходила.

— Ну, старуха подождетъ, побудьте со мной, барышня,—настаивалъ парень и взялъ за руку Дуню, но она вырвалась, весело засмѣялась и быстро пошла по направленію къ моленной.

«Ишь, сколь наипливиъ сталъ, и впрямь думаетъ, что я польщусь на его деньги,—подумала бѣлица, все ускоряя и ускоряя шагъ, чтобъ не догнать ее молодой мясникъ. — Только бы Павлушка скорѣе вернулся, надумали бы мы съ нимъ что-нибудь».

Въ моленную она не пошла, а юркнула къ черницамъ въ избу. До вечерняго стоянія въ моленной еще было много времени, и скитскія сестры, чтобы убить время, слушали разсказъ одной изъ нихъ постарше. Та поясняла по старовѣрскому понятію устройство неба.

Скитницы, между которыми было и нѣсколько дѣвушекъ съ деревни, затанцовали, слушали пѣвучую рѣчь Агаоклеи и не спускали съ нея взора.

— Ни начала, ни конца нѣтъ у Божьяго неба, далеко, высоко пораскинулось оно. А сколь тамъ чудно, языкъ человѣческой не выразить, умъ не постигнетъ, текутъ тамъ молочныя рѣки, а по краямъ ихъ стоятъ золотыя горы, и растутъ на нихъ деревья съ золотымъ плодомъ. Покойнички, что преставились, играютъ и веселятся. Кои постарѣе, въ золотеныхъ избахъ сидятъ и съ неба на землю поглядываютъ, а паренъки молодые да дѣвушки на «чункахъ» золотыхъ съ горъ катаются.

— Да неужто, мать Агаѳоклея, oprичъ этого никакого имъ дѣла не назначено?—изумилась горбатая Хіонія.

— Какъ не назначено, есть и другое, молятся они Господу, Бога прославлять ежечасно должны, хотя и далеко небеса-то отъ земли отстоятъ, а все жъ выше еще надъ ними много другихъ имѣется. А на самомъ верхнемъ небѣ Господь Богъ съ Пресвятой Богородицей обитають, и ангелы хранители имъ служатъ.

— А откуда ты такія премудрости, сестра Агаѳоклея, узнала? Аль откровеніе тебѣ было?—съ любопытствомъ спросила высокая, полная дѣвушка, съ подслѣповатыми глазами.

— Откровеніе! Да развы мы, грѣшныя, можемъ надѣяться на откровеніе, люди старые, кандовые сказывали. Изъ-подъ Пиндамъ, такое мѣсто имѣется, приходилъ старецъ въ нашу деревню, когда я еще молода была, такъ у нихъ есть тамъ старая-престарая женщина, старица Божья, вотъ ее однажды, какъ въ полѣ она проходила, застала гроза, а въ грозу-то небо открывается избраннымъ Господомъ людямъ. Въ поломъ небѣ ей предстали люди въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ, а по сторонамъ ихъ золотеныя лампы навѣшаны рядами, и горятъ онѣ огнемъ неугасимымъ, ярче солнечнаго свѣта...

— Ишь, бывають же люди, кои всего такого удастаиваються поглядѣть,—глубоко вздохнувъ, протянула Хіонія.—А вотъ мы, грѣшныя, и не знаемъ ничего.

— Это что видѣтъ-то,—довольная, что завладѣла общимъ вниманіемъ, продолжала курносая Агаѳоклея:—а ты пойми, что въ это время, какъ небо-то полымъ стоитъ, проси у Бога всего, чего хочешь, и жизни долгой, и богатства, и почестей, а допрежь всего грѣховъ отпущеніе, все тебѣ подается.

— О, Господи,—какимъ-то воплемъ сказала толстая дѣвушка.

Хотя Дуня сама была изъ старовѣрской семьи, но не особенно вѣрила всѣмъ этимъ розсказаньямъ.

— Ой, правда ли ты, Агаѳоклеюшка, сказываешь?—неожиданно вмѣшалась она въ общій разговоръ.

— А, какъ же по-твоему, Дуня?

— Да ужъ больно что-то нескладно, — продолжала бѣлица:—вотъ ты сказывала онадась, что земля на трехъ китахъ стоитъ...

— А по-твоему на четырехъ, что ли?—раздосадованно кипула ой черничка.

— Не на трехъ и не на четырехъ, а земля шаръ, который вертится.

— Маловѣрка ты, въ древнемъ писаніи сказано такъ, а ты хочешь по-своему! Коли земля шаромъ бы была, такъ мы бы все внизи головами ходили!

Какъ ни тяжело было Дунѣ послѣ сегодняшнихъ извѣстій, но она не могла удержаться, громко разсмѣялась и кипула начетницѣ:

— Такъ что жъ изъ этого, мы и ходимъ!

— Ой, что ты, дѣвка, сказала, еретичество какое,—ужаснулась Агаюкля.

Но Дуня, продолжая смѣяться, убѣждала изъ избы.

XX.

Не легко было перебираться по болоту Братникову, а въ особенности съ перегруженными набитой птицей нартами.

Солнце старательно исполняло свою работу, во многихъ мѣстахъ трясина значительно ослабѣла, болотная вода подточила верхнюю корку, появились «окна», ледяная крышка на нихъ стаяла. Приходилось итти только по кладнямъ, нѣсколько шаговъ въ сторону, и сейчасъ же уйдешь въ болото, трясина засосетъ.

Пятнадцать верстъ, на которыя тянулось болото, Павелъ, отправляясь на охоту, прошелъ въ два часа съ небольшимъ, но теперь для этого пришлось употребить цѣлый день времени.

Обрадованно вздохнулъ охотникъ, когда ноги его нащупали твердую почву лѣса. За это время снѣгъ почти сошелъ между деревьями, вести тяжелыя нарты было нелегко, мѣстами полозя ихъ застревали въ сыромъ мху.

И тутъ пробился Братниковъ нѣсколько часовъ. Оставалось еще немного большой дороги, какъ разразилась первая весенняя гроза. Раскаты грома гулко прокатывались между лѣсными исполинами, среди хвои проскальзывали золотыя струйки молніи, но дождя не было, хотя сѣрая дождевая туча надвигалась съ западу.

«Не переждать ли мнѣ дождь здѣсь, подъ деревьями?» раздумывалъ парень.

Павелъ остановился подъ развѣистой елью, присѣлъ на нарту и задумался. Дождь хлынулъ, какъ изъ ведра, густая пелена воды застлала все, громъ не переставалъ, гдѣ-то, не особенно далеко отъ охотника, молнія ударила въ дерево и съ трескомъ расщепила его.

Павелъ боязливо перекрестился и рѣшительно взялся на нарты и потащилъ ихъ на дорогу. По самой дорогѣ тащить нарты было бы очень трудно, пришлось итти вдоль нее, по травяной обочени,

тутъ все-таки по сырой травѣ полозья шли легче. Дождь переставалъ.

Зоркій глазъ охотника уловилъ какое-то движеніе въ травяномъ кустикѣ, изъ него показалась головка змѣи. Пресмыкающаеся выползло на дорогу, отыскивая себѣ сухое мѣсто.

«Ишь, кстати змѣйка-то ползеть, давно ужъ тетка Матрена просила подыскать мнѣ змѣю, совсѣмъ бѣдная ослѣпла», сказала самъ себѣ охотникъ и ружейнымъ ложемъ раздробилъ пресмыкающемуся голову.

Поморы вѣрятъ, что приготовленная изъ убитой змѣи уха исцѣляетъ глазныя болѣзни. Когда уха готова, болящіе глазами наклоняютъ голову надъ котломъ, чтобы паръ изъ змѣинова варева попадалъ въ глаза.

Сестра Анисьи, матери Павла, Матрена, больше года какъ ослѣпла и все просила племяша раздобыть змѣю для леченія.

Гроза стихала. Она ушла въ сторону, туда къ Солзѣ. Передъ Братниковымъ лежала мокрая дорога, блѣдно-голубое небо выглянуло изъ прорвавшихся тучъ, въ лѣсу радостно чиркала варакушка, этотъ соловей сѣвера. До Обдора оставалось уже не такъ далеко, и отдохнувшій охотникъ съ новыми силами потащилъ тяжелый возъ.

Чѣмъ ближе подвигался онъ къ дому, тѣмъ больше на память къ нему приходила «его любя», бѣлица Дуня.

«Что она теперь подѣлываетъ, вѣдь, почитай, недѣлю, какъ я изъ деревни ушелъ».

Ему вспомнился и городской женихъ, Федосовъ, екнуло болѣзненно сердце. Мысли стали невеселыми, проснулась невольная ревность.

Встрѣчавшіеся на дорогѣ прохожіе и проѣзжіе съ любопытствомъ посматривали на бѣлоснѣжную кладь, пышной горой поднимающуюся на нартахъ. Одинъ изъ проѣзжающихъ остановилъ даже лошадь и завистливо промолвилъ:

— Ишь ты, поди жъ ты сколь много лыбеди набиль-то! Ну, парень!

Павель ничего не отвѣтилъ на его замѣчаніе, и проѣзжіи, тронувъ вожжами лошадь, качая головой, поѣхалъ дальше.

Совсѣмъ ужъ близко родная деревня; только свернуть съ большой дороги, пройти съ полверсты тундрой, а тамъ ужъ и гать черезъ болото.

Усталыя плечи здороваго парня ныли, но онъ поналегъ на лямку и бодро потащилъ тяжелый грузъ по тундрѣ.

Ядовитая боли-голова уже поднимала свои красныя головки, выпрямляла твердые серебристые листки, мѣстами бѣлѣли цвѣты морошки, ближе къ гати пошла ползучая березка, скорѣе похожая на невысокій кустарникъ.

На узкой дорогѣ, изрытой рытвинами, ведущей черезъ гать, ухо Павла уловило стукъ телѣги, она тарахтѣла сзади его. Братниковъ заботливо сдвинулъ карты къ краю дороги, пропуская бѣдущаго сзади. Одного взгляда на послѣдняго было достаточно, чтобы Павелъ узналъ въ немъ Андрея Журнакова, Дунинаго отца. Онъ вѣжливо снялъ картузь, поклонился рыбаку, но тотъ только кивкомъ отвѣтилъ на привѣтствіе, хотя посмотрѣлъ на убитыхъ лебедей и съ завистливой досадою крикнулъ:

— Ишь, сколько Божьей птицы-то зря побилъ, кровопивецъ! Уставы древніе ѣе блюдешь!

Ничего не отвѣтилъ ему Братниковъ, только махнулъ рукой.

У него появилось новое безпокойство.

«Чего это Журнаковъ опять сюда наѣхалъ-то, въ самую пору горячую, теперь у нихъ самый ловъ «закройки» идетъ, а онъ по чужимъ деревнямъ разѣзжаетъ, не спроста!»

XXI.

— Ну, вотъ и ты, Андрей Никитичъ, что позамедлилъ?—говорила уставщица Журнакову послѣ обычнаго метанія.

— Никакъ невозможно было, матушка Измарагда, о нынѣшній годъ «закройка» больно сильно пошла, ловы удачливые,

— Такъ-то оно такъ, Андрей Никитичъ, а все жъ случая такого упускать не должно. Пойми, Дунюшку-то твою какой женихъ высватывасть, отецъ его тоже позамѣшкалъ, еще вчера съ его мы ждали.

— Не наѣзжалъ еще? Эхъ, дѣло-то какое, а я рассчитывалъ завтра вобрать ѣхать, время-то у насъ самое горячее.

— Ну, какъ ты тамъ хочешь, а перегоди.

— Что жъ, перегожу денекъ,—уныло протянулъ рыбакъ.—Тутъ какъ подъѣзжать къ вашей деревнѣ, повстрѣчалъ я Павлушку, Братникова, цѣлый возъ волокъ онъ лыбедей и гуся, птицу вольную бьетъ, развѣ это сказано въ писаніи, что лыбедея стрѣлять разрѣшается?

— Озорной парень, ишь, онъ и въ молельную къ намъ придетъ, стоитъ, не стоитъ, пересмѣивается,—съ негодованіемъ сказала уставщица.

— Къ Дуныгѣ-то моей онъ подъѣзжалъ...

— Вѣдомо мнѣ это, Андрей Никитичъ, она мнѣ сказывала тоже, запретъ я ей положила, негоже за такого парня выходить, кровопивецъ онъ, да и обміршился, завсе съ церковниками и ѣсть, и пьеть, кажись, и табакъ потребляетъ.

— А женишка богданнаго повидать возможно?—осторожно спросилъ Журнаковъ.

— Отчего не повидать, кажись, онъ въ деревнѣ сейчасъ имѣется,

если не уѣхаль куда скотинку посмотрѣть, да ты не безпокойся, о сегодня все порѣшится, и по рукамъ ударите.

— Дуняшка-ка моя здѣсь?

— Да тутъ, кажись, какъ будто была, никуда ее не спосылала. Дуня, Дуня!—окликнула уставщица.

Но изъ сѣней никто не отзывался.

— Должно, въ избѣ у сестеръ находится.

Но и тамъ бѣлицы не оказалось.

Въ нетерпѣннѣ ожидая возвращенія Павла, она по нѣсколько разъ въ день бѣгала къ Анисѣ подѣ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

— Что это ты, Дунюшка, зачастила ко мнѣ больно?—изумлялась старуха:—аль дѣло у тебя какое до меня имѣется?

Зардѣлась бѣлица, такъ и рвалось у ней сердце высказать бующей свекрови всю правду, да побоялась, какъ отнесется та къ этому, пожалуй, еще все матушкѣ Измарагдѣ расскажетъ, горше-горькаго будетъ.

Только что Дуня прибѣжала въ домикъ на косогорѣ, какъ зоркіе глаза ея сразу замѣтили идущаго по гати Павла. Не забѣгая въ домъ, она бросилась къ нему навстрѣчу.

— Павлуша!—растерянно-радостно воскликнула она.

Отлегло отъ сердца у Павла, онъ понялъ, что дѣвушка его попрежнему любить.

— Подѣ ветлы обойдемъ, словомъ перемолвимся, а тутъ на дорогѣ всякъ насъ видитъ, не вѣсть чего наскажутъ, наплетутъ...

Бросивъ на дорогѣ тяжелыя нарты, они спустились съ косогора на знакомую имъ полянку около рощицы.

Торопливо, глотая слова, пересказала Дуня своему суженому все, что случилось въ его отсутствіе.

— Ишь, оно дѣло-то какъ продвинулось, скорехонько завертѣли,—прошенталъ Павелъ:—а ну, давай придумывать, какъ быть, что подѣлать.

Дуня сообщила ему о своемъ планѣ самокрутки, робко подчеркивая опасность родительскаго проклятія.

— Не, не проклянетъ, своя кровь, не таковскій твой тятя,—увѣренно сказалъ Павелъ.

— А гдѣ жъ вѣнчаться станемъ, въ Нагурскую пустынь пойдешь, что ли?

— Не, нельзя этого, нагурскія старицы станутъ спрашивать, почему въ своей молельной не вѣнчаютъ, матушки Измарагды побоятся.

— Въ Онегу, что ли, ѣхать?

— Сейчасъ тамъ скитокъ весь разогнанъ, никого нѣтъ. Знаешь, что я скажу тебѣ, любя моя, повѣнчаемся у церковниковъ.

На лицѣ дѣвушки выразился испугъ.

— Грѣхъ-отъ какой, тогда матушкѣ Измарагдѣ на глаза не показывайся, поѣдомъ съѣсть, да и отецъ..

— Что отецъ-то! Разсѣрдится и таковскій же будетъ. Такъ слушай же, сегодня-завтра перегодимъ, а на тотъ день пѣгаго я заложу, мы съ тобой въ Неноксу и поѣдемъ.

— Солзы-то нашей не миновать, какъ бы кто не запримѣтилъ, какъ на паромѣ перебираться станемъ,—боязливо замѣтила Дуня.

— Ты подъ грядку спрячешься, а я тебя кошмою прикрою, а мнѣ-то что, я вольный человѣкъ, куда хочу, туда ѣду! Ну, такъ согласна, что ли?

— Милый мой, хорошій,—кладя руки на плечи Павла, любовно сказала Дуня:—развѣ я вольна въ чемъ тебѣ слово противное сказать, а тутъ для насъ, для нашего счастья ты хлопочешь.

— Ну, и ладно! Какъ утреню отправите въ моленной, ты и порови прибѣжать вотъ сюда, на полянку, я ужъ ждать буду.

— Приду. А матери своей сказывать будешь?

— Чего зря старуху въ неприязнь втягивать, пусть это межъ нами двумя вѣдомо останется, опосля, какъ вернемся, ни отъ кого не укроемся, мужъ и жена вѣнчаные, и разлучки намъ ужъ не сдѣласть никто.

Долгимъ любовнымъ взглядомъ окинула своего суженаго бѣлица, ее покорила его увѣренность, спокойствіе, надежда на будущее.

— А теперь прости, дѣло у меня есть, нужно за птицу приняться, шкуру поснять. Ты того, по большой дорогѣ-то не иди, задами укройся, какъ бы кто не замѣтилъ, матушкѣ Измарагдѣ да отцу твоему не свѣдомилъ.

— Знаю, съ осторожкой пробѣгу.

Первымъ ушелъ Павелъ, онъ вернулся къ оставленному возу, а Дуня, поднявшись на косогоръ, далекимъ обходомъ вышла у самой моленной.

Горбатая Хіонія растерянно посматривала по сторонамъ и, замѣтивъ идущую Дуняшу, обрадованно кинула ей:

— Иди скорѣе къ матушкѣ Измарагдѣ, кое время тебя ищутъ, нигдѣ найти не могутъ, тамъ тятя твоя пріѣхаль и видѣться съ тобой непременно хочеть.

— Начинается!—беззвучно прошептала Дуня, медленнымъ шагомъ поднимаясь по ступенямъ въ сѣнцы моленной.

XXII..

Совѣмъ пропаль снѣгъ. Тепло катило волнами. Мужики соби-
рались къ отходу на промыслы. Большинство изъ нихъ «покрути-
лись» съ хозяевами, еще нѣсколько дней, и нужно было направляться
въ Архангельскъ, откуда пароходы развезутъ рыболовныя ватаги
по мурманскимъ становищамъ.

Изъ Обдора шли преимущественно мужчины. Существованіе въ деревнѣ старовѣрскаго скита, постоянное общеніе съ нимъ дѣвухъ и женщинъ удерживало послѣднихъ отъ отправки на далекую работу.

— Ничего, наши хозяева и одни на ловахъ справятся, а мы за нихъ Богу здѣсь помолимся,—оправдывали себя обдорки.

Такъ велось уже давно, изъ другихъ же деревень ловить рыбу на Мурманъ отправлялись и женщины. Изъ деревенскихъ мужиковъ оставались дома всего человекъ пять: Братниковъ, старикъ Корней, болѣвшій ногами, Иванъ Гузликовъ, ходившій за общинной скотиной, Аванасій плотникъ да шорникъ Миронъ.

Пытались отговаривать мужа Ларисса.

— Походилъ на промысель, половилъ рыбу, «зныкъ» себѣ пора дать, ишь кости-то по зимамъ сколь ноютъ, у дома работа имѣется, отстань отъ моря-то, Родіонущка!

— Не, пока сила, похожу,—упрямо говорилъ крестьянинъ:—навыкъ я къ нему больно, скучливо мнѣ безъ морюшка по лѣтамъ жить.

А больше всего скучалъ Родіонъ по власти: ватажка всегда выбирала его «коршикомъ», и онъ этимъ гордился.

«Не пойду хоть одинъ годъ, сейчасъ же Сеньку Бастройка коршикомъ поставятъ,—говорилъ онъ самъ себѣ:—а ужъ тогда его не перешибешь!»—и упрямо продолжалъ уходить на промыслы.

Уходъ деревенскихъ на Мурманъ сопровождался торжественнымъ молебствованіемъ въ молельной, уставщица благословляла рыбаковъ, и тогда ватага направлялась въ городъ.

— Нѣтъ, ужъ, матушка, ждать болѣе не могу, безъ меня тамъ наши всполохнутся, съ рыбой не какъ слѣдъ справятся,—недовольно сказалъ уставщицѣ солзенскій Андрей, прождавшій еще день напрасно старика Федосова.

Съ Иваномъ онъ видѣлся нѣсколько разъ, перетолковался и все вырѣшилъ. Особого впечатлѣнія «мясничекъ» не произвелъ на своего будущаго тестя.

«И ростомъ-то не вышель, да изъ себя неказистъ», думалось рыбаку, но все это скрашивалось деньгами и положеніемъ въ городѣ, что было извѣстно Андрею.

— Что жъ ты теперь, Иванъ Васильевичъ, какъ женишься, мою Дунюшку никогда сюда и не привезешь?

— Да что ей у васъ здѣсь въ глуши-то дѣлать, она у меня барыней ходить будетъ, вѣдь мы не по-вашему, по-мужички живемъ, и ѣда у насъ другая совѣмъ,—расхвастался молодой Федосовъ.

— Ну, и мы, почитай, ѣдимъ хорошо и обѣдаемъ, и сумерничаемъ, да и ужинаемъ плотно,—обиженно вступился за своихъ братьевъ Андрей:—не, голодать не умѣемъ!

— Тамъ твоей дочкѣ всего и дѣла-то будетъ, что пряники ѣсть

расписные да по городскимъ улицамъ съ зонтикомъ гулять да въ полусапожкахъ опойковыхъ,—болталъ Иванъ.

Укоризненно посматривала на него сидѣвшая на диванѣ уставщица, не зная, какъ бы остановить его болтовню.

— Съ Дунюшкой-то ты самъ еще по этому дѣлу не разговаривалъ? Словомъ любовнымъ не обкинулся, Иванъ Васильевичъ?—спросилъ отецъ ея.

— Вчера было началъ говорить, да на спѣху она была, торопилась къ вамъ, мать Измарагда, да это послѣднее,—махнувъ рукой, бойко отозвался мясникъ:—коль родитель благословилъ, барышня должна понять, что женихъ любъ его сердцу, а коли любъ ему, значить, и ей полюбитъся долженъ.

— Семь-ка, покличемъ ее сейчасъ сюда да все ей и выскажетъ,—добродушно рѣшилъ рыбакъ.

— Негоже, Андрей Никитичъ, при другихъ это тебѣ ей сказывать, а ты лучше отведи ее въ сторонку да все какъ слѣдъ объясни,—вмѣшалась въ разговоръ уставщица.

— Ой, матушка, земно тебѣ поклонюсь, перемолвись ты съ ней объ этомъ дѣлѣ, не понятенъ я; это ваша, бабья работа, будь дома по деревнѣ, мать бы съ ней перетолкъ имѣла.

— Коли желаешь, Андрей Никитичъ, я ей скажу, опосля, какъ вы уйдете, кликну Дуню и объясню ей все.

— Такъ что же медлить, матушка,—возразилъ старикъ:—пойдемъ, названный зятекъ, вмѣстѣхъ, къ озерку сбѣжимъ, тамъ еще пошукаться можемъ.

Лѣниво поднялся мясникъ со стула и, не сотворивъ метанія передъ старухой, вышелъ въ сѣнцы, привычная же голова рыбака кланялась уставщицѣ.

Не выдавая внутренняго волненія, зашла въ горницу бѣлица, «пометалась» передъ матерью Измарагдой, молчить, точно спросъ куда исчезъ.

Поднялись подслѣповатые старческіе глаза на дѣвушку, руки протянулись къ ней.

— Подь-ка сюда, Дунюшка, подь, милая, послушай, что тебѣ сказывать я стану.

Еще сильнѣе забилося сердце у Андреевой дочки; сжавъ губы, переступила она шагъ-другой, слова не вымолвить, ждетъ, ухо насторожила.

— Въ лѣтахъ ты теперь настоящихъ, Дунюшка, всёмъ ты вышла, какъ слѣдуетъ, и красой Господь тебя не обидѣлъ, и разумъ послалъ Онъ, Всевышній, тебѣ правильный, вострый; поранѣ строптива была, а теперь, какъ здѣсь со мной пожила, голубиной кротости вкусила, послушлива стала.

Старуха остановилась, прислушиваясь, что отвѣтитъ дѣвушка, но та попрежнему молчала.

— А родитель твой, войдя со мною въ совѣщаніе, порѣшилъ жениха тебѣ найти. Нашелся женишокъ-то, ладный, справный, богатѣй городской. Ужъ не знаю, за что ты такое счастье у Бога вымолила, барыней станешь!

Ни звука не слышала уставщица на такое заманчивое обѣщаніе.

— Что жъ ты, Дунюшка, молчишь все, имени даже евоного не спросишь?

Незамѣтной усмѣшкой озарилось лицо бѣлицы.

— Вѣдомо мнѣ ужъ оно, матушка,—спокойно отозвалась она:—Федосовъ Иванъ.

— Ахъ вы, дѣвушки проказницы, все-то вы раньше времени прознаете,—съ дѣланной шутливостью скрыла свое смущеніе старуха.

Уловила она въ отвѣтъ холодную струйку недовольства.

— Такъ вотъ видишь, какой женихъ тебя высваталъ.

— Чтой-то не слыхала я, матушка Измарагда, о сватаньи отъ него самого.

— Негоже ему было самому тебѣ объ этомъ сказывать, вотъ теперь отъ меня слышала.

— Не женихъ онъ мнѣ, матушка, честнымъ вѣнцомъ не повѣнчаюсь я съ нимъ,—холодно отрѣзала дѣвушка.

— Вотъ ты строптивая, аль про волю родительскую забыла, про благословеніе отцовское не вспомнила, безразсудная! Благословеніе родительское дома строить дѣтямъ, прочитай-ка премудраго Сираха, что тамъ сказано о родительской волѣ.

— Читано, матушка, мною уже многожды, вѣдомо все, а все жъ я за Ваньку Федосова не пойду. Такъ было бы вамъ вѣдомо!

Встрепенулась старуха. Выпрямился согбенный станъ, блеснули полупотухшія очи, гордо закинулась властная когда-то голова.

— Ань нѣтъ, пойдешь, ни отцовской, ни моей воли не нарушишь,—подчеркнула она въ особенности послѣднія слова:—заставлю...

— Уйти позволите?—послышался послѣ нѣкотораго молчанія голосъ бѣлицы.

— Ступай.

XXIII.

Думой запалися очи уставщицы. Долго просидѣла она одна. Подъ вечеръ разговоръ былъ. Солнце на закатъ пошло.

Говоритъ объ отказѣ Дуни мясникову сыну уставщица не хотѣла. Подумывала сообщить Андрею, но рѣшила погодить, но, вспомнивъ, что рыбакъ хотѣлъ о завтра уѣзжать, приказала позвать его и намекнула о непослушаніи дочери.

— Чтой-то Дуня-то поразладилась съ Иванъ Васильевичемъ.

Сказаль бы ей ты, Андрей Никитичъ, а коли нужно, и попригрозиль бы! Тамъ, какъ вмѣстѣ жить стануть, слюбятся, а тутъ капризомъ завелась. Всѣ онѣ дѣвки таковыя; поппаче, чѣмъ мы, старые люди, думаютъ.

— Что и говорить, матушка, Авдотью-то по сей причинѣ я и прислалъ къ вамъ сюда на выучку, самой тебѣ вѣдомо, сколь продрзостна была поранѣ-то. Вы ужъ, матушка, не безпокойтесь, слово я ей такое скажу, что не станеть артачиться, изъ моей воли не вышла еще, отца и мать почитаетъ, вѣдомо ей, сколь грѣхъ великъ насупротивъ птти.

Отыскаль Дуню, строго на нее посмотрѣль, головой покачалъ.

— Ишь ты, какая строптивая! Должно, какъ слѣдъ, въ послухахъ у матушки Измарагды не походила, стропливость-то твою она всю еще не повыгнала. Сказывай, по правдѣ, по истинѣ, чего съ женихомъ свару завела? Каку ссору поимѣла?

Изумилась дѣвушка.

— Единажды словомъ съ нимъ, батюшка, я и перекинулась, да и то не зазорнымъ, спору никакого не заводила, може тебѣ такъ казалось, а онъ иначе приняль.

Догадалась Дуня, о чемъ говорить отецъ, поняла, что уставщица иначе рассказала Андрею свой разговоръ съ ней.

— Иначе тутъ дѣло было, тятенька, сказывала мнѣ матушка Измарагда, что выдать замужъ вы съ ней, тятенька, меня порѣшили, и жениха назвала, а я до той поры и не вѣдала ничего, имени его не знала,—хитрила бѣлица:—ну, тутъ я напрямки ей и выразила...

— Что ей сказала-то?—не вытерпѣль старикъ.

— Да то сказала, что не пойду за него замужъ, негодь онъ мнѣ,—торопливо проговорила Дуня.

Измѣнилось лицо у рыбака, разсердился онъ.

— Вотъ оно дѣло-то какое, отцовску волю нарушить хочешь, отъ благословенія уклоняешься, образоваться не станешь,—кричалъ визгливо Андрей.—Да пойми ты, неразумная, глупая, проклянну, въ одинъ дыхъ проклянну!

Поблѣднѣла, какъ полотно, дѣвушка. Знала она отцовскую безтолковую торопливость, пугало ее страшное слово, въ дрожь привела ее угроза родительскаго проклятiя.

— Тятенька, чтой ты говоришь, опомнись, грѣхъ-то какой, пойми. Никогда твое проклятiе не избынешь, камнемъ оно тяжкимъ на меня на всю жизнь ляжетъ, а мучиться стану, воспомянешь, да поздно будетъ!—сдерживая слезы, говорила Дуня.—Ой, я несчастная, на горе только родилась на свѣтъ Божiй.

Оторопѣль рыбакъ. Гнѣвъ его сразу упаль. Ему хотѣлось утѣшить ласковымъ словомъ дочь, но самолюбiе мѣшало, да и трудно было ему отказать отъ мысли пополучить богатаго городского зятя.

— Ты, того, головой-то пошевели, пообдумай, что сказываешь, слова-то свои неразумныя прекрати да поразмысли о женихѣ-то, какъ слѣдь,—угрюмо, но примирительно протянулъ онъ и отошелъ отъ дочери.

Андрею казалось, что Дуня, напуганная его угрозой, поразмыслить, сообразить и покорится его волѣ, выйдетъ за Федосова.

Нахлобучивъ шапку, онъ пошелъ обратно въ моленную, гдѣ его съ нетерпѣніемъ ожидала мать Измарагда.

— Ну, что, пригрозилъ, волю свою высказалъ, Андрей Никитичъ?—встрѣтила она его вопросомъ.

— Обо всемъ перетолкъ съ ней былъ и пригрозу ей страшную сказалъ, проклятіемъ родительскимъ грозился,—вышелъ изъ молчанія Журнаковъ.

— Что жъ, покорилась, насупротивъ не идетъ?

— Уходится, пожди, мать,—опускаясь безъ приглашенія на стулъ, сказала рыбака.—Я ее знаю, ажно поблѣднѣла, какъ проклянуть обѣщала, бонтся его.

— Эхъ, дѣвки молодья, умишко-то у нихъ словно у куры, малехонькій, а тоже кудахтать хотятъ,—презрительно протянула уставщица.

— Эхъ, матушка, затинула ты меня въ это дѣло въ самую-то горячую пору, семужина на лову, «закройка», какъ никогда, преть, воды много, только бы ловить!—недовольно бормоталъ Журнаковъ.

— Да ты съ чего тревожишься, Андрей Никитичъ, ступай завтра съ Богомъ домой, мы безъ тебя тутъ все поладимъ, коли некогда тебѣ вернуться сюда пообразовать ихъ, я со сватомъ твоимъ будущимъ все въ порядокъ приведу, а тамъ, опосля Петровокъ, какъ постъ избудемъ, и честны вѣнцы на нихъ возложимъ,—утѣшала рыбака уставщица.

— Отъ большой маяты ты меня, матушка, избавляешь, ночь я здѣсь пересплю у васъ, а обѣ утро и поѣду.

XXIV..

Проснулось утро. Рано-раннимъ поднялось солнышко, почитай, не больше часу отдыхало оно, снова выкатилось на небѣ, еще не яркое, блѣссоватое, не жжетъ, да и тѣней яркихъ не кидаетъ.

Все еще спитъ въ деревнѣ крѣпко. Только у Павла на дворѣ самъ хозяинъ торопливо снаряжаетъ телѣгу, смазалъ дегтемъ втулки у колесъ, все въ порядокъ привелъ, сѣна прошлогодняго ворохъ верхомъ наложилъ въ телѣгу, кошечкой прикрылъ, справку кое-какую подъ грядку въ ноги кинулъ, пѣгашку своего на дворъ вывелъ, перекрестился истово на востокъ, запрягать началъ. Все-то смотреть, какъ бы гдѣ какой фальши не было, и мѣшокъ не развязался, подпруга не лопнула. Въ избу вошелъ, на молитву сталъ,

поклоны класть передъ иконами зачалъ, къ матери подошелъ, побудить.

— Уѣзжаю я, матушка, поблагослови, родимая!

— Аль на дѣло какое ладишься?—изумленно спросила Анисья, привыкшая, что сынъ всегда уѣзжаетъ, не спрашиваясь.

— Дѣло большое, важное, родительница, благослови, потомъ все узнается.

Спустила старуха босыя ноги на полъ, сынъ сталъ на колѣни передъ ней, на голову она ему руки положила, благословила, какъ слѣдъ, материнскимъ крестомъ, проникновеннымъ, а сама чуткимъ сердцемъ воспоминаетъ, мерекаетъ, что бы такое было.

Вышелъ снова на дворъ парень, кафтанъ плотно застегнулъ, пѣгана своего съ пригорка спустилъ, стараясь, чтобъ у телѣги колеса не шумѣли, подъ ветлами внизу поставилъ, а самъ ждетъ, на деревенскую дорогу поглядываетъ, скоро ль люба его по ней покажется, прибѣжить.

Минуты часами кажутся, екнуло сердце, кровь живѣе побѣжала, встрепенулся парень, тяжесть пудовая съ сердца свалилась, какъ глазомъ чуть примѣтилъ Дунинъ сарафанъ на дорогѣ.

Спѣшила бѣлица, бѣгомъ шла, въ рукахъ обувь держала да справу кое-какую свою дѣвичью.

— Дуношка!—не удержался отъ восклицанія осторожный Павелъ и бросился къ ней навстрѣчу.

Торопливо стала рассказывать дѣвушка своему суженому все, что случилось вчера, и про разговоръ съ уставщицей, и о переко-рахъ съ отцомъ упомянула, а какъ объ обѣщанномъ проклятіи его вспомнила, снова кровь отлила отъ румяныхъ щекъ и глаза потускнѣли.

— Не бойся, милая моя, люба безцѣпная, слова такого не скажетъ родитель твой, не ворогъ онъ для своего дитятки,—утѣшалъ ее Братниковъ.

— Ой, запыхалась я, какъ бѣжала сюда,—опускаясь на траву, промолвила Дуня, все еще полная волненіемъ.—Отдохнуть надо! Боялася, какъ бы не услышала матушка, я вѣдь вмѣстяхъ съ ней, тутъ же за перегородкой сплю. Да и теперь, какъ дворомъ выбиралась, все опасливо поглядывала, не смотритъ ли какая изъ черницъ нашихъ, аль трудницъ, сейчасъ матушкѣ донесутъ, повертаться прикажутъ. По деревнѣ что жъ, итти не боязно, въ эту пору всѣ спятъ крѣпкимъ сномъ, пѣтелы вторые не пѣли еще.

— Пождемъ немного, а тамъ и ѣхать надо, тутъ не близко, пока солнце не жжетъ; до Солзы добираться сколько, Кудьму проѣхать надо еще, а тамъ перегонъ до Ненокса-посада, почитай, два десятка верстъ наберется,—дѣловито заботился Братниковъ.

— Это кого тамъ несетъ,—уловилъ онъ слухомъ слабо тарахтѣвшую въ концѣ гати телѣгу,—кажись, никого изъ деревни на-

шей о вечеръ не уѣзжало, должно, чужой кто, укрыться некуда, на самомъ проѣздѣ наладились.

Все ближе и ближе слышался шумъ колесъ, мелькнула на кривомъ оборотѣ узкаго проѣзда крупная, сытая, рыжая лошадь, показалась телѣга, по разсмотрѣть, кто въ ней ѣдетъ, Павлу не удалось.

— И впрямь чужой, коня-то такого у насъ не имѣется. Земской гоньбы, должно! Или Якова Клейкина, или Васьки Масолова, солдата, у того пара коней недавно куплена рыжихъ.

Совсѣмъ въ околицу въѣзжаетъ незнакомая телѣга, ямщикъ соскочилъ, отодвинулъ плетеную закуту и вскочилъ снова на грядку, лошади въ гору шли шагомъ.

Съ любопытствомъ вглядывался въ лицо проѣзжаго Братниковъ, посмотрѣла на него и Дуня, обратилъ на нихъ вниманіе и самъ ѣхавшій въ телѣгѣ. Изумились...

— Федосовъ мясникъ!—вырвалось у Павла.

Дуня только вскрикнула.

Почувялъ недоброе Василиій Досифеичъ, пріѣхавшій на образование сына, въ такомъ раннемъ свиданіи Братникова съ своей будущей невѣсткой. Хватился жилистой рукой за опрядку телѣги, другой ямщика тормошитъ, останавливаетъ, на дорогу соскочилъ къ нимъ подошелъ и спрашиваетъ:

— Это съ кой же поры видано да слыхано, чтобы дѣвушки изъ почестной семьи по почамъ съ чужими парнями гуливали?

Не смутился Павелъ.

— Не твое дѣло объ этомъ судить, Василиій Досифеичъ, забота наша, своя, не чужая.

Усмѣхнулся мясникъ, бороду рукой погладилъ, кулакъ сжалъ.

— Можетъ, поранѣ глазокъ прикрылъ бы да мимо проѣхалъ, такъ бы и не замѣтилъ, а теперь не должно для меня этого, Ванька мой Авдотью просваталъ; статочное ли дѣло, чтобъ потерпѣлъ я порченую-то дѣвку въ свою семью брать?

— Не смѣй такъ сказывать,—возмутилась Дуня:—не была я таковской и не буду, честной женой стану!

— А коли такъ, ступай къ матушкѣ Измарagdѣ, а Павелъ пусть по своему дѣлу идетъ. Я и слова ни Ванькѣ, ни старухѣ не скажу, было быдемъ поросло, ну, идемъ, что ли, невѣстухка богоданная!—схватывая ее за руку, сказалъ мясникъ.

— Не смѣй трогать!—откинулъ его тяжелой рукой Павелъ.

Вся кровь прилила къ лицу Федосова.

— А, ты такъ, ну, ладно,—визгливо-злорадно кинулъ онъ обидчику и, не помня себя отъ гнѣва, выхвативъ висѣвшій у него въ кожаныхъ ножнахъ на поясѣ тонкій ножъ, которымъ мясники очищаютъ отъ жира кишки освѣжеваннаго скота, ударилъ имъ Братникова въ правую часть груди.

Пошатнулся Павелъ, ахнулъ, вскрикнулъ, закинулся руками и упалъ навзничъ на дорогу.

Пронзительный крикъ дѣвушки огласилъ узкую деревенскую улицу, разбудилъ обывателей ближнихъ домовъ; въ окнахъ появились перепуганные лица, стали сбѣгаться народъ, пошли толки, разговоры, крики участились, окровавленнаго Павла боялись трогать, чтобы кровь не пошла еще сильнѣе.

Кто-то изъ догадливыхъ бѣгомъ помчался въ лѣсной домикъ за Мирономъ, убійцу окружили мужики, злобно поглядывая на него, приготовляясь бить.

Дуня истерично рыдала, не переставая кричать:

— Вотъ онъ, убивецъ! вотъ кровопій! Вяжите, берите его, скажите. Пусть кровью за кровь заплатитъ.

Поникнувъ головой, стоялъ Федосовъ, точно недоумѣвая, какъ могло случиться что-нибудь подобное.

На косогорѣ показалась грузная фигура знахаря. Увѣренно спускался онъ къ лежащему безъ движенія парню. Замѣтивъ кричавшую дѣвушку, онъ ласково на нее цыкнулъ:

— Помолчи, милая, все, Богъ дастъ, дѣло справимъ, уволочимъ парня твоего отъ смерти.

Голосъ его, видимо, успокоилъ Дуню, она подняла голову, посмотрѣла на Мирона и умолкла.

XXV.

Мясника куда-то увели. Знахарь опустился на одно колѣно передъ раненымъ, поднялъ валявшійся тутъ же ножъ, обвелъ имъ вокругъ раны, три раза плюнулъ на нее, затѣмъ перекрестился и твердымъ голосомъ, отчеканивая каждое слово, началъ заговоръ:

«Бѣдетъ Адамъ на бѣломъ конѣ, держитъ Адамъ саблю на голѣ, сбѣкетъ Адамъ по мертвымъ тѣламъ, чтобы кровь не шла и щепота не была у раба Божьяго Павла. Будьте мои словеса крѣпки и смки. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Все медленнѣе и медленнѣе текла кровь изъ раны и совсѣмъ остановилась.

— Воды подайте,—сказалъ Миронъ.

Принесли воды изъ родника, полотенце чистое взяли у Анисьи, давно уже находившейся около раненаго сына и беззвучно плакавшей.

Миронъ обмылъ рану, обтеръ ее полотенцемъ, поднялся на косогоръ, на небольшую луговинку, пошарилъ въ травѣ, сорвалъ нѣсколько лепестковъ какой-то травы, нажевалъ ихъ и приложилъ эту жвачку къ ранѣ.

Рана шла наискось къ правой рукѣ, видимо, не задѣвъ никакихъ важныхъ артерій.

Павель, открывшій глаза, теперь уже не стоналъ, но слабость отъ потери крови не давала ему возможности говорить.

Его подняли на руки мужики и осторожно внесли въ родную избу.

Прибѣжала туда и Дуня. Столпились бабы и дѣвушки, но Анисья попросила ихъ уйти, чтобы не тревожить раненаго.

XXV.

Отошло короткое поморское лѣто, надвигалась снова слезливая осень, вернулись съ промысловъ «покруты», по деревнямъ поразѣзжались, на теплыя печи старики повзобрались, а которые помоложе, на зимнюю «лѣсную страду» собираться зачали, годовой круговоротъ кончать, трудовую поморскую заключить...

Вернулись и обдорцы домой, почитай, пятый мѣсяцъ, какъ изъ дому выѣхали, бабъ да ребятъ малыхъ не видѣли, что постарше пареньки, тѣ вмѣстѣхъ съ отцами на ловы ходили, «зуйками» лѣтнюю страду на Мурманѣ маячили. Долго провалялся послѣ раны Павель Братшиковъ, къ Успенью мало-мальски выходился, да и то какъ слѣдъ за дѣло приняться все еще не въ силахъ...

Съ «убивцемъ» своимъ, мясникомъ Федосовымъ, по-хорошему онъ сошелся, до суда дѣло не довели, помирились, сообща уряднику объяснили, «играли да шутили, а пожижъ невзначай въ грудь воткнулся». То же самое и свидѣтели показали, упросилъ ихъ Павель до дѣла настоящаго не доходить, а за все это обѣщаль ему Федосовъ тысячу рублей выплатить сейчасъ же, двѣ коненки изъ стельныхъ да бычка годовика зимою попозже пригнать, а главное отказаться отъ сватанья за своего сына Дуни Журнаковой... На томъ и порѣшили, при свидѣтеляхъ руками побились, мясникъ, довольный, что такъ счастливо отдѣлался и отъ тюрьмы избавился, сейчасъ же всю тысячу на столъ и выложилъ, а что о коровенкахъ сказъ и обо всѣмъ прочемъ, то на слово ему повѣрили. Да ужъ, если правду всю говорить, такъ жениха, Ваньку-то его, какъ все это случилось, и отыскать было въ деревнѣ нельзя, словно сквозь землю провалился... убѣгъ со страха въ Архангель-городъ.

Попридрихла и строгая мать Измаргада и не слышать ея стало, Андрею о дочерней свадьбѣ никакой отписки не подаетъ. Самъ рыбакъ въ Обдорѣ объявился, въ моленную зашелъ, укрылась отъ него уставщица, совѣсть зазреть и стыдно въ глаза Андрею глядѣть, что плохого зятя его дочери высватала, не вышла къ гостю изъ Солзы.

— Въ Ангурскую пустынь матушка выѣхала, честной иконѣ помолиться!—сообщила Андрею горбатая Хіонія, вышедшая къ нему навстрѣчу.

— Запершись отъ тебя сидѣла!—злорадно пояснилъ ему Родіонъ:—на глаза на твои послѣ того дѣла показаться сумлѣвается...

— Какого такого дѣла?

Пришлось Пелагееву отцу все ему рассказать да объяснить.

Подвинулся солзенецъ, похалъ вдосталь, а тамъ и самъ къ Павлу Братникову завернулъ, больнымъ его засталъ, да невначай тамъ и дочку свою встрѣлъ... Не стать артачиться на этотъ разъ, по всей деревнѣ огласка уже поразбѣжалась, что Дуня Павлова невѣста; не захотѣлъ дочь срамить; благословилъ, послѣ Покрова дня и свадьбу сыграть вырѣшилъ.

— Тамъ всѣмъ намъ посвободиѣе станется! Страды разныя поотойдутъ, передышку возьмемъ.

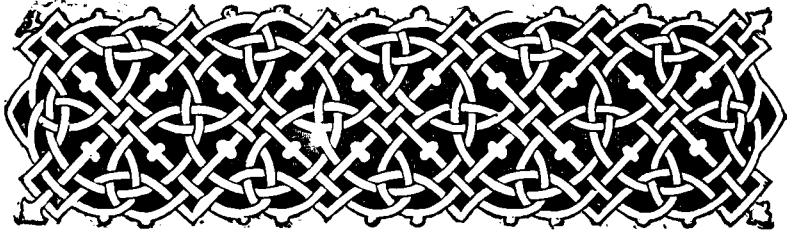
Возложили вѣнцы почестные надъ брачущимися въ своей моленной, да не матери Измарагдѣ пришлось ихъ возлагать, воспротивился Журнаковъ, чтобы она молилась на сей разъ. Маргариту слѣпую упрости, та и вѣнчала. Опослѣ—почестной ширъ загудѣлъ, запричитали на томъ пиру дѣвушки-подружки новобрачной. «Со здарьемъ» потянулись къ молодымъ поѣзжане, кто деньгой дарить, кто краснами платится...

Весело пируетъ деревня у Павла Братникова, въ его избѣ справляютъ, прямо изъ моленной поѣздъ съ молодыми туда и скатился, а звонкія пѣсни дѣвушекъ не умолкаютъ, въ избѣ не остаются, черезъ отворенную дверь по раздолью, по низинѣ стелются:

Свѣчечки-шанталочки притаиваютъ,
 Во высокомъ теремѣ дѣвицы поютъ,
 Во высокомъ, красномъ, приплакиваютъ.
 Дружки-подружки-голубки мои,
 Сидите недолгонько, ложитесь спать!
 Миѣ же молодешенькѣ всю ночь не спать!
 Не спать, не дремать—кровать убирать...
 Убирать кроваточку тесовую,
 Постелечку—мати пуховую!
 Постлавши постелечку, сама легла спать,
 Первый спень проспала безъ милаго дружка!
 Другой спень соснула—безъ сердешнаго!
 А какъ третій спень соснула—стукъ-брякъ у воротъ...
 Брякнуло колечушко серебряное,
 Дрогнуло сердечушко Дуняшино,
 Перепалось ретивое свѣтъ Андреевны,
 Пошла Дуня суженна встрѣчать,
 Встрепенулась, выбѣжала.
 «Здравствуй, Павелъ, свѣтъ Ивановичъ!
 Здравствуй, мой миленькій!

А по околицѣ мгла тяжелая, осенняя стелется, изъ застывшаго бота выползаетъ, сѣрой изморозью, наледью луговину покрываетъ...

Г. Т. Сѣверцевъ-Полиловъ.

САНЪ-СТЕФАНЪ.

Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова ¹⁾.

VII.

О ЧЕГО опасался нашъ канцлеръ Англійи и возбужденія Игнатъевымъ самаго важнаго для Россіи вопроса— объ открытіи проливовъ для нашихъ военныхъ судовъ, свидѣтельствуеъ то, что, не довольствуясь вышеприведенною инструкціею и отрицательными телеграммами, отправленными въ догоню нашему уполномоченному, онъ адресовалъ на другой день, т.-е. 21-го января, повторительную инструкцію объ этомъ вопросѣ Игнатъеву слѣдующаго содержания:

«Вопросъ проливовъ такъ щекотливъ и возбуждаетъ столько предубѣжденій, что необходимо касаться его съ крайнею осторожностью.

«Въ переговорахъ, которые вы будете вести, ограничивайтесь упоминаніемъ о немъ лишь въ выраженіяхъ столь же неопредѣленныхъ ²⁾ какъ тѣ, которыя были употреблены въ редакціи нашихъ предварительныхъ основаній (при

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXXIX, стр. 746.

²⁾ Канцлеръ не обратилъ вниманія на то, что, редактируя основанія мирныхъ условій перемирія, Игнатъевъ умышленно выразился о проливахъ неопредѣленно, лишь намѣтилъ этотъ вопросъ, чтобы, связавъ турокъ, не дать повода Англійи воспользоваться преждевременно, а вмѣстѣ съ тѣмъ доставить русскому уполномоченному возможность, при детальныхъ переговорахъ о мирѣ, придать сему вопросу то развитіе и тотъ

перемиріи), и добавьте оговорку, что вопросъ о проливахъ представленъ европейскому соглашенію. Чтобы вы имѣли подъ рукою свѣдѣнія о нынѣшнемъ положеніи этого вопроса, я приказалъ сдѣлать выписку изъ договорныхъ постановленій, относящихся къ оному съ 1833 года до 1871 года, и при семъ прилагаю копію».

«Горчаковъ».

Выписка, очевидно, было сдѣлана въ ограничительномъ смыслѣ изъ опасенія, что русскій уполномоченный какъ-нибудь проговорится въ переговорахъ съ турками противно европейскимъ, или, лучше сказать,—англійскимъ воззрѣніямъ на закрытіе проливовъ для нашего военного флота.

28-го января канцлеръ еще разъ измѣнилъ свои наставленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, почелъ нужнымъ дать предостереженіе нашимъ уполномоченнымъ касательно проливовъ: до того еще боязнь Англии, раздутая графомъ Шуваловымъ, который въ своихъ донесеніяхъ все убѣждалъ государя, князя Горчакова и великаго князя Николая Николаевича, что надо опасаться военного вмѣшательства Англии и раздраженія европейскаго общественнаго мнѣнія,—мѣшала ему относиться съ заботливостью къ огражденію исключительно русскихъ интересовъ въ переговорахъ съ Портою. Князь Горчаковъ отправилъ въ этотъ день слѣдующую телеграмму Игнатьеву:

«Затруднительность пути можетъ задержать прибытіе Боголюбова. Не ожидая его,—торопите переговоры, вамъ порученные съ турецкими уполномоченными ¹⁾. Вопросъ о проходѣ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы предоставляется конференціи».

Тяготаясь своимъ вынужденнымъ бездѣйствіемъ, беспомощнымъ и вынужденнымъ нахожденіемъ въ Адрианополѣ и сознавая всю важность минуты, какъ равно опасность и невыгоду для Россіи такой потери времени, Игнатьевъ рѣшился возобновить попытку вывести главнокомандующаго изъ бесплодной его стоянки въ Адрианополѣ, чтобы имѣть возможность приблизиться къ Портѣ и

смыслъ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ существеннымъ интересамъ Россіи, обладающей берегами Чернаго и Азовскаго морей; повторять же въ условіяхъ мира то же, что было оговорено въ перемиріи, не доставляло бы никакихъ опредѣленныхъ и точныхъ правъ Россіи и потому не имѣло бы смысла. Впослѣдствіи могли бы обвинить русскихъ уполномоченныхъ въ небрежности и забвеніи истинныхъ русскихъ интересовъ.

Авт.

¹⁾ Которые какъ разъ въ это время не находились въ Адрианополѣ, будучи отпущены главнокомандующимъ въ Константинополь, послѣ заключенія перемирія. Игнатьева отдѣляло отъ Порты разстояніе между Адрианополемъ и Стамбуломъ, и онъ не имѣлъ никакой возможности не только ускорить переговоры, но даже войти въ непосредственныя сношенія съ турками иначе, какъ чрезъ главнокомандующаго. Наканунѣ онъ только что донесъ князю Горчакову, что уже не засталъ въ Адрианополѣ турецкихъ уполномоченныхъ.

Авт.

хотя достигнуть такого пункта, откуда сношенія съ Константинополемъ были бы возможны ¹⁾).

Но онъ скоро убѣдился, что изъ лицъ главной квартиры, съ которыми ему пришлось объ этомъ говорить, никто не хотѣлъ слышать о предлагаемомъ имъ передвиженіи нашихъ войскъ къ Босфору, необходимомъ для того, чтобы главнокомандующій могъ сдѣлаться снова хозяиномъ положенія, испорченнаго преждевременнымъ заключеніемъ перемирія и остановкою наступленія войскъ. Затрудненіе къ желаемому Игнатьевымъ передвиженію нашихъ войскъ ближе къ Константинополю заключалось именно въ проведеніи демаркаціонной линіи, для измѣненія которой надо было нарушить перемиріе, а главная квартира опасалась, что войну придется начать вновь. Хотя никто не сомнѣвался, что если и возбудятся военныя дѣйствія, то это будетъ дѣломъ нѣсколькихъ дней только, но главная квартира не могла на это рѣшиться. Когда Игнатьевъ заговорилъ о томъ съ главнокомандующимъ, выставивъ на видъ затруднительность и невыгоду положенія, созданнаго преждевременнымъ перемиріемъ, препятствующимъ даже веденію желаемыхъ его высочествомъ мирныхъ переговоровъ, великій князь Николай Николаевичъ объявилъ ему самымъ положительнымъ образомъ, что опасается ссоры съ Англіею и возникновенія новой войны, что войска устали, безъ обуви, износились до лохмотьевъ, артиллерія еще не подошла, а тѣ батареи, которыя при войскахъ, находятся въ слабомъ орудійномъ составѣ и не снабжены достаточнымъ количествомъ снарядовъ, пѣхота разстрѣляла свои патроны, а парки вообще такъ отстали, что прежде трехъ недѣль нельзя двинуть арміи впередъ, не обновивъ запасы и не пополнивъ комплектъ зарядовъ и патроновъ. Онъ добавилъ, что, впрочемъ, дороги стали до того непроходимы отъ грязи, что даже, чтобы дойти до демаркаціонной линіи, еще нужно не мало времени, ибо части войскъ идутъ на назначенныя имъ позиціи самыми малыми переходами по невозможности двигаться быстрѣе. Возвращаясь къ упреку Игнатьева, что наши войска не заняли, какъ слѣдовало и какъ желалъ государь, высотъ Босфора и Константинополя, великій князь сослался въ свое оправданіе на лондонскія телеграммы графа Шувалова, которыя его смутили предсказаніями немедленной войны съ Англіею, если только наши войска появятся въ Галлиполи или даже Буланрѣ и если перемиріе не будетъ немедленно заключено, а мы будемъ продолжать подвигаться къ Босфору. Его высочество добавилъ, что если Игнатьевъ ссылается на какую-то телеграмму государя, разрѣшающую наступленіе къ Бос-

¹⁾ Игнатьеву пришлось въ эти дни горько сожалѣть, что ему не удалось настоять на первоначальномъ своемъ проектѣ и отправиться прямо на Босфоръ изъ Одессы, тѣмъ болѣе, что перемиріе устраняло главнѣйшее возраженіе, выставленное противъ этого предложенія.

фору, то великій князь можетъ сослаться на множество противорѣчивыхъ телеграммъ, имъ полученныхъ въ половинѣ января изъ Петербурга, и на телеграфическія приглашенія поспѣшить заключеніемъ перемирія. При этомъ князь Горчаковъ якобы ему сообщалъ, что быстрое наступленіе нашихъ войскъ по направленію къ Константинополю возбуждаетъ большія подозрѣнія въ Европѣ, и какъ будто ставилъ ему въ упрекъ, что онъ протянулъ переговоры на разстояніи отъ Казаньлыка, гдѣ они начались съ турками, до Адрианополя. Изъ Петербурга не только не осуждали его за перемиріе, но его поздравляли съ успѣхомъ, и государь выразилъ ему свое удовольствіе.

Игнатъевъ продолжалъ оставаться при мнѣніи, что наступательное движеніе на Константинополь слѣдовало продолжать нѣсколько дней, и если главнокомандующій считалъ необходимымъ заключить перемиріе, то могъ еще продолжить переговоры дня три или четыре, захвативъ войсками своими въ это время, съ одной стороны, подступы къ Константинополю и даже высоты Босфора, а съ другой—Булаирскія линіи, которыя, даже если великій князь желалъ не занимать Галлиполи, согласно требованію графа Шувалова, нельзя было оставить въ рукахъ турокъ и ихъ союзниковъ, на флангѣ, такъ сказать, нашей операціонной линіи. Игнатъевъ заявилъ великому князю, что не предвидитъ никакой пользы изъ мирныхъ переговоровъ въ Адрианополѣ, потому что Порта останется подъ враждебнымъ намъ вліяніемъ, а высланные уполномоченные будутъ имѣть всегда возможность оттягивать безконечно ходъ совѣщаній, ссылаясь на недостатокъ своихъ инструкцій и т. п. «Миръ, заключенный при нынѣшней обстановкѣ,—говорилъ Игнатъевъ,—не внушаетъ мнѣ никакой увѣренности, и я предпочелъ бы вести переговоры изъ Буюкъ-дере, расположившись въ домѣ посольства и находясь въ постоянномъ общеніи съ Портою и дипломатическимъ корпусомъ».

Нерасположеніе вести переговоры въ Адрианополѣ у Игнатъева, вслѣдствіе сознанія неудовлетворительности положенія, простиралось до того, что онъ намѣревался даже совсѣмъ отказаться отъ мысли ожидать тутъ прибытія турецкихъ уполномоченныхъ. Его удерживала отъ такого рѣшенія лишь необходимость подчиниться волѣ главнокомандующаго, который отказывался нарушить военную конвенцію и демаркаціонную линію и ссылался на мнѣніе своего штаба и нѣкоторыхъ начальниковъ частей (между прочимъ, графа Павла Шувалова, начальника гвардейскаго корпуса), что войска нуждаются въ отдохновеніи и въ подвозѣ артиллеріи и патроновъ и что нельзя рискнуть на неудачу подъ стѣнами Константинополя. Хотя Игнатъевъ возражалъ, что гораздо хуже дать время туркамъ усилить укрѣпленія линіи Кучукъ-Чекмедже и предъ самымъ Константинополемъ и собрать войска, а

также дать себя опередить англичанамъ въ Царьградѣ, но ему пришлось покориться главнокомандующему.

Изъ разговоровъ съ великимъ княземъ и его директоромъ дипломатической канцеляріи Нелидовымъ о положеніи дѣлъ Игнатьевъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что оба полагали, что успѣли расположить къ Россіи Порту и заручиться симпатіею посредствомъ своихъ бесѣдъ съ отжившимъ старикомъ Намыкъ-пашою ¹⁾ и безхарактернымъ Серверъ-пашою, который никогда не игралъ видной роли въ Портѣ, даже когда былъ временно министромъ иностранныхъ дѣлъ, хотя всегда находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ русскимъ посольствомъ. Игнатьевъ не могъ раздѣлять этого легковѣрнаго увлеченія главной квартиры, полагавшей, что все дѣло въ Турціи сдѣлано и кончено и что остаются лишь второстепенные вопросы, не имѣющіе никакого значенія.

Вслѣдствіе этого возрѣнія чинамъ главной квартиры казалось непонятною и преувеличенною озабоченность прибывшаго изъ Петербурга уполномоченнаго и заявленіе его, что миръ еще вовсе не состоялся и что мы еще можемъ быть поставлены въ необходимость возобновить военныя дѣйствія. Общее мнѣніе чиновъ главной квартиры было, что сдѣланы ею чудеса, что все, что Россія могла желать,—было уже достигнуто и остаются лишь второстепенные вопросы, такъ что предсказанія и патріотическія чувства Игнатьева объяснили личнымъ разочарованіемъ, что дѣло обошлось безъ его непосредственнаго участія. Но вотъ какъ характеризовалъ Игнатьевъ въ своихъ донесеніяхъ князю Горчакову, отъ 3-го февраля, то положеніе дѣлъ, которое онъ засталъ на Балканскомъ полуостровѣ:

«Несмотря на то, что я въ пять сутокъ преодолѣлъ всѣ препятствія пути, чтобы прибыть въ Адрианополь изъ Бухареста, я нашелъ, что обстоятельства еще быстрѣе измѣнились къ худшему для переговоровъ съ турками. Чтобы дать вашему сіятельству ²⁾ вѣрный очеркъ дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ настоящее время, я вынужденъ упомянуть о нѣкоторыхъ затрудненіяхъ, вытекающихъ изъ перемирія, заключеннаго 19-го января. Впрочемъ, понятно, что военная конвенція не могла объять всѣхъ политическихъ послѣдствій, вызываемыхъ оною³⁾. Вотъ главнѣйшія затруд-

¹⁾ Съ которымъ Игнатьевъ познакомился еще въ 1862 году, когда онъ былъ секретаремъ, т. е. военнымъ министромъ, и съ которымъ онъ сохранилъ добрыя отношенія, не придавая ему, впрочемъ, никакого политическаго значенія, котораго онъ и не имѣлъ по своей дряхлости и удаленію отъ дѣлъ. Авт.

²⁾ Переводъ конфиденціальной депеши № 7, писанной по-французски. Авт.

³⁾ Игнатьевъ въ донесеніяхъ своихъ ослаблялъ до крайности обвиненія, которыя могли быть направлены на дѣйствія и рѣшенія главнокомандующаго и на созданная главною квартирою затрудненія и ошибки. Врагъ интригъ и чуждый личныхъ соображеній въ дѣлахъ, касающихся высшихъ интересовъ отечества, Игнатьевъ избѣгалъ всего того, что могло подать основаніе нападкамъ Горчакова и интригамъ Петра Шувалова, и потому многого не досказывалъ. Авт.

ненія, съ самаго начала меня поразившія и которыя я стараюсь по возможности отстранить:

«1) Демаркаціонная линия, положившая предѣлъ побѣдоносному наступленію нашихъ войскъ, была проведена такимъ образомъ, что оставляла туркамъ Шумлу и Варну и даже вынудила наслѣдника отвести свои побѣдоносныя войска отъ Эски-Джумы, Разграда и Базарджика, а равно оставила туркамъ всю юго-западную часть Болгаріи, а именно: Салоники, Битоли, Охриду, Драму, Сересь, Кавалу и даже Неврокопъ, Мельникъ и Велесь, т.-е. такую часть страны, автономію которой мы, несомнѣнно, должны были вытребовать отъ турокъ. Выключеніе этой части Болгаріи, наиболѣе подверженной этнографическому соперничеству, тѣмъ болѣе прискорбно, что турки получали возможность во время перемирія усилить тамъ свои силы и укрѣпиться. Въ то же время греки, поддержанные на этотъ разъ турками, употребятъ всевозможныя усилія и средства, чтобы отбросить болгарь къ сѣверу, пользуясь утраченіемъ славянскаго населенія, вызваннымъ массовыя переселенія жителей въ мѣста болѣе безопасныя. Если, поддавшись запугиванію и покинувъ мѣстность, оставленную внѣ демаркаціонной линіи, т.-е. въ рукахъ турокъ, болгары массами перейдутъ подъ защиту нашихъ войскъ, то это крайне затруднитъ намъ вынудить признаніе правъ славянъ на ту часть страны, гдѣ зародилось ихъ древнее христіанское просвѣщеніе. Турки и европейцы выставятъ тогда на видъ численное меньшинство болгарскаго элемента, чтобы отвергнуть его притязанія и даже, можетъ быть, уклониться отъ исполненія принятыхъ Турціею «основаній мира», въ которыхъ упомянуто, однакоже, что очертаніе Болгаріи ни въ какомъ случаѣ не должно быть меньше опредѣленнаго константинопольскою конференціею (передъ войною) ¹⁾. Что же касается насъ, то мы, очевидно, обязаны не только настоять на упомянутыхъ границахъ, но даже стараться распространить Болгарію какъ можно далѣе на югъ, для благополучнаго разрѣшенія церковнаго вопроса и водворенія мира въ православной церкви ²⁾, а также, чтобы дать выходъ въ Эгейское море, безъ чего торговая Болгарія никогда развиться не можетъ.

¹⁾ Предвидѣніе это вполне оправдалось послѣ подписанія Санъ-Стефанскаго договора, его ратификаціи и отъѣзда Игнатъева изъ Санъ-Стефано въ Россію, въ особенности же въ Берлинъ, во время конгресса. Авт.

²⁾ Графъ Игнатъевъ предполагалъ необходимымъ распространить территорію будущей Болгаріи на югъ—такъ, чтобы по возможности всѣ болгарскія поселенія были изъяты изъ-подъ греческаго церковнаго гнета. Онъ хорошо понималъ, что вопросъ о «болгарскомъ экзархатѣ» и о такъ называемой «болгарской схизмѣ» есть вопросъ совершенно искусственный, раздутый ради спеціально греческихъ вождедѣній, а не изъ-за крѣпости, нерушимости и недѣлимости православія. Пресловутый аргументъ «филетизма», заимствованный изъ запретовъ церкви первыхъ вѣковъ (да не будетъ въ

«2) Послѣ блестящихъ побѣдъ наши войска были остановлены преждевременно и не допущены до высотъ, господствующихъ надъ Константинополемъ. Чтобы избѣгнуть этого рѣшающаго событія, турецкіе уполномоченные поспѣшили сдѣлать всѣ требовавшіяся отъ нихъ уступки. Они понимали отлично значеніе, которое мирные переговоры могли бы имѣть, когда русскія пушки господствовали бы надъ столицей и главная квартира находилась бы у входа въ Стамбуль. Дѣйствительно, не только мусульманское населеніе, но даже, можетъ быть, сами европейскія посольства стали бы настаивать предъ Портою на исполненіи безпрекословномъ всѣхъ нашихъ требованій съ цѣлью удалить насъ съ этого пункта, представляющаго Европѣ политическое значеніе, передъ которымъ всѣ другіе интересы кажутся второстепенными. Я рассчитывалъ на такую именно обстановку переговоровъ при отправленіи моемъ изъ Петербурга, зная, что только въ такомъ случаѣ могу быть увѣреннымъ въ сговорчивости турецкаго правительства.

«3) Пользуясь передышкою, доставленною ей перемиріемъ, Порта вернула себѣ самообладаніе и будетъ несравненно менѣе сговорчивою и искреннею при заключеніи мира, нежели при принятіи въ Адрианополѣ его основаній. Всякій день, всякій часъ потерянные переставляютъ вѣсы на сторону Турціи, доставляя ей время одуматься, прекратить панику, охватившую въ первую минуту всѣхъ мусульманъ, сговориться съ европейскими державами, усилить средства обороны Константинополя, сосредоточить разбросанные остатки арміи, прибывающіе ежедневно изъ Варны, Салоникъ и Трапезунда ¹⁾). Отдавая себя отчетъ въ этомъ обстоятельствѣ, великій князь главнокомандующій основательно телеграфировалъ государю императору, что завладѣть Константинополемъ труднѣе

одномъ городѣ два епископа) былъ явно пристегнуть для увѣковѣченія гнета греческаго духовенства славянскимъ населеніемъ, т. е. для ярко-политической и неблагоприятной дѣли. Вынесши изъ своей долготѣней посольской дѣятельности въ Константинополѣ широкій, чисто-государственный взглядъ на это, по существу вовсе нецерковное дѣло, графъ Игнатьевъ дѣйствительно стремился къ «водворенію мира въ православной церкви на Балканахъ». Составитель настоящихъ примѣчаній напоминаетъ личныя бесѣды, въ которыхъ незабвенный Николай Павловичъ выражалъ убѣжденіе въ томъ, что въ дни составленія Санъ-Стефанскаго договора, «благодаря близости русскихъ штыковъ»—вопросъ объ урегулированіи «схизмы» былъ очень близокъ къ своему разрѣшенію. Мы видимъ теперь изъ его же посмертныхъ записокъ, что онъ, при составленіи предварительныхъ набросковъ договора, никогда не терялъ этого вопроса изъ виду. Почему, однако, не удалось осуществленіе правильной мысли Игнатьева, и отчего дѣло это затянулось еще лѣтъ на сорокъ? На этотъ вопросъ пусть со временемъ отвѣтятъ церковные историки.

А. Б.

¹⁾ Обезпеченность сообщенія моремъ и отсутствіе достаточной русской эскадры на Черномъ морѣ доставили Турціи огромное преимущество въ теченіе войны, въ особенности же въ послѣдній періодъ, когда мы подошли къ Константинополю.

А в т.

сегодня, нежели двѣ недѣли тому назадъ, и будетъ еще труднѣе черезъ пятнадцать дней ¹⁾).

«4) Отъѣздъ Намыкъ и Серверъ-паши въ Константинополь послѣ подписанія перемирія, поставилъ меня въ невозможность ускорить начало и ходъ переговоровъ» ²⁾).

Не имѣя права до предъявленія полномочій и начала мирныхъ переговоровъ войти въ непосредственное сношеніе съ Портою, генераль-адъютантъ Игнатъевъ убѣдилъ главнокомандующаго извѣстить по телеграфу верховнаго визиря о пріѣздѣ уполномоченнаго Россіи, потребовать назначеній уполномоченныхъ и присылки ихъ въ Адрианополь. Затѣмъ великій князь еще разъ телеграфировалъ въ Порту, по настоянію Игнатъева, чтобы ускорить пріѣздъ уполномоченныхъ, тѣмъ болѣе, что получено было въ Адрианополѣ извѣстіе о попыткѣ вступленія англійской броненосной эскадры въ Дарданеллы. Предсказаніе Игнатъева о томъ, что вслѣдствіе остановки нашей въ Адрианополѣ англчане и съ предупредятъ подъ стѣнами Стамбула, сбывалось. Положеніе наше значительно измѣнилось и ухудшилось. Воспользовавшись тѣмъ, что великій князь Николай Николаевичъ получилъ телеграмму съ повелѣніемъ государя сдѣлать внушеніе турецкимъ уполномоченнымъ ³⁾ касательно положенія дѣлъ на греческой границѣ, и признаніемъ, наконецъ, главнокомандующимъ необходимости сдѣлать измѣненіе въ демаркаціонной линіи, чтобы не отводить назадъ войска рушукскаго отряда (расположеніе которыхъ было не извѣстно въ главной квартирѣ въ минуту подписанія конвенціи), Игнатъевъ предложилъ отправить въ Константинополь перваго драгомана посольства Ону, прибывшаго съ нимъ. Доводы, приводимые Игнатъевымъ для этой командировки, тѣмъ скорѣе убѣдили главнокомандующаго, что сверхъ вышеизложеннаго необходимо было условиться съ Портою по разнымъ другимъ вопросамъ, не затронутымъ въ Адрианополѣ при переговорахъ о перемирії, какъ-то: о снятіи блокады съ нашихъ черноморскихъ портовъ, о возстановленіи почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній между Константинополемъ и Одессою и пр. Возстановленіе кратчайшаго пути для правильныхъ сношеній съ Россіею тѣмъ болѣе интересовало нашего уполномоченнаго, что сухопутныя почтовые сообщенія чрезъ

---

¹⁾ Несмотря на предупрежденія Игнатъева, высказанныя какъ главнокомандующему, такъ и князю Горчакову, ничего не было предпринято до самаго конца, чтобы предупредить дурныя послѣдствія и исправить ошибки, созданныя по легкомыслію, безпечности и незнанію. Авт.

²⁾ Непростительно было со стороны главной квартиры допустить отъѣздъ турецкихъ уполномоченныхъ въ Константинополь, когда уже главнокомандующій былъ извѣщенъ о скоромъ прибытіи императорскаго уполномоченнаго изъ Петербурга. Послы уѣхали за день до его прибытія въ Адрианополь. Авт.

³⁾ Въ Петербургѣ, очевидно, не ожидали отъѣзда турецкихъ уполномоченныхъ изъ Адрианополя и рассчитывали, что ихъ задержать до начала мирныхъ переговоровъ съ Игнатъевымъ. Авт.

Болгарію и Румынію были почти невозможны, а на полевомъ телеграфѣ депеши замедлялись до чрезвычайности и получались въ искаженномъ видѣ, такъ что шифрованныя были почти не разборчивы.

Получивъ согласіе великаго князя Николая Николаевича на отправленіе Ону ¹⁾ въ Константинополь, Игнатьевъ поручилъ ему ускорить отъѣздъ турецкихъ уполномоченныхъ, если бы они, паче чаянія, еще не выѣхали изъ Стамбула, войти въ довѣрительное сношеніе съ верховнымъ визиремъ и прочими сановниками, постараться расширить полномочія и инструкціи турецкихъ уполномоченныхъ, собрать вѣрнѣйшія свѣдѣнія о положеніи, преобладающемъ въ Константинополѣ, возобновить мирныя сношенія съ людьми, бывшими въ хорошихъ отношеніяхъ съ посольствомъ, и разузнать о дѣйствительномъ расположеніи султана и Порты, а также о дѣятельности европейскихъ посольствъ. вмѣстѣ съ тѣмъ Ону обязанъ былъ, согласно повелѣнію, данному главнокомандующему государемъ императоромъ, дать понять туркамъ, что если англійская эскадра вступить въ Босфоръ, мы вынуждены будемъ занять высоты, окружающія Царьградъ, и что въ такомъ случаѣ Портѣ несравненно выгоднѣе насъ туда пустить добровольно, въ качествѣ друзей, нежели быть вынужденною послушаться побѣдителей. Ону было поручено разъяснить туркамъ, что наша единственная цѣль «воспретить иностраннымъ флотамъ входить въ проливъ, служащій входною дверью въ нашъ домъ ²⁾», что мы предпочитаемъ,

¹⁾ Михаилъ Константиновичъ Ону, родился въ 1835 году, † 1901 г. Впослѣдствіи посланникъ въ Аѳинахъ. К. Г.

²⁾ *«Входъ въ проливы служитъ входною дверью въ нашъ домъ».* Такова формула, ясно поставленная Игнатьевымъ и которая впослѣдствіи неоднократно затемнялась какъ въ литературѣ и журналистикѣ, такъ и въ государственной практикѣ, смѣшиваясь съ совершенно другою цѣлью: *«овладѣнія проливами ради свободнаго доступа къ океану».* Смѣшивая эти двѣ цѣли, мы тѣмъ придавали неопредѣленность нашимъ общественнымъ стремленіямъ и волѣ нашихъ официальныхъ представителей. Какъ извѣстно, дѣло вѣдь дошло до того (судя по свѣдѣніямъ, появившимся въ 1909 году въ печати), что тогдашній нашъ министръ иностранныхъ дѣлъ А. П. Извольскій, во время переговоровъ объ анексіи Босно-Герцеговины, происходившихъ въ Бухлау, уступилъ графу Эрентлю потому, что тотъ ловко помогалъ нашему сановнику перспективой «открытія» проливовъ для Россіи. Въ результатъ мы, конечно, ничего не получили; даже обѣщанной «чечевичной похлебки» намъ не дали. Совершенно такъ же, какъ въ 1913 году, Австрія, при нашемъ содѣйствіи, отобрала у Сербіи Дураццо, посуливъ ей взаменъ— не менѣе пресловутой миражъ: «accès commercial» (торговый доступъ) къ Адриатикѣ и такъ же надула Сербію и насъ, какъ было раньше въ Бухлау.

Возвращаясь къ вопросу о проливахъ, мы считаемъ важнымъ замѣтить, что г. Извольскій не даль бы себя провести во время «анексіоннаго кризиса», *если бы прочтѣе были установлено, въ традиціяхъ нашей дипломатіи: чего мы хотимъ, что намъ нужно прежде всего, и что является цѣлями или задачами второй руки.*

Если бы эта самая дипломатія не держала въ загонѣ въ теченіе цѣлаго поколѣнія *завѣтъ игнатьевской школы*, она бы не забыла той превосходной формулировки *главной и основной цѣли*, которую онъ указалъ въ нашемъ отношеніи къ турецкимъ проливамъ: *«Входъ въ проливы служитъ входною дверью въ нашъ домъ».*

по возможности, дѣйствовать въ этомъ отношеніи въ согласіи съ Портою, тѣмъ болѣе, что султанъ, имѣя свою столицу на самомъ берегу этого пролива, одинаково заинтересованъ въ удаленіи отсюда иностранныхъ военныхъ судовъ, угрожающихъ его безопасности и самостоятельности».

Въ виду того, что въ Петербургѣ рѣшено было вопросъ о проливахъ перенести на конференцію, Игнатьевъ былъ лишенъ возможности разрѣшить, согласно его предположенію, вопросъ, затрагивавшій самый существенный русскій интересъ и въ которомъ необходимо было сговориться съ турками прежде, чѣмъ подвергать его обсужденію державъ, отрицательное рѣшеніе которыхъ можно было предвидѣть на конференціи ¹⁾.

Имѣя въ нашихъ рукахъ хотя бы *одинъ только Босфоръ* (предполагая даже нахожденіе Дарданелль подъ чужою державою), мы уже достигли бы нашей главной цѣли:

а) запретить входъ въ Черное море военнымъ судамъ всѣхъ націй, кромѣ прибрежныхъ къ этому морю (да и то—смотря по обстоятельствамъ и уваженію къ нашимъ интересамъ);

б) устранить всякое предположеніе устроенія на берегахъ Чернаго моря какой-либо стоянки или порта, передаваемой иной державѣ. «*Mare clausum*»—вотъ цѣль.

Разумѣется, такимъ положеніемъ облегчилась бы и удешевилась бы оборона нашего юга; устранена была бы всякая возможность бомбардировки Одессы, Ялты, Феодосіа, Новороссійска и Батума, чему мы были, увы, свидѣтелями въ настоящую кампанію.

А затѣмъ, соединимо ли съ первымъ положеніемъ также и полное (сквозное) открытіе обоихъ проливовъ для нашихъ флотовъ: военнаго и торговаго? Это уже совершенно другой вопросъ. Строго говоря, въ этомъ *второмъ* вопросѣ нашъ главный интересъ чисто-экономическій, дабы наша хлѣбная торговля не подвергалась риску быть закупоренной въ Черномъ морѣ, что, конечно, разорительно для нашего юга. Полное же и безпрепятственное прохождение нашего военнаго флота черезъ *оба* пролива—представляется, хотя и цѣннымъ, но во всякомъ случаѣ не главнымъ интересомъ, такъ какъ задачи черноморскаго флота прежде всего оборонительныя.

Изъ такой системы понятій (цѣликомъ изображенной въ Игнатьевской формулѣ) вытекають слѣдующія директивы, которыхъ напрасно наша дипломатія не сочла, въ свое время, за аксіомы:

1) Худшая изъ возможныхъ системъ была «свобода проливовъ», которую намъ предлагали въ Бухлау; такъ какъ она предполагала мало полезный выходъ нашихъ броненосцевъ въ Эгейское море цѣною совершенно свободнаго хожденія къ намъ въ гости германскихъ и австрійскихъ дреднотовъ, да къ тому же съ возможной перспективой сдачи имъ же Турціею въ аренду какого-нибудь Зунгулдака, Синопа или Трапезунда.

2) Искусственное соединеніе, въ вопросѣ о проливахъ, двухъ разныхъ цѣлей *задержало на долгие годы* самое назрѣваніе вопроса, такъ какъ оно сливало въ одинъ блокъ шестипольность Англій съ интересами державъ, заинтересованныхъ въ ослабленіи русской силы на Черномъ морѣ. Очевидно, Англій совершенно безразлично—получаемъ ли мы право *запереть* Босфоръ, для нашей безопасности, или нѣтъ; тогда какъ свободный *выходъ* нашихъ броненосцевъ въ Средиземное море могъ бы, при меньшей политической близости между нами, показаться ей далеко не желательнымъ, коль скоро она въ ростѣ нашего всемірно-свободнаго флота усмотрѣла бы ограниченіе ея монополіи «*владычицы морей*». Не является ли, при такихъ условіяхъ, верхомъ безразсудства то, что *наша дипломатія не сумѣла во время раздѣлить эти двѣ цѣли?* А. Б.

¹⁾ Приступая къ работамъ по заключенію Санъ-Стефанскаго договора, Игнатьевъ не допускалъ и мысли, чтобы можно было оставить въ немъ незатронутымъ вопросъ о

Ону выполнили съ большимъ тактомъ и осторожностью данное ему щекотливое порученіе и, пославъ пространное донесеніе, вернулся затѣмъ въ Адрианополь, чтобы дополнить словесными объясненіями. Черезъ нѣсколько часовъ Игнатьевъ его снова вернулъ въ Константинополь для воздѣйствія на турокъ на мѣстѣ и чтобы пристальнѣе слѣдить какъ за Портою, такъ и за иностранными представителями. «Ону,—писалъ Игнатьевъ канцлеру,—полагаетъ, судя по отзывамъ тѣхъ лицъ, съ которыми былъ въ сношеніи, что русскія войска будутъ приняты въ Константинополѣ если не съ удовольствіемъ, то хладнокровно и съ покорностью судьбѣ даже со стороны мусульманскаго населенія Стамбула. Мѣстные турецкія газеты разсуждаютъ объ этой случайности, какъ о самомъ естественномъ послѣдствіи предшествовавшихъ событій. Обсуждаютъ даже, какія казармы могутъ быть намъ предоставлены, и указываютъ на большія казармы Даудъ-паши и Рализъ-Чесфтликъ. Вслѣдствіе этого заявленія и вообще свѣдѣній, доставленныхъ Ону о настроеніи властей и населенія, съ нимъ вмѣстѣ былъ отправленъ въ Константинополь офицеръ генеральнаго штаба князь Каптакузенъ ¹⁾, которому, по настоянію Игнатьева, приказано было осмотрѣть тѣ казармы, которыя турки намъ предложили бы, а главнокомандующій поручилъ ему распорядиться ихъ чисткою и ассенизаціею, опасаясь заразныхъ болѣзней для тѣхъ частей нашихъ войскъ, которыя могли бы быть введены въ Царьградъ ²⁾».

Ону во время своего пребыванія въ Перѣ могъ удостовѣриться во враждебной намъ лихорадочной дѣятельности Лайярда и всего англійскаго посольства. Но его крайне изумила открытая враждебность и проявляемая къ Россіи ненависть австро-венгерскаго посла, тѣмъ болѣе, что ему были памятны недавнія личныя дружественныя отношенія между Игнатьевымъ и графомъ Зичи, а также совмѣстныя дѣйствія обоихъ посольствъ, вслѣдствіе соглашенія князя Горчакова и графа Андраши. По словамъ Ону, графъ Зичи дошелъ до того, что требовалъ у Порты пропуска чрезъ Дарданеллы двухъ

проливахъ, усматривая въ немъ «самый существенный русскій интересъ». Такимъ образомъ, всецѣло на его противникахъ (съ княземъ Горчаковымъ во главѣ) должна лечь отвѣтственность передъ исторіею за то, что ни въ Санъ-Стефанскомъ, ни въ Берлинскомъ договорѣ не было никакихъ перемѣнъ противъ того «status quo», который освѣщенъ былъ въ Парижскомъ трактатѣ 1856 года. А. Б.

¹⁾ Князь Михаилъ Алексѣевичъ Каптакузенъ, р. 1840 г., ум. 1894 г., бывший впоследствии военнымъ министромъ въ Болгаріи, начальникомъ жандармскаго корпуса и военнымъ агентомъ въ Аѳинахъ. А. В.

²⁾ Изъ этого мѣста «Записокъ», можно заключить, что Игнатьевъ одобрялъ предположеніе о немедленной оккупациі Царьграда. Какъ извѣстно, этотъ вопросъ до сихъ поръ считается спорнымъ—и въ общественномъ мнѣніи, и въ литературѣ: слѣдовало или не слѣдовало намъ занять Константинополь, когда мы стояли у его стѣнъ, въ Санъ-Стефано? Въ этомъ спорѣ слѣдуетъ отмѣтить вѣское значеніе, какое имѣетъ мнѣніе графа Н. П. Игнатьева, А. Б.

австро-венгерскихъ броненосцевъ, которые должны были присоединиться къ англійской эскадрѣ. «Вѣнскій кабинетъ столько же, сколько и лондонскій,—сообщалъ Ону,—убѣждаетъ всевозможными средствами турокъ не вступать съ нами ни въ какія непосредственныя соглашенія и не принимать нашихъ условій ¹⁾. На это турки, по словамъ Ахметъ-Вефика-паши (верховный визирь), отвѣчаютъ ихъ представителямъ: «Мы уже не въ состояніи продолжать войну; если вы имѣете счеты съ Россією, сведите ихъ съ нею непосредственно, а отъ насъ отвяжитесь». Но очевидно было, какъ замѣтилъ въ своемъ донесеніи Игнатъевъ, ссылаясь и на мнѣніе Ону, что англо-австрійскія интриги произведутъ, въ концѣ концовъ, впечатлѣніе на турокъ, которые, въ сущности, еще не потеряли надежды на образованіе европейской коалиціи противъ Россіи, считывая, что европейское давленіе заставитъ насъ быть менѣе требовательными относительно Турціи» ²⁾.

Тотчасъ по пріѣздѣ въ Адрианополь Игнатъевъ возобновилъ сношеніе съ лицами прежде ему знакомыми, въ особенности съ тѣми негодіантами, большею частью греками, которые, проживая въ Константинополѣ и на Босфорѣ, прибыли въ Адрианополь для коммерческихъ цѣлей, чтобы заключить подряды съ нашимъ интендантствомъ и т. п. Черезъ этихъ лицъ уполномоченный получилъ возможность пріобрѣсти самыя свѣжія и вѣрныя свѣдѣнія о всемъ происходящемъ въ Перѣ и Стамбулѣ, такъ что, добавляя такимъ путемъ частыя донесенія Ону, онъ получилъ возможность слѣдить за происходящимъ въ Царьградѣ, несмотря на разстояніе, раздѣлявшее русскую главную квартиру отъ столицы ³⁾.

¹⁾ Съ самаго начала герцеговинскаго возстанія Игнатъевъ не переставалъ доказывать живость и двуличіе вѣнскаго кабинета, выставляя признаки его враждебности на Балканскомъ полуостровѣ и въ Константинополѣ, но въ Петербургѣ не вняли предостереженіямъ русскаго посла и предпочли собственными руками разрушить созданное е его трудами положеніе на берегахъ Босфора, промѣнявъ его на миражъ союза съ австро-венгерскимъ правительствомъ и графомъ Андраши, сдѣлавшимся, по легкомыслию, агентомъ Бисмарка. Авт.

²⁾ Интриги австро-венгерскаго посла графа Зичи въ Константинополѣ, въ самый разгаръ войны—нельзя назвать иначе, какъ *предательствомъ* со стороны Австрій, имѣя въ виду заключенныя съ нею еще до военныхъ дѣйствій, крайне невыгодныя для Россіи соглашенія, которыя мы свято соблюдали, въ ущербъ себѣ и славянству (ср. примѣчанія на стр. 452, 456, 829 и 830 «Историческ. Вѣсти» за 1914 годъ). Мы разумѣемъ здѣсь:

а) *Рейхштадтское соглашеніе* 26-го іюня (8-го іюля) 1876 года; б) *Пештскую конвенцію* 3-го (15-го) января 1877 г., и в) *Пештскую конвенцію* 6-го (18-го) марта 1877 г. А. Б.

³⁾ Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду, что графъ Игнатъевъ, за долгое время пребыванія его на посту русскаго императорскаго посла въ Константинополѣ, проявилъ небывалое до того искусство организовать освѣдомленіе русскаго посольства, посредствомъ тѣсныхъ его связей съ христіанской угнетенной «райей» по всей Турціи. Вспоминается намъ одинъ разсказъ, услышанный нами непосредственно отъ самого Николая Павловича. Разъ, на званномъ обѣдѣ въ Константинополѣ, въ присутствіи турецкихъ вышнихъ сановниковъ, представитель Англій не задумался сдѣлать рѣз-

Только 29-го января было получено увѣдомленіе верховнаго визиря, что Савфеть-паша назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ и первымъ уполномоченнымъ, а вторымъ уполномоченнымъ— Садыкъ-паша ¹⁾. На другой день получено было извѣщеніе, что за отказомъ Садыка-паши ѣхать въ Адрианополь его замѣститъ въ качествѣ второго уполномоченнаго Садуллахъ-бей, вызванный изъ Берлина, гдѣ онъ находился въ качествѣ посла. Такъ какъ его пріѣздъ чрезъ Вѣну и Триестъ могъ потребовать еще нѣсколько дней, то, вслѣдствіе настояній Игнатьева, Порта увѣдомила главнокомандующаго, что открытіе мирныхъ переговоровъ и ходъ ихъ не должны быть задержаны вслѣдствіе временнаго отсутствія второго уполномоченнаго. Отдавая объ этомъ отчетъ канцлеру, Игнатьевъ добавилъ въ своемъ донесеніи слѣдующее замѣчаніе: «Я слишкомъ близко знаю нерѣшительный характеръ нашего стараго пріятели Савфета, чтобы надѣяться, что онъ рѣшится взять на свою отвѣтственность согласіе на тѣ жертвы, которыя Порта должна будетъ принести, принимая наши требованія».

Предъ прибытіемъ въ Адрианополь турецкихъ уполномоченныхъ Игнатьевъ пожелалъ войти въ соглашеніе съ представителями нашихъ союзниковъ, т. е. Сербіи, Черногоріи и Румыніи. Представитель первой полковникъ Катарджи ²⁾ заявилъ требованіе пріобрѣтки къ Сербскому княжеству всего Коссовскаго вилайета, Ниша, Пирота и Акъ-Паланки съ санджакомъ Виддинскимъ. Черногорецъ Радоничъ пожелалъ присоединить къ княжеству всю западную часть Герцеговины до рѣки Наренты, мѣстность по направленію къ Сербіи до рѣки Лима съ Бихорскимъ участкомъ, а къ Старой Сербіи и Албаніи пространства до рѣки Дрина, съ городомъ Скутари, напирая въ особенности на послѣднее. Игнатьевъ замѣтилъ Катарджи, что, къ сожалѣнію, Миланъ не послушался своевременно его совѣта, началъ наступленіе слишкомъ поздно и дѣйствовалъ вяло, вмѣсто того, чтобы подвигаться быстро впередъ и забирать вправо, онъ все жался за нашими отрядами влѣво и занялъ лишь самую незначительную часть Старой Сербіи, тогда

кій упрекъ нашему послу въ томъ, будто онъ «русскимъ рублемъ» подкупаетъ подданныхъ султана. Игнатьевъ живо и гордо отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь. *Не рублемъ* связало ихъ русское посольство, а тѣмъ, что есть масса христіанъ, оскорбленныхъ въ самыхъ священныхъ ихъ очагахъ, въ высшихъ благахъ земныхъ и духовныхъ, у кого обезчещена жена или мать, у кого все отнято насиліемъ, и этимъ людямъ нельзя запретить уповать на Россію. Вотъ изъ чего образуется сѣтъ моихъ агентовъ!

А. Б.

¹⁾ Бывшій министръ финансовъ, намъ недоброжелательный и посланный предъ тѣмъ въ Парижъ. Онъ отказался ѣхать въ Адрианополь, опасаясь встрѣтиться съ Игнатьевымъ, который не скрывалъ въ бытность свою въ Константинополѣ, что, зная его продѣлки, ему не довѣрять.

Авт.

²⁾ Родственникъ Милана, присланный съ письмомъ къ Игнатьеву отъ сербскаго князя.

Авт.

какъ, пользуясь отступленіемъ турецкой арміи, нашими побѣдами, слабостью противопоставленныхъ сербамъ отрядовъ, онъ могъ легко захватить Новый Базаръ, всю Старую Сербію и часть Босніи, что значительно облегчило бы намъ мирные переговоры и доставило бы намъ возможность уступки Сербіи всей занятой ею территоріи подъ предлогомъ *beati possidentes* ¹⁾ и нравственной невозможности для русскаго уполномоченнаго требовать отъ Сербіи вывода обратно сербскихъ войскъ изъ древней сербской земли. Нынѣ же, предупредилъ Игнатъевъ Катарджи, при теперешнемъ расположеніи сербскихъ войскъ и особенномъ отвращеніи турокъ уступить хотя клочокъ земли сербамъ, будетъ чрезвычайно трудно достигнуть желаемого нами, тѣмъ болѣе, что мусульманское и албанское населеніе проявитъ, несомнѣнно, энергическое и упорное сопротивленіе. Что же касается Виддина, то Игнатъевъ объяснилъ Катарджи, что румынское правительство, съ своей стороны, заявило притязанія на этотъ городъ, крѣпость и окрестности, ссылаясь на существованіе нѣсколькихъ румынскихъ селеній. Въ виду противорѣчивыхъ притязаній мы рѣшили присоединить Виддинъ къ Болгаріи по несомнѣнному большинству болгарскаго населенія и какъ самое естественное послѣдствіе прекращенія турецкаго управленія. «Присоединеніе Нища ²⁾ къ Сербіи писалъ—Игнатъевъ канцлеру,—признаю вполне справедливымъ по близости этого города сербскими границамъ и вслѣдствіе взятія этого города сербскими войсками». На этомъ основаніи Игнатъевъ рѣшился измѣнить предположенную сербскую границу, включивъ въ прирѣзываемый къ сторонѣ рѣки Лима участокъ еще Нишь и всю ближайшую мѣстность въ предѣлы Сербскаго княжества, проведя черту граничную вдоль рѣки Моравы (по лѣвому берегу) до селенія Топаницы, потомъ сухопутно, прямою линіею до рѣки Кутины и по этой рѣкѣ до рѣки Нишавы, а затѣмъ по этой послѣдней до сѣверо-восточнаго угла старой сербской

¹⁾ Австро-венгерское правительство, съ очевидною заднею мыслью, постоянно настаивало, чтобы сербскія войска отнюдь не касались Босніи и Новаго Базара, тогда какъ Игнатъевъ не переставалъ указывать на необходимость движенія сербовъ не на Пиротъ, а въглубь Старой Сербіи и какъ можно болѣе западнѣ нашихъ войскъ. Это было вѣрнѣйшее средство противоудѣйствовать интригѣ Австро-Венгріи, клонившейся къ тому, чтобы поссорить болгаръ съ сербами и создать недоразумѣнія между ними.

А в т.

²⁾ Нишская епархія была въ составѣ болгарскаго экзархата по желанію населенія и принадлежала къ числу мѣстностей, считавшихся болгарскими, хотя частью заселенная сербами. Сверхъ того Нишь былъ въ составѣ западно-болгарской области, проектированной константинопольскою конференціею, а въ основаніяхъ мира, составившихъ ультиматумъ при заключеніи перемирія, было опредѣлено, что будетъ создана Болгарія въ предѣлахъ не меньшихъ предложенныхъ конференціею. Тѣмъ не менѣе Игнатъевъ рѣшился принять на свою отвѣтственность передачу Нища сербамъ, какъ гмѣвшимъ больше правъ на эту мѣстность, нежели болгары, несмотря на то, что въ проектѣ, составленномъ въ Петербургѣ Игнатъевымъ и служившемъ ему инструкціею, Нишь входилъ въ составъ будущаго Болгарскаго княжества.

А в т.

«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

4

границы. Сочувствуя вполне требованіемъ черногорцевъ, тѣмъ болѣе, что онъ съ самаго начала герцеговинскаго возстанія находилъ вполне справедливымъ присоединеніе къ Черногоріи одноплеменной Герцеговины, по крайней мѣрѣ до рѣки Наренты, Игнатьевъ, руководствуясь инструкціями князя Горчакова, принужденъ былъ объяснить Радоничу, что въ виду настоятельнаго требованія Австро-Венгріи ¹⁾, всегда противившейся всѣми силами увеличенію Черногоріи, въ особенности въ сторону Герцеговины, онъ находится въ не-возможности распространить, согласно собственному желанію, владѣнія княжества въ достаточномъ размѣрѣ въ Герцеговинѣ (какъ это было бы логично, естественно и справедливо). Относительно излишняго распространенія въ албанскую сторону и въ особенности присоединенія города Скутари къ Черногоріи Игнатьевъ выставилъ Радоничу невыгоду и опасность возбужденія вѣчной борьбы съ албанцами, которые будутъ поддержаны католическими государствами, въ особенности Италією и Австро-Венгрією. Противъ же присоединенія Скутари эти послѣднія будутъ протестовать самымъ настойчивымъ образомъ, ссылаясь на сопротивленіе туземцевъ и въ особенности миридитовъ. Донося канцлеру о своемъ разговорѣ съ Радоничемъ, Игнатьевъ увѣдомилъ министерство, что сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ предположенномъ по проекту очертаніи границъ, включивъ Бихоръ и Рожай въ Черногорію и распространивъ княжество до Приполя на рѣкѣ Лимѣ и къ Сухой Планинѣ, то есть перейдя на правый берегъ этой рѣки.

Въ то время, какъ представители славянскихъ княжествъ въ концѣ концовъ предоставляли Россіи устроить ихъ судьбу, питая вѣру, что возможныя уступки будутъ вытребованы въ ихъ пользу, румынскій агентъ Аріонъ настаивалъ на предъявленіи требованій, о которыхъ упоминалъ Когальничано въ Бухарестѣ Игнатьеву, и добивался права вести самостоятельно переговоры съ турками о вознагражденіи. Вслѣдствіе этихъ настояній Игнатьевъ вынужденъ былъ измѣнить предположенную редакцію статей относительно Румыніи и замѣнить ихъ выраженіемъ «признанія Портою независимости княжества и права румынъ на полученіе военнаго вознагражденія, размѣръ котораго долженъ быть опредѣленъ по непосредственному соглашенію между Румынією и Турцією».

---

¹⁾ Въ этомъ случаѣ въ особенности Игнатьеву пришлось, вслѣдствіе соглашенія нашего съ Австро-Венгрією и постояннаго желанія князя Горчакова угодить графу Андраши, въ надеждѣ на его якобы честную поддержку на конференціи, — дѣйствовать въ разрѣзъ со всегда высказываемымъ мнѣніемъ своимъ, что въ Герцеговину не слѣдовало пускать Австро-Венгрію и отдать эту сербскую область Черногоріи. Герцеговинцы, поддерживаемые черногорцами,несли на своихъ плечахъ всю борьбу 1875 и 1876 годовъ и изъ-за нихъ весь Восточный вопросъ вспыхнулъ, а ихъ между тѣмъ отдавали на жертву Австро-Венгріи, остававшейся нейтральною въ борьбѣ и скорѣе помогавшей туркамъ, чѣмъ славянамъ.

Авт.

Россія могла, при такой постановкѣ дѣла, служить лишь посредницею и третейскимъ судьей въ случаѣ споровъ. Сознвая существенную невыгоду для Румыніи отдѣлиться отъ Россіи при требованіи военнаго вознагражденія изъ-за соображеній тщеславія, Игнатъевъ, изъ осторожности, предварительно показалъ редакцію проектированной статьи о Румыніи полковнику Аріону. Такъ какъ она удовлетворяла тщеславному желанію Румыніи выказать свою самостоятельность, то румынскій представитель выразилъ свое полное одобреніе и удовольствіе, пренебрегая, такимъ образомъ, существенными выгодами княжества для мнимаго внѣшняго блеска ¹⁾. Давая отчетъ канцлеру въ своихъ переговорахъ съ представителями союзныхъ княжествъ, Игнатъевъ вывелъ слѣдующее заключеніе (3-го февраля, № 5):

«Какія бы ни были уступки, которыя намъ удастся выторговать у турокъ въ пользу княжествъ, мы должны быть убѣждены заранѣе, что оныя всегда будутъ казаться недостаточными и не соотвѣтствовать надеждамъ и вождедѣніямъ нашихъ нынѣшнихъ союзниковъ».

Къ Игнатъеву явилось также нѣсколько грековъ (банкировъ, торговцевъ, финансистовъ и простыхъ поставщиковъ). Они выразили отъ имени константинопольскихъ грековъ радость, которую испытываетъ все христіанское населеніе Турціи, безъ различія національностей, по случаю блестящихъ побѣдъ русскихъ войскъ и надежды, возбужденныя на всемъ европейскомъ Востокаѣ нашимъ побѣднымъ шествіемъ къ Константинополю. Они горько оплакиваютъ нынѣ размолвку свою съ славянами и увѣряютъ, что поняли теперь,—о чемъ Игнатъевъ ихъ своевременно предупреждалъ,—что не слѣдовало грекамъ слушаться иновѣрцевъ и, ссорясь съ болгарами, становиться во враждебныя отношенія къ Россіи, которая старалась лишь примирить враждующихъ для пользы церкви и населенія. Они ропщутъ на греческое правительство, упустившее прекрасный случай дѣйствовать съ нами заодно, чтобы стать съ Россіею въ нормальныя отношенія и получить возможность рассчитывать на наше покровительство, подобно болгарамъ и черногорцамъ. Греки надѣются, что Россія предастъ забвенію прошлое, не захочетъ ихъ наказывать за неблагодарность и предательство и позаботится о доставленіи имъ нѣкоторыхъ выгодъ при опредѣленіи но-

¹⁾ Статья, касавшаяся румынъ, удовлетворяла заявленной ими претензіи трактовать съ Портою непосредственно, а не чрезъ насъ, такъ что, на основаніи нашего соглашенія съ Турціею, Румыніа пріобрѣла право (правда, что довольно сомнительнаго практическаго значенія, не по нашей винѣ, а по ихъ прихоти) заключить съ Турціею отдѣльный договоръ, но въ то же время мы оградили румынскихъ подданныхъ отъ притязаній, всегда до тѣхъ поръ предъявлявшихся Портою сравнивать ихъ съ своими подданными. Это обстоятельство служило поводомъ къ постояннымъ взаимнымъ прещирательствамъ, причемъ русскому посольству приходилось нерѣдко вмѣшиваться въ распрю.

ваго положенія на Балканскомъ полуостровѣ. Одинъ изъ архіереевъ обратился письменно къ Игнатьеву съ выраженіемъ надеждъ грековъ вплоть до возстановленія святого креста на куполѣ святой Софіи и изгнанія турокъ въ Азію и т. п. Въ томъ же духѣ получилъ Игнатьевъ нѣсколько писемъ отъ духовныхъ и свѣтскихъ грековъ. Но, за исключеніемъ несбыточныхъ мечтаній, можно было вывести заключеніе, что большинство греческаго населенія желало бы получить областную автономію для острововъ Архипелага, Эпира, Фессаліи и части Македоніи, съ очевидной заднею мыслию подготовить присоединеніе впослѣдствіи этихъ областей къ греческому королевству. Игнатьевъ отвѣчалъ грекамъ, что, несмотря на ихъ непріязненные поступки, Россія ихъ не забыла и что намѣрена требовать отъ турокъ введенія не только въ Критъ и на островахъ, но въ Эпиръ, Фессаліи точно такъ же, какъ и въ Македоніи, управленія и реформъ, выработанныхъ константинопольскою конференціею для Босніи и Герцеговины и что, слѣдовательно, все христіанское населеніе Балканскаго полуострова одинаково воспользуется побѣдами русскаго оружія ¹⁾. «Гораздо труднѣе,— доносилъ Игнатьевъ,—образумить армянъ, которые тоже осаждаютъ меня своими просьбами и ставятъ меня нерѣдко въ затрудненіе. Не только армянскій патріархъ Константинополя рѣшился прислать, чрезъ своего викарія адрианопольской епархіи, открытое поздравительное письмо главнокомандующему, которое было вручено торжественно его высочеству, но высшіе чиновники оттоманскіе, армянскаго происхожденія, прибыли сюда изъ Константинополя, чтобы открыто просить покровительства Россіи. Такъ, на примѣръ, Нурьянъ-эффенди, членъ государственнаго совѣта, и Степанъ-паша, главный докторъ военнаго министерства, оба бывшіе вице-предсѣдателями знаменитаго народнаго армянскаго совѣта явились въ Адрианополь подъ предлогомъ дѣлъ Краснаго Полумѣсяца (Croissant rouge, то есть нашъ Красный Крестъ), но въ дѣйствительности чтобы достигнуть автономіи Арменіи».

Разсказавъ подробно о бѣдствіяхъ армянъ въ Малой Азіи и Анатоліи, оба турецкіе чиновника предупредили Игнатьева, что грегорианское духовенство собирается отправить на Высочайшее имя просьбу о дарованіи автономіи областямъ Сиваса, Вана, Муша и Эрзерума, съ занятіемъ ихъ; въ теченіе нѣкотораго времени, русскими войсками. Припоминая Нуріану и Степану-пашѣ, что они

---

¹⁾ Здѣсь проглядываетъ широта государственнаго взгляда Игнатьева на прилегающую и объединяющую роль Россіи среди православныхъ народовъ Востока. Кто много вращался на славянскомъ югѣ, того не можетъ не поразить своеобразная узость ихъ взгляда на грековъ, вражда, вскормленная тысячелѣтнимъ ихъ междоусобіемъ, но вражда близорукая, надъ которой русская государственная мысль умѣетъ возвышаться, и, охватывая болѣе дальніе кругозоры, Игнатьевъ былъ свѣтлымъ выразителемъ этой русской точки зрѣнія.

были еще недавно самыми дѣятельными орудіями западно-европейской интриги среди армянъ и дѣйствовали враждебно Россіи, Игнатъевъ выразилъ удивленіе такому полному и крутому ихъ обращенію. Убѣдившись, что Игнатъеву близко знакомы всѣ ихъ происки, которымъ онъ постоянно старался противодѣйствовать, собесѣдники его и не пытались противорѣчить, а объяснили, что, по ихъ убѣжденію, армяне, чтобы извлекать себѣ выгоды и имѣть значеніе въ Турціи, должны были оставаться преданными Портѣ, пока можно было надѣяться на сохраненіе Турецкой имперіи и возрожденіе оной посредствомъ задуманныхъ Европою преобразованій; но такъ какъ теперь существованіе Турціи, какъ великой державы, становится невозможнымъ, то армянамъ несравненно выгоднѣе добиваться возрожденія Арменіи подъ покровительствомъ Россіи. Игнатъевъ воспользовался своими бесѣдами съ вліятельными армянами, чтобы внушить имъ необходимость признанія Портою верховенства эчмиадзинскаго патріарха надъ всѣмъ армянскимъ духовенствомъ и населеніемъ, Вслѣдъ за симъ прибыла въ Адріанополь новая депутація съ прошеніемъ на имя государя и письмомъ отъ патріарха Нерзеса. Прошеніе было подписано симъ послѣднимъ и девятью архіереями отъ имени всего армянскаго населенія и заключало просьбу государю принять его подъ свое покровительство и вытребовать для армянъ Анатоліи такое же автономное самоуправленіе, которое дано будетъ областямъ Европейской Турціи. Прошеніе это, равно какъ и другія письменныя заявленія депутацій христіанскихъ населеній Турціи, были препровождены Игнатъевымъ канцлеру для представленія государю.

Такъ какъ вопросъ о введеніи мнимой конституціи въ Турціи былъ плодомъ одной изъ тѣхъ подготовленныхъ Англіею интригъ, которыми мнимые защитники мусульманъ хотѣли ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе въ Западной Европѣ и противодѣйствовать русской политикѣ, а равно парализовать постоянное ходатайство наше за христіанское населеніе Балканскаго полуострова, то Игнатъевъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Адріанополь, собралъ свѣдѣнія о положеніи этой англо-турецкой затѣи и донесъ канцлеру (отъ 8-го февраля, № 11):

«Оттоманской конституціи не суждено пережить войну, которую она отчасти и причинила, толкнувъ Порту безповоротно на вредный для нея путь враждебности къ намъ. Просуществовавъ въ тѣни въ продолженіе военныхъ дѣйствій, она теперь поправа ногами перваго предсѣдателя оттоманскаго парламента—Ахметъ-Вефика-паши, возвышеннаго на постъ верховнаго визиря, подъ кличкою перваго конституціоннаго министра имперіи.

«Засѣданія парламента прерваны; это неудивительно въ нынѣшнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ. Но за этимъ мѣропріятіемъ послѣдовала другая мѣра, немного менѣе конституціоннаго

свойства. Какъ ваша свѣтлость изволите усмотрѣть изъ прилагаемой при семь выпискѣ «Константинопольской Газеты», министръ полиціи вытребоваль въ полицію самыхъ дѣятельныхъ, краснорѣчивыхъ и вліятельныхъ депутатовъ и передалъ имъ повелѣніе верховнаго визиря выѣхать изъ Константинополя немедленно и вернуться въ свои прежнія мѣста жительства въ самые кратчайшіе сроки. Одинъ изъ этихъ депутатовъ, Расимъ-бей, представитель Адрианополя, былъ тутъ же арестованъ и отправленъ подъ конвоемъ въ Бруссу, гдѣ онъ будетъ посаженъ подъ арестъ безъ суда и безъ объявленія ему, въ чемъ именно онъ обвиненъ.

«Эти своевольныя распоряженія не произвели никакого волненія въ Стамбулѣ и прошли незамѣченными населеніемъ, что служитъ лучшимъ доказательствомъ, что парламентская комедія служила лишь противъ насъ временнымъ оружіемъ, которое, какъ только обстоятельства доказали его неудовлетворительность, было брошено какъ бесполезное, и что конституціонныя пожеланія не имѣютъ твердой почвы подъ собою и не пустили дѣйствительнаго корня въ Странѣ».

VIII.

Наконецъ Савфетъ-паша прибылъ въ Адринополь 31-го января, въ 4 часа вечера. Такъ какъ онъ давно былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ русскимъ посломъ, то, принявъ во вниманіе взаимныя положенія бывшаго неоднократно министромъ иностранныхъ дѣлъ Турціи и русскаго посла, нынѣ уполномоченнаго государя-побѣдителя, Игнатьевъ, желая оказать вниманіе униженному сановнику въ память прежнихъ добрыхъ отношеній, не захотѣлъ строго держаться требованій этикета и предупредилъ его визитъ, посѣдивъ на слѣдующее же утро посѣтить его, чтобы вывести старика изъ угнетеннаго состоянія духа. Переговоривъ съ пашою дружески, Игнатьевъ повезъ его въ тотъ же день въ великому князю главнокомандующему для официальнаго представленія, послѣ чего Савфетъ сдѣлалъ официальный визитъ и русскому уполномоченному. Переговоривъ съ турками, Игнатьевъ обратилъ вниманіе князя Горчакова, въ донесеніяхъ своихъ, на два обстоятельства, усложняющія предстоявшіе переговоры, выразившись слѣдующимъ образомъ:

«1. Появленіе англійскаго флота въ Дарданеллахъ и затѣмъ входъ броненосной эскадры въ Мраморное море, совпавшіе съ прибытіемъ турецкаго уполномоченнаго въ Адринополь, естественно, вліяютъ неблагопріятнымъ для насъ образомъ на сановниковъ турецкихъ и на партію между ними, расположенную сойтись съ Россією, поддерживая въ то же время сопротивленіе враждебной намъ партіи, мечтающей извлечь пользу изъ иностраннаго вмѣшательства въ нашу распрю. Англійское посольство и даже австро-венгерское пользуются этимъ расположеніемъ турокъ, что-

бы помѣшать подписанію мирныхъ договорныхъ условій и даже стараются сдѣлать невозможнымъ или разстроить всякое соглашеніе между нами и Портою до собранія европейской конференціи¹⁾.

«2. Принятіе Россіею принципа конференціи, которая, по мнѣнію турокъ, будетъ призвана для окончательнаго разрѣшенія всѣхъ восточныхъ вопросовъ, въ которыхъ замѣшаны европейскіе интересы, далеко не облегчитъ заключеніе и исполненіе прелиминарнаго договора, условленнаго непосредственно между Россіею и Турціею, потому что турки невольно себя спрашиваютъ, какіе могутъ быть вопросы, касающіеся Турціи, въ которыхъ Европа непосредственно или косвенно не заинтересована, разсматривая ихъ, какъ средство повредить Россіи или ей противодѣйствовать. Савфеть-паша, при первой же встрѣчѣ со мною, далъ мнѣ простодушнымъ образомъ замѣтить, что онъ не понимаетъ практическаго значенія нашихъ переговоровъ²⁾ и труда, нами предпринятаго для соглашенія противоположныхъ интересовъ, тогда какъ наши рѣшенія могутъ быть измѣнены другими державами³⁾.

«Что касается спеціально до Порты,—присовокушилъ Савфеть-паша, то она колеблется нынѣ сдѣлать какія-либо уступки изъ

1) Князь Горчаковъ безсознательно, по своему пристрастію къ занятіямъ конференцій и конгрессовъ, игралъ въ руку Англій и Австро-Венгріи, согласившись съ перваго слова на созывъ конференціи и затѣмъ конгресса. Онъ предполагалъ возможнымъ согласовать свое обычное пребываніе въ лѣтнее время въ Бадень-Баденѣ съ серьезными обязанностями представителя Россіи на конференціи и, для личныхъ своихъ удобствъ, поспѣшилъ необдуманно признать въ принципѣ необходимость конференціи, предлагая созвать ее въ Бадень-Баденѣ. Заднею мыслию было у него и то, что, внѣ столицъ великихъ державъ, предсѣдательство на конференціи будетъ, изъ учтивости, предложено ему собравшимися уполномоченными. Авт.

2) Весьма интересно, съ какою чисто-восточною находчивостію престарѣлый турецкій сановникъ Савфеть-паша сумѣлъ построить, въ переговорахъ съ Игнатьевымъ, острую защиту Турціи на явной, принципиальной безплодности переговоровъ, приведшихъ къ соглашенію, заранѣе забракванному нашей высшей дипломатіей, въ угоду не вѣрнымъ врагамъ Россіи. Игнатьевъ, вполне одобряетъ мысль Савфета-паши и, конечно, правильно. «Здравый смыслъ турокъ подсказалъ имъ несообразность вести съ нами переговоры, а съ другой стороны имѣтъ въ виду наше согласіе на созывъ европейской конференціи, не оговоривъ сферы ея компетенціи». Это былъ дѣйствительный абсурдъ, навязанный Игнатьеву, по настоянію князя Горчакова, абсурдъ, обнажившій умственный порокъ нашихъ служилыхъ сферъ: бояться всякаго отвѣтственнаго, окончательнаго, безповоротнаго творчества; одною рукою уничтожается (какъ вѣчная «Пенелопова ткань») то, что создано другою рукою; гениальныя творенія въ русской исторіи почти всегда осуществлялись при содѣйствіи тѣхъ, кто ихъ тормозитъ или топилъ и весьма часто—съ предварительнымъ устраненіемъ отъ дѣла тѣхъ, кто ихъ вызвалъ въ жизнь; наконецъ, даже весьма крупные люди не могутъ жить и дѣйствовать, не чувствуя *потолка* надъ собственной головою наши сановники не выносятъ ощущенія открытаго поднебесья. Они создаютъ только «временное» и «впредь до обжалованія высшей инстанціи». А. Б.

3) Здравый смыслъ турокъ подсказалъ имъ несообразность вести съ одной стороны непосредственныя мирныя переговоры съ нами, а съ другой—имѣтъ въ виду согласіе наше на созывъ по тому же предмету европейской конференціи, причѣмъ не оговорена была точнымъ образомъ сфера ея компетенціи. Авт.

опасенія, что ими не исчерпаются жертвы, которыя Турція вынуждена будетъ принести, но, что, напротивъ того, — и самъ Савфеть-паша того мнѣнія, — приходится опасаться, что чѣмъ болѣе будетъ уступлено теперь, тѣмъ болѣе возбудится ревность кабинетовъ, и Турція должна будетъ расплачиваться со всѣми за свою нынѣшнюю сговорчивость. Каждая держава на будущей конференціи захочетъ заполучить соотвѣтствующую выгоду и заявитъ новыя требованія, такъ что Турція тогда очутится въ невозможности всѣхъ удовлетворить и попадетъ въ самое затруднительное и опасное положеніе ¹⁾. Въ то же время верховный визирь и министръ иностранныхъ дѣлъ, становясь на другую точку зрѣнія, стараются внушить мнѣ разными путями, убѣжденіе въ необходимости не только быть сговорчивымъ и умѣреннымъ, но даже уступить по нѣкоторымъ пунктамъ уже подписанныхъ основныхъ мирныхъ условій, потому что, по ихъ мнѣнію, если намъ удастся установить твердое согласіе между нами, конференція будетъ вынуждена ограничиться принятіемъ лишь къ свѣдѣнію заключеннаго между нами договора. Если же наши требованія будутъ чрезмѣрны, то Порта можетъ быть вынужденною прервать мирные переговоры ²⁾ и представить свою участь на благоусмотрѣніе западныхъ державъ, которыя тогда возьмутся защищать Турцію на будущей европейской конференціи.

«Вотъ при какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ начинаются наши адрианопольскіе переговоры. Я упоминаю о затрудненіяхъ моего настоящаго положенія лишь для того, чтобы вы, съ свойственною вамъ опытностью, могли судить о результатахъ, которые мною будутъ добыты во исполненіе инструкцій, данныхъ мнѣ при отправленіи изъ Петербурга».

Въ бесѣдѣ съ Игнатьевымъ Савфеть-паша выразилъ мысль, «что его судьба странная: боровшись съ соединенною Европою на константинопольской конференціи и не поддавшись единогласнымъ требованіямъ представителей всѣхъ державъ, онъ вынужденъ нынѣ явиться въ главную квартиру русской арміи, чтобы выпросить

¹⁾ Такого рода соображенія были несравненно болѣе присущи и болѣе доступны подозрительному складу ума турокъ, нежели приписанныя имъ впоследствии нѣкоторыми завистниками Санъ-Стефанскаго договора, старавшимися увѣрить публику, что турки охотно согласились на всѣ требованія Игнатьева съ цѣлью громадною своихъ уступокъ вызвать вмѣшательство Англіи и зависть другихъ державъ. Если бы таковъ былъ расчетъ добродушнаго Савфета-паши, то онъ не такъ мучился бы во время переговоровъ, не отстаивалъ бы съ такимъ трогательнымъ упорствомъ главнѣйшихъ пунктовъ, а, напротивъ, согласился бы на самыя тяжкія и затрогивающія европейскія державы требованія, которыя были бы ими большею частью отвергнуты или измѣнены впоследствии. Авт.

²⁾ Такого рода заявленіе обозначало разницу между обстановкою нашею при подписаніи перемирія и началомъ мирныхъ переговоровъ. Остановка войскъ нашихъ измѣнила положеніе радикально въ теченіе всего двѣнадцати дней. Авт.

миръ; именно онъ, всегдашній другъ Россіи, осужденъ перенести всю тяготу требованій, которыя будутъ предъявлены побѣдителемъ побѣжденному».

«Какъ бы для доставленія только удовлетворенія вамъ, будущей мирный договоръ будетъ скрѣпленъ тою же подписью, что и документъ, отвергнувшій единогласныя предложенія Европы на константинопольской конференціи. За то, что мы отказались тогда исполнить ваши желанія относительно Болгаріи и уступки Черногоріи нѣсколькихъ голыхъ утесовъ, мы теперь обречены потерять навсегда обширныя и богатая области и создать, у воротъ Константинополя, новое государство изъ земель, отнятыхъ у Турціи»¹⁾.

Такъ какъ Савфеть горько жаловался на участь свою въ виду необходимости подписать унижительный для Турціи договоръ, то Игнатъевъ старался его утѣшить, выставляя на видъ, что принятіемъ безъ колебанія и промедленія нашихъ предложеній онъ докажетъ только свой государственный разумъ и истинный патріотизмъ, потому что предохранить свое отечество отъ несравненно большаго несчастія и потерь болѣе значительныхъ, нежели доселѣ понесенныя; что имѣющій быть подписаннымъ мирный договоръ есть неизбежное послѣдствіе ошибокъ, сдѣланныхъ Портою болѣе года тому назадъ (въ 1876 и 1877 гг.), и что онъ обезпечитъ Турціи спокойствіе и возможность существованія.

«Подписаніемъ будущаго договора вы,—сказалъ Игнатъевъ,—смоете съ себя вину и ошибку подписанія упомянутого вами отъказа умѣреннымъ требованіямъ конференціи и участія, вами принятаго, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ объявленіи войны Россіи. Разъ, что миръ будетъ подписанъ и всѣ вопросы, раздѣлявшіе насъ, улажены, мы могли бы сдѣлаться добрыми друзьями и хорошими сосѣдями, согласно тому, чего я отчасти достигнулъ въ царствованіе покойнаго Абдуль-Азиса. Желаніе наше ускорить подписаніе договора и стовориться непосредственно съ Турціею, безъ посторонняго вмѣшательства, должно бы служить вамъ залогомъ нашего добраго расположенія къ Турціи».

Для подтвержденія этой мысли Игнатъевъ привелъ нѣсколько примѣровъ изъ прежнихъ своихъ сношеній съ Портою и указалъ

¹⁾ Дѣйствительно, удовлетвореніе, данное Россіи ходомъ событій, было полное, и урокъ, прочувствованный Турціею, достаточный, чтобы, какъ сознавался Савфеть-паша, русскій представитель могъ извлечь всю ту пользу, которую предвидѣлъ и желалъ Игнатъевъ. Для него, въ особенности въ словахъ паши, заключалось нравственное удовлетвореніе и оправданіе его политической дѣятельности. Наше вліяніе послѣ побѣдоносной войны и безсилія коварной политики Англіи и Австро-Венгрии могло быть основано въ Турціи на незабываемой почвѣ! Но наши мнимые друзья, Бисмаркъ и Андраши, при легкомысленномъ содѣйствіи нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и нѣкоторыхъ изъ нашихъ дипломатовъ, довели наши военныя побѣды и политическія побѣды до плачевныхъ результатовъ. **Авт.**

на разницу между нашими прямыми дѣйствіями относительно Турціи и мнимыхъ ея друзей, злоупотребляющихъ ея довѣріемъ. Савфетъ возразилъ только, что онъ, признавая вполне, что обстоятельства вынуждаютъ Порту заключить договоръ, угодный Россіи, понимаетъ, однакоже, что это—смертный приговоръ Турецкой имперіи въ томъ видѣ, какъ она доселѣ существовала. «Обстоятельства теперешнія,—прибавилъ грустно Савфетъ,—будутъ забыты, исторія о нихъ умолчить, и дѣти наши о нихъ и не вспомнить; меня же обвинять въ слабости, въ сумасшествіи».

Онъ кончилъ тѣмъ, что, какъ добрый мусульманинъ, высказалъ покорность судьбѣ и завѣрилъ въ желаніи своемъ честно стовориться съ русскимъ уполномоченнымъ, какъ можно скорѣе утвердивъ миръ на прочныхъ основаніяхъ, чтобы предотвратить повтореніе въ будущемъ подобныхъ ссоръ и столкновеній между нашими двумя государствами.

Такъ какъ Савфетъ сознался, что Садуллахъ-бей можетъ прибыть только развѣ черезъ пятнадцать дней, то Игнатьевъ уговорилъ перваго уполномоченнаго начать формальные переговоры на другой же день послѣ его прибытія въ Адрианополь, не ожидая втораго уполномоченнаго. Канцлеру Игнатьевъ сообщилъ сущность территоріальныхъ вождедѣній Сербіи и Черногоріи, указывая на необходимость удовлетворить послѣднюю присоединеніемъ Гацко, Билеча, Невесинья, Столаца и прочей мѣстности, гдѣ происходило возстаніе герцеговинцевъ въ 1875 и 1876 гг., а также и на то, что европейскія державы, посовѣтовавъ Черногоріи въ 1876 году помириться непосредственно съ Портою, не въ правѣ вліять ограничительнымъ образомъ на тѣ условія, согласіе на которыя мы добудемъ отъ турокъ въ пользу Черногоріи и Сербіи, и просилъ телеграфическихъ указаній, обративъ вниманіе, что велѣдствіе громадности разстоянія, плохого состоянія дорогъ и медлительности сообщеній переписка становится невозможною при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, требующихъ немедленнаго рѣшенія.

Князь Горчаковъ отвѣтилъ по телеграфу 2-го февраля: «Держитесь отвѣта, вами уже даннаго, то-есть сдѣлайте для Черногоріи, что окажется возможнымъ. Ради Австро-Венгріи необходимо избѣгнуть распространенія Черногоріи въ сторону Герцеговины» ¹⁾.

Свои переговоры съ Савфетомъ Игнатьевъ началъ сообщеніемъ турецкому уполномоченному въ общихъ чертахъ всей нашей про-

---

¹⁾ Австро-Венгрія, коварно дѣлая видъ, что поддерживаетъ сербовъ для ослабленія Болгаріи, ни подъ какимъ видомъ не допускала ни увеличенія Черногоріи Герцеговиною, ни образованія значительнаго Сербскаго княжества и дѣлала самыя настойчивыя представленія русскому правительству въ этомъ смыслѣ. Авт.

граммы будущаго устройства славянскихъ областей на Балканскомъ полуостровѣ, но не нашелъ въ немъ готовности принять наши условія, которыя казались пашѣ чудовищными. Какъ бы то ни было, условилсъ съ Савфетомъ, что конференціи будутъ происходить, для ускоренія дѣла, два раза въ день, на квартирѣ Игнатѣева, куда пріѣзжали Нелидовъ и турецкій уполномоченный. Отдавая отчетъ канцлеру въ переговорахъ своихъ съ симъ послѣднимъ, Игнатѣевъ въ донесеніи своемъ отъ 4-го февраля (№ 9) пишетъ: «Несмотря на свои добрыя намѣренія и личное расположеніе Савфета, которое можно считать искреннимъ, онъ не измѣнилъ своихъ старыхъ, привычныхъ замашекъ. Онъ колеблется, не рѣшается, боится отвѣтственности; принявъ условіе, нами предлагаемое, онъ безпрестанно пытается отъ него отказаться; ничего не предлагая яснаго и положительнаго съ своей стороны, онъ старается выторговать что-нибудь понемногу отъ насъ и измѣнить договорную редакцію. Слабый здоровьемъ, хилый, онъ не въ состояніи выдерживать продолжительнаго труда: слишкомъ большая усталость или нравственное потрясеніе повергаютъ его въ болѣзнь ¹⁾. Старый министръ, онъ не можетъ свыкнуться съ новымъ положеніемъ Турціи, созданнымъ послѣдними ея пораженіями. Онъ находитъ наши требованія чрезвычайными. Автономія Болгарскаго княжества кажется ему чѣмъ-то неестественнымъ и невозможнымъ. Существованіе княжества Болгарскаго несомнѣстимо, по его мнѣнію, съ дальнѣйшимъ существованіемъ Оттоманской имперіи. Онъ долго настаивалъ на томъ, что осуществленія реформъ, предложенныхъ константинопольскою конференціею, исполнѣ достаточно для счастья Болгаріи, и пытался добиться, чтобы органическій уставъ для ея управленія былъ разработанъ въ Константинополѣ комиссіею подъ предсѣдательствомъ Порты. Турецкіе уполномоченные говорили, что султану слѣдуетъ прибѣгнуть къ великодушію государя императора. Порта, увѣряетъ онъ, совершенно измѣнитъ свою политику, отвернется исполнѣ отъ Запада и обратится въ послушное орудіе Россіи. «Мы никогда не забудемъ,—восклицаетъ Савфеть,—урока, намъ теперь преподаннаго. Но будьте справедливы и великодушны!»

«Ваша свѣтлость удостовѣритесь изъ чтенія протоколовъ нашихъ совѣщаній, которые я вмѣстѣ съ Нелидовымъ вамъ представлю, что смиренныя рѣчи наши меня не тронули и что я продолжаю настаивать на нашихъ требованіяхъ. Я началъ съ того, что развилъ ему подписанные 19-го января пять пунктовъ основ-

---

¹⁾ Необходимость беречь дряхлаго пашу, стараго пріятеля русскаго посольства, и соразмѣрять трудъ совѣщаній съ его слабыми силами и здоровьемъ, тогда какъ обстоятельства требовали ускорить ходъ дѣла,—была очень тягостна для русскихъ уполномоченныхъ и крайне затрудняла переговоры.

Авт.

ныхъ условій мира, въ смыслѣ редакціи проекта, утвержденнаго предъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга. Чтобы не слишкомъ сразу напугать уполномоченнаго, я коснулся лишь въ общихъ чертахъ вопроса о нашемъ военномъ вознагражденіи. По мѣрѣ того, что установлено будетъ согласіе по каждому пункту, я требую, чтобы редація онаго утверждалась подписями уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Когда всѣ вопросы, о которыхъ мы должны договориться, будутъ исчерпаны, я предполагаю придать нашему труду форму прелиминарнаго договора съ обязательною ратификаціею по образцу подписаннаго въ Никольсбургѣ¹⁾ въ 1866 г.²⁾ Я полагаю, что мы должны стараться связать Порту самымъ формальнымъ³⁾ образомъ, чтобы лишить ея возможности отречься отъ своихъ обязательствъ на будущей европейской конференціи, подобно тому, какъ она пытается теперь отдѣлаться отъ мирныхъ основаній, принятыхъ ею и подписанныхъ уполномоченными султана 19-го января. Если наши усилія увѣнчаются нынѣ успѣхомъ, будущая конференція должна быть поставлена предъ совершившимися фактами, съ которыми должны считаться тѣ кабинеты, которые питаютъ дурное расположеніе къ Россіи.

«Между официальными конференціями я бесѣдую дружественнымъ образомъ съ Савфетомъ-пашою, стараюсь поддерживать его въ добромъ расположеніи и направить его мысли на желаемый нами путь, выставляя ему опасность и ложность надеждъ тѣхъ его соотечественниковъ, которые имѣютъ слабоуміе разсчитывать на матеріальную поддержку европейскихъ государствъ».

¹⁾ «Прелиминарный договоръ въ Никольсбургѣ» былъ заключенъ 26-го іюля 1866 года, какъ результатъ побѣды Пруссіи надъ Австріей въ 1866 году. Затѣмъ 23-го августа 1866 года былъ заключенъ между тѣми же державами окончательный «пражскій мирный трактатъ», въ коемъ сказано, что «прелиминарный договоръ *превращается* вмѣстѣ съ тѣмъ въ окончательный трактатъ. Никакая другая держава въ пражскомъ мирѣ не участвовала, и этотъ прецедентъ никоимъ образомъ не могъ служить основаніемъ для нашей дипломатіи къ тому, чтобы Россія была подвергнута, на Берлинскомъ конгрессѣ, незаслуженному правственному уничтоженію, съ полной передѣлкой Санъ-Стефанскаго договора.—(Ср. P. Albin: «Les Grands Traités, Politiques», стр. 311.—«Traité de Prague»). А. Б.

²⁾ Игнатьевъ тогда былъ увѣренъ, что князь Горчаковъ и наши представители на конгрессѣ или конференціи, точно такъ же, какъ и всѣ послы наши при великихъ державахъ, почтутъ долгомъ своимъ употребить всѣ усилія, чтобы отстоять все договоренное между нами и Портою, развить и дополнить все, Россіею приобрѣтенное въ Санъ-Стефано, и охранить отъ посягательства нашихъ противниковъ. Его собственный образъ мыслей и убѣжденія не позволяли предположить печальную дѣйствительность, раскрывшуюся впоследствии: что личныя соображенія преобладали надъ патриотическимъ долгомъ и допустили, что русскіе дипломаты отреклись отъ Санъ-Стефанскаго договора, отдали его на съѣденіе европейскимъ завистникамъ Россіи и помогли враждебнымъ кабинетамъ разрушить добытое кровью русскаго солдата и трудами русскихъ людей. Авт.

³⁾ Выраженіе: самымъ «формальнымъ образомъ» употреблено здѣсь въ смыслѣ— «самымъ положительнымъ образомъ». А. Б.

Игнатъевъ телеграфировалъ князю Горчакову 1-го февраля: «Савфетъ объявляетъ, что созданіе княжества Болгарскаго несомѣстно съ существованіемъ Оттоманской имперіи, и силится достигнуть измѣненій въ нашихъ требованіяхъ, прибѣгая къ великодушію императора. Австро-Венгрія и Англія распространяютъ въ Константинополь неблагопріятныя для Россіи свѣдѣнія по поводу предстоящей конференціи въ Вѣнѣ, на которую мы якобы согласились. Очень обяжете, сообщивъ мнѣ по телеграфу истинное значеніе этихъ слуховъ».

Депеша 2-го февраля: «Два раза въ день происходятъ у меня конференціи съ Савфетомъ, который не можетъ еще освоиться съ мыслию объ уменьшенномъ значеніи Турціи, но увѣряетъ, что Порта измѣнитъ совершенно свою политику, отвернется отъ Запада и примкнетъ къ Россіи. Созданіе княжества Болгарскаго кажется въ особенности опаснымъ Савфету. Онъ долго настаивалъ на томъ, что реформы, предложенныя конференціею, достаточны для Болгаріи и что органическій ея уставъ долженъ быть выработанъ комиссіею въ Константинополь, подъ предѣдательствомъ Порты, въ согласіи съ нами. Онъ противится всякому участию въ опредѣленіи мирныхъ условій съ нами другихъ европейскихъ державъ. Я поддерживаю наши требованія, не измѣняя условленнаго проекта. Настаиваю на очищеніи и срытіи всѣхъ крѣпостей, не исключая Шумлы и Варны».

Депеша 3-го февраля: «Порта, убѣдившись, что непосредственная опасность, грозившая Константинополю и султану, миновала, вернулась къ своимъ старымъ приемамъ. Савфетъ имѣлъ дерзость предложить намъ ограничить княжество Болгарское Балканами ¹⁾.

«Онъ предлагаетъ дать румынамъ въ вознагражденіе Виддинъ. Соглашаясь на очистку и срытіе крѣпостцы Ада-Кале, предлагаетъ передать этотъ островъ Австро-Венгріи ²⁾. Если она на это согласится, то лучше намъ непосредственно сговориться съ вѣнскимъ правительствомъ».

Вторая телеграмма отъ 3-го февраля: «Вчера, въ теченіе двухъ совѣщаній, мы сообщили Савфету полное разъясненіе развитія пяти пунктовъ мирныхъ основаній. Ссылаясь на незнаніе географическое и озадаченный нашими настояніями, Савфетъ отправилъ въ Константинополь состоявшаго при немъ генерала Османъ-пашу съ опи-

¹⁾ Очевидно, тутъ сказалось вліяніе Лайярда и Австро-Венгріи, стремившихся уже тогда раздѣлать то, что было постановлено константинопольскою конференціею относительно Болгаріи предъ войною, съ цѣлью умалить значеніе нашихъ побѣдъ и подорвать вліяніе и престижъ Россіи на Балканскомъ полуостровѣ. Авт.

²⁾ Интриги и тайные отъ насъ переговоры Австро-Венгріи съ Порто обнаружались этими предложеніями, и постоянное подозрѣніе Игнатъева относительно двуличности образа дѣйствій графа Андраши, заключавшаго съ нами конвенцію о дѣлѣжѣ Турціи и въ то же время противодѣйствовавшаго намъ въ Константинополь, подтверждалось фактически. Но канцлеръ продолжалъ считать графа Андраши своимъ союзникомъ, воплѣтъ ему довѣрять и не вѣрять обличеніямъ. Авт.

саніемъ предложеннаго для Болгаріи, Сербіи и Черногоріи разграниченія. Сегодня разсматривали и порѣшили во второмъ совѣщаніи, продолжавшемся шесть часовъ сряду, подробности касательно будущности Болгаріи. Общее стремленіе турокъ клонится къ уменьшенію, по возможности, земель, отходящихъ отъ Турціи, и сохраненію вліянія Порты на окончательное устройство управленія Болгаріи, Босніи и Герцеговины, а также непосредственнаго вліянія на мусульманское населеніе въ этихъ странахъ».

Въ отвѣтъ на донесенія Игнатьева, князь Горчаковъ телеграфировалъ ему отъ 3-го (телеграмма дошла лишь 5-го вечеромъ): «Такъ какъ въ наше непосредственное соглашеніе съ Портою входятъ вопросы европейскаго значенія, мы не могли отвергнуть принциповъ конференціи¹⁾. Мы имѣли право разсчитывать на большую справедливость²⁾ со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ, чѣмъ то, на что мы можемъ надѣяться, судя по нынѣшнимъ признакамъ. Вотъ почему я вамъ разрѣшаю не держаться строго тѣхъ ограниченій, которыя вамъ везетъ Боголюбовъ³⁾. Торопите окончаніе вашихъ переговоровъ затѣмъ, чтобы, когда соберется конференція, она вынуждена была считаться съ наибольшимъ числомъ совершившихся фактовъ. Въ особенности стойко держитесь всего того, что касается Болгаріи»⁴⁾.

А 5-го февраля, увѣдомляя о полученіи телеграммы Игнатьева о первыхъ совѣщаніяхъ съ Савфетомъ, князь телеграфировалъ ему: «Настаивайте твердо на всемъ томъ, что было принято Портою, какъ условія заключенія перемирія».

Эти телеграммы князя Горчакова показывали, что въ Петербургѣ происходили колебанія между желаніемъ угодить Австріи и

1) Оправдываясь предъ Игнатьевымъ такимъ образомъ, канцлеръ потерялъ изъ виду указанный прецедентъ Никольсбурга, гдѣ тоже были затронуты вопросы европейскаго значенія, но гдѣ никто не рѣшился вытребовать отъ Германіи созыва конференціи для пересмотра условленнаго между побѣдителями и побѣжденными. Даже допуская конференцію, необходимо было ограничить ея компетентность для ограниченія нашихъ интересовъ. Авт.

2) Плохое основаніе для политическихъ соображеній. Разсчитывать на справедливость Англіи и Австро-Венгріи весьма наивно, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда эти кабинеты усматриваютъ, что затронуты ихъ прямые интересы и что можно извлечь себѣ пользу. Авт.

3) То есть, иными словами, вернуться къ первоначальному проекту договора, а не ограничиваться протоколомъ и общими указаніями, безъ опредѣленныхъ обязательствъ Турціи, какъ было замыслилъ князь Горчаковъ, въ надеждѣ на свой успѣхъ на конференціи. Авт.

4) Могъ ли Игнатьевъ, послѣ такихъ инструкцій, самовластно и вопреки утвержденнаго государемъ, въ Петербургѣ, проекта, урѣзать Болгарію въ угоду сосѣднихъ вождельній, безъ всякаго основанія и противно собственнымъ убѣжденіямъ. А между тѣмъ его же впоследствии обвиняли нѣкоторые дипломаты (въ головѣ гр. П. Шуваловъ, графъ Капнистъ, Тертіи Ивановичъ Филипповъ и говоруны петербургскихъ гостиныхъ) въ самовольномъ созданіи слишкомъ великой Болгаріи. Авт.

сознаѣемъ необходимости доставить Россіи тѣ результаты, которыхъ она была въ правѣ ожидать послѣ всѣхъ тѣхъ жертвъ, которыя были принесены, и того разгрома, которому повергли Турцію блистательныя побѣды русскихъ войскъ на европейскомъ и азиатскомъ театрѣ войны. Но, къ сожалѣнію, самъ князь Горчаковъ подготовилъ неблагопріятное вмѣшательство въ наши переговоры съ Портою и съ развязку нашей войны мнимого своего союзника, графа Андраши. При возвращеніи въ Вѣну нашего посла Новикова изъ Петербурга, въ первой половинѣ января, канцлеръ уполномочилъ его сообщить довѣрительно графу Андраши содержаніе инструкціи, данной великому князю Николаю Николаевичу относительно мирныхъ основаній и условій перемирія ¹⁾. Этимъ сообщеніемъ воспользовался графъ Андраши, чтобы поднять преждевременно тревогу; сообщеніе это вызвало, такъ сказать, неблагопріятное вмѣшательство Австро-Венгрии и сближеніе вѣнскаго кабинета съ англійскимъ на почвѣ враждебности и противодѣйствія Россіи. Самоувѣренность графа Андраши и вѣра въ личную снисходительность къ нему князя Горчакова простиралась до того, что онъ имѣлъ нахальство заявить въ Петербургѣ, что онъ не можетъ согласиться ²⁾, чтобы мы сговорились съ Турціею безъ его участія и контроля, и угрожалъ подать въ отставку, если мы не допустимъ созванія европейской конференціи для опредѣленія мирныхъ условій. При этомъ графъ Андраши въ ослѣпленіи своемъ потерялъ изъ виду, что для Россіи самое выгодное было бы удаленіе венгерца отъ управленія вѣнскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и что мы, во всякомъ случаѣ, ничего отъ этого исхода проиграть не могли. Тѣмъ не менѣе, князь Горчаковъ нашелъ основательнымъ положеніе, принятое графомъ Андраши въ этомъ вопросѣ, и угроза эта такъ испугала нашего канцлера, что онъ поспѣшилъ дать завѣреніе, что онъ не противится европейскому соглашенію касательно нашихъ мирныхъ условій съ Портою, и, увлекаясь своимъ пристрастіемъ къ конференціямъ, предложилъ съѣздъ министровъ иностранныхъ

---

¹⁾ Болѣе чѣмъ страннымъ является такое положеніе вещей, при которомъ тогдашній руководитель русской дипломатіи, князь Горчаковъ, поспѣшилъ (черезъ нашего посла Новикова) сообщить графу Андраши содержаніе инструкціи, данной великому князю Николаю Николаевичу, относительно условій перемирія и основаній предстоящаго мира. Если бы Горчаковъ не находился уже тогда въ періодѣ старческаго ослабленія, то слѣдовало ожидать, по всѣмъ обильнымъ доказательствамъ австрійскаго вѣроломства, что эти документы должны были быть тщательно оберегаемы отъ взоровъ именно графа Андраши, который немедленно ими воспользовался для поднятія тревоги со стороны нашего тогдашняго врага, возбудивъ Англію противъ Россіи въ самый рѣшительный моментъ, передъ заключеніемъ Санъ-Стефанскаго договора. А. Б.

²⁾ Какъ будто согласіе не воюющей державы требуется для того, чтобы опредѣлить, на какихъ условіяхъ побѣдитель соглашается прекратить кровопролитіе и помиловать побѣжденнаго. Авт.

дѣлъ державъ въ Баденѣ, пять дней послѣ отъѣзда изъ Петербурга графа Игнатьева, отправленнаго на театръ войны для заключенія договора съ Портою непосредственно. Разъ принципъ европейскаго обсужденія былъ допущенъ, дѣло Англій и Австро-Венгрии, а слѣдовательно и Германіи, было испортить, по возможности, результатъ нашихъ переговоровъ съ Портою и, если не помѣшать ихъ заключенію до созванія конференціи, то, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать приведенію въ исполненіе договореннаго, поселить недовѣріе въ сановникахъ Порты и въ султанѣ и разстроить тѣ благоприятныя отношенія, которыя могли установиться между Россією и Турцією при возстановленіи мирныхъ сношеній. Съ свойственною западной дипломатіи послѣдовательностію и энергичностію агенты западныхъ державъ и дѣйствовали въ этомъ смыслѣ. А мысль о съѣздѣ министровъ иностранныхъ дѣлъ державъ въ Баденѣ преобразилась сначала въ конференцію въ Вѣнѣ, подъ предсѣдательствомъ графа Андраши, а потомъ въ конгрессъ Берлинскій, подъ предсѣдательствомъ князя Бисмарка.

Двукратное упоминаніе канцлеромъ въ телеграммахъ своихъ о дополнительныхъ инструкціяхъ, которыя везъ Боголюбовъ, ставило Игнатьева въ большое затрудненіе: каковы эти инструкціи, въ какомъ духѣ составлены, въ чемъ заключаются дополненія и ограниченія, упоминаютъ ли они о грекахъ и разрѣшаютъ ли русскому уполномоченному воспользоваться тѣмъ, что между греками началось возстаніе послѣ отъѣзда Игнатьева изъ Петербурга и затѣвалось, хотя и запоздавшее, присоединеніе къ общему подъему христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ, чтобы удовлетворить и Грецію, согласно первоначальнымъ предположеніямъ Игнатьева. Это тѣмъ болѣе казалось вѣроятнымъ, что, судя по телеграммѣ государя къ главнокомандующему, о которой упоминалось выше, въ Петербургѣ обращено было вниманіе на волненіе грековъ на границѣ и предписывалось сдѣлать объ этомъ предостереженіе Портѣ. А между тѣмъ положеніе, принятое Англією и Австро-Венгрією, подкрѣпленное движеніями англійской броненосной эскадры, доказывало необходимость энергически слѣзнуть къ развязкѣ переговоровъ съ турками, а потому Игнатьевъ рѣшился съ самаго начала дѣйствовать неуклонно на основаніи проекта, вывезеннаго изъ Петербурга, стараясь отыскать предлогъ придвинуть главную квартиру къ Царьграду, чтобы выйти изъ крайне стѣснительнаго положенія въ Адрианополѣ. Послѣ пятнадцати дней неосновательныхъ надеждъ на болѣе честное отношеніе къ Россіи не только Австро-Венгрии и Англій, которыхъ Игнатьевъ ни на минуту не раздѣлялъ, разочарованный канцлеръ наконецъ одобрилъ это рѣшеніе Игнатьева и сталъ лишь требовать отъ уполномоченныхъ ускоренія заключенія того проекта, который былъ имъ утвержденъ въ Петербургѣ. Странно было заблужденіе такого опытнаго дипло-

мата, какъ канцлеръ, относительно дѣйствительнаго расположенія вѣнскаго кабинета, противъ котораго Игнатъевъ не уставалъ, въ теченіе трехъ лѣтъ предупреждать министерство иностранныхъ дѣлъ, доставляя неоднократно фактическія доказательства двуличности и враждебности графа Андраши и лживости его завѣреній, расточаемыхъ Новикову, Жомини и князю Горчакову лично и чрезъ австрійскихъ дипломатовъ.

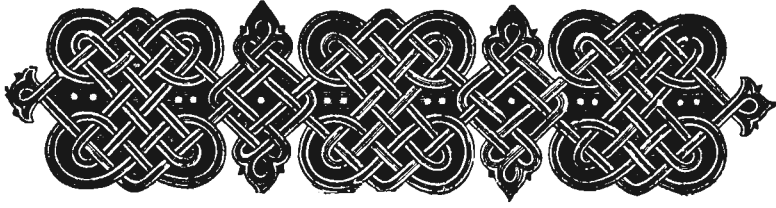
Если бы канцлеръ внялъ своевременно предостереженіямъ и не довѣрился графу Андраши и его покровителю и пособнику, князю Бисмарку, то намъ не пришлось бы испытать униженія Берлинскаго договора и остановиться на полумѣрахъ подъ стѣнами Константинополя, предоставивъ туркамъ даже не исполнять того, на что Порта вынуждена была согласиться въ переговорахъ съ Игнатъевымъ и подъ давленіемъ нашей побѣдоносной арміи.

Съ другой стороны, желаніе главной квартиры какъ можно скорѣе прекратить тревоги и нужды военного времени и отдохнуть на турецкихъ лаврахъ въ предѣлахъ отечества, избѣгая осложненій въ Константинополѣ, чрезвычайно препятствовали достиженію Игнатъевымъ его цѣли, тѣмъ болѣе, что окружающіе великаго князя Николая Николаевича и даже самъ его высочество находили требованія наши отъ турокъ чрезмѣрными и совѣтовали Игнатъеву ихъ измѣнить. Впослѣдствіи нѣкоторые дипломаты наши утверждали, что европейскія затрудненія и противодѣйствіе кабинетовъ вызваны были условіями договора, заключеннаго съ турками Игнатъевымъ, но телеграмма князя Горчакова (отъ 3-го февраля) доказываетъ, что дурное расположеніе кабинетовъ и неблагонадежность нашего союза съ Австро-Венгерією обнаружилась не только ранѣе заключенія договора съ Портою, но и ранѣе начала переговоровъ между Игнатъевымъ и Савфетомъ, тотчасъ послѣ отправленія перваго изъ Петербурга (сообщеніе Лангенау и пр.).

Гр. Н. П. Игнатъевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОСЛѢ ГРОЗЫ¹⁾.

(Повѣсть).

ІХ.

ВАРЯГИНЪ засталъ своихъ знакомыхъ въ курзалѣ, гдѣ они кончали обѣдать. Онъ имъ передалъ сущность только что слышаннаго разговора и заключилъ такъ:

— Да, все это указываетъ на движеніе впередъ извѣстныхъ понятій... Куда мы идемъ, трудно сказать. Но фактъ тотъ, что здоровыя идеи всюду мало-по-малу проникаютъ, находятъ своихъ носителей и распространителей, даже въ затерянныхъ углахъ. Но странно—менѣе всего это отражается въ нашей теперешней литературѣ. Идеиная литература, если ее можно такъ назвать, повернула на бредъ, на мистическую фантазію, а реализмъ впалъ въ порнографію. А вѣдь цѣль литературы ставить вѣхи на пути правильнаго мышленія...

— Но вѣдь литература,—замѣтилъ Ростовцевъ,—отражаетъ господствующее настроеніе. Что же дѣлать если такое настроеніе дѣйствительно существуетъ. Возьмите «Санина», возьмите «Ключи счастья». Общество реагируетъ на эти произведенія, потому что находитъ въ нихъ свое отраженіе. Не такъ ли?

— Безъ сомнѣнія,—отвѣтилъ Варягинъ:—Санины очень распространены въ обществѣ, какъ и барышни Ельцовы г-жи Вербицкой.

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.» т. СХХХІХ, стр. 773.

Я не говорю, что Арцыбашевъ и Вербицкая выдумываютъ не существующіе типы. Но я хочу сказать, что въ литературѣ во всякую эпоху, даже при упадкѣ общественной нравственности, должны быть писатели, которые указывали бы этому обществу на извѣстный положительный идеалъ, который не можетъ въ данную минуту не существовать... Его нужно только умѣть найти и освѣтить... А этого-то у насъ сейчасъ нѣтъ. Взгляните на массу самоубійствъ среди молодежи... Согласитесь, что это ненормальный фактъ. Отчего же онъ происходитъ? Конечно, и отъ распространяемыхъ въ литературѣ идей, приводящихъ мысль въ тупикъ, къ провалу... Вотъ въ чемъ преступленіе современной литературы...

— Ты забываешь,—прервалъ его Стуковъ,—о социальномъ-политическомъ причинахъ. Разочарованіе, гнетъ, безнадежность... какъ хочешь, а все это вліяетъ... все это объясняетъ современную деморализацію...

— А вотъ такой фактъ, Вадимъ Владимировичъ,—вмѣшалась Лебедева.—Былъ у насъ Толстой. Думаю, что его вліяніе, его идеи были только благотворны. Однако никто не скажетъ, чтобы при немъ общество наше особенно морально возвысилось. Напротивъ, его время было одно изъ самыхъ гнетущихъ... Какъ вы это объясните?

— Я не говорю,—отвѣтилъ Варягинъ:—что литература можетъ переродить человѣчество. Если бы книги могли это сдѣлать, то одно Евангеліе должно бы совершить это чудо. Что касается Толстого, то на немъ лежитъ большой общественный грѣхъ. Подумайте, что онъ могъ бы сдѣлать, достигнувъ того громаднаго авторитета, которымъ онъ пользовался. Представьте себѣ, что онъ бы повсюду развѣзжалъ со своей проповѣдью, говорилъ бы передъ многотысячной толпой—да онъ перевернулъ бы весь свѣтъ. Толстой не понялъ своей миссіи... Но ни Толстой, никто другой одной книгой ничего не сдѣлаютъ. Тутъ нужно еще кое-что другое... Однако изъ этого не слѣдуетъ, что литературы не должно быть. Но она должна быть разумной, доброй... Что такое типъ Санина? Съ матерью онъ обращается, какъ съ поскудиной, на могилѣ пріятеля обзываетъ его дуракомъ, съ дѣвушкой, полюбившей его, поступаетъ, какъ негодяй. Отчего все это? А потому, что онъ не вѣритъ ни въ добро, ни во зло, ни въ чорта, ни въ Бога. Однако на дуэль онъ не соглашается и говоритъ: я еще жить хочу. Но ради чего же онъ будетъ жить? Вотъ о чемъ литература наша молчитъ. Есть же въ жизни цѣли научныя, цѣли художественныя, цѣли социальныя, созидательныя, наконецъ... Я не требую идеализаціи жизни, но есть въ жизни разумъ такъ же вѣрно, какъ есть математика въ числѣ наукъ. Объ этомъ и нужно писать. Теперь много говорятъ о хулиганствѣ въ деревнѣ. Но раньше, чѣмъ въ деревнѣ, хулиганъ утвердился у насъ въ литературѣ...

Варягинъ замолкъ.

Лебедева слушала его, не отрывая отъ него глазъ.

— Какъ онъ хорошо говорить!—восторженно шепнула она Стукову, сидѣвшему около нея.

— Да, онъ славный!—довольно отвѣтилъ ей тотъ, нѣжно взглянувъ на нее.

Когда, проводивъ своихъ друзей на вокзалъ, Варягинъ вернулся къ себѣ, онъ засталъ Гореvu стоявшею на балконѣ и молча любовавшеюся чуднымъ видомъ вечерней зари. Все небо было окрашено въ золотисто-желтый цвѣтъ, постепенно ступавшійся на небосклонѣ въ багрово-алую полосу. И этотъ свѣтъ окрашивалъ все окружающее: стѣны, деревья, траву и самую землю въ тотъ же золотисто-янтарный налетъ...

Варягинъ молча пожалъ руку Горовой и, точно понявъ ея мысли, направилъ взоръ къ небу.

— Какая красота!—молвилъ онъ.—Я не художникъ и не владѣю кистью, но когда я вижу такую картину природы, мнѣ всегда досадно на художниковъ. Гдѣ у нихъ глаза? Я никогда еще не видѣлъ картины художника, дѣйствительно схватившаго настоящую симфонію красокъ солнечнаго заката. Видишь на выставкахъ разные закаты. Съ красными пятнами, желтыми разливами... Но нѣтъ именно гармоніи цвѣтовъ, этой перемѣны всѣхъ красокъ на предметахъ, отражающихъ разсыпанное по небу золото...

— Я сама объ этомъ сейчасъ думала,—ласково улыбнулась молодая женщина.

— Куинджи одинъ какъ будто понималъ эти эффекты,—продолжалъ Варягинъ.—Но онъ не далъ всего, что могъ дать. Ни одно искусство не ждетъ своего новатора болѣе, чѣмъ живопись. Но, можетъ быть, это и самое трудное изъ всѣхъ искусствъ.

Они стояли рядомъ, молча глядя на переливающіеся цвѣта все темнѣющаго неба. А въ сердцѣ того и другого загоралось что-то новое, что-то неизъяснимо-сладкое, невыразимое словами...

Х.

Прошло нѣсколько дней. Евгенія Алексѣевна мало была дома, много гуляла или ѣздила въ городъ хлопотать о мѣстѣ. Зато Варягинъ засѣлъ за свою работу и иногда не показывался по цѣлымъ днямъ.

Тема, взятая имъ для своей повѣсти, увлекала Варягина. Онъ задался цѣлью описать событія послѣднихъ лѣтъ, въ которыхъ онъ самъ близко участвовалъ, и, главнымъ образомъ, уяснить взглядъ народа на совершившуюся перемѣну, а именно разрѣшить вопросъ: одобряетъ ли народъ эту перемѣну въ томъ видѣ, въ какомъ она вылилась, и вообще какія у него сейчасъ реальныя нужды и надежды.

Варягинъ любилъ народъ, но не идеализировалъ его и говорилъ, что душа народа есть нѣчто коллективное и выражается только въ цѣлой его массѣ, а если взять отдѣльнаго крестьянина, то это будетъ индивидуумъ, у котораго тѣ же качества и недостатки, какъ у всякаго человѣка, и даже чаще болѣе дурныхъ, чѣмъ хорошихъ качествъ. Какъ пчела теряетъ все свои полезныя способности, будучи изъята изъ улья, и ея существованіе дѣлается безцѣльнымъ, такъ и крестьянинъ, отнятый отъ земли, теряетъ свой смыслъ и значеніе. И Варягинъ объяснялъ любовь мужика къ землѣ, доходящую до страсти и до преступленія, инстинктивнымъ чувствомъ самосохраненія, такъ какъ земля была естественной стихіей, для которой онъ былъ рожденъ. Потому земельная реформа его особенно интересовала. Онъ одобрялъ идею сдѣлать крестьянина собственникомъ своей земли, но находилъ, что реформа совершилась слишкомъ спѣшно, съ азартомъ, часто возбуждавшимъ дурныя страсти крестьянина.

Скоро случай подтвердилъ этотъ взглядъ.

Какъ-то онъ пошелъ пообѣдать въ маленькій рестораникъ, гдѣ онъ обѣдалъ въ первый день своего приѣзда и гдѣ ему прислуживала Настя. Когда онъ сѣлъ за столъ, она что-то долго не приходила принять заказъ, а когда, наконецъ, пришла, то съ заплаканными глазами и чѣмъ-то очень разстроенная. Варягинъ, замѣтивъ это, попросилъ ее повѣдать ему свое горе, желая ее утѣшить, если было возможно. Сперва дѣвушка не хотѣла ничего говорить, но наконецъ, видя искреннее участіе къ ней Варягина, стала вдругъ совсѣмъ откровенной, даже сама сѣла на стулъ около него и рассказала ему слѣдующее.

Она была крестьянкой сосѣдняго большого села. Ея мать недавно овдовѣла и имѣла пять взрослыхъ дѣтей: двухъ дочерей и трехъ сыновей. Все ея добро состояло изъ двухъ десятинъ земли и старой полуразвалившейся хаты. Отецъ ея былъ, какъ описала Настя, горькій пьяница. Всю жизнь онъ пропьянствовалъ, а подъ конецъ для удовлетворенія своей страсти сталъ уже таскать и продавать все, что попадалось ему въ хозяйствѣ. Даже ухитрился снять съ телѣги пару колесъ и также спустилъ ихъ за гроши на базарѣ. Этимъ онъ лишилъ мать возможности ѣздить въ городъ продавать шампильоны, за которыми она ходила пѣшкомъ въ лѣсъ за восемь верстъ и за которые выручала нѣсколько двугривенныхъ. А на упреки жены онъ только подпѣвалъ пьянымъ голосомъ:

Мы отчаянны, отпѣты:
 Кандалы на насъ одѣты.
 Все, казенки, изъ-за васъ
 Кандалы висятъ на насъ.

Наконецъ мужикъ слегъ въ земскую больницу, заболѣвъ водянкой. Но и тутъ, лежа, весь вспухшій, когда жена посѣщала его, ругалъ

ее, что она не приносила ему водки, и упрекалъ ее за то, что она мужа своего не уважаетъ. Скоро онъ умеръ, и только за часъ до смерти точно осѣнила его правда. Онъ прослезился, просилъ прощенья у жены и проклялъ водку, сократившую его жизнь. Оставшись вдовой, мать продолжала зарабатывать себѣ хлѣбъ тяжелымъ трудомъ, а дѣти опредѣлились на разныя мѣста: дочери пошли искать службу въ городъ, а сыновья поступили батраками къ сосѣднимъ нѣмецкимъ колонистамъ.

Въ это время какъ разъ въ ихъ селѣ пріѣхавшая комиссія правительственныхъ землемѣровъ производила раздѣлъ крестьянской земли на отруба. Мать Насти получила еще десятину. Ей какъ будто улыбнулось, если не счастье, то нѣкоторое довольство и относительное спокойствіе. Однажды, собравъ всякими лишеніями четыре рубля, ей посчастливилось купить за эти деньги совсѣмъ молоденькаго жеребенка: откормлю его, думала она, и, Богъ дастъ, года черезъ три будетъ онъ возить меня въ городъ и мои старыя ноги немножко отдохнутъ. «Конекъ», какъ она его называла, сдѣлался предметомъ всѣхъ ея заботъ; ей пришлось изъ рожка откармливать его, какъ ребенка, молокомъ, такъ какъ сѣна и овса онъ еще брать не умѣлъ. Кое-какъ справилась съ этимъ дѣломъ, хотя сама часто оставалась голодной, чтобы накормить своего питомца. Прошло два года, и лошадка выровнялась, выросла гладкой, откормленной и такъ привязалась къ своей хозяйкѣ, что, завидя ее издалека, шла къ ней навстрѣчу, весело фыркая. Бывало также, что подойдетъ къ открытому окну избы, просунетъ голову и проситъ хлѣба, смотря умными глазами, или же войдетъ въ самую хату въ сѣни передними ногами. Крестьянка не нарадуется на своего «конька», полюбивъ его точно своего шестого ребенка. И вдругъ страшное горе стряслось надъ старухой. Сосѣдъ ея, зажиточный крестьянинъ, деревенскій кулакъ, возненавидѣлъ ее за то, что при раздѣлѣ земли счелъ себя обиженнымъ, находя, что полученная ею лишняя десятина земли должна принадлежать ему, а не ей. Сперва онъ стороной ругался, грозилъ отомстить, а потомъ замолкъ и только при встрѣчѣ съ сосѣдкой кидалъ на нее ядовитые взгляды. И вотъ, однажды мать ушла въ городъ торговать... Вернулась она къ вечеру домой и сейчасъ же зашла въ сарай провѣдать свою лошадку. И вотъ что она увидѣла: лежитъ конекъ на боку, тяжело дышитъ, какъ-то жалобно ржетъ и смотритъ на нее, медленно водя ушами. Старуха бросилась къ нему, желая его поднять, посмотрѣть, что болитъ у ея любимой лошадки, но конекъ тутъ же издохъ, точно онъ только ждалъ ея прихода, чтобы при ней околотъ. Старуха никакъ не могла понять, отчего околотъ лошадь, и думала, что она объѣлась или сама себѣ чѣмъ-нибудь повредила. Но только когда на слѣдующій день сняли съ лошади шкуру, чтобы продать ее за три рубля, то увидѣли, что весь бокъ лошади подъ кожей былъ залитъ кровью до самаго седрца

и ребра поломаны. Это было дѣло злого сосѣда. Кто-то даже видѣлъ его съ тяжелымъ молотомъ въ рукахъ. Воспользовавшись отсутствіемъ хозяйки, онъ вошелъ не замѣченнымъ въ сарай, ударилъ со всего размаха по лошади и поспѣшилъ уйти. Отомстилъ-таки негодяй...

Окончивъ свой разсказъ, Настя опять заплакала. Варягину стало жалко бѣдной дѣвушки и сейчасъ же, безъ колебанія, онъ вынулъ свой кошелекъ, взялъ изъ него четыре рубля и предложилъ ихъ плачущей дѣвушкѣ.

— Я не богатый человѣкъ, Настя,—молвилъ онъ,—и не могу купить твоей матери лошадь, но возьми хоть эти деньги. Авось ей опять посчастливится купить другого маленькаго «конька».

Настя съ благодарностью взглянула на Варягина.

— Спасибо вамъ, баринъ, спасибо.—Хоть немножко мать свою утѣшу. Какой же вы добрый!—прибавила она и поспѣшно скрылась, почти бѣгомъ.

Возвращаясь къ себѣ послѣ обѣда, Варягинъ всю дорогу обдумывалъ слышанное. «Вотъ она, «ставка на сильныхъ»,—размышлялъ онъ.—Что столичный миллионеръ, что деревенскій кулакъ,—а психологія-то одна. Чѣмъ же мужикъ лучше интеллигента на почвѣ капиталистической борьбы? Нужно эту психологію измѣнить—вотъ въ чемъ задача, а для этого, пожалуй «ставка на добрыхъ» понадежнѣе будетъ...»

ХІ.

Нѣсколько времени спустя, Варягинъ, усердно поработавъ цѣлый день, собрался какъ-то передъ самымъ вечеромъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Выходя изъ дома, у самой калитки сада онъ наткнулся на Стукова и молодого Ростовцева, пріѣхавшихъ нарочно провести съ нимъ вечеръ. По приглашенію Варягина, они направились втроемъ на прогулку по окрестнымъ полямъ, издававшимъ въ этотъ вечерній часъ крѣпкій, живительный ароматъ степныхъ травъ и цвѣтовъ. На западѣ солнце медленно расплывалось въ огненномъ заревѣ. Выпавшій въ теченіе дня обильный лѣтній дождикъ освѣжилъ воздухъ и напоилъ землю благодатной влагой. Мѣстами на поляхъ еще не успѣли высохнуть дождевыя лужи, отражавшія перламутровую желтизну вечерняго неба и блестяшія, точно золотые подносы, разложенныя на поверхности темной земли.

Пріятели шли молча, безсознательно подчиняясь какой-то невѣдомой силѣ, притаившейся въ торжественномъ молчаніи природы. Первый заговорилъ Ростовцевъ и, точно догадавшись, о чемъ думаютъ его спутники, онъ заговорилъ о поэзіи.

— Господа,—началъ онъ:—о чемъ можно думать въ такія минуты на лонѣ природы, какъ говорится, какъ не о поэзіи и о поэтахъ, и, конечно, сейчасъ вспоминаешь Пушкина и Лермонтова.

И вотъ мнѣ пришла мысль, кто изъ нихъ лучше понималъ природу: Пушкинъ или Лермонтовъ?

— Что же тема, какъ тема, не дурная,—отвѣтилъ Стуковъ.— Но, мнѣ кажется, трудно разрѣшимая, ибо въ этомъ отношеніи можно сказать, что оба лучше. Какъ ты думаешь?—обратился онъ къ Варягину.

— Все поэты,—отвѣтилъ Варягинъ:—я говорю о первоклассныхъ, и не только русскихъ, но и міровыхъ, должны непремѣнно сойтись въ общемъ пониманіи природы, такъ какъ поэзія подчинена въ концѣ концовъ тѣмъ же законамъ логики. Но между ними есть существенная разница въ воспріятіи впечатлѣній и въ выраженіи ихъ поэтическихъ чувствъ. Поэзія требуетъ прежде всего полного сліянія поэта съ природой и въ нѣкоторомъ родѣ перерожденія его въ существо бессознательное... Въ этой бессознательности и кроется загадка пониманія природы. Вотъ почему Некрасовъ и Тютчевъ не могутъ быть названы поэтами, какъ бы поэтично они ни писали. Ну, а чтобы судить Пушкина и Лермонтова, нужно примѣнить къ нимъ эту мѣрку: кто изъ нихъ болѣе сливался съ природой?

— Это вѣрно,—замѣтилъ Ростовцевъ,—хотя у того и у другого можно указать на примѣры такого полного сліянія. Но у Лермонтова, мнѣ кажется, можно найти произведенія, гдѣ онъ, пожалуй, глубже, любовнѣе чувствуетъ природу, какъ, напримѣръ, въ стихахъ: «Выхожу одинъ я на дорогу», или «Когда волнуется желтѣющая нива». Вѣдь невозможно точнѣе передать самый языкъ природы...

— Положимъ, что и у Пушкина найдутся такіе же совершенные образцы,—отвѣтилъ Варягинъ.—Одно можно сказать, что Лермонтовъ чувствовалъ природу вообще, а Пушкинъ отчетливѣе чувствовалъ русскую природу, почему онъ поэтъ болѣе національный, чѣмъ Лермонтовъ...

— Осторожнѣе на поворотѣ,—замѣтилъ Стуковъ:—вотъ, по нынѣшнимъ временамъ, опасное словечко...

— Что? Национальный?—спокойно продолжалъ Варягинъ.—Что же, можно и объ этомъ потолковать. Мы, русскіе, имѣемъ превратное понятіе о націонализмѣ вообще или, вѣрнѣе, не уяснили его сути. Вотъ почему у насъ возникаетъ столько недоразумѣній на этой почвѣ въ общественной и политической жизни. Мы противопоставляемъ націонализмъ космополитизму и дѣлимся согласно этому на два враждебные лагеря. А что такое космополитизмъ? Это не существующее понятіе. Космополитизма вообще нѣтъ среди людей, его выдумали беллетристы для краснаго словца. Возьмемъ самую космополитическую націю на свѣтѣ: евреевъ. Они разсѣялись по всему свѣту, но гдѣ бы они ни основались, сейчасъ же соединяются между собой не только въ смыслѣ общежитія, но и въ союзы и общества. Всякій человѣкъ, гдѣ бы онъ ни жилъ, откуда бы онъ ни

явился, носить въ себѣ наслѣдственные зачатки своего происхожденія, своей національности. Национализмъ есть прирожденное и необходимое качество всякаго человѣка.

— Вотъ какъ!—вставилъ Стуковъ съ оттѣнкомъ удивленія.

— Таковъ здоровый націонализмъ,—продолжалъ Варягинъ:—общій какъ Пушкину, такъ и простому мужичку. Истинный націоналистъ это сѣрый солдатъ, умирающій по долгу на полѣ битвы, это пахарь на зарѣ, засѣвающій свое родное поле, это труженикъ-интеллигентъ, исполняющій въ безвѣстности свой тяжелый долгъ. Но рядомъ съ этимъ націонализмомъ есть и фальшивый национализмъ, который, какъ всякая фальсификація, громко рекламируетъ свои вредныя качества... Многие и принимаютъ его за настоящій... Но это та же лужа, которая сейчасъ, по оптическому обману, кажется намъ глубокой и радужной, вслѣдствіе отраженія въ ней небесной красоты... Но приблизьтесь и вы увидите, что въ ней барахтаются одни черви и гады...

— Значитъ, Вадимъ Владимировичъ,—испытующе спросилъ его Ростовцевъ:—вы признаете націонализмъ?.. Но въ какой формѣ вы его признаете? Вотъ что важно...

— Узнать доброкачественность націонализма,—отвѣтилъ, улыбувшись, Варягинъ,—не трудно. Не противопоставляйте его космополитизму, какъ дѣлаютъ это шарлатаны націонализма, а приспособьте его къ понятію о братствѣ среди людей, понятію, которое я въ одной изъ моихъ статей окрестилъ какъ-то чуть ли не новымъ словомъ: фрателизмомъ. Если націонализмъ мирится съ такимъ фрателизмомъ, то это будетъ доброкачественный націонализмъ, и вы можете смѣло къ нему примкнуть...

— Вотъ прекрасно! Какъ вы это хорошо объяснили!—обрадованно заговорилъ студентъ.—Знаете, теперь я буду пропагандировать ваше слово среди товарищей: фрателизмъ—вѣдь это ясно, какъ вечерняя звѣзда, вонъ вспыхнувшая на чистомъ небѣ...

— Вотъ и договорились все-таки до политики,—заговорилъ Стуковъ:—хотя и начали съ поэзіи... А теперь вернемся къ поэзіи, которая сейчасъ представляется мнѣ въ видѣ горшка вкусной простокваши, а тамъ и по домамъ...

— И это дѣло,—согласился Варягинъ.

Друзья спустились съ горы въ курортъ, откуда раздавались веселые звуки духового оркестра. Послѣ ужина въ ресторанѣ курзала, уже поздно вечеромъ Стуковъ и Ростовцевъ усѣлись въ поѣздъ, переполненный пассажирами, и уѣхали въ городъ.

А Варягинъ медленно направился къ себѣ домой, любуясь ночнымъ небомъ, сіявшимъ въ безконечной вышинѣ тысячами мерцающихъ звѣздъ.

XII.

Съ Евгеніей Алексѣевной у Варягина установились какія-то особенныя отношенія. Онъ часто о ней думалъ, но встрѣчаться, видѣться съ ней онъ точно боялся. И она какъ будто не искала этихъ встрѣчъ. Тѣмъ не менѣе каждое утро они всегда встрѣчались на короткое время на балконѣ, когда выходили послѣ сна подышать свѣжимъ воздухомъ. Бывало, что и вечеромъ они встрѣчались тамъ же, но почему-то долгой и серьезной бесѣды не заводили. И, несмотря на это, каждый изъ нихъ тайно сознавалъ, что съ каждымъ днемъ они становятся ближе другъ къ другу, что какая-то внутренняя радость ихъ не покидала съ тѣхъ поръ, какъ они познакомились. Эта радость даже физически отражалась на Евгеніи Алексѣевнѣ. Она стала веселѣе, бодрѣе и за нѣсколько дней расцвѣла свѣжей красотой распутившагося цвѣтка.

Однажды въ жаркое утро, залитое потоками солнечнаго свѣта, когда они вмѣстѣ вышли на балконъ, Варягинъ задумалъ предложить ей совершить большую прогулку.

— Видите тамъ вдали это озеро, — сказалъ онъ ей: — мы говорили, что по ту сторону его находится чудесный тѣнистый паркъ, насаженный, какъ говорятъ, какимъ-то турецкимъ пашой въ давнія времена, — пройдемте туда пѣшкомъ черезъ поле — это будетъ чудная прогулка.

Она радостно встрепенулась.

— Съ удовольствіемъ, Вадимъ Владимировичъ, — отвѣтила она. — Я давно хотѣла сама вамъ предложить погулять, но боялась отвлечь васъ отъ работы.

— Ничего... я порядочно уже поработалъ и не мѣшаетъ отдохнуть, — отвѣтилъ онъ, любуясь ея пышными свѣтлыми волосами, на которыхъ играли лучи солнца.

Онъ надѣлъ соломенную шляпу, она окутала голову легкой газовой вуалью, и они направились по бездорожному полю по направленію къ озеру.

Они радостно шли, охваченные тепломъ и свѣтомъ, и все кругомъ, казалось, вливало въ себя въ творческомъ молчаніи благодатный зной, льющійся съ безоблачнаго неба. А вдали, надъ блестящей поверхностью озера, уснувшего въ истомѣ, точно клубилась прозрачная, радужная дымка.

Они сперва шли по голой степи, покрытой выжженной сухой травой, а потомъ вышли на кремнистую пыльную дорогу, шедшую между высокими наливавшимися зерномъ колосьями ржи. Приближаясь къ озеру, дорога завернула въ сторону, огибая берегъ кольцомъ, а по сторонамъ ея появились кусты серебристой ивы, бросающіе синеватую тѣнь.

— Какъ бы вы меня не возненавидѣли за эту прогулку, Евгенія Алексѣевна, — смѣясь, заговорилъ Варягинъ, весь взмокшій отъ пота.

— Нѣтъ, — отвѣтила она. — Въ Манчжуріи я закалилась и отъ холода и отъ жары. А, впрочемъ, хотите, отдохнемъ немножко, здѣсь въ тѣни.

Они сѣли на траву, на краю оврага, заросшаго высокимъ камышомъ.

— Вадимъ Владимировичъ, — начала Евгенія Алексѣевна, сорвавъ ромашку и пристально глядя на нее: — вотъ я вамъ рассказала свою жизнь, а вы о себѣ ничего не говорите. Скажите, вы не женаты?

— Нѣтъ, не женатъ, — нѣсколько подумавъ, отвѣтилъ Варягинъ. Евгенія Алексѣевна живо подняла голову.

— Это жаль, — молвила она въ то время, какъ глаза ея говорили обратное.

— Почему же?

— Можетъ быть, вы были бы счастливѣе...

— Видите ли, Евгенія Алексѣевна, въ чемъ дѣло. Не всякая жепитѣба, какъ и замужество, какъ вы сами знаете, бываетъ счастливой. А если бы я былъ несчастливъ у домашняго очага, я петерялъ бы покой, самообладаніе, необходимые мнѣ для моихъ цѣлей. Я посвятилъ свои силы Россіи. Я люблю нашу огромную, неуклюжую Россію за ея простоту, за ея страданія... Конечно, я ничто или вѣрнѣе — очень малая величина. Но во всякомъ русскомъ углу, во всякомъ городѣ отъ Варшавы до Владивостока, отъ Архангельска до Тифлиса — есть такія малыя величины, неизвѣстныя, незамѣтныя, но вмѣстѣ взятыя это уже сила, необходимая сила для блага русскаго народа... Впрочемъ, что вамъ говорить: развѣ вы сами не сдѣлали то же, въ сто разъ больше меня... Вы меня поймете...

— О, да, я васъ понимаю, Вадимъ Владимировичъ, — съ порывомъ отвѣтила ему Горева и какъ-то невольно протянула ему руку.

Варягинъ взялъ ея маленькую руку, съ силой притянулъ къ губамъ и горячо поцѣловалъ.

— Что вы! — отняла она руку: — зачѣмъ вы это дѣлаете... Я недостойна того...

— Кто же тогда достоинъ? — мягко отвѣтилъ ей Варягинъ, выпуская ея руку и смотря на нее со спокойной улыбкой.

Евгенія Алексѣевна на минуту задумалась.

— Скажите, а вы любили, Вадимъ Владимировичъ? — тихо спросила она.

Опять точно облако пронеслось по лицу Варягина.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ, — отвѣтилъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Я вамъ вкратцѣ расскажу свою жизнь. Вѣдь я съ юныхъ лѣтъ бродяга, перекати-поле... А потомъ, когда я пріѣхалъ въ Пе-

тербургъ, тутъ ужъ было не до любви... И я объ этомъ не жалѣю. Можетъ быть, не для всѣхъ существуетъ любовь...

— Да, — взволнованнымъ голосомъ промолвила она: — лучше не любить, чѣмъ ошибаться въ любви... Пойдемте дальше... — пригласила она, вставая.

Варягинъ также поднялся.

— Смотрите, какъ палить... А намъ еще порядочно нужно пройти. Дайте мнѣ вашу руку, вамъ все-таки легче будетъ идти, — предложилъ онъ.

Она, не отвѣчая, взяла его подъ руку, и они бодро двинулись впередъ по раскаленной дорогѣ, подъ зноемъ полуденнаго солнца — оба молодые, красивые, сильные духомъ правды и добра.

Черезъ часъ времени они стали приближаться къ густому саду, съ растущими въ немъ необыкновенно высокими, пышно разросшимися деревьями. А кругомъ на пустынной, нѣсколько волнистой почвѣ пріютились крестьянскія жилища, выкрашенныя въ яркую голубую краску. И этотъ роскошный оазисъ зелени въ этой голой мѣстности казался еще болѣе привлекательнымъ и манящимъ подъ тѣнь своей богатой растительности.

Но, когда Варягинъ и Горева, пройдя каменную, окружавшую его ограду, вступили въ самый садъ, ихъ взорамъ представилось дѣйствительно какое-то волшебное пристанище, воспѣтое въ восточныхъ сказкахъ... Передъ ними стлался живописный прудъ — посреди котораго неслись въ высь серебристыя струи большого фонтана, освѣжавшаго водяною пылью зеленую листву въковыхъ осокъ и плакучихъ ивъ, купавшихъ въ прозрачной водѣ тяжелыя поникнувшія вѣтви... Въ водѣ быстро скользили золотыя рыбки, сверкая своей красной металлической чешуей, а по озеру нѣсколько бѣлоснѣжныхъ лебедей безшумно плавали, гордо загнувъ длинныя, извилистыя шеи.

Варягинъ и Горева остановились у самаго берега, восхищенные прелестью этого потеряннаго въ глуши эдема.

— Да это прямо рай какой-то! — воскликнула молодая женщина, оглядываясь кругомъ. — Смотрите на эти деревья, имъ, навѣрное, сотни лѣтъ. Ахъ, какъ я рада, что мы сюда пришли...

Варягинъ казался не менѣе доволенъ, чѣмъ его спутница.

— Пойдемте, сядемте вонъ тамъ, — предложилъ онъ, указывая на скамейку, поставленную въ тѣни сиреневыхъ кустовъ, у самаго берега.

Они прошли нѣсколько шаговъ и усѣлись рядомъ, съ наслажденіемъ вдыхая чудный воздухъ, насыщенный благоуханной свѣжестью темныхъ тѣнистыхъ аллей.

.....

Варягинъ и Горева еще долго бесѣдовали, не думая покинуть открытый ими уютный уголокъ, гдѣ пашли незатѣйливый обѣдъ въ мѣстномъ ресторанѣ. Только къ вечеру они сѣли въ поѣздъ, соединявшій эту мѣстность съ городомъ, и вернулись домой уже къ ночи.

— Какой сегодня былъ счастливый день!—прощаясь съ Варягинымъ, произнесла Евгенія Алексѣевна.

XIII.

Незамѣтно наступилъ августъ мѣсяцъ. Отношенія Варягина къ Горевой становились все теплѣе, искреннѣе... Одно мучило Вадима Владимировича—Горева ничего не знала о тайнѣ его жизни, о существованіи Евдокіи Петровны, и Варягинъ рѣшилъ, что честность обязываетъ его сказать ей объ этомъ. Случай далъ къ тому поводъ. Какъ-то утромъ почтальонъ передалъ ему въ присутствіи Евгеніи Алексѣевны письмо изъ Петербурга отъ его сожительницы, и Горева, улыбнувшись, спросила его, отъ кого онъ получилъ письмо. Варягинъ воспользовался этимъ случаемъ.

— Зайдемте ко мнѣ, — съ серьезнымъ лицомъ отвѣтилъ онъ: — я долженъ съ вами кой о чемъ переговорить.

Они вошли въ комнату Варягина.

— Евгенія Алексѣевна, — началъ Варягинъ. — Вы мнѣ откровенно рассказали о своей жизни. А я этого еще не сдѣлалъ. Правда, у меня особенныхъ секретовъ нѣтъ, но есть одно обстоятельство, о которомъ я все-таки хочу вамъ сказать. Слушайте.

— Что такое? — съ внезапной тревогой спросила Горева, садясь.

Варягинъ передалъ ей всю исторію отношеній его къ Евдокіи Петровнѣ. Когда Горева это услышала, она слегка поблѣднѣла и на минуту закрыла лицо рукой, нервно сжимая лобъ дрожащими пальцами.

— Мнѣ тяжело было вамъ объ этомъ сообщать, — сказалъ Варягинъ дрогнувшимъ голосомъ: — но я долженъ былъ это сдѣлать.

— Отчего тяжело? — тихо спросила она.

— Развѣ вы не догадываетесь? — отвѣтилъ онъ, прямо смотря на нее.

— Можетъ быть, и догадываюсь... — слегка покраснѣвъ, молвила она.

— Но разъ я говорю вамъ правду, то я долженъ сказать вамъ всю правду, — продолжалъ Варягинъ. — Здѣсь нѣтъ любви съ моей стороны... ея поэзіи, ея очарованія, но есть жалость, есть глубокое состраданіе... Въ ней, въ лицѣ этого безпомощнаго существа, выкинутого изъ жизни, мнѣ кажется, что я люблю весь русскій народъ, немного облегчаю его горькую судьбу...

— Но она-то васъ, конечно, любить?—смотря въ сторону, спросила Горева.

— Вѣроятно, да...—отвѣтилъ Варягинъ:—но любить какъ любить всѣ слабыя, безпомощныя существа, вѣруя въ меня и надѣясь... Смотрите, кто наполняетъ наши храмы... Страдальцы, у которыхъ остается одно: вѣра...

Горева молчала. Въ ней совершалась какая-то мучительная перемѣна, которую она старалась скрыть.

— А я,—пересиливъ себя, обратилась она къ Варягину спокойнымъ, почти веселымъ голосомъ,—уже нашла себѣ мѣсто. Но до сихъ поръ почему-то все не давала окончательнаго отвѣта...

— Куда же?—глухо проговорилъ онъ.

— Да опять сестрой милосердія въ общину Краснаго Креста.

— Ахъ, вотъ что!—болѣзненно отозвался Варягинъ. —Вы, значить, будете опять страдать за другихъ.

— Да, такая, видно, моя судьба. Но я къ этому привыкла, я это люблю,—поторопилась она прибавить, будто оправдываясь.

Она встала со стула и протянула ему руку, смотря на него глубокимъ взглядомъ.

— До свиданія!—ласково простилась она.

Варягинъ остался одинъ.

Стуковъ, съ которымъ Варягинъ познакомилъ Евгенію Алексѣевну, навѣщалъ его, однако, все рѣже и рѣже.

На вопросъ Варягина о причинѣ его рѣдкихъ посѣщеній онъ отвѣчалъ какъ-то разсѣянно и неохотно. Вообще Варягинъ замѣчалъ въ немъ неожиданную, странную перемѣну, даже выступавшую въ наружности, что его беспокоило въ своемъ пріятелѣ. Онъ рѣшилъ разузнать объ этомъ поподробнѣе.

Какъ разъ въ день его тяжелаго объясненія съ Евгеніей Алексѣевной Стуковъ днемъ заѣхалъ къ Варягину и засталъ его за работой. Онъ тяжело бросился на стулъ, не раздѣваясь и даже не здороваясь съ пріятелемъ.

— Что съ тобой?—спросилъ его Варягинъ.—Я замѣчаю въ тебѣ перемѣну, Объясни, въ чемъ дѣло.

Стуковъ вдругъ скрылъ лицо руками и заплакалъ.

Варягинъ всталъ и остановился передъ нимъ.

— Вотъ какой я сталъ нервный,—нѣсколько успокоившись, началъ Стуковъ.—Ты спрашиваешь, что со мной. Со мной очень плохо. Наташа мнѣ отказала... А это для меня тяжелый ударъ. Я не думалъ, что я такъ ее люблю...

Варягинъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Послушай, Коля,—ласково молвилъ онъ, продолжая ходить.—Ты же умный. И развѣ ты до сихъ поръ не понялъ, что такое жизнь. Жизнь, голубчикъ, если смотрѣть на нее, какъ на театральную пьесу,—это рядъ разочарованій, горькихъ неожиданностей,

потерь и печалей... Такъ и долженъ смотрѣть на нее тотъ, кто достоинъ называться человѣкомъ. Помнишь, что отвѣтилъ древній философъ, когда ему объявили о смерти любимаго ребенка: я зналъ, что онъ не родился безсмертнымъ... Я понимаю, какъ тебѣ тяжело... Любовь это, пожалуй, самое сильное чувство въ человѣкѣ... Но наша любовь къ женщинѣ это только искра отъ того мірового костра любви, который согрѣваетъ всю вселенную. Тебѣ кажется, что ты все теряешь, теряя любовь одного существа: это не такъ—любовь осталась, она всюду пылаетъ... Вотъ философія. А вотъ практика: кому же, скажи, какъ не намъ, уважать свободу чувства, умѣть переносить удары судьбы.

— Да, я обо всемъ этомъ самъ думалъ,—отвѣтилъ Стуковъ.—И легче не стало. Развѣ не можетъ случиться параличъ разсудка, параличъ воли?—вдругъ спросилъ онъ, поднявъ голову.

— По какой же причинѣ она тебѣ отказала?—спросилъ Варягинъ.

— Она не говоритъ. Можетъ быть, другого полюбила, кажется, Ростовцева,—прибавилъ онъ съ скрытой ревностью.

— Хочешь, я съ ней поговорю,—предложилъ Варягинъ.

— Спасибо, спасибо тебѣ, дорогой, но это ни чему не поможетъ. У нея рѣшительный характеръ.

И Стуковъ опять погрузился въ тяжелыя думы.

Вдругъ онъ всталъ.

— Ну, до свиданья, прощай... Мнѣ нужно итти... Тяжело, ой какъ тяжело...

Онъ крѣпко пожалъ руку Варягина и направился къ балкону. Но вдругъ онъ вернулся и сказалъ:

— Поцѣлуемся... хочешь? Можетъ быть, отъ твоего поцѣлуя мнѣ легче будетъ.

Варягинъ горячо его обнялъ.

— Не унывай,—кинулъ онъ ему вслѣдъ.

Въ этотъ же день, когда Варягинъ возвращался съ обѣда домой, проходя черезъ садъ, къ нему неожиданно подошелъ Иванъ Михайловичъ, обыкновенно молчаливый и державшійся въ сторонѣ.

— Простите, господинъ Варягинъ,—обратился онъ къ нему, смотря на него нѣсколько исподлобья:—я хочу васъ попросить объ одной вещи.

— Что такое?

— Надоѣло, знаете, мнѣ здѣсь жить... Да и отецъ осточертѣлъ. Старый онъ дуракъ...

— Что же вы хотите дѣлать?

— Хочу въ Петербургъ поѣхать, работы поискать... Помогите.

— Съ удовольствіемъ. Вотъ буду въ Петербургѣ, заходите ко мнѣ.

— Спасибо вамъ. А кстати, скажите, правда, что Думу правые разогнать собираются?

— Нѣтъ. И хотѣли бы такъ не разгонять,—отвѣтилъ Варягинъ убѣжденнымъ голосомъ. — Такъ прїѣзжайте, а вотъ вамъ мой адресъ,—прощаясь съ нимъ, передалъ ему Варягинъ свою визитную карточку.

Варягинъ задумчиво направился къ себѣ.

XIV.

Весь этотъ день выдался для Варягина особенно тяжелымъ. Но и въ природѣ совершался какой-то болѣзненный процессъ. Съ утра въ воздухѣ стоялъ невыносимый зной и было душно, какъ въ раскаленной печи... Къ вечеру чистое небо вдругъ стало покрываться зловѣщими черными тучами, и надъ полями пробѣжала лихорадочная, злющая струйка вѣтра, обрывавшая на пути, точно зубами, пожелтѣвшіе мертвые листья деревьевъ... Вставшая луна, какой-то поржавѣвшей окраски, то скрывалась за облаками, то вынырала на минуту въ пустомъ пространствѣ темнаго неба. На краю небосклона въ непроницаемой дали вспыхивала и сейчасъ же потухала зарница, какъ умирающій громаднѣйшій чей-то глазъ, освѣщая все ближе надвигавшіяся свинцовыя тучи... Вотъ пронесся далекій раскатъ грома... Гроза надвигалась...

Варягинъ вышелъ на балконъ и приблизился къ комнатѣ Евгени Алексѣевны, въ которой черезъ ставни свѣтился огонь. Онъ постучалъ къ ней. Молодая женщина быстро отворила дверь и показала на порогъ.

— Евгения Алексѣевна, взгляните, какая готовится буря... Интересно на это посмотрѣть,—предложилъ онъ.

Горева затворила за собой дверь и молча стала около Варягина, направивъ взоры въ темное небо.

А въ небѣ черныя тучи тяжело передвигались, принимая всевозможныя формы и все больше заволакивая обширное небесное пространство...

Вдругъ Горева вздрогнула и со страхомъ положила руку на руку Варягина.

— Смотрите, что же это такое?—поблѣднѣвъ, тихо проговорила она, указывая рукой на небо.

Ровно передъ ними, посреди неба, медленно, съ какой-то разумной волей вырисовывалась правильная фигура, наполнявшая собой весь небесный сводъ. Очертанія ея дѣлались постепенно все яснѣе и понятнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ страшнѣе. Вотъ обозначился круглый широкой черный обручъ наподобіе громаднаго кольца, и изъ него выростали, расходясь въ безконечную даль, пять правильныхъ столбовъ одинаковой толщины, кончавшихся остріемъ... Вотъ обручъ накрылъ собой освободившуюся изъ-за тучъ луну, и

вся корона со своими пятью иглами рельефно и грозно выступила на фонѣ фосфорическаго небеснаго пространства...

— Смотрите, смотрите, — проговорила молодая женщина: — вѣдь это корона, да, это... адская корона...—окончила она дрожащимъ голосомъ.

Варягинъ, поднявъ голову, также смотрѣлъ на удивительное явленіе, приковавшее къ себѣ всѣ его помыслы.

А дальше въ глубинѣ неба молнія судорожно пзвивалась по всѣмъ направленіямъ въ то время, какъ громъ то сердито и непрерывно грохоталъ, то издавалъ отдаленный жалобный стонъ, похожій на вопль громаднаго апокалиптическаго звѣря...

— Да,—заговорилъ съ разстановкой Варягинъ, крѣпко держа руку Горевой:—въ мірѣ есть, безъ сомнѣнія, богъ зла, вотъ его корона... можетъ быть, онъ самъ... Отъ него всѣ наши горести, всѣ наши страданія, всѣ наши страхи и сомнѣнія... Отъ него смерть... Кто знаетъ, не онъ ли поборетъ міръ... Что же, бояться не будемъ...

— А ну-ка, поборемся!—крикнулъ онъ властнымъ голосомъ въ темную ночь, прямо глядя на черную корону, и было что-то такое сверхъестественное, такое страшное въ этомъ вызовѣ червя-человѣка ко всѣмъ темнымъ силамъ мірозданія, что Горева задрожала всѣмъ тѣломъ...

Вдругъ небо совсѣмъ почернѣло и превратилось въ сплошную черную массу. Дождь сталъ накрапывать крупными каплями.

— Пойдемте скорѣе отсюда, здѣсь мнѣ страшно,—наскоро проговорила она и быстро направилась въ свою комнату.

Варягинъ машинально послѣдовалъ за ней и, войдя въ комнату, закрылъ за собой двери, въ то время, какъ на дворѣ всѣ злыя стихіи одновременно разыгрались въ какой-то дикой бѣшеной пляскѣ. И громъ, и молнія, и дождь, и вѣтеръ обрушились сразу на одинокій домъ, потрясая двери и окна, словно силясь испепелить и разрушить его до основанія.

— Боже! какъ бываетъ страшно на свѣтѣ,—молвила Горева, остановившисьъ среди комнаты, точно не зная, что съ собой дѣлать.

И вдругъ по лицу ея, обращенному къ Варягину, покатались горячія слезы.

— Боже! какая же я несчастная,—вымолвила она, мучительно глядя на Варягина, точно ожидая отъ него помощи своему неизбывному горю.

Варягинъ стоялъ около нея блѣдный и суровый.

Вдругъ лицо его сразу преобразилось. Всѣ черты точно растаяли въ бурномъ приливѣ неудержимыхъ чувствъ, его охватившихъ.

— Такъ я же тебя люблю, такъ я же тебя обожаю, моя Женни, моя милая, моя драгоценная,—выкрикнулъ онъ неистово, почти плача отъ любви, и съ такой силой схватилъ ее въ свои объятія, что они оба чуть не упали.

И пока онъ покрываль ся лицо безумными поцѣлудями, поцѣлудями безъ счета, безъ перерыва, она тихо ему шептала, прижимаясь къ нему своей упругой высокой грудью и безвольно отдаваясь его горячимъ ласкамъ:

— Такъ возьми же меня, мой милый, люби меня, возьми меня— всю... Я твоя, твоя...

XV.

А утро встало доброе, торжественно-сіяющее, какъ будто этой страшной ночи и не бывало... Варягинъ сидѣлъ на краю кровати и плакалъ. И было что-то несказанно трогательное въ слабости этого сильнаго и мужественнаго человѣка... А плакалъ онъ потому, что думалъ о томъ, какъ тяжело ему будетъ разстаться съ Горовой. Наканунѣ онъ поддался порыву безумной страсти, но, очнувшись, онъ сознавалъ, что онъ не могъ ничего измѣнить въ своей жизни... Вѣдь онъ предчувствовалъ, что если онъ броситъ Евдокію Петровну, то она навѣрное покончитъ съ собой... И ему вспомнился тотъ взглядъ отчаянія, который она кинула на него на мосту, идя къ смерти... Неужели онъ будетъ причиной такого же отчаянія. Нѣтъ, онъ не имѣлъ теперь права ее бросить... Онъ былъ для нея ея богомъ, ея жизнью... Она въ простотѣ своихъ чувствъ не могла бы даже никогда понять, какъ это онъ ее оставилъ... А что же будетъ дальше? Варягинъ объ этомъ сейчасъ не хотѣлъ думать. Онъ всталъ, одѣлся и приготовился выйти, чтобы повидаться съ Евгеніей Алексѣвной.

Вдругъ кто-то громко постучалъ въ двери.

— Войдите,—откликнулся онъ.

Въ комнату съ искаженнымъ лицомъ почти ворвалась Наталья Васильевна и, упавъ на стулъ, горько заплакала.

— Николай Николаевичъ умеръ,—произнесла она едва внятно.— Сегодня ночью онъ застрѣлился...

Дѣвушка закрыла лицо руками, трясясь всѣмъ тѣломъ отъ душившихъ ее рыданій.

— Неужели это я виновата?—могла она только проговорить и протянула Варягину письмо.

— Это письмо вамъ отъ него,—плача молвила она.

Варягинъ, поблѣднѣвъ отъ неожиданнаго трагическаго извѣстія, взялъ письмо и, распечатавъ его, прочелъ слѣдующее:

«Дорогой Вадимъ! Когда ты получишь это письмо, меня уже не будетъ въ живыхъ. Да, я умираю, убиваюсь такъ же глупо, какъ гимназистъ, оставляющій записку: умираю, потому что жизнь надоѣла. Что же подѣлаешь. Не выдержалъ характера. Разочаровался въ любви, въ дружбѣ, во всемъ. Даже въ той мечтѣ, которой ты отдался,—о лучшемъ будущемъ Россіи... А если это и случится,

то что изъ того, что счастливы будутъ наши дѣти и внуки. Намъ-то отъ этого не легче... Разставаясь съ жизнью, жалѣю только одного тебя. Тебя Богъ создалъ особеннымъ, сильнымъ... Живи и не поминай лихомъ... Стуковъ».

— Жаль!—произнесъ Варягинъ только одно слово, прочитавъ письмо, и быстро повернулся къ плакавшей дѣвушкѣ.

— Не плачьте, утѣштесь,—обратился онъ къ ней мягко.—Не вы виноваты въ этомъ, а... жизнь... А теперь пойдѣте къ нему: нужно проститься со старымъ пріятелемъ.

Его спокойный серьезный голосъ сразу подѣйствовалъ успокоительно на Наталью Васильевну.

— Дайте мнѣ воды,—попросила она и, выпивъ залпомъ стаканъ, привела въ порядокъ лицо и волосы.

— Я готова, пойдѣте,—сказала она.

— Идите впередъ, я сейчасъ приду,—отвѣтилъ онъ.

Когда дѣвушка ушла, Варягинъ постучалъ къ Горевой и по ея приглашенію зашелъ въ ея комнату.

Она сидѣла на стулѣ за письменнымъ столомъ, блѣдная и счастливая. Онъ къ ней подошелъ и крѣпко поцѣловалъ въ ея розовыя пріоткрытыя губы.

— Я долженъ сейчасъ уйти,—объяснилъ онъ ей и наскоро рассказалъ о неожиданномъ происшествіи.

— Боже... и тутъ горе!—воскликнула она, измѣнившись въ лицѣ.

— Да, горе и радость—все это въ жизни идетъ рука объ руку,—отвѣтилъ онъ.—Такова жизнь.

Онъ простился съ ней и обѣщалъ вернуться изъ города къ вечеру.

Догнавъ Лебедеву въ саду, они сейчасъ же отправились къ ней на квартиру.

Стуковъ лежалъ на кровати, прикрытый одѣяломъ, съ высунутыми наружу оконченными руками, въ которыхъ кѣмъ-то положенъ былъ крестъ. Лицо его было странно спокойно, какъ будто улыбающееся. Въ вискѣ его виднѣлась дыра съ запекшейся кругомъ черной кровью.

Его самоубійство произвело въ квартирѣ страшный переполохъ. Отцу Лебедевой, однако, удалось уговорить доктора приписать его смерть временному умопомѣшательству. Передъ смертью Стуковъ оставилъ на столѣ конвертъ съ деньгами для его похоронъ, а въ приложенномъ письмѣ просилъ похоронить его возможно просто и безшумно.

Варягинъ принялъ необходимыя мѣры для его погребенія, назначеннаго на слѣдующій день, и направился къ поѣзду, когда уже смеркалось. Онъ шелъ охваченный тяжелыми впечатлѣніями всего пережитаго. Придя на станцію, онъ, однако, раздумалъ сѣсть въ вагонъ, а направился въ телеграфное бюро, откуда послалъ Горе-

вой телеграмму, въ которой сообщилъ, что не можетъ вернуться домой по случаю раннихъ похоронъ своего пріятеля и переночуетъ въ городѣ. Затѣмъ онъ пошелъ обратно въ городъ, гдѣ снялъ номеръ въ первой попавшейся гостиницѣ.

Когда утромъ на слѣдующій день онъ отправился на похороны Стукова въ квартиру Лебедевыхъ, онъ засталъ тамъ небольшое общество знакомыхъ умершаго и между прочимъ студента Ростовцева и его родителей. Алексѣй Александровичъ казался очень разстроеннымъ, но порой жизнерадостная улыбка пробѣгала по его лицу.

— Молодость беречь свое и она права,—подумалъ про себя Варягинъ.

Сослуживцы Стукова почему-то отсутствовали, чему Варягинъ былъ отчасти радъ.

Скоро траурное шествіе медленно направилось къ кладбищу. Наталья Васильевна шла рядомъ съ молодымъ Ростовцевымъ, чувствуя себя спокойнѣе, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Варягинъ снялъ съ нея отвѣтственность въ смерти Стукова.

На кладбищѣ послѣ того, какъ гробъ опустили въ могилу, произошелъ маленькій инцидентъ. Варягинъ выступилъ впередъ и, повернувшись къ провожающимъ, хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ память покойнаго. Но только что онъ началъ и упомянулъ о его дѣятельности во время освободительнаго движенія, какъ очутившійся около него полицейскій попросилъ его прекратить рѣчь.

Варягинъ, не желая поднять лишній шумъ, въ виду присутствія семействъ Лебедевыхъ и Ростовцевыхъ, повиновался.

Такъ окончилъ свою земную жизнь Николай Николаевичъ Стуковъ.

XVI.

Варягинъ только къ вечеру вернулся къ себѣ. Онъ поднялся по желѣзной лѣстницѣ и, остановившись передъ дверью Евгени Алексѣевны, постучался къ ней.

— Войдите,—послышался ея мягкій голосъ.

Но едва Варягинъ отворилъ дверь, какъ онъ въ оцѣпенѣніи остановился на порогѣ, пораженный тѣмъ, что онъ увидѣлъ.

Передъ нимъ стояла Горева въ темно-коричневомъ платѣ съ бѣлымъ нагрудникомъ, посреди котораго ярко выдѣлялся большой прямоугольный красный крестъ, точно выкрашенный кровью, а на головѣ бѣлый платочекъ покрывалъ ея чудные, свѣтлые волосы.

Лицо ея было грустное и спокойное.

У Варягина въ груди точно сердце перевернулось. Онъ все сразу понялъ и подъ вліяніемъ охватившаго его порыва, въ одно и то же время и тяжелаго и благодарнаго, молитвенно опустился передъ ней на колѣни и только могъ выговорить два слова, заключавшія все, что онъ испытывалъ въ эту страшную минуту душевной тоски:

— Ты... святая!

— Что вы! Вадимъ Владимировичъ, встаньте, о, встаньте,—мучительно проговорила она, протягивая къ нему руки.

Онъ поднялся и бессильно опутился на стулъ, не будучи въ состояніи ничего сказать. Онъ только сознавалъ одно: все величіе подвига Горевой, принявшей на себя тяжелый крестъ страданій, исходившихъ изъ создавагося между ними безысходнаго положенія.

— Въ эту ночь, когда васъ не было,—тихо начала Евгенія Алексѣвна:—я обо всемъ передумала, все взвѣсила... Намъ нужно расстаться... Это ясно, это необходимо... Я возвращаюсь къ тому дѣлу, отъ котораго мнѣ, быть можетъ, не слѣдовало отрываться... А вы вернетесь въ Петербургъ... Вы нужны роднѣ... вы нужны ей тамъ, гдѣ идетъ борьба за ея будущее.

Горева на минуту остановилась. Потомъ она продолжала глубокимъ голосомъ:

— Завтра утромъ меня уже здѣсь не будетъ... я начну свою службу... Но васъ я не забуду... никогда... Бываютъ такія минуты счастья, которыхъ хватаетъ на цѣлую жизнь...

Неудержимыя слезы блеснули въ ея глазахъ.

Варягинъ всталъ и приблизился къ ней и, не говоря ни слова, они обнялись въ послѣднемъ поцѣлуѣ, схожемъ съ предсмертнымъ прощаніемъ...

И казалось, что надъ ними опять рѣветъ, какъ символъ человѣческихъ страданій, та страшная черная корона, которая наканунѣ покрыла собой все темное небо.

Рано утромъ на слѣдующій день Евгенія Алексѣвна въ дорожной нарядѣ, съ маленькимъ мѣшечкомъ въ рукѣ стояла на балконѣ, собираясь уѣхать.

Варягинъ былъ около нея.

— Ну, прощайте, въ послѣдній разъ!—сказала она ему, подавая ему руку.

Они еще разъ поцѣловались чистымъ, искреннимъ поцѣлуемъ, какъ братъ съ сестрой.

Вотъ она спустилась съ лѣстницы и быстро направилась по двору къ выходной двери, пока Варягинъ сверху, на балконѣ слѣдилъ за ней съ тупой болью въ груди...

Взявшись за косякъ двери, Евгенія Алексѣвна, однако, остановилась и повернула къ нему голову...

И оттуда, прямо смотря на него издали, она подняла руку и медленно и торжественно его благословила.

Потомъ она исчезла...

Навсегда...

Прошелъ день...

Варягинъ уложилъ свои вещи, собираясь ѣхать въ Петербургъ въ слѣдующій вечеръ.

Утромъ въ день отъѣзда онъ вышелъ въ поле и машинально направился къ берегу того озера, гдѣ онъ прилѣгъ на травѣ въ день своего прѣзда... Онъ дошелъ до того же самаго мѣста и сѣлъ на большой камень около проѣзжей дороги...

Въ природѣ все было радостно и свѣтло... Птички весело щебетали, зорко ища себѣ пропитанія, бабочки порхали надъ самой травой, поминутно опускаясь на полевые цвѣты, муравьи усердно что-то волокли въ свои подземныя житницы... Все кругомъ говорило о жизни, о мирномъ трудѣ... Гладкія поля убѣгали въ даль, покрытыя желтой засохшей щетиной давно скошенной ржи... А въ озерѣ, на его зеркальной поверхности, отражались въ живомъ движеніи и горы, и деревья, и бѣлыя хаты, разбросанныя по его берегамъ...

Варягинъ забылся въ глубокой думѣ... Его сильный духъ мало-по-малу въ немъ воскресалъ... Онъ опять находилъ въ природѣ то единственное утѣшеніе, которое могло его успокоить... Все умираетъ, говорилъ ему какой-то голосъ, все исчезаетъ. Наша плоть, наша матерія бrenна и скоропреходяща. Но есть въ этой матеріи какой-то принципъ вѣчности... Это стремленіе къ совершенству. Пусть въ этомъ мірѣ все несовершенно, начиная съ насъ и кончая самой природой, но есть сознаніе, что міръ можетъ быть лучше, долженъ быть лучше... Въ этомъ сознаніи мы черпаемъ нашу силу... И это сознаніе то нерасторжимое звено, которое навсегда соединяло его съ его дорогой Женей, которое дѣлало ихъ взаимную любовь безсмертной... «Пусть ея около меня нѣтъ,—думалъ онъ.—Пусть я ее физически не вижу... но мы соединены съ нею навѣки—однимъ убѣжденіемъ, одной вѣрой, однимъ стремленіемъ...»

На широкую дорогу, около которой сидѣлъ Варягинъ, внезапно выѣхали крестьянскія повозки, въ безчисленномъ количествѣ слѣдовавшія гуськомъ одна за другой... Каждая такая повозка, запряженная парюу худенькихъ, но мускулистыхъ бойкихъ деревенскихъ лошадей, была нагружена большими, плотно зашитыми, сѣрыми мѣшками, наполненными смолотымъ зерномъ... А поверхъ этихъ мѣшковъ, управляя лошадьми, возсѣдалъ крестьянинъ, хозяинъ телѣжки. Они везли жито на продажу въ городъ, и ихъ суровыя, загорѣлыя, щетинистыя лица дышали душевнымъ спокойствіемъ и здоровьемъ...

Варягинъ съ любопытствомъ слѣдилъ глазами за этимъ необыкновеннымъ шествіемъ, которому, казалось, не было конца...

«Вотъ они, наши кормильцы,—думалъ онъ.—Какъ далеки они отъ нашей искусственной жизни, отъ всѣхъ нашихъ страстей, соблазновъ и междоусобій... Вотъ она мирная война...» . . . . .

.....
.....
.....
.....

Варягинъ вдругъ поднялся и выпрямился во весь свой богатырскій ростъ.

— Ну-ка, поборемся!—тихо, но сильно проговорилъ онъ и увѣренно зашагалъ напрямикъ, по скошеннымъ полямъ, осіяннымъ золотыми лучами уже спускавшагося солнца...

Алексѣй Плетневъ.

РАДЕЦКІЙ, СКОБЕЛЕВЪ, ДРАГОМИРСВЪ.

(Изъ воспоминаній Софьи Абрамовны Драгомировой).

Гвоздемъ засѣли слова: «за Дунай,
или въ Дунай»
(Участникъ переправы).

«Ты мнѣ кажешься намѣченнымъ
свыше». Скобелевъ.

III. М. И. Драгомировъ ¹⁾.

ВЪ АПРѢЛѢ 1877 года пріѣхалъ въ Кишиневъ императоръ Александръ II со свитой; за городомъ былъ смотръ войскамъ, читали манифестъ, былъ напутственный молебенъ, служилъ его епископъ Павелъ, искренно расположенный къ Михаилу Ивановичу и любившій его. Епископъ Павелъ вызвалъ Михаила Ивановича, благословилъ его во главѣ воинства. Михаилъ Ивановичъ, стоя на колѣняхъ, плакалъ. Государь поцѣловалъ Михаила Ивановича, взялъ образъ и передалъ ему. Михаилъ Ивановичъ съ нимъ не разставался... И въ день его кончины передъ нимъ горѣла лампада...

.....
14-го апрѣля войска должны были выступить въ походъ. Михаилъ Ивановичъ всталъ очень рано, пошелъ къ дѣтямъ, перекрестилъ, простился со всѣми, сказалъ «до свиданья». Сѣлъ верхомъ на лошадь и, не оглядываясь, поѣхалъ къ дивизіи. Походъ былъ трудный. О. О. Радецкій

¹⁾ Окончаніе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 796.

писалъ: «Цѣлый мѣсяцъ мы тащились и наконецъ добрали до обѣтованной земли»

За годъ до переправы черезъ Дунай, 27-го мая 1876 года, Михайль Ивановичъ Драгомировъ получилъ оригинальное письмо молодого офицера, которое считаю нелишнимъ привести ниже: «Многоуважаемый Михайль Ивановичъ. Разставаясь съ жизнью вслѣдствіе необходимости, я считаю долгомъ своимъ засвидѣтельствовать вамъ то глубокое уваженіе, которымъ я былъ постоянно къ вамъ преисполненъ. Если природа дѣйствительно надѣлила умирающихъ даромъ прорицанія будущаго, то мнѣ остается предсказать вашему превосходительству великую босую будущность и невдалекѣ. О причинѣ моей смерти вамъ, вѣроятно, сообщитъ командиръ полка, которому я о томъ писалъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. Николай Мещерскій. Кишиневъ, 27-го мая 1876 г.».

По поводу пророчествъ вообще Михайль Ивановичъ говорилъ: «Пророчество есть предсказаніе о фактѣ, который долженъ совершиться въ будущемъ, причины коего существуютъ въ настоящемъ, но не доступны нашему воспріятію. Только исключительныя организациі способны воспринимать эти причины въ ихъ совокупности, а кто воспринялъ причины, конечно, можетъ предсказать послѣдствія».

«За два дня до переправы у Систова,—пишетъ одинъ изъ участниковъ переправы,—солдаты 14-й дивизіи собрались въ Бею. Достаточно было генералу Драгомирову сказать нѣсколько словъ, чтобы войска, воспитанныя имъ, рѣшились свято исполнить свой тяжелый долгъ.—«Намъ поручили переправу,—обращаясь къ чинамъ дивизіи, окружавшимъ его на бивакѣ, проговорилъ онъ:—не потому, что мнѣ вѣрять, а потому, что вамъ вѣрять; поняли?»—«Точно такъ!»—былъ отвѣтъ.—«Потому,—продолжалъ генераль,—средины у насъ нѣтъ и быть не можетъ: мы должны всѣ быть за Дунаемъ или въ Дунаѣ; поняли?»—Послѣдовалъ тотъ же отвѣтъ.—«Скажите, можетъ, вамъ страшно, я попрошу другихъ?»—«Никакъ нѣтъ, мы всѣ пойдемъ первые»,—послѣдовалъ отвѣтъ.

Съ какою скромностью пишетъ Михайль Ивановичъ передъ переправой о своей системѣ воспитанія солдата, которой предстоитъ боевое испытаніе. «12-го іюня 1877 года. Зимница. Вотъ я и на Дунаѣ. Чудная рѣка, виды прелестныя. Пишу почти наканунѣ великаго для меня дня, въ которомъ должно оказаться, чего стою я и моя система образованія и воспитанія солдата, и стоимъ ли мы вообще оба, то-есть я и моя система, чего-нибудь. Когда будешь читать это письмо, вопросъ уже будетъ рѣшенъ въ ту или другую сторону. Я здоровъ, какъ быкъ, люди въ отрядѣ подобрались хорошіе, можетъ, Богъ наградитъ счастьемъ. До свиданья».

Изъ Зимницы въ Кишиневъ Михайль Ивановичъ телеграфируетъ:

«Переправился 15-го іюня у Систова. Остался цѣль. Царь самъ далъ Георгія третьей степени».

Михаилъ Ивановичъ рассказывалъ, что, страдая бессонницей, наканунѣ переправы заснулъ три часа крѣпкимъ хорошимъ сномъ, проснулся съ совершенно свѣжей головой, яснымъ, опредѣленнымъ представленіемъ, что и какъ должно было совершиться.

Скромность и правдивость дѣлали Михаила Ивановича обаятельнымъ. М. А. Домонтовичъ по этому поводу пишетъ: «Михаилъ Ивановичъ прелестенъ съ бѣлымъ украшеніемъ на шеѣ, такъ же просто, мило и честенъ, какимъ останется всегда».

17-го іюня Михаилъ Ивановичъ пишетъ изъ Систова:

«Надѣюсь, получили телеграмму о счастливомъ и славномъ для дивизіи переходѣ нашемъ черезъ Дунай». Ни слова о себѣ. Совершенно, какъ Тюрренъ: «Мы побѣдили»

«Систово. 20-го іюня. Вотъ уже пятый день въ Систовѣ и до сихъ поръ не могу успокоиться; по ночамъ скверно сплю, слезы готовы литься каждую минуту. Государь былъ милостивъ, выше всякаго выраженія и всякихъ заслугъ. Раза три или четыре принимались оба плакать, да и было отъ чего. Наши мальчики оказались пророками, у меня Георгій на шеѣ».

«25-го іюня. Государь продолжаетъ быть милостивымъ выше всякаго выраженія, и жизни не хватитъ отблагодарить. Однако начинаютъ пробовать и кусать: потерь могло быть меньше и т. д. Однимъ словомъ, извѣстная исторія: «и ноги-де кривы, и шерсть не гладка». Нашимъ мальчуганамъ скажи, что теперь имъ на войну итти неудобно, ружей не заготовили по ихъ росту, но въ слѣдующую кампанію пойдутъ, а до тѣхъ поръ пусть учатся, ибо безъ науки теперь воевать нельзя».

«27-го іюня. Сегодня идемъ дальше. Благословите и молитесь. Да будетъ надъ всѣми нами благодать Божія».

Солдаты 14-й дивизіи вѣрили Михаилу Ивановичу и оплатили ему добромъ. Дивизія какъ одна семья, по духу, по отношенію къ работѣ. Переправа показала Драгомирова на дѣлѣ:

Прилагаю ниже отрывки изъ записной книжки М. И. Драгомирова (1877 г.).

«9-го іюня. Великій князь беретъ меня на рекогносцировку мѣста переправы.

«10-го іюня. Въ Зимницѣ рекогносцировка Рихтера. Я указалъ великому князю на значеніе освѣщенія: утромъ имъ насъ хорошо видно, вечеромъ намъ ихъ. Послалъ Литвинова въ Бео узнать, прибыли ли понтоны, дожидаться послѣдняго и донести въ главную квартиру. Ёдемъ въ три часа (великій князь, Непокойчицкій, Левицкій и я). Осмотрѣли предполагаемое мѣсто посадки. Остановились у Манвелова. Великій князь усталъ, легъ отдохнуть. Въ четыре часа совѣтъ; рѣшено у Зимницы. Приѣхали въ Піатру около

восьми часовъ; первымъ попадется Литвиновъ. Парки пришли и собираются идти на Платру. Прошу Литвинова остановить. Ёдемъ, около двѣнадцати часовъ ночи натыкаюсь на хвосты (парковъ). Я въ отчаяніи, требую Копанскаго, а на мосту встрѣчаю Петрушевскаго съ Литвиновымъ; все разъясняется, гдѣ кто стоитъ. Я въ восторгѣ. Превосходный офицеръ этотъ Литвиновъ.

«12-го іюня, утромъ. Собралъ бригадныхъ, полковыхъ, батарейныхъ и батальонныхъ командировъ и въ сараѣ имъ сказалъ словесно порядокъ движенія къ Зимницѣ.

«12-го вечеромъ—понтонъ и стрѣлки.

«13-го утромъ—1-я бригада.

«13-го вечеромъ—2-я бригада.

«Съ 13-го на 14-е. Парусинный мостъ черезъ ближній рукавъ. Турки замѣтили; объяснили, что для связи съ постами на берегу Дуная.

«14-го утромъ. Волынскихъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ на рекогносцировку. Затѣмъ хандра. Въ четыре часа распределение по рейсамъ. Утромъ пріѣхали Радецкій и Дмитровскій; въ пять или въ шесть часовъ великій князь Николай Николаевичъ Младшій, Сухотинъ, Мухановъ (Ласковскій былъ при мнѣ раньше), Скобелевъ. Въ девять часовъ начали спускать понтонъ на воду—стукъ отъ весель, крикъ гусей. Брянскій полкъ подошелъ около одиннадцати часовъ. Я на берегу заснулъ. Около часу первый рейсъ былъ готовъ.... Переправляюсь... Послѣ переправы Радецкій, не дѣлая никакихъ распоряженій, не вмѣшиваясь: «Продолжайте, Михаилъ Ивановичъ, пожалуйста, продолжайте». Чистый сердцемъ! Воспитаніе начальниковъ состоитъ въ умѣнши воспитать отрядъ для боя, показать все, какъ есть, а не какъ рисуютъ, успокоить, смягчить, никакихъ враждебныхъ, разлагающихъ инстинктовъ не только не возбуждать, но и возникающіе уничтожить, сводя на нѣтъ, а не ломая...».

12-го августа была получена телеграмма отъ главнокомандующаго: «Спѣшу увѣдомить, что молодецъ нашъ Михаилъ Ивановичъ сегодня раненъ въ ногу, благодареніе Богу, легко, при молодецкой оборонѣ Шипки».

На Шипкѣ дѣла шли плохо; былъ убитъ Дерожинскій, князь Мещерскій, командиръ 14-й бригады; разставаться съ дивизіей, съ боевыми товарищами было тяжело для Михаила Ивановича; температура была высокая. Онъ былъ перевезенъ въ Кишиневъ. Н. И. Пироговъ не находилъ возможности сохранить ногу, но ее усиленно отстояли: Е. И. Богдановскій и М. С. Субботинъ.

Въ Кишиневѣ заѣзжали къ намъ всѣ, кто шелъ на театръ военныхъ дѣйствій. Особенно помню В. И. Лаврова и то чудесное впечатлѣніе, какое онъ производилъ. Онъ шелъ со своимъ Финляндскимъ полкомъ, шелъ съ увѣренностью и не думалъ, что ему не су-

ждено будетъ увидѣть свою дорогую семью. Кажется, въ немъ было все: спокойствіе, преданность долгу, родинѣ, своему государю, умъ, образованіе, любовь къ военному дѣлу. Онъ любилъ искренно Михаила Ивановича и понималъ его. В. И. Лавровъ былъ убитъ своимъ снарядомъ при Горномъ Дубнякѣ. В. А. Сухомлиновъ, увѣдомляя Михаила Ивановича объ этомъ, писалъ: «Страшно подумать, какъ все это отзовется въ семьѣ».

Здоровье Михаила Ивановича восстанавливалось долго, онъ былъ вынужденъ просить объ отчисленіи отъ должности. Вотъ нѣсколько строчекъ изъ его письма отъ 27-го сентября 1877 года къ О. О. Радецкому: «Позвольте вамъ поклониться низко, низко за добрыя отношенія и за науку; въ васъ первомъ увидѣлъ то, что нужно для боя, что мнѣ инстинктивно и неясно грезилось до того, что такъ мало цѣнится въ мирное время. Въ васъ первыхъ воочію увидѣлъ я и то каменное спокойствіе, которое въ бою нужно прежде и больше всего, и ту безконечную снисходительность къ людской слабости, которая свойственна только тѣмъ, которые, понимая все, и прощаютъ все. Мало пробылъ я съ вами и глубоко скорблю объ этомъ, но я изъ этого малаго вынесъ много и много поучительнаго. Да будетъ благословенно имя ваше и да сохранить васъ Богъ цѣлымъ и невредимымъ въ томъ адѣ, въ которомъ вы такъ доблестно стоите и другимъ даете силу стоять. Просилъ бы въ награду, если такой сколько-нибудь стою, чтобы на мое мѣсто назначили Петрушевскаго».

Желаніе Михаила Ивановича исполнилось; начальникомъ дивизіи былъ назначенъ М. О. Петрушевскій.

Получивъ назначеніе, Петрушевскій телеграфируетъ Михаилу Ивановичу Драгомирову: «Дивизія скорбитъ, что не увидитъ тебя во главѣ своей, меня же недостойнаго благослови, дорогой товарищъ и учитель, продолжать твое дѣло. Всѣ части освѣдомляются о твоёмъ здоровьѣ. Увѣдомляй насъ ипогда». Михаилъ Ивановичъ былъ глубоко тронутъ искренними словами М. О. Петрушевскаго. Онъ чувствовалъ, что они идутъ отъ сердца, и всегда говорилъ: «Слова ничего не значать, если нѣтъ сердца, которое ихъ говоритъ». По этой телеграммѣ можно судить о тѣхъ трогательныхъ отношеніяхъ, которыя существовали въ восьмомъ корпусѣ. Какъ О. О. Радецкій стоялъ во главѣ во всемъ объемѣ своего нравственнаго величія, такъ и всѣ окружающіе получали его отраженные лучи. Разумѣется, у нихъ было предрасположеніе къ ихъ воспріятію, а главное у нихъ было «самоотверженіе и умѣнье забывать себя для общаго дѣла». Человѣкъ можетъ дать только то, что есть въ немъ самомъ. Вотъ слова Драгомирова: «Тамъ, гдѣ человѣкъ любитъ свою родину, любитъ свою часть, тамъ общее дѣло становится его личнымъ дѣломъ, гдѣ оскорбленіе, или неудача его родины, его части—его личное оскорбленіе, его личная неудача, тамъ

онъ не задумывается жертвовать собой для ихъ блага». А лица восьмого корпуса были преданы своей родинѣ и любили свою часть.

Исторія можетъ и должна разбирать какъ слова, такъ и поступки выдающихся дѣятелей; можно выяснять все стороны ихъ жизни, какъ хорошія, такъ и дурныя, но во всякомъ случаѣ не судить вкось и вкривь. А такія сужденія были... Критикуя по первичнымъ впечатлѣніямъ, критики невольно выдавали себя своею неосновательностью. Надо вспомнить хоть то, что эти люди страдали: *Ө. Ө. Радецкому* было тяжело на Шипкѣ, это каждый знаетъ. Самолюбіе *М. Д. Скобелева* жестоко страдало, пока онъ себя не показалъ дѣлами у Плевны. *М. И. Драгомировъ* намучился порядкомъ передъ переправой. Великія дѣла безъ страданій не бываютъ. Въ письмѣ къ своему другу *Михаилъ Ивановичъ* пишетъ: «Я возблагодарилъ судьбу, что наградила меня удачей переправы; какой бы вой и гвалтъ поднялись бы, если бы мнѣ пришлось окунуться въ Дунай...А невѣроятнаго въ этомъ ничего не было, на этотъ счетъ я себя иллюзіи не дѣлалъ».

Императоръ Александръ II и *императрица* относились трогательно и милостиво къ *Михаилу Ивановичу*; постоянно освѣдомлялись о состояніи его здоровья. *Михаилъ Ивановичъ* съ благоговѣніемъ принималъ знаки этого вниманія, былъ тронутъ до глубины души, цѣнилъ малѣйшее доброе отношеніе къ себѣ, но всегда стоялъ за дѣло, открыто говорилъ свое мнѣніе, и это ему не прощали.

Когда все эти мысли проходятъ въ моей головѣ, невольно грустное чувство охватываетъ меня и приходится сказать въ этомъ случаѣ вмѣстѣ съ *Стендалемъ*: « *Ici les larmes m'ont empêché d'écrire*».

Въ заключеніе привожу отрывки изъ писемъ, писанныхъ *Скобелевымъ Драгомирову*, когда послѣдній былъ раненъ и находился въ *Кишиневѣ*.

«*Бивакъ на Сельви-Ловченскомъ шоссе. 18-го августа 1877 года, девять часовъ вечера. Многоуважаемый Михаилъ Ивановичъ. Болѣзненно на душѣ у всехъ дорожащихъ успѣхомъ дѣла отозвалось извѣстіе о полученной тобою ранѣ. Какое вознагражденное несчастіе въ эту, быть можетъ, рѣшающую минуту кампаніи! По слухамъ, твоя рана хотя и требуетъ двухъ-трехъ недѣль тщательнаго ухода, но не опасная, и ты опять явишься передъ любящими тебя твоими полками и въ кругу вѣрующей въ тебя арміи. У меня въ отрядѣ казанцы, шуйцы, съ тобою не служили, но какъ только прослышали, что ты раненъ, такъ повалили ко мнѣ съ разспросами: «Да неужели это такъ?» Вѣдь вотъ не везетъ» и т. д. Да послужить тебѣ эта правда заслуженнымъ утѣшеніемъ. Подобныя отношенія къ войскамъ не всегда пріобрѣтаются даже побѣдою, но въ большинствѣ случаевъ служатъ ея обезпеченіемъ. Я слы-*

шалъ, ты на нѣкоторое время въ Кишпневѣ; какъ будутъ счастливы твои супруга и дѣти. Первой прошу почтительно напомнить о себѣ... Сердцемъ вдумываюсь въ твое настоящее; право, не горюй... *Теперь* ты мнѣ кажешься, а не до сихъ поръ, отмѣченнымъ свыше; не настало еще время имѣющимъ очи видѣть, уши слышать... Незамѣченнымъ въ русской арміи въ минуту испытанія ты быть не можешь. Воспоминаніе о тебѣ соединено въ нашихъ рядахъ съ памятію о безсмертномъ по результатамъ честномъ... подвигѣ нашей арміи въ эту кампанію... Да будетъ съ тебя довольно!.. Стою въ пятнадцати верстахъ впереди Сельви. Порою доносятся раскаты грома орудій на Шипкѣ. Но мой отрядъ (4 батареи, 12 сотенъ по 8 рядовъ и 14 орудій) не осчастливлены присутствіемъ тамъ. Я занялъ сильную относительно позицію, которую укрѣпляю по возможности. Ужъ больно полюбили мы полевою фортификацію со дня Плевненскаго сраженія. Но, право, турки невольно наводятъ, при нашей малочисленности и вооруженіи, на мысль стратегически наступать, а тактически обороняться. Что до меня касается, то я перейду въ наступленіе хотя противъ пятнадцати таборовъ, но, 1) заставивъ непріятеля разбить себѣ носъ объ мои траншеи и засѣки, 2) если задуманный мною маневръ съ кавалеріей и конной артиллеріей удастся. Послѣднее условіе, пожалуй, *sine qua non*... Только что вернулся одинъ изъ посланныхъ въ Ловчу лазутчиковъ. Сообщаетъ, что завтра съ разсвѣтомъ намѣрены атаковать. Зотовъ вчера сообщилъ, что ихъ гъ сборѣ до двадцати тысячъ. Съ аванпостовъ доносятся, что показываются башни-бузуки, пѣхотныя части, болгары бѣгутъ въ горы... Пожалуй, можно вѣрить, что пойдутъ черезъ Сельви въ тылъ Радецкому. На пути въ пятнадцать верстахъ впереди Сельви они встрѣтятъ готовый къ бою вѣранный мнѣ отрядъ. «Пусть пожалуютъ къ намъ гости. Унесутъ ли гости кости, какъ ударимъ мы съ плеча?» That is the question... Прощай, лечись, выздоравливай и возвращайся въ среду уважающихъ тебя боевыхъ товарищей предвѣстникомъ лучшихъ дней... Усталъ, надо писать приказъ, диспозицію на случай. Прощай. Тебя любящій Михаилъ Скобелевъ».

Вотъ характеристика Драгомирова, написанная въ одной изъ корреспонденцій съ театра войны 1877—78 годовъ:

«... Драгомировъ безспорно умный, талантливый, не только военно-образованный, но до извѣстной степени энциклопедически ученый человекъ».

«Ему принадлежитъ заслуга блистательнаго перехода нашихъ войскъ черезъ Дунай, хотя онъ только практически осуществилъ планъ, замыселъ котораго приписывается другому лицу. Но военный планъ легче задумать, чѣмъ осуществить на дѣлѣ. Поэтому-то заслуга генерала Драгомирова не должна быть умаляема. Онъ совершилъ переправу, можно сказать, такъ же отчетливо, какъ от-

четливо разыгрываетъ хорошій музыкантъ трудную композицію. Генераль Драгомировъ человѣкъ очень добродушный, очень мягкій, искренній, сердечный, сильно любящій всѣхъ и очень любимый всѣми, одинаково радушно относящійся къ собственной славѣ и власти, какъ и къ своей популярности. Такіе военные люди не ищутъ сами смерти, но зато они умираютъ со свѣтлымъ чувствомъ, когда судьба наталкиваетъ ихъ на смерть въ моментъ честнаго исполненія долга. Это русскій человѣкъ, котораго, при всемъ его умѣ и талантѣ, легко можно было бы не замѣтить на ряду со многими ему подобными русскими натурами, если бы случайность его положенія не выдвинула его изъ общаго уровня военного люда. Къ типу людей, подобныхъ Драгомирову, ближе всего подходитъ Радецкій. Умъ и знанія такихъ людей эксплуатируются въ минуту необходимости и забываются тогда, когда все обстоитъ благополучно и когда на сцену выступаютъ замѣняющіе ихъ баловни судьбы. Послѣдніе очень часто становятся у насъ поперекъ дороги уму и таланту, и не мудрено, что такіе дѣльные теоретики и не менѣе искусные практики, какъ Радецкій и Драгомировъ, не находятъ себѣ болѣе соответствующаго положенія въ арміи».

Къ литературному труду М. И. относился чрезвычайно серьезно и высоко цѣнилъ печатное слово. Задумавъ какую-нибудь статью, онъ долго ее вынашивалъ, вызывалъ споры и разговоры на данную тему и приступалъ къ написанію статьи только тогда, когда она вполнѣ, во всѣхъ деталяхъ сформировалась въ его умѣ. Поэтому его статьи были всегда строго логично построены, подкрѣплены доказательствами и неуклонно вели читателя къ намѣченному заключенію. Эти пріемы не оставляли М. И. никогда, и за нѣсколько дней до смерти, подавленный тяжкимъ недугомъ и часто прибѣгая къ дыханію кислородомъ, онъ диктовалъ свои замѣтки для «Развѣдчика», диктовалъ безъ помарокъ, нерѣдко прибѣгая къ длиннымъ періодамъ и сложнымъ доказательствамъ.

Вотъ что писалъ Михаилъ Ивановичъ къ одному изъ своихъ друзей, въ отвѣтъ на предложеніе написать статью по поводу книги Марка Твена объ Иоаннѣ д'Аркъ: «Безсовѣстный ты человѣкъ! Ты подмѣтилъ, что я подъ давленіемъ величайшей фигуры Иванны Арковой, и дразнишь меня искушеніемъ написать разборъ на Марка Твена. Она меня давитъ уже второй годъ: жажду приступить къ ней и не смѣю! Но разборъ Твена я, вѣроятно, дамъ. А тамъ, благословясь, попробую сдѣлать и свою характеристику ей! Но, Боже, какъ это трудно: семнадцатилѣтній ребенокъ и такая страшная сила! Просто исчезаешь въ прахъ, задаваясь вопросомъ, какъ это у ней вышло? Но ты все же «зухъ», такъ какъ за подобныя струны умѣешь хватать и знаешь, шельма, у кого онѣ задрожать.

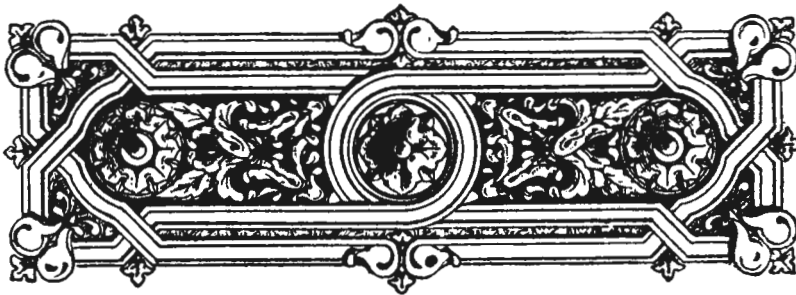
Какъ поотпустить, примусь за Ивану». И Михаилъ Ивановичъ принялся за работу, результатомъ которой былъ его замѣчательный этюдъ объ Иоаннѣ д'Аркѣ. Для написанія статьи онъ собралъ, благодаря своимъ французскимъ друзьямъ, цѣлую библіотеку и массу изображеній Жанны, и говорилъ, что надо сначала спустить два пуда жиру, а потомъ уже начать писать...

Такъ добросовѣстно и горячо относился М. И. ко всякой работѣ.

С. А. Драгомирова.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ ДЕРЕВНѢ ¹⁾,

III.

Соціалисты.

СЛИ не измѣняетъ мнѣ память, кажется, Альфонсу Додэ принадлежитъ простое, но умное изреченіе:

«Миръ не могъ бы существовать, если бы первый ребенокъ не могъ пережить смерти первой матери».

Этотъ афоризмъ Додэ прекрасно характеризуетъ приспособляемость человѣка ко всякаго рода несчастьямъ и тяжелымъ испытаніямъ.

Власть физики въ человѣкѣ неизбѣжна. И если бы вслѣдъ за первой матерью умеръ съ горя отъ потери первый ребенокъ, родъ человѣческій не получилъ бы продолженія.

Приспособилась къ новой жизни и наша деревня.

Уже не привлекали къ себѣ вниманія частые, ежедневно по нѣскольку разъ, отряды австрійскихъ разъѣздовъ. Даже дѣтишки относились къ нимъ равнодушно.

Австрійцы ввели свое правленіе, у старосты взяли печать. На первыхъ порахъ, пользуясь отсутствіемъ властей, крестьяне пробовали было безчинствовать, пытались произвести погромъ

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 804.
«Истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. СXL.

двухъ-трехъ семействъ деревенскихъ евреевъ. Австрійцы жестоко наказали виновныхъ.

— Хоть бы шапку ім показати козацьку,—острили мужики,— не самого казака, ні, а лишь шапку його,—ото-б була комедія, то-то-б тікали, тісна була-б вулиця!..¹⁾

А дни шли. Часто доносились откуда-то со стороны Галиціи глухіе раскаты пушечныхъ выстрѣловъ. Иногда явственно, иногда глуше, но всегда гдѣ-то тамъ, далеко...

Тамъ были наши... И болѣзненно напрягалось ухо, точно хотѣло оно въ этихъ отзвукахъ распознать своихъ и чужихъ, получить вѣсть про побѣды, пораженія...

А жизнь шла своимъ чередомъ, и по широкимъ, могучимъ полямъ созрѣвшего хлѣба снова засверкала на солнцѣ серебристая сталь, пролилась великая трудовая пѣсня.

Въ одинъ прекрасный день въ усадьбу священника вѣхала странная группа. Впереди, на простой крестьянской лошади вѣхалъ молодой человекъ въ штатскомъ, сзади слѣдовалъ конный отрядъ австрійцевъ.

Отрекомендовавшись «украинцемъ», штатскій обратился къ священнику съ просьбой ударить въ церковный колоколь и собрать крестьянъ. На вопросъ священника: для чего это?—«украинець» отвѣтилъ, что его командировала «Головна рада партіи українськихъ соціалістівъ-революціонерівъ» и ему необходимо побесѣдовать съ крестьянами.

Священникъ категорически отказался звонить въ колоколь и далъ понять своимъ незваннымъ гостямъ, что онъ рѣшительно отказывается отъ всякаго участія въ ихъ почтенной миссіи.

Въ отвѣтъ на это командовавшей отрядомъ военной предложилъ священнику открыть имъ школу. Священникъ сталъ было отказываться, сослался на то, что учитель уѣхалъ и увезъ ключи.

Австрійцы отвѣтили, что имъ доподлинно извѣстно, у кого ключи, и они просили бы священника не прекословить, весьма недвусмысленно замѣтивъ при этомъ, что нѣкоторые священники уже заплатились за противодѣйствіе австрійцамъ. Пришлось подчиниться.

Въ школѣ австрійцы сорвали со шкапа печати, забрали всѣ географическія карты, кромѣ карты Палестины, и штатскій спряталъ ихъ подъ куртку у себя на груди.

Вся группа направилась къ выходу.

— Зараз!—остановился штатскій,—почекайте, я ще загляну въ «діла»...²⁾

¹⁾ Хоть бы шапку ім показать казацкую,—не самого казака, нѣтъ, а лишь шапку его,—вотъ была бъ комедія, то-то бы убѣгали, тісною показалась бы улица!..

²⁾ Сейчасъ, подождите, я еще загляну въ «діла»...

Пробѣжавъ двѣ-три бумаги незначительнаго хозяйственнаго содержанія, «украинецъ» сталъ внимательно читать листки, лежавшіе вмѣстѣ въ порядкѣ. Это были препроводительныя бумаги уѣздной земской управы. Съ ними вмѣстѣ управа препровождала брошюру въ память трехсотлѣтія царствованія дома Романовыхъ для бесплатной раздачи ученикамъ старшихъ и младшихъ группъ.

Послѣдней лежала бумага, при которой управа препровождала юбилейный портретъ, предписывая поставить его на видномъ мѣстѣ.

— А, ... — злобно прошипѣлъ «украинецъ» и захлопнулъ папку.

Группа быстро покинула школу.

Какъ потомъ я узналъ, изъ школы австрійцы проѣхали къ сельскому правленію, по мѣстному «газда», и потребовали сельского старосту.

Сдѣлавъ старостѣ строжайшее распоряженіе о томъ, чтобы въ ближайшій праздничный день все мужское населеніе деревни собралось утромъ къ церкви, австрійцы заглянули въ зданіе «газды». Прямо со стѣны на нихъ глянулъ портретъ Государя Императора.

— На що ти тутъ його держиш, ... !—закричалъ военный на оторопѣвшаго, перепуганнаго сельского писаря:—здойми його! ¹⁾

— И такъ холодно, холодно стало намъ,—говорили мнѣ потомъ рассказывавшіе этотъ случай крестьяне.—На що ти мене безоружнаго въ саме сердце колиш?!.. Боже святой, та то же все равно що на ікону таки противні слова казати!.. ²⁾

Да, это была махровая пошлость, грубая, гнусная издѣвка вооруженнаго «культурнаго» врага надъ патріотическимъ чувствамъ беззащитныхъ селянъ. Это было что-то отвратительно-позорное, постыдное, достойное кабаковъ, а не арміи европейской державы.

Наступилъ праздникъ. Еще наканунѣ среди крестьянъ началась паника. Распространился слухъ, что на завтра австрійцы потребуютъ отъ крестьянъ подписи на вѣрность австрійской державѣ, а затѣмъ сдѣлаютъ въ свои войска наборъ запасныхъ.

Надо было видѣть ужасъ крестьянъ. Что дѣлать, какъ быть,—крестьяне положительно потеряли голову.

Церковь полна была молящихся. Никогда еще не приходилось мнѣ видѣть такъ молитвенно настроенныхъ крестьянъ.

¹⁾ Зачѣмъ ты тутъ его держишь, ... ! Сними его!..

²⁾ И такъ холодно-холодно сдѣлалось намъ!.. Зачѣмъ ты меня, безоружнаго, въ самое сердце колешь?!.. Боже святой, такъ это же все равно, что на ікону такія возмутительныя слова говорить!..

Меня поразило одно обстоятельство,—всякій разъ какъ возглашалась молитва за Царя и царствующій домъ, всѣ молящіеся съ глубокой набожностью крестились, какъ одинъ человекъ.

И когда въ концѣ богослуженія священникъ на колѣняхъ предъ иконой Богородицы началъ пѣть «Подъ Твою милость прибѣгаю», неожиданно вся церковь хоромъ пропѣла молитву...

А тамъ, въ темной впадинѣ зеленымъ кружкомъ сіялъ отблескъ лампы, и въ немъ выступалъ скорбный ликъ Богоматери...

Служба церковная кончилась. Но выйти изъ погоста на улицу крестьянамъ уже не удалось. Кругомъ стояли австрійскіе солдаты, а у калитки «украинецъ» съ листками въ рукахъ.

— Братя селяне, станьте, я щось маю вамъ говорити,—суетился «украинецъ» ¹⁾.

И направо-налѣво соваль листки-прокламаціи. Вверху, въ заголовкѣ ихъ значилось—«Партія українськихъ соціалістів-революціонерів»...

Однѣ прокламаціи апеллировали «До селянъ», другія—«До українського народу в Росіі»...

И тотъ и другой типъ прокламацій построены были въ одномъ и томъ же духѣ. Тѣ же посулы, тотъ же основной лейтъ-мотивъ—«революція українського народу в Росіі», «вооруженне повстане»

. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .²⁾.

Несмотря на цѣль солдатъ кругомъ, большинство крестьянъ все-таки разбѣжалось.

— Жид, жид,—повторяли, убѣгая, крестьяне:—і в церкву не зайшов, поганий! А ще говорить: «братя!»,—які ми тобі братя, невірний! Шукай собі другихъ братів ³⁾.

Да, видно было, что дѣло не въ серьезныхъ рукахъ, что ведется оно неумѣло, безъ знанія психики народной, безъ вниманія къ особому углу зрѣнія крестьянина. Между тѣмъ всякая пропаганда, вѣдь, прежде всего—есть ставка на психологію...

Около церкви еле-еле набралась лишь кучка. «Украинецъ» нервничалъ.

— Братя селяне,—началъ онъ,—чого васъ такъ мало? Васъ хотятъ ратувати, а ви не хочети і сліхати! Не треба вамъ помоші?!

---

¹⁾ Братя селяне, постойте, я кое-что хочу вамъ говорити!..
²⁾ «Революція українського народа в Росіі», «вооруженное возстаніе», ...
³⁾ Жидъ, жидъ,—и въ церковь не зашелъ, поганий! А еще говорить—«братя»,—які ми тобі братя, невірний! Ищи себѣ другихъ братьевъ...

Хіба ви не знаете, що з вас зробила . . . . ., то московське пановану, той поганий московський народ... 1).

— Та чого він поганий,—отозвался кто-то изъ толпы:—всі люди у Бога однакі!.. 2).

Ораторъ остановился. Прошло минуты двѣ молчанія.

— Вибачайте, не такъ сказавъ я, то не народ московский поганий, а поганий—уряд московський... 3).

— Та чого він поганий,—возразилъ тотъ же голосъ:—не ми його клали, не ми і будемо його рушити... 4).

Рѣчь не клеилась. Ораторъ, очевидно, не ожидавъ возраженій и теперъ совсѣмъ опѣшилъ. Почувствовалась какая-то фальшь его роли, ненужными казались слова.

Это почувствовалъ, видно, и самъ «украинець», и предложилъ высказаться кому-либо изъ крестьянъ.

— Та що-жъ тут говорити,—замѣтилъ одинъ изъ передовыхъ крестьянъ:—прості ми селяне, ось так живемо тут, нічого не знаем, нічого і говорити не можем. Та до того—ще і неграмотні, тільки три года, як маемо школу. Любим, однако, як кто-нибудь приходитъ до нас и розумне говорить: тоді и слушаем,—усмѣхнувся мужичокъ...—Але все жъ,—продолжалъ онъ:—я щось хочу вам сказати. Ась тут говорити ви за якусь «самостійну Україну»... Не знаемо ми ніякої самостійної України,—ми знаем Росію, Австрію. До Австрії ви нас, видно, і приглашаете, ось і військо австрійське тут з вами. Але за це ми не будем теперъ говорити,—війна все покажетъ,—куда нас присудить, туда і будемо. Що за панів ви розмовляете, то пусте, до скрізь пани е, е вони и в Австрії. Та у нас пан хоть рускій, або полякъ, а в Австрії жид 5),—улыбнувся мужичокъ, обращаясь къ толпѣ и, видимо, не сомнѣваясь въ ея съ нимъ солидарности.

---

1) Братья, селяне,—почему васъ такъ мало? Васъ хотятъ спасти, а вы не хотите и слушать! Не надо вамъ помощи! Развѣ вы не знаете, что изъ васъ сдѣлала . . . . ., то «московское» господство, тотъ поганий московский народъ..

2) А чого же онъ поганий,—всѣ люди у Бога одинаковы!..

3) Извините, не такъ я сказавъ,—то не народъ московский поганий, а поганий—государственный строй московский.

4) А чого онъ поганий, не мы его устанавливали, не мы будемъ его и нарушать...

5) Что жъ тутъ говорить, простые мы селяне, вотъ такъ живемъ здѣсь, ничего не знаемъ, ничего и говорить не можемъ. До того всего—еще и неграмотны, только три года, какъ школу имѣемъ. Любимъ, однако, если кто-нибудь приходитъ къ намъ и умное говорить, тогда и слушаемъ... Но все-таки я кое-что хочу вамъ сказать. Вотъ тутъ говорите вы про какую-то «самостійную Украину»... Не знаемъ мы никакой самостійной Украины, мы знаемъ Россію, Австрію... Къ Австрії вы, видимо, и склоняете насъ, вотъ и військо австрійское тутъ съ вами. Но объ этомъ мы не станемъ теперъ говорить, война все покажетъ, куда насъ опредѣлитъ, туда и будемо. А что относительно пановъ вы говорите,—то пустяки, всюду паны есть, есть они и въ Австрії. Только у насъ панъ хоть русскій или полякъ, а въ Австрії—жидъ.

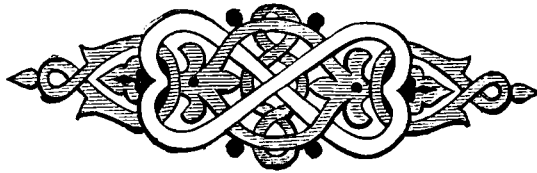
— Тільки все-таки знаю я, що міні мій рідний батько милующій, бо він мене породив ¹⁾,—убѣжденно заключилъ онъ свои разсужденія, и при томъ съ такою настойчивостью, хохлацкимъ упрямствомъ, какъ бы подсказывая въ интонаціяхъ: «Ні, не тудя ти попав, добродію, не в ті зайшов ворота» ²⁾.

— Так от, люде добрі, це я вам сказав, а ви собі подумайте, роздумайте, а тепер бувайте здорові ³⁾,—закончилъ ораторъ, и австрійскій отрядъ повернуль на околицу.

Крестьяне начали расходиться. Скоро улица стала тиха и безлюдна...

С. Богдановичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

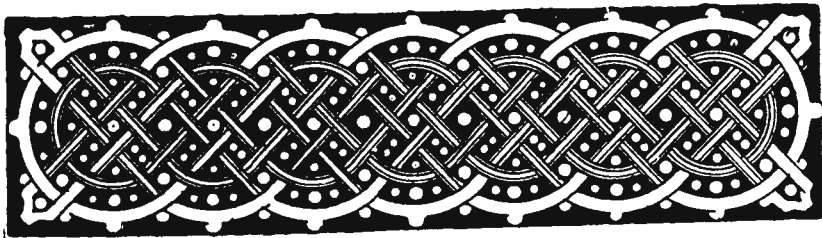

---

¹⁾ Только все-таки знаю я, что мнѣ мой родной отецъ милѣе, потому что онъ меня породилъ...

²⁾ Нѣтъ, не тудя ты попалъ, добрый человекъ, не въ тѣ зашелъ ворота...

³⁾ Такъ вотъ, люди добрые, это я вамъ сказалъ, а вы себѣ подумайте-раздумайте, а теперь будьте здоровы...

ПОДЪ ФИОЛЕТОВОЙ МАНТИИ.

Изъ жизни митрополита Исидора.

I.

ВАДЦАТЬ СЕДЬМОГО января 1882 года петербургскій митрополитъ Исидоръ едва не сдѣлался жертвою несчастнаго случая.

Въ половинѣ двѣнадцатаго старый митрополитъ по обыкновенію отправлялся въ Синодъ. Тогда митрополиты ѣздили четверкой, — обычай, который еще во всей пышности поддерживалъ преемникъ Исидора честолюбивый Палладій, и который въ великой скромности своей упразднилъ, вѣроятно, навсегда смиренный Антоній. Едва четверка выѣхала изъ воротъ лавры, лошади чего-то испугались и понесли. Подлѣ дома Воронина форейторъ, подталкиваемый дышлою, не смогъ удержать лошадей. Чтобы лишить озвѣрѣвшихъ животныхъ простора, онъ круто повернулъ свою пару къ тротуару. Лошади ступили на панель и, подкошенные постромками, тутъ же опрокинулись вмѣстѣ съ нимъ. Не оставалось ничего болѣе, какъ поднять ихъ, отстегнуть и отправить обратно въ лавру.

Восьмидесятидвухлѣтній митрополитъ рѣшилъ продолжать путь на двухъ коренныхъ лошадяхъ, но вскорѣ и онъ понесли, бросаясь то направо, то налево, и противъ Николаевской улицы наскочили

на тумбу правой панели и повалились. Кучеръ съ козель полетѣлъ внизъ головой. Парадная карета затрещала и накренилась на бокъ. Лежащая рессора и валекъ переломились пополамъ. Выпрягли и эту пару.

Митрополитъ оставался въ каретѣ, пока отъ Знаменья привезли новую ямскую. Вѣроятно, и всякій иной на его мѣстѣ заключилъ бы, что поѣздка, очевидно, негодна чьей-то высшей волѣ. Пересѣвъ въ карету, митрополитъ поѣхалъ уже не въ Синодъ, а обратно въ лавру.

Позднѣе онъ увѣрялъ, что этотъ угрожающій случай не вызвалъ въ немъ «даже обыкновеннаго испуга». Всѣ подробности катастрофы онъ пережилъ въ убѣжденіи, что лошади почему-то остановятся сами собой. Милости Божіей онъ приписывалъ то, что и самъ нисколько не пострадалъ, и фореиторъ и кучеръ не потерпѣли вреда, и, наконецъ, на пути буйныя лошади никого не зашибли.

Однако случай произвелъ приснопамятное впечатлѣніе на старца. Въ жизни своей онъ насчитывалъ 18 случаевъ избавленія отъ внезапной смерти. Въ его бумагахъ нашлась объ этомъ точная запись съ послѣдовательнымъ разсказомъ о всѣхъ этихъ жуткихъ моментахъ бытія и какъ бы съ рефреномъ послѣ каждого: «Но Богъ помиловалъ».

Совсѣмъ еще младенцемъ, онъ засмѣялся передъ матерью, держа во рту копейку. Копейка скользнула въ горло и тамъ застряла. Пошла уже пѣна изо рта малютки, спасенія не было, но онъ вдругъ самъ изловчился и двумя пальцами крошечной руки досталъ монету. Корова подхватила его однажды на рога, разъ онъ тонулъ въ архіерейскомъ пруду, другой разъ едва не погибъ на катерѣ въ бурю, третій разъ чуть не утонулъ на лодкѣ на озерѣ Ильменѣ. Былъ случай, когда онъ едва не погибъ отъ утара, разъ лошадь едва не сбросила его изъ повозки съ моста въ рѣку.

Опасность за опасностью преслѣдовала его, когда онъ былъ уже экзархомъ на незамирennomъ еще Кавказѣ. Несли его и лошади во весь галопъ надъ обрывами и кручами, и горцы охотились на него, чтобы забрать въ плѣнъ и получить за экзарха богатый выкупъ, и пули, какъ пчелы, жужжали около его клубука. Были здѣсь и ночевки въ крестьянскихъ избушкахъ, въ окна которыхъ можно было видѣть лезгинъ, поджидавшихъ его выѣзда.

Разъ въ кавказскомъ ущельѣ онъ ѣхалъ верхомъ съ намѣстникомъ Кавказа, княземъ Воронцовымъ. Поднялись на лѣсистую гору, когда вдругъ началъ накрапывать дождь. Воронцовъ сказалъ казаку: «Открой зонтикъ для экзарха». Казакъ вдругъ развернулъ зонтикъ сбоку его лошади, та испугалась и понесла, а случилось это въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ дерева въ толщину чело-вѣка. Повалившись ранѣе, оно верхушкой уперлось въ деревья противоположной стороны дороги и образовало надъ нею діа-

гональ. Грудь экзарха приходилась прямо противъ дерева. Могло или переломить грудь, или оторвать ноги, если бы онъ не освободился отъ стремянъ. «Но Богъ помиловаль». Совершенно безотчетно и безъ предварительнаго соображенія Исидоръ обхватилъ правой рукой дерево, лошадь проскочила подъ нимъ, а онъ повисъ на деревѣ и безъ вреда спустился на землю.

Обо всемъ этомъ и о томъ, какъ разбойническая партія въ 70 человекъ подсылала шпионовъ сосчитать, сколько у экзарха конвоя, и о томъ, какъ онъ проѣжалъ мимо разбойниковъ и становой утѣшалъ его, что «это свои», а потомъ признавался ему, что только не хотѣлъ его пугать, а это были лезгины,—обо всемъ этомъ любопытствующій можетъ прочесть въ запискѣ самого митрополита, гдѣ это рассказано простымъ и спокойнымъ, полнымъ довѣрія къ Провидѣнію языкомъ маститаго іерарха («Церк. Вѣстн.» 1892 г., 680). Если прибавить къ этому еще случаи отчаянныхъ болѣзней, отъ которыхъ Исидоръ возставалъ здравъ и невредимъ, то, въ самомъ дѣлѣ, станеть понятнымъ, что иногда въ глубокой старости онъ могъ приравнивать себя къ многострадальному Владимиру Мономаху и говорить о себѣ словами его поученія:

«А се труждахся, ловы дѣя. Конь дикихъ своими руками вязалъ есмь въ кущахъ. Тура мя два метала на розѣхъ, олень мя одинъ болъ, а два лоси одинъ ногама топталъ, другой рогома болъ. И Богъ неврежена мя соблюде. И съ коня много падахъ, не блюдя живота своего, не щадя головы своея...»

II.

Январская катастрофа 1882 года была еще свѣжа въ памяти Исидора, когда однажды передъ какою-то его обязательною поѣздкою на торжественную литургію въ Исаакіевскій или Казанскій соборъ ему доложили, что по экстренному и весьма важному дѣлу его желаетъ видѣть одна особа.

У огромнаго большинства нашихъ владыкъ, обыкновенно замученныхъ просителями и посѣтителями, сложенъ обычай, какъ выражался Филаретъ московскій, «хранить свой миръ предъ литургіею», то есть не разсѣивать сосредоточеннаго настроенія предъ богослуженіемъ обычной житейской суетой и не раздражаться безтолковостью или назойливостью просящихъ. Этого обычая держался и петербургскій митрополитъ, и просительницѣ, даже безъ точнаго освѣдомленія, кто она такая, было отказано, съ указаніемъ болѣе подходящаго часа для визита.

Но просительница была настойчива, и на сей разъ владыка выслушалъ, что на видъ это очень почтенная, немолодая дама, что пріѣхала она въ каретѣ, что фамилія ея Б—ская, а дѣло, ради ко-

того она рѣшается безпокоить его въ столь ранній и неумѣстный часъ, касается его лично.

И второй разъ дамѣ отвѣтили отказомъ. Но, видимо, она принадлежала къ категоріи людей, помнящихъ евангельское «толчите и отверзется», и все-таки настаивала на своемъ приѣмѣ. Тогда къ ней спустился секретарь и предупредилъ, что владыка можетъ ей удѣлить ровнымъ счетомъ полторы минуты.

Передъ митрополитомъ оказалась благообразная старушка со всѣми слѣдами свѣтскаго воспитанія и обхожденія. Отрекомендовавшись, она заявила:

— Я такъ настойчиво васъ безпокою ради того, чтобы просить васъ во что бы то ни стало отложить сегодня вашу поѣздку въ соборъ.

Исидоръ любилъ шутку и любилъ людей, умѣвшихъ шутить. Онъ улынулся и спросилъ, почему же ей этого хочется, и какъ онъ можетъ не исполнить своей обязанности только по ея капризу, когда уже расписание сегодняшнихъ архіерейскихъ служеній сдѣлано и имъ самимъ утверждено.

— Будетъ нехорошо, если вы поѣдете, — серьезно заявила дама, — и я васъ объ этомъ всепокорнѣйше прошу.

Митрополитъ, вѣроятно, вспомнилъ свои 18 смертныхъ опасностей, углубилъ поперечную складку на лбу и сталъ серьезенъ.

— Откуда же вы это знаете, что будетъ нехорошо?

Дама отвѣчала уклончиво. Очевидно, это было какое-то интуитивное предположеніе, котораго она сама не могла ни формулировать, ни обосновать документами или логикой. Митрополиту представилась опасность руководства въ жизни интуиціями первой встрѣчной свѣтской дамы, можетъ быть, даже и не совсѣмъ нормальной, но недавній случай воскресалъ въ памяти, а дама была настойчива, въ голосѣ ея звенѣла твердая увѣренность, и впечатлѣніе она давала человѣка психически крѣпкаго.

— Если вы поѣдете, вы потомъ очень пожалѣете, владыко, — заключила дама: — а я, во всякомъ случаѣ, сдѣлала, что должна была сдѣлать. Если вы послушаетесь меня, вы сегодня же убѣдитесь, насколько я хорошо вамъ совѣтовала, и, когда у васъ явится желаніе меня вновь увидѣть, вы потрудитесь вызвать меня къ себѣ по карточкѣ, какую я оставляю вашему секретарю.

— Гм, но какъ же, однако, я не поѣду, и кто же за меня тамъ отслужить?

— Это ужъ вамъ самому рѣшить, владыко. Пошлите записочку викарію...

Исидоръ послушался и не поѣхалъ, попросивъ одного изъ викаріевъ замѣнить его, а часа черезъ два ему доложили, что съ этимъ сго замѣстителемъ едва не случилось большой бѣды.

Около Знаменія, испугавшись паровика, который былъ тогда вновь и пугалъ лошадей смертнымъ перепугомъ, ибо несся безъ

конской помощи и весь въ бѣломъ парѣ,—лошади понесли, взбѣжали на панель, врѣзались въ дверь какого-то магазина, а самъ архіерей едва выскочилъ изъ кареты и потомъ цѣлые полчаса просидѣлъ въ колониальномъ магазинѣ Черепеникова, пока ему прислали новую карету.

III.

Такъ, по легендѣ, состоялось первое знакомство г-жи Б—ской съ митрополитомъ.

Попросилъ ли ее Исидоръ къ себѣ для выслушанія благодарности и удивленія передъ ея страннымъ даромъ, или самъ къ ней направился съ визитомъ признательности, я уже не могу сказать, но такъ завязалось знакомство и дружба ихъ, длившаяся до самой смерти обоихъ. Б—ская оказалась представительницею одной изъ самыхъ аристократическихъ семей Петербурга и обладательницею состоянія не въ одинъ милліонъ.

Дружба престарѣлаго владыки съ этой дамой и возникла, вѣроятно, главнымъ образомъ, на фонѣ ея благотвореній, но дружба эта была крѣпкая и нескрываемая. Карету митрополита постоянно видѣли около подъѣзда Б—ской и, въ свою очередь, Б—ская была частою гостею митрополичьего дома.

Зложелательная человѣческая молва, конечно, не приняла и этой дружбы безъ соотвѣтственныхъ перетолкованій, но и знавшіе митрополита, тогда уже приближавшагося къ десятому десятку (скончался онъ на 93 году), и знавшіе Б—скую отрицаютъ всякій здѣсь оттѣнокъ предосудительной близости. И можно очень просто понять и принять, что ветхому днями и теряющему силы старцу просто дорогъ былъ уходъ любящей женской руки и та уютная и успокаивающая забота, какою можетъ окружить старика только женщина и какой, разумѣется, не могли дать ему ни секретарь, ни келейники. Не могъ не оцѣнить старый умный монахъ и ума и опыта этой свѣтской женщины, прожившей бурную и интересную жизнь и много видѣвшей и знавшей. Между прочимъ, легенда рассказываетъ, что Б—ской митрополитъ былъ обязанъ избавленіемъ отъ мучительнѣйшихъ своихъ головныхъ болей, обычной болѣзни архіереевъ, обусловленной совершеннымъ отсутствіемъ движенія и однообразной непитательной пищей.

— Отъ мигреней есть радикальное средство—фонтанель,—будто бы посовѣтовала Б—ская и сослалась на кого-то изъ своей родни.— Сквозь тѣло на лѣвой рукѣ, повыше локтя, вамъ протянуть шелковинку, и она черезъ нѣсколько дней дастъ нагноеніе. Прежде, чѣмъ это начнетъ присыхать, вы потянете шелковинку влѣво и опять черезъ день потянете ее вправо. Такъ и не надо давать ей заживать..

— Что же это, магія?

— Это не магія, а естественная оттяжка дурной крови изъ всего организма къ этому гноящемуся мѣсту. Старая медицина очень вѣрила въ это средство. Новые доктора умничаютъ и совершенно напрасно имъ пренебрегаютъ.

Митрополиту сдѣлали фонтанель, и головныя боли сначала ослабли, а потомъ и вовсе прекратились.

Отъ людей, имѣвшихъ въ полѣ своего зрѣнія рассказанную исторію дружбы двухъ стариковъ, я слышалъ поясненіе, будто бы свой первый совѣтъ митрополиту Б—ская передала не отъ себя, а по подсказу покойнаго знаменитаго кронштадтскаго протоіерея о. Іоанна Сергіева. Тоже нерѣдко бывавшій у Б—ской, онъ, будто бы, сказалъ объ этомъ хозяйкѣ, а та уже за свой страхъ поѣхала предупредить старца. Въ другой разъ, сидя у Б—ской за чаемъ, о. Іоаннъ, будто бы, сдѣлалъ другое предсказаніе:

— Вы вмѣстѣ жили, дружили и грѣшили, вмѣстѣ и предстанете суду Божию.

Провѣрить теперь точность этого предсказанія, живущаго въ родѣ Б—скихъ, пожалуй, довольно трудно, но митрополитъ Исидоръ и Б—ская дѣйствительно умерли въ одинъ день. Когда скончалась Б—ская, рѣшили спѣшно дать знать о печальномъ фактѣ владыкѣ. Когда посланные прибѣжали въ митрополичій домъ, они услышали уже возгласеніе архидіакономъ облачальныхъ молитвъ надъ уснувшимъ навѣки другомъ покойной.

Пока свидѣтели послѣднихъ дней жизни митрополита Исидора и близкіе родственники Б—ской здравствуютъ, хотѣлось бы слышать подтвержденія или поправки къ этой любопытной легендѣ. Слышно, что у нѣкоторыхъ родственниковъ Б—ской имѣются нѣкоторые мемуары, гдѣ, можетъ быть, личность покойной незаурядной женщины нашла свое отраженіе.

Знавшіе ее знаютъ ее мало съ этой любопытной стороны ея загадочныхъ знаній. Болѣе запомнились въ ней черты типичной свѣтской женщины. Она крѣпко любила жизнь и взяла отъ нея все, что могла взять. Послѣдніе годы она была уже настолько слаба, что должна была разстаться съ тѣмъ любимымъ развлеченіемъ, какое долго одно оставалось ей,—игрою въ карты. Не имѣвшая уже силъ даже держать ихъ, она только наблюдала волненіе и оживленіе другихъ. Любила, когда молодые родственники рассказывали ей о своихъ молодыхъ шалостяхъ и вольностяхъ...

IV.

Человѣкъ большого и свѣжаго ума, самостоятельный администраторъ, выдвинувшійся на высокія ступени іерархіи еще въ тѣ молодые годы, когда человѣкъ обыкновенно оставляется въ тѣни, и въ 35 лѣтъ бывший архіерею,—митрополитъ Исидоръ, подобно

огромному большинству людей его сана, былъ очень не чуждъ мистическихъ настроеній. Рѣдкій изъ людей этой категоріи не оставилъ по себѣ разказовъ о таинственныхъ случаяхъ или снахъ. Митрополитъ Платонъ (Городецкій) любилъ разказывать о своемъ видѣніи императора Николая. Митрополитъ Филаретъ заранѣе узналъ день своей смерти отъ старца, который сказалъ ему во снѣ: «Блюда 19-е число». Читая «Книгу Бытія моего» ученѣйшаго Порфирія (Успенскаго), вы съ удивленіемъ наталкиваетесь черезъ каждыя пять страницъ на разказъ о какомъ-нибудь таинственномъ снѣ, разгадку котораго черезъ нѣсколько дней вписала туда рука самого же Порфирія. Таинственную руку, ведущую его, митрополитъ Исидоръ видѣлъ во многихъ случаяхъ своей жизни.

Началось это съ самаго постриженія. Въ одно время съ инокомъ Исидоромъ было пострижено въ монашество пять его товарищей: Нилъ Исаковичъ, впослѣдствіи архіепископъ ярославскій, Аванасій, впослѣдствіи архіепископъ таврической, Евгеній Добротворскій, бывшій потомъ епископомъ винницкимъ, и Стефанъ Зелятровъ, скончавшійся въ санѣ архимандрита мценскаго монастыря.

Постригъ совершалъ тогдашній петербургскій митрополитъ Григорій. Когда онъ вышелъ на амвонъ для раздачи свѣчъ новопостриженнымъ инокамъ, іеродіаконъ подаль большую свѣчу собственно для него и сталъ подавать малыя свѣчи для благословенія ими инокъ-студентовъ.

Исидоръ подошелъ послѣднимъ, и для него, по невнимательности іеродіакона, свѣчи не достало. Замѣтивъ это, Григорій подаль ему свою большую свѣчу,—такъ съ нею и простоялъ должный срокъ молодой монахъ.

Послѣ пострига товарищи шута говорили Исидору:

— Быть тебѣ архіереемъ!

Предзнаменованіе оправдалось больше, чѣмъ предполагали,—изъ молодого монаха вышелъ предстоятель архіереевъ.

Надо знать, какимъ крупнымъ событіемъ архіерейской жизни являются ихъ «переводы», надо познакомиться съ острой и волнующей психологіей ожиданія этихъ переводовъ, чтобы понять, почему большинство изъ нихъ связываетъ эти перемѣщенія съ предзнаменованіями и предчувствіями. Такъ было и съ митрополитомъ Исидоромъ, и не одно изъ своихъ перемѣщеній онъ считалъ заранѣе предъказаннымъ.

Въ 1837 году, въ бытность епископомъ дмитровскимъ, викаріемъ московскимъ, Исидоръ уже жилъ подъ мыслью о новомъ назначеніи. Однажды у подъѣзда своего дома на Саввинскомъ подворьѣ онъ услышалъ шумъ и смѣхъ. Подошелъ къ окну,—какой-то юродивый у самаго крыльца сидѣлъ на салазкахъ, погонялъ мальчишекъ и кричалъ, чтобы они его увозили. Дѣти съ хохотомъ повезли его.

Исидоръ не зналъ и не узналъ имени юродиваго, но отошелъ отъ окна съ предчувствіемъ объ удаленіи изъ своего насиженнаго гнѣзда. Черезъ мѣсяцъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ назначенъ епископомъ въ Полоцкъ.

Его переводу изъ Полоцка въ Могилевъ предшествовалъ также странный случай, одинъ изъ тѣхъ, десятки которыхъ записаны современными изслѣдователями телепатическихъ и иныхъ загадочныхъ явленій.

Незадолго до полученія указа о перемѣщеніи Исидоръ видѣлъ особенно ему запомнившееся сновидѣніе, будто въѣзжаетъ онъ въ какой-то невѣдомый ему городъ.

Онъ ясно видѣлъ улицу и по обѣимъ сторонамъ улицы дома различной формы, потомъ заставу, около нея толпу народа съ духовенствомъ и хоругвями, дальше на лѣвой сторонѣ улицы церковь. Отъ церкви шель поворотъ въ другую улицу налѣво, еще лѣвѣе видѣлись ворота, большой дворъ, и въ глубинѣ его большой каменный домъ. Въ домѣ, при входѣ на лѣстницу, слышно было пѣніе, а въ маломъ окнѣ стѣны видна была простертая рука.

Первая мысль епископа по пробужденіи была опять—о новомъ назначеніи. И вотъ, въѣхавъ въ Могилевъ, онъ увидѣлъ эту самую улицу, тѣ же дома, какіе видѣлъ во снѣ, хотя до того времени въ Могилевѣ никогда не былъ и расположенія города совершенно не зналъ. У заставы толпился народъ, духовенство съ хоругвями ожидало своего новаго начальника.

Съ особеннымъ чувствомъ благодарности къ Богу Исидоръ возложилъ на себя въ этотъ часъ мантию и съ крестнымъ ходомъ двинулся къ кафедральному собору, который дѣйствительно оказался на лѣвой сторонѣ. Послѣ литургіи онъ прибылъ въ архіерейскій домъ. На пути исполнялись новыя и новыя детали страннаго сна. Вотъ поворотъ налѣво, вотъ большія ворота и обширный дворъ, въ глубинѣ котораго стоитъ двухъэтажный каменный архіерейскій домъ. Все было знакомо, хотя все онъ видѣлъ въ первый разъ. Только пѣнія не было слышно и малаго окна въ стѣнѣ съ распростертою рукою не было. Исидоръ обошелъ комнаты, однако ничего не замѣтилъ. Когда же онъ пошелъ во второй разъ, то увидѣлъ въ средней комнатѣ малое окно съ затворкою. Экономъ архіерейскаго дома объяснилъ ему, что окно выходитъ въ домовую церковь, находящуюся внизу, и что черезъ него преосвященные изъ своихъ покоевъ обыкновенно слушаютъ церковное богослуженіе. Такъ Исидору объяснилось и слышанное во снѣ пѣніе.

V.

Какъ старые благочестивые люди, Исидоръ иногда вслушивался съ особеннымъ вниманіемъ въ тексты евангелія, ища въ нихъ спеціальныхъ предуказаній. Хорошія строки оказались въ его днев-

никѣ передъ самымъ назначеніемъ его на отвѣтственную кафедру митрополита Петербурга, который онъ приравнивалъ къ Аѳинамъ, гдѣ сѣялъ христіанство апостоль Павелъ.

Еще въ то время, когда только ходили настойчивые слухи о предстоящемъ назначеніи, Исидоръ писалъ въ своемъ дневникѣ:

«Быть можетъ, иной думаетъ, что я желалъ бы перемѣщенія на сѣверъ. Ошибаются. Я принялъ бы это съ послушаніемъ и душевною скорбію, какъ тягчайшее испытаніе, которое скоро положило бы предѣлъ моей жизни. Это былъ бы для меня приговоръ: «се, Азъ посылаю тя, яко овцу посреде волковъ».

Подъ другимъ числомъ у него записано:

«Въ обѣднѣ читали въ евангеліи: «предъ владыки и цари ведени будете», а концертъ пѣли: «Вскую прискорбна еси, душе моя! Уповай на Бога!»—Въ своемъ новомъ положеніи, угрожающемъ и закрытомъ, я все это слагаю въ сердцѣ своемъ».

А вотъ какъ въ тѣхъ же собственноручныхъ записяхъ передано тревожное состояніе его души передъ назначеніемъ въ Петербургъ.

«Когда-то Богъ развяжетъ сомнѣніе и дастъ душѣ свободу! Всякая мысль бѣжить прочь,—хожу, сажусь, хочу читать или писать,—всякое дѣло изъ рукъ валится. Почто же унываеши? говорю душѣ своей,—уповай на Бога, передай себя въ волю Его. Вѣдь ты сосудъ скудельный, который можетъ быть скудельникомъ употребленъ или въ честь или не въ честь,—твое ли дѣло судить, на что ты годенъ или негоденъ. А немощь человѣческая вопіеть, что я тамъ буду дѣлать! Гдѣ возьму характеръ, нужный среди обуреваній разнаго рода? Гдѣ взять опытность для дѣлъ, за которыя впервые приходится взяться? Какъ пройти водоворотъ и хранить благо и цѣлость церкви среди стремленій со всѣхъ сторонъ къ ея разрушенію, ограбленію и омраченію? Откуда взять силу къ отраженію волковъ, когда первая сила составляетъ слабую опору для безсилія? Вѣра говоритъ: замолчи. Развѣ ты своею силою можешь что-либо сдѣлать? А ежели Богъ захочетъ, и немощное можетъ сдѣлаться крѣпчаѣмъ человѣкъ. Пусть будетъ то, что благословитъ Господь, а не то, чего ты хочешь. Аминь, аминь, аминь».

Очень неожиданны и чрезвычайно характерны и интимныя мысли Исидора, когда уже назначеніе совершилось, и со всѣхъ сторонъ къ нему летѣли поздравленія и человѣческое угодничество.

«Чѣмъ болѣе обдумываю свое положеніе,—писалъ онъ:—тѣмъ оно кажется безотраднѣе. Едва ли кто изъ русскихъ архіереевъ согласится, что я благопотребенъ по нынѣшнему страшному и безвыходному времени,—многіе рѣшительно признаютъ выборъ ошибочнымъ и для церкви вреднымъ,—самые расположенные ко мнѣ только пожалѣютъ обо мнѣ, какъ о жертвѣ, принесеніе коей не принесетъ пользы. Но да будетъ воля Господня! Если страданія падутъ

на мою только личность, нечего тужить о томъ. Личность моя не дорога, и потеря будетъ незамѣтна. Но избави Богъ, если моя неспособность сдѣлается виною важныхъ упущеній, отъ которыхъ произойдетъ вредъ для церкви и іерархіи. Въ этомъ все мое безпокойство, опасеніе, мучительная тревога души. И, однако, буди воля Господня! Я не вторгался во дворъ овчій, не лазилъ инудѣ, не искалъ, не просилъ, не зналъ, какъ совершился выборъ и палъ на меня этотъ тяжелый, несчастный жребій». «Не даромъ,— замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ,— іеромонахъ Голасѣвской пустыни Моисей сказалъ: «Петербургскій митрополитъ тотъ же мученикъ»».

Вѣря самъ въ руководящія міромъ и собою силы, митрополитъ Исидоръ охотно давалъ вѣру заявленіямъ людей, соотвѣтственно настроенныхъ. Вотъ одинъ передаваемый имъ въ письмѣ къ московскому митрополиту Филарету эпизодъ изъ временъ замиренія Кавказа, какой особенно любопытно вспомнить теперь, когда съ театра нынѣшней войны уже успѣлъ дойти подобный рассказъ.

«21-го декабря 1853 года. Генераль-майоръ князь Багратионъ-Мухранскій, отличившійся въ послѣднемъ сраженіи противъ турокъ, сообщилъ мнѣ свѣдѣніе весьма замѣчательное, которое я съ радостію сообщаю вашему высокопреосвященству. Плѣнные турки объявили намъ *открыто*, что когда сраженіе подъ Александрополемъ сильно разгорѣлось, и весь русскій отрядъ былъ введенъ въ дѣло, турки увидѣли сходящую съ неба *свѣтлую Жену, держащую знамя въ руку и сопровождаемую двумя воинами*. Свѣтъ отъ Нея былъ столь яркій, что подобенъ былъ *солнечному сіянію*, и никакой глазъ не могъ выдержать его. Это явленіе навело ужасъ въ рядахъ сражающихся и было причиною, что турки, видя явное заступленіе Бога за русскихъ, обратились все въ бѣгство и проиграли сраженіе.

«Русскіе этого явленія не видали. Божьимъ Промысломъ о томъ свидѣтельствовали *иноплеменные враги наши*. Турки увѣряютъ, что въ *арміи ихъ все это видѣли съ ужасомъ, и все о томъ знаютъ*; но начальства ихъ, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещали о томъ говорить и старались затмить сіе событіе.

«Русскіе военнопольники, поздравляя съ побѣдою, столь блистательною, главнаго начальника, воздали славу Богу, Который одинъ могъ дать намъ побѣду надъ врагомъ, ожесточеннымъ мусульманскимъ фанатизмомъ, въ силахъ много превосходящихъ наши, такъ что по человѣческимъ соображеніямъ трудно было ожидать столь блистательнаго успѣха.

«Прискорбно бы было, если мы, православные, умолчали бы о столь дивномъ событіи, *страха ради европейскаго*».

VI.

Съ огромнымъ житейскимъ и административнымъ опытомъ митрополита Исидора могъ равняться развѣ только опытъ Филарета московскаго. Онъ былъ однимъ изъ тѣхъ, кто еще присутствовалъ на заѣздѣ императора Александра I въ лавру предъ отъѣздомъ въ Таганрогъ. На своемъ вѣку онъ поставилъ сто тридцать восемь епископовъ, шестьдесятъ семь лѣтъ священствоваль, пятьдесятъ восемь былъ архіереемъ, тридцать шесть митрополитомъ, тридцать два первенствующимъ въ Синодѣ.

Неудивительно, что онъ выработалъ изумительную выдержку характера, рѣдкое самообладаніе и исключительный тактъ. Эти таланты въ особенности пришлось примѣнять ему въ Полоцкомъ краѣ во время разрѣшенія страшно остраго и большого вопроса объ униі. Католическіе епископы, которыхъ встрѣчали, какъ царей, имѣли всѣ преимущества предъ епископомъ православнымъ. Обостреніе недоброжелательства католическаго духовенства было крайнее, и съ нашими архіереями не церемонились. Предшественникъ Исидора, извѣстный архіепископъ Смарагдъ (Крыжановскій), былъ остановленъ у виленской городской заставы для обыска въ предположеніи... не везетъ ли онъ съ собой контрабанды, въ видѣ корчемнаго вина и т. п. Съ Исидоромъ этого не повторилось, но вотъ одинъ эпизодъ изъ его пребыванія въ Вильнѣ, которое онъ перенесъ не со спокойнымъ сердцемъ.

Желая помолиться предъ иконою Остробрамской Божіей Матери, Исидоръ отправился въ часовню надъ воротами. Нужно было пройти черезъ костель кармелитовъ. Вышелъ настоятель съ приглашеніемъ:

— Audeas!

По коридорамъ прошли въ задній садикъ, изъ котораго дверь вела въ часовню. Дверь была заперта. Одинъ изъ сопровождавшихъ епископа кармелитскихъ монаховъ перепробовалъ всѣ ключи въ связкѣ и съ поддѣльнымъ удивленіемъ сказалъ:

— Не отпирается!

Все это было расчитанное: хотѣли разгласить чудо о недопущеніи схизматика въ часовню,—его такъ легко приняли бы экзальтированные души католиковъ.

Исидоръ замѣтилъ хитрость монаха, взялъ изъ рукъ его связку ключей и, передавъ другому монаху, приказалъ отпереть дверь. Тотъ отперъ дверь первымъ же ключемъ,—чудо не удалось.

Еще большее нерасположеніе со стороны мѣстнаго духовенства проявилось во время осмотра Исидоромъ казимировскаго костела, назначеннаго для обращенія въ православный соборъ.

Изъ толпы собравшагося народа выступали весьма подозрительные люди, на лицахъ которыхъ была написана готов-

ность на всякую дерзость. Благоразуміе требовало ускорить обзоръние костела и удалиться. Изъ всѣхъ этихъ экзаменовъ мужества и тактичности Исидоръ вышелъ неуязвимъ.

Не меньшій тактъ долженъ былъ проявлять онъ митрополитомъ въ Синодѣ, въ особенности, въ виду явной безтактности нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій по служенію. Вотъ, напримѣръ, характерный случай, рассказанный въ своихъ запискахъ архіепископомъ Никаноромъ херсонскимъ.

Приближалось празднованіе 50-лѣтія по присоединенію уніатовъ въ Вильнѣ. Митрополиту кievскому Платону чрезвычайно хотѣлось добиться командировки на торжество, — Исидору это совершенно не нравилось и не казалось нужнымъ.

«Старца Исидора обступили К—нъ П—чъ (Побѣдоносцевъ), Владимиръ Карловичъ (Саблеръ), оберъ-секретарь, показывая и обсуждая рисунки медалей, крестиковъ. Старецъ разглядываетъ и толкуетъ. А старецъ кievскій, крѣпко потянувшись впередъ на столъ, ловить минуту, когда можетъ быть выслушанъ, и какъ можно громче и раздѣльнѣе, чтобъ Исидоръ могъ услышать, выкрикиваетъ:

«— Вотъ, ваше высокопреосвященство, торжество знаменательное, историческое: мнѣ думается, что хорошо было бы присутствовать на этомъ торжествѣ кому-либо изъ старѣйшихъ, вотъ вамъ бы или мнѣ: мы вѣдь современники и участники самага присоединенія. Вы были тогда и въ Вильнѣ, и въ Живорицахъ, и я былъ. Вотъ кому-либо изъ насъ и теперь бы поѣхать.

«Старецъ Исидоръ толкуетъ, о чемъ толковалъ, показывая видъ, что и не замѣчаетъ, и не слышитъ говора старца Платона. Старецъ Платонъ слѣдитъ за его взглядомъ пристально и, улучая, повидимому, благопріятную минуту, опять вытягивается впередъ и опять начинаетъ:

«— Такъ вотъ я и говорю, ваше высокопреосвященство, что нужно было бы съѣздить на это рѣдкое торжество кому-либо изъ насъ, изъ старѣйшихъ, вамъ бы или мнѣ. Мы участники самага событія. Я въ Вильнѣ предварилъ присоединеніе, видѣлъ его начало, продолженіе и завершеніе, лично зналъ всѣхъ участниковъ присоединенія, начиная съ Іосифа Сѣмашки...

«Исидоръ продолжаетъ толковать, о чемъ толковалъ прежде, не замѣчая говора старца Платона. Этотъ опять ловить благопріятную минуту перерыва въ говорѣ Исидора и снова усиливается выставить на видъ и во уши свою тенденцію: «что вотъ хорошо бы, если бы Святѣйшій Синодъ назначилъ на это знаменательное торжество кого-либо изъ старѣйшихъ, что я-де охотно бы поѣхалъ, что въ Вильнѣ-де мнѣ все знакомо, тамъ я долго жилъ и немало дѣйствовалъ, былъ участникомъ самага событія» и т. д.

«Старецъ Исидоръ продолжаетъ показывать видъ, что не замѣчаетъ обращенія къ нему Платона. Эта со стороны одного сцена на-

мѣреннаго молчанія, а со стороны другого сена самой настоятельной рѣчи продолжалось съ полчаса. Мы дивились въ душѣ этой игрѣ, не знаю чего, но крайне выразительной. Наконецъ старецъ Платонъ, безъ сомнѣнія, понялъ и—замолчалъ».

VII.

Струя чисто русскаго юмора, окрашеннаго въ специфическіе тона сословія, жила въ митрополитѣ Исидорѣ. Она не измѣняла ему ни въ обычномъ обиходѣ во время безконечныхъ пріемовъ, ни въ критическихъ случаяхъ жизни, когда, казалось бы, было не до шутки, ни въ щекотливыхъ положеніяхъ, когда самое благополучіе его ставилось подъ рискъ.

Въ концѣ 80-хъ годовъ въ Петроградѣ нашумѣлъ случай, когда государь Александръ III вмѣстѣ съ государыней внезапно прибылъ въ Александро-Невскую лавру и натолкнулся на ея неурядки. Невозможно было сыскать даже очереднаго іеромонаха, чтобы отслужить молебенъ. Государь уѣхалъ раздраженный и немедленно далъ знать Побѣдоносцеву объ этихъ неурядкахъ.

Въ лавру поѣхалъ тогдашній товарищ оберъ-прокурора В. К. Саблеръ. Увы, тамъ до девяти часовъ вечера никто даже не зналъ о посѣщеніи государя! Секретъ былъ въ томъ, что Высочайшую семью ждали на слѣдующій день, въ силу многолѣтняго обычая, а пріѣздъ совершился наканунѣ.

Когда митрополиту докладывали, какъ государь былъ въ лаврѣ и засталъ въ соборѣ поломоекъ, онъ философски сказалъ:

— Вольно же государю пріѣхать, когда его не ждали! Его ждали въ субботу, а онъ прибылъ въ пятницу. Нельзя же и безъ поломоекъ. Для него вѣдь и мыли.

На одномъ изъ синодскихъ засѣданій обсуждался вопросъ о непристойности для духовенства курить и нюхать табакъ.

Было постановлено сдѣлать соответственное распоряженіе о томъ, чтобы лица духовнаго званія отказались отъ этой лишней и неопрятной привычки. Когда кончилось официальное засѣданіе, митрополитъ вынулъ подъ столомъ маленькую табакерку и, протягивая ее своему сосѣду, вполголоса сказалъ:

— Понюхаемъ въ послѣдній разъ!

Однажды митрополиту доложили, но не изъ подлежащихъ сферъ, имѣющихъ право вмѣшательства въ лаврскую жизнь, а со всѣмъ со стороны, что монахи Невской лавры распускаются и

нѣкоторые даже переодѣваются и ходятъ въ театрѣ. Вмѣшательство не въ свое дѣло кольнуло Исидора.

— Вы говорите, переодѣваются?

— Такъ точно, владыко!—съ ужасомъ восклицаетъ лицо.

— Такъ это и хорошо, что переодѣваются. Хуже, если бы въ рясахъ ходили.

Особеннымъ характеромъ снисходительнаго юмора отмѣчены были отношенія митрополита къ начальницамъ женскихъ монастырей. Присутствуя однажды на богослуженіи въ Воскресенскомъ монастырѣ Исидоръ замѣтилъ, что на великомъ выходѣ, при поминовеніи имени игуменіи монастыря, ей дается названіе «всечестнѣйшей», тогда какъ въ извѣстномъ пѣснопѣннѣ Пресвятая Богородица именуются только «Честнѣйшею».

Въ другой разъ на одномъ засѣданіи, наскучивъ обращеніями духовенства другъ къ другу: «ваше высокопреподобіе!»—онъ, проходя мимо образа св. Сергія, перекрестился и сказалъ:

— Всѣ-то здѣсь высокопреподобные, одинъ ты, отче, просто преподобный!

И эти пышные титулы, и то, что игуменіи предоставлено благословлять молящихся при выходѣ послѣ обѣдни, митрополитъ находилъ недолжнымъ, видѣлъ здѣсь приближеніе къ католическимъ понятіямъ, завершившимся ученіемъ о непогрѣшимости папы, и стремился къ устраненію этого, но—не успѣлъ.

Своеобразное отношеніе митрополита къ монашествующимъ женщинамъ находило отраженіе и въ общественной молвѣ. Въ уста извѣстнаго композитора М. Балакирева въ однихъ воспоминаніяхъ въ «Русской Старинѣ» (1914, май) влагаются два анекдота, связанные съ именемъ митрополита Исидора.

Игуменья Новодѣвичьяго монастыря Валентина пользовалась репутаціей не совершенно трезвой монахини. На нее донесли владыкѣ. Тотъ вызываетъ ее къ себѣ неожиданно рано утромъ. Мать совершаетъ метаніе и начинаетъ говорить.

— Ближе!—говорить владыка, подѣ конецъ жизни утратившій четкость слуха.

Валентина дѣлаетъ шагъ впередъ и опять говорить.

Голосъ Исидора становится тоньше:

— Ближе, ближе!

Валентина совсѣмъ у кресла владыки.

— Нагнись, нагнись!—старчески тихо говорить онъ.—Не слышу! Къ уху нагнись!

Монахля нагибается, митрополитъ тянетъ носомъ, чувствуетъ запахъ водки и качаетъ головой:

— И это ты такъ съ утра?..

Тамъ же рассказанъ другой анекдотъ о прїѣзжихъ изъ провинціи монахиняхъ, явившихся къ митрополиту въ прїемный залъ.

Митрополитъ вышелъ къ нимъ, благословилъ ихъ, потомъ ихъ напоили чаемъ, накормили. Затѣмъ владыка вторично вышелъ къ нимъ, сталъ разглядывать ихъ, разговаривать съ ними и вдругъ поднялъ руки и говорить:

— Матери мои, гляжу я на васъ—да какія же вы всѣ рожки!

Тутъ уже слышится свѣтское сочинительство, не желавшее упустить любопытнаго контраста—монахинь у ветхаго, но не потерявшаго эстетическаго вкуса митрополита.

Исторія приближенія къ себѣ подъ старость г-жи Б—ской находила себѣ аналогію въ прошломъ.

Въ 60-хъ годахъ петербургская молва также осуждала Исидора за знакомство съ нѣкоей Матреной Александровной Егоровой, посѣщавшей 64-лѣтняго старца чуть не ежедневно. Пресловутый Аскоченскій напечаталъ даже въ «Домашней Бесѣдѣ» за подписью В. Незамай басенку, которую охотно повторяли въ духовной средѣ и ясно шифровали.

ТРУЖЕНИЦА.

— Ну, что, Егоровна, нашла себѣ мѣстечко?
 «— Еще какое! Со столомъ
 И съ освѣщеніемъ, и съ теплой печкой,
 Съ почетомъ, мать моя!»—А служба въ чемъ?
 «— Да какъ тебѣ сказать?
 Въ день раза по три навѣщать,
 Пить вмѣстѣ чай, подушку поправлять,
 Да на ночь спину растирать»...
 — И только?—«Только».—Есть же, вѣдь,
 Егоровна, счастливыя такія!
 Кажись, услуги не большія,
 Попить чайку да спину потереть,
 А вотъ, поди-ка, гдѣ съ тобой сравнятся?
 «— Стараться надобно, стараться,
 Такъ отъ трудовъ и будетъ плодъ»...

Какъ много есть господь,
 Которые и честь и совѣсть отдають
 За то, что спину имъ потрутъ.

Засѣданія Синода при жизни Исидора происходили далеко не съ той строгостью, съ какой происходятъ теперь. Многіе члены манкировали. Бывали случаи, когда изъ всѣхъ, вызванныхъ для присутствія въ засѣданіе, являлся одинъ исполнительный Никаноръ херсонскій. Исидоръ встрѣчалъ его обыкновенно шуткой:

— А, отецъ Синодъ!

Вѣщимъ Исидоръ считалъ предсказаніе своего отца, часто говорившаго своей женѣ:

— Береги Якова (Исидоръ въ мѣрѣ носилъ имя Якова Сергѣевича Никольскаго). На него твоя надежда! Онъ будетъ кормить тебя!

Предсказаніе исполнилось съ точностью. Другое предсказаніе какой-то бабки-гадалки, что онъ будетъ жить до 60-ти лѣтъ, Исидоръ оставилъ далеко позади.

— Я ее надулъ на цѣлыя двадцать лѣтъ, — шутя говорилъ онъ, вспоминая этотъ эпизодъ въ 80-хъ годахъ.

На самомъ дѣлѣ онъ надулъ ее на 32—33 года.

Кто-то поздравлялъ старца-митрополита въ день, когда ему исполнился 91 годъ.

— Вотъ васъ Богъ сподобилъ какого долголѣтія! Теперь, съ Божьей помощью, и до ста лѣтъ шутемъ доживете.

— Гдѣ ужъ до ста! — улынулся митрополитъ. — Далъ бы Богъ хоть десятокъ-то лѣтъ еще протянуть!...

Девяносто одинъ плюсъ десять — давало сто одинъ годъ!

VIII.

Благотворительность Исидора была хорошо извѣстна всѣмъ, не только послѣ его смерти, но и при жизни. Онъ щедро помогалъ своимъ родственникамъ, а эти родственники, по подсчету въ 1877 г. составляли 208 человекъ, между которыми значилось 53 семейства и 30 фамилій! Конечно, за 15 лѣтъ, вплоть до его смерти, эта цифра еще болѣе возросла.

Точный и аккуратный Исидоръ ежедневно записывалъ расходъ благотворительныхъ суммъ. Въ нѣсколькихъ сохранившихся послѣ его кончины листахъ съ іюня 1891 года по мартъ 1892 года общій итогъ отъ его щедротъ показанъ въ 118.262 рубля! Когда его спрашивали, откуда берется дефицитъ въ его суммахъ, онъ отвѣчалъ привычнымъ шутливымъ выраженіемъ:

— Вотъ все покойника не могу со стола убрать!

Онъ разумѣлъ всѣхъ тѣхъ вдовъ и сиротъ, которыя обращались къ нему подъ предлогомъ смерти родителей. Между прочимъ онъ

устроилъ нѣсколько сотенъ браковъ сиротъ-епархіалокъ, которыхъ любилъ шутливо звать «Сидоровыми козами» (училище носитъ имя «Исидовскаго»). Нѣкоторые обѣднѣвшіе люди пользовались его постояннымъ благотвореніемъ, какъ жалованьемъ.

Сохранилось характерное письмо его, не то на ты, не то на вы, къ одной оскудѣвшей дворянкѣ Ларисѣ А. К—вой, выдающее необычайно простое, кроткое и доброе отношеніе митрополита Исидора къ людямъ совсѣмъ ему не нужнымъ и самаго скромнаго положенія.

Письмо написано по тому случаю, что до митрополита Исидора дошло извѣстіе, будто К—ва скончалась. Исидоръ сотворилъ по ней молитву. Когда эта вѣсть дошла до самой К—вой, она впала въ уныніе. И вотъ какъ утѣшалъ ее Исидоръ:

«Лариса Алексѣевна!

«Не смущайся, ежели какая-нибудь праздная болтуня пустила молву о твоей смерти. По русскимъ примѣтамъ, такіе люди, о смерти которыхъ говорятъ ложно, долго жить будутъ. Два раза и меня хоронили. Одинъ разъ, когда я еще жилъ въ Тифлисѣ, изъ Одессы былъ описанъ церемоніаль, какъ меня хоронили, а другой разъ въ Петербургѣ даже напечатали въ одной газетѣ о моей смерти, и знакомый человѣкъ пришелъ въ канцелярію мою, прося позволенія войти въ залу, чтобы поклониться моему гробу. А я въ это время писалъ въ кабинетѣ моемъ. И никакой бѣды отъ этого не вышло, — живу доселѣ.

«Посылаю вамъ пять рублей на нужды. Если рѣшишься говѣть на первой недѣлѣ поста, и нѣтъ церкви вблизи квартиры твоей-пріѣзжай въ Петербургъ, я велю помѣстить васъ въ женской бога, дѣльнѣ на недѣлю, а въ субботу можешь приобщиться въ моей домовой церкви.

«Божія милость и благословеніе да будетъ надъ вами.

И. М.»

Разсказъ о послѣднихъ дняхъ и часахъ жизни митрополита Исидора сохраненъ для потомства въ подробной записи ближайшаго къ нему человѣка, его секретаря.

Послѣднее полугодіе его жизни было уже угасаніемъ. За вычетомъ лѣтъ дѣтства, 93 года его жизни были сплошнымъ непосильнымъ трудомъ. Постъ, когда его трапеза состояла только изъ грибно-го супа, картофеля и редиски, которыя онъ въ ничтожномъ количествѣ вкушалъ одинъ разъ въ день, въ связи съ постояннымъ выслушиваніемъ церковныхъ службъ и занятіемъ дѣлами, совершенно прекратилъ питаніе мозга. Падало зрѣніе, слухъ, память.

Отъ него требовали совершеннаго прекращенія дѣлъ,—онъ написалъ 15 бумагъ даже въ самый канунъ смерти! Съ докторами шутилъ. Когда одинъ изъ нихъ спросилъ, отчего онъ не заявилъ объ опухоли и рожистомъ воспаленіи на лѣвой рукѣ наканунѣ, онъ отвѣтилъ:

— Я думалъ лечиться терпѣніемъ.

Еще за пять часовъ до своей смерти онъ спросилъ своего доктора:

— А скоро вы назначите меня на выписку?

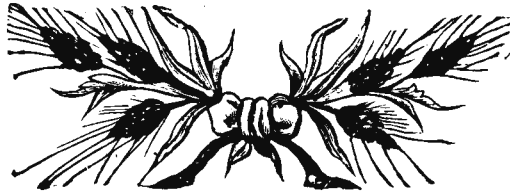
Когда В. К. Саблеръ посѣтилъ его въ день смерти трижды, онъ, не то попрежнему шутя, не то впадая въ бредъ, сказалъ:

— Вѣрно, квартира ваша очень близка къ лаврѣ!

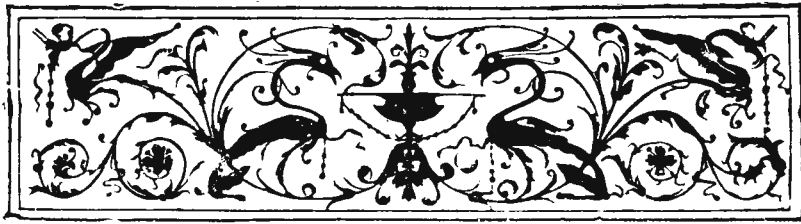
Вечеромъ, когда стемнѣло, въ спальнѣ зажжены были свѣчи, но чтобы свѣтъ не падалъ въ глаза больному, ихъ заградили ширмами. Умиравшій лежалъ спокойно, сложивъ на груди руки и довольно ровно дыша. При немъ были его викарій, недавно почившій архіепископъ владимирскій Николай, тогда епископъ гдовскій, намѣстникъ лавры, члены духовнаго собора, родственники и чиновники канцеляріи.

Уже утѣшались надеждою, что онъ заснулъ, что сонъ освѣжитъ его. Но вздохи его сдѣлались слабѣе и скоро совсѣмъ стали неслышны. Поднесли свѣчу къ его лицу,—она освѣтила маленькое, сухонькое, бездыханное тѣло того, кто еще недавно вмѣщалъ въ себѣ полноту высшей власти православія.

А. Измайловъ.

СЕВАСТОПОЛЬ И ПЕРВЫЯ БОЕВЫЯ ДѢЙСТВІЯ ЧЕРНОМОРСКАГО ФЛОТА ВЪ 1914 ГОДУ.

Бомбардировка Севастополя.—Потопленіе миннаго заградителя «Прутъ».—Герома-
нахъ Антоній.—Морской бой 5-го ноября 1914 года.

ВЪ НАЧАЛѢ настоящей европейской войны въ Средиземномъ морѣ находились, между прочимъ, два германскихъ крейсера: «Гебенъ» и «Бреслау». Пока англійская и французская эскадры не соединились, «Гебенъ» открылъ враждебныя дѣйствія противъ французскихъ владѣній въ Африкѣ и обстрѣлялъ, какъ извѣстно, городъ Алжирь. Послѣ того соединенная англо-французская эскадра стала рѣшительно тѣснить оба нѣмецкихъ крейсера. Послѣдніе, спасаясь, устремились въ сторону Турціи, но принуждены были пройти сквозь строй англо-французской эскадры. Помятые, побитые, они все же прорвались черезъ соединенную эскадру и нашли надежное убѣжище въ Дарданеллахъ и на Босфорѣ. Въ какомъ бою они столкнулись съ англо-французскими судами, какъ случилось, что они ускользнули отъ послѣднихъ, все это до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ. Когда въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года Л. Эдуардсъ запросилъ правительство въ засѣданіи англійской палаты общинъ объ обстоятельствахъ, при которыхъ германскимъ крейсерамъ «Гебену» и «Бреслау» удалось прорваться изъ Средиземнаго моря въ Дарданеллы, и запросъ этотъ мотивировался тѣмъ, что только что окончившійся судъ надъ англійскимъ адмираломъ Средиземнаго моря, пропустившимъ германскіе крейсера, призналъ адмирала оправдан-

нымъ и дѣйствіа его правильными, то первый лордъ адмиралтейства отказался отвѣтить на запросъ, пояснивъ, что частичное разъясненіе дѣла не имѣло бы никакой цѣнности для парламента, а полное разъясненіе признается пока невозможнымъ, такъ какъ открыло бы непріятелю то, что отъ него надо скрыть.

«Гебенъ» и «Бреслау» водворились на Босфорѣ и вѣрно стали нести службу германскому императору, хотя были проданы турецкому правительству. На третьемъ мѣсяцѣ войны они зажгли военный пожаръ и на Черномъ морѣ.

Бомбардировка Севастополя.

Наступилъ октябрь 1914 года.

Тихо и безмятежно протекала жизнь въ Севастополѣ. Выступленій Турціи такъ долго ждали, что ждать перестали. Еще 15-го октября мирно кончился день въ городѣ и всѣ предались сну, менѣе всего думая о непріятелѣ.

Внезапно въ четвергъ 16-го октября, въ началѣ седьмого часа утра раздались пушечные выстрѣлы, задрожали стекла, забухали внутренніе ставни въ окнахъ. Жители проснулись. Сначала всѣ предполагали, что происходитъ учебная стрѣльба. Но когда выстрѣлы стали раздаваться чаще и чаще и слышались удары изъ тяжелыхъ орудій, недоумѣніе и безпокойство усилились и всѣ стали одѣваться и выходить наружу. Я полагалъ, не по случаю ли большой побѣды происходитъ стрѣльба изъ орудій. Но тяжелые, могучіе выстрѣлы учащались, стекла и ставни сильнѣе дрожали, точно кричали: опасность, опасность... Поспѣшно вышелъ я на Корниловскую набережную, гдѣ квартировалъ, прямо противъ моря. Народъ толпился на набережной или спѣшно шелъ. Всѣ спрашивали другъ друга: «Что такое?» Никто ничего не зналъ. Кто-то сказалъ: «Кто его знаетъ. Турокъ пришелъ»... Мощная канонада, то стихая, то учащаясь, продолжалась. Я посмотрѣлъ на море и на батареи по берегамъ бухты: сквозь полутуманъ и сумрачность утра надъ моремъ ярко и грозно сверкали огни и звѣзды отъ пушечныхъ выстрѣловъ, а канонада подавляла своею мощью.

— Что это за стрѣльба? Неужели непріятель?..—спрашиваю въ публикѣ.

— А что вы думаете, шутить, что ли, стали бы такъ?—отвѣтилъ кто-то.

— Двадцать лѣтъ живу въ Севастополѣ, а такого сюрприза не запомню,—замѣтилъ молодой человекъ, студентъ.

Я впервые пережилъ настоящее сраженіе съ его непосредственной опасностью. Чувство жути и величія одновременно охватило меня. Но также бросилось мнѣ въ глаза, что значительная часть

публики безъ большого волненія, скорѣе съ любопытствомъ, чѣмъ со страхомъ, смотрѣла на сраженіе.

Невольно потянуло меня обратно въ квартиру. Въ предположеніи, что подошелъ многочисленный непріятель и открылъ широкую бомбардировку города, первая мысль была собрать вещи и уѣхать на вокзалъ. Но прошло минутъ двадцать пять со времени начала стрѣльбы, канонада сдѣлалась рѣже, можно было различать уже близкіе и далекіе выстрѣлы, и затѣмъ постепенно все умолкло.

Чувство облегченія заставило прекратить уборку вещей и опять выйти наружу. Попржежнему стояла толпа на набережной и шли безконечные разговоры. Въ теченіе дня весь городъ говорилъ о бомбардировкѣ Севастополя крейсеромъ «Гебенъ» съ турецкими

Входъ въ севастопольскую бухту.

миноносцами. Подошелъ «Гебенъ» утромъ около шести часовъ во время тумана по слѣду двухъ миноносцевъ, возвращавшихся въ портъ. Крѣпостныя береговыя батареи, завидѣвъ непріятеля и выстрѣлы по направленію въ городъ, немедленно открыли адскій огонь и дали достойный Россіи отпоръ. Рассказывали, что «Гебенъ» поврежденъ крѣпостной артиллеріей. Впослѣдствіи, согласно заграничнымъ сообщеніямъ, оказалось, что выстрѣлами севастопольскихъ фортовъ были причинены «Гебену» три пробоины. Нѣмецкій крейсеръ сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ разрывными снарядами по направленію севастопольской бухты, гдѣ стоялъ флотъ, и нѣкоторыхъ возвышенныхъ мѣстъ города и вскорѣ скрылся;

Бомбардировка большихъ поврежденій не причинила, но оказались раненые и убитые. Снарядомъ пробило стѣну морскаго

госпиталя и убило двухъ больныхъ матросовъ. Другой снарядъ попалъ въ земскую школу на Корабельной сторонѣ и повредилъ обстановку и др. вещи. Пережившій это непріятельское посѣщеніе учитель школы заболѣлъ нервнымъ разстройствомъ.

Какъ бы въ награду за пережитое испытаніе природа подарила городу послѣ туманнаго утра на рѣдкость чудный день: тепло и безоблачно сіяло солнце; море блистало безмятежной красотой, на немъ уже двигались рабочія суда. Жизнь немедленно вошла въ обычную колею. Трамваи не прекращали движенія и во время бомбардировки. Лавки, магазины, базаръ открылись въ свое время. Только въ разговорахъ замѣчалось возбужденіе, и изъ устъ въ уста передавалась вѣсть о такомъ же разбойномъ нападеніи турокъ и нѣмцевъ на Одессу.

Въ то утро усиленно летали надъ городомъ и моремъ наши гидропланы, какъ бы ища непріятеля.

Всѣ ждали, что будетъ опубликовано отъ мѣстныхъ властей разъясненіе происшедшаго.

Но послѣдовало лишь объявленіе города и крѣпости Севастополя на осадномъ положеніи и предупрежденіе отъ генералъ-губернатора, что событія развиваются съ необыкновенной быстротой и можно ждать во всякое время бомбардировки города. Жителямъ предлагалось въ случаѣ бомбардировки не предаваться любопытству, не выходить наружу, а оставаться въ своихъ квартирахъ и заготовлять средства для тушенія могущихъ возникнуть пожаровъ и оказанія помощи раненымъ.

Публика недоумѣвала, объявлена ли война и кѣмъ, слышала только, что началась война. Болѣе взволнованная часть жителей кинулась на вокзалъ—бѣжать изъ города.

Побужденіемъ къ отбѣзду служили разные тревожные слухи, ходившіе по городу. Напримѣръ, одна женщина на улицѣ говорила:

— Мой мужъ, санитаръ, сегодня перевозилъ на автомобилѣ въ госпиталь убитыхъ и раненыхъ съ Сѣверной стороны, съ «Прута».

— Много раненыхъ?

— Найдется нѣсколько десятковъ, — отвѣчала женщина. — Теперь, поди, турокъ больше не подойдетъ къ Севастополю, — замѣчали изъ публики.

— Сегодня въ пять часовъ или ночью турокъ опять начнетъ стрѣлять, — авторитетно отвѣтила женщина: — мой мужъ сказывалъ: верстъ за четырнадцать въ морѣ держатся двѣнадцать турецкихъ судовъ и ждуть только ночи.

Этого сообщенія, безъ всякой критики къ нему, было достаточно для того, чтобы толпа стала быстро расходиться, говоря между собой: «Вотъ оно что... По-добру, по-здорову надо убираться»... И многіе собирались выѣзжать изъ города. Съ ощущеніемъ опасности возвращались жители къ вечеру въ свои квартиры, особенно живу-

ще на набережной. Чѣмъ-то грознымъ вѣяло съ моря, особенно къ ночи, когда усиленно заработали прожекторы въ бухтѣ у выхода въ море. Въ ожиданіи новой военной страсти полутревожно провели жители первую ночь послѣ бомбардировки. Но спокойно прошла ночь, и съ отрадой пробудились жители на утро 17-го октября. Море, въ ночь чѣмъ-то грозившее, плѣняло безмятежной красотой, прелестью красокъ подѣ ласково сіявшимъ солнцемъ. День за днемъ пошли, ничѣмъ не возмутимые, и жизнь города протекала по-прежнему мирно, точно не было военнаго времени. Только ночью городъ преображался: по распоряженію властей прекращено всюду уличное освѣщеніе; окна въ домахъ, витрины, двери въ магазинахъ завѣшивались непроницаемыми шторами, особенно въ сторону моря; появляться на улицахъ допускалось только до одиннадцати часовъ вечера. Къ десяти часамъ темныя улицы пустѣли; городъ стихалъ и, казался, напряженно ждалъ чего-то, а море грозило чѣмъ-то... Безлюдно и жутко было кругомъ, особенно на набережной... Выѣзжать изъ города разрѣшалось, но въѣздъ воспрещень...

Севастополь не видѣлъ военныхъ дней почти со времени знаменитой обороны 1854—1855 гг. Въ русско-турецкую войну 1878 г. эта крѣпость почти не участвовала: какъ рассказываютъ жители, въ виду крѣпости появились однажды нѣсколько турецкихъ военныхъ судовъ; крѣпостные форты прибѣгли къ хитрости, стали стрѣлять изъ орудій малаго калибра. Турки, полагая, что орудія фортовъ хватаютъ на короткое разстояніе, приблизились къ Севастополю. Тогда съ фортовъ грянули залпы изъ дальнобойныхъ орудій. Турецкія суда поспѣшно удалились и больше къ Севастополю не подходили.

Давно не было войны,—отъ обороны 1854—1855 гг. остались въ живыхъ немногіе участники и свидѣтели. Городъ мирно и широко развивался благодаря заграничной торговлѣ, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги въ 1878 году

Но теперь, черезъ пятьдесятъ девять лѣтъ, война вновь витаетъ надъ Севастополемъ, и крѣпость и флотъ достойно поддерживаютъ славу минувшихъ временъ.

Бомбардировкой города и фортовъ 16-го октября «Гебенъ» не ограничился, а, убѣжавъ отъ Севастополя, напалъ въ морѣ на встрѣчныя русскія суда.

Защищая родину и отстаивая славу Севастополя, геройски пали при этомъ тридцать три нижнихъ чина, два офицера и священникъ. Вѣчная благодарность защитникамъ родины. Память ихъ заслуживаетъ того, чтобы рассказать, при какихъ обстоятельствахъ отдали они свою жизнь за отечество.

«Гебенъ» направлялъ свои выстрѣлы, между прочимъ, на береговья батареи и здѣсь было убито нѣсколько солдатъ-артиллеристовъ. Одновременно съ канонадой съ береговыхъ батарей на вражескій

крейсеръ отважно бросился дозорный дивизионъ миноносцевъ, находившійся въ морѣ при входѣ въ рейдъ, но былъ встрѣченъ сильнымъ огнемъ превосходно вооруженнаго непріятеля. Передовой миноносецъ «Лейтенантъ Пушинъ», съ княземъ Трубецкимъ во главѣ, дѣлалъ великолѣпныя движенія вправо и влѣво, уклоняясь отъ непріятельскихъ снарядовъ. Продолжать атаку не было возможности.

Потопленіе миннаго заградителя „Прутъ“.

Полна драматизма была встрѣча съ «Гебенемъ» миннаго заградителя «Прутъ». Это было послѣ того, какъ «Гебенъ» бѣжалъ отъ Севастополя, — въ открытомъ морѣ, на пути отъ Ялты къ Севастополю, въ тридцати верстахъ отъ послѣдняго, верстахъ въ двадцати пяти отъ берега.

16-го октября, около семи часовъ утра, съ «Прута» увидѣли, какъ со стороны отъ Севастополя на всѣхъ парахъ убѣгали въ море два миноносца, а за ними гналось, засыпая снарядами пространство впереди, военное судно. Офицеры «Прута» сначала предполагали, что убѣгаютъ отъ Севастополя турецкіе миноносцы, а за ними гонится русскій крейсеръ. Но вскорѣ очертанія судна не оставляли сомнѣнія въ томъ, что то былъ «Гебенъ». Послѣдній, увидѣвъ заградитель «Прутъ», направился на него и выкинулъ флагъ съ предложеніемъ сдаться. Командиръ «Прута», капитанъ 2-го ранга Быковъ приказалъ въ отвѣтъ поднять боевые (андреевскіе) флаги, несмотря на то, что «Прутъ» не имѣлъ никакого вооруженія, и готовить заградитель къ потопленію. Послѣ того «Гебенъ» открылъ стрѣльбу по заградителю. Несмотря на критическое положеніе, никому въ голову не приходила мысль о сдачѣ, а всѣ энергично принялись за исполненіе своего долга. Благодаря распорядительности инженеръ-механика Ор. Ник. Кошеринина, завѣдывавшаго машинами «Прута», былъ предупрежденъ взрывъ котловъ, а съ нимъ взрывъ минъ въ моментъ потопленія заградителя: былъ убранъ огонь изъ топковъ и выпущены пары изъ котловъ, вслѣдствіе чего послѣдніе охладились. Исполняя приказаніе командира, лейтенантъ Рогузскій дважды взорвалъ днище заградителя подрывными патронами, послѣ чего вода стала постепенно наполнять судно. Другіе рассказывали, что Рогузскій разносилъ патроны по всему кораблю, въ томъ числѣ въ носовой части, на которой непрерывно разрывались непріятельскіе снаряды, и тамъ лейтенантъ будто бы былъ убитъ. Во всякомъ случаѣ погибъ молодой офицеръ смертью героя, двадцати шести лѣтъ, мужественно выполняя свой долгъ. Онъ получилъ посмертное воздаяніе—награжденъ орденомъ Георгія 4-й степени. Александръ Владиславовичъ Рогузскій, потомственный дворянинъ, сынъ доктора, родился въ 1887 году въ Костромской губерніи, православный. Военныя дѣйствія, міровыя событія съ малыхъ лѣтъ привле-

кали его вниманіе. Въ дѣтствѣ, между прочимъ, увлекался устройствомъ разнаго рода взрывовъ. Учился сначала въ Александровскомъ дворянскомъ институтѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ, затѣмъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, который кончилъ девятымъ изъ шестидесяти, обнаруживъ большія математическія способности. Послѣ того поступилъ въ Балтійскій флотъ и въ 1908 г. былъ произведенъ въ гардемарины и отправился въ заграничное плаваніе на крейсерѣ «Богатырь». Во время этого плаванія въ Мессинѣ по случаю извѣстнаго землетрясенія оказывалъ вмѣстѣ съ другими русскими моряками энергичную помощь пострадавшимъ и, между прочимъ, животнымъ, которыхъ очень любилъ. Въ Мессинѣ его

Минный заградитель «Прутъ», погибшій на Черномъ морѣ при встрѣчѣ съ крейсеромъ «Гебенъ» 16 октября 1914 г.

интересовало «увидѣть первый трупъ». Трупный запахъ напоминалъ ему «приблизительно капусту». Смерть всегда привлекала молодого офицера, который какъ бы игралъ съ нею. Послѣ морского корпуса Рогузскій окончилъ минные классы въ Кронштадтѣ. Въ 1909 г. произведенъ въ мичманы и зачисленъ въ Черноморскій флотъ. Служилъ сначала на броненосцѣ «Пантелеймонъ», затѣмъ на «Прутѣ». Въ послѣднее время долженъ былъ занять мѣсто старшаго миннаго офицера на дреднотѣ. «Вотъ тогда-то повоюю»,—мечталъ онъ. Много работалъ по своей специальности (минныя загражденія). Былъ очень исполнительнымъ офицеромъ и хорошимъ товарищемъ. Всегда былъ полонъ юмора и спокойствія. Выдающіяся способности сулили ему блестящую будущность. Былъ женатъ на дочери севастопольскаго генерала.

На «Прутѣ» были убиты также мичманъ Смирновъ, Константинъ Сергѣевичъ, распорядившійся при посадкѣ матросовъ на шлюпки, сынъ священника города Москвы. Также погибли двадцать шесть нижнихъ чиновъ въ то время, когда команда, подъ градомъ снарядовъ съ «Гебена», садилась въ шлюпки или бросалась въ море со спасательными поясами и на койкахъ по распоряженію командира. Во время этой катастрофы команда и всѣ чины съ полнымъ присутствіемъ духа исполняли свои обязанности. Командиръ отдавалъ приказанія твердо и спокойно, какъ въ обыкновенное время, на ученіи.

Исполнявшій служебный долгъ для предупрежденія взрыва на «Прутѣ» инженеръ-механикъ Кошерининъ настолько былъ занятъ своими обязанностями, что остался послѣднимъ на «Прутѣ» и не позаботился о средствахъ спасенія для себя. Поднявшись изъ машиннаго отдѣленія на палубу, когда вода затопила уже нижнія помѣщенія корабля, онъ увидѣлъ, что всѣ шлюпки были спущены и никого на кораблѣ не оставалось. Онъ схватилъ попавшійся спасательный поясъ и, надѣвъ его, бросился съ кормы въ море. Въ это время «Прутѣ» началъ опускаться кормой въ воду. Къ Кошеринину подплылъ сослуживецъ, не имѣвшій спасательнаго пояса, и попросилъ позволенія держаться за поясъ Кошеринина. Вдвоемъ они прилагали большія усилія подплыть къ пустой шлюпкѣ, виднѣвшейся на морѣ. Болѣе двухъ часовъ продержались они въ водѣ, пока добрались до шлюпки. По примѣру другихъ шлюпокъ они стали подбирать плававшихъ на поверхности людей, насколько было возможно. Отъ продолжительнаго пребыванія въ холодной водѣ и отъ потери силъ съ нѣкоторыми изъ тѣхъ, кого подбирали въ шлюпки, дѣлалась рвота. Командиръ «Прута», капитанъ 2-го ранга Быковъ, былъ взятъ въ шлюпку безъ сознанія. Матросы въ шлюпкахъ разсѣялись по морю въ разныхъ направленіяхъ и частью добрались до берега, частью были подобраны другими русскими судами.

Іеромонахъ Антоній.

Особую дѣятельность проявилъ во время посадки на шлюпки и спасанія команды священнослужитель «Прута», іеромонахъ Антоній, уже прославленный въ англійскихъ газетахъ. Когда матросы спасались съ «Прута», онъ ободрялъ и благословлялъ ихъ. Затѣмъ спустился въ свою каюту. Матросы, пришедшіе за нимъ, застали его читающимъ Евангеліе. На ихъ слова: «Батюшка, пожалуйста въ шлюпку, мы васъ ждемъ», о. Антоній отвѣтилъ: «Нѣтъ, я уже пожилъ на свѣтѣ, а вы—молодые; спасайтесь сами. Богъ да поможетъ вамъ! Не хочу занять мѣсто кого-нибудь изъ васъ». Когда шлюпка была готова отплыть, іеромонахъ Антоній опять поднялся на палубу, по словамъ однихъ, въ полномъ облаченіи, по словамъ

другихъ,—въ епитрахили, съ крестомъ и какой-то книгой въ рукахъ, и благословлялъ крестомъ спасавшихся, а по книгѣ читаль... предполагають, отходную. Послѣ того онъ подошелъ къ борту и обратился къ матросамъ, находившимся въ шлюпкѣ, со словами: «Ребята, я припасъ на случай смерти деньги. Вотъ онѣ, возьмите...

Иеромонахъ Антоній, священнослужитель на минномъ заградителѣ «Прутѣ», потонувшій на послѣднемъ 16 октября 1914 года при встрѣчѣ съ «Гебеномъ».

Теперь мнѣ не надо...» Матросы отказались взять деньги и опять приглашали о. Антонія сѣсть въ шлюпку. Онъ вновь уклонился и пошелъ на верхній мостикъ и заплѣлъ: «Спаси, Господи»... Въ это время «Прутѣ» опустился кормой и принялъ вертикальное положеніе... Команда въ шлюпкѣ немедленно подхватила и докончила надъ водами пѣніе священника. Черезъ минуту «Прутѣ» погрузилась.

«Истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сѣл.

зился въ морскую пучину, а съ нимъ и іеромонахъ Антоній... Въ этотъ моментъ изъ устъ всей команды, державшейся на поверхности моря, раздалось громкое, долго не умолкавшее ура. Эти герои поистинѣ торжествовали свою побѣду, потому что сдѣлали такъ, какъ хотѣли... врагу не отдали ни судна, ни себя. Затопленіе «Прута» произошло черезъ тридцать минутъ послѣ принятыхъ къ тому мѣръ.

Предметомъ гордости всего экипажа «Прута» было то, что андреевскіе боевые флаги, смѣло поднятые въ отвѣтъ на предложеніе врага сдаться, все время развѣвались на высотѣ: снаряды ихъ не задѣли, а когда судно тонуло и приняло вертикальное положеніе, флаги все же были надъ водой и только въ послѣдній моментъ погрузились въ воду, когда все судно исчезло въ пучинѣ.

Инженеръ-механикъ Кошерининъ съ товарищами, забравъ въ шлюпку возможное число плававшихъ въ морѣ людей, направились въ сторону Севастополя. Гребли четыре часа. Въ три часа дня подошла подводная лодка и взяла ихъ на буксиръ, а въ пять часовъ дня того же 16-го октября доставила ихъ въ Севастополь.

Самопожертвованіе о. іеромонаха Антонія, положившаго душу свою за други своя, остановило общее вниманіе на его личности. Высоконастроенный, христіански-скромный, онъ при жизни принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы оставаться незамѣтнымъ. Но лица, знавшія его, особенно капитанъ 2-го ранга Алексѣй Александровичъ Антоновъ и его супруга Марія Михайловна, съ которыми онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ, рассказываютъ объ о. Антоніи много интереснаго. Всѣхъ занималъ вопросъ, почему о. Антоній не спасся, когда къ тому была возможность, когда ему дважды предлагали сѣсть въ шлюпку.

На первый взглядъ его поступокъ кажется самоубійствомъ. Но высокое христіанское настроеніе, глубокая вѣра, которыми былъ полонъ о. Антоній, и свидѣтельство г. Антонова, что почтенный іеромонахъ презиралъ самоубійство, рѣшительно не допускаютъ такого толкованія. Несомнѣнно, онъ рѣшился на самопожертвованіе, чтобы не отнять у лишняго человѣка изъ экипажа «Прута» возможности спастись въ шлюпкѣ: о. Антоній вѣдь видѣлъ, что не всѣ помѣстились въ шлюпки и многіе плавали на поверхности. Это былъ со стороны о. Антонія высокій христіанскій подвигъ. И это тѣмъ несомнѣннѣе, что вся жизнь о. іеромонаха была построена въ духѣ подвижничества, какъ это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ данныхъ его жизни.

О. Антоній—въ мѣръ Василій Смирновъ—скончался семидесяти одного года. Родился около 1843 года въ Самарской епархіи въ семьѣ священника. Учился въ духовномъ училищѣ той же епархіи. Въ 1881 году постригся въ монашество въ Семиозерской пустыни казанской епархіи. Затѣмъ перечислился въ Преображенскій монастырь въ городѣ Казани, гдѣ возведенъ въ санъ іеромонаха и дол-

гое время состоялъ казначеемъ. Одновременно онъ состоялъ духовникомъ въ казанскихъ духовныхъ академіи и семинаріи. Послѣ того перешель въ число братіи астраханскаго мужскаго монастыря. Съ 1906 года подвизался въ Бугульминскомъ монастырѣ самарской епархіи въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ 1909 году былъ приглашенъ на службу въ Черноморскій флотъ священнослужителемъ на минномъ заградителѣ «Прутъ». Съ послѣднимъ онъ настолько сроднился, что жилъ постоянно на немъ, не имѣя квартиры въ городѣ Севастополѣ, дружилъ съ командой и предсказалъ потопленіе «Прута».

По рассказамъ Алексѣя Александровича и Маріи Михайловны Антоновыхъ, о. Антоній была личность высокая, высоко-нравственная, глубоко вѣрующая. Если бываютъ истинные христіане, то онъ былъ христіаниномъ, глубоко убѣжденнымъ и смиреннымъ. Онъ сознательно старался быть въ жизни на послѣднемъ планѣ, уклонялся отъ всякихъ почестей, повышеній, никогда не говорилъ о себѣ. Въ теченіе его монастырскаго подвижничества однажды предложили ему должность настоятеля монастыря. Тогда онъ пріѣхалъ въ консисторію и заявилъ: «Что вы слѣпного, кривого хотите настоятелемъ сдѣлать?» (у о. Антонія на одномъ глазу бѣлое бѣльмо) и отказался отъ повышения.

На службѣ среди черноморскихъ моряковъ въ высшей степени тактичнымъ поведеніемъ онъ сумѣлъ поставить себя такъ, что всѣ его уважали. Въ связи съ этимъ о. Антонію предлагали повышение—должность священнослужителя на суднѣ 1-го ранга (броненосцѣ). Онъ опять уклонился, заявивъ довольно странно:

— Нѣтъ, дайте мнѣ съ «Прутомъ» потонуть. (Это было первое его предсказаніе).

Получая ограниченное содержаніе—отъ тридцати до шестидесяти рублей въ мѣсяць, почтенный іеромонахъ никогда не отказывалъ въ подаваніи или въ пожертвованіяхъ по подписнымъ листамъ и еще ухитрялся помогать родственникамъ. Однажды пріѣхалъ къ нему племянникъ и заболѣлъ. О. Антоній далъ ему на леченіе двѣсти рублей. Все это онъ могъ дѣлать потому, что во всемъ себѣ отказывалъ. По свидѣтельству офицеровъ, о. Антоній, что получалъ, тратилъ на бѣдныхъ. Онъ баловалъ себя лишь яблоками и икрой (но и въ этомъ случаѣ больше другихъ, чѣмъ себя). Ко всѣмъ былъ привѣтливъ. Но въ смыслѣ дружбы долго присматривался къ людямъ. Когда же признавалъ искренность отношеній, дарилъ полнымъ довѣріемъ. Такъ сложились его дружескія отношенія къ семьѣ А. А. Антонова. Послѣдній раньше служилъ старшимъ офицеромъ на «Прутѣ» (нынѣ состоитъ командиромъ на блокшивѣ № 7). Видя нравственныя достоинства священнослужителя на «Прутѣ», онъ сблизился съ нимъ. О. Антоній сталъ посѣщать семью г. Антонова, какъ родственныя челоуѣкъ. Уже послѣ о. іеромонахъ признавался г. Антонову:

— А я васъ долго искушалъ, — нарочно говорилъ что-нибудь рѣзкое, посмотрѣть, какъ вы отнесетесь... Смотрю, не сердитесь. Ну, думаю, хорошій человѣкъ.

Значительную часть времени на «Прутѣ» о. Антоній проводилъ въ командой, часто бесѣдовалъ съ нею. Но судовая обстановка мѣшала бесѣдамъ и совершенію богослуженія, о чемъ священнослужитель скорбѣлъ:

— Мало богослуженія совершается, — говорилъ онъ.

Пробовалъ онъ также устраивать для команды чтенія о разныхъ подвижникахъ церкви, но не всегда это удавалось.

О. Антоній читалъ нерѣдко духовныя книги, слѣдилъ за духовной литературой. Любилъ музыку, имѣлъ фисгармонію, на которой игралъ духовно-музыкальныя сочиненія. Посѣщая Антоновыхъ, игралъ у нихъ на роялѣ духовное. Также къ животнымъ относился съ любовью; ласкалъ кошекъ, о которыхъ отзывался: «Это—чистый звѣрь», но грязныхъ собакъ избѣгалъ. Любилъ птицъ.

Изъ другихъ склонностей о. Антонія надобно отмѣтить его занятія выпилкой изъ дерева: онъ чисто выпиливалъ разныя вещи или игрушки и дарилъ ихъ знакомымъ и дѣтямъ. Охотно занимался также рыболовствомъ на удочку, чему посвящалъ иногда много часовъ.

Судя по этой склонности и другимъ чертамъ характера, о. Антоній представлялъ изъ себя, по словамъ М. М. Антоновой, типъ настоящаго поволжанина. Высокаго роста, не блиставшій внѣшней красотой, сильный, здоровый, мужественный, при всей его скромности, смиреній, онъ сумѣлъ бы постоять за другихъ. Что-то широкое сказывалось иногда въ немъ. Если прибавить сюда его страстную любовь къ рыболовству, то въ немъ воплощалось, по сообщенію М. М. Антоновой, все, что могла дать Волга.

Къ характеристикѣ его внѣшности М. М. Антонова добавляла, что волосы на головѣ о. Антоній имѣлъ не сѣдые, а скорѣе свѣтло-желтоватые, благоухавшіе розовымъ масломъ. Однажды, когда о. іеромонахъ сидѣлъ у нихъ въ гостяхъ, хозяйка поцѣловала его волосы на головѣ, нѣжные, шелковистые.

— Нашли стараго, кривого цѣловать, — съ легкой усмѣшкой замѣтилъ о. Антоній.

Бородка у него была сѣдая, жиденькая, немного клиномъ, татарская, по замѣчанію М. М. Антоновой.

Голубые глаза его имѣли выраженіе чистое, певинное:

— Въ его глазахъ кусочекъ неба виденъ, — говорила объ о. Антоніи полковница г-жа Радецкая.

Лицо у него было свѣжее, безъ морщинъ.

Относительно своей личности о. іеромонахъ неизмѣнно высказывался скромно.

Однажды М. М. Антонова незамѣтно стала набрасывать каран-

дашомъ его портретъ. Но черезъ нѣсколько времени о. Антоній замѣтилъ художественное покушеніе на его личность.

— Что вы это тамъ такое дѣлаете? Вотъ ужъ нашли красавца изображать...

Найдя въ семьѣ А. А. Антонова искреннее отношеніе къ себѣ, основанное на уваженіи его нравственной личности, о. Антоній бывалъ запросто у нихъ, особенно по воскресеньямъ, обѣдалъ, дѣлился своими мыслями, настроеніями, входилъ въ жизненные интересы своихъ друзей. При этомъ умѣлъ съ своеобразной ироніей философски относиться къ житейскимъ мелочамъ.

Нездолго до послѣдней поѣздки о. Антонія на «Прутѣ», когда онъ вмѣстѣ съ нимъ потонулъ, М. М. Антонова жаловалась ему на портного, что онъ испортилъ ей пальто, петли сдѣлалъ не на мѣстѣ, такъ что пальто застегивалось косо, и волновалась при этомъ. О. Антоній утѣшалъ хозяйку и убѣждалъ, что изъ-за такого пустяка не стоитъ волноваться. Тогда М. М. Антонова замѣтила ему:

— А помните, какъ вы волновались, когда портной сдѣлалъ слишкомъ высокую талію на вашей рясѣ?

— Ну, то другое дѣло: вѣдь ряса—видная вещь, въ рясѣ приходится исполнять свои обязанности на людяхъ,—отвѣтилъ о. іеромонахъ.

Этотъ отвѣтъ оказался неубѣдительнымъ и собесѣдница не утѣшилась.

О. Антоній послѣ ушелъ.

На другой день М. М. Антонова опять стала осматривать свое испорченное пальто и въ обшлагѣ рукава нашла серебряный рубль. Сначала она недоумѣвала, откуда могъ попасть за обшлагъ рубль: сама она его не клала... Затѣмъ сразу ей стало ясно, что рубль положилъ за обшлагъ не кто другой, какъ о. Антоній, и при этомъ поняла, что добрый батюшка захотѣлъ утѣшить ее въ ея неприятности, какъ дитя, не безъ доли мягкой ироніи, съ помощью подарка.

— Милый батюшка... Это меня такъ тронуло,—разсказывала Марья Михайловна:—я тотчасъ же купила на его рубль икры и яблоковъ, которые онъ любилъ, чтобы угостить батюшку въ слѣдующій разъ, когда онъ придетъ... Но онъ больше уже не пришелъ...

Послѣ своихъ посѣщеній въ праздничные дни о. Антоній обыкновенно уходилъ, не прощаясь. Когда кончался обѣдъ, хозяева, побесѣдовавъ, удалялись во внутреннія комнаты отдохнуть, а о. Антоній оставался и чѣмъ-нибудь занимался, а потомъ уходилъ, не безпокая своихъ друзей.

— Зачѣмъ прощаться,—говорилъ онъ по этому поводу:—все равно увидимся...

Послѣднему выраженію онъ придавалъ особый смыслъ: онъ подразумѣвалъ при этомъ не только земную, но и загробную жизнь;

прощаться онъ не находилъ надобнымъ, потому что мы живемъ и всегда будемъ жить и всегда можемъ увидѣться.

Еще одна изъ особенностей о. іеромонаха: онъ избѣгалъ утруждать другихъ услугами для себя и иногда даже пищу приготавливалъ самъ себѣ.

Въ жизни о. Антонія было удивительно то, что онъ нѣсколько разъ предсказывалъ, что потонетъ вмѣстѣ съ «Прутомъ». Выше уже рассказано было о первомъ такомъ случаѣ.

Приблизительно за недѣлю до потопленія «Прута» (около 9-го—10-го октября) о. іеромонахъ неожиданно пришелъ къ своимъ друзьямъ Антоновымъ и удивилъ ихъ тѣмъ, что принесъ съ собою свои болѣе цѣнныя вещи: жезль, украшенный драгоценностями, поднесенный ему почитателями, евангеліе въ переплетѣ съ золотой дощечкой, подаренное ему воспитанниками военного юнкерскаго училища въ Одессѣ въ память ихъ плаванія и участія въ богослуженіи на «Прутѣ» въ 1910—1914 гг., рясу и три сберегательныя книжки на 1.000 рублей и сказалъ:

— Чѣмъ моимъ вещамъ тонуть въ морѣ, возьмите ихъ и сберегите: я знаю, что съ «Прутомъ» утону.

А. А. и М. М. Антоновы, недоумѣвая, отвѣтили:

— Что это вы, батюшка, выдумали? Зачѣмъ вамъ тонуть?..

А онъ продолжалъ:

— Эту рясу я дарю тебѣ,—обратившись къ М. М. Антоновой:— жезль отдайте въ монастырь, евангеліе—въ бѣдную церковь, а деньги...

И онъ назвалъ назначеніе деньгамъ.

Въ воскресенье 12-го октября о. Антоній по обыкновенію посѣтилъ Антоновыхъ. Во время обѣда онъ опять заговорилъ о «Прутѣ»:

— Для чего это командиръ красить, красить «Прутъ», передѣлываетъ? Все равно «Прутъ» будетъ подъ водой...

— Съ чего это вы, батюшка, такъ говорите?..—удивился хозяинъ:—командиръ ремонтируетъ «Прутъ» потому, что въ этомъ нужда есть, казенныя деньги отпущены на то.

— Да что они не знаютъ, что ли, что «Прутъ» все равно потонетъ?..—убѣжденно возразилъ іеромонахъ.

— Будетъ вамъ говорить все: потонетъ, потонетъ,—возражалъ А. А. Антоновъ,—еще много лѣтъ «Прутъ» будетъ стоять и гнить у насъ въ Южной бухтѣ.

— А вотъ увидите... И я съ нимъ потону...

— Ну, зачѣмъ вы, батюшка, такія печальныя вещи говорите?—разубѣждала о. Антонія хозяйка:—вы еще много лѣтъ послужите, а не захотите служить, поселитесь въ скиту у насъ подъ Севастополемъ,—чудное мѣстечко,—и будете тамъ служить Богу...

— Вотъ увидите...

Обѣдъ кончился. Продолжалась нѣкоторое время бесѣда. Потомъ хозяева ушли по обыкновенію въ свои комнаты, не прощаясь. Не простившись, ушелъ и о. Антоній.

Во вторникъ 14-го октября минный заградитель «Прутъ» вышелъ въ море по спеціальному порученію. На немъ уѣхалъ и о. Антоній.

А 16-го октября—роковая встрѣча съ «Гебенемъ» и... «Прутъ» и іеромонахъ Антоній погибли такъ, какъ предсказалъ послѣдній.

И когда онъ скончался, всѣ узнали, что онъ былъ свѣтильникъ вѣры и добродѣтели.

— Тяжелая для насъ, неожиданная потеря,—высказывался послѣ катастрофы А. А. Антоновъ:—мы серьезно не относились къ предупрежденіямъ о. Антонія, что онъ потонетъ вмѣстѣ съ «Прутомъ», а теперь все это такъ удивительно...

— Онъ все еще лелѣетъ мечту, что о. Антоній живъ,—говорила о мужѣ М. М. Антонова,—какъ можно на это рассчитывать, когда всѣ говорятъ, что о. Антоній остался на кораблѣ и съ нимъ вмѣстѣ пошелъ ко дну?..

— Да, мерцаетъ маленькая надежда, что онъ еще живъ,—пояснялъ А. А. Антоновъ:—отъ одного матроса я слышалъ, что кто-то ему передавалъ, что видѣлъ, какъ о. іеромонахъ держался надъ водой съ крестомъ въ рукѣ... Можетъ быть, турки его взяли въ плѣнъ... и онъ тамъ... Искалъ я человѣка, который видѣлъ о. Антонія плавающего на морѣ, но не нашелъ пока... Маленькая надежда еще живетъ во мнѣ... Можетъ быть, онъ и живъ...

— Брось ты эту мечту... Ну, гдѣ же ему живу быть?—возражала Марья Михайловна.

Такъ тяжело друзьямъ помириться съ мыслью о гибели друга, духовно близкаго человѣка.

Боевыя выступленія черноморскаго флота.

Послѣ разбойнаго нападенія нѣмцевъ и турокъ на наше черноморское побережье, черноморскій флотъ того же 16-го октября въ полномъ составѣ, съ флотиліей миноносцевъ, вышелъ въ море. Была чудная, теплая погода. Толпы народа высыпали на набережную провожать морскихъ гигантовъ, сознавая, что за ними уже не страшны нападенія врага. Одинъ за другимъ величаво, не слѣша двигались по бухтѣ въ море броненосцы—и долго тянулась ихъ линия. Ихъ движеніе заключала яхта «Краснаго Креста» бѣлаго цвѣта, съ широкой зеленой полосой по всему борту и краснымъ крестомъ на трубѣ. Севастополь проводилъ свой флотъ въ остромъ ожиданіи дальнѣйшихъ событій.

Черезъ два дня, 18-го октября, Севастополь пережилъ большое волненіе по поводу распространившагося внезапно необычайнаго слуха, что приблизительно около Евпаторіи ночью произошелъ морской бой и наши суда захватили въ плѣнъ «Гебена», выпустили изъ его котловъ пары и ведутъ на буксирѣ въ Севастополь. «Бреслау» еще сражается, но и онъ, вѣроятно, будетъ или взятъ, или разстрѣлянъ. Получена-де утромъ радіотелеграмма о томъ отъ нашей эскадры. Генералы и офицеры передавали это извѣстіе на Приморскомъ бульварѣ. Почтенные чиновники, не стѣняясь, громко сообщали объ этой новости на улицахъ встрѣчной публикѣ. Всѣ приняли этотъ слухъ какъ несомнѣнный и съ нетерпѣніемъ собирались группами на набережной въ ожиданіи прихода «Гебена», предвкушая изъ ряда вонъ выходящее событіе. Даже называли время, когда привезутъ «Гебена»,—около трехъ часовъ дня. Но это время приблизилось, а «Гебена» не было. Тогда откуда-то пошелъ слухъ, что раньше восьми часовъ вечера привода «Гебена» ждать нельзя. Въ публикѣ наступило полуразочарованіе, но все же не переставали вѣрить слуху. Въ концѣ концовъ никакого «Гебена» не оказалось, суда наши не возвратились, но люди, несомнѣнно, освѣдомленные, изъ числа служащихъ во флотѣ, удостовѣряли, что телеграмма о плѣненіи «Гебена» дѣйствительно была получена на радіотелеграфѣ на русскомъ языкѣ, и они съ увѣренностью утверждали, что такая телеграмма послана не къмъ инымъ, какъ нѣмцами или турками «Гебена» съ Чернаго моря или изъ Босфора, куда «Гебенъ» укрылся послѣ набѣга на Севастополь.

Десять дней находился флотъ въ Черномъ морѣ. О немъ никакихъ вѣстей не было. 25-го октября вечеромъ, когда совѣмъ стемнѣло и темнота ночи была тѣмъ замѣтнѣе, что наружное освѣщеніе во всемъ городѣ и порту прекращено совершенно,—со стороны моря показались приближающіеся огни; вскорѣ въ бухту медленно стали входить суда, видимыя только по своимъ огнямъ, бѣлымъ, зеленымъ, краснымъ. Это возвращался Черноморскій флотъ. Передовое судно бросало яркіе лучи прожектора вдоль бухты и освѣщало путь. Чѣмъ-то побѣднымъ, торжествующимъ вѣяло отъ этихъ медленно подвигавшихся огней,—такъ они были необычайны при общемъ запрещеніи огней на судахъ и въ городѣ. Въ тотъ же вечеръ изъ устъ въ уста передавали, что нашъ флотъ гдѣ-то у турецкихъ береговъ потопилъ двѣнадцать непріятельскихъ судовъ и привезъ плѣнныхъ турокъ, но что «Бреслау» бомбардировалъ Поти. Всѣ были радостно возбуждены по поводу успѣховъ флота. Бомбардировка Поти отходила на второй планъ.

Уже въ слѣдующіе дни севастопольцы узнали изъ официальнаго сообщенія, что наша эскадра у Сангулдаккаго порта разрушила портовые сооруженія и мастерскія и потопила четыре ту-

репкихъ транспорта съ обмундированіемъ, вооруженіемъ и войсками, взявъ въ плѣнъ двѣсти сорокъ восемь человекъ. Въ слѣдующіе дни севастопольцы видѣли плѣнныхъ турокъ и съ ними нѣмецкихъ офицеровъ, тучныхъ, надменныхъ; видѣли также, какъ пронесли въ госпиталь раненыхъ турокъ и турецко-подданныхъ грековъ, и какъ плѣнныхъ отправляли затѣмъ въ Симферополь. Плѣнные держали себя угрюмо, уныло. Прикосновенные къ флоту люди высказывали предположеніе, что командующій черноморскимъ флотомъ путемъ бомбардировки недалекаго отъ Константинополя и важнаго для флота пункта — Сангулдака (каменноугольныя копи) надѣялся вызвать на бой «Гебена», но послѣдній не вышелъ изъ Босфора.

Въ воскресенье 2-го ноября, въ сѣрый, хотя и теплый день, около полудня толпы народа заполняли набережную: эскадра опять выходила въ море, вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что турецкій флотъ появился въ Черномъ морѣ, и зрители напустовали моряковъ и махали платками. Въ городѣ говорили: если эскадра вышла наперерѣзъ турецкому флоту, значитъ, будетъ бой. Всѣ были въ ожиданіи событій. Прошли понедѣльникъ, вторникъ. Извѣстій и слуховъ объ эскадрѣ не было никакихъ. Въ среду 5-го ноября было солнечное, безоблачное утро. Море и бухта красиво отливали густою синевою. Небосклонъ блисталъ нѣжными розовыми, желтыми, голубыми красками. На рейдѣ вслѣдствіе ухода эскадры было пусто: виднѣлись только два броненосца: «Георгій Побѣдоносецъ» и «Синопъ». Южная бухта попрежнему была оживлена, благодаря движенію мелкихъ судовъ. Но вотъ, около полудня неожиданно для всѣхъ снялся съ якоря «Синопъ» и ушелъ въ море. За нимъ послѣдовала большая яхта «Краснаго Креста». Видъ яхты, рѣдко выступающей, идущей экстренно въ море, очевидно, вслѣдствіе оказавшейся въ ней надобности, произвелъ на жителей большое впечатлѣніе: значитъ, есть раненые, а, можетъ быть, и убитые; значитъ, былъ бой,—говорили между собою севастопольцы.—«Что-то произошло на морѣ?» слышалось кругомъ. И долго гуляла публика по набережной Приморскаго бульвара, съ любопытствомъ всматриваясь въ море, гдѣ у входа на рейдъ отрядъ траулеровъ съ боевыми флагами, дѣлая круговыя движенія, внимательно обслѣдывалъ воды съ цѣлью освобожденія ихъ отъ возможныхъ минъ, своихъ и вражескихъ.

Около шести часовъ вечера, когда стемнѣло и золотистый закатъ густо покрывали темныя тяжеловѣсныя тучи, съ моря опять показались приближающіеся огни, опять возвращался Черноморскій флотъ. Первое вошедшее въ бухту судно произвело довольно сложную сигнализацию: лучи прожекторовъ перекрещивались, двигались, преломлялись въ разныхъ направленіяхъ, давая цѣлое зрѣлище среди темноты. Другія суда входили съ бѣлыми, крас-

ными, зелеными огнями. Третьи шли даже безъ огней и лишь смутно рисовались на слабомъ фонѣ проблесковъ зари, иногда совсѣмъ сливаясь съ царившимъ надъ моремъ мракомъ; присутствіе судовъ опредѣлялось густымъ дымомъ изъ ихъ трубъ... Долго медленно втягивались въ бухту суда флота. Съ чѣмъ вернулся флотъ, было неизвѣстно. Только говорили, что съ хорошими результатами и что надо ждать официальнаго извѣщенія. Утромъ 6-го ноября распространилась вѣсть, что флотъ имѣлъ бой съ «Гебеномъ», поколотилъ его, но и у насъ на судахъ оказались убитые и раненые.

— Хоть мы и задали «ему», но и нашихъ побили,—говорили въ народѣ:—умѣлый врагъ.

Въ теченіе всего дня изъ разныхъ источниковъ передавалось, что съ «Гебеномъ» имѣлъ сраженіе передовой, флагманскій броненосецъ «Евстафій» и получилъ нѣкоторыя поврежденія и на немъ же убито тридцать три нижнихъ чина и четыре офицера; кромѣ того, одинъ офицеръ тяжело раненъ въ животъ и едва ли выживетъ. Въ народѣ женщины съ плачемъ сообщали, что въ часовнѣ при морскомъ госпиталѣ выставлены тридцать гробовъ съ убитыми матросами. Многіе ходили туда поклониться героямъ.

Чувство близости врага, способнаго причинить уронъ, обострилось послѣ этихъ событій и ощущалось особенно по вечерамъ, къ ночи, когда Севастополь, находящійся на осадномъ положеніи, погружался во мракъ и улицы, набережная пугѣли, море послѣ шторма бурно шумѣло и разбивалось о набережную мощными волнами на нѣсколько саженъ вверхъ, а громадные лучи прожекторовъ справа и слѣва около входа въ бухту неустанно, напряженно обшаривали море и тучи, въ предупрежденіе врага. Молочныя полосы свѣта то протягивались вдоль горизонта, то сокращались, то перемѣщались въ облака, то исчезали, чтобы возобновиться съ другой стороны бухты, и такъ въ теченіе цѣлой ночи... Среди мрака, безлюдья, столькихъ предосторожностей при постоянномъ ожиданіи врага, невольная жуть охватывала приходящаго на набережную и съ полубоязнью смотрѣлось на темное, грозящее море. Не вѣрилось въ прочность уюта и свѣта въ квартирахъ на набережной: онѣ находились у моря, подъ выстрѣлами непріятели, и что стоило бы вражескимъ снарядамъ разрушить ихъ?.. Сознаніе, что это можетъ случиться въ текущую ночь, иногда обостренно появлялось передъ сномъ.

Но приходилъ день, ясный, радужный, сіяющій, и страхи исчезали. Въ общемъ населеніе Севастополя безстрашно переносятъ нагрянувшую войну и желало бы скорѣйшаго окончанія ея не ради личной безопасности, а въ виду того, что заработки прекратились, торговля остановилась...

Лишь на третій день, 7-го ноября, въ Севастополѣ было опубликовано официальное сообщеніе о морскомъ боѣ 5-го ноября близъ

Севастополя и о томъ, что на броненосцѣ «Евстафій» убиты лейтенантъ, три мичмана и двадцать девять нижнихъ чиновъ; ранены: тяжело—мичманъ и девятнадцать нижнихъ чиновъ, легко—пять нижнихъ чиновъ.

Въ теченіе дня были отслужены въ Севастополѣ въ присутствіи высшихъ морскихъ и военныхъ чиновъ, мѣстной администраціи, представителей города и многочисленной публики торжественныя панихиды—по убитымъ офицерамъ и нижнимъ чинамъ въ часовнѣ при морскомъ госпиталѣ и портовой Митрофаньевской церкви. Искренни были печаль и горе многихъ присутствовавшихъ, потерявшихъ въ скончавшихся близкихъ людей.

Сумрачность дня и штормъ на морѣ и въ бухтѣ 7-го ноября гармонировали съ драматизмомъ переживавшагося момента. Заунывный вечерній звонъ въ адмиралтейскомъ соборѣ на Екатерининской улицѣ—привлекъ публику къ собору. Было уже темно, огней почти нигдѣ не было видно. Тѣмъ ярче выдѣлялось электрическое освѣщеніе на паперти собора. По обѣ стороны паперти толпился народъ, и полиція усердно заботилась о поддержаніи порядка. Подходившіе съ недоумѣніемъ спрашивали: «Что такое будетъ въ соборѣ? Свадьба?..» Полицейскіе, не отвѣчая, предлагали уходить въ сторону. «Развѣ нельзя зайти въ соборъ помолиться?..» продолжала недоумѣвать публика. «Мѣсть нѣтъ», отвѣчали чины, хотя блестяще освѣщенный соборъ былъ пустъ.

Оказалось, что ожидали перенесенія въ соборъ останковъ убитыхъ въ морскомъ бою 5-го ноября офицеровъ и нижнихъ чиновъ. Проходящіе останавливались, и толпа увеличивалась. Послѣ нѣкотораго ожиданія полиція задвигалась, усерднѣе стала расчищать отъ публики пространство передъ папертью и слышались голоса: «Несутъ». Всѣ со вниманіемъ всматривались въ темноту улицы, тѣсня другъ друга. И вотъ изъ темноты слышалось «Святый Боже», и одинъ за другимъ стали показываться гробы, блестя украшеніями на свѣтѣ у собора. Первые пять гробовъ были съ останками офицеровъ. Публика заволновалась, крестилась, вздыхала, женщины плакали. Потомъ стали ждать останковъ матросовъ. Среди темноты улицы, изрѣдка прорѣзываемой лучами автомобильныхъ и извозчичьихъ фонарей, обрисовалась длинная, мрачная процессія изъ тридцати гробовъ, окруженныхъ матросамъ,—одинъ за другимъ долго, почти бесконечно двигались гробы къ собору и исчезали въ немъ. Гнетущее, щемящее чувство охватывало зрителей при видѣ этой величавой, печальной процессіи. Нѣкоторые въ публикѣ плакали, другіе не выдерживали и уходили. А гробы одинъ за другимъ выплывали изъ мрака улицы и вносились въ соборъ.

На другой день, 8-го ноября, состоялись торжественныя похороны героевъ Севастополя. Была совершена архіерейскимъ служеніемъ заупокойная литургія. Передъ отпѣваніемъ преосвящен-

ный таврической Дмитрій сказалъ прочувствованное слово о томъ, что не надо считать умершими погибшихъ героевъ: они участвовали въ великомъ дѣлѣ защиты родины; память о нихъ сохранится въ грядущихъ поколѣнiяхъ, они не умрутъ для будущихъ временъ, не говоря уже о томъ, что вообще жизнь не прекращается, смерть не уничтожаетъ ея, а лишь видоизмѣняетъ. Присутствовали высшiя морскiя и военныя власти, представители города и проч.

При большомъ стеченiи публики, при звукахъ военной музыки, похороннаго пѣнiя были перенесены тридцать гробовъ съ останками матросовъ на длинную, большую баржу у Графской пристани и затѣмъ перевезены на братское (военное) кладбище на Сѣверной сторонѣ. На баржѣ видны были многочисленные вѣнки впереди, затѣмъ группа духовенства въ зеленыхъ съ золотомъ облаченiяхъ и шпалеры матросовъ, среди которыхъ находились гробы. При проходѣ баржи мимо Графской пристани слышны были въ публикѣ громкiя рыданiя. Было пасмурно. Дулъ сильный вѣтеръ. Небольшой миноносецъ еле тащилъ черезъ бухту баржу съ останками героевъ.

Послѣ продолжительнаго переѣзда баржа прибыла на Сѣверную сторону, гдѣ тридцать гробовъ были переданы землѣ на братскомъ (военномъ) кладбищѣ съ воинскими почестями. Публика все время созерцала на Приморскомъ бульварѣ переѣздъ баржи.

Такъ же торжественно состоялись проводы останковъ офицеровъ съ «Евстафiя»—Мязговскаго, Григоренко и Гнилосырова. Высшiя власти, офицеры и населенiе города слѣдовали за похоронной процессiей. Мощные флотскiе оркестры величаво играли «Коль славень», «Маршь фюнебрь» Шопена и друг. соответственныя пьесы.

Процессiя прошла по главнымъ улицамъ города, раздѣлившись послѣ на двѣ процессiи: одна изъ нихъ съ останками мичмана Гнилосырова направилась къ городскому кладбищу, а другая прослѣдовала на вокзалъ для перевезенiя мичмановъ Мязговскаго и Григоренко въ городъ Николаевъ, гдѣ они родились.

На другой день, 9-го ноября, проводили на вокзалъ останки мичмановъ Эйлера и Семенова, для направленiя на родину мичмановъ—въ Воронежъ и Петроградъ.

Морской бой въ Черномъ морѣ 5 ноября 1914 г.

Морской бой съ «Гебенемъ» 5-го ноября 1914 года близъ Севастополя произошелъ, по рассказамъ участниковъ, при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Выйдя изъ Севастополя 2-го ноября, нашъ Черноморскiй флотъ 4-го ноября обстрѣлялъ портъ Трапезундъ на анатолийскомъ по-

Крейсеръ «Алмазъ» (цусимскій), вмѣстѣ съ крейсерами «Кагуль» и «Память Меркурія» неожиданно встрѣтившійся съ крейсеромъ «Гебенъ» въ день морского боя 5 ноября 1914 г.

Броненосецъ «Св. Евстафій», имѣвшій бой съ «Гебеномъ» въ Черномъ морѣ 5 ноября 1914 г.

бережьѣ. Это былъ очередной выѣздъ флота для нападенія на турецкіе берега. Изъ броненосцевъ бомбардировалъ портъ лишь одинъ «Ростиславъ»; изъ порта на нашу бомбардировку никто не отвѣчалъ. Получасовой бомбардировкой наши разрушили казармы и зажгли баки съ нефтью и большую кофейню на берегу. Пожаръ принялъ значительные размѣры. Послѣ того наша эскадра направилась обратно къ крымскимъ берегамъ. 5-го ноября, около полудня, когда на морѣ держался туманъ, шедшіе впереди эскадры крейсера «Алмазъ» (Цусимскій), «Кагуль» и «Память Меркурія» неожиданно наткнулись на «Гебена», который, какъ видно было сквозь полутуманъ, шелъ тихимъ ходомъ. Наши крейсера немедленно повернули назадъ къ эскадрѣ. Увидѣвъ ихъ, «Гебенъ» стремительно погнался за ними, но очутился въ виду нашего флагманскаго броненосца «Св. Евстафій». Эскадра была уже построена въ боевую (кильватерную) колонну и заняла положеніе справа отъ «Гебена». «Евстафій» тотчасъ же открылъ стрѣльбу по «Гебену» на разстояніи шести-семи верстъ изъ тяжелыхъ двѣнадцати-дюймовыхъ орудій. Это произошло въ пятидесяти—шестидесяти верстахъ отъ Севастополя, близъ Херсонесскаго маяка, противъ мыса Сарыча. Первые два залпа были очень удачны: было видно, какъ они попали въ башню, на командирскій мостикъ, въ броню выше ватерлиніи и произвели пожаръ между послѣдней трубой и башней.

«Гебенъ» отвѣтилъ только послѣ второго залпа «Евстафія»: очевидно, встрѣча съ нашей эскадрой была для него неожиданностью, и онъ не былъ готовъ къ бою. Онъ далъ рядъ залповъ и стрѣлялъ исключительно по «Евстафію», вѣроятно, чаще, чѣмъ «Евстафій», такъ какъ «Гебенъ» имѣетъ пять башенъ съ двумя скорострѣльными пушками (одиннадцатидюймовыми) и шестью малыми (шестидюймовыми) въ каждой, тогда какъ на «Евстафій» имѣется только четыре пушки. Однако нашъ флагманскій броненосецъ получилъ незначительныя поврежденія. Одновременно съ «Евстафіемъ» стрѣляли и другія суда нашей эскадры, и очевидцы передавали, что попаданія этихъ судовъ также были удачны. Немудрено, что «Гебенъ», по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, получилъ серьезныя поврежденія. Но туманъ мѣшалъ прицѣлу съ нашихъ судовъ и попаданія дальнѣйшихъ залповъ нельзя было прослѣдить. Сзади находившіяся суда и особенно броненосецъ «Ростиславъ», замыкавшій эскадру, не видѣли «Гебена». «Ростиславъ» стрѣлялъ также въ крейсеръ «Бреслау», державшійся на горизонтѣ и не принимавшій участія въ бою. Выстрѣлы съ «Ростислава», повидимому, достигали цѣли—на «Ростиславѣ» видѣли, какъ мимо плыла часть мачты съ «Бреслау». Бой продолжался недолго—минутъ четырнадцать-пятнадцать. Видимо, сильно поврежденный и опасаясь сопротивляться цѣлой эскадрѣ, «Гебенъ» бѣжалъ отъ нея, сдѣлавъ послѣдніе залпы назадъ. Какъ быстро-

Экипаж броненосца «Св. Евстафий», имвшаго бой съ крейсеромъ «Гебелгъ»
въ Черномъ морѣ 5 ноября 1914 г.

- 1) Командиръ «Св. Евстафія», капитанъ 1-го ранга В. И. Галанингъ; убиты въ бою;
- 2) лейтенантъ Г. А. Мязговскій; 3) мичманъ Н. В. Эйлеръ; 4) мичманъ С. А. Григоренко; 5) мичманъ Н. П. Гиндосыровъ.

ходный крейсеръ, дѣлающій двадцать восемь узловъ въ часъ, онъ командоваль разстояніемъ и не могъ быть преслѣдуемъ нашими судами. По словамъ офицеровъ «Евстафія», послѣ нѣсколькихъ нашихъ залповъ стрѣльба залпами съ «Гебена» прекратилась, — стали раздаваться лишь отдѣльные, довольно рѣдкіе выстрѣлы: видимо, была нарушена телефонная связь между башнями и вообще орудіями для стрѣльбы залпами.

Матросы «Евстафія» утверждали, что на «Гебенѣ» были повреждены, сворочены съ мѣста три башни и подбиты орудія.

Когда «Гебенъ» бѣжалъ отъ эскадры, съ нимъ встрѣтился въ морѣ «В. К. Ксенія», возвращавшійся отъ кавказскихъ береговъ. По словамъ офицеровъ «Вел. Кн. Ксенія», «Гебенъ» не обратилъ никакого вниманія на транспортъ, а шелъ въ юго-западномъ направленіи. Съ «Ксеніи» видѣли, какъ на «Гебенѣ» пушки были повернуты вдоль бортовъ крейсера и вообще видъ его показывалъ, что на крейсерѣ положеніе дѣлъ не нормально.

Командный составъ и матросы нашей эскадры оказались на высотѣ требованій момента: быстро, какъ на учени, перестроилась послѣдняя, по приказанію командующаго Черноморскимъ флотомъ, въ боевой порядокъ. Офицеры и команда «Евстафія» безъ суматохи или какой-либо растерянности заняли мѣста при орудіяхъ и по первому приказу командира (капитана перваго ранга В. И. Галанина) немедленно, спокойно, какъ по расписанію, дали первые мѣткіе залпы по «Гебену». Никакого смятенія или смущенія, — все шло какъ въ обычное время.

Но при этомъ оказались и неизбѣжныя жертвы: наши герои смертью запечатлѣли свое безтрепетное служеніе на защиту родины. Первыми выстрѣлами съ «Гебена» были убиты на своихъ постахъ въ разныхъ частяхъ броненосца «Евстафій» четыре офицера лейтенантъ Мязговскій и мичманы Эйлеръ, Григоренко, Семеновъ и двадцать девять нижнихъ чиновъ и тяжело ранены: мичманъ Гнилосыровъ (въ полость желудка и бедра) и двадцать четыре нижнихъ чина, изъ которыхъ послѣ скончались мичманъ Гнилосыровъ и два нижнихъ чина. Такимъ образомъ, потери въ экипажѣ «Евстафія» выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: убиты и умерли пять офицеровъ и тридцать одинъ нижній чинъ; ранены: двадцать два нижнихъ чина.

Вотъ нѣкоторыя біографическія данныя объ убитыхъ герояхъ-офицерахъ броненосца «Евстафія», которыя намъ удалось собрать и считаемъ долгомъ опубликовать, какъ дань памяти героевъ.

Погибшіе офицеры были молодые люди отъ двадцати до двадцати девяти лѣтъ, недавно начавшіе службу, и потому за ними не могло числиться большихъ заслугъ по службѣ, исключая участія въ морскомъ бою 5-го ноября 1914 г. Поэтому данныя о нихъ скудны и однородны.

1) Лейтенантъ Мязговскій, Евгений Александровичъ, сынъ вице-адмирала, командира порта въ городѣ Николаевѣ, родился 24-го октября 1890 года; въ морскую службу поступилъ въ 1907 году. Кончилъ курсъ морского корпуса въ 1909 году. Въ слѣдующемъ году былъ произведенъ въ гардемарины. Въ 1912 годя былъ въ заграничномъ плаваніи на крейсерѣ «Россія»,—между прочимъ, былъ съ крейсеромъ въ Черногоріи ко дню коронаванія черногорскаго короля. Въ началѣ настоящей войны былъ произведенъ въ мичманы, а затѣмъ въ лейтенанты. Рассказываютъ, что Е. А. Мязговскій говорилъ заранѣе, что будетъ убитъ именно 5-го ноября,—такъ ему было кѣмъ-то предсказано.

2) Мичманъ Эйлеръ, Николай Владимировичъ, дворянинъ Петроградской губерніи, родился въ 1885 году, кончилъ курсъ морского кадетскаго корпуса, куда поступилъ изъ юнкеровъ. Зачисленъ на службу въ Балтійскій экипажъ въ 1908 году. Былъ въ плаваніи по Балтійскому флоту. Въ 1910 году произведенъ въ мичманы. За нѣсколько мѣсяцевъ до войны въ 1913 году перевелся въ Черноморскій флотъ. По рассказамъ судового священнослужителя броненосца «Евстафія», отца Павла Воронова, Н. Вл. Эйлеръ за три дня до морского боя 5-го ноября передалъ ему родовой металлическій образокъ, прося сохранить его и, въ случаѣ смерти, передать его матери. Въ день боя Эйлеръ былъ разорванъ на части.

3) Мичманъ Григоренко, Сергѣй Аполлоновичъ, потомственный дворянинъ, родился въ 1892 году въ городѣ Николаевѣ. По окончаніи курса въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ плавалъ въ Черномъ морѣ на «Евстафій». Въ 1909 году произведенъ въ гардемарины, а въ 1913 году—въ мичманы. Его братъ служитъ лейтенантомъ на кораблѣ «Пантелеймонъ».

4) Мичманъ Семеновъ, Николай Николаевичъ, потомственный дворянинъ Петроградской губерніи, родился въ 1894 году. Воспитывался въ кадетскомъ Императора Александра II корпусѣ и въ воронежскомъ корпусѣ. Затѣмъ кончилъ курсъ морского кадетскаго корпуса. Службу началъ въ Балтійскомъ флотѣ. Будучи произведенъ въ корабельные гардемарины, плавалъ въ Черномъ морѣ съ мая 1914 года на «Евстафій». Въ этомъ же году произведенъ въ мичманы.

5) Мичманъ Гнилосыровъ, Николай Павловичъ, потомственный дворянинъ, родился въ 1889 году въ Севастополѣ. Кончилъ курсъ реальнаго училища тамъ же, затѣмъ морского кадетскаго корпуса. Въ службѣ состоялъ съ 1909 года. Плавалъ въ Черномъ морѣ на «Евстафій». Въ гардемарины произведенъ въ 1909 году, въ мичманы—въ 1912 году.

Вся служба его прошла на томъ же броненосцѣ. Въ морскомъ бою 5-го ноября 1914 года былъ тяжело раненъ въ животъ и бедро,

«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

10

исполняя обязанности при своей батарее. Умеръ черезъ два дня, находясь все время въ сознаниі, не жалуясь на тяжесть своихъ мученій.

Наши герои были убиты большею частью моментально, непріятельскими снарядами. Но потери на «Гебенъ», по позднѣйшимъ свѣдѣніямъ, оказались превосходящими наши: однихъ нижнихъ чиновъ было убито на немъ до ста пяти человѣкъ, кромѣ раненыхъ.

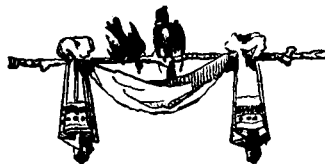
Многихъ интересовалъ вопросъ, съ какой цѣлью «Гебенъ» появился у крымскихъ береговъ. Можно думать, что это онъ сдѣлалъ съ цѣлью отвѣтить нападѣніями на наши берега за обстрѣлъ нашимъ флотомъ Трапезунда, рассчитывая, что флотъ задержится и не успеетъ прійти для отраженія непріятеля.

Возможно также, что «Гебенъ» замышлялъ предпринять что-нибудь у Севастополя, на примѣръ, бомбардировать крѣпость въ слѣдующую ночь въ отсутствіи флота. Неожиданная встрѣча съ флотомъ разстроила планы турецко-нѣмецкаго крейсера и обошлась ему дорого...

Таковы были первыя морскія боевыя дѣйствія въ той рѣшительной борьбѣ, которая разразилась на Черномъ морѣ и вокругъ него за честь и достоинство Россіи и которая поведетъ, быть можетъ, къ конечному разрѣшенію вѣковыхъ насущныхъ вопросовъ русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Русскому воинству и черноморскому флоту предстоятъ впереди еще большіе труды и испытанія... Жертвъ будетъ еще много... Но тотъ духъ самоотверженной любви къ родинѣ, вѣрности долгу и безстрашія передъ врагомъ, который одинаково царитъ и въ нашей арміи, и въ нашемъ флотѣ,—готовитъ родинѣ успѣхъ въ борьбѣ съ сильными врагами и величавое свѣтлое будущее среди народовъ и во внутренней жизни.

Вѣчная память и благодарность отъ родины ея героямъ, душу свою положившимъ за ея счастье въ будущемъ!..

С. Рыбаковъ.

РОНЧИНА А. А. ФЕТА.

(21 ноября 1892 г.)

(По неизданнымъ источникамъ).

ЕТЬ ПО ПРИРОДѢ былъ мудрецъ. Тѣ, кто изучали личность его и творчество, знаютъ, что вся жизнь великаго лирика построена была на основахъ «здраваго смысла». Разумъ неизмѣнно освѣщалъ жизненные пути поэта; но словамъ біографа его, Н. Н. Страхова, онъ «обладалъ энергіею и рѣшительностью, ставилъ себѣ ясныя цѣли и неуклонно къ нимъ стремился». Цѣломудріе въ жизни было всегда завѣтной его мечтой. Въ сорокъ лѣтъ онъ уже вполне «обрѣлъ, чего давно алкалъ»:

Скрываясь отъ толпы безчинной,
Среди родныхъ полей и тѣнь я отыскалъ,
И уголокъ земли пустынной.

.....
Ни рѣзкій крикъ глупцовъ, ни подлый ихъ разгулъ
Сюда не досягнуть.

Такъ писалъ онъ Тургеневу о своемъ житьѣ въ прибрѣтенной незадолго предъ тѣмъ Степановкѣ, въ 1864 году. Поэтъ сознавалъ, насколько важна неприкосновенность душевной святости и, слѣдуя завѣтамъ своего кумира—Пушкина, хотѣлъ уберечь чистоту своей «сельской музыки» отъ уличнаго любопытства. Это ему удалось вполне. Въ тиши полей, вдали отъ грохота и суеты столицы, онъ на седьмомъ

десятокъ слагаль «Вечерніе Огни», это чудо міровой поэзіи. Житейское цѣломудріе спасло его отъ нескромно-враждебныхъ взоровъ. Въ то время, какъ другъ его, графъ Л. Н. Толстой, послѣдніе годы проводилъ какъ бы подъ стеклянной крышей, на глазахъ всего міра, а распрія наслѣдниковъ, едва успѣлъ остыть его трупъ, сдѣлалась тотчасъ же достояніемъ жадныхъ сплетенъ, — Фетъ и жилъ, и умеръ незамѣтно. Рѣдко о комъ изъ писателей послѣдняго времени извѣстно такъ мало, какъ о немъ. Самая смерть Фета, ея обстановка и причины остаются донинѣ глубокой тайной, хотя со дня его кончины пошелъ уже двадцать третій годъ ¹⁾.

23-го ноября 1892 года Фетъ готовился встрѣтить семьдесятъ второй годъ своей жизни ²⁾. По общему свидѣтельству современниковъ, несмотря на постоянную, слишкомъ тридцатилѣтнюю одышку, усилившуюся съ годами, поэтъ былъ веселъ и бодръ, и рѣдко жаловался на нездоровье. Часто въ письмахъ и въ шуточныхъ стихахъ упоминаетъ онъ, что «слонъ» или «домовой» опять «наступилъ ему на грудь» — такъ называлъ Фетъ приступы своего мучительнаго удущья, но припадокъ проходилъ, и поэтъ возвращался вновь къ своимъ постояннымъ и дѣятельнымъ трудамъ. Попрежнему переводилъ онъ римскихъ классиковъ, Персія и Овидія, и готовилъ къ печати вмѣстѣ съ пятымъ (не вышедшимъ) выпускомъ «Вечернихъ огней» новое полное изданіе своихъ стихотвореній ³⁾. Стихи, написанные имъ въ 1892 году, въ благоуханности и свѣжести не уступаютъ прежнимъ: фетовскій геній сохранилъ свой первоизданный блескъ до послѣдняго вздоха ⁴⁾.

¹⁾ Въ «Русскомъ Архивѣ» 1909 года (№ 1) покойный П. И. Бартенева, съ нашихъ словъ, весьма скудно и не полно сообщилъ краткое описаніе смерти Фета. Въ настоящей статьѣ мы даемъ болѣе обширныя свѣдѣнія, впервые собранныя нами устно отъ современниковъ и освѣдомленныхъ лицъ. Не называя именъ, мы не указываемъ источниковъ, но на случай, если бы то понадобилось, готовы подтвердить факты надлежащими ссылками.

²⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что день рожденія А. А. Фета не установленъ точно. Поэтъ праздновалъ его 23-го ноября, а между тѣмъ вотъ что читаемъ мы въ «Свидѣтельствѣ Орловской духовной консисторіи отъ 21-го января 1835 года, за № 277»: — «По метрической книгѣ Мценской округи села Успенскаго, что на Ядринѣ, за 1820 годъ, рожденіе его Аѳанасія, запискою значится такъ: сельца Новоселокъ у помѣщика ротмистра Аѳанасія Неофитова Шеншина, сынъ Аѳанасій родился того тысяча восемьсотъ двадцатаго года, ноября *двадцать девятого*, а крещень тридцатаго числа.» У насъ нѣтъ основаній не довѣрять церковной записи, но семейное преданіе, разумѣется, достовѣрнѣй метрику, составившихся нерѣдко заднимъ числомъ.

³⁾ Это изданіе осуществилось въ 1894 году при участіи великаго князя Константина Константиновича и Н. Н. Страхова.

⁴⁾ Къ 1892 году, между прочимъ, относятся: «Не отнеси къ холодному безстрастью», «Не могу я слышать этой птички», «Разсыпаясь смѣхомъ ребенка», «Когда, смущенный, умолкаю», «Она ему образъ мгновенный», «Ночь лазурная смотритъ на скошенный лугъ», «Барашковъ буря шлетъ своихъ», «Тяжело въ ночной тиши», «Дай-ка нянѣ ручки-крошки», «Когда дыханье множить муки».

Усиленная работоспособность Фета, поразившая свидетелей его послѣднихъ лѣтъ, вызывалась отчасти приступами старческой скуки; въ этомъ случаѣ переводы замѣняли ему граць-пашьянсъ, который онъ любилъ раскладывать. Еще въ восьмидесятихъ годахъ

А. А. Фетъ въ гробу.
(Изъ собранія Б. А. Садовскаго).

графъ Л. Н. Толстой спрашивалъ извѣстнаго библіотекаря московскаго Румянцовскаго музея, «старца» Н. Ѳ. Ѳедорова, что бы такое перевести Фету; и Ѳедоровъ совѣтовалъ переводить Монтэня. П. И. Чайковскій рассказываетъ, что все лѣто 1892 года Фетъ провелъ на

балконѣ въ безпрестанныхъ переводахъ. Одному извѣстному профессору-филологу Феть какъ-то сказалъ, что если бы онъ не переводилъ римлянъ, то со скуки повѣсилъ бы на ламповомъ крюкѣ.

Хотя еще въ 1887 году, по разсказу очевидца, Феть иногда, во время занятій, вдругъ на мгновеніе засыпалъ, однако въ движеніяхъ его и походкѣ мало было типично «старческаго»: приемы были порывисты и быстры, какъ всегда, и лѣтомъ 1892 г. онъ, по обычаю, прямо изъ спальни «бѣжалъ» къ кофейнику, а затѣмъ немедленно садился за работу. Послѣднее время самъ онъ писалъ вообще не много (письма и черновыя стиховъ), а преимущественно диктовалъ своей секретаршѣ г-жѣ Е. В. О. Казалось, ничто не предвѣщало близкой кончины, и только, если вѣрять примѣтамъ, однѣ розы пророчили смерть своему пѣвцу ¹⁾.

Не лишнимъ считаемъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ образѣ жизни Фета и отгнѣнить нѣкоторыя стороны его личности, не отмѣченныя донинѣ.

Уже съ начала семидесятыхъ годовъ началось постепенное возрастаніе имуществва А. А. Фета, какъ замѣчаетъ Н. Н. Страховъ, «достигшаго подъ конецъ той величины, которую можно назвать богатствомъ». Онъ владѣлъ тремя имѣніями—Воробьевкой, Ольховаткой и Грайворонкой и велъ чисто-помѣщичій образъ жизни, описанный отчасти имъ самимъ въ разсказѣ «Внѣ моды» ²⁾. Въ Воробьевкѣ, гдѣ жилъ онъ каждое лѣто съ 1877 по 1892 годъ, среди живописной южной природы, гащивали у него подолгу Н. Н. Страховъ, Я. П. Полонскій и Вл. С. Соловьевъ. Феть былъ хорошій хозяинъ и хлѣбосоль: свои фрунты и особенную яблочную пастилу посылалъ онъ въ подарокъ не только друзьямъ и знакомымъ, но даже самому императору Александру III. Зимой, въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, на Плющихѣ, поэтъ продолжалъ ту же своеобразную жизнь «внѣ моды» и съ тѣмъ же хлѣбосольствомъ потчевалъ гостя свѣжей ботвиньей въ январѣ ³⁾.

Въ разсказахъ современниковъ сохранились кое-какія странности и привычки Фета. Такъ, онъ не могъ считать деньги иначе, какъ наединѣ, не могъ жить въ комнатѣ съ двумя дверями, а непре-

¹⁾ Весной 1892 года Феть писалъ изъ Воробьевки, что никогда розы въ его цвѣтнѣхъ не распускались такъ буйно. По народной примѣтѣ, пышный расцвѣтъ розъ сулитъ смерть.

²⁾ Нынѣ Воробьевка (Курской губерніи, Щигровскаго уѣзда) принадлежитъ П. Д. и С. Д. Боткинымъ, а Ольховатка (той же губерніи и уѣзда) и Грайворонка (Воронежской губ., Землянскаго уѣзда)—О. В. Галаховой. Разсказъ «Внѣ моды» помѣщенъ въ «Нивѣ» 1889 года, № 1.

³⁾ Домъ въ, которомъ жилъ и умеръ Феть, по счастливой случайности, цѣль донинѣ, хотя въ 1911 году его зачѣмъ-то перекрасили и передѣлали наверху фронтонъ. Онъ двухэтажный, деревянный, находится рядомъ съ Хамовнической аптекой: Никакой пѣтягой доски или надписи на немъ не имѣется. Сообщаемъ объ этомъ для свѣдѣнія московскаго общества любителей россійской словесности.

мѣнно съ одной, и въ прекрасную лѣтнюю погоду любилъ сиживать взаперти, за двойными рамами. Въ семьѣ Полонскихъ осталось воспоминаніе, какъ лѣтомъ 1890 года, когда въ Воробьевкѣ гостилъ съ женою и дѣтьми Я. П. Полонскій, Фетъ послѣ обѣда усаживался отдыхать въ маленькой гостиной. Здѣсь секретарша читала ему вслухъ, жена тѣмъ временемъ занималась рукодѣльемъ, а маленькая дворовая дѣвочка почесывала осторожно темя барину, пока онъ дремалъ. Подобныя странности, однако, нельзя принимать безъ оговорокъ. Вѣрнѣе всего думать, что въ послѣднемъ случаѣ Фету просто хотѣлось подразнить либеральнаго товарища крѣпостнической замашкой, замѣнивъ чесаніемъ головы классическое «чесанье пятокъ».

Вообще въ характерѣ Фета было упрямство, желаніе поставить на-своемъ, сказать и сдѣлать такъ, какъ хочется. Это то самое «замѣтное и прекрасное своеобразие», о которомъ говоритъ Н. Н. Страховъ и которое согласуется съ собственнымъ утвержденіемъ Фета, что всякій человѣкъ въ сорокъ лѣтъ имѣетъ право быть самодуромъ. Въ этой чертѣ весь Фетъ—вѣчно-юный старецъ, непостижимо умѣвшій разграничить возвышенное съ пошлымъ и поэтическое съ житейскимъ.

Для пророковъ нашего времени, взывающихъ неустанно съ книжной горы: «начнемъ же дѣлать!» знаменательнымъ должно казаться то, что Фетъ всю свою жизнь чуждался отвлеченностей и книжныхъ теорій. Духъ его до того исполненъ былъ творческой, достигшей наивысшаго совершенства силы, что академическая условная мудрость не усваивалась имъ, становилась ненужной ¹⁾. Не умѣлъ и не любилъ онъ «говорить», и въ Москвѣ восьмидесятихъ годовъ, въ столицѣ Поливановыхъ и Стороженокъ, въ городѣ клубскихъ спичей, ведущихъ родословную отъ Репетилова, и рѣчей Татьянина дня, всегда хранилъ неизмѣнное безмолвіе. Какъ истинный мудрецъ, зналъ онъ цѣну словамъ и молча дѣлалъ; намъ

¹⁾ «Я задалъ вопросъ, который меня интересовалъ и раньше: что читалъ Фетъ?—«Французскіе романы,—отвѣчалъ Л. Н. (Толстой), иногда русскіе, а иной разъ и другую книжку возьметъ» (В. Лазурскій. «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ». М. 1911. Стр. 94). Разумѣется, мѣрять талантъ начитанностью невозможно, но врядъ ли кто будетъ спорить, что абсолютная цѣнность ума важнѣе цѣнности поглощенныхъ памятью книгъ. Самъ Фетъ говорилъ:

Цѣна сердечнаго безумія полетъ,
Я тѣмъ лишь дорожу, кто сразу все пойметъ,—
И тройку, и свирѣль, и Гегеля, и суку,
И фризъ, и рококо кривую закорюку,
И лебедя въ огняхъ скатывшагося дня,—
Ну, словомъ, чуткій умъ душѣ моей родня.

(И. С. Тургеневу, 1864 г.).

Эту чуткость ума безмѣрное чтеніе перѣдко губить.

же осталось отъ него его «дѣло» и «дѣйствіе»: чудные стихи, которыхъ онъ никогда не «сочинялъ». «У меня такъ,—разсказывалъ онъ,—хожу и вдругъ является» ¹⁾...

Зато въ частной бесѣдѣ, въ дружескомъ кругу, рѣчи Фета блистали умомъ и остротой. Всѣ знавшіе его въ одинъ голосъ называютъ его «душой общества», рѣдкимъ и увлекательнымъ разсказчикомъ. «Ему всегда нужна была дѣятельность»,—говоритъ Н. Н. Страховъ:—«онъ не любилъ безцѣльныхъ прогулокъ, не любилъ оставаться одинъ или молча погружаться въ книгу; когда же имѣлъ собесѣдниковъ, былъ неистощимъ въ рѣчахъ, исполненныхъ блеска и парадоксовъ». Сохранился разсказъ, что когда Фетъ являлся въ контору Боткиныхъ, служащіе и приказчики обступали его тѣснымъ кольцомъ и слушали жадно. Для боткинскихъ приказчиковъ умъ Фета и знаніе имъ дѣйствительной жизни видимо, были такъ же неотразимо увлекательны, какъ въ инныя минуты и при иной обстановкѣ для Соловьева и Страхова. Въ остроуміи Фетъ не уступалъ другому гениальному лирику, Тютчеву: къ сожалѣнію, слова его, какъ и тютчевскія, не записанныя во-время, пропали безслѣдно. Только выраженіе фетовской ироніи осталось навсегда на извѣстномъ портретѣ работы Рѣпина (1881 г.). Именно такое лицо, по словамъ его знавшихъ, бывало у Фета, когда приходилось ему выслушивать неумнаго собесѣдника.

Фетъ не имѣлъ дѣтей. Еще въ 1857 году женился онъ на Марьѣ Петровнѣ Боткиной, пережившей своего великаго супруга ровно на шестнадцать мѣсяцевъ. По свидѣтельству семьи Полонскаго, Марья Петровна обожала мужа, заботилась и пеклась о немъ неуспшно, какъ усердная нянька. Иногда Фетъ говаривалъ женѣ: «А знаешь, Марья Петровна, ты никогда не увидишь, какъ я умру».

Осенью 1892 года Фетъ переѣхалъ изъ Воробьевки въ Москву въ началѣ октября. По приѣздѣ, вскорѣ поѣхалъ онъ въ Хамовники, съ визитомъ къ графинѣ С. А. Толстой, простудился и заболѣлъ бронхитомъ. Врачъ, А. А. Остроумовъ, предписалъ больному сидѣть безвыходно дома. Силы поэта быстро стали падать. Первое время онъ развлекался раскладываніемъ пасьянсовъ, не прерывая и литературныхъ занятій (между прочимъ, переводилъ «Гамлета»), а позже только слѣдилъ, какъ при немъ раскладывали пасьянсы Марья Петровна и Е. В. Ѳ. Заботясь, чтобы послѣдняя не забыла французскаго языка, Фетъ по вечерамъ слушалъ въ ея чтеніи «Madame Bovary» Флобера. Изъ гостей его посѣщали покойный критикъ Ю. Н. Говоруха-Отрокъ (Ю. Николаевъ) и художникъ Н. В. Досѣкинъ ²⁾. Слабость, между тѣмъ, усилилась до такой

¹⁾ В. Лазурскій. «Воспоминанія о Л. Н. Толстомъ». М. 1911. Стр. 93.

²⁾ Н. В. Досѣкину принадлежитъ превосходный бюстъ Фета (1892 г.) Ж. А. Полонская въ 1890 году также вылѣпила бюстъ и сдѣлала слѣпокъ правой руки поэта.

степени, что врач замѣтилъ однажды Марья Петровнѣ о необходимости причастить больного. Марья Петровна отвѣтила, что Аванасій Аванасьевичъ не признаетъ никакихъ обрядовъ и что грѣхъ этотъ (остаться безъ причастія) она беретъ на себя ¹⁾).

Утромъ 21-го ноября больной, какъ всегда, бывшій на ногахъ, неожиданно пожелалъ шампанскаго. На возраженіе жены, что докторъ этого не позволитъ, Фетъ настоялъ, чтобы Марья Петровна немедленно съѣздила къ доктору за разрѣшеніемъ. Пока торопились съ лошадьми, онъ не разъ спрашивалъ: скоро ли? и сказалъ уѣзжавшей Марья Петровнѣ: «Ну, отправляйся же, мамочка, да возвращайся скорѣе». Когда Марья Петровна уѣхала, Фетъ сказалъ секретаршѣ: «Пойдемте, я вамъ продиктую». — Письмо? — спросила она. — «Нѣтъ», и тогда съ его словъ г-жа Ф. написала сверху листа: *«Не понимаю сознательнаго преумноженія неизбѣжныхъ страданій. Добровольно иду къ неизбѣжному»*. Подъ этими строками онъ подписался собственноручно: *21-го Ноября. Фетъ (Шеншинъ) ²⁾*.

На столѣ лежалъ стальной разрѣзальный ножикъ, въ видѣ стилета. Фетъ взялъ его, но встревоженная г-жа Ф. начала ножикъ вырывать, причемъ поранила себѣ руку. Тогда больной пустился быстро бѣжать по комнатамъ, преслѣдуемый г-жой Ф. Последняя изо всѣхъ силъ звонила, призывая на помощь, но никто не шелъ. Въ столовой, подбѣжавъ къ шифоньеркѣ, гдѣ хранились столовые ножи, Фетъ пытался тщетно открыть дверцу, потомъ вдругъ, часто задышавъ, упалъ на стулъ со словомъ: «чортъ!» Тутъ глаза его широко раскрылись, будто увидавъ что-то страшное; правая рука двинулась приподняться какъ бы для крестнаго знаменія, и тотчасъ же опустилась. Онъ умеръ въ полномъ сознаніи.

Такова исторія послѣднихъ дней и кончины Фета. Изъ нея съ несомнѣнностью явствуетъ одно, что нашъ поэтъ не былъ самоубійцей, хотя, какъ видно изъ предсмертной записки, имѣлъ твердое намѣреніе покончить съ собой изъ-за невыносимыхъ страданій. Въ этомъ намѣреніи ему помѣшала сама смерть.

На другой день, т.-е. 22-го ноября, въ № 324 «Московскихъ Вѣдомостей» появилось слѣдующее траурное извѣстіе:

¹⁾ Фетъ былъ убѣжденнымъ атеистомъ. Когда онъ бесѣдовалъ о религіи съ вѣрующимъ Полонскимъ, то порой доводилъ послѣдняго, по свидѣтельству его семьи, до слезъ.

²⁾ Мы видѣли эту записку на листѣ обыкновенной бѣловатой бумаги невысокаго качества. Почеркъ самого Фета ясенъ и опредѣленно-твердъ; ничто не указываетъ, что писалъ это умиравшій. Повидимому, тотчасъ послѣ подписи имъ овладѣло умоиступленіе, нерѣдко сопровождающее приближеніе смерти. Это мгновенное помѣшательство заставило его бѣжать и хвататься за разрѣзальные и столовые ножи, зарѣзаться которыми, разумѣется, невозможно.

«Сего 21-го ноября въ 12 часовъ дня скончался

Аѳанасій Аѳанасьевичъ Шеншинъ.

(Фетъ).

«Панихиды ежедневно въ 12 час. дня и 8 час. вечера, въ домѣ покойнаго, на Плющихѣ. Отпѣваніе тѣла и начало литургіи имѣють быть въ Университетской церкви, въ 10 час. утра, 24-го ноября, а погребеніе въ фамильномъ склепѣ села Клейменова, Орловской губерніи, Мценскаго уѣзда».

Въ тотъ же день на панихидѣ въ 12 час. дня присутствовали: И. Н. Новацкій ¹⁾, М. Н. Лопатинъ, Н. Я. Гротъ, П. П. Боткинъ, и другіе. Вечеромъ, въ засѣданіи общества любителей россійской словесности, предсѣдатель, ректоръ московскаго университета Н. С. Тихонравовъ, сказалъ краткую о почившемъ рѣчь, а секретарь предложилъ присутствующимъ почтить вставаніемъ память поэта.

Вдова Аѳанасія Аѳанасьевича, Марья Петровна, получила слѣдующія сочувственныя телеграммы отъ высокыхъ особъ:

1) Отъ великой княгини Александры Іосифовны изъ Альтенбурга:

«Que Dieu vous soutienne dans votre cruelle perte. Mon fils pleure avec vous. Alexandra».

2) Отъ великаго князя Константина Константиновича:

«До упокойтъ Господь чистую душу дорогаго, незабвеннаго Аѳанасія Аѳанасьевича и да ниспошлетъ вамъ небесное утѣшеніе въ духовномъ, Божіемъ, уже ненарушимомъ, общеніи съ усопшимъ; слова безсилны выразить мою скорбь и сочувствіе вашей незамѣнимой утратѣ. Великая княгиня глубоко горюетъ съ вами. Константинъ».

3) Отъ королевы эллиновъ Ольги Константиновны:

«Всею душою сочувствую вамъ въ вашей незамѣнимой тяжкой утратѣ. Ольга».

Изъ немногочисленныхъ въ общемъ телеграммъ слѣдуетъ отмѣтить: отъ Я. К. Грота, Я. П. Полонскаго, Вл. С. Соловьева.

23-го ноября на вечерней панихидѣ были: попечитель московскаго учебнаго округа, графъ П. А. Капнистъ, Н. Я. Гротъ и друг. Были возложены вѣнки: отъ общества любителей россійской словесности, отъ Боткиныхъ, отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей» и одинъ безъ надписи.

¹⁾ Профессоръ московскаго университета, извѣстный хирургъ, лечившій нѣкогда Фета, о чемъ есть упоминаніе въ Запискахъ поэта. Въ нашемъ собраніи находятся второй и третій выпуски «Вечернихъ Огней» А. А. Фета со слѣдующими на нихъ надписями: «Глубокоуважаемому избавителю отъ мучительной смерти Ивану Николаевичу Новацкому авторъ» и «Глубокоуважаемому Ивану Николаевичу Новацкому на память. Старый авторъ». Книги прибрѣтены нами у букиниста.

Наканунѣ похоронѣ московскій фотографъ г. Б. сдѣлалъ нѣсколько снимковъ почившаго поэта; изъ нихъ одинъ, въ значительномъ уменьшенномъ видѣ, приложенъ въ настоящей статьѣ.

Отпѣваніе происходило 24-го ноября въ университетской церкви. Въ девять часовъ утра состоялся выносъ; отъ Плющихи до Моховой гробъ былъ несенъ на рукахъ. Въ церкви тѣло поэта окружено было тропическими растеніями и вѣнками. Заупокойную литургію совершали протоіерей кафедральнаго Христа Спасителя собора, А. И. Соколовъ, съ приходскимъ духовенствомъ церковью Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, что на Бережкахъ, и Воздвиженія Креста Господня, что на Вржкѣ. Пѣлъ чудовскій хоръ, въ траурныхъ кафтанахъ. На отпѣваніе вышли: ключарь кафедральнаго Христа Спасителя собора протоіерей Д. М. Покровскій и того же собора священникъ А. А. Смирновъ.

Въ церкви на отпѣваніи присутствовали: графъ А. В. Олсуфьевъ, ген.-лейт. А. А. Козловъ, управляющій канцелярією московскаго генерала-губернатора В. К. Истомина, депутаты: отъ общества любителей россійской словесности съ Н. С. Тихонравовымъ во главѣ, отъ психологическаго общества во главѣ съ предсѣдателемъ его Н. Я. Гротомъ; Н. А. Звѣревъ; профессора: Г. А. Ивановъ, Н. И. Стороженко, В. О. Миллеръ, датскій консулъ Ф. Эдстремъ, много студентовъ.

А. А. Фетъ положенъ былъ во гробъ въ маломъ (галунномъ) камергерскомъ мундирѣ.

Послѣ трогательнаго обряда прощанья съ тѣломъ гробъ былъ вынесенъ на рукахъ изъ церкви и поставленъ на катафалкѣ. На улицѣ поднялась сильнѣйшая метель. Дорогою были совершены литіи: у церкви св. Параскевы въ Охотномъ ряду и у Козьмы-Даміана на Маросейкѣ ¹⁾. По прибытіи на Курскій вокзалъ, послѣ краткой литіи на платформѣ, металлическій гробъ былъ запаянъ и установленъ въ вагонѣ.

Всего на гробъ Аѳанасія Аѳанасьевича возложено было пятнадцать вѣнковъ, въ томъ числѣ: отъ великаго князя Константина Константиновича и великой княгини Елизаветы Маврикіевны роскошный пальмовый, съ бѣлыми камеліями; лавровый отъ психологическаго общества и общества любителей россійской словесности, отъ П. и С. Боткиныхъ: «Дорогому А. А. Шеншину»; отъ редакціи «Московскихъ Вѣдомостей»; отъ Е. и К. Дункеръ: «Дорогому и незабвенному А. А. Шеншину» ²⁾; отъ О. и Н. Галаховыхъ ³⁾— «Дорогому и незабвенному дядѣ»; прочіе безъ надписей.

¹⁾ Близъ извѣстнаго въ литературѣ «боткинскаго флигеля», гдѣ жила въ молодости подолгу А. А. Фетъ.

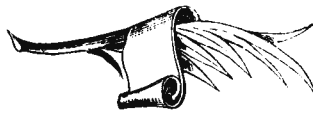
²⁾ Елена Димитріевна Дункеръ, рожденная Боткина, племянница поэта. Ей посвящено нѣсколько стихотвореній.

³⁾ О. В. Галахова, рожденная Шеншина, дочь Вас. Аѳ. Шеншина, брата поэта, нынѣшняя владѣлица с. Клейменова, гдѣ погребенъ Фетъ.

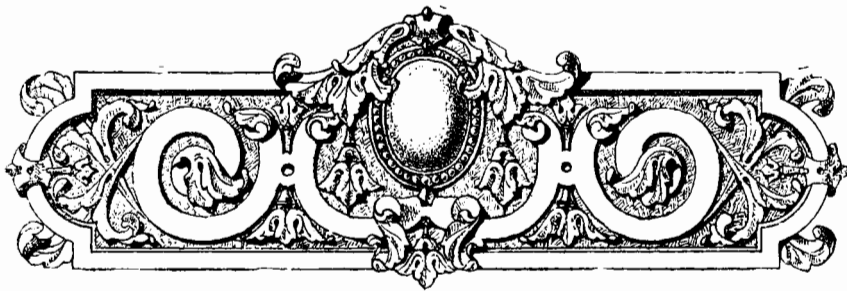
Въ три часа дня почтовый поѣздъ съ тѣломъ великаго поэта тронулся до станціи Отрада, откуда гробъ перевезенъ былъ въ родовое имѣніе Шеншиныхъ, с. Клейменово. Печальный поѣздъ сопровождали М. П. Шеншина и В. Н. Семенковичъ. На другой дець состоялось погребеніе подъ церковью, въ новомъ склепѣ ¹⁾.

Окидывая еще разъ безпристрастнымъ взоромъ картину послѣднихъ дней, смерти и похоронъ А. А. Фета, останавливаешься на описаніи ихъ съ невольнымъ чувствомъ отрады и глубокаго нравственнаго удовлетворенія. Да, это была дѣйствительно смерть поэта, похороны любимца музъ! Никакіе пошлые стадные восторги не посмѣли осквернить этого благороднаго гроба. И какъ тутъ не вспомнить опять ужасной смерти графа Л. Н. Толстого? Зброшенный на глухую станцію, оторванный усиліями злой воли отъ любимой и любящей жены, въ окруженіи чужихъ и чуждыхъ людей, которымъ семья его такъ справедливо и такъ проникательно присвоила многозначительную кличку «темныхъ»,—умеръ не успокоеннымъ и не примиреннымъ престарѣлый писатель, и прахъ его тотчасъ по кончинѣ сдѣлался добычею черни, предметомъ ея жаднаго и кощунственнаго любопытства, орудіемъ для газетныхъ толковъ и сплетенъ, для безграмотныхъ овацій. Такому чистому поэту, какимъ былъ Феть, оскорбленіемъ показалось бы вниманье толпы. И Муза охранила до конца своего любимца.

Борисъ Садовской.

¹⁾ Часть приведенныхъ подробностей о погребеніи А. А. Фета заимствована нами изъ ноябрьскихъ номеровъ «Московскихъ Вѣдомостей» за 1892 годъ.

ПАРИЖСКІЯ ВПЕЧАТЛЕНІЯ ¹⁾.

ЕГОДНЯ стало извѣстно, что семнадцать человѣкъ погромщиковъ, пойманныхъ съ наворованными вещами и преданныхъ полемому суду, вчера разстрѣляны; разстрѣляны и хозяинъ отеля «Асторія», нѣмецъ. На крышѣ его отеля оказался пріемникъ, перехватывавшій телеграммы съ беспроволочнаго телеграфа Эйфелевой башни. Эйфелева башня занята войсками и защищена по всѣмъ площадкамъ митральезами для стрѣльбы по аэропланамъ. По ночамъ небо Парижа освѣщается прожекторами, отъ свѣта которыхъ не укрыться вражескимъ аэропланамъ.

Очень трудно приходится въ эти дни иностранцамъ, застрявшимъ въ Парижѣ. Нѣмцы и австрійцы обязаны были выѣхать въ двадцать четыре часа по объявленіи мобилизаціи. Тѣ же, которые не успѣли этого сдѣлать, обязаны явиться въ слѣдующіе двадцать четыре часа въ полицейскіе комиссаріаты. Ихъ записываютъ и отправляютъ въ глубь Франціи, въ городъ Шатору. Но нѣмцевъ оказалось въ Парижѣ столько, что и до сихъ поръ участки справиться не могутъ съ этой записью, и вы можете видѣть прилегающія къ участкамъ улицы, сплошь занятыя людьми, дѣлающими хвостъ, тянущійся иногда на три улицы, и въ каждомъ ряду стоятъ по пяти, по шести человѣкъ.

¹⁾ Окончаніе. «Историческій Вѣстникъ», т. (XXXIX. стр. 826.

Иностранцы не нѣмцы и австрійцы, по правиламъ мобилизаціи, тоже должны записаться, предъявивъ свои документы на полученіе «*autorisation de residence dans le camp retranché de Paris*». Полиція до сихъ поръ не можетъ справиться съ этими *autorisations*, такъ много въ городѣ осѣдлыхъ и застрявшихъ въ немъ иностранцевъ. Правду сказать, это трудное дѣло записи и выдачи оторизацій было прескверно организовано. Мнѣ пришлось побывать въ пяти комиссаріатахъ (въ разныхъ концахъ города—пѣшкомъ). Сначала объявили, что «не нѣмцевъ» будутъ записывать 6 rue de la Banque. Прихожу туда, на стѣнахъ записка «Здѣсь перепись нѣмцевъ и австрійцевъ». Для остальныхъ національностей 42 rue Dussoubs, въ кварталѣ Réaumur. Прихожу туда—тамъ агентъ очень любезно сообщаетъ, что это ошибка, что IX arrondissement, къ которому я принадлежу по жительству, долженъ записаться 16 rue de la Victoire. «D'ailleurs, si vous êtes russe, ça ne presse pas», замѣтилъ мнѣ агентъ.

Я обрадовался. Итти на rue de la Victoire прямо не хватало больше силъ. Я пошелъ туда на другой день въ семь часовъ утра и, когда подошелъ къ участку (хвостъ стоялъ уже необозримый, изогнувшись въ сосѣдную улицу), агентъ страшиваетъ:

- Quel nationalité?
- Russe.
- Alors que se que vous venez faire ici?
- Mais puisqu'on m'a dit...
- On s'est trompé. C'est pour les Allemands.
- Et pour les Russes?
- 9 Rue Blanche.

И вотъ пошелъ я на rue Blanche. Было уже около восьми часовъ утра, когда я подходилъ къ хвосту. И хвостъ этотъ тянулся до безконечности. Каждого новаго прибывшаго встрѣчали криками:

— A la queue, à la queue!

Всю ширину тротуара занимали эти люди, стоя такъ близко другъ къ другу, что не было возможности пошевелить рукой. Тутъ были бельгійцы, швейцарцы, итальянцы, поляки, русскіе, голландцы, негры, шведы, датчане, англичане, однимъ словомъ, все, что только можно себѣ вообразить. И рабочіе интеллигенты, и кухарки съ горничными, и элегантно одѣтыя дамы. Около меня оказались двѣ хорошенькія дѣвушки, говорившія по-французски не очень правильно, и я не могъ угадать ихъ національности. Я удивлялся ихъ «стойкости». Они простояли на ногахъ съ восьми часовъ утра до шести съ половиной вечера! И даже, когда пожарные вынесли изъ казармъ скамейки для дамъ, за что были награждены шумными аплодисментами, то эти дѣвушки не сѣли. Проходили газетчики и продавали намъ свои экстренныя прибавленія. Это было развлеченіемъ. Продавали куски нарѣзаннаго хлѣба—мы всѣ очень проголодались. Когда эта густая лента проходила мимо школы,

школьники просовывали намъ свѣжую воду для питья. Къ шести часамъ мы придвинулись къ кабачку, откуда близко стоявшіе до-бывали пиво, вино и передавали дальше. Какой-то господинъ не переставая отпускаялъ по-французски какія-то лакейскія плоскости, сначала какъ будто занимавшія толпу, а потомъ возбуждавшія негодованіе въ уставшихъ, измученныхъ и голодныхъ людяхъ. Произошла стычка. И развязный лакей на мгновеніе примолкъ. Но вотъ моя сосѣдка-дѣвушка позвала свою подругу:

— Dora! Où es-tu?

И лакей принялся орать:

— Dora! Où es-tu? Dora adorée! La, Dora, mi-Dora-mi-a.

Тутъ ужъ всѣ на него закричали, и въ особенности одинъ бель-гіецъ:

— Veux tu fermer ta gueule, salaud.

Лакей присмирѣлъ.

Вдругъ толпа такъ надвинулась сзади, что меня выбросило на улицу. Я еле успѣлъ втолкнуть дѣвушекъ въ открытыя двери кабачка, иначе онѣ были бы раздавлены. Самъ я ушелъ. Было шесть съ половиной часовъ, мы были еще далеко отъ дверей заповѣднаго участка, куда впускали только по четыре человѣка, и я ушелъ. Все равно въ семь часовъ прекращалась запись.

Я еле дошелъ до дому.

Вечеромъ стало извѣстно, что Германія объявила войну Бель-гii. И изъ всѣхъ устъ раздался крикъ:

— Mais Guillaume est devenu fou!

И дѣйствительно, другое объясненіе трудно найти.

5-го августа узналъ изъ газетъ, что Англія объявила войну Гер-манii. Вотъ интересное время! Каждое утро новое объявленіе войны. Это точно модное повѣтріе, и, кажется, уже никого больше не удивляетъ. Мы всѣ въ восторгѣ. Очевидно, близокъ конецъ Германii, и народы вздохнуть полной грудью. Но я здѣсь не занимаюсь поли-тикой. Каждый моментъ этой удивительной эпохи есть достояніе исторii. Я здѣсь просто записываю нѣсколько впечатлѣній изъ жизни города въ это интересное время.

Утромъ пошелъ опять въ участокъ, чтобы наконецъ покон-чить съ этой непріятной волокитой. И на этотъ разъ все сдѣлалось просто. Я показалъ агенту на улицѣ паспортъ и рассказалъ про свои мытарства. Меня тотчасъ же впустили и тотчасъ же выдали autorisation de residence. День 6-го августа прошелъ какъ-то тихо. Всѣ уже попривыкли и къ невѣроятнымъ, какъ еще недавно каза-лось, событіямъ, и къ необычайной жизни Парижа, находящагося на военномъ положенii, и ко всѣмъ особенностямъ частной жизни, вызываемымъ войной. Вчера былъ хорошій, чисто осенній день и пріятно было пройтись по улицамъ, гдѣ не было шума и движенія. Я бродилъ по пустыннымъ сейчасъ бульварамъ Haussman et Males-

herbes. Кое-гдѣ стали показываться старые фіакры. Они исчезли съ развитіемъ автомобильнаго движенія, сконфуженно скрылись съ своими обветшавшими экипажами, еле передвигавшими ноги лошадьми и дряхлыми коше. Они исчезли, чтобы гдѣ-то спокойно прекратить свое существованіе, никому и ни для чего больше не-нужные, передъ дико мчащимися и свирѣпо ревущими такси. Но вотъ настала тяжелая минута для города. Способы передвиженія изсякли. Рѣдкіе auto мчатся, но уже съ національными флагами, приспособленные для перевозки военныхъ и ихъ багажа или подъ флагами Краснаго Креста для перевозки больныхъ и раненыхъ. Между ними снуютъ на велосипедахъ быстрые и ловкіе boy-scouts—молодежь, мальчики отъ четырнадцати—восемнадцати лѣтъ въ своихъ оригинальныхъ одѣянїяхъ цвѣта хакки и покроя майнъ-риридовскихъ охотниковъ. Это организація въ родѣ нашихъ, кажется, уже исчезнувшихъ потѣшныхъ, но организація серьезная, дѣловая, безъ всякаго партійнаго политическаго оттѣнка. Въ эту трудную для страны минуту они несутъ отвѣтственную службу—развозятъ по министерствамъ и по различнымъ организаціямъ депеши, исполняютъ порученія и проч. Въ особенности ихъ много у входа въ Association des dames françaises de la Croix Rouge на rue Gail-lon. Юркіе, тонкіе мальчики съ недѣтски-серьезнымъ видомъ и съ полнымъ сознаниемъ дѣловитости вскакиваютъ на свои машины и исчезаютъ въ артеріяхъ города. Но вотъ старые фіакры вдругъ вышолзли изъ своихъ норъ, гдѣ они обречены были на вымирание подъ неизбежными ударами новой цивилизаціи, и стали появляться на опустѣвшихъ улицахъ Парижа. Экипажи стали еще болѣе ветхими, и еще медленнѣе передвигаются ноги клячь, не взятыхъ на войну за ихъ негодностью. И cochet одряхлѣли и ихъ кожаные бѣлые и черные цилиндры потускнѣли. Они имѣютъ видъ архаической, видъ привидѣній съ того свѣта, но какъ имъ обрадовалось измученное спѣшной ходьбой населеніе! Ихъ встрѣтили, какъ старыхъ друзей, какъ вѣрныхъ друзей, съ которыми когда-то поссорились разбогатѣвшіе родственники; теперь эти родственники впали въ бѣдность и растрогались, увидя, что прогнанные ими друзья остались имъ вѣрными въ тяжелую минуту. Но гдѣ же женщины-извозчики, которыя, казалось, еще такъ недавно были новинкой и интересовали иностранцевъ? Ихъ нѣтъ. Только дряхлые старички сидятъ на козлахъ. Везутъ они такъ медленно, что сѣдока клонить ко сну, и все-таки послѣ неимовѣрной пѣшей гоньбы по громадному городу большое удовольствіе имѣть возможность взять фіакръ. Весь день жадно читали телеграммы о защитѣ бельгійцами Льежа; страстно возмущались грубой и дикой наглостью нѣмцевъ по отношенію къ императрицѣ Маріи Θεодоровнѣ, великимъ князьямъ, французскому послу въ Берлинѣ Камбону, разстрѣлами священниковъ, дѣтей и мирныхъ гражданъ въ Эльзасѣ. Всюду слышится безумно-страстное

желаніе возмездія этой грубой и некультурной силѣ. Слово «Guillaume est fou» слышится на всѣхъ устахъ. Городъ понемногу возвращается къ нормальной жизни; кое-гдѣ появились даже автомобили. Правда, большинство магазиновъ, отелей и ресторановъ заперто, но это, вѣроятно, такъ будетъ все время войны. Праздничный видъ придаютъ городу флаги, украшающіе дома въ огромномъ количествѣ. И всѣ ходятъ украшенные всевозможными національными цвѣтами, что уже вошло въ обыкновеніе, сдѣлалось какъ бы установленной формой.

7-го августа. Съ утра льетъ безъ перерыва холодный, чисто осенній дождь. Новость только одна—вчера Австрія объявила войну Россіи. Конечно, никакой сенсациі это уже не произвело, какъ не произведетъ и ожидающійся сегодня разрывъ Австріи съ Франціей. Всѣ знаютъ, что это должно быть, и всѣ уже привыкли къ ежедневнымъ объявленіямъ войны со стороны разныхъ державъ. Было бы странно выйти на бульваръ и не узнать о какихъ-нибудь новыхъ объявленіяхъ войны. Удивляетъ здѣсь всѣхъ то обстоятельство, что австрійскій посланникъ до сихъ поръ невозмутимо сидитъ въ Парижѣ. И пусть сидитъ. Онъ никому не мѣшаетъ. Можетъ быть, и дождется отъ Франціи, что она объявитъ войну Австріи. Если она воздерживается отъ этого, то это для этого, чтобы облегчить Италіи возможность сохранить ея невмѣшательство въ агрессивныя войны ея союзниковъ. Къ концѣ концовъ Австріи вѣдь не будетъ другого выхода, какъ воевать съ Франціей.

Такъ какъ большіе отели постепенно закрываются, то многіе изъ ихъ обитателей ищутъ помѣщеній въ маленькихъ. Вотъ мой отель, напримѣръ, превращенный въ госпиталь, все еще принимаетъ иностранцевъ и еще сегодня сдать три комнаты, несмотря на то, что на весь отель осталась одна горничная. Какъ она справляется съ четырьмя этажами, ей-Богу, не знаю. Но все въ порядкѣ и очень чисто.

На бульварахъ въ изобиліи продаютъ карты Европы, Франціи, Бельгіи, Россіи, детальныя карты франко-нѣмецкой границы и пр. Все это жадно раскупается. Карты хороши и недороги. Лучшія—cartes Taride. Всѣ вдругъ полюбили географію и предаются изученію своихъ и чужихъ государствъ.

Дождь весь день льетъ съ какой-то удручающей безнадежностью.

8-го августа. Сегодня снова чудный лѣтній день. Парижъ все больше и больше принимаетъ видъ прежнихъ шумныхъ дней. Толпы народа гуляютъ по бульварамъ и читаютъ экстренныя прибавленія газетъ. Несмотря на появившееся распоряженіе воспанго губернатора Парижа, генерала Мишеля о томъ, чтобы городъ не украшали флагами, онъ все еще стоитъ разукрашенный. Появилось нѣсколько автомобилей, которые заняли прежнія стоянки по срединѣ улицъ. Сегодня Парижъ весело празднуетъ побѣду бельгійцевъ и отступле-

ніе нѣмцевъ отъ Льежа, послѣ безуспѣшной четырехдневной атаки его двѣнадцати фортовъ, и соединеніе французскихъ войскъ съ бельгійцами; сегодня же ожидается и присоединеніе къ нимъ англійскаго десанта. Сегодня объявленъ декретъ президента о награжденіи города Льежа орденомъ Почетнаго Легіона. У всѣхъ стало веселѣе на душѣ, и увѣренность, что нѣмцы будутъ въ концѣ концовъ жестоко разбиты, еще болѣе окрѣпла. На улицахъ по вечерамъ видишь иностранцевъ съ чемоданами въ рукахъ. Иногда идутъ впереди дѣти съ картонками, а сзади родители съ болѣе солидными вещами. Это они пѣшкомъ «переѣзжаютъ» изъ дорогихъ, закрывающихся отелей въ дешевыя меблированныя комнаты. Изъ экономіи, а иногда потому, что нельзя найти, не берутъ извозчиковъ. Свободнаго выѣзда все еще нѣтъ изъ Парижа. Ходятъ поѣзда до Гавра, а оттуда будто бы до Лондона; но никто ничего навѣрное не знаетъ. Русскіе придумываютъ на досугѣ пути, фантазируя по картѣ—теперь безъ карты ни шагу. Парижъ—Гавръ—Лондонъ—Ньюкэстль—Христіанія — Дронтгеймъ — Улеаборгъ — Гельсингфорсъ — Петербургъ. Но ходятъ ли теперь пассажирскіе пароходы изъ Англии по этому пути, сколько дней беретъ такая дорога и что это стоитъ, никто не знаетъ и справиться нигдѣ. Всѣ конторы закрыты; одинъ Кузь какъ-то полуоткрытъ, да и тамъ ничего не знаютъ. Одинъ предпріимчивый русскій хочетъ сегодня на свой рискъ и страхъ проѣхать въ Лондонъ, такъ все разузнать и телеграфировать сюда всѣ свѣдѣнія.

Сегодня узнали, что Черногорія объявила войну Австріи или наоборотъ, трудно понять изъ разнорѣчивыхъ депешъ. А австрійскій посоль въ Парижѣ все еще сидитъ, запершись въ домѣ посольства и никуда не показываясь. Удивительно!

9-го августа. Съ утра радостная вѣсть: французы вошли въ Эльзасъ, послѣ блестящаго боя взяли Альткирхъ и вступили въ Мюльхузъ. Вѣсть о взятіи Альткирха распространилась еще вчера съ вечера, но сегодня есть уже подробности, и къ Альткирху присоединилось взятіе Мюльхуза. Конечно, мое перо не можетъ описать даже приблизительно того восторженнаго, я бы сказалъ умиленнаго состоянія, которое овладѣло парижанами. Какая-то счастливая эволюція произошла съ духомъ французскаго народа. Что было бы въ прежнія времена при такомъ извѣстіи? Подумайте, первое вступленіе послѣ сорока четырехъ лѣтъ на землю Эльзаса, того милаго, дорогого, почти фантастическаго видѣнія, которое такъ долго, такъ безнадежно, казалось, оплакивали французы. Вѣдь это было бы какое-то ликованіе съ шумомъ, громомъ и гамомъ. Шествіе съ пѣніемъ. Крики обезумѣвшей толпы. Что-нибудь экстравагантное, кишучее, стихійное, «уличное»... И ничего подобнаго не было вчера и нѣтъ и сегодня. Толпа на бульварахъ. Останавливаются, сосредоточенно, быстро отыскивая нуж-

ныя строки, углубившись въ листы, читаютъ газеты. Лица преобразуются: у кого радостная, счастливая улыбка, у кого выраженіе значительности момента и какой-то нескрываемой, но скромной гордости, у кого затуманенные набѣжавшей слезой глаза. Не имѣющіе газетъ читаютъ черезъ плечо у имѣющихъ. Всѣ охотно дѣлятся другъ съ другомъ. И потомъ расходятся взволнованные и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоенные, бодрые, радостные, счастливые и вмѣстѣ съ тѣмъ умиленные, т.-е. въ томъ состояніи духа, когда всякое внѣшнее шумное, бурное «оказательство» рѣзануло бы, оскорбило бы это глубокое народное настроеніе. Какъ радостно видѣть и наблюдать эту эволюцію народа, такую далекую отъ той шумливой бравады и отъ того взвинченнаго паэоса, который привелъ къ катастрофѣ 1870 года. Теперь это народъ, который больше думаетъ и чувствуетъ, чѣмъ шумитъ и манифестируетъ, и больше дѣлаетъ, чѣмъ говоритъ. Кто умѣетъ наблюдать, тотъ пойметъ и почувствуетъ эту разницу въ настроеніяхъ двухъ эпохъ и порадуетъ этой счастливой переменѣ.

Вчера Германія объявила войну Сербіи, и ея посланникъ покинулъ Нишъ.

10-го августа. Русскіе сидятъ и ждутъ возможности вернуться на родину. Скучно и трудно сидѣть безъ дѣла. Но возможности пока не предвидится никакой. Мужчины молчаливо и покорно ждутъ, женщины же очень нервничаютъ и волнуются, придумывая всевозможные фантастическіе маршруты, точно забывая, что вся Европа охвачена пламенемъ, что всюду идутъ слѣдныя мобилизаціи, что всѣ желѣзныя дороги заняты перевозками войскъ и военныхъ грузовъ, а моря—враждебными эскадрами. Сунуться некуда. Но одна дама меня вчера увѣряла, что можно проѣхать изъ Парижа въ Бордо, а оттуда мимо Гебридскихъ острововъ къ Норвегіи. Какое вдругъ знаніе географіи! Да, конечно, можно, вода пальцемъ по картѣ, ничего нѣтъ легче. Со вчерашняго дня есть возможность выѣхать изъ Парижа въ Біаррицъ, на примѣръ. Поѣздъ пойдетъ двадцать шесть часовъ безъ опредѣленнаго расписанія, и пассажиры въ ограниченномъ количествѣ принимаются безъ багажа. Постепенно возстанаавливается пригородное движеніе, пароходное по Сенѣ, и подумываютъ возстановить автобусное движеніе по городу.

Съ сегодняшняго дня въ Парижѣ нѣтъ больше булокъ, *croissant* и прочаго мелкаго хлѣбнаго печенья. По распоряженію военнаго управленія печется только крупный хлѣбъ.

Пекари взяты на войну и, чтобы облегчить работу оставшимся, всякая выпечка хлѣба, кромѣ большихъ вѣсовыхъ хлѣбовъ, запрещена.

Къ свѣдѣнію балетомановъ. Бродя по улицамъ Парижа, неожиданно нашель *Hôtel Coppélia*, 50 rue du Faubourg St.-Honoré,

недалеко отъ Елисейскаго дворца, маленькій старенькій отельчикъ, напоминающій времена Бальзака.

11-го августа. Вчера, наконецъ, уѣхалъ австрійскій посоль, и, такимъ образомъ, Франція въ войнѣ съ Австріей. Графъ Szezen долго не могъ рѣшиться на отъѣздъ, но министръ иностранныхъ дѣлъ Думергъ объявилъ ему, что онъ отозвалъ французскаго посла изъ Вѣны. Австрія послала корпусъ на помощь Германіи къ Эльзасу,—кажется, достаточный поводъ для прекращенія дипломатическихъ отношеній. Но какъ странно: и германскій посоль и австрійскій не хотѣли уѣзжать изъ Парижа и сдѣлали это какъ-то вяло, въ послѣднюю минуту подъ давленіемъ крайней необходимости.

Жары стоятъ удручающія. Встрѣтилъ вчера вечеромъ группу русскихъ въ садахъ Лувра, передъ Тюльерійскими садами, которые рано закрываются (въ семь часовъ). Опять заговорили объ отъѣздѣ. Будто бы какой-то богатый москвичъ нанимаетъ специальный пароходъ, собираетъ желающихъ за плату отправиться сѣвернымъ путемъ въ Россію. Я, конечно, такъ же мало вѣрю этому пароходу, какъ и тому, на который записывали желающихъ въ посольствѣ.

Въ Парижѣ царитъ удивительное спокойствіе и сосредоточенная работа. Разрытыя улицы и городскія работы приводятся въ порядокъ итальянскими рабочими, которыхъ здѣсь въ изобиліи и которые очень нуждались съ объявленіемъ мобилизаціи, такъ какъ всѣ большія учрежденія, торговыя заведенія, фабрики и проч., гдѣ они служили и работали, закрылись. Правительство великодушно позаботилось о нихъ, и итальянцы принялись за работу. Кстати, это произведетъ отличное впечатлѣніе и на Италію, которая все еще не рѣшается примкнуть къ врагамъ германизма, несмотря на то, что она явно ушла изъ тройственнаго союза.

12-го августа. Въ городѣ говорятъ о массѣ убитыхъ и раненыхъ въ дѣлѣ подъ Альткирхомъ, но военное министерство опровергаетъ эти разговоры, питающіеся, очевидно, отсутствіемъ всякихъ извѣстій съ восточной границы. Очевидно, тамъ готовится нѣчто очень серьезное, какъ и на сѣверной границѣ, подъ Льежемъ. Жадно и страстно ждуть французы нашихъ активныхъ выступленій, но какъ-то ничего здѣсь не слышно. Вообще тяжело не имѣть никакихъ извѣстій съ родины. Вчера ходилъ въ раге Монссаи. Онъ переполненъ дѣтьми; боннами, гувернантками. И вдругъ вся эта толпа, какъ одинъ человекъ, кинулась къ выходу. Шла артиллерійская бригада на войну. Надо было видѣть, какъ ее провожала эта толпа. Съ какимъ умилепіемъ и съ сдержаннымъ восторгомъ толпа жала руки ѣздовымъ и смотрѣла на своихъ защитниковъ. Гривы лошадей, кепи солдатъ, повозки, пушки этой Сатареп были украшены флагами русскими (желтымъ съ орломъ),

англійскими, бельгійскими, французскими. Какое-то глубокое, совершенно новое чувство охватываетъ васъ при видѣ такихъ зрѣлищъ. Велика ненависть къ нѣмцамъ и не какъ къ врагамъ, а какъ къ недостойнымъ варварамъ, за всѣ ихъ непопозволительныя и гнусныя выходки съ мирнымъ населеніемъ.

Въ домѣ, гдѣ я живу,—кинематографъ. Цѣлый день слышу музыку; представленія идутъ въ пользу Краснаго Креста. Все время играютъ марши (очевидно, показываютъ картины французской мобилизаціи), русскій гимнъ, марсельезу (слышатся народныя оваціи), нѣсколько тактовъ похороннаго марша (должно быть, похороны Жореса)... Но всѣ зрѣлища прерываются въ восемь часовъ вечера, и съ этихъ поръ прямо не знаешь, что дѣлать. Въ продажѣ появилось много брошюръ и книгъ о Германіи, о ея арміи, о ея государственныхъ людяхъ. Книги серьезнаго содержанія и рядомъ безчисленное множество фантастическихъ брошюръ о раздѣлѣ Германіи. «Le partage de l'Allemagne», «Finis Germaniae» и проч. На обложкахъ новыя карты Европы. Одна изъ такихъ картъ лежитъ передо мной. Киль, Бременъ и Гамбургъ входятъ въ составъ Даніи; Берлинъ, Штетинъ, Магдебургъ и Дрезденъ—это уже въ Россіи. Страсбургъ, Кельнъ, Франкфуртъ, Штутгартъ принадлежатъ Франціи и т. д.

Русское посольство заслуживаетъ глубокой благодарности за свою дѣятельность по облегченію участи застрявшихъ здѣсь русскихъ. Оно учредило свободный размѣнъ русскихъ денегъ, до сихъ поръ затрудненный въ банкахъ. Посольство выдаетъ двѣсти пятьдесятъ франковъ за сто рублей. Да будетъ стыдно нашимъ русскимъ банкамъ въ Парижѣ, которые въ такую критическую минуту для русскихъ людей не нашли ничего лучшаго, какъ предложить нуждающимся соотечественникамъ, да и то въ видѣ особой какой-то снисходительной любезности, сто семьдесятъ франковъ за сто рублей. Сколько эти путешественники, застигнутые грозной бурей, разразившейся въ одинъ мигъ, потеряли денегъ при такомъ недобросовѣстномъ размѣнѣ, и сколько эти банки нажили такой несложной операціей? Курсъ возстановится, и они наживутъ на каждую сотню рублей по девяносто франковъ. Только одинъ Русско-Азіатскій банкъ оказался на высотѣ положенія. Руководимый своимъ директоромъ г. Рафаловичемъ, онъ оказалъ много неоцннимыхъ услугъ русскимъ. Посольство положило этому конецъ. Мало того, посольство организовало комиссію подъ предѣлательствомъ князя В. Н. Аргутинскаго-Долгорукова, которое выдаетъ ссуды людямъ временно нуждающимся, и такихъ ссудъ выдано и разослано по французской провинціи уже болѣе трехсотъ тысячъ франковъ. Отовсюду поступаютъ просьбы русскихъ, застигнутыхъ войной, и всѣмъ комиссія любезно отвѣчаетъ и высылаетъ ссуды. Предѣлатель князь Аргутинскій-Дол-

горуковъ принимаетъ лично и очаровываетъ своимъ душевнымъ вниманіемъ и трогательнымъ участіемъ. Многіе мнѣ говорили, что они уходили послѣ разговора съ нимъ ободренные и успокоенные. Людямъ неимущимъ выдаются ссуды, а супруга посла устроила по улицѣ Grenelle, № 33, столовую для бѣдныхъ русскихъ, и сама въ ней распоряжается, ей помогаютъ русскія дамы здѣшной колоніи. Кромѣ того, посольство вошло въ сношеніе съ кѣмъ нужно относительно возможности перевозки русскихъ въ Россію сѣвернымъ путемъ. Объ этомъ еще идутъ разговоры, и это, повидному, вопросъ очень сложный и трудный. Вообще, съ отрадой отмѣчаю, что русское посольство въ Парижѣ въ эти трудные дни и недѣли явилось, дѣйствительно, кусочкомъ русской земли, и русскіе охотно, довѣрчиво и съ хорошимъ чувствомъ идутъ подъ сѣнь этого убѣжища, гдѣ всегда увѣрены найти и помощь, и совѣтъ, и доброе слово участія. Конечно, оно не всѣмъ угодило, и нѣсколько голосовъ раздавалось противъ него. Но какъ угодить многотысячной толпѣ съ самыми разнообразными, иногда прямо фантастическими претензіями и домогательствами.

Жары стоятъ необычайныя. И на душѣ у всѣхъ какъ-то безпокойно и тяжело, какъ передъ грозой. И всѣ ея ждутъ нетерпѣливо и жадно. Она должно скоро разразится въ атмосферѣ и на границахъ и освѣжить и воздухъ и политическую атмосферу. Ждутъ большихъ, рѣшительныхъ битвъ.

13-го августа. Парижъ напряженно и спокойно ждетъ событій, которыя, по всѣмъ признакамъ, назрѣваютъ. Молчаніе, окутывающее то, что происходитъ на сѣверо-восточныхъ и восточныхъ границахъ, вотъ уже нѣсколько дней чреватое грядущими событіями. Чувствуется какъ-то, ощущается, что тамъ готовится что-то грандіозное. Газеты готовятъ публику къ воспріятію этихъ событій. Но настроеніе Французской республики и всѣхъ, кто съ нею, а съ нею всѣ друзья, получившіе право пребыванія въ Парижѣ, стойкое, сознательное спокойствіе людей, увѣренныхъ въ святости и правотѣ своего дѣла. Никакого шовинизма въ разговорахъ, никакого бахвальства, никакого благерства. Обсуждаютъ событія спокойно и разсудительно. Появилось нѣсколько camelots выкрикивающихъ изобрѣтенныя шутки: «Le testament de Guillaume le Bandit» въ черной рамѣ, или «Billet aller et retour Paris — Berlin. Une choucroute garnie au premier arrivant. Rigolade au dos», или «Le cochon allemand» — свиное рыло въ прусской каскѣ... Но я не видѣлъ, чтобы кто покупалъ эти грубыя шутки. Взглянуть мелькомъ, улыбнутся и проходятъ мимо. Не до того. У каждаго есть думы посерьезнѣе и поглубже. Врядъ ли camelots много выручатъ за свою изобрѣтательность!

Сегодня англійское и французское правительства официально объявили войну Австріи. Но это тоже не произвело впечатлѣнія.

Это только оформило то, что всѣмъ извѣстно и что существуетъ *de facto* уже нѣсколько дней. Сербія тоже официально объявила войну Германіи, но это тоже всѣмъ давно извѣстно.

Нѣсколько русскихъ рискнули отправиться въ Россію черезъ Англію и Скандинавскій полуостровъ. Для этого требуется разрѣшеніе англійскаго консула на проѣздъ черезъ Англію. Въ посольствѣ мнѣ сказали, что еще рано пускаться въ такія предпріятія—можно застрять въ какомъ-нибудь городѣ и просидѣть тамъ очень долго. Такъ ужъ лучше сидѣть въ Парижѣ.

Говорилъ по телефону съ однимъ русскимъ. Въ самомъ началѣ разговора прервали приказаніемъ:

— *Si vous ne parler pas français, je coupe la communication.*

Перешли на французскій языкъ и говорили безпрепятственно.

14-го августа. Начинаетъ какъ будто бы выясняться возможность выѣхать изъ Парижа черезъ Лондонъ—Ньюкэстль—Бергенъ—Стокгольмъ—Торнео—Петроградъ. У Кука даютъ билеты до Ньюкэстля, а дальше не отвѣчаютъ за возможность сѣсть на пароходъ. По ихъ свѣдѣніямъ, онъ идетъ ежедневно, но напльнвъ пассажировъ такъ громаденъ, что есть рискъ просидѣть въ Ньюкэстлѣ нѣсколько дней. Кромѣ того, по Швеци надо ѣхать какой-то кусокъ на лошадахъ, а ихъ будто бы трудно достать, и опять придется гдѣ-то сидѣть. Былъ сегодня въ посольствѣ—тамъ совѣтуютъ выждать официальныхъ извѣстій.

Сегодня еще одна радостная вѣсть по бульварамъ:

Японія объявила войну Германіи.

Положительно повѣтріе объяло всѣ народы земного шара, которые объединяются въ общей ненависти къ Германіи.

Вывѣшены большіе плакаты правительства, приглашающіе всѣхъ живущихъ въ Парижѣ и не прививавшихъ себѣ оспу пять лѣтъ немедленно приступить къ прививкѣ.

15-го августа. Сегодня радостная вѣсть: русская мобилизація готова: два милліона на германской границѣ, два милліона на австрійской, пятьсотъ тысячъ на турецкой и пятьсотъ тысячъ на румынской. Кромѣ того, три милліона резерва. Всѣ въ восторгѣ и много и радостно говорятъ объ этомъ. Фруктовщикъ, у котораго я бралъ фрукты, не могъ удержаться, чтобы, рассказавъ мнѣ объ этомъ, не вскрикнуть:

— *Est il fou cet imbécil de Guillaume?!* —и сдѣлалъ замѣчаніе относительно распредѣленія силъ:

— *Il y a 2 millions de trop sur la frontière autrichienne. La Serbie toute seule suffirait à cette armée ridicule des autrichiens.*

Золотой куполь дома Инвалидовъ покрыли слоємъ сѣраго пепла,—онъ очень блестялъ и могъ бы привлечь вниманіе, какъ цѣль для вражескихъ аэроплановъ.

Главнокомандующій англійскими войсками генераль Френчъ

(фамилія точно нарочно къ обстоятельствамъ придуманная) пріѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько часовъ, чтобы сдѣлать визитъ Пуанкаре и переговорить съ военнымъ министромъ. Нужно было видѣть, какъ его встрѣчала толпа. Съ какимъ чувствомъ, съ какой глубокой любовью смотрѣли на него! Какъ пѣли «God save the King». Какъ кричали vive l'Angleterre! Статный, тонкій, генералъ Френчъ съ типично-англійскимъ лицомъ, спокойной улыбкой, ясными голубыми глазами, проѣзжалъ среди этой толпы въ автомобилѣ. Порядокъ былъ образцовый, и полиціи рѣшительно нечего было дѣлать.

Вечеромъ офицеры штаба и свиты Френча ходили по улицамъ пустыннаго въ эти часы города. Они были въ мундирахъ, брюкахъ и фуражкахъ цвѣта хаки. Только красный околышь фуражки оживлялъ этотъ защитный цвѣтъ. Всѣ высокіе, тонкіе, очень стройные, съ хорошими англійскими лицами, всегда такъ уравновѣшенными, за которыми чувствуется большое умѣнье, органическое умѣнье владѣть мыслями и чувствами, основанными на сознаніи правъ и обязанностей или, иначе говоря, на чувствѣ долга.

Я не сумѣю передать грандіознаго впечатлѣнія, произведеннаго на Парижъ объявленнымъ воззваніемъ къ Польшѣ. Сегодня 15-го августа, праздникъ Успенья, и почти всѣ магазины закрыты. Я видѣлъ, какъ свободные отъ занятій и службы люди читали это извѣстіе, заглядывали безъ церемоніи черезъ плечо счастливыхъ обладателей летучихъ листовъ и въ какихъ умиленныхъ выраженіяхъ, трогательныхъ до слезъ, восхваляли эти простые люди высокій и великодушный порывъ Государя.

— Vive le Tsar liberateur!—кричали вечеромъ въ кинематографѣ, когда показывали картину посѣщеніе Государемъ Севастополя, и, когда на экранѣ появился Царь, тотчасъ же потребовали гимнь и Марсельезу... Потомъ показывали картину посѣщеніе великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ мацевровъ, и при появленіи на экранѣ великаго князя и генерала Жоффра, которые оба нынѣ главнокомандующіе союзными арміями и общими усиліями должны оградить Европу отъ невыносимаго германскаго варварства и гегемоніи, публика опять потребовала «Боже, Царя храни» и «Марсельезу», и такъ продолжалось до конца...

16-го августа. Въ «Figaro» появилась чудесная статья «Resurrection de la Pologne». Она, такъ сказать, резюмируетъ мысли и чувства парижанъ, конечно, и всей Франціи,—и передаетъ взволнованное впечатлѣніе, овладѣвшее народомъ при этомъ извѣстіи.

16-го августа было объявлено распоряженіе военнаго губернатора Мишеля и префекта Эннiона о полномъ запрещеніи продажи абсента изъ кафе, отелей и питейныхъ заведеній на все время войны. Въ случаѣ нарушенія этого постановленія виновныя заведенія немедленно закрываются на все время войны.

Цензура газетъ на время *état de siège* очень строга. Иногда газета появляется съ пустымъ мѣстомъ въ колоннѣ и объясняетъ, что должна была выпустить это мѣсто изъ набора по требованію военнаго управленія Парижа. Газеты охотно, съ полной готовностью подчиняются этой цензурѣ, нисколько не тяготятся ею и, повидимому, какъ бы даже гордятся такимъ подчиненіемъ, сознавая, что онѣ служатъ одному святому дѣлу родины наравнѣ со всеми остальными гражданами, которые тоже призваны испытывать всевозможныя стѣсненія и нести тяготы военнаго времени. Да и цензура газетъ для парижанъ—никогда не испытанная новинка!.. Только одна газета за все это время была запрещена военнымъ губернаторомъ Парижа на нѣсколько дней за то, что напечатала частное письмо военнаго и не вычеркнула изъ этого письма названіе мѣста, куда онъ долженъ былъ отправиться къ своей части. Конечно, редакція сдѣлала это неумышленно и въ редакціонной замѣткѣ, сообщая о запрещеніи газеты, вполне оправдала эту строгую мѣру и охотно подчинилась ей.

Были большія хлопоты, чтобы уѣхать. Любезный директоръ Русско-Азіатскаго банка въ Парижѣ г. Рафаловичъ—онъ же членъ комитета по выдачѣ ссудъ въ русскомъ посольствѣ—сообщилъ къ радости всѣхъ русскихъ, что на улицѣ Пирамидъ открылось наконецъ, бюро, занявшееся специально перевозкой русскихъ... Это норвежское бюро Berg'a. Отправился туда,—конечно, толпа русскихъ. Какъ всегда, толпа немножко брызжащая, ничѣмъ недовольная, все ругающая и чуть-чуть безтолковая и нерѣшительная. И хочется, и нужно ѣхать, и сидѣть надоѣло, но... а вдругъ мины? А вдругъ какъ разъ въ этотъ переходъ на пароходѣ будетъ бой англійскаго съ нѣмецкимъ флотомъ? А вдругъ?.. А какъ багажъ? Не бросать же вещи въ Парижѣ!—Зачѣмъ же бросать, можно отдать на сохраненіе, оставить въ отелѣ. Милый, предупредительный, ласковый, любезный и по-скандинавски спокойный г. Бергъ хочетъ удовлетворить всѣхъ, но это самой собой немыслимо. Часть этой трудной работы беретъ на себя его помощникъ, столь же пріятный человекъ. Маршрутъ: Парижъ—Булонь—Лондонъ—Ньюкэстль (жел. дор.)—Бергенъ (парох.)—Христіанія—Стокгольмъ (жел. дор.). Цѣна триста шестьдесятъ семь франковъ.

— А дальше какъ?

— А дальше ничего не знаю,—говоритъ г. Бергъ:—узнаете въ Стокгольмѣ. Городокъ милый, уютный,—не можетъ онъ удержаться.—Посидите тамъ денька три—отели превосходные, да и къ вамъ уже близко, а за три дня все узнается и къ тому времени выяснится. До Стокгольма, вѣроятно, дней шесть-семь проѣдете.

Въ Messageries Maritimes—другой маршрутъ: Парижъ—Константинополь—Одесса,—все время путаница и неразбериха, то идутъ пароходы, то не идутъ и на выѣздъ въ Марсель надо имѣть особое

разрѣшеніе коменданта Парижа. Я въ первый же день мобилизаціи записался и внесъ сто рублей по требованію конторы. Но такъ и не могъ двадцать одинъ день добиться возможности выѣзда. Теперь, когда представилась возможность ѣхать на сѣверъ, прошу вернуть мнѣ эти сто рублей, но, увы, конторщикъ очень сухо, почти зло отвѣчаетъ:

— Почему? Пароходы идутъ, во всякомъ случаѣ, до Константинополя.

— Но я уже взялъ билеты другимъ путемъ. Я ждать больше не могу.

— Тогда подайте заявленіе въ совѣтъ. Онъ разсмотритъ вашу претензію, а деньги врядъ ли вернутъ, и во всякомъ случаѣ не раньше, какъ послѣ войны.

Пароходъ норвежской компаніи изъ Ньюкэстля въ Бергенъ не принимаетъ на бортъ лицъ, имѣющихъ военное званіе. Въ случаѣ остановки парохода нѣмцами было бы сочтено, что они перевозятъ живую военную контрабанду. А какъ у меня все еще военный чинъ въ паспортѣ, то пришлось явиться къ нашему военному агенту, а отъ него къ консулу, который и сдѣлалъ помѣтку на паспортѣ, что я въ отставкѣ.

Поѣздъ идетъ на Булонь въ семь утра, но на вокзалѣ надо быть къ пяти, иначе, несмотря на на какіе билеты, не получить мѣста въ вагонѣ.

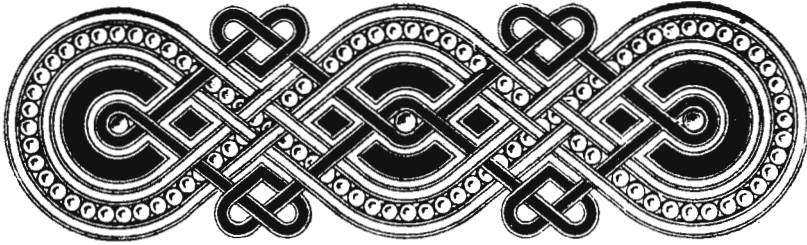
За это время въ Парижѣ не произошло ничего особеннаго. Правительство строго блюдетъ санитарную часть города. Прививки оспы идутъ по всѣмъ участкамъ. Заболѣваній эпидемическихъ нѣтъ. Правительство хлопочетъ о возобновленіи работъ, открытіи фабрикъ. Кажется, и банки, поведеніе которыхъ было прямо недостойно въ первые дни, взялись за умъ, возобновили кредитныя операціи, понизили учетъ. Большая вѣра въ Россію, въ ея войска и въ особенности въ казаковъ! Но чувствуется скрытое чувство нетерпѣнія отъ медленности русскаго движенія. Объ этомъ не говорятъ—Боже сохрани, но какъ-то самъ это чувствуешь.

Итакъ, до свиданья, милый Парижъ! До болѣе счастливыхъ временъ, до тѣхъ радостныхъ дней, когда вернутся въ твои стѣны доблестные твои сыны, съ такимъ изумительнымъ спокойствіемъ. съ такой чудесной выдержкой, съ такой глубокой вѣрой въ святое и правое дѣло свое бросившіе все и, какъ одинъ человекъ, поднявшіеся въ путь. До тѣхъ временъ, когда тяжелыя раны въ твоихъ семьяхъ заживутъ, когда глубокой трауръ по павшимъ сыновьямъ, братьямъ и мужьямъ снимется ради праздника побѣды родины. Когда рана, нанесенная подлыми нѣмцами на восточной границѣ твоей сорокъ четыре года тому назадъ, получить заживленіе, когда отторгнутыя провинціи опять сдѣлаются французскими! Какъ неожиданно, какъ внезапно осуществляется идея реванша,

сорокъ четыре года мучительно терзавшая французскія сердца. Бѣдный Деруледъ! Несчастный поэтъ умеръ незадолго до осуществленія его завѣтной идеи, идеи всей его жизни, мученической идеи его. И вотъ настала заря отомщенія. Прощай, Парижъ, до этихъ славныхъ дней. Ты пріютилъ насъ, русскихъ, оторванныхъ отъ родины людей; мы пользовались здѣсь полнымъ твоимъ гостепріимствомъ. Мы жили какъ одной жизнью съ твоими гражданами. Въ эти дни мы узнали, что такое Парижъ и его население. За двадцать пять лѣтъ не узнаешь этого города, и вотъ мы узнали его въ двадцать одинъ день. Мы поняли его душу, его великій порывъ, его возвышенные идеалы, его благородство въ бою, его рыцарство къ противнику, его степенность и объединенность, способность къ беззавѣтному самопожертвованію, безъ слезъ, безъ криковъ, безъ похвалы. Нѣтъ, тотъ не знаетъ Парижа, кто ѣздитъ сюда въ теченіе двадцати лѣтъ, чтобы посѣщать кабачки Montmart'a; и тотъ его не знаетъ, кто пріѣзжаетъ сюда для дѣлъ или покупокъ, или для фланированія по бульварамъ, сидѣнья въ кафе и ресторанахъ. И тотъ его не знаетъ, кто посѣщаетъ его театры и салоны. Только проживя въ глуши провинціи, можно узнать настоящаго француза и только въ такіе великіе историческіе дни можно понять его въ Парижѣ. Прощай же, городъ свѣта, городъ истинныхъ гражданъ, доблестныхъ по античному. Нѣтъ, ты не умираешь, не вырождаешься, ты не зараженъ никакими болѣзнями упадка, какъ писали и говорили о тебѣ нѣмецкіе клеветники. Въ тебѣ живъ высокій духъ латинской культуры, и свѣточъ этотъ никогда не угаснетъ. До болѣе счастливыхъ дней! А мы, благодарные тебѣ чужеземцы, твои союзники и друзья, мы ѣдемъ къ своимъ героямъ, у которыхъ нынѣ одна цѣль съ твоими. И если бы вы знали, какъ много общаго, близкаго, удивительно близкаго между французскимъ и русскимъ солдатомъ. Одна любовь къ штыковой атакѣ, которой такъ безумно боятся нѣмцы, и къ которой способны только беззавѣтно храбрые люди, вѣрящіе въ свое святое и правое дѣло... И та же любовь къ добродушной прибауткѣ и шуткѣ, и то же благородство къ «лежачему врагу»—плѣннику, и тотъ же беззавѣтный порывъ—народный порывъ, единокдушный и стихійный, для защиты родины.

В. Свѣтловъ.

ОТГОЛОСКИ ВОЙНЫ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

I.

Пессимизмъ настоящаго и идеализмъ будущаго.—Маленькіе богатыри.

ВОЖДЕСТВЕНСКІЕ праздники мнѣ пришлось провести въ глухой деревнѣ за нѣсколько сотъ верстъ отъ Петрограда. Спутники мои по облавнымъ охотамъ на звѣря жаловались на отсутствіе снѣга, и поэтому намъ не удалось въ этомъ году поволноваться на медвѣжьей берлогѣ или на слѣду рысей по глубокому снѣгу въ густомъ лѣсу.

— Это горе маленькое, — произнесъ Моховикъ, бросившій торговать въ деревенской лавочкѣ керосиномъ, табакомъ, чаемъ, сахаромъ и перешедшій жить на хуторъ. — Нонѣ годъ худой для мужиковъ... Сухое лѣто. Яровые пропали. Яровой хлѣбъ обидѣлъ насъ рублей на пятьсотъ чистоганомъ... Теперь нѣтъ ни жита, ни овса, ни льна... Тренцамъ нечего дѣлать въ деревнѣ. Льну на продажу не натреть нонѣ, и дороги зимней нѣтъ. Безъ снѣгу какіе же заработки у мужика? Какъ лѣто безъ дождя, такъ и зима будетъ безъ снѣгу, — говорятъ старики. — За лѣто всѣ болота, мхи, ручьи и рѣчонки повисыхали у насъ. Воды не найти... Многіе изъ насъ ѣздятъ за водой въ сосѣднія деревни, гдѣ колодца, да мужики чужихъ-то не пускаютъ... Ну, гдѣ и раздерутся изъ-за воды. Привезетъ иной бочку, а ночью воду украдутъ. Водяной голодъ изъ-за сухого лѣта и безснѣжной

зимы ¹⁾... Худой годъ. Хорошо тому хуторянину, у котораго имѣется запасный капиталъ да сыновъ много... А вотъ въ селѣ Боровичи у богатаго хуторянина и всѣ пять сыновей на войнѣ, такъ его дѣло и съ деньгами пропало... Работниковъ не найти у насъ. А платить въ банкъ надо за землю.

Къ однѣмъ жалобамъ пристали другія. Максимъ изъ Черемши пенялъ на самого себя за то, что соблазнился примѣромъ другихъ мужиковъ и взялъ изъ кассы кредитнаго товарищества десять рублей, а къ сроку отдать нечѣмъ. Зажиточный Антонъ вспоминалъ, какъ пожаромъ у него спалило сарай и убытковъ рублей на тысячу сдѣлано; Егоръ Меркуловъ недоумѣвалъ о томъ, какимъ образомъ долгъ въ четыреста рублей за купленные пустоши возросъ у мѣстнаго кулака до тысячи слишкомъ рублей и т. д.

— Все-то вы плачетесь на свое житье-бытье,—произнесъ я.

— Хвастать-то нечѣмъ!—перебили меня кругомъ.—Всю жизнь не своимъ хозяйствомъ сыты. То погода мучаетъ, то проценты, долги, то пожаръ, то конь поколѣеть... Ничего своего нѣтъ, а покоя не знаемъ.

Мѣстный священникъ, пріѣхавшій въ деревню къ больному, зашелъ къ намъ въ избу и, видимо, сочувствовалъ мужицкимъ жалобамъ. Школьный учитель дипломатично молчалъ.

— На Бога надѣйтесь,—утѣшалъ священникъ:—милости Царицы Небесной не оскудѣваютъ. Всѣ наши надежды на будущее. Худо живетъ, а въ будущемъ будетъ лучше.

— Надо бы послѣ замиренія... Неужели лучше не будетъ послѣ войны?

.....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....
 .....

— Врагъ-то сильный,—говорю:—не жалѣя себя, дерется...

— Да ужъ какой морозъ, а растаетъ къ веснѣ,—отвѣчаетъ Степанъ, одинъ изъ моихъ остроумныхъ спутниковъ по болотамъ и лѣсамъ.—Вотъ такъ и нѣмецъ. Этому Ермошкѣ—осталось шутить немножко... Мы ему покажемъ его дворянство. И въ писаніи сказано, что наши войска—«побѣдоносны».

— Готовился германецъ къ войнѣ много лѣтъ,—говорю:—это не австрійцы или турки... Труднѣе будетъ съ нимъ.

Степанъ въ отвѣтъ вдругъ весело запѣлъ:

Ахъ ужъ эти нѣмцы—
 Съѣли наши хлѣбцы!..
 А ужъ мы возьмемъ и Краковъ,—
 Побѣгутъ всѣ нѣмцы ракомъ...

Присутствовавшія дѣти затопали ногами, загикали и вдругъ начали силой высихивать другъ друга изъ избы.

— Это они берутъ «Краковъ»,—весело шутилъ Степанъ, не боясь того, что ребята на улицѣ уже дерутся кулаками и снѣгомъ по-настоящему, раздѣлившись на нѣмцевъ и русскихъ.

О подготовкѣ непріятеля къ войнѣ мужики, наперебой другъ дружкѣ, говорятъ мнѣ:-

— Готовился нѣмецъ давно къ войнѣ, и шары у него воздушные, и дороги хорошія, а верхъ будетъ нашъ... Волкъ цѣлую зиму постился и готовился лѣтомъ кушать на поляхъ гусей, свиней и овецъ, а люди все тюкаютъ на него... То же и германецъ. Усы кверху, а не грозень... Безъ всякихъ правъ воюетъ, что волкъ зимой и лѣтомъ... Мышей у него много, а котъ у насъ. Всѣ мыши—кто куда отъ кота. Такъ и войска нѣмецкія отъ насъ, что мыши...

— Какой же у насъ «котъ»?—спросилъ я, заинтересованный этой психологіей.

— А такой! —отвѣтили мои мужики загадочно:—жди конца войны... Раньше былъ языкъ, да говорить нельзя было... Теперь можно. Наши рѣчи—Богу навстрѣчу...

Видимо, они не привыкли къ точности въ своихъ сужденіяхъ о своемъ будущемъ послѣ войны, но надо понимать ихъ интуитивно.

Около меня сбоку стояла маленькая хозяйская дочь, лѣтъ восьми. Залюбовавшись милымъ ребенкомъ, я неожиданно спросилъ ее:

— Настя, поѣдешь со мной въ городъ?

Она не поняла шутки и серьезно отвѣтила:

— Съ дѣвкой некому...

— Она у насъ за няньку,—пояснилъ ея отецъ:—сестру нянчить и зыбаетъ... Мала и сама-то она, а безъ нея не обойтись мнѣ. То она съ дѣвкой на рукахъ, то она пасетъ гусей на лугу, то ночью пошли ее въ сосѣдную деревню,—сбѣгаетъ... Молодухи-то, жены сыновей, ни за что въ ночное время... Робливья...

— А чего бояться?—баскомъ произнесла Настя.—Звѣрьевъ у насъ нѣтъ, а кусты,—что ночью, что днемъ,—все кусты...

— А дѣтосѣку не боишься?—спросилъ я.

— Кака-така дѣтосѣка?!—удивилась Настя.

— Въ лѣсу живетъ и, если поймаешь тебя, то защекочетъ до смерти...

— О-о! Только попадись онъ мнѣ, твой дѣтосѣка,—воскликнула, громко смѣясь, Настя:—я зашумлю, такъ отовсюду народъ сбѣжится... Не робѣй, знай,—и никто тебя не обидитъ.

«Вотъ она,—подумалъ я, оглядывая величавый типъ славянки.—Коня на скаку остановить, въ горящую избу войдетъ, «дѣтосѣку» прогнать... Не растеряется».

— Привези ты мнѣ «разорверъ»,—произнесъ съ другого боку мальчуганъ, исхудалый и больной.

— «Разорверъ»... Да зачѣмъ онъ тебѣ?

— На войну собирается, какъ только выправится здоровьемъ,—отвѣтила за него Настя.—«Разорверъ» ему нуженъ, что пробкой стрѣляетъ. Видѣлъ на ярмаркѣ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я, записавъ въ памятную книжку его просьбу и невольно задумываясь о русскихъ богатыряхъ, которымъ другіе народы кажутся «мышами».

Сильныя натуры! На трудовой почвѣ воспитаны... Съ дѣтства знаютъ свои обязанности въ семьѣ, и никто здѣсь не растетъ въ тягость другому. Скудная пища, но здоровая; большой трудъ, но на воздухѣ; нѣтъ книгъ, но большая образованность мужика по земледѣлію, огородничеству, садоводству, пчеловодству и кустарной промышленности. Страшно много знацій и все необходимыя... Это не человѣкъ двадцатаго числа.. Лиши послѣдняго, университетски образованнаго господина, казеннаго жалованья,—и онъ окажется совсѣмъ безъ знацій, которыя нужны людямъ. Ни одного прикладнаго знанія. Ни сшить, ни зашить, ни стоговить обѣдъ себѣ... А мужикъ во всоружкии при всѣхъ случайностяхъ деревенской жизни. Ему не падо ни прислуги, ни жалованья... Не-

большой его стаканъ, но свой . . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .
. . . . .

Что ни слово у этого народа,—то цѣлый образъ...
Этой художественной силѣ нужно болѣе строгое научное просвѣщеніе; этотъ характеръ, исполненный силы и самоотверженія, какъ свидѣтельствуетъ современная война,—найдетъ большія задачи въ жизни и при настоящихъ ея условіяхъ. Будущее—придетъ, но когда есть благородный характеръ и талантъ—тогда счастье гораздо ближе...

Я эти мысли выразилъ вслухъ, но присутствовавшіе интеллигенты отнесли къ нимъ недовѣрчиво. Видимо, мечтать о лучшемъ будущемъ имъ гораздо легче, чѣмъ искать опоры для мужика въ его настоящей жизни. А уже пора и въ настоящемъ у него видѣть смыслъ жизни; оно имѣетъ тоже большое прошлое и многое въ немъ лучше, чѣмъ у привилегированныхъ классовъ. Педагогическій смыслъ не только въ ожиданіи переменъ въ будущемъ, но и въ развитіи вкуса къ наличію дѣйствующихъ силъ.

— Мужикъ ничего этого не чувствуетъ, что вы говорите,—замѣтилъ учитель, желая, видимо, быть заодно съ законоучителемъ.

— Надо, чтобы онъ и это чувствовалъ,—перебиваю:—это огромная задача привлечь мужика къ его настоящему, чтобы онъ цѣнилъ его и менѣе проклиналъ.

Священникъ рѣшительно заявилъ, что я идеализирую «настоящее» у современнаго мужика и что оно прямо невыносимо своею чернотой, бѣдностью и грязью...

— Послушайте меня,—сказалъ онъ и привелъ на память мнѣ мѣстное творчество крестьянъ о своемъ бытѣ.

Вышелъ душень мой кисель—
Душень, черень, пехорошъ...
Что кисельная вода неприкрытая была,
Неприкрытая была, мышъ поганая пила,
Тараканъ налокалъ, сѣрый котикъ начихалъ.

Хоть прикрыта и была, да рогозочка худа...
 Рогозочка худа, подь ребеночкомъ была.
 Вышелъ дурень мой кисель,
 Дурень, черень, пехорошь...
 Ъсть не хоцца мнѣ его, жаль добра-то своего.
 И удумала я, баба, киселемъ поторговать...
 Охъ, никто кисель не купить, никто даромъ не беретъ.
 Но пришла свинья-хавронья тотъ кисель мой торговать,
 Торговать не торговала, только рыло измарала...
 Только рыло измарала—двѣ недѣли прохворала.

— Ну-съ,—произнесъ священникъ грустно:—чѣмъ въ этомъ бытописаніи плѣниться мужику, если даже свинья-хавронья захворала отъ мужицкаго «киселя»?

— Отчаянный пессимизмъ,—пришлось согласиться мнѣ:—но маленькая «Настя» и ея братишка съ «разорверомъ»—другая сторона того же народнаго быта. Я не перестану говорить о современной деревнѣ, пока живы ея «богатыри» и въ избѣ, и на войнѣ. Они доживуть и до лучшаго будущаго изъ хорошаго настоящаго. Я продолжалъ:

— Не знаю, кто изъ насъ правъ. Но если настоящее у крестьянъ такъ мертвенно, то какъ же они живы до сихъ поръ и почему даже Л. Н. Толстой плѣнялся и крестьянскими дѣтьми, и ихъ родителями, стоящими на болѣе сухомъ берегу, чѣмъ наша интеллигенція? Философскія основы народнаго быта до сихъ поръ еще крѣпки, и въ будущемъ онѣ окрѣпнутъ въ указанномъ направленіи еще болѣе съ принятіемъ социальныхъ мѣръ.

— Вы, значить, за социальныя мѣры?—спросилъ меня словоохотливый священникъ.

— Ну, конечно, я не противъ нихъ. Но я противъ пессимизма въ настоящемъ... Противъ отчаянія мужицкихъ голосовъ, о чемъ ни заговори съ ними. Противъ ихъ зависти къ «приказчикамъ», которыми будто бы живетъ лучше Микулы Селяниновича. Мнѣ думается, что въ этомъ направленіи и въ настоящее время можно работать и учителю, и священнику, и земскому врачу, если они раздѣляютъ мою философію о народной жизни.

II.

Народъ съ водкой и безъ водки.—«Натуралистъ» и его легенда.

Къ концу нашей бесѣды подѣхалъ и земскій докторъ. Узнавъ о моемъ пребываніи, онъ вошелъ въ избу и, еще не снявъ шубы, съ азартомъ кричалъ:

— Какая тамъ философія народной жизни! Философія каждаго мужика въ томъ, чтобы утопить другъ дружку въ ложкѣ воды и среди зимы не дать льду сосѣду.

Крестьяне, волнуясь, перебили его:

«пестор. ввостн.», апрѣль 1916 г., т. сжл.

12

— Вина наша малая въ томъ! Хорошей жизни мы не видѣли нигдѣ и образованія на честныя правила не было. Господа и священники занявшись картами, а насъ учили только забивать пробки въ бутылки да вонъ выбивать ладонью... Вотъ вся мужицкая наука! Чего же взыскивать съ насъ? Сатанѣли мы съ водкой, а безъ нея мы желаемъ жить не хватомъ, а ладомъ. Будемъ раздумывать да разглядывать... Если хочешь мякенько смолоть хлѣбъ, то надо постоять, а если хочешь тоненько прясть, то надо посидѣть... А съ водкой все скорохватомъ да съ дурнымъ словомъ. Весь народъ былъ сухомордый, безъ чувствія въ лицѣ, какъ каменный: самъ себя не любилъ, а не только другого человѣка. Грѣшно жили: коли кто прошелъ подъ окномъ, дай взглянуть и осудить. Дурная слава про сосѣда была дороже денегъ. А безъ водки всѣ образовались... Раньше мы вниманія не обращали на свою жисть, на глазъ не брали ее, а теперь безъ водки каждое дѣло ставить на точку будемъ. Теперь **намъ** и полиція не нужна. Всѣ трезвы, и никто не буянить. Не стало веселухи, и деревенскіе парни перестали ходить по деревнямъ въ «праздничное»... Потому и гостей нѣтъ, что нѣтъ водки. Нѣтъ и озорства... Наши хулиганы—бродячіе: перепьются пакостники въ праздникъ и ходятъ изъ деревни въ деревню, ищутъ, съ кѣмъ задрацца, а кого и на смерть забить. По всему уѣзду извѣстны были наши хулиганы, а теперь и ихъ не стало. А послѣ войны заживемъ еще лучше.

— Опять будутъ хулиганы,—увѣренно возразилъ докторъ, во всемъ всегда сомнѣвающійся.—Вы,—спросилъ онъ,—что же думаете, эта трезвенность продлится и послѣ войны? Да гдѣ это видано? Въ Англійи пытались отрезвлять народъ карательными мѣрами, да недолго продержалось воздержаніе... Пока въ народное сознаніе не проникнетъ мысль объ отравленіи алкоголемъ, до тѣхъ поръ народъ будетъ требовать водки.

— Но нашъ народъ не требуетъ ея,—сказалъ я:—онъ самъ составляетъ мірскіе приговоры о закрытіи винныхъ лавокъ.

— Увлеченіе, голубчикъ! Увлеченіе! Примѣръ Англійи...

— Да зачѣмъ намъ брать дурные примѣры изъ чужихъ странъ? Надо ссылаться на то, что хорошо...

— Я—скептикъ и въ чудеса не вѣрю. Я—докторъ. Натуралистъ. Русскій человѣкъ не можетъ существовать безъ наркоза. Ему нужно пить съ горя, пить съ радости и пить, чтобы напиться...

— Такъ только нѣмцы думаютъ о насъ,—съ неудовольствіемъ отозвался молчаливый учитель.

— Нѣмцы тоже не дураки...

— А мы, что же, по-вашему, дураки да пьяницы?—съ разгорѣвшимися отъ гнѣва глазами спросилъ учитель, снимая со стѣнки свою шапку и желая уйти изъ избы.

И успокоилъ его и сказалъ, что его оскорбительные выводы не вытекаютъ изъ того, что сказалъ докторъ о пьянствѣ.

— Докторъ отвыкъ наблюдать такъ называемые «отрадные факты»... Но онъ не радуется дурному въ русской жизни, а говорить объ этомъ съ прискорбіемъ.

— Господскую руку тянешь! Вотъ и не вѣрить намъ,—отозвались презрительно нѣсколько мужиковъ:—а мы, по окончаніи войны, и сами не будемъ держать въ деревняхъ запьянцовскихъ... Цѣлымъ міромъ будемъ гнать пьяницъ... Вотъ только дай срокъ нѣмцевъ одолѣть.

Для поддержанія мысли о томъ, что мужики всегда хотѣли побѣдить «зеленаго змія» и пьянство считали «Божьимъ наказаніемъ», я привелъ факты изъ книги И. Прыжова: «Исторія кабаковъ въ Россіи», когда за послѣдніе годы откупной у насъ системы среди крестьянъ великороссійскихъ и западныхъ губерній составлялись мірскіе приговоры о трезвости, а откупщики старались соблазнить народъ удешевленіемъ водки, даже уплачивали за народъ недоимки, распускали слухи, что за каждое вышито ведро водки откупщики будутъ вносить за мужиковъ въ казну по одному рублю денегъ и т. д. Ничто не помогало и никто не пилъ... Но вмѣшалась администрація, и было сдѣлано распоряженіе, чтобы не допускать на городскихъ и сельскихъ сходахъ приговоровъ о поддержаніи народа отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

— А теперь,—перебилъ меня священникъ:—само правительство за отрезвленіе и, рискуя бюджетомъ, изыскиваетъ новыя статьи дохода. Съ Божьей помощью, народъ отвыкнетъ отъ хмельныхъ напитковъ, и молодежь ужъ не будетъ знать вкуса водки, какъ мы не знаемъ удовольствія курить гашишъ или опиумъ.

— Правильно! Богъ поможетъ прикончить и германца, и наше пьянство,—воодушевленно воскликнуло бородатое поколѣніе мужиковъ:—въ пьяные годы и дубу нарубишься, съ дубовой корой хлѣба попробуешь, и въ трубу, какъ пастухъ, натрубишься... А въ трезвой жизни, какъ на войнѣ: одна пуля ранитъ, а другія мимо полетятъ. Трезвому одна бѣда—не бѣда: онъ справится.. У него въ головѣ все рѣчи дѣльныя. А съ водкой онъ говоритъ, какъ въ грязь ногой: туды-сюды, и нашимъ, и вашимъ... Не разобратъ. Говоритъ съ утра до вечера, а слушать нечего. Голова-то дѣла не понимаетъ, а языкомъ болтаетъ. Вотъ такъ всю жизнь съ водкой и толкешь грязь, и на хорошія дѣла образованіе потеряли... Но черный народъ прежде не жаловался, а теперь не то...

— Такъ и остаётся!—перебилъ мужичье краснорѣчіе скептикъ-докторъ:—больше языкомъ работаете о трезвости и собственныхъ хуторахъ... Безъ дѣтей на отрубяхъ и хуторахъ пропадете, а съ дѣтьми каждый норовитъ доходъ припрятать «въ собинку» и своихъ молодухъ не помирить вамъ между собой...

Послѣ войны тоже не будетъ лучше. Что въ тебѣ есть, то останется и послѣ...

— Есть и хорошее,—перебилъ я расходившагося доктора, и, не желая вновь повторять философію объ устояхъ народной жизни, приказалъ моему возницѣ запрягать лошадь, чтобы поспѣть къ поѣзду на станцію.

— Поспѣешь,—заговорили мужики, видимо довольные нашимъ общимъ благобесѣдованіемъ:—въ «Петрографѣ» попадешь рано утромъ...

— Въ Петробратъ, а не въ Петрографъ,—закричала Настя, перепутавъ также новое названіе столицы.

Докторъ весело размѣялся, и, отозвавъ меня въ сторону, вновь повелъ свою рѣчь о мужикахъ.

— Ничего у нихъ не будетъ лучшаго и послѣ войны. Не только всё одичали, но они и святыхъ угодниковъ и заступниковъ поровняли съ собой. Послушайте-ка я вамъ расскажу легенду о нихъ. Мнѣ самому говорили ее въ глуши нашихъ мховъ... Вотъ эта легенда... «Философія народной жизни»,—прибавилъ онъ насмѣшливо по моему адресу.

Докторъ началъ рассказъ:

«Жилъ старикъ со старухой, были они стары и бѣдны. Имущества всего только и было, что покачнувшаяся на бокъ хатка да узенькая полоска земли.

«Но и ту полоску засѣять было нечѣмъ. Предыдущій годъ былъ неурожайный и что было съ нивы собрано, стариками за зиму съѣдено. А къ посѣву почти ничего не осталось. Между тѣмъ наступило время посѣва озимаго хлѣба. Сосѣди давно уже сѣютъ хлѣбъ, а нашъ дѣдъ сидитъ на лавкѣ передъ окномъ да ковыряетъ старый лапоть,—починяетъ его, да вздыхаетъ. Баба бречитъ около полокъ посудой да ворчить:

«—Что же ты, дѣдъ, сидишь за лаптемъ? Пора бы и тебѣ думать о посѣвѣ, а то сидишь себѣ точно у тебя полосы въ полѣ нѣтъ.

«Проходитъ день-другой, дѣдъ продолжаетъ ковырять лапоть и точно забылъ про посѣвъ.

«Не вытерпѣла баба, подошла къ нему и говорить:

«— Докуда же, идолъ, будешь ты сидѣть за своими отопками?— Или ты свою полосу продать думаешь?

«— Отвяжись ты, смола горячая! Что я тебѣ буду сѣять, когда въ амбарѣ настоящей ржи ни гарнца,—одинъ мусоръ-костеръ, а не рожь, да и того на все поле не хватить, а только на четверть.

«Принялась баба журить дѣда, что онъ беззаботный лѣнтый, не подумалъ достать ржи для посѣва.

«Надоѣло слушать дѣду ворчливую бабу, пошелъ въ амбаръ, кое-какъ подмелъ закомъ, насыпалъ въ мѣшокъ, перекрестился,

взвалилъ себѣ на спину и пошелъ въ поле, идетъ, да и думаетъ: «Ну, что толку сѣять этотъ мусоръ? Изъ мусора и вырастетъ мусоръ. Не даромъ дѣды говаривали: «каково сѣмечко, таковъ и плодъ».

«Подошелъ мужикъ къ своей шивѣ, поставилъ мѣшокъ и сѣлъ отдохнуть.

«Сидитъ, утираетъ потъ съ лица да посматриваетъ по сторонамъ и думаетъ:

«—Сколько ни сиди, а сѣять нужно,—вишь, люди почти посѣялись...

«Всталъ, развязалъ мѣшокъ и сталъ насыпать рожь изъ мѣшка въ лукошко.

«— Здравствуй, дѣдь!—послышались ему голоса сзади.

«Оглянулся дѣдь,—видитъ, стоятъ передъ нимъ два странника, оба безъ шапокъ, плѣшивые, почти безъ волосъ, одинъ бѣлокурый, а другой черень, что воронь.

«— Здравствуйте, родимые, здравствуйте.

«— Что, дѣдь, стоишь и раздумываешь?

«— Вотъ хочу сѣять рожь, да уморился, не далеко прошелъ съ мѣшкомъ, а усталъ, кормильцы; сила, знать, оставила меня, старика. Кажется, мѣшокъ не-великъ, и рожь-то легкая, мусоръ, а не рожь, да и той не принести стало.

«— Давай, дѣдь, мы тебѣ поможемъ посѣять.

«— Спасибо, родимые! Дай Богъ вамъ здоровья, помогите, если милость ваша.

«Взялъ одинъ странникъ лукошко, насыпалъ ржи и сталъ сѣять, посѣялъ одну полосу.

— Ну, дѣдушка,—одну полосу мы тебѣ посѣяли, показывай свои полосы дальше.

«Одинъ странникъ сѣетъ, а другой мѣшокъ за нимъ таскаетъ, а дѣдь полосы указываетъ. Вотъ и послѣдняя полоса, а ржи въ мѣшкѣ почти не убавилось. Удивляется дѣдь, но молчитъ. Поставилъ странникъ на землю лукошко и говорить:

«— Вотъ, дѣдушка, мы тебѣ помогли посѣять рожь, а ты теперь скажи намъ, кто изъ насъ двоихъ красивѣе.

«Посмотрѣлъ дѣдь на одного странника, посмотрѣлъ на другого, и говорить:

«— Оба вы, родимые, красивые...

«— Нѣтъ, дѣдушка, ты не хитри, а говори правду.

«Посмотрѣлъ дѣдь на одного, взглянулъ на другого и, указывая на бѣлокураго, сказалъ черному: «вотъ этотъ какъ будто по-красивѣе тебя».

— Прощай, дѣдушка, будь счастливъ,—сказалъ бѣлокурый странникъ и пошли по дорогѣ дальше.

«— Вотъ что,—сказалъ обиженный странникъ:—за то, что мужикъ меня не похвалилъ, я на будущій годъ всю рожь его градомъ побью.

«Прошла зима, наступила весна, зазеленѣли лѣса и луга, зазеленѣла и озимь на поляхъ, особенно стала выдѣляться изъ сосѣднихъ нивъ нива нашего мужика. Всѣ крестьяне удивлялись его ржи, такъ какъ знали, что нива его удобренія не видала, да и сѣменами плохими посѣяна.

«Рожь стала подниматься все выше и выше, вотъ и зацвѣла. Жаль стало бѣлокурому страннику мужика, жаль стало ему и ржи, что погибнетъ отъ руки другого странника ни за что, ни про что. Приходитъ онъ къ мужику и говоритъ:

«— Слушай, мужичекъ, рожь-то у тебя хороша, это знаютъ всѣ твои сосѣди, знаетъ о ней и вашъ баринъ. Да что ты тогда станешь дѣлать, когда вдругъ рожь-то градомъ побьетъ? Вѣдь ты со своей бабой отъ голода умрешь.

«— На все воля Господня, милый человекъ,—отвѣчаетъ мужикъ:—какъ захочетъ, такъ и будетъ.

«— Это правда, что Господня воля во всемя, а не лучше ли тебѣ рожь продать барину,—хорошія деньги заплатитъ тебѣ за нее, а съ деньгами, самъ знаешь, всегда кушай,—гдѣ хочешь и сколько хочешь.

«Попрощался онъ съ дѣдомъ и ушелъ. Остался мужикъ одинъ и задумался надъ совѣтомъ. Подумалъ-подумалъ, и пошелъ къ барину, а тотъ давно его поджидалъ, чтобы купить отъ него рожь для сѣмянъ. Сторговались. Получилъ мужикъ хорошія деньги и пошелъ себѣ домой.

«Прошла недѣля, поднялась буря и побило градомъ всю рожь мужика на его нивѣ.

«Черный странникъ и говоритъ бѣлому:

«— Смотри, какъ я отдѣлалъ мужикову-то ниву. Всю его рожь положилъ. Пусть знаетъ, какъ обо мнѣ отзываться...

«— Но ты побилъ рожь-то барскую!

«— Какъ такъ?

«— А такъ. Мужикъ рожь продалъ барину.

«— Ну, въ такомъ случаѣ я поправлю рожь, хоть рожь соломою будетъ и кривая, да колосомъ и зерномъ вынесетъ лучше другой и прямой.

«Прошелъ день-другой...

«Отправился бѣлокурый заступникъ къ мужику. Послѣдній спрашиваетъ его, куда онъ идетъ.

«— Да вотъ иду по дѣламъ мимо тебя. Дай, думаю, зайду къ тебѣ... Узнать про твое житье-бытье. Ну, что какъ твоя рожь?

«— Да что про рожь толковать. Дай Богъ тебѣ здоровья за твой совѣтъ. Онъ пришелся кстати; рожь-то я барину продалъ и взялъ хорошія деньги, да барину рожью-то попользоваться не придется. Недѣлю тому назадъ градомъ всю рожь повыбило,

всю исковеркало, ни одной цѣлой соломины не осталось,—всю искалѣчило градомъ.

«— Послушай, дружокъ, откупи ты свою рожь обратно. Баринъ, я думаю, продастъ, а рожь-то, можетъ быть, и поправится. У барина соломы своей много, а съ твоими пивами возиться ему не хочется. Жнецы дороже стоятъ, нежели рожь. Прощай, я пойду по своимъ дѣламъ. Черезъ недѣльку-другую я зайду къ тебѣ узнать, какъ ты поступишь съ этимъ дѣломъ.

— Прощай, милый человѣкъ. Хорошаго совѣта чего же не послушать. Я вижу, что ты мнѣ не худого желаешь.

«Ушелъ странникъ, а мужикъ, не мѣшкавая, отправился въ село.

«Баринъ не заставилъ долго ждать себя, позвалъ мужика и спрашиваетъ:

«— Ты зачѣмъ, старикъ, пришелъ?

«— Да, пришелъ къ тебѣ. Рожь-то мою побилъ градомъ, она добра тебѣ мало дастъ не только зерномъ, но и соломой. Продай мнѣ ее на подстилку, а, можетъ быть, что-нибудь и намолочу, а тебѣ стоитъ ли съ ней возиться.

«— Ты, пожалуй, и правду говоришь. Мнѣ не до твоей ржи. Бери ее и дѣлай съ нею, что знаешь, а мнѣ приди поработать день-другой, почини хоть изгородь около огорода, работа эта какъ разъ тебѣ по силѣ.

«День ото-дня рожь стала поправляться,—колосья стали по четверти, а зерно что жемчугъ.

«Странники говорятъ между собою:

«— Смотри, какъ я поправилъ рожь барину. Соломой она, правда, не казиста, но отъ зерна дѣваться некуда будетъ.

«— Поправилъ ты рожь, только не барину, а мужику...

«— Какъ такъ? Вѣдь мужикъ продалъ рожь?

«— Продать-то продалъ, да на дняхъ онъ откупилъ ее обратно.

«— Въ такомъ случаѣ я отниму отъ ржи «споръ»... «Спориться» ничего не будетъ у мужика.

«— Какой ты отнимешь «споръ»?

«— А такой! Мужикъ будетъ намолачивать менѣе ржи, чѣмъ другіе: изъ одной риги намолотить только мѣрки двѣ... Утраченъ будетъ «споръ» въ его трудѣ.

«Собралъ мужикъ рожь, свозилъ къ гумну и сложилъ. Наступило время молотить. Идетъ мужикъ къ гумну сажать снопы въ овинъ для просушки и видитъ—идетъ къ нему навстрѣчу знакомый странникъ.

«— Богъ помощь! Ну, что, откупилъ рожь отъ барина, какъ я совѣтовалъ тебѣ?

«— Откупилъ, милый, и не каюсь: солома-то неважна, но колосья увѣсистый, думаю, что не прогадалъ. Дай Богъ тебѣ здоровья за добрый совѣтъ. Теперь думаю рожь сушить да молотить.

«— Вотъ что, пріятель, я хочу тебѣ посовѣтовать... Когда ты будешь сажать снопы въ овинъ, то сади такъ: въ каждый уголь ставь по снопу и одинъ снопъ передъ окномъ и тогда топи овинъ.

«Прощался и ушелъ, а мужикъ садить въ овинъ по пяти сноповъ.

«Проходитъ другой странникъ, сердитый, мимо овина: овинъ топится, передъ окномъ снопъ ржи стоитъ, изъ овина дыма идетъ. Значить, овинъ полонъ снопами...

«— Это, вѣроятно, мужикъ думаетъ рожь смолотить. Ну, что жъ, пускай молотить, только много ль то онъ намолотить? Увижу.

«А мужикъ молотить себѣ да въ амбаръ зерно таскаетъ. Полные закрома натаскалъ ржи. Дѣвать некуда.

«— Смотри,—говоритъ сердитый странникъ доброму:—мужикъ-то у меня съ риги намолачиваетъ только по двѣ мѣрки ржи.

«— А ты почему знаешь, что онъ намолачиваетъ по двѣ мѣрки съ риги?

«— Да какъ же не знать. Иду, вижу овинъ топится, подхожу—вижу въ окнѣ снопъ ржи торчитъ, значить, рожь сушить и молотить.

«— А ты въ овинъ-то заглянулъ или такъ только мимо прошелъ?

«— Не заглядывалъ, да и не для чего заглядывать.

«— Какъ не для чего? Мужикъ сажалъ въ овинъ только пять сноповъ,—четыре по угламъ, а пятый передъ окномъ, а ты думалъ, что полный овинъ набивалъ тебѣ снопами, до ста восьмидесяти штукъ...

«— Въ такомъ случаѣ, я расправлюсь съ нимъ по-своему. Когда онъ пойдетъ изъ церкви, я убью его громомъ-молніей, а то онъ ужъ очень хитеръ сталъ!

«Жаль стало доброму страннику мужика. Наступилъ праздникъ. Собрался старикъ въ церковь. Идетъ, а навстрѣчу ему—знакомый странникъ.

«— Куда, пріятель, путь держишь?

«— Въ церковь, милый, собрался сходить. Нужно Божьимъ угодничкамъ свѣчку поставить.

«— Вотъ что, пріятель, купи двѣ свѣчки, одну за двѣ копейки, а другую за три, и когда пойдешь ставить, и если тебя кто спроситъ кому, то скажи: двухкопеечную хочу поставить бѣлокурному заступнику народа, а трехкопеечную грозному, но милостивому его другу.

«Послушалъ дѣдъ совѣта и купилъ двѣ свѣчи, какъ было сказано. Пробирается онъ среди народа къ иконостасу, а навстрѣчу ему идетъ лысый старикъ съ черной бородой, по виду странникъ.

«— Ты кому думаешь свѣчи поставить?—спрашиваетъ странникъ.

«— За двѣ копейки бѣлокурому угоднику Божьему, а за три грозному, да милостивому чудотворцу,—и пошелъ къ иконостасу.

«А странникъ думаетъ себѣ: «а дѣдъ-то почитаетъ меня больше: все-таки мнѣ принесъ свѣчу копейкой дорожке, пусть себѣ живетъ,— не трону его...»

— Ну-съ,—воскликнулъ докторъ:—правится вамъ эта легенда среди крестьянъ о высшей справедливости на землѣ? Какъ все въ ней дышитъ «землей» и «народомъ», а вы идеализируете его.

Я отвѣтилъ не разомъ.

— Легенда ваша очень хороша,—произнесъ я, вдумываясь:— но легенда не обнимаетъ правды о народѣ во всемъ ся объемѣ, и будущее народовъ всегда зависитъ отъ его дальнѣйшей исторіи, а не отъ легендъ. Мнѣ болѣе убѣдительно мои мужики въ этой избѣ объ ихъ трезвой и умной жизни послѣ войны, чѣмъ ваши апокрифы о небесныхъ странникахъ. Прощайте, докторъ... Лошадь подана. Тороплюсь...

III.

Народъ во время войны съ Японіей и онъ же въ современной войнѣ съ Германией.—Сентиментализмъ народнаго театра и школы.—«Картежникъ» и его реализмъ.—Мечтательные отголоски войны...—«Новая звѣзда».

Уѣхать мнѣ, однако, не удалось... Узнавъ, что у меня имѣется еще цѣлый праздничный день въ запасѣ и что опоздать къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей въ Петроградѣ я не могу, докторъ упросилъ меня поѣздить съ нимъ по уѣзду и послушать въ новыхъ деревняхъ современное настроеніе крестьянъ.

Помню, во время русско-японской войны мужики относились безъ всякаго идеализма къ своему будущему. Совершенно иное было настроеніе, чѣмъ теперь. Крестьяне, конечно, и тогда интересовались газетами; были увѣрены, что «япошки—коротки ножки»—на честный бой не пойдутъ и потому начали войну «ночью»...

— Свинью съ начинкой пустили (мину) на наши корабли... Какъ фукнетъ она, такъ и готово дѣло! По-разбойнически напалъ, не въ законные часы... Въ обмашку!

Всѣ были увѣрены, что, проигравъ сраженіе на водѣ, мы переправимся на сушѣ и одолѣемъ «апошку»; что самъ Скобелевъ поѣхалъ на войну, что онъ и не умиралъ, а вмѣсто него, чтобы обмануть королеву Викторію, была похоронена въ свое время большая кукла... Когда и эти надежды на фантастическаго Скобелева не оправдались и на сушѣ мы были биты, народъ объявилъ, что войско наше хорошо сражается, а начальство плохо и обманываетъ Царя... «Страшное слово «измѣна» произнесено, и народъ ищетъ измѣнниковъ рѣшительно во всѣхъ, въ генералахъ и въ совѣтни-

какъ нашихъ, и въ насъ, и во всѣхъ «господахъ» вообще». (Изъ рѣчи князя Трубецкого къ Государю Императору).

Обвиняя «начальство» въ бѣдствіяхъ войны и желая отдать его «на мужицкій судъ» («стоять ногами»), народъ ничего не ждалъ для себя лучшаго отъ этого начальства.

Были остряки, которые не стѣсняясь говорили:

— Хорошо умирать за вѣру, Царя и отечество, но нашу вѣру и Царя никто не обижаютъ, а отечество—не въ Манчжуріи...

Для себя никто лучшаго не ожидалъ въ связи съ войною. Разговаривая о «земскомъ соборѣ», мужики радостно спрашивали меня:

— Соборъ, значитъ, всероссійскій... Сколько кирпича-то надо на такую постройку. Нашъ братъ много заработаетъ на кирпичѣ и подводѣ.

Уразумѣвъ, наконецъ, земскій соборъ въ смыслѣ «Государственной Думы», крестьяне полагали, что Царь недоволенъ «господами» и потому на ихъ мѣсто призываетъ народъ поправить бѣдствія войны...

Минувшая война давала одни отрицательные выводы о положеніи дѣлъ. Она была не популярна. Совсѣмъ иное я слышалъ со всѣхъ сторонъ теперь.

— Заразительное дѣло нынѣшняя война,—восклицаютъ часто крестьяне.—Поѣдешь въ лѣсъ за дровами или на ярмарку продавать борова, а на умѣ все нѣмецъ. Прочтешь въ газетахъ, какъ онъ пакоститъ храмы, убиваетъ дѣтей и «тискаетъ» женщинъ на глазахъ мужей, такъ бы и полетѣлъ драться съ нимъ... Заразительная война! Этого прежде не было съ Японіей... Понятія стали въ деревняхъ другія. Весь свѣтъ обернулся колесомъ, и мужики также... Не вѣрится, что если съ войны какой вернется и не раненымъ, то вернется получеловѣкомъ отъ страха, холода и голода въ окопахъ... Неправда! У насъ на облавахъ за звѣремъ цѣлый день гоняешься и не чувствуешь ни мороза, ни голода, ни силы рогатаго лося. То жъ и на войнѣ теперь... Въ дракѣ кулаковъ не жалѣютъ! Что тутъ толковать про морозъ? И теперь такъ сердце и замираетъ, когда прочтешь въ газетахъ, какъ мы бьемъ нѣмчугу. Въ нынѣшній вѣкъ придетъ много калѣкъ, а получеловѣка на войнѣ не будетъ... Ничемъ не запугать теперь солдата. Всѣ хотятъ сразиться и одолѣть злодѣя...

— А вы увѣрены, что мы разобьемъ нѣмцевъ?

— Какъ пить дать, разобьемъ!.. А что турка съ нѣмцами заодно, такъ это все равно, что какъ русскій съ чухной вмѣстѣ у барина лѣсу наворовали, сдѣлали плотъ и поплыли по рѣкѣ... А рѣка-то быстрая. Ъхали-ѡхали, да о камень и ударились. Плотъ разсы-

пался, и оба молодца свалились въ воду... Русскій-то умѣетъ плавать, а чухна нѣтъ. Русскій плыветъ, а чухна его за ногу хватъ и кричить: «Врешь! вмѣстѣ воровали, вмѣстѣ и тонуть будемъ...» И потонули оба. Такъ пычке и турка съ нѣмцемъ кончатъ свою дружбу...

Не переслушаешь всѣхъ разговоровъ на эту тему, но несомнѣнно, что современная война сообщаетъ народной мысли болѣе трезвое и благожелательное отношеніе къ будущему. Къ сожалѣнію, и теперь о Государственной Думѣ мужики не упоминаютъ, точно она не существовала и не существуетъ; но они вѣрятъ, что послѣ войны ихъ собственная жизнь измѣнится и измѣнится не потому, что имѣются на политической аренѣ новыя имена съ новыми идеалами, а просто жить стало нельзя по-старому.

— Безъ водки другая жизнь совѣмъ,—отозвался ямщикъ, прислушиваясь къ моей бесѣдѣ съ докторомъ.—Вотъ я о себѣ скажу, примѣрно...

— Ладно! Ладно!—перебилъ докторъ.—Гляди впередъ... На пень наѣдешь.

— Цѣль будешь,—успокоилъ его мужикъ и закричалъ на лошадь своеобразно:—но-о... Чтобъ тебя волкъ не видалъ!.. И будетъ блякаться изъ стороны въ сторону, а прямо не бѣжить!.. Чтобъ тебя волкъ не видалъ!—повторилъ онъ, ударяя ее нѣсколько разъ кнутомъ.

Мы ѣхали «зимнякомъ» прямо черезъ мохъ, значительно сокращая этимъ дальнюю дорогу на медицинскій пунктъ, куда торопился мой спутникъ.

Здѣсь его уже ждали пациенты изъ крестьянъ, пришедшіе ото всюду. Во время опроса ихъ докторомъ и снабженія ихъ лекарствомъ, приготовленнымъ здѣсь же въ земской аптекѣ фельдшерницей, докторъ и я получили приглашеніе посѣтить дѣтскій театръ, въ которомъ артистами были ученики и ученицы мѣстной школы.

«Это интересно», подумалъ я и пошелъ туда одинъ, а докторъ остался при своемъ дѣлѣ у себя въ амбулаторіи.

Я засталъ на сценѣ группу дѣвочекъ, посреди которыхъ одна изъ нихъ, на колѣняхъ и склоня голову къ землѣ, изображала собою страдающую розу, когда-то царившую и господствовавшую надъ другими цвѣтами, но теперь, благодаря потерѣ волшебной палочки, роза была всѣми покинута и горько плакала. Къ ней подходили утѣшать другія дѣвочки, долженствующія изображать собою букашекъ и бабочекъ. Роза плакала и жаловалась имъ на фіалки, ландыши, анютины-глазки и васильки, пока одна изъ бабочекъ не принесла ей ея потерянную волшебную палочку... Тогда вдругъ всѣ цвѣты, въ лицѣ другихъ дѣвочекъ, опять окружили розу поклоненіемъ и услугами, но роза уже отвергла ихъ и стала оказывать добро любящимъ ея бабочкамъ и букашкамъ...

Послѣ спектакля дѣти запѣли нѣжными голосами:

Жилъ былъ у бабушки сѣренькій козликъ...
Вотъ-такъ! Вотъ-такъ! Сѣренькій козликъ!...

Въ концѣ концовъ волки съѣли козлика, и остались у бабушки отъ козлика «рожки да ножки».

— Тебѣ нравится?—спросилъ я бородатого крестьянина, вышедшаго со мною одновременно изъ театра.

— Ни къ чему это!—угрюмо произнесъ онъ.—Баловство. Что тамъ за бабушка съ козликомъ и роза съ букашками? Я думалъ, что здѣсь какъ въ городѣ... На стѣнкѣ покажутъ войну про казаковъ, али тамъ нѣмецкій народъ... А это глушь одна.

— Ты, пожалуй, и правъ,—отозвался я, довольный тѣмъ, что къ нашей бесѣдѣ прислушивались и другіе крестьяне.

Многіе были, однако, довольны спектаклемъ, но недовольный крестьянинъ вдругъ гнѣвно спросилъ одного изъ нихъ:

— А ты пилъ чай съ бомбазе? Ну, то-то: не пилъ, такъ и не споръ со мной. Не знаешь, что такое «бомбазе», и не видишь, что въ театрѣ нашей жизни не понимаютъ.

Я находилъ критику «игрушечнаго» театра важной въ томъ отношеніи, что и вся наша низшая школа полна лепетанья «Розы» и «Бабушки» про ихъ очень удаленныя отъ народнаго быта огорченія. Какъ бы въ подтвержденіе моей мысли крестьянинъ продолжалъ свою рѣчь:

— Въ такое-то время... Всѣ народы передрались на сушѣ и на водѣ, дѣлятъ земной шаръ каждый себѣ, а мы ничего здѣсь не знаемъ. Поемъ про козлика! Что проку, что школъ у насъ много. Безъ пользы онѣ... Оттого грамотнаго человѣка изъ мужиковъ и не узнать въ деревнѣ. Грамотнаго господина всегда видать... Въ чистотѣ онъ живетъ, и разговоръ у него другой. А грамотные мужики и водку пили, какъ всѣ прочіе, и теперь они про войну ничего не знаютъ... Необразованность!.. Петроградъ—не написать и не выговорить имъ...

— Ты здѣшній?—спросилъ я, удивленный его разговоромъ.

— Нѣтъ. Я дальній... псковской. Зовутъ насъ «сѣрыми» мужиками... Обидно оно... Вѣдь и «псковскіе мякинники» хотятъ свѣта, а гдѣ взять его, если дуть на него со всѣхъ сторонъ? Ишь, вѣтеръ-то!

— Какой тамъ еще «вѣтеръ»?—спросилъ я его, начиная утомляться его бойкостью.

Онъ на минуту задумался и вдругъ вынулъ изъ-за пазухи своего армяка книжку. Передавая ее мнѣ, онъ сказалъ:

— Думалъ на почту сдать и отослать обратно... Но погляди и ты... Я былъ у себя на родинѣ въ гор. Новоржевѣ, Псковской губерніи, и захватилъ почитать этотъ докладъ новоржевской земской управы по народному образованію... Читай-ка на 26-й страницѣ...

Я послушался его совѣта и прочелъ слѣдующее:

«Для нѣкотораго освѣщенія причины, въ значительной степени тормозящей открытіе воскресныхъ школъ, управа позволяетъ себѣ, остановить вниманіе земскаго собланія на нижеслѣдующей выпискѣ о воскресныхъ школахъ изъ отчета инспектора народныхъ училищъ о состояніи начальнаго народнаго образованія въ Новоржевскомъ уѣздѣ за 1913—14 учебный годъ: «школы эти открываются и допускаются въ нихъ ученіе не иначе, какъ съ разрѣшенія и допущенія инспекторомъ народныхъ училищъ съ соблюденіемъ извѣстныхъ формальностей. Далѣе—воскресныя школы учреждаются исключительно только для учащихся одного пола. Новоржевское земство, видимо, не считаетъ важнымъ слѣдовать указаннымъ правиламъ о воскресныхъ школахъ, а инструкція обязана отстаивать необходимость соблюденія ихъ. Отвѣтственными же за воскресныя школы лицами являются исключительно ихъ завѣдующіе и учащіе. Послѣдніе это чувствуетъ и болѣе осторожные изъ нихъ предпочитаютъ не браться за опасное дѣло».

«Содержаніе этой выписки достаточно ясно и опредѣленно характеризуетъ отношеніе инспекціи къ воскреснымъ школамъ—опасному, по мнѣнію инспектора, дѣлу, и здѣсь, можно сказать, всякіе комментаріи излишни...»

— Какъ вотъ ты скажешь,—спросилъ меня тотъ же крестьянинъ, когда возвратилъ я ему книжку:—на такомъ «вѣтру» загорится свѣтъ или потухнетъ? Просвѣщеніе народа называется «опаснымъ дѣломъ»... Можетъ, такихъ инспекторовъ болѣе и не будетъ послѣ войны,—продолжалъ онъ, точно утѣшая самого себя.— Это нѣмцамъ нужно, чтобы русскій народъ пьянствовалъ и во тьмѣ жилъ, а намъ давно хочется «просвѣщенія».

— Мнѣ правятся твои слова,—сказалъ я.—Ты гдѣ учился?

Мужикъ ничего не отвѣтилъ мнѣ, но другіе выдали его секретъ.

— Съ малолѣтства онъ былъ занявшись картами,—заговорили кругомъ его не безъ зависти.—Значитъ, жилъ картежной игрой. Все его хозяйство въ картахъ. Ходилъ онъ по деревнямъ, по постояннымъ дворамъ, по станціямъ, а то и господа приглашали къ себѣ въ село... Игралъ онъ въ картишки на честныя правила, безъ плутовства, и вездѣ ему былъ почетъ... Вотъ онъ и образовался, гдѣ съ господами, гдѣ со всякимъ народомъ... На чугункѣ-то у насъ, знаешь, со всей Россіи народъ. Что ему твоя школа? Въ псаломщицки ему не итти, оттого и пѣсни про козлика и бабушку ему не во нравъ,—сострили въ толпѣ.

Я былъ озадаченъ своеобразной «школой», которую прошелъ «картежникъ». Но та же толпа продолжала острить:

— Въ мужики онъ не годится... Ну, такъ чего жъ его и хвалить?

Насмѣшка эта меня, однако, не удовлетворила.

Мнѣ невольно хотѣлось заступиться за обыкновенную земскую школу съ учительницами изъ епархіалокъ, съ учителями изъ «се-

минарій», но я вспомнилъ, что это «образованіе народа—народомъ» было сплошь отрицательно.

Неужели «образованіе около господъ и всякаго иного народа». все-таки выше беспочвеннаго образованія въ нашихъ низшихъ школахъ? Въ эту минуту я забылъ неоднократно поднимаемый въ литературѣ вопросъ о свободной школѣ, полезность программы которой или бесполезность ея контролировалась бы самимъ населеніемъ, но «картежникъ» напомнилъ мнѣ о ней словами, обращенными ко мнѣ:

— Лучше бы въ большіе и малые праздники учительши читали намъ газеты о томъ, какъ нѣмцы бѣгутъ, а мы за ними; какъ турки, что чурки, валяются, а нашихъ Богъ помиловалъ... Поди и земская управа могла бы печатать листки о войнѣ и разсылать ихъ по волостнымъ правленіямъ.

— Хорошо бы,—воскликнули и прочіе мужики.—А то въ глуши ничего не достать, однѣ картинки, какъ казакъ однимъ ударомъ сажаетъ на пикъ по два, по три германца... А сказываютъ, что были въ столицахъ предсказательницы изъ праведныхъ дѣвушекъ, которымъ явственно все, чѣмъ война кончится и какъ долго она продлится. Видали на войнѣ многіе солдаты и Пресвятую Богородицу въ облакахъ, какъ Она закрыла ихъ оморочомъ отъ вражескихъ пуль и грознаго ихъ огня... А мы ничего про это не знаемъ здѣсь.

Пропуская безъ отвѣта рядъ вопросовъ, я чувствовалъ на каждомъ шагу потребность у крестьянъ свободной мысли и прямого на нее отвѣта. Читая передъ этимъ журналъ «Вѣстникъ Спасенія», со множествомъ статей о дѣятельности въ Европѣ «Арміи спасенія» и прислушиваясь къ народному говору, я невольно сожалѣлъ о томъ, что до войны у насъ . . . . .

. . . . . о свободной школѣ для народа можно только мечтать въ газетахъ. А между тѣмъ здѣсь, среди народа, я видѣлъ, что война требуетъ ежедневно освѣщенія совершающимся событіямъ и обсужденія вопросовъ, которые возникаютъ сами собою уже въ настоящее время . . . . .

. . . . .

. . . . .

. . . . . Неудовлетворенный

народъ, несомнѣнно, изобрѣтетъ собственныя фантазіи, которыя, конечно, менѣе желательны, чѣмъ граждане въ частныхъ своихъ школахъ, всегда на виду у всѣхъ, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія и отвѣтственностью по суду.

На самомъ дѣлѣ, если земскими и министерскими силами трудно достигнуть всеобщаго образованія народа, то почему не предоставить право каждому гражданину взяться за эту задачу, если онъ того желаетъ.

Окружающіе меня крестьяне (хотя и не пили чай съ «бомбазе») тоже говорили въ симпатичномъ мнѣ направленіи:

— Не худо бы по праздникамъ учительшѣ обучать дѣвочекъ стряпать и кушанья для мужиковъ... А то наши бабы знаютъ одно «варево» и изъ добраго дѣлаютъ худое. А «мякинники» тоже хотѣли бы «хлебать» не все одно и то же каждый день... Взамѣнъ того нашихъ дѣвокъ учать въ школахъ пѣть «козлика».

— Учатъ и церковному пѣнію,—возразилъ я.

— Да намъ Богу-то въ лѣтнюю пору некогда и молиться съ пѣніемъ,—перебили меня.—Успѣть бы только, не чесавши волосы, лицо обмыть водой, перекреститься да скорѣй въ поле... Ну, въ зимнее время оно хорошо, когда на клиросѣ ребята поютъ...

— А какой же мужику обѣдъ повкуснѣе?—возразилъ я вновь, желая продлить споръ.—Какъ наработается мужикъ, такъ онъ все съѣсть... Вы же говорите: найдется въ домѣ хлѣбъ—ѣшь его и благодари Бога; нѣтъ хлѣба—водку пей, а выпьешь—и хлѣба не надо.

— Это прежде такъ,—поправили меня солидные мужики.—Война прикончила водку не затѣмъ, чтобы мужикамъ вернуться къ старой жизни.

Меня крайне начинало интересовать то, что отголоски войны всюду теперь проникаютъ въ мужицкую жизнь, не только въ школу, но и за обѣденный столъ... Всюду страстное желаніе учиться, а было время, когда народъ относился презрительно къ образованнымъ людямъ. Въ книгѣ «Мои мужики» у меня записанъ на эту тему рассказъ о томъ, какъ въ ненастную погоду къ неграмотному мужику присталъ прохожій:

— Заругай погоду, землякъ,—говорить онъ мужичку.—Двѣсти рублей тебѣ дамъ.

А мужичекъ въ отвѣтъ:

— Это не погода, а Господь время далъ такое и нельзя его ругать. Богъ—старый хозяинъ. Лучше насъ знаетъ, что къ чему...

Пришелъ мужичекъ къ священнику въ погостъ и рассказываетъ, какія деньги даетъ ему прохожій, если онъ выругаетъ погоду.

— Гдѣ же этотъ человѣкъ?—спрашиваетъ батюшка и даже изъ-за стола вышелъ.

— За оградой.

— Покажь мнѣ его. Какой онъ изъ себя?

Вышли они за ограду, а вмѣсто прохожаго стоитъ чортъ и кричитъ попу:

— Ладно, ладно, ты ступай на свое мѣсто... Ты и такъ мой. Тебѣ не дамъ. Мнѣ неграмотнаго мужичка надо, а не ученыхъ господъ и поповъ... Тѣ давно уже мои.

Въ настоящее время отношеніе народа къ «учности» совершенно измѣнилось. Война требуетъ много жертвъ и смертей, но она же вселяетъ въ народъ надежды на обновленіе и возрожденіе страны.

Крестьяне еще долго говорили о томъ, что они многого не знаютъ даже по уходу за скотомъ и птицей; теряются, когда телится корова или жеребится лошадь; не догадываются о томъ, что зерно вырывается, если его не обновлять новыми, а бросать въ поле одно и то же зерно; булку вкусно хозяйка не сумѣетъ приготовить, курицу обжарить съ зобомъ и потрохами или выварить въ горшкѣ и вареную на сковородѣ засушить, обливъ ее сверху масломъ; о винегретѣ изъ овощей и понятія не имѣютъ и т. д.

Я самъ зналъ всѣ элементарные недочеты въ огромныхъ познанияхъ мужика и деревенской бабы, но до войны всѣ крестьяне съ этимъ мирились и утѣшали себя словами: «мы не господа», чтобы вкусно и чисто ѣсть; теперь они ищутъ лучшаго даже къ своему обѣденному столу.

Никто не упоминалъ изъ нихъ о техническихъ школахъ для народа, но всѣ говорили о прикладномъ знаніи, вытекающемъ изъ потребностей быта, и всѣ пожеланія клонились пѣ полному преобразованію господствующей школы и домашняго обихода.

Я искалъ связи этихъ пожеланій съ современной войною и очень обрадовался, когда одинъ изъ крестьянъ освѣтилъ мнѣ духовную ихъ жажду повсюду новой жизни весьма удачной фразой:

— Ждемъ преображенья! А дальше не знаемъ, что сказать... Преображенье и все тутъ.

Онъ, видимо, чувствовалъ въ этомъ дивномъ образѣ будущій свѣтъ народной жизни. Для лучшей иллюстраціи я невольно вспомнилъ одно изъ стихотвореній поэта изъ крестьянъ о томъ, какъ, встрѣчая Новый годъ въ окопахъ, солдаты мечтали:

Врага разбить бы поскорѣй,
Домой вернуться, и тогда,
Быть можетъ, снова надъ Россіей
Взошла бы новая звѣзда...

— «Новую звѣзду» ждуть и въ окопахъ, и въ мирныхъ избахъ,— произнесъ сзади меня подошедшій въ это время докторъ.—Мечтали эти мужики,—презрительно засмѣялся онъ и поторопилъ меня ѣхать съ нимъ далѣе, въ сосѣднюю усадьбу къ знакомому намъ помѣщику.

IV.

«Преображеніе».—Юмористическіе стихи.

Среди мѣстной интеллигенціи я высказалъ свое удивленіе тому, что народъ ждетъ послѣ войны «преображенья» всей своей жизни, точно такъ же, какъ ждалъ онъ «воли», когда прокладывали чуть ли не Николаевскую желѣзную дорогу, а во время Севастопольской кампаніи ополченцы надѣялись получить ее въ «Таврію»...

Гости хозяина резонно отвѣчали мнѣ:

Кто по дудкѣ все плясалъ,
Говорилъ, какъ эхо,
Послѣ слезы проливалъ?
Францъ-Иосифъ это.

Чья страна разорена,
Войска больше нѣту,
Чья семья заражена?...
Францъ-Иосифъ это.

Чей союзникъ-сухорукъ
И давно уже пропѣто:
Будеть и другой безъ брюкъ!..
Францъ-Иосифъ это.

Смѣялись и серьезно толковали о врагахъ Россіи... Къ интеллигентнымъ гостямъ радушнаго хозяина присоединились и крестьяне, которыхъ всегда можно было застать въ его конторѣ, помѣщавшейся въ томъ же барскомъ домѣ. Сперва они слушали въ конторской комнатѣ граммофонъ, но, услышавъ въ столовой политическіе разговоры господъ, они съ деревенской простотой пробрались и туда. Хозяинъ налилъ и имъ по стакану чаю, и вскорѣ завязался общій разговоръ.

— Что-нибудь у Вильгельма положено въ Варшавѣ,—произнесъ свое мнѣніе одинъ изъ крестьянъ.—Боевые запасы или деньги... Чего онъ рвется все туда? Навѣрно, что-нибудь спрятано...

Нѣкоторые изъ присутствующихъ лицъ засмѣялись, но крестьянинъ убѣжденно продолжалъ импровизировать:

.....
.....
.....

Его предположеніе понравилось крестьянамъ, и новый ораторъ сталъ говорить о томъ, что во Франціи нѣмцами была арендована земля, и когда они покинули ее во время войны, то французы нашли зарытыми въ землѣ пулеметы, телефоны и деньги.

— Тоже на западной границѣ и у насъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ и баронскихъ усадьбахъ,—воскликнули «политики»...

Крестьяне воодушевились и, перебивая господъ, кричали:

— Нѣмецъ, гдѣ жилъ, тамъ всегда заготовки. Вотъ Вильгельма все и кидаетъ на Варшаву... Никакой другой городъ ему не нуженъ, а Варшаву подай. Зачѣмъ она ему? Мы хоть и не были тамъ, но навѣрно такъ, что нѣмцы имѣютъ въ Варшавѣ заготовки...

Меня, конечно, эта импровизація на злобу дня очень интересовала, но, утомленный за цѣлый день зимней дорогой, я скоро ушелъ въ отвѣденную мнѣ комнату спать.

V.

Мобилизація скота. — Кража невѣсть. — Народный театр. — Тургеневская женщина. — Подъ Краковымъ.

На слѣдующее утро многоградушный хозяинъ пришелъ будить меня, оправдывая мой крѣпкій сонъ словами:

— Въ избѣ-то вамъ было тепло, а какъ выѣхали въ поле, такъ вѣтеръ полѣзъ за пазуху... Съ морозу-то вотъ и спится хорошо.

Было, однако, пора подыматься...

— Оставайтесь у меня,—произнесъ хозяинъ:—днемъ посмотрѣть на мобилизацію скота для нуждъ войны, а вечеромъ—на спектакль съ артистами изъ мѣстныхъ крестьянъ и крестьянокъ, устроенный въ сосѣднемъ имѣніи его владѣлицей.

День былъ праздничный, и хозяинъ обѣщалъ, что на его лошадахъ я не опоздаю къ почному поѣзду въ Петроградъ.

— А интереснаго вы увидите и узнаете очень много,—продолжалъ онъ.—Здѣсь находится комиссія по приемкѣ скота, и васъ поразитъ, какъ кулаки, по выраженію мужиковъ, «ограбають народъ» и какъ земская управа опростоволосилась въ этомъ случаѣ.

— Почему?—спросилъ я удивленно.—Предсѣдатель управы очень честный человѣкъ...

— Конечно... Но, можетъ быть, онъ и не виноватъ даже въ безсознательномъ недосмотрѣ управы. Проступокъ ея въ томъ, что она не оповѣстила черезъ волостныя правленія крестьянское населеніе о томъ, что мѣстный скотъ принимается въ дѣйствующую армію по такой-то цѣнѣ и т. д. Возможно, что было и оповѣщеніе въ волостныя правленія, но не было провѣрено, достигнута ли цѣль бумагой за номеромъ такимъ-то. Дѣло, конечно, не въ томъ, кто тутъ виноватъ, а самое дѣло вопіющее. Слухъ о мобилизаціи коровъ и быковъ ходилъ въ народѣ но всѣ думали, что это будетъ, какъ ранѣе съ лошадьми; что «приемщики» пріѣдутъ къ нимъ за скотомъ и купятъ его. А вмѣсто того пріѣхалъ къ нимъ скупщикъ-бульня... Передъ вами развертывается картина «истинно-русская»: даже дѣло на «нужды войны» эксплуатируется торгашами.

Мой хозяинъ повелъ меня въ столовую и, пока я пилъ чай, онъ продолжалъ рассказъ:

— Нужно сказать, что рогатый скотъ у насъ былъ очень дешевъ. Его почти совсѣмъ не брали, а если кто изъ скупщиковъ и бралъ, такъ 3 р.—3 р. 50 к. за одно чистое мясо. Теперь же въ дѣйствующую армію берутъ по 3 р. 50 к. пудъ, сколько бы ни вѣсила живая корова. А живая корова вѣситъ въ два раза и болѣе, чѣмъ обдѣланная туша. Какъ только скупщики услышали про такую цѣну, такъ всѣ они бросились по деревнямъ за безцѣнокъ скупать у крестьянъ скотъ. Ни о чемъ не освѣдомленные крестьяне охотно продавали скотину. На ихъ глазахъ скупщикъ наживалъ на коровѣ 15—20 ру-

блей. А когда крестьяне догадались, что ихъ «ограбають», они сами повезли скоть на пріемный пунктъ. Но здѣсь уже дежурили скупщики и по дорогѣ опять перекупали скоть. Болѣе сообразительные крестьяне ѣхали далѣе, но на пріемномъ пунктѣ ихъ скоть пускали не въ очередь... Сначала принимали скоть отъ скупщиковъ, а крестьянскій послѣ. Мужикъ привозилъ одну корову, а булыня— двадцать, и онъ шелъ впереди.

— Въ этомъ уже виновата пріемная комиссія,—замѣтилъ я.

— Конечно... Но рассказываютъ, что въ разныхъ губерніяхъ было и хуже. Крестьянская корова оказывалась то стара, то стельна, то нужна помятче корова, то не хватаетъ ей вѣсу и т. д. Она должна вѣсить не менѣе одиннадцати пудовъ. Ее браковали у мужика, а

. . . . . Булыня на глазахъ мужика наживалъ на коровѣ большія деньги. Мужики наши—что грибы-волнуха.. Обирай ихъ въ лукошко безъ труда. Ничего никто не понимаетъ. А когда поняли и мужики, что ихъ «ограбають», и жалобы дошли до земскихъ управъ, то пріемная комиссія начала скупать крестьянскій скоть, а булынямъ—отказывать. Но здѣсь каждый булыня ухитрился найти себѣ мужичка, которому онъ передавалъ свою корову, и мужикъ велъ ее на пріемку, какъ крестьянскую... Получивъ за нее деньги, мужикъ отдавалъ ихъ булыни, а случалось, что мужичокъ и прикарманивалъ ихъ...

Съ грустнымъ чувствомъ слушалъ я эти рѣчи объ «истинно-русскихъ правахъ» и не зналъ, какъ примирить ихъ съ моимъ преклоненіемъ передъ величіемъ народной мощи... Можетъ быть, во всѣхъ подобныхъ исторіяхъ героями является не «народъ», а его отростъ? Можетъ быть, и среди «народа» имѣются также взрослые младенцы, которые чисты и непорочны, пока ничего передъ ними не лежитъ «плохо» и нѣтъ «соблазна»?

Какъ бы въ отвѣтъ на мои вопросы, вдругъ я услышалъ въ домѣ подавленный плачь и стоны...

Хозяинъ быстро покинулъ меня и вскорѣ вернулся въ столовую съ плачущей крестьянской дѣвушкой.

Она рассказала намъ про «кражу невѣсть», практикуемую крестьянами для избѣжанія свадебныхъ расходовъ. Женихъ «крадетъ» невѣсту, живетъ съ ней гдѣ-нибудь въ дальней деревнѣ и вѣнчается потомъ безъ затратъ на угощенье сватамъ и т. д. Но случается, что женихъ, укравшій по согласію невѣсту и пожившій съ ней, возвращаетъ ее домой родителямъ.

Въ настоящемъ случаѣ было хуже.

Молодецъ, еще не достигшій совершеннолѣтія, погулялъ съ краденной невѣстой двое сутокъ, а на третью завезъ ее въ барскую усадьбу и выбросилъ ее изъ саней посреди двора, хвастливо оправдываясь передъ крестьянами за позоръ дѣвушки:

— Я не душу загубилъ, а душу добылъ! А только безъ времени, безъ вѣнца церковнаго, дѣвка не должна гулять... Можно «покнуть» се и отвѣчать не придется!

Этотъ черномазый «моралистъ» напомнилъ мнѣ цѣлый рядъ интеллигентныхъ донъ-жуановъ, умѣющихъ во всѣхъ своихъ гнусныхъ романахъ всегда обвинить женщину...

Исторія съ опозоренной дѣвушкой еще болѣе подтвердила мнѣніе о томъ, что въ народныхъ правахъ уже завелся «гнилецъ»... Я былъ утѣшенъ только тѣмъ, что совратитель деревенской Сусанны оказался сыномъ деревенскаго лавочника...

Добродушный хозяинъ позвалъ свою жену, чтобы она взяла на себя заботу успокоить брошенную дѣвушку.

— Вы,—обратился онъ ко мнѣ:— поѣдете со мною послѣ обѣда смотрѣть спектакль... Это спектакль для взрослыхъ... Репертуаръ его менѣе чуждъ жизни, чѣмъ репертуаръ дѣтскихъ спектаклей.

Я отвѣтилъ, что мнѣ самому хочется въ этомъ убѣдиться, и къ вечеру на парѣ сытыхъ лошадей мы поѣхали къ помѣщицѣ, въ домѣ которой готовился спектакль. Обыкновенная зала въ ея домѣ была раздѣлена по срединѣ занавѣсью и, когда она поднялась кверху, я увидѣлъ на сценѣ артистовъ изъ крестьянъ, очевидно, одѣтыхъ въ господское платье, заготовленное богатой помѣщицей, и хорошо подготовленныхъ къ исполненію своихъ ролей. Сюжетъ пьесы былъ заимствованъ изъ жизни мелкаго чиновничества, и зрители помирали со смѣху надъ комическими сторонами бюрократическаго быта.

Меня радостно волновало еще то обстоятельство, что женскія роли исполняли крестьянки, кончившія когда-то сельскую школу и, подъ вліяніемъ помѣщицы, не перестававшія время отъ времени почитать книжки изъ ея бібліотеки. Я еще болѣе былъ растроганъ, когда тѣми же женщинами и дѣвушками было исполнено хоровое пѣніе народныхъ пѣсень: «Бѣлолица, круглолица», «Волузяхъ», «Въ темномъ лѣсѣ» и нѣсколько рыцарскихъ романсовъ съ подвигами въ честь женщины.

Пѣвицы были на сценѣ въ сарафанахъ и кокошникахъ на головѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ были очень красивы, съ честными цѣломудренными глазами, чистымъ лицомъ и прекрасно очерченными бѣлыми шеями... Но тутъ же изъ-подъ широкихъ рукавовъ выглядывали крѣпкія и загорѣлыя до черноты руки. Ихъ лица были счастливы и тогда, когда онѣ играли господъ и забывали своей темный крестьяскій бытъ, и тогда, когда въ пѣсняхъ ихъ величали красавицами и королевами... Такъ рѣдко выпадаютъ имъ счастливыя самовнушенія, и такъ часто онѣ слышатъ надъ собою циничное бахвальство лакея изъ тургеневскаго «Свиданія».

Видимо, и всѣ зрители переживали рѣдкія чувства въ ихъ жизни... Одна дѣвочка, шести-семи лѣтъ, даже плакала.

— Ты чего это?—спросилъ я ее во время антракта.

— Долго ждать,—отвѣтила она и, переконфуженная, не могла удержать слезъ.

— Я тожу заплачу,—сочувственно отозвался я.—Чего такъ долго не поднимаютъ занавѣсъ... Наконецъ-то! Подняли...

Опять въ залѣ страстное и напряженное вниманіе присутствующихъ. Я также обратилъ вниманіе и на режиссершу и регентшухозяйку. Она вся ушла въ дѣло: пѣла, руководила постановкой пьесы и торопилась разливать артистамъ чай и заготовлять бутерброды.

— А знаете,—произнесъ мой спутникъ, поймавъ мой взглядъ на хозяйкѣ:—эта оживленная и энергичная на видъ женщина очень несчастна и вся надорвана... Это одна изъ тургеневскихъ, нынѣ вымирающихъ, женщинъ.

Я попросилъ рассказать, въ чемъ дѣло.

— Она въ просвѣтительной миссіи топить свое горе... Ея мужъ пострадалъ въ девятьсотъ пятомъ году, во всемъ разочаровался и на все ожесточился. Онъ не переноситъ общество. Всегда раздражительный, онъ не показывается гостямъ, а въ семьѣ на всѣхъ кричитъ, всѣмъ недоволенъ, запирается въ кабинетъ и въ видѣ протеста голодаетъ сутки, двое-трое, а жена стоитъ на колѣняхъ у двери и умоляетъ его выйти и не сердиться. Усадьба ея родовое достояніе, и она бы могла разойтись съ мужемъ, но она жалѣетъ его. Поговорите съ ней на эту тему.

— Непремѣнно. При случаѣ...

Въ тотъ же вечеръ этотъ случай и представился. Она не удивилась моему любопытству.

— Это не секретъ, что моя семейная жизнь не вытанцовалась,—отвѣтила она просто.—Но я единственный человѣкъ, который можетъ вынести его капризный и раздражительный характеръ. Безъ меня его нервность перейдетъ въ меланхолію, и онъ кончитъ самоубійствомъ... А между тѣмъ ранѣе онъ не былъ такимъ, и во мнѣ никогда не умретъ его образъ и счастливаго, и несчастнаго человѣка...

Нравственной красотой повѣяло вдругъ на меня отъ этой женщины, и невольно я подумалъ, что достоинство человѣка мѣряется не радостями жизни, а величіемъ жертвъ и подвигами...

Чудное самочувствіе искупило всѣ трудности моихъ странствованій по «медвѣжьимъ уголкамъ», и я сталъ собираться въ Петроградъ.

Уже садясь въ сани, я былъ озадаченъ вопросомъ двухъ старыхъ крестьянокъ, пришедшихъ въ усадьбу изъ дальней деревни...

— Что же тамъ, баринъ? Какой такой «театеръ»? Войну показываютъ?

— Нѣтъ. Представленіе другое...

— Представленіе модное намъ дешево стоитъ, а войну посмотрѣли бы,—отвѣтили онѣ укоризненно.—Все поплакали бы... Помилуй Богъ. Вотъ и скотъ у насъ покупаютъ,—толкуютъ мужики, на мины для Кракова.

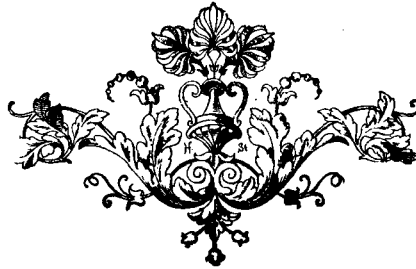
— Для чего?—спросилъ я, недоумѣвая...

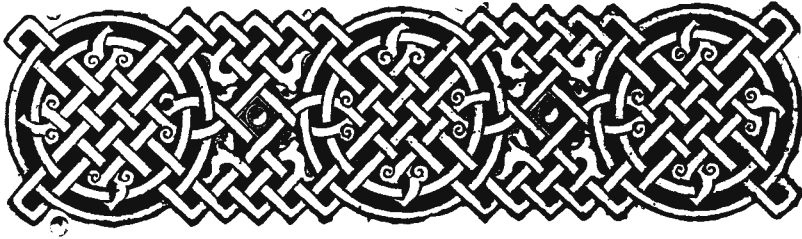
Въ толпѣ собравшихся около насъ крестьянъ раздалось нѣсколько голосовъ:

— Нашему войску подойти къ Кракову нельзя... Взорветъ на воздухъ. Мины подъ землей... Ну, вотъ мы и будемъ гнать на нихъ нашихъ коровъ и взрывать мины скотомъ, а послѣ войдемъ въ крѣпость.

Я не сталъ разубѣждать ихъ, понимая, что исторія современной войны полна не только вѣры въ «преображенъе» ихъ жизни, но и во всевозможныя легенды о войнѣ и мирѣ.

А. И. Фаресовъ.

ПРИБАЛТІЙСКІЕ НѢМЦЫ.

(Историко-юридическій очеркъ).

ВРАЙ ПРИБАЛТІЙСКІЙ никакими естественными границами не отдѣленъ отъ древнихъ коренныхъ русскихъ земель,—земель полоцкихъ, псковскихъ, новгородскихъ; онъ составляетъ естественное продолженіе той равнины, на которой издревле живутъ русскія племена. Здѣсь жили племена литовскія—летты, семигаллы, чудь, ливы, куроны. Чудь, летты издревле находились подъ вліяніемъ Новгорода и Пскова, ливы—подъ вліяніемъ Полоцка. Здѣсь Ярославъ Владимировичъ основалъ Юрьевъ (1030 г.) и построилъ здѣсь двѣ церкви, на островѣ Готландѣ русскіе купцы въ XII в. имѣли свою церковь; въ Ревелѣ въ половинѣ XIII в. была православная церковь во имя Николая Чудотворца.

Были въ то время православныя церкви въ Ригѣ и въ другихъ мѣстахъ края.

Въ началѣ XIII вѣка въ этомъ краѣ столкнулся міръ германскій съ міромъ славянскимъ. Завязалась упорная, долго тянувшаяся борьба. «Борьба съ нѣмецкимъ племенемъ какъ будто за вѣщана была нашимъ сѣвернымъ республикамъ изъ мрака историческихъ временъ на цѣлый рядъ грядущихъ вѣковъ», говоритъ Костомаровъ. Нашествіе нѣмцевъ въ край сопровождалось невѣроятными опустошеніями края. «Въ нѣсколько лѣтъ,—говоритъ Д. Иловайскій,—земля ливовъ была покорена совершенно; вслѣдствіе жестокаго характера войны, этотъ довольно зажиточный край подвергся страшному опустошенію и обнищанію. Голодъ и

морвое повѣтріе докончили дѣло опустошенія, начатаго нѣмцами.. такъ что въ наше время можно найти только разсѣянные кое-гдѣ ничтожныя остатки этого нѣкогда значительнаго народа, давашаго свое имя почти всему Прибалтійскому краю». Въ эстонскій край они внесли огонь и мечъ. Убійствомъ и грабежомъ ознаменовали эти чужеземцы, представлявшіе собою отбросы тогдашняго общества, свое прибытіе въ эту мирную страну. Нѣмцы, по замѣчанію Карамзина: «Съ мечомъ искали спасенія душъ въ убійствѣ людей». «Если ты въ своемъ отечествѣ запятналъ себя убійствомъ,— бери крестъ, иди въ чужую землю, избеи десятки людей и очисти ихъ кровью отъ своихъ грѣховъ»—таковъ былъ зовъ къ крестовому походу нѣмцевъ на Лифляндію. Что это фактъ, видно изъ того, что папа Александръ IV подъ вліяніемъ епископа Альберта приказалъ освободить изъ заточенія поджигателей и другихъ негодяевъ, если они предпримуть крестовый походъ на Лифляндію; позднѣе та же привилегія была распространена и на разбойниковъ. Вообще, завоеватели во главѣ съ епископомъ Альбертомъ допускали всевозможныя насилія, жестокости и вѣроломства. Такъ, однажды епископу Альберту удалось заманить къ собѣ на пирушку ливонскихъ старѣйшинъ. Подъ угрозой отправить ихъ самихъ плѣнниками въ Германію онъ принудилъ своихъ гостей выдать въ качествѣ заложниковъ до тридцати мальчиковъ—ихъ дѣтей... Даже много позднѣе, въ 1583 году Пекославскій говорилъ отъ имени своего польскаго короля (который хотѣлъ улучшить положеніе крестьянъ въ Ливоніи), что бѣдные крестьяне такъ притѣсняемы «своими господами (рыцарствомъ и духовенствомъ), какъ не слышно нигдѣ на бѣломъ свѣтѣ, даже «между язычниками и варварами», «Нѣмецкое иго,—говоритъ Гренцштейнъ,—для эстонцевъ было тяжелѣе, чѣмъ для Россіи иго монгольское». Вотъ почему эсты до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ называютъ нѣмцевъ не иначе, какъ «пришельцами, угнетателями» (объ этомъ свидѣтельствуетъ и историкъ Риттихъ). Въ статьѣ «Культурно-религіозныя движенія въ Лифляндіи» г. Е. В. (фамилія его не указана), между прочимъ, говоритъ о нѣмцахъ: «нѣмцы въ пѣсняхъ иначе не называются, какъ грабителями, разбойниками, порожденіемъ дьявола». Въ одной эстонской пѣснѣ говорится такъ:

«Думать надо, создалъ чортъ васъ
Или змѣй старинный!
Вы всегда объята были
Злобою змѣиной».

Пѣсня эта оканчивается такими знаменательными словами:

«Даніиль россійскій сильный,
Помоги намъ, просимъ!
Пусть мы снова вольны будемъ,
Снова рабство сбросимъ...»

Въ одной же изъ латышскихъ пѣсенъ говорится:

«Изъ крестовъ скована русская земля,
А эта (т.-е. латышская) обезсилена «господами»;
Черезъ кресты восходитъ солнце,
А черезъ господъ заходитъ...»
«Рига, Рига! красива, красива она!
Но кто ее сдѣлалъ красивой?
Тяжелая неволя лифляндець,
Ихъ подкованные кони».

Нѣмцы всегда считали побѣжденныхъ инородцевъ своими рабами, наказывали ихъ беспощадно тѣлесно за самые малые проступки. Даже въ прошломъ еще столѣтїи (1842 г.) въ Лифляндіи заключались контракты, по которымъ слуга обязывался служить своему господину-нѣмцу «какъ собака».

И если смертный приговоръ надъ нашими инородцами не былъ приведенъ въ исполненіе завоевателями до конца (какъ и надъ ливами), то только благодаря сосѣднему русскому народу.

Съ завоеваніемъ края русскими, казалось бы, нѣмецкое владычество надъ мѣстными инородцами должно было отойти въ область преданій и сами нѣмцы стать на одну линію съ прочими подданными нашего отечества. Такъ многіе изъ русскаго общества и думаютъ; и въ русской печати иногда проводится мнѣніе, что «Остзейскій край былъ подчиненъ общему порядку, господствующему въ остальной Россіи» (Шаталовъ—«Вечернее Время» отъ 9-го сентября 1914 г.). Но это далеко не такъ. Нѣмцы, представляя собой незначительную часть населенія Прибалтики, напримѣръ, даже въ Курляндіи, считающейся царствомъ нѣмцевъ, гдѣ ихъ всего тамъ 7.57% (по послѣдней переписи въ Курляндской губерніи великоруссовъ—3.80%, бѣлоруссовъ—1.82%, поляковъ—2.92%, литовцевъ—2.45%, латышей—75.07%, евреевъ—5.59%, прочихъ народностей—0.72%), являются фактическими заправилами административной, экономической, сельско-хозяйственной жизни края, а прочія народности живутъ подъ ихъ гегемоніей, во многихъ мѣстахъ представляютъ собой какихъ-то паріевъ, существующихъ лишь для «сохраненія блеска мѣстныхъ баронскихъ родовъ». Какъ это ни странно, но и русскіе находятся почти въ такомъ же положеніи, какъ и мѣстные инородцы. Нѣмцы даже часто не хотятъ признавать Прибалтику частью русскаго государства, называютъ ее «маленькимъ фатерландомъ», доказываютъ, что никогда этотъ край и не былъ русскимъ. Такъ, напримѣръ, нѣмецкій ученый фонъ-Кейслеръ въ своемъ сочиненіи «Окончаніе русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ въ XIII вѣкѣ» говорить, что «степень зависимости ливскихъ, латышскихъ и эстонскихъ земель отъ русскихъ была

настолько слаба, что напрашивается само собою вопросъ: можно ли вообще говорить о первоначальномъ русскомъ владычествѣ? «Въ то время, когда нѣмцы приходятъ въ соприкосновеніе съ эстами, т.-е. въ первое десятилѣтіе XIII вѣка, они застали этихъ послѣднихъ независимыми». Это, видите ли, въ то время, когда Ревель еще назывался «Колыванью», а бывшій Дерптъ—«Юрьевымъ».

Конечно, всякій въ правѣ спросить: да на чемъ же основано владычество нѣмцевъ, имѣютъ ли они какія-либо юридическія основанія выдавать, именовать себя первенствующимъ классомъ населенія, надѣлены ли они какими-либо особыми привилегіями? Вѣдь, не могутъ же они одной, такъ сказать, узурпаціей пріобрѣсть какую-либо особую гегемонію среди инородцевъ, тѣмъ болѣе среди русскаго элемента. Оказывается, что предусмотрительные нѣмцы, и будучи побѣжденными, успѣли добиться отъ побѣдителей особыхъ капитуляцій, особыхъ правъ, привилегій. Пріѣзжая сюда изъ Гамбурга, Любека, Саксоніи съ завоевательными и просвѣтительными цѣлями, они не забывали захватить съ собою разнаго рода грамоты, хартіи германскихъ государей, постановленія «герихтовъ» вольныхъ городовъ, затѣмъ, находясь подъ властью Польши и Швеции, успѣвали и отъ королей польскихъ и шведскихъ выпросить грамоты, указы, охраняющіе ихъ захватныя права. Вотъ эти-то покрытыя пылью, плѣсенью, истрепанныя грамоты они и предъявили русскому правительству, требуя (нѣмцы не просили, а нахально требовали!), чтобы ихъ права, изложенныя въ ихъ бумагахъ, были сохранены за ними на вѣчныя времена, чтобы эти права были занесены въ дворянскія книги, чтобы они были помѣщены въ особомъ сводѣ мѣстныхъ узаконеній. И при томъ, чтобы каждый болѣе или менѣе значительный замокъ, помѣстье имѣли свой законъ. Пусть латыши, эсты, русскіе всегда чувствуютъ, узнаютъ, что у нѣмецкихъ бароновъ свой законъ, своя фантазія! И что же вошло въ этотъ законъ, изъ чего черпались, составлялись его статьи? Конечно, прежде всего взята въ качествѣ источника изъ германскаго права «Золотая Булла» 1356 г. (напримѣръ, въ ст.ст. 2570, 700 III части свода мѣстныхъ узаконеній), затѣмъ, «Положеніе императорскаго (германскаго) сейма» 1512 г. (въ статьяхъ 627, 628, 624), «Уставъ императорскаго каммергерихта» 1521 г. (ст. 942, 933), «Положеніе имперскаго сейма» 1548 г. (ст. 700, 624), «Имперскій миръ» (ст. 624, 627), «Имперскій полицейскій уставъ» 1548 г. (ст. 391, 304), «Зерцало саксонское» (ст. 231, 4218), «Libri Feodorum (1310, 2549); изъ шведскаго права—«Шведское земское уложеніе» 1618 г., «Шведское городское уложеніе», «Лифляндское, эстляндское рыцарское право», изъ которыхъ больше всего составлено статей мѣстнаго закона, «Курляндскіе, пильтенскіе статуты», «Любекское городское право, «Вольдемаръ-эрихское право», «Жалованная грамота архіепископа Сильвестра»,

«Постановленія магистра ордена Вальтера фонъ-Плетенберга», «Жалованная грамота епископа фонъ-Геллингсгаузена», «Привилегіи магистра ордена Германа фонъ-Брюгеней», «Привилегіи Сигизмунда-Августа» и проч. и проч.

И наши всевозможныя кодификаціонныя комиссіи подчинились требованіямъ нѣмцевъ и внесли принесенныя ими хартіи, выписки изъ нѣмецкихъ, шведскихъ законовъ въ особую книгу «Сводъ мѣстныхъ узаконеній губерній отзейскихъ» (которой вы въ общемъ сводѣ законовъ Россійской имперіи не найдете и съ которой рѣдко кто знакомъ въ русскомъ обществѣ). Первая часть этой книги содержитъ въ себѣ «учрежденія» остзейскихъ губерній, вторая— «законы о состояніяхъ» и третья— «законы гражданскіе». Вторая часть трактуетъ о привилегіяхъ мѣстныхъ нѣмецкихъ дворянъ въ каждой отдѣльной губерніи (о дворянскихъ книгахъ, титулахъ, ландтагахъ, конвентахъ, дворянскихъ комитетахъ, ландратскихъ коллегіяхъ, депутатскихъ кассахъ), а третья— о гражданскихъ правахъ и привилегіяхъ вотчинныхъ дворянъ сравнительно съ инородцами и русскими.

Было бы долго говорить о привилегіяхъ нѣмцевъ по ихъ состоянію, объ ихъ самоуправленіи, къ которому никакая власть Россійская не можетъ проникнуть, о самоуправленіи, доведенномъ до абсолютизма, создавшемъ какую-то нѣмецкую остзейскую касту. Я коснусь лишь законовъ гражданскихъ, представляющихъ собою агломератъ всевозможнѣйшихъ правъ, собранныхъ, какъ говорится, съ бору да съ сосенки и служащихъ яркимъ примѣромъ того, какъ нѣмцы, вообще, смотрятъ на себя, на свои права и на право и жизнь народовъ, имѣющихъ необходимость жить въ ихъ средѣ, на ихъ земляхъ, на ихъ сосѣдяхъ.

Законы эти «суть или общіе, дѣйствующіе во всемъ Остзейскомъ краѣ, или особенные, имѣющіе обязательную силу лишь для отдѣльныхъ территорій края (Rechtsgebiete). Пространство же территорій опредѣляется не только географическими границами, но вмѣстѣ и званіемъ ихъ обывателей (крестьяне, дворяне, духовенство, мѣщане). Затѣмъ въ мѣстномъ гражданскомъ сводѣ имѣются отдѣльныя узаконенія— лифляндское, эстляндское, курляндское и пильтенское земскія права, лифляндское, курляндское и нарвское городскія права и гражданскія права крестьянъ (для Лифляндіи—кромѣ острова Эзеля—положеніе 1860 года, для Эзеля—положеніе 1819 года, для Эстляндіи—1856 г. и для Курляндіи—1817 г.). Наконецъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ и мѣстечекъ, напримѣръ, для Нарвы, Митавы, Бауска, Фридрихштата, для Пильтена (котораго ни на одной картѣ не сыщете) имѣются отдѣльные законы (права). Въ нѣкоторыхъ городахъ, кромѣ того, дѣйствуютъ разныя права, напримѣръ, въ Ревелѣ, Юрьевѣ, Нарвѣ. При болѣе внимательномъ изученіи правъ этихъ становится яс-

нымъ, что они распадаются въ краѣ по числу наиболѣе блистательныхъ баронскихъ замковъ (вотчинъ): права, принесенныя во времена оны барономъ, распространены на замокъ и окрестности, и не переходятъ за черту сосѣдняго вотчиннаго владѣнія. Такъ эти права и чередуются чрезъ пятнадцать-двадцать верстъ территоріи края. И для русскихъ людей, здѣсь живущихъ и служащихъ, представляется совершенно невѣроятнымъ, какъ это правительство русское въ теченіе ряда столѣтій сохраняетъ во всей неприкосновенности эту невиданную смѣсь законовъ и правъ (привилегій)! Изучить эти сумбурные законы, конечно, чрезвычайно трудно, особенно вслѣдствіе множества къ каждой почти статьѣ рѣшеній (комментарій) сената. Вѣдь сенатъ имѣетъ даже особое отдѣленіе, специально занимающееся толкованіемъ свода мѣстныхъ узаконеній. Только послѣ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ изученія мѣстные служители Оемиды могутъ похвастать, что кое-какъ разбираются въ лабиринтѣ этихъ мѣстныхъ правъ.

Но пусть бы было много этихъ законовъ, лишь бы они были справедливы, лишь бы были равны для всѣхъ, не служили бы только одному классу населенія во вредъ другому. На самому же дѣлѣ оказывается, что мѣстные законы допускаютъ рѣзкое неравенство населенія Прибалтики предъ лицомъ закона: вездѣ и во всемъ отдается предпочтеніе, преимущество баронамъ-нѣмцамъ, вездѣ подчеркивается, что они—особый, высшій классъ народа, «бѣлая кость» среди подданныхъ земли русской, что остальные народности (въ томъ числѣ и русскіе) должны находиться въ подчиненномъ, служебномъ положеніи въ отношеніи къ господствующему классу.

Укажу на нѣкоторыя общегражданскія неравенства, допущенныя въ пользу собственниковъ и во вредъ нанимателей, арендаторовъ. Напримѣръ, въ ст. 4070 III части свода мѣстныхъ узаконеній сказано:

«...за городскіе дома и земли, равно какъ и за отдѣльныя квартиры, лавки и т. п., при отдачѣ ихъ въ наемъ на годъ и болѣе, наемная плата вносится за каждые полгода впередъ», и «если арендаторъ или наниматель самовольно откажется отъ аренды или найма прежде установленнаго срока, то отъ него немедленно можетъ быть потребована уплата всей арендной или наемной платы» (ст. 4072). Согласно 1 статьѣ, наниматель (арендаторъ) несетъ большой убытокъ, если, напр., внося за квартиру полугодовую плату, скажемъ, триста рублей, будетъ перемѣщенъ или по тѣмъ или инымъ домашнимъ или служебнымъ причинамъ долженъ будетъ уѣхать изъ даннаго города (гдѣ была у него квартира). По смыслу же 2 статьи выходитъ, что если квартирантъ дѣйствительно самовольно оставитъ квартиру, проживъ въ ней хоть бы одинъ день, то для него убытки чрезвычайно велики: онъ долженъ уплатить всю арендную плату—300 рублей.

На сторонѣ собственника, такимъ образомъ, всё выгоды: вмѣсто того, чтобы получить за самовольное оставленіе квартиры *дѣйствительные* убытки (какъ то и установлено въ 684 ст. X тома нашего гражданского общенперскаго закона), онъ получаетъ впередъ полныхъ 300 рублей, и, конечно, можетъ сдать ту же квартиру новому лицу за 300 рублей.

Много можно было бы привести примѣровъ изъ этихъ законовъ нѣмецкихъ, характеризующихъ неуравновѣшенное отношеніе собственниковъ къ нанимателямъ, къ сосѣдямъ («...собственникъ можетъ обзаводиться на своей землѣ даже *во вредъ* сосѣда... возводить строенія, сажать деревья даже и въ томъ случаѣ, когда бы чрезъ это отнимался свѣтъ и видъ у сосѣда), показывающихъ, насколько сухи, черствы эти законы; они совершенно не знаютъ тѣхъ ограниченій въ правѣ пользованія своего собственностью, которыя установлены въ 442, 445 и другихъ статьяхъ X тома общенперскихъ законовъ. Но это не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Я долженъ лишь остановиться на тѣхъ статьяхъ, въ которыхъ особенно рельефно выставляется преимущество нѣмцевъ, въ которыхъ приводятся ихъ привилегіи. Вотъ, на примѣръ, ст. 161 и 162 что говорятъ: «Если дворянинъ (разумѣется, нѣмецкій дворянинъ) соблазнить дворянку, то обязанъ на ней жениться или выдать ей вѣно», но если дворянинъ соблазнить не-дворянку (латышку, эстонку, русскую), то не обязанъ на ней жениться или выдать ей вѣно (*sic*). Видите, какъ творцы закона начинаютъ себя выдвигать, выставлять свое благородство! Но это только намекъ на то, что дворяне—нѣчто высшее въ сравненіи съ прочими обывателями края. Самыя главныя ихъ привилегіи изложены въ статьяхъ 883, 892 и 1015 свода мѣстнаго. Здѣсь надѣлены нѣмцы-дворяне такими правами, какихъ никогда не имѣли и не имѣютъ коренные дворяне русскіе, наиболѣе послужившіе царю и родинѣ, за ними на вѣчныя времена утверждаются права охоты, рыбной ловли, право содержать корчмы, питейные дома (такъ называемое право пропинаціи), право винокуренія, право патронатства.

Собственникъ земли—мѣстный дворянинъ—въ случаѣ, если застигнетъ кого-либо охотящимся на своихъ угодьяхъ, имѣетъ право задержать его ружье и другіе охотничьи снаряды. Не только никому не дозволяется охотиться, но даже проходить по полямъ, лѣсамъ, угодьямъ нѣмцевъ, хотя бы отъ сего имъ не было причинено никакого убытка, матеріальнаго вреда. У такого (т.-е. у прохожаго, проѣзжаго) могутъ быть отбираемы въ закладъ принадлежащія ему вещи, какъ-то: лошадь, экипажи, ружья, сохи, топоры и т. п.». Эти статьи нѣмцы умудряются толковать (не довольствуясь правомъ задержанія этихъ вещей) распространительно: они стараются положить нѣкоторый гнетъ, свою тяжелую руку на все окрестное населеніе. Они устраиваютъ своего

рода облаву на прохожихъ (какъ, напримѣръ, дѣлають нѣкоторые бароны вблизи самой Митавы). Проходящихъ, несмотря на званіе, положеніе, ничтоже сумняся, хватають за шиворотъ, отнимають у нихъ палки, зонтики, шляпы, платки, портсигары, ридикюли. Проходитъ человѣкъ (городской житель, чиновникъ) возлѣ баронскаго лѣса по тропинкѣ, хочетъ подышать свѣжимъ воздухомъ, полюбоваться природой (онъ даже и не знаетъ, что такіе здѣсь строгіе законы нѣмецкіе, онъ не имѣетъ никакихъ видовъ заниматься охотой), а его захватываютъ въ плѣнъ, сдирають шляпу и прочее. Вы думаете, этимъ дѣло кончается? Нѣтъ, нѣмцы хотятъ, вѣдь, вездѣ надъ человѣкомъ поиздѣваться. Все отнятое у прохожихъ сносится въ замокъ и складывается въ особыхъ помѣщеніяхъ. Черезъ извѣстный промежутокъ времени, когда трофеи покроются пылью, въ латышскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ газетахъ появляется объявленіе, что, молъ, лица, у коихъ отняты такія-то вещи, могутъ явиться въ замокъ ихъ выкупать (назначается цѣна выкупа); въ случаѣ же неявки собственниковъ эти вещи будутъ проданы съ аукціона... И все это совершается, такъ сказать, на глазахъ представителя государственной власти. А что же сказать о глухихъ углахъ Прибалтики, куда русская власть никогда не заглядываетъ, гдѣ дѣйствуетъ одна лишь, такъ называемая, мызная полиція («баронская гвардія»), гдѣ бароны являются въ полномъ смыслѣ неограниченными владѣтельными князьями!

Что же касается Курляндіи, то здѣсь права охоты бароновъ особенно обширны и являются какимъ-то средневѣковымъ пережиткомъ. «Курляндскій дворянинъ *воленъ* производить травлю и охотиться за дичью и въ чужихъ владѣніяхъ»,—говоритъ 1072 ст. мѣстнаго свода. Какъ бы не довольствуясь тѣми правами, которыя баронамъ отведены въ своемъ сводѣ, нашъ общенімерскій законъ (уставъ сельскаго хозяйства, въ статьяхъ 419—485) въ огражденіе ихъ правъ охоты ввелъ особыя правила для охоты въ Курляндіи. Здѣсь, между прочимъ, сказано, что собственникамъ земель, имѣющимъ менѣе 150 дес., *охота воспрещается на своей земль* и таковою могутъ заниматься только бароны (sic!). А такъ какъ владѣльцевъ-крестьянъ съ 150 десятинами земли совсѣмъ почти не встрѣчается, то полноправными хозяевами охоты въ Курляндіи (кстати сказать, славящейся всевозможной дичью—рябчиками, тетеревами, зайцами, дикими козами) являются бароны. А лица, уличенныя «въ охотѣ на собственной землѣ»,—говоритъ 461 статья нашего сельскаго устава,—подвергаются въ первый разъ предостереженію и замѣчанію, во второй разъ—денежному штрафу до 10 рублей и въ третій—штрафу въ 25 рублей и отобранію оружія и собакъ». Крестьяне, значить, должны терпѣть убытки на поляхъ, на лугахъ отъ барской охоты, отъ потравъ, производимыхъ дикими (и даже прикарливаемыми, напр., оленями), животными, но не имѣють

права даже «спугнуть» ихъ ружейнымъ выстрѣломъ. Мало того. Они не имѣютъ права держать у себя оружія, ибо одно «держаніе» оружія, хожденіе съ нимъ по своему саду, по огороду, по полю (чтобы, напр., прогнать зайца, ястреба) даетъ право баронамъ привлекать крестьянъ къ отвѣтственности по указанной 461 ст. уст. сельскаго хозяйства. Даже убившій лисицу лопатой на своемъ дворѣ отвѣчалъ передъ закономъ, ибо онъ убилъ «дикое животное», а «оному дикихъ звѣрей въ Курляндіи строго воспрещено (sic!)».

Право патроната, о которомъ говорится въ 883 ст. мѣстнаго свода, въ сущности сводится къ тому, что одни только бароны могутъ назначать (или, вѣриѣе, представлять къ назначенію) пасторовъ для приходовъ, хотя бы всѣ прихожане были эсты, латыши, ливы. Понятно, пасторами бароны ставятъ только нѣмцевъ: для нихъ вѣдь важно имѣть въ своей власти и «души» маленькихъ здѣшнихъ инородцевъ. И духовенство, и дворянство всегда идутъ дружно и... всегда противъ простаго народа. «Нѣтъ протестантской страны,—пишетъ Гарлибъ Меркель,—которая давала бы такой примѣръ высокоумію духовнаго сословія, какъ мое бѣдное отечество (Лифляндія). Гдѣ пастырѣ смотритъ свысока, съ явнымъ презрѣніемъ на свою паству? Гдѣ соединяется онъ съ дворянствомъ, чтобы ее притѣснять?.. Это можетъ происходить только въ странѣ, гдѣ дворянство обязано своимъ существованіемъ духовенству»¹⁾. Пасторы вообще держатъ себя слишкомъ далеко отъ народа, и еще рижскій епископъ Иринархъ въ письмѣ къ оберъ-прокурору Синода писалъ, между прочимъ, что стремленіе мѣстнаго крестьянскаго населенія къ переходу въ православіе объясняется тѣмъ, что «крещеніе (пасторами) совершается только у благородныхъ жителей, у крестьянъ же оно оставляется кистеру или церковному служителю, которые передаютъ пасторамъ свидѣтельство о совершенномъ ими крещеніи, и что погребеніе умершихъ совершается подобнымъ же образомъ». Понятно, что нормальныя отношенія между пасторами и народомъ могутъ возстановиться тогда только, когда управленіе евангелическо-лютеранской церкви раздѣлится между нѣмцами, эстонцами и латышами, причемъ для приготовленія пасторовъ будутъ образованы три богословскія академіи для каждой національности, когда избраніе пасторовъ будетъ предоставлено возможно большому числу членовъ общины съ утвержденіемъ его министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и, наконецъ, когда будетъ уничтожено ни на чемъ не основанное право патроната.

Станнымъ представляется и сохраненіе за нѣмцами пресловутаго права пропинаціи (въ ст. 1883 мѣстнаго закона). Право это, помимо тѣхъ десяти милліоновъ, которые влились въ карманы бароновъ при введеніи монополіи (право пропинаціи какъ бы было

¹⁾ Die Litten. Leipzig, 1880 г., стр. 360.

выкуплено тогда нашимъ правительствомъ), и теперь даетъ имъ огромные барыши: и теперь, вѣдь, никто, кромѣ бароновъ, не имѣетъ права въ Прибалтикѣ открывать трактировъ, пивныхъ лавокъ—все это остается привилегіей бароновъ и протестантскаго духовенства (церковныя корчмы). И такъ какъ число трактировъ съ открытіемъ монополіи невѣроятно возросло, то и доходы бароновъ и пасторовъ въ той же прогрессіи возросли. Если бы крестьяне и пожелали закрыть лавки по приговору, то ихъ приговоръ не можетъ касаться корчемъ и трактировъ на «мызныхъ» земляхъ. А трактиры-то и лавки на такихъ земляхъ. Очевидно, новый законъ объ уменьшеніи пьянства не можетъ коснуться пропинаціи баронской: они успѣли доказать и въ Государственной Думѣ и въ Совѣтѣ, что ихъ привилегіи навѣки вѣковъ нерушимы.

Помимо этихъ, такъ сказать, «матеріальныхъ правъ», бароны всегда и вездѣ рады показать блескъ своихъ родовъ и во внѣшней формѣ. Такъ, напр., ихъ кареты, экипажи, сбруя, кучера, лакеи и даже лошади украшаются особыми блестящими позументами съ коронами, свѣтящимися лучами. Парадные выѣзды... непременно на четверкѣ вороныхъ лошадей. Право выѣзда на четверкѣ бароны обратили въ какую-то привилегію дворянства (говорятъ, право это привезено не то изъ Саксоніи, не то изъ Любека). Хотя объ этомъ мишурномъ правѣ ни слова не упоминается въ мѣстномъ законѣ, однако въ Курляндіи, напр., никто не осмѣливается оскорблять «блеска баронскихъ родовъ» выѣздомъ на четверкѣ. Когда два года тому назадъ одинъ разбогатѣвшій латышъ вздумалъ было, вопреки общему правилу, прокатиться на четверкѣ, то бароны подняли такой крикъ и шумъ (говорятъ, даже жаловались губернатору и «вышимъ сферамъ въ Петроградѣ»), что бѣдный латышъ не зналъ, куда дѣваться. Его заставили выдать расписку за себя и... за свое потомство, что не будетъ кататься на четверкѣ...

Слѣдуетъ также обратить вниманіе и на тѣ отношенія, которыя установлены по мѣстному закону между баронами и арендаторами, составляющими значительный классъ населенія края. Мѣстные культуртрегеры, освободивъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости еще въ 1816—19 гг., однако землей ихъ не надѣлили, и «свободные» крестьяне обратились въ батраковъ (получились особыя батрацескія деревни, усадьбы, обслуживающія бароновъ) и арендаторовъ. Положеніе арендаторовъ по мѣстному закону очень печальное: помѣщикъ во всякое время года можетъ отстранить отъ аренды арендатора, сославшись на то, что арендаторъ... разоряетъ имѣніе. Арендаторъ лишень даже права требовать отъ помѣщика уплаты издержекъ за улучшеніе имѣнія. Арендаторъ при-

томъ долженъ сдать имѣніе въ томъ видѣ, какъ получилъ; а если произведены имъ были измѣненія въ системѣ земледѣлія и эти измѣненія не дали должнаго дохода, то арендаторъ долженъ вознаградить помѣщика (таковъ законъ, по крайней мѣрѣ, въ Курляндіи). Въ Эстляндской губерніи помѣщикъ можетъ даже требовать отъ арендатора обезпеченія, что онъ не причинитъ землѣ ущерба. Какой же смыслъ послѣ того крестьянину вкладывать свой трудъ и капиталъ на улучшеніе чужой земли, если собственникъ можетъ каждую минуту его прогнать съ аренды? Вотъ почему мѣстные крестьяне съ наступленіемъ весны (въ день Юрьева дня) вереницами тащатся со своимъ жалкимъ скарбомъ съ одной мызы на другую, проклиная свою долю и гнетъ помѣщика.

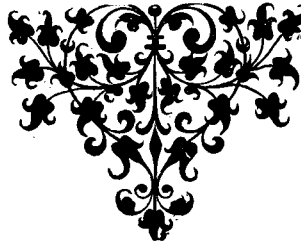

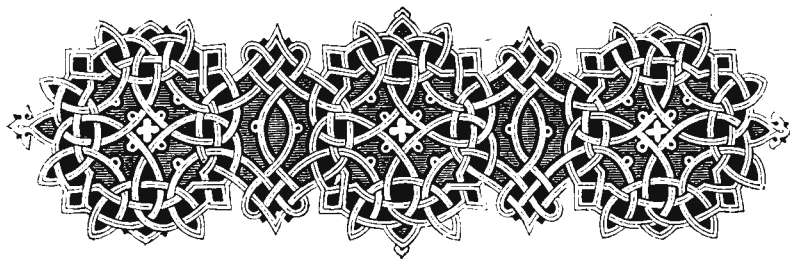
Если послѣ сказаннаго принять во вниманіе, что мѣстные нѣмцы владѣютъ огромными земельными угодьями (по 70—120—150 тысячъ десятинъ), если они имѣютъ право содержать свою милицію (мызная полиція), по преимуществу охраняющую ихъ права и привилегіи, если они заняли высшія административныя должности въ краѣ (уѣздные начальники, ихъ помощники, комиссары, высшіе чины губернскаго, акцизнаго управленій), то нужно признать, что нѣмцы Прибалтики занимаютъ совершенно исключительное положеніе въ краѣ. Такому положенію ихъ очень удивлялись еще депутаты Екатерининской комиссіи. Депутатъ Толмачевъ, напримѣръ, совершенно резонно говорилъ, что нужны законы одинаковые для всей имперіи, а не для отдѣльныхъ мѣстъ. Есиповъ удивлялся, почему лифляндцы судятся «по чужимъ законамъ», что является чрезвычайно страннымъ. Относительно привилегій бароновъ депутатъ Демидовъ удостовѣрялъ, что такихъ привилегій въ подлинникахъ нѣтъ. Депутатъ Шишковъ, резюмируя пренія, между прочимъ, сказалъ, что для подданныхъ имперіи не должно быть изъятій, всѣ должны пользоваться однимъ источникомъ—закономъ страны. Когда же была собрана третья Екатерининская комиссія и вопросъ коснулся мѣстныхъ законовъ Прибалтики, то тогдашній министръ юстиціи нашель, что всѣ привилегіи *устарѣли и что особаго кодекса для нѣмцевъ вовсе не нужно...*

Тѣмъ не менѣе особыя законы и привилегіи во всей неприкосновенности существуютъ до сихъ поръ. Мало того. Нѣмцы убѣдили русское правительство, русское общество, что они благодѣтели, культуртрегеры мѣстнаго края, что ихъ драконовскіе законы—своего рода шедевръ гражданской мудрости, что съ ихъ законами сроднились, сжились всѣ мѣстные инородцы (и русскіе въ томъ числѣ). До чего важны, жизненны эти законы,—что ихъ изучать нужно и русскимъ юношамъ въ школѣ, русскимъ судьямъ,

чиновникамъ! Для того и каѳедра существуетъ мѣстнаго права при юрьевскомъ университетѣ,—каѳедра, кстати сказать, нерѣдко пустующая по нѣсколько лѣтъ (вѣроятно, потому, что нѣтъ ученыхъ, которые бы интересовались этими, съ позволенія сказать, законами!). Изучайте, молю, русскіе юноши нѣмецкіе законы, нѣмецкія привилегіи! Изучайте, прививайте ихъ къ жизни, чтобы сохранить «знатность и блескъ нѣмецкихъ дворянскихъ родовъ» (какъ сказано въ ст. 1655 мѣстнаго законовъ) и чтобы нѣмцы могли поддерживать угнетеніе инородцевъ и русскихъ въ краѣ.

А. Веселовъ.

ВОЙНА И ВѢРА¹⁾.

Х.

Суевѣріе Вильгельма II.—Таинственные голоса.—Мнѣніе итальянскаго короля о кайзерѣ.—Мемуары графини Эппингховенъ.—Самомиѣніе кайзера.—Предсказаніе португальскаго писателя.—Самозванный Божественный посланникъ.—Союзъ пѣмцевъ съ дьяволомъ.—Мнѣніе о Вильгельмѣ II газеты «Колоколъ».

ВЪЗНАМѢЧЕНА склонность у кайзера Вильгельма II придавать преувеличенное значеніе примѣтамъ. Вообще его считаютъ мистикомъ и суевѣрнымъ.

Недавно вышла въ свѣтъ англійская книга, посвященная исторіи восшествія на престолъ Вильгельма II. Въ ней между прочимъ сказано, что въ мартѣ 1887 года, ночью, Вильгельму послышался какой-то таинственный шопоть, предупредившій его о скоромъ осуществленіи его завѣтной мечты—восшествія на престолъ.

Передъ объявленіемъ войны 1914 года кайзеръ также прислушивался къ мистическому голосу во время его прогулки по морю²⁾. Въ своихъ воззваніяхъ къ германскимъ солдатамъ и къ полякамъ онъ ссылается на подслушанную имъ Божественную волю. Однимъ словомъ, безъ санкціи свыше онъ, кажется, ничего не дѣлаетъ. Нѣмцы вѣрятъ своему кайзеру и потому съ такимъ упорствомъ и настойчивостью они ведутъ настоящую міровую войну.

¹⁾ Продолженіе. «Истор. Вѣстн.», т. СXXXIX, стр. 566.

²⁾ См. «Истор. Вѣстн.», февраль 1915 г., стр. 574.

Итальянскій же король Викторъ-Эммануиль III въ одномъ частномъ разговорѣ позволилъ себѣ дать нѣсколько иное объясненіе войны.

— Не понимаю,—говоритъ король:—какъ это возможно, что цѣлый континентъ долженъ обливаться кровью по волѣ двухъ коронованныхъ безумцевъ...

Если нашло затменіе на разсудокъ кайзера, то причины этому явленію надо искать въ его самомнѣніи, въ гордости, въ самообольщеніи.

Въ Америкѣ появились мемуары графини Эппингховенъ, любимицы германской императрицы. Находясь при дворѣ кайзера около девяти лѣтъ, эта графиня имѣла возможность хорошо изучить характеръ Вильгельма II. Самовлюбленность кайзера и его самомнѣніе, по словамъ графини, не имѣютъ границъ. Не разъ онъ заявлялъ, что въ своей жизни онъ долженъ отдавать отчетъ только самому Богу, и что вообще вся его жизнь—это сплошной трудъ для блага страны и мира всей Европы. Безъ всякаго сомнѣнія, Вильгельмъ вѣритъ въ то, что онъ призванъ въ міръ для совершенія этой великой мисси. И нѣтъ ничего удивительнаго, что при такой болѣзненной самовлюбленности Вильгельмъ II доходитъ даже до соперничества съ Самимъ Господомъ Богомъ.

Однажды кайзеръ приказалъ раздавать въ одной изъ новыхъ полковыхъ церквей въ Берлинѣ книжки Библии со слѣдующей надписью:

«Я пойду среди васъ, и я буду вашимъ Богомъ, а вы будете моимъ народомъ!»

Въ августѣ 1897 года въ Кобленцѣ нѣмцы услышали изъ ряда выходящую проповѣдь, въ которой его величество уже открыто предъявлялъ свою кандидатуру по управленію царствомъ Божіимъ.

Еще въ 1891 году португальскій писатель Эсаде-Квадросъ далъ вѣрную характеристику Вильгельму II, которая звучитъ теперь пророчествомъ. Онъ говоритъ:

«Не подлежитъ сомнѣнію, что Вильгельмъ II—человѣкъ опасный и для своей страны, и для Европы.

«Эта опасность усугубляется еще тѣмъ, что Вильгельмъ считаетъ себя союзникомъ Самого Бога. Онъ полагаетъ, что Богъ поручилъ ему судьбы міра, подобно тому, какъ нѣкогда на горѣ Синаѣ были вручены Моисею судьбы сврейскаго народа.

«Вильгельмъ II, по его глубокому убѣжденію, есть Моисей II. Считаая себя Божественнымъ посланникомъ, онъ позволяетъ себѣ третировать австрійскаго императора и итальянскаго короля.

«Онъ дерзаетъ въ рѣчи, обращенной къ своимъ вассаламъ Бранденбургскаго маркграфства, кощунственно называть Бога своимъ старымъ союзникомъ. Онъ серьезно вѣритъ въ свой союзъ съ небомъ

и потому считаетъ себя безгрѣшнымъ. Этотъ же психозъ приводитъ къ тому, что онъ ненасытно ищетъ грандіозныхъ предпріятій, такъ какъ ему, новоявленному Мессіи, суждено свершить величайшія дѣла.

«Его разгоряченному воображенію чудится основаніе міровой Германской имперіи, подобной Римской, и онъ готовъ совершить безконечное количество прегрѣшеній противъ міра и культуры, лишь бы произвести впечатлѣніе, что онъ совершаетъ нѣчто великое. Въ каждой странѣ, которая, по его мнѣнію, стоитъ на пути выполненія его замысловъ, онъ видитъ врата и готовъ на самые безумные поступки, дабы ослабить послѣдняго.

«Англію онъ ненавидитъ, и, пожалуй, наступитъ моментъ, когда онъ будетъ лишь къ тому и стремиться, чтобы вызвать войну между Германіей и Англіей.

«Къ величайшему сожалѣнію, Вильгельмъ II всеиленъ въ Германіи. Онъ одинъ рѣшаетъ всѣ вопросы, ослѣпленный мыслью о своемъ всевѣдѣніи и спасительности своихъ идей для міра.

«Онъ не хочетъ и не будетъ прислушиваться ни къ какимъ совѣтамъ и указаніямъ и будетъ продолжать вести свою страну по тому опасному пути, на который онъ уже вступилъ.

«И лишь въ ту минуту онъ горько разочаруется и увидитъ все свое ослѣпленіе, когда его дѣйствія приведутъ къ катастрофѣ, что неминуемо. Онъ станетъ зрячимъ слишкомъ поздно, то есть тогда, когда Германія, ведомая по ложному пути, будетъ разгромлена на полѣ битвы, а германскій народъ громко и властно вознегодуетъ противъ самозваннаго Божественнаго посланника».

Сомнѣніе Вильгельма передалось и народу его. Теперь нѣмцы утверждаютъ:

«Со времени побѣды, одержанной Арміею въ Тевтобургскомъ лѣсу въ девятомъ году послѣ Рождества Христова, воля Божія очевидна... Германія не только избранница Провидѣнія, она Его единственная избранница, а остальные народы отвергнуты».

Но союзъ съ Богомъ не мѣшаетъ Вильгельму и нѣмцамъ заключить союзъ съ дьяволомъ. По крайней мѣрѣ германскій журналистъ М. Гарденъ, издатель «Zukunft», съ циничною откровенностью признается:

«Мы, нѣмцы, начали эту войну, зная, какому страшному риску мы подвергаемся. Она намъ была нужна. У насъ была воля—желать ея. Пусть тевтонскій дьяволъ задушитъ тѣхъ изъ насъ, которые считаютъ необходимымъ извиняться. Намъ необходимы новыя территоріи для нашего дальнѣйшаго развитія. Мы, такъ сказать, затѣяли большое промышленное дѣло. Мы уже сторицей вознаграждены тѣмъ страхомъ, который мы внушаемъ».

Объ открытомъ союзѣ нѣмцевъ съ дьяволомъ говоритъ и М. О. Меньшиковъ. А «Колоколь» (№ 2609), вспоминая повѣсть объ антихристѣ Вл. С. Соловьева, замѣчаетъ:

Тевтонский дьяволъ.

«Наши времена—особенныя, знаменательныя, въ своемъ родѣ предантихристовскія. Нынѣ происходитъ грозная борьба двухъ силъ: мрачной тевтонской, поднявшей противъ христіанъ ихъ вѣковыхъ враговъ мусульманъ, и свѣтлой силы державъ-освободительницъ, обнажившихъ свой мечъ въ защиту правды, для поддержанія слабыхъ меньшихъ братьевъ. Въ то время, какъ тевтоны възываютъ о союзѣ съ дьяволомъ, проходятъ по землѣ, какъ палящій самумъ, убиваютъ дѣтей и женщинъ, прикрываются живымъ щитомъ изъ недужныхъ и стариковъ,—англійскій адмиралъ спасаетъ тонущихъ въ морѣ нѣмецкихъ солдатъ, французы судятъ гражданскимъ судомъ свирѣпаго пруссака-мародера, а русскіе отдаютъ плѣннымъ нѣмцамъ лучшіе госпитали, лечатъ ихъ раны.

«Согласитесь, что въ схемѣ этой борьбы, особенно если припомнить, что нѣмцы постоянно упоминаютъ имя стараго Бога, есть нѣчто близкое къ повѣсти Соловьева.

«Недаромъ народная молва называетъ «железнаго кайзера»—антихристомъ. Въ слово «Вильгельмъ» народъ вкладываетъ собирательное понятіе «нѣмца», «нѣметчины», съ которой онъ теперь сражается. А нѣметчина ему глубоко-отвратительна. Отсюда Вильгельмъ (то есть нѣмцы)—антихристъ».

Такъ говорятъ компетентные представители нашей православной миссіи. Но интересно услышать по этому вопросу голоса изъ самой толщи народа, среди котораго не мало найдется книжниковъ-мистиковъ.

ХІ.

Старинныя изображенія воинства антихриста.—Гогъ и Магогъ по Апокалипсису.—Географическая карта Германіи.—Поясненія пророка Іезекіиля.—Нашествіе Гога на землю неогражденную.—Семидесячное погребеніе его полчища.—Смѣсь народовъ подъ германскимъ флагомъ.—Какъ смотрѣть на сопоставленіе пророчества съ современными событіями?

У русскаго народа къ допетровскія времена въ большемъ ходу была книга «Толковый Апокалипсисъ». Каждая глава книги сопровождается соответствующимъ рисункомъ. Часто встрѣчаются изображенія дьявола, антихриста, Звѣря или Дракона и воинства ихъ. Они представлены въ видѣ звѣроподобныхъ людей со свиными рылами или съ песьими мордами. Въ послѣдней борьбѣ вражьей силы съ христіанствомъ фигурируютъ таинственные Гогъ и Магогъ (Апок. XX, 7, 8).

«... Сатана будетъ освобожденъ изъ темницы своей и выйдетъ обольщать народы, находящіеся на четырехъ углахъ земли, Гога и Магога, и собирать ихъ на брань; число ихъ, какъ песокъ морскій. И вышли на широту земли, и окружили станъ святыхъ...»

Въ лицевыхъ апокалипсисахъ Гогъ и Магогъ представлены въ видѣ двухъ царей съ коронами на головахъ. Одинъ изъ нихъ

Германія въ видѣ головы дракона по изображенію современныхъ начетчиковъ.

змѣей обвивается вокругъ другого (симплексъ). У обоихъ морды звѣриныя.

Въ тѣсномъ союзѣ двухъ нѣмецкихъ императоровъ нѣкоторые усматриваютъ прообразъ соединенныхъ Гога и Магога. Нѣмцы также «вышли на широту земли», собрали войска «какъ песокъ морской» и окружили станъ славянъ.

Сравненіе Германіи съ Гогомъ и Магогомъ находятъ и въ географической картѣ нѣмецкихъ земель. Контуръ Германіи удивительно напоминаетъ морды звѣроподобныхъ воиновъ по рисункамъ русскаго Лицевого Апокалипсиса. Германская морда раскрыла свою пасть въ сторону Россіи. Восточная Пруссія выдается впередъ, какъ свиное рыло, которымъ звѣрь подкапываетъ русскую землю. Берлинъ—глазъ звѣря, а Шлезвигъ-Голштинія торчитъ, какъ рога его. Германія выставила въ пограничной Польшѣ свои безчисленные батальоны, оцетинившіеся ружьями и саблями,—это тѣ клыки и зубы, которые выставлены сейчасъ противъ Россіи. А тысячи пушекъ и пулеметовъ изрыгаютъ адское пламя, смерть и ужасъ.

Намъ удалось достать одинъ изъ такихъ рисунковъ, гдѣ среди контура Средней Европы темнымъ пятномъ показана Германія въ видѣ головы апокалиптическаго Дракона или Звѣря. Но, пожалуй, было бы удачнѣе, если бы рисунокъ захватилъ и Австрію и представилъ бы полный симплексъ современнаго Гога-Магога.

О Гогѣ и Магогѣ подробнѣе мы читаемъ у пророка Іезекииля (38 и 39 главы). Нѣкоторые стихи пророчества и его отдѣльныя реченія удивительно подходятъ къ современному положенію Германіи и Австріи.

«... Обрати лице твое къ Гогу въ землю Магогъ... и изреки на него пророчество: поверну тебя и вложу удила въ челюсти твои и выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ, всѣхъ въ полномъ вооруженіи, большое полчище, въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооруженныхъ мечами...

«Готовься и снаряжайся,—ты и всѣ полчища твои, собравшіяся къ тебѣ,—и будь имъ вождемъ.

«Въ тотъ день придутъ тебѣ на сердце мысли, и ты задумаешь злое предпріятіе и скажешь: поднимусь я на землю неогражденную, пойду на беззаботныхъ, живущихъ безопасно... чтобы произвести грабежъ и набрать добычи, наложить руку на вновь заселенныя развалины и на народъ, собранный изъ народовъ, занимающійся хозяйствомъ и торговлею, живущій на вершинѣ земли.

«И будетъ въ тотъ день, когда Гогъ придетъ на землю Израилеву, говорить Господь Богъ, гвѣвъ Мой воспылаетъ въ ярости Моей.

«Падешь ты на горахъ Израилевыхъ, ты и всѣ полки твои и народы, которые съ тобою; отдамъ тебя на съѣденіе всякаго рода хищнымъ птицамъ и звѣрямъ полевымъ.

«Дамъ Гогу мѣсто для могилы въ Израилѣ, долину прохожихъ на востокъ отъ моря, и она будетъ задерживать прохожихъ; и похоронять тамъ Гога и все полчище его и будутъ называть ее долиною полчища Гогова.

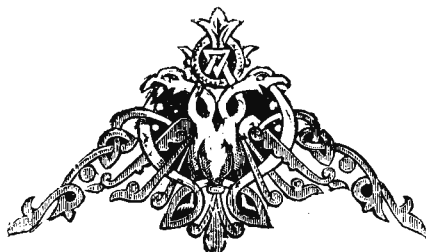
«И домъ Израилевъ семь мѣсяцевъ будетъ хоронить ихъ, чтобъ очистить землю».

Пророкъ указываетъ, что въ полчищахъ Гога были разные народы, перечисляя ихъ по именамъ. И Вильгельмъ II не ограничился одними нѣмцами и мадырами. Подъ его знаменами сейчасъ сражаются поляки, чехи и другіе австрійскіе славяне, кромѣ того, къ нему присоединилась и Турція съ ея пестрымъ населеніемъ.

Имѣлъ ли въ виду пророкъ Іезекіиль Вильгельма II или какое другое лицо,—объ этомъ скажутъ когда-нибудь рѣшающее слово вдохновенные люди. Но нельзя не согласиться съ совпаденіями современныхъ событій съ книжными изысканіями нашихъ начетчиковъ. Лично я объясняю эти совпаденія давно подмѣченнымъ фактомъ, что исторія повторяется. Картина послѣдней битвы на землѣ Гога и Магога съ христолюбивымъ воинствомъ, можетъ быть, и отражается въ современной гигантской битвѣ народовъ, какой исторія не знала, да и мы, ея участники, не могли предвидѣть ея ужасающихъ размѣровъ; но имѣемъ ли мы сейчасъ послѣднюю войну на землѣ,—въ этомъ я очень сомнѣваюсь.

Итакъ, всё указанія на Вильгельма II, какъ на антихриста, а на его войска, какъ на полчище Гога и Магога, примемъ какъ прообразы, какъ отраженіе, какъ предварительный эскизъ будущей картины еще болѣе колоссальныхъ событій.

Ив. Ювачевъ.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГР. С. Ю. ВИТТЕ.

ТОЛЬКО демократическая Америка знаетъ такія головокружительныя карьеры, какую продѣлалъ недавно скончавшійся бывшій премьеръ-министръ графъ Сергѣй Юльевичъ Витте. Тамъ дровосѣкъ, лодочникъ и мелкій служащій почтовой конторы Линкольнъ достигъ поста президента Соединенныхъ Штатовъ, благодаря своей чисто американской энергіи и трудолюбію.

Нашъ русскій американецъ, служившій конторщикомъ на желѣзной дорогѣ, гдѣ получалъ окладъ въ 45 рублей въ мѣсяцъ, и сотрудничавшій въ маленькой провинціальной газетѣ, сумѣлъ достигнуть выдающагося поста перваго русскаго премьеръ-министра.

Колыбелью карьеры графа С. Ю. Витте была Одесса. Тамъ онъ провелъ свою довольно бурную молодость. Въ Одессѣ Сергѣй Юльевичъ учился въ университетѣ и началъ свою службу на Одесской желѣзной дорогѣ, въ качествѣ конторщика при вѣсахъ, былъ контролеромъ, изучалъ желѣзнодорожное дѣло въ мастерскихъ, ѣздилъ часто на паровозѣ и исполнялъ одно время обязанности начальника одной изъ южныхъ станцій.

Маленькимъ желѣзнодорожнымъ служащимъ, разумѣется, и въ голову не приходило, что ихъ сослуживецъ когда-нибудь будетъ управлять всѣми путями сообщенія необъятной Россійской импе-

риі и соединить Россію и Азію Сибирскою и Манчжурскою желѣзными дорогами.

На Одесской желѣзной дорогѣ Витте выдвинулся и достигъ «степеней извѣстныхъ», обративъ на себя вниманіе во время русско-турецкой войны своею умѣлою распорядительностью при перевозкѣ войскъ.

Не послѣднюю роль въ карьерѣ будущаго премьеръ-министра сыграли директоръ русскаго общества пароходства и торговли, которому была подчинена и Одесская желѣзная дорога, старый одесситъ Чихачевъ, и министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, ознакомившійся съ дѣятельностью энергичнаго желѣзнодорожнаго служащаго въ бытность свою предѣдателемъ правленія Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ.

С. Ю. Витте оказывалъ всегда всяческое содѣйствіе и покровительство своимъ бывшимъ знакомымъ, начальникамъ, сослуживцамъ и школьнымъ товарищамъ.

Въ молодости Витте былъ вхожъ въ семью Рафаловичей въ Одессѣ. И всѣ Рафаловичи, при министрѣ финансовъ Витте, сдѣлали карьеры по финансовому вѣдомству, въ банковскихъ и т. п. учрежденіяхъ.

Городскимъ головою Одессы, когда Витте окончилъ университетъ, былъ знаменитый прожекторъ Н. А. Новосельскій, много сдѣлавшій для благоустройства «Южной Пальмиры». Но Новосельскій терпѣлъ неудачи за неудачами. Англійская газета «Норв» обвинила его въ полученіи «промесъ» отъ устроителя одесскаго водопровода. Во время русско-турецкой войны Новосельскій получилъ подрядъ на поставку для офицеровъ, и на него полился въ печати дождь обвиненій въ злоупотребленіяхъ. Запутался онъ и при эксплуатаціи своихъ тквибульскихъ угольныхъ копей на Кавказѣ.

Разорившемуся Новосельскому пришелъ на помощь Витте, и онъ получилъ мѣсто члена совѣта при министрѣ финансовъ.

Другой одесекій городской голова профессоръ В. Н. Лигинъ, съ которымъ Витте сблизился въ новороссійскомъ университетѣ, по протекціи Сергѣя Юльевича, получилъ мѣсто попечителя варшавскаго учебнаго округа. Витте прочилъ его въ министры народнаго просвѣщенія, но преждевременная кончина прервала карьеру Лигина.

Вынужденный прервать свою преподавательскую дѣятельность популярный профессоръ исторіи въ Одессѣ Г. Е. Афанасьевъ назначается, благодаря Витте, управляющимъ конторой Госуд. банка въ Кіевѣ.

Бывшій товарищъ министра финансовъ Романовъ—сослуживецъ графа Витте по Одесской желѣзной дорогѣ.

Къ своимъ подчиненнымъ Витте относился всегда снисходительно, требуя отъ нихъ лишь знанія дѣла. Романовъ отличался

большою разсѣянностью. Однажды изъ управленія дороги пропала папка съ очень важнымъ дѣломъ. Долго не рѣшались доложить объ этомъ Витте. Наконецъ ему стало извѣстно о пропажѣ.

— Да вы не тамъ искали, гдѣ слѣдуетъ,—заявилъ Сергѣй Юльевичъ:—поищите-ка въ карманахъ Романова!

И искомое было найдено въ карманахъ разсѣяннаго чиновника.

Въ большой дружбѣ былъ Витте со своимъ начальникомъ по Одесской желѣзной дорогѣ Б. А. Магнеромъ и сослуживцемъ Ѳ. К. Штерномъ. Магнеръ оказался впоследствии въ подчиненіи у своего бывшаго подчиненнаго, то есть у Витте, но отношенія обоихъ были всегда самыя дружескія и близкія. Еще за двѣ недѣли до кончины своей Витте хлопоталъ объ освобожденіи Магнера изъ австрійскаго плѣна, а когда тотъ, не выдержавъ военноплѣннаго режима, умеръ въ пути, въ Бухарестѣ, Витте хлопоталъ о перевезеніи его тѣла въ Одессу.

Любилъ Витте одесситовъ и самую Одессу, свою «вторую родину», какъ онъ называлъ ее. Онъ выработалъ въ бытность свою министромъ путей сообщенія весьма выгодныя для одесской торговли и промышленности тарифныя ставки, содѣйствовалъ устройству портовой эстакады и всякихъ усовершенствованныхъ оборудованій для одесскаго порта.

Много десятковъ лѣтъ подъ рядъ одесскіе лордъ-мэры и высшая администрація тщетно ходатайствовали объ открытіи при новороссійскомъ университетѣ медицинскаго факультета, столь важнаго въ курортномъ городѣ. С. Ю. Витте сумѣлъ преодолѣть всѣ препятствія. Въ награду за это его избрали почетнымъ гражданиномъ и присвоили его имя Дворянской улицѣ, гдѣ университетъ расположенъ.

Однажды Витте отправился съ городскимъ головою П. А. Зеленымъ въ университетъ.

— На Дворянскую улицу!—крикнулъ Витте кучеру.

— На улицу Витте!—поправилъ его Зеленый.

Витте словно предчувствовалъ, что «Улица Витте» недолго существуетъ: черносотенная одесская дума послѣшила отмѣнить постановленіе своей предшественницы, съ благословенія градоначальника, извѣстнаго генерала Толмачева.

Когда одесситу нужна была протекція, онъ смѣло шелъ къ министру изъ одесситовъ, въ полной увѣренности, что добьется желаемаго.

Представители торгово-промышленнаго класса хлопотали о разныхъ льготахъ. Родители-евреи—о приѣмѣ ихъ дѣтей въ учебныя заведенія сверхъ процентной нормы и т. д.

Старый одесскій нотаріусъ Гуровичъ, имѣвшій какую-то тяжбу съ казной, велъ оживленную переписку по этому поводу съ С. Ю.

Витте, который охотно принялъ на себя хожденіе по дѣлу своего земляка.

Когда исполнилось какое-то «лѣтіе» государственной дѣятельности Витте, редакторъ газеты, въ которой я работалъ, обратился ко мнѣ съ такою просьбою:

— Витте—одесситъ и вы—бывшій одесситъ. Попробуйте-ка отправиться къ нему и побесѣдовать кое-о чемъ!..

И дѣйствительно, одного упоминанія по телефону, что я одесситъ, было достаточно, чтобы черезъ полчаса я сидѣлъ въ хорошо знакомомъ виттевскомъ кабинетѣ въ «Бѣломъ домѣ» и бесѣдовалъ съ бывшимъ премьеромъ. Значительная часть бесѣды, помню, была посвящена разспросамъ Витте объ общихъ одесскихъ знакомыхъ и воспоминаніямъ о пребываніи въ Одессѣ, о бѣгствѣ, вопреки родительскому запрету, въ Кишиневъ, гдѣ не окончившій гимназіи въ Тифлисѣ молодой Витте предполагалъ сдавать экзамены.

С. Ю. Витте любилъ Одессу, но еще больше любили его одесситы, среди которыхъ онъ былъ крайне популяренъ. Его не называли ни Витте, ни графомъ, а просто—«Сергѣемъ Юльевичемъ».

Каждый новый этапъ на пути государственной дѣятельности бывшего одессита сопровождался посылкой ему одесскимъ муниципалитетомъ и его земляками самихъ горячихъ привѣтственныхъ телеграммъ и поздравленій.

С. Ю. Витте часто заѣзжалъ въ Одессу, гдѣ служилъ покойный его братъ Борисъ—сначала прокуроромъ, а затѣмъ председателемъ судебной палаты и гдѣ и посейчасъ проживаетъ его любимая сестра.

Одесситы, знавшіе выдающагося государственнаго дѣятеля, когда онъ еще былъ простымъ конторщикомъ и газетнымъ сотрудникомъ, съ удовольствіемъ отмѣчали всегда, что онъ «ничуть не перемѣнился». Тѣ же чуждые всякой претензіи на аристократизмъ манеры, та же неуклюжая и нѣсколько грубоватая рѣчь, тѣ же усвоенные въ Одессѣ неправильные обороты.

Извѣстно, что на первыхъ порахъ своей государственной дѣятельности въ столицѣ Витте не мало шокировалъ своихъ коллегъ простотою и демократичностью. На какое-то торжественное собраніе С. Ю., занимавшій тогда уже довольно высокій постъ, явился безъ знаковъ отличій и ленты. Это отнесли къ его демократизму, и ему сдѣлано было замѣчаніе.

— Я не ношу орденонъ и ленты потому, что я ихъ не имѣю!— былъ отвѣтъ!

Хорошо относился С. Ю. Витте къ одесситамъ, но не могутъ жаловаться на него и дѣятели печатнаго слова.

— Печать,—говорилъ Витте,—есть могучая сила, съ которой долженъ считаться весь міръ...

И графъ Витте и на зарѣ своей служебной дѣятельности, и по достиженіи имъ высокаго положенія на государственной іерархической лѣстницѣ, и на закатѣ своей жизни, находясь уже не у дѣль, «считался съ печатью»; онъ принималъ и самъ въ ней участіе своими статьями, доставлявшимися имъ матеріалами и постоянными бесѣдами съ журналистами, для которыхъ онъ былъ доступенъ во всякое время дня и даже ночи—въ экстренныхъ случаяхъ.

Дѣятели печати отнюдь не избалованы благожелательнымъ къ нимъ отношеніемъ нашихъ государственныхъ людей. «Газетчиковъ», кромѣ развѣ заморскихъ, часто не подпускаютъ на пушечный выстрѣлъ туда, гдѣ вершаются и не столь важныя государственныя дѣла.

Графъ С. Ю. Витте составлялъ всегда счастливое исключеніе среди «власть имущихъ» своимъ отношеніемъ къ дѣятелямъ печатнаго слова.

Въ министерскомъ коричневомъ домѣ на Мойкѣ, въ Бѣломъ домѣ на Каменноостровскомъ и въ отведенныхъ для Витте апартаментовъ въ Зимнемъ дворцѣ въ бытность его премьеръ-министромъ можно было встрѣчать и именитыхъ писателей, и скромныхъ журналистовъ, и газетныхъ работниковъ. Со многими изъ нихъ графъ Витте былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ.

Однажды на пріемѣ въ министерствѣ финансовъ записались нѣсколько десятковъ человѣкъ. Были тутъ и губернаторы, даже одинъ министръ, были и журналисты.

Просмотрѣвъ списокъ съ именами явившихся, Сергѣй Юльевичъ отмѣтилъ карандашемъ тѣхъ, кого онъ желалъ принять въ первую голову, безъ соблюденія обычной очереди.

— Васъ проситъ министр!—обратился дежурный чиновникъ къ находившемуся въ пріемной издателю столичной газеты, явившемуся на пріемъ позже другихъ.

Ожидавшій въ пріемной курскій губернаторъ графъ Милютинъ, едва за издателемъ закрылась дверь министерскаго кабинета, сталъ громко выражать свое неудовольствіе:

— Помилуйте, развѣ это порядокъ! Летишь сюда изъ-за тридцати земель по нетерпящимъ отлагательства административнымъ дѣламъ, въ которыхъ заинтересована цѣлая губернія, а ты вдругъ изволь ждать тутъ въ пріемной, пока окончится бесѣда съ какимъ-то газетчикомъ!..

Графъ Милютинъ выразился нѣсколько рѣзче насчетъ «газетчика»...

Но вотъ на порогѣ появился издатель, и дежурный чиновникъ подмигнулъ другому причастному къ печатному слову дѣятелю В. А. П—ву, до котораго не дошла еще очередь. П—въ былъ нѣкогда одесскимъ корреспондентомъ большой петроградской газеты, когда Витте служилъ на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ.

— Я васъ, Сергѣй Юльевичъ,—началь было П—въ:—не задержу, такъ какъ у васъ тамъ въ пріемной масса народа. Кто-то высказаль даже неудовольствіе по поводу несоблюденія очереди...

— А мнѣ въ высокой степени наплевать!—отвѣтилъ Витте, выражавшійся всегда нѣсколько рѣзко.—Мнѣ-то самому лучше знать, когда кого принимать!..

И онъ сталъ забрасывать П—ва вопросами объ интересовавшихъ его въ то время предметахъ, а попутно дѣлился своими замыслами и планами. Витте былъ тогда поглощенъ сберегательными кассами, которыми его собесѣдникъ мало интересовался.

— Столько въ наши кассы потечеть народныхъ сбереженій,—хвасталь министръ финансовъ:—что мы выдержимъ самую большую войну, если, Боже упаси, вынуждены будемъ воевать...

С. Ю. Витте былъ въ большой дружбѣ съ покойными А. С. Суворинымъ, М. Н. Катковымъ и княземъ В. П. Мещерскимъ. Вліятельный издатель «Московскихъ Вѣдомостей», въ которыхъ Витте нѣкогда сотрудничаль, оказалъ своему бывшему сотруднику не мало услугъ, когда онъ стремился получить министерскій портфель.

Когда С. Ю.—чъ велъ борьбу съ другимъ членомъ комитета министровъ В. К. Плеве, пользовавшійся не малымъ вліяніемъ въ сферахъ издатель «Гражданина» стояль горой за министра финансовъ.

Отношенія между Витте и Суворицымъ не всегда были одинаковы: оба они были люди экспансивные.

Во «дни свободъ» къ Витте запросто ходили писатели и журналисты прогрессивнаго и даже радикальнаго лагеря. Во время «гапоніады» бывший премьеръ сносился съ рабочими черезъ тогдашняго полужурналиста, получивовника Мануйлова-Манасевича и писателя Матюшенскаго, къ рукамъ котораго прилипла значительная толика денегъ, предназначавшаяся правительствомъ для рабочихъ организацій. По этому поводу Витте и его бывший коллега по совѣту министровъ В. И. Тимирязевъ вели одно время полемику другъ съ другомъ черезъ газетныхъ «интервьюеровъ».

Уѣзжая лѣтомъ на воды, Витте и тамъ не разставался съ «братьями-писателями». Въ Біаррицѣ его можно были встрѣчать прогуливающимся съ В. М. Дорошевичемъ, котораго, между прочимъ, разспрашиваль объ общихъ знакомыхъ—«одесситахъ», какъ онъ выражался.

Въ каждомъ городѣ, гдѣ онъ жилъ, Витте имѣль своихъ знакомыхъ и друзей среди журналистовъ. Въ Кіевѣ онъ сблизился съ редакторами «Кіевлянина» Д. И. Пихно и «Кіевского Слова»—Антоновичемъ, у котораго печаталь свои статьи по желѣзнодорожнымъ и финансовымъ вопросамъ. И Антоновичъ, и Пихно при содѣйствіи Витте сдѣлали государственныя карьеры, получивъ посты товарищей министра.

Въ Одессѣ Витте, занимая мѣсто конторщика на желѣзной дорогѣ, принималъ участіе и въ мѣстной печати. Въ прогрессивной газетѣ «Правда» появлялись время отъ времени злободневные фельетоны за подписью «Зеленый Попугай», и товарищи по перу автора этихъ фельетоновъ не подозрѣвали, что ихъ сосѣдь по газетѣ промѣняетъ вполсѣдствіи редакціонный портфель на портфель министра, и они, какъ нѣкій одесскій журналистъ С. Г. Яронъ, смогутъ называть себя «товарищами министра».

Въ другой одесской газетѣ, «Новороссійскомъ Телеграфѣ», Витте выступилъ съ горячо написанною статьею по славянскому вопросу. Этому же вопросу посвящались его статьи въ аксаковскихъ изданіяхъ—«Днѣ» и «Руси».

Славянолюбіе Витте беретъ начало отъ дяди по матери, генерала Фадѣева, извѣстнаго патріота и военного писателя. Тяготѣніемъ къ литературѣ С. Ю. обязанъ былъ, по его словамъ, своей теткѣ—извѣстной писательницѣ Еленѣ Ганъ, писавшей подъ псевдонимомъ Зинаида Р., и родственнымъ отношеніямъ съ писательницей Желиховской и теософкой Блаватской.

Въ Одессѣ на зарѣ своей служебной и газетной дѣятельности Витте облизился съ «дѣдушкой одесскихъ фельетонистовъ» барономъ Иксомъ—С. Т. Герцо-Виноградскимъ. Онъ не порываетъ съ нимъ даже тогда, когда баронъ Иксъ, вернувшись изъ ссылки, находился подъ надзоромъ.

Частые переходы фельетониста изъ газеты въ газету обрекали его на денежныя затрудненія, и Витте сначала устраиваетъ его на должности на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а когда Герцо-Виноградскій потерялъ службу и журнальная работа стала его плохо кормить, С. Ю. устроилъ ему пенсію изъ учрежденнаго, по его инициативѣ, при Академіи Наукъ фонда имени императора Николая II для выдачи пособій литераторамъ, публицистамъ и ученымъ.

На Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ Витте устроилъ другого одесскаго журнальнаго ветерана, талантливаго критика и шекспиролога С. И. Сычевскаго, который, страдая извѣстнымъ порокомъ, вѣчно нуждался.

И не одинъ дѣятель печатнаго слова, обреченный на склонѣ дней своихъ на всякія лишенія, помянетъ добрымъ словомъ инициатора хорошаго дѣла.

Когда провинціальныя редакторы страдали отъ гнета мѣстныхъ администраторовъ и цензуры или существованію ихъ изданій угрожала какая-либо опасность, они искали защиты у Витте—и не безъ успѣха. Закрыли однажды «Одесскій Листокъ», кажется, за статью В. М. Дорошевича о притонѣ въ домѣ одесскаго судебного дѣятеля Шимановскаго, и Витте добился снятія этой кары и возобновленія газеты.

Ходатайствамъ Витте многіе органы печати обязаны своимъ возникновеніемъ въ тѣ времена, когда разрѣшенія на новыя газеты выдавались съ большимъ трудомъ.

Провинціальныя журналисты любятъ часто справлять свои юбилеи, празднуя ихъ и на Антона, и на Онуфрія. И Витте аккуратно посылалъ юбилярамъ свои поздравленія и юбилейныя привѣтствія.

Посѣщая Одессу, Витте не забывалъ своихъ старыхъ знакомыхъ изъ журнальнаго міра.

И въ столицѣ были журналисты и издатели, которымъ Витте оказывалъ содѣйствіе «въ минуты жизни трудныя».

Разрѣшеніе на довольно распространенную газету, въ которомъ многократно отказывали издателю, было добыто бывшимъ министромъ финансовъ. Это не помѣшало тому же издателю на столбахъ разрѣшенной, при содѣйствіи Витте, газеты раздѣлывать послѣдняго подъ орѣхъ.

Во «дни свободъ», когда къ бывшему премьеру явилась депутація журналистовъ, которыхъ онъ призывалъ поддерживать его начинанія и успокаивать умы, издатель, являвшійся, по словамъ Сергѣя Юльевича, его неоплатнымъ должникомъ, разразился довольно рѣзкою филиппикою.

— Ну, и оплатилъ же мнѣ вашъ патронъ!—заявилъ Витте журналисту Р.:—не ожидалъ я отъ него такой прыти!..

Другому журналисту Г—ну Витте заявилъ, что въ имѣющихъ появиться послѣ его смерти мемуарахъ онъ охарактеризовалъ по достоинству черную издательскую неблагодарность...

Ко всякому печатному слову Витте относился очень чутко. Когда онъ, живя еще на югѣ, занялъ уже видное положеніе, «Новое Время» отмѣтило его нерусскую фамилію. С. Ю. разыскалъ корреспондента газеты В. А. П—ва и просилъ его протелеграфировать отъ его имени лично А. С. Суворину, что въ его, виттевскихъ, жилахъ течетъ кровь русскаго архипатріота генерала Фадѣева.

На критику его дѣятельности бывший премьеръ смотрѣлъ, какъ на явленіе вполне законное и нормальное. Брань по его адресу въ извѣстной части печати онъ оставлялъ безъ вниманія, особенно въ послѣднее время. Къ цензурнымъ скорпіонамъ Витте никогда не прибѣгалъ. Но были обвиненія, съ которыми онъ не могъ мириться.

Чтобы освѣдомлять печать о своихъ реформахъ, вызывавшихъ всегда сильную оппозицію, Витте отдавалъ распоряженія своимъ подчиненнымъ—не отказывать журналистамъ въ свѣдѣніяхъ и самъ часто дѣлился съ ними всѣмъ, что могло ихъ интересовать.

Когда въ Одессѣ введена была казенная продажа питей, Витте, пріѣхавшій ознакомиться на мѣстѣ съ только что введенной рефор-

мой, выразилъ пожеланіе, чтобы при осмотрѣ имъ казенныхъ лавокъ и мѣстъ для распивочной продажи спиртныхъ напитковъ ему сопутствовали представители печати. Въ гавани онъ разспрашивалъ портовыхъ рабочихъ о качествахъ «казенки». Сопровождавшій его приставъ Чебановъ сталъ было подсказывать рабочимъ пріятныя творцу реформы отвѣты, но Сергѣй Юльевичъ рѣшительно запротестовалъ:

— Намъ нужна одна правда, а не ложь!—замѣтилъ онъ приставу.

Превратное толкованіе его проектовъ и реформъ вызывало со стороны бывшаго министра самыя энергичныя возраженія, съ которыми онъ выступалъ лично или при посредствѣ знакомыхъ журналистовъ.

Когда творецъ 17-го октября находился уже не у дѣлъ, при немъ состояли два лейбъ-журналиста, выступавшіе въ печати истолкователями взглядовъ и дѣятельности эксъ-премьера: это были публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ — Морской, и информаторъ большой московской газеты Р., къ которому Витте относился съ большимъ довѣріемъ.

Особенно негодовалъ С. Ю. Витте, когда критика исходила отъ его недавнихъ друзей. Я помню, какъ онъ волновался при одномъ моемъ посѣщеніи его, когда зашла рѣчь о Пихно.

— Какой же я хамелеонъ, какъ называетъ меня Пихно! Какъ министръ и вѣрнопопдаанный своего государя, я счелъ своимъ долгомъ въ своей запискѣ о земствѣ высказать, что введеніе въ странѣ широкаго самоуправленія повлечетъ за собою установленіе конституціоннаго режима. Хотите дать конституцію—дайте земство съ самыми широкими правами!—говорилъ я.—Но правительство не было еще подготовлено къ дарованію конституціи, а потому опасно было вводить широкое самоуправленіе. Вотъ и все! Не я хамелеонствовалъ, а Пихно и компанія прыгали черезъ мою голову!—воскликнулъ Сергѣй Юльевичъ, вытянувшись во весь свой длинный ростъ и показавъ мнѣ, что черезъ его голову мудрено было прыгать такому маленькому человѣку, какъ покойный Пихно...

Превратной критики Витте терпѣть не могъ, а за поддержку его политики умѣлъ выражать свою признательность.

Когда С. Ю.—чѣ былъ министромъ финансовъ, О. К. Пото-вичъ велъ одно время въ «Новостяхъ» упорную борьбу съ биржевымъ ажіотажемъ и съ игрецкими страстями средней публики. Прибывъ на нѣсколько дней въ Петроградъ изъ Одессы, я посѣтилъ своего прежняго редактора-издателя, который съ мѣста въ карьерѣ объявилъ мнѣ:

— Вотъ вы тамъ въ провинціи все пишете о школахъ, бібліотекахъ, о борьбѣ между книгою и штофомъ, о тѣлесныхъ наказаніяхъ и. т. п. оскмину набившихъ вещахъ! А вотъ «Новости» борются съ

биржевыми спекуляціями, которыми увлеклись даже швейцары и кухарки, и много тысячъ людей спасены нами отъ разоренія. Министръ финансовъ Витте въ самой лестной формѣ выразилъ мнѣ за это свою признательность, а онъ знаетъ, что дѣлается...

Мнѣ оставалось тогда только позавидовать редактору «Новостей»: провинціальныя журналисты далеки отъ министровъ и благодарности отъ нихъ не получали.

Издатель «Русскаго Дѣла» Шарановъ поднялъ цѣлый походъ противъ золотой валюты. Прошло нѣкоторое время, и Шарановъ, получивъ «золотую валюту» на усовершенствованіе изобрѣтеннаго имъ плуга, переложилъ гнѣвъ на милость.

Со всѣмъ тѣмъ, чтѣ о немъ писали, Витте былъ всегда досконально знакомъ, ибо рѣдкій государственный дѣятель такъ слѣдилъ за текущею журналистикою, какъ онъ. На его столѣ въ кабинетѣ всегда лежали послѣдніе нумера газетъ и свѣжіе выпуски журналовъ.

Зашла однажды рѣчь при Витте объ одномъ министрѣ, и онъ далъ о немъ весьма не лестный отзывъ.

— Почему вы его такъ не жалуете?—спросили его.

— Помилуйте, что это за государственный дѣятель, который ничего не читаетъ, не слѣдитъ за текущею печатью!—отвѣтилъ Витте.

С. Ю. Витте любилъ печать, принималъ въ ней участіе и относился благожелательно къ ея дѣятелямъ. Онъ оставилъ послѣ себя и литературное наслѣдіе, въ видѣ статей, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, брошюръ «По поводу націонализма», о земствѣ, книги о «Принципахъ желѣзнодорожныхъ тарифовъ», въ составленіи которой принималъ близкое участіе одесскій критикъ С. И. Сычевскій, претендовавшій даже на авторство.

И можно смѣло сказать, что, не посвятивъ себя Витте государственной дѣятельности, въ которой онъ такъ много преуспѣлъ, онъ былъ бы выдающимся публицистомъ. У него были для этого многія данныя: публицистическій темпераментъ, полемическая жилка, умѣніе схватывать сущность вещей, сильный творческій умъ и разнообразныя свѣдѣнія и знанія по многимъ отраслямъ человѣческой мысли. У публицистики было бы тогда одной талантливой силой больше, но у Россіи не было бы выдающагося государственнаго дѣятеля и реформатора.

Я видѣлъ въ послѣдній разъ графа Витте въ іюлѣ прошлаго года въ курортѣ Зальцширфѣ бесѣдующимъ со старымъ одесскимъ купцомъ. Командированному тогда къ нему для бесѣды берлинскому корреспонденту большой московской газеты Т—му и сотруднику берлинской печати М—ку Витте высказалъ, не безъ осторожности, свои взгляды на назрѣвавшія, послѣ сараевской драмы, событія и отозвался довольно прохладно о своемъ преемникѣ В. Н. Коков-

цовъ, котораго онъ, впрочемъ, открыто критиковалъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Какъ говорили мнѣ лечившіеся въ Зальцшлирфѣ соотечественники, Витте былъ центромъ вниманія всего курорта. Сезонъ считался открывшимся, когда туда пріѣзжалъ «Excellenz Witte», пользовавшійся большимъ почетомъ и уваженіемъ. На него указывали пальцами впервые пріѣзжавшимъ въ Зальцшлирфъ. Помѣщеніе, имъ занимавшееся въ кургаузѣ, никому не отдавалось внаймы. Чтобы не причинять беспокойства «Excellenz'у», на террасѣ его квартиры сооруженъ былъ небольшой шатеръ-палатка, гдѣ почетный гость могъ сидѣть, невидимый соглядатаями. Зальцшлирфскіе обыватели избѣгали ходить по такъ называемой виттевской тропинкѣ, гдѣ онъ гулялъ обыкновенно съ внукомъ. Часто можно было его видѣть стоящимъ на мосту, слѣдящимъ за движеніемъ рыбъ въ мѣстной рѣчонкѣ или бесѣдующимъ со знакомыми.

Любопытно, что вскорѣ послѣ отъѣзда Витте изъ Зальцшлирфа, почти наканунѣ возгорѣвшейся войны, его стали тамъ усиленно разыскивать. Распространялись нелѣпыя слухи, что къ нему пріѣзжалъ изъ Англіи адмиралъ для какихъ-то тайственныхъ переговоровъ. Бывшаго русскаго премьера, къ которому, по его словамъ, императоръ Вильгельмъ относился одно время особенно благосклонно, наградивъ его самымъ высшимъ орденомъ, нѣмецкія власти заподозрѣли въ шпіонствѣ. Въ квартирѣ, гдѣ жилъ гр. Витте, произведенъ былъ обыскъ. Не успѣвши онъ выѣхать изъ Германіи, С. Ю. оказался бы въ числѣ военноплѣнныхъ или подвергся бы обвиненію въ шпіонствѣ.

Изъ Зальцшлирфа графъ Витте отправился въ Италію, а въ концѣ августа 1914 года былъ въ Одессѣ. Въ бесѣдѣ съ посѣщавшими его одесситами графъ высказалъ увѣренность, что Россія выйдетъ побѣдительницею изъ войны, хотя врагъ жестокъ и силенъ.

За нѣсколько дней до кончины С. Ю. Витте жаловался вдовѣ недавно скончавшагося его закадычнаго друга Д—го на систематическую травлю, которой онъ подвергается.

— Я чувствую себя,—заявилъ онъ:—какъ травленный волкъ, хотя я совершенно устранился отъ всякой внутренней политики...

Существуетъ мнѣніе, что министры финансовъ, ворочающіе государственнымъ милліонами, имѣютъ большія состоянія. О графѣ Витте его недоброжелатели, уже послѣ его кончины, говорили, что его милліоны хранятся въ нѣмецкихъ банкахъ и что это обстоятельство и было-де причиною несочувствія эксъ-министра русско-германской войнѣ. «Виттевскіе милліоны»—плодъ досужей фантазіи. Еще недавно бывший министръ финансовъ для

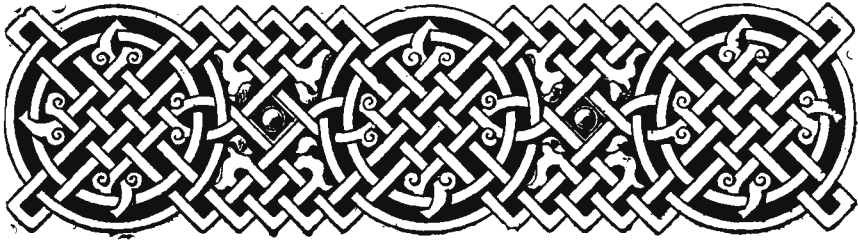
улаженія дѣль близкаго ему человѣка долженъ былъ продать часть своей земли и хлопоталъ черезъ В. Н. Коковцова о выдачѣ ему извѣстной суммы...

А хоронили «милліонера» графа С. Ю. Витте по третьему разряду...

Такъ жилъ, дѣйствовалъ и умеръ талантливый и выдающійся русскій государственный дѣятель графъ Сергѣй Юльевичъ Витте, съ именемъ котораго неразрывно связано провозглашеніе русской конституціи...

А. Е. Кауфманъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ.

(Матеріалы для біографіи).

ОШЕЛЪ съ исторической сцены, не только русской, но, можно сказать, міровой, крупный дѣятель, вниманіе которому удѣляли современники въ теченіе многихъ лѣтъ, къ голосу котораго прислушивались государственные люди и общественные круги, всегда ожидая отъ него оригинальнаго, талантливаго выступленія по поставленному на очередь разрѣшенія вопросу. Въ ночь на 28-е февраля скончался, довольно неожиданно, графъ СергѢй Юльевичъ Витте, и эта кончина произвела, вопреки многимъ ожиданіямъ, потрясающее впечатлѣніе на всѣхъ такъ или иначе соприкасавшихся съ графомъ Витте, заинтересованныхъ его личностью, его любившихъ или ненавидѣвшихъ, ожидавшихъ его возвращенія къ власти или молившихъ, чтобы возвратъ этотъ никогда болѣе не совершился. Наступилъ уже девятый день по его кончинѣ, и до сихъ поръ не проходитъ дня, чтобы выходящія газеты, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, не посвятили его памяти статей, замѣтокъ или краткихъ извѣстій, имѣющихъ отношеніе къ прервавшейся жизни родоначальника русской конституціи. Около имени графа Витте образовалась уже цѣлая обширная литература, куда успѣли внести свои вклады самые разнообразныя представители нашей общественности; и можно полагать, что эта литература на долгое время еще будетъ почерпать матеріалы изъ жизни и дѣятельности скончавшагося русскаго государственнаго дѣятеля. Со временемъ, когда эта литература будетъ собрана во-

едино, предъ нами, быть можетъ, вполнѣ выяснится какъ самый образъ С. Ю., такъ и значеніе его трудовъ на пользу родной земли. Сейчасъ же дать его полную характеристику, произвести полную оцѣнку всего имъ сдѣланнаго и недодѣланнаго чрезвычайно трудно; для этого требуется обширный подготовительный матеріалъ, необходимо, чтобы его во многихъ отношеніяхъ загадочный образъ отошелъ отъ насъ на нѣкоторую историческую даль, чтобы около его имени стихли и панегирики, и проклятія, чтобы русская жизнь вошла въ новое, несомнѣнно, пробивающееся передъ нею историческое русло, и тогда только, быть можетъ, будетъ сказано о графѣ Витте все то, истинное и непреложное, что отвѣдетъ ему вполнѣ опредѣленное мѣсто на скрижаляхъ нашей исторіи. Кромѣ того, необходимо, чтобы появились въ печати имъ написанные и подготовленные къ изданію мемуары, которые при жизни ему неудобно было выпускать въ свѣтъ, не говоря ужъ объ Россіи, но даже и за границей. Записки эти хранятся, какъ онъ мнѣ это говорилъ, въ одномъ изъ несгораемыхъ шкаповъ какого-то заграничнаго банка. Американцы, узнавъ о существованіи этихъ мемуаровъ, предлагали С. Ю. крупныя деньги (кажется, миллионъ долларовъ) за право ихъ воспроизведенія, но авторъ на это не могъ согласиться. Я думаю, судя по нѣкоторымъ намекамъ графа, ему и невозможно было ихъ опубликовать—это значило бы нажить себѣ такую кучу враговъ, въ которыхъ у него и безъ того не было недостатка, что, пожалуй, пришлось бы порвать всякія связи съ родной дѣйствительностью и потерять всякую надежду на возвращеніе къ власти или, по крайней мѣрѣ, къ активной видной дѣятельности, на что еще весною минувшаго года почившій не терялъ надежды. Я неоднократно, при моихъ довольно частыхъ свиданіяхъ съ графомъ за послѣдніе четыре года, предлагалъ ему подѣлиться съ читателями «Историческаго Вѣстника» хотя бы нѣкоторыми отрывками изъ этихъ мемуаровъ, относящимися, напримѣръ, къ его фамилінымъ воспоминаніямъ, о семействѣ Фадѣевыхъ, о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ жизни, о службѣ на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ и т. п., но на всѣ мои предложенія Витте какъ-то давалъ уклончивый отвѣтъ: «Подумаю, когда буду за границей, посмотрю...» и т. п. Однажды онъ какъ-то на прощанье мнѣ сказалъ:

— Напечатать въ вашемъ журналѣ кое-что изъ своихъ воспоминаній мнѣ было бы, несомнѣнно, интересно, но это какъ-нибудь потомъ, а сейчасъ будемъ продолжать опубликовывать документы. Это и нужнѣе, и полезнѣе—вѣдь тутъ, пожалуй, найдется и матеріалъ для моей біографіи. На этомъ и остановимся. Развѣ,—со смѣхомъ добавилъ онъ,—написать вамъ о Мещерскомъ. Вотъ былъ бы скандалъ! А я много могъ бы поразказать тутъ интереснаго. Что это былъ за чудовищный человекъ!—и при этомъ Витте ввернулъ сильное слово, которымъ часто пестрѣла его рѣчь.

Итакъ, когда будутъ опубликованы записки графа Витте, когда исчерпаны будутъ мемуары о немъ современниковъ, когда раскрыты будутъ для пользованія архивы въ нашихъ учрежденіяхъ, нужные для написанія исторіи новѣйшаго времени, тогда только возможно будетъ подвести правильный итогъ жизненной дѣятельности сошедшаго въ вѣчность этого безусловно выдающагося талантливаго, энергичнаго и кипучаго человѣка. Въ качествѣ скромнаго матеріала для его будущей біографіи, быть можетъ, окажется небезполезнымъ и настоящій мой очеркъ, гдѣ на основаніи и моего личнаго знакомства съ нимъ, и на основаніи появившихся въ печати многочисленныхъ статей я сдѣлаю попытку представить читателямъ въ возможной послѣдовательности жизнь и дѣятельность графа С. Ю. Витте. Въ виду того, что очеркъ этотъ въ связи съ повопоявляющимися матеріалами можетъ разрастись, я вынужденъ буду не ограничиться одной книжкой журнала, а раздѣлю его на двѣ-три части. Жизнь описываемаго человѣка была такъ разнообразна, что вмѣстить свою задачу въ узкія рамки одной книжки журнала пошло бы въ ущербъ работѣ. Поэтому лучше задержать вниманіе читателей, нежели поступиться нѣкоторыми деталями, которыя въ жизни выдающихся людей бываютъ настолько характерными, что заслоняютъ собою факты, составляющіе, въ сущности, то, что мы и минуемъ обыкновенно въ біографіи человѣка.

I.

Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте родился 17-го іюня 1849 года въ Тифлисѣ и былъ сыномъ члена совѣта намѣстника Кавказа, завѣдывавшаго государственными имуществами. Мать Сергѣя Юльевича, рожденная Фадѣева, была родною сестрою генерала Ростислава Андреевича Фадѣева, извѣстнаго писателя и автора «Вооруженныхъ силъ Россіи», выпустившаго впоследствии совместно съ графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ, нынѣ намѣстникомъ Кавказа, нашумѣвшую книгу «Письма къ русскимъ людямъ» (заграничное изданіе). Его родная тетка, Елена Андреевна Ганъ, была также писательницей (псевдонимъ ея былъ «Зинаида Р—ва»). Двоюродная сестра его, урожденная Ганъ, вышла замужъ за мирового судью Блаватскаго, послѣ очень бурной жизни попала въ Индію, увлеклась тамъ теософіей и впоследствии стала во главѣ теософскаго движенія въ Россіи. Ея работы пользуются и до сихъ поръ широкой извѣстностью въ разныхъ кругахъ какъ русскаго, такъ и западноевропейскаго общества. У С. Ю. было еще три брата: изъ которыхъ Александръ избралъ военную карьеру, а Борисъ служилъ по министерству юстиціи и скончался на посту старшаго председателя одесской судебной палаты. Оба они были люди даровитые,

оригинальные, выдвигавшіеся надъ окружавшей ихъ средой. Годы дѣтства Сергѣй Юльевичъ провелъ въ семьѣ генерала Р. А. Фадѣева, который былъ сыномъ княгини Е. П. Долгорукой, отличавшейся рѣдкимъ образованіемъ и ученостью, особенно въ области естественныхъ наукъ. Подъ вліяніемъ родныхъ дяди и тетки С. Ю. росъ и получилъ домашнее образованіе, выдержавъ выпускной гимназическій экзаменъ въ Кишиневѣ. Затѣмъ С. Ю. въ 1866 году поступилъ на физико-математическій факультетъ новороссійскаго университета, который и окончилъ кандидатомъ. Какъ свидѣлствуютъ «Одесскія Новости» (9635), нынѣ «изъ однокашниковъ графа Витте по одесскому университету осталось въ живыхъ всего нѣсколько человѣкъ. Двое его товарищей сдѣлали ученую карьеру и состоятъ сейчасъ въ университетѣ въ качествѣ профессоровъ. Одинъ изъ нихъ, С. П. Ярошенко, въ настоящее время тяжело больной, успѣлъ даже быть короткое время ректоромъ новороссійскаго университета. Другой—профессоръ В. Н. Палаузовъ. Имѣются мемуары студенчества временъ Витте, которые сейчасъ, однако, преждевременно было бы опубликовать. Остальные—разбрелись. Среди товарищей Витте по университету, примкнувшихъ къ кружку, въ которомъ главенствовалъ Витте, находился и Желябовъ. Изъ профессоровъ Витте уцѣлѣлъ и проживаетъ въ Одессѣ только одинъ Е. Ф. Клименко. Друзья Витте вспоминаютъ, что въ тогдашнее время въ университетѣ было всего около 250 студентовъ. Въ большинствѣ они увлекались свѣтлыми идеями шестидесятыхъ годовъ. Витте всегда отрезвлялъ товарищей своего кружка, проповѣдуя въ университетѣ только науку. Однако онъ никогда не забывалъ своихъ товарищей впоследствии, помогая имъ, пострадавшимъ изъ-за политическихъ убѣжденій.

«Вращаясь среди бюрократическаго общества, которое онъ часто подвергалъ жестокой критикѣ, Витте говорилъ, что никогда не замѣнить свободную ученую профессію должностью чиновника. Занимался онъ въ университетѣ съ завидной прилежностью, поражая профессоровъ своими успѣхами и ярко выдѣляясь среди товарищей. Однако первая попытка Витте на поприщѣ науки—большая ученая работа—окончилась неудачно, и съ этого момента въ немъ произошелъ переломъ, измѣнившій его взгляды.

«Большую роль въ карьерѣ Витте сыгралъ адмиралъ Чихачевъ, звавшій его къ государственной дѣятельности. Покойный ректоръ университета Шведовъ горячо полюбилъ Витте и, утѣшая его въ постигшей ученой неудачѣ, совѣтовалъ не оставлять мысли добиваться положенія въ наукѣ. Однако Витте навсегда измѣнилъ идею стать ученымъ».

1-го мая 1870 года С. Ю. поступилъ на службу въ управленіе Одесской желѣзной дороги (одна изъ частей позже образовавшихся Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, сліяніе которыхъ изъ трехъ

линій и было проведено Витте). Начавъ службу скромнымъ помощникомъ начальника станціи Раздѣльная, Витте быстро обращаетъ на себя вниманіе и получаетъ одно повышеніе за другимъ. Въ 1877 году Витте занимаетъ уже постъ начальника эксплуатаціи и въ то тревожное время, когда по Одесской линіи производились усиленныя перевозки на русско-турецкій театръ войны, С. Ю. создаетъ себѣ имя распорядительнаго администратора.

Но больше всего вниманія удѣлилъ С. Ю. коммерческой дѣятельности Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, являвшихся тогда собственностью частнаго общества. Въ цѣляхъ развитія дѣятельности дорогъ С. Ю. сталъ проводить энергичную тарифную политику, основанную на конкуренціи съ другими смежными дорогами. Витте является инициаторомъ научной разработки тарифнаго дѣла. Изучая этотъ вопросъ на основаніи научныхъ и статистическихъ данныхъ, Витте вырабатывалъ для каждаго груза максимальный тарифъ, рѣзко понижая его для того, чтобы грузъ направлялся преимущественно по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Этому вопросу С. Ю. посвятилъ большое изслѣдованіе «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ», изданное въ 1883 году въ Кіевѣ.

Тарифная политика С. Ю. Витте встрѣтила суровую критику со стороны покойнаго руководителя «Кіевлянина» Д. И. Пихно. С. Ю. Витте для его полемики съ Д. И. Пихно нуженъ былъ свой органъ, и съ этой цѣлью при близкомъ участіи Витте и была создана газета «Кіевское Слово», въ которой въ отвѣтъ на статьи Пихно появлялись статьи редактора-издателя этой газеты, профессора А. Я. Антоновича и самого С. Ю. Витте, помѣщавшаго свои статьи до «Кіевского Слова» въ кіевской же газетѣ «Заря». (Впослѣдствіи въ бытность свою министромъ финансовъ С. Ю. Витте назначилъ А. Я. Антоновича товарищемъ министра. На этомъ посту Антоновичъ пробылъ недолго). Этой тарифной политики Витте придерживался только во время своей службы на Юго-Западной желѣзной дорогѣ. Ставъ директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, Витте прежде всего ввелъ для всѣхъ дорогъ однообразный тарифъ, запретилъ имъ заниматься конкуренціей и сталъ энергично производить выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну.

Въ этотъ же періодъ онъ былъ приглашенъ участвовать въ трудахъ комиссіи подъ предсѣдательствомъ графа Баранова по изслѣдованію желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи; одинъ изъ томовъ «Трудовъ» комиссіи—«Исторія и дѣятельность сѣздовъ представителей русскихъ желѣзныхъ дорогъ»—составленъ С. Ю. Витте и имъ же выработанъ «Общій уставъ російскихъ желѣзныхъ дорогъ», изданіемъ котораго завершились въ 1885 году работы комиссіи графа Баранова. Къ періоду дѣятельности его въ области желѣзнодорожнаго дѣла относятся напечатанныя имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ статьи по специальнымъ вопросамъ: «По поводу мнѣнія

Léon Say о желѣзнодорожныхъ тарифахъ», «Die russischen Häfen und die Eisenbahntarife» и др., а также сочиненія его: «Принципы желѣзнодорожныхъ тарифовъ по перевозкѣ грузовъ» (1883 г.) и «Национальная экономія и Ф. Листъ» (1889 г.).

Ставъ въ 1880 году начальникомъ Юго-Западныхъ дорогъ, Витте всесторонне занимается развитіемъ дѣятельности дорогъ. Такъ, имъ было много сдѣлано и для технической стороны дѣла.

Для характеристики развитія дѣятельности дорогъ при Витте достаточно указать слѣдующія цифры. Въ 1880 году валовая выручка дорогъ составляла 19 милліоновъ, а въ 1889 году (когда Витте оставилъ службу на дорогахъ) она достигла 30 милліоновъ. Въ 1880 году чистый доходъ дорогъ составлялъ 470 тысячъ рублей, а въ 1889 г.—13 милліоновъ.

Отдаваясь всецѣло работѣ въ управленіи Юго-Западныхъ дорогъ, С. Ю. не игралъ никакой замѣтной роли въ жизни Кіева. Весь свой досугъ С. Ю. удѣлялъ изученію финансовыхъ наукъ. Тогда еще, какъ говорятъ его сослуживцы, въ бытность свою въ Кіевѣ С. Ю. Витте готовился въ будущіе министры финансовъ.

Изъ сослуживцевъ С. Ю. въ Кіевѣ осталось теперь всего нѣсколько человѣкъ. Отличаясь умѣніемъ угадывать способности служащихъ, Витте всегда окружалъ себя штатомъ полезныхъ и способныхъ работниковъ. Двигаясь все выше и выше, Витте и въ дальнѣйшей своей дѣятельности нерѣдко прибѣгалъ къ сотрудничеству своихъ старыхъ желѣзнодорожныхъ сослуживцевъ.

Но, способствуя развитію Юго-Западныхъ дорогъ, С. Ю. много сдѣлалъ, конечно, и для процвѣтанія Юго-Западнаго края. При Витте строились новыя вѣтви, оживившія край. Въ цѣляхъ развитія экспорта и импорта С. Ю. заключилъ рядъ договоровъ съ австрійскими, германскими и румынскими пограничными дорогами и на всѣхъ пограничныхъ станціяхъ учредилъ таможенные агентства. С. Ю. является инициаторомъ введенія коммисіонно-ссудныхъ операцій желѣзными дорогами. Для осуществленія этой мысли С. Ю. пришлось выдержать сильную борьбу, и открытыя въ 1885 году ссудныя операціи очень скоро приобрѣли огромное значеніе, освободивъ хлѣбовладельцевъ отъ эксплуатаціи коммисіонеровъ и перекупщиковъ. По инициативѣ С. Ю. была улучшена перевозка хлѣбныхъ грузовъ и проложены пути къ частнымъ хлѣбнымъ магазинамъ въ Одессѣ. Благодаря заботамъ Витте, было ускорено движеніе товарныхъ и пассажирскихъ поѣздовъ и введена срочная перевозка нѣкоторыхъ грузовъ. Въ частности С. Ю. учредилъ въ Кіевѣ, Одессѣ и другихъ центрахъ Юго-Западныхъ дорогъ городскія станціи и транспортныя конторы ¹⁾.

¹⁾ Свѣдѣнія о службѣ С. Ю. на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ заимствованы изъ газеты «Кіевская Мысль», 1915 г., № 60, и изъ книги «Министерство финансовъ. 1802—1902», т. II (Спб. 1912).

Съ 1-го іюля 1871 года по 1-е марта 1874 года С. Ю. Витте состоялъ вмѣстѣ съ тѣмъ чиновникомъ канцеляріи новороссійскаго и бесарабскаго генераль-губернатора, а 9-го іюня 1874 года, былъ причисленъ къ департаменту общихъ дѣлъ министерства путей сообщенія.

Бывшій директоръ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ В. В. Максимовъ, извѣстный въ свое время сподвижникъ Витте, даетъ въ газетѣ «День» (1915, № 64) слѣдующія не лишеныя интереса свѣдѣнія о своемъ патронѣ по совмѣстной службѣ на желѣзныхъ дорогахъ:

«Я попалъ на службу въ желѣзнодорожное вѣдомство совершенно случайно. Мы встрѣтились съ С. Ю. Витте въ залѣ кіевскаго окружнаго суда въ качествѣ присяжныхъ засѣдателей и провели вмѣстѣ двѣ недѣли. Сергѣй Юльевичъ убѣдилъ меня бросить преподаваніе въ коммерческомъ училищѣ и поступить къ нему на службу на Юго-Западную желѣзную дорогу. Сергѣй Юльевичъ былъ тогда начальникомъ эксплуатаціи этой дороги, считавшейся одной изъ лучшихъ въ Россіи.

«Витте въ то время увлекался мыслью объ упорядоченіи нашей хлѣбной торговли. Покойному стоило большихъ трудовъ поколебать господствовавшее въ то время въ обществѣ и правительствѣ мнѣніе, что единственный способъ борьбы съ нашей хозяйственной дезорганизаціей—это пониженіе тарифныхъ ставокъ.

«Путемъ тщательной разработки матеріаловъ Витте выяснилъ, что такъ называемые «накладные расходы» даже превышаютъ тарифъ, и что борьба должна вестись именно въ этомъ направленіи—въ устраненіи непроизводительныхъ накладныхъ расходовъ. Въ Одессѣ Сергѣй Юльевичъ учредилъ первое въ Россіи коммерческое агентство для выполнения всевозможныхъ порученій продавцовъ грузовъ. Въ результатъ непродолжительной дѣятельности этого агентства накладные расходы съ шестнадцати съ половиной копеекъ на пудъ упали до трехъ копеекъ. Такія же энергичныя мѣры принялъ Витте для очистки таможенныхъ пошлинъ. Въ этомъ вѣдомствѣ царилъ тогда вакханалія злоупотребленій, и опять-таки въ результатъ сравнительно непродолжительной дѣятельности Сергѣю Юльевичу удалось понизить на 40 процентовъ накладные расходы продавцовъ грузовъ. Въ то же время Сергѣй Юльевичъ организовалъ у себя въ Кіевѣ комиссіонно-судное агентство на Юго-Западной желѣзной дорогѣ и предпринялъ цѣлый рядъ мѣръ къ урегулированію беспорядочной въ то время хлѣбной торговли.

«Сергѣй Юльевичъ никогда не довѣрялъ теоретическимъ выкладкамъ,—практикъ съ ногъ до головы, онъ въ осуществленіи своихъ проектовъ прибѣгалъ къ рѣшительнымъ и оригинальнымъ мѣрамъ. Вотъ, на примѣръ, ему нужно было выяснить, какимъ пу-

темъ выгоднѣе отправлять хлѣбъ—черезъ Галацъ или черезъ Одессу.

«Сергѣй Юльевичъ призываетъ меня и требуетъ, чтобы я немедленно купилъ на десять тысячъ рублей двѣ партіи пшеницы въ Бессарабіи и отправилъ бы эти партіи по обоимъ направленіямъ—черезъ Галацъ и черезъ Одессу. Я купилъ пшеницу, отправилъ обѣ партіи и подсчиталъ расходы въ томъ и другомъ направленіи, выяснивъ условія, и получилъ полное и ясное представленіе о выгодыности опредѣленнаго пути. Къ такимъ приѣмамъ Витте прибѣгалъ всегда, когда нужно было убѣдиться въ выгодыности и практическомъ удобствѣ того или другого предположенія. Сергѣй Юльевичъ пользовался уже въ то время чуть ли не неограниченной свободой въ области тарифовъ—правительство почти не вмѣшивалось въ его дѣятельность, и указаніями послѣдняго Сергѣй Юльевичъ не пользовался.

«Покойный былъ нашимъ первымъ «тарифмейстеромъ», и въ этой области онъ, дѣйствительно, много сдѣлалъ. Интересно вспомнить, что въ то время (конецъ восьмидесятыхъ годовъ) Юго-Западныя дороги пользовались совершенно исключительной репутаціей. У насъ говорили, что «ради Юго-Западной дороги все можно сдѣлать». Былъ у насъ на дорогѣ старый еврей Гиндусъ—общій любимецъ, человѣкъ безупречной честности, безсребренникъ, «святой», какъ его называли, и даже у этого человѣка исключительной честности вырвались слова, что для Юго-Западной дороги не грѣшно надуть другую дорогу.

«Витте сумѣлъ создать среди всѣхъ такое рабочее настроеніе и такъ умѣло подобрать людей, что эта дорога, дѣйствительно, дѣлала чудеса. Стоило Витте въ какомъ угодно вѣдомствѣ встрѣтить маломальски выдающагося человѣка, какъ онъ немедленно устраивалъ его у себя. Мы всѣ стояли другъ за друга, и всѣ тридцать тысячъ служащихъ готовы были сдѣлать для «дороги» все возможное и невозможное. Юго-Западная дорога была, что называется, «грозою» для всѣхъ другихъ дорогъ, и достигъ этого Витте слѣдующимъ образомъ. На всѣхъ узловыхъ станціяхъ желѣзной дороги Сергѣй Юльевичъ имѣлъ своихъ агентовъ-статистиковъ (онъ первый ввелъ желѣзнодорожную статистику), и на совѣщаніяхъ мы знали все, что дѣлается на чужихъ дорогахъ. Часто случались такіе курьезы, что юго-западникамъ приходилось съ цифрами въ рукахъ излагать состояніе другихъ дорогъ, чего не могли сдѣлать представители этихъ самыхъ дорогъ».

Изъ любопытныхъ эпизодовъ службы Витте на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ приведу слѣдующіе два—объ его арестѣ по Высочайшему повелѣнію и объ его оппозиціи императору Александру III. По словамъ А. Руманова («Русское Слово», 1915, № 49), дѣло арестованія Витте передъ началомъ послѣдней русско-турецкой кампаніи произошло такъ:

«Дѣло происходило передъ началомъ послѣдней русско-турецкой компаніи. Витте занималъ тогда должность начальника движенія Одесской желѣзной дороги. На желѣзной дорогѣ произошла шумѣвшая въ свое время катастрофа.

«Поѣздъ съ новобранцами, шедшій изъ Херсона по тилитупольской насыпи, свалился съ насыпи.

«Произошла катастрофа вслѣдствіе того, что желѣзнодорожный мастеръ снялъ рельсы и пошелъ пить чай, не выставивъ сигнала. Поѣздъ свалился. Произошелъ пожаръ. Нѣсколько десятковъ человѣкъ погибло въ огнѣ.

«Катастрофа вызвала огромное возбужденіе. Изъ Петрограда высланъ былъ судебный слѣдователь. Главный виновникъ катастрофы, желѣзнодорожный мастеръ, бѣжалъ. Судебный слѣдователь возбудилъ дѣло противъ интеллектуальныхъ виновниковъ крушенія, Чихачева и Витте, предложивъ привлечь обоихъ по той статьѣ, по которой долженъ былъ судиться бѣжавшій желѣзнодорожный мастеръ.

«Предложеніе слѣдователя поступило къ прокурору Смирнову, извѣстному по процессу игуменьи Митрофаніи. Смирновъ не нашелъ данныхъ для привлеченія Витте и Чихачева, и министръ юстиціи, не желая видѣть на скамьѣ подсудимыхъ одного стрѣлочника, тѣмъ болѣе скрывшагося, сдѣлалъ распоряженіе о передачѣ дѣла въ Каменецъ-Подольскъ, гдѣ тогда еще дѣйствовалъ дореформенный судъ.

«Витте и Чихачевъ были приговорены каменецъ-подольскимъ судомъ заочно къ четырехмѣсячному тюремному заключенію.

«Въ это время вспыхнула русско-турецкая война. Чихачевъ былъ назначенъ начальникомъ обороны Чернаго моря, а Витте сталъ во главѣ перевозки войскъ на Ближній Востокъ.

«Витте пріѣхалъ въ Кишиневъ, къ прибывшему туда главнокомандующему великому князю Николаю Николаевичу Старшему, попросилъ пріема и заявилъ великому князю, что онъ проситъ освободить его отъ службы.

«— Я приговоренъ,—рапортовалъ Витте,—къ тюремному заключенію. Я предпочитаю отсидѣть сейчасъ. На меня возлагается исключительная отвѣтственность по перевозкѣ арміи. Какая же у меня перспектива? Послѣ исполненія этого дѣла я долженъ буду итти въ тюрьму.

«— Вы правы,—отвѣтилъ великій князь:—но уходить со службы вамъ не надо. Обѣщаю вамъ, что если вы перевезете армію туда и обратно съ полнымъ успѣхомъ, то сидѣть вы не будете.

«Задача перевозки арміи была выполнена блестяще.

«Великій князь не забылъ своего обѣщанія и предложилъ военному министру Милютину доложить о дѣлѣ Витте государю императору Александру III. Государь повелѣлъ приговора надъ Витте

и Чихачевымъ въ исполненіе не приводитъ. Витте послѣ этого былъ переведенъ въ Петроградъ. Жилъ онъ на Колокольной улицѣ.

«Однажды утромъ его разбудили и сообщили, что пришли приставъ и околоточный. Приставъ заявилъ, что, по Высочайшему повелѣнію, Витте арестованъ. Онъ былъ отведенъ въ комендантское

Графъ Сергѣй Юльевичъ Витте
(въ бытность министромъ финансовъ).

управленіе, а оттуда въ Зимній дворецъ къ генералу Адельсону, который заявилъ ему, что, по Высочайшему повелѣнію, лично переданному императоромъ, Витте посаженъ на двѣ недѣли на гауптвахту, а Чихачеву приказано отбыть двѣ недѣли домашняго ареста.

«Арестъ Витте произвелъ сенсацію. Генераль Анненковъ поѣхалъ къ государю хлопотать за Витте, но государь отвѣтилъ, что на-

«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

16

канунѣ у него былъ докладъ министра юстиціи Набокова въ присутствіи цесаревича Александра Александровича. Набоковъ, коснувшись дѣла Витте и Чихачева, поставилъ принципиальный вопросъ: возможно ли, чтобы законно состоявшееся рѣшеніе суда было отмѣнено, и при томъ по докладу военнаго министра? Цесаревичъ поддержалъ министра юстиціи, указавъ, что подобный актъ подрываетъ престижъ суда. Государь императоръ Александръ II отвѣтилъ:

«— Я это сдѣлалъ и отмѣнить не могу, но обоихъ накажу по отечески.

«Такъ Витте былъ посаженъ на гауптвахту. Ему было разрѣшено на день уходить съ гауптвахты для исполненія своихъ обязанностей, но на ночь онъ безусловно долженъ былъ возвращаться обратно. Тутъ, на гауптвахтѣ, Витте выработалъ записку объ устройствѣ тыла арміи въ виду слуховъ о возможности войны съ Австріей».

Другой эпизодъ произошелъ, какъ свидѣтельствуеетъ газета «День» (1915, № 58), слѣдующимъ образомъ:

Въ 1886 году Витте былъ наконецъ утвержденъ управляющимъ Юго-Западными желѣзными дорогами. По своей должности Витте всегда сопровождалъ императора Александра III во время его многократныхъ поѣздокъ по Юго-Западнымъ желѣзнымъ дорогамъ. При одной изъ такихъ поѣздокъ произошелъ слѣдующій инцидентъ. Царскій поѣздъ былъ составленъ крайне неправильно, и всѣ его совершенно не соответствовали скорости по расписанію. Это вынудило Витте заявить, что онъ не повезетъ государя при такихъ обстоятельствахъ, и потребовалъ измѣненія скорости или состава поѣзда. Измѣненія были сдѣланы, но государь высказалъ Витте крайнее неудовольствіе. Витте подалъ письменное заявленіе, что при допущенныхъ неправильностяхъ произойдетъ крушеніе поѣзда, когда онъ перейдетъ на другую дорогу. 17-го октября 1888 года произошло извѣстное крушеніе въ Боркахъ. Витте былъ вызванъ въ качествѣ эксперта въ Харьковъ и здѣсь выяснилъ, что причины крушенія тѣ самыя, на которыя онъ указывалъ въ своемъ заявленіи. Этотъ случай обратилъ вниманіе Александра III на Витте и былъ ближайшимъ поводомъ къ переводу его въ Петроградъ.

II.

Изъ приведенныхъ данныхъ мы видимъ, что лучшая пора жизни С. Ю. Витте протекла на нашемъ югѣ, съ которымъ онъ сроднился тѣснѣйшимъ образомъ и который наложилъ на него своеобразную печать, когда человѣкъ ко многимъ вопросамъ широкаго государственнаго значенія подходитъ съ точки зрѣнія той географической области, въ полосѣ коей сложились его взгляды и убѣжденія. Впослѣдствіи, ставъ министромъ финансовъ, онъ именно многіе вопросы общей русской дѣйствительности судилъ, какъ южанинъ, и

именно, какъ таковой, разрѣшалъ эти вопросы, не считаясь съ разнообразіемъ русской дѣйствительности во всей ея совокупности.

Кіевъ и Одесса, а въ особенности послѣдняя, вотъ тѣ географическіе центры, къ которымъ особенно лежало его сердце и къ которымъ всегда направлялись его мысли и добрыя чувства. Ставъ въ 1905 году на необычайную дотолѣ въ русской жизни государственную высь, онъ не переставалъ дарить свои лучшія чувства именно нашему югу, который, дѣйствительно, во многомъ ему обязанъ. И этотъ югъ не оставался неблагодарнымъ и съ своей стороны платилъ земляку тѣмъ же добрымъ чувствомъ, что особенно рельефно сказалось послѣ кончины Сергѣя Юльевича, когда южныя газеты, и въ особенности одесскія, оказались наполненными сочувствующими почившему статьями.

Такъ, «Одесскій Листокъ» (1915 г. № 58), оповѣщая читателей о кончинѣ графа С. Ю. Витте говорилъ:

«Вѣсть о кончинѣ въ Петроградѣ графа С. Ю. Витте произвела въ Одессѣ огромное впечатлѣніе. На биржѣ о кончинѣ С. Ю. Витте стало извѣстно днемъ. Всѣ дѣловые разговоры были сразу прерваны, и все было поглощено толками о С. Ю. Витте и его общественной и государственной дѣятельности. Биржевые дѣятели отмѣчаютъ покровительство, которое С. Ю. Витте всегда оказывалъ Одессѣ, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе и началъ свою богатую карьеру. Покровительствуя Одессѣ, графъ С. Ю. Витте оказывалъ ей много цѣнныхъ услугъ. Его стараніями были, между прочимъ, выработаны покровительственныя для юга тарифныя ставки, способствовавшія расцвѣту одесскаго порта. С. Ю. Витте своевременно былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ Одессы. Въ Одессѣ у покойнаго много интимныхъ друзей, школьные товарищи, сослуживцы, находившіеся съ графомъ С. Ю. Витте въ постоянной перепискѣ».

Въ томъ же номерѣ мы читаемъ:

«Графъ Витте не забывалъ Одессы. Интересовался ею. Одесситѣ всегда находилъ у него поддержку. Припоминаю: на «Одесскій Листокъ» обрушилась кара. Газету закрыли. Покойный нынѣ редакторъ издатель В. В. Навроцкій поѣхалъ въ Петроградъ хлопотать о возобновленіи изданія. Между прочимъ, онъ обратился и къ министру Витте. Сочувствіе его и поддержка въ подлежащемъ вѣдомствѣ помогли. Газета снова появилась. С. Ю. Витте не забывалъ старыхъ друзей. Къ недавно умершему В. А. Магнеру онъ относился буквально по-братски. Пріѣзжая въ Одессу, Сергѣй Юльевичъ посѣщалъ Магнера. Всего недѣлю-другую назадъ Сергѣй Юльевичъ хлопоталъ о содѣйствіи вдовѣ Магнера, желавшей перевезти тѣло мужа изъ-за границы въ Одессу. Не на много пережилъ Сергѣй Юльевичъ своего одесскаго друга.

«Бывая въ Одессѣ, Сергѣй Юльевичъ навѣщалъ и Федора Штерна, съ которымъ министра также связывала старая дружба. Связь

Витте съ Одессой сказалась въ содѣйствіи въ отпускѣ средствъ на учрежденіе медицинскаго факультета новороссійскаго университета. Въ обществѣ столовыхъ для недостаточныхъ студентовъ новороссійскаго университета С. Ю. Витте состоялъ почетнымъ членомъ. Изъ учреждений, носящихъ его имя, отмѣчу коммерческое училище С. Ю. Витте въ Николаевѣ. Была и въ Одессѣ улица Витте. Одесса и югъ будутъ долго помнить Сергѣя Юльевича».

Въ № 60 той же газеты старожиль Одессы Б. С. Гуровичъ такъ вспоминаетъ почившаго графа: «С. Ю. Витте,—свидѣтельствуешь онъ,—любилъ Одессу и ежегодно сюда наѣзжалъ для свиданія со своими близкими (его сестра и тетка Фадѣва). Въ каждый разъ по пріѣздѣ въ нашъ городъ мы съ нимъ неизмѣнно видались.

«— Вы знаете,—всегда говорилъ мнѣ Сергѣй Юльевичъ:—свои пріѣзды въ Одессу я считаю настоящимъ праздникомъ; здѣсь я отдыхаю душой, истерзанной текущими событіями государственнаго дня».

«Сергѣй Юльевичъ,—читаемъ мы дальше,—былъ очень привязанъ къ Одессѣ. И, дѣйствительно, онъ всегда интересовался ея судьбами, очень огорчался упадкомъ нашего, нѣкогда цвѣтущаго города... Онъ всегда съ пренебреженіемъ говорилъ о тѣхъ дѣятеляхъ Одессы, которые не сумѣли содѣйствовать поднятію города, но, наоборотъ, своей специфической дѣятельностью содѣйствовали его упадку.

«Сообщивъ ему какъ-то о нетактичной, на мой взглядъ, выходкѣ моисеевской думы, о переименованіи улицы его имени, я получилъ отвѣтъ. Графъ С. Ю. Витте писалъ мнѣ:

«Не огорчайтесь. Это обстоятельство, въ опредѣленномъ свѣтѣ характеризующее одесскихъ городскихъ вершителей судебъ, меня не трогаетъ. Мнѣ ихъ вниманіе не нужно. Жаль только, что этотъ незначительный для меня лично эпизодъ можетъ огорчить мою сестру и престарѣлую тетку, проживающихъ въ Одессѣ...»

Въ «Одесскихъ Новостяхъ» (9634) значеніе Сергѣя Юльевича для Одессы опредѣляется такъ:

«Одесса не безъ основанія считала С. Ю. Витте своимъ. Здѣсь онъ получилъ высшее образованіе, здѣсь онъ началъ свою блестящую карьеру. И, несмотря на то, что со времени переѣзда С. Ю. Витте изъ Одессы сначала въ Кіевъ, а затѣмъ въ Петроградъ прошли десятки лѣтъ, связи своей съ Одессой покойный до послѣднихъ дней не порывалъ. Одессу онъ считалъ своимъ роднымъ городомъ, онъ ее любилъ и всячески покровительствовалъ ей. Въ Одессѣ у графа С. Ю. Витте были друзья дѣтства, сослуживцы, родные.

«Его стараніямъ Одесса обязана многимъ. Прежде всего главной заслугой Витте предъ Одессой являются покровительственные для Одессы и всего юга желѣзнодорожные тарифы, способствовавшіе развитію хлѣбной промышленности въ Одессѣ. Портовые эстокады и техническое оборудованіе порта также должны быть отнесены къ числу заслугъ Витте предъ Одессой.

«Многимъ обязанъ Витте и новороссійскій университетъ. Только благодаря Витте въ Одессѣ въ 1900 году былъ открытъ медицинскій факультетъ. Благодаря ему нашъ университетъ получилъ цѣлый рядъ крупныхъ ассигнованій, способствовавшихъ расширенію зданій и дѣятельности университета. Со своей alma mater покойный поддерживалъ связи до послѣдняго времени. Еще въ прошломъ году въ августѣ, будучи въ Одессѣ, когда въ университетѣ служился молебенъ по случаю начала военныхъ дѣйствій, С. Ю. Витте посѣтилъ университетъ и присутствовалъ на молебствіи. Его заслуги предъ университетомъ были оцѣнены: совѣтомъ университета онъ въ свое время былъ избранъ почетнымъ членомъ послѣдняго.

«За заслуги же передъ городомъ одесская городская дума въ свое время избрала его почетнымъ гражданиномъ нашего города и, кромѣ того, назвала Дворянскую улицу «улицей Витте». Прошло нѣсколько лѣтъ, и на смѣну прогрессивной думѣ явилась «моисеевская» дума, при которой, какъ извѣстно, началась ликвидація прошлыхъ «грѣховъ». Дума, слѣдуя общему реакціонному теченію, сочла нужнымъ ликвидировать «ошибку» своей предшественницы, и «улица Витте» была переименована въ «улицу Петра Великаго». Безтактность была учинена въ отношеніи человѣка, который много сдѣлалъ для Одессы и въ частности для одесситовъ, который искренно любилъ Одессу и до послѣднихъ дней оказывалъ ей услуги. По странной случайности въ одинъ и тотъ же день скончались С. Ю. Витте и предсѣдатель той самой городской думы, которая учинила эту безтактность. Сопоставленіе этихъ двухъ фигуръ является, конечно, нѣсколько страннымъ, но въ Одессѣ вчера, въ виду указанной безтактности и одновременной ихъ смерти, имена эти многими невольно сопоставлялись...

«Покойный С. Ю. Витте, между прочимъ, оказалъ большую услугу Одессѣ въ дѣлѣ постройки эстокаднаго пути къ одесскому порту и желѣзнодорожныхъ путей къ частнымъ магазинамъ при станціяхъ «Одесса-Застава» и «Одесса-Пересыпь». Благодаря этимъ мѣропріятіямъ, стала возможна перевозка хлѣба въ портъ изъ частныхъ складовъ по желѣзной дорогѣ вмѣсто дорого стоящаго гужевого сообщенія».

Не столь свѣтлыми сохранились отношенія у почившаго государственнаго дѣятеля съ Кіевомъ. По сему предмету мы находимъ въ «Кіевской Мысли» (1915 г. № 62) слѣдующія любопытныя указанія:

«Въ бытность Витте въ Кіевѣ произошелъ, между прочимъ, такой интересный фактъ. Въ 1885 г. исполнилось пятидесятилѣтіе существованія кіевскаго университета. По случаю юбилея задуманъ былъ торжественный актъ, на который прибыло много русскихъ и даже заграничныхъ ученыхъ. Но съ торжествомъ вышли недоразумѣнія. Тогдашній ректоръ университета Ренненкампфъ не

поладили со студентами, лишили ихъ возможности принять участіе въ юбилеѣ, и вслѣдствіе этого студенты испортили торжество.

«Не обошлось безъ столкновений, отъ которыхъ пострадали и пріѣхавшіе на торжество гости и въ томъ числѣ и Побѣдоносцевъ. Ректоръ Ренненкампфъ всю вину свалилъ на студентовъ, по отношенію которыхъ начались репрессіи.

«С. Ю. Витте, служившій тогда въ Кіевѣ, въ управленіи Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ, ознакомившись съ университетской исторіей, выступилъ въ «Руси» Аксакова съ рѣзкой статьей по адресу университетской администраціи, въ частности Ренненкампфа, и въ защиту студентовъ. Витте доказывалъ, что торжественный актъ—это праздникъ не только профессоровъ, но и студентовъ, и что ректоръ не имѣлъ права ограничивать участіе студентовъ въ торжествѣ.

«Статья Витте вызвала озлобленіе противъ него профессорскихъ круговъ. Впечатлѣніе статьи было столь велико, что черезъ нѣсколько лѣтъ, когда Витте занялъ уже видный постъ, кіевскіе профессора при случаѣ отомстили ему. Группой профессоровъ было внесено въ совѣтъ университета предложеніе объ избраніи Витте почетнымъ членомъ, но, памятуя его выступленіе въ «Руси», большинство забаллотировало его».

Такимъ образомъ, завязавъ обширныя общественныя связи на югѣ, Сергѣй Юльевичъ за двадцать слишкомъ лѣтъ дѣятельности здѣсь завоевалъ себѣ широкую извѣстность и популярность. Его умъ, блестящія природныя дарованія, кипучая энергія, дерзновенная смѣлость—создали ему въ мѣстномъ обществѣ видное положеніе, приковывавшее къ себѣ всеобщее вниманіе. Это же вниманіе вскорѣ было удѣлено ему и столичными правящими сферами. Мы видѣли уже, какъ смѣло позволилъ онъ себѣ итти наперекоръ желанію императора Александра III, проявивъ этимъ то упорное дерзновеніе, которое отличаетъ людей принципиальныхъ, готовыхъ постоять за свою идею, за свои убѣжденія. Извѣстность перваго въ Россіи тарифмейстера далась ему не даромъ: эта извѣстность покоилась и на его научныхъ трудахъ, и на результатахъ его практической дѣятельности, какъ управляющаго сѣтью Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что когда такому практическому дѣльцу, какъ министръ финансовъ И. А. Вышнеградскій, потребовался для упорядоченія желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи авторитетный работникъ, его вниманіе остановилось на С. Ю. Витте, которому онъ и предложилъ должность директора департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ, тогда только что образованнаго при министерствѣ финансовъ. Департаментъ этотъ долженъ былъ внести опредѣленный коррективъ—финансовый и политико-экономическій—въ дѣятельность вѣдомства путей сообщенія, а для сего, принимая во вниманіе обычныя въ русской

жизни междувѣдомственные тренія, необходимъ былъ человѣкъ желѣзной воли, громадной работоспособности и свободный отъ всякихъ столичныхъ бюрократическихъ воздѣйствій. 10-го марта 1889 года Витте принялъ предложенную ему должность и вступилъ въ управленіе департаментомъ съ производствомъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Съ этого момента его блестящая служебная карьера подвигается съ головокружительной быстротой, и на довольно долгій періодъ времени громоздкая и нѣсколько неуклюжая фигура провинціального желѣзнодорожнаго дѣятеля какъ бы покрываетъ собой весь столичный бюрократическій міръ, и фактически въ руки его стягиваются главнѣйшія нити русскаго государственнаго механизма. Обозрѣвая эту карьеру вкратцѣ, отмѣчаемъ ея движеніе до исхода XIX вѣка по слѣдующимъ этапамъ: 27-го января 1890 года онъ былъ назначенъ членомъ отъ министерства финансовъ въ совѣтъ министерства путей сообщенія, а осенью того же года С. Ю. сопровождалъ министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго въ его поѣздкѣ въ Туркестанскій край. Послѣ участія въ работахъ по пересмотру общаго таможеннаго тарифа 1891 года и въ занятіяхъ нѣкоторыхъ комиссій, напимѣръ, учрежденной при министерствѣ государственныхъ имуществъ комиссіи для обсужденія вопроса о меліоративномъ кредитѣ, комиссіи о мѣрахъ поощренія торговаго судостроенія и мореходства и др., С. Ю. Витте 15-го февраля 1892 года назначается управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, а 30-го августа того же года ему высочайше повелѣно быть управляющимъ министерствомъ финансовъ. 1-го января 1893 года послѣдовало утвержденіе его въ должности министра финансовъ съ производствомъ въ тайные совѣтники. Съ 1893 года Сергѣй Юльевичъ состоялъ почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ, съ 1895 года—предсѣдательствующимъ въ домѣ призрѣнія и ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей въ Петербургѣ. Въ день коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ, 14-го мая 1896 года, Сергѣй Юльевичъ былъ всемилостивѣйше назначенъ статсъ-секретаремъ Его Величества и затѣмъ, 1-го января 1899 года, пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

III.

Появленіе С. Ю. Витте на горизонтѣ столичной бюрократической жизни произвело сильное впечатлѣніе; около его личности начали создаваться легенды, съ его именемъ связывали анекдоты, и разные вице-мундирные люди не переставали изоцрять свое остроуміе надъ поведеніемъ, жизнью, фигурой и манерами «юго-западнаго желѣзнодорожника». Но въ одномъ мнѣніи и всѣ хулители и остряки сходились единодушно: въ бюрократическую среду влита новая струя, которой, несомнѣнно, суждено въ будущемъ

внести нѣчто новое, долѣ невѣдомое въ русской государственной жизни. Вотъ, между прочимъ, какъ вспоминаетъ князь В. П. Мещерскій о своемъ знакомствѣ съ Витте и вотъ какъ онъ характеризуетъ его за то время, когда между издателемъ «Гражданина» и ставленникомъ, Вышнеградскаго царилъ еще добрыя отношенія. Отмѣчу попутно, что эти отношенія въ разные періоды отличались разнымъ характеромъ, и если вначалѣ князь Мещерскій старательно продвигалъ и въ великосвѣтскомъ обществѣ, и въ чиновной средѣ Сергѣя Юльевича, то лѣтъ черезъ 12—15 онъ не находилъ такого дурного слова, которое можно бы было бросить въ лицо его бывшему фавориту, и я уже выше говорилъ, что самъ покойный графъ Витте считалъ свои отношенія къ князю Мещерскому достойными даже особыхъ воспоминаній. Вотъ что писалъ издатель «Гражданина» о новопоявившейся звѣздѣ на столичномъ бюрократическомъ небосклонѣ¹⁾:

«Я познакомился съ этимъ государственнымъ человѣкомъ, надѣлавшимъ столько шума собою и около себя, въ то время, когда все вокругъ него было тихо,—говоритъ авторъ воспоминаній,—и помню, что въ этой мирной обстановкѣ нашего перваго знакомства ничто не могло предвѣщать той бури, про которую могу сказать, что на моей памяти, въ теченіе шестидесяти лѣтъ, никто изъ государственныхъ людей собою не создавалъ. Я познакомился съ нимъ въ кабинетѣ министра финансовъ Вышнеградскаго въ концѣ восьмидесятихъ годовъ. Вышнеградскій, кромѣ большого творческаго ума, обладалъ способностью находить подходящихъ для его трудной и кипучей работы людей; по каждой части его сложнаго вѣдомства ему нуженъ былъ крѣпкій силами и способный работникъ, и, дѣйствительно, Вышнеградскій, благодаря подбору лицъ, завелъ въ своемъ министерствѣ такую всегда горячую и всегда энергичную работу, которая не только длилась во все краткое время его управленія, но пережила его и продолжается до сего времени, ставши не только преданіемъ, но какъ бы потребностью этого вѣдомства. Витте былъ начальникомъ Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогъ и жилъ въ Кіевѣ. На этой должности онъ составилъ себѣ имя выдающагося администратора, и Вышнеградскій на немъ остановился, чтобы ему поручить новое учрежденіе департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ. Витте съ огненною энергіею принялся за порученное ему дѣло и такъ исполнялъ свои обязанности, какъ всѣ начальники частей министерства и какъ самъ Вышнеградскій,—работая, какъ волъ. Вышнеградскій напоминалъ мнѣ одною особенностью министра юстиціи давно минувшихъ дней графа Панина, находившаго, что самая блестящая работа подчиненнаго есть только исполненіе служебнаго долга, и потому никогда не хвалившаго своего подчиненнаго. Вышнеградскій тоже былъ скупъ на хвалу своимъ подчинен-

¹⁾ Князь В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія» (1881—1894 гг.) ч. III.

нымъ, и только блестящія способности, проявленныя Витте, позволили ему въ разговорѣ со мною сказать про него: «да, это хорошая голова». Дальше этого похвала его не пошла. И вотъ съ этою «хорошею головою» мнѣ пришлось познакомиться въ кабинетѣ Вышнеградскаго. Я увидѣлъ передъ собою высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ умнымъ, живымъ и привѣтливымъ лицомъ человѣка, который всего сильнѣе впечатлилъ меня полнымъ отсутствіемъ всякаго подобія чиновническаго типа; это сказывалось наглядно въ отсутствіи двухъ чертъ, отличающихъ одного чиновника отъ другого: дѣланной приниженности и дѣланнаго самопоклоненія. Витте мнѣ сразу сталъ симпатиченъ своею естественностью, безыскусственностью въ проявленіи имъ своей личности. Въ черномъ сюртукѣ, развязный и свободный въ своей рѣчи и въ каждомъ своемъ дѣйствіи, онъ мнѣ напомнилъ наружностью англійскаго государственнаго человѣка.

«Потомъ мы стали видѣться и бесѣдовать. Живо помню наши вечернія бесѣды лѣтомъ на Крестовскомъ островѣ, гдѣ онъ жилъ на дачѣ, и на которыхъ, знакомясь постепенно съ этимъ новымъ для меня по типу человѣкомъ, я испытывалъ большое удовольствіе. Умъ его былъ живой, оригинальный, порою глубокой, порою тонкой и въ то же время любознательный и пытливый. Кроме того, въ немъ нельзя было не цѣнить свойство, которое я очень рѣдко встрѣчалъ въ петербургскихъ умныхъ людяхъ: Витте умѣлъ слушать и внимательно слушать, причемъ главная прелесть бесѣды съ нимъ заключалась въ томъ, что онъ необыкновенно быстро схватывалъ высказываемую мысль и растягивать рѣчь для ея поясненія не было никогда надобности. Порою неожиданность и новизна мысли много придавали прелести бесѣдѣ съ нимъ. Во время бесѣды онъ всегда былъ скромнень, въ спорѣ всегда проявлялъ уваженіе къ возраженію или къ опроверженію, и никогда не выходилъ изъ спокойнаго и безпристрастнаго отношенія къ вопросу и къ собесѣднику. Мнѣ казалось, что онъ слушалъ, желая поучиться, особливо въ области государственной жизни и Петербурга, которая ему была мало знакома.

«Кругъ его знакомыхъ былъ небольшой, онъ создался для него въ гостиниой Вышнеградскаго, и я помню, какъ одинъ изъ моихъ близкихъ пріятелей, прелестный поэтъ Майковъ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ высказывалъ свое очарованіе прелестями ума Витте. Но, какъ безпристрастный лѣтописецъ, я долженъ сказать, что эти умственные прелести Витте исходили отъ ума, въ которомъ слышался самородокъ. Онъ не былъ самородкомъ въ области его знанія желѣзнодорожнаго дѣла, ибо не для насъ, профановъ, а для людей знающихъ это дѣло онъ являлся въ полномъ смыслѣ слова ярко образованнымъ практикою, мышленіемъ и знаніемъ авторитетомъ, но въ то же время въ немъ слышался недостатокъ государственнаго образованія. Онъ очень слабо владѣлъ французскимъ

языкомъ, совсѣмъ не зная нѣмецкаго и съ европейскимъ умственнымъ міромъ былъ знакомъ только посредствомъ нѣсколькихъ переводныхъ отрывковъ, а литература, кромѣ научной по его специальности, литература всего образованнаго міра и русская, міръ искусствъ, знаніе исторіи, все это было для него чужое и очень мало извѣстное; и если, не взирая на это, люди образованные и умные испытывали удовольствіе отъ бесѣды съ нимъ, то это доказывало, какъ даровитъ былъ природный умъ Витте.

«Но тѣмъ не менѣе, какъ бы даровитъ ни былъ его умъ, эти крупные пробѣлы въ его образованіи сказались послѣ, когда онъ занялъ высокое положеніе въ государственной іерархіи и долженъ былъ изъ специалиста-техника превратиться въ государственнаго человѣка. Сознавая нужду въ государственномъ образованіи, не только русскомъ, но и европейскомъ, онъ сталъ урывками заглядывать въ книги, но дѣло служебное лишило его времени для этого государственнаго образованія, даже русскаго...

«Такъ мирно и спокойно предавались мы бесѣдамъ до 1892 года. Въ началѣ этого года петербургскія сферы, въ которыхъ произносилось имя Витте, вдругъ расширились, благодаря тому, что стали ходить толки объ уходѣ съ должности министра путей сообщенія Гюббенета, и въ преемники его стали прочить Витте. Прежде всѣхъ объ этомъ заговаривать сталъ Вышнеградскій. Гюббенетъ былъ хорошей и честнѣйшей человѣкъ, но государь, какъ мнѣ пришлось узнать изъ его устъ, находилъ его недостаточно энергичнымъ и твердымъ въ исполненіи той задачи, которую онъ хотѣлъ на него возложить,—очистить вѣдомство отъ нѣкоторыхъ дѣятелей, которыхъ онъ считалъ, на основаніи ему извѣстныхъ данныхъ, ненадежными. По этому поводу государь заговорилъ съ Вышнеградскимъ, и Вышнеградскій ему высказалъ мнѣніе, что Витте, несмотря на его сравнительно молодой возрастъ, могъ бы быть ему чрезвычайно полезнымъ, какъ знатокъ желѣзнодорожнаго дѣла и какъ крупный административный умъ. Затѣмъ, послѣ разговора, государь спрашивалъ меня, знаю ли я Витте. Я ему высказалъ свои впечатлѣнія и прибавилъ, что, невзирая на то, что я искренно уважаю Гюббенета, мнѣ представляется, что ему уже не по силамъ предпринимать какія-либо коренныя измѣненія въ дѣлѣ и въ личномъ составѣ, а Витте, благодаря своей энергіи, своему знанію и своей молодости, представляется мнѣ способнымъ исполнить то, чего нельзя ожидать отъ Гюббенета. Вскорѣ я узналъ отъ Вышнеградскаго, что на докладѣ государь ему сказалъ о своемъ намѣреніи назначить Витте на мѣсто Гюббенета. И дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ появилось назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, а съ Гюббенетомъ государь разстался съ самыми добрыми чувствами и назначилъ его членомъ государственнаго совѣта.

«Тутъ опять я долженъ сказать похвальное слово въ честь Витте.

Мнѣ онъ очень пришелся по сердцу простотой и скромностью, съ которыми онъ сдѣлалъ этотъ громадный шагъ наверхъ по іерархической лѣстницѣ. Нельзя было принять это повышение смиреннѣе, но въ то же время съ удовольствіемъ пришлось замѣтить, что въ немъ сразу послышались энергія и твердая рѣшимость. Безъ преувеличенія можно сказать, что вѣдомство путей сообщенія, подъ вліяніемъ первыхъ же шаговъ новаго своего начальника, точно помолодѣло, подтянулось и вдохновилось живымъ усердіемъ къ работѣ. Получилось впечатлѣніе, что нашелся въ лицѣ Витте хозяинъ вѣдомства и дѣла. Завелись и новые порядки: явились простота и доступность отношеній подчиненныхъ къ главному начальнику, но не въ ущербъ принципамъ дисциплины. Новый начальникъ всѣхъ по дѣлу выслушивалъ, отъ всякаго требовалъ правды, но не давалъ никому переступить грани, далѣе которой сверчокъ перестаетъ знать свой шестокъ; въ то же время упразднилась одна изъ язвъ вѣдомства—подпольная интрига и разныя собственыя политики. Въ царствованіе Александра III это было третье назначеніе въ министры, которое такъ наглядно и такъ скоро оказывалось блестящимъ по своей удачѣ и по результатамъ: первое было назначеніе графа Д. А. Толстого министромъ внутреннихъ дѣлъ, второе—назначеніе Вышнеградскаго министромъ финансовъ и третье—назначеніе Витте управляющимъ министерствомъ путей сообщенія, невзирая на то, что послѣдній въ бюрократическомъ мірѣ былъ названъ министромъ новаго типа. Но не успѣлъ Витте пробить нѣсколько мѣсяцевъ на своемъ посту, какъ случилось неожиданное событіе. Отъ усиленной работы Вышнеградскій заболѣлъ приливомъ крови въ голову, и хотя опасное состояніе миновало, но, увы, доктора признали необходимымъ ему отойти отъ ежедневной работы, и къ концу лѣта пришлось государю искать преемника Вышнеградскому. На послѣднемъ докладѣ своемъ Вышнеградскій счелъ своимъ долгомъ сказать государю, что онъ другого преемника себѣ не можетъ рекомендовать, какъ Витте. Государь, успѣвшій познакомиться съ яснымъ и дѣльнымъ умомъ Витте, послушался совѣта Вышнеградскаго и назначилъ Витте управляющимъ министерствомъ финансовъ».

Сослуживцы С. Ю. Витте, работавшіе съ нимъ и въ области желѣзнодорожнаго дѣла, и на финансовомъ въ широкомъ смыслѣ слова поприщѣ дали на столбцахъ газетъ уже нѣкоторыя воспоминанія о покойномъ главѣ министерства путей сообщенія и министерства финансовъ. Изъ этихъ воспоминаній мы остановимся на статьяхъ В. В. Максимова, В. И. Ковалевскаго, Н. Лангового и В. И. Тимирязева. Со всѣми названными лицами Витте пришлось поработать немало времени, и во взаимоотношеніяхъ между нимъ и нѣкоторыми изъ его сотрудниковъ на всемъ протяженіи имѣли мѣсто разныя фазы—свѣтлыя и омраченныя, почему, я думаю,

въ приводимыхъ отзывахъ заключается достаточная совокушность, позволяющая намъ судить о покойномъ министрѣ довольно полно и основательно,—о министрѣ, какъ начальникъ своихъ подчиненныхъ и работниковъ, какъ по своему вѣдомству, такъ и по многимъ другимъ вопросамъ русской дѣйствительности.

IV.

Въ свое время очень извѣстный желѣзнодорожный дѣятель, созданный, такъ сказать, С. Ю. Витте и выведенный имъ въ люди, съ которымъ впоследствии Витте пришлось распротиться, такъ вспоминаетъ о своемъ бывшемъ патронѣ ¹⁾:

«Я состоялъ директоромъ желѣзнодорожнаго департамента и работалъ подъ руководствомъ Сергѣя Юльевича въ теченіе десяти лѣтъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что Сергѣй Юльевичъ лишь первые два года интересовался желѣзнодорожнымъ департаментомъ, послѣ же онъ предоставилъ мнѣ вести дѣло совершенно самостоятельно. Витте страшно цѣнилъ въ своихъ сотрудникахъ самостоятельность во всемъ и до конца. Доклады Витте происходили при весьма любопытной обстановкѣ. У докладчика нѣтъ съ собой ни бумагъ, ни карандаша, и вотъ въ теченіе двухъ часовъ докладчикъ и Витте ходятъ изъ угла въ уголь по кабинету и яростно спорятъ. Витте при этомъ вводитъ собесѣдника въ кругъ своихъ идей и горячо отстаиваетъ защищаемый имъ проектъ. Если Витте сдавался на доводы собесѣдника, то обыкновенно онъ начиналъ горячиться и кричать:

«— Я васъ не понимаю, что вы хотите дѣлать,—и, послѣ нѣкотораго раздумья:—Ну, да дѣлайте, дѣлайте!»

«Въ министерствѣ финансовъ до Витте при Вышнеградскомъ царили ужасные порядки. Вышнеградскій, что называется, взвинтилъ у всѣхъ нервы. Дѣло въ томъ, что Вышнеградскій не спалъ по ночамъ, такъ подремлетъ въ креслѣ часокъ-другой—и вотъ стоило прійти ему въ голову какой-нибудь мысли, какъ онъ немедленно ночью посылалъ курьера за чиновниками. Несчастныхъ буквально стаскивали съ постели, и вотъ въ три часа ночи министръ предлагалъ осуществить какой-нибудь проектъ. Да и проектъ этотъ въ большинствѣ случаевъ можно было осуществить мѣсяца черезъ два или черезъ три. И такъ продолжалось изо дня въ день. Можете себѣ представить, какой ужасъ царилъ среди чиновниковъ. Все это, конечно, исчезло при Витте, и напряженность работы выражалась при немъ въ другомъ.

«При Витте совершенно нельзя было выразить какое-нибудь ходячее мнѣніе, онъ требовалъ серьезной и отвѣтственной подготовки

¹⁾ «День», 1915, № 64.

по всякому вопросу. Сергѣй Юльевичъ все время учился, читалъ серьезныя изслѣдованія и, получивъ незначительное образованіе, неустаннымъ трудомъ достигъ во многихъ вопросахъ весьма серьезной эрудиціи. На моихъ глазахъ совершалась эта удивительная метаморфоза. Помнится, были вопросы, по которымъ Сергѣй Юльевичъ выказывалъ абсолютное невѣжество, и вотъ черезъ два-три года онъ являлся знатокомъ вопроса.

«Я припоминаю одинъ эпизодъ, о которомъ Витте не любилъ вспоминать. Я говорю о непродолжительномъ періодѣ, когда Витте, будучи министромъ финансовъ, вмѣстѣ со своимъ товарищемъ Антоновичемъ увлекался бумажными деньгами. Витте составилъ записку о постройкѣ Сибирской желѣзной дороги на «сибирскіе рубли».

«Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упомянулъ объ этой запискѣ, и принималъ мѣры къ уничтоженію всѣхъ ея экземпляровъ. Эта записка повела къ отставкѣ тогдашняго предсѣдателя комитета финансовъ Н. Х. Бунге. Бунге заявилъ въ комитетѣ финансовъ, что онъ «министра финансовъ не понимаетъ и не сочувствуетъ ему» и, не желая санкціонировать его проекта, Бунге подалъ въ отставку. И тотъ же Бунге заявилъ по адресу Витте, которому онъ былъ обязанъ своей отставкой, что онъ не встрѣчалъ челоуѣка, который бы столько думалъ, сколько думаетъ Витте. «То, что мы выучиваемъ по книгамъ, Витте доходитъ до этого своимъ умомъ».

«О винной монополіи Сергѣй Юльевичъ впервые высказался въ «Руси» Аксакова, гдѣ говорилъ, что всѣ заработки кабатчиковъ необходимо забрать въ казну. Витте говорилъ своимъ сотрудникамъ, что «необходимо приставить къ продажѣ водки чиновника, чтобы эта продажа уменьшилась». Но впоследствии самъ увлекся расширеніемъ этой дѣятельности.

«Сергѣй Юльевичъ былъ сторонникомъ реформъ, но при этомъ онъ считалъ ихъ необходимыми для увеличенія престижа самой власти и для улучшенія ея механизма. Изъ цѣлаго ряда личныхъ соображеній, главнымъ образомъ по причинамъ семейнаго характера, Сергѣй Юльевичъ все время поддерживалъ тѣсную связь и проявлялъ необыкновенную почтительность ко всѣмъ, имѣвшимъ хоть какое-либо отношеніе къ придворнымъ кругамъ.

«Помнится, когда на Уралѣ строились желѣзнодорожныя вѣтки, то въ планъ вѣтки Бѣлосельскаго и Половцева были поставлены послѣдними, Витте же поставилъ ихъ первыми. И фактовъ такого рода за время моей совмѣстной съ Сергѣемъ Юльевичемъ работы было очень много. И очень часто въ жертву этой слабости Сергѣю Юльевичу приходилось поступаться весьма серьезными государственными интересами.

«Вообще Сергѣй Юльевичъ не брезгалъ никакими средствами для осуществленія всевозможныхъ дѣлъ «протекціоннаго» характера»,

Я не буду цитировать далѣе г. Максимова; въ его словахъ, сказанныхъ еще надъ разверзтой могилой, слышатся нѣкоторыя нотки, которыя не обнаруживаютъ его вполне спокойнаго настроенія. По-видимому, конецъ его карьеры не позволяетъ ему съ должнымъ безпристрастіемъ вести свое повѣствованіе.

Съ лучшимъ чувствомъ вспоминаетъ своего былого патрона В. И. Ковалевскій, чье имя такъ тѣсно переплелось съ именемъ покойнаго С. Ю. Витте, и хотя карьера бывшаго товарища министра финансовъ тоже не достигла, по независящимъ личнымъ обстоятельствамъ, своего полного зенита, тѣмъ не менѣе все имъ сказанное въ статьѣ «Исполнѣ мысли» («Биржевыя Вѣдомости», 1915, № 14704) дышитъ добрымъ чувствомъ къ отошедшему въ вѣчность выдающемуся русскому дѣятелю и полна многими интересными мыслями. Здѣсь мы читаемъ:

«Графъ С. Ю. Витте до такой степени крупная историческая фигура, сильный и творческій умъ, твердая воля, богатая концепція и неуклонная энергія, что онъ сыгралъ бы, безъ сомнѣнія, огромную роль въ жизни любого государства.

«Вильгельмъ II, за послѣднее время измѣнившій свои отношенія къ покойному и, по свойственной своей импульсивности, перешедшій отъ уваженія и восхищенія къ открытой ненависти, сказалъ какъ-то про него:

«— Если бы у меня былъ хотя одинъ такой министръ, я бы сдѣлалъ въ Германіи чудеса.

«Исполнская фигура Сергѣя Юльевича особенно выпукло выдѣлялась на равнинѣ нашей политической жизни, гладкой и тихой. Высокой горою стоитъ онъ на этой равнинѣ, и этой выси не умаляютъ ни трещины, ни сдвиги, ни сбросы. Это не средній статистическій человѣкъ, не формулярный списокъ съ прохожденіемъ высокихъ степеней, не чиновникъ съ большимъ показателемъ, поставленнымъ чужой рукой, а выпуклая величина, яркая индивидуальная государственность—во весь ростъ и въ полномъ значеніи этого слова. Не его сдѣлали—онъ сдѣлалъ самъ себя. Широкія полосы онъ оставилъ въ русской жизни, въ ней проложилъ онъ большія магистрали, и поэтому имя его не умретъ въ исторіи русской государственной работы.

«Отличительными чертами покойнаго были какъ бы врожденная государственность и глубокій патріотизмъ. Властный по натурѣ, Витте твердо вѣрилъ, что ясная мысль и твердая воля превозмогутъ все. Онъ всею душою любилъ народъ и ясно сознавалъ, что первая задача государства—забота о благосостояніи массъ. Въ этого благосостоянія онъ не мыслилъ Россіи, какъ государство могучее матеріально и сильное духовно. Убѣжденія его были чисто-демократическими. Демократомъ онъ былъ и по привычкамъ. Витте всегда ставилъ формы на задній планъ, ища сущности

и стремясь провести эту сущность въ жизнь. Пріѣхалъ онъ изъ юго-западной Россіи съ привычками, мало приспособленными къ той средѣ, въ которой ему приходилось работать, даромъ слова совершенно не обладалъ; формы рѣчи были неправильными и носили отпечатокъ долгаго пребыванія на Украинѣ. Самая фигура его, манера говорить рѣзко и категорически, его угловатые жесты производили разнообразное впечатлѣніе на официальные круги и вышнюю публику столицы. Однимъ это нравилось, какъ антитеза бюрократической шаблонности и трафарета. Чувствовалось, что за этими необычными формами непременно послѣдуютъ новое слово и необычныя дѣйствія. Другіе сразу стали къ нему во враждебныя отношенія и, что называется, «авансомъ» выпустили когти. Но уже вскорѣ онъ побѣдилъ умомъ, логикой, аргументаціей и непреклонностью въ борьбѣ.

«Императоръ Александръ III, конечно, не видалъ до тѣхъ поръ такихъ людей. Покойнаго государя приковали къ Витте ясность ума, твердость воли, умѣніе излагать убѣдительно и просто. Императоръ почувствовалъ симпатію къ такому своеобразному министру. Для характеристики отношеній покойнаго государя къ его своеобразному министру припоминаю слѣдующій случай:

«То было въ 1893 году, во время переговоровъ нашихъ съ Германіей по поводу заключенія торговаго договора. Переговоры близились уже къ концу, когда внезапно бывшій въ то время германскимъ канцлеромъ графъ Каприви, черезъ посла нашего въ Берлинѣ, графа А. П. Шувалова, настаивалъ на предоставленіи Финляндіи права сепаратнаго и автономнаго договора съ Германіей. С. Ю. Витте послалъ Шувалову телеграмму, въ которой, въ свою очередь, настаивалъ на взятіи обратно этого требованія, угрожая, въ противномъ случаѣ, отзываніемъ делегаціи. Нѣсколько дней прошло въ томительномъ ожиданіи отвѣта. Витте позвалъ меня и откровенно сознался въ своей тревогѣ, прибавивъ: «Одно меня утѣшаетъ: графъ Каприви, навѣрное, такъ же, какъ и я, ходитъ теперь по своему кабинету и тоже, какъ и я, чувствуетъ себя неважно». Поздно вечеромъ наканунѣ всеподданнѣйшаго доклада графъ Шуваловъ телеграфировалъ, что берлинскій кабинетъ не настаиваетъ на своемъ требованіи. На слѣдующій день Витте доложилъ государю, что онъ превысилъ власть, но что, слава Богу, нѣмцы уступили. Государь сказалъ: «Такъ и должно было быть. Я въ этомъ не сомнѣвался», и милостиво пожалъ руку своему своему вольному министру.

«Для проведенія на практикѣ разъ принятаго рѣшенія Витте не останавливался передъ выборомъ средствъ. Мнѣ припоминается слѣдующій эпизодъ, опять-таки изъ періода переговоровъ съ Германіей по заключенію торговаго трактата. Эпизодъ этотъ свидѣтельствуесть о гибкости и находчивости покойнаго. Видя, что перего-

воры идутъ туго и что нѣмцы насѣдаютъ, Сергѣй Юльевичъ поручилъ мнѣ составить представленіе въ Государственный Совѣтъ о воспрещеніи выхода польскихъ рабочихъ въ восточно-прусскія провинціи, если нѣмцы не пойдутъ на требуемыя нами уступки. Представленіе это было напечатано, должнымъ образомъ скрѣплено подписью министра финансовъ, а затѣмъ сожжено, за исключеніемъ двухъ экземпляровъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ руки графа Каприви, якобы ловко похищенный, а другой, въ такомъ же качествѣ, какъ весьма важный и абсолютно секретный документъ, доставленъ въ одну изъ германскихъ вліятельныхъ аграрныхъ газетъ. Витте цѣлилъ мѣтко. Онъ зналъ, что прусскіе аграріи, главные запѣвалы въ вопросахъ, возбужденныхъ Германіею по торговому договору, нуждаясь въ русскихъ рабочихъ, не устоятъ передъ такой угрозой. И дѣйствительно, на тайномъ совѣщаніи гр. Каприви ознакомилъ представителей рейхстага съ содержаніемъ «крайне секретнаго документа». Аграріи сдали по всеѣмъ пунктамъ. Цѣль Витте была достигнута. Кстати, замѣчу, что графъ Каприви настолько вѣрилъ въ мудрость покойнаго, что передъ вторымъ чтеніемъ въ рейхстагѣ прислалъ Сергѣю Юльевичу на просмотръ ту часть рѣчи, въ которой онъ пытался доказать, что отъ таможенной войны пострадаетъ Германія больше Россіи.

«Ни по воспитанію, ни по манерамъ, ни по фигурѣ графъ Витте не былъ похожъ на дипломата. Приведенный мною эпизодъ свидѣтельствуетъ, однако, что наши дипломаты могли бы многому у него поучиться. Рѣшительнъ онъ былъ въ своемъ вѣдомствѣ, рѣшительнъ онъ оставался, и когда ему приходилось выступать по вопросамъ дипломатическимъ. Былъ же онъ такимъ потому, что онъ глубоко вѣрилъ въ силу Россіи и любилъ русскій народъ и стремился къ его благосостоянію такъ, какъ его понималъ.

«Мы ѣхали на пароходѣ въ Рыбинскъ на юбилей рыбинскаго биржевого комитета. Проѣзжая мимо бѣднаго, полуразрушеннаго селенія, Витте съ грустью замѣтилъ: «Вотъ она, полуголодная, полунагая, сирая Русь. Она истощена и обезкровлена, потому что вынесла на себѣ созданіе могучаго и обширнаго государства. Она отдала себѣ во имя будущаго, и теперь наша святая обязанность воздать ей за принесенныя жертвы».

«Утверждаютъ, будто бы Сергѣй Юльевичъ былъ мстителемъ. Я лично этого не замѣчалъ; но что я могу утверждать—онъ былъ до крайности снисходителенъ къ людямъ.

«Отличительною чертою характера покойнаго было отсутствіе мелочности. Мелочи какъ бы отскакивали отъ него. Онъ видѣлъ только цѣль. Будучи самъ чуждъ въ первые годы условныхъ формъ, онъ легко сносилъ нарушеніе ихъ другими, и если на его рѣзкость ему отвѣчали рѣзкостью,—отношенія не мѣнялись. Я испыталъ это на себѣ. На первомъ засѣданіи только-что учрежденнаго тариф-

наго комитета, гдѣ онъ развивалъ свою теорію длиннаго пробѣга грузовъ и построенія тарифовъ на началѣ обратно пропорціональномъ длинѣ пробѣга, я увлекся и рѣзко ему возражалъ. По окончаніи засѣданія Витте подошелъ ко мнѣ и тепло сказалъ: «Мы можемъ и ссориться, и браниться изъ-за разногласія взглядовъ, но никогда не разойдемся изъ-за несходства въ убѣжденіяхъ».

«Работать съ нимъ было истинное наслажденіе. Онъ на лету схватывалъ основную мысль и затѣмъ, принципиально согласившись, предоставлялъ дальнѣйшее ея развитіе ближайшимъ своимъ сотрудникамъ. Относился онъ къ намъ съ полнымъ довѣріемъ, допуская широкую инициативу и будучи благодаренъ за критическое отношеніе къ собственнымъ мыслямъ.

«У этого крупнаго человѣка, и ошибки были крупныя. Онъ говорилъ: «Изъ-за стремленія къ совершенству не задерживайте роста жизни. Ошиблись—сознайтесь и исправляйте. Россія страдаетъ отъ избытка самокритики и стремленія отыскать безошибочное рѣшеніе, которое удовлетворило бы даже глухихъ людей, нерѣдко попадающихъ въ междувѣдомственныя комиссіи, и потому у насъ и происходитъ такая затяжка въ насущныхъ вопросахъ, и продолжительность разрѣшенія ихъ измѣряется у насъ кратнымъ числомъ отъ двадцати лѣтъ».

«Программа Сергѣя Юльевича была безспорно прогрессивная, несмотря на всѣ деривации подъ вліяніемъ временныхъ сопряженій. Она была очень широка и захватывала многія десятилѣтія впередъ. Къ сожалѣнію, Витте постоянно приходилось урѣзывать, усѣкать, искажать собственные замыслы. Нерѣдко въ результатѣ борьбы отъ первоначальной мысли оставались только остовъ и щуплый заморышъ. Онъ часто дорожилъ только принципомъ, утѣшая себя тѣмъ, что будущее поправитъ недочеты при его осуществленіи. Особенно широка была его программа по сельско-хозяйственнымъ вопросамъ, но три четверти ея отпали по не зависящимъ отъ покойнаго причинамъ. Критикамъ его работы слѣдовало бы знать, сколько тяжелыхъ усилій, сколько порчи крови стоило ему все новое и плодотворное. Тогда у критиковъ явилась бы не только болѣе справедливая оцѣнка, но и искреннее сожалѣніе.

«Витте, можно смѣло сказать, преждевременно сгорѣлъ отъ работы, отъ громаднаго напряженія ума, отъ тѣхъ трудностей, которыя онъ встрѣчалъ на свѣмъ пути при выполненіи своихъ широкихъ плановъ, направленныхъ исключительно на благо его родины, какъ онъ его понималъ, а отнюдь не ради движенія по службѣ государственной.

«Витте—любили и ненавидѣли. Ненавидѣли тѣ, которые его боялись. Но объ этихъ послѣднихъ позабываютъ уже при ихъ жизни.

«Имя же этого исполина государственной мысли перейдетъ
«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. ссл.

въ исторію, и никто не въ силахъ будетъ его вычеркнуть изъ русской лѣтописи».

Третій сподвижникъ гр. Витте, бывшій вице-директоръ департамента торговли и мануфактуры Н. Ланговой, дѣлится съ читателями «Биржевыхъ Вѣдомостей» (1915, № 14700) своими пространными воспоминаніями, полными фактической наличности для оцѣнки почившаго министра, какъ государственнаго дѣятеля и руководителя вѣдомства. Н. Ланговой говоритъ слѣдующее:

«Я познакомился съ Сергѣемъ Юльевичемъ въ началѣ 1893 года. Онъ привлекъ меня, какъ профессора петроградскаго технологическаго института, къ дѣлу заключенія торговаго договора съ Германіей, а въ началѣ 1894 года сдѣлалъ мнѣ предложеніе перейти на службу въ министерство финансовъ—на постъ вице-директора департамента торговли и мануфактуръ. Принявъ это предложеніе, я съ марта 1894 года вплоть до ухода Сергѣя Юльевича (въ августѣ 1903 года) изъ финансоваго вѣдомства, состоялъ ближайшимъ его сотрудникомъ въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся устройства и содержанія промышленныхъ заведеній, устройства рабочаго быта, организациі технического, коммерческаго и художественно-промышленнаго образованія, охраны промышленной собственности и огражденія русской промышленности отъ иностранной конкуренціи (таможенный тарифъ и торговые договоры). Соприкасаясь близко по всѣмъ этимъ вопросамъ съ Сергѣемъ Юльевичемъ, я сохранилъ о немъ свѣжее воспоминаніе, какъ о геніальномъ русскомъ человѣкѣ, ясно понимавшемъ нужды родины, которой онъ посвятилъ всю свою жизнь, и оказавшемъ въ области, о которой идетъ рѣчь, безспорныя услуги насажденію промышленности, ея укрѣпленію и процвѣтанію.

«Ограничусь указаніемъ главныхъ моментовъ колоссальной дѣятельности Сергѣя Юльевича.

«Сергѣй Юльевичъ держался того взгляда, что истинное государственное управленіе промышленностью заключается не въ «регуляторахъ» производствъ, а въ устраненіи «препонъ» къ развитію производительныхъ силъ. Онъ искренно скорбѣлъ духомъ предъ лежащимъ на промышленности гнетомъ постановленій устава о промышленности (установленныхъ еще въ началѣ XIX вѣка и уже давно отжившихъ) и постановленій городского и земскаго положеній—по части надзора за устройствомъ и содержаніемъ промышленныхъ заведеній.

«— У насъ,—говорилъ Сергѣй Юльевичъ,—кто палку взялъ, тотъ и капралъ надъ фабрикою и заводомъ; и законъ, и изданныя въ его развитіе городскія и земскія обязательныя постановленія—все и вся стремится искоренить какой-то вредъ, присущій, будто бы, промышленности, и изгнать вольный духъ изъ самаго цѣннаго орудія производства—его рабочихъ, было бы имъ присвоенный, бла-

годаря ихъ профессіи». Не терпѣлъ Сергѣй Юльевичъ никакихъ крайностей и по поводу утрированной гигиены труда онъ образно говорилъ: «Я согласенъ,—гораздо гигиеничнѣе ножичкомъ грязь изъ-подъ ногтей вычищать, но ничего не подѣлаешь,—кому-то необходимо чистить дымовыя трубы и ходить съ лицомъ, покрытымъ сажей; съ такою же грязною рожею ходить трубочистъ въ Англій,—съ тою разницею, что тамъ онъ носитъ цилиндръ, а у насъ—картузь».

«Заботясь упорядочить дѣло по разрѣшенію устройства фабрикъ и заводовъ и ихъ содержанію, съ устраненіемъ многовластія и объединеніемъ въ немногихъ органахъ правительственной власти должнаго порядка, Сергѣй Юльевичъ поручилъ этотъ сложный вопросъ на разсмотрѣніе междувѣдомственной комиссіи, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министровъ финансовъ С. А. Ольхина. На основаніи обширныхъ матеріаловъ, собранныхъ комиссіею, мною по непосредственнымъ указаніямъ Сергѣя Юльевича былъ составленъ проектъ новаго положенія о фабрикахъ и заводахъ. Проектъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ и въ 1902 году переданъ имъ на предварительное разсмотрѣніе комиссіи, подъ предсѣдательствомъ члена Государственнаго Совѣта дѣйствительнаго тайн. совѣтн. Д. Ѳ. Кобеко, изъ членовъ помянутаго совѣта и представителей отъ министерствъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ; отъ перваго былъ назначенъ статсъ-секретарь П. Н. Дурново, отъ втораго—я.

«Комиссія пришла къ полному соглашенію, интересы вѣдомствъ были объединены, и новый проектъ, казалось бы, могъ съ легкостью пройти чрезъ Государственный Совѣтъ, но Сергѣй Юльевичъ ушелъ, и положеніе промышленности до настоящаго времени остается не урегулированнымъ.

«Въ дѣлѣ организаціи рабочаго труда Сергѣй Юльевичъ всегда былъ врагомъ «непрошеннаго,—какъ онъ говорилъ,—облагодѣтельствванія рабочихъ за счетъ третьихъ лицъ». То, что разумно и справедливо, всегда встрѣчало съ его стороны поддержку, но всякія утопическія вождельнія имъ отсѣкались въ корнѣ; не мало огорченій причинила ему пресловутая «зубатовщина». При Сергѣѣ Юльевичѣ фабричная инспекція, начиная съ 1894 года, была совершенно реорганизована; дѣйствіе ея къ 1900 году постепенно было распространено на шестьдесятъ губерній европейской части имперіи и Бакинскую губернію Закавказья, раздѣленныхъ на шесть округовъ. Численный составъ инспекціи былъ доведенъ до двухсотъ шестидесяти семи человекъ; для объединенія ихъ дѣйствій на мѣстахъ учреждены губернскія для объединенія ихъ дѣйствій на мѣстахъ учреждены губернскія по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствія, а высшимъ для всей имперіи учрежденіемъ того же рода назначено (по закону 1899 года) главное по фабричнымъ и горнозаводскимъ дѣламъ присутствіе, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ.

«Помимо другихъ законовъ по организаціи рабочаго труда, Сергѣю Юльевичу въ особую заслугу должны быть поставлены нормировка рабочаго времени (зак. 1897 г.) и обезпеченіе участи увѣчныхъ рабочихъ (зак. 1903 г.).

«Среди средствъ, двигающихъ промышленность и торговлю, Сергѣй Юльевичъ особо высоко ставилъ техническое, промышленно-художественное и коммерческое образованіе. Это первостепенной государственной важности дѣло онъ сумѣлъ поставить на прочный фундаментъ, отстранивъ отъ него всякіе слѣды «духовно-консерваторской опеки» и открывъ въ этомъ дѣлѣ широкій просторъ для частичной инициативы. Одинъ сухой перечень учебныхъ заведеній можетъ показать, какъ много создалъ Сергѣй Юльевичъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія.

«При немъ учреждены и состояли къ 1900 году: три политехникума (кіевскій, варшавскій и петроградскій), семьдесятъ три коммерческихъ училища, реорганизовано Строгановское училище технического рисованія и учреждено нѣсколько промышленно-художественныхъ училищъ (въ Миргородѣ, въ селѣ Красномъ, Иваново-Вознесенскѣ и проч.). Въ немаловажную заслугу Сергѣю Юльевичу нужно поставить законъ 1897 года о сельскихъ ремесленныхъ учебныхъ мастерскихъ,—«деревенскихъ технологическихъ институтахъ»—какъ онъ ихъ называлъ. Этотъ типъ деревенской школы, дающей деревнѣ толковыхъ плотника, столяра, кузнеца, монтера по уходу за сельско-хозяйственными машинами и орудіями, оказался чрезвычайно жизнеспособнымъ и получилъ въ настоящее время широкое распространеніе, принося неисчислимую пользу сельскому населенію.

«Заботясь о развитіи торговаго мореплаванія, Сергѣй Юльевичъ взялъ въ 1898 году въ свое вѣдѣніе такъ называемые мореходные классы,—къ 1900 году такихъ училищъ состояло тридцать пять.

«Соотвѣтственно своей широкой натурѣ, Сергѣй Юльевичъ заботился возможно лучше обставлять учебныя заведенія всѣми средствами для наиболѣе плодотворной ихъ работы. Высшія учебныя заведенія, какъ, на примѣръ, петроградскій политехникумъ, онъ снабдилъ такимъ учебнымъ и научнымъ оборудованіемъ, какое рѣдко можно встрѣтить въ подобныхъ иностранныхъ школахъ; и учебный персоналъ онъ поставилъ въ лучшія матеріальныя условія, чѣмъ онъ стоитъ въ учебныхъ заведеніяхъ другихъ вѣдомствъ.

«Сергѣй Юльевичъ внесъ упорядоченіе въ дѣло огражденія промышленной собственности. Въ моментъ вступленія его въ завѣдываніе министерствомъ финансовъ дѣйствовали постановленія о привилегіяхъ и клеймахъ, изданныя въ началѣ XIX вѣка. При Сергѣѣ Юльевичѣ въ 1896 году изданы новые законы о привилегіяхъ на изобрѣтенія и усовершенствованія и о товарныхъ знакахъ.

Съ уходомъ Сергѣя Юльевича, въ 1903 году, дальнѣйшее развитіе законодательства въ этой области приостановилось.

«Сергѣй Юльевичъ былъ убѣжденный протекціонистъ, онъ былъ горячимъ послѣдователемъ Фр. Листа, и еще въ шестидесятыхъ годахъ миновавшаго столѣтія издалъ въ русскомъ переводѣ знаменитый трудъ Листа — «Національная система политической экономіи».

«Въ комиссіи И. А. Вышнеградскаго по выработкѣ автономнаго тарифа 1901 года Сергѣй Юльевичъ былъ единомышленникомъ и ближайшимъ сотрудникомъ И. А. Вышнеградскаго. Системы разумнаго и надежнаго огражденія русской промышленности отъ иностранной конкуренціи Сергѣй Юльевичъ держался все время управления министерствомъ финансовъ.

«Въ 1901—1902 гг. онъ руководилъ монми, какъ предсѣдателя таможенной комиссіи, работами по пересмотру тарифа 1891 года, и я, невольно проникаясь его протекціонными воззрѣніями, сталъ и самъ убѣжденнымъ поборникомъ русской промышленности. Въ 1903 году Сергѣй Юльевичъ быстро провелъ новый тарифъ чрезъ Государственный Совѣтъ,—для того, какъ онъ пояснялъ, чтобы возможно скорѣе оповѣстить нѣмцевъ, «что онъ при предстоящемъ тогда пересмотрѣ торговаго договора съ Германіею 1894 года будетъ драться съ ними за русское дѣло до послѣдняго патрона». И онъ, дѣйствительно, доблестно «дрался» съ нѣмцами въ 1904 году.

«Достигнутые по договору 1904 года результаты не вполне удовлетворяли Сергѣя Юльевича, и еще 6-го февраля текущаго года онъ въ письмѣ на мое имя сообщилъ мнѣ: «если бы отъ меня зависѣло, то договоръ 1904 года былъ бы иной, нежели онъ вышелъ, несмотря на всѣ наши усилія и несмотря на ваше сотрудничество»...

«Размѣры газетной замѣтки не позволяютъ мнѣ передать все и такъ подробно, какъ бы хотѣлось, о Сергѣй Юльевичѣ,—объ этомъ гениальномъ по уму русскомъ человѣкѣ, подобнаго которому немного дала наша родина. Въ той области, въ которой мнѣ пришлось съ нимъ близко соприкоснуться, я преклоняюсь предъ нимъ и отъ всего сердца искренно желаю миръ его праху и добрую ему память за тѣ бесспорныя услуги, которыя онъ оказалъ родинѣ».

Четвертый сотрудникъ С. Ю. Витте, нынѣ членъ Государственнаго Совѣта В. И. Тимирязевъ, даетъ слѣдующую оцѣнку его дѣятельности, какъ министра финансовъ, и картину его, такъ сказать, вырастанія на этомъ посту. Въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» (1915, № 14702) въ статьѣ «Обаяніе ума и таланта» онъ говоритъ:

«О дѣятельности покойнаго графа С. Ю. Витте и той крупной роли, которую онъ, несомнѣнно, игралъ въ исторіи Россіи, можно писать цѣлыя томы. Исполинская фигура этого замѣчательнаго государственнаго дѣятеля не такова, чтобы ее можно уложить въ рамки краткой газетной статьи, и мнѣ поэтому въ моей характе-

ристикъ покойнаго поневоля приходится ограничиваться лишь нѣкоторыми штрихами.

«Какъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа Сергѣя Юльевича въ эпоху полнаго расцвѣта его дѣятельности въ качествѣ министра финансовъ, я всегда находился подъ обаяніемъ его широкаго, чисто государственнаго ума и той воли, того таланта, съ которыми онъ проводилъ въ жизнь свои предназначенія.

«Графъ Витте никогда не ограничивался «производствомъ» того или иного дѣла, «управленіемъ» вѣдомствомъ. Ему чужды были чванливость и рутинность крупнаго чиновника. Графъ Витте творилъ, и, проявляя творчество, осуществлялъ задуманное имъ съ горячимъ темпераментомъ и съ особеннымъ умѣніемъ окружать свою работу надлежащей обстановкой. Скромный желѣзнодорожный дѣятель, онъ вдругъ появляется во главѣ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ въ министерствѣ финансовъ. И вскорѣ этотъ департаментъ становится какъ бы центромъ всего вѣдомства. Закипаетъ работа, выдвигаются талантливые сотрудники, и, какъ по мановенію волшебнаго жезла, водворяются новыя начала желѣзнодорожной тарифной политики на благо государству, промышленности и населенію. Въ 1890 году бывший въ то время министръ финансовъ Вышнеградскій отправляется въ Туркестанъ и беретъ съ собою Сергѣя Юльевича. И что же? Витте возвращается изъ поѣздки съ опредѣленными начертаніями къ развитію важнѣйшаго въ краѣ производства—культуры хлопчатника, имѣющей государственное значеніе. Одновременно Сергѣй Юльевичъ становится дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ Вышнеградскаго по работкѣ новаго таможеннаго тарифа 1891 года, который создаетъ прочный базисъ для планомѣрнаго развитія русскихъ производительныхъ силъ.

«Сдѣлавшись министромъ финансовъ, онъ съ перваго же дня вступленія на этотъ постъ устремляетъ все свое вниманіе на упорядоченіе нашихъ торгово-экономическихъ отношеній съ Германіей, вступившихъ въ очень рѣзкій періодъ. На этой именно почвѣ пришлось мнѣ впервые работать съ покойнымъ графомъ, и я былъ пораженъ его дарованіями. Сергѣй Юльевичъ до тѣхъ поръ, могу смѣло сказать, не зналъ первой буквы предстоящаго къ его обсужденію вопроса. Онъ мало разбирался даже въ понятіяхъ о конвенціонномъ и автономномъ тарифахъ; но уже черезъ самое короткое время онъ охватываетъ вопросъ во всемъ его объемѣ и властно направляетъ его къ наиболѣе благоприятному для Россіи разрѣшенію. Онъ во всякомъ крупномъ дѣлѣ прежде всего уясняетъ государственную мысль, съ поразительной настойчивостью «вынашиваетъ» ее и затѣмъ твердо шель по пути ея осуществленія. Намъ, его ближайшимъ сотрудникамъ, приходилось не разъ при докладѣ министру сложныхъ и запутанныхъ вопросовъ затрудняться въ

предложеніи надлежащаго рѣшенія. Но при выходѣ изъ кабинета мы уносили точно сформулированную резолюцію, ясную и опредѣленную, облегчавшую намъ дальнѣйшее направленіе дѣла. И досадно иногда становилось, какъ это мы до этого не додумались!

«Съ особенною яркостью проявился государственный талантъ Сергѣя Юльевича въ реформѣ монетной. Къ ней подходилъ уже, и довольно близко, его предшественникъ Вышнеградскій, но онъ не нашелъ возможнымъ осуществить ее. Между тѣмъ вся трудность заключалась именно въ проведеніи монетной реформы въ жизнь, и даже бѣглое обозрѣніе длиннаго ряда мѣръ, послѣдовательно проведенныхъ Витте для восстановленія металлическаго обращенія, свидѣтельствуетъ о томъ, сколько пришлось ему затратить энергіи, труда, находчивости, инициативы, чтобы довести дѣло до конца. А Сибирская желѣзная дорога? Развѣ это не крупнѣйшее государственное дѣло, въ которомъ покойный проявилъ себя новымъ Ермакомъ? Зачастую обвиняютъ Сергѣя Юльевича въ томъ, что онъ провелъ эту желѣзную дорогу черезъ Манчжурію, по чужой территоріи. Но въ то время важно было сколь можно скорѣе осуществить дѣло, создать сплошной рельсовый путь изъ Европы въ Сибирь и черезъ Сибирь до Владивостока. И желѣзная воля Сергѣя Юльевича это исполнила.

«Во всѣхъ своихъ начинаніяхъ графъ Витте никогда не имѣлъ въ виду карьеры или почести. Онъ руководствовался лишь служеніемъ интересамъ Россіи, въ силы которой вѣрилъ безгранично. Онъ дѣйствовалъ такъ, какъ разумѣлъ, и если ошибался, то уже, конечно, не изъ-за карьерныхъ видовъ. Витте дѣлалъ дѣло, а карьера и почести приходили къ нему, такъ сказать, автоматически; и когда онъ искалъ связей въ высшихъ кругахъ, то опять-таки не по побужденіямъ мелкаго самолюбія, а исключительно въ цѣляхъ одной задачи—такъ или иначе провести въ жизнь то, что онъ считалъ необходимымъ для блага родины.

«Кульминаціоннымъ пунктомъ дѣятельности Сергѣя Юльевича я считаю его пребываніе у власти въ качествѣ министра финансовъ, когда онъ развернулся всею своею могучею натурою. Впослѣдствіи его государственная дѣятельность носила спорадическій характеръ. Но и тутъ талантъ покойнаго проявлялся во всей силѣ.

«Второй торговый договоръ съ Германіей 1904 г. покойный принужденъ былъ заключать при крайне тяжелой политической обстановкѣ, и я, какъ его ближайшій сотрудникъ въ этомъ дѣлѣ, имѣлъ уже случай въ напечатанной въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» замѣткѣ указать, съ какимъ искусствомъ онъ исполнилъ эту неблагоприятную задачу».

V.

Я привелъ мнѣнія четырехъ сподвижниковъ Витте, людей разной общественной и политической масти, разныхъ убѣжденій и соціального положенія, но во всякомъ случаѣ людей компетентныхъ въ дѣлѣ оцѣнки государственнаго значенія С. Ю. Витте, на посту министра путей сообщенія и министра финансовъ. Всѣ они, какъ мы видимъ, согласны въ удостовѣреніи крупныхъ дарованій почившаго и его заслугъ на пользу родины. Въ приведенныхъ оцѣнкахъ обрисована дѣятельность Витте съ дѣловой точки зрѣнія и до нѣкоторой степени подъ угломъ служебнаго сужденія, но за симъ намъ остается привести мнѣнія и представителей русской общественности, подходившихъ къ разбору дѣятельности почившаго, какъ министра финансовъ, по значенію всего объема проведенныхъ имъ реформъ. Но, дабы намъ стали понятны дѣятельность министра финансовъ С. Ю. Витте и значеніе проведенныхъ имъ реформъ, мы должны зайти въ своемъ пониманіи отъ той программы, которая положена была въ основаніе промышленной политики императоромъ Александромъ III. Программа эта, нами уже однажды воспроизведенная на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (1912, № 8) при обзорѣ царствованія императора Александра III, почерпнута нами изъ ретроспективной статьи «Новаго Времени», гдѣ мы читаемъ: «Равномѣрное огражденіе и оживленіе всѣхъ отраслей русской промышленности стоятъ здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ. Пока столь большой и сильный русскій народъ, ставшій уже въ число передовыхъ, не будетъ имѣть своей собственной сильной промышленности,—не исполнится истинное завѣщаніе Петра Великаго, не будетъ объяснена настоящая причина, по которой рубились окна на западъ и на югъ, и не можетъ быть понятъ весь смыслъ послѣднихъ столѣтій нашей исторіи. Надо было громко, со всею русскою силою сказать: пора развиться русской промышленности, какъ залогъ экономической независимости и зрѣлости и какъ средству къ достиженію возможнаго народнаго благосостоянія, просвѣщенія и всякихъ видовъ прогресса; пора направить русскія силы на покореніе обильной природы страны, вывести ее изъ эпохи земледѣльческой въ болѣе сложную—промышленную, совершенно неизбѣжную по строю развитія всего образованнаго міра. Своевременно сказали это Александръ III въ своихъ мѣропріятіяхъ и предназначеніяхъ, и въ голосъ хранителя мира всѣ поняли завѣтную и твердую мысль народную,—коренное дѣло, занимающее отнынѣ Россію. Быть можетъ, и хотѣли бы иные все время и впредь видѣть въ Россіи только 120-милліонный рынокъ для сбыта своихъ издѣлій и только обширнѣйшую мѣстность, доставляющую избытки хлѣба и сырья для богатѣйшихъ другихъ

странъ, но сказанное Царемъ-Миротворцемъ было такъ естественно и просто, такъ чуждо какого-либо задора и такъ твердо поставлено, что нельзя было и подумать мѣшать Россіи выполнить волю своего державнаго вождя, всегда согласную съ затаенною мыслью народа.

«Съ самаго начала своего царствованія покойный императоръ ясно показалъ, что избрать путь покровительственной промышленной политики, но только въ таможенномъ тарифѣ 1891 года вся его мысль сказалась съ полною ясностью, а въ торговыхъ договорахъ съ другими странами она окончательно стала очевидною. Изъ этихъ актовъ видно, что для покровительства, а, слѣдовательно, и для скорѣйшаго внутренняго развитія были избраны коренные виды промышленности, подобныя разведенію своего хлопка, добычѣ и разработкѣ своего желѣза и другихъ металловъ, каменнаго угля, соли и другихъ ископаемыхъ, обработкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и тому подобныхъ, для которыхъ есть уже большой внутренній спросъ и всѣ условія для возможности на этихъ видахъ промышленности доставить новые заработки русскому народу, вмѣсто иноземнаго, отъ котораго до тѣхъ поръ такіе продукты получались. На нихъ назначены были таможенные пошлины настолько умѣренныя, что ввозъ могъ еще продолжаться, но и достаточно охрашительныя, чтобы внутреннее производство оградилося въ своемъ зародышѣ отъ иностраннаго соперничества. Русскій спросъ тотчасъ сталъ возрастать, когда внутри страны стали оставаться милліоны, расходуемые производителями названныхъ товаровъ, и стало уже ясно видно, что когда внутреннее производство, начатое на неисчерпаемыхъ запасахъ русскаго сырья, перерастетъ домашній спросъ, начнется выгодный для всѣхъ вывозъ избытковъ, какъ это уже случилось на глазахъ съ продуктами нефти, которыхъ вывозъ достигъ до шестидесяти милліоновъ пудовъ, а къ началу царствованія былъ не болѣе одного милліона пудовъ въ годъ.

«Прошло не много лѣтъ, а русская дѣйствительность уже отвѣтила мысли царя не одною усиленною добычею каменнаго угля, чугуна, желѣза, стали, соды, хлопка и т. п., но и оживленіемъ всей производительности». Вотъ данныя хотя бы для періода первыхъ десяти лѣтъ царствованія. Сущность ихъ сводится къ тому, что годовая сумма попавшей въ отчеты внутренней заводско-фабричной и горной промышленности была въ 1880 году равна 1.220 милліонамъ рублей, а въ 1890 году равнялась 1.660 милліонамъ рублей, т.-е. ежегодно возрастала примѣрно, на 45 милліоновъ рублей. Нынѣ ее нельзя считать меньшею, чѣмъ 2.000 милліоновъ рублей. «Чтобы смыслъ этой цифры сталъ яснымъ,—говоритъ авторъ статьи:—полезно прибавить, что годовая сумма всякихъ зерновыхъ хлѣбовъ (т.-е. ржи, пшеницы, овса, гречихи, кукурузы и т. п.), произво-

димыхъ всюю Россією, едва превосходитъ въ среднемъ 2.000 милліоновъ пудовъ и вся ихъ цѣнность много ниже цѣнности даже современныхъ русскихъ фабрично-заводскихъ товаровъ, а продажная часть этихъ хлѣбныхъ произведеній Россіи, т.-е. та часть, которою, главнымъ образомъ, долженъ удовлетворить земледѣлецъ свои иныя потребности, едва составляетъ въ годъ нѣсколько сотъ милліоновъ рублей, недостаточныхъ для покрытія неизбѣжнѣйшихъ государственныхъ расходовъ и не допускающихъ даже мысли о введеніи массы общихъ мѣръ, необходимыхъ для прогресса столь большой страны, какъ наша родина. Съ производствомъ одного хлѣба, какъ бы много его ни родилось, не можетъ никакой народъ достигъ сколько-нибудь споспыхъ и прочныхъ общихъ экономическихъ условій, слагающихся при усиленіи труда и заработковъ на многоразличныхъ видахъ промышленныхъ производствъ, требующихъ истиннаго просвѣщенія, дѣйствительныхъ мѣръ къ обезпеченію свободы труда и настойчиво обсуждаемыхъ усилій всѣхъ участниковъ.

«Но, направляя внутреннія силы на разработку неисчерпаемыхъ природныхъ запасовъ страны, необходимо было позаботиться о томъ, чтобы дѣла этого рода прямо или косвенно не попали въ чужія руки, что легко могло бы случиться, если бы капиталы, всегда дорогіе въ земледѣльческихъ странахъ и совершенно необходимыя для расширенія промышленныхъ производствъ, добывались изъ другихъ странъ, какъ происходитъ это не у насъ однихъ и какъ у насъ не разъ практиковалось въ широчайшихъ размѣрахъ. Конечно, въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды, потому что при современномъ ходѣ промышленныхъ дѣлъ и при свободѣ внутренней конкуренціи капиталу достаются лишь небольшіе проценты, главная же часть промышленныхъ оборотовъ расходуется на рабочихъ, на сырье, на перевозку и т. п., т.-е. остается дома. Тѣмъ не менѣе, страны, въ которыхъ промышленныя предпріятія ведутся на счетъ чужеземныхъ капиталовъ, не только лишаются возможности быстро богатыть, но и не могутъ обладать полною экономическою свободою, а она для Россіи не менѣе нужна, чѣмъ охрана территоріи и свободныя торговые пути. Для обезпеченія указанной стороны дѣла стало необходимымъ не только приложить заботы о пониженіи процентовъ на капиталы, но и облегчить возможность пользоваться ими въ промышленности. Покойный императоръ разрѣшилъ и эту труднѣйшую задачу, какъ видно уже изъ того, что, вмѣсто прежнихъ семи процентовъ на займы, ихъ стали получать за $3\frac{1}{2}\%$, что ссуды подъ товары всякаго рода сильно облегчились и что въ числѣ задачъ преобразованнаго государственнаго банка поставлено снабженіе промышленности необходимыми для нея капиталами.

«Если бы сверхъ указаннаго изложить весь послѣдовательный рядъ мѣропріятій и предначертаній, назначенныхъ Александромъ III

для подъема русской промышленности, то пришлось бы изъ года въ годъ, почти по мѣсяцамъ, перечислять новые, небывалые у насъ и часто совершенно самобытные приемы, которые онъ находилъ, преслѣдуя основную цѣль—ростъ всѣхъ сторонъ русской промышленности, долженствующей доставить его народу новые средства снискивать заработки и богатѣть, пользуясь тѣмъ, что есть въ необъятной странѣ. Словомъ, царствованіе императора Александра III навѣки будетъ блистать тѣмъ, что поставило интересы русской промышленности на самый первый планъ среди сложнѣйшихъ задачъ руководителя обширнѣйшей монархіи, какъ царствованіе императора Александра II блещетъ освобожденіемъ крестьянъ. Хотя оба способа одинаково рассчитаны на плоды въ будущемъ для блага народнаго, но между ними, сверхъ другихъ очевидныхъ различій, есть много такихъ, которыя укрываются отъ перваго взгляда. Свободы крестьянъ давно и долго ждали не одни крестьяне, но и весь образованный міръ, а ея осуществленіе составило блестящій и всѣмъ сразу видимый историческій моментъ. Не таково, отъ многихъ еще сокрытое, развитіе русской промышленности. Она дѣло болѣе новое, она результатъ сложныхъ усилій прогресса, и во многихъ умахъ еще не уложилась мысль о томъ, что безъ нея нельзя двигаться впередъ, что съ нею связаны тѣснѣйшимъ образомъ и общій міръ, и вся будущность человѣчества,—словомъ, ея значеніе еще многіе не разумѣютъ въ должной мѣрѣ, и только здравый умъ крестьянина давно ждетъ приумноженія своихъ заработковъ на фабрикахъ и заводахъ, дающихъ новую жизнь цѣлой округности, и давно чувствуетъ, что избытокъ его силъ можетъ найти полезное приложеніе, не отрываясь отъ земли, только при повсемѣстномъ распространеніи всякихъ видовъ промышленности».

VI.

Оцѣнивая дѣятельность С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, извѣстный ученый-экономистъ М. И. Туганъ-Барановскій говоритъ («Рѣчь», 1915, № 58):

«Имя Витте знаменуетъ собой цѣлую эпоху въ нашей общественной и государственной жизни—и далеко не только въ области государственныхъ финансовъ. Но ярче всего исключительная личность покойнаго государственнаго дѣятеля сказалась именно во время его одиннадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ.

«Дѣло тутъ не столько въ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, проведенныхъ Витте, сколько въ общемъ духѣ его дѣятельности. Начиная свою государственную карьеру, Витте не имѣлъ опредѣленной общественной программы. Правда, у него были извѣстныя общественныя симпатіи и общіе взгляды, но довольно неопредѣленные и расплыв-

чатые. У него было нѣкоторое тяготѣніе къ славянофильству и народничеству, внушенное, повидимому, его дядей по матери, извѣстнымъ генераломъ Фадѣевымъ. Выраженіемъ этого народничества явилась у Витте его защита общины въ началѣ девятидесятихъ годовъ, защита, составившая такой рѣзкій контрастъ съ его враждебностью къ общинѣ въ болѣе позднее время.

«Однако общественныя убѣжденія Витте не играли сколько-нибудь значительной роли въ его жизни. Онъ былъ менѣе всего человѣкомъ отвлеченныхъ вѣрованій и убѣжденій. Его естественной стихіей было практическое дѣло, которое онъ умѣлъ выполнять, какъ никто, не считаясь ни съ какими теоріями и смѣло выбирая изъ нихъ то, что казалось ему наиболѣе пригоднымъ для данной цѣли и даннаго момента.

«Министерство финансовъ искони было у насъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ, соперничая въ этомъ отношеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. При Витте же оно стало рѣшающимъ и отодвинуло на задній планъ всѣ остальные. И не только потому, что въ рукахъ Витте были деньги, безъ которыхъ ничего не могли сдѣлать другіе министры, но еще и потому, что министерство финансовъ подъ управленіемъ Витте затмило всѣ остальные необычайнымъ блескомъ и размахомъ своей дѣятельности.

«Важнѣйшими мѣропріятіями Витте, какъ министра финансовъ, были слѣдующія: расширение желѣзнодорожной сѣти и подчиненіе ея контролю правительства, выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ казной, конверсія нашихъ государственныхъ займовъ, со значительнымъ пониженіемъ процента, платимаго государствомъ, организація винной монополіи, заключеніе выгоднаго для Россіи торговаго договора съ Германіей послѣ непродолжительной и успѣшной таможенной войны и, наконецъ, денежная реформа—возстановленіе золотой валюты. На ряду съ этими наиболѣе крупными мѣрами принимались многія не столь важныя, но все же имѣвшія выдающееся общественное значеніе. Достаточно указать въ этомъ смыслѣ хотя бы на дѣятельность департамента торговли и мануфактуръ, во главѣ котораго стоялъ ближайшій помощникъ Витте В. И. Ковалевскій. Почти безъ всякой затраты со стороны государства была создана огромная сѣть коммерческихъ училищъ, причемъ все преподаваніе было поставлено на новыхъ основахъ, чуждыхъ обычнаго формализма и рутинны, господствующихъ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ. Было улучшено обложеніе торговли и промышленности, преобразованы уставы государственнаго и крестьянскаго банковъ, усилена дѣятельность частныхъ банковъ, оборудованы порты и т. д. и т. д.

«Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, русскіе государственные финансы пришли въ небывало блестящее состояніе. Хроническіе дефициты восьмидесятихъ годовъ смѣнились огромными превыше-

пѣями государственныхъ доходовъ надъ расходами. Правда, одновременно съ этимъ росъ и государственный долгъ, но это потому, что казна при Витте все болѣе и болѣе становилась самостоятельнымъ предпринимателемъ, что требовало огромныхъ единовременныхъ затратъ капитала.

«Вся эта кипучая дѣятельность имѣла общую руководящую идею, не заимствованную Витте извнѣ, а естественно вытекшую изъ его собственной личности и изъ условій его государственной работы. Этой руководящей идеей была идея государственнаго вмѣшательства въ хозяйственную жизнь страны въ интересахъ развитія ея производительныхъ силъ. Никто до Витте и послѣ его не умѣлъ такъ блестяще организовать сложное государственное хозяйство въ различнѣйшихъ областяхъ народной жизни. Всѣ его предприятия имѣли исключительный практическій успѣхъ и технически были поставлены образцово.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ Витте отнюдь не былъ бюрократомъ, чуждымъ пониманія важности частной предпримчивости и инициативы. Онъ не стремился замкнуть въ канцелярiю живой духъ промышленности и торговли. Государство, въ его представленiи, должно было не стѣснять, а всѣчески поощрять и поддерживать частное предпринимательство, принимая на себя лишь тѣ отрасли народнаго хозяйства, съ которыми по той или иной причинѣ не въ силахъ сладить частныя лица.

«И эта система, дѣйствительно, проводилась на практикѣ. Одновременно съ ростомъ государственнаго хозяйства въ различныхъ областяхъ жизни эпоха Витте отмѣчена и чрезвычайнымъ подъемомъ частнаго предпринимательства. Такъ создавался промышленный подъемъ девяностыхъ годовъ. Правда, этотъ подъемъ закончился тяжелымъ промышленнымъ кризисомъ, который многіе ставили въ вину Витте. Но Витте такъ же мало былъ повиненъ въ кризисѣ, какъ мало повиненъ министръ земледѣлія въ атмосферныхъ явленіяхъ, вызывающихъ неурожай.

«Изо всѣхъ финансовыхъ мѣръ, принятыхъ Витте, наибольшее значеніе имѣла, пожалуй, денежная реформа. Чтобы провести ее, Витте пришлось сломить упорное сопротивленіе вліятельныхъ общественныхъ круговъ. Дѣло въ томъ, что пониженіе курса нашего рубля было выгодно земельному дворянству, выигрывавшему благодаря подъему хлѣбныхъ цѣнъ, къ чему приводило повышение лажа. Неудивительно поэтому, что настойчивыя стремленія Витте перейти къ золотой валютѣ были встрѣчены очень несочувственно вліятельной частью нашего дворянства и высшей бюрократіей.

«Витте пренебрегъ этой оппозиціей и провелъ въ концѣ концовъ задуманную имъ реформу. Повидимому, главнымъ побудительнымъ мотивомъ Витте въ данномъ случаѣ были соображенія

слѣдующаго рода. Только при наличности золотой валюты иностранные капиталисты могли смѣло помѣщать свои капиталы въ русскую промышленность. Привлеченіе же въ Россію иностранных капиталовъ было существенно необходимо для развитія русской промышленности, ибо собственными капиталами Россія слишкомъ бѣдна. Такимъ образомъ, только при введеніи золотой валюты возможно было быстрое развитіе производительныхъ силъ Россіи, что ставилъ Витте въ краю угла всей своей политики.

«Витте кончилъ рѣшительнымъ сторонникомъ капитализма, къ развитію котораго была направлена вся его финансовая система. И въ этомъ направленіи Витте, несомнѣнно, достигъ очень многого. Съ другой стороны, исключительное вниманіе къ интересамъ крупной промышленности побудило Витте игнорировать потребности русской деревни, бѣдность которой составляла темное пятно на блестящей картинѣ промышленнаго подъема конца девятидесятихъ годовъ. Обнищаніе русской деревни шло бокъ-о-бокъ съ ростомъ капиталистической промышленности. Тутъ финансовая политика Витте наталкивалась на свои естественные предѣлы.

«Какъ бы то ни было, за время своего одиннадцатилѣтняго управленія министерствомъ финансовъ сошедшій теперь въ могилу выдающійся государственный дѣятель сдѣлалъ огромное историческое дѣло, которое останется въ памяти вѣковъ.

«Вопреки славянофильскимъ убѣжденіямъ своей юности Витте болѣе, чѣмъ кто-либо другой изъ людей XIX вѣка, содѣйствовалъ сближенію Россіи съ Западомъ, превращенію ея въ государство европейскаго типа. Въ этомъ его непреходящая историческая заслуга».

«Петроградскій Курьеръ» въ статьѣ «Великій реформаторъ» (1915, № 397) такъ опредѣляетъ значеніе экономической и финансовой политики гр. С. Ю. Витте:

«Основной идеей графа Витте въ области экономическихъ мѣропріятій было стремленіе приобщить Россію къ міровому хозяйству, открыть широкіе пути промышленному развитію страны, утвердить прочную денежную систему—залогъ привлеченія къ промышленной дѣятельности капиталовъ и расширенія сферы кредитныхъ отношеній съ Европой.

«Путь, по которому направлялось это стремленіе графа Витте, былъ путь организациі широкаго государственнаго хозяйства и государственное же регулированіе всей хозяйственной жизни страны. Эта политика особенно ярко выразилась въ области желѣзнодорожнаго хозяйства, въ учрежденіи казенной винной монополіи и введеніи сахарной нормировки.

«При графѣ С. Ю. Витте началось расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ, сосредоточеніе ихъ въ рукахъ государства и подчиненіе оставшихся частныхъ дорогъ контролю правительства.

Какъ велико было развитіе путей сообщенія, видно изъ того, что за время дѣятельности графа Витте длина желѣзнодорожной сѣти возросла на 86 процентовъ. Въ числѣ вновь проведенныхъ дорогъ былъ и Великій Сибирскій путь, экономическое значеніе котораго важно не только для Россіи, но и для всей Европы. Стремясь, однако, къ сосредоточенію желѣзнодорожной сѣти въ рукахъ казны, выкупивъ за все время болѣе четырнадцати тысячъ верстъ частной желѣзнодорожной линіи, графъ Витте вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно поощрялъ и частное желѣзнодорожное строительство, посредствомъ гарантіи правительствомъ облигацій желѣзнодорожныхъ обществъ и предоставляя имъ широкій кредитъ изъ государственныхъ средствъ.

«Отмѣченное явленіе—поощреніе частной предпріимчивости на ряду съ усиленіемъ государственнаго хозяйства, есть самое характерное во всей экономической политикѣ графа Витте. Даже въ наиболѣе полно проводимой организаціи казенной винной монополіи не были забыты интересы винокуренной промышленности, и она получила широкое развитіе за весь періодъ существованія монополіи.

«Оцѣнивая винную монополію исключительно только съ точки зрѣнія фиска, мы безусловно признаемъ огромное значеніе этой монополіи въ нашемъ государственномъ бюджетѣ. И это значеніе станетъ особенно яркимъ, если примемъ во вниманіе, что бюджетъ 1892 года, принятый графомъ Витте отъ своего предшественника, былъ сведенъ съ дефицитомъ въ 74.268 тысячъ рублей. Передъ графомъ Витте стояла задача покрыть дефицитъ, создать оборотныя суммы для пущей промышленности, найти средства для усиленнаго экономическаго строительства во всѣхъ областяхъ народнаго хозяйства. Сама жизнь показала, что введеніе винной монополіи, при всѣхъ ея отрицательныхъ сторонахъ, явилось въ то время своего рода якоремъ спасенія разстроенныхъ финансовъ государства. Можно еще отмѣтить и другую сторону винной монополіи—именно то, что она научила и заставила оцѣнить значеніе государственныхъ монополій вообще. И въ наши дни, когда на очереди стоитъ вопросъ о новыхъ монополіяхъ, образцово организованная графомъ Витте винная монополія служитъ техническимъ примѣромъ, которому необходимо слѣдовать въ дальнѣйшихъ начинаніяхъ подобнаго рода.

«Сохраненіе равновѣсія государственнаго бюджета заставило графа Витте на ряду съ винной монополіей чрезвычайно усилить и налоги на потребленіе. Въ то время, какъ прямыя налоги возросли на 49 процентовъ—косвенные налоги увеличились на 110 проц. (сравнительно съ 1893 годомъ). Въ настоящее время есть много принципиальныхъ противниковъ увеличенія косвеннаго обложенія, но чтобы оцѣнить справедливо эти палоговыя мѣропріятія

графа Витте, необходимо принять во вниманіе общую конъюнктуру того времени. Графъ Витте вполне сознавалъ всѣ недостатки бюджета и стремился по возможности смягчить податное бремя путемъ увеличенія производительныхъ силъ государства. Въ этой основной и коренной задачѣ своей политикѣ графъ Витте естественнымъ путемъ пришелъ къ необходимости реформировать прежде всего денежную систему страны. До реформы графа Витте дѣлались неоднократно безуспѣшныя попытки укрѣпить падающій курсъ нашихъ ассигнацій, проводились чисто-палліативныя мѣры къ упроченію этого курса, но во всѣхъ этихъ мѣрахъ не было ни творческой мысли, ни твердости, ни широкаго пониманія народно-хозяйственныхъ задачъ. Всѣ это данныя, столь необходимыя для реформатора, счастливо сочетались въ лицѣ министра финансовъ графа С. Ю. Витте.

«Графу Витте пришлось выдержать упорную борьбу съ боязнью въ правительственныхъ кругахъ «девальваціи рубля», т.-е. размѣну кредитнаго рубля по номинальной стоимости. Передъ графомъ въ началѣ его финансовой дѣятельности стояла большая задача ввести естественнымъ путемъ золотое обращеніе прежде, чѣмъ оно будетъ проведено въ порядкѣ законодательномъ. Но вводить золотое обращеніе при весьма неустойчивомъ и спекулятивномъ курсѣ бумажныхъ денегъ было бы рискованно. Поэтому графъ Витте, прежде всего, предпринимаетъ рядъ мѣръ къ укрѣпленію курса.

«Эти мѣры, проведенныя чрезвычайно умѣло, парализовали спекулятивный духъ въ денежномъ оборотѣ и подготовили его къ металлической системѣ обращенія.

«Государственный банкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, начинаетъ продавать и покупать золото по дѣйствительному курсу, хранить его въ своихъ кассахъ и выплачивать его кредиторамъ банка. И, когда въ 1896 году графъ С. Ю. Витте вошелъ въ комитетъ финансовъ съ представленіемъ установить курсъ: 1 руб. 50 коп. кредит.=1 руб. золотомъ, то фактически это оказалось предложеніемъ зафиксировать установившійся въ дѣйствительности курсъ.

«Графъ Витте, съ присущей ему дальновидностью, не остановился на этомъ, но провелъ въ жизнь величайшій законъ, благодаря которому и теперь, при колоссальныхъ тратахъ нынѣшней войны, удалось намъ въ полной неприкосновенности сохранить наше денежное обращеніе. Законъ 26-го августа 1897 года ограничиваетъ выпускъ кредитныхъ билетовъ суммой въ 600 милліоновъ рублей, а дальнѣйшій выпускъ обеспечивается золотой наличностью государственнаго банка рубль за рубль.

«Реформа графа Витте нашей денежной системы опредѣляется всѣмъ дальнѣйшимъ ходомъ развитія нашего народнаго хозяйства, привлеченіемъ къ нему иностранныхъ капиталовъ, созданиемъ

крупныхъ капиталистическихъ предпріятій, упроченіемъ нашего государственнаго кредита.

Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1915, № 49) г. Л. Юрковскій посвящаетъ финансовой и экономической политикѣ графа Витте обширную статью, гдѣ въ началѣ говоритъ:

«Графъ Витте стоялъ на рубежѣ старой и новой Россіи. Всесильный когда-то министръ финансовъ, вліяніе котораго выходило далеко за предѣлы его вѣдомства, былъ однимъ изъ послѣднихъ устроителей доконституціонной Россіи и однимъ изъ первыхъ правительственныхъ строителей Россіи конституціонной. Наше поколѣніе не можетъ еще безстрастно отнестись къ тому недавнему прошлому, которое связано съ его именемъ. Дѣла этого прошлаго еще не закончены и не сказались во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Они сплетаются съ дѣлами настоящаго, и государственный мужъ, сошедшій съ исторической арены, былъ до послѣднихъ дней не тѣнью миновавшей и законченной эпохи, а дѣятелемъ нашего времени. Въ тѣ характеристики, которыя мы пишемъ теперь, будущій историкъ внесетъ, быть можетъ, многія поправки. Ему виднѣе будутъ въ далекой перспективѣ подлинныя соотношенія между общественными силами, истинныя роли дѣйствовавшихъ людей и результаты недавнихъ реформъ. Но въ одномъ—самомъ существенномъ и общемъ—историкъ сойдется съ современникомъ: графъ Витте—самая крупная правительственная фигура въ Россіи послѣднихъ десятилѣтій.

«Цѣлая эпоха нашей финансовой и экономической исторіи связана съ его именемъ. Эпоха столь богатая мѣропріятіями, что, просматривая перечень ихъ, удивляешься, какъ могло хватить инициативы и нервной силы одного руководящаго человѣка для осуществленія ихъ. Какъ бы ни оцѣнивать значеніе С. Ю. Витте для судьбы нашей страны, необходимо признать, что тѣ годы, когда онъ стоялъ во главѣ русскихъ финансовъ и направлялъ экономическую политику Россіи, были временемъ необыкновенно напряженнаго творчества.

«Преобразование государственнаго банка, заботы о расширеніи частныхъ кредитныхъ учрежденій и сберегательныхъ кассъ, успѣшныя конверсіи старыхъ займовъ и заключеніе новыхъ, желѣзнодорожное строительство, значительно удлинившее нашу рельсовую сѣть, въ частности постройка Сибирской желѣзной дороги и доведеніе пути чрезъ Харбинъ до Владивостока, усовершенствованіе тарифнаго дѣла, заключеніе торговаго договора съ Германіей и другими странами, реформа податной системы во многихъ ея частяхъ, введеніе казенной продажи питей, преобразование денежной системы, заботы о специальномъ образованіи—насажденіе коммерческихъ училищъ и политехническихъ институтовъ—и многое другое,—все это было сдѣлано за сравнительно небольшой срокъ. Въ

истор. вѣстн., апрѣль 1915 г., т. сxl.

18

1892 году С. Ю. Витте вступилъ въ управленіе финансами и въ 1903 году онъ покинулъ свой постъ.

«Министерство финансовъ въ эти годы росло и поглощало все новыя отрасли государственнаго хозяйства. Оно стало въ сущности совокупностью нѣсколькихъ министерствъ. Его бюджетъ отъ 120 милліоновъ рублей поднялся до 366 милліоновъ. Въ рукахъ министра финансовъ было управленіе торговлей и промышленностью, торговымъ мореплаваніемъ, желѣзными дорогами, отчасти народнымъ просвѣщеніемъ, коммерческимъ и аграрнымъ кредитомъ. Министерство путей сообщенія во время С. Ю. Витте всецѣло зависѣло отъ него. А расходная смѣта обоихъ министерствъ,— финансовъ и путей сообщенія— отъ 187 милліоновъ въ 1892 году возросла до 822 милліоновъ рублей въ 1903 году, отъ 20 процентовъ всего государственнаго бюджета въ тотъ годъ, когда на Витте возложено было управленіе министерствомъ финансовъ, увеличилась до 43 проц. въ тотъ годъ, когда онъ уступилъ свою должность Плеске».

Важнымъ началомъ финансовой и экономической политики С. Ю. Витте было, по словамъ того же г. Л. Юрковскаго, «сосредоточеніе огромныхъ средствъ въ рукахъ государственной власти. Чѣмъ больше были эти средства, тѣмъ значительнѣе могло быть вліяніе на хозяйственную жизнь того, кто распорядился ими. Но въ то же время, расширяя область государственнаго хозяйства, графъ Витте суживалъ, конечно, ту сферу, которая оставалась свободной для частной предпріимчивости. Хотѣлъ ли онъ дать государственнымъ финансамъ надежную и твердую опору, передавъ казначейству двѣ трети желѣзнодорожной сѣти и монополизировать продажу питей? Или, въ качествѣ дѣятеля стараго режима, онъ хотѣлъ усилить правительственную власть, подчинивъ ей сотни тысячъ служащихъ и рабочихъ и увеличивъ обороты казны на сотни милліоновъ рублей? Или онъ, быть можетъ, просто руководился соображеніями цѣлесообразности въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда предпріятіе изымалось изъ частнаго оборота? Трудно сказать на основаніи официальныхъ матеріаловъ, въ какой мѣрѣ приводили различныя мотивы. Во всякомъ случаѣ начало сосредоточенія огромной экономической власти въ правительственныхъ рукахъ столь же опредѣленно характеризуетъ финансово-экономическую политику С. Ю. Витте, какъ и начало насажденія промышленнаго капитализма въ Россіи.

«Россія, въ которой дѣйствовалъ С. Ю. Витте, была дворянско-помѣщичьей и крестьянской. Государственный дѣятель, который хотѣлъ рассчитывать «хотя бы на семь дней» власти, долженъ былъ воздать «должное» дворянско-помѣщичьему элементу. Государственный дѣятель, который хотѣлъ рассчитывать на прочность и длительность своихъ успѣховъ, долженъ былъ воздать должное крестьянскому населенію.

«Дворянско-помѣщичьему элементу С. Ю. Витте воздавалъ много и часто. Иначе и непонятно бы было, какимъ образомъ онъ могъ держаться у власти въ теченіе болѣе чѣмъ десятилѣтія. Этой цѣли служили нѣкоторыя кредитныя операціи государственнаго банка, льготы, дарованныя заемщикамъ дворянскаго банка (29-го мая 1897 г.), льготы по уплатѣ пошлинъ при продажѣ имѣній (10-го апрѣля 1895 г.), льготы при переходѣ по наслѣдству заповѣдныхъ имѣній и майоратовъ (25-го мая 1899 г., 3-го июня 1902 г.). Этой же цѣли служили льготы винокуреннымъ заводчикамъ и сахарозаводчикамъ, установленныя въ связи съ введеніемъ винной монополіи и нормировкой сахарной промышленности. Въ общемъ помѣщичья Россія не могла утверждать, что С. Ю. Витте вскормилъ русскую промышленность за ея счетъ. То, что она уплачивала въ видѣ налоговъ и переплачивала на сравнительно дорогихъ товарахъ, все это въ той или иной формѣ возвращалось ей.

«Но молодой промышленный капитализмъ можно было создать только за чей-нибудь счетъ: его оплачивало крестьянство. Въ своей кипучей дѣятельности С. Ю. Витте нашелъ поразительно мало времени для заботъ о крестьянскомъ населеніи. Ему удалось, правда, добиться пониженія германскихъ пошлинъ на русскій хлѣбъ, и нѣсколько податныхъ реформъ было проведено въ тѣ годы, когда онъ управлялъ министерствомъ. Но крестьянское хозяйство нуждалось въ гораздо большемъ. Лишь въ заключительномъ аккордѣ доконституціонной дѣятельности графъ Витте прозвучали новыя ноты. Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности, созданныя по его инициативѣ, обнаружили застой въ экономической жизни деревни, опасный для благосостоянія всей страны. И продолжительность промышленнаго кризиса, постигшаго русское народное хозяйство въ первые годы нынѣшняго столѣтія, доказала, что строитель воздвигалъ зданіе на основаніи недостаточно прочномъ».

Съ приведенными оцѣнками близко сходится и г. С. Посниковъ, утверждающій въ «Рѣчи» (1915, № 58), что «съ момента занятія С. Ю. высшихъ ступеней служебной іерархіи, можно сказать, тотчасъ же проявляется сильная его индивидуальность, явно выраженное стремленіе освободиться отъ канцелярской рутины, и широкая дѣятельность его характеризуется рядомъ крупнѣйшихъ нововведеній. Если оставаться здѣсь въ границахъ только главнѣйшихъ его начинаній, то во всякомъ случаѣ необходимо указать на слѣдующія мѣропріятія, широко задуманныя и энергично проведенныя имъ въ жизнь.

«Первое, что слѣдуетъ упомянуть, это—реформу тарифнаго дѣла, состоявшую въ подчиненіи послѣдняго государственному руководительству и, въ особенности, въ унификаціи хлѣбныхъ та-

рифовъ. Далѣе среди крупныхъ мѣропріятій въ области желѣзнодорожной особенно выдается энергичный приступъ къ осуществленію Великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути, законченнаго въ 1901 году. Затѣмъ идетъ выкупъ въ казну Николаевской желѣзной дороги—смѣлое, по тогдашнему времени даже прямо невѣроятное рѣшеніе. Оно поразило, какъ громомъ, заинтересованныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ самымъ высшимъ сферамъ, и дало начало новому направленію нашему желѣзнодорожному хозяйству.

«Далѣе—надо указать на созидательную дѣятельность С. Ю. въ области народнаго просвѣщенія. Насадитель коммерческаго образованія у насъ, онъ съ помощью, главнымъ образомъ, частныхъ средствъ создалъ на пространствѣ всей Россіи широкую сѣть среднихъ школъ, удовлетворявшихъ не только спеціальнымъ цѣлямъ коммерческаго образованія, но и задачамъ образованія общаго. С. Ю. не останавливается, однако, на этомъ и идетъ дальше: онъ учреждаетъ три высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведенія: политехническіе институты—кіевскій, варшавскій и петроградскій, въ которомъ, кромѣ первоначальныхъ трехъ техническихъ отдѣленій, было образовано еще отдѣленіе экономическое, представлявшее въ то время совершенно новый типъ высшей школы.

«Крупнѣйшимъ дѣломъ, осуществленнымъ въ министерствѣ С. Ю., несомнѣнно, является денежная реформа. Переходъ къ золотой валютѣ, совершившійся у насъ вопреки мнѣнію и желаніямъ весьма вліятельныхъ сферъ, потребовалъ, конечно, огромнаго напряженія силъ со стороны его инициатора, которому пришлось идти противъ сильнаго теченія, сказавшагося не только на верхахъ, не только въ Государственномъ Совѣтѣ, но и въ широкихъ общественныхъ кругахъ. Въ настоящее время громадное и благотворное значеніе золотого обращенія не возбуждаетъ болѣе сомнѣній, и для всѣхъ ясна неосцнимая заслуга въ этомъ дѣлѣ покойнаго графа Сергѣя Юльевича.

«Рядомъ съ этимъ надо поставить питейную реформу—отмѣну выродившейся въ зловреднѣйшее явленіе акцизной системы и замѣну ея казенной продажей вина, имѣвшей, безспорно, огромныя преимущества передъ системой акцизной. Для осуществленія этой реформы надо было также преодолѣть массу препятствій, оказанныхъ со стороны крупнѣйшихъ частныхъ интересовъ—винокуренныхъ заводчиковъ, владѣльцевъ такъ называемаго «пропинаціоннаго права» и продавцовъ питей.

«Огромное значеніе имѣлъ С. Ю. въ качествѣ предсѣдателя высочайше учрежденнаго въ 1902 году особаго совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Какъ извѣстно, совѣщаніе это, вмѣстѣ съ образованными на мѣстахъ сельско-

хозяйственными комитетами, поставило на очередь важнѣйшіе вопросы русскаго народнаго хозяйства и пробудило общественное настроеніе даже въ самыхъ глухихъ уголкахъ нашего общества.

«Не останавливаясь здѣсь на оцѣнкѣ выдающейся роли покойнаго при заключеніи двухъ торговыхъ договоровъ съ Германіей и на его заслугахъ по мирному договору съ Японіей, я въ заключеніе упомяну только о программномъ указѣ сенату 12-го декабря 1904 года и о томъ незабвенномъ актѣ 17-го октября 1905 года, которымъ открылась новая страница нашей исторіи и съ которымъ неразрывно связано имя графа С. Ю. Витте».

С. М. Пропперъ, стоявшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ извѣстномъ приближеніи къ графу Витте, въ статьѣ «Памяти большого чело-вѣка» («Бирж. Вѣд.» 1915, № 14700), посвящаетъ С. Ю. слѣдую-щія строки:

«Всего одно десятилѣтіе С. Ю. Витте стоялъ у источника власти, а между тѣмъ за этотъ краткій періодъ онъ успѣлъ осуществить столько, что создалъ цѣлую эпоху въ развитіи русской жизни. Къ какой отрасли ни прикасался онъ, она начинала жить новой жизнью, обрѣтала новые пути и новыя возможности, надолго опредѣлявшіе ея дальнѣйшій ростъ и преуспѣваніе.

«Возстановленіе золотого обращенія положило предѣлъ полудо-равѣнковому беспорядочному и изнурительному положенію нашей валюты. Рядъ широко задуманныхъ и умѣло проведенныхъ опера-цій конверсіоннаго характера укрѣпилъ положеніе государственнаго кредита и облегчилъ условія нашей задолженности. Введеніе винной монополіи, столь сурово и не безъ основанія осуждавшееся, сдѣлало возможнымъ нынѣшнее мгновенное освобожденіе русскаго народа «по мановенію Царя» отъ рабства передъ «зеленымъ змѣемъ».

«Наша фабрично-заводская промышленность подъ эгидой графа Витте сдѣлала гигантскій шагъ впередъ, почувствовала прочное основаніе подъ ранѣ существовавшими отраслями ея и развила новыя, отсутствіе которыхъ дотолѣ обрекало насъ на положеніе вѣчныхъ рабовъ и данниковъ иноземныхъ производителей. Искус-ной таможенной политикой и разумными мѣрами для усиленія экспорта С. Ю. Витте поднялъ активность нашего торговаго баланса до небывалой высоты и прочности. Заботясь о процвѣтаніи торгово-промышленнаго класса, какъ крѣпкаго стержня всей экономиче-ской жизни, графъ Витте, благодаря истинно-государственной широтѣ пониманія, учелъ первостепенную важность соціально-политическихъ задачъ, безъ правильной постановки которыхъ невы-слимо надлежащее развитіе промышленности, и едва ли не первый изъ русскихъ государственныхъ дѣятелей намѣтилъ систему ши-рокихъ заботъ государства о нуждахъ рабочаго класса и регулирую-

паго вмѣшательства въ отношенія между рабочимъ и работодателемъ. Если эта сторона его дѣятельности встрѣчалась съ постоянными тормозами, то причины тому были въ общихъ условіяхъ русской дѣйствительности, несодолимыхъ даже для энергіи графа С. Ю. Витте.

«Мощный покровитель и насадитель обрабатывающей промышленности, онъ, однакоже, зорко смотрѣлъ и въ сторону нашего сельскаго хозяйства и основного его двигателя—крестьянина. Облегченіе податнаго бремени, прожившагося у насъ такъ долго основною своею тяжестью на спину хлѣбопашца, перенесеніе центра тяжести источника государственныхъ доходовъ изъ деревни въ городъ указали путь, по которому все болѣе и болѣе надлежитъ развиваться системѣ нашей фискальной политики. Но преддверіе къ коренной перестройкѣ условій быта и труда въ русской деревнѣ открывалось знаменитымъ особымъ совѣщаніемъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности, работы котораго были прерваны вмѣстѣ съ паденіемъ всемогущаго министра финансовъ, но успѣли намѣтить необходимость цѣлаго ряда сложныхъ и смѣлыхъ реформъ, и отъ неизбежности этихъ реформъ русской жизни уйти некуда.

«Такъ много внесъ графъ Витте въ ту сферу, которая была непосредственно ему подвѣдомственна, являлась прямымъ объектомъ его заботъ. Но, ясно понимая связь своихъ задачъ съ другими областями жизни, онъ не стѣснялся прилагать свою руку къ нуждамъ сосѣдящихъ сферъ государственной жизни. Въ исторіи быстрого и колоссальнаго развитія русской желѣзнодорожной сѣти имя графа Витте займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Съ нимъ неразрывно связано гигантское предпріятіе Великаго Сибирскаго пути, равно какъ и небывалое оживленіе нашей дѣятельности на дальне-восточной окраинѣ. Но исторія же отмѣтитъ и то, что тягостныхъ послѣдствій чрезмѣрнаго увлеченія въ этомъ направленіи никто не предвидѣлъ лучше графа Витте, и не испила бы Россія горькой чаши, если бы больше цѣнила его голосъ...

«Не меньшей заслугой С. Ю. Витте было и развитіе образованія въ странѣ. Кто не знаетъ, что подъ видомъ коммерческихъ школъ, среднихъ и высшихъ, онъ создалъ среди грустной картины нашего народнаго просвѣщенія свѣтлый островокъ, пережившій благополучно всѣ бури и бѣды, подломившія нашу общую школу? Быть можетъ, недалеко тотъ часъ, когда завѣты графа Витте въ этой области найдутъ болѣе широкое признаніе и примѣненіе.

Такъ государственный разумъ этого дѣятеля вносилъ жизнь и ростъ во все, къ чему ни прикасался».

Если ознакомиться со многими другими статьями, посвященными покойному графу С. Ю. Витте, то во всѣхъ мы увидимъ со-

гласное и единодушное признаніе крупныхъ заслугъ С. Ю. Витте на пользу Россіи въ отношеніи ея экономическаго и торгово-промышленнаго роста. Всѣ, за исключеніемъ, конечно, крайне правыхъ газетъ, свидѣтельствуютъ, что имя его, какъ министра финансовъ и министра путей сообщенія, ярко записано на скрижаляхъ отечественной исторіи, и Россія по всей справедливости должна признать за нимъ наименованіе своего обновителя. Если при оцѣнкѣ его, какъ министра финансовъ, встрѣчаются несогласія, то таковыя относятся къ частностямъ, а не къ существу дѣла.

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КЪ ИСТОРИИ „ДѢЛОВОГО ДВОРА“ И. Е. РѢПИНА ВЪ ЧУГУЕВѢ.

ОСТРОЕННОМУ еще при Иоаннѣ Грозномъ старому Чугуеву, занимавшемуся прежде выдѣлкой овечьихъ шкуръ, тканьемъ гарусныхъ поясовъ и тесемокъ и производствомъ сѣделъ и подпругъ,—Чугуеву, въ планѣ котораго отъ 1787 г. сказано: «Въ семь городѣ, кромѣ приходскихъ деревянныхъ церквей, другого строенія, примѣчанія достойнаго, не имѣется»,—суждено было пройти сквозь суровую аракеевскую муштру, оставивъ слѣдъ въ исторіи, замереть на долгіе годы въ полуснѣ и вдругъ опять воскреснуть для совершенно иной красивой художественной жизни.

«Какъ трогательны виды Чугуева! Для меня такъ же, какъ Римъ и Иерусалимъ»,—писалъ мнѣ И. Е. Рѣпинъ 5-го іюля 1912 года, а черезъ полтора года свои платоническія чувства къ родинѣ онъ переноситъ на практическую почву.

Лѣтомъ 1914 года состоялось торжественное освященіе мѣста, отведеннаго подъ «Дѣловой Дворъ».

Предполагалось, что въ отношеніи къ Чугуеву онъ явится обособленной усадьбой, которой, можетъ быть, суждено сыграть современемъ выдающуюся роль въ «византійско-украинскомъ» искусствѣ.

Наступившіе военные дни внесли новыя настроенія, заслонивъ на продолжительный срокъ всѣ другіе мирные интересы, но когда наши и союзныя храбрыя войска побѣдоносно покончатъ счеты съ Австріей, Германіей и Турціей,—жизнь опять войдетъ въ прежніе тихіе берега, и «Дѣловой Дворъ» напомнитъ о себѣ...

О немъ неоднократно уже писалось.

Цѣль моей бѣглой замѣтки—не повторять сказанное, а показать, что именно самъ И. Е. Рѣпинъ думалъ объ этой своей въ высшей степени оригинальной затѣѣ.

Запрошлой осенью возвращаюсь какъ-то домой и нахожу у себя на письменномъ столѣ такое его письмо (привожу съ незначительными сокращеніями):

«16-го ноября 1913 года.

«Куоккала.

«*Пенаты.*

«Очень хочется повидаться съ вами. Кромѣ нѣжныхъ чувствъ, дѣло есть. Промелькнуло въ газетахъ, будто бы гдѣ-то есть пред-

Чугуевскій соборъ.

положеніе сдѣлать въ нашемъ родномъ градѣ Чугуевѣ рисовальную школу и будто бы намѣреваются основать сію школу къ моему семидесятилѣтію въ 1914 году и даже назвать ее моимъ именемъ. Буду откровененъ: я самъ сего не читалъ и ничему сему не вѣрю. Тутъ бы и конецъ. И какое вамъ до всего сего дѣла? А вотъ, мой другъ, я васъ доконаю откровенностью: я *возмечталъ* и такія мечты полѣзли мнѣ въ голову, что я и васъ въ покоѣ не оставляю. Мечты: я иду навстрѣчу этой фантазіи и очень не прочь представить особый проектъ къ осуществленію этой мечты. Дальнѣйшая откровенность моя: такъ какъ я по натурѣ своей, по воспитанію и долгой практикѣ собственно—*мастеровой человекъ*, то и проектъ мой вовсе *не школа*, а *мастерская* въ самомъ практическомъ смыслѣ этого слова, но большая, разсторопная, дѣлопроизводительная.

Короче сказать, я желалъ бы устроить въ Чугуевѣ «Дѣловой Дворъ» наподобіе того, какъ былъ въ военномъ поселеніи, основанный Александромъ I и Аракчеевымъ, и почти на томъ же мѣстѣ, недалеко.

«Организовавъ сей «Дѣловой Дворъ», я бы сразу припималъ туда заказы: иконостасовъ, образовъ, портретовъ, рѣзныхъ, лѣпныхъ, позолотныхъ рамъ, всякихъ багетовъ, зеркалъ и проч., изящной мебели и т. д. Слѣдовательно, кромѣ живописи, мастерская—столярная, рѣзная, позолотная... Мечта идетъ и далѣе: *литейный дворъ*... бронза... статуи, бюсты, рѣшетки, садовая мебель и проч.

Гостинный дворъ въ Чугуевѣ.

«Я былъ бы очень не прочь, пока я живъ, положить основаніе сему дѣлу: *приобрѣсти мѣсто*. А мѣсто мною намѣчено на террасѣ, которая выгономъ подходитъ къ вокзалу желѣзной дороги. Эта терраса уже начала застраиваться («здѣсь будетъ городъ заложень!») и надобно захватить. Мѣсто требуется большое. Постройки будутъ изъ бетона и желѣза; нуженъ свѣтъ и пространство, стекла, стекла, галереи и т. д. Фруктовый садъ, огородъ,—все будетъ заведено въ широкихъ размѣрахъ и дѣлаться самими мастерами и мальчиками.

«Я надѣюсь, что къ этому мѣсту, если оно будетъ хорошо организовано, потекутъ заказы со всей южной Россіи и «тропы народные» не зарастутъ: мы всѣхъ будемъ принимать, всѣмъ по способностямъ ихъ дадимъ работу. Ещѣ я забылъ о *гончарномъ дѣлѣ*:

вазы, блюда, сервизы и проч. Но первое и послѣднее *крѣпкое условіе*: никакихъ правъ. *Мастеръ*—высшее званіе и единственное; *трудъ*—средство жить.

Словомъ, дѣло огромное, и о немъ хотѣлось бы посоветоваться съ вами. Не будетъ ли у васъ случая спросить въ Чугуевѣ: за сколько общество уступило бы мѣсто на выгонѣ, противъ вокзала, мѣсто величиною съ плацъ передъ соборомъ, гдѣ царскіе домики стоять?

«А Чугуеву эту затѣю, какъ кладъ для своего дальнѣйшаго процвѣтанія, слѣдуетъ поддержать всѣми силами. Все затраченное будетъ возвращено *тысячицею* впоследствии—дѣло жизненное...»

Гостиный дворъ въ Чугуевѣ.

Къ письму былъ приложенъ и маленькій планъ будущаго «Дѣловаго Двора», начерченный перомъ.

Я немедленно списался со своимъ хорошимъ знакомымъ генералъ-майоромъ Я. А. Фокомъ, бывшимъ тогда начальникомъ военнаго училища, котораго просилъ посодѣйствовать этой покупкѣ, и довольно скоро получилъ отрадное извѣстіе, что чугуевское городское управленіе отвело И. Е. Рѣпину безвозмездно сравнительно большую площадь, но не тамъ, гдѣ онъ просилъ, а на горѣ, обращенной къ селенію Успенскому, съ широкимъ кругозоромъ и чуднымъ видомъ на Сѣверный Донецъ и не только ближайшія деревни, но и сравнительно отдаленныя, напримѣръ,

Зданіе общественнаго собранія.
(Бывшая полковая церковь при гр. Аракчеевѣ).

Военное училище (бывшее юнкерское).

Печенѣги, на пути къ которымъ растутъ еще до сихъ поръ такъ называемыя «проклятыя вербы», посаженные по приказанію Аракчеева.

Этотъ отвѣтъ Я. А. Фока вмѣстѣ съ планомъ Чугуева я тотъ-часъ же отправилъ къ И. Е. Рѣпину, и онъ уже на другой день отозвался слѣдующимъ письмомъ:

Поселянскій домикъ временъ гр. Аракчеева.

«7-го декабря 1913 года.

«Куоккала.

«Я въ восторгѣ отъ извѣстій... Милые, родные, дорогіе чугуевцы! Я не ожидалъ!..

«А мѣсто, вообразите,—я только подумывалъ, что напрасно я приближаюсь къ вокзалу. Долго ли мнѣ устроить шоссе, да и далеко ли это мѣсто... И, конечно, то мѣсто, которое они отдаютъ, во всѣхъ отношеніяхъ лучше... Теперь уже мечтаю о главномъ на этомъ мѣстѣ: покопать воду абиссинскимъ колодеземъ. Вотъ если

бы удалось! Это я уже на свои деньги сдѣлаю. Боюсь вѣрить, такое счастье! такое счастье...

«А планы мои все разрастаются. Теперь надо овладѣть сутью: поставить «Дѣловой Дворъ» на собственные ноги, чтобы онъ самъ собою не только шелъ впередъ, кормился, поился, но и *богатѣлъ бы*, а слѣдовательно давалъ бы хлѣбъ и своему родному городу, приучалъ бы къ полезному труду даже самыхъ безнадежныхъ, обучалъ бы лучшему всю округу и распространялъ бы о себѣ добрую славу далеко.

«Тутъ я было чутьчку струхнулъ... Но, слава Богу, средства въ нашихъ рукахъ,—средства вѣрныя; я ихъ обдумываю и, конечно, надо не дремать. Все дѣло въ трудѣ,—разумномъ трудѣ, надо

Поселянскіе домики времянь гр. Аракчеева.

только умѣть приложить его и гипнотизировать рабочую силу. Я ненавижу нищенство и попрошайство...»

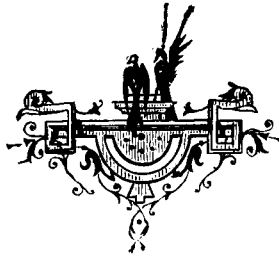
Вотъ въ какихъ краскахъ еще такъ недавно рисовалось будущее «Дѣловаго Двора» самому его создателю и вдохновителю.

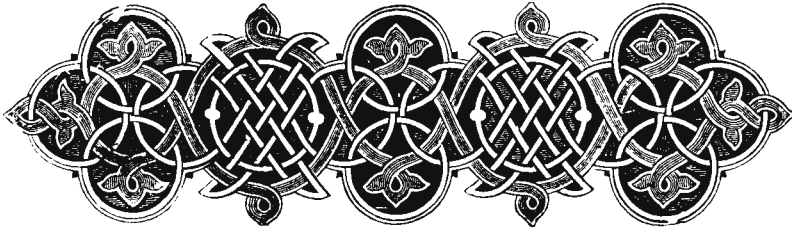
Я думаю, что послѣ такихъ его словъ должны умолкнуть сомнѣвающіеся голоса всѣхъ не вѣрящихъ въ возможность осуществленія рѣпинской художественной усадьбы, хотя И. Е. Рѣпинъ въ своемъ открытомъ письмѣ отъ 8-го сентября 1914 г., помѣщенномъ въ «Русскомъ Словѣ», и отодвигаетъ исполненіе увлекшей его идеи—на весьма отдаленный срокъ. Какъ-то не хочется вѣрить въ гибель свѣтлыхъ идеаловъ. Ихъ такъ мало въ жизни, но когда они загораются—ихъ нужно беречь, какъ святыню...

Къ этой замѣткѣ я позволилъ себѣ приложить нѣсколько снимковъ, сдѣланныхъ художникомъ Д. М. Левашовымъ (кромѣ собора). Въ Чугуевѣ прекрасно сохранились нѣкоторыя любопытныя зданія аракчеевской эпохи: гостинный дворъ, общественное собраніе, гдѣ прежде помѣщалась полковая церковь, юнкерское училище, переименованное теперь въ военное, соборъ, — построенные инженеръ-майоромъ К. Ф. Детловымъ въ 1834 году, наконецъ поселянскіе домики...

Отъ бывшихъ украинскихъ казаковъ, перешедшихъ въ «вольныхъ хлѣбопашцевъ», какъ будто ничего не осталось, если взглянуть въ строгій архитектурный стиль этихъ зданій, но тамъ, по берегамъ живописнаго, чарующаго Донца, еще такъ вѣтъ иногда сѣдою стариной и милыми сказками былого.

В. Умановъ-Каплуновскій.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

(Восточный вопросъ. Босфоръ и Дарданеллы).

ИЗЪ ВСѢХЪ европейскихъ державъ одна Россія по неблагопріятнымъ географическимъ условіямъ лишена прямого выхода къ Атлантическому океану: на сѣверѣ—Балтійское море связано съ нимъ узкимъ проливомъ Зундомъ, побережья котораго принадлежатъ Даніи и Швеціи, на югѣ—Черное море соединяется съ Средиземнымъ водами Мраморнаго моря и проливами Босфоромъ и Дарданельскимъ, свыше пятисотъ лѣтъ находящимися въ обладаніи Турецкой имперіи. Такимъ образомъ, Россія всегда вынуждена была зорко слѣдить, чтобы эти выходы ея въ открытый океанъ не были для нея закрыты владѣющими ими державами; иначе для торговыхъ сношеній ея съ Европой оставался бы лишь одинъ морской путь—черезъ Сѣверный Ледовитый океанъ.

Но политическія условія, при которыхъ приходилось Россіи пользоваться Зундомъ и Босфоромъ, были совершенно различны. Плаваніе чрезъ Зундъ не встрѣчало никогда препятствій для нея и въ силу того, что берега его не принадлежали одной и притомъ могущественной державѣ, и въ силу того, что всѣ сѣверныя государства Европы, включая и Англію, были непосредственно заинтересованы въ поддержаніи постоянныхъ политическихъ и торговыхъ сношеній съ Россіей. Въсѣтъ съ тѣмъ, свободный проходъ чрезъ Зундъ русскихъ судовъ, даже военныхъ, не представлялъ никакой

угрозы политическому существованію ни Даніи, ни Швеціи, являвшихся географическими стражами Зунда. Притомъ обѣ эти державы не могли использовать выгоднаго своего географическаго положенія въ интересахъ, враждебныхъ Россіи, уже потому, что, даже дѣйствуя совокупно, онѣ не имѣли никогда достаточной силы, чтобы противостать военно-политической мощи своей восточной сосѣдки.

Въ иныхъ условіяхъ находятся интересы Россіи на Босфорѣ, у котораго расположена и столица Турціи, Константинополь. Съ того времени, какъ Россія заняла при Екатеринѣ II сѣверный берегъ Чернаго моря и завела на немъ свой коммерческій и военный флотъ, вопросъ о безпрепятственномъ проходѣ русскихъ торговыхъ и военныхъ судовъ изъ Чернаго моря въ Средиземное сдѣлался главнымъ предметомъ сношеній Россіи съ Турціей. И первые шаги русскаго правительства въ этомъ направленіи были очень успѣшны. Еще Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ Россія съ Турціей проливы были открыты для русскихъ торговыхъ судовъ, а проходъ судовъ военныхъ допускался впоследствии въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Договоромъ 1805 г. Турція обязалась пропускать черезъ проливы и русскія военныя суда, закрывъ въ то же время доступъ въ Черное море иностраннымъ военнымъ судамъ. Но уже при Александрѣ I Россія сошла съ пути національной политики, вступивъ въ «Священный» союзъ съ германскими державами Австріей и Пруссіей, всегда тайно и явно вредившими Россіи. Это возбудило противъ насъ западныя державы Англію и Францію, которыя не желали усиленія Россіи на Востокѣ и рѣшили оберегать существованіе Турецкой имперіи. Онѣ не только требовали отъ Порты закрытія проливовъ для русскихъ военныхъ судовъ, но и домогались права вводить въ Черное море свои эскадры. Торжество началъ Священнаго союза при Николаѣ I, поставившаго своей цѣлью поддержаніе порядка въ Европѣ въ единеніи съ Австріей и Пруссіей, фатальнымъ образомъ привело Россію къ признанію права Европы вмѣшиваться въ русско-турецкія отношенія, а лондонскимъ договоромъ 1841 года—допустить рѣшающую роль европейскаго концерта въ вопросѣ о проливахъ. По этому договору проливы признаны были закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ націй, но Турціи фактически предоставлена была возможность вводить туда флоты своихъ союзниковъ. Всю невыгоду для себя такого договора, ограждавшаго безопасность южныхъ предѣловъ Россіи только въ мирное время и дававшего грозное оружіе въ руки ея враговъ, русское правительство испытало въ Крымскую войну 1853—1856 гг., закончившуюся паденіемъ Севастополя и господствомъ на Черномъ морѣ англо-французскаго флота. Тогда только оно убѣдилось, что закрытіе Чернаго моря для военныхъ судовъ всѣхъ націй, провозглашенное лондонскимъ договоромъ, является

при желаніи Турціи фyxкціей именно въ военное время, т.-е. тогда, когда оно единственно имѣеть смыслъ и значеніе, и что слабая Турція, подверженная вліянію той или другой европейской державы, является плохимъ стражемъ проливовъ и безопасности южныхъ областей Россіи, прилегающихъ къ Черному морю, отъ нападенія вражескихъ флотовъ. Парижскій миръ 1856 г., послѣдовавшій за Крымской кампаніей, утвердилъ это положеніе вещей, и такъ какъ Россія продолжала и при Александрѣ II базировать свою политику на соглашеніи съ Германіей и Австріей, уже не скрывавшихъ своихъ вождедѣній на Ближній Востокъ, то даже блестящіе успѣхи русскихъ войскъ въ русско-турецкую войну 1877—1878 года отнюдь не содѣйствовали разрѣшенію восточнаго вопроса въ пользу Россіи. Активную роль въ защитѣ принципа закрытія проливовъ взяла тогда на себя Англія, при явномъ содѣйствіи германскихъ державъ, «союзницъ» Россіи, прикрывая свои дѣйствія ссылкой на необходимость обезпечить безопасность Суэцкаго канала отъ нападенія русскаго флота. На Берлинскомъ конгрессѣ 1878 г., на которомъ предсѣдательствовалъ «другъ» Россіи, германскій канцлеръ, князь Бисмаркъ, интересы Россіи въ вопросѣ о проливахъ были принесены въ жертву европейскому концерту при явномъ злорадствѣ ея германскихъ союзницъ; тогда же, какъ прежде, въ Крымскую войну, русское правительство ясно сознало, кому оно обязано своимъ дипломатическимъ пораженіемъ.

Даже извѣстный другъ князя Бисмарка, русскій посоль въ Лондонѣ графъ П. А. Шуваловъ, представитель Россіи на Берлинскомъ конгрессѣ, долженъ былъ сознаться, что германскіе дипломаты мало помогали ему на конгрессѣ: «Вы спросите меня,— писалъ онъ въ Петербургъ изъ Берлина въ то время,—спросите, почему же мы до сей поры не достигаемъ лучшихъ результатовъ при всеильномъ содѣйствіи Бисмарка? Это объясняется тѣмъ, что намъ систематически противодѣйствуютъ Англія и Австрія... Бисмаркъ, который преимущественно (sic) озабоченъ тѣмъ, чтобы устранить столкновенія и довести конгрессъ до конца, принужденъ лавировать между тремя державами и не всегда проявляетъ достаточно настойчивости въ своемъ благорасположеніи къ намъ». Такъ писалъ въ Петербургъ одинъ изъ тѣхъ одураченныхъ русскихъ дипломатовъ, которымъ самъ Бисмаркъ въ минуту откровенности далъ кличку «*die dumme Kerle*», и князь Горчаковъ справедливо отозвался, что князь Бисмаркъ держался на конгрессѣ положенія, совершенно не соотвѣтствовавшаго тому, котораго въ 1871 году держалась по отношенію къ Германіи Россія. «Въ виду этого,— писалъ князь Горчаковъ императору Александру II,—я выношу изъ конгресса то впечатлѣніе, что рассчитывать на соглашеніе трехъ императоровъ будетъ одинъ только самообманъ (*compter davantage sur l'entente de trois empereurs sera une illusion*)». Въ этомъ мѣстѣ

письма князя Горчакова императоръ Александръ отмѣтилъ: «c'est aussi mon opinion». «Думаю,—заключалъ князь Горчаковъ: — что послѣ плохого сего мира намъ придется возвратиться къ прежней поговоркѣ 1856 года: Россія должна сосредоточиться въ самой себѣ» (En conclusion, Sire, que nous aurons à revenir cette paix boiteuse conclue, à l'adage de 1856 la Russie aura à se recueillir). Князь Горчаковъ пришелъ къ этому заключенію, впрочемъ, довольно поздно, потому что Германія уже извлекла въ это время изъ соглашенія императоровъ все, что ей было нужно, не давъ Россіи ничего. Россіи слѣдовало, притомъ, построить свою политику на другихъ началахъ, чѣмъ прежде, а не только «сосредоточиваться въ самой себѣ». Очевидно, что и для князя Горчакова опытъ Крымской войны прошелъ совершенно даромъ, какъ ни старался воздѣйствовать на него талантливый графъ Н. П. Игнатъевъ, котораго «Записки» печатаются теперь въ нашемъ журналѣ.

Итакъ, русская дипломатія проиграла и въ 1878 году результаты побѣдоносной войны съ турками, добытые кровью русскихъ чудобогатырей. Россія уступила на Берлинскомъ конгрессѣ давленію своихъ враговъ и коварныхъ друзей, еще ранѣе воздержавшись занять силою оружія Босфоръ и Дарданеллы. Императоръ Александръ II не сдержалъ даннаго имъ себѣ обѣщанія послѣ подписанія мира 1856 года: «c'était une lâcheté et certes je ne la ferai plus». Направить русскую политику по новому руслу суждено было императору Александру III и его вѣнценосному Сыну, осуществляющему пынѣ завѣты Петра Великаго и Екатерины II, императору Николаю Второму. Въ Россіи спали цѣпи дружбы съ коварной Германіей, и плоды вѣковой враждебной Россіи политики Гогенцоллерновъ привели насъ, по неумолимой логикѣ исторіи, къ борьбѣ съ германизмомъ въ союзѣ съ недавними нашими «врагами» Франціей и Англійей. Благодареніе Богу, Германія не дала намъ «сосредоточиться въ самихъ себѣ», а, убѣжденная въ нашей слабости, рѣшила сама снять маску и вызвать насъ на смертный бой.

Рука объ руку, въ полномъ единеніи съ нами, вступили въ борьбу съ Германіей и Австріей и наши союзники, Франція и Англія, и успѣхъ сопутствуетъ нашему оружію. Германія и Австрія уже должны проститься съ надеждой на конечную побѣду. Уже «нейтральныя державы», ждущія исхода борьбы гигантовъ, чтобы урвать у побѣжденныхъ кусокъ добычи, явно склоняются на сторону тройственнаго согласія, уже поднимается вопросъ о возможныхъ условіяхъ мира... Чего же должна желать себѣ Россія въ вознагражденіе за всѣ принесенныя ею жертвы въ борьбѣ съ обнаглѣвшей Германіей?

Еще въ прошломъ году, до объявленія войны Россіи Турціей, мы писали о необходимости для Россіи гарантировать себѣ и Европѣ прочный миръ пріобрѣтеніемъ для себя проливовъ Босфора и Дар-

данелль, хотя бы путем мирнаго соглашенія Россіи съ Турціей. Мы писали, что слабая Турція всегда будетъ орудіемъ враговъ Россіи и что, не владѣя проливами, ключами отъ собственнаго дома, допуская возможность нападенія на наши южныя области со стороны Чернаго моря, Россія вынуждена будетъ вѣчно быть во всеоружіи, пока не добьется этихъ ключей, обеспечивающихъ ей постоянную мирную работу, домашнее спокойствіе. Этому историческому стремленію великой державы не могли помѣшать проявляться въ дѣйствиіи ни ея враги, ни ея собственныя ошибки. Кто бы ни владѣлъ Константинополемъ, или Царьградомъ, и Дарданеллами, тотъ будетъ естественнымъ врагомъ Россіи, имѣющимъ противъ нея камень за пазухой, ибо кто будетъ вѣрять теперь въ истасканные термины «вольнаго города» или призрачной «международной гарантіи»? Россія слишкомъ могущественная держава, чтобы съ ней могли безнаказанно шутить такія шутки, и за эти шутки пришлось бы кому-либо, рано или поздно, расплачиваться не дешево.

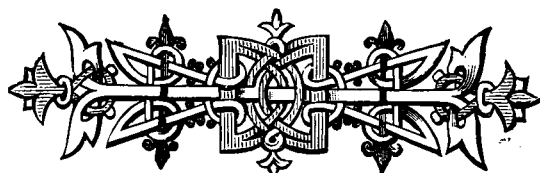
Но Турція не захотѣла мирнаго соглашенія съ Россіей: до конца своей исторіи предпочитаетъ она остаться орудіемъ ея враговъ. Побуждаемая Германіей, она безъ объявленія войны бомбардировала черноморскіе русскіе города орудіями быстроходныхъ германскихъ крейсеровъ, свела на пѣть всю нашу черноморскую торговлю, которою живетъ весь югъ Россіи, короче сказать, демонстративно доказала еще разъ, что Черное море, по выраженію одного изъ ярыхъ враговъ Россіи, «есть самое уязвимое ея мѣсто» и *vice versa* необходимость для нея владѣть проливами. Кромѣ борьбы съ Германіей, на плечи русскаго народа пала тяжесть, надо думать, послѣдней борьбы его съ Турціей и результатомъ ея должно быть разрѣшеніе вѣкового вопроса о проливахъ. Было бы невозможно допустить, чтобы и на этотъ разъ русская дипломатія оказалась ниже поставленныхъ ей задачъ, невозможно уже потому, что безъ овладѣнія Константинополемъ и проливами всѣ пріобрѣтенія Россіи, даже Галиція, свелись бы къ нулю, и такой миръ для русскаго народа былъ бы горше и Парижскаго мира и Берлинскаго конгресса. Въ этомъ требованіи, въ этомъ повелительномъ желаніи обезпечить себѣ спокойное будущее,—сходятся всѣ слои русскаго народа, и благо тому правительству, которое пойдетъ навстрѣчу этому народному требованію, зная, что русскій народъ не остановится на предѣ какихъ новыми жертвами для его удовлетворенія въ полномъ его объемѣ.

Мы не касаемся здѣсь мистическихъ и религіозныхъ чаяній русскаго народа, связанныхъ съ идеей о Царьградѣ, хотя и они должны имѣть надлежащій вѣсъ для православныхъ представителей православнаго народа въ ихъ соглашеніяхъ съ нашими союзниками... Пусть наши дипломаты проникнутся мыслью, что война должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока Россія не получитъ въ

свое обладаніе Босфора и Дарданелль, и что этого должны желать и наши доблестные союзники, если и они хотятъ прочнаго мира и длительного единенія съ великой славянскою державою. Обладаніе проливами есть для Россіи условіе sine qua non для избѣжанія въ будущемъ внѣшнихъ и внутреннихъ потрясеній... Да проникнутся они памятью о Крымской кампаніи и Берлинскомъ конгрессѣ.

Общественное мнѣніе Франціи и Англіи уже высказалось въ смыслѣ удовлетворенія желаній Россіи относительно проливовъ. Флоты союзниковъ уже форсируютъ Дарданеллы и, быть можетъ, Царьградъ будетъ скоро занятъ христіанскими, въ томъ числѣ и русскими войсками. Возможно, что нѣкоторыя «нейтральныя державы», напримѣръ, Италія, Румынія, Греція, пожелаютъ примазаться къ дѣлежу добычи, завоеванной на Босфорѣ союзными войсками, двигая въ подкрѣпленіе своихъ притязаній свои «готовыя» войска и рассылая по свѣту телеграммы и нитервью. Великодержавнымъ союзникамъ пора сказать этой стаѣ нейтральныхъ орловъ извѣстнаго зоологическаго вида: «клювы прочь!» Орлы эти не могутъ разсчитывать, что ихъ допустятъ къ участию въ рѣшеніяхъ союзниковъ, принесшихъ безчисленныя жертвы въ величайшей борьбѣ народовъ, какую только знаетъ исторія, и эти рѣшенія менѣе всего могутъ основываться на алчныхъ возжеланіяхъ «нейтральныхъ государствъ». Кому не ясно, что эти «нейтральныя державы» собираются жать тамъ, гдѣ онѣ не сѣяли, единственно въ надеждѣ на благодушіе побѣдителей.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛЮГРАФІЯ.

**Константинъ Карловичъ Гротъ, какъ государственный и общественный дѣя-
тель. (12-го января 1815—30-го октября 1897 г.). Матеріалы для его біографіи
и характеристики. Къ столѣтію со дня его рожденія. Изданіе попечительства
императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ. Петр. 1915. Томъ I. Стр. 446+
84. Томъ II—Стр. 482.**

ЛІЯ составленія полной біографіи К. К. Грота не настало время,—
говорить въ своемъ предисловіи къ первому тому статсъ-секре-
тарь А. С. Ермоловъ. Слишкомъ остро еще чувствуются нѣкоторыя
событія, въ которыхъ ему довелось быть дѣйствующимъ лицомъ.
Остается ограничиться лишь собираніемъ матеріаловъ для его
біографіи, а именно—воспоминаній, писемъ, замѣтокъ и т. п. Съ
этою цѣлью при совѣтѣ попечительства о слѣпыхъ, основаннаго
К. К. Гротомъ, была образована особая комиссія въ составѣ
графа В. Н. Коковцова, А. Θ. Кони, О. К. Адеркаса, Я. Н. Ко-
лубовскаго и родственниковъ покойнаго. Собранный комиссіей
обширный матеріалъ проредактированъ и изданъ К. Я. Гротомъ
и Я. Н. Колубовскимъ.

На 446 страницахъ перваго тома мы видимъ прежде всего авто-
біографическія записки самого К. К. Грота и затѣмъ восемь отдѣльныхъ очер-
ковъ различныхъ авторовъ объ его разносторонней государственной и обществен-
ной дѣятельности въ хронологическомъ порядкѣ. При подобнаго рода работъ,
конечно, неизбѣжны повторенія не только характеристикъ, но и фактовъ, тѣмъ
не менѣе читается этотъ томъ съ не ослабѣвающимъ интересомъ, и далеко не-
заурядная личность К. К.—ча получаетъ яркое и полное освѣщеніе. Внукъ па-
стора, уроженца Голштиніи, младшій братъ академика, К. К. былъ лицеемъ
по образованію. По окончаніи лица въ 1835 году, онъ поступилъ на службу
въ придворное вѣдомство, но пробылъ тамъ недолго, перешелъ затѣмъ въ вѣ-

домство министерства государственныхъ имуществъ и служилъ въ Прибалтійскомъ краѣ. Эти годы онъ былъ близокъ къ П. А. Плетневу, встрѣчалъ въ его домѣ самый радушный пріемъ и всякаго рода участіе и содѣйствіе по службѣ. Плетневу К. К.—чѣ былъ обязанъ переводомъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, гдѣ ему было предоставлено живое дѣло ревизій, связанное со всевозможными командировками, что въ значительной степени обогатило его личный опытъ и приучило къ самостоятельности работы. Онъ получилъ возможность знакомиться съ крестьянскимъ и помѣщичьимъ бытомъ, съ дореформенными порядками, и такіе разъѣзды по провинціальнымъ захолустьямъ рядомъ съ посѣщеніемъ губернскихъ центровъ, продолжавшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, были для него прекрасной служебной школой (стр. 54). Въ 1848 году онъ устраивается болѣе осѣдло въ столицѣ, работаетъ вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и дѣлается какъ бы правою его рукой во всѣхъ предпринятыхъ имъ преобразованіяхъ въ городскомъ управленіи. Въ 1853 году—38 лѣтъ отъ роду—онъ былъ назначенъ самарскимъ губернаторомъ. Полный энергіи и опыта, онъ принялся за самостоятельную административно-реорганизаторскую работу. Самарская губернія была образована только въ 1851 году. По своимъ внутреннимъ условіямъ, по чрезвычайной пестротѣ своего преимущественно инородческаго населенія и бытовымъ особенностямъ, она представляла своеобразную и нелегкую для управленія административную величину. Гроту суждено было стать въ своей губерніи какъ бы провозвѣстникомъ новой эпохи, передовымъ государственнымъ дѣятелемъ совершенно новаго типа въ области губернскаго гражданскаго управленія... и сыграть роль дѣятельнѣйшаго подготовителя и виднаго участника въ предпринятыхъ государственныхъ реформахъ, равно какъ и настойчиваго проводника началъ законности и права въ сферѣ управленія ввѣреннымъ ему краемъ (стр. 92).

Замѣчательны результаты, достигнутые К. К.—чемъ въ дѣлѣ благоустройства гор. Самары, превращеннаго имъ въ одинъ изъ самыхъ цвѣтущихъ и благоустроенныхъ городовъ Поволжья.

Съ 1861 года по 1869 годъ Гротъ стоялъ во главѣ акцизной реформы. 1-го января 1861 года состоялось назначеніе его на должность директора департамента податей и сборовъ (впослѣдствіи неокладныхъ сборовъ). Здѣсь онъ выдержалъ колоссальную борьбу не только съ откупщиками, но и съ представителями высшей администраціи (стр. 156). Гротъ сумѣлъ создать кадръ выдающихся работниковъ новаго акцизнаго вѣдомства. Кто не хочетъ работать—не можетъ состоять на службѣ, вотъ принципъ, проводимый Гротомъ въ качествѣ начальника. За время восьмилѣтняго управленія К. К.—ча неокладными сборами имъ собрано 1.300 милліоновъ рублей дохода, излишне полученнаго противъ суммъ, какія могли быть собраны при откупной системѣ (стр. 204).

5-го октября 1870 года К. К. былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Здѣсь онъ былъ призванъ къ участію въ трудахъ особаго присутствія для разсмотрѣнія представленныхъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ Д. А. Толстымъ проектовъ народнаго образованія и былъ противникомъ классицизма (стр. 215).

28-го февраля 1877 года подъ предсѣдательствомъ Грота учреждена была

при Государственном Совѣтѣ особая комиссія для разсмотрѣнія вопроса о преобразованіяхъ тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго раздѣла уложенія о наказаніяхъ. Слѣдствіемъ трудовъ комиссіи было учрежденное въ 1879 году въ вѣдомствѣ министерства внутреннихъ дѣлъ главное тюремное управленіе.

Съ 22-го мая 1882 г. по сентябрь 1884 г. Гротъ былъ главноуправляющимъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріей по учрежденіямъ императрицы Маріи. Эта его дѣятельность не ввела новыхъ ла врѣвъ въ вѣнокъ его.

Заключительная глава перваго тома посвящена дѣятельности Грота на пользу слѣпыхъ. Здѣсь онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова Колумбомъ. Громадныя его заслуги на этомъ поприщѣ, которая общественный судъ готовъ признать, «быть можетъ, лучшимъ дѣломъ его многополезной жизни», уже нашли свою оцѣнку въ сооруженіи ему памятника въ Петроградѣ, противъ его дѣтища Александро-Маріинскаго училища слѣпыхъ, заботами и на средства основаннаго имъ попечительства императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ (стр. 349). Преклонные годы не гасили силы духа, и буквально до послѣдняго вздоха онъ отдавалъ свои силы этому великому дѣлу. Все, что сдѣлано было попечительствомъ на пользу слѣпыхъ: школы, глазные отряды, ремесленныя занятія, приспособленія къ трудовой жизни, улучшеніе врачебной помощи—сдѣлано имъ. Здѣсь работа его по истинѣ безсмертна.

Всѣ очерки и статьи сборника даютъ обильный и поучительный матеріалъ для живой характеристики его нравственной личности, для возсозданія его духовнаго образа, который внушалъ такое глубокое уваженіе и сочувствіе современникамъ и предъ которымъ съ вѣчною признательностью преклонится потомство (стр. 444).

Естественнымъ является тотъ культъ къ имени К. К—ча, съ которымъ составлялись эти сборники. Но это послѣднее обстоятельство побудило составителей помѣстить много такого матеріала, который не только ничего не даетъ для имени К. К—ча, но и является совершенно излишнимъ балластомъ. Если его выбросить, второй томъ легко сократится на половину. Помѣщая самыя мелкія замѣтки, письма, резолюціи и распоряженія Грота, составители сборника въ каждомъ отдѣльномъ, особо пронумерованномъ, порядкѣ отмѣчаютъ: «Записочка простымъ карандашомъ на четвертушкѣ бѣлой бумаги», или «анилиновымъ карандашомъ», «цветнымъ карандашомъ», «чернилами» на «четвертушкѣ—*писчей* (!) бумаги,—*строй* бумаги, *голуб оватой* бумаги, на *почтовомъ листѣ малаго формата*, на *блокнотѣ*» и т. д. и т. д. (см. стр. 336, 340, 341, 343, 385) О чемъ же говорится въ этихъ такъ тщательно отмѣченныхъ записочкахъ?—«Купить полфунта чаю и пять фунтовъ сахару и сдать Круглову» (стр. 357, д. 400), «мною выдано этому слѣпцу 6 р., которые прошу мнѣ возвратить» (стр. 330, 365 и др.). То же и о письмахъ: «сообщите имя и отчество NN» (стр. 186),—«прошу васъ пожаловать ко мнѣ и принести дѣло N» (стр. 387). Наконецъ, письма совершенно частнаго характера изъ-за границы—О. К. Адеркасу, съ просьбой заказать у портного N новыя панталоны съ галуномъ къ такому-то сроку (стр. 192), или—Я. Н. Колубовскому—съ просьбой получить съ желѣзной дороги корзину съ высланными изъ-за границы тремя старыми

пальто (товарной посылкой, безъ оплаты пошлиной) (стр. 221). Если ожидаемый выпускъ третьяго тома матеріаловъ окажется наполненнымъ такими же реликвіями, онъ, конечно, не внесетъ ничего новаго къ первому тому сборника.

Оба тома изданы съ необычайною тщательностью, имѣютъ алфавитные указатели именъ и нѣсколько портретовъ К. К. Грота въ разные періоды его жизни. Счастливъ Гротъ въ лицѣ продолжателей его дѣла, благоговѣнно чтущихъ память этого друга слѣбныхъ.

Н. Г. Р.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1914 годъ. Книга четвертая. Двѣсти пятьдесятъ первая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. Москва. 1914. Цѣна 3 р. Стр. I—VIII—1—811.

Содержаніе книги: «Архивъ московской синодальной конторы.—Матеріалы по Москвѣ и московской епархіи за XVIII вѣкъ.—Трудъ дѣйствительнаго члена протоіерея Н. А. Скворцова. Выпускъ второй». Матеріалы, вошедшіе сюда, хотя и служатъ отчасти дополненіемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ перваго выпуска, но въ большинствѣ касаются совершенно другихъ сторонъ жизни московской епархіи въ XVIII вѣкѣ: катихизаціи и проповѣдничества, порядковъ богослуженія, крестныхъ ходовъ, иконописнаго, гравюрнаго, фишифтиннаго, архитектурнаго и золотарнаго дѣла и т. п. Здѣсь открываются любопытныя подробности относительно первыхъ шаговъ катихизаторской и проповѣднической дѣятельности московскаго духовенства XVIII вѣка. Соборяне, занимавшіеся катихизаціею освобождались отъ череднаго священнослуженія. Насколько трудно было духовенству, по неспособности и просто по неподготовленности (многіе изъ нихъ «въ школьномъ ученіи не обращались», показываютъ слѣдующіе факты. Архимандритъ Донскаго монастыря Іоаннъ Козловичъ по его просьбѣ уволенъ 18-го іюня 1748 года до сентября отъ присутствованія въ конторѣ святѣйшаго синода «для приуготовленія къ проповѣди». Священникъ Георгій Неруновичъ отказался 25-го октября 1759 года отъ приготовленія къ проповѣди на 24-е ноября, между прочимъ, за краткостью времени; игуменъ Иринархъ «отъ сильной стрѣльбы въ головѣ» не могъ выучить проповѣдь наизусть, почему и уволенъ отъ ея произнесенія. Ключарь Архангельскаго собора Іоаннъ Потаповъ отказался отъ приготовленія проповѣди «за худымъ очесъ зрѣніемъ, а особливо отъ частыхъ главы болѣзней», отчего приходилъ въ безпамятство, а нанять (?) вмѣсто себя другого, какъ предлагала ему синодальная контора, не могъ за неимѣніемъ средствъ. Съ другой стороны слѣдуетъ отмѣтить одинъ необыкновенный случай изъ проповѣднической практики московскаго духовенства. Архимандритъ Симонова монастыря Амвросій 29-го іюня 1774 года произносилъ проповѣдь въ Успенскомъ соборѣ «съ необыкновеннымъ крикомъ и страннымъ дѣйствіемъ», чѣмъ вывелъ изъ терпѣнія присутствовавшихъ, такъ что московскій главнокомандующій князь М. Н. Волконскій просилъ впредь не назначать его къ сказыванію проповѣдей въ высокаторжественные дни. Проповѣднику не дали даже окончить, проповѣдь была прервана. Неудачный витія пожаловался синоду на епископа крутицкаго

Самуила, прервавшего проповѣдь «по причинѣ якобы оная долго сказывана». Но преосвященный Амвросій и суздальскій епископъ Геннадій объяснили все дѣло нѣсколько иначе, совсѣмъ не въ пользу оскорбленнаго оратора. По ихъ словамъ, когда архимандритъ началъ говорить «худо сложенную и при томъ о матеріи непонятной, весьма пространной и совсѣмъ таковому высокотоужественному дню не соотвѣтствующей, проповѣдь, которую сказываніемъ и продолжилъ уже болѣе часа, съ необыкновеннымъ крикомъ и страннымъ дѣйствіемъ, то ихъ преосвященства (Самуиль крутицкій и Геннадій суздальскій), обще примѣтивъ, что тѣмъ главнокомандующій въ здѣшнемъ городѣ его сіятельство генералъ-аншефъ, сенаторъ и кавалеръ князь Михайло Никитичъ Волконскій, такожъ господа сенаторы и прочія, бывшія въ числѣ слушателей, знатнѣйшія свѣтскія персоны приведены въ такое неудовольствіе, скуку и отвращеніе отъ слушанія оной, что нѣкоторые изъ нихъ, вышедъ изъ терпѣнія, стали было сходить съ мѣсть своихъ, посылали къ нему, архимандриту, двократно синодальнаго иподіакона пристойнымъ образомъ съ тѣмъ, чтобы онъ ту свою проповѣдь, какъ возможно, сократя, окончилъ; однако архимандритъ не токмо онаго приказанія не исполнилъ, но посланнаго въ другой разъ иподіакона съ презрѣніемъ отъ себя оттолкнулъ». Обождавъ напрасно еще съ четверть часа, епископы, «къ отвращенію происшедшаго въ слушателяхъ крайняго неудовольствія и роптанія», и приказали пѣть на клиросѣ «буди имя Господне благословенно»—и такимъ образомъ прервать неоконченную проповѣдь. Вообще, въ книгѣ, на ряду съ документами незначительнаго историческаго интереса, не мало есть и очень любопытныхъ; между прочимъ, здѣсь встрѣчаются описанія старинныхъ иконъ и церковныхъ картинъ. Поэтому появленіе въ печати почтеннаго труда протоіерея Скворцова можно только привѣтствовать.

Въ концѣ книги помѣщенъ обстоятельный указатель именъ и названій мѣсть, какъ къ этому выпуску, такъ и къ первому.

Rustic.

И. Ф. Павловскій. Полтавцы іерархи, государственные и общественные дѣятели и благотворители. Опытъ краткаго біографическаго словаря Полтавской губерніи (sic!) съ половины XVIII вѣка. Съ 182 портретами. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1914. Стр. XVI+294 Ц. 1 р. 50 к.

Дѣятельность губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій отмѣчена уже длиннымъ рядомъ полезнѣйшихъ изданій, посвященныхъ изслѣдованію специальныхъ вопросовъ мѣстной исторіи; среди этихъ вопросовъ областного интереса біографическіе словари мѣстныхъ дѣятелей давно уже стали излюбленною темою для работъ провинціальнаго изслѣдователя, и словари уроженцевъ и дѣятелей Владимирской (А. В. Смирнова), Рязанской (Г. Добролюбова подъ редакціей С. Д. Яхонтова), Саратовской (С. Д. Соколова), Вологодской (П. А. Дилакторскаго) и другихъ губерній уже давно вошли въ научный оборотъ. И. Ф. Павловскій, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ полтавской ученой архивной комиссіи, задался цѣлью собрать свѣдѣнія о дѣятеляхъ родной ему

губерніи,—и въ 1912 году издалъ «Краткій біографическій словарь ученыхъ и писателей Полтавской губерніи съ половины XVIII вѣка», включивъ въ него, вмѣстѣ съ «Первымъ дополненіемъ» къ нему, свыше четырехъ съ половиною сотенъ біографическихъ очерковъ и замѣтокъ. Въ настоящемъ, новомъ изданіи, заглавіе котораго выписано выше, г. Павловскій сдѣлалъ попытку дополнить обследованный имъ кругъ мѣстныхъ полтавскихъ дѣятелей составленіемъ словаря полтавцевъ іерарховъ, государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и благотворителей; такимъ образомъ въ настоящую книгу вошли очерки жизни и дѣятельности полтавскихъ епископовъ и ихъ викаріевъ, малороссійскихъ генераль-губернаторовъ, полтавскихъ губернаторовъ и вице-губернаторовъ, членовъ Государственной Думы, губернскихъ предводителей, полтавскихъ городскихъ головъ, предсѣдателей губернской земской управы и т. д., причѣмъ изъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей и благотворителей внесены въ словарь только наиболѣе выдающіеся уроженцы Полтавской губерніи и лица, происходящіе отъ того или иного сословія этой губерніи, или оставившіе по себѣ добрую память дѣятели, проведеншіе въ предѣлахъ Полтавщины «немалое число лѣтъ, гдѣ и посвятили свою дѣятельность на пользу общества»,—будь то губернаторы, ревнители просвѣщенія, жертвователи на дѣла благотворенія, военные, отличившіеся храбростію или убитые въ войнахъ, и т. п.

Авторъ, указывая на трудность поставленной имъ себѣ задачи, въ которой къ тому же онъ не имѣетъ предшественниковъ, самъ сознаетъ, что работа его не лишена неизбежныхъ пробѣловъ, а потому, съ этой стороны, и не можетъ подлежать упреку; но мы не можемъ не высказать досады по поводу нѣкоторой какъ бы торопливости его работы, вслѣдствіе которой свѣдѣнія объ иныхъ лицахъ иногда ограничиваются лишь простымъ упоминаніемъ ихъ имени съ двумя-тремя датами (напр., стр. 46, 49, 51, 54, 63, 66, 69, 71 и т. д.); а между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, что нѣкоторыя изъ этихъ лицъ заслуживали бы большаго вниманія, хотя бы по продолжительности ихъ дѣятельности въ Полтавщинѣ (напр., губернаторы Тутолминъ и Мартыновъ, управлявшіе губерніею первый 15 лѣтъ, а второй—11); свѣдѣнія о ихъ службѣ легко могли бы найтись въ мѣстныхъ архивахъ, и кому же, какъ не мѣстному изслѣдователю, надлежало заняться ихъ разысканіемъ; нѣкоторыя данныя не отличаются безусловно необходимою въ подобныхъ изданіяхъ точностію (напр., не указаны имена многихъ администраторовъ, легко установимыя по архивамъ; не сообщены существенныя даты), есть опечатки (напр., Мандрыха вм. Мандрыка—стр. 63; Броуншвейгъ вм. Брауншвейгъ—стр. 66), есть и ошибки (напр., архіеп. Амвросій названъ членомъ академіи наукъ, каковымъ онъ никогда не былъ, будучи лишь членомъ россійской академіи) и неточности, особенно досадныя въ изданіи, исполненномъ съ несомнѣнною и большою любовью. Во всякомъ случаѣ трудъ И. Ф. Павловскаго даетъ большое количество полезнаго справочнаго матеріала и вводитъ въ общее пользованіе много новыхъ данныхъ,—между прочимъ по части иконографической: многіе портреты мѣстныхъ дѣятелей, добытые, конечно, съ немалыми трудами, появляются въ печати впервые. Все это даетъ автору право на признательность за его большой и безкорыстный трудъ на пользу мѣстной исторіографіи.

В. Модзалевскій.

**Извѣстія таврической ученой архивной комиссіи (годъ двадцать шестой). № 50.
Подъ редакціей предсѣдателя комиссіи Арс. Ив. Маркевича. Симферополь. 1914.
Стр. II+316+II. Съ 4 табл. рис. Цѣна не обозначена.**

Въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій» таврической архивной комиссіи содержится нѣсколько важныхъ статей по изслѣдованію исторіи Крыма и отношеній его къ Россіи. Такъ, А. А. Сергѣевъ опубликовалъ не изданные доселѣ документы московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, касающіеся посольства въ Крымъ Лодыженскаго и Данилова (въ 1613 году), которымъ поручено было побудить хана Джанбекъ-Гирея къ борьбѣ съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ. И. М. Савеловъ издалъ также архивный документъ (московскаго отдѣла общаго архива министерства императорскаго двора), содержащій любопытный перечень наградъ отъ царицы Софіи ея любимцу князю В. В. Голицыну и его сподвижникамъ за неудачные походы въ Крымъ. Князю пожалованъ былъ «кафтанъ золотной на соболяхъ ценою въ пять сотъ рублей, кубокъ съ кровлею серебрянъ золоченъ вѣсомъ въ десять фунтовъ». Мѣстный ученый Л. П. Колли напечаталъ обширное изслѣдованіе, на основаніи генуэзскихъ источниковъ, о личности и дѣяніяхъ хана Хаджи-Гирея, считающагося родоначальникомъ властвовавшей долгое время въ Крыму династіи. Статья г. Колли вноситъ существенныя дополненія къ трудамъ такихъ ученыхъ, какъ Гаммеръ-Пургиталъ, В. В. Вельяминовъ-Зерновъ и В. Д. Смирновъ. Последній изъ названныхъ изслѣдователей далъ въ настоящемъ выпускѣ «Извѣстій» комиссіи переводъ ряда льготныхъ грамотъ крымскихъ хановъ съ освобожденіемъ тѣхъ лицъ, кому онѣ пожалованы, отъ разныхъ налоговъ и повинностей и предпослалъ этому переводу цѣнное разъясненіе этихъ любопытныхъ документовъ. Приватъ-доцентъ А. Н. Самойловичъ знакомитъ читателей «Извѣстій» съ личностью одного изъ жителей Бахчисарая, недавно умершимъ Хабибуллою Керемомъ, который вель съ 1901 года интересный дневникъ мѣстныхъ событій и погоды и, кромѣ того, писалъ содержательные стихи; нѣкоторые изъ нихъ приведены въ прозаическомъ переводѣ. Профессоръ И. А. Линниченко сообщилъ найденный имъ въ журналѣ «Mercure de France» любопытный отрывокъ, касающійся таврическаго губернатора Андрея Михайловича Бороздина. Къ статьѣ приложенъ портретъ Бороздина. Наконецъ, извѣстный знатокъ старины нашего юга Б. В. Фармаковскій убѣдительно доказываетъ, вопреки мнѣнію хранителя Императорскаго Эрмитажа Е. М. Придика, что предметы древности изъ кургановъ Карагодеуашъ и Чертомлыцкаго должны быть отнесены ко II вѣку до Рождества Христова, а не къ IV—III столѣтіямъ. Содержательная работа г. Фармаковскаго украшена тремя фототипическими таблицами, превосходно исполненными товариществомъ С. М. Прокудинъ-Горскій и компанія въ Петербургѣ.

А. М.—нѣ.

Смоленская Старина. Выпускъ третій, часть первая. Подъ редакціей Н. Рѣдкова. Изданіе смоленской ученой архивной комиссіи. Смоленскъ. 1914. Стр. III+164. Цѣна не обозначена.

Открывается сборникъ некрологическою замѣткою В. Грачева объ одномъ изъ скромныхъ любителей-историковъ Мих. Вас. Аксеновъ, скончавшемся въ 1912 году. Покойный былъ директоромъ дорогобужской Алексѣевской прогимназии и не мало потрудился надъ изученіемъ по первоисточникамъ исторіи смоленскаго просвѣщенія. Его перу принадлежатъ: «Историческая записка о смоленской губернской гимназии» въ двухъ частяхъ, съ 1786 года до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія, историческая замѣтка о смоленскомъ кадетскомъ корпусѣ (1805—1812 гг.), «Очерки изъ исторіи народнаго просвѣщенія въ Смоленскомъ краѣ съ древнѣйшихъ временъ до начала XIX столѣтія», біографіи выдающихся смоленскихъ дѣятелей—сенатора М. М. Карніолинъ-Пинскаго, педагоговъ Л. О. Людоговскаго и П. Д. Шестакова, извѣстнаго смоленскаго исторіографа И. И. Орловскаго и др. Кромѣ того, М. В. Аксеновъ не мало напечаталъ статей литературныхъ и историческихъ въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Центральное мѣсто въ «Смоленской Старинѣ» занимаетъ работа г. Г. Бугославскаго подъ заглавіемъ: «Смоленская земля въ литовскій періодъ (1404—1514 гг.)». Названный періодъ исторіи Смоленской земли только намѣченъ въ трудахъ мѣстныхъ историковъ Мурзакевича, Никитина, Писарева, такъ какъ не были достаточно разработаны и опубликованы разные историческіе акты, матеріалы и документы изъ разныхъ архивовъ, относящіеся къ исторіи Смоленскаго края. Благодаря трудамъ профессоровъ Любавскаго, Леонтовича и др., задача нѣсколько облегчилась, и г. Бугославскій въ своей работѣ дѣлаетъ сводку всѣхъ этихъ данныхъ и на основаніи ихъ даетъ довольно отчетливую картину Смоленской земли въ смыслѣ ея территоріи, политическаго устройства, органовъ ея управленія; сообщаются также свѣдѣнія о составѣ населенія и его сословномъ строѣ, о ихъ податяхъ и повинностяхъ и въ заключеніе приводится небольшой краткій очеркъ политической исторіи Смоленской земли въ литовскій періодъ.

Интересна статья г. Рѣдкова «Смоленскъ въ смутное время». Авторъ въ популярномъ сжатомъ видѣ повѣствуетъ о тяжелыхъ дняхъ, пережитыхъ Смоленскомъ въ теченіе двадцати съ половиною мѣсяцевъ, и выясняетъ историческое значеніе этой геройской защиты, которая много помогла спасенію Россіи отъ пораженія. Далѣе въ сборникѣ помѣщена замѣтка о генеалогіи Лыкошинныхъ, «родъ которыхъ,—говоритъ авторъ,—происходитъ отъ князей Лыковыхъ: изъ «Лыковъ сынъ» сдѣлали Лыкошинъ и такимъ образомъ произошла новая фамилія». Заканчивается «Смоленская Старина» замѣткою о книгѣ барона де-Вая, посвященной исторіи города Смоленска, которая не такъ давно вышла въ Парижѣ на французскомъ языкѣ.

Д. М.

Отчетъ императорскаго російскаго историческаго музея имени императора Александра III въ Москвѣ за 1913 годъ. М. 1914. Стр. 124.

На первыхъ страницахъ отчета читаемъ, что 2-го декабря 1913 года состоялось на Ваганьковомъ кладбищѣ освященіе памятника на могилѣ И. Е. Забѣлина. Наслѣдниками А. С. Суворина выражено было желаніе передать въ даръ музею богатѣйшую библіотеку покойнаго, заключающую въ себѣ свыше 20.000 томовъ.

Изъ отдѣла «Приобрѣтеніе памятниковъ» укажемъ на рисунки, знакомящіе съ любопытными находками древнихъ бронзовыхъ и глиняныхъ вещей, на даръ А. Д. Шумахера—«Е. В. Грановская—супруга Т. И. Грановскаго на смертномъ одрѣ», на «архивъ, принадлежащій С. К. Кузнецову, съ документами самаго разнообразнаго содержанія XVII—XIX вѣковъ, относящимися, по преимуществу, до исторіи Сибири».

Въ музеѣ занимались, между прочимъ, профессоръ стокгольмскаго университета Арне, румынскій археологъ Бальсъ, профессоръ дижонскаго университета Легре и т. д.

Въ «Приложеніи» къ отчету дана статья «Памяти Л. А. Каттаръ де-Бюнкуръ» (дѣйствительнаго члена музея). Сообщено о карточныхъ каталогахъ музея. Г. Городцовъ предложилъ обстоятельный очеркъ съ иллюстраціями «Смоленскій древній свѣтецъ». Для мало-мальски внимательнаго читателя изслѣдованіе это отражаетъ какую-то далекую, но отнюдь не «дикарскую» культуру. Лишнее освѣщеніе тягостныхъ переживаній Пушкина въ великосвѣтской гущѣ приноситъ статья г. Голубцовой «Письма графа В. А. Соллогуба къ А. С. Пушкину по поводу ихъ дуэли». Г. Петровскій помѣстилъ очеркъ съ двумя цинкографіями въ текстѣ: «Инкунабулы библіотеки императорскаго російскаго историческаго музея имени императора Александра III». «Библиографическія замѣтки» въ книгѣ принадлежатъ Н. П. Кашину. Онъ, пользуясь матеріалами историческаго музея, кое-что дополняетъ и уясняетъ на вѣчно-занятную тему «о Вольтерѣ въ русской литературѣ». Трудъ покойнаго Д. Д. Языкова по тому же вопросу г. Кашинъ не колеблется назвать «цѣнной работой».

А. Налимовъ.

Д. К. Зеленинъ. Описаніе рукописей ученаго архива императорскаго русскаго географическаго общества. Вып. первый. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. X+483.

Начатый г. Зеленинымъ трудъ даже при бѣгломъ ознакомленіи съ его содержаніемъ поражаетъ обиліемъ и разнообразіемъ данныхъ. Законченный, онъ будетъ настольной книгой каждаго, интересующагося этнографіей Россіи. Можно различно оцѣнивать достоинства различныхъ рукописей, хранящихся въ архивѣ русскаго географическаго общества и лишь отчасти описанныхъ въ первомъ томѣ, лежащемъ передъ нами. Но уже тотъ фактъ, что этотъ матеріалъ собирается съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія на пространствѣ всего нашего отечества, самъ по себѣ говоритъ о томъ, что г. Зеленинъ взялся за благодарную, хотя и нелегкую задачу—явить свѣту собранное поколѣніями бо-

гатство и сдѣлать его доступнымъ ученымъ. Архивъ, описываемый г. Зеленинымъ, составилъ изъ рукописей, въ разное время доставленныхъ въ общество его членами и посторонними лицами. Уже въ 1851 г. общество получило 700 рукописей; въ 1852 г.—1290, въ 1853 г.—612. Часть рукописей—печаталась, большинство—сдавалось въ архивъ. Часть ихъ была использована Далемъ (пословицы), Аванасьевымъ (сказки), Безоновымъ (духовные стихи), Худяковымъ (загадки), Майковымъ (заговоры). Но, несмотря на это, осталась масса матеріала, еще не использованнаго учеными, такъ какъ названные выше далеко не исчерпали всего, чѣмъ можно было воспользоваться.

Г. Зеленинъ описываетъ рукописи въ томъ порядкѣ, какъ онѣ хранятся въ архивѣ,—по алфавитному порядку губерній. Въ первый выпускъ вошли губерніи: Архангельская, Астраханская, Бессарабская, Виленская, Витебская, Владимирская, Гродненская, Донская обл. и Екатеринославская губ. Описавъ внѣшность рукописи, авторъ даетъ оглавленіе ко всему содержанію ея, причѣмъ изъ рукописей этнографическихъ извлекается по возможности все цѣнное: особенности языка, сюжеты сказокъ и детали ихъ, цѣлыя отрывки. Иногда конспективно излагается содержаніе рукописи съ извлеченіемъ характерныхъ ея особенностей.

Изъ труда г. Зеленина можно наглядно убѣдиться, какое сокровище хранилось десятки лѣтъ въ архивѣ. Здѣсь, кромѣ вышеизложенныхъ видовъ народного творчества, не менѣе цѣнныя записи легендъ и апокрифовъ, анекдотовъ, виршъ и псалмъ, проникавшихъ въ народную среду и оставшихся тамъ, когда высшіе классы образованнаго общества, усвоивъ европейское образованіе, создали новую поэзію. Кромѣ того, въ рукописяхъ архива много матеріаловъ для характеристики быта, теперь кое-гдѣ измѣнившагося, данныя для исторіи народной медицины, вѣрованій и суевѣрій.

Будемъ надѣяться, что трудъ г. Зеленина не остановится на первомъ томѣ, который въ нашей наукѣ для многихъ трудовъ былъ столь роковымъ...

В. П.

Н. К. Пиксановъ. Хронологія русской литературы. Для учащихся. Синхронистическія таблицы.—Хронологическія даты къ біографіямъ писателей. Повторительныя таблицы.—Таблицы царствованій. Петроградъ. 1914. Стр. 48. Цѣна 30 коп.

Книжка Н. К. Пиксанова представляетъ собою первую попытку представить основныя событія по исторіи русской литературы въ хронологической схемѣ, имѣя въ виду при этомъ общеобразовательныя цѣли. Составитель совершенно правильно исходилъ изъ этой мысли, что если возможны «хронологическія таблицы» по всеобщей и русской исторіи, то не менѣе возможнымъ и цѣлесообразнымъ можетъ оказаться примѣненіе того же принципа и къ исторіи литературы. Тѣмъ болѣе, что подобныя таблицы давно уже въ ходу въ западно-европейской ученой литературѣ, да и у насъ, въ Россіи, есть подобнаго рода работы. Разница между ними и книжкой Н. К. Пиксанова въ томъ, что эти работы или велики по объему, или дороги, или устарѣли, или прикрѣ-

плены къ опредѣленному учебнику, или касаются не всей исторіи русской литературы, а только части ея; книжка Пиксанова является во всѣхъ вышесказанныхъ отношеніяхъ полною имъ противоположностью. Другая ея особенность—остроумное примѣненіе сравнительнаго метода: событія русской литературы пополнены параллельными событіями литературъ западныхъ, а также сопоставлены съ событіями русской исторіи. Этимъ достигается чрезвычайно поучительная и интересная наглядность. Составитель скупъ на приведеніе матеріала, но въ выборѣ его мѣтокъ и характеристиченъ. И не только учащимся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (не специализирующихся на литературѣ) пригодится эта хронологія, она можетъ послужить и широкимъ цѣлямъ самообразования. «Хронологическія даты къ біографіямъ писателей» и «Таблицы царствованій русскихъ государей»; не являясь чѣмъ-либо существенно новымъ, составлены съ большимъ вниманіемъ и съ тою же скупю на слова и фразы тщательностью, съ какою составленъ первый отдѣлъ книги. Новымъ являются «Повторительныя таблицы (XVIII—XIX вв.), содержащія хронологію основныхъ произведеній эпоса (поэма, повѣсть, романъ), лирики, театра (сцена и драма), критики и теоріи словесности, журналовъ, исторіи просвѣщенія.

Вл. Князевичъ.

А. С. Пушкинъ. Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ. Точная копія рукописи поэта. Разборъ съ объяснительными примѣчаніями, сост. инспекторъ 11 московской гимназіи І. К. Линдеманъ. Москва. Іп 8°. Стр. IV+130. Цѣна 2 руб.

Московскій археологъ І. К. Линдеманъ выпустилъ для учениковъ старшихъ классовъ средне-ученыхъ заведеній очень интересную работу, заглавіе которой приведено выше. Онъ напечаталъ точный снимокъ съ рукописи Пушкина «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» и затѣмъ каждое шестистишіе ея почти дословно сопроводилъ археологически-историческими и лингвистическими объясненіями. Имъ же помѣщены первоисточники «пѣсни», извѣстные Н. М. Карамзину: подлинникъ и переводъ норвежской саги о витязѣ съ острова Графнисты Орваръ Оддѣ, сдѣлавшемся впослѣдствіи русскимъ княземъ, и подлинникъ съ переводомъ же исторіи Норвегіи Тормода Торфея. Въ заключеніе г. Линдеманомъ напечатаны «Княжая пѣснь» Н. Квашнина-Самарина, на которой слышится вліяніе А. С. Пушкина, переводы «Пѣсни» послѣдняго Фридрихомъ Воденшгедтомъ и П. Н. Сессомъ, а также—ноты музыки Римскаго-Корсакова и «словарь» къ Пушкинской «пѣсни».

Разбирая рукопись Пушкина, хранящуюся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ, г. Линдеманъ полагаетъ, что въ «Пѣсни о вѣщемъ Олегѣ» было сравнительно немного исправленій, у Пушкина текстъ почти окончательный, свидѣтельствующій лишній разъ о гениі поэта, своихъ стиховъ не вымучивающаго.

Между 5 строфою, начинающеюся словами: «Заломни же нынѣ ты слово мое», и между 6-ю—со словами: «И синяго вала обманчивый валъ», въ рукописи было еще полное шестистишіе, хотя и зачеркнутое тамъ же Пушкинымъ:

«И, какъ на тризну, стремишься на брань,
И новой побѣдой прославленъ (И вновь вознесень),
Твой мечъ собираетъ кровавую дань.
Твой недругъ во прахъ (лукавый) раздавленъ,
Незримый (и тайный) хранитель могущему дань,
А (но) ты подъ броней не вѣдаешь рагъ».

Въ скобкахъ поставлены слова, которыя въ этомъ выкинутомъ совѣмъ шестистишии были Пушкинымъ зачеркнуты и замѣнены другими.

«Пѣснь» сопровождается 20 рисунками археологическаго содержания, имѣющими въ ней отношеніе: «погребенія съ конемъ», «кургана въ разрѣзѣ», славянскаго и норманскаго щитовъ, стремянь, конской уздечки и др.

И. К. Линдеманъ съ большою любовію отнесся къ своему изданію и, безъ сомнѣнія, вложилъ свой цвѣтокъ въ вѣнокъ великому русскому поэту. Единственно, что слѣдовало подробнѣе разобрать ему, это сильное вліяніе въ «пѣсни» на Пушкина Н. М. Карамзина, о трудѣ котораго самъ поэтъ при разборѣ исторіи Полевого говорить, какъ о «безсмертномъ, первомъ нашемъ историкѣ и послѣднемъ лѣтописцѣ».

И. О. В.

Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830—1840. Редакція и изданіе Алексѣя Станкевича. Москва. 1914. Стр. X+786. Ц. 3 р.

Письма знаменитаго московскаго идеалиста тридцатыхъ годовъ Н. В. Станкевича, учителя Вѣлинскаго, были въ выдержкахъ напечатаны П. В. Анненковымъ въ приложеніи къ составленной критикомъ біографіи Станкевича. Появившіяся впослѣдствіи письма была разбросаны по различнымъ изданіямъ, и, слѣдовательно, настоящее изданіе можно назвать первымъ болѣе или менѣе полнымъ собраніемъ писемъ Станкевича. Редакторъ указываетъ въ предисловіи, что недостааетъ еще многихъ писемъ, и выражаетъ сомнѣніе въ томъ, что они когда-нибудь будутъ найдены. Такъ, нѣтъ здѣсь писемъ къ Погодину, Строеву, Надеждину и другимъ лицамъ, съ которыми Станкевичъ былъ въ перепискѣ. Относительно, напримѣръ, писемъ къ Надеждину опредѣленно можно сказать, что они погибли во время разразившейся надъ издателемъ «Телескопа» катастрофы, забросившей его въ Усть-Сысольскъ. Но, несмотря на это, имѣющееся собраніе писемъ Станкевича исчерпываетъ его духовный складъ и интересы, поскольку вообще они могли проявиться въ перепискѣ.

Послѣдняя представляетъ богатый и цѣнный матеріалъ для характеристики Н. В. Станкевича и отношеній его къ членамъ его кружка и не разъ еще послужать важнымъ пособіемъ для научнаго излѣдованія эпохи тридцатыхъ годовъ. Письма снабжены обстоятельнымъ научнымъ аппаратомъ: примѣчаніями и указателемъ собственныхъ именъ.

Пользуемся случаемъ указать г. редактору, какъ намъ кажется, на ошибку въ чтеніи письма отъ 26-го августа 1837 года (стр. 3). Здѣсь находимъ малорусскую фразу: «ходить пана, пробудить его». «Ходить пана»—по-малорусски смысла не имѣетъ. Очевидно, что здѣсь слѣдуетъ читать: «ходить, пане, пробудить его», т. е., идите, баринъ, разбудите его.

Вл. Давиловъ.

М. Ростовцевъ. Античная декоративная живопись на югѣ Россіи. Текстъ. Томъ первый. Описаніе и изслѣдованіе памятниковъ. Стр. 537. Съ 98 рисунками.—Атласъ таблицъ I—CXII. Петроградъ. 1915. Изданіе императорской археологической комиссіи. Цѣна 40 рублей за обѣ книги.

Неоспоримо громадное значеніе помпеянскихъ фресокъ и римской стѣнной живописи вообще какъ для нашего ознакомленія съ античнымъ міромъ, такъ и для исторіи культуры и искусства, для живописи въ частности. Памятники, сохранившіеся въ Помпеяхъ, были изслѣдованы нѣмецкимъ ученымъ Августомъ Мау, живопись была имъ распределѣна по эпохамъ и стилямъ, указаны особенности каждаго изъ нихъ. Съ взглядами Мау еще до недавняго времени считались не только историки, но и специалисты-изслѣдователи. Правда, высказанныя этимъ ученымъ положенія постепенно дополнялись и расширялись, сообразно съ новыми находками (въ Дельфахъ, Александріи, на Делосѣ и т. д.), но наука, такъ сказать, твердо стояла на почвѣ нѣмецкаго ученаго. Опубликованныя въ 1897 году профессоромъ Ю. А. Кулаковскимъ росписи двухъ керченскихъ катакомбъ послужили профессору М. И. Ростовцеву стимуломъ къ изслѣдованію южно-русскихъ памятниковъ античной стѣнной живописи. Г. Ростовцевъ давно уже интересовался помпеянскою живописью и занимался ея эволюціей, высказывая притомъ необходимость изслѣдованія какъ памятниковъ, предшествующихъ такъ называемому первому помпеянскому стилю, такъ памятниковъ стѣнной живописи послѣ разрушенія города, т.-е. послѣ-помпеянскихъ памятниковъ декоративной живописи. М. И. Ростовцевъ принимается за изслѣдованіе южно-русскихъ памятниковъ, которые до сихъ поръ почти совершенно игнорировались. Онъ заручается поддержкою императорской археологической комиссіи, которая не щадитъ ни громадныхъ средствъ, ни труда на изданіе изслѣдованій г. Ростовцева; ея предсѣдатель графъ А. А. Бобринской съ теплымъ интересомъ отнесся къ затѣянной работѣ, не останавливаясь ни передъ какими матеріальными жертвами. Далѣе М. И. Ростовцеву оказываютъ дѣятельное содѣйствіе товарищъ предсѣдателя комиссіи В. В. Латышевъ и ея члены Н. И. Веселовскій, К. К. Косцюшко-Валюжиничъ, С. А. Жебелевъ, Б. В. Фармаковскій и В. В. Шкорпилъ, а равно и хранители императорскаго Эрмитажа А. К. Марковъ, Е. М. Придикъ и Я. И. Смирновъ. Судьба сталкиваетъ, далѣе, М. И. Ростовцева съ художникомъ-классикомъ и археологомъ М. В. Фармаковскимъ, который скопировалъ всѣ сохранившіеся на югѣ Россіи остатки монументальной декоративной живописи, какъ уже изданные, такъ и неизданные вовсе. Обильный матеріалъ даютъ автору печатаемые съ 1859 года отчеты императорской археологической комиссіи и архивъ ея. Указаннымъ путемъ и при помощи личныхъ изслѣдованій г. Ростовцевъ собралъ вмѣстѣ весь матеріалъ, добытый на прострѣнствѣ бывшаго Восторскаго царства и касающійся, главнымъ образомъ, расписныхъ гробницъ. Кромѣ того, Керчь дала ему рядъ фрагментовъ штукатурной облицовки пантикапейскихъ домовъ эллинистической эпохи. Авторъ не оставляетъ безъ вниманія и херсонесскихъ христіанскихъ древностей

въ виду того, что принципы декоративной живописи христіанской не разнятся отъ языческой.

Писать критику на книгу первокласснаго европейскаго ученаго, открывающаго наукѣ новый міръ, было бы трудомъ непосильнымъ. Довольно затруднительно даже и передать въ рамкахъ обычной журнальной рецензіи содержаніе огромнаго сочиненія въ два тома in F°. Остается поэтому лишь бросить общій взглядъ на замѣчательный трудъ и остановиться хотя бы въ двухъ-трехъ словахъ, для общей характеристики сочиненія, на нѣкоторыхъ выводахъ автора.

Часть первая труда посвящена Восточному царству, вторая Ольвіи и Херсонесу. Книга начинается съ описанія склепа кургана Большой Близицы (съ іонійскою росписью прямо на камнѣ) и росписи склепа на Васюринской горѣ. М. И. Ростовцевъ съ большою полнотою возстановляетъ погребальный обрядъ съ его характерными чертами и обстановку самихъ погребальныхъ склеповъ съ катафалками, колесницами и коврами. Стѣнная роспись представляетъ памятникъ такъ называемаго перваго помпѣянскаго стиля; интересна ея аналогія съ живописью одного делосскаго дома. Керченскій расписной склепъ, открытый въ 1908 году, даетъ живопись съ фризомъ, на которомъ изображены висящіе на гвоздяхъ предметы погребальной утвари. Открытый профессоромъ Н. И. Веселовскимъ въ 1908 году склепъ, въ восьми верстахъ отъ Анапы, удерживаетъ идею святилища божественныхъ героевъ (такъ называемаго героона), съ голубою окраскою свода. Далѣе идетъ описаніе склепа Карагодеуашхъ съ изображеніемъ на красномъ фонѣ желтаго круга, быть можетъ, намекъ на мѣдный или золотой щитъ. Открытый въ 1867 году склепъ даетъ оригинальный орнаментъ побѣговъ какого-то вьющагося растенія. Послѣ описанія найденнаго въ 1851 году мраморнаго саркофага и гробницъ со сплошною окраскою авторъ даетъ экскурсъ о датированныхъ склепахъ ранняго эллинистическаго времени, съ цилиндрическимъ или уступчатымъ покрытиемъ. Ознакомленіе съ памятниками ранняго эллинизма заканчивается описаніемъ фрагментовъ расписной штукатурки, найденной въ Пантикапѣѣ.

Далѣе слѣдуютъ памятники поздняго эллинизма съ весьма цѣнными выводами автора: это склепы, открытыя въ 1832, 1852, 1867, 1877, 1878 и 1891 годахъ. Страницы 199—435 посвящены памятникамъ римскаго императорскаго времени. Сюда входятъ памятники цвѣточнаго стиля—шесть склеповъ, памятники чистаго инкрустаціоннаго стиля—четыре склепа и фрагментъ 1905 г.—плита, покрытая росписью, памятники смѣшаннаго инкрустаціоннаго стиля—три склепа, расписные саркофаги, скульптура на входной стѣнѣ склепа. Далѣе изслѣдованы склепы римскаго времени, характеръ росписи которыхъ неизвѣстенъ. Восемь склеповъ съ росписью геометрическаго или геометризующаго стиля, открытыя въ Керчи съ 1873 года по 1912 годъ, составляютъ особую группу: примитивность техники и характеръ изображеній, сдѣланныхъ прямо по грунту скалы, составляютъ признакъ новаго стиля, создавагоса на развалинахъ стиля классическаго.

Вторая часть изслѣдованія профессора М. И. Ростовцева посвящена Ольвіи и Херсонесу (стр. 436—517), гдѣ авторъ публикуетъ матеріалъ, никѣмъ до

сихъ поръ не затронутый. Здѣсь описаны склепы годовъ 1894 съ языческою росписью, 1903, 1904, 1905, 1907, 1909 и 1912 и гробницы, украшенныя скульптурами. Глава LVIII (стр. 483—507) посвящена разбору росписей христіанскихъ надгробій Херсонеса. Приведена параллель съ катакомбами Рима, Сиракузь, Неаполя, погребальными мозаиками Сѣверной Африки, росписями Салонъ, расписною гробницею въ Софіи и т. д. Все убранство христіанскихъ гробницъ прямо заимствовано изъ росписи гробницъ языческихъ постольку, поскольку онѣ были гробницами не обыкновенныхъ смертныхъ, а божественныхъ героевъ. Существуетъ коренная разница между боеспорскими и херсонесскими гробницами: однѣ подчеркивають характерныя черты эволюціи культурной жизни Боспора во всѣ моменты ея развитія, другія приходятъ въ Херсонесъ извнѣ, накладываются на мѣстный культурный укладъ и затѣмъ, быть можетъ, исчезаютъ.

Книга заключаетъ пятьдесятъ восемь главъ, приложение (статью В. Шкорпила), дополненія и поправки. При каждомъ изъ отдѣловъ труда указана вся литература даннаго вопроса. Трудъ заканчивается научнымъ аппаратомъ, подробнымъ указателемъ, обнимающимъ девятнадцать страницъ печати въ три столбца каждая и составленнымъ при содѣйствіи С. М. Ростовцевой и С. С. Лукьянова.

Второй томъ, какъ указано раньше, содержитъ однѣ иллюстраціи. Это великолѣпный художественный альбомъ, напечатанный на отличной мѣловой бумагѣ. Къ нему приложенъ на 11 страницахъ перечень содержанія таблицъ на русскомъ и французскомъ языкахъ. Исполненіе рисунковъ и ихъ воспроизведеніе замѣчательное. Всѣ краски представлены съ полною точностью колорита.

Профессоръ Ростовцевъ блестяще выполнилъ намѣченную имъ задачу. Трудъ его составляетъ одинъ изъ самыхъ цѣнныхъ вкладовъ не только въ отечественную, но и въ обще-европейскую научную литературу. Его выводы и добытыя имъ данныя должны вызвать переворотъ въ области изслѣдованія античной декоративной живописи, указать ея начало и развитіе и открыть новыя страницы юга Россіи. Они введутъ въ обиходъ науки неизвѣстный до сихъ поръ матеріалъ, освѣщающій новымъ свѣтомъ античное искусство и различныя стороны античной жизни.

Ст. Цыбульскій.

Профессоръ Д. М. Петрушевскій. Великая хартія вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII вѣка. М. 1915. Ц. 85 к.

Въ приложеніи къ названной книгѣ профессоръ Петрушевскій даетъ тексты и переводы 1) Великой хартіи вольностей, 2) Баронскихъ статей 1215 г., 3) «Неизвѣстной хартіи вольностей», 4) Хартіи вольностей Генриха I, 5) Хартіи Генриха II (1154 г.) и 6) Оксфордской хартіи Стефана. Можно быть лишь глубоко благодарнымъ почтенному автору за доступное русской учащейся мо-

лодежи и любителям истории издание и переводы важнейших документов. Несомненно, они найдут себя доступ и в высшую и в среднюю школу. Къ сожалѣнію, переводамъ нѣсколько вредитъ тяжелый языкъ и, в частности, злоупотребленіе скобками, которыя иногда появляются ради поясненія дословной передачи, а иногда содержатъ не совсѣмъ безспорныя толкованія. Во всякомъ случаѣ, въ изданіи и переводѣ ряда документовъ мы видимъ главную и большую цѣнность настоящей книжки. Авторъ предпослалъ своему изданію и переводу два уже ранѣе напечатанные имъ и теперь переработанные этода, желая «дать связный очеркъ конституціонной истории Англїи въ основныхъ ея моментахъ, который долженъ служить читателю руководящей нитью при болѣе детальномъ изученіи этой исторїи», и въ то же время стремясь «помочь читателю изучить текстъ Великой хартїи», въ связи съ другими данными въ приложеніи актами. Мы подразумѣваемъ подъ изученіемъ детальный анализъ и сопоставленіе источниковъ, которое и ведетъ къ настоящему ихъ пониманію. А все это мыслимо или подъ руководствомъ свѣдущаго лица, или при наличности обширнаго и детального комментарія со ссылками на другіе источники и на пособия. Иначе говоря, для того, чтобы помочь изученію Великой хартїи, совершенно необходимо комментированное ея изученіе, которое, конечно, профессоръ Петрушевскій могъ бы выполнить лучше кого-либо другого. На дѣлѣ въ его книжкѣ мы находимъ очеркъ конституціонной истории Англїи и подробное изложеніе Великой хартїи съ выясненіемъ ея смысла и значенія отдѣльныхъ ея статей въ общемъ ходѣ этой исторїи. Въ силу этого читателю закрыты пути къ детальному и единственно понятному изученію хартїи черезъ книжку профессора Петрушевскаго, а самъ источникъ прїобрѣтаетъ значеніе простой иллюстраціи, по существу излишней, потому что суть хартїи авторомъ изложена, разбирать пониманіе автора въ силу общности этого пониманія читатель не сможетъ, а уйти въ детали не въ силахъ по вышеприведеннымъ соображеніямъ. Такимъ образомъ, очерки и документы оказываются другъ для друга въ такомъ сочетаніи бесполезными и ненужными: документы—«приложенія», а очерки—виѣшне связанный съ ними обзоръ. Что касается самихъ этихъ очерковъ, то, отвлекаясь отъ нѣкоторой тяжеловѣсности изложенія, ихъ слѣдуетъ признать полезнымъ введеніемъ въ мало знакомую русскому обществу исторію Англїи. Не вдаваясь въ ихъ разборъ, мы позволили бы себѣ здѣсь указать лишь на ненужность «соціологическихъ» замѣчаній. Дѣйствительно, нужно ли для пониманія эпохи Іоанна Безземельнаго замѣчаніе о значеніи «личности официальной главы правительственнаго механизма» (стр. 20) и не обветнало ли сведеніе «борьбы принциповъ» на «борьбу реальныхъ интересовъ общественныхъ группъ», а «побѣды того или иного принципа» на «капитуляцію или просто уступку со стороны господствовавшей раньше группы?»

Л. Ж.

Исторія музыки всѣхъ временъ и народовъ проф. Л. А. Сакетти. Изд. «Шиповникъ». Петр. 1914. Вып. II. Стр. 200.

Этотъ второй выпускъ «Исторіи музыки всѣхъ временъ и народовъ» содержитъ въ себѣ окончаніе біографіи Л. Бетховена, помѣщенной въ первомъ выпускѣ, о которомъ былъ упомянуто своевременно въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (см. № 1-й сего года). Великій музыкантъ былъ въ эти годы своей жизни занятъ сочиненіемъ своей знаменитой IX симфоніи, исполненной въ первый разъ 7-го мая 1824 года въ Вѣнѣ. Публика встрѣтила это произведеніе съ необычайнымъ восторгомъ. Бетховена вызвали четыре раза; когда раздались аплодисменты въ пятый разъ, полиція потребовала ихъ прекращенія. Императорскій дворъ привѣтствуютъ три раза, а Бетховена пять разъ! Очевидно, невозможно. Но матеріальный сборъ съ концерта былъ ничтожный, Бетховену очистилось всего триста флориновъ (т. е. около 180 рублей); онъ пошатнулся; его положили на софу; онъ ничего не требовалъ и не издалъ ни одного звука. Это разочарованіе въ сборѣ вызвало въ немъ желаніе покинуть Вѣну. Многіе вѣнскіе князья, графы, артисты и т. д. особымъ адресомъ просили его не покидать Вѣны. Бетховенъ былъ этимъ очень тронутъ и прожилъ въ Вѣнѣ остальные три года своей жизни, продолжая сочинять квартеты при полной глухотѣ. Онъ умеръ отъ воспаленія легкихъ 26-го марта 1827 года и похороненъ подъ звуки Миссете, написаннаго имъ въ 1812 году на смерть соборнаго органиста въ Ланнѣ.

Вся остальная часть второго выпуска посвящена другому ученику Сальери, Францу Шуберту. Онъ родился 31-го января 1797 года въ Вѣнѣ, отецъ его былъ школьнымъ учителемъ и рано сталъ учить его игрѣ на скрипкѣ и фортепіано. Замѣтивъ способности мальчика въ музыкѣ, онъ отдалъ его для обученія музыкѣ приходскому органисту Гельцеру, а по достиженіи имъ одиннадцати лѣтъ помѣстилъ въ конвиктъ (родъ гимназіи), гдѣ бесплатно обучались хористы для подготовки въ придворную капеллу. Тутъ молодой Шубертъ участвовалъ въ ежедневномъ исполненіи симфоній и увертюръ Гайдна, Керубини, Моцарта и даже Бетховена и скоро обратилъ вниманіе на свою необыкновенно чистую игру дирижера, который сталъ особенно имъ заниматься и довелъ его до того, что Шубертъ сталъ играть въ оркестрѣ партію первой скрипки. Тогда же въ 1810 году Францъ Шубертъ написалъ свое первое музыкальное произведеніе—фантазію въ четыре руки на тридцати двухъ страницахъ, послѣ которой слѣдовали и другія произведенія меньшаго объема, имѣвшія успѣхъ. По внушенію поэта Кернера онъ покинулъ конвиктъ и посвятилъ себя всецѣло музыкѣ. Любимымъ его композиторомъ былъ Моцартъ; предъ Бетховеномъ онъ благоговѣлъ и восхищался мелодичностью произведеній Россини, хотя потѣшался надъ его оркестровой музыкой. Вліяніе этого даровитаго итальянца сказалося на увертюрахъ, написанныхъ Шубертомъ. Въ 1816 году онъ познакомился съ извѣстнымъ въ это время пѣвцомъ Фогелемъ, который въ домахъ выдающихся любителей музыки, подъ аккомпанементъ самого Шуберта, пѣлъ различныя пѣсни или баллады, сочиненныя или переложенныя послѣднимъ. Шубертъ скоро обнаружилъ замѣчательный талантъ превращать стихотвореніе въ пѣсню,

музыкальные достоинства которой иногда заслоняли величайшія поэтическія красоты самаго стихотворенія, какъ, на примѣръ, «Лѣсной Царь», «Въ лѣсу» или «Ночь въ лѣсу», пѣснь Миньоны, Гретхенъ, «Странникъ» или «Пилигримъ» и т. д. Не перечисляя ихъ, скажемъ, что этими пѣснями Шубертъ приобрѣлъ не только извѣстность, но и большую популярность, которою онъ пользуется и по настоящее время. Нельзя не упомянуть, что, излагая музыкальную дѣятельность Шуберта, Л. А. Сакетти предпослалъ ей очень любопытную главу (стр. 125—155), въ которой въ очень ясной формѣ сообщилъ не мало свѣдѣній о томъ, какъ народная пѣсня, возникающая неизвѣстно когда, какъ и почему и поражающая очень часто своей наивной, безыскусственной красотой, превращается нерѣдко въ искусственную, при обработкѣ ея по правиламъ контрапункта, для различныхъ музыкальных произведеній, какъ духовныхъ (мессы, церковныхъ хоровъ и т. д.), такъ и свѣтскихъ. Подобными переложеніями стали заниматься въ Германіи еще въ XV столѣтіи, причемъ, конечно, весьма часто измѣнялись слова самой пѣсни.

Выпускъ снабженъ множествомъ картинъ и различными музыкальными текстами и читается съ большимъ интересомъ. **П. Майковъ.**

Императорское русское техническое общество. Устройство и оборудованіе школы по даннымъ выставки 1912 года и другимъ позднѣйшимъ матеріаламъ. Подъ ред. Д. М. Левшина. Спб. 1914. Цѣна 10 р.

Настоящая книга смѣло можетъ быть рекомендована, какъ цѣнное и весьма авторитетное пособіе по цѣлому ряду животрепещущихъ вопросовъ нашей школьной практики, всѣмъ руководителямъ и дѣятелямъ школы, членамъ попечительныхъ совѣтовъ, земцамъ, имѣющимъ дѣло съ оборудованіемъ и устройствомъ училищъ, и широкимъ слоямъ русскаго общества.

Больше трети книги занимаетъ статья профессора Л. П. Шишко, посвященная школьному строительству и снабженная большимъ количествомъ рисунковъ, плановъ и смѣтъ. Въ ней даны необходимыя свѣдѣнія объ устройствѣ вентиляціи, отопленія, о расположеніи школы въ участкѣ и оборудованіи школьнаго зданія съ подробными указаніями, какъ устроить отдѣльныя помѣщенія школы (классы, зала, кабинеты, внутренняя обстановка и т. п.). Дается матеріалъ для устройства начальныхъ школъ и среднихъ учебныхъ заведеній разнаго типа. Весьма важно, что почтенный профессоръ съ солидною научно-эрудиціей соединяетъ богатый практическій опытъ, такъ какъ онъ нѣсколько лѣтъ былъ окружнымъ архитекторомъ петроградскаго учебнаго округа, а затѣмъ и министерства народнаго просвѣщенія. Особенно полезную службу послужитъ его статья нашей провинціи.

Статья извѣстнаго гигиениста профессора Г. В. Хлопина занимается постановкою физическаго воспитанія учащихся и организаціей правительственнаго школьно-санитарнаго надзора. Всякій мыслящій педагогъ подпишется подъ требованіями автора, чтобы реформа физическаго воспитанія проводилась не въ видѣ единичныхъ мѣропріятій, не связанныхъ между собою общей идеей, а всѣ

цѣликомъ, планомѣрно, и притомъ вмѣстѣ съ общей реформой школьнаго дѣла, чтобы физическое воспитаніе входило, какъ органическая часть, въ общую систему образованія, а не было несущественнымъ ся придаткомъ, и чтобы физическое воспитаніе и здоровье учащихся находились въ вѣдѣніи врачей и подъ ихъ контролемъ. Практическіе совѣты, какъ осуществить реформу въ желательномъ направленіи, вполне цѣлесообразны и пріемлемы.

Затѣмъ слѣдуютъ 18 статей, ратующихъ за принципъ «наглядности» въ нашей школѣ и дающихъ весьма цѣнный матеріалъ въ видѣ библиографическихъ данныхъ и практическихъ совѣтовъ для устройства школьныхъ музеевъ, лабораторій экспериментальной психологіи, кабинетовъ: русскаго языка, исторіи, математики, естествознанія, географіи, физики, химіи, товаровѣдѣнія.

А. Смирновъ въ отдѣльной статьѣ выясняетъ положеніе графическихъ искусствъ въ общеобразовательныхъ и профессиональныхъ школахъ, а профессоръ Ивановъ-Смоленскій трактуетъ о пѣніи въ средней общеобразовательной школѣ. Кроме того, въ книгѣ имѣются спеціальныя статьи, посвященныя землемѣрнымъ училищамъ межевого вѣдомства министерства юстиціи и сельскохозяйственнымъ учебнымъ заведениямъ.

Въ этомъ коллективномъ трудѣ видныхъ ученыхъ и педагоговъ отразились стремленія лучшей части нашего учительства, энергично ратующаго за то, чтобы въ нашей школѣ въ интересахъ гармоническаго развитія учащихся должно мѣсто заняло физическое воспитаніе молодежи и правильно поставленный врачебно-санитарный надзоръ, чтобы въ учебномъ дѣлѣ проводились принципы наглядности и самодѣятельности, чтобы педагогическая корпорація получила возможность проявлять больше творческой инициативы и чтобы дѣятели школы приступали къ своей работѣ съ широкою педагогическою подготовкою.

Г. Зоргенфрей.

НОВОСТИ АРХЕОЛОГИИ.

Охрана памятников старины въ районѣ военныхъ дѣйствій.—Мѣра, предпринятая въ этомъ отношеніи императорскою академіею наукъ.—Охрана будущихъ историко-археологическихъ памятниковъ нашей славы, могилъ героевъ доблестной русской арміи.— Къ 50-лѣтію императорскаго московскаго археологическаго общества. Предстоящая выставка древностей въ Ревелѣ.—Юбилейное торжественное засѣданіе нижегородской ученой архивной комиссіи.—Къ вопросу объ учрежденіи въ Кіевѣ археологическаго института.

МИРОКО разстилающееся пламя войны грозно сметаетъ на своемъ пути не только все живое, оказывающее ему сопротивление, но и безмолвные археологическіе памятники. Ставъ на защиту археологіи, наша императорская академія наукъ взяла на себя инициативу охраны памятниковъ древности, находящихся въ районѣ театра военныхъ дѣйствій: въ Буковинѣ, Галиціи и Западной Польшѣ. Для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ къ охранѣ этихъ памятниковъ избранъ академіею, въ качествѣ уполномоченнаго, ученый корреспондентъ при историко-филологическомъ отдѣленіи академіи Е. Ф. Шмурло. Уполномоченному особою инструкціею предоставляется право, съ разрѣшенія и одобренія подлежащихъ властей, сохранять памятники на мѣстахъ или вывозить на время въ болѣе безопасные районы; при этомъ принимаемая мѣры отнюдь не нарушаютъ права собственности на памятники ихъ владѣльцевъ. Охрану историческихъ памятниковъ и научныхъ коллекцій въ областяхъ турецкаго театра военныхъ дѣйствій общее собраніе императорской академіи наукъ 7-го марта поручило

директору русскаго константинопольскаго археологическаго института академику *Θ. И. Успенскому*.

Въ переживаемой нами титанической грозной борьбѣ съ могущественными врагами сложать не мало смѣлыхъ головъ наши герои, мужественные защитники родины. Ихъ могилы—будущіе археологическіе памятники Россіи.

Онѣ не должны остаться безвѣстными, забытыми, заброшенными. Славная память жертвъ свято понимаемаго и честно выполненнаго долга должна быть сохранена въ потомствѣ. Нужны общія и дружныя усилія, дабы нѣмые свидѣтели героическихъ подвиговъ и кончины нашихъ доблестныхъ воиновъ не оставались нѣмыми, какъ многіе раскапываемые археологами и давно забытые и загадочные могильники, а громко говорили и свидѣтельствовали о подвигахъ павшихъ на полѣ брани со славою и честью въ защиту родины.

Для осуществленія этой благородной цѣли въ Петроградѣ создано, какъ сообщало «Новое Время», «всероссійское общество памяти воиновъ русской арміи, павшихъ въ войну 1914—1915 гг. съ Австро-Германіей и Турціей». Общество охраняетъ и содѣйствуетъ охраненію на поляхъ брани могилъ русскихъ воиновъ, павшихъ въ войну 1914—1915 гг., безъ различія вѣроисповѣданій и національностей, и сохраняетъ въ дальнѣйшемъ память погибшихъ жертвъ долга родинѣ. Общество отыскиваетъ и приводитъ въ извѣстность могилы воиновъ, устанавливаетъ вѣроисповѣданіе, національность, наименование воинскихъ частей, имена, фамиліи и время кончины павшихъ, приводитъ въ должный видъ братскія и одиночныя могилы, ставитъ кресты, памятники, ограды и печется о дальнѣйшемъ сохраненіи ихъ въ порядкѣ. Общество имѣетъ право, въ случаѣ погребенія на несоотвѣтствующихъ мѣстахъ, переносить прахъ покойныхъ въ болѣе подходящія мѣста, содѣйствовать родственникамъ въ разысканіи мѣсть погребенія воиновъ, оказывать возможную помощь по перевозкѣ праха на родину; опредѣлять исторически, по времени боевъ въ данной мѣстности, дни поминовенія павшихъ и общей панихиды. Съ развитіемъ дѣятельности общества и при увеличеніи средствъ ему предоставляется, въ увѣковѣченіе выдающихся боевъ и подвиговъ отдѣльныхъ лицъ, сооружать храмы, часовни и разнаго рода памятники, а также издавать историческія описанія подвиговъ воинскихъ частей и отдѣльныхъ лицъ, открывать различныя благотворительныя учрежденія, сопряженныя съ памятью погибшихъ: пріюты для увѣчныхъ воиновъ, вдовъ и сиротъ ихъ, школы, музеи, читальни, стипендіи и т. п., а также пріобрѣтать въ собственность участки земли, необходимые для сооруженія памятниковъ. Организаторомъ общества является *П. И. Марченко*. Учредителями состоятъ: графиня *С. С. Игнатьева*, члены Государственнаго Совѣта *Б. В. Штюрмеръ*, *А. С. Ермоловъ*, *А. Д. Оболенскій*, *Нейдгартъ*, генераль-адъютантъ *Н. Ф. Ивановъ-Луцевинъ*, почетный опекунъ *П. П. Архиповъ*, редакторъ «Новаго Времени» *М. А. Суворинъ*, редакторъ «Вечерняго Времени» *Б. А. Суворинъ*, митрополитъ петроградскій и ладожскій высокопреосвященный *Владимиръ*, митрополитъ кіевскій *Флавіанъ*, управляющій Александровскимъ комитетомъ о раненыхъ генераль-лейтенантъ *Смородскій*, директоръ института гражданскихъ инженеровъ профессоръ *Косяковъ*, камергеръ *А. А. Куломзинъ*, статсъ-секретарь *А. Н. Куломзинъ*, управляющій

Романовским комитетом действительный статский советник Никитинъ, камергеръ Тхоржевскій, камеръ-юнкеръ Ламдорфъ, В. А. Тереховко, начальникъ переселенческаго управленія Г. В. Глинка, камергеръ Казинъ, директоръ лѣсного департамента Н. В. Грудистовъ. Членами общества могутъ быть лица обоюго пола, безъ различія вѣрноподданія и національности, а также отдѣльныя воинскія части, правительственныя, общественныя и сословныя учрежденія.

Императорское московское археологическое общество рѣшило не откладывать далѣе празднованія исполнившагося 4-го октября 1914 г. пятидесятилѣтія со дня перваго засѣданія общества. Юбилейное засѣданіе назначено на 27-ое марта въ зданіи императорскаго русскаго историческаго музея. Программа засѣданія будетъ заключаться въ чтеніи краткаго обзора учебной дѣятельности общества за истекшія пятьдесятъ лѣтъ, въ провозглашеніи результатовъ присужденія золотыхъ медалей имени графа А. С. Уварова и оглашеній именъ лицъ, избранныхъ къ этому знаменательному въ жизни общества дню въ почетныя члены общества. 28-го марта въ новомъ зданіи политехническаго музея предполагено устроить публичное ученое засѣданіе общества. Намѣчены доклады профессоровъ: Д. П. Анучина, И. П. Машкова и Б. В. Фармаковского.

Ревельское городское управленіе устраиваетъ выставку принадлежащихъ городу рѣдкихъ историческихъ документовъ и старинныхъ драгоценностей, имѣющихъ за собою историческое прошлое.

Такъ, городъ выставляетъ между прочимъ книгу первыхъ писанныхъ законовъ для Ревеля, такъ называемое Любекское право, составленное шесть съ половиной столѣтій тому назадъ. Вторая рукопись древняго Любекскаго права, на латинскомъ языкѣ, въ числѣ другихъ экспонатомъ послана была въ прошломъ году на выставку печатнаго дѣла въ Германіи и осталась тамъ по случаю открывшихся военныхъ дѣйствій. Интереснымъ историческимъ документомъ будущей выставки является актъ капитуляціи города Ревеля 29-го сентября 1710 года, согласно которому Ревель перешелъ отъ Швеціи во владѣніе Россійской имперіи. Актъ подписанъ русскимъ генераломъ Бауеромъ, ревельскимъ бургомистромъ Реймерсомъ, городскимъ секретаремъ Юахимомъ Гернетомъ и старшиной большой гильдіи Юганномъ Лантингомъ; 2) папская индульгенція отъ 5-го мая 1509 г. объ отпущеніи грѣховъ ревельскимъ приходомъ Олева и св. Николая на сто дней и освобожденіи прихожанъ отъ всякихъ наказаній за преступленія, совершенныя въ теченіе этого ста-дневнаго срока; 3) булла папы Льва X отъ 30-го октября 1514 г. объ утвержденіи епископа Блакенфельда и булла папы Мартина V отъ 17-го іюля 1424 г. объ открытіи въ Ревелѣ церковнаго училища. Любопытны также семьдесятъ два прошенія ганзейскаго города Ревеля московскому великому князю объ освобожденіи задержанныхъ въ Москвѣ купцовъ, тексты вѣрноподданнической присяги на эстонскомъ языкѣ XVI вѣка, письма Мартина Лютера, многочисленныя письма монарховъ, протокольныя книги магистрата, въ которыхъ содержатся между прочимъ смѣты за XVI вѣкъ. Изъ предметовъ старины на выставкѣ предполагается помѣстить: гобелены XVI вѣка, повидимому, бель-

гійской работы, какъ гласить старинный ярлыкъ на нихъ, двѣ золотыя броши, украшенныя драгоценными камнями и жемчугомъ огромной цѣнности. Драгоценности эти отобраны были у одного голландскаго моряка, который ограбилъ ихъ, убивъ владѣльца. Убийца былъ казненъ, а драгоценности поступили въ собственность города.

20-го января исполнилось триста лѣтъ со дня пожалованія Михаиломъ Феодоровичемъ грамоты Козьмѣ Минину на село Богородское и другія. Этотъ день отмѣченъ торжественнымъ засѣданіемъ нижегородской ученой архивной комиссіи.

По открытіи засѣданія предсѣдатель доложилъ отчетъ, составленный имъ для императорскаго русскаго историческаго общества, субсидированнаго комиссію 2.000 руб. За 1914 г. израсходовано изъ этой суммы 965 руб. Всего у архивной комиссіи скопилось свыше милліона дѣлъ, хранящихся въ двухъ башняхъ въ четырехъ этажахъ. По карточной системѣ, введенной въ 1911 г., описано 115.000 дѣлъ.

Собраніе заслушало докладъ А. П. Мельникова «Объ иконѣ царевича Дмитрія въ арзамасскомъ Спасскомъ монастырѣ». Икона цѣнная, московскаго письма XVIII столѣтія.

Далѣе слѣдоваль докладъ того же автора о народныхъ пѣсняхъ. Постановлено было образовать комиссію этнографическаго отдѣла по изученію мѣстнаго края.

А. Н. Алелековъ сообщилъ текстъ воззванія, выработаннаго имъ, какъ предсѣдателемъ «военной» комиссіи, къ нижегородцамъ, участникамъ и современникамъ войны, о доставленіи комиссіи матеріаловъ, имѣющихъ отношеніе къ войнѣ 1914 года. Рѣшено воззваніе напечатать въ мѣстныхъ газетахъ.

А. Я. Садовскій сдѣлалъ докладъ «Къ вопросу объ имени Козьмы Минина». На основаніи имѣющихся о Мининѣ нижегородскихъ документовъ докладчикъ пришелъ къ выводу, что Козьма Мининъ не имѣлъ никакого другого прозвища: Козьма Захаровичъ Мининъ-Сухорукъ—совершенно другое лицо, не имѣющее ничего общаго съ знаменитымъ Козьмою Мининымъ (Миничемъ); домъ на Почайнѣ принадлежалъ не Козьмѣ Минину, а Козьмѣ Захаровичу Минину-Захарову, и Мининъ-Сухорукъ надолго пережилъ Козьму Минича.

Совсѣмъ замолкнувшій, было поднятый нѣсколько лѣтъ назадъ, вопросъ объ учрежденіи въ Кіевѣ археологическаго института, нынѣ, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника», поставленъ снова на очередь. По этому поводу въ кіевской печати появились отзывы нѣкоторыхъ мѣстныхъ ученыхъ, заинтересованныхъ въ благопріятномъ разрѣшеніи даннаго вопроса. Одинъ изъ инициаторовъ проекта учрежденія въ Кіевѣ археологическаго института, бывшій заслуженный профессоръ кіевскаго университета, нынѣ членъ императорской академіи наукъ, Иконниковъ, приводитъ въ защиту проекта слѣдующія соображенія.

Кіевъ является центромъ обширнѣйшаго Юго-Западнаго и Сѣверо-Западнаго края, въ которыхъ имѣются обильныя письменныя памятники. Въ одномъ только кіевскомъ центральномъ архивѣ (при университетѣ) имѣется до 6.000 огромныхъ древнихъ актовыхъ книгъ, которыя еще ждутъ своего изученія.

Кромѣ того, въ томъ же центральномъ архивѣ имѣется до полумилліона отдѣльныхъ древнихъ документовъ. Все это (и книги, и отдѣльные документы)—драгоценнѣйшіе матеріалы для изученія исторіи, преимущественно юга Россіи. Всѣ эти документы относятся къ XVI, XVII и XVIII вѣкамъ, а небольшое ихъ число—къ XV вѣку. Все это нужно разобрать, издать и изучить. Въ 1843 году въ Кіевѣ была создана «комиссія по изданію древнихъ актовъ», которая занялась тщательнымъ собираніемъ по уѣздамъ края матеріаловъ и древнихъ документовъ. Изъ собранныхъ матеріаловъ былъ созданъ въ Кіевѣ въ 1852 году названный центральныи архивъ Юго-Западнаго края. За все время своего существованія комиссіей по изданію древнихъ актовъ было издано до семидесяти томовъ матеріаловъ, относящихся къ XVI—XVIII вѣкамъ.

Кромѣ центрального архива, представляющаго интересъ для археологовъ, въ Кіевѣ имѣется немало и другихъ учреждений того же характера. Такъ, въ Кіевѣ имѣются старые архивы разныхъ вѣдомствъ (казенной палаты, генералъ-губернаторства и друг.), представляющіе обширный матеріалъ для разработки, и имѣются цѣнные для археологовъ музеи. Таковы: нумизматическій кабинетъ при университетѣ, церковно-археологическій кабинетъ при кіевской духовной академіи и городской музей. Немало кіевскихъ ученыхъ обществъ соприкасается съ археологіей и архивнымъ дѣломъ. Таковы: историческое общество Нестора-лѣтописца при университетѣ, церковно-археологическое общество при духовной академіи, общество охраны памятниковъ старины, архивная комиссія (функции которой распространяются на три губерніи Юго-Западнаго края) и военно-историческое общество. Въ городѣ и въ прилегающемъ къ нему краѣ имѣется также много памятниковъ старины и цѣнныхъ частныхъ коллекцій (графа Вобринскаго, Хапенко и друг.). Все это вмѣстѣ взятое, въ связи съ нахожденіемъ въ Кіевѣ цѣлаго ряда высшихъ учебныхъ заведеній, богатыхъ учеными силами, создаетъ весьма благоприятныя условія для учрежденія въ Кіевѣ археологическаго института. Не слѣдуетъ забывать,—замѣчаетъ академикъ Иконниковъ,—и того, что и виленскій весьма обширный центральныи архивъ, а также недавно присоединенный къ нему витебскій архивъ также еще ждутъ своего изученія. А такъ какъ въ Вильнѣ нѣтъ университета, то кіевскій археологическій институтъ могъ бы распространить сферу своего изученія, научнаго вліянія и своихъ научныхъ интересовъ и на виленскіе архивы.

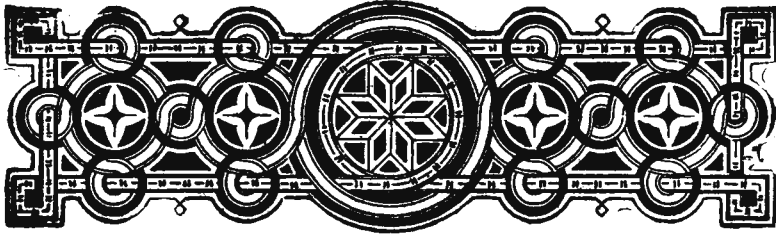
По мнѣнію Иконникова, кіевскій археологическій институтъ будетъ обеспеченъ не только учеными силами и преподавательскимъ персоналомъ, но и достаточнымъ контингентомъ слушателей. Будутъ, конечно, лица, которыя, по окончаніи средняго или высшаго образованія, пожелаютъ посвятить нѣсколько лѣтъ изученію археологіи и архивнаго дѣла; но будетъ немало и лицъ, которыя пожелаютъ совмѣщать изученіе археологіи съ другой какой-нибудь спеціальностью. А такъ какъ всѣ кіевскія высшія учебныя заведенія переполнены учащимися, то есть полное основаніе думать, что и въ археологическомъ институтѣ число слушателей и учащихся будетъ настолько достаточно, чтобы сдѣлать его существованіе въ Кіевѣ вполне возможнымъ. Лѣтъ пять

тому назадъ въ Кіевѣ была образована, подъ предсѣдательствомъ того же академика Иконникова, комиссія по вопросу объ открытіи въ Кіевѣ археологическаго института. Былъ выработанъ планъ института, намѣчена программа и возбуждено соответствующее ходатайство. Въ настоящее время выяснилась необходимость въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ въ уставѣ, въ виду чего министерство народнаго просвѣщенія запросило комиссію, остается ли она при своемъ намѣреніи учредить въ Кіевѣ археологическій институтъ.

Пожелаемъ скорѣйшаго осуществленія этого благого намѣренія.

А. Мионовъ.

Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 февраля
по 15 марта для отзыва слѣдующія книги:

П. П. Блонскій. Янъ Амосъ Коменскій. Кн-во К. И. Тихомирова. М. 1915. Стр. 120. Ц. 60 к.

Нужно привѣтствовать счастливую мысль кн-ва К. И. Тихомирова дать рядъ общедоступныхъ монографій о великихъ педагогахъ. Первый выпускъ этого изданія посвященъ Яну Амосу Коменскому и, разработанный на тщательномъ изученіи общей литературы и, по возможности, первоисточниковъ, онъ даетъ довольно отчетливую характеристику не только жизни и трудовъ самого Коменскаго, но и общаго состоянія всей эпохи. Разсмотрѣны подробно педагогическіе взгляды Коменскаго и приведены мнѣнія о немъ современниковъ и потомства. Особенно нужно рекомендовать эту книжку г. Блонскаго нашему учительству. Слѣдующіе выпуски будутъ посвящены Платону, Ушинскому и др.

А. Красковскій. Борьба противъ уни въ Западной Россіи и единство русскаго народа въ 1648—1668 г.г. Историческое изслѣдованіе. Витебскъ. 1914. Стр. 245. Ц. 1 р.

Отчетъ астраханскаго общества народныхъ университетовъ за 1912—1913 гг. Астрахань. 1914. Стр. 30. Цѣна не обозн.

Историческія свѣдѣнія о кабардинскомъ народѣ. Къ 300-лѣтію дома Романовыхъ. Изданіе В. Н. Кудашева. Кіевъ. 1914. Стр. XVI+283. Ц. 7 р. 50 к.

А. Н. Желтухинъ. Математика и физика во французскихъ лицахъ. Одесса. 1915. Стр. 119. Ц. 1 р. 20 к.

А. Ремизовъ. Весеннее порошье. Изданіе «Сиринъ» Пгр. 1915. Стр. 328. Ц. 1 р. 50 к.

В. Сологубъ. Собраніе сочиненій. Т. XX. Изданіе «Сиринъ». Пгр. 1915. Стр. 221. Ц. 1 р. 75 к.

Аполлонъ Григорьевъ. Собраніе сочиненій подъ редакціей В. О. Саводника. Москва. 1915. Вып. 1. Автобіографія. Стр. LIV+104. Ц. 60 к.—Вып. II. Развитие идеи народности въ нашей литературѣ со смертью Пушкина. Стр. VI+146. Ц. 50 к.—Вып. V. «Горе от ума» Грибоедова. Стр. 20. Ц. 15 к.

Я. Романчукъ. Европейската война и руско-украинския въпросъ. Варна. 1914. 1914. Стр. 42. Ц. 20 ст.

П. А. Александровъ. Сѣверная система. Опытъ изслѣдованія идей и хода внѣшней политики Россіи въ первую половину царствованія императрицы Екатерины II. Москва. 1914. Стр. 211. Ц. 1 р. 50 к.

Бар. В. Я. Инскуль. Полное собраніе сочиненій. Т. III. Пѣсня о нартъ Созирко. (Кавказскіе мѣны). Пер. Вл. Волинцева. Ревель. 1915. Стр. VIII+110. Ц. 1 р.

И. И. Огіенко. Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ. Исторія проникновенія заимствованныхъ словъ въ русскій языкъ. Кіевъ. 1915. Стр. 163. Ц. 60 к.

Книга И. И. Огіенко по исторіи приобщенія въ русскій языкъ заимствованныхъ изъ чужихъ языковъ словъ представляетъ большой интересъ для широкой публики, такъ какъ наши общіе курсы по русскому языку этого вопроса почти не касаются. Къ книгѣ приложенъ обширный списокъ литературы по разсмотрѣнному вопросу и указатель заимствованныхъ изъ иностранныхъ языковъ словъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

Проф. В. Бузескуль. Лекціи по исторіи Греціи. Т. I. Пгр. 1915. Стр. XV+592. Ц. 3 р. 25 к.

Новое третье изданіе труда почтеннаго историка древней Греціи значительно переработано. Такъ, дополненъ отдѣлъ новѣйшихъ открытій и трудовъ по греческой исторіи, расширенъ отдѣлъ о классическихъ древностяхъ юга Россіи и т. д. Въ первой частѣ данъ обзоръ источниковъ, а 2-ая представляетъ собою очеркъ разработки греческой исторіи въ XIX в. и началѣ XX в. Книга снабжена указателемъ.

Д. С. Мережковскій. Двѣ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 123. Ц. 50 к.

— Было и будетъ. Дневникъ. 1910—1914 гг. Изданіе т-ва И. Д. Сытина. М. 1915. Стр. 360. Ц. 1 р. 50 к.

Педагогическая бібліотечка. Д-ръ Георгъ Кершенштейнеръ. Избранныя сочиненія. Подъ ред. и съ предисл. прив.-доц. М. М. Рубинштейна. Книгоиздательство К. И. Тихомирова. М. Кузнецкій мостъ. 1915. Стр. X+322. Ц. въ пер. 1 р. 75 к.

Для успѣшной борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ намъ необходимо всесторонне изучить своего врага. Въ этомъ изученіи школа должна занять одно изъ первыхъ мѣстъ, такъ какъ она—душа націи. Вотъ почему слѣдуетъ обратить вниманіе на настоящую книжку, переведенную весьма тщательно. Авторъ особенно настаиваетъ, на ряду съ научнымъ и техническимъ образованіемъ, на такъ наз. гражданскомъ воспитаніи юношества и на выработкѣ его характера. Нельзя не отмѣтить неоднократно повторяемой Кершенштейнеромъ мысли, что Англія и Америка опередили въ выставленномъ имъ педагогическомъ требованіи Германію.

Памятники мировой литературы. Античные писатели. Софокль. Драмы. Переводъ со введеніями и вступительнымъ очеркомъ Э. Зѣлинскаго. Томъ II. Стр. LXXVI+436. — Томъ III. Стр. VII+439.

М. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. 1914—1915. Ц. каждого тома 3 р.

Валерій Брюсовъ. Полное собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ III. Urbi et Orbis. (Стихи 1901—1904 гг.). Спб. Издательство «Сиринъ». 1914. Стр. 242.— То же. Томъ IV. Stephanos.—Всѣ нагѣвы (1 часть). (Стихи 1905—1909 гг.). Спб. Издательство «Сиринъ». 914. Стр. 289.—То же. Томъ XV. Театръ. Земля. (Сцены будущихъ временъ).—Путникъ (Цепходрама).—Протесилай умершій. (Трагедія съ хорами).—Амфитрионъ (Комедія Мольера).—Пеллеасъ и Мэлизанда. (Драма М. Мэтерлинка). 1904—1912. Спб. Издательство «Сиринъ». 1914. Стр. 293. Цѣна каждого тома въ переплетѣ 1 р. 75 к.

Въ III и IV томахъ имѣется 19 стихотвореній и одна лирическая поэма («Во храмѣ Бѣла»), которая появляются въ печати впервые. Зато баллада VII (т. III), напечатанная ранѣе въ «Золотомъ Рунѣ» (1906 г., № 1), не могла быть помѣщена въ этомъ собраніи, «по условіямъ нашей печати».

Пятидесятилѣтній юбилей газеты «Русскія Вѣдомости» (1863—1913). Изданіе юбилейнаго комитета чествованія «Русск. Вѣд.» подъ редакціей Н. В. Давыдова. М. 1915. Стр. 166. Ц. не обозн.

Н. Каринцевъ. Образы прошлаго. Очерки и рассказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ. Для юношества. Пгр. 1915. Стр. VI+361. Ц. 2 р. 25 к.

Новый сборникъ рассказовъ г. Н. Каринцева, благодаря живости и яркости изложенія, прочтется маленькими читателями съ большимъ интересомъ и пользою. Авторъ въ легкой полубеллетристической формѣ знакомитъ съ жизнью и трудами св. Женевьевы, французской національной героини, монаха Кедмона, Бэды, «отца англійской науки», епископа св. Амвросія, Томаса Мора, Палисси, Даміана де-Вестера, англійскаго «доктора Газа»—Джона Говарда, Чосера, поэта Р. Борнса, Ч. Дикенса и французскаго художника Пювиса де-Шаванна. Книга украшена многими рисунками.

Графиня А. Потоцкая. Мемуары. (1794—1820). Переводъ съ франц. А. Н. Кудрявцевой. Кн-во «Прометей» Н. Н. Михайлова. Пгр. 915. Стр. 271. Ц. 2 р.

Записки жены декабриста П. Е. Анненковой. Кн-во «Прометей»—Н. Н. Михайлова. Пгр. 1915. Стр. 166. Ц. 1 р. 50 к.

Новалисъ. Фрагменты. Въ переводахъ Григорія Петникова. Кн-во «Лирень». М. 1914. Стр. 32. Ц. 70 к.

Ө. Ө. Аристовъ. Россія и чешскій во-

прось. Прогрессивное издательство А. С. Дзюбенко. М. 1914. Стр. 8. Ц. 10 к.

Б. А. П—ий. Современная Монголія. Пгр. 1915. Стр. 31. Ц. 30 к.

«**На досуѣ**». Ежемесячный иллюстрированный литературный и общественный журнал. Пгр. 1915. №№ 1, 2, 3. Ц. за годъ 1 р.

«**Нѣмецкое зло**». Сборникъ статей, посвященныхъ вопросу о борьбѣ съ лашей «внутренней Германіей». Вып. 1. М. 1915. Стр. 107. Ц. 70 к.

В. В. Насаткинъ. Дмитриевскій соборъ въ губернскомъ гор. Владимирѣ. Изданіе владимирской ученой архивной комиссіи. Владимиръ. 1914. Стр. 39. Ц. не обозн.

И. Бахтинъ. Угорская Русь. Пгр. 1915. Стр. 52. Ц. 30 к.

Протоіерей Е. Капраловъ. Легенда о «Великомъ Инквизиторѣ» О. М. Достоевскаго и ея религиозно-историческій смыслъ. Кіевъ. 1915. Стр. 41. Ц. 30 к.

Отчетъ одесской общественной бібліотеки за десятилѣтіе 1905—6 февраля—1915 г. Одесса. 1915. Стр. 67. Ц. не обозн.

А. В. Бѣлгородскій. Пзработанное славянство въ Австро-Венгріи и Германіи. Изданіе П. П. Карбасникова. Пгр. 1915. Стр. 138. Ц. 1 р.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1915 г. Книга 1 (252). Москва. 1914. Стр. 943. Ц. 3 р.— Книга 2 (253). М. 1915. Стр. 46+XIX+421+26+38. Ц. 3 р.

Вѣстникъ харьковскаго историко-филологическаго общества. Вып. 5. Харьков. 1914. Стр. 90. Ц. 50 к.

Книжка содержитъ 12 статей, читающихся съ интересомъ. Особенно любопытны сообщенія г. Барвинскимъ архивныя свѣдѣнія XVIII в. о челоуѣкѣ, считавшемъ себя упыремъ. Л. П. Семеновъ проводитъ параллель между Толстымъ и Мордовцевымъ въ обработкѣ имп типа «Хаджи-Мурата». Три статьи посвящены памяти историка Харьковскаго края, Д. П. Миллера.

З. Лависсъ. Очерки по исторіи Пруссіи. Переводъ А. Тимофеевой. Изд. 2-е М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. 325. Ц. 1 р. 25 к.

А. А. Корниловъ. Молодые годы Михаила Бакунина. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ. М. 1915. Стр. XIV+718. Ц. 4 р. 50 к.

Е. Нелидова. Русь въ ея столицахъ. III. Кіевъ. Пгр. 1915. Стр. 218. Ц. 60 к.

Третій выпускъ серіи историческихъ очерковъ «Русь въ ея столицахъ» Е. Нелидовой посвященъ Кіеву (первый—Старой Ладогѣ, второй—Новгороду). Авторъ въ связи съ изложеніемъ событій общей исторіи рассказываетъ прошлое былой русской столицы и знакомитъ въ легкой общедоступной формѣ съ историческими судьбами Кіева. Книга щедро иллюстрирована и можетъ служить недурнымъ пособіемъ при изученіи русской исторіи въ младшихъ классахъ средне-учебныхъ заведеній и народныхъ училищъ.

Б. Демчинскій. Сокровенный смыслъ войны. Пгр. 1915. Стр. 78. Ц. 80 к.

«**Лукоморье**». Сборникъ военныхъ разсказовъ. Изд-во «Лукоморье». Пгр. 1915. Стр. 340. Ц. 2 р.

Извѣстія императорской археологической комиссіи. Выпуски 51, 52, 53, 54, 55, 56 и прибавленія къ вып. 52, 54 и 56. Пгр. 1914—1915.

Отчетъ императорской археологической комиссіи за 1911 г. Съ 143 рис. Пгр. 1914. 4^о Стр. 123. Ц. не обозн.

Матеріалы по археологической Россіи, издаваемые императорской археологической комиссіею. № 34. Доклады, читанные въ Лондонскомъ международномъ конгрессѣ историковъ въ мартѣ 1913 г. гр. А. И. Бобринскимъ, Е. М. Придиномъ, М. А. Ростовцевымъ, Б. В. Фармаковскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Съ 59 таблицами и 40 рис. Пгр. 1914. 4^о Стр. 120+XVI. Ц. не обозн.

В. М. Тихомировъ. Поэзія Фета. Кіевъ. 1914. Стр. 20. Цѣна не обозн.

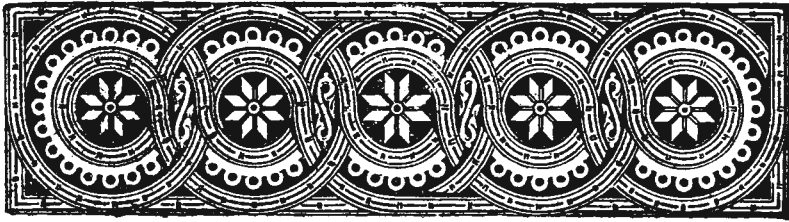
М. Лѣтопись Востока. Пгр. 1914. Стр. 157. Ц. 1 р. 20 к.

А. Н. Гладкій. Русская художественная литература, какъ факторъ въ средней школѣ. Пгр. 1915. Стр. 33. Ц. 40 к.

К. Е. Шулеповъ. Quo usque tandem, Болгарія?.. Отношеніе Болгаріи къ Россіи въ настоящую войну. Пгр. 81. Ц. 50 к.

В. И. Шамраевъ. Пособіе при чтеніи и разборѣ произведеній русской словесности въ средн. учебн. заведеніяхъ и дома. Вып. I. Устные произведенія. Книжная словесность XI—XVIII вв. Александровскъ-Грушевскій. 1913. Стр. 236. Ц. 1 р. 35 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ПРИ ДВОРѢ германскаго кронпринца.— Съ январской книжки журнала «The Fortnightly Review» печатаются воспоминанія одной англичанки, долгое время жившей при германскомъ дворѣ въ качествѣ воспитательницы дѣтей кронпринца. Хотя въ запискахъ она и не говоритъ прямо о кронпринцѣ, но, судя по описанію наружности этого принца, дѣло идетъ, какъ увидитъ ниже читатель, именно о немъ.

Первое знакомство английской гувернантки съ своими будущими воспитанниками состоялось въ одномъ изъ загородныхъ замковъ, которые, ксати сказать, иной разъ, несмотря на свое громкое названіе, представляютъ собой весьма скромный домъ, гдѣ пріѣзжающая семья кронпринца едва можетъ размѣститься. Дѣти играли въ запущенномъ паркѣ на кегельбанѣ. Чтобы познакомиться съ ними только что прибывшую миссъ, приставленная къ нимъ надзирательница повела ее прямо къ кегельбану. На кегельбанѣ красовался большой игрушечный городъ. Тутъ были церкви, дома, театры; парки съ крошечными деревьями, пруды и озера изъ слюды, лужайки, сдѣланныя изъ искусственнаго моха. Около этого города возбужденно носились и суетились два мальчика и кудрявая дѣвочка лѣтъ семи, подъ присмотромъ лейтенанта, управлявшаго игрушечнымъ цешелиномъ, который носился надъ городомъ.

Пока лейтенантъ возился съ цешелиномъ около игрушечнаго ангара, представлявшаго собою точную копію съ настоящаго, англичанка стала разсматривать игрушечный городъ и къ изумленію своему узнала въ немъ точную копію Лондона. Вотъ Трафальгарская площадь съ крошечными фонтанами и львами, вотъ Букингемскій дворецъ, около котораго поблескиваетъ маленькое слюдяное озеро, вотъ адмиралтейство съ его извѣстными арками. Далѣе видѣ-

лись англійскій банкъ, Тоуеръ, Вестминстерское аббатство. Всѣ эти зданія были поставлены на раскрашенномъ планѣ Лондона, который былъ разостланъ на кегельбанѣ. Планъ былъ очень подробный: отмѣчены были всѣ улицы, площади, маленькіе скверы, Темза и протекающая по Гайдъ-парку рѣчка Серпатинъ были изображены синими полосами, пропорціонально ширинѣ каждой. Крыши Тоуера, англійскаго банка и Вукингемскаго дворца были посыпаны какимъ-то бѣлымъ порошкомъ.

Оказалось, что, подъ руководствомъ лейтенанта дѣти на игрушечномъ цеппелинѣ учатся, какъ нужно разрушать Лондонъ воздушной бомбардировкой. Ихъ цеппелинъ представлялъ собой точную копию настоящаго цеппелина и могъ летать надъ городомъ самостоятельно, управляемый при помощи привязаннаго къ нему шнурка. Когда цеппелинъ пролеталъ надъ намѣченнымъ зданіемъ, стоило только дернуть за шнурокъ, и изъ него начинали сыпаться бѣлые шарики, изображавшіе бомбы. Ударяясь о крышу зданій, шарики разсыпались въ пыль, и такимъ образомъ можно было судить о томъ, насколько удачно шла бомбардировка города сверху.

— Нехорошо,—кричалъ лейтенантъ дѣтямъ:—вы бросаете слишкомъ много, и не тамъ, гдѣ нужно. Смотрите на бѣлые пятна. Мои бомбы попали какъ разъ на самыя важныя зданія. Теперь смотрите, какъ я буду дѣлать. Мы надъ Вестминстерскимъ аббатствомъ...

Лейтенантъ стоялъ задомъ къ англичанкѣ и не могъ ее видѣть. Но младшій изъ мальчиковъ, сидѣвшій на корточкахъ, сдѣлалъ ему предостерегающій знакъ. Лейтенантъ покраснѣлъ до корня волосъ, послѣшивъ представиться и началъ увѣрять, что все это не болѣе, какъ дѣтская забава. Впослѣдствіи оказалось, однако, что такую же *Kriegspiel* они продѣлывали надъ Парижемъ и Петроградомъ.

Игру пришлось прервать, и дѣти подошли къ своей новой гувернанткѣ. Старшій изъ принцевъ, темноволосый, съ коричневыми глазами, далеко разставленными другъ отъ друга, съ плоскимъ носомъ и широкими безпокойными ноздрями очень сосредоточенъ и серьезенъ и господствуетъ подъ своимъ братомъ. Второй сынъ кронпринца—толстый, бѣлокурый мальчикъ съ голубыми глазами, упрямымъ выраженіемъ лица, на которомъ подбородокъ рѣзко выступаетъ впередъ.

Оба они говорили уже по-англійски, но неправильнымъ, ломанымъ языкомъ.

Таковы были будущіе питомцы автора воспоминаній. Съ родителями ихъ автору пришлось познакомиться нѣсколько позднѣе, когда вся семья съѣхалась въ Шварцвальдъ, въ одномъ изъ «шлоссовъ», о которыхъ мы говорили выше. Большую часть времени семья жила въ Потсдамѣ, который расположенъ въ чрезвычайно болотистой мѣстности, кишашей лѣтомъ комарами и мошками.

«Насъ вызвали въ Шварцвальдъ внезапно,—говоритъ авторъ воспоминаній.— Впослѣдствіи я привыкла къ тому, что здѣсь все дѣлается внезапно. Никогда нельзя знать заранѣе, что сегодня будетъ, и надо быть готовой ко всему. Это очень непріятно дѣйствуетъ на нервы. Но хозяева не обращаютъ вниманіе ни на кого, что составляетъ чисто прусскую особенность.

«Я была представлена принцессѣ въ ея пестро, но безвкусно мебелированномъ будуарѣ, куда меня ввела одна изъ прусскихъ графинь, которая, казалось, готова была на всякія жертвы, лишь бы быть остроумной.

«Англичка на въ возрастѣ принцессы имѣла бы еще видъ барышни. Несмотря на красивое лицо и блестящіе глаза, принцесса начинала уже блекнуть. Черты ея лица огрубѣли, но явился, несмотря на общую худобу, двойной подбородокъ. Она прекрасно говорила по-английски и по своей живости произвела впечатлѣніе скорѣе француженки, чѣмъ нѣмки.

«Пока мы говорили, дверь съ шумомъ отворилась, и вошелъ какой-то молодой человекъ. То былъ кронпринцъ. Будучи на нѣсколько лѣтъ старше жены, онъ по виду былъ моложе ея. Лицо его было длинно и узко. На немъ, видимо, былъ корсетъ, и онъ держался, какъ палка. На губахъ блуждала какая-то странная, разсѣянная улыбка. Присутствіе мысли появлялось на этомъ лицѣ лишь тогда, когда онъ начиналъ говорить о какомъ-нибудь любимомъ своемъ дѣлѣ, въ родѣ, на примѣръ, спорта».

Особенно поразили автора воспоминаній глаза кронпринца—глаза настоящего звѣря—косые, узкіе, блестящіе, не внушавшіе къ себѣ ни малѣйшаго довѣрія.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ эпизодовъ за время пребыванія въ Германіи автора воспоминаній было посѣщеніе семействомъ кронпринца завода Круппа и имѣнія его жены Нюгелъ близъ Рура.

«Королева пушекъ» Берта Круппъ вышла замужъ за германскаго дипломата Густава фонъ-Воленъ ундъ Гольбаха, который теперь и стоитъ во главѣ завода. По фигурѣ и внѣшности этотъ пушечный дипломатъ, бывшій когда-то секретаремъ германскаго посольства въ Вашингтонѣ, напоминаетъ скорѣе американца, чѣмъ нѣмца. Сходство съ американцемъ увеличивается еще и оттого, что онъ говоритъ по-английски съ сильнымъ американскимъ акцентомъ.

— Если вспыхнетъ война,—сказала автору воспоминаній одна изъ придворныхъ дамъ, когда семья кронпринца вернулась въ свой шварцвальдскій «шлюссе»:—Круппъ-фонъ-Воленъ будетъ первымъ лицомъ послѣ кайзера. Но за этимъ скрывается другая сторона. Въ сущности, вовсе не Бернгарди хлопотеть о войнѣ, а Густавъ Круппъ фонъ-Воленъ выберетъ часъ для этого. Въ трехъ газетахъ, которыя существуютъ на деньги Круппа, безъ его одобренія не печатается ни одного слова. Вотъ почему и императоръ, и кронпринцъ такъ ухаживаютъ за нимъ. Кромѣ того, оба они состояли акціонерами крупновскаго завода, хотя это секретъ. Они знаютъ, что такое этотъ Густавъ: онъ мечтаетъ о томъ же, о чемъ мечтали старикъ Альфредъ Круппъ и о чемъ мечтаетъ нашъ императоръ

«Когда я спросила, о чемъ же именно они мечтаютъ, графиня разсмѣялась и сказала, что она предоставляет мнѣ самой догадаться объ этомъ».

Домъ въ имѣніи Крупповъ настоящій дворецъ, способный вмѣстить въ себя множество гостей. Однимъ изъ самыхъ частыхъ посѣтителей этого имѣнія былъ генераль Бернгарди, пресловутый германскій проповѣдникъ «биологической» необходимости войны.

«Однажды мои принцы,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—играли

какъ-то въ паркѣ вмѣстѣ съ дѣтьми Крупновъ въ маленькомъ домикѣ, который былъ выстроенъ для самой Берты Крупнъ, когда она была еще дѣвочкой. Въ этотъ день къ завтраку были приглашены одинъ изъ директоровъ завода Крунна Экциусъ и нѣкій Дг. Линденъ, директоръ извѣстнаго акваріума въ Неаполь, кстати сказать, устроеннаго тамъ по настоянію кайзера. Пока я сидѣла въ домикѣ, эти господа, въ сопровожденіи хозяйина и прѣхавшаго наканунѣ генерала Бернгарди направились какъ разъ къ намъ, чтобы взглянуть на хранившуюся въ домикѣ книгу, въ которой расписывались знатные поѣсители имѣнія.

«Увидѣвъ меня, хозяйинъ назвалъ мое имя. Мужчины вѣжливо поклонились, кромѣ Бернгарди, который едва кивнулъ своей головой, сидѣвшей на короткой толстой шеѣ. Онъ бросилъ на меня зоркій взглядъ и спросилъ меня рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ:

«— Вы англичанка?

«Хозяинъ попытался объяснить, что я родилась въ Вашингтонѣ и что мой отецъ былъ морякъ американской службы.

«— Ну, это лучше —проворчалъ генераль».

Впоследствии автору воспоминаній рассказывали, что этотъ генераль былъ типичнымъ прусскимъ грубияномъ: путешествуя съ женою, онъ затѣвалъ съ нею шумныя ссоры въ отеляхъ и публичныхъ мѣстахъ, не стѣняясь, расталкивалъ всѣхъ, мужчинъ и женщинъ, лишь бы пробраться куда нужно первому, словомъ, велъ себя какъ настоящій солдафонъ.

«Этотъ Бернгарди часто заходилъ на половину, отведенную для дѣтей кронпринца, сажалъ ихъ къ себѣ на колѣни и начиналъ экзаменовать насчетъ армій различныхъ народовъ. Когда дѣло дошло разъ до Англіи, старшій изъ принцевъ опредѣлилъ ея армию въ 180 тысячъ человекъ.

«— Ну, мы скоро управимся съ ними,—захихикалъ генераль.

«— Лейтенантъ Х. говорилъ намъ, что не слѣдуетъ говорить такихъ вещей въ присутствіи миссъ,—смущенно сказала мальчикъ.

«Генераль бросилъ на меня снисходительный взглядъ и мнѣ стало ясно, что никогда мнѣ не приходилось видѣть болѣе грубаго и жестокаго человѣка. Это было настоящее воплощеніе милитаризма.

«— Вы другъ англичанъ?—спросилъ онъ.

«Я вступилась за Англію, заявивъ, что считаю ее величайшей страной въ мірѣ.

«— Глупости,—грубо отрѣзалъ Бернгарди, принимавшій свою собесѣдницу за американку:—почитайте только ихъ газеты, и вы увидите, что англичане быстро вырождаются. Рука судьбы уже занесена надъ ними. Они спятъ и проснутся отъ хорошаго толчка, но будетъ уже поздно.

«Не продолжая разговора, Бернгарди сталъ разспрашивать младшаго изъ братьевъ, что онъ знаетъ о флотѣ. Тотъ отвѣчалъ, что его воспитатель-лейтенантъ велѣлъ ему выучить по картинкамъ названія всѣхъ кораблей русскихъ, французскихъ и въ особенности англійскихъ, «которые будутъ потоплены германскимъ флотомъ».

«— Prachtvoll, colossal!—повторялъ солдафонъ, поглаживая мальчика по головѣ».

— Германскія плути.—«Nuova Antalogia» приводит страничку из сочиненія G. Uzanne «Instantanés d'Angleterre», которая даетъ прекрасную характеристику нѣмецкой безцеремонности. Борьба между нѣмцами и англичанами на торговой почвѣ велась самая ожесточенная. Англичане требовали, чтобы нѣмцы ставили на своихъ произведеніяхъ этикетъ «Made in Germany», такъ какъ они совершенно запленили рынки своими поддѣлками. G. Uzanne передаетъ бесѣду съ однимъ купцомъ изъ Ливерпуля.

«Вы не повѣрите, до чего они доходятъ. Я полагаю, вы знаете Шеффилдъ и его превосходныя стальные вещи. Полагаю, вамъ извѣстно, что до сихъ поръ въ Йоркширѣ не было соперника Шеффилду по производству стальныхъ ножей. Нѣмцы попробовали забить насъ на почвѣ различной промышленности. Они поддѣлывали свое сукно подъ наше, а также полотно, консервы, бумагу и прочее. Это самые безсовѣстные поддѣлыватели, какіе только существуютъ. Всѣ извѣстныя въ Англии марки, а также во Франціи, начиная съ лѳонскаго шелка и духовъ, поддѣлывались ими съ замѣчательнымъ нахальствомъ. Они не останавливаются ни передъ какой поддѣлкой, ни передъ какимъ подражаніемъ, ни передъ какой поддѣлкой этикета, ни передъ чѣмъ, только бы это годилось для ихъ торговли. Но поддѣлаться подъ Шеффилдъ казалось невозможнымъ. Ну, и что же? Они осмѣлились и это сдѣлать. Они наводнили нашъ рынокъ, нашъ англійскій рынокъ дешевыми ножами съ клеймомъ «Scheffield» и съ едва замѣтной даже съ помощью лупы надписью: «Made in Germany». Это было слишкомъ. Въ дѣло вмѣшалась дипломатія; всѣ купцы соединились, такъ какъ послѣ первой удачной попытки нѣмцы завалили рынокъ. И что же оказалось? Сколько вы ни думайте, но такого плутовства вамъ не придумать. Эти тевтоны, чтобы лучше насъ провести и обезпечить себѣ безнаказанность, основали, придумали, сами выстроили городъ Шеффилдъ въ Германіи!»

Такой способъ наживы сдѣлалъ Германію самой богатой страной въ свѣтѣ. «Согласно расчету нѣмецкихъ экономистовъ,—говоритъ Фино въ «La Revue» въ 1913 году,—имперія обладала 400 миллиардами, не считая недвижимостей, желѣзныхъ дорогъ и проч. Но Вильгельмъ тратилъ на вооруженіе безумныя деньги, и предвѣстники близкой катастрофы все увеличивались; народъ ропталъ на бремя налоговъ, и съ 1900 года жизнь въ Германіи значительно вздохнула. Этимъ объясняется крайняя нервозность нѣмцевъ, которая ускорила событія послѣдняго времени.

— Счетъ за убытки. Какое наказаніе должна понести Германія за свое поведеніе? На это отвѣчаетъ Жанъ Фино въ февральской книжкѣ «La Revue».

По его словамъ, Германія должна уплатить сто семьдесятъ миллиардовъ. Комиссіи, выбранныя союзниками, разсмотрятъ всѣ причиненныя ею убытки.

Число сражающихся въ союзныхъ арміяхъ около десяти милліоновъ человѣкъ. По всей вѣроятности, война продлится еще около года. Фино подробно рассчитываетъ, сколько стоитъ въ день содержаніе солдата. Такъ какъ зачинщицы войны—Германія и Австрія, то, безъ сомнѣнія, ихъ принудятъ выплатить не

только расходы по содержанию войск и по другим военным надобностям, но также за всё разоренные города, фабрики, заводы, желѣзныя дороги союзныхъ державъ и т. д.

Но въ современную войну надо ввести новый факторъ, не извѣстный въ прежнія времена: это экономическая стоимость солдата, убитаго или сдѣлавшагося неспособнымъ къ труду. «Надо,—говорить Финно,—сдѣлать войны въ будущемъ страшными, особенно для тѣхъ, кто отвѣтствуетъ за нихъ».

Одинъ нѣмецкій экономистъ, д-ръ Виттштейнъ, посвятилъ оцѣнкѣ чело-вѣческой жизни свой трудъ, который сдѣлался почти классическимъ въ Германіи. По его исчисленію, жизнь нѣмецкаго рабочаго моложе двадцати пяти лѣтъ равняется 3,000 талеровъ, челоѵка, живущаго умственнымъ трудомъ, 17,536 талеровъ, а землепашца только 2,400 талеровъ. Не останавливаясь подробно на расчетахъ г. Финно, приведемъ общую сумму, которую должны, по его мнѣнію, потребовать союзныя державы отъ Германіи и Австріи.

Эта сумма равняется приблизительно ста семидесяти миллиардамъ. Конечно, данный вопросъ долженъ быть строго разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ. Моральное наказаніе виновника войны должно быть чрезвычайно строгимъ. Будущій миръ зависитъ особенно отъ того, насколько строгому наказанію подвергнется авторъ самой чудовищной войны, какую только пережило челоѵчество съ момента своего существованія.

— Курьезный бракъ.—Не особенно длиненъ былъ медовый мѣсяцъ Эме д'Обишны, которая въ іюль 1588 года вышла замужъ за овернского дворянина Жерве-де-ля-Роша, когда ей было всего четырнадцать лѣтъ. До своей женитьбы Жерве велъ веселый образъ жизни, вращался въ обществѣ людей, не пользовавшихся доброй славой, и не любилъ долго засиживаться на одномъ мѣстѣ. Когда ему стукнуло уже сорокъ лѣтъ, его вдругъ охватила такая страсть къ своей будущей супругѣ, что Жерве объявилъ всѣмъ роднымъ, что онъ рѣшительно исправится, если ему отдадутъ руку Эме. Какъ бы то ни было, предложеніе было принято, и молодые поселились въ замкѣ Эжсъ, близъ Мулена.

Недѣли черезъ двѣ послѣ свадьбы Жерве, отправившійся какъ-то на прогулку вмѣстѣ съ своимъ другомъ Жаномъ де-ля-Рюэллемъ, вернулся домой въ самомъ жалкомъ состояніи: у него лилась кровь изъ семи ранъ, а носъ былъ разсѣченъ на двое отъ лба до рта. Увидѣвъ столь обезображеннаго супруга, Эме, конечно, упала въ обморокъ. Придя мало-по-малу въ себя, она узнала, что во время прогулки пріятели повстрѣчались съ сосѣдомъ по имѣнію, нѣкимъ Шомжаномъ. Изъ-за чего-то завязалась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что поссорившіеся обнажили шпаги и бросились другъ на друга. Въ результатѣ Шомжанъ и де-ля-Рюэлль были убиты, а Жерве вернулся домой изувѣченнымъ и велѣлъ поскорѣе поднять мосты и забаррикадировать ворота замка. Предосторожность не лишняя, ибо уже вечеромъ явились полицейскіе и именемъ короля потребовали выдачи Жерве, обвиняемаго въ убійствѣ. Имъ сказали, что Жерве убѣжалъ въ Овернъ, и полицейскіе удалились.

Два мѣсяца пролежалъ Жерве почти безъ движенія. Оправившись, онъ по-

мчался въ Парижъ—хлопотать о прокровительствѣ у влиятельныхъ друзей. Тамъ ему легко удалось уладить это дѣло, но зато предстала другая опасность: опять пошли попойки, карты, женщины, дуэли, похождения, займы и долги. Запутавшись и проигравшись, Жерве чувствуетъ, что онъ не въ силахъ взглянуть жемъ въ лицо, и пишетъ ей письмо, что онъ задержанъ дѣлами, что надо вооружиться терпѣнiемъ и не надо ждать его прибытія скоро. Покончивъ съ женой, Жерве изъ Парижа направляется въ Бретань. Багажъ его невеликъ: всего нѣсколько лохмотьевъ, перевязанныхъ веревкой. Стоялъ уже ноябрь, погода была сырая и холодная.

Выбравшись за городъ, Жерве сбросилъ съ себя свои лохмотья и, вынувъ изъ узелка монашескую рясу, облачился въ нее, подвязался веревкой и босикомъ тронулся дальше. Онъ шелъ куда глаза глядятъ, миновалъ, не останавливаясь, Шартръ, Манъ, Анжеръ и бѣжалъ все дальше и дальше отъ этого волшебнаго Парижа и своего замка въ Эксъ, гдѣ его поджидала пятнадцатилѣтняя супруга. Спусти нѣсколько недѣль послѣ начала этого пѣшаго путешествія, Жерве вступилъ въ какой-то большой городъ и успѣшилъ освѣдомиться, что это за городъ. То былъ Нантъ. Какъ ни слабы были въ то время географическія познанія среди французскаго дворянства, все же Жерве сообразилъ, что дальше, за Нантомъ разстилается оксанъ и итти уже некуда. Поэтому онъ повернулъ на сѣверъ и шелъ, пока не достигъ большого лѣса. Здѣсь, на лужайкѣ онъ замѣтилъ маленькую, покинутую обитателями хижину и рѣшилъ провести въ ней остатокъ своихъ бурныхъ дней.

Цѣлый мѣсяцъ не отходилъ онъ отъ своей кельи, питаясь плодами и корнями и проводя цѣлые дни въ молитвѣ и покаяніи. Онъ уже сталъ отвыкать отъ людей, какъ вдругъ однажды среди деревьевъ раздался чьи-то шаги. Поднявъ голову, Жерве увидѣлъ передъ собой молодую, красивую даму. То была герцогиня де-Меркеръ, жившая въ замкѣ по сосѣдству съ лѣсомъ. Наслышавшись объ отшельникѣ, она явилась къ нему лично и стала было разспрашивать его, кто онъ и откуда онъ явился.

— Я недостойный отшельникъ,—отвѣчалъ онъ.

Изувѣченное лицо, благородная осанка,—все это подстрекало любопытство, и герцогиня засыпала таинственнаго отшельника вопросами, но отвѣтъ былъ все тотъ же:

— Я недостойный отшельникъ.

Такъ и уѣхала герцогиня, не узнавши ничего. Но ея визитъ встревожилъ Жерве. Ему стало казаться, что его разыскиваетъ его жена. Не долго думая, онъ собираетъ свои вещи и снова пускается въ путь. Шелъ онъ опять довольно долго, пока, забравшись въ самую глубь Бретани, не набрелъ въ густомъ лѣсу на обширную пещеру съ большимъ камнемъ посрединѣ, который могъ служить ему ложемъ. Мѣстечко ему понравилось, и онъ рѣшилъ здѣсь поселиться. Набравъ камней, онъ устроилъ въ пещерѣ каминь, расчистилъ собственными руками луговинку въ лѣсу, которую засадилъ нѣкоторыми злаками, пригодными для пищи, занялся собираніемъ травъ и корней и мало-по-малу успокоился душой, прилѣпившись всѣмъ сердцемъ къ своему пустынножителству.

Между тѣмъ бѣдная Эме, покинутая мужемъ за двѣсти лье отсюда, не на-

ходила себѣ мѣста, обезпокоенная долгимъ и безвѣстнымъ отсутствіемъ мужа. Послѣ полученнаго отъ него письма недѣля проходила за недѣлей, а объ немъ не было ни слуху, ни духу. Эме уже знала, что его нѣтъ въ Парижѣ, что онъ куда-то исчезъ безслѣдно. По мѣстности, въ которой она жила, то и дѣло проходили банды солдатъ, отправлявшихся на войну или возвращавшихся домой.

Она не пропускала ни одного отряда, не справившись, не знаютъ ли они чего-нибудь о Жерве-де-ля-Рошѣ. «Де-ля-Рошѣ?» повторяли солдаты, и отрицательно кивали головами. Говорили, впрочемъ, что онъ дѣйствуетъ гдѣ-то во флотѣ, но никто не зналъ ничего достовѣрнаго.

Прошло четыре года, а Эме попрежнему ничего не знала о своемъ мужѣ. Въ одинъ прекрасный день она была въ церкви, куда случайно зашли два монаха-минорита. Зная, что минориты ведутъ бродячій образъ жизни, она по своему обыкновенію обратилась и къ нимъ съ вопросомъ, не встрѣчали ли они ея мужа, отличительнымъ признакомъ котораго является разсѣченный надвое носъ. Минориты оказались какъ разъ изъ той мѣстности, гдѣ спасался Жерве, и отлично его знали. Но изъ предосторожности они ничего не сказали о немъ его женѣ. Вернувшись назадъ черезъ годъ,—тогда люди не торопились, какъ въ наше время,—минориты принялись усовѣщевать Жерве, уговаривая его вернуться къ родному очагу. Не говоря ни слова, добровольный отшельникъ сталъ искать новаго убѣжища и въ своихъ странствованіяхъ попалъ въ городъ Пуатье. Отсюда онъ написалъ женѣ письмо, совѣтуя и ей поселиться гдѣ-нибудь въ монастырѣ.

Получивъ извѣстіе отъ мужа, Эме, вѣвъ себя отъ радости, мчится въ Пуатье и разыскиваетъ Жерве, но онъ отталкиваетъ ее отъ себя и заявляетъ, что хочетъ продолжать свое пустынное житіе. Но Эме умоляетъ его вернуться, въ дѣло вступаются ея родственники, наконецъ духовныя власти. Жерве сначала настаиваетъ на своемъ, но наконецъ заявляетъ, что онъ готовъ подчиниться рѣшенію ареопага богослововъ.

Жители Пуатье хохочутъ надъ этой исторіей: женатый отшельникъ, не желающій вернуться къ женѣ! Собранный ареопагъ вынесъ наконецъ свое рѣшеніе. Жерве признанъ обязаннымъ возстановить свою брачную жизнь, а для того, чтобы дѣло было крѣпче, велѣно вѣнчать ихъ еще разъ со всею пышностью въ городскомъ соборѣ.

Въ назначенный для свадьбы день соборъ былъ переполненъ: всякому хотѣлось взглянуть на людей, которыхъ перевѣнчиваютъ второй разъ.

Для Жерве достали блестящій туалетъ, но онъ отказался отъ него и предсталъ въ соборѣ въ своей рясѣ. Лицо его было пасмурно. Молодая же сіяла довольствомъ и счастіемъ. Совершивъ бракосочетаніе, епископъ приказалъ новобрачному поцѣловать свою жену. Жерве повиновался, но съ видимой неохотой. За свадебнымъ пиромъ Жерве съ гримасой отворачивался отъ вкусныхъ блюдъ, которыя ему подносились, и сидѣлъ, опустивъ глаза. На другой день супруги отправились къ себѣ въ Эксъ. Мужъ пѣлъ по дорогѣ псалмы, жена заливалась смѣхомъ.

Черезъ годъ у нихъ родился сынъ. Вѣдная Эме, которая такъ долго ждала

семьи, не выдержала счастья и скоро умерла, а умерщвлявшій свою плоть Жерве сохранилъ прекрасное здоровье до восьмидесяти четырехъ лѣтъ, когда, въ свою очередь, и онъ отправился къ праотцамъ.

Исторія этого курьезнаго брака разсказана въ недавно вышедшей книгѣ Rene Fage «Dans les sentiers de l'histoire», составленной на основаніи старинной рукописи, разысканной авторомъ въ бібліотекѣ арсенала.

— И з у м и т е л ь н а я Р о с с і я.—Иностранные журналы начинаютъ помѣщать восторженные статьи о Россіи, которая возбуждаетъ въ нашихъ союзникахъ совершенно естественный интересъ. До сихъ поръ въ ихъ представленіи Россія являлась спящей царевной, которую невозможно разбудить. Русское общество казалось имъ связаннымъ по рукамъ и по ногамъ. Такого рода мнѣнія придерживался и бельгійскій писатель Эмиль Верхарнъ.

Но вотъ въ 1913 году судьба занесла его въ Россію съ цѣлью прочитать нѣсколько лекцій въ Петербургѣ и Москвѣ. Онъ пріѣхалъ къ намъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ и опаской. На родинѣ его предупредили, что свобода слова въ Россіи воспрещена. Послѣ первой конференціи русскіе литераторы устроили въ честь французскаго гостя банкетъ. Предсѣдателемъ на этомъ чествованіи былъ М. М. Ковалевскій, который вмѣстѣ съ другими представителями литературнаго общества оказалъ Э. Верхарну самый радушный пріемъ.

На этомъ банкетѣ пріѣзжій писатель лично убѣдился, сколь скудными свѣдѣніями о Россіи располагають за границей. Конечно, онъ не встрѣтилъ у насъ той свободы и непринужденности, что у себя на родинѣ, но то, что ему пришлось видѣть, сильно поразило его.

На банкетѣ одинъ изъ ораторовъ, членъ Государственной Думы, даже назвалъ его не «monsieur», а «citoyen». «Я не вѣрилъ своимъ ушамъ,—говоритъ Э. Верхарнъ:—я думалъ, что въ залъ пахлынутъ полицейскіе агенты, настолько откровенно велись рѣчи».

Москва его поразила сильнѣе Петрограда и совершенно разбила мнѣніе объ узкомъ міросозерцаніи русскихъ. Группа московскихъ студентовъ высказала ему такія свѣтлыя мысли, что Э. Верхарнъ убѣдился, сколько у Россіи надеждъ и какъ она сильна. Но, произнося свои горячія рѣчи, молодежь тщательно избѣгала грубыхъ выраженій и высокопарныхъ словъ. Тѣмъ не менѣе въ каждой фразѣ слышалось современное вѣяніе.

«Я былъ удивленъ и очарованъ!»—воскликаетъ побѣжденный Э. Верхарнъ.

Когда его представили высшимъ официальнымъ лицамъ, то онъ не удержался и высказалъ одному изъ администраторовъ свое удивленіе. Отвѣтъ этого лица его не менѣе поразило. Тотъ сказалъ, что въ Россіи можно говорить все общими словами, только бы не ставить точекъ надъ «і». Этотъ отвѣтъ пробудилъ въ немъ воспоминаніе о своей поѣздкѣ въ Берлинъ, и это вызвало невольное сравненіе. Нѣмецкіе администраторы отвѣтили ему то же самое, когда онъ задалъ имъ подобный вопросъ. Вильгельмъ разрѣшаетъ писать, произносить рѣчи въ современномъ духѣ, но съ тѣмъ, чтобы не спускаться съ облаковъ на землю, т. е. разрѣшается проводить теорію, но не примѣнять ее на практикѣ. «Такимъ обра-

зомъ, русскіе и нѣмецкіе администраторы не расходятся во взглядахъ,—говоритъ онъ.—Но зато русская молодежь очень отличается отъ нѣмецкой».

Русская молодежь проявляетъ живую душу, чего не хватаетъ нѣмцамъ. У русскихъ масса воодушевленія; они не останавливаются ни предъ какими жертвами ради своей идеи. Въ современной Германіи этого не встрѣтишь; ни одинъ нѣмецъ не умретъ за идею свободы. Хотя нѣмецкіе социалисты и кричали, что они согласились вести войну только потому, что она ведется противъ представителя абсолютной власти, но сами упустили изъ виду, что Вильгельмъ такой же ихъ врагъ. Верхарнъ говоритъ, что нѣмецкій социалистъ не свободнѣе своего сосѣда славянина и также подчиняется идеѣ абсолютной власти, хотя и возстаетъ противъ нея.

Нѣмецкіе социалисты называютъ русскихъ «варварами». Между тѣмъ эта кличка какъ нельзя болѣе подходитъ къ нимъ самимъ. Они достаточно выказали свои варварскія наклонности, бомбардируя Реймсъ, Лувенъ и Ипръ. Ихъ преступленіе противъ искусства никогда имъ не простится. Съ социальной точки зрѣнія такое преступленіе покроетъ ихъ вѣчнымъ позоромъ. «Когда читаешь манифестъ ихъ ученыхъ и философовъ, то кажется, что все это происходитъ во снѣ», говоритъ Верхарнъ.

Нѣмецкая армія, которую они считали опорой своей культуры, оказалась самой демонической по жестокости и варварству. А между тѣмъ у нѣмцевъ было въ распоряженіи двадцать лѣтъ, чтобы воспитать въ ней вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ правила поведенія, достойныя благороднаго воина.

Германія и Австрія предательски вели себя съ Европой. Холодный расчетъ напасть на нее врасплохъ заставляялъ ихъ годами подготавливаться къ этой войнѣ. Они запасались всѣмъ необходимымъ для веденія этой жестокой войны. Въ то время, какъ Вильгельмъ и Францъ-Иосифъ увѣряли, что они самые миролюбивые государи, у нихъ зрѣлъ планъ предательски, врасплохъ напасть на Европу. Они знали заранѣе, что это хищническое нападеніе неизбѣжно произойдетъ. Они заранѣе знали, что въ первую голову пойдетъ Австрія, потомъ Германія, а затѣмъ Турція, а при случаѣ и всѣ вмѣстѣ. Въ Балтійскомъ морѣ русскаго колосса долженъ былъ поразить флотъ кайзера. Въ Черномъ морѣ и на Кавказѣ должны были напасть турки, а нѣмецкая и австрійская арміи тѣмъ временемъ схватить его за горло и добраться до самаго сердца.

Россія устояла противъ такого чудовищнаго нападенія двухмилліонной арміи. И за эту стойкость Верхарнъ называетъ ее «admirable Russie». Вильгельмъ уже заранѣе торжествовалъ побѣду надъ «русской ордой», но эта орда не только побѣдоносно устояла, а еще принудила его армію подумать о самозащитѣ.

Если такія громадныя усилія германцевъ рушились такъ плачевно, то нельзя не предположить, что первые признаки рѣшительнаго и положительнаго освобожденія и торжества, безъ сомнѣнія, придутъ съ востока.

Европа никогда особенно не любила Германію, вѣрнѣе, недолго любила ее. Теперь, съ момента хищническаго нападенія она проклинаетъ ее. Съ этимъ мнѣніемъ соглашается извѣстный нѣмецкій публицистъ Максъ Гарденъ. Эту антипатію можно объяснить тѣмъ, что у современной Германіи нѣтъ души, нѣтъ

братскихъ чувствъ; все у нея построено на расчетъ. Великія чувства, которыя вложилъ въ нее когда-то Бетховенъ и Шиллеръ, изсякли. Теперь она превратилась въ сухую, жестокую, мелочную, милитаристическую и педантическую страну.

Съ Россіей же тѣмъ временемъ произошло превращеніе, спящая царевна проснулась. Русскую душу потянуло къ самымъ великимъ и широкимъ нравственнымъ чувствамъ.

«Нигдѣ,—говорить Э. Верхарнъ,—человѣчество не проявляло столько порыва и стараній, какъ въ извѣстныхъ кружкахъ Петрограда и Москвы. Духъ самопожертвованія царитъ тамъ почти съ тревожной интенсивностью. Человѣкъ приближается къ человѣку съ вѣрой и лучшими побужденіями. Во всѣхъ разговорахъ, въ каждомъ взглядѣ проглядываетъ тяготѣніе къ благу ближняго. Нигдѣ на свѣтѣ не проявляется такое лихорадочное желаніе исправиться, усовершенствоваться, какъ теперь въ Россіи. Предъ русскимъ народомъ, который скрываетъ въ себѣ возможность развитія и почти безконечныя способности, Германія по-истинѣ является жалкой фигурой».

Такъ восторгается Верхарнъ современной Россіей. Русскимъ остается постараться, чтобы такой подъемъ не былъ только лихорадочнымъ порывомъ, но стойкимъ теченіемъ, направленіе котораго не могли бы измѣнить никакія препятствія.

— Сто дней.—1-го марта текущаго года по новому стилю исполнилась столѣтняя годовщина съ того момента, какъ Наполеонъ, заключенный было на островъ Эльбу, вернулся въ Парижъ и началъ новое царствованіе «ста дней».

Это была наиболѣе поразительная драма, которыми такъ богата необыкновенная жизнь Наполеона, пишетъ «Times». Это была прелюдія къ окончательному пораженію, къ плѣну и смерти. Первый актъ ея, который открывается высадкой въ заливѣ Жуана и заканчивается торжественнымъ водвореніемъ въ Тюильри,—это смѣлая авантюра, блестящая надежда и ослѣпительный успѣхъ.

Наполеонъ отплылъ съ Эльбы въ воскресенье вечеромъ, 26-го февраля. Неизвѣстно, когда задумалъ онъ бѣжать, но окончательный толчокъ къ этому далъ ему визитъ Флери де-Шабулона, который былъ у него въ срединѣ февраля.

Наполеонъ узналъ отъ этого своего поклонника о состояніи умовъ во Франціи. Увидѣвъ удобный случай, онъ быстро принялъ рѣшеніе. Затѣя его казалась окружающимъ отчаянной авантюрой, но она, какъ и всѣ рискованныя предпріятія Наполеона, покоилась на тщательно обдуманнхъ соображеніяхъ. Державы при дѣлежѣ между собой добычи ссорились въ Вѣнѣ, и только подъ угрозой со стороны Англии, Франціи и Австріи, Пруссія, поддерживаемая императоромъ Александромъ, едва согласилась взять назадъ свои притязанія на Саксонію и была такъ раздражена, что добыча, которую она уже намѣтила себя, ускользаетъ отъ нея, что, по возвращеніи Наполеона въ Парижъ, прусскій генераль Гнейзенау предложилъ даже стать на его сторону, лишь бы добиться своего. Мюратъ еще сидѣлъ въ Неаполѣ, Бурбоны, ничему не научившіеся, продолжали дѣлать глупости. Наполеону не было уплачено содержаніе, назначенное ему при отреченіи. Къ тому же онъ боялся, и не

безъ основаній, что его переведутъ на Азорскіе острова. Доходили до него и слухи о готовящихся покушеніяхъ на его жизнь.

Наполеонъ отплылъ съ острова Эльбы на суднѣ, которое носило пророческое имя «Inconstant» (непостоянный). Французскій фрегатъ «Зефиръ» прошелъ такъ близко отъ «Непостояннаго», что Наполеонъ велѣлъ горсткѣ сопровождавшихъ его гренадеръ лечь на палубу и самъ сталъ переговариваться съ фрегатомъ въ рупоръ. Своихъ солдатъ онъ обманывалъ, увѣряя ихъ, что въ Парижѣ вспыхнула революція и что за нимъ прислали нѣкоторые полки. Для завоеванія французскаго королевства у него было не болѣе 1,100 солдатъ, но планъ этого завоеванія у него уже былъ готовъ. Въ Каннѣ его приняли холодно,—свидѣтелемъ этому былъ отецъ Викторіена Сарду, наблюдавшій эту сцену изъ окна своего училища. Наполеонъ зналъ, что населеніе по главнымъ дорогамъ до Ліона было враждебно ему. Поэтому онъ рѣшилъ ударить сначала на Гренобль, а оттуда по рѣкѣ Ронѣ добраться и до Ліона. Въ горахъ около Грасса и Диня пришлось идти гуськомъ въ глубокомъ снѣгу. Наполеонъ шелъ съ солдатами съ палкой въ рукѣ и не разъ падалъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, населеніе относилось къ нему теплѣе и теплѣе. 7-го онъ былъ уже недалеко отъ столицы Дофинэ. Маршалъ Маршанъ, державшій сторону Людовика XVIII, имѣлъ большой гарнизонъ и потребовалъ еще подкрѣпленій. Чтобы запереть «наполсоповскихъ разбойниковъ» въ узкомъ горномъ проходѣ, онъ выслалъ противъ нихъ батальонъ 5-го линейнаго полка съ артиллеріей. Наступилъ самый критическій моментъ всего предпріятія, но именно въ такія минуты Наполеонъ былъ на высотѣ своей задачи. Польскіе уланы, шедшіе въ авангардѣ, отбѣжали въ сторону. Сзади нихъ показались голубые мундиры старыхъ гвардейцевъ въ ихъ мѣховыхъ шапкахъ. Батальонъ 5-го линейнаго полка дрогнулъ. Командовавшій имъ Делессаръ пытался вернуть надъ нимъ власть, но было уже поздно. Императоръ выѣхалъ впередъ одинъ. «Я вашъ императоръ,—сильнымъ, но спокойнымъ голосомъ воскликнулъ онъ.—Если среди васъ есть хоть одинъ солдатъ, который хочетъ его убить, то я жду его». Въ отвѣтъ раздался оглушительный крикъ: «Да здравствуетъ императоръ!» Люди бросились къ нему, становились передъ нимъ на колѣни и были счастливы, если имъ удавалось дотронуться до его шпаги или сапогъ.

Черезъ три дня Наполеонъ былъ уже подъ Ліономъ и занялъ безъ сопротивленія этотъ второй по величинѣ городъ Франціи. Войска, которая онъ такъ часто водилъ къ побѣдѣ, стремились къ нему неудержимо. Наканунѣ того дня, какъ Наполеонъ вступилъ въ Гренобль, маршалъ Ней обѣщаль Людовику XVIII привезти Наполеона въ желѣзной клѣткѣ, а черезъ недѣлю онъ объявилъ войскамъ, что дѣло Бурбоновъ потеряно и что онъ поведетъ своихъ солдатъ къ императору.

Циническій потомокъ Людовика Святого, хорошо знавшій исторію Рима, отказался, однако, сѣсть на курульное кресло и ждать, а поскорѣе уложилъ свои вещи и въ Вербное воскресенье 19-го марта бѣжалъ изъ дворца своихъ предковъ въ Лилль, а оттуда въ Гентъ. Да и пора было. На слѣдующій день Наполеонъ былъ уже въ Фонтенбло. Онъ проѣхалъ по двору, гдѣ годъ тому назадъ прощался со своей гвардіей, и побывалъ во дворцѣ, въ которомъ

хотѣлъ было покончить съ собою самоубійствомъ. По дорогѣ въ Парижъ, привѣтствуемый громкими криками толпы, онъ сдѣлать смотръ нѣсколькимъ полкамъ. Около девяти часовъ вечера его почтовая карета быстро въѣхала на площадь Каруселей. Вся площадь была запружена офицерами, которые на рукахъ понесли его въ Тюльерійскій дворець.

Переворотъ былъ совершенъ.

«Насъ ждетъ побѣда,—писалъ онъ въ своемъ обращеніи къ арміи:—орель на нашихъ знаменахъ взлетитъ на самую башню Notre Dame».

Но—уввы! Судьба судила иначе, и поваго царствованія Наполеона хватило всего на сто дней

— Австралія сорокъ лѣтъ тому назадъ.—10-го декабря 1878 года утромъ четыре молодыхъ человѣка, вооруженные карабинами и пистолетами, остановились передъ фермой, расположенной въ трехъ километрахъ отъ городка Еврон, въ Австраліи. На фермѣ оставались только старики-родители фермера, который со всеми своими рабочими отправился въ поле. Новоприбывшіе заявили старикамъ, что они ихъ арестуютъ. Перепуганные старики были отведены безъ всякаго сопротивленія въ большой сарай, стоявшій сзади дома. По мѣрѣ того, какъ одинъ за другимъ подходили работники въ объѣду, разбойники бросались на нихъ, связывали имъ руки и заирали ихъ въ сарай, подъ караулъ самаго сильнаго изъ нихъ. Скоро въ импровизованной тюрьмѣ оказалось уже съ дюжину лицъ обоюга пола. Но такъ какъ голодъ давалъ себя знать и арестованнымъ и ихъ стражѣ, то путемъ переговоровъ пришли къ соглашенію, и женѣ фермера и одной изъ служанокъ было разрѣшено войти въ домъ, чтобы приготовить возможно лучший объѣдъ.

Послѣ объѣда на ферму зашли два-три посѣтителя. Каждый изъ нихъ сейчасъ же былъ схваченъ и съ револьверомъ у лба отправленъ въ сарай. Съ странствующимъ купцомъ, развозившимъ на своей длинной телѣжкѣ торговое платье и парфюмерные товары, вышелъ даже забавный случай. Не понимая, почему два какихъ-то чужихъ джентльмена желаютъ лишить его свободы, торговецъ хотѣлъ оказать имъ сопротивленіе. Предводителю шайки пришлось даже итти за фермеромъ, который долженъ былъ уговорить вновь прибывшаго и растолковать ему, почему онъ долженъ попасть въ сарай. Вечеромъ четыре джентльмена такъ надушились одеколономъ, найденнымъ въ телѣжкѣ странствующаго торговца, что ихъ присутствіе за ужипомъ положительно отбивало у всѣхъ аппетитъ.

На другой день съ самаго разсвѣта новые владѣльцы фермы занялись дѣломъ, которое они съ самаго начала имѣли въ виду. Прежде всего они перерѣзали всѣ телеграфные провода, которые шли изъ Еврон. Телеграфный чиновникъ, ливившійся узнать, что значитъ это внезапное прекращеніе сообщенія, также угодилъ въ сарай. Такимъ же образомъ были захвачены два жителя Еврон, случайно шедшіе по дорогѣ. Часа въ три трое изъ разбойниковъ уѣхали съ фермы, оставивъ четвертаго стеречь своихъ плѣнниковъ. вмѣсто того, чтобы сѣсть на своихъ лошадей, они усѣлись въ телѣжку торговца и заставили править ею маленькаго прикащика. Но прежде, чѣмъ ѣхать, они заставили фермера выдать имъ чекъ на евройскій банкъ, который, повидимому, являлся главной цѣлью ихъ операцій.

Въ четыре часа, когда банкъ собирался было уже закрываться, атаманъ шайки позвонилъ у двери банка и потребовалъ, чтобы ему уплатили по чеку, который былъ у него въ рукахъ. Онъ, повидимому, сильно торопился, и клеркъ, отворявшій ему дверь, пригласилъ его войти въ банкъ. Въ это время появился другой его компаніонъ, прошедшій черезъ другой входъ. Подъ угрозой съ двухъ сторонъ револьверами клеркъ сдался: ему быстро скрутили руки и ноги и зажали ротъ. Покончивъ съ клеркомъ, разбойники проникли въ кабинетъ самого банкира мистера Скотта. Онъ сидѣлъ за столомъ, на которомъ подъ руками у него лежалъ револьверъ. Взглянувъ на посѣтителей, онъ во время для себя понялъ, что всякое сопротивленіе бесполезно. Молча онъ позволилъ связать себя. Разбойники открыли ящики его стола и, похитивъ оттуда болѣе пятидесяти тысячъ франковъ золотомъ и бумагами, исчезли безслѣдно.

Разбойникамъ оставалось лишь обезпечить себѣ окончательный успѣхъ своего предпріятія. Въ нижнемъ этажѣ дома жена банкира сидѣла за столомъ и писала письма, какъ вдругъ передъ ней предсталъ атаманъ шайки и самымъ вѣжливимъ образомъ просилъ ее пойти съ нимъ на ближайшую ферму. Мистриссъ Скоттъ приняла его по его обращенію за настоящаго «джентльмена» и была увѣрена сначала, что все это шутка. Но дѣйствительность скоро дала себя знать. Мистриссъ Скоттъ съ дѣтми и прислугой была увезена разбойниками въ ея собственномъ экипажѣ, а ея мужъ и клеркъ въ телѣжкѣ торговца готовымъ платьемъ.

Оба экипажа, ѣхавшіе сначала отдѣльно, за городомъ поѣхали вмѣстѣ. Пассажиры ихъ были, конечно, предупреждены, что малѣйшая попытка привлечь на себя вниманіе прохожихъ будетъ стоить имъ жизни. Путешествіе было самое веселое. Атаманъ пустился рассказывать мистриссъ Скоттъ свою біографію. Его звали Недъ Келли, родомъ онъ былъ изъ Ирландіи. За свое теперешнее ремесло онъ долженъ былъ приняться вслѣдствіе преслѣдованія со стороны одного полицейскаго офицера, который напрасно ухаживалъ за его сестрой. Въ одинъ прекрасный день полицейскій и нѣсколько его агентовъ были имъ убиты, и вотъ теперь приходится добывать себѣ средства къ жизни способами нѣсколько рискованнаго характера.

Когда экипажи прибыли къ фермѣ, съ которой читатель уже познакомился раньше, новые плѣнники увеличили населеніе сарая. Затѣмъ разбойники вскочили на лошадей, и скоро отъ нихъ простылъ и слѣдъ.

Когда часовъ въ восемь вечера плѣнникамъ удалось освободиться и добраться до города Еврон, то оказалось, что рѣшительно никто въ городѣ и не подозрѣвалъ о приключеніи, жертвою котораго они стали.

Мѣстомъ другого разбойничьяго подвига Неда Келли явился городокъ Джерильдери въ 150 километрахъ отъ Еврон. Населеніе его было очень невелико, однако въ городѣ былъ уже свой банкъ, почтовая контора, полиція.

Въ одну февральскую ночь 1879 года въ полицейское управленіе, охраняемое въ это время только двумя констаблями, позволили три какихъ-то человѣка. Едва констабли успѣли отворить дверь, какъ были схвачены и брошены въ тюрьму, которая находилась тутъ же, при управленіи. Женамъ этихъ констаблей было объявлено, что онѣ также находятся въ плѣну.

На другой день было воскресенье, и Недъ Келли отправился съ одной изъ этихъ женщинъ въ мѣстную церковь, разумѣется, предупредивъ свою слушательницу, что всякая попытка выдать его повлечетъ за собой самыя плохія послѣдствія. Послѣ обѣда атаманъ и его братъ, переодѣвшисьъ полицейскими, отправились гулять по городу вмѣстѣ съ своими плѣнниками констаблями, которыхъ они заставили выдать ихъ за родственниковъ, недавно пріѣхавшихъ къ нимъ изъ Мельбурна.

Въ понедѣльникъ эти головорѣзы отправились въ лучшую въ городѣ гостиницу, которую они рѣшили превратить во временную тюрьму, какъ это они сдѣлали раньше съ фермой. Постепенно они захватили банкира и его семью, почтовыхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ, кто могъ имъ помѣшать въ ихъ грабительскихъ планахъ, и всѣхъ заперли въ гостиницѣ. Когда операція ограбленія банка была закончена, разбойники преспокойно сѣли на лошадей и скрылись вмѣстѣ съ суммой съ 20 тысячами рублей, захваченной въ банкѣ.

Такія происшествія были самыми обыкновенными въ Австраліи лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ. Теперь объ нихъ ходятъ лишь легендарные рассказы, одинъ изъ которыхъ мы и привели здѣсь со словъ газеты «Le Temps».

С М Ъ С Ъ.

ОДИЧНОЕ общее собрание императорскаго русскаго историческаго общества подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора 12-го марта 1915 года. 12-го марта, въ девять часовъ вечера, въ царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Величества Государя Императора состоялось годовичное общее собрание императорскаго русскаго историческаго общества. Присутствовали: предсѣдатель общества его императорское высочество великій князь Николай Михайловичъ, дѣйствительные члены общества: Куломзинъ, графъ Шереметевъ, Филипповъ, Шумигорскій, Платоновъ, Чечулинъ, Панчулидзевъ, Иконниковъ, Щегловъ, Рождественскій, баронъ Иксуль-фонъ-Гильденбандтъ, Сазоновъ, Скалонъ, Чарыковъ, Лихачевъ, Смольяниновъ, баронъ Таубе, Сантовъ, Модзалевскій, Бого-

словскій, Бородинъ, Горяиновъ, Любавскій, Лаппо-Данилевскій, Жуковичъ, Казнаковъ, князь Голицынъ, Майковъ. По открытіи Его Императорскимъ Величествомъ засѣданія, августѣйшій предсѣдатель общества великій князь Николай Михайловичъ прочелъ слѣдующій докладъ. Въ отчетномъ году императорское русское историческое общество лишилось двухъ своихъ членовъ. 26-го іюля скончался въ селѣ Красномъ Рыбинскаго уѣзда Сергѣй Михайловичъ Средонинъ, а 26-го ноября умеръ въ Петроградѣ Левъ Аристовичъ Кассо. Ученая дѣятельность общества въ 1914 году выразилась въ изданіи трехъ томовъ «Сборника» (145, 146, 147) и одного тома «Русскаго біографическаго словаря»: Лабзина—Ляшенко. 145 томъ «Сборника», изданный подъ редакціей члена общества князя П. В. Голицына, заключаетъ въ себѣ добавленіе къ восьмой части и девятую часть «Дипломатической переписки императрицы Екатерины II». Печатаемые въ настоящей части документы обнимаютъ 1776 и 1777 годы и касаются отношеній Россіи къ

«истор. вѣстн.», апрѣль 1915 г., т. сxl.

22

Турціи и къ западно-европейскимъ державамъ. 146 томъ «Сборника» содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны, собранныя и изданныя подъ редакціей профессора А. Н. Филиппова; въ немъ напечатаны документы, относящіяся къ дѣятельности учрежденія, со 2-го іюня по 17-ое октября 1740 года, т. е. по день кончины императрицы Анны Иоанновны. Какъ и въ предыдущемъ девятомъ томѣ означенныхъ бумагъ, напечатанныхъ въ (XXXVIII томѣ сборника, въ немъ находятся двоякаго рода документы названнаго учрежденія: во -первыхъ, въ немъ напечатаны «реестры» входящихъ въ кабинетъ сообщений, доношеній и рапортовъ, изъ разныхъ мѣстъ и отъ разныхъ лицъ въ него поступавшихъ, во-вторыхъ, въ видѣ приложений къ реестрамъ,—указы и резолюціи какъ самой императрицы, такъ и ея кабинета. Громаднѣйшій, впервые напечатанный въ 12 томахъ «Сборника» матеріалъ представляетъ большой интересъ для изученія не только устройства, компетенціи и дѣятельности кабинета, но и вообще для ознакомленія съ особенностями центральнаго управленія въ царствованіе Анны Иоанновны. Пользованіе этимъ матеріаломъ уже началось въ ученой литературѣ нашей. Помимо изслѣдованій профессора А. Н. Филиппова о кабинетѣ министровъ и Правительствующемъ Сенатѣ, основанныхъ на данномъ матеріалѣ, онъ использованъ, въ той или иной мѣрѣ, въ монографіяхъ В. Н. Строева («Бироновицина и кабинетъ министровъ» и «Двухсотлѣтіе кабинета Его Императорскаго Величества») и В. Н. Вондаренка «Очерки финансовой дѣятельности кабинета», а равно и въ общихъ курсахъ по исторіи русскаго права періода имперіи (В. Н. Латкина и А. Н. Филиппова). 147 томъ «Сборника», изданный подъ редакціей члена общества Н. Д. Чечулина, служитъ продолженіемъ 144 тома «Сборника» и представляетъ собой послѣднюю часть «Историческихъ свѣдѣній о Екатерининской комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія». Въ этомъ томѣ напечатаны указы 43 городовъ и поселеній городского характера въ губерніяхъ Слободско-Украинской, Повороссійской, Оренбургской, Эстляндской, Лифляндской и Выборгской. Ко многимъ изъ этихъ наказовъ имѣются еще довольно многочисленныя приложения, въ видѣ челобитныхъ и изъясненій, которыя тоже напечатаны. Дальнѣйшая ученая дѣятельность общества находится въ слѣдующемъ положеніи: Печатаются: 1) второй томъ «Протоколовъ конференціи при высочайшемъ дворѣ», редактируемый членомъ общества Н. Д. Чечулинымъ; 2) продолженіе «Очерка сношеній Московскаго государства съ республикою Соединенныхъ Нидерландовъ», начало котораго напечатано В. А. Кордтомъ въ 116 томѣ «Сборника»; 3) четвертый томъ «Актовъ, документовъ и матеріаловъ для политической и бытовой исторіи 1812 года, собранныхъ и издаваемыхъ по порученію его императорскаго высочества великаго князя Михаила Александровича, подъ редакціей К. А. Военскаго». Подготавливаются къ печати: 1) Донесенія перваго нидерландскаго резидента при царскомъ дворѣ барона В. Келлера, посланныя имъ изъ Москвы въ теченіе послѣдней четверти XVII столѣтія. Редактируется бібліотекаремъ императорскаго университета Святого Владимира В. А. Кордтомъ; 2) четвертый томъ «Дипломатической переписки французскихъ представителей при дворѣ Екатерины II», редактируемый членомъ общества В. Н. Смольяниновымъ. Предсѣдатель особой комиссіи при император-

скомъ русскомъ историческомъ обществѣ для обсужденія мѣръ, касающихся порядка сохраненія мѣстныхъ архивныхъ матеріаловъ, прочелъ докладъ о дѣятельности означенной комиссіи въ истекшемъ году. Благодаря всемілостивѣйше дарованнымъ средствамъ, императорское русское историческое общество имѣло возможность устроить въ отчетномъ году съѣздъ представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и соответствующихъ имъ установленій съ цѣлью выработать рядъ мѣръ, которыя дали бы имъ возможность правильно и систематично работать по охранѣ письменныхъ источниковъ нашей исторіи. Занятія съезда, происходившаго съ 6-го по 8-ое мая во дворцѣ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича, обняли всѣ стороны дѣятельности губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и привели къ цѣлому ряду существенныхъ постановленій. Его Императорское Величество соизволилъ выразить свое согласіе на принятіе всѣхъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій подъ высочайшее покровительство и поручить его императорскому высочеству обратиться отъ высочайшаго имени: 1) къ министру внутреннихъ дѣлъ съ заявленіемъ, что было бы желательно открыть губернскаго ученые архивныя комиссіи по возможности во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ ихъ не имѣется, и 2) къ министру народнаго просвѣщенія съ выраженіемъ пожеланія, чтобы въ законодательныя учрежденія внесено было представленіе объ ассигнованіи всѣмъ существующимъ губернскимъ ученымъ архивнымъ комиссіямъ и соответствующимъ имъ установленіямъ, имѣвшимъ быть въ съѣздѣ 8—8 мая, каждой по 3.000 рублей ежегоднаго пособія на наемъ помѣщеній, на приглашеніе лицъ для постоянныхъ занятій и на опубликованіе наиболѣе важныхъ изъ находящихся у нихъ на храненіи документовъ. Въ виду условій военнаго времени особая комиссія вынуждена была, однако, отказаться отъ немедленнаго исполненія нѣкоторыхъ изъ заключеній съезда и другихъ начинаній. Важнѣйшимъ изъ нихъ было, конечно, его постановленіе касательно ассигнованія архивнымъ комиссіямъ ежегодно по 3.000 рублей каждой; соответствующаго проекта нельзя было теперь же внести въ наши законодательныя учрежденія. Въ зависимости отъ тѣхъ же обстоятельствъ особой комиссіи пришлось высказаться за отсрочку устраиваемаго таврической комиссіей мѣстнаго археологическаго съезда въ Крыму въ 1914 году, а отпущенное ей правительственное пособіе обратить на приведеніе въ порядокъ архива и на изданіе трудовъ комиссіи. По прочтеніи отчета Его Императорскому Величеству были представлены вновь вышедшіе томы «Сборника», «Словаря» и «Труды перваго съезда представителей губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій и соответствующихъ имъ установленій 6—8-го мая 1914 года». Произведенной баллотировкой были переизбраны въ члены ревизіонной комиссіи: графъ С. Д. Шереметевъ, В. В. Щегловъ, М. М. Бородинъ. Избранъ въ члены особой комиссіи для разработки вопроса о положеніи архивовъ Н. П. Жуковичъ. Въ заключеніе были сдѣланы доклады: 1) С. М. Горяиновымъ—«Конецъ союза императоровъ» (1881—1890 гг.); 2) М. М. Бородинымъ—«Пробужденіе финской народности»; 3) княземъ Н. В. Голицынымъ—«Императрица Екатерина II и Сенакъ де-Мельянь». По окончаніи чтеній Его Императорское Величество изволилъ удостоить членовъ общества милостивою бесѣдой.

Юбилей профессора П. И. Георгіевскаго. 1-го марта исполнилось тридцатипятилѣтіе учено-общественной дѣятельности заслуженнаго профессора П. И. Георгіевскаго. Юбиляръ, по окончаніи курса наукъ юридическаго факультета въ петроградскомъ университетѣ, былъ оставленъ при послѣднемъ и затѣмъ командированъ за границу, гдѣ слушалъ Энгеля, Вертильона и др. и знакомился съ организацией статистическихъ бюро въ разныхъ государствахъ. Въ 1882 году, сдалъ экзаменъ на степень магистра политической экономіи и статистики, П. И. началъ чтеніе лекцій на правахъ приватъ-доцента, а въ 1885 году, защитивъ магистерскую диссертацию, былъ избранъ профессоромъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Въ 1898 году профессоръ Георгіевскій вошелъ гласнымъ въ петроградскую думу, гдѣ содѣйствовалъ принятію дѣла призрачія въ руки общественнаго управленія. Въ 1911 году профессоръ Георгіевскій былъ назначенъ директоромъ центрального статистическаго комитета. Изданный имъ большой трудъ статистическихъ данныхъ о Россіи былъ поднесенъ Его Императорскому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу. Съ 1914 года П. И. Георгіевскій состоитъ предѣвателемъ статистическаго совѣта, почетнымъ членомъ королевскаго статистическаго общества (въ Лондонѣ) и американскаго статистическаго общества (въ Бостонѣ), членомъ международнаго статистическаго института и различныхъ русскихъ ученыхъ обществъ. Въ день тридцатипятилѣтняго юбилея въ Царское Село къ профессору Георгіевскому выѣзжало много различныхъ депутацій отъ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній и прислана масса поздравительныхъ телеграммъ. Отъ параднаго чествованія юбиляръ уклонился, проведя большую часть юбилейнаго дня въ скромной домашней обстановкѣ.

Юбилей «Энциклопедическаго Словаря». 25-го февраля по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія съ момента выхода перваго тома широко извѣстной энциклопедіи Брокгауза и Эфрона состоялось чествованіе издателя его И. А. Эфрона и редактора К. К. Арсеньева ученою и литературною средою. Въ четыре часа дня въ помѣщеніи редакціи собрались многочисленные сотрудники словаря, въ томъ числѣ: М. М. Ковалевскій, С. А. Венгеровъ, Н. И. Карѣвъ, Э. Л. Радловъ, Я. Н. Колубовскій, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, Ф. Ф. Зѣлинскій А. П. Нечаевъ и много другихъ. Вошедшимъ подъ общіе аплодисменты издателю и маститому редактору были прочтены привѣтственные адреса, отмѣчающіе ихъ личную роль въ просвѣтительномъ дѣлѣ такого огромнаго значенія, какъ русская энциклопедія, первая и полная. Въ своемъ отвѣтѣ издатель подчеркнул огромныя заслуги маститаго редактора. Въ своей большой рѣчи, прослушанной съ напряженнымъ вниманіемъ, К. К. Арсеньевъ вспомнилъ былыя судьбы словаря, умалчивая о своихъ заслугахъ и оцѣнивъ большой трудъ въ этомъ дѣлѣ профессора С. А. Венгерова, Карѣева, Радлова, Посникова, покойныхъ Вл. Соловьева и Янжула и др. По общему подсчету, въ словарь участвовало до восьмисотъ русскихъ ученыхъ и писателей. Когда съ выходомъ послѣдняго 86 тома сознана была потребность обновленнаго словаря, издатель и редакція приступили къ новому изданію, которое доведено уже почти до половины. Грустно прозвучали слова оратора о томъ, что новое юбилейное торжество по окончаніи новаго словаря едва ли застанетъ на рабочемъ посту всѣхъ

здѣсь присутствующихъ. Торжество закончилось чтеніемъ адресовъ г. Эфрону отъ конторы и типографіи словаря съ выраженіемъ благодарности и пожеланій. Дружная бесѣда тѣсной редакціонной семьи продолжалась потомъ за предложеннымъ чаемъ.

Сорокалѣтній юбилей С. И. Шохорь-Троцкого. 15-го февраля исполнился сорокалѣтній юбилей литературно-педагогической и общественной дѣятельности С. И. Шохорь-Троцкого. Въ виду переживаемыхъ въ настоящее время событій юбиляръ отклонилъ чествованіе. Тѣмъ не менѣе къ нему заѣзжали въ этотъ день многіе педагоги и общественные дѣятели, принесшіе ему поздравленія. Кромѣ того, С. И. Шохорь-Троцкимъ получены поздравленія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ профессора П. А. Бодуэна-де-Куртенэ, отъ С. А. Золотарева, отъ профессора А. П. Нечаева, А. А. Крогуса, Н. П. Гернета и др. Кромѣ того, юбиляра привѣтствовали слѣдующія учрежденія: педагогическій совѣтъ первыхъ петроградскихъ политехническихъ курсовъ, учредившій на курсахъ стипендію имени юбиляра, петроградская земская учительская школа, педагогическій совѣтъ выборгскаго коммерческаго училища, педагогическое общество окончившихъ высшіе женскіе курсы и др.

Русскіе граждане! Не медлите становиться въ ряды мирной арміи для борьбы съ нѣмецкимъ засильемъ, охватившимъ все области русской жизни. Теперь германцы открыто напали на насъ, но до войны они наводнили нашу страну шпионами, покрыли сѣтью своихъ колоній, а черезъ свои торговля и фабричныя предпріятія переводили наши деньги къ себѣ, обогащая Германію и разоряя Россію. Воспользовавшись нашимъ труднымъ положеніемъ въ 1906 году, они заставили насъ принять торговый и таможенный договоръ, до крайности невыгодный для насъ и чрезвычайно выгодный имъ. Наши геройскія войска побѣдно отражаютъ яростные натиски озвѣрѣлыхъ тевтонскихъ полчищъ, и мы, мирные граждане, должны составить такую же могучую рать по всей Россіи, чтобы до конца сломить германское засилье. Пусть на вопросъ, обращенный къ намъ нашими героями: «мы здѣсь на передовыхъ позиціяхъ справимся съ нѣмцами, а справитесь ли вы съ ними тамъ, внутри Россіи»,—отвѣтимъ однимъ громовымъ голосомъ: «справимся!» Борьба предстоить трудная, упорная и долготѣнная, требующая напряженныхъ силъ и единенія. Эта борьба не подъ силу въ одиночку, а только путемъ организованныхъ обществъ. Граждане!—Исполняйте свой долгъ передъ Родиной! Она зоветъ васъ! Вступайте въ члены общества «Самодѣятельная Россія», уставъ котораго утвержденъ 5-го сего февраля и которое ставитъ своею цѣлью: «борьбу противъ нѣмецкаго засилья въ областяхъ: торгово-промышленной, экономической, общественной, художественной и научно-учебной, а также содѣйствіе укрѣпленію самодѣятельности въ Россіи». Для дѣйствительныхъ членовъ взносъ установленъ восемь рублей въ первый годъ и пять рублей въ послѣдующіе, для членовъ-соревнователей—рубль. Надо, чтобы членовъ этого общества были тысячи и десятки тысячъ и отдѣленія его открылись во всехъ городахъ Россіи, иначе не справится намъ съ нѣмецкимъ засильемъ. Послѣ войны все высланные изъ Петрограда нѣмцы вернуться на свои насиженные мѣста, и снова Россія попадетъ въ ихъ цѣпкія руки. Не будетъ этого! Объединимся еще во время войны, чтобы наши геройскія

войска знали и были спокойны, что и въ тылу ихъ ведется такая же безпощадная борьба съ мирнымъ нѣмецкимъ засильемъ, какъ и на передовыхъ позиціяхъ борьба съ вооруженными германцами. Всѣ справки и уставъ общества «Самодѣятельная Россія» можно получать у предсѣдателя правленія общества В. В. Глинскаго, 2-я Рождественская, 19, кв. 17. Тел. 129—32, и тамъ же дѣлать членскіе взносы. Предсѣдатель правленія общества «Самодѣятельная Россія» В. В. Глинскій. Секретарь В. М. Шаховъ. Завѣдующій дѣлами П. В. Лавровъ.

Воззваніе. Тысячи армянъ—стариковъ, женщинъ и дѣтей—страдають отъ мести, грабежа и насилій старыхъ исконныхъ враговъ своихъ—турокъ. Грозный призракъ насильственной смерти, утонченныхъ мученій, въ лучшемъ случаѣ полного разоренія, заставилъ ихъ во время турецкаго набѣга спѣшно бросить насиженные мѣста, не далъ имъ времени собрать и увезти свое имущество. Нищими и нагими стали они, неоткуда имъ ждать помощи: ихъ мужья и братья частью погибли отъ руки турокъ, частью вступили въ ряды добровольческихъ дружинъ, бьются съ насильниками. Мы не можемъ отказать ищущимъ нашей помощи братьямъ нашимъ, невиннымъ жертвамъ жестокой войны. Мы не должны допустить, чтобы женщины, дѣти и старики, сыны стараго культурнаго христіанскаго народа, погибли отъ голода и холода. Мы обязаны имъ помочь. Ихъ ближайшіе сородичи сдѣлали и дѣлають все, что могутъ. Но нужда велика и растетъ съ каждымъ днемъ. Время не терпитъ. Окажите, граждане Петрограда, нравственную и матеріальную поддержку нашимъ братьямъ. Подымите духъ ихъ, не дайте отчаянію найти себѣ пріютъ въ измученныхъ сердцахъ ихъ, согрѣйте заблудившихъ, одѣньте нагихъ, накормите голодныхъ. Пусть великая Россія лишній разъ докажетъ, что любвеобильно и нѣжно сердце ея, что всѣмъ народамъ, живущимъ въ ея предѣлахъ, несетъ она любовь и миръ, радостно и дружески протягиваетъ имъ руку помощи въ трудныя времена. Петроградскій городской голова графъ И. И. Толстой. Члены Государственнаго Совѣта: Н. С. Таганцевъ, А. В. Васильевъ, Н. С. Авдаковъ. Члены Государственной Думы: И. Н. Ефремовъ, Е. П. Ковалевскій, П. Н. Милуковъ, А. И. Шингаревъ, князь С. П. Мансуревъ. Предсѣдатель городской думы С. В. Ивановъ. Гласные петроградской городской думы: графъ М. М. Перовскій-Петрово-Соловово, А. И. Гучковъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ, С. М. Пронперъ, М. М. Федоровъ, П. С. Чистяковъ, академикъ Н. Я. Марръ; профессора: М. И. Ростовцевъ, А. А. Лихачевъ; первый драгоманъ російскаго посольства въ Константинополь А. П. Мандельштамъ; Л. И. Лутугинъ, С. М. Ростовцева. Пожертвованія принимаются въ концеляріи петроградской городской думы (I отдѣлъ комитета) отъ 11 час. утра до 3 час. 30 мин. дня и у казначея общества вспомошествованія армянамъ, пострадавшимъ отъ военныхъ дѣйствій, Я. О. Гукасова. Невскій пр. 21 (отъ 11 ч. у. до 4 ч. дня).

Декларация чеховъ. Проживающіе на швейцарской территоріи чехи выпустили недавно декларацию, выдержки изъ которой приводятся въ парижскихъ газетахъ. Въ этой деклараціи живущіе въ Швейцаріи чехи прежде всего съ энтузіазмомъ привѣтствуютъ тактику, принятую чешскими колоніями въ Россіи, во Франціи и въ Америкѣ,—тактику, направленную къ осуществленію полной независимости чешскихъ земель, входящихъ въ составъ Австро-Венгерской

монархіи. «Въ деклараціи, — говорятъ швейцарскіе чехи, — является тѣмъ большая надобность, что австро-венгерское правительство затѣяло ужасную войну, не спросивъ предварительно мнѣнія вѣнскаго и будапештскаго парламентовъ, и втянуло въ нее нашъ народъ. При помощи самыхъ грубыхъ насилій оно подавляетъ въ нашей средѣ всякую попытку протеста и старается въ глазахъ европейской публики изобразить дѣло такъ, будто бы мы безъ протеста, съ энтузіазмомъ даже, посылаемъ сотни тысячъ своихъ сыновей въ австро-венгерскую армію на смерть не за нашу свободу, не за свободу другихъ, не за блага цивилизаціи, а ради осуществленія притязаній германскаго капитализма и германскаго милитаризма». Манифестъ заканчивается слѣдующими словами: «Мы, швейцарскіе чехи, голосъ которыхъ не долженъ быть задушенъ, мы объявляемъ, что глубоко вѣримъ въ побѣду тѣхъ, кто борется теперь за идеаль, завѣщанный намъ нашими предками. Мы съ негодованіемъ протестуемъ противъ дѣйствій тѣхъ, кто, предпочитая силу праву, вызвалъ нынѣшнюю ужасную войну, и выражаемъ надежду, что изъ моря пролитой крови поднимется новая эра въ жизни народовъ—эра справедливости и права. Мы надѣемся, что новая эра освободитъ и чешскія земли отъ злполучнаго ига и возвратитъ нашему народу независимость».

Народы Россіи. Цикль передвижныхъ этнографическихъ концертовъ московской музыкально-этнографической комиссіи. Музыкально-этнографическая комиссія императорскаго общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи при московскомъ университетѣ, устраивающая въ теченіе многихъ лѣтъ «этнографическіе концерты» въ Москвѣ, давно уже лелѣяла мысль раздвинуть ихъ рамки, какъ въ смыслѣ содержанія, такъ и области ихъ исполненія, а именно: во-первыхъ, чтобы эти концерты постепенно охватили по возможности всѣ хотя бы важнѣйшія народности Россіи и составили бы опредѣленный, болѣе систематичный цикль музыкально-этнографическихъ картинъ, а, во-вторыхъ, чтобы эти концерты, не ограничиваясь Москвою, могли быть исполняемы и въ другихъ городахъ и стали бы такимъ образомъ передвижными, при чемъ желательно привлечь къ участию въ исполненіи пѣвцовъ и музыкантовъ, а также рассказчиковъ непосредственно изъ народа и постараться дать имъ болѣе соответственную обстановку. Пытаясь въ настоящее время приступить къ постепенному осуществленію этой мысли, комиссія имѣетъ въ виду тройкую цѣль. Во-первыхъ: художественно-научную: найти и показать перлы народнаго творчества, закрѣпить то цѣнное, что сохранилось отъ давней старины, и по возможности возстановить забытое. Важность этой цѣли ясна сама собою. Вторая цѣль—общественная: содѣйствовать взаимному ознакомленію и объединенію разнородныхъ элементовъ, населяющихъ наше отечество. Принадлежа къ различнымъ національностямъ, мы всѣ живемъ въ одномъ государствѣ, подчиняемся однимъ законамъ, идемъ въ одну армію для защиты общаго намъ отечества, а, въ сущности, очень мало знаемъ другъ друга. Помимо другихъ способовъ къ сближенію этихъ разнородныхъ элементовъ, комиссія придаетъ важное значеніе въ этомъ дѣлѣ народному искусству, и цикль «передвижныхъ этнографическихъ концертовъ», составленныхъ изъ представителей важнѣйшихъ народностей Россіи, несомнѣнно, послужитъ дѣлу ихъ

взаимопознанія и сближенія между собою. Передъ глазами зрителя въ живыхъ и живописныхъ образахъ пройдутъ и славяне и неславяне, и христіане и язычники, и народы съ высокой культурой и полунервобитные. Они пройдутъ въ своихъ національныхъ костюмахъ, со своимъ живымъ словомъ, подлинной пѣсней, національной пляской, музыкой, обрядами. Передъ каждымъ изъ такихъ концертовъ будетъ прочитанъ небольшой докладъ о данной народности, въ которомъ будутъ сообщены свѣдѣнія по исторіи и будетъ обращено вниманіе на этнографическія и инныя особенности. Тутъ же будутъ представлены для обозрѣнія и продажи фотографіи типовъ, картинъ природы, а также будутъ предложены вниманію почитателей кустарныя произведенія даннаго народа,—словомъ, предстанетъ полная картина его художественнаго творчества, какъ въ словесной и музыкальной формѣ, такъ и въ видѣ произведеній его рукъ. Третья цѣль—благотворительная: прійди съ посильной помощью жертвамъ войны. Такіе концерты, передвигаясь изъ одного города въ другой, могли бы оказать извѣстную матеріальную поддержку различнаго рода мѣстнымъ или центральнымъ организаціямъ, посвящающимъ свою дѣятельность помощи жертвамъ войны. Для этой цѣли имѣется въ виду отчислять опредѣленный процентъ съ прибыли отъ концертовъ. Настоящимъ комиссія предварительно просить всѣхъ, кто сочувствуетъ этой идеѣ, всѣхъ, кто живетъ близко къ народу и кто имѣлъ случай заинтересоваться народнымъ творчествомъ въ какихъ бы то ни было формахъ, сообщить ей, хотя бы открыткой въ нѣсколькихъ словахъ, свѣдѣнія по слѣдующимъ пунктамъ: 1. Кого вы знаете изъ народныхъ исполнителей или исполнительницъ извѣстныхъ вамъ сель, кто бы хорошо пѣлъ народныя пѣсни или игралъ бы на какомъ-либо инструментѣ, обладалъ бы яркимъ артистическимъ талантомъ, хорошо бы танцевалъ или умѣлъ бы занятно разсказывать, говорить сказки, прибаутки и т. п. Гдѣ живетъ и какъ зовутъ каждое изъ такихъ лицъ. Тексты и напѣвы пѣсень, сказки и т. п. матеріалы будутъ приняты также комиссіей съ благодарностью. 2. Какіе интересные обряды и обычаи существуютъ въ извѣстныхъ вамъ мѣстностяхъ и какъ они совершаются. 3. Какіе кустарные промыслы существуютъ въ извѣстныхъ вамъ мѣстностяхъ. Гдѣ живутъ извѣстные вамъ кустари, особенно мастера оригинальныхъ художественныхъ издѣлій, и что именно они производятъ. 4. Къ кому бы вы посоветовали еще обратиться съ подобнаго рода просьбой. Сообщаемыя свѣдѣнія слѣдуетъ направлять по адресу: Москва, Политехнический музей, въ музыкально-этнографическую комиссію для пересылки уполномоченному члену-организатору И. М. Хоткевичу или же непосредственно И. М. Хоткевичу, Харьковъ, Мироносицкая, 84.

НЕКРОЛОГИ.

БОРЗЕНКО, А. А. 12-го февраля скончался проживавший въ Одессѣ русскій ученый, магистръ по кафедрѣ гражданскаго права, бывший доцентъ гражданскаго и римскаго права въ Демидовскомъ лицее, Александръ Александровичъ Борзенко. Покойному было 67 лѣтъ. А. А. происходилъ изъ дворянъ Екатеринославской губерніи, воспитывался въ одесской Ришельевской гимназій, которую окончилъ въ золотой медалью. Затѣмъ А. А. поступилъ въ новороссійскій университетъ, а закончилъ высшее образованіе въ московскомъ университетѣ. А. А. былъ меценатомъ, собирателемъ рѣдкостей, имѣющихъ научное и общественное значеніе. Покойный оставилъ нѣсколько научныхъ трудовъ. Владѣя въ совершенствѣ новыми языками, покойный А. А. Борзенко, по просьбѣ англійскаго правительства, перевелъ на англійскій языкъ русскіе законы. А. А. велъ оживленную переписку съ лордомъ Китченеромъ и состоялъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми англійскими и французскими министрами. Въ одесской городской публичной библіотекѣ въ отдѣлѣ имени А. А. собраны многія письма, автографы и разныя рукописи русскихъ и европейскихъ ученыхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей. Въ мѣстныхъ газетахъ А. А. помѣщалъ статьи научнаго характера. А. А. оставилъ по духовному завѣщанію все свое имущество, заключающееся въ процентныхъ бумагахъ и хранящееся въ одесской конторѣ государственнаго банка, на сумму до 120 тысячъ рублей, новороссійскому университету, съ тѣмъ, чтобы, когда даръ съ наросшими процентами достигнетъ 200 тысячъ рублей, завѣщанный капиталъ былъ обращенъ на устройство при медицинскомъ факультетѣ клиники внутреннихъ болѣзней съ присвоеніемъ ей наименованія: «Клиника А. А. Борзенко». (Некрологъ его: «Одесскія Новости», 1915, № 9619).

† **Варенцовъ-Золинъ, А. Н.** Въ Иркутскѣ скончался сотрудникъ «Сибири», извѣстный мѣстный журналистъ Александръ Николаевичъ Варенцовъ (Золинъ), родившійся въ Пензѣ въ 1869 году. Литературную работу покойный началъ въ

1897 году, помѣстивъ разсказъ въ «Восточномъ Обозрѣніи». Проживая съ 1903 по 1906 годъ въ Петроградѣ, А. Н. Варенцовъ сотрудничалъ въ «Новостяхъ». По словамъ иркутскихъ журналистовъ, среди читателей-иркутянъ покойный имѣлъ такую широкую популярность, какъ никто другой изъ мѣстной пишущей братіи. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1915, № 41).

† **Витрамъ, Ѳ. Ѳ.** Скончался старшій астрономъ Пулковской обсерваторіи, заслуженный профессоръ императорской Николаевской академіи генеральнаго штаба Ѳ. Ѳ. Витрамъ. Ѳ. Ѳ. родился въ Ригѣ въ 1854 г., гдѣ и окончилъ губернскую, нынѣ Николаевскую гимназію въ 1872 году. По окончаніи юрьевскаго университета въ 1877 г. Ѳ. Ѳ. поступилъ въ 1878 г. въ Пулковскую обсерваторію сперва сверхштатнымъ астрономомъ а затѣмъ штатнымъ вычислителемъ. Послѣ защиты диссертациі въ 1885 году на степень доктора астрономіи и геодезій Ѳ. Ѳ. назначенъ былъ адъюнктъ-астрономомъ Пулковской обсерваторіи и получилъ заграничную командировку на одинъ годъ для участія въ триангуляціи и другихъ работахъ въ сѣверной Германіи и Алжирѣ. Въ 1887 году Ѳ. Ѳ. получилъ кафедру по астрономіи и геодезій въ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Съ этого года и началась кипучая, разнообразная педагогическая дѣятельность Ѳ. Ѳ., создавшаго въ теченіе 27 лѣтъ цѣлую школу военныхъ геодезистовъ, которые, раскинувшись по всей нашей обширной родинѣ, завоевали себѣ прочную репутацію хорошихъ наблюдателей при всевозможныхъ, часто крайне тяжелыхъ условіяхъ. Среди его учениковъ можно назвать знаменитаго путешественника П. К. Козлова, М. Е. Грумъ-Гржимайло и т. д. Въ 1891 году Ѳ. Ѳ. былъ назначенъ совѣщательнымъ астрономомъ военно-топографическаго отдѣла, а въ 1895 году—морского министерства. Въ 1907 году Ѳ. Ѳ. былъ назначенъ старшимъ астрономомъ Пулковской обсерваторіи, а въ 1912 году былъ назначенъ заслуженнымъ профессоромъ императорской Николаевской военной академіи генеральнаго штаба. Работая въ различныхъ областяхъ теоретической и практической астрономіи, Ѳ. Ѳ. опубликовалъ около 20 работъ. Въ 1910 г. Ѳ. Ѳ. былъ избранъ предсѣдателемъ русскаго астрономическаго общества. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 13959).

† **Григорьевъ, Г. М.** 14-го февраля, въ 11 часовъ утра скончался преподаватель физики Григорій Михайловичъ Григорьевъ. Покойный родился въ 1867 году въ Петроградѣ. По окончаніи гимназіи Гуревича Г. М. поступилъ на естественное отдѣленіе физико-математическаго факультета петроградскаго университета. Окончилъ университетъ со степенью кандидата въ 1891 году, Г. М. былъ оставленъ при университетѣ для научной работы по кафедрѣ минералогіи. Однако, не чувствуя склонности къ кабинетно-ученой работѣ, Г. М. всѣ свои силы на многіе годы отдаетъ просвѣтительной дѣятельности въ школахъ для рабочихъ (при Обуховскомъ заводѣ): ведетъ популярно-научныя бесѣды по физикѣ и химіи, организуетъ совместно со своей женой Е. В. Григорьевой-Шнакенбургъ курсы для взрослыхъ рабочихъ и школу для подростковъ, устраиваетъ развлечения для рабочихъ. Въ этой работѣ развернулись богатые силы Г. М. и его исключительные педагогическіе и лекторскіе таланты. Нѣсколько лѣтъ спустя, Г. М. начинаетъ свою педагогическую дѣятельность въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, на которой вполнѣтствии исключительно и сосредото-

вается. Г. М. состоялъ преподавателемъ въ гимназіи М. Н. Стоюниной, княгини М. А. Оболенской, Л. С. Таганцевой, въ Тенишевскомъ училищѣ, въ выборгскомъ коммерческомъ училищѣ и въ 13 гимназіи. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Г. М. съ успѣхомъ читалъ лекціи по физикѣ на Стебутовскихъ жепскихъ сельскохозяйственныхъ курсахъ. Неоднократно Г. М. выступалъ также въ качествѣ лектора на лѣтнихъ учительскихъ курсахъ въ Петроградѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Большой извѣстностью пользуются учебники, составленные Г. М.,—«Краткій учебникъ химіи» и «Курсъ физики». Кроме того, Г. М. былъ однимъ изъ составителей очень цѣннаго руководства «Практическія занятія по физикѣ». Перу Г. М. принадлежитъ также рядъ популярно-научныхъ статей, печатавшихся въ повременныхъ изданіяхъ, а также выходившихъ отдѣльными брошюрами. (Некрологъ его: «День», 1915, № 46).

† **Коршъ, Ѳ. Е.** Въ Москвѣ скончался 16-го февраля извѣстный ученый Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ. Покойный, сынъ прежняго редактора «Московскихъ Вѣдомостей» Е. Ѳ. Корша (1843—1846 г.), родился въ Москвѣ 22-го апрѣля 1843 года. Послѣ хорошаго домашняго воспитанія онъ получилъ основательное образованіе въ тогдашнемъ московскомъ пансіонѣ Циммермана (1854—1860 г.), откуда по экзамену въ 1860 году поступилъ на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Здѣсь, подъ руководствомъ профессора П. М. Леонтьева, имъ особенно усердно изучались классическіе языки, а также санскритъ и восточные языки, благодаря вліянію профессора-ориенталиста П. Я. Петрова. По окончаніи курса шестымъ кандидатомъ въ 1864 году Ѳ. Е. былъ оставленъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ и послѣ двухлѣтнихъ занятій въ качествѣ профессоранта, по указанію своего главнаго руководителя профессора Леонтьева, приглашенъ для преподаванія греческаго языка въ томъ же университетѣ (съ 22-го августа 1866 г.). Но эти первыя занятія молодого преподавателя продолжались только около трехъ лѣтъ: послѣ защиты своей магистерской диссертации на латинскомъ языкѣ «О Сатурнійскомъ стихѣ»—древнѣйшемъ размѣрѣ римской народной поэзіи (М. 1868 г., II+140 стр.)—избранный въ доценты московскаго университета, онъ осенью того же 1868 года былъ командированъ за границу для научныхъ занятій въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Италіи. Пребываніе Ѳ. Е. въ чужихъ краяхъ сопровождалось самыми благотворными результатами. Близкое знакомство съ учеными учрежденіями Западной Европы, изученіе методовъ преподаванія языковъ и хода классическаго образованія за границей, тѣсныя дружественныя связи съ иностранными филологами,—все это по возвращеніи нашего ученаго на родину (во второй половинѣ 1870 г.) не замедлило ярко отразиться на его лекціяхъ и учено-литературныхъ трудахъ. Въ теченіе тридцати лѣтъ (1870—1900 гг.) Ѳ. Е., уже удостоенный степени доктора римской словесности за сочиненіе «Пособы относительнаго подчиненія» (М. 1877 г., 110 стр.), состоялъ профессоромъ роднаго университета, за исключеніемъ небольшого промежутка времени (съ 1-го октября 1890 г. до 1-го мая 1892 г.), когда онъ недолго занималъ кафедру классической филологіи въ новороссійскомъ университетѣ. Многочисленные научно-литературные труды Ѳ. Е., большинство которыхъ перечислено въ «Филологическомъ Обзорѣннѣ» (т. IX), сдѣлали его имя весьма

извѣстнымъ въ наукѣ, и императорская академія наукъ съ 15-го января 1900 года избрала покойнаго въ ординарные академики по отдѣленію русскаго языка и словесности. Съ этой поры повья изслѣдованія почившаго ученаго, преимущественно въ области русскаго языка, появлялись въ изданіяхъ нашей академіи наукъ. (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 39).

† **Левковъ, И. Г.** 5-го марта послѣ непродолжительной, по тяжелой болѣзни скончался преподаватель владимирской духовной семинаріи Иванъ Григорьевичъ Левковъ. Почившій—уроженецъ владимирской епархіи, кандидатъ-магистръ московской духовной академіи выпуска 1886 года; 5-го декабря того же года онъ былъ опредѣленъ помощникомъ инспектора владимирской духовной семинаріи, 9-го ноября 1890 года перемѣщенъ на должность преподавателя латинскаго языка въ той же семинаріи. Г. Левковъ состоялъ постояннымъ сотрудникомъ столичныхъ и провинціальныхъ духовныхъ журналовъ. Изъ трудовъ его обращаютъ на себя вниманіе слѣдующіе: «Добрый другъ», «Христіанскія добродѣтели», «Шесть педѣль», «Замѣтки наблюдателя религіозно-нравственной жизни», «Св. Владимиръ, просвѣтитель Руси», «Серапіонъ, епископъ владимирскій, какъ писатель», «Основы христіанской семьи», переводы изъ св. Димитрія Ростовскаго и изъ Ильи Минятія и др. (журналы—«Отдыхъ Христіанина», «Воскрестный Благовѣстъ», «Владимирскія Епархіальныя Вѣдомости»). Кромѣ того, г. Левкову принадлежитъ въ высшей степени колоритный разсказъ изъ духовнаго быта—«Протодіаконъ всея Руси» («Истор. Вѣстн.») и замѣтки въ трудахъ владимирской архивной губернской комиссіи. (Некрологъ его: «Приходскій Листокъ», 1915, № 64).

† **Палечекъ, О. О.** 11-го февраля отъ припадка грудной жабы скончался заслуженный артистъ императорскихъ театровъ и профессоръ петроградской консерваторіи О. О. Палечекъ. О. О. родился въ Чехіи въ 1842 году и получилъ свое музыкальное образованіе въ пражской органной школѣ. Послѣ весьма успѣшнаго дебюта въ пражскомъ оперномъ театрѣ въ роли Зороастра въ «Волшебной флейтѣ» Моцарта покойный въ 1872 году пріѣхалъ въ Петроградъ. Въ этомъ же году ему былъ данъ дебютъ на Маріинской сценѣ, на которой онъ выступилъ въ партіи Мефистофеля. Вскорѣ О. О. Палечекъ сталъ исполнять и русскія партіи, быстро завоевывая успѣхъ у публики и расширяя свой репертуаръ. Свыше 30 лѣтъ покойный былъ въ Маріинскомъ театрѣ «режиссеромъ сцены»: въ его завѣдываніи находились всѣ сценическія постановки оперъ. Въ консерваторію О. О. былъ приглашенъ въ качествѣ профессора А. Г. Рубинштейномъ. Въ теченіе своей долгой педагогической дѣятельности въ консерваторіи онъ до послѣднихъ дней руководилъ классомъ опернаго ансамбля. Учениками О. О. Палечека, между прочими, были Ершовъ, Фелія Литвинъ, Каміонскій, Секарь-Рожанскій, Бухтояровъ и покойные—Морской и Забѣлла-Врубель. (Некрологъ его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 378).

† **Покровскій, А. В.** Къ скорбному списку погибшихъ въ бояхъ воиновъ-артистовъ прибавилось еще одно имя—виолончелиста и композитора Антона Покровскаго, отправившагося на войну въ качествѣ прапорщика Г. полка и убитаго подъ городомъ Л. Шальная германская пуля, попавшая въ високъ, оборвала эту молодую жизнь, полную силъ и надеждъ,—ему исполнилось едва

25 лѣтъ. Одаренный отъ природы музыкальными способностями, онъ съ дѣтства прекрасно игралъ на роялѣ, впоследствии же избралъ болѣе пѣвучій инструментъ—виолончель. Ученикъ корифеевъ виолончельной игры—Вержбиловича и Клентеля, онъ перенялъ лучшее, что могли дать ему эти артисты, оставаясь самимъ собою, безъ рабскаго подражанія, хотя бы гениальнымъ образцамъ. Окончивъ лейпцигскую консерваторію, онъ концертировалъ въ Россіи и за границей, повсюду съ выдающимся успѣхомъ. Вдумчивость, стиль и виртуозная техника—вотъ характерныя свойства его игры. Будучи виртуозомъ, онъ находилъ время и силы культивировать композиторскій даръ, который у покойнаго былъ пезаурядный. А. В. Покровскій проявилъ большое разнообразіе въ своемъ творествѣ, пользуясь всевозможными классическими и новыми музыкальными формами, отличаясь въ своихъ произведеніяхъ оригинальностью, непосредственностью и свѣжестью. Особеннаго вниманія заслуживаютъ: соната для виолончели и рояля *g-moll*, исполнявшаяся съ громаднымъ успѣхомъ во многихъ музыкальных центрахъ Германіи; романсы, фортепианныя произведенія; виолончельныя пьесы (*Menuette, Prélude, Danse grotesque*). Даже въ такой спорный родъ музыки, какъ мелодекламація, онъ умѣлъ внести такія красоты, которыя сглаживали неизбѣжный антагонизмъ между сказаннымъ словомъ и звукомъ современной музыки. Его мелодекламаціи («Лѣсунки», «Панъ» и др.) не разъ исполнялись М. А. Ведринской и Д. М. Мусиной. Совершенно оригинальна по идеѣ и выполненію музыка къ пантомимѣ «Коломба», ставившейся нѣсколько разъ въ Петроградѣ. Покойный написалъ также оперетку съ такой игрой и прелестной музыкой, что не хочется вѣрить, что авторъ ея серьезный музыкантъ, воспитанный въ духѣ классическихъ традицій. На вопросъ о характерѣ и общемъ направленіи его музыки можно было бы сказать, что, не впадая въ крайности модернизма, онъ безусловно былъ «новымъ» композиторомъ, для него вопросъ о формѣ никогда не былъ главнымъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 13955).

† **Синицкій, Е. Д.** Въ Кіевѣ 6-го марта скончался приватъ-доцентъ ярославскаго Демидовскаго юридическаго лица Евгеній Даниловичъ Синицкій. Покойный родился въ гор. Каменецъ-Подольскѣ въ 1876 году. Курсъ гимназін окончилъ въ Кіевѣ (Императорской Александровской) съ золотой медалью. Высшее образованіе началъ въ одесскомъ университетѣ и закончилъ въ юрьевскомъ (тогда дерптскомъ) университетѣ. Экзаменъ на магистра уголовного права выдержалъ при кіевскомъ университетѣ. Послѣ этого переѣхалъ въ Москву, гдѣ принималъ ближайшее участіе въ редактированіи журнала «Вѣстникъ Воспитанія», въ которомъ помѣщенъ рядъ его статей, подъ псевдонимомъ Е. Ловичъ («Друзья-враги», «Безсильные идеалисты», «Прогрессъ и педагогика» и рядъ другихъ). Кромѣ того, въ этомъ журналѣ помѣщенъ рядъ статей въ отдѣлѣ критики и библіографіи. Послѣ покойнаго остался большой юридическій трудъ «Природа преступленія», еще не напечатанный. Въ ярославскомъ лицей Е. Д. Синицкій читалъ лекціи по уголовному процессу и праву въ теченіе 15-ти лѣтъ. Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 67).

† **Сонинъ, Н. Я., академикъ.** 14-го февраля скончался ординарный академикъ императорской академіи наукъ и предсѣдатель ученаго комитета ми-

нистерства народнаго просвѣщенія Николай Яковлевичъ Сонинъ. Родившись въ дворянской семьѣ, жившей въ Тульской губерніи (1849), покойный воспитывался въ IV-й московской гимназіи, изъ которой въ 1865 году съ золотою медалью поступилъ на физико-математическій факультетъ московскаго университета и студентомъ четвертаго курса также былъ удостоенъ золотою медали за сочиненіе «Теорія функций мнимаго переменнаго». По окончаніи университетскаго курса кандидатомъ въ 1869 году онъ съ 14-го октября того же года былъ оставленъ при кафедрѣ математики для приготовленія къ профессорскому званію, а послѣ полученія степени магистра математическихъ наукъ за диссертацию «О разложеніи функций въ безконечные ряды» (1872 г.) опредѣленъ доцентомъ по кафедрѣ чистой математики въ варшавскій университетъ, гдѣ позже, возведенный въ степень доктора за сочиненіе «Объ интегрированіи уравненій съ частными производными второго порядка» (1874 г.), состоялъ профессоромъ той же науки. Избранный въ ординарные академики императорской академіи наукъ (1-го мая 1893 г.), Н. Я. Сонинъ покинулъ Варшаву и переселился въ Петроградъ, но не прекратилъ своей профессорской дѣятельности: въ петроградскомъ университетѣ онъ читалъ лекціи по высшей математикѣ, а на высшихъ женскихъ курсахъ—по интегральному исчисленію. Сверхъ того вмѣстѣ съ трудами въ академіи покойный недолго занималъ должность попечителя петроградскаго учебнаго округа (1899—1901 г.) и почти пятнадцать лѣтъ (1901—1915 гг.)—мѣсто председателя ученаго комитета въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Перу покойнаго, кромѣ названныхъ диссертаций, принадлежалъ большой рядъ изслѣдованій по математикѣ, вышедшихъ отдѣльными книгами или помѣщенныхъ въ «Математическомъ Сборникѣ», «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ» и въ «Мемуарахъ Императорской Академіи Наукъ». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 38).

† **Шишмаревъ, Я. П.** 18-го января на восемьдесятъ второмъ году жизни отошелъ въ вѣчность основатель русскаго консульства въ Ургѣ и первый его консулъ на протяженіи полулѣтка, тайный совѣтникъ Яковъ Парфеньевичъ Шишмаревъ. Я. П. родился 14-го сентября 1833 года въ городѣ Троицкосавскѣ Забайкальской области. Первоначальное образованіе получилъ въ своемъ родномъ городѣ, въ русско-монгольской школѣ, и шестнадцати лѣтъ поступилъ на службу. До 1855 года онъ служилъ въ разныхъ троицкосавскихъ канцеляріяхъ и вслѣдствіе предположенія назначить его въ число свѣтскихъ членовъ пекинской духовной миссіи началъ изучать манчжурскій и китайскій языки у ориенталиста К. Г. Крымскаго, командированнаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ въ Кяхту для завѣдыванія русско-китайской школой и преподаванія въ пей. Въ 1855 году Я. П. былъ въ первый разъ командированъ въ экспедицію на Амуръ въ званіи переводчика монгольскаго и манчжурскаго языковъ. Съ этого времени въ теченіе пяти лѣтъ онъ непрерывно разъѣзжалъ по Амуру по порученію Муравьева-Амурскаго. Вернувшись съ Амура въ Иркутскъ черезъ Аянъ, въ слѣдующемъ 1856 году Я. П. вновь отправляется на Амуръ, чтобы сопровождать третью амурскую экспедицію до города Айгуна, а въ 1858 году состоитъ лично при графѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, какъ во время самой поѣздки генераль-губернатора на Амуръ, такъ равно и при веденіи имъ переговоровъ съ китай-

цами о границѣ. По заключеніи айгунскаго договора, въ силу котораго къ Россіи былъ присоединенъ Уссурійскій край, Я. П. отправляется на Уссури для участія въ экспедиціи по проведенію новой границы. Амурская дѣятельность Я. П. оканчивается дипломатической поѣздкой въ Благовѣщенскъ въ 1859 году и новой, еще болѣе дальней командировкой въ Пекинъ, въ распоряженіе чрезвычайнаго посла графа Н. П. Игнатьева, въ особенно напряженный періодъ англо-французской войны съ Китаемъ и заключенія пекинскаго договора... Новый просвѣщенный начальникъ Шишмарева такъ же оцѣнилъ его, какъ и его покровитель графъ Муравьевъ-Амурскій, и Я. П. вскорѣ послѣ Пекина былъ награжденъ и назначенъ во вновь открытое въ Ургѣ русское консульство. Съ самаго основанія консульства, съ 1861 по 1911 г.—въ теченіе полулѣтка—Я. П. состоялъ въ Ургѣ консуломъ въ различныхъ отѣнкахъ этого званія—управляющимъ консульствомъ, консуломъ и генеральнымъ консуломъ. Въ теченіе этого полулѣткового періода онъ только иногда былъ отвлекаемъ отъ своего поста для исполненія особыхъ порученій; такъ, въ 1861 г. Я. П. былъ назначенъ въ Кульджу полномочнымъ комиссаромъ по передачѣ Илійскаго края китайскому правительству, а въ слѣдующемъ году былъ командированъ въ Западную Монголію для изученія торговыхъ вопросовъ и рассмотрѣнія взаимныхъ претензій русскихъ и китайскихъ подданныхъ. «Главная заслуга Я. П. передъ Россіей,—правильно замѣчаетъ Г. Н. Потанинъ,—заключается въ его служебни интересамъ русской торговли въ Монголіи, оберегать которые ему было суждено безсмыслию въ теченіе пятидесяти лѣтъ». Онъ же долгое время долженъ былъ стоять на стражѣ нашихъ торговыхъ сношеній на западной границѣ Манчжуріи. Всѣ свои чины и всѣ ордена—до ордена св. Анны 1-й степени включительно—Я. П. безъ малаго получилъ въ лицѣ представителя русскаго консульства въ Монголіи—въ Ургѣ... Какъ на свидѣтельство его постоянной популярности въ монгольской средѣ, можно указать на подарокъ, полученный имъ отъ ургинскаго богдо-гэгэна—чашу изъ сандалнаго дерева. Полученіе такого подарка иновѣрцемъ чуть ли не единственный случай въ исторіи монголо-буддійской духовной обрядности... За долговременное свое пребываніе въ Ургѣ Я. П. извѣдывалъ Монголію, что называется, вдоль и поперекъ, въ особенности ея сѣверную часть. Иѣкоторые географическіе факты имъ были сообщены впервые, какъ, напримѣръ, существованіе слѣжныхъ вершинъ въ Хангаѣ и въ Восточномъ или Монгольскомъ Алтаѣ. Его путевыя замѣтки о Керуленѣ долгое время были единственнымъ источникомъ для знакомства съ этимъ райономъ сѣверной Монголіи. Но въ чемъ особенно былъ свѣдущъ Я. П. и что онъ хорошо зналъ—такъ это монголовъ, домашнюю жизнь монгольскихъ князей, ихъ взаимныя отношенія, управленіе Монголіи, экономическія условія, въ какихъ живетъ низшій классъ, значеніе буддійскаго духовенства и, что наиболѣе важно для русскихъ,—русскую торговлю, ея постепенное развитіе. Къ сожалѣнію, литературная дѣятельность Я. П. выразилась лишь немногими статьями, напечатанными въ сибирскихъ географическихъ журналахъ, а именно: «Свѣдѣнія о халхаскихъ владѣніяхъ»; «Поѣздка изъ Урги на Ононъ» и «Свѣдѣнія о дархатахъ-уранхаяхъ въдомства ургинскаго хутухты». (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 13958).

† **Яковенко, В. И.** 7-го марта, послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни, скончался въ клиникѣ Виллие извѣстный литераторъ и земскій дѣятель дворянинъ Валентинъ Ивановичъ Яковенко на 51-мъ году жизни. Покойный много лѣтъ работалъ по статистикѣ, начавъ свою дѣятельность въ московскомъ губернскомъ земствѣ по обследованію заводовъ и фабрикъ Московской губерніи. Позднѣе работалъ въ тверскомъ губернскомъ земствѣ, состоялъ завѣдывающимъ статистическимъ бюро въ смоленскомъ губернскомъ земствѣ, а послѣдніи 14 лѣтъ служилъ въ статистическомъ отдѣлѣ петроградскаго губернскаго земства. В. И. состоялъ душеприказчикомъ покойнаго издателя Павленкова, и, благодаря В. И. Яковенку, по завѣщанію Павленкова, былъ основанъ цѣлый рядъ бесплатныхъ народныхъ библіотекъ. Послѣ В. И. осталось много цѣнныхъ ученыхъ трудовъ, статистическихъ монографій, а также имъ составлены біографіи: Тараса Шевченка, Богдана Хмѣльницкаго, Огюста Конта и мн. др., которыя вошли въ изданіе «Жизнь замѣчательныхъ людей». (Некрологъ его: «Петроградскій Листокъ», 1914, № 66).

ЕВГЕНІЙ ДЕМОЛЬДЕРЪ

САДОВНИКЪ
МАРКИЗЫ ПОМПАДУРЪ

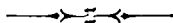

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Б. Михайлова.

ПЕТРОГРАДЪ

1915

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Эртелевъ, 13

I.

Въ сентябрьское утро семья Жасмена Бюге проснулась очень рано, съ первымъ пѣніемъ жаворонка.

Чья-то рука открыла ставни, выпустила голубей и повѣсила на обвитую виноградомъ стѣну три клѣтки.

Подъ крышей изъ рыжеватой черепицы маленькія окна весело поблескивали въ утреннемъ туманѣ. Большое окно на чердакѣ, выходившее на деревню, загорѣлось отраженіемъ утренней зари.

Скромное жилище Жасмена прилѣпилось къ деревушкѣ Буасси-ле-Бертранъ, ютившейся на правомъ берегу Сены, въ одномъ лье выше Мелена. Оно первымъ бросалось въ глаза, если ѣхать по дорогѣ изъ Санъ-Поръ. Домикъ любовался собою въ зеркалѣ рѣки, очень широкой въ этомъ мѣстѣ. Онъ былъ въ одинъ этажъ и примыкалъ съ склона холма, на которомъ былъ разбитъ садъ.

Это былъ одинъ изъ лучшихъ садовъ! Всѣ Бюге были садоводами, и это занятіе передавалось у нихъ наслѣдственно отъ отца къ сыну. Ихъ цвѣточные клумбы смѣло могли поспорить съ цвѣтникомъ сосѣдняго замка, который былъ выкрашенъ въ желтый цвѣтъ и принадлежалъ маркизу д'Оранжи. Жасменъ гордился своимъ цвѣтникомъ. Съ ранней весны онъ устраивалъ у рѣшетки, тянувшейся вдоль фасада его домика, цѣлую цвѣточную выставку, располагая растенія по ступенямъ, такъ что и рука и глазъ могли достигать до нихъ безпрепятственно. Лѣтомъ вмѣсто этихъ растеній на выставкѣ красовались всевозможные лѣтніе цвѣты, осенью ихъ мѣсто занимали гераніи и хризантемы.

Итакъ, въ это сентябрьское утро садовникъ Бюге проснулся очень рано. Наканунѣ камеристка m-me д'Этиоль, Мартина Беко, прежде, чѣмъ возвращаться въ замокъ, сказала ему, сверкнувъ своими красивыми глазами:

— Не знаю, какъ и быть, Жасменъ! Завтра мнѣ необходимы

Авторъ настоящаго романа является однимъ изъ лучшихъ историческихъ романистовъ современной Бельгіи. Страстный поклонникъ фламандской живописи, Демольдеръ переноситъ ея приемы и въ литературу: оставаясь строгимъ реалистомъ, онъ пишетъ широкими яркими мазками, рѣзко распредѣляя свѣтъ и тѣни. Въ предлагаемомъ романѣ читатель сразу чувствуетъ разницу между утонченно-чувственной средой двора и грубо-материальными вкусами деревни и слышитъ отдаленный грохотъ приближающейся революціи.

розы, чтобы украсить ими экипажъ моей барыни. Не знаю, гдѣ бы мнѣ ихъ найти.

Бюге улыбнулся угломъ губъ и хвастливо отвѣчалъ:

— Я предоставлю въ твоё распоряженіе всѣ цвѣты моего сада, если ты хорошенько заберешь ее въ руки!

Мартина согласилась, и вотъ почему Жасмень съ ранняго утра обрѣзалъ розы съ шести большихъ розовыхъ деревьевъ, которыя стояли въ рядъ передъ домомъ въ зеленыхъ кадкахъ.

Конечно, только изъ любви къ Мартинѣ срѣзалъ онъ эти благоуханные цвѣты, колыхавшіеся отъ вѣтра на своихъ стебляхъ. Онъ отдавалъ ихъ въ жертву: его домикъ, потерявъ такое украшеніе, глядѣлъ унылымъ, и Жасмень не безъ грусти то и дѣло открывалъ корзину, въ которую онъ кидаль розы.

Въ шесть часовъ передъ воротами домика остановилась какая-то повозка. То былъ крестный Мартины, Реми Госсе. Онъ заѣхалъ за цвѣтами. Это не доставило ему особыхъ хлопотъ, ибо все равно онъ ѣхалъ въ Корбейль, куда везъ масло, сыръ и яйца.

Жасмень принялъ всѣ мѣры, чтобы его драгоценный грузъ не попалъ подъ какой-нибудь ящикъ съ сыромъ. Онъ водрузилъ его на корзину съ яйцами и уговорилъ хозяина повозки прежде всего заѣхать въ замокъ m-me д'Этиоль.

— Я буду тамъ ровно въ девять,—увѣрялъ дядя Госсе.

Онъ поклялся передать корзину непременно самой Мартинѣ, чтобы солнце никакъ не могло попасть на эту легко портящуюся посылку.

Онъ хлыстнулъ бичомъ свою лошаденку, и скоро его зеленая повозка исчезла изъ виду за поворотомъ деревенской улочки.

Жасмень продолжалъ стоять на дорогѣ и смотрѣть на Сену: изъ Бургона въ Парижъ шли баржи, тихо подвигаясь по водѣ въ утреннемъ туманѣ.

Пока садовникъ смотрѣлъ на нихъ, въ домѣ открылось окно, въ которомъ показалась старуха въ ночномъ чепцѣ.

— Жасмень! Жасмень! Да иди же сюда!—закричала она.

— Я здѣсь, матушка!

Когда онъ вошелъ въ домъ, старуха уже спустилась внизъ.

— Что ты оглохъ, что ли?—весело обратилась она къ сыну.— Неужели ты поднялся такую рань, чтобы глазѣть на Сену? Яблоки уже можно собирать. Только съ кальвилями надо подождать немного. Ну, садись завтракать.

Она положила на столъ булку и кусокъ сала и поставила кружку съ виномъ. Жасмень вынулъ ножъ, отрѣзалъ себѣ кусокъ и сталъ прихлебывать изъ кружки.

— На разсвѣтѣ всегда хочется ѣсть,—промолвилъ онъ.

Мать подошла къ большому камину и зажгла подъ треножникомъ пучокъ прутьевъ. Пошелъ дымъ, но старуха мало обрадала на него

вниманія. Наливъ въ глиняную миску молока, она поставила его на огонь. Потомъ она нарѣзала нѣсколько кусковъ чернаго хлѣба и, когда молоко стало кипѣть, бросила ихъ туда, посолила и стала слегка помѣшивать.

Отъ этихъ приготовленій Жасмень закашлялъ.

— Я выйду на воздухъ,—сказалъ онъ.

— Неужели ты бѣжишь отъ дыма? Фу! Ступай, посмотри, откуда дуетъ вѣтеръ, и потомъ скажи мнѣ.

Жасмень вышелъ. Небо становилось свѣтлѣе. По рѣкѣ носились хлопья тумана. Вдругъ подулъ легкій вѣтерокъ, и Сена встревожилась. Подъ блѣдными лучами солнца словно серебро разлилось по ея поверхности. Ослѣпленный Жасмень смотрѣлъ на опаловыя спирали, которыя вѣтеръ гналъ къ прибрежнымъ кустарникамъ.

Онъ любилъ росу, любилъ собирать ея бриллы гдѣ-нибудь возлѣ зеленаго жука, притаившагося въ чашечкѣ ненюфара. Въ это утро роса перенесла мысль къ прошлому. Въ эту весну по года сдѣлала чудеса съ розами: всѣ улицы были усыяны ихъ лепестками, и въ праздники маленькая деревенская церковь, увѣшанная гирляндами, скорѣе напоминала храмъ Амура. Теперь приходится расплачиваться за такое излишество. Жасмень посмотрѣлъ на розовыя деревья, истощенныя слишкомъ сильными побѣгами; цвѣтовъ на нихъ было маловато. При мысли о такомъ ущербѣ онъ почти жалѣлъ, что обѣщалъ сдѣлать подарокъ Мартинѣ. Хотя онъ и сильно любилъ ее, но не могъ не выбрать ея про себя.

Вздохнувъ, онъ повернулъ направо и сталъ тихонько взбираться по каменной лѣстницѣ, которая вела на террасу, гдѣ былъ разбитъ чудный цвѣтникъ. Лучи солнца уже окрасили въ золотой цвѣтъ прятвшіяся въ глубинѣ его розы. Жасмень, взявъ лейку, погрузилъ ее въ бочку, вкопанную въ землю въ углу цвѣтника, и принялся поливать флоксы, предназначавшіеся на сегодняшній праздникъ въ честь св. Августа.

— Матушка!—закричалъ онъ, равномерно поливая свои гряды:— флоксы уже готовы. Ихъ можно продавать. По три су за штуку.

— Ну, этого, пожалуй, не дадутъ!

Жасмень долженъ былъ идти къ своему дядѣ Жилью, чтобы разузнать, когда начнется сборъ винограда.

— Поцѣлуй брата отъ меня,—говорила старуха Бюге, отправляя сына.—Да отнеси ему нашу послѣднюю дыню!

Жасмень вернулся домой, надѣлъ черныя панталоны съ серебряными пряжками, рубашку изъ сѣраго полотна съ отложнымъ воротникомъ, жилетъ съ карманами и темный камзолъ. Потомъ, завязавъ сзади волосы узломъ, онъ надѣлъ треугольную шляпу, которая употреблялась только по праздникамъ.

Снарядившись такимъ образомъ, онъ отправился въ путь, неся на плечѣ на большой палкѣ большую желтую дыню, которую его

мать нарочно заключила въ небольшую плетенку, чтобъ «возбудить любопытство». Жасмень шелъ по берегу Сены, наслаждаясь хорошимъ днемъ.

Проходя возлѣ Сентъ-Ассиза, Жасмень замѣтилъ въ паркѣ небольшого замка стараго садовника, который чистилъ дорожки.

— Здравствуйте, Летюркъ!

— А, Жасмень! Войди!

— Благодарю васъ.

Жасмень снялъ шляпу и поставилъ корзиночку около рѣшетки.

— Иди, я хочу показать тебѣ новое растеніе,—продолжалъ Летюркъ.—Оно привезено изъ Италіи и цвѣтеть у насъ въ первый разъ.

Когда Жасмень входилъ въ небольшую оранжерею, у него сдѣлалось сердцебіеніе. Самый набожный человѣкъ не сталъ бы такъ волноваться на паперти церкви...

— Вотъ!—сказалъ Летюркъ съ самодовольнымъ выраженіемъ лица.

Жасмень, почтительно держа въ рукахъ шляпу, стоялъ передъ двумя туберозами. Бѣлыя, на длинныхъ зеленыхъ стебляхъ, какъ будто краснѣя отъ сладострастія, которое разливали ихъ чашечки, онѣ пышно поднимались въ группѣ ананасиковъ, которые, казалось, были рады и довольны такимъ сосѣдствомъ.

— Потрогай, какъ онѣ нѣжны,—сказалъ Летюркъ.

Жасмень протянулъ дрожащую руку.

— А вотъ эта!—продолжалъ старый садовникъ.

То была аристократическая и элегантная гарденія.

— Какъ онѣ красивы!—прошепталъ Бюге.—Вы должны гордиться ими, Летюркъ.

— Ну, еще бы! У cadaго свое честолюбіе! Къ сожалѣнію, знатоки встрѣчаются не часто!

Жасмень снова пустился въ путь. Эти туберозы взволновали его. Онѣ испытывалъ такое чувство, какъ будто ему случилось присутствовать при раздѣваніи какой-нибудь принцессы въ ея брачную ночь, и онъ самъ, какъ рассказывалось въ старинныхъ сказкахъ, сталъ ея супругомъ.

Онъ узналъ также, что аромать туберозъ напоминаетъ духи, которые ему однажды подарила Мартина, говоря: «Держи! это духи m-me д'Этіоль».

И Жасмень сталъ думать о m-me д'Этіоль. Она представлялась ему въ родѣ дочери англійскаго лорда, которую онъ видѣлъ однажды, когда работалъ въ замкѣ Вье-Праленъ. Эта англичанка была бѣла, какъ гарденія и такъ же, какъ этотъ цвѣтокъ, вся закутана въ бѣлую кисею.

Жасмень тихо шелъ вдоль рѣки. Вылетѣвшая изъ зарослей дикая утка вывела его изъ задумчивости. Жасмень вынулъ изъ

кармана тяжелые серебряные часы, которые достались ему отъ отца. Часы пробили восемь. Онъ успокоился и продолжалъ свой путь. Къ нему присоединилась нѣкая Николь Сансоне, удильщица угрей, разбитная баба, которая въ свое время не обнаруживала страха передъ солдатами легкой кавалеріи, да и теперь, несмотря на то, что ей было уже подь сорокъ лѣтъ, посматривала на мужчинъ съ огонькомъ въ глазахъ. Лицо ея, прикрытое шляпой, было красно, передникъ едва скрывалъ ея ожирѣвшія формы. На спинѣ она несла большую корзинку съ рыбой.

— Сегодня хорошій день,—сказала она Жасмену.—Слѣдуетъ имъ воспользоваться! Теперь такихъ дней будетъ не такъ-то много.

Они пошли рядомъ. Вдругъ бабенка взглянула прямо въ лицо своему спутнику.

— Ты еще не женатъ? А пора бы! О твоей свадьбѣ уже говорили какъ-то. Думала, что это будетъ осенью. И вдругъ, фунтъ! Мартина очутилась у м-ше д'Этіоль. Дѣло, стало быть, откладывается до Рождества?

Жасмень разсмѣялся.

— А вѣдь она преапетитная, право!—продолжала Николь.— На твоемъ мѣстѣ я не сталъ бы допускать, чтобы вокругъ нея увивались эти прихлебатели д'Этіоль. Добродѣтель женщины можетъ выскочить изъ рукъ, какъ угорь, и когда дѣло сдѣлано, то сдѣлано. Не зѣвай, Жасмень. Это тебѣ говоритъ Николь.

Жасмень уже достигъ мѣста своего назначенія. Онъ поблагодарилъ торговку за совѣтъ и направился къ кожевенному заводу дяди Жильо.

Заводъ былъ расположенъ на самомъ берегу Сены. Запачканный дубильной кислотой и кровью, засиженный мухами, онъ зіялъ тремя отверстиями, въ которыхъ сушились кожи. Жилище хозяина находилось на небольшомъ грязномъ и зловонномъ дворикѣ. По срединѣ его стояла телѣга съ бычьими шкурами.

Жасмень вошелъ. Онъ всегда встрѣчалъ хорошій приемъ у родственниковъ. Тетка Жильо взяла дыню и понюхала ее около стебля. Жасмень освѣдомился, когда предполагается собирать виноградъ.

— Если сентябрь будетъ теплымъ, а это весьма вѣроятно, такъ какъ съ новолунія стоитъ хорошая погода, то скоро можно будетъ и собирать.

— Хорошее дѣло,—отвѣчалъ Жасмень.—А пока что, я хочу провести этотъ день у васъ. Посмотримъ, не найдется ли у васъ какой работы въ огородѣ.

— Ну, у меня есть для тебя дѣло получше,—промолвила тетка Жильо.— Нашъ сосѣдъ Евстафій Шатуйяръ общалъ заѣхать за мной и отвезти въ Сенаръ, гдѣ будетъ охотиться король. Но сначала нужно помочь мужу промыть шкуры въ рѣкѣ. Поѣзжай въ Сенаръ вмѣсто меня.

Жасмень колебался.

— Такія вещи можно видѣть разъ въ жизни,—настаивала Жильо.

Между тѣмъ пріѣхалъ Евстафій. Узнавъ, что тетка Жильо не поѣдетъ, онъ заохалъ и заахалъ.

— Я увѣренъ, что король непремѣнно будетъ,—говорилъ онъ:— я это узналъ отъ конныхъ гренадеровъ, которые чинили дорогу.

Жасмень очень удивился, услыша, что солдаты чинили дорогу только для одного проѣзда короля.

— А,—воскликнулъ Шатуйяръ:—вѣдь въ экапажахъ будутъ и дамы, и ухабы могутъ порядочно натереть имъ не одни бока. Чего ты смѣешься? Вѣдь не сядишься же ты на свой салатъ, когда везешь его продавать въ Корбейль?

— Еще бы! Вѣдь я долженъ заботиться о своемъ товарѣ.

— Каждый долженъ заботиться о своемъ, милый. Впередъ, Бурри!

Лошадь, отъ голоса Евстафія и удара хлыстомъ, двинулась впередъ крупной рысью. Скоро молодые люди достигли Нанди. На деревенской колокольнѣ пробило десять часовъ. Ъхать имъ приходилось мимо уже сжатыхъ полей, на которыхъ въ соломѣ шныряли куропатки. На фонѣ темнозеленыхъ кустовъ сіяли своими золотыми верхушками стога. Легкій вѣтерокъ заставлялъ трепетать уже свертывавшіеся листья.

Деревенька Льесэнъ, куда они скоро пріѣхали, была биткомъ набита. Видъ ея былъ праздничный. Всюду ходили толпы крестьянъ съ фермершами въ соломенныхъ шляпахъ. Какая-то нищенка съ большой дороги, держа свой башмакъ въ рукахъ, глядѣла на нихъ съ удивленіемъ. По дорогѣ изъ Корбейля шелъ осель, нагруженный разными разностями. Возлѣ него шествовали молочницы съ большими жестяными кружками на головѣ, и мальчишки, продававшіе сласти.

Конные гренадеры, въ красныхъ каскахъ и съ медвѣжьими шкурами на плечахъ, лихо гарцовали на солнцѣ съ обнаженными саблями. Карабины и штыки болтались у нихъ около сѣдла.

На самомъ концѣ длинной и широкой дороги, которая сначала была усѣяна по обѣ стороны фермами и домиками, а потомъ входила въ лѣсъ, на перекресткѣ, гдѣ гренадеры стояли живою изгородью, виднѣлась большая разноцвѣтная толпа, отливавшая желтыми, бѣлыми и красными пятнами. Сбоку на горизонтѣ виднѣлись какія-то яркія фигуры. Онѣ то появлялись, то исчезали. Надъ этой движущейся панорамой, освѣщенной косыми лучами солнца, носились стаи воронъ, испуганныхъ необычнымъ шумомъ и движеніемъ.

Молодые люди сошли съ телѣжки. Жасмень вдругъ почувствовалъ какую-то робость. Онъ увидитъ короля! Эта мысль заставляла

трепетать его сердце. Въ замкахъ, гдѣ ему приходилось работать, онъ нерѣдко слышалъ разговоръ о Людовикѣ XV. Онъ зналъ, какъ могущественъ этотъ государь. Ему казалось, что звуки роговъ имѣють въ себѣ что-то страшное и что весь лѣсъ наполненъ этимъ могуществомъ.

Евстафій захватилъ съ собой хлѣба и сыра. Онъ повлекъ своего спутника къ лѣсу.

Кое-какъ они пробрались сквозь кусты. Королевская стража не давала никому приближаться къ перекрестку, гдѣ, по ихъ словамъ, долженъ былъ остановиться его величество.

Къ счастью, Евстафій встрѣтилъ знакомаго егеря, благодаря которому они могли подойти поближе.

— Смотрите хорошенько,—сказалъ имъ егерь.

На краю дороги стояли лошади для свиты короля. Между ними была одна, совершенно бѣлая.

— Это для короля,—прошепталъ егерь.

Другая была золотисто-рыжая.

— А эта для герцогини де-Шатору,—продолжалъ егерь.

Лошади загоразивали имъ видъ. Они залѣзли на вязъ и усѣлись поудобнѣе на его развѣсистыхъ вѣтвяхъ.

У подошвы дубовъ и березъ, на которыхъ висятъ охотничьи ножи и рога, виднѣются разнообразныя формы, ходятъ взадъ и впередъ егеря, держа на сворѣ собакъ, суетливо движутся повара, разнося на большихъ блюдахъ жареныхъ зайцевъ и фрукты. За буками мирно отдыхаютъ мулы, украшенные султанами и мѣдными наушниками. Вездѣ, гдѣ только есть тѣнь, пируютъ на травѣ сеньоры, офицеры и дамы, сидя или лежа вокругъ скатертей, накрытыхъ на землѣ.

Жасмень былъ ослѣпленъ. Этотъ пирующий на лонѣ природы дворъ, красивыя лица, задоръ этихъ амазонокъ, которыя умѣють выставлять изъ-подъ платья свои маленькія ножки въ сафьяновыхъ сапожкахъ, эти вельможи, украшенные лентами и безпрестанно прикладывающіе руку къ груди, вся эта блестящая аристократія, которую Жасмень имѣлъ уже случай видѣть въ Меленѣ, все это приводило его въ восторгъ.

— Какъ это красиво!—воскликнулъ онъ.

Евстафій зашипѣлъ на него:

— Король!

— Гдѣ?

— Вотъ тамъ!

Людовикъ XV сидѣлъ на большомъ коврѣ. На немъ былъ костюмъ изъ краснаго бархата съ широкими галунами, а на головѣ напудренный парикъ, прикрытый шляпой съ бѣлымъ перомъ. Лакеи летятъ къ нему стрѣлой. Они предлагаютъ ему жаркое, но его величество отказывается и зѣваетъ.

Жасмень успѣваетъ разглядѣть, что лицо у короля розовое и круглое. Движеніе его медленны, онъ лѣниво подноситъ ко рту лапку цыпленка, потомъ бросаетъ ее собакѣ, которая сидитъ около его тарелки. Зѣвнувъ еще разъ, онъ наклоняется къ дамѣ, которая сидитъ рядомъ съ нимъ.

— Герцогиня де-Шатору,—шепчетъ Евстафій.

Онъ былъ въ Парижѣ и знаетъ придворную среду.

— Это не королева?

— Нѣтъ, это любовница короля.

Лицо герцогини блѣдно. Она въ желтомъ платьѣ, видимо, она страдаетъ подъ своей треугольной охотничьей шляпой. При словахъ короля она встрепенулась, и Жасмень, отъ котораго ничто не можетъ ускользнуть, замѣчаетъ, какъ ея лицо подергивается судорогой, а щеки дѣлаются еще бѣлѣе.

— Словно она умираетъ,—промолвилъ садовникъ.

Больше всего его беспокоитъ самъ король! Несмотря на скупающій видъ, который онъ напускаетъ на себя, въ глазахъ юноши его окружаетъ особый престижъ.

Жасмену давно твердили, что за короля надо умереть, что именно онъ управляетъ въ битвахъ и одерживаетъ побѣды. И садовникъ не могъ иначе вообразить себѣ Людовика, какъ сквозь эти иллюзии. Ему все же хотѣлось, чтобы у его повелителя былъ болѣе повелительный видъ, чтобы онъ самъ былъ повнушительнѣе и повеселѣе. Ему было какъ-то жалко, что на устахъ французскаго короля то и дѣло появляется горькая усмѣшка и онъ тяжело и съ презрѣніемъ кидаетъ свои взоры. Жасмень вспоминаетъ, что на картинкахъ онъ видѣлъ Людовика XV веселымъ, цвѣтушимъ, съ открытымъ лицомъ. Видъ его былъ таковъ, что заставлялъ одно временно вспомнить о голубѣ и объ орлѣ. Въ этомъ усталомъ и разсѣянномъ человѣкѣ Жасмень съ трудомъ узнавалъ короля, котораго онъ видалъ на картинкахъ.

Пока Бюге предавался своимъ размышленіямъ, на дорогѣ отъ Монжерона показался разукрашенный экипажъ, блестящій, какъ неожиданная звѣзда. Нѣсколько сеньоровъ быстро поднялись съ земли и, приставивъ руку козырькомъ ко лбу, стали смотрѣть вдаль.

Экипажъ становился виднѣе. Придворные различали женщину, сидѣвшую въ голубомъ фэтонѣ, который былъ запряженъ двумя бѣлыми лошадьми. Сзади нея стоялъ негритенокъ, держа надъ ней раскрытый зонтикъ.

Когда экипажъ началъ приближаться къ мѣсту королевской остановки, незнакомка стала задерживать лошадей, какъ бы желая дать придворнымъ наглядѣться на нее. Въ толпѣ царедворцевъ произошло движеніе.

Широкія панье ея платья заполняли кружевами весь экипажъ. Въ лѣвой рукѣ она держала вожжи, въ правой—большой вѣеръ.

На ея осыпанныхъ пудрой волосахъ красовалась пастушья шляпа. На блѣдномъ лицѣ, чуждомъ всякихъ косметикъ, были приклеены три мушки и притомъ такъ ловко, что онѣ блестѣли, какъ звѣздочки. Платье было съ очень низкимъ вырѣзомъ.

Все въ этой дамѣ носило какой-то вызывающій характеръ: ея лицо носило отпечатокъ какой-то гордости, ямочки на щекахъ и въ ухахъ губъ манили и дразнили зрителя. Зубы, дьявольской бѣлизны, блестѣли, какъ жемчугъ, а глаза искали своей жертвы.

Дама проѣхала мимо егерей, гренадеровъ и слугъ, возбуждая въ нихъ всѣхъ изумленіе.

Проѣзжая мимо короля, она сдѣлала поклонъ.

Жасменъ наблюдалъ за нею съ высоты своего дерева. При видѣ этой дамы онъ испытывалъ странное смущеніе, отъ котораго онъ даже выпустилъ изъ рукъ вѣтку, за которую держался. Онъ слышалъ, какъ билось его сердце. Ослѣпленный, какъ будто передъ нимъ предстала сама царица цвѣтовъ, садовникъ воскликнулъ:

— Чортъ возьми! Красивая женщина!

Рядомъ съ дамой въ экипажѣ лежалъ букетъ. Жасменъ узналъ его и какимъ-то сдавленнымъ голосомъ крикнулъ:

— Мои цвѣты! Это m-me д'Этиоль!

Голова у него закружилась. Онъ слѣзъ съ дерева и пошелъ прочь. Евстафій съ удивленіемъ слѣдовалъ за своимъ другомъ.

— M-me д'Этиоль!—повторилъ еще разъ Бюге.

Евстафій принялъ лукавый видъ.

— Я слышалъ о ней. Говорятъ, это королевскій кусочекъ.

Когда пріятели достигли Сентлье, Евстафій разстался съ Жасменомъ, пообѣщавъ зайти за нимъ черезъ часъ.

— Спасибо,—сказалъ садовникъ.—Я лучше пойду пѣшкомъ. Это будетъ не худо для меня.

— Какъ хочешь. Счастливаго пути!

Жасменъ пошелъ въ ту сторону. Онъ шелъ по дорогѣ, на которой теперь не было ни души, останавливаясь время отъ времени, чтобы провести рукою по лбу.

Такъ вотъ эта удивительная женщина, къ которой Мартина всегда имѣть доступъ! Съ нѣкоторыхъ поръ Мартина стала красивойе и пикантѣе: несомнѣнно, это отблескъ m-me д'Этиоль!

Жасменъ совсѣмъ погрузился въ свои думы. Вдругъ онъ услышалъ легкій крикъ и фырганье взбѣсившихся лошадей и обернулся.

Передъ нимъ былъ голубой фаэтонъ.

Офицеры герцогини де-ла-Шатору отгѣснили ее, и съ досады она выпустила вожжи и пустила лошадей вскачь. Уже большой зонтикъ валяется на дорогѣ, а негртеночъ даетъ ей нюхать флаконъ съ солью.

Жасмень бросается впередъ и останавливаетъ лошадей. Онъ вскакиваетъ на подножку экипажа и схватываетъ упавшую въ обморокъ м-ше д'Этиоль.

— Помогите!—кричитъ онъ, обезумѣвъ отъ ужаса.

Негритенокъ дрожить, какъ обезьяна въ лихорадкѣ.

— Она умерла!—кричитъ Жасмень.

Онъ бросается къ ручейку, который текъ въ лѣсу, и возвращается назадъ, неся воду въ шляпѣ. Онъ обмакиваетъ пальцы въ воду и, подобно тому, какъ это онъ дѣлалъ съ обмершими цвѣтами, онъ бросаетъ нѣсколько капель на это блѣдное лицо, накрашенный ротъ котораго кажется зіяющей раной.

Дама открываетъ глаза и тихо шепчетъ:

— Гдѣ я? Что вы здѣсь дѣлаете?

Жасмень бросается на колѣни. Негритенокъ оправляетъ ей кружева. М-ше Этиоль, блѣдная и взволнованная, хмуритъ брови, болѣзненно улыбается и наконецъ, какъ бы оправившись отъ сна, говорить:

— Теперь я вспоминаю.

Ея маленькія ручки крѣпко держатъ измятую траву.

— Дай мнѣ мое зеркало—говоритъ она негритенку.—Какой безпорядокъ!—съ ужасомъ продолжаетъ она, бросивъ на него взглядъ.

Она приглаживаетъ брови, расправляетъ брови и съ улыбкой презрѣнія шепчетъ:

— Боже! я была настоящей женщиной.

Жасмень не отрываясь смотрѣлъ въ глаза этого дивнаго созданія: они казались ему то черными, то синими.

Наглядѣвшись на себя въ зеркало, м-ше д'Этиоль протягиваетъ одну руку негритенку, другую Жасмену.

— Поднимите меня!

Жасмень трепещетъ, не смѣя прикоснуться къ этимъ тонкимъ, розовымъ пальцамъ.

— Ну, что же!—нервно протягиваетъ м-ше д'Этиоль.

Садовникъ беретъ протянутую ему руку и отъ замиранія сердца закрываетъ глаза.

М-ше д'Этиоль становится на ноги.

— Кто вы такой?—спрашиваетъ она Жасмена.

— Жасмень Бюге,—отвѣчаетъ тотъ, чувствуя, какъ сжимается у него горло.

— Дай ему эку,—говоритъ м-ше д'Этиоль негритенку.

Жасмень дѣлаетъ жестъ, означающій отказъ.

— Благодарю васъ! Но не надо! Не надо!

М-ше д'Этиоль тутъ только общаетъ вниманіе на миловидную внѣшность молодого человѣка.

— Что вы такъ смотрите на мои цвѣты?—спрашиваетъ она съ любезнымъ видомъ.

Жасменъ опускаетъ глаза.

— Это изъ моего сада.

— Изъ вашего сада?

— Я садовникъ. Вчера у меня взяла ихъ Мартина Беко.

— Мартина? Я этого и не знала. Теперь я всегда буду брать у васъ, Жасменъ,—прибавляетъ она съ улыбкой.

Она садится въ свой фэтонъ, беретъ вожжи и отправляется.

Жасменъ долго провожаетъ ее взглядомъ. Экипажъ повертывается на боковую дорогу и разомъ скрывается изъ глазъ.

Садовникъ, вновь погрузившись въ свои мысли, пошелъ дальше.

Женщина, которую онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ, аромать которой онъ чувствовалъ,—эта женщина была сама m-me д'Этиоль! Это слово какъ будто пѣло у него въ душѣ. Какое-то сладкое, но вмѣстѣ съ тѣмъ печальное чувство охватило его. Ему казалось, что его душа испарилась изъ него. Лѣса и луга показались ему печальнѣе, чѣмъ они обыкновенно бываютъ въ концѣ лѣта.

Движимый какой-то непреодолимой силой, Жасменъ вернулся къ дереву, подъ которымъ приходила въ себя m-me д'Этиоль. Ея духи еще носились въ воздухѣ.

Садовникъ закрылъ глаза: передъ нимъ опять предстала эта важная дама, съ ея блестящими глазами и красными, какъ вишни, губами. Открывъ глаза, онъ увидаль то самое мѣсто, гдѣ m-me д'Этиоль держалась руками за траву. Наклонившись, онъ поцѣловаль это мѣсто.

Вдругъ онъ выпрямился, какъ будто этотъ поцѣлуй обжегъ ему губы, и прошепталъ:

— Я съ ума схожу.

Издали со стороны де-Кинси неслись звуки охоты, лаяли собаки, раздавались металлическіе звуки роговъ. Поднявшійся вѣтеръ занесъ пылью слѣды экипажа и колесъ на дорогѣ.

Бюге шелъ одинъ въ безлюдномъ лѣсу и наблюдалъ, какъ заходило солнце и небо становилось мало-по-малу фіолетовымъ. Чтобы дойти поскорѣе до своей деревни, онъ пустился равниной, которая тянулась по направленію къ Сенѣ. Скоро онъ шелъ среди осеннихъ цвѣтовъ уже при свѣтѣ полной луны.

II.

Черезъ нѣсколько недѣль Жасменъ, взявъ свой календарь, увидаль, что начинается уже осень.

Небо было печально. Каждый порывъ вѣтра нагонялъ снѣжные облака. Волновавшаяся Сена блестяла стальнымъ цвѣтомъ.

Пока Жасменъ глядѣлъ на облака, снѣжная буря уже завывла кругомъ старыхъ яблонь.

— Разсматриваешь облака, сынокъ?—сказала выпедшая старуха Бюге.—По нимъ ничего не узнаешь. Хочу убрать фруктовый садъ,—продолжала она.—Если ты мнѣ поможешь, то мы управимся съ нимъ сегодня. Солнышко не долго будетъ грѣть. Ренеты имѣютъ хорошій видъ, а кальвилы стали совсѣмъ желтыми.

— Это вѣрно,—проговорилъ Жасменъ.

— Я послала за Этьенной Лампалеръ. Она будетъ помогать намъ. Это не то, что какая-нибудь рохля!

Жасменъ пошелъ въ небольшой сарай и взялъ лѣстницу. Привѣсивъ къ поясу корзину, онъ прислонилъ лѣстницу къ большой яблонѣ и влѣзъ на нее. Яблоня гнулась подъ тяжестью плодовъ. Жасменъ осторожно сталъ ихъ снимать и тихонько, чтобы яблоки не ударялись одно о другое, складывалъ ихъ въ корзину, повѣшенную на сукъ.

Когда корзина была полна, старуха Бюге осторожно брала ее руками и несла домой. Тамъ она укладывала ихъ на рѣшетку, стельками кверху.

Старуха Бюге работала не покладая рукъ, не хуже мужа; у котораго дядя былъ учитель. Онъ умѣлъ читать и даже писать! Охъ, ужъ это чтеніе! Сколько времени оно беретъ и какъ развращаетъ человѣка! Вотъ почему покойный Бюге сидѣлъ большей частью уткнувши носъ въ книгу, и не разъ ей приходилось видѣть, какъ ихъ цвѣточные посѣвы зарастали дикими незабудками и бывали покрыты слѣдами ласточекъ. Но Бюге не хотѣлъ ничего предпринимать противъ этого, увѣряя, что незабудки похожи на ея глаза, а ласточки напоминаютъ ему ея собственную живость. Но весь этотъ вздоръ обходится въ жизни довольно дорого. Вотъ теперь и у ея сына какой-то мечтательный видъ. Впрочемъ, его всѣ любятъ, онъ славный малый, а главное, что теперь встрѣчается рѣдко, знаетъ свое дѣло.

— О, если у него будетъ протекція какого-нибудь герцога, онъ далеко пойдетъ,—говорили про него.

Но Жасменъ имѣлъ разсѣянный и печальный видъ, особенно послѣднія недѣли, и думалъ, Богъ его знаетъ о чемъ. Это произошло съ нимъ со времени послѣдней королевской охоты. Не забралъ ли онъ себѣ въ голову сдѣлаться королевскимъ конюхомъ или егеремъ? Какая глупость для человѣка, у котораго есть свое хорошее дѣло, дающее ему кусокъ хлѣба и кружку горячаго молока.

Пришла наконецъ Тьенетта. Все въ ней блеститъ: блестятъ ея черные, растрепанные вѣтромъ волосы, блеститъ веселое загорѣлое лицо, сияетъ радостная улыбка на вздернутыхъ кверху губахъ.

— Вы меня звали?—весело говоритъ она Бюге.

— Да, милочка. Ты должна помочь намъ.

— Съ удовольствіемъ.

Тьенетта направляется къ яблонѣ, гдѣ сидитъ Жасмень, и подвязываетъ передникъ.

— А, это ты, Тьенетта.

Жасмень слѣзаетъ съ дерева и придерживаетъ лѣстницу.

Но Тьенетта хочетъ вскарабкаться на дерево одна, безъ всякой лѣстницы. Жасмень подставляетъ ей спину. Онъ едва чувствуетъ прикосновеніе къ ней босыхъ ногъ; Тьенетта уже на деревѣ.

— Брось мнѣ корзину!

— Держи!

Тьенетта съ удобствомъ усаживается на вѣткѣ. Солнце бросаетъ на нее свои золотые лучи и блеститъ на ея бѣлыхъ зубахъ.

Жасмень начинаетъ думать о божествахъ, которые живутъ въ деревьяхъ и выходятъ изъ нихъ очень рѣдко. Объ этомъ онъ читалъ въ одной книжкѣ. Можетъ быть, Тьенетта съ ея темной кожей, огненными глазами и распущенными волосами и есть дриада, выскочившая изъ этой яблони, чтобы попробовать ея плодовъ. Изъ буковъ и дубовъ, должно быть, выходятъ болѣе могучія богини. И Жасмену представляется, какъ одна изъ нихъ, раздвигая вѣтви, идетъ по Сенарскому лѣсу. Блестящая и живая, она движется впередъ. Въ ней есть что-то, напоминающее m-me д'Этіоль.

Крикъ Тьенетты выводитъ Жасмена изъ задумчивости.

— Вотъ такъ яблоко!

Тьенетта держитъ въ своихъ смуглыхъ ручкахъ какъ будто огненный шаръ и отъ удовольствія болтаетъ ногами.

— Не меньше поросячьяго сердца,—говоритъ она.— Да, оно похоже на сердце, на такое сердце, которое, какъ у тебя, чѣмъ-то переполнено. О комъ ты все вздыхаешь?

— Ужь, конечно, не о тебѣ.

— Держу пари, что о Мартинѣ,—лукаво выспрашиваетъ плутовка.

— Вовсе нѣтъ.

«Кто же это вскружилъ ему голову. Надо будетъ поразузнать хорошенько», подумала про-себя Тьенетта.

Когда наступилъ полдень, она отправилась къ своей подругѣ Мартинѣ.

Погрузившись въ свои мысли, она и не замѣтила, что маркизь д'Оранжи внимательно смотритъ на нее изъ углового окна своего замка. Сдѣлавъ съ миной старой обезьяны понюшку испанскаго табаку, онъ принялся дѣлать ей какіе-то знаки рукой. Видя, что Тьенетта не замѣчаетъ его, маркизь началъ кричать.

Тьенетта остановилась и взглянула на него. Глаза старика разгорѣлись. Улыбка на беззубомъ ртѣ растянула складки его изсохшей кожи.

— Вы простудитесь, г. маркизь,—крикнула ему Тьенетта:— это вамъ вредно.

Тьенетта пустилась бѣжать. Чтобы перейти черезъ ручеекъ, она нарочно подобрала повыше свою юбку, хотя она и безъ того была довольно коротка, а ручеекъ совсѣмъ не былъ глубокъ.

На другой день вѣтеръ стихъ отъ дождя, который прошелъ ночью. Солнце взошло ясно.

Крестьяне радостно открывали свои окна. Какой прекрасный день для сбора винограда!

Молодыя дѣвушки уже вышли на работу и наполняютъ корзины. Ихъ головные банты трепещутъ, словно какія-то крылья. Молодежь шумить и поетъ. Вотъ появились и парни съ голыми ногами и засученными рукавами. Кто-то затягиваетъ веселую пѣсню. Она несется черезъ всѣ деревенскія изгороди до самой церкви и будитъ сонную Сену.

Жасмень равнодушенъ ко всѣмъ этимъ звукамъ.

— Развѣ ты не пойдешь на сборъ винограда?—спросила его мать.

— Не хочется.

Вдругъ отворяется дверь: Мартина!

— Какъ, ты еще не готовъ?—кричитъ она Жасмену.

И, подперевъ бока руками, она подходитъ къ садовнику.

— Послушай, Жасмень. Не очень-то ты вѣжливъ. Надо бы знать, что я приду. Ну, поцѣлуй меня.

Садовникъ цѣлуетъ ее въ обѣ щеки. Мартина бросается на шею старухѣ.

— О, какъ отъ тебя хорошо пахнетъ! А какая у тебя вѣж-ная кожа! Ужъ не купаешься ли ты въ молокѣ, какъ твоя барыня? Субретка покатила со смѣху.

— М-ше д'Этиоль купается только въ чистой водѣ.

Въ своемъ бѣломъ чепцѣ и розовой юбкѣ, изъ-подъ которой виднѣлись ея маленькія ножки, Мартина была восхитительна. Но прелестнѣе всего были ея глаза какого-то неопредѣленнаго цвѣта, какъ у кошки. Казалось, она могла придавать имъ какое угодно выраженіе и цвѣтъ. Носикъ былъ немного вздернутъ, какъ бы для того, чтобы показать ея смѣлость. Впрочемъ, это выраженіе смягчалось ея улыбкой. Въ это утро она, казалось, принесла въ ямочкахъ своихъ щекъ отблескъ самой зари.

— Жасмень, идемъ. Проводи меня до виноградниковъ,—звонко сказала она.

Бюге немного приодѣлся, надѣлъ башмаки съ желѣзными шипами, которые придѣлывались, чтобы карабкаться по виноградникамъ.

— Вотъ я и готовъ!

Скоро молодые люди были уже на берегу Сены.

— Итакъ, г. Жасмень присутствовалъ при королевской охотѣ?

— Какъ же!

— Васъ замѣтили. М-ше д'Этіоль вчера послала меня поблагодарить за цвѣты къ моей крестной матери, у которой я и ночевала сегодня.

— Не можетъ быть!

— Увѣрю тебя. Она вспомнила твое имя. Она мнѣ все рассказала. Она страшно довольна: благодаря этому приключенію король прислалъ ей десять фазановъ, а это дичь очень рѣдкая.

Жасмень затихъ. М-ше д'Этіоль произносила его имя. И въ первый разъ это имя—Жасмень Бюге—показалось ему красивымъ. Онъ весь растаялъ отъ внезапнаго счастья. Теперь и пейзажъ кажется ему роскошнымъ, и Бюге весело смотритъ на виноградники. Эти маленькія зеленныя феи, которыя по безсолнечнымъ зимамъ навѣваютъ сонъ на смертныхъ при помощи своего сока, теперь становятся пурпурными. Онъ лѣпится по крутымъ, отвѣснымъ склонамъ, съ которыхъ катится оборвавшаяся глина.

Глаза молодого человѣка блестятъ, лицо проясняется. Онъ рѣшается заговорить:

— Итакъ, м-ше д'Этіоль помнишь мое имя?

— Вѣдь, я уже тебѣ объ этомъ сказала.

— Съ того времени, какъ была эта охота?

— Да, съ этого вечера. Я помогала ей снять платье. «Мартина,—сказала она, бросая въ сундучокъ свои кольца,—я встрѣтила садовника, который далъ тебѣ цвѣты для моего фэтона. Его зовутъ Жасмень Бюге, не такъ ли? Я немного покраснѣла. «Почему ты сконфузилась?—Онъ красивый малый, вель себя очень вѣжливо, когда случилось это несчастье съ моимъ экипажемъ», Жасмень задыхался отъ радости.

— Что ты такъ радуешься?—спросила Мартина:—это тебѣ очень льститъ?

Ей было очень пріятно, что ея спутникъ, наконецъ, развеселился: она очень любила Жасмена. Они были друзьями дѣтства, вмѣстѣ вытаскивали ласточекъ изъ гнѣздъ въ берегу Сены, играли въ жмурки, пускали волчокъ и мыльные пузыри изъ соломинокъ. Зимой они устраивали цѣлыя замки изъ картъ или вырѣзали пѣтуховъ изъ бумаги. Мартина была сиротка. Всякій разъ, какъ пріотившему ее крестному отцу нужно было куда-нибудь ѣхать, онъ приводилъ ее къ Бюге, а тѣ укладывали ее спать на одной кровати съ Жасменомъ.

— Можетъ быть, они когда-нибудь поженятся, —улыбаясь, говорилъ самъ Бюге.

Позднѣе Жасмень, недолюбливавшій самъ танцы, долженъ былъ сопровождать Мартину на деревенскіе праздники и даже танцевать съ нею подъ звуки флейтъ гдѣ-нибудь на берегу рѣки подъ развѣсистыми лидами. Приходилось ему показывать ей и панорамы, и маріонетки, покупать пряники и слушать какого-

нибудь виртуоза на рожкѣ. Жасмень угощаль Мартину разными сластями, и иногда они выпивали по стаканчику легкаго вина.

Старуха Бюге считала ихъ женихомъ и невѣстой. Молодые люди бросали другъ на друга нѣжные взгляды и тайкомъ за дверью обмѣнивались поцѣлуями, когда Жасмену приходилось бывать у Госсе, и Мартина провожала его до калитки. Однажды, когда Мартина оставила свою прялку и вышла нарвать вишень, Жасмень быстро увидѣвъ розами ея веретено, и когда она вернулась, это веретено показалось ей настоящимъ скипетромъ царицы цвѣтовъ.

Мартина, впрочемъ, была благоразумна и держала себя осторожно, и ея пріемные родители не могли ее упрекнуть ни въ чемъ.

Между нею и Жасменомъ дѣло, однако, не было рѣшено окончательно. Садовнику шель уже двадцать третій годъ, а Мартинѣ въ октябрѣ должно было исполниться девятнадцать.

Мартина рѣшила, что время имъ подумать и о свадьбѣ.

— Я поговорю.

Веселость, вернувшаяся къ Жасмену, придала ей смѣлости. Тотъ весело шагаль вдоль берега Сены. Ему пришла охота сорвать неньюфаръ. Онъ подошелъ къ водѣ, и на его лицѣ заиграли рефлексы отъ золотистой воды. Мартинѣ показалось, что онъ сталъ похожъ на тѣхъ сатировъ съ розовымъ тѣломъ, которыхъ она видала на картинахъ въ замкѣ Этіоль.

Жасмень досталь запоздавшій цвѣтокъ и подарилъ его камеристкѣ.

— Спасибо. Я поставлю его, на память о тебѣ, въ моей комнатѣ.

— Хорошій сборъ, Эвфемэнь!—закричалъ Жасмень мѣстному дьячку, тощая фигура котораго прохаживалась въ своемъ небольшомъ садикѣ.

Къ великой досадѣ Мартины, Жасмень то и дѣло заговариваль то съ однимъ, то съ другимъ. Многіе подходили къ нему сами.

Она не смѣла и не могла сказать ему что-нибудь: она была робка, да и приставшіе по дорогѣ болтуны мѣшали. Такъ незамѣтно они дошли до дубильнаго завода Жилью.

— А, Мартина,—закричала тетка, увидѣвъ ее:—какъ хорошо, что ты пришла насъ навѣстить. Иди вонъ туда, гдѣ находятся дѣвушки.

А вотъ и самъ дядя Жилью. Онъ несеть корзины, полныя еще холоднаго отъ росы винограду. Онъ отираеть лобъ и хлопаетъ Жасмена по плечу.

— Очень радъ, что ты пришелъ. Евстафій Шатуйяръ уже здѣсь.

Евстафій, засучивъ панталоны до колѣнъ, давить виноградъ въ бочкѣ возлѣ сарая.

— Здравствуй, Жасмень,—кричитъ онъ:—что это тебя не было видно съ тѣхъ поръ, какъ охотился король?

— Ну, наговоритесь потомъ,—вмѣшался дядя Жильо:—идемъ, Жасмень, я отведу тебя на верхушку холма.

Бюге исчезаетъ съ дядей и, погрузившись въ цѣлое море виноградниковъ, начинаетъ собирать виноградъ. Онъ ловко и быстро срѣзаетъ гроздья у самаго ствола. Дядя Жильо продолжаетъ болтать, но Жасмень слушаетъ его лишь краемъ уха. Легкій вѣтерокъ, вѣющій съ холмовъ, бирюзовыя небеса, синяя рѣка, спящая, словно огромная змѣя,—все заставляетъ его отдаваться мечтамъ о томъ, что его такъ поразило. Передъ нимъ, какъ живая, стоитъ м-ме д'Этиоль. Чувство, охватившее его, когда онъ шелъ въ Сантлье, только сильнѣе охватываетъ его. Ему кажется, что м-ме д'Этиоль вышла изъ самаго лучшаго угла оранжереи, изъ отдѣленія гарденій.

Въ одиннадцать часовъ Жасмень и Жильо кончаютъ работу и спускаются съ холма. Имъ попадается навстрѣчу тетка Жильо; она несетъ пирогъ съ начинкой изъ дроздовъ. Они идутъ къ погребу дубильщика и возвращаются оттуда съ большими бутылками, запечатанными красными печатями. Дядя Жильо поднимаетъ одну изъ нихъ и начинаетъ разсматривать ее на свѣтъ: виноградный сокъ разгорается на солнцѣ и, казалось, радуется своему возрожденію.

Все работавшіе надъ сборомъ винограда садятся въ тѣни небольшого шалаша. Тетка Жильо рѣжетъ пирогъ, а Мартина раздаетъ куски.

— Держите!—кричитъ она.

Къ ней подходятъ Тьенетта и еще двѣ какія-то дѣвушки. Евстафій валется на травѣ, поднимая къверху свои ноги, красныя отъ винограднаго сока. Бутылки, которыя откупориваетъ Бюге, хлопаютъ, словно кто стрѣляетъ изъ пистолета. Шумъ привлекаетъ сюда и Евфемэна. Онъ уже успѣлъ выпить, и глаза у него блестящи. Его длинное черное одѣяніе запачкано табакомъ. Дядя Жильо приглашаетъ и его, и онъ не заставляетъ себя долго ждать.

Завтракаютъ съ большимъ аппетитомъ.

— А дрозды-то отдають зеленымъ виноградомъ,—замѣчаетъ Жильо.

— Ну, и пьете же вы, господинъ дьячокъ,—бросаетъ Тьенетта:—видно, что вы въ гостяхъ.

— Экая дерзкая дѣвчонка. Небойсь, когда маркизь д'Оранжи пойлъ тебя сидромъ, то только ротъ разѣвала.

Тьенетта прыснула со смѣху.

— Маркизь д'Оранжи! Ну, нѣтъ, я не люблю стараго снадобья!—И она принимаетъ лукавый видъ.

— Я слишкомъ проста въ моихъ деревянныхъ башмакахъ. Г. д'Оранжи обѣщалъ подарить мнѣ пару настоящихъ башмаковъ съ условіемъ, что онъ самъ надѣнетъ мнѣ и чулки...

— Ну, твое счастье началось бы съ ногъ.

— Невѣжа,—надулась Тьенетта.

Мартина между тѣмъ не спускала глазъ съ Жасмена. Солнце играло въ темныхъ волосахъ молодого человѣка. Онъ стоялъ подбоченившись. Его жилетъ съ цвѣточками былъ растегнутъ и открывалъ смуглую шею и грудь. Мартина стала разсматривать его лицо: розовыя щеки, безъ злыхъ складокъ въ углахъ рта, глаза сѣрые, словно стальные, съ голубоватымъ отливомъ. Когда Жасмень повернулся, Мартина нашла, что его профиль не уступаетъ любому маркизу.

— Что ты невесель?—спросилъ садовника дядя Жильо:—въ твои годы я волочился за каждой юбкой. Я и теперь не прочь, но боюсь отпора.

Жасмень словно съ неба упалъ на этотъ завтракъ Жильо. Послѣ яркихъ картинъ, которыя рисовала ему его тонкая фантазія, дѣйствительность внушала ему отвращеніе. Онъ былъ положительно не въ состояніи ухаживать за мѣстными красавицами.

Онъ бросилъ взглядъ на красныя руки Мартины. Ему вспомнились другія, бѣлыя, какъ снѣгъ, и предназначенныя, казалось, только для того, чтобы держать лиліи.

— Ну, что же дѣлать,—сердито промолвила камеристка:—не могу заставить тебя быть галантнымъ кавалеромъ. Что ты все молчишь?

— Я не хотѣлъ тебя обидѣть, Мартина. Это солнце напекло мнѣ голову.

— Напекло голову, когда уже стало морозить?—вмѣшался Евстафій.

— У меня голова болитъ,—отрывисто повторилъ Жасмень.

— Оно и видно,—заговорила Тьенетта, вступаясь за Мартину:—должно быть, ему и въ самомъ дѣлѣ не по себѣ, если онъ не можетъ даже отвѣчать, какъ слѣдуетъ.

— Да, мой милый,—заговорилъ опять Евстафій:—если ты будешь тереться около женщинъ, то это тебя до добра не доведетъ, и ты совсѣмъ потеряешь голову, какъ тогда, въ Сантльескомъ лѣсу, помнишь?

Жасмень опустилъ голову. Тьенетта была заинтригована.

— А что такое произошло въ этомъ лѣсу?

— Одна прекрасная дама...

— Ага!

— М-ме д'Этіоль...

— Онъ покраснѣлъ, покраснѣлъ!—закричала Тьенетта:—да, онъ влюбленъ въ эту даму!

— Молчи, язва!—закричалъ Жасмень.

Дядя Жильо, уже клевавшій носомъ, встрепенулся.

— Идите браниться куда-нибудь подальше, а мнѣ дайте вздремнуть.

— Напоследокъ полагается вынить,—промолвилъ дьячокъ, протягивая свой стаканъ.

Мужчины послѣдовали его примѣру. Опорожнивъ бутылку, они бросили ихъ на траву.

Пока тетка Жильо убирала тарелки, гости разбрелись по разнымъ дорожкамъ. Молодые люди и дѣвицы, дѣлая видъ, что ищутъ тѣни, удалились за холмы. Тамъ въ бѣломъ мѣловомъ пластѣ зіяли голубоватыми отверстіями небольшія пещеры. Эти пещеры, скрытыя отъ глазъ зеленою виноградниковъ, тянулись иногда подъ землей довольно далеко и освѣщались сверху черезъ естественныя окна, прорытыя каплями дождя.

Мартина съ удовольствіемъ увлекла бы Жасмена въ это обычное для прогулокъ влюбленныхъ мѣсто, но садовникъ, раздосадованный Тьенеттой, бросилъ своихъ друзей. Напрасно она искала его подъ большими орѣшниками, тѣнь которыхъ ложилась черными пятнами на виноградники, среди молодыхъ дѣвушекъ, позлащенныхъ красноватыми лучами солнца. Его нигдѣ не было.

— Что это съ твоимъ женихомъ?—спросила ее одна изъ сосѣдокъ.

Бѣдняжка едва сдерживала слезы.

Куда же дѣвался Жасмень? Что съ нимъ вдругъ сдѣлалось? Онъ обыкновенно не раздражался отъ какого-нибудь неосторожнаго слова и отличался кротостью и спокойствіемъ.

Мартина встревожилась. Она взобралась на скалы и встрѣтила тамъ Винсента Леги, человѣка ни къ чему непригоднаго, служившаго пастухомъ. Онъ внушалъ ей страхъ своими безцвѣтными глазами и волосами, какъ солома, падавшими ему на плечи, словно мертвыя змѣи. Когда онъ смѣялся, на его лицѣ, заканчивавшемся всклокоченной бородой, бросались въ глаза два огромные зуба. Ноги у него были кривыя, и когда онъ шелъ, то казалось, что онѣ вотъ-вотъ заплетутся одна за другую.

Мартина съ крикомъ спустилась съ возвышенности.

— Что съ тобой?—спросила ее одна крестьянка.

— Онъ принесетъ мнѣ несчастіе!

— Кто?

— Винсентъ.

Молодые парни загикали на пастуха, который былъ козлищемъ отпущенія для всей деревни.

— Пошелъ прочь!

Полетѣли камни. Одинъ попалъ ему прямо въ лобъ. Показалась кровь. Леги закрылъ рукой пораженное мѣсто, вытеръ кровь подоломъ рубахи и исчезъ.

— Отдѣлалась Мартина.

Хриплый звукъ рога возвѣстилъ возобновеніе работъ. На колокольнѣ деревенской церкви пробили часы.

— Леги, дѣйствительно, приписать несчастіе, ты права, Мартина,—сказала одна изъ сборщицъ, выходя изъ пещеры и на ходу поправляя косынку и чепецъ.

Мартина печально вернулась къ винограднику Жилью. Тамъ онъ замѣтила Тьенетту.

— Что съ тобой?

— Жасмень исчезъ.

— Придетъ, не бойся!

— Нѣтъ, не придетъ.

— Это почему?

Мартина, вытеревъ слезы, пустилась рассказывать о томъ, какъ ея женихъ былъ холоденъ съ нею съ самаго утра, какъ онъ былъ угрюмъ и нелюбезенъ во время завтрака.

— Онъ меня не любитъ! Онъ влюбился въ другую!

— Въ какую «другую»? Я всѣхъ знаю въ деревнѣ, и если бы Жасмень ухаживалъ за какой изъ нихъ, я бы это знала.

— Но онъ цѣлый день былъ холоденъ лѣда! Развеселился только тогда, когда заговорили о m-me д'Этіоль.

— Ого!

— Тогда онъ даже затанцовалъ на берегу.

Тьенетта заволновалась.

— О, это вѣрно! Помнишь, какъ онъ набросился на меня!

— Жасмень влюбился въ мою госпожу! Перестань смѣшивать меня,—сказала Мартина недовѣрчиво.

— Смѣйся, смѣйся, сколько хочешь. Я уже давно замѣтила, что у Жасмена голова пошла кругомъ, а его мать сказала мнѣ, что все пошло съ того дня, какъ онъ побывалъ на этой королевской охотѣ. Онъ тамъ видѣлъ m-me д'Этіоль?

— Она упала въ обморокъ прямо къ нему на руки?

— Къ нему на руки!

— Онъ долженъ былъ положить ее на землю.

— А помнишь, что Шатуйяръ говорилъ за завтракомъ? Что Жасмень совершенно одурѣлъ, увидѣвъ m-me д'Этіоль.

Обѣ дѣвушки взглянули другъ другу въ глаза. Мартина нахмурила брови, ея лицо стало печально. Она схватилась рукою за сердце. Тьенетта лукаво радовалась, что ей удалось заронить у подруги подозрѣніе.

Послѣ вечерень Мартина отправилась домой. Въ замокъ ее должна была доставить повозка ея крестнаго отца.

Подѣхавъ къ Буасси, Мартина зашла къ Бюге. Жасмень тотчасъ же замѣтилъ, что она сердится на него.

— Ты хочешь проститься со мной?—забормоталъ онъ.

Онъ взялъ ее за талію и поцѣловалъ. Въ дверяхъ показалась старуха Бюге.

— Мартина,—забормоталъ сконфуженный Жасмень:—я пойду за винными ягодами, которыя я тебѣ обѣщалъ.

Корзина была быстро набрана. Мартина, поправивъ на скорую руку свой чепецъ, повѣсила ее на обнаженную руку.

— До свиданья, до свиданья,—говорила она, усаживаясь въ повозку Реми Госсе.

Виноградари стали уже возвращаться домой. Впереди всѣхъ плелся дьячокъ, еле держась на ногахъ. Остальные шли усталые, но тоже веселые.

— Прощай, Мартина!—кричали дѣвушки...

— Ты не возьмешь съ собой Бюге?—смѣялись парни:—не забудь пригласить насъ на свадьбу!

Мартина была въ восторгѣ и неумолчно болтала подъ рысь лошаденки дяди Госсе. Ея крестный, успѣвшій осушить не одну кружку, теръ свои отяжелѣвшія вѣки.

Дѣвушка вспоминала, какъ ее цѣловалъ Бюге. Они дѣйствовали на нее, какъ легкій ожегъ, и она до сихъ поръ чувствовала ихъ на своихъ щекахъ. Ее бросало въ дрожь.

«Нѣтъ, онъ любить меня!—говорила она про себя:—Тьенетта говорила вздоръ».

Ей вспоминались слова Жасмена: «Отъ тебя пахнетъ, какъ въ раю», и она принялась украдкой нюхать свою накидку. Боже мой! Да вѣдь отъ нея пахло тѣми самыми духами, которыми была надушена ея госпожа въ тотъ день въ Сенарѣ! Мартина прежде, чѣмъ ѣхать сюда, плеснула себѣ на грудь нѣсколько капель этихъ духовъ.

Она поблѣднѣла.

— Вѣдь это онъ цѣловалъ не меня!—прошептала она.

Грустно прѣехала она въ Этиоль. Былъ уже одиннадцатый часъ. Ей открылъ дверь полуодѣтый слуга.

— Вотъ какъ!—сказалъ онъ:—тебя привезъ крестный! А гдѣ же твой женихъ-то?

Добравшись до своего уголка, Мартина почувствовала себя покинутой и одинокой. Слуга сказалъ вѣрно. У нея нѣтъ больше жениха! А между тѣмъ Жасмень любилъ ее давно! Развѣ онъ не дарилъ ей очень дорогихъ вещей. Развѣ онъ не подарилъ ей великолѣпный кораллъ въ формѣ зуба? Когда она была больна, онъ разъ двадцать отрывался отъ своей работы и прибѣгалъ навѣстить ее. Сколько разъ лѣтомъ онъ каталъ ее на лодкѣ по Сенѣ и собиралъ для нея въ устьяхъ ручейковъ бѣлоснѣжныя лиліи. Развѣ, наконецъ, онъ не поклялся однажды Мартинѣ, что не будетъ слушать никакихъ заигрываній.

— Да, да, онъ все-таки меня любить! Такая любовь не можетъ исчезнуть такъ скоро!

Тѣмъ не менѣе ей было тяжело среди ночной темноты. Полное безмолвіе давило ее. Ей пришла на мысль m-me д'Этиоль, спавшая, какъ фея, на раззолоченной кровати съ шелковымъ пологомъ.

«Да, такія женщины мало ли что могутъ сдѣлать! Она способна вскружить голову самому королю!»

Надо, однако, что-нибудь предпринять. Но что именно? Надо прежде всего уѣхать изъ Этиоля, надо лишить Жасмена возможности тамъ бывать, надо вернуться въ деревню и жить возлѣ него.

«Я хочу быть его женою,— рѣшила Мартина:— Въ Буасси я скоро заставлю его заняться мною».

Взявъ огниво, она зажгла свѣчку и принялась писать письмо своей теткѣ Ландѣ Монно. Въ этомъ письмѣ она сообщила, что ей надоѣло служить въ чужихъ людяхъ, что она скоро оставитъ свое мѣсто у м-те д'Этиоль и проситъ предупредить объ этомъ Бюге, чтобы они не упали въ обморокъ отъ изумленія при видѣ ея скорого возвращенія.

На другой день рано утромъ Мартина передала это письмо проходившему мимо разносчику. Принявъ опредѣленное рѣшеніе, она почувствовала себя легче.

Около десяти часовъ м-те д'Этиоль потребовала ее къ себѣ для совершенія туалета.

— Ну, какъ вчера, кажется, была хорошая погода для сбора винограда?

— Говорятъ, что вина совсѣмъ не будетъ: все выпилъ дьячокъ Гурбильонъ.

— Пьяница этотъ Гурбильонъ. А что же ты ничего не скажешь мнѣ о женихѣ?

Мартина едва не упала въ обморокъ. Однако нужно было что-нибудь говорить.

— Я думаю, что теперь самое удобное время для свадьбы.

— Что ты такъ торопишься? Боишься исполнить, что ли?

— Вы не разсердитесь на меня, если я скажу, что случилось?

— Что такое?

— Жасменъ любить другую.

И Мартина залилась горькими слезами.

— Онъ самъ тебѣ сказалъ объ этомъ?

— Самъ-то онъ, можетъ быть, и не догадывается; но для меня въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.

— Бѣдняжка! Но если ты его такъ любишь, то надо постараться удалить соперницу. Пусть онъ поступитъ сюда садовникомъ. Тутъ ты его будешь имѣть всегда на глазахъ. Мы дадимъ ему тутъ дѣло. Положись на меня. Перестань же плакать. Ты знаешь, я не люблю печальныхъ лицъ.

Мартина смолкла. Цѣлый день она думала о добротѣ м-те д'Этиоль. Она сознавала, что была несправедлива къ ней вчера. Чѣмъ же она виновата, если Жасменъ взялъ себѣ такую дурь въ голову? Развѣ онъ виноватъ, что эта чародѣйка покорила его,

если она покорила и самое Мартину, которая чувствовала бы себя несчастной, если бы ей пришлось разстаться с ней.

Здѣсь все такъ хорошо, такъ красиво. Рѣчи такія деликатныя, бесѣды о музыкѣ...

Мартина уже жалѣла о томъ, что написала письмо. Но оно уже дошло до тетки Монно, и на другой день она явилась въ Этюль самолично. Выказавъ глубочайшее уваженіе къ слугѣ, который открылъ ей ворота, она просила вызвать Мартину. Ланда была сплошь покрыта морщинами, и опредѣлить ея возрастъ, какъ это бываетъ у крестьянокъ, было трудно.

— Когда я прочла твое письмо,—начала она:—я подумала, не съ ума ли ты сошла? Ради памяти твоей покойной матери, которая поручила тебя мнѣ, я рѣшила пріѣхать сюда и не дать тебѣ сдѣлать этой глупости. Послѣ будешь кусать руки.

— Идемъ дальше, тетя. А какъ на это посмотрѣлъ Жасменъ?

— Неужели ты думаешь, что я показала ему твое письмо. Влюбленные вездѣ одни и тѣ же: все, что скажешь, все хорошо. Они на все смотрятъ твоими глазами. Но ужъ я-то не сдѣлаю по-твоему: не хочу прятать тебя въ своей хижинѣ, которая тебѣ покажется берлогой послѣ такихъ-то палатъ.

— Мнѣ такъ хотѣлось вернуться въ деревню и выйти замужъ,—прошептала Мартина.

— Ты знаешь, я была штопальщицей въ Парижѣ и если бъ вотъ такъ вдругъ ни съ того, ни съ сего захотѣла вернуться въ деревню и выйти замужъ, то моя мать такъ встрѣтила бы меня, что у меня всякая охота къ этому пропала бы. Когда за душой гроша нѣтъ, а вкусы широкіе, то нужно сначала сумѣть набить, какъ слѣдуетъ, кошну.

— Хорошо, я сдѣлаю по-вашему,—скромно сказала Мартина, опустивъ глаза.

Пока крестная мать читала ей нотацию, ей прицель въ голову одинъ планъ. Она понимала, конечно, что Бюге никогда не посмѣетъ признаться въ своей любви къ m-me д'Этюль. Она знала, что ея барыня была не изъ такихъ, чтобы дарить свою любовь какому-то садовнику.

— Препрежнее ужъ не вернется,—вздыхнула Мартина про себя:—и это всегда будетъ стоять между нами. Надо будетъ сдѣлать такъ, чтобы какъ можно больше походить на m-me д'Этюль. Это вполне возможно. Когда она гримируется, чтобы играть у г-жи Вилльмеръ какую-нибудь комедію, она придаетъ своему лицу такое выраженіе, что всѣ присутствующіе смѣются.

Мартина рѣшила даже воспользоваться своей барыней, чтобы привлечь къ себѣ Жасмена. Надо было постоянно говорить ему о ней, душитья ея духами, повторять ея слова. Это было жестоко для Мартины. Но борьба была неизбежна.

III.

Недѣли двѣ спустя, Жасмень копаль у себя гряды. Хотя стоялъ еще октябрь, но подмораживало сильно, и Жасмень все думаль о томъ, оставить ли пышные красные цвѣты попрежнему украшать его садъ. Они радовали глазъ, какъ бы говоря, что пока они не умерли, зима еще не наступила. Но увы! Предвѣстники зимы, горихвостки уже собирались стаями на деревьяхъ и издавали свой рѣдкій, пронзительный крикъ.

— Зима будетъ ранняя и жестокая,—разсуждалъ про себя Жасмень:—огурцы покрылись тройной шкуркой, а это самый вѣрный признакъ.

И трудолюбивый садовникъ торопливо перетряхиваль землю, разворачивая ее киркой. Послѣ, когда наступять заморозки, ее уже ничѣмъ не возьмешь.

Чтобы заполнить пустое мѣсто, оставшееся послѣ георгиновъ, Жасмень пересадилъ сюда резеду и веронику. Вмѣстѣ съ хризантемами и бенгальскими розами они образуютъ какъ бы аррьергардъ его цвѣтника.

Сказать по правдѣ, эти цвѣты не пользуются его сочувствіемъ, и Жасмень разводитъ ихъ только для покупателей. Съ самаго дня сбора винограда Жасмень работаетъ съ ожесточеніемъ. Салатъ, уже разсѣянный на томъ мѣстѣ, гдѣ были дыни, взойдетъ у него раньше, чѣмъ у другихъ огородниковъ, а чеснокъ, прикрытый соломой, будетъ всю зиму для суповъ. Подъ конецъ Жасмень засадилъ артишоки и салатъ.

Сегодня онъ ожидаетъ къ себѣ Винсента Леги, чтобы вмѣстѣ съ нимъ очистить лѣсъ отъ валежника. Бродяга скоро показывается на заборѣ и спрыгиваетъ въ садъ.

— Почему ты не входишь въ ворота?—спросилъ Жасмень.

Леги предпочитаетъ вывихнуть ногу, чѣмъ подвергнуться ударамъ вилъ, которыми обѣщали наградить его деревенскіе парни.

— Если ты лазаешь такъ хорошо, то полѣзай на эту грушу и стряхни плоды, которыя растутъ на самой верхушкѣ.

Леги съ ужимками большой обезьяны отправляется къ дереву. За грушей скоро очередь дошла и до абрикосоваго дерева, которое онъ обчистилъ съ удивительной ловкостью.

Вечеромъ явилась посмотреть на работу сама Бюге. Садъ, казалось, помолодѣлъ.

Жасмень хотѣлъ, чтобы Леги отобѣдалъ у нихъ, но хозяйка выслала ему ломоть говядины съ кускомъ хлѣба и отослала его назадъ, считая, что она расплатилась съ нимъ за его работу.

Леги ушелъ точно такъ же, какъ и пришелъ. Выбравшись въ поле, онъ запѣлъ. Жасмень долго слушалъ эту пѣсню.

Когда онъ вернулся домой, старуха облегченно вздохнула.

— Вотъ и ты наконецъ!—сказала она.—А я было боялась, что тебѣ придется въ голову провозжать этого разбойника по полямъ. Послушай, ты хорошо сдѣлаешь, если не будешь звать его сюда. Вѣдь по его слѣдамъ какъ разъ придется къ намъ и какая-нибудь бѣда. Злые языки и такъ ужъ много болтаютъ съ тѣхъ поръ, какъ ты сдружился съ нимъ.

— Ну, ты знаешь, я не обращаю вниманія на другихъ! Если ты будешь такъ же усердно заниматься своими кроликами и курами, что можетъ случиться съ нами худого?

— Когда же ты женишься?

— Вотъ подождите. Мой отецъ въ день своей свадьбы посадилъ для птицъ рябину. Я тоже посажу ее передъ домомъ, и она будетъ служить убѣжищемъ для тѣхъ, которые идутъ по дорогѣ, безъ гроша въ карманѣ.

— Опять эти нелѣпныя мысли? До чего же это тебя доведетъ.

— Мнѣ не разъ приходилось слышать, что народъ очень несчастенъ. Не всѣ деревни такъ зажиточны, какъ наша. Нашъ дворяне угнетаютъ. Нашъ уголокъ благословенный. А знаешь ли ты, что въ Бургундіи есть виноградари, которые принуждены просить милостыню? Люди изъ Лимузина и Оверни идутъ на заработки въ Испанію, чтобы принести семьямъ хоть немного денегъ. Нѣкоторые жители около Марны—я самъ знаю нѣсколько чело-вѣкъ,—не зарабатываютъ и трехъ су въ день и спятъ на соломѣ!

— Помогите имъ Богъ,—прошептала старуха.

— Да, мы среди нихъ богачи, въ родѣ того, какъ золотыхъ дѣлъ мастера въ Парижѣ среди ремесленниковъ. Вѣдь многіе питаются хлѣбомъ съ водой, а мясо ѣдятъ только въ Пасху.

Ужинъ прошелъ въ грустномъ настроеніи.

Проглотивъ гороховый супъ, Жасменъ зажегъ спичку, раздулъ огонь въ каминѣ и вынулъ изъ стариннаго шкапа двѣ большія книги, переплетенныя въ кожу и съ краснымъ обрѣзомъ страницъ. То было наставленіе къ уходу за фруктовыми деревьями, изданное директоромъ всѣхъ королевскихъ садовъ Кэнтини. Перелистывая страницы, Жасменъ сталъ читать эти наставленія? Читалъ онъ довольно долго. Часамъ къ десяти старуха Бюге зажгла свѣчку и удалилась, недовольно ворча:

— Чего ты не ложишься спать, Жасменъ?

— Еще рано.

— Ты совсѣмъ зачитаешься!

Оставшись одинъ, Жасменъ захлопнулъ книги и положилъ ихъ обратно. Мысли его витали вокругъ знаменитыхъ въ то время парковъ—Версаля, Сень-Клу, Медона, Со и другихъ, устройство которыхъ такъ поощряли Людовикъ XIV и его братъ, герцогъ Орлеанскій. Потомъ онъ просмотрѣлъ нѣсколько гравюръ, хранив-

шихся въ шкапу: всѣ онѣ изображали правильно и симметрично разбитыя дорожки и куртины. Жасмену пришло въ голову, выпадетъ ли на его счастье когда-нибудь разбить подобный паркъ и ухаживать за такимъ ковромъ изъ цвѣтовъ.

Онъ вздохнулъ и прежде, чѣмъ ложиться спать, вышелъ по-смотреть на звѣздное небо. Онъ любилъ небо. Ему казалось, что сводъ небесный охраняетъ зимой заснувшія растенія и ихъ душу. На этотъ разъ безоблачное небо, усѣянное звѣздами, показалось ему особенно торжественнымъ.

Вернувшись домой, онъ присѣлъ къ столу и задумался. Его мысли невольно понеслись къ m-me д'Этиоль, и картины, одна другой заманчивѣе, предстали передъ нимъ.

Жасменъ ударилъ себя кулакомъ по лбу.

— Ты не смѣешь думать о m-me д'Этиоль! Вѣдь ты крестьянскій сынъ!

Ему стало казаться, какъ будто онъ осквернилъ что-то священное, что онъ умретъ, если ему не удастся еще разъ видѣть m-me д'Этиоль. Снова передъ его глазами предстала сцена, разыгравшаяся въ лѣсу. Онъ чувствуетъ на себѣ мѣняющійся взглядъ важной дамы, ощущаетъ пожатіе ея руки, когда онъ ее поднималъ. Приходитъ ему на память, какъ онъ однажды утромъ рѣшилъ дойти до самаго замка Этиоль. Онъ боролся съ этимъ желаніемъ, но борьба была такъ сильна, что онъ совершенно ослабѣлъ, какъ будто его заставили выворотить дубъ. Къ тому же въ Этиоль онъ могъ встрѣтить и Мартину.

— Мартина!

Его мысли повертываются къ субреткѣ. Какъ она кротка и добра! Она будетъ доброй и надежной женой. Вѣдь когда она поднимаетъ слова на глаза Жасмена, сколько въ нихъ свѣтится любви и нѣжности!

— Нѣтъ, это ее убьетъ!—шепчетъ онъ.

И въ горячей молитвѣ, прерываемой рыданіями, Жасменъ молится о томъ, чтобы Мартина, подруга его дѣтства, отгѣснила дерзкую пришлицу и снова заняла бы въ его сердцѣ прежнее мѣсто.

И вдругъ ему стало ясно.

— Мартина тутъ ничего не можетъ сдѣлать!

Онъ старается почерпнуть изъ глубины своего существа тѣ силы, которыя позволяютъ людямъ сдерживать ихъ страсти. Вѣдь любилъ же онъ розы, которыя не отвѣчали ему, или астры, до которыхъ не смѣлъ дотронуться. И нельзя ли питать такую же любовь къ той, образъ которой такъ запечатлѣлся въ его сердцѣ?

IV.

Тихо подошло по снѣгу Рождество. Если бы колокола не возвѣстили о его наступленіи, его, пожалуй, не замѣтили бы, какъ не замѣчаютъ какого-нибудь бродягу, выходящаго изъ лѣсу.

Цѣлую недѣлю Бюге, усердно работая метлою, отметалъ отъ дома снѣгъ, грозившій завалить все выходы. Около крыльца образовался цѣлый снѣжный валъ, благодаря чему вѣтеръ не могъ завывать подъ самой дверью.

Деревенька, казалось, гордилась своими разукрашенными морозомъ и причудливыми отъ снѣга трубами. Колоколь звучалъ какъ-то особенно ясно, а красовавшійся на колокольнѣ пѣтухъ, засыпанный снѣгомъ, сталъ всецѣмъ бѣлымъ, безъ малѣйшаго пятнышка.

Вдали поднимались поблескивавшіе отъ снѣга холмы. По рѣкѣ уже плыли порядочныя льдины.

Въ канунъ Рождества часамъ къ десяти небо было усеяно звѣздами.

Этьенеттъ Лампалеръ съ самаго утра помогала старухѣ Бюге. Она быстро вычистила старую мѣдную грѣлку, которая блестѣла, какъ солнце, и сковороду, которая сіяла, какъ луна. Покончивъ съ уборкой, она повѣсила сковороду на большой гвоздь возлѣ камина.

Вечеромъ обѣщала прійти Мартина, чтобы провести канунъ праздника у Бюге.

Послѣ обѣда Этьенетта принялась щипать гуся. Она не зарѣзала его, а ощипывала его живымъ. Перья должны были итти въ ея пользу. Хотя было и не особенно пріятно слышать неистовые крики бѣдной птицы, но Тьенетта заглушала ихъ пѣснями и, быстро вырывая гусиный пухъ, складывала его себѣ въ передникъ.

Когда жирное брюхо бившей крыльями птицы стало голымъ, черные волосы Тьенетты были какъ будто напудрены, словно у какой-нибудь маркизы. Жасмень сказалъ ей комплиментъ, но ей некогда было обращать на это вниманія: въ это время она зажала гуся между ногами и стала ощипывать ему шею

Показалась кровь.

Жасмень съ отвращеніемъ вышелъ изъ комнаты.

— Ишь, какой нѣженка! Не бойсь, не отвернешься отъ него, когда я подамъ его на столъ!

Въ сумерки явилась Ланда Монно, неся подъ мышкой корзинку, закрытую тряпкой.

— А Мартина?

— Она передавала моему брату Реми, на рынкѣ въ Корбейлѣ, чтобы ее не ждали: въ замкѣ какой-то праздникъ. Вотъ записочка, гдѣ все сказано.

Жасмень взялъ бумажку. Она была тщательно сложена и запечатана облаткой. Когда Бюге развернулъ ее, на него пахнуло духами.

«Словно она капнула сюда парочно!»

Онъ сталъ читать. Прежній неуклюжій почеркъ сталъ теперь болѣе разборчивымъ и легкимъ.

«Она пишетъ не хуже своей барыни»,—подумалъ про себя садовникъ.

Письмо задрожало въ его рукѣ.

Ланда Монно, старуха Бюге и Тьенетта жадно старались прочесть новости въ глазахъ Жасмена.

— Ну, мой милый,—смѣло начала Монно:—чего ты такъ смутился, словно дѣвушка, которую подстерегъ въ оврагѣ какой-нибудь гренадеръ.

— Нѣтъ, я просто обманулся въ ожиданіяхъ. Ну, что же дѣлать. Мартина будетъ на праздникахъ. Матушка, она шлетъ тебѣ поклонъ.

— А пока что,—промолвила тетка Монно, открывая корзину:— вотъ сосиски, отъ которыхъ вы пальцы проглотите. Свинья-то была какая! Сто фунтовъ вѣсила! Три мѣсяца подъ рядъ, несмотря ни на какую погоду, я собирала сама для нея желуди. Только желуди она и ѣла. Зато и мясо у ней было твердое, какъ мраморъ.

— Жаль, что Мартина не придетъ,—сказала Тьенетта:—я бы сѣбла рождественскія пѣсни. На фермѣ я выучилась новымъ у Реньосіелэ.

— А ты спой ихъ и безъ нея. Ты будешь пѣть, а мы станемъ тебѣ поддѣвывать,—предложила Бюге.

Потомъ она открыла наружную дверь и посмотрѣла кругомъ.

— Только бы снѣгъ не задержалъ Жилью съ женой. Они должны были пріѣхать еще засвѣтло, а ихъ что-то нѣтъ. Зажги-ка свѣчи, Тьенетта, все будетъ веселѣй.

Тьенетта поставила на столъ два подсвѣчника и щипцы.

Свѣчи нѣсколько умѣрили яркій отблескъ камина, ихъ спокойный свѣтъ разлился до самыхъ темныхъ уголковъ комнаты и заигралъ на оловянныхъ солонкахъ.

Тьенетта опалила гуся и, распоровъ ему брюхо, положила передъ хозяйкой. Бюге вытащила изъ жара каштаны, очистила ихъ и набила ими гуся.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошли Жилью.

— О, какъ отъ васъ пахнуло холодомъ,—сказалъ Жасмень, здороваясь.

Онъ вышелъ, чтобы поставить бричку въ сарай и отвести лошадей въ конюшню. Покончивъ съ этимъ, онъ вытеръ руки снѣгомъ, хорошенько вытеръ ихъ и, вытащивъ изъ кармана письмо

Мартины, поднесъ его къ своему лицу, съ наслаждениемъ вдыхая струившійся отъ него ароматъ.

Когда онъ вернулся домой, гусь уже жарился. Тьенетта повертывала его во всѣ стороны, напѣвая рождественскія пѣсни. Отогрѣвъ руки и ноги, Жильо, отъ которыхъ шелъ паръ, принялись подпѣвать ей сильными голосами.

Въ этотъ моментъ какая-то головня упала прямо на сковороду и ярко вспыхнула отъ гусинаго жира.

— Жасмень,—закричала Тьенетта:—я обожгла себѣ бокъ.— Ступай на мое мѣсто.

Жильо поправилъ щипцами злополучное полѣно, которое сильно трещало.

— Не верти такъ скоро,—сказала Бюге сыну.—Пусть подрумянится хорошенько. Держи его надъ самымъ огнемъ! Пусть хорошенько прожарятся крылья. Въ этомъ мѣстѣ всегда плохо прожаривается. Отчего ты не поешь съ другими? Вотъ малый, который не умѣетъ дѣлать двухъ дѣлъ за разъ!

— Да, это не то, что мой покойный муженекъ,—заговорила тетка Монно.—Онъ и билъ меня, и стаканъ изъ рукъ не выпускалъ. Да и ноги у него были длинныя. Когда, бывало, удавалось избѣгнуть кулака, приходилось получать ударъ ногой.

— Ну, оставимъ мертвыхъ въ покоѣ,—вмѣшалась Бюге.— Смотри, отъ гуся идетъ дымъ. Онъ уже готовъ.

Она сняла гуся съ огня. Стали готовить столъ, на которомъ красовались три бутылки вина, привезенныя съ собой Жильо.

— Столъ недурень!—воскликнулъ Жильо.

Двѣ свѣчи бросали свѣтлыя пятна на сѣрую скатерть, на которой стояли приборы. На оловянныхъ кружкахъ играло красноватое отраженіе камина. По срединѣ стола на фаянсовомъ блюдѣ съ желтымъ донышкомъ красовался аппетитный, подрумянившійся гусь.

— Не зажечь ли третью свѣчку?—спросилъ Жасмень.

— Это нехорошая примѣта!—воскликнула Бюге.

— Ну, пора и садиться,—заявилъ Жильо.—За столъ садятся всегда съ удовольствіемъ,—продолжалъ онъ, подмигнувъ глазомъ.—Жаль, что Мартина не придетъ,—добавилъ онъ, обращаясь къ племяннику.

— Да,—заговорила тетка Монно:—Мартина привыкла къ сервировкѣ и любить, чтобы все было на бѣлоснѣжной скатерти. Теперь бы она показала, какъ нужно держать себя. Вѣдь, сказать по правдѣ, съ тѣхъ поръ, какъ она живетъ въ замкѣ, она сильно перемѣнилась.

— И къ лучшему, не правда ли, Жасмень?—вставила свое слово Тьенетта.

Старуха Бюге кончила рѣзать гуся.

— Кто хочетъ?

— Если это никого не обидитъ, то дайте мнѣ. Я обожаю жирное,—отозвалась тетка Монно.—Но все-таки у нашей Мартины теперь видъ настоящей маркизы.

Всѣ стали спорить.

— Именно, именно,—стояла на своемъ Монно.—Мнѣ сдается, что Мартина подражаетъ своей барынѣ, какъ обезьяна. А еще хотѣла отказаться отъ мѣста. А теперь вотъ все старается дѣлать, какъ m-me д'Этіоль! То-то молодость-то!

— Такъ можно нарваться и на худой примѣръ,—замѣтила Тьенетта.

— Ну, матушка, выше лба уши не растутъ.

Тьенетта прыснула со смѣху.

— Впрочемъ,—продолжала Монно, похрустывая:—подражать своимъ барынямъ—это не такъ дурно для горничной. Я знала немало ихъ, когда работала въ Парижѣ. Тамъ онѣ словно настоящія барыни. Такъ и осыпаютъ себя пудрой и красятся такъ, что щеки у нихъ краснѣе колеса. Юбки у нихъ съ фалбалами. Куда ужъ имъ вымыть какой-нибудь горшокъ. Въ пору только мушки лѣзятъ себѣ на лицо.

— Лѣпили бы лучше на...—начала было Тьенетта, но хозяйка поспѣшила зажать ей ротъ.

— Въ Этіоль немало болтаютъ о новыхъ платьяхъ Мартины и о башмакахъ, которые она выписала себѣ изъ Парижа,—продолжала Монно, работая зубами надъ гусемъ.—Теперь башмаки изъ лавки Санъ-Крепена для нея ужъ не годятся.

— А вѣдь прежде и они были хороши,—вставила свое слово Бюге.

— Говорятъ, что она даже красится. Но этого не можетъ быть въ нашей семьѣ. Я во всю свою жизнь только и знала одну мазь,—которая смягчитъ поры. Нѣтъ, ужъ теперь Мартина не хочетъ, чтобы отъ нея пахло коровникомъ. Ну, еще бы! Одно дѣло ходить за свиньями, а другое—служить за маркизой. Не одно и то же! Жасменъ нетерпѣливо постукивалъ ложкой по скатерти.

Въ полночь зазвонили колокола.

— Время идти въ церковь,—кричала тетка Жильо, стараясь разбудить своего мужа, заснувшего около огонька.

— А,—промычала тотъ, потирая себѣ глаза.—Вотъ и прошло самое хорошее время Рождества.

— Вотъ язычникъ-то!—набросилась на него жена.—Ужъ навлечешь ты на насъ гнѣвъ Господень. Слышишь? Ужъ второй звонъ!

Всѣ отправились въ церковь. Впереди всѣхъ оставляли свои отпечатки на чистомъ снѣгу маленькіе башмачки Тьенетты. За нею шла Монно, неся фонарь. На фонѣ бѣлоснѣжной пелены его свѣтъ казался мутнымъ и красноватымъ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками),

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ МАРТѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 3-й.

Философія, психологія, логика.

АВРЕШЦЪ, М. Насидиѣ съ собой. Размышленія. М. 1914. Ц. 2 р.

БУАССЬЕ, Г. Римская религія отъ времемъ Августа. М. 1914. Ц. 75 к.

ЛИНДЕ, Ф. Строеііе понятія. Логическое изслѣдованіе. Ц. 75 к.

МАТЬБРАНШЪ, Н. Беседа христіанскаго философа, съ философомъ китайскимъ о бытіи и природѣ Божества. Казань. 1914. Ц. 40 к.

ШНЕТЪ, Г. Явленіе и смыслъ. Феноменологія, какъ основная наука, и ея проблемы. М. 1914. Ц. 1 р. 60 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

БУРГАРДТЪ, О. Новые горизонты въ области изслѣдованія поэтическаго стиля. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.

ЕВЛАХОВЪ, А. Реализмъ или ирреализмъ? Очерки по теоріи художественнаго творчества. Т. II. Варшава. 1914. Ц. 2 р.

К. Р. Критическіе отзывы. Ц. 2 р. 50 к.

ЛИБРОВИЧЪ, С. Исторія книги въ Россіи. Т. I и II. Ц. 2 р. Также т. II. Ц. 1 р.

МЕРЕЖКОВСКІЙ, Д. Было и будетъ. Дневникъ. Ц. 1 р. 50 к.

— Двѣ тайны русской поэзіи. Некрасовъ и Тютчевъ. Ц. 50 к.

НАГУЕВСКІЙ, Д. Исторія римской литературы. Т. II. Вѣкъ Августа. Казань. 1915. Ц. 5 р. 80 к.

РУССКІЯ библиографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Ц. 80 к.

ЧЕХОВЪ, А. Письма. Т. V. Ц. 2 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

БЕРЕНШТАМЪ, В. Изъ пережитаго. Около войны, замѣтки адвоката. Ц. 1 р. 25 к.

БЦЕЗЕ, Изъ жизни маленькаго гарнизона. Картины германской военной жизни. Ц. 80 к.

БУНИНЪ, И. Чаша жизни. Разсказы. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

БЪЛЮВЪ, В. Лицо войны. Записки офицера. Ц. 1 р. 25 к.

ВЕРВИЦКАЯ, А. Елена Павловна и Серезжа. Лѣтнія идилліи. Романъ. Ц. 2 р.

ВОРОНОВОЙ, Е. Душа русскаго солдата. Сборникъ. Вып. II. Ц. 15 к.

ГАДМЕРЪ, Е. Уральскія легенды. Съ иллюстраціями. Ц. 60 к.

ГЛАЗЕРЪ, А. Савонарола. Историческая повѣсть. Ц. 40 к.

ГРИГОРОВИЧЪ, Д. Рыбаки. Романъ. Ц. 2 р.

«Истор. вѣсти», апрѣль 1915 г., т. схи.

1/200

- ДЫМОВЪ, О. Бѣгущіе креста. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ЖУРИНЪ, А. Радостный кругъ. Вторая книга стиховъ. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
- КОЗЫРЕВЪ, Н. Солдатскія сказки. Ц. 75 к.
- КОРОЛЕНКО, В. Очерки и рассказы. Книга 4-я. Ц. 1 р. 50 к.
- КОРОНА, А. Лампа Аладина. Книга пѣсенъ. 1911—14 гг. Ц. 1 р. 25 к.
- К. Р. Стихотворенія. Три тома. Ц. 6 р.
- КУЗМИНЪ, М. Плавающие—путешествующіе. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛАЦКО-ДАННІЛЕВСКАЯ, Н. Въ туманѣ жизни. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Книжка Мара. Романъ. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 25 к.
- МАНЪ, Г. Вѣроноданный. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- МОРДОВЦЕВЪ, Д. Л. Полное собраніе сочиненій въ двѣнадцать томахъ. Съ портретомъ автора. Ц. 12 р. Историческіе романы, повѣсти и рассказы.
- НАГРОДСКАЯ, Е. Гибель Діониса. Изд. 9-е. Ц. 1 р. 50 к.
- ОШЕНГЕЙМЪ, Ф. Тайны германскаго шпионажа. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.
- ПОЗДНЯКОВЪ, П. Фима. Романъ изъ жизни служанки въ чайной. Ц. 10 к.
- САМАРСКІЙ, А. Враги. Рассказъ изъ Русско-Германской войны. Ц. 10 к.
- СМІРНОВЪ-КОЗЫРСКІЙ, Г. Стихотворенія. Ц. 50 к.
- СОКОЛОВЪ, Н. Поездка Ф. П. Шаляпина въ Африку. М. 1915. Ц. 1 р.
- СТЕНДАЛЬ. Красное и черное. Хроника 1830 года. Ц. за два тома 2 р. 50 к.
- СТЕПАНОВЪ, А. Сказка-быль о пѣмецкомъ царѣ Вильгельмѣ-Кестономъ. Ц. 10 к.
- ФИЛОНОВЪ. Прорѣвень о проросли мировой. Пѣсь о Ванькѣ-Ключникѣ. Ц. 50 к.
- ЦЕНЗОРЪ, Д. Священный Стигъ. Стихи о войнѣ. Ц. 50 к.
- ЩЕПКИНА-КУШЕРНИКЪ, Т. Пѣсни брусельскихъ кружевницъ. Ц. 50 к.
- ЭШНИНГХОВЕНЪ, гр. Девица-лѣтъ при дворѣ Вильгельма II. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- БРОДСКІЙ, Л. Парижскія письма протоіерея Юсіфа Васильевича Васильева къ оберъ-прокурорамъ Святѣйшаго Синода и другимъ лицамъ съ 1846 по 1867 гг. Ц. 2 р. 50 к.
- ВЪЛОЦЕРКОВСКІЙ, Г. Боровская разборная десятина 1622 года. Киевъ. 1914. Ц. 50 к.
- ДНЕВНИКЪ войны Россіи съ Германіей, Австро-Венгріей и Турціей. В. II. Ц. 40 к.
- ИСТОРИЧЕСКІЯ свѣдѣнія о кабардинскомъ народѣ. Къ трехсотлѣтію Дома Романовыхъ. Паданіе В. Н. Кудашева. Ц. 7 р. 50 к.
- КАРБЕВЪ, Н. Исторіологія. Теорія историческаго процесса. Ц. 1 р. 50 к.
- КОЛАЧЕВЪ, В. О положеніи придворнаго духовенства въ XVІІІ вѣкѣ. Историческая справка. Ц. 20 к.
- ЛЮБАВСКАЯ, М. Лекціи по древней русской исторіи до конца XVІ вѣка. М. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
- ЛЯТСКІЙ, М. Великіе міра. Избранники исторіи всѣхъ временъ и народовъ. Ц. 1 р. 75 к.
- МЕМУАРЫ графини Потоцкой 1794—1820. Ц. 2 р.
- НИСЪМА П. С. Тургенева къ графинѣ Е. Е. Тамбертъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
- РОМАНОВСКІЙ, В. Хозяйства монастырскихъ крестьянъ Любечкой сотни въ 1767 году. Ц. 20 к.
- ТАРАСОВЪ, Н. Балтійскій портъ. Историческій очеркъ. Ц. 50 к.
- ТЭНЪ, И. Исторія французской революціи. Ч. VI. Харьковъ. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
- ЧЮЛОВСКІЙ, А. Львовъ во времена русскаго владычества. Ц. 50 к.
- ЯКОВЛЕВЪ, В. Хронологическія данныя къ исторіи составленія судебнаго уставовъ 20-го ноября 1864 г. Ц. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- БЛИНОВЪ, П. Судебная реформа 20-го ноября 1864 г. Историко-юридическій очеркъ. Ц. 1 р. 25 к.
- БРЕЧКЕВИЧЪ, М. Великая европейская война, ея историческія основы и смыслъ. Казань. 1914. Ц. 40 к.
- БУЛГАКОВЪ, С. Война и русское самосознаніе. М. 1915. Ц. 25 к.
- БЮЛОВЪ, Б. Державная Германія. Ц. 1 р. 50 к.
- БЪЛГОРОДСКІЙ, А. Порабощенное славянство. (Въ Австро-Венгріи и Германіи). Ц. 1 р.
- ГАУГЕРЪ, А. Законы гражданскіе. Т. X. Ч. I. Со включ. позн. узакон. и разъясн. Изд. 9. 1915. Ц. 4 р.
- ДЕМЧИНСКІЙ, Б. Сокровенный смыслъ войны. Ц. 80 к.
- ДУБЕНСКІЙ, Д. Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай Александровичъ въ дѣйствующей арміи. Сентябрь—октябрь 1914 г. Ц. 60 к.
- КЛАДО, Н. Очерки мировой войны. Очеркъ шестой. Ц. 75 к.
- КОЗЛОВЪ, Н. Землеустройство. Ц. 1 р. 20 к.
- КОЗЬМИНЫХЪ-ЛАНЦЪ, П. Семейный составъ фабрично-заводскихъ рабочихъ Московской губерніи. Составный составъ. Форма пайма, расчетъ и отпуски. Сроки расплаты и время выдачи заработной платы. Способы вознагражденій. М. 1914. Ц. 1 р.
- КЪ ВОПРОСУ о монополизациі страхованія въ связи съ изысканіемъ новыхъ способовъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вызванныхъ войной. Ц. 50 к.
- ЛАЗАРЕВСКІЙ, Н. Причины и задачи войны. Ц. 30 к.
- ЛАНГОВОЙ, Н. Во имя чего мы сражаемся? Ц. 20 к.
- ЛЕВИНЪ, П. Германскіе капиталы въ Россіи. Ц. 75 к.
- ЛЕБЕДЕВЪ, С. Краткій курсъ русскаго гражданскаго права. Харьковъ. 1915. Ц. 2 р. 75 к.
- ЛЕНИВА. Переоцѣнка пѣнностей въ связи съ настоящей войной. Ц. 25 к.
- ЛЮБЛИНСКІЙ, П. На смѣну старому праву. Сборникъ статей по вопросамъ текущей правовой жизни. Ц. 2 р. 50 к.
- МУСИНЪ-ПУШКИНЪ, А. О необходи-

мости національного направленія нашей школы. Ц. 25 к.

ПАВЛОВЪ, Б. Къ вопросу о частных подъездныхъ путяхъ. Съ 9 табл. Ц. 50 к.

ПЕТРОВЪ, А. О нѣкоторыхъ малообоснованныхъ притязаніяхъ Италіи и Румыніи. Ц. 20 к.

ПЛЕХАНЪ, П. Правила о законныхъ оцѣнкахъ имущества для исчисленія пошлинъ съ безземельнаго перехода имущества и крѣпостныхъ и гербоваго актоваго сбора и табель законной оцѣнки земель для исчисленія пошлинъ. 1915. Ц. 50 к.

ПОГОДИНЪ, А. Зарубежная Русь Ц. 50 к.

ПОСОБИЕ къ изученію догмы римскаго права по курсу проф. Д. Д. Гримма. Польный переводъ цитатъ и алфавитный сло-

варь. Составлено по 4 изд. 1914 г. Г. Н. Ц. 95 к.

РОССІЯ, Царьградъ и проливы. Матеріалы и извлеченія. Ц. 1 р. 50 к.

ТРЕГУБОВЪ, С. Основы уголовной техники. Научно-техническіе приемы разслѣдованія преступленій. Ц. 3 р.

ТРУБЕЦКОЙ, Е. Национальный вопросъ. Константинополь и Святая Софія. М. 1915. Ц. 20 к.

УЭЛЬСЪ, Мець мира. Почему Британія начала войну. Ц. 1 р.

ШЕЛУХИНЪ, С. Нѣмецкая колонизація на югѣ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 50 к.

ЩЕГЛОВИТОВЪ, П. Вліяніе иностранныхъ законодательствъ на составленіе судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. Ц. 50 к.

Искусство.

ЛУКОМСКІЙ, Г. Воронежская старина. О нѣкоторыхъ памятникахъ старинной архитектуры Воронежа. Съ 38 иллюстр. Ц. 1 р. 50 к.

ТАВАСТШЕРНА, К. Пѣніе и рѣчь. Очеркъ. Ц. 2 р.

Естествознаніе и математика.

КАЙГОРОДОВЪ, Д. Наши весенніе цвѣты. Серія 3. Ц. 90 к.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

ВАСИЛЬЕВЪ, А. На Шницбергень и по Шницбергену во время градуснаго измѣренія. Наблюденія, путешествія и замѣтки. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.

И—ИИ, Б. Современная Монголія. Ц. 30 к.

СТАРОКАДОМСКІЙ, Л. Открытіе новыхъ земель въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ. Ц. 1 р.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

ЕЗЕРСКІЙ, О. Счетоводство образцоваго водостного правленія. Ц. 2 р.

КИНДЪ, В. Скипидарный промыселъ въ Россіи. Ц. 75 к.

ПАНТЮХОВЪ, Н. Химическая промышленность Россіи за 1913 годъ. Ц. 60 к.

«СИБИРСКІЙ торгово-промышленный ежегодникъ» 1914—1915 гг. Ц. въ пер. 3 р.

СИНЮКОВЪ, М. Чай и наша чайная проблема. Ц. 30 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

АВЦИНЪ, П. Къ вопросу устройства и эксплуатаціи областныхъ, районныхъ электрическихъ станцій въ Россіи. М. 1915. Ц. 50 к.

АСТАФЬЕВЪ, А. Бетонно-строительный календарь на 1915 г. Ц. 2 р.

VENNETT, H. Фотохимическія вещества употребл. въ фотографіи. Ц. 40 к.

БЕТИЦЪ, Ф. Химический календарь на 1915 г. Ц. 75 к., съ приложеніемъ 1 р. 75 к.

БРАНДТЪ, А. Основанія термодинамики. Ч. 1. Основныя законы. Газы. Ц. 2 р. 50 к.

ЕСЪМАНЪ, I. Къ теоріи движенія газовъ въ металлургическихъ печахъ. Ц. 75 к.

КИРБЕНКО, П. Производство железобетонныхъ работъ. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.

ЛОМОНОСОВЪ, Ю. Тіювые расчеты Изд. 2. Одесса. 1915. Ц. 4 р. 50 к.

СТОРИ, В. Окна и двери. 110 мотивовъ оконъ, дверей, балконовъ, ограды, бесѣдокъ и цвѣтничныхъ корзинъ въ разныхъ стиляхъ. Ц. 2 р.

— Отдѣлка комнатъ. Новые эскизы гостинныхъ, столовыхъ, кабинетовъ, будуаровъ, спаленъ, вестибюлей, плафоновъ. и пр. Вып. 1 и 2. Ц. по 1 р. 60 к.

— Дешевыя постройки. Проекты бревенчатыхъ, каменныхъ и бетонныхъ дачъ и особняковъ. Вып. 1. Ц. 1 р. 60 к. Вып. 4. Ц. 2 р.

ТИЛИНСКІЙ, А. Современный стиль. 20 проектовъ, загородныхъ домовъ, бесѣдокъ и воротъ. Ц. 2 р.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія

ГЛАВЧЕ, Е. Что такое вшивость? Какъ бороться съ ней и какъ предохранить себя отъ нея въ походахъ и въ дѣйствующихъ арміяхъ? Одесса. 1915. Ц. 50 к.

ДЫШИТЕ ПРАВИЛЬНО! Ученіе индійскихъ йоговъ о дыханіи, измѣненное Западомъ. Американская метода Кофлера. Съ 20 рис. Составила О. Лобанова. Ц. 50 к.

КОНТОРОВИЧЪ, Э. Praescriptioes Сборникъ рецептовъ для клиники и практици. Ц. 1 р.

МЕЧНИКОВЪ, П. Основатели современной медицины. Пастеръ—Листеръ—Кохъ. М. 1915. Ц. 1 р. 20 к.

МИХАЙЛОВЪ, Д. Справочная книга по военно-санитарному дѣлу. Ц. 1 р. 50 к.

1/200*

НОШНЕВСКИЙ, К. Глазные болѣзни военного времени инъекціонныя и травматическія. Первая помощь. Ц. 30 к.	РАШКЕВИЧЪ, С. Кишечныя палочки какъ методъ контроля очистки шпѣвыхъ водъ. М. 1914. Ц. 1 р.
--	--

Языковѣденіе.

ЧЕРНЫШЕВЪ, В. Правильность и чистота русской рѣчи. Опытъ русской сти-	стической грамматики. В. 2. Части рѣчи. Ц. 2 р. 50 к.
---	---

Военное и морское дѣло.

ВОЕННЫЙ флотъ Германіи. Справочная книжка, исправ. по январь 1915 г. Ц. въ пер. 70 к.	РОССИЙСКИЙ Императорскій флотъ. 1914. Ц. 1 р. 60 к.
---	---

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

БОЛСУНОВЪ, Г. Видъ и величина земли. Ц. 30 к.	МОНТЕССОРИ, М. Методъ научной педагогики, применимый въ дѣтскому воспитанію въ домахъ ребенка. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ВОЛОДКЕВИЧЪ, Н. и Н. О практическихъ занятіяхъ по физикѣ. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.	ОГЕНКО, П. Тетрадь для списыванія и разбора стихотвореній и басенъ. Ц. 6 к.
ВОНДРАКЪ, В. Древнецерковнославянскій синтаксисъ. Казань. 1915. Ц. 55 к.	— Иноземные элементы въ русскомъ языкѣ. Исторія проникновенія замечательныхъ словъ въ русскій языкъ. Кіевъ. 1915. Ц. 60 к.
ГАЛАНШЪ, Д. Исторія методическихъ идей по арифметикѣ въ Россіи. Ч. I. XVIII вѣкъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.	ПАВЛОВЪ, Н. и ТИХОНОВЪ, В. Учебникъ съемки и пивеллировки. Ц. 1 р. 50 к.
ЛОДЖЪ, О. Легкая математика. Ц. 1 р. 60 к.	ПЛАСТИЛИНЪ, А. Дѣлопроизводство народнаго учителя. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
ЛУБЕНЕЦЪ, Н. Фребель и Монтессори. Кіевъ. 1915. Ц. 40 к.	

Книги для дѣтей и юношества.

АВЕНАРИУСЪ, В. Сборникъ историческихъ разсказовъ русскихъ писателей. Ц. 2 р. 25 к., въ папкѣ 2 р. 65 к., въ перепл. 3 р.	Очерки, разсказы и преданія о дѣтяхъ, имена которыхъ исторія запечатлѣла на своихъ страницахъ. М. 1915. Ц. 1 р.
ВАХТЕРОВА, Э. М. Ю. Лермонтовъ, его жизнь и избранныя произведенія. М. 1914. Ц. 80 к.	— Образы прошлаго. Очерки и разсказы о великихъ людяхъ прошлыхъ вѣковъ. Для юношества. Съ иллюстраціями. Ц. 2 р. 25 к., въ папкѣ 2 р. 50 к., въ перепл. 3 р.
КАРИНЦЕВЪ, Н. Историческія дѣти.	

Справочныя книги.

ДЕНИСОВЪ, К. Періодическія прибавки изъ средствъ государств. казначейства учителямъ и учительницамъ начальныхъ училищъ вѣд. М. П. П. по закону 7 июля 1913 г. Ц. 10 к.	О ПЕНСИЯХЪ, пособіяхъ и льготахъ нижнимъ воинскимъ чинамъ и ихъ семействамъ. Ц. 7 к.
--	--

— — — — —
ОБЪЯВЛЕНІЯ
— — — — —

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

и продаются во всѣхъ книжныхъ
магазинахъ выпуски

1 (распроданъ), 2, 3, 4 и 5

изданіе журнала „Историческій Вѣстникъ“

„ВОЙНА“

Хроника и отклики

съ иллюстраціями.

Цѣна наждаго выпуска 50 коп

Чистая выручка съ изданія поступить
въ пользу лазарета для раненыхъ вой-
новъ, устроеннаго журналомъ «Истори-
ческій Вѣстникъ». (Складъ изданія въ
книжныхъ магазинахъ Т-ва А. С. Су-
ворина—«Новое Время»).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА:

„СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА
ВЪ РУССКОЙ ПОЭЗИИ“

сборникъ стихотвореній выдающихся русскихъ
поэтовъ подъ редакціей **Б. Б. Глинскаго.**

Цѣна 2 руб.

ЧИСТЫЙ СБОРЪ СЪ ИЗДАНІЯ
НА ПОЛЬЗУ РАЗОРЕННОЙ ПОЛЬШИ.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

У редактора-составителя: 2-я Рождественская, д. 19, кв. 17,

телеф. 129-32.

ПРОДАЕТСЯ ВО ВСѢХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

НОВАЯ КНИГА

Борьба за Вѣру

ИСТОРИКО-БЫТОВЫЕ ОЧЕРКИ

И

ОБЗОРЪ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

ПО

СТАРООБРЯДЧЕСТВУ И СЕКТАНТСТВУ

ВЪ ЕГО ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОМЪ РАЗВИТИИ

съ приложеніемъ статей закона и Высочайшихъ указовъ

В. И. Ясевичъ-Бородаевская

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА, ЧЛЕНЪ-СОТРУДНИКЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ И ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕНЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО ОБЩЕСТВА.

съ (4-мя фотографическими таблицами).

Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени»:

Петербургъ, Невскій пр., 40, домъ Армянской церкви. Тел. 459-26, 2) Вознесенскій пр., д. 36. Тел. 559—02. 3) Пет. ст., Большой пр., д. 69-А. Тел. 77—61, **Москва**, Неглинный проѣздъ, уголъ Кузнецкаго Моста, д. Шориной. **Харьковъ**. 1) Екатеринославская ул., д. Иванова, 2) Николаевская пл. д., 4, Азовско-Донскаго Банка. **Одесса**, Дерибасовская, д. 33, уголъ Преображенской. **Саратовъ**, Московская, д. Пассаажъ. **Ростовъ на Дону**, Садовая, д. 96.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

(Свб., Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ-на-Дону)

ПРОДАЕТСЯ

СИСТЕМАТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

за 25 лѣтъ (1880—1904 гг.)

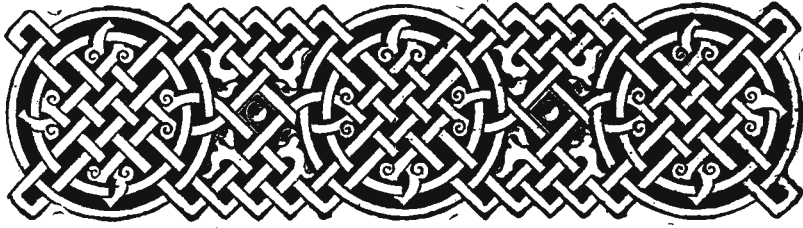
СОСТАВИЛЪ

Б. М. ГОРОДЕЦКІЙ

Книга включаетъ въ себѣ 47 печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Въ ней переименованы 9525 статей и 2993 рисунка; кромѣ того, приложены два алфавита: 1) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ статей, и 2) личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ указателѣ рисунковъ. Книга отпечатана въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Цѣна 5 руб.

Л Ъ Т О П И С Ъ .

ВАДЦАТЬ третьяго февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ: сильныя снѣжныя метели нѣсколько разъ въ течение дня 23-го февраля препятствовали возобновленію операций. Утромъ непріятель пытался отнять у насъ лѣсной участокъ, взятый французами 22-го февраля на западѣ отъ Перта. Германцы были здѣсь отбиты, а затѣмъ контръ-атакой французамъ удалось продвинуться въ сѣверномъ и восточномъ направленіяхъ, захвативъ при этомъ плѣнныхъ. Продвиженіе это продолжалось и усилилось послѣ полудня. Въ районѣ Перта французы заняли болѣе 500 метровъ непріятельскихъ траншей. Между Менилемъ и Босежуромъ они уступили нѣсколько метровъ занятыхъ ими 22-го февраля траншей на хребтѣ возвышенности къ сѣверовостоку отъ Мениля. Въ районѣ Сентъ-Миэля, лѣса Брюля и Апремонскаго лѣса, французы утвердились въ траншеяхъ германцевъ, въ которой нашли большое количество запасовъ. У Лепретрскаго лѣса, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, германцы пытались повести атаку, которая, однако, была остановлена въ самомъ началѣ. Въ мѣстности, лежащей къ сѣверу отъ Бадонвиле, французы продолжали продвигаться впередъ. Въ Эльзасѣ, на Рейхаккеркопфѣ, французскія войска отбили непріятельскую контръ-атаку.

22-го февраля 4 французскихъ броненосца «Суффрентъ», «Годуа», «Шарлеманъ» и «Буве» и два англійскихъ «Агамемнонъ» и «Лордъ Нельсонъ», вошли въ Дарданельскій проливъ. Въ то время, какъ англійскія суда бомбардировали съ большого разстоянія форты узкой части пролива, отдѣляющей Канакъ-Кале отъ Килидъ-Бара, французскіе броненосцы прикрывали ихъ, обстрѣливая батареи Дардана и Суандерэ, а также скрытыя батареи, каковыя были приве-

«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

1

дены къ молчанію. Форты Румеліа, Меджидіа и Табіа на европейскомъ берегу и Хамидіа-Табіа на азиатскомъ берегу отвѣчали на огонь англійскихъ броненосцевъ, но были также разрушены.

24-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на всемъ фронтѣ между Нѣманомъ и Вислой боевыя дѣйствія 23-го февраля имѣли весьма упорный характеръ. Наша конница захватила часть непріятельскаго обоза, отходившаго къ с. Сейны. На августовскомъ направленіи бой ведется въ двухъ верстахъ отъ станціи Августовъ. У Оссовца крѣпостная артиллерія успѣшно борется съ осадными батареями. Германская атака на путяхъ отъ Кольно къ Ломжѣ отбита. Къ югу отъ Хоржеле непріятель вводитъ въ бой значительныя силы. Германцы, наступавшіе къ югу отъ Дробина, отброшены назадъ съ большими потерями. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Пилицы, наши и непріятельскія атаки чередуются; нами захвачены плѣнные и пулеметы. Въ Карпатахъ, на балигородскомъ направленіи, несмотря на неисчислимыя потери, атаки австрійцевъ продолжаются. Близъ селенія Студене непріятелю удалось захватить передовые окопы двухъ нашихъ батальоновъ. На ужокскомъ и мункачскомъ направленіяхъ непріятель также велъ атаки, въ общемъ безуспѣшныя. Послѣ ожесточеннаго боя непріятеля 22-го февраля захватилъ большую часть высоты 992, у Козювки, но уже къ утру 23-го февраля наша контръ-атака увѣнчалась здѣсь успѣхомъ, и непріятель былъ выбитъ изъ всѣхъ нашихъ окоповъ, захваченныхъ имъ на этой высотѣ. Къ сѣверо-востоку отъ Клауссе намъ сдался остатокъ обошедшей нашъ флангъ австрійской колонны. Въ Зачорохскомъ районѣ наши войска съ боемъ заняли важный пунктъ, отбросивъ турокъ къ юго-западу и нанеся имъ большія потери.

24-го февраля французское правительство официально увѣдомило о слѣдующемъ:

23-го февраля вечеромъ непріятель до ночи усиленно бомбардировалъ районъ къ востоку отъ Стенстратэ, на югѣ отъ Диксмюде. Произведенная непріятелемъ попытка повести атаку не удалась. У Рейхаккеркопфа нѣсколько предпринятыхъ непріятелемъ атакъ были съ легкостью отражены.

На сѣверъ отъ Арраса, у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ бой происходилъ цѣлый день, не измѣнивъ расположенія противника. Въ Шампани происходили весьма упорные бои, благоприятные для французовъ. Между Суэнномъ и Пертомъ, въ лѣсу, въ которомъ французы укрѣпились три дня назадъ, мы отбили двѣ контръ-атаки и добились новыхъ успѣховъ. Равнымъ образомъ французы продвинулись впередъ въ лѣсу на востокъ въ непосредственной близости отъ Перта. Къ сѣверу отъ той же деревни непріятельская атака была отбита. На возвышенности къ сѣверо-востоку отъ Мениля движеніе французовъ 23-го февраля, которое равнялось 450 метрамъ, увеличилось еще на 200 метровъ. Французы заняли нѣмецкое укрѣпленіе и захватили картечицу, 3 пулемета и взяли плѣнныхъ. Укрѣпленія противника была чрезвычайно сильны. Они состояли изъ прикрытій и блиндажей съ картечницами и изъ весьма глубокихъ подземныхъ помѣщеній. Наконецъ къ сѣверу отъ Мениля французы взяли обратно нѣсколько метровъ траншей. Въ Аргоннахъ, между Фуръ-де-Пари и Болантдомъ

французы произвели атаку, которая дала имъ возможность завладѣть полевой германской линіей на 200 метровъ.

24-го февраля фельдмаршалъ Френчъ сообщилъ: «Положеніе на британскомъ фронтѣ безъ переменъ. Мы попрежнему успѣшно боролись съ лучшими непріятельскими стрѣлками близъ Лабассэ. Подобные же результаты достигнуты на другихъ частяхъ фронта, въ особенности въ районѣ Ипра. Въ ночь съ 20-го на 21-ое февраля въ германскомъ окопѣ къ юго-востоку отъ Ипра взорвалась мина. Воронка мины временно занята нами. На нѣкоторыхъ секторахъ непріятельская артиллерія проявила болѣе активную дѣятельность, но результатъ этой дѣятельности представляется несущественнымъ».

24-го февраля были получены слѣдующія официальные извѣстія о бомбардировкѣ Дарданелль.

«Днемъ 23-го февраля броненосецъ «Queen Elisabeth», поддержанный четырьмя другими броненосцами, вошелъ въ Дарданеллы и бомбардировалъ тяжелой артиллеріей форты Румели, Меджидіэ и Табіа, расположенные на южной стрѣлкѣ Килидъ-Бара. Дурная погода помѣшала операціямъ.

«Британскія потери въ Дарданеллахъ въ теченіе 19-го февраля составляютъ: 25 убитыхъ, 28 раненыхъ и 9 пропавшихъ безъ вѣсти».

24-го февраля англійское адмиралтейство сообщило, что германская подводная лодка «U 20» была протаранена и потоплена контръ-миноносцемъ «Ariel». Экипажъ сдася.

У Скарборо миною былъ потопленъ британскій пароходъ «Tangistan»; изъ 38 человекъ команды спасенъ одинъ. У Гастингса миной потопленъ пароходъ «Blackwood»; команда въ составѣ 17 человекъ спасена. У Ливерпуля потопленъ пароходъ «Princess Victoria», команда въ числѣ 34 спасена.

25-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ сувалковскомъ районѣ мы продолжаемъ успѣшно наступать. Наша конница близъ Сейнъ и Краснополя взяла въ плѣнъ до 200 германскихъ пѣхотинцевъ. По Оссовцу 23 и 24 февраля непріятель выпустилъ большое количество 12-дюймовыхъ бомбъ. На всемъ фронтѣ на правомъ берегу Нарева ведется сильный огневой бой, отъ Хоржеле къ Праснышу и вдоль рѣки Оржицы непріятель наступаетъ значительными силами, полученными путемъ перегруппировки за счетъ гродненскаго района, а также вновь подвезенными изъ внутреннихъ областей Германіи. На лѣвомъ берегу Вислы, въ районѣ Пилицы, наши контръ-атаки, несмотря на встрѣчаемое сильное противодѣйствіе, имѣютъ успѣхъ, мы постепенно продвигаемся впередъ и захватили нѣсколько сотъ плѣнныхъ и пулеметы. У Лопушно нами отбиты дневныя и ночныя атаки, которыя велись германцами въ густыхъ строяхъ. На Дунайцѣ продолжался сильный артиллерійскій огонь. Въ Карпатахъ австрійцы вели многочисленныя атаки на всемъ фронтѣ отъ Горлице до ужокскаго направленія, но были отброшены съ большими потерями. Въ Восточной Галиціи положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ. Въ зачорохскомъ районѣ продолжались бои.

25-го февраля французское правительство опубликовало слѣдующее официальное объявленіе:

«Комиссія по установленію нарушеній международнаго права, совершенныхъ германцами, публикуеть отчетъ, въ которомъ приводятся заявленія гражданскихъ лицъ, задержанныхъ въ Германіи, вопреки международному праву, и недавно вернувшихся на родину. Всѣ заявленія согласуются въ слѣдующихъ пунктахъ:

«Семьи разлучались, и, въ частности, дѣти отдѣлялись отъ матерей. Заложниковъ заставляли дѣлать утомительные переходы гѣшкомъ и затѣмъ цѣлыми днями перевозили ихъ въ вагонахъ для скота, не давая пищи. Въ германскихъ лагеряхъ помѣщеніе плѣнниковъ представлялось крайне несовершеннымъ. Приспособленія для ночлега были недостаточны и состояли обыкновенно изъ тюфяка, набитаго стружками, и двухъ одѣялъ, часто же просто разстилалась на землѣ солома, которую никогда не мѣняли. Результаты въ смыслѣ чистоты и гигиены представлялись плачевными. Изобиловали насѣкомья. Пища была плохая и крайне скудная, почти всегда безъ мяса, а хлѣбъ былъ похожъ на мастику. Большая часть плѣнниковъ доходила до полного почти истощенія. Дисциплина въ общемъ была весьма строгая. Санитарное состояніе плачевное, а смертность значительная, такъ какъ ухода почти не имѣлось. Особенно часты были бронхитъ и воспаленіе легкихъ. Вслѣдствіе такого режима возвратившіеся на родину оказались въ крайне слабомъ состояніи, и здоровье ихъ совершенно разстроилось.

«Германія, претендовавшая на самую видную роль въ борьбѣ съ туберкулезомъ, на самомъ дѣлѣ подготовила распространеніе его во Франціи».

Въ Бельгіи германцы ожесточенно бомбардировали городъ Ньюпоръ изъ орудій 42-сантиметроваго калибра. Между рѣкой Лиссомъ и каналомъ Лабассэ англійскія войска, поддерживаемыя французской тяжелой артиллеріей, имѣли существенный успѣхъ; они взяли селеніе Невъ-Шапель, находящееся къ востоку отъ дороги изъ Эстеръ на Лабассэ, и продвинулись впередъ къ сѣверовостоку отъ этого селенія въ направленіи Обера и къ юго-востоку отъ него въ направленіи Ріезскаго лѣса. Англичане взяли здѣсь около 1.000 человекъ въ плѣнъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ, захвативъ, кромѣ того, пулеметы. Потери германцевъ убитыми и ранеными были очень велики. Въ Шампани непріятель произвелъ нѣсколько ожесточенныхъ атакъ въ ночь съ 24-го на 25-ое и днемъ 25-го февраля, но не былъ въ состояніи отнять у французовъ ни пяди земли. Французскія войска усилили и расширили свои позиціи на возвышенностяхъ, которыми они завладѣли, нанеся нападавшимъ сильный уронъ. На правомъ берегу Мааса французская артиллерія совершенно разрушила нѣсколько непріятельскихъ траншей.

26-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что между Нѣманомъ и Вислой особенно упорные бои происходили 25-го февраля въ районѣ Симно, въ долинахъ Омалева и Оржица и на праснышскомъ направленіи. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Въ Карпатахъ всѣ непріятельскія атаки отражены, причѣмъ у Горлице нашей контръ-атакой уничтожены австрійскія части, пытавшіяся, послѣ неуспѣшной ночной атаки, окопаться предъ нашимъ фронтомъ. Въ Восточной Галиціи, въ югу отъ Нижніова мы потѣснили германцевъ.

24-го февраля нашими войсками въ Зачорохскомъ краѣ отбито у турокъ два орудія. Въ бою подъ Дильманомъ на азербейджанскомъ направленіи захвачено нами одно турецкое орудіе съ тремя зарядными ящиками.

26-го февраля французское правительство извѣстило о слѣдующемъ: «Въ теченіе атаки 25-го февраля англичане заняли участокъ непріятельскихъ траншей протяженіемъ въ 2,500 метровъ у селенія Невъ-Шапель, а также и селеніе;

затѣмъ англійскія войска продвинулись далѣе въ направленіи Обера до Рістрской мельницы и въ юго-восточномъ направленіи до сѣверной границы Віезскаго лѣса, т. е. приблизительно на два километра отъ Невъ-Шапель. Огонь германской артиллеріи былъ слабъ. Густой туманъ на многихъ пунктахъ фронта значительно стѣснялъ операціи. Въ Бельгіи небольшая англійская эскадра

Генераль-отъ-инфантеріи А. Н. Селивановъ.
Герой войны.

успѣшно бомбардировала Вестенде. На ипрскомъ участкѣ французы отбили двѣ атаки близъ Зандсворде. Въ районѣ Невъ-Шапель англійскія войска отбили двѣ непріятельскія контръ-атаки, нанеся Германцамъ значительный уронъ.

«Въ Шампани французы значительно продвинулись впередъ въ лѣсу къ западу отъ Перта, гдѣ они утвердились пять дней назадъ. Непрiятель защищался здѣсь съ ожесточеніемъ. Незвизрая на сильный артиллерійскій огонь и нѣсколько контръ-атакъ непріятеля, французы удержали за собою занятые позиціи.

На Аргонской возвышенности, въ районѣ Фуръ-де-Пари и Болантъ, во время боевъ французы захватили одинъ бомбометъ и одинъ пулеметъ. Въ Вогезахъ мы отбили одну контръ-атаку на Р.йхакаркопфъ».

Далѣе въ донесеніи мы читаемъ слѣдующее: «Военными дѣйствіями, развившимися въ Шампани въ теченіе уже нѣсколькихъ недѣль, вполнѣ достигнута намѣченная цѣль. Послѣдняя была двоякаго свойства: мѣстнаго и общаго. Мѣстные результаты сводятся къ непрерывному продвиженію нашихъ войскъ; успѣхи наши здѣсь выражаются въ отнятіи у непріятеля съ конца декабря площади, имѣющей протяженіе по фланту въ 7 километровъ, въ глубину же отъ 2 до 3 километровъ. Въ настоящій моментъ мы господствуемъ надъ линіей возвышенностей, представляющихъ благопріятную базу для дальнѣйшаго наступленія. Потери германцевъ были здѣсь чрезвычайно велики: 2 гвардейскихъ полка почти совершенно уничтожены; 2-й и 5-й роты второго гвардейскаго полка больше не существуетъ, 1-я, 6-я и 7-я роты того же полка соединены въ одну. Количество вводившихся непріятелемъ въ дѣло войскъ колебалось между четырьмя и пятью съ половиною корпусами. На поляхъ сраженій нами найдено 10,000 германскихъ труповъ. Въ плѣнъ нами взято 2.000 человекъ, принадлежащихъ къ 5 различнымъ корпусамъ; кромѣ того, мы захватили скорострѣльные орудія и много пулеметовъ. Настроеніе плѣнныхъ весьма подавленное; въ германскихъ частяхъ, которыя вынуждены были держаться въ траншеяхъ, вырываемыхъ по мѣрѣ нашего продвиженія, наблюдались случаи помѣшательства. Цѣлью общаго характера, притомъ главной цѣлью военныхъ дѣйствій въ Шампани съ 3-го февраля было задержать возможно большее число германскихъ войскъ, принудить ихъ къ расходованію большаго количества снарядовъ и воспрепятствовать перевозкѣ войскъ на русскій фронтъ. Цѣль эта была вполнѣ достигнута. Въ Шампани у германцевъ къ 3-му февраля было 119 батальоновъ, 31 эскадронъ, 64 полевыхъ батареи и 20 батарей тяжелыхъ орудій. Въ промежутокъ времени съ 3-го по 25-ое февраля германцы ввели въ дѣло еще 20 батальоновъ, изъ нихъ 6 гвардейскихъ, 2 гвардейскія батареи тяжелыхъ орудій, 1 полкъ полевой артиллеріи, то есть въ общемъ приблизительно одинъ корпусъ. Однако, несмотря на эти подкрѣпленія, германцамъ не удалось одержать верхъ и, кромѣ того, они были лишены возможности перебросить войска на восточный фронтъ. Этимъ способомъ была облегчена блестящая побѣда, одержанная съ 12-го по 18-ое февраля русскими войсками, и было обусловлено успѣшное отступленіе германцевъ, сопровождавшееся взятіемъ 10,000 германцевъ въ плѣнъ и большаго количества орудій и пулеметовъ. Значительная часть германскихъ войскъ, отправленныхъ въ Шампань между 24-го января и 25-го февраля, была доставлена изъ сѣвернаго района, гдѣ англійская армія 25-го февраля одержала впервые успѣхъ. Такимъ образомъ, лишній разъ на пользу союзныхъ армій проявилась ихъ тѣсная солидарность въ военныхъ операціяхъ».

26-го февраля англійское военное министерство увѣдомило:

«25-го февраля четвертый и индійскій корпуса продвинулись впередъ приблизительно на три четверти мили на фронтѣ протяженіемъ въ 4,000 ярдовъ, овладѣвъ всѣми находившимися на пути позиціями и траншеями непріятеля и захвативъ свыше 700 плѣнныхъ. Англійскіе аэропланы принимали участіе въ

дѣйствіяхъ, причѣмъ имъ удалось разрушить соединенія желѣзныхъ дорогъ въ Куртрэ и Мененъ».

27-го февраля штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ Сувалкскомъ районѣ непріятель, продолжая удерживать Симно и Августовъ, перешелъ въ наступленіе на городъ Сейны, въ районѣ котораго происходилъ бой. На правомъ берегу Нарева сильный артиллерійскій огонь. На фронтѣ между Омудевымъ и Оржицомъ и на праснышскомъ направленіи наступленіе непріятели сдерживается нашими войсками. На лѣвомъ берегу Вислы безъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ, на фронтѣ между Горлице и Лупковскимъ переваломъ, мы произвели рядъ энергичныхъ контръ-атакъ. Къ югу отъ Горлице непріятельскія части, перешедшія Сенкувку и пытавшіяся укрѣпиться на ея правомъ берегу, были переколоты. Наши развѣдчики окружили три выдвинутыя впередъ въ различныхъ мѣстахъ австрійскія роты, сдавшіяся намъ полностью.

Наибольшій успѣхъ имѣлъ нашъ фланговый ударъ въ районѣ главной австрійской атаки, гдѣ нами взяты селенія Лупковъ и Смольникъ съ окружающими высотами и захвачены двѣ тяжелыя гаубицы, два полевыхъ орудія, 7 пулеметовъ, перевязочные пункты съ врачами, всего плѣнныхъ взято до 4,000 съ 70 офицерами.

Въ районахъ Раббе и Козювки непріятель вновь производилъ безуспѣшныя яростныя атаки, доблестно повсюду отраженныя нашими войсками, съ огромными потерями для непріятели.

Въ Восточной Галиціи у сел. Незвиска на Днѣстрѣ донскіе казаки уничтожили цѣликомъ 3 эскадрона прусскихъ гусаръ. Уцѣлѣвшіе взяты въ плѣнъ, въ числѣ 10 офицеровъ и 25 гусаръ.

На фронтѣ кавказской арміи за 25-ое февраля серьезныхъ боевыхъ столкновений не было. Въ Захорохскомъ краѣ перестрѣлки продолжались.

На западно-европейскомъ фронтѣ, по официальному сообщенію французскаго правительства отъ 28-го февраля, положеніе военныхъ дѣлъ было слѣдующее:

У излучины Изера бельгійцы закрѣпили и увеличили достигнутые ими передъ тѣмъ результаты. Англійская войска, продолжая продвигаться впередъ, перешли ручей Лэ (Layes), идущій параллельно дорогѣ Невъ-Шапельль—Флербэ и находящейся между этой дорогой и Оберомъ. Здѣсь англійскими войсками занято нѣсколько непріятельскихъ траншей, а къ концу дня англичане достигли такъ называемой «Адской улицы», идущей отъ сѣверо-запада къ юго-востоку по направленію къ Оберу и обслуживающей предмѣстье Обера. Къ юго-востоку отъ Пьетра англійскія войска овладѣли нѣсколькими группами домовъ, приведенными германцами въ оборонительное состояніе. Въ теченіе дня англичанами захвачено около тысячи плѣнныхъ и нѣсколько пулеметовъ. По лѣвую и по правую сторону англійской арміи французскія войска поддерживали операціи англичанъ интенсивнымъ артиллерійскимъ, пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ. Въ Шампани французскія войска продолжали продвигаться впередъ и къ концу дня на сѣверныхъ склонахъ хребта и къ сѣверо-востоку отъ Мениля захватили 150 плѣнныхъ. У Рейхаккеркопфа непріятель послѣ ожесточенной бомбардировки пы-

тался произвести атаку, которая была остановлена французскими войсками. После энергичных столкновений предыдущих дней установилось почти полное спокойствие с обеих сторон на всем протяжении фронта. День 28-го февраля был отмечен только несколькими артиллерийскими боями. Французы везде упрочили за собою свои позиции. Во время очищения оставшагося за ними поля сражения и сбора оружия, французы обнаружили два германских пулемета, так что общее число потерянных неприятелем в этом пункте пулеметов достигает четырех. В лесу Лепретръ французы решительно отразили попытку германцев произвести атаку.

28-го февраля фельдмаршалъ Френчъ сообщил слѣдующее:

«Седьмая дивизія сегодня нѣсколько продвинулась вперед по направлению къ Оберу. Бой отличался особым упорствомъ, такъ какъ неприятель получилъ сильныя подкрѣпленія и выступилъ сегодня противъ моего праваго фланга силами не менѣе двухъ дивизій. Англійскими войсками захвачено 612 плѣнныхъ; прибываютъ новые плѣнные. Военные летчики проявляютъ большую дѣятельность и сегодня прервали связь между Дономъ и Дуэ».

Великобританское адмиралтейство того же 28 февраля уведомило о томъ, что еще 7 британскихъ судовъ, вмѣстимостью отъ 1795 до 4658 тоннъ, подверглись нападеніямъ германскихъ подводныхъ лодокъ въ періодъ времени съ 25-го февраля. Эти случаи произошли въ Ламаншѣ, Бристольскомъ каналѣ и Ирландскомъ каналѣ. Пять изъ этихъ судовъ были потоплены.

Германскій крейсеръ «Kronprinz Wilhelm» потопилъ пароходъ «Guadalupe». Германскій посолъ въ Вашингтонѣ выступилъ на защиту вспомогательнаго крейсера «Prinz Eitel Friedrich», потопившаго американскій пароходъ «William Frye». Шведскій пароходъ «Hanna» по выходѣ изъ Скарборо потопленъ подводной лодкой.

Продолжалась бомбардировка Дарданеллъ, фортовъ Намазіе, Гамидіе и Чанакъ. Мины выловлены на протяженіи трехъ миль отъ Суандора.

1-го марта Государь Императоръ прибылъ въ дѣйствующую армію.

1-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ, что между Нѣманомъ и Вислой бои ведутся лишь въ долинахъ Омудева, Оржица и на праснышскомъ направленіи, въ общемъ на фронтѣ около пятидесяти верстъ. Попытки неприятеля продвинуться были всюду отражены. Наши войска, перейдя 28-го февраля въ контръ-атаку, овладѣли нѣсколькими селеніями. Въ прочихъ районахъ праваго берега Бобра и Нарева и лѣваго берега Вислы велся только огневой бой.

Въ Карпатахъ происходила сильная вьюга. Въ районѣ Лупковскаго перевала мы продвинулись впередъ и взяли свыше 600 плѣнныхъ, при 14 офицерахъ и 6 пулеметахъ. На фронтѣ Рабсе—Радзѣвъ—Студенне австрійцы продолжали попытки прорвать нашъ фронтъ, но понесли тяжелыя потери. Въ районѣ Козювки и Рожанки германцы вновь вели непрерывныя яростныя атаки на наши позиции. Атаки эти, однако, повсюду отражены съ громаднымъ для неприятеля урономъ. При контръ-атакѣ нами захвачено нѣсколько сотъ плѣнныхъ. Въ Восточной Галиціи мы легко отбили повторныя атаки неприятеля близъ селенія Незвиска на Дибпрѣ. При этомъ одинъ австрійскій батальонъ былъ

совершенно разсѣянъ нашей контръ-атакой. Подъ Перемышлемъ мы овладѣли непріятельскими позиціями у сел. Малковице. Занимавшій эти позиціи австрійскій батальонъ взятъ въ плѣнъ.

27-го февраля бой въ Зачорохскомъ районѣ происходилъ на широкомъ фронтѣ. Турки повсюду были отбиты. Въ Аланкертской долинѣ наши войска послѣ столкновенія съ курдами отбросили ихъ къ югу.

Генераль-лейтенантъ Д. Г. Щербачевъ.
Герой войны.

1-го марта французское официальное сообщеніе гласило:

«Бельгійскія войска продолжали продвигаться въ излучинѣ Изера. Ихъ артиллерія, опираясь на нашу тяжелую артиллерію, разрушила опорный пунктъ, устроенный германцами на кладбищѣ въ Диксмюде. Непритель бомбардировалъ Ипръ, здѣсь было нѣсколько жертвъ среди гражданскаго населенія. Германцы также бомбардировали соборъ въ Суассонѣ и сосѣдній квар-

талъ. На сѣверѣ отъ Реймса напротивъ Люксембургскаго лѣса непріятель пытался овладѣть одной изъ нашихъ передовыхъ траншей, но былъ отраженъ. Послѣ этого Реймсъ подвергся бомбардировкѣ. Въ Шампани мы къ вечеру съ 28-го февраля отбили всѣ контръ-атаки и, преслѣдуя непріятеля, отняли нѣсколько траншей. Въ одной изъ нихъ мы нашли около 100 труповъ и снаряженіе. Въ Аргоннахъ у Фуръ-де-Пари атака, направлявшаяся противъ нашихъ линій, была рѣшительнымъ образомъ остановлена. Въ Лотарингіи наши патрули заняли Эмбермениль. Въ Вогезахъ артиллерійскій бой».

«Небольшая англійская эскадра бомбардировала Вестенде; результаты бомбардировки были удовлетворительны. У Невь-Шапель англичане имѣли рѣшительный успѣхъ; они продвинулись здѣсь на 1,200—1,500 метровъ на фронтѣ приблизительно въ три километра, причемъ заняли послѣдовательно три линіи траншей и сильно укрѣпленный пунктъ къ югу отъ Невь-Шапель.

«Ожесточенныя контръ-атаки германцевъ были всѣ отбиты, причемъ непріятель понесъ серьезныя потери и оставилъ англичанамъ плѣнныхъ въ количествѣ, значительно превышающемъ сообщенную сначала цифру. Полевая и тяжелая англійская артиллерія весьма успѣшно подготовила бой и поддержала стремительную атаку пѣхоты.

«Въ Шампани мы упрочили нашу новую линію фронта, продвинувшись на нѣкоторыхъ пунктахъ; кромѣ того, мы обезпечили наше расположеніе на линіи возвышенностей, отнятыхъ у непріятеля. На Аргонской возвышенности, между Фуръ-де-Пари и Волаитъ, мы заняли 300 метровъ траншей и взяли плѣнныхъ, въ числѣ коихъ находились офицеры.

«Непріятель въ теченіе того же дня произвелъ двѣ контръ-атаки, но былъ окончательно отброшенъ. На правомъ берегу Мааса, у Эпаржа, германцы пытались повести атаку, которая, однако, была въ самомъ началѣ остановлена нашимъ огнемъ. То же произошло и у Шамуа, къ сѣверу отъ Бадонвилль».

1-го марта великобританское военное министерство сообщило, что произведенная 28-го февраля послѣ полудня непріятелемъ ожесточенная контръ-атака, равно какъ и нѣсколько менѣе значительныхъ контръ-атакъ были всѣ отбиты нами. Судя по количеству труповъ, найденныхъ на разныхъ участкахъ поля сраженія, и по рассказамъ плѣнныхъ, число которыхъ нынѣ достигло 1.720 человекъ, потери непріятеля въ этихъ бояхъ, несомнѣнно, весьма велики и за три дня составляютъ немногимъ менѣе 10,000 человекъ. Утромъ 1-го марта нашимъ аэропланомъ былъ взорванъ поѣздъ на станціи Донъ.

2-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что въ праснышскомъ районѣ мы на всемъ фронтѣ отъ желѣзной дороги на Млаву до рѣки Оржица и на лѣвомъ ея берегу съ боемъ продвинулись впередъ. Контръ-атаки германцевъ были повсюду отражены. Артиллерія Оссовца подбила нѣсколько тяжелыхъ орудій на осадныхъ батареяхъ, находящихся на дистанціи дѣйствительнаго огня отъ крѣпости. На лѣвомъ берегу Вислы боевъ не было.

Въ Карпатахъ въ общемъ положеніе оставалось безъ перемѣнъ. Атаки австрійцевъ на балигородскомъ направленіи и германцевъ на высоту 992 у Козювки были отражены. Въ Восточной Галиціи наши войска отгѣснили непріятеля въ районѣ къ сѣверу отъ Обертыня.

Подъ Перемышлемъ происходилъ артиллерійскій бой.

28-го февраля въ Зачорохскомъ краѣ наши войска, закрѣпивъ за собой Дзансульскій заводъ и переваль съ путями отъ завода на Хопу, настойчиво продвигались впередъ, сбивая турокъ съ занимаемыхъ ими позицій. Попытки турокъ на нѣкоторыхъ направленіяхъ къ переходу къ частичному наступленію были отбиты нашими войсками.

2-го марта французское правительство сообщило слѣдующее

«Бельгійская армія продолжала продвигаться въ излучинѣ Изера и къ югу отъ Диксмюде. Британскія войска подверглись ожесточеннымъ атакамъ вчера вечеромъ у Сентъ-Элуа къ югу отъ Ипра и сначала нѣсколько отступили, но затѣмъ, перейдя въ контръ-атаку, отбили часть уступленнаго пространства. Сраженіе продолжается. Въ районѣ Невъ-Шапель не произошло никакихъ измѣненій. Въ Аргоннахъ непріятель днемъ 1-го марта произвелъ въ третій разъ ожесточенную контръ-атаку съ цѣлью отбить траншеи, занятыя нами между Фуръ-де-Пари и Волаптомъ. Эта атака, подобно предыдущимъ, была отражена.

«День 2-го марта отмѣчается многими благопріятными для насъ дѣйствіями. Въ области Ломбартиде наша артиллерія успѣшно бомбардировала укрѣпленія непріятеля. Германцы пытались отбить у насъ небольшое укрѣпленіе, взятое нами въ ночь съ 27-го на 28-е февраля, но были отражены, оставивъ на мѣстѣ 50 убитыхъ; наши потери были незначительны. Къ югу отъ Ипра британская армія, которую атака германцевъ заставила вчера отойти за Сентъ-Элуа, вновь заняла это селеніе и почти всѣ сосѣднія траншеи, несмотря на нѣсколько непріятельскихъ атакъ.

«Къ сѣверу отъ Арраса блестящей атакой нашей пѣхоты намъ удалось однимъ ударомъ занять три линіи траншей на выступѣ Нотръ-Дамъ-де-Пореттъ и достигнуть края горнаго плато. Въ этомъ бою мы взяли въ плѣнъ около ста человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, уничтожили два пулемета и взорвали складъ военныхъ припасовъ.

«Далѣе къ югу, въ районѣ Эжюри и Рокленкура, близъ дороги на Лилль, мы взорвали нѣсколько германскихъ траншей и помѣшали непріятелю возстановить ихъ. Въ районѣ Альбера близъ Карнуа германцы взорвали мину подъ нашими траншеями и заняли воронку, но мы выбили ихъ оттуда. Вслѣдъ за этимъ они вновь заняли ее; но новой контръ-атакой намъ удалось отбить у нихъ эту позицію. Съ этого момента мы удерживаемся здѣсь, причемъ намъ удалось возстановить всѣ наши оборонительныя сооруженія. Въ долину рѣки Эна, близъ Вассана, къ сѣверо-западу отъ Нуврона, мы захватили въ плѣнъ двѣ германскія роты, понесшія весьма тяжелыя потери отъ нашего огня. Въ Шампани мы вновь имѣли успѣхъ и продвинулись впередъ въ лѣсу къ сѣверо-востоку отъ Суэна и къ сѣверо-западу отъ Порта. У возвышенности «196», къ сѣверо-востоку отъ Мениля, мы отразили двѣ контръ-атаки непріятеля и расширили наши позиціи на этомъ участкѣ, причемъ захватили плѣнныхъ и бомбометы.

«На Аргонской возвышенности бой со вчерашняго дня достигъ большого развитія. Въ районѣ Багатель мы отбили двѣ непріятельскія контръ-атаки,

разрушили одинъ блокгаузъ, заняли его и удержались въ этомъ пунктѣ. Между Фуръ-де-Пари и Волантомъ непріятель пытался произвести двѣ новыя контръ-атаки, окончившіяся, какъ и предшествовавшія три, неудачей. У Воква наша пѣхота повела атаку, въ результатъ которой она заняла западную часть этого селенія, причѣмъ мы взяли значительное количество плѣнныхъ. Въ Лепретрскомъ лѣсу, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона, германцы взорвали миной четыре выдвинутыхъ впередъ траншеи, которыя были совершенно разрушены. Непріятель занявъ эти траншеи послѣ взрыва, однако мы отбили у него двѣ первыя траншеи и половину третьей. Между Лепретрскимъ лѣсомъ и Понтъ-а-Муссономъ непріятель произвелъ атаку, отбитую нами. 1-го марта военный министръ посѣтилъ генерала Монури, съ которымъ бесѣдовалъ нѣсколько минутъ; затѣмъ онъ отправился къ генералу Вилларэ, которому отъ имени президента республики вручилъ командорскій крестъ ордена почетнаго легіона.

2-го марта британское адмиралтейство сообщило, что англійскіе крейсера «Glasgow», «Otago» и «Kent» застигли врасплохъ германскій крейсеръ «Dresden» близъ Хуанъ-Фернандеца ¹⁾. Послѣ пятиминутнаго боя «Dresden» спустилъ флагъ и сдался. Германскій крейсеръ былъ сильно поврежденъ и горѣлъ. Послѣ происшедшаго взрыва въ пороховыхъ погребахъ крейсеръ затонулъ; экипажъ его спасенъ. Съ англійской стороны никакихъ потерь не было.

Союзный флотъ бомбардировалъ форты Смирны и позиціи у Булаира въ Дарданеллахъ.

3-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на лѣвомъ берегу Нѣмана мы выбили передовыя части непріятеля изъ Копціово. Наступленіе нашихъ войскъ по обамъ берегамъ рѣки Оржиць продолжалось успѣшно. Послѣ крайне упорнаго боя наши войска взяли селенія Стегна и Еднорожець и отбили яростную контръ-атаку германцевъ. При этомъ нами было захвачено у нѣмцевъ одно тяжелое и три легкихъ орудія, семь пулеметовъ и до 500 плѣнныхъ. Къ сѣверу отъ линіи Праснышъ—Грудускъ наши войска также одержали частныя успѣхи. На лѣвомъ берегу Вислы непріятель усилилъ артиллерійскій огонь по нашимъ укрѣпленіямъ на Бзурѣ и безрезультатно пытался наступать въ районѣ Пилицы.

Въ Карпатахъ наши войска несмотря на глубокой снѣгу, вьюгу и сильный морозъ успѣшно продолжали наступленіе въ районѣ Смольника и, захвативъ дальнѣйшія непріятельскія позиціи, взяли 2,400 плѣнныхъ съ 36 офицерами и 17 пулеметами. Этотъ успѣхъ, одержанный нами въ районѣ главной австрійской атаки, вынудилъ непріятеля къ отходу на нѣкоторыхъ участкахъ балигородскаго направленія. На ужокскомъ направленіи близъ Яблонки мы также овладѣли непріятельскими окопами. Въ районѣ Завадки и Рожанки непріятельскія атаки продолжаются. Въ Восточной Галиціи бои развивались къ востоку отъ желѣзной дороги Станиславовъ—Коломыя. На разсвѣтъ 1-го марта, идя въ атаку по грудъ въ снѣгу, наша пѣхота овладѣла непріятельскими укрѣпленіями близъ Тарновице—Польно, причѣмъ было захвачено свыше 2,000

¹⁾ Островъ Хуанъ-Фернандецъ принадлежитъ Чили и находится на разстояніи 400 англійскихъ миль отъ Вальпарайза въ Тихомъ океанѣ.

плѣнныхъ съ 20 офицерами и 7 пулеметовъ. Подъ Перемышлемъ происходила артилерійская стрѣльба. Наши войска на сѣверномъ фронтѣ заняли высоты на ружейномъ выстрѣлѣ отъ фортовъ.

3-го марта французское правительство увѣдомило о слѣдующемъ:

«Бельгійскія войска упрочили за въ предшествующіе дни. Англійская армія, взявъ обратно Сентъ-Элуа, заняла вновь и траншеи къ юго-западу отъ этого селенія, заставивъ непріятели очистить траншеи, расположенныя къ юго-востоку и совершенно изрытыя. Въ Шампани мы вновь продвинулись впередъ на сѣверо-востокъ отъ Суэна. Въ Лепретрскомъ лѣсу мы отняли у Германцевъ остальную часть занятыхъ ими вчера утромъ траншей или, точнѣе, пространство, занятое этими траншеями, такъ какъ оборонительныя сооруженія были приведены въ полную негодность взрывами минъ. На склонахъ Большого Рейхаккеркопфа непріятель вчера утромъ атакой отнял у насъ одну траншею, но мы вновь заняли ее, захвативъ при этомъ плѣнныхъ. Въ ночь съ 2-го на 3-е марта непріятель пытался отнять траншеи, потерявныя имъ на выступѣ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, но былъ отбитъ, причемъ мы взяли плѣнныхъ. Въ Шампани, въ районѣ Перта, мы утромъ взорвали фугасъ и заняли воронку, вокругъ которой завязался упорный бой; воронка осталась въ нашихъ рукахъ. Къ сѣверу отъ Босежура мы немного продвинулись впередъ. На Аргонской возвышенности въ теченіе ночи съ 2-го на 3-е марта Германцы произвели контръ-атаку между Фуръ-де-Пари и Болантомъ, а также у Вокюа. Всѣ контръ-атаки были отбиты. Троекратныя попытки непріятели перейти въ наступленіе въ Лепретрскомъ лѣсу были безъ труда остановлены въ самомъ началѣ».

4-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что наше наступленіе по обоимъ берегамъ рѣки Оржица продолжалось развиваться, несмотря на упорное сопротивленіе непріятели. Число взятыхъ нами плѣнныхъ возрастаетъ. У Еднорожеца за два боя нами были захвачено у Германцевъ 17 орудій.

Въ Карпатахъ въ районѣ Раббе наше наступленіе также продолжалось, атаки германцевъ и австрійцевъ на направленіи Стрый—Мункачъ вновь отбиты.

1-го марта на фронтѣ кавказской арміи происходили частичныя столкновенія передовыхъ частей обѣихъ сторонъ. Наши войска успѣшно потѣснили турокъ. Наши войска на приморскомъ направленіи овладѣли селеніемъ Архаве и заняли Верховъ—Яреди—Архаве. На Арданучскомъ и Ольтинскомъ направленіяхъ турки были также сильно потѣснены.

Правительства Даніи, Норвегіи и Швеціи передали Англій и Франціи тождественныя предоставленія по поводу объявленной Германіей блокады. Австрія и Сербія согласились произвести обмѣнъ плѣнныхъ, задержанныхъ съ начала войны. Между болгарской четой и греческими войсками на греческой границѣ около Драмы произошло столкновение.

4-го марта официальное сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Бельгійская армія имѣла дальнѣйшій успѣхъ на р. Изеръ и отбила контръ-атаку германцевъ. На фронтѣ англійскихъ войскъ происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка. Къ сѣверу отъ Арраса непріятель тщетно пытался къ концу дня произвести новую контръ-атаку на траншеи, расположен-

ныя на выступѣ Нотр-Дамъ-де-Лореттѣ. Суассонъ и Реймсъ подверглись бомбардировкѣ, причѣмъ два снаряда попали въ Реймскій соборъ. Въ Шампани, къ сѣверу отъ Мениля и къ западу отъ возвышенности «196», мы захватили находившійся въ рукахъ непріятеля и имѣющій важное значеніе горный гребень на фронтѣ, приблизительно въ 500 метровъ. На Аргонской возвышенности мы отбили нѣсколько контръ-атакъ между Болантомъ и Фуръ-де-Пари. Въ Веврѣ происходилъ артиллерійскій бой. Французскій летчикъ сбросилъ бомбы на казармы въ Кольмарѣ».

«Къ сѣверу отъ Арраса, несмотря на третью контръ-атаку, произведенную непріятелемъ въ ночь съ 3-го на 4-е марта, мы удержались въ траншеяхъ, отнятыхъ у германцевъ на склонахъ возвышенности Нотр-Дамъ-де-Лореттѣ. Въ районѣ Альбера происходили ожесточенные бои за обладаніе воронкой, образованной 2-го марта взрывомъ мины; мы заняли воронку и укрѣпили ея края. Въ Шампани мы имѣли блестящій успѣхъ; непріятель, несмотря на всѣ усилія, ни на одномъ пунктѣ не былъ въ состояніи отбить у насъ хотя бы часть занятаго нами пространства.

«Въ районѣ Перта, несмотря на три непріятельскія контръ-атаки, направленные противъ занятыхъ нами траншей вдоль дороги Пертг-Тауръ, мы продолжали продвигаться впередъ. Занятая нами 3-го марта къ сѣверу отъ Мениля позиція оказалась болѣе обширной, чѣмъ на это указывало предшествовавшее сообщеніе. Дѣйствительно, мы захватили горный гребень протяженіемъ въ 800 метровъ къ западу отъ возвышенности «196», а также площадь къ югу отъ нея глубиной въ 400 метровъ. Это движеніе не только расширяетъ занятые нами позиціи, но открываетъ намъ поле зрѣнія на сѣверные склоны большой возвышенности, простирающейся отъ Перта до Мезонъ-де-Шампань. Непріятель прекрасно понялъ важность этой позиціи, ибо утромъ пытался отбить у насъ утерянное пространство. Контръ-атака его носила крайне ожесточенный характеръ. Въ бою участвовалъ одинъ полкъ ландштурма, поддержанный съ фланговъ гвардейскими частями. Германцы были совершенно уничтожены нашими пулеметами, лишь немногіе вернулись въ свои траншеи, преслѣдуемые нашимъ огнемъ. Такимъ образомъ попытки непріятеля отбить потерянные позиціи имѣли для него послѣдствіемъ лишь значительныя потери.

«На Аргонской возвышенности и въ районѣ Вокуа происходила довольно сильная артиллерійская перестрѣлка; пѣхотныхъ боевъ не было. Всѣ ранѣе занятые нами позиціи были нами упрочены. Въ Ленретрскомъ лѣсу группы германцевъ, которыя еще держались близъ нашихъ траншей въ воронкахъ, произведенныхъ взрывомъ 3-го марта, были окончательно вытѣснены».

5-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о томъ, что на фронтѣ между рѣками Шква и Оржицею, въ районѣ селеній Серафинъ-Тартакъ-Вахъ-Зіомекъ, а также въ районѣ къ сѣверу отъ Прасныша, продолжаютъ бои, имѣвшіе частный характеръ. Мы овладѣли нѣсколькими деревнями и возвышенностями, причѣмъ взяли 5 орудій, 42 пулемета, зарядные ящики и нѣсколько сотъ плѣнныхъ нѣмцевъ. На правомъ берегу Нѣмана велся бой у Таурогена и на германской территоріи, на путяхъ отъ Горжды къ Мемелю. Нами было захвачено здѣсь 2 орудія, четыре пулемета, два грузовыхъ автомобиля съ

боевыми припасами, а также взяты плѣнные. На лѣвомъ берегу Вислы сильный артиллерійскій огонь. На Бзурѣ и въ районѣ Пилицы, у Богуславы, что западнѣе Опочно, и у Лопушно двинувшіяся въ атаку непріятельскія войска были разсѣяны нашимъ огнемъ.

Въ Карпатахъ и Восточной Галиціи положеніе оставалось безъ переменъ. У Оравчика мы уничтожили три атакующія насъ германскія роты, причемъ уцѣлѣвшіе послѣ штыковой атаки нѣмцы въ числѣ трехъ офицеровъ и 93 нижнихъ чиновъ были взяты въ плѣнъ.

5-го марта французское правительственное сообщеніе гласило:

«Бельгійская армія продолжала продвигаться впередъ на р. Изерѣ; ея артиллерія обстрѣляла непріятельскій транспортъ на дорогѣ изъ Диксмуде на Эссенъ. На пространствѣ между р.р. Лисомъ и Уазой происходилъ артиллерійскій бой; непріятель бомбардировалъ главнымъ образомъ выступъ Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ, а также селенія Карнуа и Марикуръ. Въ Шампани не произошло ничего новаго. Въ Лотарингіи происходила артиллерійская перестрѣлка. Одинъ изъ нашихъ летчиковъ бомбардировалъ желѣзнодорожную станцію въ Конфланъ».

«Германскій щепелинъ сбросилъ бомбы на Кале. Онъ мѣтилъ въ вокзалъ, но не причинилъ никакихъ серьезныхъ разрушеній, убивъ, однако, семь служащихъ. Въ Шампани мы имѣли значительный успѣхъ въ направленіяхъ къ западу, сѣверу и востоку отъ возвышенности «196» и къ сѣверо-востоку отъ Мениля. Непріятельская контръ-атака была отбита. Наше продвиженіе впередъ продолжалось въ восточномъ направленіи въ оврагѣ, который идетъ отъ возвышенности «196» къ Босежуру. Въ лѣсу Консанвуа, на сѣверо-востокъ отъ Вердена, мы заняли двѣ германскія траншеи и захватили плѣнныхъ. У Гартмансвейлеркопфа мы еще нѣсколько продвинулись впередъ. Потери непріятеля здѣсь были весьма велики; его траншеи переполнены трупами».

6-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на лѣвомъ берегу Нѣмана мы заняли съ боемъ Вейсее. Наша конница преслѣдовала отходившихъ на Сейны Германцевъ. На праснышскомъ и остроленскомъ направленіяхъ продолжались частные бои за отдѣльныя селенія и возвышенности. Въ Карпатахъ 5-го марта непріятель безуспѣшно велъ атаки на наши позиціи на фронтѣ Цѣнжковице—Горлице—Ропица-Русская и на направленіи Мункачъ—Стрый.

6-го марта великобританское адмиралтейство извѣстило о томъ, что англійскіе броненосцы «Irresistible» и «Ocean», а также французскій броненосецъ «Bouvet» потоплены минами въ Дарданеллахъ. Потери людьми у англичанъ незначительны; экипажъ же французскаго броненосца почти весь погибъ.

Послѣ того, какъ за послѣдніе десять дней союзныя морскія силы неустанно вылавливали мины внутри проливовъ, 5-го марта въ 10 час. 45 мин. утра англійскій и французскій флоты начали общую атаку укрѣпленій и въ узкомъ проходѣ Дарданеллъ. «Queen Elisabeth», «Inflexible», «Agamemnon» и «Lord Nelson» бомбардировали форты Килидъ-Баръ и Чанакъ-Келеси, въ то же время, какъ «Triumph» и «Prince George» открыли огонь по батареямъ укрѣпленій Дарданосъ. Непріятельскія гаубицы и полевые орудія открыли сильный огонь по судамъ.

Въ 12 час. 22 мин. французская эскадра, состоящая изъ судовъ «Suffren», «Gaulois», «Charlemagne» и «Bouvet», продвинулась глубже въ проливъ и атаковала форты въ близкомъ разстояніи. Форты Килидь-Баръ и Намазіе отвѣчали сильнымъ огнемъ, однако они приведены къ молчанію десятью броненосцами, находившимися внутри проливовъ; всѣ суда потерпѣли нѣсколько поврежденій въ теченіе этого фазиса боя.

Въ 1 часъ 25 минутъ дня всѣ форты прекратили огонь; тогда суда «Vengeance», «Irresistible», «Albion», «Ocean», «Swiftsure» и «Majestic» подошли, чтобы смѣнить шесть броненосцевъ внутри проливовъ. Въ тотъ моментъ, когда французская эскадра, блестяще атаковавшая форты, направлялась къ выходу изъ проливовъ, броненосецъ «Bouvet» былъ взорванъ плившей по теченію миною и затонулъ менѣе чѣмъ въ три минуты на глубинѣ 36 сажень къ сѣверу отъ селенія Арень. Въ 2 ч. 36 мин. подошедшіе на смѣну броненосцы возобновили атаку фортовъ, которые вновь открыли огонь. Атака фортовъ продолжалась и одновременно съ этимъ происходило вылавливаніе минъ. Въ 4 ч. 9 мин. броненосецъ «Irresistible» вышелъ изъ боевой линіи съ сильнымъ креномъ и затонулъ въ 5 час. 50 мин. дня, наткнувшись, по всей вѣроятности, на плившую по теченію мину. Въ 6 час. 5 мин. дня броненосецъ «Ocean» также наткнулся на мину; оба судна затонули на глубокомъ мѣстѣ. Экипажи съ этихъ судовъ почти въ полномъ составѣ благополучно сняты подъ огнемъ неприятельской артиллеріи.

Броненосецъ «Gaulois» поврежденъ артиллерійскимъ огнемъ. На броненосцѣ «Inflexible» крупнымъ снарядомъ поврежденъ передній мостикъ. Судно это требуетъ починки. Бомбардировка фортовъ и вылавливаніе минъ были прекращены по наступленіи сумерекъ. Размѣры поврежденій, причиненныхъ фортамъ продолжительнымъ и прямымъ огнемъ большихъ морскихъ силъ, еще не выяснены; объ этомъ послѣдуютъ дальнѣйшія донесенія. Гибель судовъ была вызвана минами, плившими по теченію и встрѣченными въ зонахъ, которыя до этого были совершенно очищены отъ нихъ. Эта опасность потребуетъ особыхъ мѣръ. Потери людьми на англійскихъ судахъ незначительны, если принять въ соображеніе размѣръ операций. Зато весь экипажъ броненосца «Bouvet» погибъ вмѣстѣ съ судномъ; по всей вѣроятности, взрывомъ мины былъ вызванъ взрывъ внутри судна.

Суда «Queen» и «Implacable», которыя были отправлены изъ Англій для смѣны потерпѣвшихъ судовъ, въ предвидѣніи происшедшаго нынѣ боя, должны явиться на мѣсто немедленно; съ ихъ прибытіемъ британскому флоту возвратится его прежняя сила. Операция продолжается, такъ какъ у союзниковъ на мѣстѣ имѣются большія морскія силы».

Французское морское министерство 6-го марта сообщило слѣдующее о положеніи дѣлъ въ Дарданеллахъ:

«Во время операций въ Дарданеллахъ 5-го марта морскія силы союзниковъ подверглись крайне сильному артиллерійскому огню и, кромѣ того, нѣкоторыя суда наткнулись на пловучія мины въ проливѣ. Французскіе и англійскіе броненосцы подвергли сильной бомбардировкѣ форты Килидь-Баръ, Чадакъ-Келеси, Суандерэ, Дарданосъ и мысъ Кефесъ. Достигнутые въ теченіе этого жаркаго дня результаты стоили союзникамъ значительныхъ потерь; такъ, броненосецъ «Bouvet» затонулъ отъ взрыва мины, «Gaulois» выбылъ на время изъ строя

вслѣдствіе аварій, причиненныхъ непріятельскимъ огнемъ. Англійскій флотъ точно также понесъ потери; два изъ его броненосцевъ потоплены минами. Однако, какъ бы ни были тяжелы эти потери, онѣ не остановятъ хода военныхъ дѣйствій. Немедленно по полученіи извѣстій о случившемся съ броненосцемъ «Bouvet» морской министръ телеграфировалъ командиру броненосца «Henri quatre», находящемуся у береговъ Сиріи, заступитъ его мѣсто.

Генераль-маіоръ М. Д. Бончъ-Бруевичъ.
Герой войны.

На сухопутномъ западно-европейскомъ фронтѣ положеніе дѣль, согласно сообщенію французскаго правительства отъ 6-го марта, было слѣдующее:

«Въ долину рѣки Эна происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой. Въ Шампани, у возвышенности «96», къ сѣверо-востоку отъ Мениля, непріятель послѣ предварительнаго сильнаго артиллерійскаго обстрѣла нашей позиціи, произвелъ пѣхотную атаку, которая была отбита нами съ большими для него потерями».

«Истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сжл.

11

«У Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ мы завладѣли соединительными ходами, спустившимися отъ траншей на гребнѣ возвышенности, взятыхъ нами уже ранѣе, къ селенію Абленъ; перебивъ и прогнавъ часть находившихся въ нихъ германцевъ и взявъ въ плѣнъ остальныхъ, мы уничтожили эти ходы. На Аргонской возвышенности, между Волаптомъ и Фуръ-де-Пари, послѣ весьма ожесточеннаго боя мы продвинулись приблизительно на 150 метровъ. Въ лѣсу Консанвуа мы прошлою ночью отбили контръ-атаку германцевъ и удержались на позиціи, занятой нами 5-го марта. У Эпаржа мы захватили восточный выступъ германской позиціи, на которой неприятелю удавалось держаться со времени боевъ въ прошломъ мѣсяцѣ. Здѣсь мы отбили двѣ контръ-атаки въ теченіе дня и третью въ теченіе ночи».

7-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о томъ, что на правомъ берегу Нѣмана германцы послѣ боя отброшены изъ Таурогена за нашу границу. Другой нашъ отрядъ стремительнымъ наступленіемъ достигъ Мемеля въ 8 часовъ вечера 5-го марта и послѣ уличнаго боя, въ которомъ приняли участіе и жители, овладѣлъ городомъ.

На лѣвомъ берегу Нѣмана боями послѣднихъ дней неприятель былъ вынужденъ очистить посадъ Пильвишки и мѣстность къ востоку отъ линіи Озеро—Дуся—Конціово. На правомъ берегу Нарева бои сохраняютъ частный характеръ. Атака, предпринятая германцами отъ Мышница въ направленіи на Кадзидло, окончилась для нихъ полной неудачей. Германцы вели наступленіе густыми колоннами и понесли огромныя потери. На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ переменъ.

Въ Карпатахъ, по дополнительнымъ донесеніямъ за 5 марта, при нашей контръ-атакѣ въ районѣ къ югу отъ Цѣнжковице, мы нанесли жестокое пораженіе 39-й гонведной дивизіи. Въ районѣ къ югу отъ Горлицы, перейдя въ контръ-атаку противъ наиболѣе энергично атаковавшихъ австрійскихъ частей, мы взяли свыше 800 плѣнныхъ. Близъ Молдавско мы захватили укрѣпленную неприятелемъ высоту. Контръ-атаки неприятеля, равно какъ и повторныя его атаки въ районѣ Рожанки остались безуспѣшными.

Въ Восточной Галиціи бой шелъ къ сѣверу отъ Надворной. Противникъ занималъ сильно укрѣпленную позицію.

Подъ Перемышлемъ съ утра 5-го марта неприятель открылъ огонь по нашимъ позиціямъ и продолжалъ его съ огромнымъ небывалымъ еще до настоящаго времени расходомъ боевыхъ припасовъ въ теченіе всей ночи. Въ 5 часовъ утра 6-го марта большія силы гарнизона предприняли рѣшительную вылазку въ восточномъ направленіи на фронтъ Медыка—Быковъ—Плешовице. Къ 2 часамъ дня, не достигнувъ нашихъ окоповъ и понеся подъ нашимъ огнемъ огромныя потери, неприятель былъ отброшенъ на линію фортовъ. Нами было взято до 3,000 плѣнныхъ съ 78 офицерами и 7 пулеметами, принадлежащихъ къ составу 23-й гонведной дивизіи, образующей ядро гарнизона. По дополнительно поступившимъ даннымъ вылазка изъ Перемышля 6-го марта была произведена всею 23-й гонведной дивизіей въ составѣ 2, 5, 7 и 8 полковъ. При отбитіи вылазки нами взято въ плѣнъ 107 офицеровъ, въ томъ числѣ командиръ 2-го гонведнаго полка, и 3,954 нижнихъ чина; кромѣ того, захвачено 16 пулеметовъ. Потери названной

гонведной дивизіи убитыми и ранеными, по показанію всѣхъ плѣнныхъ, огромны.

7-го марта пришли извѣстія съ австро-сербскаго театра войны. Здѣсь 3-го марта утромъ происходилъ близъ Вѣлграда краткій артиллерійскій бой, въ которомъ и на этотъ разъ сербская артиллерія доказала свое превосходство. Стрѣльба непріятельской артиллеріи осталась безрезультатной, хотя непріятель и пользовался орудіями крупнаго калибра. Въ то же время происходилъ артиллерійскій бой въ направленіи Оршавы, гдѣ сербская артиллерія разрушила большое количество судовъ, собранныхъ въ гавани Ада-Кале, гдѣ затонулъ понтонъ. Въ тотъ же день, около 8 часовъ вечера, въ направленіи Смедерева начался артиллерійскій поединокъ, но непріятельская артиллерія вскорѣ была приведена къ молчанію, благодаря точности стрѣльбы сербовъ.

На сербскій постъ Раянцы напала чета изъ 30 человекъ и, захвативъ имущество и одного плѣннаго, перешла границу. Австріяцы организуютъ покушенія и одѣляютъ четниковъ оружіемъ и деньгами.

7-го марта французское правительство официально сообщило о слѣдующемъ: «У Лабуассель, къ сѣверо-востоку отъ Альбера, германцы послѣ сильной бомбардировки пытались произвести ночную атаку, которая была отбита нами съ нанесеніемъ непріятелю значительныхъ потерь. Въ Шампани непріятель произвелъ контръ-атаку на западъ отъ Перта, но былъ отбитъ. Наша артиллерія обстрѣляла скопленіе германскихъ войскъ, которыя понесли большія потери. На Аргонской возвышенности, въ направленіи Боланта, происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой, но пѣхота атакъ не производила. У Эпаржа мы продолжали продвигаться впередъ. Отбивъ здѣсь двѣ контръ-атаки, мы захватили большую часть германской позиціи, изъ-за которой въ послѣдніе два дня происходили бои. Непріятель трижды ходилъ въ контръ-атаку, но не добился никакихъ результатовъ, оставивъ на мѣстѣ много убитыхъ. Мы захватили плѣнныхъ. Къ югу отъ Эпаржа, въ Бушотскомъ лѣсу, мы отбили непріятельскую контръ-атаку. Въ Веврѣ, въ Мормарскомъ лѣсу, огнемъ нашей артиллеріи разрушенъ блокгаузъ и взорваны нѣсколько зарядныхъ ящиковъ и складовъ боевыхъ припасовъ. Въ Лепретрекомъ лѣсу мы нѣсколько продвинулись впередъ.

«Морской министръ отправилъ командующему морской дивизіей въ Дарданеллахъ адмиралу Гепратту телеграмму, въ которой онъ отъ своего имени и отъ имени правительства поздравляетъ его и находящихся подъ его начальствомъ офицеровъ и матросовъ съ проявленнымъ ими мужествомъ, и соболѣзнуетъ по случаю потерь, понесенныхъ въ славномъ бою. Министръ высказываетъ свое твердое убѣжденіе въ конечномъ успѣхѣ, благодаря энергіи и усиліямъ штабовъ и экипажей».

8-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что къ западу отъ Средняго Нѣмана наше наступленіе продолжается успѣшно.

На остальныхъ фронтахъ праваго и лѣваго берега Вислы и въ Восточной Галиціи безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ значительный успѣхъ одержанъ нашими войсками въ районѣ Свидника и Смольника, гдѣ мы овладѣли нѣкоторыми участками главной не-

пріятельской позиціи, причѣмъ нами взято 2.400 плѣнныхъ съ 46 офицерами и захвачены два орудія и пять пулеметовъ.

Всѣ атаки непріятеля на ужокскомъ и мункачскомъ направлеціяхъ нами успѣшны отражены.

Подъ Перемышлемъ продолжается энергичный артиллерійскій бой. На западномъ фронтѣ нами занято селеніе Красичинъ. На всемъ обводѣ крѣпости гарнизонъ отбѣсненъ на линію фортовъ.

8-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующія объявленія:

I.

Въ официальномъ сообщеніи германской главной квартиры отъ 6-го марта о движеніи русскихъ войскъ къ Мемелю заключается угроза репрессіями по отношенію къ занятымъ непріятелемъ русскимъ городамъ и селеніямъ за убытки, которые можетъ понести населеніе района Мемеля.

Объявляется во всеобщее свѣдѣніе, что городъ Мемель непосредственно оборонялся вооруженной силой непріятеля и на улицахъ его велся бой. Въ этомъ бою приняло участіе и гражданское населеніе города, чѣмъ наши войска были вынуждены примѣнить соответственные способы воздѣйствія. Такимъ образомъ, если германскія войска приведуть въ исполненіе свои угрозы по отношенію къ мирному населенію занимаемыхъ ими русскихъ областей, то дѣйствія германскихъ войскъ будетъ надлежать разсматривать не какъ репрессію, а какъ самостоятельные поступки, нравственная отвѣтственность за послѣдствія коихъ будетъ лежать на германцахъ.

II.

Съ начала войны принять рядъ мѣръ для сохраненія въ тайнѣ всѣхъ свѣдѣній о расположеніи и дѣйствіяхъ нашихъ войскъ. Но для того, чтобы эти мѣры были возможно болѣе дѣйствительны, необходимо, чтобы само общество шло навстрѣчу предъявляемымъ къ арміи и народу требованіямъ о сохраненіи военной тайны. Весьма возможно, что много свѣдѣній съ театра военныхъ дѣйствій, оглашеніе которыхъ нежелательно, несмотря на всѣ цензурныя и другія мѣры, все же дѣлается достояніемъ семьи и общества изъ писемъ, разсказовъ раненыхъ и пріѣзжающихъ, а равно другими путями, и при неосторожномъ и неосмотрительномъ отношеніи свѣдѣнія эти затѣмъ легко могутъ распространяться во всеобщее свѣдѣніе. Всѣмъ чинамъ дѣйствующей арміи строжайше предписано быть сдержанными и осторожными въ своихъ письмахъ и разговорахъ, теперь же представляется необходимымъ обратиться съ просьбой о томъ же и къ обществу, ибо только благожелательное отношеніе самого общества можетъ ефдѣйствовать сохраненію военной тайны въ полной мѣрѣ.

Жены, сестры, матери, отцы, братья, родные и знакомые нашихъ доблестныхъ воиновъ приглашаются избѣгать всякихъ письменныхъ сообщеній, разговоровъ по телефону, въ трамваяхъ и общественныхъ мѣстахъ о расположеніи нашихъ войскъ, нашихъ боевыхъ дѣйствіяхъ и вообще о тѣхъ свѣдѣніяхъ изъ дѣйствующей арміи, которыми они располагаютъ помимо печати, памятуя, что всякая неосторожность въ этомъ отношеніи грозитъ лишними жертвами и тормозитъ ту великую работу, которую въ сознаніи своего долга исполняетъ наша армія. Надо слѣдить не только за собой, но и другъ за другомъ, удерживая легкомысленныхъ отъ излишней откровенности, которая, переходя извѣстныя границы, является уже преступленіемъ противъ государства, подлежащимъ отвѣтственности по закону.

8-го марта британское адмиралтейство извѣстило о томъ, что неблагоприятная погода прервала операціи въ Дарданеллахъ; производство развѣдокъ гид-

ропланами сдѣлалось невозможнымъ, вслѣдствіе чего нельзя еще опредѣлить размѣры поврежденій, причиненныхъ фортамъ бомбардировкой 5-го марта. Во всякомъ случаѣ нельзя возлагать большія надежды на результаты боя, такъ какъ вслѣдствіе потерь, причиненныхъ пловучими минами, союзники не прилагали усилій къ доведенію боя до конца. Повидимому, вновь флотъ доведенъ до состава, который дастъ ему возможность одолѣть укрѣпленія превосходствомъ силы своего артиллерійскаго огня. Флоту приходится преодолевать еще другія затрудненія и опасности, но во всякомъ случаѣ не произошло ничего такого, что могло бы дать поводъ къ предположенію, что потери, вызванныя операціями, превосходятъ сообщенные размѣры. Съ англійской стороны потери людьми составляютъ 60 человекъ убитыми, ранеными и пропавшими безъ вѣсти. Адмиралъ Робекъ отзывается съ большой похвалой о блестящихъ дѣйствіяхъ французской эскадры, которую, невзирая на тяжелыя потери, адмиралъ Гепраттъ доблестно повелъ въ бой на близкомъ разстояніи.

8-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Неприятель вновь бомбардировалъ соборъ въ Суассонѣ, выпустивъ по немъ 27 снарядовъ. Соборъ сильно пострадалъ; на немъ, вопреки утвержденіямъ германцевъ, не былъ устроенъ наблюдательный пунктъ и не вывѣшивался флагъ Краснаго Креста.

«Въ Шампани вечеромъ 7-го марта мы нѣсколько продвинулись впередъ къ востоку отъ возвышенности 196, къ сѣверу-востоку отъ Мениля. Въ теченіе 8-го марта происходила лишь артиллерійская перестрѣлка. На Аргонской возвышенности въ теченіе всего дня происходила ружейная перестрѣлка; пѣхота въ атаку не ходила.

«У Эпаржа мы удержали за собой занятія нами вчера позиціи, несмотря на двѣ ожесточенныя атаки неприятеля, отбитыя нами съ тяжелымъ урономъ для германцевъ. Въ Вогезахъ, усугубивъ за вчерашній день Большой и Малый Рейхаккеркопфъ, мы вновь заняли второй и повели контръ-атаку съ цѣлью отбить первый. Бой продолжался.

«Германскіе цеппелины въ числѣ четырехъ показались надъ Парижемъ между 1 ч. 15 мин. и 3 ч. утра. Цеппелины летѣли въ направленіи отъ Компьена вдоль долины рѣки Уазы. Два изъ нихъ были вынуждены, не долетѣвъ еще до Парижа, свернуть въ сторону, остальные же два, атакующие артиллеріей укрѣпленій, успѣли пролетѣть лишь надъ сѣверо-западными окраинами Парижа и мѣстностью, прилегающей къ пригородамъ. Дирижабли удалились, сбросивъ около 12 бомбъ, изъ коихъ нѣкоторыя не взорвались. Причиненныя ими разрушенія незначительны; 7 или 8 человекъ были ранены, причѣмъ лишь одно лицо серьезно. Съ нѣсколькихъ постовъ защиты отъ воздухоплавательныхъ аппаратовъ былъ открытъ огонь по цеппелинамъ, непрерывно освѣщавшимся прожекторами. Повидимому, одинъ изъ цеппелиновъ получилъ поврежденія. Поднявшемуся для преслѣдованія неприятеля отрядѣ аэроплановъ туманъ помѣшалъ настичь цеппелины. Такимъ образомъ, набѣгъ цеппелиновъ на Парижъ окончился полной неудачей и далъ возможность убѣдиться въ безукоризненномъ функціонированіи всей организациі защиты столицы. Населеніе города обнаружало полное спокойствіе во время полета дирижаблей. На обратномъ пути цеппелины

ислины сбросили надъ Компьеномъ 12 бомбъ, причинившихъ лишь незначительныя матеріальныя поврежденія. Три другія бомбы упали въ Рибекуръ и Дроленкуръ, къ сѣверу отъ Компьена, но не причинили никакого вреда.

9-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго обрадовалъ Россію давно и съ нетерпѣніемъ ожидавшеюся вѣстью о взятіи нами доблестными войсками Перемышля:

«Сегодня утромъ 9-го марта крѣпость Перемышль сдалась нашимъ войскамъ. На ставкѣ въ присутствіи Его Величества, верховнаго главнокомандующаго и всего штаба отслужено благодарственное молебствіе.

«Государь Императоръ 9-го сего марта Высочайше соизволилъ пожаловать по случаю радостнаго событія сдачи крѣпости Перемышль нашимъ войскамъ Верховному Главнокомандующему его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу орденъ св. Георгія 2-й степени и командующему арміей генералу-отъ-инфантеріи Селиванову орденъ св. Георгія 3-й степени.

Утромъ въ ставкѣ верховнаго главнокомандующаго получено было извѣстіе о взятіи нашими доблестными войсками долго сопротивлявшагося Перемышля. Быстро разнеслась въ ставкѣ эта давножданная радостная вѣсть. Въ два часа дня было назначено въ походной церкви благодарственное молебствіе. У входа въ церковь ожидали прибытія Государя Императора верховный главнокомандующій, великіе князья Петръ Николаевичъ и Георгій Михайловичъ и весь штабъ верховнаго главнокомандующаго. Показался царскій автомобиль. Дружное ура вырвалось у всѣхъ присутствовавшихъ при видѣ своего Верховнаго Воздья. Государь Императоръ былъ въ формѣ лейбъ-гвардіи казачьяго Своего Имени полка, въ шинели солдатскаго сукна. Его Величество милостиво отвѣчалъ на привѣтствія. Протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства Шавельскій встрѣтилъ Государя Императора крестомъ и святой водой и привѣтствовалъ Его Величество словомъ, посвященнымъ радостному событію. Горячо молились всѣ. При пѣніи «Вѣчная память» навшимъ героямъ Государь Императоръ, великіе князья и вся церковь опустили на колѣни. Его Величество приложился къ чудотворной иконѣ Явленіе Божіей Матери преподобному Сергію, сопровождавшей русскія войска во всѣхъ военныхъ походахъ со временъ царя Алексѣя Михайловича. Кончилась служба. Между тѣмъ вдоль царскаго проѣзда построились шпалерами при офицерахъ нижніе чины воинскихъ частей, находящихся въ ставкѣ. Государь Императоръ съ верховнымъ главнокомандующимъ, великими князьями, свитою и высшими чинами штаба, выйдя изъ церкви, прошелъ пѣшкомъ въ поѣздъ при восторженныхъ кликахъ ара.

На имя его императорскаго высочества великаго князя Николая Николаевича Государь Императоръ направилъ слѣдующій высокомиловитивый рескриптъ:

«Ваше императорское высочество. Сегодня, 9-го марта, первоклассная австрійская крѣпость Перемышль, осажденная нашими славными войсками, пала. Гарнизонъ ея, въ составѣ 9 генераловъ, 2,593 штабъ- и оберъ-офицеровъ и болѣе 117,000 нижнихъ чиновъ, сдался, принявъ всѣ поставленныя ему условія.

«Такой блестящій результатъ, при самыхъ ничтожныхъ потеряхъ съ нашей стороны, достигнутъ нашими войсками, благодаря вашему общему, сообра-

женному со всей обстановкой руководить, исключительной энергии, непоколебимой твердости и мужеству вашего императорского высочества.

«Высоко цѣня ваши плодотворные труды какъ верховнаго главнокомандующаго, пожаловали Мы васъ, въ ознаменованіе столь радостнаго событія и въ знакъ особаго благоволенія къ Нашей славной арміи, руководимой вашимъ императорскимъ высочествомъ, кавалеромъ Императорскаго военнаго ордена Нашего святаго великомученика и побѣдоносца Георгія второй степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ возложить на себя и носить по установленію.

«Пребываемъ къ вамъ навсегда неизмѣнно благосклонны.

«На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ».

«9-го марта 1915 года. Ставка».

На другихъ фронтахъ, по сообщенію штаба верховнаго главнокомандующаго отъ 9-го марта, положеніе дѣлъ было слѣдующее:

Отъ Нѣмана до Вислы и на лѣвомъ берегу названной рѣки безъ существенныхъ перемѣнъ. Наши войска, наступавшія отъ Таурогена, овладѣли съ боемъ Лаукзаргеномъ, гдѣ захватили плѣнныхъ, а равно складъ боевыхъ припасовъ и инженернаго имущества.

Въ Карпатахъ продолжались упорные бои на путяхъ къ Бартфельду въ долинахъ Ондавы, Лаборчи, близъ Лупковскаго перевала и на лѣвомъ берегу Верхняго Сана. Наши войска успѣшно продвигаются впередъ, прокладывая себѣ дорогу огнемъ и штыками. За сутки нами было взято 2,500 плѣнныхъ съ 50 офицерами и 4 пулеметами. На мункачскомъ направленіи густыя колонны германцевъ атаквали наши позиціи у Росохача, Оравчика и Козювки, но повсюду были отбиты нашимъ огнемъ и контръ-атаками. При этомъ германцы понесли жестокія потери. Въ Восточной Галиціи свирѣпствовала снѣжная метель.

На Кавказскомъ фронтѣ 7-го марта наши войска съ успѣхомъ отразили попытки турокъ въ Приморскомъ районѣ перейти въ наступленіе. На Чорохѣ послѣ боя турки были отброшены къ Артвину. Въ районѣ между Арданучемъ и Ольтами турецкія части значительно потѣснены къ западу. Въ Алашкертской долинѣ также происходило столкновеніе между нашими и турецкими войсками, причемъ наши войска съ боемъ заняли два важныхъ пункта, обративъ турокъ въ бѣгство.

Въ Петроградѣ, Москвѣ и во всей Россіи имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ восторженныхъ патріотическихъ манифестацій по поводу взятія Перемышля.

9-го марта французское правительственное сообщеніе гласило слѣдующее:

«На возвышенности Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ въ нашихъ рукахъ находится нынѣ вся линія траншей, изъ-за которой за послѣдніе дни происходили бои, за исключеніемъ участка въ десять метровъ, еще занятаго Германцами. У Эпаржа непріятель пять разъ ходилъ въ контръ-атаку, стремясь отнять у насъ занятые нами позиціи, но потерпѣлъ полную неудачу. Къ сѣверу отъ Бадонвилера мы продвинулись впередъ. Вслѣдствіе своихъ неудачъ у Лабуассель

германцы обстрѣливали гражданскій госпиталь въ Альберфъ, несмотря на то, что надъ зданіемъ его развѣвался флагъ Краснаго Креста. Ихъ артиллерія открыла огонь послѣ того, какъ аэропланъ произвелъ развѣдку. Въ госпиталь попало нѣсколько снарядовъ; убито пять стариковъ и нѣсколько ранено; завѣдующая госпиталемъ тяжело нанена.

«Французскія воздушныя силы энергично и съ успѣхомъ отвѣтили на набѣгъ цепелиновъ на Парижъ въ ночь съ 7-го на 8-ое марта. Такъ, въ Бельгіи въ воскресенье было сброшено 20 бомбъ на аэродромъ, расположенный у желѣзнодорожной линіи и на станціи Лихтерфельде и Эссенъ. Одинъ изъ летчиковъ преслѣдовался ружейными выстрѣлами вплоть до Рулера. На вокзалы въ Меркенъ и въ Вифврегъ было сброшено десять бомбъ 90-миллиметроваго калибра. Далѣе къ югу, близъ Лабассэ, была устроена погоня за двумя неприятельскими аэропланами, которые были вынуждены вернуться въ линію расположенія германскихъ войскъ. Мы успѣшно бомбардировали вокзалъ въ Руа. Въ долину рѣки Эна одинъ летчикъ былъ обращенъ въ бѣгство двумя нашими аэропланами. Въ Шампани было выпущено 500 стрѣлъ въ германскій привязной шаръ; кромѣ того, было сброшено нѣсколько снарядовъ на вокзалъ въ Базенкуръ и на неприятельскія батареи у Бримона и Вельи. Германскій летчикъ подвергся преслѣдованію на сѣверѣ отъ Реймса. Въ Эльзасѣ пилотъ сержантъ Фальзь и подпоручикъ Моро сбили аэропланъ на желѣзной дорогѣ къ западу отъ Кольмара. Шесть бомбъ было сброшено на вокзалъ въ Сернэ. Казарма въ Мюльгеймѣ и вокзалъ въ Альткирхѣ были успѣшно бомбардированы съ аэроплановъ.

«Въ Бельгіи наши летчики бомбардировали вокзалъ въ Стаденъ близъ Рулера и нѣсколько лагерныхъ расположеній. Нѣсколько бомбъ было удачно сброшено на аэродромъ въ Брюкетто близъ Валансьена. Въ районѣ рѣки Эна наши летчики причинили поврежденія казармъ въ Лафетъ и зданіямъ вокзаловъ въ Анизи, Шони, Тернье и Куси-ле-Шато.

«Въ Шампани аэродромъ и склады боевыхъ припасовъ въ Понтъ-Фавержъ повреждены нѣсколькими снарядами 90-миллиметроваго калибра, сброшенными въ теченіе дня и ночи. На вокзалъ въ Конфланъ-Жарни и сосѣднія желѣзнодорожныя линіи было сброшено 40 снарядовъ, причемъ здѣсь удалось удостовѣриться въ успѣшныхъ результатахъ бомбардировки.

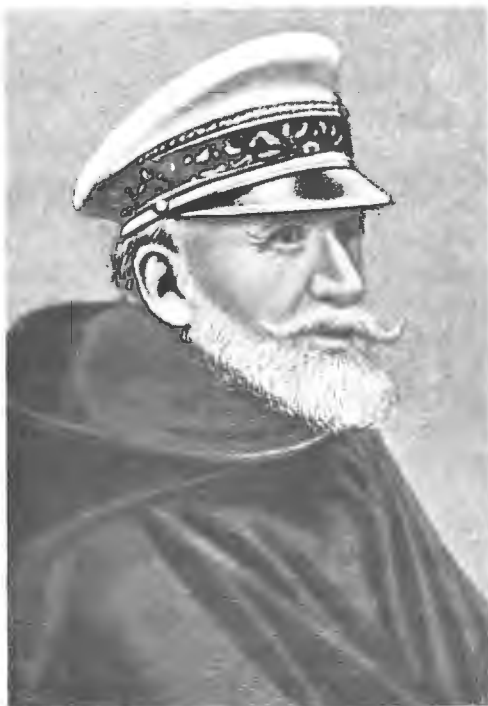
«Въ казармы и въ вокзалъ во Фрейбургѣ (Freiburg im Breisgau) попало восемь снарядовъ. 9-го марта, въ 8 часовъ 50 минутъ вечера было сброшено три бомбы на Вилеркотерэ; въ то же время здѣсь былъ усмотрѣнъ цеппелинъ, направлявшійся къ западу; немедленно объ этомъ былъ сообщено въ Парижъ, гдѣ были приняты надлежащія мѣры.

«По городу Реймсу было выпущено неприятелемъ около 50 снарядовъ. На Аргонской возвышенности мы нанесли неприятелю два пораженія. Такъ, близъ Багатель мы взорвали три мины, послѣ чего двѣ роты взяли приступомъ германскія траншеи, въ которыхъ удержались, несмотря на сильную контръ-атаку. Въ 50 метрахъ отъ этого мѣста неприятель взорвалъ двѣ мины, подвергъ наши траншеи бомбардировкѣ и затѣмъ бросился въ атаку на фронтъ въ 250 метровъ. Послѣ ожесточеннаго рукопашнаго боя нападавшіе были отброшены, несмотря

на полученное ими подкрѣпленіе. При отступленіи германцы попали подъ огонь нашей артиллеріи, нанесшей имъ весьма тяжелыя потери».

10-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что нашъ отрядъ, произведшій поиски на Мемель, отошелъ на нашу территорію. На лѣвомъ берегу Нѣмана въ районѣ Маріамполя мы отразили атаку германцевъ съ большими для нихъ потерями. На шоссе Кальварія—Сувалки близъ Шиплишки наша конница, воспользовавшись темнотой и снѣжной метелью, врुбилась въ германскій обозъ, уничтожила часть прикрытія, захвативъ остат-

Вице-адмиралъ Буэ-де-Лапейерръ, командующій морскими силами союзниковъ въ Средиземномъ морѣ.

ки послѣдняго въ плѣнъ. Нами взято было большое количество повозокъ съ провіантомъ.

Артиллерія Оссовца достигла существенныхъ результатовъ. Огонь германскихъ батарей по крѣпости значительно ослабѣлъ. На прочихъ участкахъ на правомъ берегу Нарева и на лѣвомъ берегу Вислы безъ особыхъ переменъ.

Въ Карпатахъ наши войска продолжали успѣшно продвигаться на фронтъ отъ Дуклинскихъ проходовъ до Верхняго Сана, причемъ нами взято до 3.500 плѣнныхъ съ 16 пулеметами и три орудія. Атаки непріятели на Ужокскомъ направленіи отражены.

Комендантъ крѣпости Перемышля, генераль Кусманекъ, согласился на наше требованіе о безусловной сдачѣ крѣпости и гарнизона. По его даннымъ, составъ сдавагося гарнизона опредѣляется въ 9 генераловъ, 93 штабъ-офицера, 2.500 оберъ-офицеровъ и чиновниковъ и 117.000 нижнихъ чиновъ. Наши войска были введены въ крѣпость и заняли укрѣпленія. Приступлено къ приему и провѣркѣ плѣнныхъ, а также выясненію перешедшей въ наши руки артиллеріи и прочаго имущества.

8-го марта шель бой между нашими и турецкими войсками въ Зачорохскомъ краѣ и въ Алашкертекой долинь.

10-го марта французское правительство увѣдомило о томъ, что нѣмцы бомбардировали Реймсъ, причемъ германскіе авіаторы сбрасывали бомбы, которыми убито трое гражданъ. Въ Шампани французы слегка продвинулись впередъ на востокъ отъ возвышенности «196». Въ Шампани непріятель бомбардировалъ взятые французами за послѣдніе дни позиціи, но въ атаку не ходилъ. Въ Аргоннахъ около Багателль, непріятель произвелъ дважды ожесточенныя контръ-атаки въ цѣляхъ вернуть обратно потерянное имъ передъ тѣмъ пространство. Атаки эти были успѣшно отражены французами.

Въ Бельгій, въ районѣ Ньюпорта, огнемъ французской артиллеріи уничтожено было нѣсколько наблюдательныхъ постовъ и опорныхъ пунктовъ непріятеля; было видно, какъ занимавшіе эти пункты германцы убѣгали. Къ сѣверо-западу отъ Арраса, у Каранси, французы заняли одну германскую траншею и уничтожили ее, взявъ плѣнныхъ.

У Суассона непріятель сдѣлалъ вновь попытку бомбардировать городъ, но былъ тотчасъ же остановленъ нашей артиллеріей.

Въ Вокюа, близъ церкви, германцы обдали одну изъ французскихъ траншей горячей жидкостью; здѣсь мы отошли на 15 метровъ. У Эпаржа непріятель произвелъ двѣ атаки, которыя были тотчасъ же остановлены. На Гартмансвейлеркопфѣ французы заняли нѣсколько линій траншей и одинъ блокгаузъ.

10-го марта великобританское правительство оповѣстило о томъ, что на зарѣ 9-го марта одинъ изъ англійскихъ патрулей обнаружилъ небольшой отрядъ непріятеля близъ Эль-Кубрійскаго поста, противъ Суэца. Произошла краткая перестрѣлка; летчики опредѣлили численность отряда въ 1.000 человекъ; онъ состоялъ изъ пѣхоты и артиллеріи. Конныя батареи, расположенныя у Эль-Кубри, открыли огонь и нанесли уронъ непріятелю, который отошелъ и расположился лагеремъ въ восьми миляхъ къ востоку отъ Суэцкаго канала. Рано утромъ 9-го марта отрядъ подъ командою генерала Йонгхезбенда напалъ на непріятеля и разбилъ его; непріятельскія войска поспѣшно отступили. Взятые въ плѣнъ сообщили, что турецкій отрядъ подошелъ непосредственно отъ Бирь-Эль-Саба, причемъ былъ въ пути двѣнадцать дней; его сопровождали генераль фонъ-Траумеръ и три другихъ германскихъ офицера.

Военные корабли союзниковъ вошли въ Дарданеллы въ сопровожденіи большого количества судовъ для вылавливанія минъ.

Турки спѣшно начали посылать подкрѣпленія въ Смирну, гдѣ ожидается высадка союзныхъ войскъ.

Извѣстіе о взятіи Перемышля встрѣчено съ восторгомъ въ Черногоріи. Ко-

ролевичъ Данило, объявъ генерала Потапова передъ его домою, лично объявилъ народу радостную вѣсть. Въ Нишѣ извѣстіе о русской побѣдѣ вызвало необычайную радость. Печать посвятила теплыя статьи русской арміи.

Въ другихъ союзныхъ намъ странахъ взятіе Перемышля было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ, и печать посвятила этому событію цѣлый рядъ прочувствованныхъ статей.

11-го марта Государь Императоръ возвратился въ Царское Село.

11-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго увѣдомилъ о слѣдующемъ:

На правомъ берегу Нарева, на фронтъ отъ Шквы до Оржица, включая и его правый берегъ, бои за отдѣльные опорные пункты пріобрѣли болѣе общій и крайне ожесточенный характеръ. Германцы, получившіе здѣсь существенныя подкрѣпленія за счетъ другихъ фронтовъ, упорно защищали занятыя ими позиціи, вели ураганный огонь и производили значительными свѣжими силами энергичныя контръ-атаки. Наши войска, однако, медленно продвигались впередъ, овладѣвая окопами и возвышенностями. Заслуживаютъ бытъ отмѣченными крупныя рукопашныя схватки у Ваха, Караски и Еднорожеца, въ которыхъ наши войска, атаковавшія съ безавѣтнымъ мужествомъ, одержали верхъ надъ непріятелемъ. Нами было захвачено около 300 плѣнныхъ съ 8 пулеметами и двумя минометами.

На лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. Германцы были вынуждены оставить господскій дворъ на Доманевице, что на Пилицѣ, въ коемъ мы упрочились, произведенныя въ этомъ районѣ контръ-атаки непріятели отбиты.

Въ Карпатахъ наши войска продвигались впередъ и овладѣли за минувшія сутки нѣсколькими укрѣпленными высотами на фронтѣ между направленіями на Бартфельдъ и Ужокъ. Повсюду непріятель велъ встрѣчныя атаки, но безъ успѣха. Нами было захвачено за сутки свыше 4.000 плѣнныхъ, одно орудіе и нѣсколько десятковъ пулеметовъ. Германцы 9-го марта вновь безуспѣшно атаковали высоту «992» у Козювки.

Послѣ двухдневнаго боя у Зейдекяна въ Алашкертской долинѣ турки 9-го марта были отброшены къ Даяру, причемъ нашими войсками захвачено было въ плѣнъ три роты турокъ и значительное количество боевыхъ припасовъ.

Государь Императоръ всемилостивѣйше пожаловалъ орденъ св. великомученика и побѣдоносца Георгія 4-й степени командующему кавказскою дивизіею, свиты Его Величества генералъ-майору его императорскому высочеству великому князю Михаилу Александровичу за то, что, командуя отрядомъ въ періодъ январскихъ боевъ за обладаніе проходами въ Карпатахъ, подвергая свою жизнь явной опасности и будучи подъ шрапнельнымъ огнемъ противника примѣромъ личной храбрости и мужества воодушевлялъ и ободрялъ войска своего отряда, причемъ выдержалъ съ 14-го по 25-е января натискъ превосходныхъ силъ противника, прикрывъ весьма важное направленіе на Ломна—Старое Мѣсто, а затѣмъ при переходѣ въ наступленіе активными дѣйствіями содѣйствовалъ успѣшному его развитію.

11-го марта великобританское адмиралтейство опубликовало слѣдующее:

Сегодня два англійскихъ летчика бросили восемь бомбъ на строящіяся въ Гобокенѣ, близъ Антверпена, германскія подводныя лодки. Полагаютъ, что двѣ лодки значительно повреждены. Былъ замѣченъ огонь на элинггахъ, въ которыхъ находились пять подводныхъ лодокъ. Третій летчикъ вынужденъ былъ спуститься въ Голландію.

Англійскій крейсеръ привелъ въ Квинстоунъ большое судно «Stromma» съ грузомъ льняного сѣмени. Въ составѣ команды находились четыре германскихъ подданныхъ. Союзный флотъ вмѣстѣ съ тралерами вновь вошелъ въ Дарданеллы. Начался десантъ союзныхъ войскъ въ Саросской бухтѣ.

11-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

Одна бельгійская дивизія продвинулась впередъ на правомъ берегу Изера, другая заняла германскую траншею на лѣвомъ берегу этой рѣки. У Гартмансвейлеркопфа, вслѣдъ за занятіемъ первой линіи траншей, о которомъ упоминалось въ предшествующемъ сообщеніи, мы захватили вторую линію на фронтѣ, занятомъ тремя ротами. За этой второй линіей наши войска окапываются въ близкомъ разстояніи отъ вершины горы. Мы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ.

Въ ночь на 10-е марта къ сѣверу отъ Арраса германцы пытались произвести двѣ атаки на выступъ у Нотръ-Дамъ-де-Лореттъ. Германцы потерпѣли полную неудачу. Въ Шампани ночью германцы пытались атаковать укрѣпленіе Босежуръ, но также были отражены.

12-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Средняго Нѣмана мы продолжали продвигаться. На правомъ берегу Нарева и на лѣвомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ наше наступленіе на фронтѣ между направленіями на Бартофельдъ и на Ужокъ развивался вполнѣ успѣшно. Наши войска одержали въ чрезвычайно трудныхъ условіяхъ рѣшительный и важный успѣхъ въ районѣ Лупковскаго перевала, гдѣ нами взята приступомъ важнѣйшая австрійская позиція на главномъ хребтѣ Бескидскихъ горъ. Преодолевъ лѣса, перепутанные колючей проволокой, и нѣсколько ярусомъ окоповъ, наша пѣхота поднялась къ главной непріятельской позиціи и послѣ обстрѣла ея орудіями, вытасненными на рукахъ на дистанцію 600 шаговъ, прорвалась черезъ глубокіе рвы съ палисадами и захватила укрѣпленія, оборудованныя прочными блиндажами и имѣвшія внутреннюю оборону. Австрійцы произвели нѣсколько яростныхъ контръ-атакъ въ густыхъ колоннахъ, которыя частью разбиты, частью уничтожены нашимъ огнемъ и штыками. Къ утру 11 го марта обозначился на нѣсколько позицій отходъ непріятеля. Нами захвачено за сутки до ста офицеровъ и 5.600 плѣнныхъ съ нѣсколькими десятками пулеметовъ.

10-го марта въ Алашкертской долинѣ попытки Турокъ перейти въ наступленіе отбиты нашими войсками. На прочихъ направленіяхъ кавказскаго фронта происходили частичныя столкновенія между нашими и турецкими войсками.

12-го марта французскія официальные сообщенія говорили слѣдующее:

«Въ Шампани происходилъ довольно сильный артиллерійскій бой; въ районѣ возвышенности «196» мы отбили три атаки непріятеля. На Аргонской

возвышенности атака германцев у Фонтень-Мадамъ окончилась неудачей. У Эпаржа мы отбили три непріятельскія контръ-атаки».

Великобританское адмиралтейство 12-го марта сообщило слѣдующее:

«Имѣется основаніе предполагать, что германская подводная лодка «U 29» потоплена со всѣмъ экипажемъ».

13-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что наше наступленіе къ западу отъ Средняго Нѣмана 12-го марта было встрѣчено контръ-атаками противника, бои продолжаются. На правомъ берегу Вислы положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ. На фронтѣ между направленіями на Бартфельдъ и Ужокъ, несмотря на полученные непріателемъ подкрѣпленія, мы продолжали успѣшно продвигаться. За 11-ое марта нами захвачено 1,700 пѣвинныхъ и 2 орудія. На направленіяхъ Мункачъ—Стрый и Хустъ—Долина германцы вновь безуспѣшно атаковали наши позиціи.

11-го марта происходили незначительныя столкновенія въ Зачорохскомъ краѣ и на ольтинскомъ направленіи.

13-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

«День 12-го марта прошелъ въ затишьѣ на большей части фронта; шелъ почти непрерывный дождь. На пространствѣ между рр. Маасомъ и Мозелемъ попытки непріятеля атаковать насъ были безъ труда остановлены въ самомъ началѣ; нами отбиты двѣ атаки въ лѣсахъ Консанвуа и Корь, къ сѣверу отъ Вердена, три атаки у Эпаржа и двѣ въ Лепретрскомъ лѣсу.

«Въ Вельгii, въ районѣ Ньюпора, артиллерійскій бой. Болѣе къ югу мы захватили и заняли къ сѣверу отъ Сепъ-Жоржа ферму, расположенную впереди нашихъ линій. Въ Шампани бомбардировка производилась безъ пѣхотныхъ атакъ. Въ Лотарингii, къ сѣверу отъ Вадонвиллера, мы твердо закрѣпили за собой мѣстность, захваченную съ 9-го марта. Въ Эльзасѣ на Рейхаккерпкопфѣ германцы направили на траншеи горящую жидкость, не достигнувъ никакихъ результатовъ.

«Шесть нашихъ летчиковъ бомбардировали ангары дирижаблей въ Фраскати и вокзалъ въ Мецѣ, сбросивъ около дюжины снарядовъ. Несмотря на жестокой обстрѣлъ изъ орудій, всѣ летчики благополучно вернулись. Также брошены бомбы въ казармы на востокъ Страсбурга».

Затонули германскіе пароходы «Bavaria» и «Koenigsberg», шедшіе съ грузомъ руды изъ Швеціи. Германская подводная лодка потопила пароходъ «Delmira». Команда высадилась на о. Уайтъ. Британскія таможенныя власти захватили два шведскихъ парохода, получившіе грузъ руды съ германскаго парохода въ Виго. Въ Голландіи вызвало негодованіе потопленіе германскою подводной лодкой голландскаго парохода «Medea».

14-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго доносилъ, что къ западу отъ Средняго Нѣмана, а также на правомъ берегу Нарва и на лѣвомъ берегу Вислы 12-го марта положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

Въ Карпатахъ мы значительно продвинулись на бартфельдскомъ направленіи. Австрійцы, отступая, подожгли селеніе Зборо. На балигородскомъ направленіи мы захватили укрѣпленную высоту къ востоку отъ Яворжеца. У Русске, Дыдува и Козювки мы успѣшно отразили атаки крупныхъ силъ

неприятеля. За сутки нами взято до 2,500 австрийцевъ съ сорока офицерами и 7 пулеметами. Въ Восточной Галиціи мы отбросили неприятельскій батальонъ, переправившійся черезъ Днѣстръ у Жожавы, нанеся ему большія потери.

12-го марта частичныя столкновения происходили въ Зачорохскомъ районѣ и на ольтинскомъ направленіи. На прочихъ направленіяхъ кавказскаго фронта было относительно спокойно.

14-го марта французское правительство официально увѣдомило о слѣдующемъ:

«Минувшею ночью неприятель бомбардировалъ Аррасъ снарядами всевозможныхъ калибровъ. Вспыхнувшій было пожаръ быстро погашенъ. Въ Лабусселѣ минная борьба продолжалась при благоприятныхъ для насъ обстоятельствахъ. Въ Аргоннахъ въ области Багатель артиллерійскій бой безъ пѣхотныхъ атакъ.

«Въ Эльзасѣ, послѣ энергичныхъ операцій, производившихся въ теченіе нѣсколькихъ дней, мы достигли вершины Гартмансвейлеркопфа, которую отбили у неприятеля. Въ то же время мы продвинулись на флангъ къ сѣверовостоку и юго-востоку отъ хребта, захвативъ много плѣнныхъ, въ томъ числѣ нѣсколько офицеровъ. Германцы понесли большія потери убитыми и оставили на полѣ битвы значительное количество военныхъ припасовъ. Наши потери незначительны.

«Германскій авіаторъ сбросилъ нѣсколько бомбъ въ Виллерѣ къ сѣверозападу отъ Танна. Разорвавшимися снарядами убито трое дѣтей. Германскій аэропланъ, сбросившій бомбу въ области Бадонвиллера, былъ сбитъ нашими войсками. Летчикъ и офицеръ-наблюдатель захвачены въ плѣнъ».

15-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Германская печать утверждаетъ, что австрийскій гарнизонъ Перемышля не превосходилъ 25,000 человекъ, что пищевыхъ запасовъ въ крѣпости хватило бы надолго, но гарнизонъ долженъ былъ дѣлить свои скудные рационы съ огромнымъ числомъ русскихъ плѣнныхъ, якобы захваченныхъ при вылазкахъ крѣпости, что паденіе Перемышля никакого военнаго значенія не имѣетъ, что русскіе разрушили въ Галиціи 300 городовъ и мѣстечекъ, причемъ 250 изъ нихъ сравнены съ землей.

«Всѣ означенныя утвержденія представляютъ сплошной и злонамѣренный вымыселъ.

«Въ Перемышлѣ намъ сдалась армія, численностью около 120,000 человекъ, подробный составъ этой арміи и фамиліи взятыхъ въ плѣнъ высшихъ начальниковъ будутъ опубликованы немедленно послѣ того, какъ эта работа будетъ закончена подлежащими штабами».

Число освобожденныхъ нами въ Перемышлѣ русскихъ плѣнныхъ, большую часть коихъ составляютъ раненые, достигаетъ всего 1,350.

«Объ истинномъ значеніи, придаваемомъ неприятелемъ Перемышлю, правильнѣе судить по неисчислимымъ жертвамъ, понесеннымъ имъ при попыткахъ вырвать эту крѣпость, начатыхъ съ конца ноября 1914 года.

«Ни одинъ городъ или мѣстечко въ Галиціи нами не разрушенъ и не сравненъ съ землей».

15-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что къ западу отъ Нѣмана бои имѣли 14-го марта встрѣчный характеръ. У Оссовца

происходила слабая артиллерійская перестрѣлка. Въ районѣ рѣкъ Шквы и Омудева, на фронтѣ Тартакъ—Вахъ—Завады, ведутся упорные бои за позиціи нѣмцевъ. За сутки нами взято здѣсь свыше 600 плѣнныхъ съ 5 офицерами и двумя пулеметами.

Въ Карпатахъ 13-го марта наше наступленіе развивалось преимущественно на бартфельдскомъ направленіи, гдѣ мы съ боемъ захватили новую линію высотъ на фронтѣ около 35 верстъ. Въ штыковомъ бою за высоту «389», восточнѣ селенія Млинарочъ, мы уничтожили три батальона австрійцевъ. На направленіяхъ Мункачъ—Стрый непріятель вновь произвелъ рядъ отбитыхъ нападкь, причемъ безуспѣшно пытался забросать наши окопы огромнымъ количествомъ ручныхъ гранатъ.

15-го марта черноморскій флотъ бомбардировалъ внѣшніе форты и батареи Босфора на обоихъ берегахъ пролива. По наблюденіямъ съ судовъ и гидроаэроплановъ снаряды ложились хорошо. Наши летчики, летавшіе надъ батареями Босфора, производили развѣдку и успѣшно бросали бомбы. По летчикамъ былъ открытъ сильный артиллерійскій и ружейный огонь, оставшіеся безрезультатнымъ. Пытавшіеся войти въ море изъ Босфора непріятельскіе миноносцы принуждены были нашимъ огнемъ возвратиться въ проливъ. Пытавшійся прорваться съ моря въ Босфоръ большой четырехмачтовый непріятельскій пароходъ былъ нами разстрѣлянъ. Выбросившись на берегъ, онъ взорвался.

12-го марта въ Приморскомъ районѣ турки пытались перейти въ наступленіе, но отброшены на лѣвый берегъ рѣки Архавы. Въ Чорохскомъ ущельи наши части продолжаютъ тѣснить турокъ къ Артвину. На саганлукскомъ направленіи и въ Алашкертской долинѣ частичныя столкновенія.

15-го марта донесеніе французскаго правительства гласило:

«Бельгійскіе авіаторы бросили бомбы въ авіаціонный лагерь Гистелль. На востокъ отъ праваго берега Мааса близъ Маршевиля мы отняли у непріятеля 300 метровъ траншей и отразили двѣ контръ-атаки. У Эпаржа мы продолжали продвигаться впередъ и овладѣли 150 метрами траншей.

«На правомъ берегу Мааса, близъ Маршвиля, мы потеряли часть германской траншеи, взятой нами въ субботу. На Гартмансвейлеркопфѣ мы упрочили свои позиціи. Общее число плѣнныхъ, взятыхъ нами во время атаки, приведшей къ занятію нами вершины этой возвышенности, составляютъ: 6 офицеровъ, 34 унтеръ-офицера и 353 раненыхъ солдатъ, и еще большее число раненыхъ».

Англійскій пароходъ «Lizzie» близъ о. Уайтъ потопилъ германскую подводную лодку «U 37».

16-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Въ официальномъ германскомъ сообщеніи о дѣйствіяхъ подъ Мемелемъ заключается утвержденіе, что наши войска увели изъ города три тысячи гражданскихъ жителей, кои были отбиты германскими войсками у Кретингена. По точномъ выясненіи оказалось, что бой съ германскими войсками, наступавшими отъ Тильзита, происходилъ какъ въ самомъ Мемелѣ, такъ и на путяхъ Мемель—Горжды и Мемель—

Полагенъ. Жители Мемеля сами бѣжали въ единственно свободное отъ боя пространство между этими двумя направленіями на Кретингенъ, гдѣ выжидали окончанія боя».

16-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго оповѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана встрѣчное наступленіе германскихъ войскъ повсюду нами остановлено. Батальонъ 21-го германскаго корпуса, прорвавшійся 14-го марта по льду озера Дуса къ намъ въ тылъ, уничтоженъ штыковой атакой близъ деревни Жебрюжики.

Подъ Осовцомъ непріятельская артиллерія почти прекратила огонь.

Между Шквой и Оржицею боевыя дѣйствія продолжаются. Въ упорнѣйшемъ бою за селеніе Вахъ мы захватили 9 нѣмецкихъ пулеметовъ.

Въ Карпатахъ между Горлице и Бартфельдомъ австріяцы производили 14-го марта настойчивыя, но безуспѣшныя атаки у селеній Гладышева и Ретова.

Въ балигородскомъ направленіи и на лѣвомъ берегу Верхняго Сана на участкѣ Радзеювъ—Полянка—Завой—Иворжець мы продвинулись впередъ и захватили свыше 600 плѣнныхъ и 4 пулемета. У Козювки 14-го марта отбиты новыя атаки германцевъ.

На Кавказскомъ фронтѣ наши боевыя дѣла развертывались въ слѣдующемъ порядкѣ: 14-го марта въ Чорохскомъ ущельѣ наши войска отгѣснили турокъ въ районѣ Артвина на лѣвый берегъ рѣки. Турки подожгли Артвинъ. На прочихъ направленіяхъ наши войска успѣшно выполняли поставленныя имъ задачи.

16-го марта французское правительство сообщило слѣдующее:

«Въ районѣ Ипра мы взорвали мину подъ германскимъ наблюдательнымъ пунктѣмъ. У Эпаржа непріятель пытался захватить утерянныя имъ 14-го марта траншеи, однако послѣ ожесточеннаго боя мы удержали за собой большую часть занятаго нами пространства. Непріятель захватилъ лишь нѣкоторыя участки своихъ прежнихъ траншей, но и мы продвинулись на другихъ пунктахъ. Непріятель подвергъ обстрѣлу городъ Ньюръ и морской курортъ Ньюръ, причинивъ незначительныя поврежденія мосту черезъ Изеръ. Въ Шампани происходилъ артиллерійскій бой у Босежура. На Аргонской возвышенности происходила артиллерійская перестрѣлка и метаніе бомбъ преимущественно въ районѣ Багатель, гдѣ обѣ стороны проявляютъ большое упорство».

Голландскій пароходъ «Amstel», шедшій изъ Роттердама и Гүлль, наткнулся на мину близъ Фламборо и пошелъ ко дну. Экипажъ спасенъ. Пароходъ «Aquila» потопленъ на высотѣ Пемброка германской подводной лодкой, стрѣлявшей по экипажу. Не досчитываются 26 человекъ. Потопленъ также пароходъ «Fala» у Мильфорда. Изъ 260 человекъ спасено 137 человекъ. Генераль Клуэкк раненъ гранатою во время объѣзда передовыхъ окоповъ своей арміи.

Турецкія силы, сосредоточенныя въ Дарданеллахъ и окрестностяхъ, образуютъ пятую армію подъ командованіемъ Лимана-фонъ-Сандерса. Союзный флотъ вновь вошелъ въ Дарданеллы.

Броненосецъ союзнаго флота бомбардировалъ позицію Критео, гдѣ обнаружены новыя турецкія траншеи.

Управляющий русской миссией передалъ въ черногорскій Красный Крестъ 95.000 франковъ отъ русско-черногорскаго общества. Арнауты напали на черногорскую границу, но были отражены съ большими потерями.

17-го марта въ газетахъ появилось слѣдующее полуофициальное извѣстіе о военныхъ дѣйствіяхъ нашего флота:

«Съ приближеніемъ весенняго времени года естественно увеличился интересъ общества къ военной дѣятельности на морскихъ театрахъ сѣвера Европы и къ той обстановкѣ, которая создалась на нихъ черезъ восемь мѣсяцевъ войны. Оставляя въ сторонѣ вопросъ объ обстановкѣ на западномъ театрѣ, гдѣ вліяніе русской морской силы сказывается не прямымъ, а лишь посредственнымъ образомъ, мы полагаемъ своевременнымъ обрисовать теперь въ общихъ чертахъ то положеніе, которое сложилось на морскомъ театрѣ восточномъ. Къ сожалѣнію, еще не наступилъ моментъ для полной откровенности. Многое попрежнему должно оставаться въ тайнѣ. Опытъ войны ясно подтвердилъ необходимость соблюденія секрета при военныхъ операціяхъ въ современныхъ условіяхъ. Особенно при военныхъ операціяхъ на морѣ, и особенно для слабѣйшаго изъ противниковъ, каковымъ безусловно является русскій флотъ по сравненію съ флотомъ Германіи. Тѣмъ не менѣе, сохраняя въ тайнѣ все нужное, мы можемъ въ настоящее время обрисовать въ общемъ видѣ существующую обстановку, для выясненія которой удобнѣе всего будетъ осторожно дать обзоръ произошедшаго на Балтійскомъ морѣ за время войны.

«Въ теченіе перваго мѣсяца войны германскій флотъ ограничивался только наблюденіемъ за нашимъ флотомъ. Германцы не знали, что предпримутъ англичане, и поэтому, боясь нападенія на свой тылъ, не рисковали двинуть на востокъ свои главные силы. Это обстоятельство дало намъ время привести въ оборонительное положеніе занятый районъ и выдвинуть впередъ линію обороны. Весь районъ дѣйствія флота былъ минированъ и объявленъ закрытымъ для судоходства. Послѣ того, что мы заняли прочное положеніе, нѣкоторыя части нашего флота начали развѣдывать операціи вблизи береговъ противника. Выходившая въ море развѣдка нѣсколько разъ обнаруживала германскія суда. При этомъ легкіе крейсера противника, слабѣйшіе нашихъ по типу, каждый разъ уклонялись отъ боя и уходили, пользуясь превосходствомъ хода. Такъ, 29 іюля одинъ изъ русскихъ развѣдчиковъ встрѣтилъ два непріятельскихъ крейсера и два миноносца на широтѣ острова Готланда. Дѣло было ночью, и германскія суда, увеличивъ ходъ, скрылись въ темнотѣ. 20-го августа «Олегъ» и «Богатырь», находясь къ западу отъ Либавы, пытались преслѣдовать два легкіихъ крейсера, но послѣдніе, не допустивъ ихъ на дистанцію огня, скрылись къ югу. Въ августѣ противникъ старался однажды проникнуть за линію нашего охраненія, что ему удалось благодаря туману. Однако этотъ же туманъ послужилъ причиною аваріи одного изъ германскихъ судовъ—крейсера «Магдебургъ» въ ту пору, какъ извѣстно, выскочилъ на камни и былъ нами уничтоженъ. Въ этотъ же періодъ происходило нѣсколько безрезультатныхъ стычекъ между нашими судами и противникомъ. Крейсеръ «Аугсбургъ» обстрѣлялъ тралящую партію, которая работала къ юго-западу отъ Гамбурга съ цѣлью найти и уничтожить германское загражденіе, гдѣ передъ тѣмъ взорвалось два голландскихъ торговыхъ

парохода. «Аугсбургъ» не успѣлъ въ своемъ намѣреніи и прекратилъ стрѣльбу по тральщикамъ, какъ только замѣтилъ дымъ подходившаго миноносца «Войскового»: отходя къ западу, онъ наткнулся на крейсеръ «Адмиралъ Макаровъ», Благодаря большому ходу «Аугсбургъ» избѣжалъ гибели, но при перестрѣлкѣ, развившейся на очень большой дистанціи, онъ, повидимому, получилъ поврежденіе руля. 24-го августа бывшій въ дозорѣ крейсеръ «Паллада» попалъ подъ обстрѣлъ броненоснаго крейсера «Блюхеръ», однако послѣдній, имѣя значительно болѣе сильное вооруженіе (двѣнадцать 8,2-дюйм. орудій противъ двухъ 8-дюйм. орудій «Паллады») уклонился отъ боя, располагая скоростью хода въ 25 узловъ противъ 21 узла нашего крейсера, и не подошелъ на дальность огня артиллеріи «Паллады».

«24-го августа впервые появились въ сѣверной части Балтійскаго моря значительныя силы непріятели въ составѣ 5—7 линейныхъ кораблей стараго типа, трехъ броненосныхъ крейсеровъ, нѣсколькихъ крейсеровъ и двухъ минныхъ флотилій. Силы противника превосходили наши, состоявшія изъ четырехъ линейныхъ кораблей и пяти броненосныхъ крейсеровъ. Суда были высланы на поддержку атакованной «Паллады», но, прокрейсеровавъ въ морѣ около двухъ сутокъ, противника они не обнаружили. Въ это же время крейсеръ «Аугсбургъ» былъ атакованъ нашей подводной лодкой «Акула», но противъ лодки германцы выслали свои миноносцы, и «Акула» пришлось отступить, совершивъ, кстати сказать, переходъ подъ водою при чрезвычайно тяжелыхъ условіяхъ. Германская эскадра ограничилась на сей разъ только разрушеніемъ маяка Вогшеръ, а вошедшіе въ Ботническій заливъ легкіе крейсера уничтожили пароходъ «Улеаборгъ».

«Получивъ свѣдѣніе о выходѣ нашихъ силъ, германская эскадра наткнулась ночью на собственные миноносцы и, принявъ ихъ за русскихъ, разстрѣляла, повредивъ при этомъ до восьми своихъ судовъ. Извѣстившись, что противникъ ушелъ въ море на югъ отъ Виндавы, наша эскадра вернулась обратно, такъ какъ бой съ противникомъ вблизи береговъ непріятели, очевидно, не входилъ въ наши планы; при такихъ условіяхъ легко было бы потерять даже мало поврежденный корабль, которому германцы были въ состояніи отрѣзать возвращеніе къ базѣ. Терять же корабли представлялось весьма нежелательнымъ, принимая во вниманіе слабость нашихъ силъ.

«Въ началѣ сентября обозначился второй моментъ войны. Германскій флотъ приступилъ къ демонстративнымъ дѣйствіямъ у нашего южнаго побережья, причемъ эти дѣйствія носили характеръ приготовленія къ высадкѣ десанта. Непріатель производилъ промѣры, наблюдалъ за побережьемъ, обстрѣлялъ маяки Стейнпортъ и Бакгофенъ. На Бакгофенѣ находился нашъ наблюдательный постъ, который при приближеніи къ нему германскихъ миноносцевъ открылъ огонь; на миноносцѣ былъ убитъ офицеръ и два нижнихъ чина. Встрѣтивъ отпоръ, противникъ быстро удалился, не нанеся намъ существеннаго вреда и легко лишь ранивъ одного нижняго чина. 11-го сентября германцы подошли къ Виндавѣ съ эскадрой, при которой находились уже и транспорты. Къ мѣсту предполагаемой высадки были посланы наши миноносцы, но главныя силы германцевъ уже удалились и наши миноносцы столкнулись лишь

съ германскими миноносцами, которые уклонились от боя и скрылись въ темнотѣ.

«Обнаруживъ, такимъ образомъ, дѣятельность нашего флота въ южной части Балтійскаго моря, противникъ съ конца сентября перемѣнилъ образъ дѣйствій и главное стремленіе сталъ направлять на то, чтобы помѣшать нашей дѣятельности своими подводными лодками.

«Дѣятельность германскихъ подводныхъ лодокъ оказалась далеко не столь успѣшною, какъ многіе это думали вначалѣ. На одну удачную атаку приходится громадное число атакъ не удавшихся. Возьмемъ для примѣра всѣ атаки за два мѣсяца со времени перваго нападенія на «Макарова». 27-го сентября атакованъ «Макаровъ», 28-го сентября—«Паллада», которая погибла. 30-го сентября атакованы наши подводныя лодки. 3-го, 15-го и 21-го производились атаки на наши миноносцы. 21-го лодки панахи на «Богатыря». 22-го и 24-го атакованы два миноносца, потомъ группа миноносцевъ, потомъ одинъ миноносецъ. 24-го октября двѣ лодки, наша и германская, безуспѣшно атаковали другъ друга. 4-го ноября лодка пыталась атаковать «Стерегущій», который направился, въ свою очередь, таранить ее. 9-го ноября дважды былъ атакованъ «Инженеръ-механикъ Дмитріевъ», который тоже таранить лодку. 24-го ноября дважды атакованъ миноносецъ. 28-го ноября двѣ атаки на крейсеръ «Богатырь», 28-го ноября атакованъ «Вобрь». Такимъ образомъ, за два мѣсяца было 19 атакъ подводными лодками. Изъ нихъ въ девяти случаяхъ мины не достигли цѣли. въ девяти случаяхъ лодки не могли даже выпустить мины, и только въ одномъ случаѣ атака оказалась удачною. Лодки же пострадали весьма существенно. Одна изъ нихъ была уничтожена артиллеріей «Ваяна»; другая, новѣйшаго типа, протаранена миноносцемъ «Легучій»; одна 28-го сентября взорвалась на нашихъ минахъ и на минахъ же, вѣроятно, погибли еще два лодки. Неудача германскихъ подводныхъ операций тѣмъ болѣе знаменательна, что русскій флотъ, какъ разъ въ это время, закончивъ подготовку района для своихъ операций на сѣверѣ Балтійскаго моря, интенсивно развивалъ свои операціи у непріятельскихъ береговъ. Такимъ образомъ, оказывается, что борьба противъ лодокъ оказалась вполне возможной при соблюденіи извѣстныхъ выработанныхъ практикой мѣръ. Лодки стѣсняють непріятельскій флотъ, но помѣшать ему категорически онѣ не могутъ.

«Операціи, предпріятыя русскимъ флотомъ у непріятельскаго побережья, не должны быть пока еще оглашены. Однако можно открыто сказать, что результатъ ихъ не замедлитъ рѣзко отразиться на дѣятельности врага, который понесъ весьма ощутительныя потери въ судовомъ составѣ и увидѣлъ сильно стѣсненнымъ свое передвиженіе вдоль собственныхъ береговъ, ибо онъ потерялъ тутъ нѣсколько транспортовъ съ военнымъ грузомъ.

«Въ заключеніе мы можемъ указать, что за истекшее время русскій флотъ въ значительной мѣрѣ укрѣпилъ и подготовилъ для встрѣчи противника районъ, на который онъ опирается, приобрѣлъ нѣвыѣйшій боевой опытъ для борьбы съ новыми техническими средствами и не только не ослабъ, но, наоборотъ, чрезвычайно усилился въ своемъ составѣ.

17-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщаетъ, что вече-

ш*

ромъ 15-го марта германскія суда, подойдя къ Либавѣ, выпустили по городу до 200 снарядовъ. Въ городѣ убитъ одинъ мирный житель и одинъ раненъ. Потерь среди военнослужащихъ нѣтъ.

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои продолжались 15-го марта близъ деревни Струмбагловъ, въ двѣнадцать верстахъ къ сѣверо-западу отъ Лодзее, остатки германскаго батальона, атакованнаго нами въ штыки, положили оружіе въ составѣ 250 человекъ. На правомъ берегу Нарева, между Шквой и Омуплемомъ, продолжаются боевыя столкновения за отдѣльныя роши и возвышенности, непріятель вытѣсненъ нами изъ района селенія Вахъ.

Въ Карпатахъ между бартфельдскимъ и ужокскимъ направленіями, наши дѣйствія развивались вполне благоприятно. Несмотря на упорное сопротивленіе непріятеля и рядъ яростныхъ контръ-атакъ, мы овладѣли вновь нѣсколькими укрѣпленными позиціями на высотахъ, причѣмъ за сутки до утра 16-го марта нами взято въ плѣнъ 76 офицеровъ, 5,384 нижнихъ чина и захвачено 5 орудій, 21 пулеметь, 1 минометь.

Отрядъ противника, наступавшій отъ Черновцовъ 15-го марта, прорвался черезъ нашу границу и продвинулся на половину разстоянія къ Хотину.

17-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Германскій аэропланъ сбросилъ двѣ бомбы надъ Реймсомъ; ранены двое; одинъ снарядъ попалъ въ своды надъ алтаремъ собора. Своей мѣткой стрѣльбой наша артилерія заставила непріятеля въ безпорядкѣ очистить селеніе Гедикуръ, къ сѣверо-востоку отъ Сень-Міэля».

«Противникъ продолжалъ обстрѣливать безрезультатно мосты въ Ньюпорѣ. 17-го марта обстрѣлъ артилеріею съ перерывами происходилъ по всему фронту отъ моря до рѣки Эна. Въ Шампани, въ окрестностяхъ Перта, Босежуръ Вилль-сюръ-Турбъ артилерійскій бой и мишья атаки увѣнчались успѣхомъ. Въ Аргоннахъ бой продолжается на нѣкоторыхъ пунктахъ оборонительной линіи съ настойчивостью, однако безъ существеннаго результата ни съ той, ни съ другой стороны».

«16-го марта фортъ Домонъ, къ сѣверу отъ Вердена, получилъ нѣсколько снарядовъ 210-миллиметроваго калибра. Наша артилерія немедленно привела къ молчанію германскую батарею. Фортъ не понесъ никакого вреда. Въ западной части Лепретрсакаго лѣса нами занята линія окоповъ, причѣмъ мы захватили 100 плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера и трехъ унтеръ-офицеровъ. Несмотря на яростную контръ-атаку германцевъ, большая часть германскихъ окоповъ осталась въ нашихъ рукахъ».

«Къ западу отъ Понтъ-а-Муссона, по дорогѣ отъ гостиницы въ Сень-Шьеръ къ Ренъвилль, мы сняли германскій постъ въ ночь съ 16-го на 17-е марта и отбили три контръ-атаки. На полѣ сраженія около Гартмансвейлеркопфа насчитано 700 германскихъ труповъ».

«17-го марта на высотѣ Дьенпа судно, принадлежащее ко второй легкой французской эскадрѣ, замѣтило германскую подводную лодку, шедшую по поверхности моря. Французское судно преслѣдовало ее и заставило погрузиться въ воду, послѣ чего обстрѣляло перископъ и стало маневрировать, чтобы протаранить ее, причѣмъ прошло надъ мѣстомъ, гдѣ погрузилась подвод-

ная лодка, въ самый моментъ исчезновенія ея перископа. Было установлено появленіе въ этомъ мѣстѣ большого пятна масла.

18-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои продолжались. Наши войска въ окрестностяхъ Краснополя, успѣшно продвигаясь впередъ, заставили германцевъ 17-го марта поспѣшно отойти и при этомъ захватили въ плѣнъ до 200 нижнихъ чиновъ при 2 офицерахъ и взяли 2 пулемета.

Въ Карпатахъ наше наступленіе продолжалось, за минувшія сутки 16-го марта нами вновь взято въ плѣнъ 38 офицеровъ, около 1.750 нижнихъ чиновъ и захвачено 5 пулеметовъ.

Нашъ Черноморскій флотъ бомбардировалъ Зунгулдакъ, Козлу, Килимли и Эрегли. Дѣйствія нашей артиллеріи вызвали на берегу срядъ сильныхъ взрывовъ и пожаровъ.

16-го марта на приморскомъ направленіи незначительныя перестрѣлки. Въ арвинскомъ направленіи турки отброшены къ Мело. На лѣвомъ флангѣ сарыкамышскаго направленія наши войска заняли Арвинъ-Делибаба, Карадербенъ, Вшакъ-Кыласъ, отбросивъ турокъ къ западу, причемъ одинъ изъ старыхъ кавказскихъ полковъ лихой атакой подъ звуки гимна сбилъ турокъ съ занимаемой ими позиціи.

18-го марта французское правительство сообщило:

«Въ Шампани происходили артиллерійскіе бои въ районѣ Босежура и Виаль-сюръ-Турбъ. На Аргонской возвышенности происходили пѣхотные бои, особенно между Фуръ-де-Пари и Багатель, причемъ подчасъ на столь близкомъ разстояніи, что однажды непріятельскій бомбометъ силою взрыва нашего крупнаго снаряда былъ переброшенъ въ наши линіи.

«Въ ночь съ 17-го на 18-е марта мы заняли участокъ траншей въ пятьдесятъ пять метровъ, причемъ захватили плѣнныхъ и два бомбомета. Въ теченіе той же ночи непріятель обстрѣливалъ траншеи, потерянные имъ 17-го марта въ Лепретрскомъ лѣсу. На разсвѣтѣ германцы силою въ нѣсколько батальоновъ произвели контръ-атаку, причемъ имъ удалось вновь занять западную часть позиціи, однако къ восьми часамъ утра они снова были выбиты изъ нея; такимъ образомъ занятія нами 17-го марта позиціи дѣликомъ остались въ нашихъ рукахъ причемъ мы захватили плѣнныхъ, въ томъ числѣ одного офицера.

«Въ районѣ Парруа произошли столкновенія между передовыми отрядами, удачно окончившіяся для насъ.

«Въ теченіе ночныхъ полетовъ, совершенныхъ 17-го марта нашими летчиками, сброшено 24 снаряда надъ желѣзнодорожными станціями и непріятельскими бивуаками въ Веврѣ, Шампани, въ области Суассона и въ Бельгіи. Днемъ 18-го марта мы удачно бомбардировали приморскій вокзалъ въ Брюгге и авіаціонный лагерь въ Житсѣ».

19-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что на фронтѣ къ западу отъ Нѣмана нами въ теченіе 18-го марта одержанъ существенный успѣхъ надъ германцами въ районѣ Красна, что къ западу отъ Смио. Здѣсь, подъ упорнымъ натискомъ нашихъ войскъ, противникъ началъ поспѣшно отступать.

Въ Карнатахъ наше наступленіе продолжалось. Весьма существенные результаты достигнуты нами 17-го марта въ районѣ Воли-Миховой и Лутовиска. Въ районѣ Воли-Миховой наши войска, взбираясь по поясъ въ снѣгу по отвѣснымъ почти скатамъ горъ и ведя упорный бой въ лѣсахъ, опутанныхъ проволокой, шагъ за шагомъ выбивали австрійцевъ изъ ихъ окоповъ и овладѣли рядомъ укрѣпленныхъ высотъ главнаго Бескидскаго хребта. На лутовискскомъ направленіи, несмотря на сильный огонь непріятели и глубокой снѣгъ, мы также выбили австрійцевъ съ ряда ихъ позицій западнѣе Пасичне и юго-восточнѣе Дверниковъ.

За 17-е марта нами взято въ Карнатахъ въ плѣнъ свыше 80 офицеровъ, 5.600 нижнихъ чиновъ и захвачено 4 орудія и 14 пулеметовъ. На хотинскомъ направленіи нѣсколько австрійскихъ батальоновъ, занимавшихъ укрѣпленную позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы, были нами 17-го марта окружены и частью уничтожены. Остатки этихъ батальоновъ въ числѣ около 1,500 человекъ взяты въ плѣнъ.

На приморскомъ направленіи происходили лишь незначительныя перестрѣлки. Въ артвинскомъ районѣ наши войска заняли Црюю. Въ артвинскомъ бою нами отбито у турокъ два орудія.

19-го марта сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Минная борьба продолжается на многихъ пунктахъ фронта. Такъ, у Домпьеръ, къ юго-западу отъ Перроитъ, мы удачно взорвали четыре мины. Вблизи фермы Колера, къ сѣверу отъ Берри-о-Бакъ, мы взорвали мину въ тотъ моментъ, когда непріятель былъ занятъ работами, а вѣсть за этимъ открыли по непріятели сильный огонь изъ орудій 75-миллиим. калибра. Наблюдательный постъ германцевъ исчезъ въ воронкѣ. Точное число взятыхъ нами въ плѣнъ въ Лепретрекомъ лѣсу опредѣляется въ 140 человекъ, въ томъ числѣ 3 офицера; всѣ контръ-атаки были здѣсь нами отбиты. Атака непріятели, направленная противъ нашихъ передовыхъ постовъ въ районѣ Парруа, была, повидимому, произведена однимъ батальономъ ландвера; атака эта окончилась неудачей, причемъ непріятель понесъ тяжелыя потери.

«На различныхъ пунктахъ фронта происходили артиллерійскіе бои. Въ Веврѣ, къ западу отъ Лепретрекаго лѣса, мы заняли селеніе Фанъ-Гэ и удержались въ немъ, несмотря на нѣсколько контръ-атакъ. Въ Лотарингіи и въ Вогезахъ не произошло ничего существеннаго. Къ югу отъ Диксмюде летчикъ лейтенантъ Гарро пулеметнымъ огнемъ подбилъ германскій аэропланъ. Въ районѣ рѣки Эна другой германскій летчикъ былъ сбитъ летчикомъ Наварръ ружейнымъ огнемъ».

20-го марта главное управленіе генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее заявленіе:

1.

12-го марта съ австрійскаго аэроплана были брошены двѣ бомбы въ нашъ лазаретъ, расположенный на станціи Воли-Ржедзвиньска въ восьми верстахъ отъ Гарнова, несмотря на флаги Краснаго Креста на вѣсѣхъ лазаретныхъ шатрахъ и особые большіе флаги Краснаго Креста, натянутые на столбахъ специально для указанія воздухоплавательнымъ аппаратамъ о расположеніи здѣсь учрежденія для подачи помощи раненымъ.

II.

12-го марта во время обстрѣла бомбами съ германскихъ аэроплановъ стациіи Остроленки подверглись обстрѣду, несмотря на ясно видимые опознательные знаки, военитали и питательные пункты Краснаго Креста, а также санитарные поѣзда за номерами 31 и 121. При этомъ часть санитарныхъ вагоновъ была повреждена, а среди медицинскаго персонала оказались пострадавшіе.

III.

При взятіи бывшей австрійской крѣпости Перемышль русскимъ войскамъ сдались въ плѣнъ въ составѣ гарнизана нижеслѣдующіе генералы австро-венгерской арміи:

Командантъ крѣпости генералъ-отъ-инфантерій Германъ Кузмалекъ; начальникъ 23-й гонведной дивизіи фельдмаршалъ-лейтенантъ Арнадь Тамани; фельдмаршалъ-лейтенанты: Карль Вайцендорферъ и Вильгельмъ Никль; генералъ-майоры: Альфредъ Веберъ, Рудольфъ Зейде, Артуръ Кальтнекеръ, Георгій Комма и Фридрихъ Клоиберъ.

20-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На нѣмецкомъ фронтѣ наши войска, послѣ упорнаго почного боя 19-го марта продолжая наступленіе, отбросили нѣмцевъ и, нанеся имъ крупныя потери, подошли къ ихъ позиціямъ восточнѣ Пильвишекъ, Маріамполя, Кальваріи, Сувалокъ и Августова.

Въ Карпатахъ 18-го и въ ночь на 19-го марта наше наступленіе продолжалось успѣшно, причемъ нашъ успѣхъ главнымъ образомъ сосредоточился на фронтѣ отъ Воля Михова до ужокскаго направленія.

Преодолѣвая обледенѣлыя кручи подъ сильнымъ огнемъ австрійцевъ, наши войска овладѣли послѣ длительного штыкового боя рядомъ важныхъ высотъ и почти всѣми вершинами хребта Полонина, что съверигѣ деревень Ветлина и Береги Горные. На этомъ хребтѣ одинъ изъ нашихъ доблестныхъ полковъ взялъ съ боя весьма сильный непріятельскій фортъ, обнесенный двумя рядами проволочныхъ загражденій и засѣкъ. Рядъ контръ-атакъ австрійцевъ въ районѣ къ западу отъ желѣзной дороги Гүменное—Мезо-Лаборчъ, произведенный ими вновь подтянутыми силами, отраженъ съ крупными для непріятеля потерями. Въ районѣ Козювки нами была взорвана минная галлерей противника подъ его окопомъ, послѣ чего наши войска отбросили его изъ этого окопа и заняли послѣдній. Въ общемъ за минувшія сутки на карпатскомъ фронтѣ взято нами вновь въ плѣнъ 32 офицера и около 2.300 нижнихъ чиновъ, причемъ захвачено пять пулеметовъ. На остальныхъ участкахъ нашего фронта безъ существенныхъ перемѣнъ.

По дополнительно полученнымъ свѣдѣніямъ выясняется, что на хотинскомъ направленіи противъ насъ 17-го марта дѣйствовали части 42-й гонведной дивизіи, причемъ число взятыхъ нами здѣсь плѣнныхъ превышаетъ 30 офицеровъ и 2000 нижнихъ чиновъ.

На основаніи полученныхъ свѣдѣній о дѣятельности подполковника Мясоѣдова, занимавшаго должность переводчика при штабѣ 10-й арміи, за нимъ было установлено наблюденіе. Какъ только послѣднее подтвердило предположеніе о преступномъ характерѣ дѣятельности этого штабсъ-офицера, имѣв-

шаго сношенія съ агентами одной изъ воюющихъ съ нами державъ, онъ былъ арестованъ. Въ связи съ нимъ были арестованы и другія заподозрѣнные въ той же преступной дѣятельности лица, не принадлежащія къ составу арміи. Назначенное надъ Мясоѣдовымъ и его соучастниками слѣдствіе вполне опредѣленно установило несомнѣнную виновность перваго. Въ виду этого Мясоѣдовъ былъ преданъ военно-полевому суду по обвиненію въ шпіонствѣ и мародерствѣ. Судъ призналъ его виновнымъ и приговорилъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе. Приговоръ приведенъ въ исполненіе. Что касается остальныхъ соучастниковъ этого тяжкаго преступленія, то слѣдствіе о нихъ продолжается для исчерпывающаго выясненія всѣхъ сопричастныхъ къ дѣлу лицъ. По мѣрѣ установленія ихъ виновности, они будутъ предаваться соответственному суду.

20-го марта французское правительство увѣдомило о слѣдующемъ: въ семь часовъ утра къ востоку отъ Суассона германскій аэропланъ былъ сбитъ и принужденъ спуститься въ предѣлахъ нашего расположенія. Французскій воздушный отрядъ сбросилъ 33 бомбы надъ бараками, ангарами и вокзаломъ въ Виньулло (Vignoullos), въ Веврѣ. Большая часть этихъ снарядовъ попала въ цѣль. По французскимъ аэропланамъ былъ открытъ сильный артиллерійскій огонь на близкомъ разстояніи; три изъ нихъ возвратились съ большими дырами въ крыльяхъ, у двухъ другихъ крылья изрѣшечены шрапнельными пулями. Однако ни одинъ изъ летчиковъ не пострадалъ, и всѣ они благополучно возвратились.

Съ южнаго австро-сербскаго и черногорскаго фронтовъ пришли слѣдующія извѣстія: около часа пополудни надъ Цетиньемъ показался австрійскій аэропланъ, сбросившій семь бомбъ въ центрѣ города. Двѣ бомбы упали на разстояніи тридцати шаговъ отъ дворца короля Николая, а другія разрушили дома. Было нѣсколько человѣческихъ жертвъ. Король и престолонаслѣдникъ осматривали разрушенные дома и посѣтили пострадавшихъ.

Въ ночь на 18-го марта на австрійскомъ пароходѣ, шедшемъ изъ Землина внизъ по Дунаю, вдругъ произошелъ взрывъ, оттого ли, что пароходъ коснулся мины, или по какой-либо другой причинѣ. Кузовъ и руль оказались поврежденными. Вслѣдъ за тѣмъ пароходъ былъ подхваченъ теченіемъ и отнесенъ къ Ритопеку. Здѣсь сербская артиллерія его обстрѣляла. Въ 11 час. 10 мин., когда пароходъ находился противъ Ритопека, въ него попалъ одинъ изъ сербскихъ снарядовъ. Раздался страшный взрывъ, и одна часть парохода взлетѣла на воздухъ, другая же затонула у сербскаго берега. Берегъ былъ усыпанъ мельчайшими обломками. Изъ экипажа спаслись только два человѣка. Они достигли сербскаго берега вплавь. По словамъ спасшихся, на пароходѣ, кромѣ капитана, находились два специальныхъ лопмана для проводки парохода черезъ Желѣзные ворота, одинъ морскою офицеръ, 25 матросовъ и семь или восемь механиковъ. Этотъ пароходъ назывался «Бѣлградъ» и принадлежалъ венгерской пароходной компаніи. По вышнему виду онъ напоминалъ шаланду и могъ принять грузъ въ 65 вагоновъ. На немъ имѣлся большой грузъ боевыхъ припасовъ и другого артиллерійскаго матеріала. По словамъ спасшихся матросовъ, а также по характеру обломковъ, найденныхъ на берегу, пароходъ былъ спе-

цѣльно блиндированъ въ Землинѣ для этой экспедиціи. Передъ отходомъ судна морской офицеръ обратился къ матросамъ съ рѣчью, указавъ имъ, что они должны исполнить весьма важное порученіе. Каждый изъ матросовъ получилъ экстренное вознагражденіе въ размѣрѣ ста франковъ золотомъ. Есть основаніе предполагать, что грузъ парохода предназначался для турецкой арміи.

21-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что наше наступленіе въ Карпатахъ развивается съ прежнимъ успѣхомъ. Въ теченіе 19-го марта мы продолжали особенно успѣшно продвигаться на участкѣ отъ Воли Миховой до ужокскаго направленія. Несмотря на упорное сопротивленіе австрійцевъ, широкое примѣненіе ими разрывныхъ пуль и настойчивыя контръ-атаки, наши войска тѣснили непріятели, забирая плѣнныхъ, пулеметы и бросавшееся австрійцами снаряженіе и повозки. Всего за минувшія сутки 19-го марта въ Карпатахъ нами взято въ плѣнъ до ста офицеровъ, свыше 7.000 нижнихъ чиновъ и захвачено нѣсколько десятковъ пулеметовъ.

21-го марта французское правительство извѣстило о томъ, что въ районѣ рѣки Соммы, у Лабуассель и Домпьеръ минная борьба продолжается успѣшно для французовъ. Общее число взятыхъ ими въ плѣнъ въ Лепретрескомъ лѣсу, къ сѣверо-западу отъ Понтъ-а-Муссона съ 17-го по 19-ое марта превысило 200 человекъ, въ числѣ которыхъ находился шесть офицеровъ. Сбитый французскими войсками германскій аэропланъ намѣревался сбросить бомбы пады Реймсомъ. Аппаратъ загорѣлся и вынужденъ былъ спуститься, причемъ два летчика, оставшихся невредимыми, нами взято въ плѣнъ. У Дампьера, къ юго-западу отъ Перонпа, минная работа французовъ продолжала развиваться. Близъ Лассиньи германцы пытались произвести атаку, но были тотчасъ остановлены огнемъ французскихъ войскъ и принуждены вернуться въ свои траншеи. Въ Верхнемъ Эльзасѣ, въ районѣ Верхняго Бургаупта, французы отбили двѣ германскія атаки.

22-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана бои развиваются для насъ вполне благоприятно. Наша кавалерія у шоссе между Кальваріей и Сувалками, въ районѣ деревни Зеленая-Буда, послѣ упорнаго боя 20-го марта съ германской конницей, поддержанной пѣхотой, лихой атакой въ конномъ строю, изрубивъ много непріятели и захвативъ плѣнныхъ, выбила нѣмцевъ изъ занимавшагося ими района и преслѣдуетъ ихъ.

Въ Карпатахъ въ теченіе 20-го марта мы одержали значительный успѣхъ на участкѣ къ сѣверу отъ направленія на Бартфельдъ и въ районѣ между мезолаборчскимъ и лутовискимъ направленіями. Въ общемъ за 20-го марта нами взято на карпатскомъ фронтѣ въ плѣнъ свыше 2.100 нижнихъ чиновъ и захвачено три орудія и три пулемета. Въ районѣ Залешиковъ австрійцы пытались переходить въ наступленіе, но всѣ атаки кончились для нихъ полной неудачей. Здѣсь нами взято въ плѣнъ два офицера и около ста нижнихъ чиновъ. На хотинскомъ направленіи австрійцы послѣ жестокаго пораженія, нанесеннаго имъ 17-го марта частями нашей конницы, лихо атаковавшей австрійскій пѣхотный отрядъ въ пѣшмъ строю, очистили нашу территорию и отошли къ своей границѣ, на которой укрѣпляются. Въ этомъ бою 17-го марта наша сѣшенная

конница проявила выдающуюся лихость и отвагу, атаковавъ пѣхотныя части непріятеля въ штыки, шанки и пики.

Въ Черномъ морѣ 21-го марта вечеромъ, въ Одесскомъ заливѣ взорвался на нашей мнѣ и затопилъ турецкій крейсеръ, повидимому, «Меджидіе».

Въ районѣ Залешиковъ въ бою въ ночь на 21-ое марта австрійцы послѣ жестокаго обстрѣла огнемъ тяжелыхъ орудій одного изъ нашихъ укрѣпленій, перебивъ огнемъ почти всѣхъ защитниковъ этого укрѣпленія, стремительно ворвались въ него, но почти тотчасъ же были выбиты контръ-атакой подошедшей роты одного изъ нашихъ полковъ. При этой контръ-атакѣ названная рота отбила телефониста своего полка рядового Алексѣя Макуху, надъ которымъ чины австрійской арміи совершили гнусное звѣрство, вырвавъ ему языкъ послѣ того, какъ онъ отказался сообщить врагу свѣдѣнія, составляющія военную тайну.

Верховный главнокомандующій соизволилъ удостоить названнаго рядового Алексѣя Макуху производствомъ въ младшіе унтеръ-офицеры, пожалованіемъ георгіевскаго креста 1-й степени и выраженіемъ ему особой личной благодарности его императорскаго высочества за свято исполненный долгъ и присягу. Вместе съ тѣмъ верховный главнокомандующій вошелъ съ особымъ представленіемъ на Высочайшее имя о пожалованіи ему, доблестному воинскому чину российской арміи, двойной пенсіи противъ установленной для раненыхъ унтеръ-офицеровъ перваго разряда.

20-го и 21-го марта на приморскомъ и артвинскомъ направленіяхъ боевыя столкновенія между нашими и турецкими войсками продолжались.

22-го марта главное управление генеральнаго штаба опубликовало слѣдующее объявленіе:

Германская главная квартира 11-го марта сообщила, что германскія войска при отходѣ нашего отряда отъ Мемеля взяли въ плѣнъ 550 нижнихъ чиновъ у Полагена. Сообщение это не соответствуетъ дѣйствительности.

При отходѣ отъ Мемеля мы потеряли убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими всего 149 человекъ.

Его Величеству Государю Императору 22-го сего марта благоугодно было послать на имя его императорскаго высочества верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича слѣдующую телеграмму:

«Воистину воскресъ. Горячій пасхальный привѣтъ всѣмъ Моимъ безчисленнымъ героямъ арміи и флота и душевное спасибо за тяжкую, безпримѣрно славную боевую службу».

Подписана: «НИКОЛАЙ».

Означенная телеграмма была послана въ отвѣтъ на слѣдующую телеграмму верховнаго главнокомандующаго:

«Христосъ воскресъ. Вся армія и флотъ Вашего Величества приносятъ ихъ вѣрноподданное горячее поздравленіе съ великимъ праздникомъ Свѣтло-Христово Воскресенія, твердо вѣря, что въ эти великіе дни Господь намъ особенно поможетъ, дастъ силы и умѣніе побѣдить враговъ на радость вашу и счастье Россіи».

Подписана: «Генераль-адъютантъ Николай».

22-го марта французское правительство официально извѣстило о томъ, что результаты нападенія, совершеннаго въ Бельгiи 13-го марта англійскими летчиками, слѣдующіе: сильно повреждены ангаръ дирижабля въ Сантъ-Агатъ, равно какъ дирижабль въ Гобокенъ. Подожжены антверпенскіе морскіе доки-разрушены двѣ подводныя лодки, третья повреждена: убито 40 германскихъ рабочихъ и 62 рапены.

23-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ слѣдующее:

На фронтѣ къ западу отъ Нѣмана въ теченіе 22-го марта наши войска продолжали на нѣкоторыхъ участкахъ успѣшно продвигаться впередъ.

Въ Карпатахъ въ теченіе ночи на 21-ое марта и всего послѣдующаго дня въ районѣ къ сѣверу отъ направленія на Бартфельдъ происходилъ упорный огневой и штыковой бой съ австрійцами; здѣсь нами взято въ плѣнъ 20 офицеровъ и свыше 1.200 нижнихъ чиновъ, а также захвачено два пулемета. Въ то же время весьма успѣшно шло наше дальнѣйшее продвиженіе на фронтѣ между мезо-таборчскимъ и ужокскимъ направленіями; въ этомъ районѣ мы взяли въ плѣнъ за истекшія сутки около 25 офицеровъ и свыше 2.000 нижнихъ чиновъ и захватили три орудія. Занявъ находящуюся въ этомъ районѣ станцію Писпа, мы захватили находившіяся на станціи паровозы и вагоны, а также большой складъ огнестрѣльныхъ припасовъ и часть обозовъ. Къ сѣверу отъ Черновцевъ, въ районѣ с. Окна, въ теченіе 21-го и 22-го марта шелъ упорный бой, въ результатъ котораго австрійцы были вынуждены отступить, оставивъ намъ свыше 1.000 плѣнныхъ.

На прочихъ участкахъ нашего общаго фронта положеніе остается безъ существенныхъ переменъ.

21-го марта въ Черномъ морѣ у Крымскаго побережья нашъ флотъ имѣлъ перестрѣлку съ дальняго разстоянія съ крейсерами «Гебенъ» и «Бреслау» и преслѣдовалъ ихъ до темноты. Ночью наши миноносцы нашли и атаковали турецкіе крейсера въ ста миляхъ отъ Востфора, причемъ послѣдніе развили энергичный огонь и уклонились отъ атакъ. Затонувшій на мелководьѣ въ Одесскомъ заливѣ турецкій крейсеръ оказался «Меджидіе».

Изъ авторитетнаго источника намъ сообщили, что ночью на 22-ое марта вблизи Востфора наши миноносцы атаковали «Гебенъ» и «Бреслау», которыхъ до вечера преслѣдовалъ нашъ флотъ. Германскіе крейсера открыли энергичный огонь и вскорѣ скрылись въ темнотѣ. Въ субботу въ Одесскомъ заливѣ турецкій крейсеръ «Меджидіе» наткнулся на мину загражденія, которая взорвалась подъ нимъ, и онъ затонулъ.

Попытка австрійцевъ, перейдя нашу границу, вторгнуться въ предѣлы Россіи въ направленіи на Хотинъ, какъ уже извѣстно, потерѣла полное крушеніе, и въ бояхъ 17-го марта наступавшій въ этомъ районѣ австрійскій отрядъ былъ разбитъ и частью уничтоженъ, частью взятъ въ плѣнъ.

Подробности этого выдѣляющагося по лихости дѣла слѣдующія: противникъ силою не менѣе дивизіи пѣхоты съ бригадой конницы занималъ укрѣпленную имъ позицію въ районѣ деревень Шиловцы и Малинцы. Двѣ колонны нашей конницы почти равной силы, но въ общей сложности значительно уступающія силамъ австрійцевъ, повели въ спѣшенномъ строю въ шесть часовъ

утра 17-го марта наступленіе на фронтъ противника, постепенно охватывая его одной колонной съ сѣвера, а другой съ юга. Противникъ весь день оказывалъ упорное сопротивленіе, наши части неоднократно ходили въ штыки, а принимавшіе участіе въ бою спѣшенные казаки въ пики и шашки. Къ вечеру сопротивленіе австрійцевъ было сломлено, наши войска, продолжая свои лихія атаки, окончательно сбросили непріятеля съ занимавшихся имъ возвышенностей между деревнями Шиловцы и Малинцы, заняли эти возвышенности и деревни, а также и находящіяся въ тылу Шиловцовъ деревни Грозницы и Колинковцы. Тѣмъ временемъ на правомъ флангѣ нашихъ колоннъ, верстахъ въ десяти къ сѣверу отъ нихъ у деревни Рухотишъ, занятой батальономъ австрійцевъ съ нѣсколькими эскадронами конницы, велъ бой одинъ изъ нашихъ донскихъ казачьихъ полковъ. Около четырехъ часовъ дня лихой атакой въ пики и шашки полкъ этотъ отбросилъ противника отъ деревни и занялъ ее. Австрійцы стали поспѣшно отходить по всему фронту, а наши ихъ преслѣдовали. Какъ уже извѣстно, за день 17-го марта нами въ этихъ бояхъ взято въ плѣнъ 33 офицера, свыше 2.100 нижнихъ чиновъ и захвачено 40 походныхъ вьючныхъ кухонъ, восемь телеграфныхъ вьюковъ и много ручного оружія. О взятыхъ въ бывшей австрійской крѣпости Перемышль трофеяхъ все время получаютъ новыя дополнителныя свѣдѣнія. Только что стало извѣстно, что въ числѣ трофеевъ въ наши руки достался крѣпостной кайзеръ-флагъ.

На всемъ западно-европейскомъ фронтѣ въ теченіе 23 марта стоялъ туманъ и шелъ дождь. Въ лѣсу Айи (Ailly), къ юго-востоку отъ Сенъ-Міеля, французы заняли три расположенныя другъ за другомъ линіи траншей. Кромѣ того, французскія войска взяли часть непріятельскаго полевого укрѣпленія къ сѣверо-востоку отъ Раньевилля.

24-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщилъ, что въ районѣ къ западу отъ Нѣмана въ теченіе 23-го марта происходили въ окрестностяхъ Маріамполя, Людвинова и Кальваріи отдѣльные бои, носившіе частный характеръ.

Въ Карпатахъ 22-го марта наше успѣшное продвиженіе впередъ продолжалось на всемъ фронтѣ отъ района, что сѣвернѣе барфельдскаго направленія, до ужокскаго направленія включительно. При этомъ особенно значительно мы продвинулись въ районѣ Ростокскаго перевала, въ окрестностяхъ котораго мы захватили весьма значительный участокъ главнаго хребта и перешли передовыми частями на южные склоны такового, занявъ деревни Смольникъ и Орошь-Рушка. Попытка австрійцевъ остановить контръ-атаками на нѣкоторыхъ участкахъ Карпатскаго хребта наше наступленіе успѣха не имѣла, и всѣ атаки противника были отбиты съ большими для него потерями. Отходя, австрійцы поджигаютъ посты и склады продовольствія. За сутки взято въ плѣнъ на Карпатскомъ фронтѣ около 20 офицеровъ и свыше 1.500 нижнихъ чиновъ.

На остальныхъ участкахъ нашего фронта происходила рѣдкая артиллерійская и ружейная перестрѣлка и поиски отдѣльныхъ развѣдывательныхъ партій.

Вывозъ плѣнныхъ изъ Перемышля закончился. Всего эвакуировано во внутренніе районы Россіи 9 генераловъ, 2.307 офицеровъ и 113.890 нижнихъ чи-

новъ. Кроме того, временно оставлено въ лечебныхъ заведеніяхъ на театрѣ военныхъ дѣйствій около 6.800 больныхъ и раненыхъ, не могущихъ по состоянію здоровья перенести немедленную перевозку. При этихъ больныхъ и раненыхъ оставлено, въ помощь русскому медицинскому персоналу, 129 австрийскихъ врачей и 100 санитаровъ. Въ наши руки въ Перемышль перешло огромное количество матеріальной части и боевыхъ запасовъ, регистрація которыхъ еще не закончена. До настоящаго времени зарегистрировано свыше 900 орудій, изъ коихъ много вполне годныхъ. Каждый день открываются новыя мѣста складовъ огнестрѣльныхъ припасовъ и матеріальной части. Много орудій, ружей и различныхъ принадлежностей къ нимъ сброшено австрийцами въ рѣку Сань. Къ извлеченію ихъ принимаются мѣры.

24-го марта французское правительство извѣстило слѣдующее:

На юго-западѣ отъ Вокуа мы заняли непріятельское укрѣпленіе. Во время успѣшнаго дѣла въ лѣсу Аيي и на юго-востокѣ отъ Септъ-Міэля мы захватили много плѣнныхъ и завладѣли пулеметомъ и бомбометомъ. Мы продвинулись въ Буа-Брюлэ на востокѣ отъ лѣса Аيي. Мы удержали за собою занятое нами пространство на сѣверо-востокѣ отъ Рапьевилля. Къ востоку отъ Вердена мы заняли селеніе Кюссевилль и возвышенности, господствующія надъ долиной рѣки Орна. Южнѣ этого района мы продвинулись въ направленіи Мезерэ. Въ лѣсахъ Аيي и Брюлэ мы удержали за собою занятыя нами позиціи и захватили новыя траншеи. Въ Лепретрескомъ лѣсу мы продвинулись нѣсколько впередъ.

Согласно показаніямъ плѣнныхъ, во время нашихъ послѣднихъ атакъ въ южномъ Веврѣ шесть германскихъ батальоновъ были одинъ за другимъ уничтожены. Къ юго-востоку отъ Гартмансвейгера мы заняли возвышенность, съ которой германскій полковникъ руководилъ дѣйствіями бригады во время боя 13-го марта. Мы продвинулись за линію указанной возвышенности, причемъ захватили плѣнныхъ.

24-го марта великобританское правительство сообщило, что англійскія войска союза вечеромъ 21-го марта заняли Вармбадь, въ 25 миляхъ къ сѣверу отъ Оранжевой рѣки, не встрѣтивъ сопротивленія. Вармбадь является южной станціей германской юго-западной африканской желѣзнодорожной сѣти.

24-го марта сербское «Прессъ-Бюро» опубликовало слѣдующее заявленіе:

«Со времени начала военныхъ дѣйствій сформированныя на болгарской территоріи четы комитаджіевъ неоднократно вторгались въ Сербію. 2-го марта сего года двѣ сильныя болгарскія четы, также сформированныя и снаряженныя на болгарской территоріи, ночью вторглись въ предѣлы Сербіи съ цѣлью разрушить желѣзнодорожное полотно и поджечь мосты среди мирнаго населенія. Четы эти напали на сербскіе посты, охранявшіе желѣзную дорогу, на станціи и нѣсколько селеній, откуда увели въ Болгарію значительное число поселанъ и большое количество скота. Въ виду того, что болгары отрицаютъ фактъ сформированія этихъ четъ въ Болгаріи и упорно продолжаютъ утверждать, будто въ данномъ случаѣ дѣло идетъ о мостѣ македонскаго населенія, возставшаго противъ мишмаго угнетенія со стороны сербскихъ властей, союзъ сербскихъ журналистовъ, не имѣя возможности инымъ способомъ доказать, на чьей сто-

ронѣ истина, обращается къ крупнымъ европейскимъ газетамъ и телеграфнымъ агентствамъ съ просьбой прислать въ Сербію своихъ представителей для выясненія на мѣстахъ степени правдивости утверждения болгаръ. Союзъ журналистовъ сочтетъ для себя за честь оплатить всѣ расходы по поѣздкѣ въ Сербію и обратно.

25-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго извѣстилъ о томъ, что въ Карпатахъ, несмотря на контръ-таки непріятели, значительно усилившагося подкрѣпленіями изъ состава германскихъ и австрійскихъ войскъ, наше наступленіе между рѣкой Топла и ужокскимъ направлениемъ продолжается. Всѣ вершины главнаго хребта Бескидь къ западу отъ района селенія Устрижики-Горныя находятся въ нашихъ рукахъ и наши войска постепенно овладѣваютъ ихъ южными отрогами.

За 23-го марта мы захватили до 2.900 плѣнныхъ съ тремя орудіями и нѣсколькими пулеметами.

На остальныхъ участкахъ всего нашего фронта положеніе оставалось безъ существенныхъ переменъ; мелкія стычки, обычная перестрѣлка продолжались.

За 22-ое и 23-е марта всѣ атаки турокъ на нашъ правый флангъ въ Приморскомъ отрядѣ отбиты. На ольтинскомъ направленіи наши войска опрокинули турокъ, занимавшихъ хорошую позицію въ направленіи на Охорь. Захвачены были плѣнные.

25-го марта официальное сообщеніе французскаго правительства гласило:

«Германскому отряду удалось переправиться съ тремя пулеметами на лѣвый берегъ Изера къ югу отъ Дриграхтена; однако онъ былъ атакованъ и захваченъ бельгійскими войсками. Къ востоку отъ Вердена атакой въ направленіи Этена мы завладѣли возвышенностями «219» и «231», а также фермами Гобуа и Лопиталь.

«У Эпаржа мы продвинулись впередъ и удержались на своихъ позиціяхъ, захвативъ при этомъ въ плѣнъ около 60 человекъ, въ числѣ ихъ трехъ офицеровъ. Въ Айскомъ лѣсу и въ лѣсу Бролэ мы отбили контръ-атаку и снова немного продвинулись впередъ такъ же, какъ и въ Мепретскомъ лѣсу. Въ Бандесаитѣ у Фонтенеля мы взорвали минами непріятельское укрѣпленіе. Несмотря на крайне дурную погоду, на пространствѣ между рр. Маасомъ и Мозелемъ происходили значительныя столкновенія; здѣсь мы удержали за собой всѣ занятыя нами позиціи и продвинулись еще немного впередъ.

«Близъ Парейда (Pargid), къ востоку отъ Вердена, мы заняли двѣ непріятельскія траншеи.

«У Эпаржа въ ночь съ 24-го на 25-е марта мы весьма значительно продвинулись впередъ. Въ теченіе всего дня германцы производили ожесточенныя контръ-атаки, но безуспѣшно. При послѣдней ихъ атакѣ, носившей особенно ожесточенный характеръ, германцы были скошены нашимъ огнемъ; то же произошло и въ Айскомъ лѣсу: послѣ нѣсколькихъ контръ-атакъ, отбитыхъ нами, мы удержали за собой занятыя нами вчера позиціи. На этомъ участкѣ фронта мы захватили значительное количество плѣнныхъ. Въ числѣ плѣнныхъ, взятыхъ въ районѣ Гартмансвейлера, находятся гвардейскіе солдаты, переведенные германцами въ этотъ районъ послѣ постигшей ихъ здѣсь 13-го марта неудачи».

26-го марта штабъ верховнаго главнокомандующаго сообщалъ слѣдующее:

«Въ Карпатахъ наши войска 24-го марта, наступая длиной Ондавы, выбили австрійцевъ съ участка Стропко—Пучачъ. На мезо-лаборчскомъ направленіи австро-германцы получили значительныя подкрѣпленія и пытались здѣсь развить наступленіе, однако наши войска, занявъ фронтъ Чабалочъ—Щуко, отразили всѣ атаки съ жестокими для непріятели потерями. Въ районѣ къ сѣверу отъ желѣзной вороги Ужокъ—гр. Березна переходъ нашихъ войскъ черезъ главный хребетъ Карпаты развивается успѣшно, причемъ на высотахъ южнѣе и сѣвернѣе сел. Волосате нами достигнутъ существенный тактичeskій успѣхъ. На прочихъ участкахъ всего нашего фронта положеніе оставалось безъ существенныхъ перемѣнъ.

«Въ ночь на 16-е марта германцы, захвативъ къ сѣверу отъ Мышинца нашего развѣдчика, младшаго унтеръ-офицера Порфирія Панасюка, препроводили его въ одинъ изъ штабовъ, расположенный въ сел. Расогъ, гдѣ подъ пыткой въ присутствіи десяти германскихъ офицеровъ вынуждали его дать свѣдѣнія о расположеніи нашихъ войскъ. Мужественно перенося пытку, Панасюкъ упорно отказывался отвѣчать на вопросы германскихъ офицеровъ, которые постепенно отрѣзывали ему ухо и изуродовали лицо. Послѣ пытки Панасюку удалось бѣжать отъ сопровождавшаго его конвоя, и онъ 20-го марта вышелъ на фронтъ нашихъ войскъ. Верховный главнокомандующій за вѣрность присягѣ и мужество пожаловалъ Порфирію Панасюку георгіевскій крестъ 1-й степени и денежное пособіе».

26-го марта сербское правительство сообщило слѣдующее:

«25-го марта, около 6 часовъ вечера, непріятель началъ бомбардировку Бѣлграда съ высотъ Вежанін, гдѣ была установлена батарея тяжелыхъ орудій. Всего было выпущено по городу 30 снарядовъ. Человѣческихъ жертвъ не было. Матеріальный ущербъ, нанесенный бомбардировкой, незначителенъ. Непріятель прекратилъ бомбардировку Бѣлграда около 7 часовъ вечера, причемъ наша артиллерія привела къ молчанію непріятельскую батарею. Въ тотъ же день непріятель пытался отправить своихъ развѣдчиковъ на островъ Вичанска-Ада на Дунаѣ, но эта попытка окончилась неудачей, благодаря мѣткости стрѣльбы нашей артиллеріи». Австрійцы бомбардировали Бѣлградъ. Повреждены нѣкоторыя зданія. Австрійскій аэропланъ сбросилъ 7 бомбъ въ Подгорицу, которыми на Рыночной площади убито 22 и ранено 62 человѣка, большей частью стариковъ, женщинъ и дѣтей. Командиръ крейсера «Эйтель-Фридрихъ» въ Ньюпортъ-Ньюсѣ заявилъ, что крейсеръ отдается подъ арестъ, такъ какъ помощь, которую онъ ждалъ, не пришла.

26-го марта французское правительственное сообщеніе гласило:

«Въ Бельгіи, въ долинѣ р. Эна и къ востоку отъ Реймса происходили артиллерійскіе бои. Подтверждаются вчерашнія сообщенія о нашихъ успѣхахъ на пространствѣ между р. Маасомъ и Мозелемъ. Выпавшіе за послѣдніе дни дожди превратили глинистую почву Вогезъ въ глубокую грязь, затрудняющую маневрированіе артиллеріи и мѣшающую снарядамъ взрываться. Наши войска упрочили за собою всѣ занятыя наканунѣ позиціи и удержались на нихъ, невзирая на крайне ожесточенную контръ-атаку.

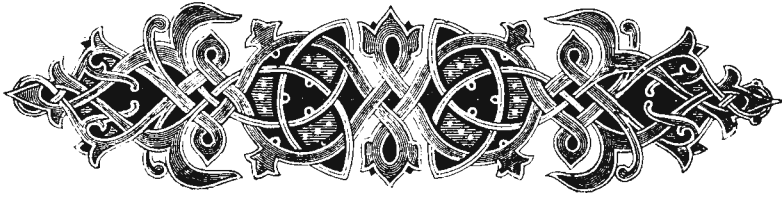
«У Эпаржа послѣдняя контръ-атака германцевъ, въ которой принимало участіе полтора полка, была рѣшительно отбита нами, причѣмъ непріятель нанесъ громадныя потери; вся мѣстность усѣяна непріятельскими трупами. Выдвинувшійся на короткое время за германскія линіи непріятельскій отрядъ въ 300 человекъ былъ скошенъ нашими пулеметами: ни одному человеку не удалось уйти. Въ лѣсу Брюлэ мы заняли непріятельскую траншею.

«Несмотря на продолжающуюся дурную погоду, мы имѣли нѣсколько удачныхъ дѣлъ въ ночь съ 25-го на 26-е марта и днемъ 26-го марта на пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ. У Эпаржа атакой мы вновь продвинулись впередъ и удержали за собою занятыя позиціи, несмотря на произведенныя непріятелемъ три ожесточенныя атаки. На полѣ сраженія мы насчитали уже свыше 1.000 германскихъ труповъ. Далѣе къ югу въ Морвильскомъ лѣсу въ упорномъ пѣхотномъ бою мы уничтожили германскую роту, остатки которой, численностью въ десять человекъ, взяты нами въ плѣнъ. Въ Айискомъ лѣсу мы взяли новыя траншеи и отбили двѣ контръ-атаки. Въ Мормарскомъ лѣсу, къ сѣверу отъ Флирэ, мы заняли полевое укрѣпленіе непріятеля и удержались въ немъ, несмотря на стараніе непріятеля отнять его у насъ.

«Къ сѣверо-западу отъ этого лѣса у Паннъ нашимъ снарядомъ былъ перебъзанъ канатъ, на которомъ держался привязной германскій воздушный шаръ, который вѣтромъ отнесло въ наши линіи по направленію къ юго-востоку. Результаты наступательныхъ развѣдокъ и атакъ, производившихся нами съ 22-го марта на пространствѣ между рѣками Маасомъ и Мозелемъ, представляются въ настоящую минуту въ слѣдующемъ видѣ. Во-первыхъ, на фронтахъ къ сѣверо-востоку и къ востоку отъ Вердена мы продвинулись на разстояніи отъ одного до трехъ километровъ по фронтальной линіи протяженіемъ въ двадцать километровъ, захватили возвышенности, господствующія надъ долиной р. Орна, и заняли селенія Куссенвилль и Фромзэ. Во-вторыхъ, на правомъ берегу Мааса, у Эпаржа, мы заняли почти всю укрѣпленную позицію непріятеля на возвышенности, господствующей надъ Комбромъ, и удержали за собою занятое пространство, невзирая на многочисленныя и крайне ожесточенныя контръ-атаки непріятеля. Въ-третьихъ, далѣе къ югу, близъ Сень-Міэля, мы заняли весь юго-западный участокъ Айискаго лѣса, въ которомъ Германцы сильно укрѣпились и который имъ не удалось отнять у насъ, несмотря на повторныя атаки. Въ-четвертыхъ, въ южномъ Веврѣ, между Мормарскимъ и Ленретрескимъ лѣсами, мы на фронтѣ протяженіемъ въ 7—8 километровъ продвинулись на три километра, занявъ при этомъ селенія Фэ-анъ-Гэ и Раньевилль. На всѣхъ этихъ пунктахъ германцы понесли огромныя потери, о размѣрахъ которыхъ можно судить по количеству труповъ, найденныхъ у Эпаржа».

ЗА ЧУЖУЮ СВОБОДУ.

(Историческій романъ).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

І.

А НЕВСКОМЪ кипѣла жизнь. Съ дикими возгласами: «Поди! поди!»—неслись по улицѣ среди обезличенныхъ деревьевъ, посаженныхъ вдоль тротуаровъ, нарядныя сани, кареты цугомъ и легкія эгоистки. Многочисленныя толпы гуляющихъ медленно двигались отъ самаго адмиралтейства до Гостинаго двора и обратно.

Быль одинъ изъ тѣхъ ясныхъ полувесеннихъ дней, которыми иногда такъ прекрасна сѣверная столица въ концѣ февраля и началѣ марта. Снѣгъ еще не сошелъ, но въ воздухѣ уже вѣетъ теплое дыханіе весны. Толпа имѣла праздничный видъ. Въ длинныхъ пальто съ собольими и лисьими воротниками и огромными муфтами въ рукахъ шли дамы, сопровождаемыя ливрейными лакеями; съ лорнетами, въ высокихъ цилиндрахъ, въ узкихъ пальто, съ разрѣзомъ сзади, перехваченныхъ въ талиѣ, гуляли модныя франты; изрѣдка мелькали изъ-подъ небрежно накиннутыхъ шинелей цвѣтные мундиры офицеровъ.

Особенно много народа толпилось у Гостинаго двора. Модныя магазины, носившіе прежде фирмы: «M-me Justine de Paris», «M-des de Paris» и проч., теперь красовались подъ вывѣсками «московскихъ» и «русскихъ» магазиновъ. Эти магазины походили на оса-

жденныя крѣпости, до такой степени рвались въ ихъ двери цѣлой толпой дамы, при помощи ливрейныхъ лакеевъ, прокладывавшихъ имъ путь. Стоялъ невообразимый гомонъ.

Среди нарядныхъ экипажей странное впечатлѣніе производила простая пароконная почтовая бричка съ сидѣвшимъ въ ней офицеромъ. Офицеръ сидѣлъ, плотно закутавшись въ мѣховую плащъ, надвинувъ на глаза треуголку. На него обращали вниманіе.

— Не изъ арміи ли? Курьеръ?—слышались случайно брошенныя фразы, но его сейчасъ же забывали.

А офицеръ сосредоточенно и пытливо смотрѣлъ вокругъ, и въ душѣ его было смутно и тяжело.

Онъ только что совершилъ далекій и трудный путь среди опустошенной Россіи.

Онъ видѣлъ одну пустыню вмѣсто цвѣтущаго края, видѣлъ тысячи не убранныхъ труповъ, валяющихся по дорогѣ и заражающихъ воздухъ своимъ гніеніемъ. Видѣлъ сожженныя деревни, крестьянъ, обратившихся въ бродягъ, живущихъ цѣлыми семьями въ лѣсахъ, подъ открытымъ небомъ, видѣлъ развалины барскихъ усадебъ, и смерть, и голодъ... Только что прошелъ страшный двѣнадцатый годъ, оставя за собой слѣды ужаса и гибели, и вотъ здѣсь, въ столицѣ, все попрежнему, какъ будто ничего не случилось, какъ будто русская истощенная армія не преслѣдуетъ еще врага и не предстоитъ новой, быть можетъ, ужаснѣйшей войны... И новыя жертвы, и новыя опасности для родины...

— Скорѣй!—нервно сказалъ онъ ямщику, плотнѣе закутываясь въ свой плащъ.

На его молодомъ лицѣ съ рѣзкими чертами появилось выраженіе страданія, и онъ ниже опустилъ голову.

Ямщикъ хлестнулъ убогихъ лошадей. Онѣ прибавили ходу. Бричка миновала Невскій проспектъ и свернула на набережную.

— Стой, здѣсь,—проговорилъ офицеръ, указывая на темный особнякъ.

У дверей подъѣзда стоялъ швейцаръ въ ливреѣ, съ огромной булавой въ рукахъ. Онъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ смотрѣлъ на молодого офицера, пріѣхавшаго въ такомъ убогомъ экипажѣ.

Офицеръ расплатился съ ямщикомъ, должно быть, очень щедро, судя по поклонамъ и благодарностямъ ямщика, и направился къ подъѣзду.

Рѣшительное выраженіе его лица, увѣренная походка и властный взглядъ заставили швейцара почтительно распахнуть тяжелую, моренаго дуба дверь и снять шапку съ галунами.

— Князь у себя?—рѣзко спросилъ молодой офицеръ, сбрасывая на руки швейцара свой плащъ.

— Такъ точно,—отвѣтилъ швейцаръ:— ихъ сіятельство у себя.

На молодомъ офицерѣ была форма гвардейскаго кавалерійскаго полка,—красный короткій мундиръ, сръзанный у пояса, шарфъ, завязанный бантомъ, лосиные брюки и ботфорты съ золочеными шпорами. На поясной золотой портупеѣ висѣла большая, съ широкимъ эфесомъ сабля.

На одно мгновеніе молодой человекъ остановился передъ большимъ венеціанскимъ зеркаломъ въ рамѣ темнаго серебра, оправилъ кокъ и височки. Зеркало отразило холодное, красивое лицо съ правильными чертами, плотно сжатыми, чуть полными губами и большими сѣрыми глазами, отънесенными черными бровями и рѣсницами.

На красномъ мундирѣ бѣлѣлъ крестикъ.

Лакей въ бѣлыхъ чулкахъ, красныхъ туфляхъ и ливреѣ съ княжескими гербами встрѣтилъ молодого офицера на площадкѣ лѣстницы, уставленной цвѣтами и украшенной статуей императрицы Екатерины во весь ростъ, со скипетромъ въ рукѣ и бюстами императоровъ Павла и Александра.

— Доложи князю,—коротко произнесъ молодой офицеръ:— князь Бахтѣевъ.

На лицѣ лакея промелькнуло выраженіе почтительнаго удивленія. Онъ низко поклонился и произнесъ:

— Прошу ваше сіятельство слѣдовать за мною.

Бахтѣевъ прошелъ въ большую пріемную залу. Тамъ стоялъ другой лакей, которому первый что-то сказалъ. Лакей съ почти-тельнымъ поклономъ удалился.

Князь Бахтѣевъ подошелъ къ окну. Прямо передъ его глазами была Нева, еще скованная льдомъ. По набережной гуляла праздничная толпа, неслись экипажи—обычная картина холоднаго, равнодушнаго Петербурга...

«А Москва въ развалинахъ», думалъ Бахтѣевъ. И ему невольно рисовался полуразрушенный Кремль, дымящіяся развалины, гніющія трупы, опустѣлые и ограбленные храмы—все, что онъ видѣлъ, что пережилъ и перечувствовалъ за эти восемь мѣсяцевъ.

Восемь мѣсяцевъ! Только! А кажется, что прошло столѣтіе!

Суровѣе сдвинулись черныя брови.

— Его сіятельство просить васъ, — раздался за нимъ голосъ.

Офицеръ очнулся отъ своихъ мыслей, круто повернулся и черезъ анфиладу роскошно убранныхъ комнатъ послѣдовалъ за лакеемъ.

Двери кабинета распахнулись. Два лакея стояли по бокамъ, почтительно склонивъ головы, и князь Бахтѣевъ переступилъ порогъ.

II.

За большимъ столомъ сидѣлъ старикъ въ темно-синемъ бархатномъ халатѣ, съ открытой шеей.

Это былъ князь Никита Арсеневичъ Бахтѣевъ; его голова поражала своей благородной красотой. Большая, увѣнчанная сѣдыми кудрями, съ широкимъ лбомъ, орлинымъ носомъ и зоркими, яркими глазами подъ не посѣдѣвшими бровями. Что-то львиное видѣлось въ этой головѣ.

Молодой офицеръ быстро шагнулъ впередъ и произнесъ:

— Это я, дядя.

Легкая улыбка скользнула по губамъ старика.

— Левонъ!—воскликнулъ онъ, приподнимаясь.—Наконецъ-то! Ну, иди, иди, дай обнять тебя. Такъ ты еще живъ?—говорилъ старикъ, пока молодой человекъ обходилъ столъ.

— Скажи, пожалуйста,—продолжалъ онъ, обнимая племянника:—такъ ты воскресъ изъ мертвыхъ? А мы думали, что ты уже отправился къ праотцамъ.

Въ легкомъ, насмѣшливомъ тонѣ старика слышалось истинное чувство.

— Ну, садись, Левонъ, и рассказывай. Вѣдь больше мѣсяца, какъ я получилъ отъ тебя изъ имѣнія послѣднее извѣстiе, а до той поры считалъ тебя погибшимъ, да и потомъ, ожидая твоего прiѣзда столько времени, уже началъ думать, что тебя и въ живыхъ нѣтъ. Ужъ собирався посылать къ тебѣ.

Левонъ, или, вѣрнѣе сказать, Левъ Кирилловичъ, опустился на стулъ рядомъ съ кресломъ дяди и сказалъ:

— Вы правы, дядюшка, я воскресъ изъ мертвыхъ...

— Да, постой, постой,—перебилъ его старикъ:—вѣдь я твой опекунъ и хотя потерялъ надежду когда-либо увидѣть тебя вновь, все же твое состоянiе соблюлъ. Вѣдь тебѣ уже исполнилось двадцать одинъ годъ.

Левъ Кирилловичъ нетерпѣливо передернулъ плечами:

— Потомъ, дядя...

— Ну, какъ знаешь, Левонъ,—равнодушно отвѣтилъ князь.— Все въ порядкѣ. Ну, говори же о себѣ.

— Мой рассказъ коротокъ, дядя,—началъ молодой человекъ:—такихъ, какъ я, «безъ вѣсти пропавшихъ», тысячи. Мы давно разстались съ вами.

— Да,—отозвался старый князь:—съ тѣхъ поръ, какъ ты поѣхалъ въ Вильну съ государемъ, чуть-что не наканунѣ вторженiя нашего Атиллы, я не видѣлъ тебя, хотя слышалъ о тебѣ. Послѣ Бородина Михаилъ Марiоновъ писалъ мнѣ о тебѣ, о твоихъ подвигъ

гахъ,—съ ласковой усмѣшкой закончилъ старикъ:—вѣдь я тоже интересовался тобой.

— Все это вздоръ,—отвѣтилъ, тряхнувъ головой, Левонъ:—я былъ не хуже и не лучше другихъ. Мы всё исполнили свой долгъ.

Старикъ кивнулъ головой.

— Отъ князь Бахтѣева,—серьезно сказалъ онъ,—никого нельзя и ждать.

— Ну, такъ вотъ,—продолжалъ молодой князь:—все шло хорошо. Не повезло подъ Краснымъ, 5-го ноября. Тамъ я былъ раненъ. Въ бедро и грудь. Спервоначалу думали, что я убитъ, и бросили меня. Потомъ въ реляціи помѣстили, что убитъ. Потомъ подобрали меня. Мытарили, мытарили,—то въ подвижномъ лазаретѣ, то задумали въ Вязьму отправить, а тутъ мои ополченцы забрали меня, да и свезли въ могилевскую вотчину... Тамъ и валялся... Не знаю, какъ выжилъ. Домъ у насъ уцѣлѣлъ, а кругомъ разруха полная. Безъ памяти валялся. Какъ немного пришелъ въ себя, тотчасъ вамъ о себѣ написалъ.

— По твоему письму я думалъ, что ты совсѣмъ оправился,—сказалъ князь.

— Я самъ такъ думалъ,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—да опять стало хуже. Ежели бы я не узналъ, что врагъ изгнанъ изъ предѣловъ Россіи, я постарался бы выздоровѣть раньше,—съ усмѣшкой добавилъ онъ:—зато теперь предстоитъ новый походъ, я и поправился и пріѣхалъ сюда хлопотать снова о назначеніи въ дѣйствующую армію.

Старый князь слушалъ его, не прерывая.

— Надо, во-первыхъ,—продолжалъ Левонъ,—заявиться, что я живъ, и внести меня вновь въ списки полка. А потомъ поѣхать туда.

— Все это не трудно,—медленно началъ старикъ:—но на какой лядъ ѣхать тебѣ туда?

— Какъ на какой лядъ!—воскликнулъ изумленный Левонъ.—Но вѣдь я же читалъ манифестъ императора,—война переносится за границу.

Старикъ махнулъ рукой.

— Либо будетъ, либо нѣтъ, либо дождикъ, либо снѣгъ,—сказалъ онъ:—война! Какая война? Мнѣ напередъ говорилъ графъ Николай Петровичъ,—знаешь, канцлеръ?—все-де вздоръ. Россія потоптана, разорена. Тутъ своего дѣла не оберешься. Чего лѣзть въ ротъ волку. И за что? Развѣ за прекрасные глаза короля прусскаго! Ну, братъ, это дешево стоитъ... Я тебѣ вотъ что скажу,—понижая голосъ, продолжалъ старикъ:—не надо ни крови проливать, ни геройствовать. Бонапартъ пойдеть на все. Онъ дастъ намъ Польшу, Мемель и, можетъ быть, Данцигъ; Магдебургъ—королю Пруссіи, другу нашего государя,—и всё успокоится. Ей-ей, будь жива матушка Екатерина, никогда того не было бы.

Старикъ всталъ во весь свой высокій ростъ.

— И еще слушай,—торжественно началъ онъ:—союзъ съ Бонапартомъ дать бы намъ Турцію, Византію, мы бы съ распушенными знаменами вошли въ Константинополь... Мы подѣлили бы съ Бонапартомъ міръ пополамъ. Что намъ пѣмцы? Намъ ли проливать за нихъ кровь!.. Это понимала великая государыня.

Этотъ величественный старикъ со своей гордой львиной головой словно сразу переносилъ Левона въ вѣкъ Екатерины, съ горделивыми мечтаніями свѣтлѣйшаго князя Тавриды о завоеваніи Константинополя, съ ея недовѣрчивостью къ политикѣ кабинета Фридриха Великаго...

Левонъ тоже всталъ.

— Быть можетъ, вы и правы, дядя, но на то и созданы мы, чтобы идти въ бой. Стыдно жить такой жизнью, какъ живутъ у васъ здѣсь, когда самъ императоръ находится во главѣ своихъ войскъ.

Старый князь уже успокоился и съ обычной усмѣшкой опустился въ кресло.

— Ну, что жъ, тогда прогуляйся. Пожалуй, и правы умные люди... Сдѣлайте военную прогулку, пока Бонапартъ не соберетъ новыя полчища, а тамъ все уладится. Я не вѣрю,—уже серьезно добавилъ старикъ:—чтобы государь бросилъ разоренную Россію и платилъ русской кровью за разбитые прусскіе горшки. Поживемъ—увидимъ. А теперь, скажи,—ты вѣдь остановишься у меня?

— Если позволите, дядя,—отвѣтилъ Левонъ.—Я уже велѣлъ своимъ людямъ привезти сюда мое походное имущество. Я считывалъ на ваше гостепріимство.

— Ну, и умница,—сказалъ князь.—Но когда же ты пріѣхалъ?—продолжалъ онъ, окидывая взглядомъ нарядный костюмъ племянника.

Левонъ замѣтилъ этотъ взглядъ и засмѣялся.

— Я пріѣхалъ вчера вечеромъ,—отвѣтилъ онъ:—и остановился у заставы въ гостиницѣ «бригадирши», знаете?

Князь кивнулъ головой.

— Тамъ я выпался. Утромъ почистился, и вотъ я въ полномъ парадѣ.

— Ну, и отлично,—отозвался старый князь.—А теперь и мнѣ надо привести себя въ порядокъ. Ты подожди, я одѣнусь и тогда представлю тебя твоей теткѣ.

На лицѣ Левона отразилось недоумѣніе.

— Теткѣ?—переспросилъ онъ.

— Ахъ, да,—замѣтилъ Никита Арсеньевичъ:—я и забылъ, что ты съ того свѣта. А, впрочемъ, я писалъ тебѣ...

— Я не получалъ вашихъ писемъ,—отозвался Левонъ.

— Я такъ и думалъ,—продолжалъ князь:—я вѣдь женился.

Онъ сказалъ это спокойнымъ голосомъ, между тѣмъ, какъ глаза его пристально слѣдили за выраженьемъ лица племянника, какъ будто онъ ожидалъ насмѣшливаго удивленія или тайнаго осужденія.

Но Левонъ былъ далекъ отъ этого. Его первоначальное удивленіе было вызвано неожиданностью извѣстія—только. А такъ, при взглядѣ на этого красавца-богатыря, крѣпкаго и могучаго, несмотря на семьдесятъ лѣтъ, онъ находилъ вполне естественнымъ самый фактъ женитьбы. Да, этотъ старый левъ, въ обаяніи своего имени, сказочнаго богатства и былой славы, другъ Потемкина и въ свое время любимецъ Екатерины, еще могъ нравиться женщинамъ.

— Поздравляю васъ, дядя,—спокойно произнесъ Левонъ:—я увѣренъ, что вы счастливы.

Никита Арсеньевичъ кивнулъ головой и, вставая, произнесъ:

— Такъ подожди.

Онъ вышелъ изъ кабинета.

Левъ Кирилловичъ былъ послѣдній въ родѣ князей Бахтѣевыхъ. Мать его умерла, когда ему было нѣсколько лѣтъ, а отецъ, младшій братъ Никиты Арсеньевича, погибъ въ 1799 году во время итальянскаго похода Суворова. Онъ умеръ въ Миланѣ отъ острой лихорадки.

По повелѣнію императора Павла, Никита Арсеньевичъ былъ назначенъ опекуномъ семилѣтняго Левушки.

Левонъ получилъ блестящее образованіе подъ непосредственнымъ наблюденіемъ дяди. Онъ свободно владѣлъ тремя языками, прекрасно зналъ французскихъ энциклопедистовъ, обожалъ Вольтера и Руссо.

Шестнадцатилѣтнимъ прапорщикомъ Левъ Кирилловичъ получилъ боевое крещеніе при Прейсишъ-Эйлау.

Потомъ велъ обычную жизнь богатаго гвардейскаго офицера и при началѣ войны двѣнадцатаго года отправился въ дѣйствующую армію.

Тамъ онъ заслужилъ георгиевскій крестъ и чинъ ротмистра.

III.

Левъ Кирилловичъ невольно залюбовался дядей, когда тотъ вышелъ въ кабинетъ; высокій, стройный, въ коричневомъ фракѣ, съ кружевнымъ жабо, въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и черныхъ туфляхъ съ брильянтовыми застежками, съ неизмѣнной золотой табакеркой въ рукѣ.

Эта табакерка, украшенная портретомъ Екатерины, была подарена князю великой императрицей.

Никто не далъ бы этому величественному старику семидесяти лѣтъ.

— Ну, идемъ, Левонъ,—произнесъ онъ.

— Дядя,—сказалъ Левонъ:—вы еще не сказали мнѣ, какъ звать мою тетупку.

— Ахъ, да,—усмѣхнулся князь:—правда. Я женился на дочери Буйносова, знаешь, сенатора, Евстафія Павлыча,—Иринѣ. Ты вѣдь встрѣчался съ нимъ до войны?

— Какъ будто встрѣчался, дядя,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—но не помню хорошо.

— Ну, теперь вспомнишь,—отозвался князь.—Наша свадьба была въ ноябрѣ,—добавилъ онъ.

Они прошли черезъ рядъ парадныхъ комнатъ, на половину княгини.

— Есть кто-нибудь у княгини?—спросилъ князь лакея.

— Такъ точно, ихъ сіятельство сегодня принимаютъ,—отвѣтилъ лакей, подымая тяжелую портьеру, изъ-за которой слышались голоса.

Съ чувствомъ невольнаго любопытства Левъ Кирилловичъ переступилъ порогъ гостиной вслѣдъ за своимъ дядей.

При ихъ появленіи разговоры на мигъ смолкли. Въ гостиной, кромѣ княгини, было еще трое мужчинъ и одна дама.

Отдавъ общій поклонъ, князь прямо направился къ своей женѣ.

— Iгène,—началъ онъ:—позвольте представить вамъ вашего племянника Левона Бахтѣева.

И онъ указалъ рукой на стоявшаго за нимъ Льва Кирилловича.

Въ эти короткія мгновенія, пока молодой Бахтѣевъ шелъ отъ порога до кресла княгини, онъ уже успѣлъ и рассмотреть свою новую тетупку, и проникнуться восхищеньемъ передъ ней.

Передъ нимъ была совсѣмъ молодая женщина, лѣтъ девятнадцати, чрезвычайно красивая, но съ холоднымъ, надменнымъ лицомъ не русскаго типа.

Словно изъ пѣны, вырисовывалась изъ драгоцѣнныхъ, слегка желтоватыхъ кружевъ небольшая черноволосая головка съ чертами Саломеи или Юдиои, съ необыкновенно большими темными глазами, мерцающими безъ блеска. Тонкія ноздри изящно очерченнаго орлинаго носа слегка трепетали, ярко окрашенныя губы были плотно сжаты.

Не выказывая ни удивленія, ни радости, она быстрымъ взглядомъ окинула съ головы до ногъ стройную фигуру «племянника» и протянула ему блѣдную тонкую руку со словами:

— Какая пріятная неожиданность! Князь былъ въ отчаяннѣ, считая васъ погибшимъ.

— И какая пріятная неожиданность для меня, — отвѣтил Левъ Кирилловичъ, цѣдуя протянутую руку:—воскресши изъ мертвыхъ, найти, кромѣ любимаго дяди, еще очаровательную тетю.

Княгиня легкимъ наклоненіемъ головы, безъ улыбки, поблагодарила за любезную фразу.

— Теперь я познакомлю тебя съ моими милыми гостями,—произнесъ князь.

Прежде всего онъ представилъ племянника пожилой дамѣ съ большимъ токомъ на головѣ—княгинѣ Напраксиной, извѣстной въ высшемъ обществѣ столицы своимъ ханжествомъ, смѣшаннымъ съ мистицизмомъ, вдовѣ полковника, убитаго въ сраженіи при Аустерлицѣ.

Ея домъ былъ вѣчно наполненъ всякими проходимцами: французскими эмигрантами, прикрывавшими свою трусость и свое корыстолюбіе маской преданности «законному» королю Франціи, аббатами и іезуитами, проклинавшими Наполеона за конкордаты и плѣненіе папы и ловившими рыбу въ мутной водѣ, безграмотными странниками, невѣжественными доморощенными пророками, проповѣдывающими свое извращенное толкованіе евангелія, въ цѣляхъ разврата и корысти.

Говорили, что вдовствующая императрица Марія Теодоровна интересовалась княгиней Напраксиной, что самъ императоръ велъ съ ней не разъ продолжительныя бесѣды.

Княгиня Напраксина не опровергала и не поддерживала этихъ слуховъ.

Но было несомнѣнно, что она пользовалась расположеніемъ вдовствующей императрицы.

Старый князь Бахтѣевъ, скептикъ и вольтерьянецъ, никогда не упускалъ случая какъ-нибудь посмѣяться надъ княгиней.

И теперь, представляя ей своего племянника, онъ сказалъ:

— Обратите его, княгиня, въ свою вѣру; онъ слишкомъ военный. Не сдѣласте ли вы изъ него пророка или по крайней мѣрѣ апостола? Человѣчество нуждается въ тѣхъ и другихъ. А для нашихъ дамъ, утратившихъ всякую вѣру, они необходимы. Особенно молодые и красивые.

Княгиня бросила на него злобный взглядъ и отвѣтила:

— А для мужчинъ, особенно старыхъ, потерявшихъ вѣру въ Бога, нужны пророчицы, конечно, молодыя и красивыя.

Легкая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ князя Никиты, но онъ съ легкимъ поклономъ возразилъ:

— Клянусь Богомъ, вы правы, княгиня. Намъ, старыхъ грѣшниковъ, можетъ направить на путь истины лишь молодость и красота. Мы достаточно стары и опытны, чтобы проникаться ханжествомъ своихъ ровесницъ.

— Надѣюсь, князь,—сказала княгиня:—вы не успѣли еще насадить въ душѣ вашего племянника гибельныхъ доктринъ революціонной Франціи, испровергающихъ троны.

— Спросите его, княгиня,—равнодушно отвѣтилъ князь.

— Приходите ко мнѣ, молодой человѣкъ,—милостиво замѣтила княгиня, съ удовольствіемъ глядя на красивую фигуру молодого офицера.

Левъ Кирилловичъ низко поклонился, цѣлуя ея руку.

— А это нашъ вице-канцлеръ,—съ усмѣшкой продолжалъ князь, знакомя Левона съ молодымъ, изящно одѣтымъ человѣкомъ.

Это былъ секретарь канцлера Румянцова, Бахметьевъ, Григорій Ивановичъ.

— О, князь,—произнесъ онъ:—я самый маленькій изъ всѣхъ секретарей графа.

— Но, но!—ласково замѣтилъ князь, отходя.

— Господинъ Гольдбахъ,—позвольте представить вамъ моего племянника,—проговорилъ по-нѣмецки князь.

Въ черномъ фракѣ, съ большимъ бѣлымъ галстукомъ на шеѣ, Гольдбахъ церемонно поклонился.

— Это тоже одинъ изъ вершителей нашихъ судебъ,—смѣясь, сказалъ князь:—секретарь и правая рука барона фонъ-Штейна.

— О, ваше сіятельство,—отвѣтилъ нѣмецъ, низко кланяясь.

— Не скромничайте, г. Гольдбахъ,—продолжалъ князь: скажите, какія новости вы имѣете отъ барона?

— Послѣднія извѣстія были отъ барона очень утѣшительныя. Русскій императоръ учреждаетъ патріотическій комитетъ по дѣламъ Прусскаго королевства,—отвѣтилъ Гольдбахъ:—въ составъ комитета вошелъ и баронъ.

— Ну, конечно,—отозвался князь:—а у насъ тутъ тоже образовывается комитетъ по оказанію помощи потерпѣвшимъ отъ непріятели въ минувшемъ году. У насъ хлѣба нѣтъ, г. Гольдбахъ,—закончилъ онъ.

Гольдбахъ сочувственно покачалъ головой.

— О, да,—сказалъ онъ:—но вашъ государь такъ добръ, онъ истинный отецъ своихъ подданныхъ. Покончивъ дѣла за границей, онъ, конечно, облагодѣтельствуетъ и Россію.

Въ своемъ патріотическомъ настроеніи Гольдбахъ едва ли сознавалъ, что онъ сказалъ. Ему казалось совершенно естественнымъ, чтобы его родина всегда и вездѣ была первымъ предметомъ заботъ всѣхъ государей и всѣхъ народовъ.

Но при этой наивно дерзкой фразѣ старый князь вспыхнулъ и, отступивъ, насмѣшливо замѣтилъ:

— Да, нашъ государь очень добръ, вы правы, г. Гольдбахъ, онъ, дѣйствительно, добрый отецъ, и мы ждемъ хлѣба и, конечно,

получимъ его; вамъ вѣдь извѣстно изреченіе,—закончилъ князь:—
«Ein guter Vater giebt seinen Kindern nicht einen Stein, wenn sie
Brot bei ihm bitten».

Ошеломленный Гольдбахъ не успѣлъ отвѣтить и еще рѣшалъ,
обидѣться или пѣтъ, какъ Никита Арсеньевичъ уже отошелъ отъ
него, съ довольной усмѣшкой.

Вниманіе Льва Кирилловича давно уже привлекалъ третій
гость, красивый молодой человѣкъ съ блѣднымъ, утомленнымъ
лицомъ и черными усами. Въ петлицѣ его фрака краснѣла лен-
точка. Левъ Кирилловичъ подмѣтилъ его острый, сверкнувшій
ненавистью взглядъ, брошенный на Гольдбаха.

— А вотъ и самый мой дорогой гость,—съ внезапнымъ чув-
ствомъ произнесъ князь, останавливаясь передъ этимъ блѣднымъ
молодымъ человѣкомъ и нисколько не заботясь, по свойственной
ему манерѣ величавой надменности, какъ отнесутся къ его сло-
вамъ остальные гости.

— Протяни ему руку, Левонъ,—это нашъ благородный врагъ,
виконтъ де-Соберсе. Виконтъ,—обратился онъ къ своему гостю:—
это мой племянникъ князь Бахтѣевъ. Онъ храбро сражался съ
вами, но мы умѣемъ уважать доблестнаго врага.

Старый вельможа Екатерины былъ величественъ въ эту минуту.
Свободной гордостью и сознаньемъ силы вѣяло отъ всей его мо-
гучей фигуры и прекраснаго лица, обрамленнаго массой сѣ-
дыхъ кудрей.

— Вы очень великодушны, князь,—слегка глухимъ голосомъ
произнесъ виконтъ:—только ваша доброта позволяетъ переносить
мнѣ мое тягостное положеніе...

— Но, но,—отвѣтилъ князь (у него была привычка повторять
въ разговорѣ: но, но!),—не будемъ говорить объ этомъ.

Левъ Кирилловичъ пожалъ протянутую руку.

Исполнивъ свои обязанности, князь отошелъ къ женѣ.

— Вы сами военный,—быстро началъ французъ, обращаясь
къ Льву Кирилловичу:—вы, конечно, поймете меня. —Его щеки
покраснѣли.—Я полковникъ легко-коннаго полка кавалеріи неа-
политанскаго короля... Я въ плѣну... Вамъ извѣстно, что война
перенесена за границу. Вы можете представить мои чувства. Я
былъ при Маренго, Аустерлицѣ, Іенѣ, Фридрихсбургѣ и Ваграмѣ...
Самъ императоръ надѣлъ мнѣ этотъ крестъ Почетнаго Легіона на
поляхъ Ваграма. Могу ли я быть спокоенъ, томясь въ плѣну,
когда новая, страшная война началась противъ моего импера-
тора. Вы вѣдь понимаете меня?

— О, да,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—я понимаю васъ, я бы самъ
испытывалъ на вашемъ мѣстѣ тѣ же чувства.

— Вотъ видите,—воскликнулъ французъ.—Мнѣ тяжело видѣть
торжество побѣдителей... Но, быть можетъ, благоразуміе одер-

жить верхъ. Императоръ Наполеонъ всегда высоко ставилъ императора Александра. Они могли бы подѣлить мiръ пополамъ...

— Это говоритъ и мой дядя,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ.

— Вотъ видите, видите,—продолжалъ Соберсе:—графъ Румянцовъ, вашъ канцлеръ, противъ войны. Говорятъ, князь Кутузовъ тоже противъ. Ваша родина разорена. Чего же хотите вы? Увлекаюсь личной дружбой къ прусскому королю или ненавистью къ Наполеону, вашъ императоръ губить свою имперію.

— Я не могу обсуждать поступковъ моего императора,—сухо отозвался Левъ Кирилловичъ.

— О, я понимаю васъ,—воскликнулъ Соберсе:—я знаю, что значить преданность къ императору. Но я хочу сказать, что, несмотря на войну и пораженія, мы не чувствуемъ къ вамъ ненависти. Вѣдь и вы тоже? Да?

— Да,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—вы правы. Хуже всѣхъ вели себя въ Россіи нѣмцы и особенно баварцы.

— Видите! И вы хотите ихъ защищать!—съ горечью воскликнулъ Соберсе.

Этотъ плѣнный французскій офицеръ внушалъ Бахтѣеву невольную симпатію.

— Мы еще поговоримъ,—сказалъ онъ, пожимая руку французу.

А въ другомъ углу салона слышался слащавый голосъ Гольдбаха:

— Наши герои Штейнъ и Шарнгорстъ. Вся Германія возстала. У насъ есть свои Тиртеи, Арндтъ и Кернеръ. У насъ будутъ и свои амазонки и свои Жанны д'Аркъ. Пожертвованія текутъ рѣкой. За желѣзное кольцо—символь жертвы родинѣ—отдаютъ послѣднее достояніе. «Отдаю золото за желѣзо» («Gold gab ich für Eisen»), какъ выгравировано на этомъ кольцѣ. Наши потомки будутъ съ гордостью показывать это желѣзное кольцо—символь героизма и самоотверженности. Германія возстала, какъ одинъ человекъ. Студенты, профессора, какъ великій Фихте, художники, какъ Шадовъ, поэты, какъ Кернеръ и баронъ де-ля-Мотъ-Фуке, идутъ въ ряды народной арміи. За это желѣзное кольцо наши дѣвушки отдаютъ золото своихъ волосъ. О! Германія освободитъ мiръ отъ этого чудовища!—съ наэосомъ добавилъ Гольдбахъ.

— При помощи русскихъ штыковъ, конечно,—насмѣшливо проговорилъ князь Никита.

При этихъ словахъ Гольдбахъ сразу остылъ и словно отрезвѣлъ отъ своего увлеченія.

— Вы забываете, дорогой Гольдбахъ,—все тѣмъ же тономъ стараго вельможи продолжалъ князь:—что Наполеонъ еще располагаетъ силами Рейнскаго союза, а Пруссія... Ну, да, конечно, у Пруссіи нѣтъ болѣе Фридриха Великаго.

И князь отвернулся отъ смущеннаго Гольдбаха.

— Союзъ съ Пруссіей заключенъ 16-го февраля въ Калишѣ,—
лѣниво произнесъ Бахметевъ.

— Хвала Богу,—отозвалась Напраксина:—рука Провидѣнія
укажетъ путь спасенія народовъ отъ антихриста.

Видя, какой оборотъ принимаетъ разговоръ, Соберсе незамѣтно
вышелъ изъ комнаты.

— Рука Провидѣнія, по моему мнѣнію,—насмѣшливо сказалъ
старый князь:—должна бы указывать на разоренную и испепе-
ленную Россію. Здѣсь наше дѣло. Мы спасли себя, и довольно. У
меня вотъ рекрутовъ требуютъ. Найдутъ ли—не знаю! Но кого най-
дутъ—тѣ пойдутъ. Они пойдутъ,—съ силой добавилъ онъ:—оставя
свои разоренныя гнѣзда, не вспаханную землю, умирающія отъ
голода семьи. Они пойдутъ. Куда? Зачѣмъ? Спасать чужіе народы?
По-истинѣ, перстъ Провидѣнія указываетъ не туда, куда нужно.

— Вы кошунствуете,—съ негодованіемъ произнесла Напра-
ксина:—развѣ нашъ императоръ не Божій помазанникъ.

— Императоръ остается императоромъ,—сухо произнесъ князь:—
но Россія тоже остается Россіей.

Левъ Кирилловичъ съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ эти
разговоры. И странно, прирожденный воинъ, онъ шелъ теперь на
новую войну безъ увлеченія, безъ сознанія необходимости и пра-
воты того дѣла, за которое онъ готовился умереть.

Эти разговоры были какъ бы подтвержденіемъ его внутрен-
нихъ опасеній.

Княгиня молча слушала, и на ея холодномъ прекрасномъ лицѣ
не выражалось ни единого движенія чувствъ, быть можетъ, волно-
вавшихъ ея душу.

IV.

Устроившись у дяди, Левъ Кирилловичъ принялся за хлопоты.
Прежде всего ему надо было возстановить свои права, такъ какъ
онъ былъ исключенъ изъ списковъ арміи «за смертью», и затѣмъ
получить назначеніе въ дѣйствующую армію.

Съ отъѣздомъ государя въ армію словно наступила полная
анархія во внутреннемъ управленіи государства.

Государь уѣхалъ еще 7-го декабря, въ сопровожденіи оберъ-
гофмаршала графа Толстого, государственнаго секретаря Шишкова,
графа Аракчеева, статсъ-секретаря графа Сессельроде, д. ст. сов.
Марченка и своего неизмѣннаго друга генералъ-адъютанта князя
Петра Михайловича Волконскаго.

Во веѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ царилъ невообра-
зимый хаосъ. Огромная имперія, хотя побѣдоносно вышедшая
изъ тяжелаго испытанія, но все же разгромленная, обнищавшая и
разоренная, колебалась на своихъ могучихъ корняхъ. Веѣ орга-

ны управленія были разстроены, мѣстныя правительственныя учрежденія растеряли всѣ свои документы, дѣла судебныя, имущественныя, все то, что сплетается въ одинъ клубокъ судьбы людей. Не оконченныя тяжбы, спорные процессы, безчисленныя ходатайства по самымъ разнообразнымъ вопросамъ, все пришло въ хаотическій беспорядокъ. Новая начавшаяся война наносила послѣдній ударъ всѣмъ надеждамъ. Тысячи просителей, разоренныхъ помѣщиковъ, искалѣченныхъ солдатъ и офицеровъ, осаждали канцеляріи, не встрѣчая ни привѣта, ни отвѣта. Имперія была похожа на титана, захворавшаго тяжелой болѣзью. Ей былъ нуженъ покой и отдыхъ послѣ страшныхъ нечеловѣческихъ напряженій минувшаго года, когда волна народнаго чувства достигла своей предѣльной высоты, и теперь вдругъ отхлынула, открывая бездну нищеты.

Канцлеръ графъ Николай Петровичъ Румянцовъ чувствовалъ себя обиженнымъ и растеряннымъ. Отъ виѣшной политики онъ былъ совершенно устраненъ, что ставило его въ неловкое положеніе передъ представителями державъ, находящимися въ Петербургѣ. Государь взялъ непосредственно на себя всѣ дипломатическія сношенія. Всеподданнѣйшія представленія по внутреннимъ вопросамъ оставались безъ отвѣта. Приходили только короткія распоряженія черезъ Аракчеева о формированіи регулярныхъ батальоновъ, резервныхъ эскадроновъ, ополченій и доставкѣ провіанта. Наборъ рекрутовъ подвигался круто. Во многихъ дворянскихъ помѣстьяхъ не насчитывалось и десятой части прежде бывшихъ крестьянъ. Съ мѣсть приходили неутѣшительныя вѣсти. То здѣсь, то тамъ вспыхивали бунты...

Канцлеръ, уже потрясенный войной двѣнадцатаго года, стоившей ему паралича, послѣ котораго онъ оглохъ, терялъ голову.

Наконецъ не выдержалъ и послалъ прошеніе объ отставкѣ.

Прошеніе тоже осталось безъ отвѣта.

Общество обѣихъ столицъ рѣзко раздѣлилось.

Одна часть его, не думая о понесенныхъ потеряхъ, жаждала только довершить торжество Россіи и питало непримиримую ненависть къ Наполеону. Въ этой ненависти ихъ укрѣпляло еще убѣжденіе въ невозможности для Наполеона вести новую войну послѣ страшнаго разгрома, постигшаго его въ Россіи. Поверхностные наблюдатели этого сорта считали его окончательно погибшимъ, чему много содѣйствовали французскіе эмигранты, уже видѣвшіе на престолѣ Франціи Людовика XVIII; такіе люди смотрѣли на новый походъ, какъ на увеселительную военную прогулку. Другіе, болѣе знакомые съ положеніемъ дѣлъ, во главѣ которыхъ былъ канцлеръ, являлись убѣжденными противниками войны и надѣялись, что послѣ опустошительной войны двѣнадцатаго года императоръ Александръ воспользуется случаемъ, видя

могущество Наполеона поколебленнымъ и въ достаточной мѣрѣ поднявъ воинственный шумъ, заключить выгодный для Россіи миръ.

Въ высшемъ же обществѣ господствовало по преимуществу первое мнѣніе. Легкомысленное, какъ всегда, оно въ своемъ невѣжественномъ патриотизмѣ рѣшило, что война должна быть закончена не иначе, какъ въ Парижѣ, куда, конечно, русскія войска дойдутъ церемоніальнымъ маршемъ. Эмигранты увѣряли, что Франція ненавидитъ тирана и его пѣсенка спѣта. Гольдбахъ въ свѣтскихъ гостиныхъ говорилъ, что одинъ видъ германской народной арміи заставитъ Бонапарта положить оружіе и повергнетъ въ панической ужасъ всю Францію. Имъ охотно вѣрили. Свѣтскія дамы сговаривались о побѣздкѣ за границу, въ Бадень-Бадень, къ маркграфинѣ-матери императрицы Елизаветы Алексѣевны, куда собирались, какъ говорили, и сама императрица и великая княгиня Екатерина Павловна и гдѣ, навѣрное, такъ будетъ весело въ обществѣ побѣдоносныхъ русскихъ и прусскихъ офицеровъ. Обѣды и рауты смѣнялись одни другими...

— Два-три мѣсяца, и мы въ Парижѣ,—говорили на свѣтскихъ собраніяхъ.—У Наполеона нѣтъ ничего...

Радуюсь быстрому движенію русской арміи впередъ, въ Петербургѣ почти никто, за исключеніемъ очень немногихъ, не видѣлъ грозной тучи, чреватой громами и молніями, нависшей надъ Европой... Къ числу немногихъ принадлежалъ и князь Никита Арсеньевичъ.

— У нихъ у всѣхъ отнялъ Господь разумъ,—говорилъ онъ Льву Кирилловичу въ дружеской бесѣдѣ:—они восхищаются этими побѣдами, но не понимаютъ того, что Наполеонъ отступаетъ, чтобы сдѣлать прыжокъ тигра. У него ничего нѣтъ?! Сумасшествіе! Онъ еще располагаетъ силами Голландіи и Италіи, Баваріи, Саксоніи, Виртемберга, Бадена, Гессена и другихъ членовъ Рейнскаго союза, король датскій смотритъ на него, какъ на своего покровителя. На престолахъ испанскомъ и вестфальскомъ его родные братья. Одно имя его внушаетъ ужасъ!.. А вотъ смотри,—продолжалъ взволнованный князь.—Вотъ какія письма Штейна къ императору... Вотъ каково отношеніе прусскаго короля къ Россіи...—и онъ передалъ письмо Льву Кирилловичу.—Я получилъ его отъ Румянцова,—добавилъ онъ.

Левъ Кирилловичъ съ любопытствомъ взялъ въ руки письмо.

...Tous les états sont animés du desir de briser les fers, dans les quels Napoléon les tient... et il ne faudrait qu'un souverain capable lui-même d'exaltation, d'une volonté grande et forte, pour porter l'enthousiasme au plus haut degré et lui donner la plus grande étendue. Malheureusement ce n'est point le cas: le Roi est froid; il n'a que des demi-volontés; il n'a de confiance ni en soi, ni dans son peuple;

il croit que la Russie l'entraîne, dans un abîme et qu'en peu les armées françaises se trouveront sur la Vistule».

Левъ Кирилловичъ былъ пораженъ.

Прусскій король ведетъ себя, какъ предатель!

— Да,—продолжалъ князь:—я понимаю Штейна: онъ патриотъ, но онъ хочетъ подмѣнить прусскаго короля русскимъ императоромъ. Но нельзя быть прусскимъ королемъ, оставаясь русскимъ императоромъ. У него есть свой народъ, и надо думать о немъ. Это безуміе,—закончилъ князь, вставая.

— Однако, дядя,—произнесъ Левъ Кирилловичъ:—я не считалъ васъ столь освѣдомленнымъ. Вы открываете мнѣ глаза.

Князь усмѣхнулся.

— Для этого только надо быть русскимъ, а не Нессельроде, Поццо ди-Борго или Винцингероде,—сказалъ онъ:—слава Богу, князь Бахтѣевъ, Кутузовъ и Румянцовъ еще русскіе люди.

При словахъ Никиты Арсеньевича въ умѣ молодого князя пронеслись страшныя картины опустошенной, нищей, угнетенной Россіи, и пробуждалась ненависть къ тѣмъ чужимъ людямъ, которые цѣной русской крови хотѣли купить собственное благополучіе и свободу.

Благодаря своему имени и связямъ стараго князя, Льву Кирилловичу скоро удалось возстановить свои права и получить назначеніе въ дѣйствующую армію. Выборъ полка былъ предоставленъ ему. Румянцовъ далъ ему письмо къ главнокомандующему свѣтлѣйшему князю Кутузову. Полкъ не былъ обозначенъ только потому, что молодой князь хотѣлъ непременно попасть въ передовыя части, а какіе полки были впереди, доподлинно графъ Румянцовъ не зналъ.

V.

Но среди этихъ хлопотъ, въ волненіи новыхъ мыслей, нахлынувшихъ въ его душу, Левъ Кирилловичъ испытывалъ смутное безпокойство, не связанное ни съ этими хлопотами, ни съ этими новыми мыслями.

Сперва, едва оцутимое, оно росло въ его душѣ, постепенно завладѣвало имъ, лишало его сна и удовольствій. И причиной этихъ безпокойныхъ настроеній являлась княгиня. Ея все тотъ же надменный видъ, прекрасное лицо безъ улыбки, ровное и холодное отношеніе къ нему, несмотря на то, что онъ жилъ въ домѣ князя и, слѣдовательно, по самымъ условіямъ жизни былъ близокъ къ ней, какъ по родству, такъ и дружбѣ дяди, волновали его. Всѣ попытки сблизенія молодая княгиня холодно отклоняла.

«Что это значит?—съ тоской думаль князь.—Неужели я до такой степени ей противен?»

Но онъ бываль счастливъ, если ему удавалось оказать ей какую-нибудь мелкую услугу: поднять уроненный платокъ, подать что-нибудь, исполнить небрежно выраженное желанье, въ родѣ того, чтобы прочесть какой-нибудь романъ m-me Jenlis или стихи Жуковского. Тогда онъ рыскаль по Петербургу, искаль, находиль книгу, что было иногда очень трудно, и съ торжествомъ приносиль ей.

Въ отвѣтъ онъ получаль холодное:

— Merci, mon prince.

Она даже не звала его иначе, какъ «князь».

Когда же онъ робко начиналь разговоръ объ этихъ книгахъ, княгиня или отмалчивалась, или холодно говорила, что еще не прочла...

Князь замѣтилъ, что Ирина Евстафьевна была особенно близка съ княгиней Напраксиной, и рѣшилъ поѣхать къ ней съ визитомъ. И онъ собрался.

Его молодому воображенію Ирина Евстафьевна представлялась какимъ-то сфинксомъ. Ему казалось, что словно какая-то тайна окружаетъ ее. Княгиня равнодушно относилась ко всеѣмъ свѣтскимъ развлеченіямъ,—едва замѣчала всеобщее поклоненіе, окружавшее ее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно, ея жизнь была чѣмъ-то заполнена. Но чѣмъ? Она часто уѣзжала изъ дому, вела обширную переписку, посѣщала католическія мессы въ Пажескомъ корпусѣ и была частой гостьей княгини Напраксиной.

Левъ Кирилловичъ незамѣтно для самого себя мало-по-малу увлекался этой живой загадкой и старался по возможности бывать тамъ, гдѣ бывала молодая княгиня.

И теперь, ѣдучи къ Напраксиной, онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ ожидаль встрѣтить тамъ княгиню Ирину.

Вступивъ въ салонъ Напраксиной, князь засталъ тамъ большое, по обыкновенію смѣшанное общество. Черныя сутаны католическихъ священниковъ странно перемѣшивались съ цвѣтными мундирами гвардейскихъ офицеровъ, изящными фраками штатскихъ и открытыми туалетами дамъ. Общее впечатлѣніе дополняли подрясникъ какого-то по виду захудалаго православнаго священника и поддевка одного изъ гостей, худощаваго высокаго человѣка лѣтъ сорока, съ острыми глазами, выщейся бородой и темными кудрями, падавшими на низкій, откинутый назадъ лобъ. Этотъ человѣкъ былъ окруженъ изящными, декольтированными женщинами, жадно слушавшими его тихій, вкрадчивый голосъ.

Среди этихъ женщинъ была и Ирина Евстафьевна. Съ широко раскрытыми глазами, поблѣднѣвшимъ лицомъ, вся подавшись впе-

редь, она такъ близко сидѣла отъ этого человѣка, что почти касалась его колѣнами. Но она не замѣчала этого, вся обратившись въ слухъ...

Враждебное чувство сжало сердце Льва Кирилловича.

Напраксина замѣтила его и поспѣшила къ немъ навстрѣчу.

— Какъ я благодарна вамъ,—искренно воскликнула она, протягивая ему руку.

— Я счелъ своимъ долгомъ быть у васъ, княгиня, передъ моимъ отъѣздомъ въ армію,—отвѣтилъ князь, цѣлуя ея руку.

— О, вы не раскаетесь,—произнесла Напраксина:—вы удачно попали. Сегодня у меня много новостей. И сегодня у насъ дорогой гость—о. Никифоръ!—и она указала на человѣка, рядомъ съ которымъ сидѣла Ирина.

Князь удивленно поднялъ брови.

— Но вѣдь онъ, кажется, не священникъ,—сказалъ онъ:—и кто такой этотъ о. Никифоръ?

Напраксина тихо засмѣялась.

— Ну, я вамъ прощаю ваше невѣдѣніе, вѣдь вы воскресли изъ мертвыхъ,—начала онъ:—онъ не священникъ, да, это правда, но онъ святой мужъ, провидецъ... Вы знаете,—шопотомъ продолжала она:—это дѣйствительно пророкъ, это учитель чистой вѣры въ духѣ Христа... Спросите у вашей юной тетушки... Его знаетъ весь Петербургъ. Онъ предсказалъ взятіе Москвы и гибель Наполеона. Онъ другъ князя Александра Николаевича Голицына... Объ его пророчествахъ передъ отъѣздомъ императора князь Голицынъ довелъ до свѣдѣнія его величества. О, это необыкновенный человѣкъ.!

Князь былъ ошеломленъ.

— Хотите, я познакомя васъ съ нимъ?—продолжала княгиня.

— Ваша воля, княгиня,—отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—только я боюсь, что это знакомство будетъ мало пріятно и вашему проку и мнѣ.

Въ этой фразѣ сказались обычная прямота и рѣзкость молодого князя.

Онъ не вѣрилъ ни въ пророковъ, ни въ пророчества, а близкое соудство княгини Ирины къ «пророку» ему положительно не нравилось.

— О-го! Да вы не вольтерьянецъ ли, какъ вашъ дядя?—съ усмѣшкой произнесла княгиня:—во всякомъ случаѣ вы съ нимъ познакомитесь.

— Конечно,—поспѣшилъ отвѣтить князь:—я только хотѣлъ сказать, что представленіе меня ему ставитъ меня словно въ толпу его поклонниковъ, а этого я не хочу ни за что въ мѣръ.

— Я понимаю васъ,—немного помолчавъ, сказала Напраксина.—Дѣйствительно, хотя онъ и святой, но онъ не нашего круга, и зна-

комство съ нимъ должно произойти иначе. Ваша тетюшка вамъ можетъ много рассказать про него.

Съ этими словами она покинула князя, предоставивъ его самому себѣ.

Къ счастью, Бахтѣевъ сразу встрѣтилъ своихъ пріятелей.

Его привѣтствовали, какъ возставшаго изъ мертвыхъ. Вопросы посыпались, какъ градъ. Князь съ увлеченіемъ отдался впечатлѣнію встрѣчи со старыми боевыми товарищами, но все же на его настроніи лежала темная тѣнь. Онъ не разъ среди самаго оживленнаго разговора съ непонятнымъ безпокойствомъ обращалъ свои глаза на княгиню Ирину, и ему казалось, что онъ встрѣчалъ ея холодный пренебрежительный взглядъ.

Онъ не хотѣлъ по какому-то непонятному сложному чувству подойти къ ней.

Безшумно ступая по мягкимъ коврамъ, лакеи разносили чай. Присутствовавшіе разбились на кружки. Левъ Кирилловичъ уже отвыкъ отъ общества; сдержанный гулъ негромкихъ голосовъ стоялъ въ салонѣ. Въ одномъ кружкѣ у круглаго столика старый сенаторъ со звѣздой на фракѣ, пожимая плечами, говорилъ:

— Мы идемъ впередъ, какъ на маневрахъ, но все же эта военная прогулка стоитъ не дешево. Не стоятъ овчинка выдѣлки.

— Она слишкомъ дорого стоитъ, графъ,—раздался рѣзкій голосъ:—я имѣлъ случай получить копию письма статсъ-секретаря Шишкова.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на молодого офицера, только что вошедшаго, съ нервнымъ и желчнымъ лицомъ, произнесшаго эти слова.

— Новиковъ!—воскликнуть Бахтѣевъ, узнавъ своего однополчанина.

Новиковъ радостно взглянулъ на него и, крѣпко пожимая ему руку, сказалъ:

— Левушка, милый, какъ радъ я тебя видѣть. Сейчасъ я весь твой—дай кончить.

— Про какое письмо вы говорите?—спросилъ сенаторъ, щури глаза.

— Про письмо Александра Семеновича,—отвѣтилъ Новиковъ:—ежели разрѣшите, я прочту изъ него.

— Очень обяжете,—наклоня голову, произнесъ сенаторъ.

Это былъ графъ Телешевъ, извѣстный масонъ, не особенно любимый императоромъ, какъ онъ былъ нелюбимъ и его царственной бабкой.

Новиковъ вынулъ изъ кармана письмо.

— Письмо помѣчено,—сказалъ онъ,—19-мъ февраля, императоръ былъ въ Калишѣ. Я хотѣлъ только указать на нѣкоторыя мѣста этого письма.

Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ.

— Вотъ что пишетъ Шишковъ.

И, раскрывъ письмо, Новиковъ началъ читать:

«Февраля 11-го дня мы пріѣхали въ Калишъ. Съ недѣлю тому назадъ здѣсь было сраженіе. Войска наши разбили саксонскій корпусъ подъ начальствомъ французскаго генерала Ренье, котораго со многими офицерами и двумя тысячами рядовыхъ взяли въ плѣнъ».

— Видите,—прервалъ графъ Телешевъ:—я говорилъ, мы идемъ перемональнымъ маршемъ...

— Да,—съ загорѣвшимися глазами отвѣтилъ Новиковъ:—а вотъ конецъ письма: «Недавно министръ полиціи получилъ донесеніе, что въ двухъ губерніяхъ—Смоленской и Минской—собрано и сожжено девяносто семь тысячъ тѣлъ, и что многіе трупы еще и по сію пору валяются на поверхности земной...»

Наступило жуткое молчаніе.

— Россія обратилась въ кладбище,—глухо сказалъ князь Бахтѣевъ:—я самъ видѣлъ...

— И вотъ, ваше сіятельство,—нервно продолжалъ Новиковъ:—мы, бросивъ родину, хотимъ освободить Европу. Нѣтъ,—весь дрожа нервной дрожью, продолжалъ онъ:—вы сперва сожгите всѣ трупы, что гніютъ на поверхности земной, возстановите испепеленные веси и города, дайте намъ миръ и благоденствіе, а потомъ спасайте другихъ. Когда горитъ вашъ домъ и гибнутъ ваши дѣти, не броситесь же вы спасать домъ сосѣда.

— *Alca jacta est*,—произнесъ скромный голосъ молодого аббата:—вашъ императоръ совершаетъ великую миссію.

— Оставьте въ сторонѣ нашего императора,—рѣзко отвѣтилъ Новиковъ:—мы говоримъ не о немъ, и,—добавилъ онъ со злой усмѣшкой,—только мы, русскіе, можемъ имѣть свое мнѣніе о томъ, что намъ нужно.

Бритое лицо аббата слегка покраснѣло.

— Россія идетъ во главѣ народовъ на великій подвигъ,—отвѣтилъ аббатъ.—Народы соединились въ одну семью, религіи смѣшались во имя одной великой идеи. Тутъ нѣтъ ни русскихъ, ни нѣмцевъ...

— Вы такъ думаете?—насмѣшливо бросилъ Новиковъ.

Аббатъ отвѣтилъ легкимъ поклономъ, какъ бы показывая, что онъ не имѣетъ желанія продолжать споръ на эту тему.

Сперва увлеченный разговоромъ, Бахтѣевъ вскорѣ почувствовалъ скуку.

«Ахъ, все равно,—думалъ онъ:—умирать такъ умирать! Побѣда всегда останется побѣдой, во имя чего бы ни была. О чемъ думать? Броситесь въ кипень боя и умереть! Видно, такова судьба».

Съ увлеченіемъ ли, безъ увлеченія онъ поѣдетъ на войну—не все ли равно! Онъ сумѣетъ исполнить свой долгъ и умереть, если надо, не хуже другихъ.

Въ настоящую минуту его больше всего интересовала княгиня Ирина. Онъ не хотѣлъ смотрѣть на нее и невольно смотрѣлъ. И вотъ его поразило странное выраженіе ея лица. Такимъ онъ не видѣлъ ее еще никогда. Ни надменности, ни холодности не выражало это лицо. Оно было кротко, умиленно. Слезы стояли въ прекрасныхъ глазахъ Ирины. Она была похожа на растроганнаго ребенка. И эти глаза смотрѣли на о. Никифора, а въ выраженіи лица этого пророка салона графини Напраксиной Бахтѣеву видѣлось что-то хищное и сладострастное въ его глазахъ, устремленныхъ на прекрасное, склонявшееся передъ нимъ лицо.

Это зрѣлище было тягостно для Льва Кирилловича.

Повинуясь невольному порыву, онъ круто повернулся и направился къ кружку Напраксиной.

VI.

Его приближеніе замѣтила княгиня Напраксина и съ улыбкой кивнула ему головой. Это движеніе было замѣчено окружающими. Княгиня Ирина подняла глаза, слегка покраснѣла, потомъ нахмурилась, и лицо ея мгновенно приняло холодное обычное выраженіе.

О. Никифоръ острымъ взглядомъ окинулъ фигуру молодого князя.

Левъ Кирилловичъ сразу подошелъ къ Иринѣ.

— Здравствуйте, княгиня, я давно здѣсь, но не смѣлъ нарушить вашей благочестивой бесѣды,—сказалъ онъ съ ироніей, цѣлуя ея руку.

— Однако, нарушили,—стараясь подъ улыбкой скрыть свое недовольство, отвѣтила княгиня.

Напраксина представила Бахтѣева остальнымъ дамамъ и, обратившись къ о. Никифору, сказала:

— Вотъ, батюшка, герой прошлой войны и будущей. Онъ ѣдетъ на войну.

Бахтѣевъ едва склонилъ голову, стоя молча и пристально смотря на лицо этого страннаго пророка.

О. Никифоръ тоже нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на него и потомъ, вдругъ улыбнувшись, ласково сказалъ:

— Здравствуй, здравствуй, миленькій. Такъ на войну? Съ Богомъ! Иди, иди, вернешься здоровъ... День наступаетъ—день сей Господа Вседержителя, день отмщенія врагамъ, и пожретъ я мечъ Господень и насытится и упьется кровью ихъ, яко жертва Богу въ земли полунощной.

Последнія слова о. Никифоръ произнесъ съ дикимъ одушевленіемъ.

Бахтѣевъ невольно вздрогнулъ. Въ смотрѣвшихъ на него яркихъ произительныхъ глазахъ, въ тонѣ голоса, властно и глубоко, чувствовалась какая-то непонятная сила.

Пристальный блестящій взглядъ производилъ страшное впечатлѣніе, непонятно притягивая къ себѣ и словно парализуя волю.

Но это впечатлѣніе было до того мгновенно, что прежде, чѣмъ понять его, князь Бахтѣевъ уже почувствовалъ раздраженіе противъ этого человѣка въ поддевкѣ, съ такой увѣренностью говорящаго и смотрящаго.

— Благодарю васъ, г. пророкъ, — насмѣшливо сказалъ онъ: — за ваше любезное предсказаніе. Но не могу согласиться съ вами, что настаетъ день отмщенія врагамъ. Этотъ день былъ и прошелъ. Мы достаточно отоместили. Пришла, быть можетъ, очередь для другихъ мстить за свои обиды — пусть мстятъ. И я полагаю, что его величество императоръ не во имя мести поднялъ снова пламя войны...

Глаза о. Никифора на мгновеніе сверкнули словно угрозой и погасли. Онъ всталъ. На его губахъ играла ласковая улыбка. Онъ слегка поднялъ руку, словно для благословенія.

Княгиня Ирина съ нескрываемымъ негодованіемъ смотрѣла на молодого князя, Напраксина почти съ ужасомъ, такъ же, какъ и остальные дамы. Насмѣшливый тонъ Льва Кирилловича, его обращеніе «г. пророкъ», все это являлось въ ихъ глазахъ неслыханной дерзостью.

— Я не пророкъ, миленькій, — началъ кротко о. Никифоръ: — гдѣ ужъ мнѣ, недостойному...

— Извините, — перебилъ его князь: — я не зналъ, какъ величать васъ.

— А Никифоръ Омичъ, — отвѣтилъ онъ. — Такъ вотъ, миленькій. Не слѣдуетъ гнущаться моими словами... Я не пророкъ, миленькій, — повторилъ онъ: — одно скажу тебѣ и помни слово мое. Воплотилъ Господь силу свою въ образѣ Александра, и сокрушитъ онъ антихриста. И падетъ антихристъ, и отъ гласа паденія его потрясошася вся бывшая подъ сѣнію его дерева, и сведошася во адъ язвеніи отъ меча, и живущіи подъ покровомъ его... Помни это, и не сѣлуй на Божіе велѣніе.

Князь Бахтѣевъ былъ изумленъ.

Неужели, думалъ онъ, этотъ хитрый мужиченокъ прочелъ въ его душѣ мучившія его сомнѣнія?

— Во всякомъ случаѣ благодарю васъ за ваше предсказанье, — сухо сказалъ князь и съ легкимъ поклономъ отошелъ въ сторону.

Его сейчасъ же подхватилъ подъ руку Новиковъ.

— А, каковъ пророкъ? — началъ онъ: — онѣ (онѣ кивнулъ головой въ сторону дамъ) всѣ сошли съ ума.

— Я ничего не понимаю,—угрюмо отвѣтилъ князь:—я такъ отсталъ отъ всего. Скажи ради Бога, кто этотъ проходимецъ, откуда онъ появился и какъ попалъ въ этотъ кругъ? Я ничего не понимаю. А между тѣмъ въ немъ есть что-то,—задумчиво закончилъ онъ.

— Да,—отвѣтилъ Новиковъ:—это правда, въ немъ что-то есть. Откуда онъ взялся?.. Отъ князя Голицына, Александра Николаевича, голубчикъ. Говорятъ, онъ предеказалъ въ свое время смерть покойнаго императора, что и написалъ Кутайсову. Потомъ о немъ забыли. Самъ понимаешь, Кутайсовъ не могъ сознаться, что по своей небрежности не распечаталъ присланнаго ему 10-го марта письма, отправляясь къ своей метрескѣ Шевалье. Но это брешутъ; по моему мнѣнію, этотъ слухъ пустилъ самъ о. Никифоръ черезъ свѣтскихъ дурь. У меня тетка ханжа, фрейлина вдовствующей императрицы, такъ вотъ она и снабдила меня всеми этими свѣдѣніями. Этотъ самый Никифоръ выплылъ черезъ святошу князя Голицына. Онъ поразилъ его знаніемъ священнаго писанія, изученіемъ котораго такъ занимается теперь Голицынъ. Не легко было бѣднягѣ повернуть отъ Вольтера къ священному писанію... А тутъ этотъ Никифоръ. У Голицына полонъ домъ юродивыхъ. Ну, и облюбовалъ его. А этотъ проходимецъ такъ ловко подобралъ тексты изъ какихъ-то пророковъ, что словно выходитъ—Священное Писаніе только и пророчествуетъ о величій нашего императора и Россіи и объ антихристѣ съ Запада—Наполеонѣ. Оно, конечно, занято. А святоша нашъ весь этотъ подборъ поднесъ государю императору. Дескать, посланецъ ты Божій... Говорятъ, что на императора сѣи выдержки произвели впечатлѣніе и будто онъ даже допустилъ къ себѣ этого проходимца... И знаешь,—серьезно добавилъ Новиковъ:—когда моя тетушка ханжа душила меня этими пророчествами, ей-Богу, я самъ въ ажютажъ пришелъ.

Князь Бахтѣевъ передернулъ плечами.

— А о какой же новой вѣрѣ говорила мнѣ Напраксина?—спросилъ онъ .

— Вотъ тутъ-то и зарыта собака,—задумчиво отвѣтилъ Новиковъ:—что гнуснѣе всего, что онъ старается улавливать молодыхъ и красивыхъ и особенно богатыхъ... Есть какія-то тайныя собранія... Что тамъ дѣлаютъ—одинъ Аллахъ знаетъ... Но что-то гнусное... Не помню слова, какъ они называютъ свои собранія, но только,—съ негодованіемъ добавилъ онъ,—я знаю, сколько женщинъ бросаютъ свои очаги и сходятъ съ ума... Посмотри на свою тетушку, какъ она слушаетъ этого пророка... Она, кажется, видитъ въ немъ новаго Христа. Я же думаю, да и не я одинъ, что проходимецъ этотъ не иначе, какъ изъ хлыстовъ. Что-то похоже... Теперь ихъ опять появилось видимо-невидимо. Въ Москвѣ тоже какой-то пророкъ объявился. Тутъ, братъ, прямо сумасшедшія какія-то... У Напраксиной самъ видишь что. У Батаршовой тайныя собранія, гдѣ бывають

и хлысты, и скопцы, и монахи, и Голицынь. Какія-то молельни открылись... пророки... пророчицы... Ничего не разберешь.

Бахтѣвъ блѣднѣлъ, слушая его. Словно бездны открывались передъ его глазами.

— А этого пророка я бы повѣсилъ,—закончилъ Новиковъ, кинувъ въ сторону Никифора.

— Я бы тоже,—глухо отозвался Бахтѣвъ.

— Ну, однако, я ухожу, довольно съ меня,—сказалъ Новиковъ:—не пройдемъ ли мы вмѣстѣ куда-нибудь пообѣдать? Потолкуемъ, вѣдь я не сказалъ тебѣ еще самаго главнаго: я ѣду въ дѣйствующую армію. И при этомъ прошу перевода изъ гвардіи въ армію. Тамъ ближе къ дѣлу...

— Вотъ какъ!—радно воскликнулъ Бахтѣвъ!—значить, вмѣстѣ... Идемъ же, потолкуемъ на свободѣ.

Они незамѣтно вышли. Только Бахтѣву показалось, что княгиня Ирина проводила его долгимъ враждебнымъ взглядомъ.

VII.

Князь Никита Арсеньевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и слушалъ докладъ своего главноуправляющаго. Невысокаго роста, пожилой, круглый, какъ шаръ, съ почти голой головой, главноуправляющій стоялъ передъ княземъ съ выраженіемъ почти ужаса на своемъ толстомъ, красномъ, потномъ лицѣ.

Звали его Семеномъ Семеновичемъ Буровымъ, и былъ онъ коллежскимъ регистраторомъ по синодской канцеляріи. Но служба его была совершенно фиктивная. И службу и чинъ получилъ онъ, благодаря могущественной протекціи князя Никиты. Онъ былъ сыномъ прежняго управляющаго, очень цѣнимаго за честность княземъ. Сынъ пошелъ въ отца. Онъ былъ честенъ и преданъ князю. Отецъ его былъ вольноотпущеннымъ, а сынъ былъ уже коллежскимъ регистраторомъ и дворяниномъ.

Вѣсти, привезенныя имъ князю, были, съ его точки зрѣнія, ужасны, и онъ робѣлъ, какъ доложить ихъ...

— Садись, Семень,—обратился къ нему князь:—и говори. Садись,—уже властно повторилъ онъ, видя, что Буровъ стѣсняется.

Буровъ робко опустился на край стула...

— Ваше сіятельство,—дрожащимъ голосомъ началъ онъ.—Намъ негдѣ брать рекрутовъ.

Князь забарабанилъ сухими пальцами по столу и, нахмурясь, молча ждалъ продолженія.

— Дѣла плохи,—продолжалъ Буровъ, отирая рукавомъ лицо:—требуютъ, а что мы дадимъ?

У Бахтѣва по всей Россіи были раскинуты богатѣйшія имѣнія.

— А что въ новгородской?—спросить онъ.

— Пусто, ваше сіятельство,—отвѣтилъ Буровъ:—изъ 158 дворовъ не уцѣлѣло и десяти. Разбѣжались... Остальные голодаютъ.

— А въ нижегородской?

— Разбойниками стали, ваше сіятельство, въ лѣса побѣгли,—отвѣтилъ Буровъ:—а о рязанской и московской и говорить нечего—пустыня... Все порублено, потравлено... Люди, какъ звѣри, разбѣжались по лѣсамъ... Разбойничаютъ, погибаютъ цѣлыми семьями, гниютъ... Ваше сіятельство,—со стономъ воскликнулъ Буровъ, сползая со стула и ставъ на колѣни:—ваше сіятельство, помилуйте! Грѣхъ передъ вами совершилъ!.. Гнѣвайтесь, судите. Видитъ Богъ, иначе не могъ!

Тяжелыя крупныя слезы текли по лицу Букова.

Лицо князя дрогнуло.

— Встань,—сурово сказалъ онъ,—и говори толкомъ.

Буровъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ.

— Въ чемъ дѣло, говори,—повторилъ князь.

— А въ томъ,—вдругъ рѣшительно началъ Буровъ, однако, весь дрожа:—что за сей годъ ваше сіятельство доходовъ не имѣеть. Что всѣ хлѣбные запасы и дровяные я отдалъ вашимъ крестьянамъ, заше пожженные, голодные не имѣютъ ни крова, ни пищи, и скотинку роздать, тамъ коровокъ, тамъ лошадокъ... Судите же меня, ваше сіятельство!

Семень Семеничъ снова бухнулъ въ ноги князю.

Нѣсколько мгновений князь, словно ошеломленный, молчалъ. Потомъ его строгое, суровое лицо приняло странное, несвойственное ему выраженіе растроганности и умиленности.

— Встань, Семень Семеничъ, подойди, обними меня, спасибо,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ онъ.

Буровъ быстро вскочилъ съ колѣнъ и бросился къ князю.

— Не надо, не надо,—говорилъ князь, отнимая свои руки, которыя Буровъ хотѣлъ цѣловать.

Онъ крѣпко обнялъ Букова.

— Ты вѣрный человекъ,—сказалъ онъ:—и понимаешь меня. Богъ дастъ, мы еще не разоримся,—а какъ у племянника,—спросилъ онъ,—въ могилевской?

— Хуже быть не можетъ,—отвѣтилъ Буровъ, отходя на свое мѣсто:—ничего нѣтъ.

— Но, вѣдь, все же у насъ деньги есть?—почти весело спросилъ князь.

Оживился и Буровъ.

— Еще бы, ваше сіятельство,—бодро отвѣтилъ онъ:—только куры не клюютъ.

И онъ сталъ подробно докладывать князю о состояніи наличныхъ счетовъ.

— Ну, значить, нечего и толковать,—уже совсѣмъ весело сказалъ князь:—ты знаешь моего племянника, Левона?

— Еще бы, ваше сіятельство, — отозвался Буровъ:—чай, въ опеку у насъ.

— Ну, такъ вотъ,—сказалъ князь:—Левонъ ѣдетъ въ походъ. Открой ему счетъ. Что бы ни спросилъ—давай. Хоть меня разори, а ему не отказывай. Понялъ?

— Еще бы,—широко улыбаясь, отвѣтилъ Буровъ:—по правдѣ сказать, ваше сіятельство трудно разорить; вы вродѣ какъ графъ Строгановъ.

Князь Никита усмѣхнулся.

— Это что всю жизнь одну дѣль имѣлъ разориться и то не смогъ, какъ сказала моя незабвенная императрица,—отвѣтилъ онъ.— Ну, что же, тѣмъ лучше. Велика къ себѣ прислать всѣ счета изъ домовой конторы, тамъ расплатишься. Да,—добавилъ онъ:—дѣла Буйпосова очень плохи, должно быть?

Буровъ только вздохнулъ.

— Такъ вотъ,—продолжалъ князь:—я въ эти дѣла не вмѣшиваюсь. Это дѣло княгини. Такъ помни,—по требованію княгини чтобы все дѣлалось скорѣе, чѣмъ для меня самого. Понялъ? И чтобы я и не зналъ объ этомъ! Запомни!

— Слушаю-съ, ваше сіятельство,—отвѣтилъ, кланяясь, Буровъ.

— А я такъ и отпущу въ военное министерство,—закончилъ князь:—пусть ищутъ новыхъ воиновъ, авось очухаются.

Отпустивъ Бурова, старый князь долго задумчиво ходилъ по кабинету.

VIII.

Данила Ивановичъ Новиковъ въ полной парадной формѣ прямо изъ Казанскаго собора пріѣхалъ къ Бахтѣевымъ.

Служили торжественный молебенъ по случаю занятія графомъ Витгенштейномъ Берлина. Присутствовала вдовствующая императрица съ августѣйшимъ семействомъ. Говорили о какой-то рѣшительной побѣдѣ надъ вице-королемъ Евгеніемъ.

Новиковъ пріѣхалъ раздраженный и недовольный.

Левонъ не присутствовалъ на этомъ торжественномъ молебствіи. Онъ сказался больнымъ и сидѣлъ дома. На самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя очень плохо. На душѣ его было смутно и тяжело. Онъ даже не хотѣлъ разбираться въ своихъ чувствахъ.

«Ѣхать, скорѣй Ѣхать туда», неотвязно думалъ онъ.

Онъ боялся признаться самому себѣ въ томъ чувствѣ, которое гнало его изъ Петербурга.

— Ей-Богу,—раздраженно говорилъ Новиковъ:—я думалъ, что я въ нѣмецкой странѣ. Чему радоваться! Этотъ ханжа Голицынъ

все время стоялъ на колѣняхъ... Канцлеръ не прѣѣхалъ... Только одна великая княгиня Екатерина Павловна была грустна... Она еще въ траурѣ по мужѣ... И вообще было замѣтно, что это торжество ей не по сердцу. Былъ и отецъ Никифоръ. Противно смотрѣть, какъ онъ молился, стучая въ полъ лбомъ, со святошей Голлицынымъ рядомъ.

Бахтѣевъ слушалъ раздраженную рѣчь Новикова, и въ его воображеніи неотступно стояло лицо его юной тетки, какимъ онъ видѣлъ его только разъ въ жизни на пріемѣ у Напракшиной.

— Дошли тревожныя вѣсти,—продолжалъ Новиковъ— о здоровьѣ Кутузова. И представъ себѣ,—съ негодованіемъ добавилъ онъ:—это имъ все равно. Я самъ слышалъ, какъ сказали, что этотъ старикъ только связываетъ руки императору... Вотъ благодарность! Нѣтъ! Опротивѣлъ мнѣ Петербургъ,—хоть къ чорту на рога—только бы отсюда,—закончилъ Новиковъ.—Твой дядя одинъ изъ тѣхъ, кто понимаетъ положеніе... Да что толку! Но, однако, я хотѣлъ бы повидать его.

— Оставайся обѣдать, дядя будетъ очень радъ,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.—Пройдемъ къ княгинѣ.

У княгини былъ дорогой гость. Ея отецъ, сенаторъ Евстафій Павловичъ, только что вернулся изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ посмотреть на мѣстѣ, что осталось отъ его хоромъ и подмосковнаго имѣнія.

Это былъ еще не старый человѣкъ, но съ дряблымъ морщинистымъ лицомъ. Жидкій кокъ безцвѣтныхъ волосъ торчалъ надъ его низкимъ лбомъ. Височки были тщательно зачесаны, какъ у императора. Глаза имѣли растерянное, жалкое выраженіе, а губы все время складывались въ занекивающую, слащавую улыбку. На фракѣ виднѣлась звѣзда. Княгиня по обыкновенію холодно и надменно встрѣтила гостей. Сенаторъ съ преувеличенной вѣжливостью привѣтствовалъ молодого Бахтѣева и постарался придать себѣ величественно-спусходительный видъ, здороваясь съ Новиковымъ. Новиковъ былъ уже въ армейской формѣ. Онъ добился своего. Онъ довольно небрежно поклонился Буйносову и тотчасъ отошелъ къ княгинѣ.

Бахтѣевъ изъ любезности освѣдомился у сенатора, какія новости въ Москвѣ.

Буйносовъ только развелъ руками...

— Развалины,—отвѣтилъ онъ;—отъ нашего дома остались только стѣны. Все имущество разграблено...

И онъ жалобнымъ тономъ продолжалъ описывать то разоренье, въ какомъ онъ нашелъ и свой домъ и свое имѣнье.

— Вся надежда на милость государя,—закончилъ онъ:—иначе мы разорены. Говорятъ, императоръ всемилостивѣйше повелѣлъ возмѣстить убытки дворянства.

— Ну, это довольно трудно будетъ,—насмѣшливо отозвался Новиковъ, услышавшій послѣднюю фразу:—тутъ нахнетъ сотней милліоновъ.

— Но мы приносили жертвы на алтарь отечества!—съ жаромъ воскликнулъ Буйносовъ...

— Мы тоже приносили жертвы,—отвѣтилъ Новиковъ:—но жертва остается жертвой. И конца имъ не предвидится. Погодите, когда кончится война... [Да надо же какъ-нибудь устроить этихъ несчастныхъ нѣмецкихъ принцевъ, этихъ *des Jeans sans-terre!* ... На это тоже нужны деньги. О Россіи подумаютъ потомъ...

— О!—почти съ ужасомъ произнесъ Буйносовъ:—какъ вы говорите...

— А вѣдь онъ правъ!—раздался веселый голосъ стараго князя, вошедшаго въ эту минуту въ гостиную.—Охъ ужъ эти Іоанны Безземельные. Однако, я очень радъ видѣть васъ, дорогой Евстафій Павловичъ.

Лицо Буйносова приняло такое приторно-подобострастное выраженіе, что княгиня вдругъ вспыхнула и нахмурилась.

Князь обнялъ сенатора, поцѣловалъ руку женѣ и дружески поздоровался съ молодыми людьми.

— Надѣюсь, мы объедемъ вмѣстѣ,—сказалъ князь.

Новиковъ попробовалъ возражать, но князь перебилъ его.

— Вы доставите мнѣ истинное огорченіе, если уѣдете,—съ теплымъ чувствомъ сказалъ онъ.

Новиковъ поклонился. Князь сѣлъ рядомъ съ женой.

— Вы что-то грустны, *Igène*,—тихо сказалъ онъ и погладилъ руку жены.

По лицу Ирины пробѣжала тѣнь.

— Вамъ это показалось, мой другъ,—отвѣтила она.

— Дѣла отца не должны огорчать васъ, *Igène*,—продолжалъ князь, пониженнымъ голосомъ.—Вы знаете, что вы достаточно богаты...

— То есть вы,—едва слышно уронила княгиня.

— Жестоко напоминать объ этомъ,—отвѣтилъ князь:—никакія богатства не могутъ сравниться съ тѣмъ, что я приобрѣлъ въ васъ *Igène*. Помните это и знайте, что ваши распоряженія въ нашей конторѣ дѣйствительнѣе моихъ. Это я вамъ хотѣлъ сказать давно.

Онъ быстро всталъ съ мѣста.

— Помните же мои слова, *Igène*; мнѣ лично неудобно вмѣшиваться въ эти дѣла,—сказалъ онъ:—и этимъ вы докажете мнѣ величайшее довѣріе... за мою любовь.

Левъ Кирилловичъ былъ въ сторонѣ и не могъ слышать разго-

вора. Но онъ видѣлъ, какъ въ суровыхъ глазахъ княгини появилось мягкое, дѣтское выраженіе, когда она слѣдила взоромъ за отошедшимъ отъ нея мужемъ.

За обѣдомъ князь былъ очень оживленъ. Предметомъ разговора естественно былъ заграничный походъ и кажущіеся успѣхи русскаго оружія. Къ этимъ успѣхамъ князь относился съ полнымъ скептицизмомъ.

— Война еще не началась,—говорилъ онъ:—и повѣрьте, что Бонапартъ еще покажетъ себя. Молебны—это хорошее дѣло. Но пока мы будемъ служить молебны во славу прусскаго короля—Наполеонъ, или, если угодно, Бонапартъ, соберетъ новую армию.

IX.

Левъ Кирилловичъ въ послѣдніе дни не видѣлъ княгини. По странному совпаденію чувствъ они избѣгали свиданія другъ съ другомъ. И теперь за обѣдомъ онъ не могъ не замѣтить, какъ болѣзненно отзывалось на княгинѣ униженное отношеніе ея отца къ князю.

Дѣйствительно, Евстафій Павловичъ прямо съ собачьей угодливостью смотрѣлъ въ глаза князю Никитѣ, стараясь угадать его малѣйшее желаніе.

Но старый князь дѣлалъ видъ, что не замѣчалъ этого, и, напротивъ, со своей стороны, старался выказать преимущественное вниманіе Евстафію Павловичу. И каждый разъ при новой угодливой фразѣ Буйносова княгиня бросала на Левона особенно враждебные, вызывающіе взгляды. Словно она видѣла въ немъ врага и готовилась къ защитѣ.

Левону было не по себѣ отъ этихъ взглядовъ, и обѣдъ тяготилъ его. На все его вниманіе и любезность княгиня отвѣчала оскорбительной холодностью.

Послѣ обѣда перешли въ маленькую гостиную, куда подали кофе и вино.

Но Новиковъ торопился, Буйносовъ тоже, и они вмѣстѣ вскорѣ уѣхали.

Старый князь, повинувшись давней привычкѣ поспать послѣ обѣда, поцѣловалъ руку жены, кивнулъ головой Левону, зѣвнувъ, сказалъ:

— Вѣдь мы еще сегодня увидимся,—и тоже ушелъ.

«Тетушка» и «племянникъ» остались наединѣ.

Настало тягостное молчаніе. Князь пилъ портвейнъ и не зналъ, что сказать. Онъ чувствовалъ себя крайне неловко. Его смущало надменное прекрасное лицо. А сердце сильно билось, и онъ хотѣлъ и не могъ начать говорить.

Изъ неловкаго положенія его вывела княгиня.

— Скоро вы уѣзжаете?—равнодушно спросила она тономъ чело­вѣка, которому нечего сказать.

— Да,—съ горечью отвѣтилъ Левъ Кирилловичъ:—я тороплюсь. Я одинокій бродяга, для всѣхъ чужой. Здѣсь, въ вашемъ Петер­бургѣ, ото всего вѣетъ холодомъ. Отъ Невы, отъ ея набережной, отъ этихъ барскихъ домовъ и отъ людей. Я чужой здѣсь... Когда я ѣхалъ сюда, я думалъ отдохнуть здѣсь хоть нѣсколько дней въ теплѣ и уютѣ, но мнѣ холодно... Да, я ѣду, у меня есть товарищи, они тамъ далеко умираютъ... Я поѣду къ нимъ...

— Развѣ вы чужой здѣсь?—тихо сказала княгиня:—а вашъ дядя?

— О, я очень люблю его,—живо отозвался Левъ Кирилло­вичъ:—но все же...

Онъ невольно замолчалъ.

— Но все же?—повторила княгиня.

— Но все же,—рѣзко сказалъ князь, вставая,—я чужой здѣсь, непрощенный гость. Я, видимо, нежеланный гость здѣсь.

Княгиня слегка поблѣднѣла.

— Вы послѣдній изъ рода Бахтѣевыхъ,—сказала она:—вы наслѣдникъ своего дяди...

— О какомъ наслѣдствѣ говорите вы!—воскликнулъ Левонъ:— у меня одно наслѣдство—честь моего имени... Но я наслѣдовалъ его уже отъ отца... Я просто люблю дядю... и, княгиня, я слишкомъ богатъ самъ по себѣ и не жаденъ... Я никому не стою поперекъ дороги.

Онъ сказалъ эти послѣднія слова и мгновенно раскаялся. Много онъ далъ бы, чтобы вернуть ихъ.

Княгиня поблѣднѣла, потомъ кровь кипулась ей въ лицо, по­краснѣли даже ея открытая шея и плечи. Глаза ея чудесно за­сверкали...

— А,—дрожащимъ голосомъ начала она:—я такъ и думала! Ну, конечно! Чего же можетъ ждать женщина, вышедшая замужъ за чело­вѣка на полвѣка старше ея, кромѣ оскорбительныхъ на­мековъ и предположеній? Вы не стоите мнѣ поперекъ дороги? Вы слишкомъ богаты, чтобы оспаривать у меня ожидаемое наслѣд­ство? Вѣдь вы это хотѣли сказать?

— Княгиня! ради Бога!—воскликнулъ князь, ошеломленный этимъ потокомъ негодующихъ словъ.

— О, да, да,—страстно продолжала она:—ездѣ, всюду одно и то же. Или намеки, или нескромные вопросы. Но вы ошиблись, милостивый государь. Вы видите постыдный торгъ тамъ, гдѣ была...

Она вдругъ остановилась.

— Однако,—стараясь овладѣть собой, продолжала она:—какое мнѣ собственно дѣло до васъ и до другихъ. Но знайте только одно, что я презираю эту роскошь и что никому не позволю смотрѣть на

меня свысока. Но вѣдь и я стою чего-нибудь,—высокомѣрно добавила она:—даже съ вашей точки зрѣнія вашъ дядя заключилъ не совсѣмъ безвыгодную сдѣлку?

Она разсмѣялась нервнымъ сухимъ смѣхомъ.

— Княгиня,—дрогнувшимъ голосомъ сказалъ Левонъ:—клянусь честью, Богомъ, въ котораго вы вѣрите, я не хотѣлъ сказать ничего оскорбительнаго. Ни одна нечистая мысль не коснулась васъ. Я не думалъ ни о роскоши, окружающей васъ, ни о богатствѣ, которымъ вы теперь располагаете. Дядя достоинъ любви и уваженія... Но мнѣ больно, мнѣ тяжело, княгиня,—продолжалъ онъ:—ваше отношеніе ко мнѣ. Ваши взгляды, ваши слова. Развѣ я врагъ вамъ? Да я жизнь отдалъ бы за ваше ласковое слово!.. Нѣтъ, нѣтъ,—страстно заговорилъ онъ, замѣтя ея негодующій жестъ.—Я одинокъ, очень одинокъ. Мое сердце не согрѣвало никогда нѣжное чувство. Я не зналъ матери, смутно помню отца, даже няня не пѣвала пѣсни надъ моей колыбелью. Мое сирое дѣтство прошло среди наемныхъ людей. А потомъ юность, потомъ боевая жизнь со случайными товарищами. Сегодня живъ—завтра умеръ. Скажите же, княгиня, что остается мнѣ въ жизни!... Я ѣду теперь на войну, быть можетъ, я не вернусь, и никто, кромѣ дяди, не пожалѣетъ обо мнѣ. Но дядя прожилъ уже большую жизнь, онъ много перенесъ въ жизни потерь, онъ самъ уже близится къ закату... А я одинъ, я песчинка въ пустынѣ, всплескъ волны въ океанѣ, случайно сорванный вѣтромъ листъ съ огромнаго дерева человѣчества... Такъ неужели вы строго осудите меня за невольный порывъ къ солнцу, свѣту, теплу!..

Княгиня сидѣла, опутивъ голову, и по ея щекамъ текли слезы.

— Княгиня,—снова началъ Левонъ:—не думайте обо мнѣ дурно. Не подозрѣвайте меня въ нечистыхъ чувствахъ и намѣреніяхъ. У меня нѣтъ сестры, будьте мнѣ сестрой. Дайте руку, благословите меня на невѣдомое будущее...

Онъ остановился передъ ней, весь охваченный неудержимымъ порывомъ. Было мгновеніе, когда онъ хотѣлъ броситься къ ея ногамъ.

Она подняла на него свои загадочные глаза, теперь полные слезъ, и молча протянула ему руку.

— Благодарю,—сказалъ князь съ чувствомъ цѣлуя ее.

— Простите,—начала княгиня:—я была неправа... Но я такъ измучилась за эти мѣсяцы... И я уже нашла... почти нашла,—поправилась она:—новый путь, когда явились вы и... мнѣ говорили...

Она замолчала.

Князя поразили ея слова о новомъ пути. Смутныя мысли налетѣли на него. Напраксина, отецъ Никифоръ, слова Новикова. Ревнивая тоска сжала его сердце. Теплое чувство, наполнявшее его, вдругъ исчезло. Онъ подозрительнымъ, жесткимъ взглядомъ смотрѣлъ на княгиню.

— Кто же указаль вамъ этотъ новый путь, княгиня?—сухо спросилъ онъ:—не новоявленный ли пророкъ?

Княгиня уловила перемѣну въ его голосѣ, но странно, прежняя надменность не вернулась къ ней. Она кротко отвѣтила:

— Не смѣйтесь надъ нимъ. Онъ боговдохновенный человѣкъ. Онъ провидецъ и... утѣшитель.

— Но чѣмъ же онъ подчинилъ и успокоилъ вашу душу?—стараясь сдержать себя, спросилъ Левонъ.

Онъ чувствовалъ себя крайне раздраженнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ему безконечно было жаль княгиню, такую теперь безпомощную, кроткую и слабую.

— Я встрѣтилась съ нимъ случайно,—тихо и задумчиво начала княгиня:—у князя Голицына. Отецъ друженъ съ нимъ. Когда я особенно тосковала, отецъ посовѣтоваль мнѣ пойти къ нему, поговорить съ нимъ. Вы знаете, къ Голицыну ходитъ много нашихъ дамъ. Онъ даетъ книги... Учитъ молиться. Я пошла... Ахъ, развѣ можно передать тѣ чувства, которыя я испытала въ его молельнѣ!.. Темно... Только горитъ надъ плащаницей кровавое сердце,—это лампада сдѣлана изъ краснаго стекла въ видѣ сердца,—пояснила она:—красный слабый отблескъ озаряетъ потемнѣвшіе лики святыхъ, на старыхъ образахъ, безъ ризъ. Онъ говоритъ: это сердце Иисусово пламенѣетъ кровью и любовью за весь мѣръ... Я не помню всего... было страшно и сладко... А въ молельнѣ былъ о. Никифоръ... Когда онъ положилъ на плечо мнѣ руку и посмотрѣлъ на меня... его глаза чудно свѣтились... мнѣ стало такъ легко, такъ от-
радно...

Княгиня говорила беззвучнымъ голосомъ, опустивъ глаза, словно вспоминая какой-то чудесный сонъ...

— Потомъ,—продолжала она:—я встрѣчалась съ нимъ у княгини Напраксиной... Онъ научилъ меня вѣрить въ Бога и говорилъ, что близко къ часу, когда онъ введетъ меня въ сонмъ святыхъ... Напраксина говорила, что это только для особо посвященныхъ... у него собранія... Вотъ и все... Его слова успокаиваютъ... На дняхъ я должна уже ѣхать къ нему...

— Вы не поѣдете!—горячо воскликнулъ князь:—этотъ изувѣръ преслѣдуетъ дурныя цѣли... Вамъ нечего искать новаго пути... Вашъ путь передъ вами...

Княгиня покачала головой.

— Онъ наполнилъ пустоту моего сердца—сказала она.—Я мужу объ этомъ не говорила. Вы знаете его...

— Княгиня, дорогая, милая сестра моя,—началь князь голосомъ, исполненнымъ глубокой пѣжностью:—объщайте мнѣ не ѣхать къ нему, пока я не скажу вамъ. Это первая просьба вашего друга, вашего брата, быть можетъ, обреченнаго на смерть. Дайте слово, даете? общаетесь? да?

Княгиня нѣсколько мгновений колебалась и затѣмъ, поднявъ на Левона сияющіе глаза, твердо отвѣтила:

— Обѣщаюсь, милый братъ.

Князь поцѣловалъ ея руку .

Короткій зимній день погасалъ. Красный закатъ, плававшій надъ Невою, послѣднимъ отблескомъ озарялъ и лицо княгини, и залу, и блестящую форму князя Левона.

Князь сѣлъ рядомъ съ Ириной. И тихо, довѣрчиво она рассказывала ему повѣсть о своей судьбѣ.

Исторія была проста и не сложна. Разоренье, встрѣча съ княземъ, его послѣдняя любовь. Онъ такъ нѣжно, такъ внимательно относился къ ней. Она привязалась къ нему, какъ къ другу. Она еще мечтала спасти положеніе своего отца и дала согласіе старому князю. Евстафій Павловичъ былъ несказанно радъ. Онъ самъ толкалъ ее на это.

— И я была и была бы счастлива,—закончила княгиня:—если бы... если бы...

Она смотрѣла на Левона... и въ ея прекрасныхъ, сияющихъ глазахъ не было ничего загадочнаго...

X.

Сближеніе съ княгиней, ся теперь довѣрчивое и ласковое отношеніе не внесло покоя въ душу Льва Кирилловича. Напротивъ, такія отношенія стали для него источникомъ новыхъ мученій.

Когда Ирина довѣрчиво смотрѣла въ его глаза и тихимъ голосомъ говорила ему о себѣ, о своемъ дѣтствѣ, о своихъ мечтахъ, ему безумно хотѣлось броситься къ ея ногамъ и повторять только одно: я люблю, люблю, люблю...

— Я безумецъ, я преступникъ,—твердилъ онъ себѣ, сжимая горячую голову:—я не могу такъ жить. Я долженъ ѣхать; ѣхать какъ можно скорѣе...

Такъ онъ говорилъ себѣ послѣ каждой встрѣчи съ Ириной, и не имѣлъ силъ рѣшиться уѣхать. Всѣ дѣла были уже устроены, все было готово къ отъѣзду, оставалось подать только по начальству рапортъ, а онъ медлилъ.

Княгиня никуда теперь не выѣзжала. Нельзя было не замѣтить, что она искала встрѣчъ съ Леономъ, что его присутствіе волновало ее, что иногда наединѣ ея глаза темнѣли и она смотрѣла на него тяжелымъ, ожидающимъ взглядомъ, отъ котораго кружилась его голова, и сердце разрывалось отъ восторга и муки...

— Да, я уѣду завтра,—рѣшилъ Левонъ послѣ одной бессонной ночи.—Надо взять себя въ руки.

Онъ похудѣлъ и поблѣднѣлъ за послѣдніе дни.

За завтракомъ онъ былъ молчаливъ и разсѣянъ.

— Я боюсь, Левонъ,—обратился къ нему старый князь:—что ты еще не совсѣмъ оправился. Не лучше ли отдохнуть еще съ мѣсяць? Ты, кажется, уже совсѣмъ приготовился къ отъѣзду.

— Да, дядя,—повидимому, спокойно отвѣтилъ Левонъ:—я рѣшилъ, я ѣду завтра или послѣзавтра. Мы ѣдемъ съ Новиковымъ вмѣстѣ.

Онъ говорилъ, не глядя на княгиню.

Въ ея рукѣ дрогнулъ ножъ и ударился о тарелку. Этотъ звукъ сладкой болью отозвался въ его сердцѣ. Онъ мелькомъ взглянулъ на Ирину. Она сидѣла съ поблѣднѣвшимъ лицомъ, опустивъ глаза.

— Что же касается моего здоровья,—продолжалъ Левонъ:—то я чувствую себя очень хорошо. У васъ я отдохнулъ и еще больше окрѣпъ.

Князь покачалъ головой.

— Ты знаешь,—сказалъ онъ:—что я вообще противъ этого похода. И во всякомъ случаѣ предвижу ему скорый конецъ. Одно изъ двухъ: или Наполеонъ сдѣлаетъ уступки Пруссіи и заключить съ Фридрихомъ миръ—тогда намъ нечего будетъ дѣлать,—или онъ соберется съ силами и разгромитъ союзныя войска—тогда тоже конецъ походу. Ты самъ понимаешь военное дѣло,—каково наше положеніе? Впереди непріятель съ новыми силами; позади—большая рѣка; на флангахъ союзники нерѣшительные или готовые измѣнить при первой неудачѣ... Мы все болѣе и болѣе отдаляемся отъ границъ, отъ источниковъ нашихъ средствъ. И гдѣ эти средства? Ты самъ знаешь... Все пространство отъ истоковъ Клязьмы до Нѣмана—пустыня...

Левонъ внимательно слушалъ дядю и былъ пораженъ его чистовоенными соображеніями.

— Вы, можетъ быть, и правы, дядя,—отвѣтилъ онъ:—но я не могу не ѣхать. Это мой долгъ, какъ офицера.

Князь пожалъ плечами. Княгиня все время молчала.

— Ну, если ты такъ рѣшилъ,—твое дѣло,—сказалъ князь.—Ты молодецъ, ты ищешь приключеній «на войнѣ и въ любви»,—съ улыбкой добавилъ онъ.

Левонъ вспыхнулъ, слова дяди о любви отозвались въ его душѣ, какъ укоръ совѣсти.

— Я меньше всего думаю, дядя, о приключеніяхъ,—сказалъ онъ.

— Напрасно,—весело отозвался князь:—мы въ твоёмъ возрастѣ умѣли жить,—и онъ тряхнулъ своими густыми сѣдыми кудрями.—Дай Богъ памяти,—продолжалъ онъ:—да, въ этомъ возрастѣ я тоже бралъ Берлинъ съ Чернышевымъ. Мы тоже торжественно вступили въ Берлинъ тогда. Какъ измѣнились времена! Кто бы могъ думать тогда, что черезъ полвѣка мы будемъ жертвовать собой за тѣхъ,

кто тогда признавался нашимъ первымъ врагомъ; что для спасенія этого же Берлина отъ другихъ мы поведемъ наши войска.

Князь задумался. Словно картины прошлаго проносились передъ нимъ.

Наступило молчаніе.

— Да,—прервалъ его князь:—я, кажется, зажился на свѣтѣ,—тихо сказалъ онъ, и тайная грусть слышалась въ его голосѣ.

— Что говорите вы!—дрогнувшимъ голосомъ сказала Ирина:—было великое прошлое, но развѣ не слава минувшій годъ? И если немного осталось у васъ старыхъ друзей, развѣ теперь вы никому не нужны; развѣ нѣтъ никого, для кого стоило бы вамъ жить?—едва слышно закончила она.

Съ глубокимъ чувствомъ князь взглянулъ на нее.

— Не обращайтесь вниманія, дорогая Ігѣне, на брюзжаніе старика. Я неблагодарный человѣкъ. Я счастливъ моимъ настоящимъ, но иногда такъ сильны воспоминанья, а ихъ такъ много, такъ много!..—Да, Левонъ,—круто перемѣнилъ онъ разговоръ:—ты не хочешь еще принять отъ меня отчета, но знай, что твое состояніе достаточно велико. Мною сдѣланы распоряженія Бурову. Ты можешь въ средствахъ не стѣсняться. Напиши записку, и контора выдастъ тебѣ любую сумму.

— Благодарю васъ, дядя,—отвѣтилъ Левонъ.

— Благодарить не за что,—сказалъ князь:—вѣдь, это твое.

— Сегодня я увижу Новикова,—произнесъ Левонъ:—и мы рѣшимъ, когда можно ѣхать. Завтра въ ночь или послѣзавтра. Миѣ еще надо будетъ подать рапортъ управляющему военнымъ министерствомъ, князю Горчакову, о своемъ отъѣздѣ. Распоряженіе канцлера о назначеніи меня въ дѣйствующую армію уже передано князю. Я и такъ потерялъ нѣсколько дней.

Едва окончился завтракъ, Левонъ поторопился уйти. Онъ боялся, что его рѣшимость снова поколеблется, если ему случится остаться теперь наединѣ съ княгиней, и торопился отрѣзать себѣ путь отступленія. Дѣйствительно, послѣ подачи рапорта было бы затруднительно и неловко оставаться дольше въ Петербургѣ.

Рука княгини была холодна и дрожала, когда Левонъ поцѣловалъ кончики тонкихъ пальцевъ.

ХІ.

На душѣ Льва Кирилловича было тяжело. Грустное лицо Ирины, холодная, дрожащая рука неотступно вспоминались ему. «Стоитъ ли жизнь этихъ мученій?—думалъ онъ,—и гдѣ найти покой? Въ молитвѣ?» Но онъ никогда не молился, и самая мысль искать утѣшенія въ религіи была чужда его уму и сердцу... |Какая цѣль жизни? Вотъ теперь онъ поѣдетъ на войну, которой не сочувствуетъ. Бу-

детъ убивать или самъ будетъ убитъ: для чего? Да, опасности и тревоги боевой жизни на нѣкоторое время наполняютъ его душевную пустоту... Кончится война, и если онъ останется жить,—что тогда? Что дальше? Жить, какъ живутъ тысячи и тысячи,—для чего? Для наживы? Но онъ богатъ. Для славы? Онъ горько усмѣхнулся этой мысли. Онъ маленькая песчинка. Онъ не Наполеонъ, не Цезарь... Какая честолюбивая голова не поникнетъ въ безнадежности передъ наполнившей міръ славой Наполеона! «Да,—вслухъ закончилъ онъ свои размышленія:—одна слава—пасть въ бою...»

Полонъ этихъ мрачныхъ мыслей, онъ пріѣхалъ къ Новикову.

У Новикова онъ засталъ незнакомаго ему молодого человѣка. Его лицо поразило князя. Блѣдное, почти прозрачное, съ орлинымъ носомъ, черными, не мигающими, какъ у орла, круглыми глазами, оно поражало выраженіемъ силы и воли. На темный фракъ падали локоны черныхъ волосъ.

Было что-то мрачное во всей его черной фигурѣ.

— Шевалье Габріель де-Монтрозъ,—представилъ его Новиковъ:—а это князь Бахтѣевъ.

Шевалье съ величьемъ короля протянулъ князю руку.

— Я очень радъ познакомиться съ вами,—звучнымъ голосомъ сказалъ молодой человѣкъ:—я много уже слышалъ о васъ отъ вашего друга.

— Отъ меня же онъ утаилъ,—съ улыбкой отвѣтилъ князь,—о своемъ знакомствѣ съ вами.

— Да?—небрежно произнесъ шевалье.—Ну, что жъ, я предпочитаю самъ сказать о себѣ.

— Шевалье здѣсь только два дня,—произнесъ Новиковъ, какъ бы оправдываясь.

Князь не могъ не замѣтить, что Новиковъ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ почтительности, почти благоговѣнія, относился къ своему гостю.

Тѣмъ болѣе удивило князя, что Новиковъ до сихъ поръ ни звукомъ не обмолвился о такомъ знакомствѣ.

— Вы, говорятъ, ѣдете на войну?—началъ шевалье.

— Да, г. шевалье,—отвѣтилъ Бахтѣевъ:—какъ ни грустно, но мы снова воюемъ съ вашими соотечественниками.

По губамъ шевалье скользнула легкая усмѣшка.

— Я не французъ,—сказалъ онъ:—хотя, конечно, мое имя вводитъ въ заблужденіе.

— Вы не французъ!—въ искреннемъ изумленіи воскликнулъ князь:—кто же вы по національности?

— Я всемірный гражданинъ,—отвѣтилъ шевалье:—я столь же французъ, какъ нѣмецъ, русскій или шведъ...

— Я не понимаю васъ,—сказалъ князь:—но вѣдь у васъ есть родина?

— Весь міръ,—коротко отвѣтили шевалье.

— Но родные, друзья?—продолжалъ князь.

— Все человѣчество,—такъ же коротко отвѣтили Монтрозъ.

— По истинѣ—это черезчуръ по-христіански!—съ легкой насмѣшкой отозвался князь.

— А развѣ это дурно слѣдовать по стопамъ великаго учителя—Юга?—возразилъ Шевалье.

— Это—возвышенно, но это не всякому по силамъ,—задумчиво произнесъ князь.

Новиковъ не вмѣшивался въ разговоръ, съ жаднымъ любопытствомъ глядя на шевалье.

— Но все же,—сказалъ онъ, наконецъ:—съ общей точки зрѣнія, онъ правъ, великій...

Шевалье бросилъ на него быстрый взглядъ...

Новиковъ смутился и торопливо докончилъ:

— Я хотѣлъ сказать, г. шевалье, что мой другъ до нѣкоторой степени правъ.

Бахтѣевъ съ нескрываемымъ удивленіемъ смотрѣлъ то на того, то на другого.

«Что все это значить?—думалъ онъ:—отчего Новиковъ, всегда такой смѣлый и рѣзкій въ словахъ, словно робѣетъ передъ этимъ страннымъ блѣднымъ человѣкомъ во всемъ черномъ, съ такими повелительными манерами, и что значить этотъ эпитетъ «великій»?..

Но шевалье не далъ ему долго останавливаться на этихъ мысляхъ.

— Да, это не всякому по силамъ—возможно,—началъ онъ:—но это только потому, что большинство людей не считаютъ нужнымъ задумываться надъ самыми элементарными истинами. Скажите, развѣ общее рабство народовъ не роднитъ всѣхъ угнетенныхъ? Развѣ рабы чуждыхъ странъ не сочувствуютъ другъ другу и не связаны одними и тѣми же чувствами—жаждой свободы и ненавистью къ своимъ угнетателямъ? Развѣ въ войскѣ Спартака еракійцы не дрались щитъ со щитомъ рядомъ съ германцами, галлами и римлянами противъ общаго врага.

Лицо шевалье оставалось блѣднымъ, только глаза загорѣлись жуткимъ, зловѣщимъ огнемъ.

— Быть гражданиномъ міра,—продолжалъ онъ:—это значить быть на сторонѣ угнетеннаго. Когда гроза революціи опрокинула тронъ Людовика Святого, и молнія народнаго гнѣва расплавилла цѣпи рабства, развѣ тогда угнетенные народы другихъ странъ были менѣе дороги нашему сердцу? О,—страстно продолжалъ онъ:—служить всему человѣчеству! Надо объединить всѣ народы, надо указать имъ одинъ путь—путь свободы... Вы правы—это идея Христа, тутъ нѣтъ ни эллина ни іудея; идеи, какъ и чувства, достойныя всего человѣчества. Если любовь и ненависть одинаково понятны всѣмъ народамъ, независимо отъ ихъ національности,—то

нимъ такъ же обща и жажда свободы—это безсмертіе чувствъ, свойственныхъ душѣ человѣка, можетъ обратить народы въ одну общую семью!

Князь Бахтѣевъ былъ захваченъ этимъ вихремъ невѣдомыхъ ему мыслей.

— Да,—продолжалъ шевалье:—надо только отрѣшиться отъ того узкаго, эгонистическаго мірка, въ которомъ живетъ душа человѣка. Надо вылѣзть изъ своей кротовой норы и взглянуть на міръ Божій. Вы тоскуете, вы несчастны, вы безнадежно любите,—говорилъ шевалье, пристально смотря мрачно горящими глазами въ лицо князя, словно говорилъ именно про него:—вы несчастны въ личной жизни, и вы думаете: зачѣмъ жить? что жизнь?

Князь невольно сдѣлалъ шагъ назадъ. Его поразили эти мысли, такъ странно совпавшія съ его собственными. Это упоминанье о безнадежной любви.

— Ахъ,—продолжалъ шевалье:—не правда ли, мы центръ міра. Но безчисленное количество такихъ же мірковъ, съ такими же маленькими страданьями окружаетъ васъ, и каждое «я» принимаетъ свой маленькій мірокъ за безконечную вселенную... Но пусть же маленькое «я» потонетъ въ великомъ «я» міра—тогда мечты станутъ дѣйствительностью!

Шевалье умолкъ.

Наступило молчанье.

Новиковъ въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Бахтѣевъ старался собрать мысли, пронесившіяся въ его головѣ, какъ лохмотья тучъ. Ему хотѣлось возразить.

— Позвольте, г. шевалье, — сказалъ онъ, наконецъ: — вы, высказывая ваши идеи, нѣсколько разъ сказали «мы». Кто же это вы?

— А-а, вотъ въ чемъ дѣло!—усмѣхнулся шевалье.—Но развѣ эти идеи будутъ стоить больше или меньше, когда вы узнаете, кто проповѣдуетъ ихъ?

Онъ пристально взглянулъ на Новикова. Новиковъ почтительно опустилъ голову.

— Ну, если эти мысли нашли откликъ въ вашей душѣ—то вашъ другъ сообщитъ вамъ все, что вы захотите.

Съ этими словами шевалье поднялся.

— Мнѣ пора,—сказалъ онъ:—до свиданія, г. Новиковъ, до свиданія, князь. Вѣрьте,—добавилъ онъ, снова пристально глядя въ глаза князя:—люди страдаютъ чаще всего оттого, что слишкомъ много думаютъ только о себѣ.

Онъ пожалъ руку друзьямъ и вышелъ. Новиковъ пошелъ проводить его.

ХІІ.

— Какой странный и интересный человекъ,—началь князь, когда вернулся Новиковъ:—скажи, пожалуйста, кто онъ такой и откуда явился?

— Да, это удивительный человекъ,—задумчиво произнесъ Новиковъ:—это настоящий избранникъ. Ты спрашиваешь, откуда онъ явился. Почему я знаю!.. Но онъ уполномочилъ меня сказать тебѣ, кто онъ...

Новиковъ остановился.

— Я не буду брать съ тебя ни клятвъ, ни обѣщаній, «онъ» не велѣлъ этого,—снова началъ Новиковъ:—я же вѣрю тебѣ, что ты сохранишь тайну.

Непонятное волненіе овладѣло молодымъ княземъ.

— Я слушаю тебя, Данила Иванычъ,—сказалъ онъ.

— Я буду кратокъ,—отозвался Новиковъ:—но я начну съ того, что тебѣ, конечно, извѣстно. Ты, вѣдь, знаешь о масонахъ? Объ этомъ всемірномъ братствѣ каменщиковъ, созидających уже много вѣковъ камень за камнемъ храмъ Соломона, несокрушимое зданіе свободы, любви и братства?

— Такъ ты масонъ!—въ волненіи воскликнулъ Бахтѣевъ:—не зналъ этого, хотя знаю о масонѣ и иллюминатѣ Новиковѣ, твоемъ однофамильцѣ.

— Да, я масонъ,—отвѣтилъ Новиковъ:—хотя еще не пострадалъ, какъ мой знаменитый однофамилецъ, и я горжусь, что принадлежу къ этому братству. Я нашелъ цѣль жизни.

— Цѣль жизни?—спросилъ Бахтѣевъ и всталъ съ мѣста.

— Я не буду проповѣдникомъ,—началъ Новиковъ:—ты слышалъ, что говорилъ Монтрозъ? Вотъ единая великая цѣль нашей логи. Мы теперь сильнѣе, чѣмъ думаютъ... Въ нашихъ рядахъ есть люди, отъ которыхъ, быть можетъ, зависятъ судьбы народовъ... Мы возродились и вернулись теперь къ прежнимъ, лучшимъ, благороднымъ идеямъ начала масонства, къ неустанной борьбѣ за правду и права человека. Наши логи въ Германіи, Франціи, Россіи не праздная забава сытыхъ баръ, шутовство и игра въ тайны. Нѣтъ. Мы передовая позиція угнетеннаго человечества...

Новиковъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ.

— Наполеонъ потрясъ міръ,—продолжалъ онъ:—онъ докончилъ дѣло революціи, онъ пробудилъ самосознанье народовъ и онъ, этотъ тиранъ, этотъ гигантъ, наступившій желѣзной пятой на грудь Европы, указалъ путь свободы народамъ. Онъ пробудилъ Германію отъ ея рабскаго сна, онъ всколыхнулъ Россію и бросилъ намъ новыя идеи и стремленія... И мы объединились теперь для блага народа. О, если бы мы могли избѣжать теперь этой войны и посвятить всѣ

силы истощенной, по просыпающейся Россіи... Но мы работаемъ, и мы достигнемъ своего...

Новиковъ остановился.

— Да,—началь онъ:—я былъ несчастливъ, я погибалъ, не видя истиннаго свѣта... Но теперь, теперь я счастливъ и гордъ. Пусть силы мои малы, но я живу не бесплодно... Мы уже многого достигли... «Онъ» позволилъ мнѣ говорить съ тобой и этимъ какъ быпріобщилъ тебя къ нашему братству...

— «Онъ», но кто же «онъ»?—нетерпѣливо воскликнулъ Бахтѣвъ.

Новиковъ поднялъ руку и торжественно, медленно произнесъ:

— Онъ—Кадошъ, великій мастеръ Великаго Востока. Онъ верховный глава всѣхъ истинныхъ масонскихъ ложъ. Онъ великъ и почти всемогущъ. Отъ Нила до Невы, отъ Эбро до Сены сотни тысячъ людей повинуются его слову.

— Но ты? Кто же ты?—спросилъ Бахтѣвъ.

— Я мастеръ Великой Директоріальной ложи Владимира къ порядку,—съ гордостью отвѣтилъ Новиковъ.—Это ложа объединила въ себѣ всѣхъ истинныхъ масоновъ. Къ ней присоединились ложи: «Александра къ Коронованному Пеликану», «Елизаветы къ добродѣтели», «Петра къ истинѣ», «Les amis réunis», «La Palestine» и много другихъ.

Новый міръ открывался передъ глазами Бахтѣва. До сихъ поръ окружающая его жизнь казалась ему простой и несложной. Онъ жилъ, какъ живутъ всѣ, не задумываясь надъ вѣками установленнымъ укладомъ жизни, и вдругъ лицомъ къ лицу столкнулся съ какой-то новой, кипящей и дѣятельной жизнью, таинственной и сильной. Онъ былъ потрясенъ. Смутное недовольство собою, неудовлетворенность, все освѣтилось новымъ свѣтомъ.

— Я хотѣлъ бы работать съ вами,—тихо сказалъ онъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ Новиковъ:—я счастливъ, что ты хочешь этого. Великій мастеръ не ошибся, когда, уходя, сказалъ мнѣ: онъ будетъ нашъ. Хорошо,—повторилъ онъ:—я введу тебя въ ложу—ученикомъ.

— Когда же? Когда?—въ волненіи спросилъ князь.—Вѣдь времени такъ мало. Вѣдь я пришелъ къ тебѣ, чтобы сговориться о днѣ отъѣзда въ армію. Я думалъ, что мы выѣдемъ завтра или послѣзавтра... Какъ же быть?

Новиковъ задумался.

— Да,—сказалъ онъ:—я тоже хотѣлъ ѣхать на дняхъ. Я не знаю, когда будетъ засѣданіе ложи и притомъ можно ли тебя ввести сразу... Мнѣ придется поговорить...

— Я не могу здѣсь дольше оставаться, я долженъ ѣхать,—глухимъ голосомъ произнесъ Бахтѣвъ.

Новиковъ быстро взглянулъ на него.

— Если не удастся здѣсь,—сказалъ онъ:—то все равно, можно принять тебя и за границей.

— Я предпочелъ бы здѣсь,—отвѣтилъ Бахтѣевъ.

— Хорошо,—подумавъ, произнесъ Новиковъ:—я постараюсь сегодня же поговорить съ Монтрозомъ и завтра же сообщу тебѣ.

— Благодарю,—сказалъ Бахтѣевъ:—а я, значить, подожду подавать рапортъ объ отъѣздѣ. День-другой не расчетъ.

И неожиданно чувство радости охватило его при мысли, что разлука съ Ириной отсрочена.

Онъ самъ испугался этого чувства.

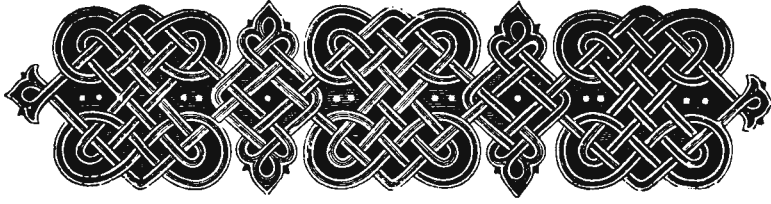
«Зачѣмъ,—сейчасъ же подумалъ онъ съ тоскою,—чего я могу ждать, на что надѣяться?»

Но милый образъ дразнилъ его воображеніе... Нечего размышлять. Впереди, можетъ быть, смерть... Увидѣть лишній разъ... Онъ уже забылъ о своемъ рѣшеніи избѣгать встрѣчи съ княгиней до своего отъѣзда въ армію.

Ф. Заринъ-Несвицкій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

САНЪ-СТЕФАНО¹⁾.

Записки графа Н. П. Игнатъева съ примѣчаніями А. А. Башмакова и К. А. Губастова.

IX.

ВЕТВЕРТАГО февраля Игнатъевъ извѣстилъ канцлера, что предписанное изъ Петербурга предостереженіе чрезъ Савфеть-пашу Портѣ касательно присутствія баши-бузуковъ близъ греческихъ границъ сдѣлано ²⁾ и что турецкій уполномоченный согласился на срытіе укрѣпленій Шумлы и Варны, оговоривъ лишь право Порты вывезти вооруженіе и крѣпостную движимость, принадлежащую Турціи. Когда Игнатъевъ уѣзжалъ изъ Петербурга, то послѣдніе успѣхи нашего оружія еще не выяснились, только что было получено извѣстіе, что передовой отрядъ нашъ занялъ Адріанополь, а потому ни князь Горчаковъ, ни военный министръ не считали возможнымъ требовать срытія всѣхъ турецкихъ крѣпостей, и потому Игнатъевъ былъ уполномоченъ оставить въ Шумлѣ и Варнѣ турецкіе гарнизоны. Но, прибывъ въ Адріанополь и ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, Игнатъевъ упрекалъ главную квартиру, что она

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІ, стр. 36.

²⁾ Греки объяснили свое вступленіе на турецкую территорию присутствіемъ регулярныхъ турецкихъ войскъ на границѣ Греціи и разбоями и грабежами, ими учиненными. Въ Петербургѣ нашли нужнымъ поддержать предъ Портою такое истолкованіе слишкомъ поздняго и потому бесполезнаго движенія, предпринятаго греками, когда они убѣдились, что, слѣдуя совѣтамъ Англіи, напрасно пропустили благоприятное для Греціи время.

Авт.

не потребовала очистки Шумлы и Варны при заключеніи перемирія и, со своей стороны, измѣнилъ проектъ договора въ томъ смыслѣ, что онъ не только потребовалъ передачи Болгаріи всѣхъ крѣпостей, но и уничтоженія укрѣпленій Шумлы и Варны. Повидимому, государь не ожидалъ такого результата и потому, по повелѣнію его величества, князь Горчаковъ телеграфировалъ Игнатьеву 6-го февраля: «Императоръ очень доволенъ тѣмъ, что Шумла и Варна будутъ срыты. Настаивайте на уступкѣ Батума». Но Игнатьевъ не нуждался въ этомъ понужденіи, ибо въ первомъ же разговорѣ своемъ онъ предупредилъ Савфета, что безъ уступки Россіи Батума мира между Турціею и Россіею быть не можетъ, а также, что и Карсъ, подъ стѣнами котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ пролито такъ много русской крови и который нѣсколько разъ уже былъ нами взятъ, долженъ быть намъ принадлежащимъ навѣки.

6-го февраля канцлеръ извѣстилъ (телеграмма отъ 5-го) Игнатьева, что въ Петербургѣ получено свѣдѣніе, что великобританское правительство ведетъ въ Лондонѣ съ турецкимъ посломъ переговоры о покупкѣ лучшей части турецкаго флота, избирая преимущественно броненосцы, построенные въ Англии. Лайярдъ доноситъ своему правительству, что надѣется уладить это дѣло ¹⁾. А на другой день (телеграмма отъ 6-го февраля) сообщилъ Игнатьеву, что за два дня передъ тѣмъ лордъ Дерби, тотъ самый, которому такъ довѣрялъ графъ Шуваловъ и который ему обѣщалъ, что англійская эскадра не вступитъ въ Дарданеллы, если мы не займемъ Галлиполи ²⁾, телеграфировалъ Лайярду, что онъ надѣется, что турецкіе военачальники сумѣютъ защитить Галлиполи, если этотъ пунктъ подвергнется нападенію русскихъ, и поручилъ послу внушить султану, что если русскіе одолѣютъ турокъ въ Галлиполи, то форты на азиатскомъ берегу должны быть тотчасъ заняты добровольно англичанами ³⁾. Лордъ Дерби надѣется, что на этотъ разъ Порта догадается

¹⁾ Англія всегда послѣдовательно старалась уничтожить флоты другихъ державъ или завладѣть всѣми зарождающимися морскими силами. Втравивъ Турцію въ войну съ нами, она хотѣла воспользоваться ея разгромомъ, чтобы завладѣть броненосцами и захватить какой-нибудь островъ. Авт.

²⁾ На основаніи легкомысленнаго настоянія графа Шувалова, великій князь Николай Николаевичъ остановилъ отрядъ генерала Гурко, уже двинутый на Булаиръ и Галлиполи, чѣмъ англичане и воспользовались, нарушивъ слово, данное Шувалову, чтобы безбоязненно ввести свою эскадру въ Мраморное море. Авт.

³⁾ Судя по себѣ, англичане никакъ не ожидали, повидимому, что ихъ давленія на нашего представителя въ Лондонѣ, графа Шувалова, достаточно было, чтобы помѣшать намъ не только атаковать булаирскія укрѣпленія и Галлиполи, но и занять ихъ безъ боя, что мы могли весьма легко сдѣлать прежде возникновенія безпокойства лорда Дерби и, во всякомъ случаѣ, въ промежутокъ времени между 19 января и 1-го февраля, т. е. до прямого вмѣшательства англійской эскадры, не имѣвшей достаточно сильнаго десанта, чтобы привести немедленно свою услугу въ исполненіе. Авт.

не протестовать противъ англійскаго захвата фортвъ, которые будутъ возвращены Турціи послѣ заключенія мира ¹⁾).

Одновременно Игнатьевъ получилъ, наконецъ, благопріятныя извѣстія изъ Константинополя отъ Ону, которыя онъ и успѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го): «Ону доносить, что турки положительно въ изнеможеніи отъ войны, не желаютъ ея продолженія и потому примутъ наши войска даже въ столицу, хотя и неохотно, но безъ сопротивленія. Мѣстные газеты говорятъ открыто о скоромъ миролюбивомъ вступленіи нашихъ войскъ. Министры обсуждаютъ съ Ону о тѣхъ казармахъ, которыя могутъ быть уступлены въ городѣ нашимъ войскамъ, упоминая, однакоже, о страхѣ, который распространился между мусульманами, и о личныхъ опасностяхъ, угрожающихъ султану вслѣдствіе негодованія горячихъ головъ на униженіе Турціи. Предполагаютъ прислать сюда Намикъ-пашу, чтобы уговорить великаго князя отказаться отъ вступленія въ столицу».

Порта приписываетъ лишь личному вліянію, которое якобы Намикъ успѣлъ приобрести на великаго князя, неожиданную приостановку въ Адрианополѣ наступательнаго движенія русскихъ войскъ на Царьградъ и потому хотѣла снова попытаться употребить это вліяніе въ свою пользу. Но изъ словъ Ону, никогда не отличавшагося предприимчивостью и всегда склоннаго къ умѣренности, ясно было, что если уже министры ведутъ съ нимъ переговоры о казармахъ для нашихъ войскъ, когда мы еще только ограничились пока предупрежденіемъ, что Россіи нельзя будетъ допустить присутствіе англійской эскадры въ Босфорѣ безъ занятія города, то достаточно было категорическаго нашего требованія и смѣлаго движенія нашихъ колоннъ къ стѣнамъ Стамбула и высотамъ Босфора, чтобы вступленіе нашихъ войскъ въ городъ и занятіе турецкихъ казармъ совершилось безпрепятственно. Опасеніе главнокомандующаго и нежеланіе его воспользоваться психическимъ моментомъ, несмотря на убѣжденія Игнатьева, не объяснимы иначе, какъ внушеннымъ нашимъ лондонскимъ посломъ опасеніемъ, что этотъ рѣшительный шагъ поведетъ къ столкновенію съ Англіею и что война можетъ затянуться.

Въ то же время Ону сообщилъ собранныя имъ свѣдѣнія о дѣятельности дипломатическаго корпуса, съ многими изъ членовъ котораго—старыми нашими знакомыми—онъ успѣлъ повидаться. Свѣдѣнія эти Игнатьевъ успѣшилъ передать вкратцѣ канцлеру (телеграмма 5-го февраля):

---

¹⁾ Никто не могъ военепрепятствовать русской арміи соответственно занять, на томъ же основаніи, форты на Босфорѣ и булаврскія укрѣпленія. Слѣдовало тотчасъ же послѣ враждебной выходки англичанъ привести это въ исполненіе, возложивъ предъ турками и Европою отвѣтственность за это мѣропріятіе на Великобританію. Авт.

«Англичане и австрійцы дѣятельно интригуютъ противъ Россіи, стараясь помѣшати всячески заключенію мирнаго нашего договора до созыва конференціи. Они указывали на согласіе Россіи на конференцію, какъ на доказательство бесполезности и опасности преждевременныхъ уступокъ Порты, и выказываютъ, при каждомъ случаѣ, явную враждебность ¹⁾. Графъ Зичи (бывшій пріятелемъ и личнымъ союзникомъ Игнатьева въ 1875 и 1876 годахъ) утверждаетъ, что Россія обманула Вѣну, и поручилъ Ону мнѣ передать, что личная его пріязнь ко мнѣ не помѣшаетъ ему выполнить свои обязанности по чувству долга ²⁾».

Князь Рейсъ (германскій посоль, принявшій на себя защиту русскихъ подданныхъ во время войны, бывшій довольно долго представителемъ Пруссіи въ Петербургѣ) ведетъ себя безукоризненно и подтверждаетъ австро-венгерскія враждебныя интриги. Графъ Корти ³⁾ ведетъ себя прилично. Съ разныхъ сторонъ меня увѣряютъ, что Австро-Венгрія, рассчитывая, что мы истощены войною съ Турціею, секретно производитъ приготовленія къ войнѣ съ нами».

Передавъ эти данныя канцлеру, Игнатьевъ предупредилъ князя Горчакова, что онъ обратился по телеграфу непосредственно къ Новикову для разъясненія обстоятельствъ, съ просьбою сообщить въ Адрианополь по телеграфу о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ, чтобы знать, на что мы можемъ рассчитывать при настоящемъ положеніи дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Онъ тотчасъ телеграфировалъ Новикову (5-го февраля):

«Австро-Венгрія выказываетъ въ Константинополѣ раздраженіе противъ Россіи и даже враждебность. Зная, что Зичи строго придерживается инструкцій вѣнскихъ, прошу поставить меня въ извѣстность относительно дѣйствительнаго расположенія въ отношеніи къ намъ. Можемъ ли мы положиться на сохраненіе дружбы и взаимнаго довѣрія, или должны ожидать враждебныхъ дѣйствій. Частныя свѣдѣнія изъ Вѣны указываютъ на секретныя военныя приготовленія противъ насъ. Возможно ли это?»

Зная, до какой степени Новиковъ былъ увлеченъ графомъ Ан-

¹⁾ О союзѣ трехъ императоровъ, который такъ выставляли графъ Андраши и австро-венгерскіе агенты, когда насъ надо было имъ ввести въ заблужденіе и парализовать пацу дѣятельность въ Константинополѣ и на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, уже не было и рѣчи. Комедія была сыграна и занавѣсъ опустили. А выступила на сцену всегдашняя австро-венгерская политика, въ союзѣ съ постояннымъ соперникомъ нашимъ на Востокѣ—Англіею. Еще Германія, поддерживая исподтишка Австро-Венгрію и дружа съ Портою, пыталась изъ приличія сохранить видъ благорасположенія къ намъ, не нарушая нейтралитета. Авт.

²⁾ Нельзя было яснѣе сознаться въ измѣненіи политики Австро-Венгріи и объяснить перемѣну въ сношеніяхъ между нимъ и Игнатьевымъ. Авт.

³⁾ Итальянскій посоль, съ которымъ Игнатьевъ былъ также въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ. Авт.

драши и вѣрилъ въ возможность прочнаго соглашенія нашего съ Австро-Венгріею, Игнатъевъ смягчилъ дошедшія до него свѣдѣнія о коварствѣ австро-венгерскаго правительства и передалъ ихъ своему коллегѣ въ самой мягкой формѣ, чтобы не оскорбить его высказаннымъ подозрѣніемъ касательно вѣнскаго кабинета, которому Игнатъевъ, съ своей стороны, никогда не довѣрялъ, выводя свои заключенія по тѣмъ дѣйствіямъ австро-венгерскихъ агентовъ, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ въ Турціи до войны.

Отвѣтъ отъ Новикова Игнатъевъ получилъ уже въ Санъ-Стефано, лишь 15-го февраля, то есть черезъ десять дней. Очевидно, телеграмма его была задержана австрійцами, которые никогда не стѣснялись затруднять телеграфическія и почтовые сообщенія для политическихъ цѣлей ¹⁾.

Нашъ посоль въ Вѣнѣ телеграфировалъ 12-го февраля:

«Ваша телеграмма дошла до меня только вчера (11-го) вечеромъ. Положеніе, принятое Австріею, сомнительно. Не вѣрю еще во враждебныя намѣренія, но опасаясь упорнаго дипломатическаго сопротивленія и замѣчаю неудовольствіе на наши непосредственныя соглашенія съ Портою, въ которыхъ видятъ желаніе навязать Европѣ совершившіеся факты» ²⁾.

6-го и 7-го февраля канцлеръ, въ отвѣтъ на сообщенія Игнатъева, телеграфировалъ ему, что:

«Еще ничего не рѣшено касательно времени и мѣста созыва конференціи, но, какъ кажется, не предполагается составить оную изъ министровъ иностранныхъ дѣлъ, что исключаетъ мое непосредственное участіе. Торопите окончаніе порученнаго вамъ дѣла».

И затѣмъ 6-го февраля:

«Держитесь инструкцій, вами съ собою увезенныхъ отсюда» ³⁾.

¹⁾ Графъ Н. П. Игнатъевъ, уже въ семидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія, обратилъ должное вниманіе на фатальное значеніе двухъ фактовъ, которыми и впоследствии сильно задерживалось, и притомъ на долгое время, развитіе солидарности и государственнаго сближенія между славянскими государствами и Россіею. Эти факты заключаются въ томъ, что: а) нѣтъ территоріальной между ними смежности и б) всѣ почтовые и телеграфныя между ними сношенія были всецѣло въ рукахъ Австро-Венгріи или подъ ея вліяніемъ. Отсюда вытекали, въ разнообразномъ видѣ, самыя невыгодныя для насъ послѣдствія, которыя трудно изобразить здѣсь въ одномъ лишь соращенномъ изложеніи. А. Б.

²⁾ Этотъ отвѣтъ нашего посла выказывалъ всю неосновательность надеждъ, возлагавшихся имъ и княземъ Горчаковымъ на графа Андраши, возмечтавшаго распоряжаться нашими дѣйствіями по своему усмотрѣнію, безъ вниманія къ чести и достоинству Россіи, даже послѣ того, какъ императорское правительство согласилось обезпечить интересы Австро-Венгріи конвенціею, заключенною въ Вѣнѣ 3-го января, на случай распада Турецкой имперіи. Авт.

³⁾ Телеграмма эта опровергаетъ заявленія графа Шувалова, нашего посла въ Лондонѣ, и распространенное послѣ Берлинскаго договора мнѣніе, что Санъ-Стефанскій договоръ своевольно заключенъ Игнатъевымъ, дѣйствовавшимъ не по инструкціямъ императорскаго правительства и вопреки желаніямъ князя Горчакова. Авт.

Измѣненія, введенныя въ инструкціи, отправленныя съ Боголюбовымъ, были введены лишь въ предположеніи, что мы не встрѣтимъ въ конференціи такого сопротивленія, которое теперь должны предвидѣть ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, торопите заключеніе вашего соглашенія съ турками, чтобы конференція, избѣгнуть которой не было возможности, нашла, хотя по нѣкоторымъ вопросамъ, совершившіеся факты. Настаивайте постоянно на томъ фактѣ, что перемиріе было дано Портѣ лишь послѣ принятія оною основныхъ условій мира. Если уклонятся отъ этихъ основаній, должны будутъ ожидать нести соотвѣтствующія послѣдствія».

Телеграммы эти уполномочивали Игнатъева не отступать отъ первоначальнаго проекта и дѣйствовать болѣе энергично, нежели желала главная квартира. Въ Петербургѣ, повидимому, стали раздѣлять мнѣніе Игнатъева, что лучше возобновить наступленіе, объявивъ прекращеніе перемирія, для достиженія лучшаго результата, нежели терять время въ Адрианополѣ и ослабить наши требованія.

Въ виду полученныхъ свѣдѣній о намѣреніяхъ англичанъ касательно турецкихъ броненосцевъ, Игнатъевъ поспѣшилъ заговорить съ Савфетомъ, не ожидая, какъ первоначально предполагалъ, предварительнаго установленія соглашенія касательно Болгаріи, Черногоріи и Сербіи, о военномъ вознагражденіи, которое Турціи надо будетъ выплатить Россіи, и, когда паша сталъ распространяться о бѣдности Турціи, разореніи края и невозможности выплачивать деньгами, то Игнатъевъ далъ понять, что въ счетъ уплаты могутъ, по желанію султана, войти и территориальныя уступки. «Но, во всякомъ случаѣ,—добавилъ Игнатъевъ,—Портѣ придется уступить въ счетъ контрибуціи нѣсколько броненосцевъ ²⁾, такъ какъ Россія предпочитаетъ оградить ихъ своимъ флагомъ, чѣмъ предоставить англичанамъ захватить турецкія броненосныя суда, подобно тому, какъ она поступила съ Данією въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и при извѣстной алчности Великобританіи, пользующейся стѣсненнымъ положеніемъ другихъ странъ для пріобрѣтенія себѣ выгодъ и увеличенія своихъ морскихъ средствъ».

Савфеть пришелъ въ ужасъ отъ совокупности русскихъ требованій, когда они были развиты послѣдовательно въ ежедневныхъ двукратныхъ конференціяхъ, а въ особенности, когда ознакомился съ размѣрами военнаго вознагражденія и съ перспективою потери

¹⁾ Такое сознаніе канцлера въ ошибочности своего прежняго взгляда на отношенія къ Россіи кабинетовъ по восточному вопросу доказывало, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе льстецами и собственнымъ тщеславіемъ и напрасно не внялъ предостереженіямъ Игнатъева, который вѣрно оцѣнилъ значеніе союза трехъ императоровъ, замысла графа Андраши и двуличіе Бисмарка. Авт.

²⁾ Игнатъевъ потребовалъ шесть лучшихъ броненосцевъ турецкаго флота. Авт.

броненосцевъ, такъ что Игнатьевъ телеграфировалъ канцлеру 5-го февраля:

«Савфетъ въ отчаяніи отъ нашихъ требованій вознагражденія, утверждаетъ, что Порта никогда ихъ принять не можетъ и сообщилъ въ Константинополь, требуя инструкцій».

Сверхъ личныхъ телеграммъ и донесеній Игнатьева, уполномоченные, отдавая канцлеру отчетъ о ходѣ переговоровъ, составляли донесенія, подписываемыя ими обоими, то есть Игнатьевымъ и Нелидовымъ. Переговоры эти, происходившіе, какъ выше сказано было, два раза въ день, подвигались крайне медленно, и видимо было, что, пока они ведутся въ Адрианополь, результата никакого достигнуть нельзя, а между тѣмъ обстоятельства требовали ихъ ускоренія, и Игнатьевъ приложилъ безуспѣшно къ тому всю свою энергію и настойчивость. Съ первой же конференціи на другой день послѣ прибытія Савфета въ Адрианополь пашѣ было сообщено письменно развитіе принятыхъ турками пяти основаній мира. Съ самаго начала турецкій уполномоченный проявилъ легкомысленное стремленіе Порты вернуться къ положенію вопроса объ улучшеніи положенія христіанскаго населенія на Балканскомъ полуостровѣ передъ войною, принявъ за основаніе лондонскій протоколъ, принятый всѣми великими державами и отвергнутый султаномъ, что и привело къ разрыву и вызвало окончательно войну.

Странно было ослѣпленіе турецкихъ сановниковъ ожидать, что Россія предастъ забвенію всѣ событія, совершенно измѣнившія съ апрѣля 1877 года историческое значеніе занимавшаго насъ вопроса, потоки русской прови, пролитой въ Болгаріи, Арменіи и Анатолиі, жертвы, понесенныя Россією и ея единовѣрцами, и согласится, подъ стѣнами Константинополя, въ ту минуту, когда отъ нея зависѣла судьба Царьграда и продолженіе пребыванія султана на европейскомъ берегу Босфора, ограничиться тѣми фиктивными уступками, цѣною которыхъ Россія предусмотрительно и великодушно предлагала Турціи избѣгнуть войны и тяжелой отвѣтственности.

Уже въ Казанлыкѣ Серверъ-паша пытался стать на почву прежнихъ европейскихъ переговоровъ съ Турцією и хотя и тогда ему была доказана тщета его неосновательныхъ усилій, тѣмъ не менѣе турки не унимались и созданная завистливою Западною Европою надежда на безнаказанность Турціи въ отношеніи къ Россіи побуждала Порту, при каждомъ возможномъ случаѣ, постоянно возвращаться къ прежнимъ попыткамъ—ничего существеннаго Россіи не уступить, рассчитывая на поддержку Европы и на нашу испытанную благодушную сговорчивость.

Порта, повидимому, отдавала себѣ отчетъ, что, съ созданіемъ Болгаріи, могущество султана и значеніе его въ Европѣ будетъ подорвано и даже можетъ легко быть уничтожено. А потому весьма

естественно наши должны были употребить всё усилія не только для уменьшенія размѣровъ Болгаріи ¹⁾, но стараться ее отодвинуть какъ можно далѣе отъ своей столицы и отъ морского прибрежья, не допускать большого увеличенія Черногоріи, въ особенности же Сербіи къ сторонѣ Албаніи и Старой Сербіи, но и желали сохранить обаяніе падишаха и вліяніе Порты на все мусульманское населеніе, даже въ тѣхъ областяхъ, которыя они вынуждены были уступить по договору съ Россіею, такъ какъ мусульмане никогда не простили бы преемнику калифовъ, если бы онъ согласился добровольно отдать ихъ на произволъ христіанскихъ правителей и бывшихъ презрѣнныхъ райевъ.

Замѣчательно, что привыкшіе считаться съ вѣковой военною доблестью черногорцевъ (которыхъ турки еще недавно величали,

¹⁾ Какъ во время Константинопольской конференціи 1876 года, такъ и въ періодъ выработки Санъ-Стефанскаго договора и Берлинскаго трактата 1878 г.—вся энергія враждебныхъ намъ западно-европейскихъ державъ была направлена къ возможно большому сокращенію территоріи и жизненныхъ силъ воскресавшей Болгаріи. Въ основаніи этой старой формы руссофобской политики являлось предположеніе, что славянскій народъ, вышедшій изъ пятисотлѣтняго рабства благодаря единокровной съ нимъ и египетской Россіи, не можетъ не оказаться солидарнымъ съ нею въ дальнѣйшемъ своемъ ростѣ и развитіи. Однако уже съ самаго начала восьмидесятыхъ годовъ Австро-Венгрія открыла секретъ совершенно иного способа разрушенія славянской солидарности. Съ тѣхъ поръ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, въ приемахъ антирусской дипломатической интриги, что вліяніе Россіи въ Болгаріи (а иногда и въ другихъ балканскихъ государствахъ) слѣдуетъ разрушать, содѣйствуя развитію мѣстнаго шовинизма и разжигая мегаломанію крошечныхъ государствъ. Виртуозное умѣніе идти по этому пути показала именно Австрія, тогда какъ Англія уже отстала отъ нея въ этомъ дѣлѣ. Это объясняется слѣдующимъ. Представляя во многомъ большое сходство въ социальномъ строеніи, въ уровнѣ умовъ и нравовъ, наконецъ, въ народныхъ особенностяхъ съ ихъ ближайшими родичами, вкусившими отъ «плода древа познанія добра и зла», въ качествѣ подданныхъ двуединой монархіи, православныя балканскія государства представляли изъ себя благопріятнѣйшую почву для развитія такихъ духовныхъ язвъ, которыя шли изъ Австро-Венгріи, какъ изъ чумнаго очага, давая пышный расцвѣтъ въ маленькихъ самостоятельныхъ царствахъ на Балканахъ и по обѣимъ сторонамъ Дуная. Этотъ видъ политической болѣзни («Милановщина», «Стамбуловщина», «Кобурговщина», румынскій и греческій шовинизмъ и т. п.), представляетъ для діагноза слѣдующіе гнилостные симптомы:

а) она гнѣздится въ особомъ духовномъ складѣ и въ некоторой части южно-славянской интеллигенціи, выросшей изъ рядовъ скороспѣлой буржуазіи бюрократическаго типа, благосостояніе и культура которой весьма недавняго происхожденія и среди которой казнокрадство, профессиональный парламентаризмъ и лодырничество вошли въ обычай;

б) народная масса въ своихъ традиціонныхъ инстинктахъ хотя и противорѣчитъ политической оріентировкѣ упомянутого слоя интеллигентныхъ оппортунистовъ, подчиняющихся ближайшей экономической силѣ Австро-Венгріи, однако эта масса лишена организующей силы, разъ она поражена въ своей способности выдѣлять изъ себя болѣе достойный правящій классъ; ее же легко принудить мѣрами организованнаго государственнаго гнета, покрываемаго болтливыми формулами либеральнаго колорита;

в) при традиціонной неспособности нашей дипломатіи, врагамъ Россіи болѣе или менѣе постоянно удавалось проводить на отдѣльные престолы и престольчики Бал-

по примѣру западныхъ европейцевъ и австрійцевъ, разбойниками) и убѣжденные долгимъ опытомъ въ неразрывности связи Черногоріи съ Россією, турки несравненно благодушнѣе относились къ увеличенію Черногоріи и охотнѣе, нежели Австро-Венгерія, согласились бы на распространеніе княжества на большую часть Герцеговины, нежели поддавались на уступку малѣйшей части Оттоманской территоріи въ пользу Сербіи.

Увеличеніе Сербіи встрѣчало упорное сопротивленіе турокъ въ теченіе всѣхъ переговоровъ и не разъ грозило полнымъ разрывомъ ихъ. Очевидно, что тутъ вліяло на турокъ столько же раздраженіе уязвленнаго оттоманскаго высокомерія за вмѣшательство

кыскаго полуострова иѣмецкихъ принцевъ или, по крайней мѣрѣ, князей, состоящихъ болѣе или менѣе на амплу германскихъ или австро-венгерскихъ клевретовъ, благодаря чему, увѣнчаніемъ русскихъ побѣдъ и нашихъ народныхъ, славянскихъ и самоотверженныхъ усилій являлось мирное завоеваніе верховъ государственной власти въ славянскихъ и другихъ православныхъ государствахъ—все тѣми же врагами Россіи.

г) всѣ означенныя государства страдаютъ худшей формою демократіи, именно такъ называемой «охлокрагіей». Въ рѣшительныя минуты исторіи ихъ правители подчиняются суду улицы, изъ трусости, тщеславія или своекорытія. Нѣтъ власти. Королевская власть—чисто декоративная. А когда бывали попытки ее создать, она попадала въ руки тѣхъ же иѣмецкихъ ставленниковъ;

д) наконецъ, при наличности ловко луценнаго въ ходъ сложнаго аппарата германскаго порабоженія, проводившагося иногда черезъ балканскихъ вѣнценосцевъ и всегда черезъ торгово-промышленныя связи и банковый кредитъ, черезъ государственныя займы и посредствомъ австро-венгерской желѣзнодорожной полтички, съ присоединеніемъ сюда тарифныхъ ставокъ и системы таможенныхъ пошлинъ, когда этотъ аппаратъ успѣвалъ наладиться въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, получалось постепенное засасываніе самостоятельныхъ народовъ въ германско-венгерскую трясиину; эту гибель оставалось только прикрывать лоскомъ звонкихъ «національно-самостоятельныхъ» программъ (напримѣръ, формулами «стамбуловскаго сопротивленія противъ русскаго заселія»), и ловушка окончательно закрывалась. Картина полная и неминуемаго порабоженія самостоятельныхъ славянъ, да и другихъ балканцевъ, по ихъ легкомыслію, подъ Габсбургамъ—являлась уже только вопросомъ времени. Вся набросанная здѣсь схема, характеризующая политическую атмосферу Балканскаго полуострова за послѣднія тридцать лѣтъ, сводится такимъ образомъ къ слѣдующей объединенной формулѣ. Происходило медленно просачиваніе австро-венгерскаго гноевика во всю ткань народной жизни на Балканахъ, благодаря непрочной кладкѣ государственнаго строенія и незрѣлости умовъ и нравовъ. Этотъ процессъ разложенія происходитъ при постоянной лести воспаленнымъ настроеніямъ національной самобытности.

Когда Игнатьевъ создавалъ Санъ-Стефанскій договоръ, указанное здѣсь сложное явленіе было только въ періодѣ его зарожденія. Постановка была проще, нежели въ позднѣйшіе годы. Россія стояла твердо за полную правъ cadaго юго-славянскаго и православнаго народа Ближняго Востока и требовала признанія его правъ на свободу и развитіе его историческаго лица. Съ другой стороны враги Россіи (въ то время—Англія, Австрія и отчасти Франція) опредѣленно стояли за расширеніе правъ угнетателя христіанъ, т. е. Турціи, и за умаленіе правъ православныхъ народовъ, ей подвластныхъ. Настроеніе же этихъ народовъ было, конечно, въ преобладающей степени благоприятно нашей политикѣ. Санъ-Стефанскій договоръ выразилъ въ значительной мѣрѣ это стремленіе нашей политики.

А. Б.

вассальной Сербіи въ герцеговинское возстаніе, поддержанное сначала одними черногорцами, сколько и подстрекательство венгерцевъ и убѣжденіе, что Австро-Венгрія обязана поддержать отказъ турокъ увеличить территорію Сербскаго княжества.

Относительно денежныхъ вознагражденій за расходы и убытки, понесенные Россіею, русскіе уполномоченные встрѣтили сразу почти непреодолимые затрудненія. Полное истощеніе турецкой казны съ одной стороны и опасенія султанскихъ министровъ принять на себя заемныя обязательства, превышающія средства казны и страны и грозящія будущими осложненіями европейскаго значенія ¹⁾, въ случаѣ невозможности срочныхъ уплатъ, составляли камень преткновенія, о который разбивались всѣ предположенія. Замѣна части денежнаго вознагражденія территоріальными уступками Россіи и передачею нѣсколькихъ броненосцевъ, по выбору нашихъ моряковъ, затрагивали гордость турецкую самымъ чувствительнымъ образомъ, тѣмъ болѣе, что, опасаясь издавна за свои европейскія владѣнія, султаны смотрѣли на азіатскія свои области какъ на основу и на источникъ своего могущества.

¹⁾ Около второй половины XIX столѣтія обрисовалось глубокое различіе между основаніями Россіи и западныхъ державъ къ тому, чтобы вмѣшиваться въ политическіе кризисы на Ближнемъ Востокѣ. Россія имѣла тамъ, главнымъ образомъ, интересы религиозные и племенные; западныя же державы преслѣдовали, прежде всего, финансовыя и торгово-промышленныя цѣли. Россія дѣлала громадныя затраты, какъ кровью своихъ сыновъ, такъ и расходами на военныя кампаніи, а равно на административныя опыты, съ цѣлью освободить, организовать и призвать къ жизни православныя народы Ближняго Востока. Западныя же страны, въ силу нарастанія у нихъ огромныхъ промышленныхъ капиталовъ, искавшихъ помѣщенія, приняли съ начала пятидесятихъ годовъ значительное участіе въ снабженіи Турціи денежными средствами, по случаю объявленной ею эры преобразованій; на дѣлѣ, конечно, большая часть турецкихъ займовъ пошла не на военныя, административныя и организаціонныя расходы для общественной пользы, а на безумныя траты султанскаго двора, гаремовъ и пашей. Задолжаніе Турціи началось не ранѣе Крымской кампаніи. Въ 1854 году былъ выпущенъ первый турецкій государственный заемъ при содѣйствіи Англіи на сумму трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Затѣмъ, въ послѣдующія двадцать лѣтъ выпущено было до двѣнадцати заграничныхъ займовъ, на сумму около 183 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, не считая внутреннихъ займовъ на сорокъ милліоновъ фунтовъ. Такимъ образомъ, передъ началомъ герцеговинскаго возстанія, сумма турецкаго государственнаго долга достигала приблизительно двухъ съ четвертью милліардовъ рублей. При такихъ условіяхъ не мудрено, что турецкое правительство попало подъ опеку финансирующихъ ее державъ. Кредиторы Турціи получили, подъ давленіемъ европейскихъ посольствъ, строго опредѣленную систему обезпеченія ихъ претензій; при этомъ осуществленъ такой видъ захвата государственныхъ доходовъ въ розницу, который едва ли гдѣ-либо въ мірѣ практиковался въ такой уродливой и беззастѣнливой формѣ. Начинается дѣло съ заклада египетской дани, затѣмъ сирийскихъ таможенныхъ доходовъ (1855 г.), константинопольскихъ портовыхъ сборовъ (1858 г.), акцизныхъ налоговъ на табакъ и соль, гербоваго сбора, торговыхъ сборовъ (1862 г.), десятины и общихъ таможенныхъ доходовъ (1863 г.), палого на овецъ и на рудники (1865 г.); наконецъ, заложены были доходы отдѣльныхъ провинцій. (Ср. Jorga: «Geschichte des Osmanischen Reiches», т. V, стр. 543).

«Нѣкоторые признаки,—какъ доносили русскіе уполномоченные канцлеру,—заставляютъ предполагать, что Порта желала бы затянуть переговоры, чтобы дожидаться осуществленія практическаго соглашенія между Австро-Венгеріею и Великобританіею¹⁾ и даже, можетъ быть, конференціи, до окончательныхъ уступокъ Россіи». Турки понимали, что согласныя между собою дѣйствія Австро-Венгеріи и Англій могутъ принести существенную пользу Портѣ, только если они проявятся прежде, нежели выговоренныя нами у нея условія будутъ осуществлены на дѣлѣ, и ранѣе передачи намъ всѣхъ турецкихъ крѣпостей и Батума съ прикасающимися къ Закавказью турецкими областями. Убѣжденные долгимъ опытомъ въ враждебности и зависти къ Россіи европейскихъ кабинетовъ, а также въ различіи ихъ взаимныхъ интересовъ, турки большею частью вѣровали, что всякая конференція, на которой столкнутся разнорѣчивыя мнѣнія державъ, будетъ выгоднѣе для Порты, нежели непосредственное соглашеніе съ Россіею, въ виду того, что долгая практика научила турецкихъ сановниковъ пользоваться раздорами европейцевъ и искусно лавировать между различными теченіями.

Свѣдѣнія, получаемыя изъ Константинополя, доказывали, однакоже, что Порта совершенно истощила свои военныя средства и не въ состояніи выдержать продолженіе войны, а также, что существуетъ сильная партія (подобно тому, какъ во время нахождения верховнымъ визиремъ пріятеля Игнатьева Махмудъ-Недимъ-паши), искренно предпочитающая войти въ непосредственное прямое соглашеніе съ Россіею, чтобы, еговорившись съ нами, противостоять потомъ коварнымъ замысламъ Великобританіи, которой эта благомыслящая партія основательно приписывала всѣ несчастія Турціи, разразившіеся надъ нею съ 1852 года.

«Но въ то же время тѣ же люди лукаво старались намъ внушить,—писалъ Игнатьевъ канцлеру:—что необходимо Россіи отказать, если не отъ всѣхъ требованій военнаго вознагражденія, то значительно уменьшить размѣры какъ денежной контрибуціи, такъ и территоріальныхъ уступокъ, чтобы не ослабить слишкомъ средства и силы султана, сохранивъ возможность воспользоваться имъ, какъ союзникомъ, представляющимъ еще какое-либо значеніе въ Европѣ».

Игнатьевъ не поддался никакимъ изъ расточаемыхъ турками доводовъ, ни обѣщанію обращенія султана въ наши союзники, такъ какъ въ данную минуту подобное соображеніе не имѣло, по его мнѣнію, практическаго значенія и онъ зналъ, что на голословныя

---

¹⁾ Агенты и представители которыхъ въ Турціи, подстрекая турокъ къ сопротивленію, все толковали о согласіи между Вѣною и Лондономъ, а Порта надѣялась, что эти державы отъ словъ перейдутъ скоро къ дѣйствию. Авт.

обѣщанія турокъ полагаться невозможно. Главная же квартира полагала, что на этомъ шаткомъ основаніи можетъ быть построена наша будущая политика въ отношеніи Турціи и что поэтому мы должны стараться снисхожденіемъ снискать расположеніе султана, поступаясь сколь возможно болѣе нашими политическими требованіями въ пользу нашихъ единовѣрцевъ.

Съ первыхъ свиданій съ Савфеть-пашою можно было замѣтить, что онъ не уполномоченъ разрѣшать существенные вопросы, какъ, напримѣръ, территоріальныя уступки и проч. Вотъ почему, послѣ первыхъ уже двухъ конференцій онъ отправилъ Османъ-пашу съ предъявленными русскими уполномоченными картами предположенныхъ границъ Болгаріи, Сербіи и Черногоріи ¹⁾. Савфеть запросилъ мнѣніе Порты по этому вопросу и требовалъ положительныхъ инструкцій. Чтобы не потерять напрасно времени, русскіе уполномоченные настояли, несмотря на оговорки Савфета и его видимое желаніе оттянуть переговоры до полученія категорическаго приказанія Порты, чтобы было безостановочно приступлено къ обсужденію всѣхъ статей проекта, не ожидая установленія точныхъ граничныхъ линій. Такимъ образомъ, были рассмотрѣны вопросы, касающіеся устройства Болгаріи, организаціи ея управленія, оккупаціи страны нашими войсками въ теченіе двухъ лѣтъ послѣ ухода арміи, разрѣшенія въ теченіе этихъ двухъ лѣтъ смѣшанными комиссіями вопросовъ недвижимой собственности мусульманъ, бѣжавшихъ изъ Болгаріи, порядка очищенія турецкой территоріи нашею арміею и передачи Портѣ занятыхъ нами мѣстностей и т. д. Уполномоченные настояли на принятіи всѣхъ статей проекта, несмотря на упорное желаніе наши исказить характеръ болгарской автономіи, причемъ Савфеть не соглашался назвать Болгарію княжествомъ, а лишь областью, исключалъ изъ выбора въ князья всѣхъ членовъ царствующихъ въ Европѣ династій, пытался провести выборнаго губернатора вмѣсто князя и разработку органическаго устава для Болгаріи внослѣдствіи русско-турецкою комиссіею въ Константинополѣ и т. д. Когда Савфеть опирался въ отказъ своемъ признать возможность образованія обширнаго Болгарскаго княжества на присутствіе въ нѣкоторыхъ частяхъ Болгаріи многочисленнаго мусульманскаго населенія, составляющаго, по его мнѣнію, мѣстами даже преобладающее большинство жителей ²⁾,—то русскіе уполномоченные указали

---

¹⁾ Для набѣжанія недоразумѣній и облегченія Сафвету-пашѣ уразумѣнія сдѣланныхъ Игнатьевымъ предложеній онъ заготовилъ карты предполагаемыхъ границъ и вручилъ ихъ пашѣ при первомъ же объясненіи съ нимъ, убѣдившись въ его неудовлетворительномъ знаніи мѣстности. Авт.

²⁾ Каждый разъ, когда Турція терпѣла пораженія и теряла христіанскія области, въ которыхъ приходилось потомъ организовать общественную жизнь на справедливыхъ началахъ христіанской государственности, извѣстная часть мусульманскаго населе-

ему на радикальную перемѣну, происшедшую въ теченіе войны въ составѣ населенія Болгаріи. Произошла безповоротная перетасовка между христіанскими и мусульманскими жителями, такъ какъ послѣдніе бѣжали въ большемъ числѣ къ Адрианополю и Константинополю при первомъ появленіи русскихъ войскъ и даже и тѣ изъ нихъ, которые остались подъ охраною сихъ послѣднихъ, едва ли рѣшатся остаться среди болгаръ, опасаясь ихъ мести за совершенныя звѣрства и насилія передъ войною и послѣ отступленія отряда Гурко за Балканы въ іюлѣ. Но, принявъ во вниманіе справедливыя стремленія Савфета оградить должнымъ образомъ отъ произвола будущихъ болгарскихъ властей оставляемое въ княжествѣ мусульманское населеніе, а равно и поземельную турецкую частную собственность, Игнатьевъ согласился ввести въ свой проектъ договора нѣсколько дополнительныхъ статей, предоставляющихъ упорядоченіе будущихъ отношеній между жителями различныхъ національностей и вѣроисповѣданій смѣшаннымъ турецко-болгарскимъ комиссіямъ, подъ надзоромъ русскихъ властей или комиссаровъ.

Эти постановленія, принятыя вслѣдствіе соглашенія съ турками, будучи выгодными для Болгаріи, въ сущности несравненно болѣе ограждали частныя интересы меньшинства населенія и были справедливыѣ къ мусульманамъ, нежели впослѣдствіи рѣшенія Берлинскаго договора и международной комиссіи.

Савфеть-паша добивался установить условія возвращенія въ Болгарію мусульманъ-эмигрантовъ, вышедшихъ оттуда вслѣдъ за турецкими войсками, но русскіе уполномоченные уклонились отъ разрѣшенія этого вопроса, выставивъ на видъ всю трудность и многосложность практическаго опредѣленія всѣхъ могущихъ представиться случайностей и мѣстныхъ условій. Отрицательное отношеніе къ предложеніямъ турецкимъ касательно водворенія въ княжествѣ мусульманскихъ эмигрантовъ вызывалось надеждою, что эти послѣдніе, размѣстившись въ областяхъ и городахъ Турціи, сами не захотятъ впослѣдствіи вернуться на свои пепелища, чтобы жить въ чужой и непріятной имъ обстановкѣ, въ условіяхъ существованія совершенно иныхъ, нежели прежде, когда они были господствующимъ элементомъ. Съ трудомъ достигли русскіе уполномоченные соглашенія съ Савфетомъ по всѣмъ спорнымъ пунктамъ и только 6-го февраля (т.-е. на девятой конференціи) скрѣпили своими подписями редакцію статей, касающихся образованія Бол-

---

нія выселялась вглубь Турціи, преимущественно въ Азію, по неспособности переносить условія равноправности съ христіанскимъ, освобожденнымъ населеніемъ. Такіе выселенцы носятъ названіе «мухаджировъ». Разумѣется, удержаніе столь фанатически настроенныхъ элементовъ въ странѣ отнюдь не могло входить въ интересы правительства нововозникшихъ христіанскихъ государствъ.

А. Б.

гаріи, оставивъ вопросъ объ окончательномъ опредѣленіи границъ открытымъ до полученія инструкцій Порты. Затѣмъ перешли къ обсужденію предложеній, касающихся Черногоріи, которыя были съ самаго начала сообщены Савфету. Игнатъевъ, чтобы вынудить согласіе наши, выставлялъ ему ничтожность экономического значенія для Порты уступаемой Черногоріи мѣстности, слабость турецкихъ властей, существующихъ между воинственными племенами, и необходимость для Порты, испытывающей постоянныя тревоги съ этой стороны, сопряженныя съ расходами и европейскими затрудненіями, создать обезпеченный миръ и возможность дружественныхъ отношеній съ удовлетворенною въ своихъ насущныхъ потребностяхъ Черногоріею.

Такъ какъ Савфеть ссылался постоянно на свое полное невѣдѣніе топографіи спорной мѣстности, а Игнатъевъ торопился закрѣпить за княземъ Николаемъ желаемое увеличеніе княжества до враждебнаго ему вмѣшательства Австро-Венгріи, то русскимъ уполномоченнымъ пришлось согласиться на предоставленіе европейской разграничительной комиссіи большаго простора, нежели предполагалъ Игнатъевъ, для измѣненія первоначальнаго очертанія пограничной линіи, оговоривъ, однакоже, что эти измѣненія могутъ совершаться лишь въ видахъ водворенія спокойствія на границѣ и интересовъ обоихъ государствъ ¹⁾.

Въ предвидѣннй домогательствъ Австро-Венгріи подвергнуть измѣненію опредѣленную граничную черту при проведеніи оной на мѣстѣ постановлено было, по требованію русскаго уполномоченнаго, что, при урѣзываніи территоріи, должны быть присуждаемы Черногоріи комиссіею равномѣрные участки, т.-е. можетъ происходить лишь замѣна одного участка другимъ, отнюдь не уменьшая общаго увеличенія черногорской территоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Савфеть старался достигнуть опредѣленія характера будущихъ отношеній Черногоріи и ея жителей съ Портою и турецкими пограничными властями. Но русскіе уполномоченные, оберегая самолюбіе и достоинство князя Николая и не имѣя возможности узнать своевременно его виды въ этомъ отношеніи, уклонились отъ опредѣленія этихъ отношеній статьею договора, предоставивъ разрѣшеніе поднятаго турками вопроса, — очевидно, съ заднею цѣлью сохранить, по возможности, прежніе порядки, — дальнѣйшему соглашенію между княжествомъ, русскимъ и оттоманскимъ правительствами.

7-го февраля статьи, касающіяся Черногоріи, были подписаны русскими и турецкими уполномоченными. Эти условія были несравненно выгоднѣе, нежели тѣ, которыя попали въ Берлинскій

¹⁾ Игнатъевъ хотѣлъ отвратить или стѣснить предъявленіе притязаній спеціально австрійскихъ, не касающихся интересовъ Турціи. Авт.

договоръ, при заключеніи котораго Австро-Венгрія умѣла провести свои взгляды и, отнявъ у Черногоріи Спицу и присужденную ей мѣстность къ Герцеговинѣ и къ сторонѣ Сербскаго княжества, стѣснить Черногорію во всѣхъ отношеніяхъ, чтобы поставить ее въ свою зависимость ¹⁾. Такое рѣшеніе конгресса было въ высшей степени несправедливо. Черногорія начала первая борьбу, вела она блистательно, одержала громкія побѣды надъ турками, а ее лишили безжалостно плодовъ ихъ, предоставивъ всѣ выгоды результата войны Австро-Венгріи. Игнатьевъ, памятуя, что Черногорія была всегда вѣрнымъ союзникомъ Россіи, смотрѣлъ на удовлетвореніе желанія князя Николая и расширеніе его владѣній, какъ на вопросъ чести для насъ, и никакъ не соглашался поддаться на всѣ требованія Австро-Венгріи, клонившіяся ко вреду Черной горы. Зная по опыту измѣнчивость взглядовъ князя Горчакова и отсутствіе его выдержки предъ европейскими искательствами, Игнатьевъ въ донесеніи своемъ старался подсказать ему доводы противъ вмѣшательства кабинетовъ и выразился слѣдующимъ образомъ: «Общіе европейскіе интересы не противорѣчаютъ образованію и нѣкоторому расширенію славянскихъ княжествъ на Балканскомъ полуостровѣ. Мы, однакоже, приняли, сколько возможно, въ соображеніе возраженія Австро-Венгріи. Впрочемъ, великія державы сами какъ бы отстранились отъ опредѣленія ихъ будущей участи, предоставивъ въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ (т.-е. предъ нашею войною) не только Черногоріи, но и Сербіи непосредственно согласиться съ Турціею. Что же касается Болгаріи, то ея участь слишкомъ много озабочивала весь христіанскій міръ, чтобы допустить мысль, чтобы европейскіе кабинеты вздумали распатывать зданіе, устраиваемое нами на потокахъ крови» ²⁾.

¹⁾ Самое значительное различіе между предполагавшимся пріобрѣтеніями Черногоріи по Санъ-Стефанскому договору (ст. 1) и весьма суженными границами этихъ приращеній по Берлинскому трактату (ст. 28) состояло въ томъ, что сѣверо-восточная граница по первому изъ этихъ договоровъ проводилась вверхъ по рѣкѣ Лиму, отъ ея впаденія въ Дрипу до Пріеполя и оставляла за Черногоріей значительную часть Санджака и Руговскій край; затѣмъ граница шла по главному хребту Проклятыхъ горъ и достигала Скутарійскаго озера въ срединѣ его залива—Личени-Кастрати. Такимъ образомъ, къ Черногоріи отходили всѣ албанскія племена вдоль по рѣкѣ Ціевнѣ до Личени-Кастрати. По Берлинскому же договору отпала вся область праваго берега Тары (т. е. часть Санджака); отошелъ Руговскій край; наконецъ долина Ціевны и сѣверо-западныя племена албанскихъ горцевъ остались за Турціею.

А. Б.

²⁾ Неустойчивость нашей восточной политики побудила Игнатьева попытаться подсказать министерству иностранныхъ дѣлъ то, что можно было и слѣдовало заявить на конференціи европейскимъ представителямъ въ защиту нашего договора. Ему въ голову не входило, что наши уполномоченные на Берлинскомъ конгрессѣ дозволятъ тѣмъ кабинетамъ, которые пальцемъ не шевельнули для дѣйствительнаго улучшенія положенія восточныхъ христіанъ, урѣзать договорныя условія, добытыя имъ Россіею.

Авт.

Игнатъевъ надѣялся, что канцлеръ не согласится представить Россію на конференцію въ роли подсудимаго и не дозволить уничтожить результаты нашихъ трудовъ представителямъ державъ, ничего не сдѣлавшихъ для улучшенія будущности восточныхъ христіанъ. Онъ не могъ ожидать, что въ Берлинѣ, на конгрессѣ, представятъ Австро-Венгріи измѣнить выговоренное Россіею у Порты въ пользу своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ союзниковъ для удовлетворенія заднихъ мыслей и корыстныхъ видовъ Австро-Венгріи и для облегченія венгерцамъ подавленія самостоятельнаго развитія сербскихъ княжествъ. Нельзя было ожидать, что для удовлетворенія графа Андраши вынудятъ князя Николая разорительно оставаться на военномъ положеніи еще почти два года послѣ окончанія войны, въ ожиданіи рѣшеній Австро-Венгріи и для того, чтобы получить лишь малую часть, и то не самую лучшую, того земельного пространства, которое было выговорено въ Адрианополѣ русскими уполномоченными у Турціи.

Игнатъевъ былъ вполнѣ счастливъ, что имѣлъ возможность телеграфировать канцлеру 7-го февраля:

«Мы только что подписали съ Савфетомъ статьи, касающіяся Черногоріи. Граничная линия проведена согласно моему проекту, одобренному въ Петербургѣ, отъ Добростицы до Прилеполья на р. Лимъ. Оттуда, оставляя Бихоръ и Рожай Черногоріи, граница направляется на Сухо-Планину, захватывая для Черногоріи Ругово, Плаву и Гусиње, затѣмъ чрезъ Проклятую гору и по горному хребту до Скутарскаго озера и по р. Боянѣ до моря. Никшичъ, Гацко, Служъ, Подгорица, Жаблякъ и Антивари отходятъ къ Черногоріи. Подробности разграниченія [на мѣстѣ будутъ опредѣлены европейскою комиссіею. Отношенія Черногоріи и подданныхъ князя Николая будутъ опредѣлены особымъ соглашеніемъ между Россіею, Портою и Черногоріею. Специальная конвенція установитъ порядокъ пограничныхъ сношеній и рѣшитъ вопросъ о пограничныхъ укрѣпленіяхъ. Въ случаѣ разномыслія по этому предмету и пограничныхъ столкновеній въ будущемъ, посредниками будутъ Россія и Австро-Венгрія» ¹⁾.

Наканунѣ еще Игнатъевъ не былъ увѣренъ, что Савфеть согласится на предложенное разграниченіе и что онъ не откажется провести границу до полученія дополнительныхъ инструкцій Порты, по разсмотрѣннй верховнымъ визиремъ посланныхъ ему съ

---

¹⁾ По невозможности совершенно устранить сопредѣльную Австро-Венгрію отъ черногорскихъ вопросовъ, вслѣдствіе настоятельныхъ притязаній графа Андраши на исключительное вліяніе въ Цетиньѣ, Игнатъевъ, въ видѣ удовлетворенія доставилъ нѣкоторую роль Австро-Венгріи, такъ что, по его мнѣнію, вѣнскій кабинетъ не могъ жаловаться, что Россія въ переговорахъ своихъ съ Портою забыла объ интересахъ Австро-Венгріи. Авт.

Османъ-пашою картъ. А потому въ телеграммѣ, отправленной 6-го, Игнатьевъ выразился канцлеру слѣдующимъ образомъ:

«Боголюбовъ еще не прибылъ и ваши инструкціи мнѣ еще не извѣстны. Разграниченіе Болгаріи, Черногоріи и Сербіи и статья о военномъ вознагражденіи представляютъ величайшія затрудненія. Савфетъ-паша сказывается больнымъ и ежедневно проситъ у Порты дополнительныхъ инструкцій. Европейскія интриги въ Константинополѣ и предстоящая конференція ужасно препятствуютъ успѣшному ходу настоящихъ переговоровъ. Турки безпрестанно повторяютъ намъ: зачѣмъ уступать вамъ теперь, когда ничто не можетъ быть окончательнымъ и все можетъ быть измѣнено въ конференціи европейской? Созваніе конференціи для насъ вредно, невозможно и опасно прежде заключенія договора съ турками».

X.

Въ то время, когда русскіе уполномоченные старались не терять ни минуты времени, чтобы исполнить то, что отъ нихъ требовалъ князь Горчаковъ, т.-е. уговорить турокъ дать свое согласіе на наибольшее, по возможности, число совершившихся дипломатическихъ фактовъ прежде, нежели Европа успѣетъ вмѣшаться открыто въ наши переговоры, возникли новыя обстоятельства, усложнившія наше положеніе въ Адрианополѣ, по которымъ Игнатьевъ воспользовался, чтобы придать болѣе рѣшительный характеръ переговорамъ и ускорить конечный результатъ.

На ходъ нашихъ сношеній съ Портою вліяли два первостепенныхъ событія: одно—вмѣшательство Англіи, выразившееся не только подстрекательными совѣтами Лайярда, но и болѣе вѣскимъ вступленіемъ англійской эскадры изъ пяти броненосцевъ въ Мраморное море, бросившей якорь 3-го февраля въ виду самой султанской столицы у Принцевыхъ острововъ, между о. Принкипо и Халки; другое—близость созыва европейской конференціи, являвшаяся въ видѣ пугала для уполномоченныхъ, затруднявшаго ходъ переговоровъ, тѣмъ болѣе, что никто еще не могъ себѣ составить понятіе о характерѣ европейскаго судьбища и его практическихъ послѣдствіяхъ. Англійская эскадра, по свѣдѣніямъ, полученнымъ въ главной квартирѣ, самовольно прошла въ Дарданеллы 2-го февраля, но съ 30-го января уже происходилъ по этому случаю обмѣнъ непосредственныхъ телеграммъ между государемъ и султаномъ. Великій князь получилъ копіи, но очень запоздавшія. Телеграммы эти проходили по черноморскому англійскому кабелю и подвергались, очевидно, преднамѣренной задержкѣ и часто искаженію, подобно всѣмъ телеграммамъ, которыми обмѣнивались по этому направленію князь Горчаковъ и Игнатьевъ. Распоряженіе кабелемъ было въ рукахъ англичанъ, служащіе передавали копіи всѣхъ

телеграммъ великобританскому посольству и задерживали ихъ или умышленно искажали передачу, когда созданіе затрудненій со- отвѣтствовало видамъ англійской политики. Великій князь не желалъ брать на свою отвѣтственность рѣшительныхъ, по его мнѣнію, рѣшительныхъ дѣйствій. Игнатьеву казалось, изъ совокупности получаемыхъ свѣдѣній, что, при полученіи въ Петербургѣ извѣстія о движеніи англійской эскадры къ Константинополю, государь изъявилъ желаніе занять нашими войсками не только высоты Босфора, какъ предполагалось при отправленіи Игнатьева изъ Петербурга, но самый городъ Константинополь. Но великій князь постоянно отрицалъ полученіе высочайшаго разрѣшенія предпринять это наступленіе. Изъ свѣдѣній, собранныхъ отъ турокъ около 5-го февраля, Игнатьевъ узналъ, что султанъ получилъ 30-го января телеграмму отъ государя, извѣстившаго Гаида, что такъ какъ вслѣдствіе донесенія британскаго посла объ опасностяхъ (мнимыхъ), угрожающихъ европейцамъ и христіанамъ, находящимся въ Константинополѣ, эскадра англійская призвана туда Лайярдомъ подъ предлогомъ защиты англійскихъ подданныхъ, то государь, съ своей стороны, находитъ необходимымъ ввести временно часть своихъ войскъ въ турецкую столицу съ тою же цѣлью. Когда Игнатьевъ доложилъ главнокомандующему о доставленныхъ ему свѣдѣніяхъ, то великій князь подтвердилъ ихъ. Оказалось, что его величество, сообщая телеграмму свою султану великому князю, повелѣлъ главнокомандующему стовориться объ исполненіи сего съ турецкими уполномоченными, добавивъ, что «было бы желательнымъ, чтобы это вступленіе оказалось возможнымъ совершить миролюбиво. Но, если уполномоченные этому воспротивятся, мы должны быть готовы занять Константинополь открытою силою».

По мнѣнію, высказанному Игнатьевымъ главнокомандующему, въ этой телеграммѣ заключалось не только разрѣшеніе, но высочайшее повелѣніе тотчасъ двинуть наши войска къ Константинополю и вступить въ него съ согласія турокъ или насильственно. Но великій князь былъ противнаго мнѣнія.

Телеграмма его величества отъ 29-го января ¹⁾ была слѣдующая:

«Изъ Лондона получено официальное извѣстіе, что Англія, на основаніи свѣдѣній, отправленныхъ Лайярдомъ, объ опасномъ будто бы положеніи христіанъ въ Константинополѣ, дала приказаніе части своего флота итти въ Царьградъ для защиты своихъ

---

¹⁾ Настоящее мѣсто изъ записокъ Н. П. Игнатьева представляетъ необыкновенный интересъ, такъ какъ телеграмма императора Александра II отъ 29-го января 1878 года нынѣ впервые сдѣлалась достояніемъ печати. Этотъ документъ проливаетъ совершенно новый свѣтъ на вопросъ о томъ, по какой причинѣ наши побѣдоносныя войска не пошли дальше Санъ-Стефано и не заняли Константинополя. А. Б.

подданныхъ. Нахожу необходимымъ войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными *о вступленіи* и нашихъ войскъ въ Константинополь, съ тою же цѣлью. Весьма желательно, чтобы вступленіе могло исполниться дружественнымъ образомъ. Если же уполномоченные воспротивятся, то намъ надобно быть готовымъ *занять* Царьградъ даже *силою*. Александръ». Во французской редакціи, сообщенной Савфеть-пашою Игнатьеву, послѣдняя часть телеграммы была изложена слѣдующимъ образомъ: «*Il se fait très désirable que cette entrée puisse s'effectuer à l'amiable, mais si les Plénipotentiaires s'opposaient, nous devons être prêts à occuper Constantinople même de vive force*».

Султанъ отвѣтилъ 3-го февраля государю, что «онъ смотритъ на появленіе англійскихъ военныхъ судовъ, какъ на временное, что онъ тотчасъ же телеграфировалъ королевѣ Викторіи, прося объ отмѣнѣ мѣропріятія, могущаго повлечь неисчислимыя бѣдствія для человѣчества», но отвѣта онъ еще не получилъ на свое непосредственное обращеніе. Султанъ далъ обѣщаніе, по полученіи королевскаго отзыва, вступить въ соглашеніе съ государемъ относительно принятія тѣхъ мѣръ, которыя окажутся тогда необходимыми. Въ то же время султанъ сообщалъ, что англійская эскадра снялась съ якоря, чтобы удалиться отъ Принцевыхъ острововъ на другую стоянку, болѣе удаленную отъ Босфора. Въ заключеніе султанъ изъявлялъ государю надежду, что «вступленіе русскихъ войскъ будетъ отложено», и обѣщалъ извѣщать государя о томъ, что произойдетъ, равно о ходѣ переговоровъ, чтобы «предотвратить недоразумѣнія, могущія повлечь послѣдствія, пагубныя для интересовъ человѣчества и Оттоманской имперіи».

Государь отвѣтилъ на телеграмму султану, что онъ всегда готовъ содѣйствовать предупрежденію несчастій человѣчества и что онъ будетъ ожидать результата обращенія султана къ королевѣ.

Въ дѣйствительности, англійская эскадра, простоявъ четыре дня у Принцевыхъ острововъ, вслѣдствіе же просьбы султана, сдѣлала видъ, что удаляется 7-го февраля, и отошла лишь къ Муданіи и Гемлеку (въ Мраморномъ моря и въ Исидскій заливъ) и вскорѣ снова вернулась на прежнюю якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ.

Въ Константинополѣ враждебные намъ иностранные агенты распустили слухъ въ Портѣ и въ населеніи, какъ свидѣтельствуешь донесеніе Ону (телеграмма отъ 1-го февраля изъ Перы), что за англійскою эскадрою послѣдуютъ вскорѣ два австро-венгерскихъ броненосца.

2-го февраля Ону извѣстилъ Игнатьева, что совѣтъ министровъ засѣдаетъ непрерывно въ султанскомъ дворцѣ, что поэтому онъ никакъ не можетъ видѣться съ министрами, чтобы исполнить

порученія, ему данныя, что такъ какъ англійская эскадра прошла Дарданеллы, то рѣшено послать Намикъ-пашу въ нашу главную квартиру, чтобы упросить главнокомандующаго не вступать въ Константинополь. Игнатъевъ былъ того мнѣнія, что мы должны воспользоваться нарушеніемъ англійскою эскадрою закрытія проливовъ для военныхъ флотовъ иностранныхъ государствъ, чтобы немедленно избавиться отъ стѣсненій, происходящихъ отъ безвременнаго проведенія демаркаціонной линіи и заключенія перемирія, и возстановить равновѣсіе между нами и Англіею въ глазахъ турокъ быстрымъ занятіемъ высотъ Босфора и вступленіемъ въ Константинополь части нашихъ войскъ. Великій князь отказывался это предпринять по собственной инициативѣ и ожидалъ болѣе положительнаго высочайшаго повелѣнія, чтобы снять съ себя отвѣтственность за послѣдствія. Во всякомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ дожидаться результата телеграфической переписки между государемъ, султаномъ и королевою Викторіею. Главная квартира была того мнѣнія, что нужно будетъ употребить нѣсколько дней для сосредоточенія войскъ нашихъ въ Чаталджѣ и Чорлу, такъ какъ части были разбросаны послѣ перемирія, что наступленіе нашихъ войскъ до высотъ Босфора было сопряжено съ несравненно большими трудностями и болѣе рискованно, нежели предполагаютъ въ Петербургѣ и какъ это кажется Игнатъеву, такъ какъ турки уже успѣли съ 19-го января вооружить прекрасною артиллеріею большого калибра тѣ укрѣпленія по пути, которыя были заблаговременно возведены, и добавить новыя; что, вслѣдствіе сего, придется брать штурмомъ цѣлый рядъ укрѣпленныхъ позицій, начиная съ Кучукъ-Чекмедже, и турки будутъ имѣть возможность сразиться съ нами при самыхъ выгодныхъ для себя условіяхъ, тогда какъ мы противопоставимъ имъ лишь малочисленную и слабѣйшую артиллерію, а войска недостаточно снабжены зарядами и патронами для продолжительнаго боя.

Сверхъ того начальникъ штаба предвидѣлъ значительныя затрудненія для продовольствія арміи, какъ только войска наши покинутъ берега Мраморнаго моря и удалятся отъ желѣзной дороги, подвозящей припасы. Великій князь опасался, при наступленіи къ Босфору, быть вынужденнымъ неожиданными обстоятельствами ввести войска въ Стамбуль, гдѣ сосредоточена масса озлобленныхъ мусульманскихъ эмигрантовъ и гдѣ, вѣроятно, много больныхъ тифомъ. При томъ, такъ какъ отрядъ Гурко, при движеніи своемъ къ Дарданелламъ, былъ остановленъ, то турки симъ воспользовались, чтобы перевести въ Булаиръ остатки арміи Сулеймана и снова занять укрѣпленія, покинутыя турками во время паническаго страха, наведеннаго на нихъ быстрымъ наступленіемъ русскихъ войскъ въ первой половинѣ января. Замѣчательно и достойно сожалѣнія, что въ главной квартирѣ ничего не знали о происходящемъ въ Дарда-

неллахъ и не имѣли свѣдѣній, подтверждающихъ слухъ о вступленіи англійской эскадры въ Мраморное море. Игнатьевъ поручилъ Ону удостовѣриться въ этомъ чрезъ турокъ и нашихъ единовѣрцевъ въ Константинополь и, съ согласія великаго князя, отправилъ преданнаго намъ грека въ Родосто съ этою же цѣлью. 5-го февраля, поздно вечеромъ, русскіе уполномоченные получили подтвержденіе факта присутствія броненосной англійской эскадры у Принцевыхъ острововъ одновременно отъ Ону и отъ агента, вернушагося изъ Родосто съ завѣреніемъ, что онъ видѣлъ эскадру, бросившую якорь у Принцевыхъ острововъ 3-го вечеромъ. Спрошенный Игнатьевымъ, Савфетъ-паша, по свойственной сановникамъ Порты привычкѣ, началъ съ того, что отрицалъ фактъ подхода къ Константинополю англійскихъ броненосцевъ; затѣмъ при настойчивомъ утвержденіи русскаго уполномоченнаго сталъ робко выражать сомнѣніе и предположеніе, что Ону былъ введенъ въ заблужденіе слухами, распускаемыми «недоброжелательными людьми». Наконецъ онъ сознался въ присутствіи англійской эскадры лишь тогда, когда удостовѣрился, что Игнатьевъ получилъ достовѣрныя свѣдѣнія, и когда до него дошла телеграмма верховнаго визиря, предписывающая ему умолять великаго князя не вводить русскихъ войскъ въ Константинополь.

Въ это самое время великій князь получилъ высочайшую телеграмму, предписывающую ему войти въ соглашеніе съ турецкими уполномоченными относительно добровольнаго пропуска въ оттоманскую столицу войскъ и, въ случаѣ несогласія турокъ на это предложеніе, главнокомандующему разрѣшалось занять даже силою Константинополь, въ особенности если броненосцы англійскіе проникнуть въ Босфоръ, и при этомъ выставляя на видъ тотъ же предлогъ, какъ и англичане, а именно покровительство русскихъ подданныхъ, европейцевъ и всего христіанскаго населенія. Игнатьеву казалось, что настала минута, когда главная квартира встретится и войдетъ изъ пагубнаго бездѣйствія, а для русскаго уполномоченнаго наступитъ благоприятная минута для рѣшительныхъ переговоровъ съ Портою. Въ виду постоянныхъ затрудненій при веденіи переговоровъ въ Адрианополь и бесполезной траты времени, унижительной, по его мнѣнію, для достоинства Россіи, Игнатьевъ предложилъ великому князю, полагавшему свои силы недостаточными для завладѣнія Босфоромъ и нежелавшему нарушать условій перемирія, воспользоваться тѣмъ, что со стороны азіатскаго берега Босфора не была проведена демаркаціонная линія: перебросить, на пароходахъ черноморскаго общества, корпусъ нашихъ войскъ изъ Одессы и Севастополя на южное побережье Босфора. Высадивъ десантъ въ Ривѣ, можно было занять гигантскую гору, командуемую турецкими укрѣпленіями, и имѣніе Абрахамъ-паши, по которому проложена шоссейная дорога отъ Ривы, выходящее на Бос-

форъ и дающее, такимъ образомъ, возможность обойти укрѣпленія, защищающія входъ въ Босфоръ изъ Чернаго моря и такимъ образомъ сразу стать твердою ногою на азіатскомъ берегу пролива. Начальникъ штаба, генералъ Непокойчицкій, обозвалъ это предложеніе «поэтической фантазіею», нашелъ исполненіе не только крайне труднымъ, требующимъ продолжительныхъ приготовленій, но и слишкомъ рискованнымъ.

Великій князь не желалъ обратить вниманіе на предложеніе Игнатъева. Въ виду, однакоже, высочайшаго повелѣнія о занятіи Константинополя, его высочество чувствовалъ необходимость что-нибудь предпринять и призвалъ, для совѣщанія у себя, начальника штаба, Игнатъева и Нелидова, чтобы обсудить способъ исполненія высочайшаго повелѣнія. Какъ главнокомандующій, такъ и начальникъ штаба повторили все вышеупомянутое касательно затруднительности и рискованности занятія высотъ Босфора и вступленія въ столицу, заявили, что даже для подготовленія наступленія достаточныхъ силъ къ Константинополю нужно употребить отъ пяти до шести дней для ихъ сосредоточенія и что, впрочемъ, никогда не было въ виду, въ продолженіе войны, довести наступленіе до самаго Константинополя, такъ какъ эта столица никогда не считалась предметомъ военныхъ дѣйствій и что потому ничто не было соображено и приготовлено для такой сложной операціи. Если предполагали возможность занятія Константинополя, надо было, сказалъ Непокойчицкій, предупредить штабъ заранѣе и совершенно иначе приготовиться и распорядиться. Игнатъевъ симъ воспользовался, чтобы замѣтить, что никто не предвидѣлъ въ началѣ еще декабря рѣзкаго перехода къ быстрому наступленію къ Константинополю, но что въ войнѣ надо быть готовыми на всѣ случайности; онъ напоминать, до какой степени былъ глубоко пораженъ преждевременною, неожиданною для него остановкою нашихъ войскъ въ ту минуту, когда главныя и почти единственныя препоны были уже преодолены, и заключеніемъ перемирія, передавашаго англичанамъ всѣ выгоды положенія, дотолѣ столь благоприятнаго для насъ. Игнатъевъ заявилъ, что нравственно Россіи невозможно допустить, чтобы англійскія военныя суда вошли въ Босфоръ безъ того, чтобы наши войска одновременно не заняли высоты, господствующія надъ проливомъ и Константинополемъ. По его мнѣнію, если мы не примемъ въ настоящую минуту энергическихъ мѣръ, мы потеряемъ безвозвратно плоды нашихъ побѣдъ и громадныхъ жертвъ, принесенныхъ Россіею ¹⁾.

---

¹⁾ Совѣты, преподанные главной квартирѣ Н. П. Игнатъевымъ, вытекали изъ ясно сознаваемыхъ имъ цѣлей истинно-реальной политики. Онъ требовалъ движенія впередъ нашихъ войскъ до заключенія мира, сознавая, что содержаніе договора будетъ существенно различно въ зависимости отъ того, гдѣ будетъ окончательно подписанъ

«Знакомый давно съ турками и попытавшій, вопреки собственному намѣренію, вести переговоры здѣсь, въ Адрианополь, съ Савфетомъ, — сказалъ Игнатьевъ: — я болѣе, нежели когда-либо, убѣдился въ бесполезной потерѣ времени на мирныя совѣщанія вдали отъ столицы, находящейся, вдобавокъ, подъ пушками не русскими, а англійскихъ броненосцевъ. Я предпочиталъ бы вернуться къ первоначальному моему предположенію перенести переговоры изъ Адрианополя въ Буюкъ-дере, тѣмъ болѣе, что для меня ясно, что Порта насъ надуваетъ и, находясь подъ вліяніемъ англичанъ, которымъ помогаютъ австро-венгры, старается лишь выиграть время и дожидаться дипломатическаго вмѣшательства Европы въ наши переговоры, или даже образования противъ насъ коалиціи державъ».

Въ заключеніе Игнатьевъ объявилъ, что, по его мнѣнію, невозможно намъ продолжать оставаться въ нынѣшнемъ невыносимомъ и унижительномъ положеніи. Такъ какъ внушенія, сдѣланныя чрезъ посредство Ону Портѣ, а самимъ великимъ княземъ Савфету касательно пользы приближенія къ Константинополю главной квартиры, не повели ни къ чему и Порта отмалчивается, необходимо, по мнѣнію уполномоченнаго, объявить туркамъ ультиматумъ и затѣмъ привести въ исполненіе перенесеніе главной квартиры къ Константинополю. Игнатьевъ, желая быть увѣреннымъ, что это заявленіе будетъ сдѣлано съ достаточною настойчивостью, чтобы воздѣйствовать на турецкое правительство, предложилъ великому князю лично отправиться къ Савфету для сообщенія ему рѣшеній главнокомандующаго. Собственно правильнаго совѣщанія не было, потому что великій князь не давалъ времени высказаться послѣдовательно уполномоченнымъ, а безпрестанно прерывалъ ихъ, зачастую подтверждая слова Игнатьева, а вслѣдъ за тѣмъ возвращаясь къ сказанному генераломъ Непокойчицкимъ о военныхъ затрудненіяхъ касательно приведенія въ исполненіе движенія къ Константинополю, хотя и сознавалъ, что оставаться въ Адрианополь въ бездѣйствіи—

мирный договоръ. Его послушались на половину. Въместо того, чтобы закончить переговоры въ Адрианополь, они завершилась въ Санъ-Стефано. Но Игнатьевъ хотѣлъ большаго, и это ему дано не было: мы не заняли ни Царьграда, ни береговъ Босфора. Для ѳннкі значенія мысли Игнатьева, интересно поставить себѣ два вопроса:

1) Каково было бы содержаніе нашего мирнаго договора съ Турціею, если бы главная квартира вовсе не послушалась совѣтовъ Игнатьева и если бы договоръ составили, не выходя изъ Адрианополя?

2) Чѣмъ могъ бы быть этотъ договоръ, если бы его заключили въ Царьградѣ, или хотя бы послѣ занятія Босфора?

Въ первомъ случаѣ мы бы, несомнѣнно, не преодолѣли бы лукавыхъ колебаній турецкихъ уполномоченныхъ и не могли бы достигнуть той цѣльности очертаній, которая такъ выгодно отличаетъ Санъ-Стефанскій договоръ отъ Берлинскаго. Во второмъ же предположеніи, можно съ большою вѣроятностью высказать такую мысль: будь договоръ подписанъ послѣ взятія Царьграда и Босфора, не было бы вовсе Берлинскаго конгресса.

А. Б.

безцѣльно, выказывая постоянно нерѣшительность и неопредѣленность въ заключеніи. Всего больше великій князь опасался, что съ нарушеніемъ перемирія и демаркаціонной линіи возникнутъ политическія осложненія, которыя могутъ вызвать столкновеніе съ Англіею и продолжить войну. Главнокомандующій передалъ уполномоченному, что Савфеть наканунѣ сообщилъ ему двѣ телеграммы верховнаго визиря, содержащія сущность выраженного въ телеграммахъ, которыми обмѣнивались въ послѣдніе дни между Петербургомъ, Константинополемъ и Лондономъ, съ повелѣніемъ султана Савфету упробить великаго князя дожидаться отвѣта государя на послѣднюю телеграмму къ нему султана. Послѣдняя телеграмма верховнаго визиря, которую Савфеть передалъ главнокомандующему предъ совѣщаніемъ, была слѣдующаго содержанія:

«Его величество императоръ Александръ обѣщаль по телеграфу султану обождать результата переговоровъ съ лондонскимъ кабинетомъ объ удаленіи англійскаго флота. Вамъ извѣстно нынѣшнее состояніе столицы вслѣдствіе громаднаго наплыва эмигрантовъ, и вы должны быть, подобно мнѣ, убѣждены въ большихъ опасностяхъ, которыя, несомнѣнно, произойдутъ при вступленіи въ Константинополь даже незначительной части русскихъ войскъ¹⁾. Что положеніе, ухудшающееся съ каждымъ днемъ, обязываетъ насъ употребить всѣ наши усилія для предупрежденія тѣхъ несчастій, которыя мы должны предвидѣть. Съ этою именно цѣлью я прошу васъ убѣдить великаго князя Николая Николаевича въ затрудненіяхъ и опасностяхъ ввода русскихъ войскъ въ Константинополь. Ону, который могъ все лично видѣть и обсудить на мѣстѣ, можетъ подтвердить и дополнить эти свѣдѣнія».

Вернувшійся утромъ изъ Константинополя Ону былъ допрошенъ и Игнатевымъ и самимъ великимъ княземъ относительно дѣйствительнаго положенія дѣлъ въ Константинополѣ. Изъ объясненій его ясно было, что верховный визирь и турецкіе министры, обласкавъ его и выказавъ ему вниманіе, старались настроить его въ благопріятномъ для Турціи смыслѣ. Тѣмъ не менѣе Ону высказалъ убѣжденіе, основанное на своихъ личныхъ наблюденіяхъ, что турки не вступятъ въ борьбу съ нашими войсками при движеніи ихъ къ Константинополю²⁾, что не мѣшаетъ, однакоже, турецкимъ министрамъ противиться, на словахъ, самымъ убѣдительнымъ образомъ вступленію нашихъ войскъ въ столицу.

1) Очевидно было, что чѣмъ болѣе Порта опасалась фанатизма мусульманъ, тѣмъ менѣе можно было ожидать, что введенъ будетъ лишь незначительный отрядъ нашихъ войскъ, и логичнѣе было предположить, что такое положеніе вынудитъ ввести сильный корпусъ русскихъ войскъ. Ав т.

2) Что вполне подтверждало мнѣніе Игнатьева, неоднократно высказанное имъ великому князю, нѣкоторымъ начальникамъ частей и чинамъ главной квартиры. Ав т.

«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

Они утверждаютъ, говорилъ Ону, что «все мусульманское население побросается отъ ужаса въ Босфоръ, какъ только увидить русскихъ у Стамбульскихъ воротъ». Паши ожидаютъ большихъ уличныхъ беспорядковъ, какъ только покажутся наши войска, избіенія христіанъ, совершенія преступленій обезумѣвшею толпою, смерти султана или его бѣгства въ Азію, перемѣны султана, т. е. появленія или Мурада, или Иззедина и т. д. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, министры поддавались обсужденію поднятаго Ону вопроса, какія именно казармы въ городѣ и его окрестностяхъ могли бы быть предоставлены русскимъ войскамъ, причемъ, однакоже, паши не преминули дать замѣтить, что «тифъ свирѣпствовалъ въ оныхъ». Ону былъ просто пораженъ враждебностью положенія, принятаго англійскимъ посольствомъ и, въ особенности, непріязненною дѣятельностью прежняго друга русскаго посольства, австро-венгерскаго посла графа Зичи. Отвѣчая на привѣтъ, посланный Игнатьевымъ ему черезъ Ону, онъ сказалъ нашему драгоману, что «Россія безбожно надула Вѣну», и, посылая дружескій поклонъ Игнатьеву, добавилъ, «что, исполняя свой долгъ, онъ будетъ дѣйствовать противъ его политики, несмотря на личныя дружественныя отношенія». Германскій консулъ былъ очень полезенъ какъ для нашихъ подданныхъ, оставшихся въ Турціи во время войны, такъ и въ особенности Ону при его присылкѣ изъ главной квартиры въ столицу, при довольно щекотливой обстановкѣ. Посоль германскій, князь Рейсъ, подтвердилъ Ону враждебность и происки Лайярда и графа Зичи и полагалъ, что раздраженіе противъ Россіи въ Вѣнѣ и Пештѣ достигло крайнихъ размѣровъ, до того, что война съ нами почти сдѣлалась неизбѣжною. Съ разныхъ сторонъ увѣряли Ону, что Австро-Венгрія дѣлаетъ секретно военныя приготовленія, считая, что мы истощены войною съ Турціею и сдадимся на угрозы Англійи и Австро-Венгріи. Нашего драгомана принимали вездѣ внимательно, а турки и туземные христіане—съ распростертыми объятіями; многія лица, изъ прежнихъ знакомыхъ посольства, его посѣтили. Ему доставили возможность видѣться съ плѣнными русскими офицерами. Достоинно вниманія, что многіе турки, греки и армяне поручили Ону кланяться бывшему послу, напомнить ему о каждомъ изъ нихъ и увѣрить въ своей личной преданности.

Ознакомившись, такимъ образомъ, съ обстоятельствами и съ взглядомъ уполномоченнаго, великій князь, не желая тѣмъ не менѣе дать крутой оборотъ дѣлу, рѣшился, однакоже, сдѣлать распоряженіе о сосредоточеніи своей арміи къ Чаталджѣ и потребовать категорически отъ турецкаго правительства добровольнаго пропуска главной квартиры съ десяти тысячнымъ конвойнымъ отрядомъ въ Санъ-Стефано, съ цѣлью приблизиться къ столицѣ на такое же разстояніе, какъ и англійская броненосная эскадра, занявшая якорную стоянку у Принцевыхъ острововъ, въ противность всѣмъ

международнымъ трактатамъ. Игнатъевъ, обрадовавшись, что главнокомандующій согласился сдѣлать хотя этотъ первый шагъ отступленія отъ демаркаціонной линіи и попытку для возстановленія отчасти равновѣсія между Англіею и Россіею, отправился къ Савфету, чтобы сообщить ему рѣшеніе главнокомандующаго и предложить ему перенести одновременно переговоры поближе къ Константинополю, пока въ Буюкъ-дере или Санъ-Стефано. Выставивъ громадную выгоду для турокъ предложенія главнокомандующаго и важность для нихъ, чтобы оно было приведено въ исполненіе дружелюбно, Игнатъевъ для большаго убѣжденія наши далъ ему понять, что въ противномъ случаѣ русскія войска могутъ вполнѣ обойтись безъ согласія Порты, но что въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность за послѣдствія энергическаго исполненія рѣшенія главнокомандующаго должна безусловно пасть на неожиданное и незаконное появленіе англійской эскадры и на слабость, трусость и коварство Порты, которая допустила событіе, вынудившее насъ измѣнить способъ дѣйствій. Савфеть обѣщался тотчасъ все передать верховному визирю и призналъ основательность нашего неудовольствія. Ону былъ тотчасъ отправленъ обратно въ Константинополь съ новыми инструкціями и согласно желанію самого Савфета, который надѣялся, что представленія Ону подкрѣплять значительно предъ Портою его собственныя представленія и что личными настояніями Ону ускорится полученіе инструкцій верховнаго визира. Драгоману нашему поручено было условиться съ министрами относительно всѣхъ подробностей, а въ помощь ему, для военныхъ объясненій, отправился генеральнаго штаба князь Кантакузень. Савфеть-паша былъ очень взволнованъ и разстроенъ крупными объясненіями съ Игнатъевымъ, тѣмъ болѣе, что по рѣшительному заявленію, сдѣланному ему хладнокровнымъ тономъ, онъ убѣдился, что на этотъ разъ перемѣны въ рѣшеніи нашемъ дойти до стѣнъ Константинополя не будетъ и что, въ случаѣ сопротивленія, мы ни передъ чѣмъ не остановимся. Онъ въ этомъ смыслѣ и написалъ свое донесеніе въ Порту, отправленное вмѣстѣ съ Ону, котораго сопровождалъ турецкій чиновникъ.

Какъ только Савфеть успокоился, Игнатъевъ потребовалъ продленія переговоровъ, но, предъ конференціею, извѣстилъ канцлера телеграммою слѣдующаго соержанія: «По приказанію великаго князя, предложилъ Савфету перенести наши переговоры въ Санъ-Стефано, съ переводомъ туда главной квартиры, въ сопровожденіи десятитысячнаго отряда. Ону послалъ въ Константинополь, чтобы стовориться по сему предмету съ министрами и ускорить присылку Савфету инструкцій, разрѣшающихъ ему сдѣлать намъ уступки».

До какой степени эти инструкціи были необходимы, лучшимъ доказательствомъ служить случившееся съ русскимъ уполномочен-

нымъ касательно Черногоріи: на другой же день послѣ подписи статьи, содержаніе которой было сообщено канцлеру по телеграфу, Савфеть заявилъ русскимъ уполномоченнымъ, что «онъ спохватился, что не имѣлъ права сдѣлать тѣ территориальныя уступки, которыя его заставили врасплохъ сдѣлать и что, перечитавъ свои инструкціи¹⁾, онъ удостовѣрился въ своей ошибкѣ и что, между прочимъ, онъ не имѣлъ никакого права уступить Антивари».

Паша просилъ убѣдительно дать ему исправить и измѣнить редакцію статьи, вычеркнувъ Антивари. Русскіе уполномоченные съ негодованіемъ отвергли это предложеніе и объявили Савфету, что такъ какъ содержаніе подписанной статьи и подписи его уже извѣстны въ Петербургѣ, то измѣнить что-либо они уже не имѣютъ права. Савфеть былъ въ отчаяніи и долго еще продолжалъ просить объ убавкѣ территоріи, присужденной Черногоріи.

7-го феврала уполномоченный телеграфировалъ канцлеру: «Сегодня, въ понедѣльникъ, подписали съ Савфетомъ редакцію всего того, что касается Болгарскаго княжества, положенія русскаго комиссара, занятія края шестью пѣхотными и двумя кавалерійскими русскими дивизіями въ теченіе двухъ лѣтъ, срыгтія всѣхъ укрѣпленій и очищенія нашею арміею Европейской Турціи въ три мѣсяца, а Азіатской—въ шесть, съ правомъ посадки на суда во всѣхъ морскихъ портахъ²⁾. Мы отложили проведеніе границъ Болгаріи, потому что Савфеть еще ожидаетъ инструкцій по этому предмету. Савфеть предлагаетъ много измѣненій въ нашихъ предложеніяхъ, касающихся Сербіи, Румыніи, Босніи и Герцеговины».

Не получая въ теченіе сутокъ ни извѣстій изъ Константинополя, ни отвѣта на сдѣланныя чрезъ Савфета и Ону предложенія Портѣ о передвиженіи главной квартиры, Игнатьевъ телеграфировалъ Ону 7-го феврала вечеромъ: «Великій князь теряетъ терпѣніе. Поторопите отвѣтъ касательно нашего перехода въ Санъ-Стефано и отправку Савфету инструкцій по пограничнымъ и территориальнымъ вопросамъ. Савфеть утверждаетъ, что онъ не получаетъ никакихъ отзывовъ на свои телеграммы и потому ничего не можетъ намъ сказать». Игнатьевъ прибавилъ, что турки могутъ очень дорого поплатиться за свое отмалчиваніе и, что имъ грозятъ большія опасности. То же сказалъ уполномоченный и Савфету, который былъ совершенно растерянъ, сознавая опасность положенія.

¹⁾ Очевидно, составленная въ Портѣ подъ вліяніемъ инсинуацій и домогательствъ Австро-Венгріи и Англіи. Авт.

²⁾ Несомнѣнно, что подробныя положенія Санъ-Стефанскаго договора объ указанныхъ здѣсь вопросахъ содержатся въ слѣдующихъ его статьяхъ:

а) объ устройствѣ Болгарскаго княжества—статьи 6—11;

б) въ особенности объ императорскомъ россійскомъ комиссарѣ, стр. 7;

в) объ оккупациі и эвакуаціи русскими войсками занятыхъ территорій—ст. 25 и 26;

г) о срыгтіи укрѣпленій—стр. 12.

А. Б.

Извѣстія, полученныя наконецъ отъ Ону, были неблагоприятнаго свойства. Прибывъ ночью съ 6-го на 7-е февраля въ Константинополь, нашъ первый драгоманъ отправился съ ранняго утра къ министру иностранныхъ дѣлъ Серверъ-пашѣ, который тотчасъ ему объявилъ, что не имѣеть уже права съ нимъ бесѣдовать официально, такъ какъ онъ вынужденъ былъ наканунѣ подать въ отставку. Вліяніе Англій въ Константинополѣ, подорванное значительно послѣдними событіями въ Турціи, начало возстановляться съ появленіемъ британской эскадры, и Лайярдъ воспользовался симъ, чтобы возвысить голосъ и дѣйствовать враждебно противъ вліянія Россіи съ удвоенною энергіею. По словамъ Сервера, онъ потребовалъ у него опроверженія тѣхъ обвиненій на двусмысленную политику Великобританіи, «произведшую войну между Турціею, которую она подстрекала, обѣщая свою матеріальную поддержку, и Россіею», которыя были высказаны Серверомъ въ Адрианополѣ корреспонденту газеты «Daily News» Mac Gahan'у. Серверъ-паша былъ дѣйствительно возмущенъ пагубными результатами того, что Порта слушалась Англій и пренебрегла своими дружественными отношеніями къ Россіи въ 1876 году, и потому громко, какъ многіе турки, обвинялъ въ несчастіяхъ, постигшихъ Турцію, европейцевъ и преимущественно англичанъ. Онъ былъ патріотъ, хотя и не даровитый, и всегда находился въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими представителями. Бурное объясненіе послѣдовало между англійскимъ посломъ и Серверомъ и окончилось полнымъ разрывомъ. Лайярдъ потребовалъ также отъ султана наказанія или отставки юрисконсульта Порты, француза Tatin, который, присутствуя при свиданіи Сервера съ англійскимъ корреспондентомъ, «осмѣлился» увѣрять послѣдняго, что онъ также имѣлъ въ рукахъ письменныя доказательства коварства и двуличія англійскаго посланника. Развязкою этихъ сценъ было увольненіе Серверъ-паши и отстраненіе на время Тарэна отъ дѣлъ Порты. Весьма естественно, что послѣ такой дипломатической побѣды Лайярдъ сдѣлался всемогущимъ въ Портѣ, тѣмъ болѣе, что верховный визирь Ахметъ-Вефикъ былъ всегда пріятелемъ англичанъ, находился въ близкихъ сношеніяхъ со многими англійскими представителями и, между прочимъ, друженъ лично съ Лайярдомъ въ теченіе уже 30 лѣтъ. Это не мѣшало хитрому Ахметъ-Вефику принимать самымъ радушнымъ образомъ Ону и расточать увѣренія въ самыхъ лучшихъ своихъ намѣреніяхъ относительно Россіи. Въ донесеніи своемъ отъ 7-го февраля, давая отчетъ о разговорахъ своихъ съ верховнымъ визиремъ и другими министрами, Ону сообщилъ Игнатьеву, что предложенія, сдѣланныя нами Савфету, найдены были въ Портѣ до такой степени жестокими и тяжелыми, что ни министры, ни султанъ ни за что не согласятся принять ихъ и дозволить турецкимъ уполномоченнымъ ихъ подписать, даже если бы мы заняли Стамбуль. Они предпочитаютъ покинуть Константинополь и бѣжать въ Азію».

Ону телеграфировалъ изъ Константинополя отъ 7-го февраля, что Серверъ-паша смѣненъ, на его мѣсто назначается Савфеть, и султанъ намѣренъ отправить въ Петербургъ Намикъ-пашу, чтобы уменьшить наши требованія и избѣгнуть переговоровъ въ главной квартирѣ арміи. Ясно было, что, продолжая переговоры въ Адриано-полѣ, мы не могли бы никогда достигнуть желаемого результата, потому что на такомъ разстояніи Порты могла свободно исчерпать весь свой арсеналъ отговорокъ, недоразумѣній въ корреспонденціи, неполноты инструкцій, задержекъ всякаго рода, затрудненій и неисправностей телеграфическихъ сообщеній и проч., чтобы избѣгнуть положительныхъ, ясныхъ и рѣшительныхъ отвѣтовъ, протянуть время и такимъ образомъ разстроить всѣ наши расчеты и соображенія. Предсказанія Игнатьева касательно преобладанія воскресшаго англійскаго вліянія, послѣ остановки нашихъ войскъ, сбылись, чему помогала давнишняя англоманія верховнаго ви-зиря.

Добившись смѣны Серверъ-паши, Лайярдъ успѣлъ замѣстить своими приверженцами и давнишними поклонниками Англійи и нашими всегдашними противниками нѣсколько другихъ мѣстъ въ Портѣ и доставить имъ вліяніе на ходъ дѣлъ, что еще болѣе подняло и упрочило значеніе великобританскаго посла. Очевидно было, что если Россія предоставитъ Портѣ итти по этому пути, то мы очутимся вкорѣ въ самомъ затруднительномъ и даже опасномъ положеніи, тѣмъ болѣе, что происшедшія въ Портѣ перемѣны и намѣреніе, пренебрегая близостью главной квартиры, перенести самовольно переговоры въ Петербургъ, вода за носъ уполномоченныхъ, почитались не только нашими единовѣрцами, но и турками за новый вызовъ, брошенный русской арміи, стоящей близъ самой столицы.

«Мы не могли, — какъ доносилъ Игнатьевъ канцлеру, — допустить, чтобы роли до такой степени дерзко были измѣнены Портою и ея европейскими совѣтниками. Затрудненіе состояло въ томъ, что надобно, однакоже, избѣгнуть разрыва переговоровъ, чтобы не быть вынужденными при возобновленіи военныхъ дѣйствій неожиданнымъ образомъ, съ занятіемъ Константинополя, преждевременно уничтожить послѣдній признакъ султанской власти въ Европѣ. Съ этой точки зрѣнія, замышлявшаяся посылка Намикъ-паши въ Петербургъ, о которой было получено извѣстіе въ Адриано-полѣ, одновременно съ назначеніемъ Савфеть-паши на должность министра иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто уволеннаго Сервера, могла лишить насъ всякой возможности благополучнаго окончанія переговоровъ. Сдѣлалось очевиднымъ, что, слѣдуя англо-австро-венгерскимъ внушеніямъ, Порты стремится выиграть время и, дѣлая видъ, что хочетъ перенести переговоры въ Петербургъ, не имѣетъ другой цѣли, какъ замедлить ходъ переговоровъ, начатыхъ въ Адриано-полѣ,

чтобы дотянуть до будущей европейской конференціи ¹⁾, не будучи связанною съ Россіею тяжелыми обязательствами. Наконецъ, отсутствіе какого бы то ни было отвѣта въ теченіе трехъ сутокъ на миролюбивое предложеніе главнокомандующаго касательно перенесенія главной квартиры ближе къ Константинополю вынуждало къ принятію болѣе рѣшительныхъ мѣръ.

Между тѣмъ ежедневныя конференціи съ Савфетомъ продолжались, вслѣдствіе чего Игнатьевымъ были отправлены канцлеру 7-го и 8-го февраля слѣдующія телеграммы:

«Савфетъ подтверждаетъ, что Лайярдъ ведетъ переговоры съ Портою о продажѣ Англійи трехъ броненосцевъ, заказанныхъ султаномъ и построенныхъ за счетъ Турціи, въ Англійи и доселѣ не вполне оплаченныхъ ²⁾».

Вторая телеграмма 8-го февраля: «Савфетъ увѣдомилъ меня, что султанъ посылаетъ въ Петербургъ чрезвычайнаго посла, имя котораго ему еще не извѣстно. Очевидно, что цѣль посольства—измѣненіе заключенныхъ нами предварительныхъ условій и уменьшеніе нашихъ нынѣшнихъ требованій. Я не преминулъ замѣтить, что чрезвычайное посольство должно бы имѣть мѣсто лишь послѣ заключенія договора, что оно теперь преждевременно и поведетъ лишь къ продолженію пагубнаго неопредѣленнаго положенія. Я выразилъ сомнѣніе, чтобы государь согласился на отправленіе посольства».

Третья телеграмма 8-го февраля: «Такъ какъ Боголюбовъ еще не прибылъ, то мнѣ неизвѣстна граничная линія, желаемая кавказскимъ начальствомъ. Но, по ходу переговоровъ, я вынужденъ былъ предъявить свой собственный проектъ разграниченія. Лично Савфетъ согласенъ на уступку намъ Батума и Карса, но еще не уполномоченъ Портою изъяснить согласіе официально. Турки желали бы сохранить за собою Саганлукскій хребетъ, чтобы тамъ устроить первую оборонительную линію. Вопросъ объ уплатѣ денежнаго

¹⁾ Къ сожалѣнію князь Горчаковъ нѣсколько разъ телеграфировалъ о переговорахъ съ кабинетами и о принятіи имъ конференціи чрезъ Одессу по англійскому кабелю и Константинополь, такъ что телеграммы его были не только извѣстны Портѣ, но ходили по рукамъ въ Перѣ, въ посольствахъ, по недобросовѣстности англійскаго управленія кабелемъ. Авт.

²⁾ Въ апрѣлѣ 1876 года русскій посолъ въ Турціи, воспользовавшись безденежемъ Порты, убѣдилъ агента строителей этихъ неоплаченныхъ броненосцевъ предложить Россіи переуступить суда эти за двѣ трети условленной турками стоимости. Игнатьевъ телеграфировалъ объ этомъ морскому министру и докладывалъ великому князю Константину Николаевичу, надѣясь, что морское вѣдомство ими воспользуется, чтобы присвоить себѣ суда прежде, чѣмъ вниманіе англійскаго правительства будетъ возбуждено и наши отношенія къ Портѣ обострятся. Возникла переписка, было собрано совѣщаніе въ Петергофѣ, но желаемаго рѣшенія не послѣдовало и благоприятное время было упущено. Теперь Англія приводила въ исполненіе въ свою пользу мысль, давшую Игнатьевымъ два года тому назадъ. Авт.

вознагражденія и передачѣ намъ, взаѣмнѣ части послѣдняго, броненосцевъ встрѣчаетъ почти непреодолимая затрудненія. Въ Константинополѣ Порты играетъ двойную игру и оставляетъ Савфета безъ инструкцій и настоящихъ полномочій. Сегодня утромъ Савфеть прислалъ мнѣ сказать, что онъ принужденъ уменьшить тѣ уступки, которыя имъ были подписаны вчера, что онъ удостовѣрился, что касательно Черногоріи онъ не имѣлъ права не только уступать Антивари, но переходить граничную черту, установленную на константинопольской конференціи 1876 и 1877 годовъ. Онъ меня предупредилъ, что отъ него Порты откажется и ему не дозволено будетъ подписать окончательный текстъ договора иначе, какъ если я соглашусь на облегченія, предоставивъ, на примѣръ, въ Черногоріи европейской комиссіи уменьшить уступаемую Турціей территорію ¹⁾. Я выразилъ свое негодованіе.

Четвертая телеграмма отъ 8-го февраля: «Не соглашаясь принять на счетъ Порты возстановленіе работъ въ Сулинскомъ устьѣ и въ особенности вознагражденіе частныхъ лицъ за понесенныя потери во время войны, Савфеть предлагаетъ ограничиться ассигнованіемъ на этотъ предметъ 250 тысячъ франковъ, должныхъ Турціи дунайской комиссіею ²⁾, внеся ихъ въ русское консульство въ Галацѣ, для распредѣленія по его усмотрѣнію. Должны ли мы согласиться на подобное предложеніе?»

По поводу переуступки Англіи броненосцевъ Игнатьевъ имѣлъ крутое объясненіе съ Савфетомъ, причѣмъ онъ выставилъ неблагоприятность подобныхъ переговоровъ съ Лайярдомъ въ то самое время, когда Порты, обязанная Россіи заплатить военное вознагражденіе, отказывается передать въ счетъ должной намъ суммы часть броненосной своей эскадры. Савфеть-паша нашелъ возможнымъ привести въ извиненіе Порты лишь то, что рѣчь между Лайярдомъ и Портою идетъ не о броненосцахъ, находящихся въ Босфорѣ, а о тѣхъ трехъ, которые были заказаны еще Абдуль-Азисомъ, не приняты еще Турціею и не оплачены, тогда какъ Россія требуетъ выдачи тѣхъ, которые находятся въ Босфорѣ.

Различныя данныя, почерпнутыя не только изъ свѣдѣній, полученныхъ чрезъ посредство Ону, но и другими путями, непосредственно отъ разныхъ частныхъ лицъ въ Константинополѣ, находившихся издавна въ сношеніяхъ съ Игнатьевымъ, убѣждали въ томъ, что, не-

¹⁾ Подпольная враждебность Австро-Венгріи къ намъ и Черногоріи и тутъ сказалась. Очевидно, вѣнскій кабинетъ, общая поддержку Турціи противъ насъ, требовалъ, чтобы взаѣмнѣ ему была предоставлена возможность сократить на конференціи и въ комиссіяхъ тѣ уступки, которыя Порты вынуждена сдѣлать въ пользу славянскихъ княжествъ.

Авт.

²⁾ Международная комиссія, завѣдывавшая работами и доходами съ судовъ по Сулинскому каналу.

Авт.

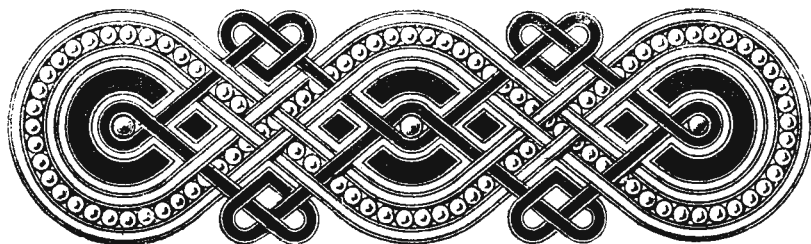

смотря на официальный протестъ Порты, сдѣланный болѣе для видимости предъ Европою и въ особенности Россіею, противъ вступленія англійскаго флота въ Дарданельскій проливъ, появленіе англійской броненосной эскадры въ Мраморномъ морѣ не было неожиданностью для верховнаго визиря. Какъ кажется, объ этомъ было предварительно сговорено между Лайярдомъ и Ахметъ-Вефикомъ, но послѣдній, опасаясь встрѣтить слишкомъ сильную оппозицію въ совѣтѣ министровъ и быть даже свергнутымъ за измѣну вѣковымъ традиціямъ Порты, объявилъ о томъ въ совѣтѣ, какъ объ уже совершившемся фактѣ, противъ котораго онъ безуспѣшно протестовалъ. По этому поводу одинъ изъ пашей, близкихъ къ Игнатьеву и одно время пользовавшійся особымъ личнымъ благоволеніемъ султана, громко, горячо, открыто обвинялъ верховнаго визиря въ томъ, что «онъ предательски предоставилъ англичанамъ украсть у Турціи ея права на проливы». Многіе изъ единомышленныхъ пашей не стѣснялись теперь отрицать послѣдствія веденной Мидхадомъ-пашою политики—союзъ съ Англіею и враждебность къ Россіи, приведшей Оттоманскую имперію къ погибели и разоренію, и высказывались за тѣсное сближеніе съ Россіею. Военные большею частью этому вторили.

Гр. Н. П. Игнатьевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Ш П И О Н Ъ.

Разсказъ.

А СТАНЦИИ Ц., въ буфетной комнатѣ, помѣщавшейся во временной деревянной постройкѣ, набралось много народа. Большинство были бѣженцы изъ города С. и его окрестностей, застигнутые быстрымъ движеніемъ германскихъ войскъ по правому берегу рѣки Вислы: шель третій мѣсяць войны. Въ связи со складывавшейся на театрѣ военныхъ дѣйствій обстановкой, требовавшей переброски нѣкоторыхъ частей нашей арміи въ опредѣленные пункты, желѣзнодорожный путь къ Варшавѣ былъ забитъ воинскими, санитарными и товарными поѣздами и пассажирское движеніе на линіи происходило урывками. На станціи Ц. нѣкоторые изъ пассажировъ, въ ожиданіи поѣзда, находились болѣе сутокъ и въ буфетной комнатѣ негдѣ было, какъ говорится, упасть яблоку: скамейки, стулья, полъ—все было занято кое-какъ пріютившимися бѣглецами.

Въ глубинѣ комнаты, въ углу, за небольшимъ столикомъ, сидѣли два господина. Одинъ изъ нихъ былъ помѣщикъ, державшій путь на Москву, другой—корреспондентъ столичныхъ газетъ, пробиравшійся къ боевымъ позиціямъ. Они одновременно обѣдали какими-то обѣдками, оказавшимися въ станціонномъ буфетѣ, легко познакомились, разговорились, конечно, по поводу войны, а сейчасъ пили чай, причемъ корреспондентъ ожидалъ разсказа помѣщика, который предупредилъ, что имѣетъ разсказать нѣчто дѣй-

ствительно любопытное, что, какъ онъ выразился, такъ и просится на бумагу.

Отхлебнувъ изъ стакана глотокъ чая, помѣщикъ сощурилъ глаза, какъ бы соображая, съ чего начать рассказъ.

«— Произошло это запутанное событіе въ концѣ прошлаго мѣсяца, да-съ... въ двадцатыхъ числахъ сентября,—промовилъ онъ:—къ тому времени наши войска, оставивъ Пруссію, отошли въ предѣлы П—кой губерніи; по ихъ слѣдамъ двигались нѣмцы. Ну, не долго думая, снарядилъ я семью свою въ дорогу, въ Москву. Самъ остался въ помѣстьи—думалъ, пока до меня нѣмцы дойдутъ, успѣю выбраться. Къ тому же стояла тогда у меня сотня казаковъ и, слѣдовательно, въ случаѣ чего, съ ними я могъ уйти. Такъ, въ кампаніи съ тремя казачьими офицерами и жилъ.

«Изъ разговоровъ съ своими сожителями я зналъ, что германцы заняли передовыми частями Кунцендорфъ, нѣмецкую колонію, лежавшую на двѣнадцать верстъ къ сѣверу отъ моихъ «Прудковъ», и дальше не идутъ. Прошло такъ дней шесть.

«Какъ-то подь вечеръ мимо усадьбы моей начали проходить большія кавалерійскія части; полка два-три и донцы. Я—на крыльцо, роднымъ братьямъ кланяюсь, подь крышу зову. Однако—нѣтъ! Начальникъ отряда, полковникъ, подѣхалъ, познакомился, поблагодарилъ, но отъ гостепріимства отказался. Спрашиваетъ, далеко ли отъ меня до фольварка Грудень. Отвѣчаю, что въ семи верстахъ, по проселку, объясняю, что живетъ тамъ колонистъ, нѣмецъ.

«— Къ нему намъ и надо, а ужъ вы не откажите въ попеченіи Н—скому драгунскому полку—этотъ позади идетъ и у васъ, кажется, заночуетъ.

«— Радъ, отвѣчаю, служить.

«Отрядъ ушелъ, а черезъ полчаса въ Прудки пожаловалъ Н—скій полкъ. Къ тому времени я и столъ успѣлъ приготовить; ну, разумѣется, офицерство къ себѣ зазвалъ.

«Что говорить, родные каждой ласкѣ довольны. Пообмылись, кто за пьсьма сѣлъ, кто чѣмъ занялся. Потомъ къ ужину всѣ собрались.

«Солдатикамъ я тоже объяснилъ, какіе запасы у меня гдѣ имѣются—чтобъ не деремонились; дѣло военное—сегодня нашимъ, завтра нѣмцамъ, храни, Боже, достанется.

«Ну, за столомъ шумъ, разговоры, а меня все вродѣ какъ бы винтикъ сверлить: какъ, соображаю, столько народа на ночлегъ устроить? И только что вздумалъ я прислугѣ приказать, чтобъ сѣна въ комнаты натаскали и простынями его застлали, какъ прискакалъ откуда-то гонецъ и передалъ командиру полка донесеніе. Тотъ про чель его, всталъ и говоритъ: «Поздравляю, господа! Сейчасъ выступаемъ. Прикажете людямъ готовиться».

«И, Боже мой, переполохъ какой поднялся. Офицеры изъ-за стола повскакали, кто на дворъ, кто куда! На дворѣ команда, крики, ржанье коней... Со стороны глядя—путаница, анъ, черезъ десять минутъ—тишина и спокойствіе и полкъ ушелъ. Потомъ я узналъ, что получили онъ неожиданно приказаніе взять атакою Кунцендорфъ.

«Хорошо-съ; полкъ ушелъ, однако одинъ эскадронъ, ротмистра Клокачева, или Глобачева, вотъ ужъ и не упомяну, остался. Долженъ былъ Клокачевъ въ резервѣ итти и значить, погода, выступить. Ну, такъ вотъ-съ; прежде, чѣмъ изъ Прудковъ уходитъ, написалъ Клокачевъ записочку командиру отряда, полковнику, который давеча въ фольваркѣ Грудень прошелъ, что-де такъ и такъ, атака на Кунцендорфъ и прочее; однимъ словомъ, какъ въ военныхъ дѣлахъ полагается. Написалъ и на крыльцо вышелъ. А я—за нимъ. И вотъ тутъ-то, на дворѣ, я и увидѣлъ того самаго человѣка, вокругъ котораго все это событіе произошло. Былъ онъ по виду тихій и безмолвный солдатъ, литовець, по имени—Янъ... Янъ... Куртисъ. Онъ и повезъ донесеніе командиру отряда, и я ему дорогу на Грудень указалъ: сейчасъ же за домомъ, по выѣздѣ со двора, проселокъ, сперва—поле, потомъ лѣсокъ, а тамъ и совсѣмъ рукой подать.

«Солдатъ уѣхалъ, и эскадронъ на рысяхъ въ Кунцендорфъ ушелъ. Вотъ отсюда и завязалась паутина вся. Угодно выслушать?»

— Премного обяжете,—проговорилъ корреспондентъ.

Помѣщикъ откашлялся и продолжалъ:

— Фольваркѣ Грудень принадлежалъ Юлію-Генриху Клаузу. Владѣлъ Юлій-Генрихъ тремястами моргами земли, купленными имъ три года назадъ у одного мелкопомѣтнаго поляка. Юлія-Генриха такъ двойнымъ именемъ всѣ и называли, потому, видите ли, что старшій, женатый сынъ, съ которымъ онъ въ фольваркѣ жилъ, былъ по имени Юлій, а младшій—Генрихъ. Юлій съ отцомъ на землѣ сидѣлъ, а Генрихъ воспитывался въ юрьевскомъ, то, бишь, по-ихнему въ дерптскомъ университетѣ и въ Грудень по лѣтамъ пріѣзжалъ. И того и другого я не разъ по сосѣдству видывалъ. Съ Юліемъ у меня даже большое дѣло этимъ лѣтомъ началось: вздумалъ онъ рощу торговать, она съ ихъ землею граничила. Впрочемъ, покупка разстроилась. А тутъ и война вспыхнула.

«Къ этому вотъ колонисту и отправился Янъ Куртисъ съ запискою отъ ротмистра Клокачева. А надо вамъ сказать, какъ только война началась, Юлій-Генрихъ Клаузъ тотчасъ семью изъ фольварка отправилъ: младшаго сына въ Юрьевъ, а старшій сынъ съ женою къ родителямъ жены уѣхали.

«Рабочихъ и тѣхъ Клаузъ разсчиталъ и остался одинъ фольваркѣ караулить.

«Ладно! Пріѣхалъ Куртисъ въ Грудень, а тамъ обстоятельства къ тому времени слѣдующимъ образомъ сложились: начальникъ

отряда со штабомъ и старшіе офицеры домъ Клауза заняли, а остальные и нижніе чины расположились въ сараяхъ да въ рабочей избѣ. Погода стояла дрянъ, осенняя.

«Когда Куртисъ въ домъ вошелъ, и дежурный вѣстовой доложилъ о немъ по командѣ, полковникъ и офицерство сидѣли въ одной изъ комнатъ за чаемъ, и Юлій-Генрихъ прислуживалъ имъ чѣмъ могъ. Отрядный адъютантъ находился въ первой комнатѣ, за картой, которую только что передъ тѣмъ всѣ разсматривали и на которой все расположеніе нашихъ войскъ въ П—кой губерніи было показано.

«Принявъ донесеніе, адъютантъ пошелъ сообщить о немъ начальнику отряда, да тамъ и задержался, потому, въ соотвѣтствіи съ предположенной на Кунцендорфъ атакой, о распоряженіяхъ по отряду надо было переговорить. Ну-съ, а когда онъ назадъ вернулся, Янъ Куртисъ, записку, слѣдовательно, передавъ, ушелъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла со стола секретная карта.

«Поднялась тревога. Приказано было Куртиса съ дороги вернуть да кстати разыскать Клауза, который въ комнатахъ все вертѣлся, а тутъ словно камень въ воду канулъ. Впрочемъ, минутъ черезъ двадцать Клауза въ мезонинѣ дома нашли—спалъ онъ тамъ и его едва добудились.

«Относительно карты Клаузъ показалъ, что пріѣзжавшій съ донесеніемъ солдатъ, значить, Янъ Куртисъ, повстрѣчался ему въ прихожей, когда онъ, Клаузъ, въ мезонинъ шелъ, и онъ напоминаетъ, будто солдатъ въ сумку бумагу какую-то пряталъ, можетъ быть, именно пропавшую карту.

«За Клаузомъ наблюденіе приставили, однако дѣло все-таки выходило дрянъ».

Разсказчикъ замолчалъ и выпилъ залпомъ стаканъ на половину простывшаго чая.

— Занимательный эпизодъ,—проговорилъ корреспондентъ, закуривая папиросу и потчуя собесѣдника.

— Благодарствуйте, не курю... дальше поѣдемте, — отвѣтилъ тотъ.

Однако при первыхъ же его словахъ корреспондентъ удивленно посмотрѣлъ на него: въ описаніи событія неожиданно какъ бы прервалась связь.

— Хм... да-съ! Удивительное время и замѣчательныя обстоятельства! Судите сами! Одинъ изъ высланныхъ заночевавшими въ Груденѣ полками секретовъ, изъ пяти, что ли, нижнихъ чиновъ и унтеръ-офицера, взялъ направленіе въ сторону отъ дороги, къ лѣсу, подходившему съ сѣвера къ самымъ почти Клаузовскимъ нежилымъ постройкамъ. Лѣсъ лиственный, строевой. Въ такомъ лѣсу не то, что ночью, а и при яркомъ солнцѣ далеко впереди себя не увидишь. Представьте же себѣ удивленіе солдатиковъ, когда, продравшись

сквозь чашу и буреломъ, саженъ на пятнадцать, разсмотрѣли они просѣку, вродѣ какъ бы дорогу. Отошли по ней солдаты отъ Грудена версты на полторы и по двое расположились на нѣкоторомъ одни отъ другихъ разстояніи.

«Сидятъ. Курить нельзя; ухо востро держать надо. Прошелъ часъ, другой... Вдругъ, разобрали они топотъ лошадиныхъ ногъ. Что дальше, то топотъ слышнѣе. Хрустятъ вѣтки, кто-то лѣсомъ пробирается.

«Собрались солдаты въ кучу, ружья изготовили, а вскорѣ потомъ въ темнотѣ различили всадника, ѣхавшаго просѣкою, шажкомъ, со стороны Грудена. Спрятались солдаты за деревьями и, едва всадникъ поравнялся, бросились къ лошади его съ разныхъ сторонъ.

«— Стой. Куда ѣдешь?

«А тотъ, съ испуга ли, или намѣренно, лошадь ногойкой хлестнулъ; она на дыбы взвилась и давай забирать. Унтеръ-офицеръ за поводъ ее схватилъ; куда тамъ—нѣсколько шаговъ она его протащила, ногу ему расшибла и вырвалась. Но одинъ изъ солдатъ такъ ловко въ сѣдока вцѣпился, что лошадь хоть и ушла, а сѣдокъ остался.

«— Кто такой?

«— Свой.

«— Куда ѣдешь?

«— По сусѣдству.

«— Зачѣмъ лошадь ногойкой вдарилъ?

«— Ладно,—переваль допросъ унтеръ:—ведите двое къ караульному, тотъ разберетъ.

«И, оставивъ трехъ солдатъ въ секретѣ, съ остальными, похрамывая, повелъ арестованнаго въ полкъ.

«Привелъ. Ну, тамъ какимъ-то образомъ все происшествіе до отряднаго адъютанта дошло. А въ домѣ Клауза въ это время переполохъ изъ-за украденнаго плана.

«Адъютантъ, прослышавъ о пойманномъ, приказалъ привести его. И, едва его привели, узналъ онъ въ немъ Яна Куртиса.

«— Ты куда ѣхалъ?—спросилъ его офицеръ.

«— Въ полкъ, въ Прудки,—отвѣчаетъ.

«— Хм... А донесеніе сюда этой же дорогой привозилъ?

«Солдатъ замаялся.

«— Никакъ нѣтъ. Эта дорога, сказываютъ, короче.

«— Кто сказываетъ?

«— Не могу знать.

«Ну, разумѣется, присутствовавшіе въ комнатѣ офицеры переглянулись: солдатъ, видимо, чепуху поролъ.

«— А что, когда здѣсь ты былъ, плана на столѣ не видѣлъ?—продолжалъ адъютантъ допросъ.

«Куртисъ молчитъ, глазами хлопаетъ.

«— Вотъ, хозяинъ дома показываетъ, будто ты планъ со стола взялъ. Такъ ли это?»

«Куртисъ, знаете ли, поблѣднѣлъ, за голову схватился.

«— А что, у тебя въ сумкѣ плана нѣтъ?»

«— Ни... ни... нѣтъ!»

«— А ну, посмотри,—проговорилъ офицеръ.

«Куртисъ сумку открылъ, зашатался и упалъ. Упалъ, значить, безъ сознанія. Въ сумкѣ у него похищенный планъ нашли.

«Приказаль послѣ того адъютантъ вынести Куртиса и приставить къ нему караулъ. А когда офицеры карту раскрыли, всѣ увѣрили, что Куртисъ ѣхалъ по направленію къ Кунцендорфу, занятому нѣмцами, лѣсной просѣкой, на картѣ даже и не показанной и по которой до нѣмецкой колоніи всего только оказывалось пять верстъ. Ну, а залѣмъ рѣшено было таинственное это дѣло утромъ разобрать и учинить Куртису очную ставку съ Клаузомъ. Сразу-то разбираться во всемъ было некогда, потому вскорѣ послышались въ отдаленіи стрѣльба и крики и всѣ поняли, что это у Кунцендорфа начался бой. Утромъ же, когда Куртиса съ Клаузомъ свели, въ то самое какъ разъ время подѣхалъ къ груденскому дому ротмистръ Клокачевъ съ разѣздомъ Н—скаго полка, благодаря чему, милостивый государь, вся паутина распуталась».

Помѣщикъ умолкъ и приказаль подвернувшемуся слугѣ подать стаканъ чая. Корреспондентъ вытащилъ записную книжку и сдѣлалъ въ ней пару помѣтокъ.

— На бумагу просится?—улыбнулся помѣщикъ.

— Дальше слушаемъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Дальше? Хм... дальше я попрошу все, о чемъ я говорилъ, позабыть, потому къ разсказу приходится съ другого конца ити, къ развязкѣ, значить.

Онъ откашлялся и продолжалъ:

— Атака н—скихъ драгунъ на Кунцендорфъ была стремительная и отважная. Смявъ сторожевые посты, драгуны полнымъ карьеромъ прошли всю колонію и, разбившись на рядъ мелкихъ отрядовъ, завели бой съ засѣвшими въ домахъ нѣмцами. Въ Кунцендорфѣ, помимо кавалерійскаго полка, стоялъ батальонъ егерей, но, застигнутые врасплохъ противники не могли оказать сколько-нибудь дѣйствительнаго сопротивленія. Правда, егеря, занимавшіе кирпичный заводъ на самомъ выгздѣ изъ деревни, успѣли построиться и дать по нашимъ нѣсколько залповъ, но подошедшій въ это время эскадронъ ротмистра Клокачева зашелъ имъ въ тылъ, на всемъ скаку врѣзался и, порубивъ большинство, остальныхъ забралъ въ плѣнъ. Конечно, вышибать нѣмцевъ изъ домовъ было не легко, но драгуны дѣйствовали молодецки, и очень скоро послѣднее, какъ говорится, сопротивленіе непріятели было сломлено.

«Поубравъ раненныхъ, собрали драгуны плѣнныхъ и тотчасъ отправили ихъ за надежною охраной въ тылъ. Ну, естественно, и офицеры и солдаты устали. Однако, послѣ такого дѣла какой сонъ? Такъ, разбрелись по домамъ, кто докторамъ сталъ помогать, кто чѣмъ занялся.

«Ротмистръ Клокачевъ, отдавъ распоряженія по эскадрону, вошелъ съ кѣмъ-то изъ офицеровъ въ первый попавшійся домъ. Въ домѣ—свѣтло; въ первой комнатѣ лампа горитъ; хозяевъ—нѣтъ, разбѣжались. Вѣстовой доложилъ, что изъ дома этого по нашимъ войскамъ стрѣляли. Ладно! Осмотрѣлись офицеры, приказали солдату воду вскипятить—чаемъ надумали побаловаться.

«Пока то да се, принялись разсматривать помѣщеніе. По всему видно, жила здѣсь семья богатаго колониста. Въ комнатахъ—мебель, на окнахъ занавѣски, по стѣнамъ картины развѣшаны. Прямо отъ входа—портретъ Вильгельма.

«— А это—фамилія, очевидно,—проговорилъ товарищъ Клокачева, разсматривая висѣвшую въ самодѣльной рамѣ, рядомъ съ Вильгельмомъ, фотографическую группу.

«— Какая фамилія?—переспросилъ ротмистръ.

«— Хозяева дома, надо полагать.

«— Хм... можетъ быть, и хозяева; рожки-то у нихъ дряннъ,—отвѣтилъ Клокачевъ и, отойдя къ столу, занялся чаемъ.

«За чаемъ разговоры все объ одномъ—о боѣ, о потеряхъ въ полку, о томъ, что къ утру должна подойти къ Кунцендорфу наша пѣхота.

«Погода, рѣшили офицеры на боковую. Усталость, стало быть, начала брать свое. Облюбовали лежанку, постлали шинели—много ли военнымъ людямъ надо?—и мягко и тепло! Растянулись, свѣтъ загасили. Оно бы и совсѣмъ хорошо, да нервы ходять—шутка ли, ночной бой выдержать! И вдругъ, милостивый государь, слышать они глухой человѣческой голосъ, словно бы кто изъ подземелья говорить. Что за притча? Насторожились. Опять голосъ... Зажгли спичку и при огнѣ нашли подъ бокомъ у себя телефонную трубку. Глобачевъ ее къ уху.

«— Julius, hörst du?—услышалъ онъ голосъ издалека.

«— Ja wohl,—или что-то въ этомъ родѣ отвѣтилъ Клокачевъ, но этими словами всѣ его знанія нѣмецкаго языка были исчерпаны. Слушаетъ, а о чемъ говорятъ, кто, откуда и что отвѣчать надо—не знаетъ. Товарищъ Клокачева тоже насчетъ нѣмецкаго діалекта оказался слабъ, а тутъ и голосъ оборвался и умолкъ.

«Начали офицеры раздумывать, какъ быть и что предпринять, и только въ одномъ они не сомнѣвались, что говорившій былъ нѣмецъ, что онъ, очевидно, не зналъ о взятіи Кунцендорфа нашими войсками, что дѣлалъ онъ, очевидно, нѣкоторыя важныя предупрежденія и что, слѣдовательно, онъ былъ шпионъ. Впрочемъ, общими усиліями кое-что изъ разговора они все-таки разобрали, но смысла,

какъ ни вертѣли, понять не могли. Разобрали же они, что въ Кунцендорфѣ ѣдетъ откуда-то солдатъ, что везетъ онъ какіе-то документы и что встрѣтить его надо на дорогѣ, въ лѣсу. Какой солдатъ, этого офицеры не знали, но порѣшили, что разставленные кругомъ дозоры вражескаго посланца изловятъ, если только правильно сумѣли они нѣмецкую рѣчь въ телефонъ понять. Утромъ же думали что-нибудь и относительно телефона предпринять. А тутъ и сонъ подошелъ, и они уснули...

«Проснулись офицеры, когда горнистъ зорю проигралъ. Вскочили, промыли глаза водой и на улицу. И только что Клокачевъ на крыльцо вышелъ, командиръ полка порученіе ему далъ установить связь съ отрядомъ, занявшимъ Грудень.

«— Хорошо бы,—говоритъ:—миновать Прудки и итти по прямой линіи. По картѣ до Грудена пять верстъ. Попробуйте лѣсомъ пробраться.

«Клокачевъ заторопился; приказалъ взводу солдатъ сѣдлатъ, вскочилъ на коня и пришпорилъ. Выѣхалъ изъ колоніи, свернулъ съ шоссе въ поле, смотреть—тропинка къ лѣсу вьется. Онъ по тропинкѣ. Что за оказія?—тропинка къ лѣсной просѣлкѣ вывела, вродѣ какъ бы къ недавно проложенной дорогѣ.

«Отмахалъ Клокачевъ версты три и остановился, какъ вкопанный. Вспомнилъ онъ вдругъ про ночной разговоръ по телефону про солдата, котораго надо было встрѣтить въ лѣсу. На картѣ, думаетъ Клокачевъ, никакой дороги въ лѣсу не показано, лѣсъ къ Кунцендорфу подходитъ съ одной только стороны, тотъ именно лѣсъ, по которому онъ сейчасъ въ Грудень ѣдетъ, и дорога, очевидно, въ лѣсу одна, эта вотъ именно просѣлка, и по ней, очевидно, солдатъ ночью ѣхалъ.

«И такая его досада взяла, что забылъ онъ съ утра командиру полка доложить относительно телефона. Однакоже не назадъ коня поворачивать? И рѣшилъ Клокачевъ, что товарищъ его про ночной разговоръ вспомнить и по командѣ о немъ сообщить. А товарищъ-то Клокачева, дѣйствительно, командиру своевременно о всемъ рассказалъ, послѣ чего приказано было кого-то изъ солдатъ, знакомыхъ съ нѣмецкимъ языкомъ, у телефона на всякій случай посадить: кто знаетъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ по телефону какія-нибудь важныя свѣдѣнія со стороны будутъ переданы.

«Хорошо-съ! Пока въ Кунцендорфѣ всѣ эти распоряженія отдавались, Клокачевъ къ Грудену подѣзжалъ. Проѣхалъ онъ еще версты полторы—опять загадка: дорога оборвалась, дальше пошелъ вальсникъ и буреломъ, прямо-таки непроходимая чаща. Продрался Клокачевъ съ взводомъ сквозь чащу шаговъ пятьдесятъ и неожиданно выѣхалъ къ самому груденскому фольварку. И тутъ ему въ голову пришло, что дорога въ лѣсу проложена съ умысломъ и что нарочно со стороны Грудена она замаскирована. Выходило такъ, что къ Гру-

дену можно было изъ Кунцендорфа совсѣмъ незамѣтно подойти и врасплохъ на фольваркѣ напасть. И опять-таки вспомнилъ Клокачевъ про телефонъ и подумалось ему, что телефонъ не иначе, какъ изъ Грудена проведенъ. Намоталъ онъ все это, какъ говорится, на усъ и подъѣхалъ къ дому. Слѣзъ съ коня. Приказалъ дежурному солдату доложить о немъ адъютанту, а самъ—въ прихожую. И только что онъ туда вошелъ, смотритъ—Куртисъ.

«— Ты чего здѣсь?

«А Куртисъ, увидавъ эскадроннаго, ротъ раскрылъ, а сказать ничего не можетъ.

«— Ваше—скородіе,—шепчетъ:—помогите.

«— Чего помогите?

«— Чортъ,—отвѣчаетъ,—попуталь.

«— Чего попуталь?

«— Не могу знать.

«Видитъ Клокачевъ, что солдатъ самъ не свой, но не успѣлъ спросить толкомъ, какъ позвали его къ адъютанту.

«Вошелъ Клокачевъ въ комнату, представился и о цѣли своего пріѣзда доложилъ.

«Ну, тутъ всѣ офицеры, какіе въ домѣ были, собрались и начали Клокачева о ночномъ боѣ расспрашивать. Тотъ въ подробностяхъ все рассказалъ, а затѣмъ о Куртисѣ вспомнилъ:

«— Въ чемъ дѣло?—спрашиваетъ.

«— А въ этомъ вы помогите намъ разобраться. Куртисъ вашего полка?—задаетъ ему вопросъ адъютантъ.

«— Моего эскадрона.

«— Вами былъ вчера съ запискою къ намъ присланъ?

«— Мной.

«— Прекрасно.

«И сообщилъ послѣ того адъютантъ, какъ съ уходомъ Куртиса обнаружили, что со стола планъ пропалъ и что поймали Куртиса въ лѣсу, ѣхавшаго потайной дорогой, по направленію къ Кунцендорфу. Когда же Куртиса въ Груденъ привели, нашли у него похищенный планъ спрятаннымъ въ сумкѣ.

«— Вотъ и объясняйте,—закончилъ свой рассказъ адъютантъ:— но имѣйте въ виду, что Куртисъ могъ и не знать, что Кунцендорфъ занятъ былъ къ тому времени нашими войсками и, слѣдовательно, ѣхалъ онъ къ нѣмцамъ и къ нимъ везъ планъ.

«Пока адъютантъ говорилъ, Клокачевъ опять о прошедшей ночи вспомнилъ. Ясно ему стало, о какомъ солдатѣ, ѣхавшемъ съ важными документами, по телефону сообщалось, и тотчасъ онъ весь ночной эпизодъ офицерству рассказалъ. Пошли разговоры, догадки. Приказалъ адъютантъ Куртиса и Клауза въ комнату привести... А въ это время Клокачевъ въ одну точку уставился, съ мѣста всталъ и, никого не замѣчая, ровно, какъ лунатикъ, прямо къ стѣнѣ пошелъ.

«Офицеры къ нему:

«— Что такое?

«Клокачевъ на стѣну смотритъ. На стѣнѣ въ самодѣльной рамѣ фотографическая группа виситъ.

«— Фамилія,—говоритъ ротмистръ.

«— Какая фамилія?—спрашиваютъ его.

«— Хозяева дома, надо полагать... да вѣдь и рожи тѣ же, кунцендорфскія.

«Офицеры руками разводять. Но только что Клокачевъ хотѣлъ имъ дальнѣйшія свои наблюденія сообщить, повернулся и ахнулъ: у дверей рядомъ съ Куртисомъ стоялъ Клаузъ, въ группѣ среди другихъ снятый.

«— Вы... ты... Въ Кунцендорфѣ у тебя родня живетъ?—спрашиваетъ онъ Клауза.

«А тотъ, сразу-то ничего не сообразивъ, возьми и признайся:

«— Родители жены сына моего, Юліуса.

«— Ахъ, Юліуса? И Юліусъ тамъ?

«Но не успѣлъ Клаузъ отвѣтить, какъ Куртисъ, всякую вдругъ дисциплину позабывъ, какъ гаркнетъ:

«— Ваше—скородіе, это ѣнъ самый и есть.

«— Кто онъ?—спрашиваетъ адъютантъ, а самъ да и все присутствующіе чувствуютъ, что вродѣ какъ будто за нитку они взялись, потянули и весь клубокъ распутывается.

«— Да тотъ, который меня на дорогу въ лѣсъ вывелъ. Поѣзжай, гритъ, по ней; по ней, гритъ, корочѣе. По голосу признаю. На дворѣ темно было, лица не примѣтилъ, а голосъ, ваше—скородіе, его.

«Ну, какъ только Куртисъ это сказалъ, Клокачевъ и говоритъ:

«— Дѣло ясное! Телефонъ въ домѣ долженъ быть. Отсюда Юліусу о выѣздѣ Куртиса сообщили, чтобъ напасть на него невзначай въ лѣсу.—Гдѣ телефонъ?—спрашиваетъ Клауза.

«Тотъ поблѣднѣлъ, однако отказывается.

«— Гдѣ нѣмца спавшимъ нашли?

«Не унимается Клокачевъ, потому за живое его задѣло, что въ такую исторію солдатъ его эскадрона влетѣлъ.

«— Въ мезонинѣ,—отвѣчаютъ.

«— Надо въ мезонинѣ итти.

«Что жъ вы думаете? Въ платяномъ шкапу въ мезонинѣ телефонную трубку нашли. Клокачевъ ее взялъ и говоритъ:

«— Кто слушаетъ?

«А голосъ въ отвѣтъ:

«— Кто спрашиваетъ?

«— Ротмистръ Клокачевъ.

«А оттуда:

«— Взводный унтеръ-офицеръ такой-то.

«— Кто у телефона посадилъ?

«— Командиръ полка.

«— Зачѣмъ?

«А тотъ по-своему объясняетъ:

«— Шпіона, ваше—скородіе, ловлю.

«— Передай,—говорить Клокачевъ,—командиру, что шпіонъ пойманъ.

«— Признавайся, собачій сынъ,—повернулся онъ къ Клаузу:— какъ дѣло было?

«Тотъ помолчалъ и въ ноги».

Разсказчикъ умолкъ. Корреспондентъ нѣкоторое время молчалъ, какъ бы ожидая продолженія.

— А планъ какимъ же образомъ въ сумку къ Куртису попалъ?— спросилъ онъ, наконецъ.

— Говорю вамъ, запутанная исторія совсѣмъ простой оказалась.

Но не успѣлъ помѣщикъ закончить объясненія, какъ на платформѣ неожиданно прозвучалъ звонокъ, возвѣстившій пассажирамъ о подходѣ давно ожидаемаго поѣзда.

Кругомъ всѣ засуетились. Поднялся и помѣщикъ и протянулъ руку своему слушателю.

— А планъ?—переспросилъ тотъ, не отпуская отъ себя разсказчика.

— Да что жъ планъ,—нетерпѣливо отвѣтилъ послѣдній.— Похитивъ планъ, Клаузъ сунулъ его въ сумку солдата, пока тотъ съ вѣстовыми болталъ. Сумку-то, оказывается, Куртисъ въ прихожей оставилъ, когда въ комнату съ запискою пошелъ; и сумку и шинель оставилъ, потому промокъ подъ дождемъ насквозь. Ну, а потомъ, когда онъ выѣхалъ изъ воротъ, Клаузъ его встрѣтилъ и на дорогу въ лѣсъ вывелъ. Вотъ и все-съ!

И, кивнувъ головой, помѣщикъ затерялся въ толпѣ, хлынувшей изъ буфета на платформу. Корреспондентъ пожелалъ ему добраго пути, но, видимо, остался недоволенъ окончаніемъ исторіи, предпочитая услышать какой-нибудь драматическій финалъ.

О. Козельскій.

ВЪ ДНИ ВОЙНЫ ВЪ ПОГРАНИЧНОЙ ДЕРЕВНѢ.

IV.

Избавленіе.

ТРО... Не холодное и не жаркое, а мягкое, какое бывает у насъ въ августѣ. Солнце не жжетъ и даже не грѣетъ, а ласкаетъ... Что-то разнѣживающее въ этой ласкѣ, любвеобильно расточаемой и людямъ, и неодушевленнымъ предметамъ, и всей природѣ...

Сотня терскаго казачьяго полка тихо подвигается лѣсомъ. Сотня эта—передовой развѣдочный отрядъ казачьей дивизіи, а еще сзади—идетъ бригада пѣхоты. До сихъ поръ казаки не встрѣчали еще ни одного австрійскаго развѣзда, хотя мѣстность эта была занята непріателемъ. Кругомъ тянулся лишь величественный буковый лѣсъ, загадочно - молчаливый, таинственный...

Гостепрѣимно раскрываетъ объятія старый лѣсъ и своимъ и чужимъ, всѣмъ равно даетъ пріютъ и убѣжище, отъ взоровъ непріятельскихъ укрываетъ, тайну свято соблюдаетъ и лишь о томъ далеко въ прошломъ тоскуетъ, когда никто не нарушалъ его покоя, когда въ темныя дебри его не ступала нога человѣческая.

Отрядъ выѣхалъ на опушку. Лѣсъ окончился, и впереди широкимъ размахомъ раскинулись безконечныя перспективы долинъ, пещенныя рядами холмовъ. Справа около протекаетъ Днѣстръ. Стремительно несутся его мутныя воды, и по берегу его любовно

склоняются къ водѣ старыя ивы. Внизъ сѣрой змѣйкой вьется дорога. Тамъ село, изъ-за пригорка виднѣются сады и хаты. А дальше— въ синюю даль снова уходятъ долины и холмы, кое-гдѣ поросшіе лѣсомъ. Это—уже Австрія. А еще дальше слабыми очертаніями вырисовываются на небѣ вершины Карпатскихъ горъ.

Отрядъ остановился. Люди спѣшили и оправлялись.

— Эхъ, скорѣй бы ужъ,—замѣтилъ молодой казакъ, и улыбка заиграла на его смугломъ, изрытомъ оспою лицѣ:—хоть руки и плечи поразмялъ бы, онѣмѣли совсѣмъ.

— Погоди,—наставительно отозвался сѣдоусый казакъ:—успѣшь попасть воронамъ на обѣдъ, не безпокойся!...

Знаетъ старый урядникъ казацкую удаль, самъ, вѣдь, такой же казакъ.

— Полно вамъ, Степанъ Дорофеичъ,—никто какъ Богъ, а только и австріяку ногъ не унести!.. Не извольте безпокоиться!..

Неподалеку отъ дороги у самаго лѣса притаился родникъ, надъ нимъ—деревянный крестъ. У креста на травѣ сидѣли дѣвочка постарше и мальчикъ лѣтъ шести или семи.

— Эй, ты, дѣвочка, поди сюди,—позвалъ офицеръ.

Дѣвочка не трогалась съ мѣста и лишь съ безпокойнымъ любопытствомъ впиалась глазами въ офицера.

— Она німа,—отозвался мальчуганъ:—а вамъ чего треба?..

— А вотъ скажи, мальчикъ,—подошелъ офицеръ:—гдѣ тутъ австрійцы?..

— А ви хіба не австрійські?—робко спросилъ мальчуганъ.

Ему никогда не приходилось видѣть людей въ такихъ большихъ шапкахъ, и онъ, видимо, находился въ величайшемъ затрудненіи рѣшить, что это за люди такіе выѣхали изъ лѣса.

— Нѣтъ, не австрійцы,—улыбнулся офицеръ:—мы только ищемъ австрійцевъ.

Мальчикъ сдѣлался смѣлѣе, поднялся съ земли и даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ отряду.

— Пані,—наставительно заговорилъ онъ,—ви цею дорогою не ходіть, тутъ е австрійці с ружами, они вас постріляють!.. Туда ідіть вниз, долиною—долиною, а так ще долиною, ось і зайдете до села. А тут не ходіть, тут в кукурузах—австрійці!..

Офицеръ улыбнулся.

— Вотъ молодчина! Такъ говоришь—здѣсь австрійцы? Ну, и хорошо, авось не пострѣляють,—засмѣялся офицеръ.—А ты вотъ бери дѣвочку и уходи съ коровой въ лѣсъ, не подстрѣлили бы тутъ васъ.

Изъ села послышался колокольный звонъ. Казаки сняли шапки и перекрестились. И можетъ быть, въ головѣ каждаго изъ нихъ пропелось воспоминаніе, воспоминаніе о другой такой же сельской церковкѣ, гдѣ сейчасъ въ эту минуту жены, матери, невѣсты льютъ

на полъ горючія слезы. А рядомъ стоитъ ребенокъ, теревить рукавъ матери, и недоумѣваетъ дитя, что это мать такъ плачетъ... Мысль бѣжала дальше, выплывали картины терской станицы, курень на берегу Терека, сѣрая кладка левады... Тоскливо заняло сердце...

— Сади-и-ись!—прозвенѣла спокойная, тягучая команда, и спустя минуту отрядъ уже былъ далеко.

Но вотъ онъ остановился. Что это за шумъ? Обманъ ли напряженнаго слуха, или дѣйствительность?

Вдругъ раздался трескъ, и едва уловимый, характерный, тонкій свистъ пронесся среди казаковъ. Нѣтъ, это не обманъ...

— Впередъ, станичники!—скомандовалъ офицеръ:—охватывай, съ Богомъ!

Съ гиканьемъ казаки вихремъ понеслись по полю.

— И-и-и-и!!!—прокатилось по полямъ, отозвалось въ лѣсу холоднымъ, металлическимъ отголоскомъ.—Ого-го-го!!! Ур-а-р-а-а!!!

Справа и слѣва слѣпо и беспорядочно трещали выстрѣлы, пули летали, какъ пѣвучія ичелы,—такъ же беспорядочно, пущенныя то слишкомъ высоко, то вдоль по землѣ.

А казачья лента сѣрымъ ураганомъ неслась все дальше и дальше. Началось преслѣдованіе. Много австрійцевъ ранили, нѣсколькихъ убили. Со стороны же казаковъ лишь одинъ легко раненъ былъ въ руку.

Видя, что помощи ждать неоткуда и живыми все равно не уйти, австрійцы стали сдаваться. Спустя часъ-два вся мѣстность вплоть до австрійской границы и далеко за границей была очищена отъ непріятели. Казаки вошли въ село, а за ними и весь остальной отрядъ—крайній лѣвый флангъ арміи генерала Б—ва.

Надо было видѣть, съ какимъ восторгомъ крестьяне встрѣчали свои русскія войска: «Словно Пасха для насъ!» повторяли крестьяне, и все, что у нихъ было—молоко, яйца, сыръ, свѣжій хлѣбъ, часто прямо изъ печи,—все тащили къ воротамъ и угощали проходившихъ солдатъ и казаковъ.

Казаки спѣшились. Около плѣнныхъ поставили часовыхъ, и командиръ полка благодарилъ сотню за службу Царю и родинѣ.

Наша подневольная жизнь подъ опекою новыхъ временныхъ хозяевъ кончилась. Можно вернуться къ своимъ, пережить съ Россіей дни испытаній, подать вѣсть о себѣ, узнать объ участи близкихъ, страдать вмѣстѣ съ ними. Вѣдь самымъ ужаснымъ была именно эта оторванность, невозможность пережить съ русскимъ обществомъ эти историческіе моменты. И прежде всего можно было узнать истинное положеніе вещей въ Европѣ и на театрѣ войны. Офицеры отнеслись очень сочувственно, предложили газеты, охотно дѣлились разсказами.

Они разсказали, что то, что вчера еще казалось утопій, сегодня претворилось въ живую дѣйствительность, и на нашихъ

глазахъ чуть ли не весь міръ загорѣлся безпримѣрнымъ огнемъ, негодованія на тевтонскихъ варваровъ. Рассказывали про успѣхи русскаго оружія въ Галиціи, про взятіе Львова, Галича....

Въ избѣ становилось душно. Я попросилъ у полковника разрѣшенія пройти къ плѣннымъ и вышелъ во дворъ. Заходящіе лучи солнца посылали свой прощальный привѣтъ наступающей ночи. Небо блекло и выцвѣтало, какъ уста умирающей... молодой серпъ мѣсяца уже слабо мерцалъ на востокѣ.

Всѣ плѣнные одѣты въ мундиры двухъ цвѣтовъ—свѣтло-сѣрый и синий. На головахъ—австрійскія кепи, каски съ орлами. Худые, измороженные, австрійцы, видимо, плохо питались. Изъ ихъ сбивчивыхъ рассказовъ выяснилось, что всѣ они—буковинцы и галичане и что среди нихъ есть два лагеря—«русинъ» и «украинцевъ-мазепинцевъ».

Первые—искренно расположены къ Россіи, къ русскимъ относятся, какъ къ роднымъ, на войну шли по принужденію и лишь ждали благопріятной минуты, чтобы сдаться. Украинцы же, напротивъ, относятся къ Россіи враждебно.

— Кто вы?—спрашиваю я высокаго, пожилого уже австрійца съ красивыми сѣрыми глазами. Это былъ, повидимому, австрійскій ландштурмистъ.

— Я русинъ, православный,—охотно отвѣчаетъ онъ.

— Что жъ вы рады, что русскіе взяли Галицію и Буковину?

Плѣнный молчалъ. Потомъ вдругъ густо покраснѣлъ и заговорилъ:

— Да, раді, дуже раді, ми—рускі, православні...

— Почему же вы стрѣляли въ русскихъ, въ своихъ же братьевъ стрѣляли?..

— Намъ не вѣльно було не стрѣляти,—за ними були німці и лякали нас, що будутъ сзади стрѣляти въ тих, котрі не схотятъ въ руских стрѣляти... Не, нам не вѣльно було,—повторялъ онъ ¹⁾...

Была уже поздно, пора было уходить. Лагерь гудѣлъ голосами тысячъ людей, дымился огнями костровъ и кухонъ. Была какая-то своеобразная красота въ этой, на первый взглядъ безпорядочной, картинѣ солдатскаго бивуака. Слышались смѣхъ, остроты. Есть возможность отдохнуть, поѣсть, протянуть на землѣ натруженные ноги,—и солдаты почти счастливы, шутятъ, смѣются. Такъ жизнь, и среди такихъ катастрофическихъ изломовъ быта, властно вкрапляетъ въ темный фонъ свои яркія краски.

При выходѣ изъ бивуака я увидѣлъ такую картину. У плетня, уткнувшись въ руку, стояла крестьянская баба и громко плакала.

¹⁾ Намъ не «свободно было» не стрѣлять, за нами были нѣмцы и пугали насъ, что будутъ сзади стрѣлять въ тѣхъ, которые не захотятъ въ рускихъ стрѣлять... Нѣтъ, намъ не свободно было...

Кругомъ нея стояли солдаты, смущенные, подавленные. Передній солдатъ все успокаивалъ бабу:

— Ну, и чего плачешь-то, не ты первая, не ты и послѣдняя... Да, вѣдь, пооди, не убить еще мужь-то твой?! Смотри, еще ероемъ вернется, Егорія получить,—а ты вотъ плачешь... Эхъ, то-то, вы, бабы!...

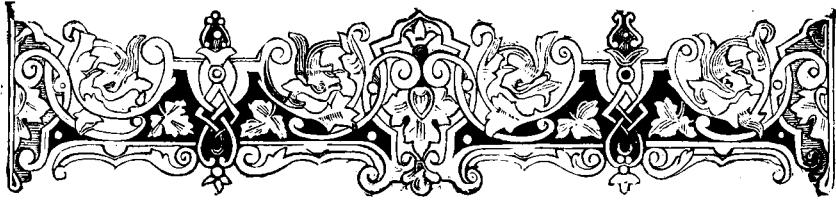
— А дѣти-то есть у тебя, дѣтишки-то?—спросилъ кто-то.

— Есть, трое,—отвѣтила баба и еще громче зарыдала...

Наутро отрядъ двинулся дальше, въ Буковину. Впереди казаки, за ними пѣхота.

С. Богдановичъ.

КАЛЕЙДОСКОПЪ МИНУВШАГО,

Среди артистовъ.

I.

Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

ВЪ КРОВИ! Въ крови!—вытягивая руки впередъ и неистово потрясая ими, вопилъ не своимъ голосомъ, трагически маршируя по комнатѣ, десятилѣтній румяный мальчикъ съ ясными глазенками и упрямыми вихрами въ густой щеткѣ каштановыхъ волосъ.

— Да перестань ты ради Создателя, Саша,—жалобно говорила мать—ей-Богу, ты меня въ гробъ вгонишь: все въ крови да въ крови. Перестань, ради Бога.

Но Саша продолжалъ ходить трагической поступью и неистово кричать: «въ крови! въ крови!»

Розовый Саша съ упрямыми вихрами на головѣ былъ пишущій эти строки.

Моя мать, стариннаго дворянскаго рода Барановыхъ, женщина, несомнѣнно, умная, но совсѣмъ не образованная, пріѣхавъ въ Петербургъ для того, чтобы размѣстить своихъ двухъ сыновей по учебнымъ заведеніямъ, послала меня съ крѣпостнымъ челоукомъ Степаномъ (сама была въ траурѣ) въ Александринскій театръ, гдѣ шла тогда съ огромнымъ успѣхомъ трагедія «30 лѣтъ, или жизнь игрока», въ которой потрясалъ петербургскихъ театраловъ знаменитый трагикъ Василій Андреевичъ Каратыгинъ.

Не знаю, что руководило моею матерью, отправляя меня смотреть потрясающую трагедію, въ которой игрокъ—Каратыгинъ,—опустившійся до дна, убиваетъ путешественника и на замѣчаніе ребенка: «Папенька, отчего у тебя руки въ крови?» потрясалъ не только наивныя сердца, но даже самыя театральныя стѣны крикомъ: «Въ крови! Въ крови!»

Было ли со стороны матери затаенное намѣреніе отвлечь меня съ малыхъ лѣтъ отъ картежной игры, или просто желаніе доставить ребенку удовольствіе,—не знаю, но игра могучаго трагика такъ подѣйствовала на воспріимчивое воображеніе ребенка, что я едва ли не цѣлую недѣлю отравлялъ жизнь матери, изображая изъ себя Каратыгина и неистово вопя: «Въ крови! Въ крови!»

Такимъ образомъ, съ десяти лѣтъ я уже сдѣлался театраломъ, и, конечно, фанатическимъ поклонникомъ Каратыгина. Да и было отъ чего. Трудно себѣ представить человѣка, болѣе подходившаго къ ролямъ трагика, особенно въ трагедіяхъ былаго времени: колоссальный ростъ, атлетическое сложеніе, могучій голосъ, красивое выразительное лицо, тщательно выработанная умѣренность широкаго жеста и самая внимательная разработка ролей, самое добросовѣстное отношеніе къ своему дѣлу,—все было въ этомъ несравненномъ трагикѣ былаго времени. Реалисты, правда, упрекали его за нѣкоторую ходульность и предпочитали ему московскаго Мочалова, котораго я ни разу не видѣлъ даже въ дѣтствѣ и даже, вѣроятно, отказался бы видѣть, до такой степени считалъ кощунствомъ уподобленіе кого бы то ни было несравненному Каратыгину.

Кромѣ его образа, въ душу мою занала игра жены игрока—госпожи Дюръ, которую въ третьемъ, кажется, дѣйствиіи онъ, какъ перышко, схватывалъ на руки и вмѣстѣ съ нею выпрыгивалъ въ окно. Самое искреннее негодованіе возбуждалъ также «ложный другъ»—Брянскій, всегдашняя и неблагодарная обязанность котораго была играть подлыхъ людей, что не мѣшало ему быть прекраснымъ актеромъ и, какъ говорятъ, такимъ же прекраснымъ человѣкомъ. Но всю жизнь свою, на сценѣ, дѣлая по обязанностямъ службы всевозможныя гадости, какъ «ложный другъ» Каратыгину, онъ и по смерти оказалъ ему, и особенно его почитателямъ, совсѣмъ ужъ плохую услугу: похороны Брянскаго были зимой въ морозную бурную погоду; Каратыгинъ безъ шапки провожалъ товарища, схватилъ воспаленіе мозга, и этотъ колоссъ черезъ недѣлю уже лежалъ въ гробу безмолвный, недвижимый.

Я такъ былъ потрясенъ его смертію,—мнѣ было тогда лѣтъ четырнадцать,—что просто не хотѣлось вѣрить въ возможность отсутствія на сценѣ «великаго» Каратыгина.

— Да кто же будетъ играть его роли?—спрашивалъ я—Что же будетъ съ театромъ?

Такое же отчаяніе, но, конечно, несравненно въ еще большей степени овладѣло мною, уже шестнадцатилѣтнимъ юношей, когда, влѣдъ за первымъ молебномъ о здоровьѣ внезапно заболѣвшаго императора Николая Павловича, пришло извѣстіе о его кончинѣ.

«Да какъ же такъ, да что же будетъ съ Россіей?»—думалъ я въ отчаяніи, чуть не ломая себѣ руки.

Только въ старости приходишь къ убѣжденію, что нѣтъ безвыходныхъ положеній, что все «образуется» по выраженію слуги незабвеннаго Стивы («Анна Каренина»)... Каратыгина замѣстилъ Леонидовъ. Замѣстилъ, но, конечно, не замѣнилъ, и образъ Каратыгина въ «Купцѣ Иголкинѣ», въ «Кларѣ д'Обервиль» и особенно въ «Денщикѣ» и «Проконіи Ляпуновѣ» до сихъ поръ живетъ въ моемъ воображеніи.

Почти ребенокъ, я не могъ, конечно, судить, ходуленъ Каратыгинъ, или нѣтъ, но знаю, что когда бунтующій народъ съ криками: «смерть Ляпунову», наступалъ къ его дому и Каратыгинъ въ красной рубашкѣ смѣло вышелъ на крыльцо, то вся масса, кричавшая: «смерть Ляпунову», такъ и отхлынула отъ его колоссальной фигуры, отъ его потрясающаго голоса, и это казалось до такой степени естественнымъ, что и быть не могло иначе: очень ужъ импозантная фигура появилась на высотѣ крыльца передъ ничтожной чернью.

Такое же неизгладимое впечатлѣніе, именно своей фигурой и своимъ голосомъ, производилъ Каратыгинъ въ «Денщикѣ», знаменитой въ свое время драмѣ Кукольника. Здѣсь онъ гримировался Петромъ Великимъ и своей фигурой, голосомъ и величіемъ жеста давалъ полную иллюзію личности суроваго преобразователя-самодержца.

II.

Петръ Андреевичъ Каратыгинъ.

Вспоминая знаменитаго трагика Василя Андреевича Каратыгина, нельзя обойти молчаніемъ его младшаго брата, Петра Андреевича, дожившаго до самаго конца семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія и, въ былое время, одного изъ самыхъ популярныхъ лицъ не только императорской сцены, но и всего Петербурга.

Петръ Андреевичъ былъ не лишеннымъ дарованія актеромъ на роли комиковъ и резонеровъ, но главнымъ образомъ славился какъ авторъ наиболѣе остроумныхъ водевилей своего времени, безъ которыхъ не обходился ни одинъ спектакль, ни одна драма, ни одна трагедія. Всякій спектакль заканчивался, а иногда и начинался (для съѣзда, какъ говорилось) непременно водевилемъ, и вотъ величайшимъ мастеромъ водевилей былъ Петръ Андреевичъ.

Это былъ остроумнѣйшій человѣкъ, совершенно свободно владѣвшій стихомъ и отличавшійся притомъ безукоризненной корректностью, уважаемый за кулисами и часто приглашаемый въ самое лучшее общество для режиссированія домашнихъ спектаклей. Незадолго до его смерти я, имѣлъ случай познакомиться съ Петромъ Андреевичемъ, именно въ роли актера, когда онъ былъ приглашенъ режиссировать домашнимъ спектаклемъ въ домѣ Ф. И. Жербина, на Михайловской площади, нынѣ срытомъ.

Самъ всемогущій Николай Павловичъ, покровительствовавшій театру и очень любившій остроумныхъ людей, особенно благоволилъ къ Петру Андреевичу, остроты и *bons mots* котораго, какъ пераго остряка и бонмотиста, ходили по Петербургу.

Николай Павловичъ часто выходилъ за кулисы и призывалъ къ себѣ прославленнаго остроумца. Положеніе было въ высокой степени затруднительное: съ одной стороны, надо было блеснуть остроуміемъ и потѣшить всемогущаго человѣка, съ другой—не перейти извѣстной грани и не заслужить гнѣва человѣка очень щепетильнаго, тогда какъ скользкій путь настоящаго остроумца: «для краснаго словца не жалѣть и отца».

И между тѣмъ Каратыгинъ постоянно выходилъ побѣдителемъ изъ самыхъ трудныхъ положеній.

Изъ множества ходившихъ по Петербургу каратыгинскихъ остротъ, частью принадлежащихъ дѣйствительно ему, Каратыгину, частью, какъ это бываетъ всегда, приписываемыхъ извѣстному остроумцу, приведу остроту, слышанную мною изъ устъ самого Каратыгина, т.-е. имъ удостовѣренную, свидѣтельствующую о необычайной находчивости прославленнаго остряка.

Извѣстно, что богатый русскій языкъ, именно благодаря своему богатству, не такъ легко поддается остротамъ и разнымъ *bons mots*, какъ сравнительно бѣдный языкъ французскій, въ которомъ иногда одно слово, только иначе написанное, выражаетъ семь различныхъ понятій, что способствуетъ острякамъ жонглировать однимъ словомъ въ разныхъ смыслахъ. И тѣмъ не менѣе въ дореформенное время, подъ вліяніемъ французской культуры, многіе сытые русскіе люди крѣпостнаго права наполняли свой досугъ изощреніемъ въ остроуміи: остряки, поэтому, среди дворянъ не переводились, не Богъ знаетъ какіе, но все же остряки. Выдѣлялся своимъ остроуміемъ и великій князь Михаилъ Павловичъ, гроза всего петербургскаго гарнизона и вмѣстѣ добрѣйшій человѣкъ, готовый итти на помощь всякой нуждѣ.

Разъ Николай Павловичъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, идетъ въ антрактѣ за кулисы и заводитъ разговоръ съ П. А. Каратыгинимъ. Пользуясь веселымъ настроеніемъ государя, Михаилъ Павловичъ бросаетъ какую-то остроту. Государь смѣется и говоритъ:

— Слышишь, Каратыгинъ? Братъ у тебя хлѣбъ отбиваетъ.

— Я не въ претензіи, ваше величество, — безъ малѣйшей запинки подхватываетъ находчивый острякъ: — лишь бы соль при мнѣ осталась.

Я говорилъ уже, что Петръ Андреевичъ прекрасно владѣлъ стихомъ, легкимъ, не вымученнымъ, воздушнымъ.

Въ началѣ Севастопольской войны, среди всеобщаго патриотическаго подъема, появилось много виршей на тему предстоявшей борьбы, но изъ всѣхъ выдѣлялись стихи Петра Андреевича, хорошо сохранившіеся въ моей памяти. Вотъ ихъ начало:

«Вотъ въ воинственномъ азартѣ
Воевода Пальмерстонъ
Поражаетъ Русь на картѣ
Указательнымъ перстомъ.
Вдохновленъ его отвагой,
И французъ за нимъ туда жь:
Машетъ дядюшкиной шпагой,
И кричитъ: *allons, courage!*
Полно, братцы, на смѣхъ свѣту
Не остаться бѣ въ дуракахъ,
Мы видали шпагу эту
И не въ этакихъ рукахъ.
Если дядюшка безславно
Изъ Руси вернулся вспять,
То племяннику подавно
И вдали не сдобровать... и т. д.

Въ свое время большой репутаціей пользовалось также произведение блестящаго остроумія П. А. Каратыгина, появившееся въ рукописяхъ подъ заглавіемъ: «Споръ», конецъ котораго, особенно забавный и нисколько не безнравственный, неудобенъ, однако, для печати; но и безъ забавнаго конца игра словами «Спора» дышитъ такимъ неподдѣльнымъ мастерствомъ и веселостью, что хотя начало его заслуживаетъ быть воспроизведеннымъ въ томъ видѣ, въ какомъ сохранила его, когда-то хорошая, моя память. Вотъ оно:

СПОРЪ.

Однажды, въ древности съдой,
Въ началѣ вѣка,
О первенствѣ между собой
Заспорили всѣ члены челоуѣка.
— Никто не отобьетъ мои права—
Кричала громко голова.
Я старше всѣхъ, природа такъ рѣшила
И потому меня высоко помѣстила.
Во мнѣ престоль души,
Во мнѣ и взоръ, и слухъ, и обонянье,
Даръ слова. Все покорствуеетъ уму—
На мнѣ лежитъ вѣнецъ созданья.

Во мнѣ все родилось:
 Художество, искусства и науки.
 — Нѣтъ, голова, стой, не задирай высоко носъ,—
 Кричатъ обиженные руки.
 Безъ насъ не сдѣлала бѣ ты ничего во вѣкъ:
 Все, все у насъ въ рукахъ—
 Руками все берется.
 И что такое человѣкъ,
 Когда отъ рукъ онъ отобьется?
 Куда ни оглянись вокругъ,
 Все—дѣло человѣчьихъ рукъ.
 — А мы то что жъ?—вскричали ноги.—
 Вы насъ не ставите и въ грошъ,
 А вѣдь безъ насъ далеко не уйдешь.
 Намъ дайте мѣсто,—прочь съ дороги.
 Какъ, напримѣръ, войскамъ безъ ногъ маршировать?
 Или въ балетѣ танцовать?
 Не будь-ка насъ, такъ вы увидѣли бы сами,
 На свѣтѣ все пошло бы вверхъ ногами.
 — Пойдите. Споръ у васъ идетъ о пустякахъ—
 Тутъ сердце вскрикнуло въ сердцахъ—
 Мнѣ, мнѣ отдайте предпочтеніе!
 Я двигатель всего безъ исключенія,
 Во мнѣ одномъ душа и животворный жаръ,
 Всей крови я резервуаръ.
 Во мнѣ огонь любви. При мнѣ молчитъ разумокъ!
 — А я то что жъ?—вдругъ заворчалъ желудокъ.—
 Нѣтъ, это мнѣ не по нутру...
 — Пойди-ка, куманекъ. Вотъ я имъ носъ утру—
 Вскричала кумушка сосѣдка...

Забавный конецъ, какъ сказано, для печати не вполне удобенъ. Но и безъ смѣшного конца нельзя не признать въ приведенной шуткѣ очень мѣткого жонглированія словами и выраженіями, мѣткого и не вымученнаго.

Изъ другихъ сценическихъ дѣятелей того времени остались въ памяти двѣ сестры Самойловы: Вѣра, младшая, мать Вѣры Аркадьевны Мичуриной, пробывшая на сценѣ недолго и вышедшая замужъ за полковника Мичуринъ, была красивая, изящная, тонкая актриса, несравненная *grande dame*, но въ драматическихъ роляхъ отдававшая нѣсколько холодкомъ, отсутствіемъ темперамента, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, тогдашніе цѣнители ее упрекали; другая—старшая сестра—Надежда была положительно несравненной водевильной актрисой; она не была красива, даже, пожалуй, была некрасива, но, полная необычайнаго оживленія, веселости и граціи, она положительно увлекала зрителя, чему способствовали также прекрасный голосъ и умѣніе пѣть, а пѣніемъ въ былыя времена сопровождался всякій водевиль. Въ роли, напримѣръ, «Дочери второго полка», гдѣ Надежда Самойлова и пѣла, и маршировала, и барабанила, она, въ полномъ смыслѣ слова,

была увлекательна. Вскорѣ за сестрой и она сошла со сцены, выйдя замужъ за Макшеева и не оставивъ преемницы своего несравненнаго сценическаго оживленія. Хорошей водевильной актрисой была также Жулева, но, несмотря на красоту и недурной голосокъ, она далеко не могла увлечь зрителя такъ, какъ несравненная Надежда Самойлова.

Что касается Вѣры Самойловой, то ее съ успѣхомъ замѣнила молоденькая, граціозная, красивая, оживленная, полная темперамента Читау. Мы всѣ, юнцы театралы, были немножко влюблены въ нее, а одинъ товарищъ брата, воспитанникъ института путей сообщенія, написалъ даже «жестокою» драму изъ рыцарскихъ временъ, которую преподнесъ предмету своего обожанія—молоденькой актрисѣ. Но и она пробыла на сценѣ очень недолго—два-три года, и вышла замужъ за губернскаго предводителя дворянства Огарева.

Когда же, двадцать лѣтъ спустя, вслѣдствіе разоренія мужа, Читау вновь поступила на сцену, то ее положительно нельзя было узнать: откуда-то появились манерность, подчеркиванье, крайняя неестественность и полное отсутствіе того искренняго увлеченія, которымъ заражала зрителя молоденькая дѣвушка, Читау. Я, по крайней мѣрѣ, насколько восхищался Читау дѣвушкой, настолько же не могъ переносить манерность игры сорокалѣтней женщины.

Цѣлый рядъ актеровъ и актрисъ проходитъ въ моемъ воображеніи: Самойловъ, Мартыновъ, Павелъ Васильевъ, Снѣткова 3-я, Брошель, Владимирова, Струйская, несравненная Линская, такіе московскіе корифеи, какъ Щепкинъ, Шумскій, Самаринъ, Сергѣй Васильевъ, Медвѣдева, Васильева, Колосова, Акимова. Но все это актеры сравнительно недавняго времени, которыхъ видѣли и помнятъ многіе, почему обрисовку ихъ, какъ и артистовъ современныхъ и ближайшаго къ намъ времени, оставляю до другого раза и временно вновь возвращусь къ воспоминаніямъ ранней юности.

III.

Г. П. Кондратьевъ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго столѣтія наша церковь—Павловскаго кадетскаго корпуса—была въ большой модѣ.

Ее посѣщали люди, особенно дамы, очень хорошаго общества, и преждеосвященныя обѣдни въ Великомъ посту привлекали не только солидныхъ нарядныхъ дамъ, но и оживленные красивыя личики дѣвушекъ, что доставляло намъ, кадетамъ старшаго возраста, не мало развлеченія. Помню, въ одну изъ посѣтительницъ я даже влюбился немного. Какъ юноша предприимчивыѣ, выслѣдилъ ея

квартиру и даже, подь какимъ-то глупѣйшимъ предлогомъ, предсталъ предъ дамой моего сердца въ ея домашней обстановкѣ.

Она, хотя и замѣтила меня, какъ фельдфебеля старшей, «гренадерской» роты, пристально на нее посматривавшаго, хотя и вскидывала на меня свои красивые глазки, но, увидѣвъ глупаго юнца, достаточно предприимчиваго, чтобы вторгнуться въ квартиру ея старшей сестры, молодой вдовушки, съ которою жила, переконфузилась въ копецъ.

Тѣмъ не менѣе я былъ приглашенъ садиться, но старшая сестра какъ-то странно улыбалась. Я почувствовалъ всю неловкость своего положенія, всю глупость повода, который до вторженія казался мнѣ прекрасно придуманнымъ, а тутъ вдругъ поразилъ своею глупостью. Самолюбіе ударило въ голову и выразилось той мукой юности, проявленіемъ той несносной способности краснѣть, которую такъ проклинаетъ молодость и о потерѣ которой еще больше сожалѣть старость, старость, лишенная этого драгоценнаго дара. О, молодость, молодость, если бы она сознавала, какъ внезапно разливающейся румянецъ украшаетъ лицо юности!

Я поспѣшилъ удалиться, упрекая себя въ содѣянной глупости. Понялъ, что меня обѣ сестры должны признать за совершеннаго болвана. Самолюбіе было оскорблено, и я сразу вылечился отъ влюбленности. Кстати же, это произошло уже на Святой, и хотя по воскресеньямъ сестры посѣщали еще нашу церковь, но по праздникамъ я уходилъ въ отпускъ и только разъ встрѣтился съ красавицей, которая вскинула на меня недоумѣвающей взглядъ. Я поклонился и поспѣшилъ обратиться въ бѣгство, а черезъ два мѣсяца былъ произведенъ въ офицеры и уѣхалъ изъ Петербурга.

Тѣмъ моя влюбленность, влюбленность 17—18-лѣтняго юноши и завершилась.

Причина, почему нашу церковь стало посѣщать хорошее общество, заключалась въ превосходномъ пѣвчѣ кадета, руководимыхъ исключительно талантливымъ регентомъ, также кадетомъ. Этимъ регентомъ былъ Кондратьевъ, впоследствии пѣвецъ императорской сцены, а затѣмъ полномостный режиссеръ русской оперы.

Кондратьевъ отличался необыкновенной любовью къ своему дѣлу. И, дѣйствительно, сдѣлалъ изъ кадетскаго хора чудеса.

Его родители обладали кое-какими средствами, очень небольшими, какъ я узналъ впоследствии, но посылали ему достаточно деньжонокъ для того, чтобы онъ имѣлъ возможность угощать пѣвчихъ, особенно своихъ любимцевъ, и слѣть въ корпусѣ богачомъ. Особенно баловалъ онъ одного красавчика-мальчика Кольбе, обладавшаго поразительнымъ дискантомъ, и это баловство казалось всѣмъ намъ просто подозрительнымъ. Вообще между нами, кадетами, ходили плохіе слухи относительно нравственности пѣвчихъ. Говорили, что и попивали они и вообще вели себя не Богъ знаетъ

«истор. вѣстн.», май 1916 г., т. сxl.

какъ, пользуясь репетиціями-спѣвками въ отдаленныхъ помѣщеніяхъ. Быть можетъ, дурная слава имѣла и мало оснований, но фактъ былъ тотъ, что пѣвчіе вообще учились плоховато и выдающихся учениковъ между ними не было, быть можетъ, оттого, что самыя спѣвки отнимали много времени, а можетъ быть, и по той причинѣ, что, увлеченные пѣніемъ, пѣвчіе теряли вкусъ къ занятіямъ болѣе серьезнымъ и часто скучнымъ.

Самъ Кондратьевъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный, въ чемъ я особенно убѣдился впоследствии, при близкомъ съ нимъ знакомствѣ, дотянулъ только до арміи, т. е. до третьяго разряда выпускныхъ послѣдняго класса: лучшіе ученики выходили въ гвардію, средніе—въ артиллерію и саперы, а послѣдніе—въ армію.

Кондратьевъ вышелъ въ армейскій кирасирскій полкъ, дѣтъ за пять до моего выпуска, но записка, данная имъ хору пѣвчихъ, была такъ сильна, что и при выпускѣ моемъ хоръ нашихъ пѣвчихъ былъ превосходенъ и отличался въ хорошую сторону отъ всѣхъ другихъ кадетскихъ хоровъ.

Между кадетами были дѣти и юноши съ хорошими голосами, а одинъ, Базинъ, обладалъ удивительнымъ по красотѣ, силѣ и обаянію, высокимъ басомъ. Могу сравнить этотъ голосъ развѣ только съ бархатнымъ басомъ Багаджиоло—баса, подобнаго которому, по красотѣ звука, не слыхалъ во всю свою жизнь, не исключая даже и Шаляпина. Что съ нимъ, съ Базинымъ, стало—Богъ вѣсть, но если бы онъ пошелъ по своей настоящей дорогѣ, онъ, несомнѣнно, сдѣлался бы міровой извѣстностью.

У самого Кондратьева голосъ былъ, напротивъ, далеко неважный. Говорили даже, что у него совсѣмъ не было голоса. Увлеченный своими регентскими обязанностями, онъ, показывая мальчикамъ, пѣлъ и дискантомъ, и альтомъ, и теноромъ, и басомъ. Разумѣется, это отражалось на голосовыхъ связкахъ, и Кондратьева товарищи считали удивительнымъ регентомъ, но совсѣмъ безголосымъ.

Велико поэтому было мое удивленіе, когда газеты начали говорить, что въ Италіи входитъ въ славу нашъ бывшій кирасирскій офицеръ Кондратьевъ, обладатель прекраснаго высокаго баса.

Страсть къ пѣнію заставила Кондратьева бросить свой кирасирскій мундиръ и ѣхать учиться въ Италію. Тамъ онъ встрѣтился съ Коммиссаржевскимъ (отцомъ Вѣры Федоровны), впоследствии извѣстнымъ теноромъ, и они начали учиться, жить и, частью, бѣдовать вмѣстѣ, о чемъ любили вспоминать впоследствии. Вмѣстѣ, кажется, пріѣхали и въ Россію.

Коммиссаржевскій сразу обворожилъ всѣхъ умнѣемъ пѣть, прекрасной игрой, красивой наружностью и, частью, конечно, красивымъ голосомъ. Кондратьевъ также имѣлъ большой успѣхъ.

Увидѣвъ его въ первый разъ на сценѣ въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, я былъ совсѣмъ пораженъ: вмѣсто козлиного, какъ мы называли голосъ его въ корпусѣ, я услышалъ высокій басъ, или, пожалуй, низкій баритонъ, не Богъ знаетъ какой красоты звука, но хорошо поставленный и по силѣ вполне отвѣчавшій неблагопріятнымъ условіямъ тогдашней Маринской сцены.

Думая, что онъ, выходявшій изъ корпуса въ то время, когда я былъ еще малышомъ, не помнитъ меня, я, встрѣчаясь иногда въ антрактахъ въ залѣ русской оперы, не подходилъ къ нему, но кто-то, не помню, насъ познакомилъ. Кондратьевъ сказалъ, что хорошо помнитъ меня, какъ мальчика, но что, конечно, не узналъ бы меня теперь, и, на правахъ однокашника, сразу началъ мнѣ говорить ты.

Тѣмъ, однако, знакомство и ограничилось. Встрѣчались еще нѣсколько разъ, здоровались на «ты» и расходились.

IV.

Встрѣчи въ Берлинѣ.

Въ 1869 году я былъ посланъ отъ академіи генеральнаго штаба за границу для знакомства съ прусскою и французскою арміями.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, горячо отдался возложенной на меня задачѣ,—что составитъ предметъ отдѣльнаго очерка,—и порядочно скучалъ.

Днемъ ѣдешь по казармамъ, по ученьямъ, дѣлаешь официальные визиты, вечеромъ запишешь вкратцѣ видѣнное, а подѣлится живымъ словомъ—не съ кѣмъ.

Скукъ способствовало и плохое знаніе нѣмецкаго языка и нелюбовь къ нѣмцамъ вообще, какъ результатъ бываго патріотическаго настроенія кадетъ того времени,—настроенія, переходившаго далеко за предѣлы корпусныхъ стѣнъ.

И вотъ, однажды, ѣду я въ формѣ подполковника генеральнаго штаба съ полуофициальнаго обѣда, на который пригласилъ меня майоръ прусскаго генеральнаго штаба баронъ Меергеймъ—ѣду по Тиргартенштрассе и вдругъ вижу Кондратьева въ обществѣ трехъ дамъ.

Не имѣть возможности перекинуться съ кѣмъ-либо русскимъ словомъ, побесѣдовать отъ сердца внѣ официальныхъ отношеній съ прусскимъ военнымъ міромъ, при экспансивности моей натуры, было просто тяжело, почти невыносимо. Я страшно поэтому обрадовался, остановилъ извозчика и на ходу выскочилъ изъ экипажа.

Радостное оживленіе сообщилось и Кондратьеву и его дамамъ, которыя въ Берлинѣ тоже, повидимому, скучали.

Дамы были: жена Кондратьева, Марія Михайловна, дочь моего бывшего учителя словесности Михаила Борисовича Чистякова, другая — ея сестра — форменная красавица, Елизавета Михайловна, впоследствии довольно известный профессоръ пѣнія, третья — грѣвшая тогда пѣвица Елизавета Андреевна Лавровская.

Радость встрѣчи съ русскими, да еще съ такою красавицей, какъ Елизавета Михайловна, которую почему-то, быть можетъ, благодаря ея высокому росту, я принялъ сначала за вдовушку, сдѣлала то, что бесѣда сразу приняла самый оживленный характеръ; скучающія дамы оживились, еще больше оживился я, и мы условились черезъ полчаса (необходимыхъ для переодѣванія въ статское платье) встрѣтиться «Подъ Липами» въ какой-то кондитерской.

Въ кондитерской сближеніе послѣдовало еще скорѣе. Кондратьевъ оказался собесѣдникомъ въ высшей степени остроумнымъ, я тоже за словомъ въ карманъ не лазилъ, чему особенно способствовало присутствіе двадцатипятилѣтней красавицы, въ которую, принимая за вдову, едва было не влюбился, несмотря на то, что только три недѣли назадъ оставилъ въ Петербургѣ молодую любимую жену. И только, когда узналъ, что величественная красавица, несмотря на свои двадцать пять лѣтъ, еще дѣвушка, рѣшилъ справиться съ своей дурью, и влюбленность перешла въ дружескія отношенія, съ хранившіяся, какъ и съ сестрой ея, М. М. Кондратьевой, на десятки лѣтъ.

Сознаюсь въ своей вѣтрености. Смягчающимъ обстоятельствомъ можетъ служить развѣ то, что Елизавета Михайловна была дѣйствительно очень красива, красива до такой степени, что одинъ изъ прусскихъ офицеровъ, палившихъ на нее свои глаза, явился въ гостиницу и, прося позволенія познакомиться, прислалъ свою карточку, на которой было изображено: лейтенантъ такой-то *erste Regiment zu Fuss* (1-го пѣхотнаго полка). Онъ явился. Былъ очень корректенъ и на слѣдующій день сдѣлалъ предложеніе. Она, разумѣется, отказала, а мы долго дразнили ее тѣмъ, что плѣнила нѣмецкаго «пуфуску»

Тогда же поразила меня Лавровская. Я хорошо зналъ ее по спенѣ и былъ горячимъ ея поклонникомъ. Что она была некрасива, — это знали всѣ, но помимо отсутствія красоты я увидѣлъ крайне застѣнчивое существо, съ неловкими, пожалуй, неуклюжими манерами, скромное до преувеличенія.

«Господи, — думалось мнѣ: — да неужели же это тотъ самый Ратмиръ, съ изящными движеніями, красивымъ жестомъ, Ратмиръ, обаятельный не только по несравненному голосу, но по красотѣ всего его облика, дѣлавшаго даже неправильныя черты лица привлекательными!»

Такова сила таланта.

Да, дѣйствительно. Эта некрасивая, застѣнчивая, неловкая дѣвушка преобразалась на сценѣ какимъ-то волшебствомъ въ элегантнаго красавца-юношу. Кстати о Лавровской. Я всегда былъ большимъ меломаномъ,—хотя никогда не былъ знатокомъ музыки,—и за всю свою жизнь не помню голоса до такой степени обаятельнаго, который такъ бы трогалъ, очаровывалъ васъ, какимъ былъ голосъ Лавровской, пока она пѣла на Маріинской сценѣ, пѣла слишкомъ мало для огромнаго своего таланта, къ отчаянію многочисленныхъ его цѣнителей.

По выходѣ замужъ за князя Церетели она почему-то не сошла въ условіяхъ съ дирекціей и поѣхала за границу, гдѣ поступила, между прочимъ, въ ученицы къ знаменитой, печальной для насъ, русскихъ, памяти (Тургеневъ), пѣвицѣ Віардо.

Возвратясь въ Петроградъ, Лавровская объявила свой концертъ. Публика хлынула послушать любимую пѣвицу. Съ трудомъ я достала также билетъ. Но прежней Лавровской уже не было. Это былъ голосъ растянутый, доведенный до колоратуры, съ прекрасными высокими нотами; но все обаяніе голоса, несравненная его сочность и красота звука среднихъ нотъ исчезли. Знаменитая Віардо положительно испортила тотъ несравненный даръ Божій, которымъ въ молодости владѣла и очаровывала Лавровская.

Теперь это извѣстный профессоръ пѣнія, извѣстный, увы, не только какъ прекрасный профессоръ, но въ высшей степени несдержанный, грубый съ ученицами человѣкъ, распустившій себя до того, что, какъ меня увѣряли, позволяетъ себѣ просто драться съ несчастными мученицами, стремящимися къ сценѣ, къ славѣ.

Кондратьевъ такъ же, какъ и Лавровская, крайне удивилъ меня, но удивилъ въ обратную сторону. На сценѣ игра его была груба, не интересна, онъ весь былъ какой-то деревянный; пѣлъ хорошо, несмотря на грубый матеріалъ, лишенный малѣйшаго обаянія, а актеръ былъ совсѣмъ деревянный, съ жесткими, угловатыми манерами и жестами, и нельзя было не подумать, что такъ деревянно (не подберу другого слова, которое лучше бы характеризовало его игру), плохо играть можетъ только человѣкъ неумный.

Въ жизни же онъ оказался, напротивъ, человѣкомъ не только очень умнымъ, но и въ высшей степени остроумнымъ, поразительно способнымъ копировать всякаго, мѣнять голосъ, интонаціи. Однимъ словомъ, слушая его рассказы и закулисныя сцены, передаваемые съ несравненнымъ мастерствомъ, можно было бы поручиться, что на сценѣ онъ—само оживленіе, самъ талантъ. И въ послѣдствіи мнѣ часто случалось встрѣчаться съ подобными аномаліями.

Линская, напริมѣръ, величайшая комическая актриса, какую я когда-либо зналъ, замѣченная даже Ольриджемъ и Рашелью,

ли слова, конечно, не понимавшими по-русски, великая Линская, умѣвшая въ каждой пьесѣ давать комическую старуху своего особеннаго типа и способная въ то же время изображать лица трагической складки, какъ въ «Грозѣ»,—эта самая Линская въ жизни была, какъ говорятъ, дура душой. И я лично, встрѣтясь съ ней у тогдашней премьерши Александринской сцены Е. В. Владимировой, не могъ прійти въ себя отъ изумленія и отъ комическаго впечатлѣнія, произведеннаго на меня манерами и разговоромъ той самой Линской, которую, по разнообразію таланта и по уму, проявляемому ею въ обрисовкѣ каждой роли, я считалъ человѣкомъ ума самаго выдающаго.

Да, умъ и талантъ далеко не синонимы и очень часто идутъ не объ руку другъ съ другомъ.

Возвращаюсь къ разсказу.

V.

Кондратьевскіе четверги и Александръ Николаевичъ Сѣровъ.

Сближеніе съ Кондратьевымъ и его семьей въ Берлинѣ продолжалось и въ Петербургѣ. Мы познакомили нашихъ женъ, и я сталъ постояннымъ посѣтителемъ кондратьевскихъ четверговъ.

Это были положительно самые интересные журфиксы, какіе встрѣчались мнѣ въ жизни.

Кондратьевъ, къ тому времени, оставаясь пѣвцомъ, былъ назначенъ режиссеромъ труппы и, какъ человѣкъ умный, умѣлъ прекрасно себя поставить какъ въ отношеніи директора театровъ (Всеволожскій положительно дѣлалъ все, что только угодно было Кондратьеву), такъ и въ отношеніи артистовъ.

Со всѣми выдающимися товарищами по сценѣ онъ былъ на ты, на совершенно товарищеской ногѣ, но всѣ они, повидимому, признавали его авторитетъ, какъ человѣка выдающагося ума, притомъ знатока дѣла, и съ большимъ удовольствіемъ являлись постоянными посѣтителями его четверговъ, отличавшихся самымъ искреннимъ радушіемъ и привѣтливостью хозяевъ.

Картъ не было и въ заводѣ. Велись оживленныя бесѣды, пѣвцы и пѣвицы пѣли, иногда читали литераторы, разсказывали актеры, и вечеръ заканчивался обильнымъ вкуснымъ ужиномъ при всеобщемъ оживленіи.

Достаточно сказать, что постоянными гостями были: Мельниковъ, Коммиссаржевскій, Платонова, иногда Лавровская, Павелъ Васильевъ (извѣстный комикъ серьезнаго типа, игравшій, однако, и Ивана Грознаго, и Краснова), часто Горбуновъ, наконецъ, Николай Николаевичъ Ге и Александръ Николаевичъ Сѣровъ, не пропускавшіе ни одного почти четверга.

И какъ-то сразу особенно подпалъ подъ обаяніе этихъ двухъ личностей. И мы составили маленькій триумвиратъ.

Я былъ гораздо моложе ихъ. Оба они были несравненно меня содержательнѣе, по оттого ли, что я былъ самымъ жаднымъ слушателемъ, или ужъ не знаю, по какимъ другимъ причинамъ, но оба они относились ко мнѣ въ высокой степени внимательно и, если я запаздывалъ, явно выражали свою радость при моемъ появленіи. Оба они были люди въ высокой степени симпатичные, и, несмотря на то, что оба были тогда въ апогеѣ своей, если не славы, то крупной извѣстности, какъ люди, несомнѣнно, очень умные и воспитанные, нисколько не давали никому этого чувствовать.

Оба они отличались при этомъ подкупающимъ благородствомъ. Такъ, помню, послѣ перваго представленія «Анжелло», оперы Цезаря Кюн, всѣ мы, прямо послѣ спектакля, отправились ужинать къ Кондратьеву. На ужинѣ присутствовали всѣ исполнители «Анжелло». Былъ также и Сѣровъ, приходившій послушать оперу своего музыкальнаго, если не врага, то неутомимаго противника, въ своихъ критическихъ статьяхъ безпощадно относившагося къ Сѣрову.

Опера вообще не понравилась, несмотря на участіе въ главной роли такого удивительнаго пѣвца, какъ Мельниковъ, и почти всѣ частью неодобрительно, а частью съ насмѣшкою отзывались какъ объ «Анжелло», такъ и о «Ратклифѣ»—оперѣ Кюн, предшествовавшей «Анжелло». Тогда поднялся Сѣровъ.

— Господа,—говорилъ онъ:—я съ вами не согласенъ.—«Анжелло», какъ и «Ратклифъ», быть можетъ, не музыкальныя драмы, онѣ, быть можетъ, не удовлетворяютъ условіямъ, которыя мы въ правѣ требовать отъ оперы, но музыка въ нихъ хорошая, не лишняя большихъ музыкальныхъ красотъ.

Такое благородство въ отношеніи къ противнику и даже врагу меня совсѣмъ покорило, и до сихъ поръ стоитъ предъ мною этотъ небольшого роста человѣкъ съ закинутыми назадъ сѣдыми волосами, съ горячей рѣчью и съ типичнымъ внѣшнимъ обликомъ художника-артиста.

Въ то время онъ писалъ «Вражью силу». «Юдишь» же и «Рогнѣда» уже были обычными операми репертуара.

Въ «Рогнѣдѣ» прекрасно исполнялъ роль странника, требующую только пѣнія, а не игры, самъ Кондратьевъ, онъ любилъ эту роль, и «Рогнѣда» шла довольно часто. Гораздо рѣже шла «Юдишь», и рѣже потому, что требовала двухъ исключительныхъ исполнителей. Не помню, кто была первой Юдишью, кажется, это была Біанки, но совершенно опредѣленно вижу передъ собой и слышу въ этой роли Меньшикову, которую немного зналъ лично — артистку съ огромнымъ голосомъ обширнаго регистра и въ жизни женщину очень умную, остроумную и большого весельчака.

Что касается Олоферна, то первымъ исполнителемъ его былъ Саріоти, обладатель великолѣпнаго, могучаго баса и прекрасный актеръ. Онъ давалъ превосходный образъ Олоферна. Конечно, какъ игра его, такъ и речитативы уступали необычайно обдуманной и вдохновенной игрѣ, такъ же какъ сочности речитативовъ, которые даетъ намъ Шаляпинъ, но по силѣ голоса послѣдній, безъ сомнѣнія, не можетъ быть поставленъ въ уровень съ покойнымъ Саріоти; смѣю замѣтить при этомъ, что знаменитая пѣсня Олоферна «Знойною степью идемъ» далеко не производитъ у Шаляпина того впечатлѣнія, какое производила не только въ исполненіи Саріоти, но, пожалуй, даже и Корсова.

Это происходитъ, впрочемъ, быть можетъ, оттого, что предъущія сцены Шаляпинъ ведетъ необыкновенно ярко и, пожалуй, этой яркостью затѣняетъ могучую силу пѣсни. Меня, впрочемъ, воспитаннаго на традиціяхъ былого времени, очень огорчило и то, что Шаляпинъ не захотѣлъ повторить пѣсни, несмотря на упорные крики «bis». И, право, при огромномъ сценическомъ его дарованіи онъ сумѣлъ бы устроить повтореніе такъ, что это нисколько не повредило бы ходу драмы, какъ это и дѣлаетъ постоянно Собиновъ въ «Онѣгинѣ», въ сценѣ дуэли.

Я уже говорилъ, что А. Н. Сѣровъ работалъ въ то время, о которомъ пишу, надъ новой своей оперой «Вражья сила».

Сюжетъ оперы взятъ, какъ извѣстно, изъ пьесы Островскаго «Не такъ живи, какъ хочется, а такъ, какъ Богъ велитъ». Только конецъ А. Н. Сѣровъ передѣлалъ: у Островскаго Петръ слышитъ церковный звонъ, и этотъ звонъ его отрезвляетъ; опера же кончается убійствомъ.

Когда Сѣровъ говорилъ о предположенномъ имъ измѣненіи сюжета комедіи Островскаго и я спросилъ его, зачѣмъ онъ хочетъ это сдѣлать, тѣмъ болѣе, что звонъ колокола казался мнѣ, профану, хорошей темой для музыканта, А. Н. Сѣровъ отвѣчалъ, что такъ кончить, кончить по Островскому, значило бы кончить ничѣмъ: драма назрѣвала и должна была привести къ трагическому концу, а иначе «зачѣмъ бы было и огородъ городить»,— закончилъ композиторъ извѣстной русской пословицей.

И онъ, конечно, былъ правъ. Иначе конецъ напоминалъ бы французскія пьесы съ любимымъ французами благополучнымъ окончаніемъ: дѣйствіе развивается при такихъ угрожающихъ симптомахъ, что трагическій исходъ кажется неизбѣжнымъ, и тѣмъ не менѣе все распутывается къ общему удовольствію и благополучію.

Въ другую крайность впадаютъ русскіе драматурги, считающіе обязанностью кончить пьесу если не нѣсколькими смертями, то, по крайней мѣрѣ, одного изъ дѣйствующихъ лицъ застрѣлить, отравить или повѣсить. Изъ двухъ крайностей, для пьесъ дюжин-

ныхъ, каюсь, я лично предпочитаю окончанія благополучныя: уходишь изъ театра по крайней мѣрѣ безъ тяжелаго осадка на душѣ; но для серьезной музыкальной драмы окончаніе «Вражьей силы», принятое А. Н. Сѣровымъ, свидѣтельствуеъ и о большомъ умѣ его, и объ огромномъ художественномъ чутьѣ.

«Вражья сила», какъ извѣстно, была поставлена уже послѣ смерти ея автора, причѣмъ послѣднее дѣйствіе оркестровалъ Римскій-Корсаковъ, да и самая музыка этого дѣйствія, какъ говорятъ, много обязана вдовѣ покойнаго; но сценаріумъ, несомнѣнно, принадлежитъ А. Н. Сѣрову, доказательствомъ чего можетъ служить вышеприведенный разговоръ о томъ, какъ слѣдуетъ окончить оперу.

Я былъ на первомъ представленіи «Вражьей силы». Кондратьевъ оказался очень хорошъ въ грубой роли Петра, не требующей ни тонкой игры, ни изящества исполненія. Прекраснымъ Еремкой показалъ себя Саріоти, совсѣмъ потерявшій къ этому времени свой замѣчательный голосъ. Онъ успѣлъ пропѣть и прожить поразительный даръ, которымъ надѣлилъ его Всевышній, въ какіе-нибудь два-три года, такъ что къ былой, коронной своей роли Олоферна ему нельзя было и близко подойти, но, какъ прекрасный актеръ, онъ сдѣлалъ изъ Еремки яркую, жизненную фигуру.

VI.

Николай Николаевичъ Ге.

Ничего не понимая въ музыкѣ, я, какъ горячій поклонникъ живописи, несравненно болѣе образа Сѣрова сохранилъ въ своей памяти бесѣды и встрѣчи съ Николаемъ Николаевичемъ Ге.

Это былъ человѣкъ свободомыслящій, по тому времени—довольно крайнихъ лѣвыхъ убѣжденій, съ лысиной во всю голову, съ горящими карими глазами и горячей, оживленной рѣчью.

Онъ былъ пріятелемъ Герцена, написалъ его портретъ, какъ и портреты многихъ писателей, которые, какъ онъ говорилъ всегда, поступать послѣ его смерти въ галерею Третьякова. И свое обѣщаніе, повидимому, исполнилъ.

Человѣкъ очень большого ума, европейскаго образованія, много при томъ видѣвшій, онъ былъ въ высшей степени интереснымъ собесѣдникомъ.

Я скажу даже, что, быть можетъ, умъ этого крупнаго художника преобладалъ надъ талантомъ.

И дѣйствительно, каждая картина его непремѣнно умно задумана, разумѣется, кромѣ программной — «Тѣнь Самуила, являющаяся Сауду», за которую онъ получилъ золотую медаль, поѣздку за границу и надъ шаблонностью которой самъ искренно смѣялся.

Какъ человѣкъ очень умный, широко развитой, онъ нисколько не обижался замѣчаниями по поводу его картинъ и даже, напротивъ, вызывалъ ихъ. Помню, напримѣръ, появленіе его картины на сюжетъ—«Моленіе о чашѣ», названной имъ «Исусъ въ саду Геосиманскомъ».

Картина готовилась къ выставкѣ, но выставка не была еще открыта, какъ онъ сказалъ мнѣ, чтобы я приходилъ на другой день въ академію художествъ посмотрѣть картину.

Я пошелъ.

Картина была въ отдѣльной комнатѣ и, разумѣется, не имѣла ничего общаго съ картинами прежнихъ даже очень крупныхъ художниковъ, изображавшихъ «Моленіе о чашѣ».

Какъ извѣстно, слова Спасителя: «Господи, да минуетъ меня чаша сія», трактовались такимъ образомъ: Спаситель стоялъ на колѣняхъ въ молитвенной позѣ, а надъ нимъ въ воздухѣ изображалась чаша.

Ге, какъ реалистъ, какъ человѣкъ очень большого ума, конечно, не могъ написать моленія о чашѣ по общепринятому шаблону и даже назвалъ свою картину не «Моленіемъ о чашѣ», а «Исусъ въ саду Геосиманскомъ».

Передо мною стоялъ этотъ Исусъ, склоняясь на одно колѣно, съ глубокой складкой между бровей, задумчивый, какъ будто колеблющійся. Кругомъ обступили его тысячелѣтніе стволы оливковыхъ деревьевъ, сквозь которые проливался зеленоватый лунный свѣтъ, освѣщая землю, лишнюю всякой растительности.

Лицо Спасителя, Его поза, оригинальность трактованія всѣмъ извѣстнаго сюжета заставляли невольно задуматься.

Въ комнатѣ я былъ абсолютно одинъ, и ничто не мѣшало сосредоточенности мысли.

Не знаю, сколько времени простоялъ я такимъ образомъ, какъ вдругъ услышалъ позади себя веселый, знакомый, оживленный голосъ.

— Ну, что, какъ?—говорилъ Николай Николаевичъ.—Нравится или нѣтъ?

— Конечно, хорошо,—отвѣчалъ я.

— Хорошо—этого мало. Вы скажите опредѣленнѣе ваше мнѣніе.

— Да я вамъ уже сказалъ его.

— Да нѣтъ, этого мало. Я хочу слышать ваше мнѣніе не такое односложное. Вѣдь не даромъ же вы простояли столько времени надъ картиной и не слышали даже, какъ я вошелъ въ комнату, а я, пожалуй, минутъ десять ждалъ, когда вы отойдете отъ картины. Ну, говорите же прямо. Недостатки, конечно, находите, ну, говорите, какіе?—прямо, откровенно говорите.

— Полноте, Николай Николаевичъ, за кого же вы меня при-

нимаете, если полагаете, что я, профанъ, буду дѣлать замѣчанія о картинахъ такому художнику, какъ вы. Если бѣ я самъ былъ художникомъ, тогда еще, пожалуй.

— Вотъ тогда-то я и не спросилъ бы вашего мнѣнія. Художники судять обыкновенно съ точки зрѣнія своего ремесла. Стараются подловить васъ на деталяхъ. Въ прелестной картинѣ Саврасова, на примѣръ, «Грачи прилетѣли», имъ нѣтъ дѣла до прелести картины, до силы впечатлѣнія, которую она даетъ, а вотъ—тѣнь отъ забора, видите ли, неправильно положена. Онъ только это и замѣтилъ въ картинѣ. Мнѣ дорого и нужно мнѣніе не ремесленника, а интеллигентной, образованной публики. И вотъ—извольте говорить, что вы думали, стоя столько времени надъ картиной?

— Ну, думалъ, разумѣется, что сюжетъ вы трактуете очень оригинально и интересно, реально, и что послѣ вашего «Исуса въ саду Геосиманскомъ» «Моленіе о чашѣ» Бруни, хотя прекрасно написанное, можетъ казаться нѣсколько забавнымъ.

— Ну, а еще что же?

— Лицо Спасителя очень интересно, заставляетъ задуматься, наводитъ на мысли.

— Лицо вамъ нравится, значить, не весь Спаситель нравится вамъ. Ну, говорите, что не нравится?

Я попробовалъ было еще разъ избавить себя отъ неловкаго положенія—явиться судьей такого умнаго человѣка и первокласснаго художника, какъ Николай Николаевичъ, но онъ требовалъ такъ настоятельно, что пришлось уступить.

— Извольте,—сдася я.—И вотъ я начну свои замѣчанія именно съ мелочей, именно съ того, въ чемъ вы упрекаете художниковъ. Мнѣ ракурсъ ноги, на которую опирается Спаситель, кажется невѣрнымъ, какъ будто она коротка.

— Ну, нѣтъ, это вы оставьте. Вотъ видите ли,—и Николай Николаевичъ быстро подошелъ къ картинѣ, указалъ на отношеніе ноги къ туловищу и доказалъ, что я несомнѣнно ошибаюсь.—Ну, а еще?—спрашивалъ онъ съ прежнимъ оживленіемъ.

— Еще—пейзажъ мнѣ кажется какимъ-то зимнимъ. Посмотрите—нѣтъ ли одной травки. Земля совсѣмъ мертвая.

— Это тоже оставьте. Оливковый лѣсъ написанъ мною съ натуры съ роши близъ Рима (и онъ сказалъ ея названіе). Въ вѣковыхъ оливковыхъ садахъ всегда такъ: ни одной травки вы не увидите.

— Большое спасибо, Николай Николаевичъ, что вы разъяснили мнѣ оба эти недоумѣнія, ну, а теперь, такъ какъ вы сами меня вызвали, я скажу вамъ мое твердое мнѣніе о Спасителѣ, мнѣніе, отъ котораго не отступлю.

— Ну, ну, говорите,—перебилъ Николай Николаевичъ съ прежнимъ оживленіемъ и настойчивостью.

— Зачѣмъ вы мужика-то такого здороваго сдѣлали? Вѣдь это атлетъ настоящій.

— Сынъ народа!—чуть не закричалъ убѣжденнымъ тономъ Ге.

— Да развѣ сынъ народа непременно долженъ быть мужикомъ здоровеннымъ,—разгорячился и я, входя въ свою роль, подъ впечатлѣніемъ того, что передумалъ, стоя надъ картиной.—Вѣдь это, прежде всего, человѣкъ идеи. Да развѣ народъ—всѣ здоровяки. А Христа ради юродивые, развѣ они не дѣти народа? А посмотрите на нихъ—въ чемъ душа держится. А разные угодники Божіи, а схимники, иноки? Настоящіе иноки, разумѣется, не жирные монахи. А проповѣдники-фанатики—сектанты?—И я съ горячностью, свойственной молодости и живому темпераменту, продолжалъ доказывать первоклассному художнику-реалисту неправильность трактованія имъ интереснѣйшаго сюжета.

Онъ смотрѣлъ на меня съ большимъ удивленіемъ, пробовалъ слабо дѣлать возраженія, но въ концѣ концовъ задумался и послѣ длинной паузы сказалъ:

— Вотъ видите, какъ я былъ правъ, требуя мнѣнія образованной, интеллигентной публики: если бы мы съ вами поговорили объ этомъ ранѣе, я написалъ бы Спасителя иначе.

Передаю этотъ эпизодъ, какъ характеризующій, по моему мнѣнію, широкую терпимость Ге, человѣка дѣйствительно высоко развитого, терпимаго къ чужому мнѣнію, даже если это мнѣніе высказывалось и не специалистомъ и человѣкомъ сравнительно очень молодымъ, — мнѣ было тогда лѣтъ тридцать съ небольшимъ.

Помню еще, какъ въ оживленной бесѣдѣ по поводу его прервосходной картины «Судъ царевича Алексѣя», видя веселое настроеніе Николая Николаевича, говорю ему:

— А знаете, Николай Николаевичъ, вѣдь у вашего царевича Алексѣя на лѣвой рукѣ два большихъ пальца.

— Ну, вотъ, что за вздоръ.

— Да всмотритесь хорошенько, это не я самъ замѣтилъ, а мнѣ указали. Посмотрите. Вѣдь онъ опирается на столъ мизинцемъ? Такъ вѣдь? А мизинецъ этотъ написанъ такъ, что дѣлаетъ впечатлѣніе большого пальца.

Разговоръ этотъ происходилъ не передъ картиной, такъ что провѣрить замѣчаніе нельзя было немедленно, но черезъ нѣсколько дней Николай Николаевичъ встрѣтилъ меня прежде всего фразой:

— А вѣдь палецъ дѣйствительно неловко написанъ.

Не знаю, исправилъ ли онъ палецъ въ повтореніяхъ картины «Судъ царевича Алексѣя», которыхъ онъ, по настойчивымъ заказамъ, сдѣлалъ два или три, но въ первой картинѣ мизинецъ, которымъ опирается Алексѣй на столъ, дѣйствительно производитъ впечатлѣніе большого пальца.

Я сказалъ, что, быть можетъ, умъ Николая Николаевича, пожалуй, даже преобладалъ надъ талантомъ художника.

Помню, по крайней мѣрѣ, нѣсколько портретовъ, написанныхъ имъ очень слабо.

Къ числу такихъ, несомнѣнно, надо отнести портретъ Володи, пятнадцатилѣтняго сына Кондратьевыхъ.

Ге хотѣлъ отблагодарить Марью Михайловну Кондратьеву за радушное гостепрѣимство и написалъ портретъ ея сынишки, но личико мальчика не представляло никакого интереса ни со стороны красоты, ни по выразительности, ни по оригинальности, и вышелъ блѣдный портретикъ кисло улыбающагося мальчугана, сидящаго на диванчикѣ, покрытомъ какой-то малиновой матеріей.

— Что скажете?—спрашивалъ меня Ге.

Я молчалъ.

— Что же молчите? Похожъ?

— Конечно, похожъ. Но я любопытенъ знать, Николай Николаевичъ,—замѣтилъ я шутливымъ тономъ:—какой матеріей покрытъ этотъ диванъ?

— Какой? Малиновой матеріей.

— Малиновой-то—малиновой, но что это? Бархатъ, трипъ, сукно, ситецъ наконецъ?

— Ну, что вы на глупости обращаете вниманіе. Просто малиновая матерія. Вы смотрите на портретъ, на сходство.

— Сходство-то сходствомъ, а все-таки какъ будто матерію-то надо было бы обозначить, какая такая она есть. Аксессуаръ-то, особенно художнику-реалисту, какъ будто не мѣшало бы написать пореальнѣе.

— Пожалуй, что такъ, да времени не было,—закончилъ Николай Николаевичъ, нисколько не разсердясь за шутливый тонъ, которымъ я дѣлалъ вопросы по поводу сорта малиновой матеріи.

Портретъ этотъ доставилъ вскорѣ много слезъ m-me Кондратьевой.

Материнское самолюбіе, какъ извѣстно, сильнѣйшее изъ всѣхъ авторскихъ, побудило ее послать портретъ на выставку. Работа Ге, конечно, была принята, но вскорѣ появился номеръ «Стрекозы» съ обзорѣніемъ выставки, въ которомъ значился «Портретъ работы Н. Н. Ге», изображавшій криворотаго, уродливаго мальчишку и подписанный внизу: «Прелестный ребенокъ».

Мать была поражена въ самое сердце и плакала горячими слезами.

Этотъ Володя былъ премилый мальчикъ, предпочитавшій, между прочимъ, мое пѣніе вокальному искусству всѣхъ знаменитостей и корифеевъ Маринской сцены. А пѣлъ я, уступая его настоятельнымъ просьбамъ, неизмѣнно одну и ту же старинную ямщицкую пѣсню ямщиковъ давно миноваго времени:

Вдоль по Питерской,
 По дороженькѣ,
 По большой ямской,
 Съ колокольчикомъ
 Бдетъ миленькой;
 Самъ на троечкѣ,
 Самъ на троечкѣ
 На вороненькой, и т. д.

Весь секретъ моего успѣха, какъ пѣвца, заключался въ томъ, что, сынъ кавалериста отца и особенно матери, страстной любительницы лошадей, Володя не могъ безъ восторга слышать пѣсню о «троечкѣ, о вороненькой».

Милый Володя, уже юношей, погибъ трагической смертью, очень меня огорчившей, хотя я зналъ его только ребенкомъ.

VII.

Иванъ Федоровичъ Горбуновъ.

Кромѣ пѣнія, четверги Кондратьева часто оживлялись разсказами Ивана Федоровича Горбунова и чтеніемъ разныхъ литературныхъ произведеній.

Горбуновъ приходилъ, обыкновенно, довольно поздно, послѣ театра, къ ужину и не столько разсказывалъ, сколько потѣшалъ нескончаснымъ выполненіемъ роли генерала Дитятина.

Время унесло столько лицъ, слышавшихъ разсказы почтеннаго генерала въ лицѣ несравненнаго Ивана Федоровича, что считаю нужнымъ пояснить, какимъ образомъ эта роль выполнялась.

Обыкновенно за ужиномъ кто-нибудь, обращаясь къ Горбунову, задавалъ ему какой-нибудь вопросъ, касавшійся злобы дня, въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

— Ваше превосходительство, каково вы мнѣнія о женскомъ вопросѣ?

— То-есть какъ о женскомъ вопросѣ?—отвѣчалъ Горбуновъ, принимая тонъ стараго генерала и удивительно мѣняя въ то же время свою физиономію.

— Ну, напримѣръ, о женской эмансипаціи?

И генералъ Дитятинъ отвѣчалъ до такой степени мѣтко, забавно, что все покатывалось со смѣху.

Генералъ Дитятинъ, исполняя свою роль изъ года въ годъ, чуть не изо дня въ день,—потому что Иванъ Федоровичъ, правду сказать, любилъ-таки пображничать, и если я никогда не видалъ его пьянымъ, то почти каждый вечеръ онъ былъ немного «въ градусѣ», «подъ шефеемъ»,—несмотря на такое, почти ежедневное исполненіе роли, умѣлъ сохранить столько оригинальности въ своихъ отвѣтахъ, никогда не повторяясь, что генералъ Дитятинъ сдѣлался

въ высшей степени популярнымъ среди интеллигентнаго и вмѣстѣ веселящагося Петербурга.

Горбунова даже заставили сняться въ военной формѣ, въ генеральскихъ эполетахъ и каскѣ николаевскихъ временъ. Такую фотографію я видѣлъ, между прочимъ, у Анатоля Федоровича Кони, большого почитателя Горбунова, увѣряющаго даже, что у этого непосредственнаго юмориста самой чистой воды сквозь видимый смѣхъ слышались невидимыя слезы, съ чѣмъ я никоимъ образомъ согласиться не могу.

Я зналъ Горбунова хорошо. Для удачныхъ и интересныхъ импровизаций при выполненіи роли генерала Дитятинна требовалось непремѣнно задавать ему вопросы съ достаточнымъ тактомъ, оживленіемъ и находчивостью, чтобы получались мѣткіе, интересные отвѣты. И вотъ на меня часто возлагали роль такого «вопрошателя». Это послужило поводомъ къ сближенію; мы сдѣлались пріятелями и при встрѣчахъ, по тогдашнему актерскому обычаю, почти всегда цѣловались.

Последній разъ, уже слыша о его болѣзни, встрѣтилъ Ивана Федоровича въ конторѣ Императорскихъ театровъ, сильно похудѣвшимъ, осунувшимся.

— Ну, какъ—«можешь ли?»—спрашиваю его извѣстной фразой изъ разговора его двухъ встрѣтившихся старухъ.

— Плохо,—отвѣчалъ онъ и передалъ подробности болѣзни.

— Ну, а насчетъ напитку какъ? Не дозволяютъ, небось?

— Да, стаканчикъ красненькаго, не больше, приказано.

— Значитъ, какъ госпожа Патти подносила господину Канцелярין (Кальцолари, извѣстный пѣвецъ) стаканчикъ красненькаго? ¹⁾

— Да, ужъ подобно тому,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ.

Черезъ полгода онъ скончался.

И, право, тому Петербургу, интеллигентному и веселящемуся, бесѣды котораго такъ оживляли своимъ присутствіемъ и несравненнымъ юморомъ Иванъ Федоровичъ, этотъ самобытный талантъ, слѣдовало бы, если не поставить памятника, то выразить чѣмъ-нибудь, устроить что-нибудь незабываемое, чтобы имя этого чело-вѣка не слишкомъ скоро упало въ бездну забвенія.

Справедливость требуетъ сказать, однако, что Иванъ Федоровичъ Горбуновъ, несравненный рассказчикъ, творецъ особаго жанра въ этомъ родѣ, чело-вѣкъ необычайной наблюдательности, подмѣчавшій нюансы, отбѣнки, самые мелкіе, но характерные, ускользавшіе отъ вниманія людей обыкновенныхъ, чело-вѣкъ способностей прямо-таки творческихъ, былъ актеромъ крайне посредственнымъ, пожалуй, даже плохимъ и изъ всего его об-

¹⁾ Изъ извѣстнаго разсказа Горбунова «Травіата».

ширнаго репертуара можно назвать только двѣ-три роли, въ которыхъ онъ былъ положительно хорошъ, какъ, напримѣръ, въ «Не все коту масленица», да въ «Грозѣ»—Кудряша.

Божій даръ—свою огромную наблюдательность—Горбуновъ не закапывалъ, однако, въ землю, а съ любовью культивировалъ.

Помню забавную сцену, какъ Горбуновъ съ Коммиссаржевскимъ рассказывали о своемъ совмѣстномъ артистическомъ путешествіи. Горбуновъ говорилъ:

— Стою я у кассы. Подходить элегантная дама. «Правда, что будетъ пѣть въ концертѣ Коммиссаржевскій?» (При этомъ Горбуновъ крайне забавно мѣняетъ свой голосъ на дамскій, томный).—Правда-съ.—«Настоящій?»—Конечно, настоящій, какъ въ афишѣ сказано.—«Дайте намъ два билета перваго ряда». Подходятъ двѣ чуйки.—«Горбуновъ будетъ рассказывать?»—Будетъ.—«Настоящій—Иванъ Ѳедоровъ?»—Иванъ Ѳедорычъ.—«Давайте десять билетовъ дешевле чего получить невозможно». На меня чуйка шла, а на Коммиссаржевскаго—дама,—заканчивалъ Горбуновъ съ тѣмъ неподражаемымъ юморомъ въ тонѣ и въ интонаціяхъ, которые заставляли смѣяться до упаду, слушая его рассказы, собственно говоря, ничего особеннаго не представляющіе, какъ и вышеприведенный, да и какъ всѣ почти рассказы Горбунова, имѣвшіе такой колоссальный успѣхъ при его исполненіи и страшно теряющіе въ печати.

— Нѣтъ, послушайте про него,—перебилъ его Коммиссаржевскій, тоже не лишенный нотки юмора.—Ѣдемъ мы въ вагонъ; на дворѣ метель, въ вагонѣ жара отъ натопленной желѣзной печи. Горбуновъ сидитъ, однако, въ своей енотовой шубѣ съ поднятымъ воротникомъ и какъ будто дремлетъ, но на каждой станціи съ буфетомъ выходитъ изъ вагона. Меня это заинтриговало. Вышелъ и я прослѣдить за нимъ. Оказывается, что онъ сторожитъ двухъ пассажировъ третьяго класса. Оба они направляются въ буфетъ: благообразный попикъ тоненькимъ голоскомъ спрашиваетъ у стойки буфета: «Осетровый балычекъ есть?»—Нѣту.—«Вотъ и напрасно, а то бы я маленькую рюмочку выпилъ».—Другой пассажиръ, несмотря на метель и вьюгу, въ одномъ, крайне поношенномъ, синемъ вицъ-мундирѣ министерства народнаго просвѣщенія, сѣдой, высокаго роста, съ всклокоченными волосами, трагическаго вида, при самомъ входѣ въ буфетъ третьяго класса, уже кричитъ громкимъ басомъ: «Большую! Большую! Большую!»—И залпомъ выпиваетъ ее, только понюхавъ на закуску корочку чернаго хлѣба.

«И такъ на каждой станціи, гдѣ былъ хотя маленькій буфетъ, Иванъ Ѳедоровичъ въ своей еноткѣ неумоимо выслѣживалъ этихъ двухъ пассажировъ и не лѣнился выходить для нихъ на каждой станціи».

Кромѣ природной способности къ наблюдательности, развитой Горбуновымъ съ любовью чисто-спортивной, онъ отличался огромной любознательностью, что при замѣчательной памяти дѣлало его человѣкомъ самыхъ разностороннихъ свѣдѣній.

Помню случай, едва ли не изъ перваго знакомства моего съ Горбуновымъ.

Извѣстная компанія интеллигентныхъ людей, кутившихъ крайне рѣдко, собиралась, однако, разъ въ зиму на дорогой, но вполне приличный пикникъ къ модному тогда Дороту, державшему прекрасный ресторанъ съ зимнимъ садомъ за Нарвскими воротами. Участвовавшіе въ пикникѣ почти сплошь были молоды, почти всѣ женаты, и почти всѣ жены были молоды и интересны.

Денегъ на пикникъ не жалѣли, шампанское лилось рѣкой, приглашали цыганъ. Разъ одинъ изъ участниковъ пообѣщаль привезти Горбунова и исполнилъ свое обѣщаніе.

На удалыхъ тройкахъ, возившихъ тогда не умѣренной рысцой, какъ теперь, а съ быстротой почти равной автомобильной, въ три часа со сборнаго пункта отправились къ Дороту, гдѣ компанію уже ожидалъ не то завтракъ, не то обѣдъ (*déjeuner d'înatoir*, какъ удачно выражаются французы)...

За Горбуновымъ, разумѣется, всѣ ухаживали, и онъ, даже безъ всякой просьбы, велѣдъ за жаркимъ началъ рассказывать. Восторгъ былъ общій. Молодые барыни пили его здоровье, подходили къ нему, чуть не цѣловались; но завтракъ кончился, таперъ заигралъ вальсъ, и всѣ пустились танцевать.

Танцы, подъ вліяніемъ выпитаго шампанскаго, были самые оживленные, танцовали, какъ говорится, до упаду. Часа черезъ три, чтобы передохнуть, я зашелъ въ сосѣдную комнату, гдѣ было поставлено два карточныхъ стола. За однимъ сидѣли четверо наиболѣе солидныхъ участниковъ пикника, уже переставшихъ увлекаться танцами, за другимъ—грустный, всѣми забытый, сидѣлъ Горбуновъ, еще такъ недавно бывший предметомъ восторженныхъ овацій.

Мнѣ стало жаль его.

«Какъ же это такъ, всѣ забыли его,—подумалъ я.—Вѣдь это даже неделикатно».

И я присѣлъ къ столу.

Началъ «занимать» его. Завелъ разговоръ о театрѣ, объ артистахъ, какъ вдругъ онъ, пользуясь маленькимъ перерывомъ, говоритъ:

— Вотъ вы офицеръ генеральнаго штаба и, навѣрное, хорошо освѣдомлены о настоящей войнѣ (это было какъ разъ въ разгаръ франко-прусской войны и осады Меда). Поясните мнѣ...

И онъ началъ задавать вопросы, касающіеся войны, да такъ толково, съ такою искренностью тона, доказывавшею, что онъ

«постор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

спрашиваетъ не для поддержанія разговора, а дѣйствительно интересуется, что я для того, чтобы отвѣты мои привести въ нѣкоторую систему, взялъ тутъ же лежащій мѣлъ, начертилъ схематически карту и рассказалъ ему въ популярномъ, конечно, изложеніи, но систематически, весь ходъ кампаніи, не исключая, конечно, великолѣпной, съ точки зрѣнія стратегической, Седанской операціи.

Иванъ Ѳедоровичъ слушалъ крайне внимательно и искренно благодарилъ.

Лекція продолжалась съ полчаса, не болѣе, потому что даромъ популярнаго изложенія я когда-то обладалъ вполне. Меня потащили танцевать, и я ушелъ, сдавъ Ивана Ѳедоровича на руки кому-то другому.

За ужиномъ онъ, разумѣется, опять явился триумфаторомъ. Пикникъ затянулся. Много пѣли цыгане. Было дѣйствительно весело. Разбѣхались далеко за полночь, и, вспоминая часто рассказы Горбунова въ этотъ вечеръ, я, разумѣется, совершенно забылъ о бесѣдѣ съ нимъ съ глазу на глазъ.

Прошло съ годъ времени. Встрѣчался съ Иваномъ Ѳедоровичемъ, но всегда въ большомъ обществѣ и не надолго. И вотъ опять пришлось какъ-то остаться съ нимъ вдвоемъ.

— А знаете, полковникъ,—говорилъ онъ:—какъ я вамъ благодаренъ за разъясненіе мнѣ франко-прусской войны. Вѣдь я и раньше слѣдилъ за ней по газетамъ, но все какъ-то неясно было. А вы на картѣ такъ это все систематично, выпукло и доказательно мнѣ разъяснили, что теперь я войну эту понимаю.

— Ну, полноте, Иванъ Ѳедоровичъ, вы, конечно, давно ужъ и забыли, что наболталъ я вамъ на веселомъ пикникѣ.

— Напрасно. Хотите, я повторю вамъ все то, что вы мнѣ рассказали?

— Ну, вотъ, зачѣмъ же мнѣ экзаменовать васъ?—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Нѣтъ, я вижу, что вы мнѣ не вѣрите, такъ вотъ, послушайте.

Онъ взялъ карандашъ, листъ бумаги, сдѣлалъ схематическій чертежъ и почти дословно повторилъ импровизированную лекцію, прослушанную годъ тому назадъ. Понятно, что моя недовѣрчивая улыбка уступила мѣсто крайнему изумленію.

Благодаря своей любознательности, памяти и способности схватывать стиль рѣчи и звуковыя особенности, Горбуновъ, какъ извѣстно, могъ писать до неузнаваемости слогомъ русскихъ людей XVII вѣка и говорить рѣчи по-англійски, не зная двухъ словъ на этомъ языкѣ.

Такъ, когда на какомъ-то банкетѣ онъ передавалъ рѣчь американца Фохта, посланнаго въ Россію дружественной намъ тогда Сѣверной Америкой, присутствовавшей на обѣдѣ англичанинъ

очень внимательно вслушивался въ рѣчь и выразилъ удивленіе, что хотя ораторъ, несомнѣнно, говорилъ по-англійски, онъ, англичанинъ, не понялъ содержанія рѣчи.

Точно такъ же кто-то прочиталъ извѣстному знатоку старой русской письменности, Павлу Ивановичу Саввантову, донесеніе царю горбуновскаго боярина о путешествіи его по Германіи въ XVII вѣкѣ, заключавшее въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія строки:

«А городъ Емца не великъ, а сталъ онъ въ горахъ, а въ немъ живая вода, а та вода шипитъ, а течетъ та вода изъ горы каменная, растетъ на ней лѣсъ нечастый. И у котораго человѣка нутро болитъ, али утинъ, али порча, али ина хворь,—и дохтуры тоя болѣзни своимъ дохторствомъ смотрятъ, и ту живую воду пить велютъ и въ той водѣ сидѣть. А люди Московскаго государства тоя воды не пьютъ, а пьютъ они ренское во множествѣ и здравы бываютъ. А ренское вино доброе, и я про твое, государево, здоровье нью ежедень. Палата построена каменная, большая, а въ ней сидитъ нѣмчинъ и вралетку вертитъ и прыгунца пушаетъ:—бѣленькій, не великъ. А кругъ того нѣмчина народное множество—иныхъ государствъ люди—и жида, и езовиты, и жонки, и старья бабы, и воровскіе заблудные люди, и кладуть тому нѣмчину золоты амбургскіе и угорскіе и ефимки, и нѣмчинъ тѣ деньги емлетъ и вралетку вертитъ почасту. А въ сѣняхъ трубятъ въ трубы и въ бубны бьютъ и на струментахъ и на свирѣляхъ—на искушеніе».

Вслушавъ внимательно донесеніе боярина, Павелъ Ивановичъ Саввантовъ выразилъ изумленіе, что рулетка существовала въ Германіи уже въ XVII вѣкѣ, никакъ не предполагая, что предъявленная ему якобы копія манускрипта не болѣе, какъ шутка Ивана Федоровича.

VIII.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

У Кондратьева же я познакомился съ братьями Потѣхиными и съ однимъ изъ нихъ, Алексѣемъ Антиповичемъ, былъ впоследствии знакомъ довольно близко, бывалъ у него, и онъ пріѣзжалъ ко мнѣ въ Ялту.

Это былъ, несомнѣнно, даровитый писатель изъ плеяды для того времени второстепенныхъ талантовъ, уступавшихъ первыя мѣста такимъ колоссамъ, какъ Тургеневъ, Толстой, Достоевскій, Островскій и, пожалуй, даже Гончаровъ, но представляющихъ собою также величныя колоссальныя въ сравненіи съ современными корифеями литературы. Да простятъ мнѣ писатели современные, но, какъ хотите, настоящая литература, не исключая даже Чехова и великаго Максима, не дастъ ни одного имени, которое могло

бы идти въ параллель съ именами не только Гончарова, но и Писемскаго, Григоровича, Алексѣя Потѣхина, Андрея Печерскаго, наконецъ графа Саліаса, какъ автора прелестныхъ вещей—въ родѣ «Los povios» и особенно мало оцѣненныхъ «Пугачевцевъ»—пока нужда не заставила его фабриковать историческіе романы.

Но и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ, человѣкъ, несомнѣнно, очень умный и даровитый, представлялъ собою аномалію. Онъ, талантливый романистъ и писатель для сцены, не обладалъ, по моему, вкусомъ, ни въ смыслѣ литературномъ, ни сценическомъ. И, между тѣмъ, его поставили во главѣ образцоваго императорскаго драматическаго театра.

Помню, напримѣръ, какъ онъ превосходно читалъ у Кондратьева отрывки изъ своихъ сочиненій; но разъ, на просьбы прочесть что-нибудь, онъ отвѣчалъ, что не захватилъ съ собою ничего имъ написаннаго. Зная въ немъ исключительнаго чтеца, начали просить, чтобы онъ прочелъ что-нибудь, хотя не свое, ну, хотя бы изъ Гоголя. Онъ согласился и выбралъ сцену у генерала Ветрищева.

Тонъ генерала былъ взятъ невѣрно, да вѣрности тона мѣшало и свойство голоса Алексѣя Антипыча, лишеннаго звучности и низкихъ нотъ. Павелъ Ивановичъ Чичиковъ сошелъ лучше, но каково было удивленіе мое, когда Улянька явилась какой-то жеманной, манерной, провинціальной барышней-тараторкой. Я взглянулъ на т-ше Кондратьеву, человѣка литературно-развитаго, и увидѣлъ удивленные большіе глаза, смотрящіе вопрошительно на меня.

— Господи, какой позоръ!—шепнула она мнѣ, когда чтеніе кончилось.

Въ томъ же, что почтеннѣйшій, уважаемый мною Алексѣй Антиповичъ не обладалъ вкусомъ при оцѣнкѣ сценическихъ дѣятелей, я убѣдился, когда онъ былъ назначенъ начальникомъ репертуара Александринскаго театра.

Послѣ «Безприданницы», напримѣръ, въ которой прославленный въ этой роли московскій Ленскій, по моему, далеко не давалъ даже по своей фигурѣ крупнаго образа обаятельнаго волгара Паратова,—Потѣхинъ говорилъ, что Сазоновъ, въ роли жениха безприданницы, никуда не годился.

— Позвольте, Алексѣй Антипычъ,—возражалъ я.—По моему, Сазоновъ игралъ просто безукоризненно. Лучше, обдуманнѣе дать образъ этого ничтожнаго человѣчишки—просто невозможно. Какъ же вы хотите, чтобы онъ поставилъ эту роль? По моему, какъ въ общемъ планѣ, такъ и въ деталяхъ, онъ сыгралъ безукоризненно.

Потѣхинъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, но, къ чести его, мнѣніе свое о Н. О. Сазоновѣ перемѣнилъ.

Онъ зналъ во мнѣ человѣка, любящаго сцену, понимающаго ее, слышалъ, что я самъ былъ выдающимся актеромъ на любитель-

скихъ спектакляхъ и, въ послѣдствіи, часто спрашивалъ моего мнѣнія о пьесѣ и объ исполнителяхъ.

Помню, съ какимъ восторгомъ, посѣтивъ меня въ Ялтѣ, онъ говорилъ о томъ, что приобрѣлъ двухъ замѣчательныхъ артистовъ—Свободина и Далматова.

Свободинъ, безъ сомнѣнія, былъ актеръ очень полезный, умный, но большой талантливости я въ немъ не находилъ. Что касается В. П. Далматова, то хотя я зналъ его лично и очень любилъ, но, отдавая должную дань его даровитости, нельзя не признать, что это былъ актеръ не ровный и неестественнаго тона, когда брался играть трагическія роли, повидимому, особенно близкія его сердцу.

— Ну, Александръ Николаевичъ,—говорилъ мнѣ, пріѣхавъ однажды, Алексѣй Антипычъ.—Вотъ приобрѣлъ актера. Просто удивительный. Приходите, непременно приходите, онъ будетъ на дняхъ дебютировать въ «Уріэль-Акостѣ». Да вы должны его знать. Это бывшій пѣвецъ Самусь. Онъ бросаетъ оперу и переходитъ къ намъ въ драму. Вотъ это актеръ, просто поразительный,—повторялъ еще разъ Алексѣй Антипычъ.

Я, разумѣется, пошелъ, и, какъ театраль самый искренній, съ нетерпѣніемъ ожидалъ появленія Уріэль-Акосты.

И вотъ онъ появился—необыкновенно красивый, особенно на сценѣ, стройный, изящный, съ чарующимъ голосомъ.

Но голосъ этотъ, при всей его красотѣ, нимало васъ не трогалъ, не проникалъ въ душу, не шелъ дальше барабанной перепонки. Чувствовалось до очевидности, что человѣкъ не трогается тѣмъ, что ему говорятъ,— что говоритъ онъ самъ; чувствовалось съ несомнѣнностью, что актеръ хорошо выучилъ свою роль и играетъ, только играетъ, не преображаясь въ изображаемое лицо, не проникаясь тѣми волненіями, о которыхъ говоритъ, говоритъ безучастно, заученно, шаблонно.

Разочарованіе усиливала походка, жесты—какъ то, такъ и другое—неестественные, ходульные, указывающіе на вліяніе итальянскихъ оперныхъ пѣвцовъ былаго времени, какъ, на примѣръ, Тамберлика, чарующее, подымающее пѣніе котораго шло такъ въ разрѣзъ съ ходульной походкой. Но тамъ, благодаря чудному голосу и музыкѣ, ходульная походка отходила въ сторону, въ драмѣ же она была въ глаза и ударяла даже по нервамъ.

Въ антрактѣ пошелъ за кулисы. Потѣхинъ былъ въ уборной Самуся и хлопоталъ около него.

— Ну, что, какъ?—говорилъ онъ, когда мы оставили уборную.

— Чудный голосъ,—отвѣчалъ я, не желая его разочаровывать во время спектакля.

— Правда? А играетъ-то какъ!—восторженно говорилъ Алексѣй Антиповичъ.—Громадный, громадный талантъ.

— Я къ вамъ заѣду завтра, и мы подѣлимся впечатлѣніями,— отвѣчала я.

И на другой день высказалъ ему совершенно опредѣленно свое мнѣніе.

Онъ былъ пораженъ, пробовалъ спорить, далъ Самусю еще одинъ дебютъ. Не помню, принялъ ли его въ труппу, но, какъ полнѣйшая бездарность, Самусь не пошелъ дальше и кончилъ свою карьеру профессоромъ пѣнія, какъ мнѣ говорили, очень хорошимъ.

Меня поражало также, какъ, человѣкъ, несомнѣнно, умный и даровитый, Алексѣй Антипычъ не сумѣлъ себя поставить въ труппѣ, руководить которой былъ призванъ: искалъ популярности, цѣловался съ половиной актеровъ при встрѣчѣ, вообще «игралъ въ товарища» и, несмотря на это, или, вѣрнѣе, именно поэтому, актеры его не любили. И совершенно естественно, потому что начальникъ непременно долженъ держать себя,—не важничая, конечно, не позволяя себѣ, конечно, грубостей,—на извѣстной высотѣ: быть ровнымъ, спокойнымъ, не нервничать, быть внимательнымъ къ просьбамъ и въ то же время чуждымъ поблажекъ. При товарищескихъ же, или, вѣрнѣе, псевдо-товарищескихъ отношеніяхъ,—отношеніяхъ, прежде всего лишенныхъ искренности,—держать себя указаннымъ образомъ просто невозможно.

IX.

Александръ Николаевичъ Островскій и Алексѣй Теофилактовичъ Писемскій въ разсказахъ Писарева.

Одновременно съ назначеніемъ въ Петербургѣ Потѣхина въ Москвѣ драматическая труппа поступила въ вѣдѣніе Александра Николаевича Острова. Дирекціей Императорскихъ театровъ рѣшено было, повидимому, влить новое вино въ старые мѣха, и во главѣ обѣихъ труппъ—въ Петербургѣ и въ Москвѣ—поставить двухъ самыхъ выдававшихся въ то время драматическихъ писателей. Но оказалось, какъ это можно было предвидѣть заранѣе, что быть талантливымъ драматургомъ и хорошимъ, толковымъ администраторомъ и даже цѣнителемъ сцены—двѣ вещи совершенно различныя, требующія способностей, очень рѣдко укладываемыхъ въ одномъ и томъ же человѣкѣ: выборъ Острова также былъ неудаченъ, и вскорѣ онъ самъ отказался отъ роли начальника репертуара въ Москвѣ, оставивъ о себѣ закулисную память въ самыхъ разнообразныхъ анекдотахъ, рисующихъ оригинальную личность этого даровитѣйшаго изъ нашихъ драматурговъ, на смѣну произведеніямъ котораго, уввы, пошли разныя «Анатемы» и «Жизни человѣка».

Александра Николаевича Островскаго лично я не зналъ вовсе, хотя переписывался съ нимъ отъ лица премьерши труппы, ставившей въ свой бенефисъ его «Сонъ на Волгѣ». Но я слышалъ нескончаемые о немъ рассказы, какъ и о Писемскомъ, отъ Писарева, известнаго трагическаго актера, мужа гремѣвшей въ свое время на всю Россію необычайно сильной трагической актрисы Стрепетовой.

Модестъ Ивановичъ Писаревъ былъ человѣкомъ очень умнымъ, образованнымъ и замѣчательнымъ знатокомъ драматической литературы, не только русской, но и западно-европейской.

Онъ кончилъ курсъ въ университетѣ, но страсть къ театру побудила его бросить все и итти на сцену.

У него были всѣ данныя для трагическаго актера: высокій ростъ, крупная, красивая фигура, тонкія черты выразительнаго лица, прекрасный голосъ съ сочными, нижними нотами, наконецъ—умъ и образованіе; но искры Божіей, таланта, священнаго огня—въ немъ не было, и, кромѣ того, когда я увидѣлъ его поступившимъ на императорскую сцену, въ немъ уже проглядывалъ актеръ провинціальныи, не тонкій, грубоватый, рубившій къ тому же свою рѣчь. И, тѣмъ не менѣе, въ сильныхъ мѣстахъ онъ производилъ большое впечатлѣніе.

Писаревъ, какъ одинъ изъ главныхъ исполнителей пьесъ Александра Николаевича Островскаго и «Горькой судьбины» Писемскаго, былъ очень близокъ съ ними обоими.

Оба эти крупные писатели, отличаясь выдающимся умомъ, а Островскій—и громаднымъ талантомъ, были большими оригиналами. Всѣхъ анекдотовъ о нихъ я, конечно, не помню, но вотъ нѣсколько, на выдержку.

Островскій совѣмъ не зналъ языковъ и поѣхалъ за границу вмѣстѣ съ Иваномъ Ѳедоровичемъ Горбуновымъ, не имѣвшимъ также претензій на лингвиста.

Бѣдствовали они изъ-за незнанія языка въ Германіи. Встрѣтившійся пріятель, однако, тамъ ихъ вызволилъ.

— Но какъ же мы будемъ въ Парижѣ?—спрашиваетъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Да вѣдь тамъ не нѣмцы, —французы, а французы-то, чай, слышалъ, и говорятъ по-французски, а французскій-то языкъ мой родной, —увѣрялъ Александръ Николаевичъ.

— Только выходимъ мы на границѣ къ таможенѣ—разсказывалъ Горбуновъ—я и говорю ему: Александръ Николаевичъ, спроси же, куда намъ итти. Вѣдь по-французски ты говоришь хорошо.

— Чудакъ человѣкъ, —отвѣчалъ онъ:—какъ же я буду съ нимъ говорить по-французски, когда, ты видишь, у меня саквояжъ въ рукахъ?

Оказалось, что и по-французски Александръ Николаевичъ го-

ворилъ такъ же, какъ по-нѣмецки, что послужило темою многихъ забавныхъ разсказовъ И. Ѳ. Горбунова.

Александръ Николаевичъ былъ очень не прочь пропустить рюмочку-другую; но въ виду болѣзни печени врачи запретили ему это невинное удовольствіе.

— Пріѣзжаю я разъ къ нему въ имѣніе — разсказывалъ Цисаревъ. — Предъ обѣдомъ угощаетъ онъ меня закуской и наливаетъ рюмку. А себѣ-то? — спрашиваю я. — «Нѣтъ, батюшка, мнѣ запрещено. Строго запретили врачи». — Да какъ же я одинъ пить буду? Это какъ-то неловко, — говорю я, наливая ему рюмку. — «Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, не буду. Запрещено». — Да неужто отъ одной заболѣте? Вѣдь по одной только выпьемъ. — «Ну, развѣ по одной». Выпили. «А ну-ка, по другой, безъ интервала!» — говоритъ Александръ Николаевичъ. — А тамъ пошло и по третьей, и по четвертой.

Когда болѣзнь печени вынудила врачей строго запретить ему потребленіе російскаго напитка, на которомъ зиждилось еще такъ недавно благосостояніе отечественнаго бюджета, жена, ухаживавшая за Александромъ Николаевичемъ, какъ за взрослымъ ребенкомъ, изгнала въ усадьбѣ, гдѣ они жили, напитки вовсе.

Пріѣзжаетъ къ нему какой-то актеръ.

Принимаютъ его очень радушно, кормятъ обильнымъ столомъ, но водки — ни рюмки.

Заскучалъ актеръ и рано утромъ отправился въ сосѣднее село, версты за три, гдѣ, какъ онъ узналъ, была благодатная «продажа питей». И вотъ, предъ обѣдомъ, говоритъ Александру Николаевичу:

— Проидемте-ка, Александръ Николаевичъ, въ мою комнату на минутку.

Идутъ.

Входятъ. Актеръ беретъ стаканъ, беретъ рукомойникъ и наполняетъ изъ него стаканъ.

— Пожалуйте, Александръ Николаевичъ, откушайте.

— Да что вы, что вы, батюшка. Я этой гадости никогда не пью и послѣ обѣда, а тутъ передъ обѣдомъ воду пить.

— Нѣтъ, да вы попробуйте.

Александръ Николаевичъ попробовалъ и, выпивъ залпомъ, съ восторгомъ замѣтилъ:

— Да вѣдь какъ остроумно!

Жена стала замѣчать, что, хотя водки не было въ домѣ ни рюмки, Александръ Николаевичъ въ самомъ началѣ обѣда уже нѣсколько дней является благодушно настроеннымъ. Велѣла осмотрѣть комнату актера, поискать бутылки, — ничего не оказывается. Вошла сама въ отсутствіе, конечно, гостя и, проходя мимо умывальника, тонкимъ обоняніемъ почувяла блаженный запахъ. Оказалось,

что «остроумный» актеръ приносилъ ежедневно водку, наполнялъ ею рукомоиникъ, а бутылку выбрасывалъ въ саду.

Говорить ли, что, какъ ни было «остроумно» изобрѣтеніе, ему былъ положенъ конецъ.

Другой оригиналь, человѣкъ огромнаго ума и недюжиннаго таланта, Алексѣй Ософилактовичъ Писемскій былъ извѣстенъ, какъ циникъ, не стѣснявшійся въ выраженіяхъ и, несмотря на университетское и вообще большое образованіе, говорившій языкомъ своего родного костромскаго мужика съ сильнымъ удареніемъ на «о».

Характеризуя всѣхъ вышеупомянутыхъ лицъ, какъ людей большого ума, я не боюсь, однако, впасть въ однообразіе при оцѣнкѣ этихъ личностей, потому что дѣйствительно это были, несомнѣнно, умные люди, а иначе не стоило бы и говорить о нихъ, но А. Ѳ. Писемскій, по отзывамъ Писарева и Анатолія Ѳедоровича Кони, особенно выдѣлялся своимъ мѣткимъ, чисто-русскимъ умомъ и образностью рѣчи своей, причемъ нимало не стѣснялся въ выраженіяхъ, которыя въ устахъ другого были бы совсѣмъ недопустимы.

— Приходимъ мы, только что поженившись, съ Полиной Антиповной (Стрепетовой) къ Писемскому, — рассказывалъ Писаревъ. — (Замѣчу въ скобкахъ, что ихъ обоихъ очень цѣнили Писемскій, какъ главныхъ исполнителей своей прекрасной пьесы «Горькая судьбина», десятки лѣтъ державшейся въ репертуарѣ столичныхъ и провинціальныхъ театровъ). — Здравствуйте, — встрѣчаетъ насъ Писемскій. — Проздравляю. Любитесь, чай, спервоначалу-то. Только трагической актрисѣ жить такъ нельзя. — «А какъ же, Алексѣй Ософилактовичъ?» спрашиваетъ Стрепетова. «Какъ же? О Рашели-то, чай, слышали? Любовника бѣ себѣ завели. А мало, — такъ двухъ. Да чтобъ прощальга какой попался, да увезъ бы васъ верстъ за сто отъ губернскаго-то города, да бросилъ бы на постояломъ дворѣ, аль середь дороги. Да оттедова Христовымъ именемъ пришлось бы добратся до города. Ну, вотъ, тогда, конечно, поняли бѣ трагическія положенія. А то такъ-то што? Живете, какъ голубки, какъ же вамъ понять трагическія положенія?»

И это внушалось молодоженамъ совершенно серьезнымъ тономъ.

Уморительно передавалъ Писаревъ, какъ ѣздилъ Писемскій по Москвѣ, сажая лицомъ къ себѣ «дѣвку Акульку» съ раскрытымъ во всякую погоду зонтикомъ, на обязанности которой лежало «пужать» зонтикомъ встрѣчныхъ или объѣзжающихъ близко лошадей.

«Пужай ее, пужай!» приказывалъ онъ.

Писемскій, какъ сказано, говорилъ на манеръ своего родного костромскаго мужика, съ сильнымъ удареніемъ на «о».

— Прихожу я разъ къ нему,—разсказывалъ Писаревъ, а отъ него выходитъ Николай Александровичъ Чаевъ. «Что это?—говорить Писемскій.—Николай-отъ Александровичъ, человекъ вѣдь какой образованный, университетскій, а говоритъ-то, что твой мужикъ костромской».—Да ужъ это всё костромичи говорятъ такъ,—заступился я за Чаева.—«Что вы, что вы, батюшка,—замахалъ руками Писемскій, по обыкновенію сильно напирая на «о».—Да вѣдь я-то костромичъ-отъ, природный, а говорю-то, слава Тѣ, Господи».

— Въ другой разъ прихожу,—продолжалъ Писаревъ,—и спрашиваю: что пишете, Алексѣй Теофилактовичъ? «Да что писать-то? Ничего не пишу».—Какъ же? Ну, романъ писали бы.—«Какой ужъ тутъ романъ. Старъ сталъ, чтобы романы писать».—Отчего стары? Вѣдь вотъ Иванъ Сергѣевичъ (Тургеневъ), пожалуй, постарше васъ будетъ, а пишетъ же романы.—«Да, Иванъ Сергѣевъ, точно, годамъ двумя-тремя постарше будетъ, да вѣдь онъ еще съ бабамъ возится, такъ ему романы-то писать можно, а меня-то ужъ грѣхъ-отъ оставилъ».

И такъ далѣе, забавные рассказы Писарева о Писемскомъ были нескончаемы.

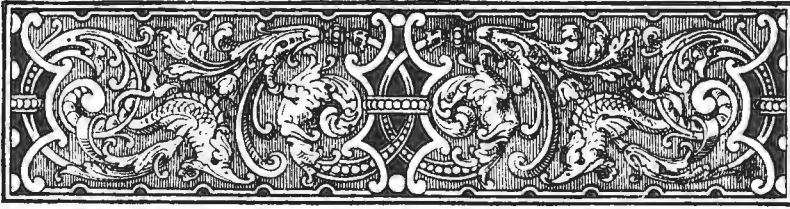
Оставляя ихъ въ сторонѣ, считаю нужнымъ передать то, что говорилъ Писемскій о своей всѣмъ извѣстной «Горькой судьбинѣ»:

«Она-то, Дарья,—гуляща баба, а баринъ—дуракъ вѣдь круглый. Ну, какъ же не дуракъ, коли мужику-то да дуэль предлагаетъ? Ананій Яковлевъ—разбойникъ, сущій разбойникъ. У меня и пьеса-то кончалась такъ, что Ананій барскую усадьбу сожегъ, пожаромъ такъ и кончалась, а Мартыновъ (извѣстный актеръ) говорить: «Не такъ, Алексѣй Теофилактовичъ,—закончи на примиреніи, покаяніи». И самъ я увидѣлъ, что такъ лучше. Вонъ говорили про Мартынова, что дуракъ да дуракъ, анъ онъ не дуракъ былъ, а во какой совѣтъ далъ».

Такимъ образомъ, по сознанию самого Писемскаго, «Горькая судьбина» обязана своимъ прекраснымъ окончаніемъ тонкому художественному чутью Мартынова.

Александръ Витмеръ.

КНЯЗЬ ГРИГОРІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КУГУШЕВЪ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

ВЪ ПЯТИДЕСЯТЫХЪ — шестидесятихъ годахъ прошлаго столѣтія довольно большой извѣстностью пользовался нынѣ почти забытый драматургъ, романистъ, поэтъ и завзятый театраль князь Григорій Васильевичъ Кугушевъ. Его повѣсть «Корнетъ Отлетаевъ» въ свое время имѣла огромный успѣхъ, но въ особенности были популярны нѣкоторыя его пьесы, до сихъ поръ не сходящія съ репертуара, какъ, на примѣръ: «Друзья пріятели» и «Кохинхинка». Зная довольно близко покойнаго писателя, позволяемъ себѣ привести здѣсь свои о немъ воспоминанія.

Князь Г. В. Кугушевъ родился 5-го марта 1824 г. въ богатой ¹⁾ семьѣ тамбовскаго помѣщика князя Василя Михайловича Кугушева, служившаго при московскомъ генераль-губернаторѣ. Мать его, Евдокія Ильинична, дочь богатаго орловскаго помѣщика Мещеринова.

Получивъ прекрасное домашнее образованіе (но, конечно, образованіе салонное), онъ очень рано почувствовалъ влеченіе къ литературѣ и прежде всего началъ писать стихи, печатавшіеся тогда въ «Отечественныхъ Запискахъ», гдѣ позднѣе были напечатаны

¹⁾ Самы по себѣ Кугушевы не были богаты; но они наследовали большое состояніе послѣ смерти своего родственника Симонова. Говорятъ, что они обдѣлили послѣ того, какъ одинъ изъ Кугушевыхъ пожертвовалъ огромныя лѣсныя богатства Саровской обители.

и нѣкоторыя его прозаическія произведенія, какъ, напримѣръ, рассказъ «Странникъ» и «Сцены на чистомъ воздухѣ».

Влеченіе къ литературѣ было у него до нѣкоторой степени наслѣдственнымъ. Его родной дядя, князь Николай Михайловичъ Кугушевъ, сподвижникъ Суворова по итальянскому походу, раненый въ одномъ изъ сраженій, выйдя въ отставку, поселился у себя въ тамбовской деревнѣ и здѣсь съ увлеченіемъ отдавался литературнымъ занятіямъ.

Его перу принадлежатъ: извѣстная въ свое время «Грановитая Палата» (рассказъ изъ исторіи Россіи въ стихахъ) и сборникъ стихотвореній подъ заглавіемъ «Праздное время инвалида», а также водевили «Любовныя шутки» и «Соболя шуба». Повидимому, имѣлъ нѣкоторое отношеніе къ литературѣ и его отецъ, кажется, тоже кое-что изрѣдка пописывавшій. По крайней мѣрѣ, князь Григорій Васильевичъ всѣхъ увѣрялъ, что грибоѣдовскій «Удушьевъ Ипполитъ Маркельчъ» есть именно его отецъ, князь Василій Михайловичъ, и что это о немъ Репетилловъ говоритъ въ «Горе отъ ума»:

Но если генія прикажете назвать,—
Удушьевъ Ипполитъ Маркельчъ.
Ты сочиненія его
Читалъ ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти, братецъ. Да онъ не пишетъ ничего.
Вотъ такихъ людей бы съчь-то
И приговаривать: писать, писать, писать.
Въ журналахъ можешь ты, однако, отыскать
Его отрывокъ: «Взглядъ и нѣчто».
Объ чемъ, бишь, «Нѣчто»?—обо всемъ.
Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ.

Ему же онъ приписывалъ слѣдующія двѣ эпиграммы:

ДМИТРИЮ БОЛХОВСКОМУ.

Не Дмитрій ты Донской,
Не Дмитрій Самозванецъ.
Ты—Дмитрій Болховской
И пьяница изъ пьяницъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ женскій полъ
Моимъ не внемлетъ стонамъ,
Амуръ ¹⁾ въ моемъ саду
Грозитъ однѣмъ воронамъ.

Имѣли прикосновеніе къ литературѣ и внуки ихъ, также нынѣ умершіе, князь Флоръ Васильевичъ (1851—1881)—сынъ Василя Николаевича, авторъ очерковъ «Среди пріятной компаніи», писав-

¹⁾ Статуя Амура.

шій подъ псевдонимомъ «Ковшовъ», и князь Алексѣй Петровичъ, сынъ Петра Николаевича, напечатавшій книжку стихотвореній. Первый получилъ образованіе въ московской четвертой гимназіи, а затѣмъ былъ нѣкоторое время въ харьковскомъ ветеринарномъ институтѣ. Писалъ въ «Стрекозѣ» и «Будильникѣ». Велъ невоздержную жизнь, особенно въ Петербургѣ, въ компаніи съ Д. Д. Мицаевымъ, который вѣсть о смерти своего пріятеля и собутыльника встрѣтилъ такимъ экспромтомъ:

Выпивъ изрядно и плотно покушавъ,
Богу душу отдалъ нашъ милый Кугушевъ.

Второй получилъ образованіе въ Поливановской гимназіи въ Москвѣ, а затѣмъ въ московскомъ университетѣ, писалъ мелкія стихотворенія и пьесы въ стихахъ. Его историческая драма «Варео-ломеевская ночь» осталась ненапечатанной.

Сюда же по матери (въ дѣвицахъ княжна Марья Николаевна Кугушева) нужно отнести ихъ двоюроднаго брата Митрофана Ниловича Ремезова, одного изъ редакторовъ журнала «Русская Мысль», переводчика Доре и автора романа «Нашихъ полей ягоды».

Хотя князей Кугушевыхъ вообще очень много въ губерніяхъ Тамбовской, Пензенской, Уфимской и Самарской, но только одна эта тамбовская вѣтвь выдѣлила изъ себя писателей.

Обратимся теперь къ трудамъ князя Григорія Васильевича. Столь знаменитая въ свое время повѣсть его «Корнетъ Отлетаевъ», имъ же передѣланная въ пьесу того же наименованія, напечатанная въ 1856 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1858 году вышедшая отдѣльнымъ изданіемъ, обратила тогда на себя всеобщее вниманіе довольно вѣрнымъ изображеніемъ крѣпостного быта помѣщиковъ.

Интересъ къ этому произведенію еще болѣе усилился, когда стало извѣстно, что «Отлетаевъ» почти цѣликомъ списанъ съ извѣстнаго богача-самодура, помѣщика Танѣева, который къ этому времени уже совсѣмъ разорился и, какъ говорили, съ дворянской фуражкой на головѣ ходилъ по домамъ и просилъ на бѣдность.

Помимо нѣкоторой искусственности въ построеніи разсказа, «Корнетъ Отлетаевъ» въ самомъ дѣлѣ написанъ довольно занимательно и читается съ большимъ интересомъ даже въ настоящее время ¹⁾).

Повѣсть развертываетъ передъ читателемъ яркую картину крѣпостного быта почти наканунѣ освобожденія. Отлетаевъ въ какія-нибудь десять лѣтъ ухнулъ свое огромное состояніе (три тысячи душъ, десять тысячъ десятинъ земли и на миллионъ рублей лѣсу) и живетъ гдѣ-то на чердакѣ на счетъ добрыхъ людей, попреж-

¹⁾ Новое его изданіе сдѣлано А. С. Суворинымъ въ 1897 г.

нему прии́ваючи, нисколько не тяготясь своимъ новымъ помѣщеніемъ.

Жена съ дѣтьми ушла отъ него, а онъ хвастается: «сколько горничныхъ я знаю. Ужасъ. Они дамы моего теперешняго общества. Бывало, шаль за поцѣлуй, нынче фунтъ каленыхъ орѣховъ. Бывало, брильянты дѣлали дѣло, нынче пряники миндальные...» и т. д. Вотчимъ Отлетаева, Мальвининъ, даетъ ему пятнадцать рублей на сапоги, а онъ на эти деньги покупаетъ лягавую собаку и, при ведя ее къ Мальвинину, заставляетъ ее продѣлывать разныя штуки:

«— Умри, Трезоръ,—кричалъ корнетъ.

«Собака шлепнулась на полъ и не двигалась.

«— Живи, Трезоръ.

«Собака быстро вскочила на ноги.

«— О, другъ ты мой,—началъ корнетъ, обнимая шею Трезора и цѣлуя его голову:—если бъ у меня былъ кусокъ хлѣба, я бы далъ тебѣ большую половину, но такъ какъ у меня нѣтъ куска хлѣба, то будемъ вмѣстѣ голодать и показывать свѣту штуки... Мнѣ нуженъ былъ другъ, и я нашель его. О, мой Трезоръ.

«— Что даль?—спрашиваетъ его Мальвининъ.

«— Вездѣлицу.

«— Да сколько?

«— Пятнадцать.

«— Цѣлковыхъ?—крикнулъ Мальвининъ.—Ну, а какъ же сапоги?—и залился громкимъ смѣхомъ.

«— На что мнѣ сапоги, когда я кушилъ сокровище.

Хозяинъ продолжалъ хохотать, а корнетъ цѣловаль «Трезора»,—такъ заканчивается повѣсть князя Кугушева.

На нее обратилъ вниманіе В. В. Каллашъ въ своей книгѣ «Очерки по исторіи школы и просвѣщенія» (Москва, 1902); въ четвертой главѣ «Черты дореформеннаго воспитанія» авторъ говоритъ: «Передъ нами довольно широкая эпическая картина помѣщичьяго быта наканунѣ «катастрофы». Онъ даетъ богатый матеріалъ для постановки мало еще изученнаго вопроса о вліяніи крѣпостныхъ порядковъ на помѣщичью среду, для характеристики тѣхъ условій, среди которыхъ воспитывались молодые дворянскія поколѣнія».

Охарактеризовавъ далѣе «племянника», отъ лица котораго ведется рассказъ, тетюшку его графиню Буриме, ея воспитанницу, дочь лакея Фешу (героиня повѣсти), и самого Отлетаева и приведя изъ повѣсти нѣсколько характерныхъ сценъ, авторъ говоритъ, что изъ-за старомоднаго разсказа и наивнаго его построенія здѣсь выступаютъ ярко и выпукло разрозненныя черты «добраго стараго времени».

«Это небезынтересная страница изъ исторіи русскаго просвѣщенія половны XIX вѣка,—продолжаетъ онъ:—и читатель, на-

вѣрно, не пожалѣть о затраченномъ времени, если перечтеть пѣликомъ новое изданіе давно забытаго разсказа», которому г. Каллашь придаетъ значеніе настоящаго историческаго памятника.

Другой разсказъ князя Г. В. Кугушева.

Эскизъ, изъ провинціальной жизни «Странникъ» также воспроизводитъ картину помѣщичьей жизни («Отечественныя Записки», 1857 г., кн. 5); въ немъ съ фотографической точностью описаны причуды княгини Евгеніи Акимовны Кугушевой, жены тамбовскаго помѣщика князя Петра Николаевича Кугушева, двоюроднаго брата автора. Это была очень красивая, живая и крайне эксцентричная женщина, постоянно чѣмъ-нибудь увлекавшаяся, быстро и рѣзко, на примѣръ, переходившая отъ религіознаго экстаза къ Фейербаху и крайностямъ современнаго тогда нигилизма.

Въ періодъ ея необыкновенной набожности, почти аскетизма, князь Г. В. Кугушевъ, посылая ей свой новый романъ «Постороннее вліяніе», сдѣлалъ на немъ такую надпись:

Иже живѣ во святыхъ,
Во постѣ, смиреніи,
Шлю я плодъ трудовъ моихъ
Матери Евгеніи.

Переходя къ другимъ беллетристическимъ произведеніямъ князя Кугушева, роману въ четырехъ частяхъ «Постороннее вліяніе» (1858 г.) и повѣсти «Пыль» («Русскій Вѣстникъ», 1856 г., отд. изд. 1858 г.), мы должны сказать, что они съ своими шаблонными великосвѣтскими сюжетами далеко уже не имѣли такого успѣха, и авторъ ихъ, испытавъ, повидимому, и самъ нѣкоторое разочарованіе въ этихъ своихъ трудахъ, всецѣло перенесъ свою литературную дѣятельность въ сферу театра.

Начавъ писать для сцены много раньше (въ 1851 году въ журналѣ «Пантеонъ» были напечатаны его «Голубой капотъ» и «Комедія безъ названія»), онъ здѣсь нашелъ полное удовлетвореніе своего авторскаго самолюбія. Пьесы его въ большинствѣ бойкія передѣлки съ французскаго (сюжетъ заимствованъ, какъ обыкновенно тогда это выражалось), главнымъ образомъ въ духѣ легкой комедіи и водевиля, частью въ прозѣ, частью въ стихахъ, имѣли почти всегда большій или меньшій успѣхъ и подолгу держались на сценѣ.

Особенно шумнымъ успѣхомъ пользовалась его пьеса «Пріемышъ», также рисующая бытъ помѣщиковъ на зарѣ освобожденія. Нянька господской воспитанницы Наташи, Марина, оказывается ея родною матерью, и на этомъ построена трескучая мелодрама, извлекавшая у зрителей взрывы восторга и непритворныя слезы. Настолько тогда была насыщена атмосфера вѣяніями «освобожденія отъ крѣ-

постного права» ¹⁾. Помимо названныхъ выше пьесъ, укажемъ еще его «Пари», «Двѣ камеліи», «Комедія съ переодѣваніемъ», «Емелюшка-дурачокъ», «Кашей» и передѣланныя изъ Пушкина «Евгеній Онѣгинъ» и «Дуняша» (станціонный смотритель). Послѣднія—слабыя, да и самую мысль передѣлки пьесъ изъ произведеній Пушкина нельзя назвать удачною.

Одною изъ лучшихъ передѣлокъ въ легкомъ французскомъ жанрѣ мы считаемъ его «Кохинхинку», которую онъ, вопреки обыкновенію, подписалъ псевдонимомъ «Бѣляева» ²⁾, по слѣдующему поводу. Литературно-театральный комитетъ, гдѣ въ то время предсѣдательствоваль Маннъ ³⁾, упорно не одобрялъ пьесъ князя Кугушева къ представленію. По этому поводу послѣднимъ даже написаны слѣдующія эпиграммы:

КЪ МАННУ.

Мнѣ въ Маннѣ крестъ судьбою данъ.
Смиряться передъ нимъ; но странно,
Что все, что самъ напишетъ Маннъ,
То далеко еще не манна.

ЕМУ ЖЕ.

Паукъ, раскинувъ паутину,
Добился кое-какъ чиновъ
И, какъ прилично господину,
Ошельмоваль «Говоруновъ».
И что жъ? Въ своей душонкѣ тѣсной,
Онъ съ тайной злобою созналъ,
Что не писатель онъ извѣстный,
А неизвѣстный генераль.

Желая избѣжать той же участи и для своей «Кохинхинки», онъ рѣшилъ представить ее въ комитетъ подъ другой фамиліей, и пьеса, дѣйствительно, была на этотъ разъ одобрена и имѣла большой успѣхъ. Докторъ же Бѣляевъ исправно до самой своей смерти, недавно послѣдовавшей, получалъ за нее авторскій гонораръ, въ общемъ составившій изрядную сумму.

Одною изъ лучшихъ пьесъ князя Кугушева, если не самую лучшую, является его оригинальная четырехактная комедія въ стихахъ «Пустоцвѣтъ», первоначально озаглавленная авторомъ «На словахъ и на дѣлѣ, или жена не взятка». Авторъ и самъ счи-

¹⁾ Въ томъ же родѣ была пьеса Влад. Иван. Родиславскаго «Было, до прошло», написанная по случаю манифеста 19 февр. 1861 г. и также пользовавшаяся чрезвычайно шумнымъ успѣхомъ. Авт.

²⁾ Фамилія пріятеля автора, чембарскаго помѣщика, врача по образованію, Николая Николаевича Бѣляева. Авт.

³⁾ Также драматургъ, авторъ пьесъ «Паутина» и «Говоруны». Авт.

талъ этотъ свой трудъ однимъ изъ наиболѣе удачныхъ и его, видимо, оторчало, что пьеса не шла на императорскихъ театрахъ. Умирая, онъ завѣщалъ переслать рукопись ея своему старому пріятелю, профессору Михаилу Николаевичу Капустину ¹⁾, впослѣдствіи попечителю петербургскаго учебнаго округа, что и было исполнено наслѣдниками.

Содержаніе ея, можетъ быть, нѣсколько шаблонно, но она очень сценична и написана живо, бойкимъ перомъ опытнаго драматурга. Тѣмъ удивительнѣе, что она до сихъ поръ лежитъ въ театральномъ архивѣ. Въ «Пустоцвѣтѣ» всего тринадцать ролей, и всѣ онѣ болѣе или менѣе благородны. Менѣе другихъ удался автору самъ «Пустоцвѣтъ», секретарь палаты Поливорскій. Онъ вышелъ блѣденъ и нѣсколько ходулень.

Вотъ изъ нея на выдержку монологъ Градобоева ²⁾ (дѣйствіе II, явленіе 5).

Графиня.

У васъ нѣтъ сердца...

Градобоевъ.

Но зато есть голова...
Когда-нибудь, пройдетъ годовъ десятокъ,
И вспомните мои, быть можетъ, вы слова,
Что въ жизни цѣнится не имя, а достатокъ,
Что съ громкимъ титуломъ вдова,
Чуть у нея доходы стали малы,
Скажи: простите балы
И вечера и пикники,
Вы для меня ужъ не съ руки;
Удѣлъ мой: бѣдность и терпѣнье,
И свѣтъ забудетъ свой кумиръ.
Вы бѣдны? Ну, мое почтенье,
И свѣтскій франтъ съ вставнымъ въ глазу стекломъ,
Что бѣгалъ васъ встрѣчать когда-то на подъѣзды,
Дрожа отъ холода, считая въ небѣ звѣзды,
Увидитъ васъ одну пѣшкомъ
И не поклонится, сойдясь на тротуарѣ.
А женщина одна изъ тысячи кузинъ,
На удалой орловской парѣ,
Слѣша за чѣмъ-нибудь въ извѣстный магазинъ,
Промчится мимо шибко, шибко,
Узнаетъ васъ и подаритъ
Одной насмѣшливой улыбкой.

¹⁾ Которому онъ посвятилъ и своего «Корнета Отлетаева».

²⁾ Градобоевъ—пожилой, богатый холостякъ, у котораго процессъ съ молодой крѣпкой вдовой графиней Солнцевой. Секретарь палаты Поливорскій влюбляется въ нее, и она кокетничаетъ съ нимъ въ интересахъ своего процесса, а онъ принимаетъ это за чистую монету.

«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. с.л.

А другъ домашній вапъ, бездомный сибарить
 И непремѣнный членъ обѣда,
 Увидя, что кормить не стали вы теперь,
 Забудетъ, право, вашу дверь
 И станеть объѣдать сосѣда.
 Вы скажете, что это не резонъ,
 Что волокита глупъ, а гастрономъ смѣшонъ,
 Что ваша свѣтская подруга
 Не стоитъ имени ни женщины, ни друга.
 Но дѣло сдѣлано: искусною рукой
 Разбита жизнь, нарушенъ вашъ покой,
 И недоувѣрье, и сомнѣнье,
 И гнѣвъ, и слезы сожалѣнья,
 Вотъ въ будущемъ что ожидаетъ васъ.
 Вотъ вамъ блестящій свѣтъ. Весь внѣшность, весь для глазъ,
 Въ немъ мысли загнаны, стремленія не чисты,
 Во всемъ тщеславіе, честь, совѣсть—напоказъ,
 Въ немъ даже дѣти эгоисты.
 И это правда—да; не вздоръ я вамъ мелю,
 Чтобъ васъ предостеречь, разсудка есть настолькоъ,
 Въѣдъ я не то что васъ люблю,
 А вы мнѣ нравитесь, и только...

Графиня (*подавая ему руку*).

Нѣтъ, вы большой оригиналь.
 Нельзя сердиться, я мирюся.

Градобоевъ.

Присягу дамъ, божуся,
 Хоть въ жизни ручекъ я и много цѣловаль,
 Въѣдъ попадалися и въ свѣтъ
 И гдѣ-нибудь въ степной глуши,
 Всѣ ручки были хороши,
 Но далеко не то, что эти.

(*Другимъ тономъ*).

Пойдете за меня.

Графиня.

Сказала разъ,
 Что ни за что на свѣтъ
 Ни за кого, а меньше всѣхъ за васъ.

Всего княземъ Кугушевымъ написано болѣе пятнадцати пьесъ. Тѣ, которыя шли на сценахъ, изданы С. Разсохиныхъ въ двухъ книгахъ.

Выступивъ на литературное поприще въ качествѣ присяжнаго и очень плодовитата драматурга, князь Кугушевъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ началъ свою службу въ императорскихъ театрахъ въ Москвѣ. При управляющемъ московскими театрами Л. Ф. Львовѣ онъ былъ, правда, недолго, инспекторомъ репертуара и

такимъ образомъ близко познакомился со всѣми корифеями московскаго Малаго театра (какъ И. В. Самаринъ, С. В. Шумскій, Провъ М. Садовскій, В. И. Живокини, Е. Н. Васильева, Г. Н. Федотова, Акимова), которыхъ потомъ такъ зло осмѣивалъ въ своихъ эпиграммахъ. Съ Львовымъ онъ былъ въ хорошихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ ¹⁾, но ихъ совмѣстная служба продолжалась недолго. Вскорѣ оба они вышли въ отставку, и вмѣсто нихъ были назначены: директоромъ—Николай Ивановичъ Пельтъ, а инспекторомъ репертуара—небезызвѣстный въ свое время водевилистъ Владимиръ Петровичъ Бѣгичевъ. Ко времени службы въ театрѣ относятся нѣкоторыя дружескія связи, какъ, на примѣръ, съ С. В. Шумскимъ, у котораго князь Кугушевъ крестилъ даже ребенка, но съ которымъ впослѣдствіи совершенно разошелся. Оставивъ службу въ театрѣ, онъ, однако, не могъ порвать съ нимъ всѣхъ связей, и, тяготѣя къ нему всѣми силами души, сдѣлался самъ артистомъ-любителемъ. Основанный въ 1865 году группою въ пятьдесятъ человѣкъ артистическій кружокъ привлекъ къ себѣ вниманіе многихъ истинныхъ любителей литературы, музыки и театра, и въ числѣ его учредителей и членовъ мы встрѣчаемъ А. Н. Островскаго, по мысли котораго и создано это учрежденіе, Н. Г. Рубинштейна, князя В. Ѳ. Одоевскаго, А. П. Плещеева, А. Ѳ. Писемскаго, Н. А. Чаева, графа В. А. Соллогуба, П. М. Садовскаго, Б. Н. Алмазова, В. И. Живокини, Н. Е. Вильде и многихъ другихъ писателей, артистовъ, музыкантовъ, художниковъ и людей разныхъ профессій, интересующихся искусствомъ и литературою.

Въ этотъ кружокъ въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ и приверженныхъ его членовъ вошелъ и князь Кугушевъ, бывшій въ то же время членомъ-учредителемъ общества русскихъ драматическихъ писателей и оперныхъ композиторовъ. Здѣсь были организованы исполнительныя музыкально-литературныя собранія, на которыхъ игралъ знаменитый въ то время оркестръ М. Сакса и участвовали многіе извѣстные артисты и литераторы, какъ сопрано А. Г. Меньшикова, теноръ Ф. К. Никольскій, басъ П. А. Радонежскій, И. Ф. Горбуновъ, П. М. Садовскій, Островскій, Писемскій, Чаевъ, Майковъ, князь Кугушевъ и др.

Сначала кружокъ помѣщался на Тверскомъ бульварѣ (домъ Нукалова, нынѣ Полякова). Когда дѣла его пошли хуже, онъ перешелъ въ 1867 году на Б. Лубянку, въ домъ, гдѣ была гостиница Лобади, а потомъ Журнало, нынѣ Ивановскаго монастыря. Наканунѣ почти полного краха, когда для спасенія кружка былъ приглашенъ артистъ Малаго театра Н. Е. Вильде, нанято было

¹⁾ Его родная тетка Мещеринова была за Львовымъ. У Л. Ф. Львова, большого знатока и любителя музыки, давались музыкальные вечера, на которые собиралась вся Москва.

(1869 г.) новое помѣщеніе въ домѣ Бронникова (бывшій Шеллапутинскій театр, нынѣ Незлобина). Быстрый расцвѣтъ кружка начался съ того времени, какъ ему разрѣшены были публичные спектакли. Тогда онъ сдѣлался образовательной школой для артистовъ, поставщикомъ ихъ для Малаго театра, настоящимъ питомникомъ талантовъ. Черезъ сцену кружка прошли въ него О. О. Садовская (Лазарева до замужества), М. П. Садовскій, В. А. Макшеевъ, О. А. Правдинъ, В. А. Охотинъ. Здѣсь подвизались въ разное время Д. А. Путята, Н. А. Борисовскій, И. А. Григоровскій, Н. С. Стружкинъ, г-жи А. И. Шубертъ, Чистякова-Понизовская, А. А. Дюбюкъ, Линовская, Б. Э. Кошева, А. Я. Романовская и др.

Здѣсь въ «Горькой судьбинѣ» Ананія игралъ самъ А. Ѳ. Писемскій.

Съ большимъ успѣхомъ выступалъ на сценѣ кружка и князь Кугушевъ въ качествѣ талантливаго исполнителя по преимуществу комическихъ ролей, нерѣдко въ своихъ собственныхъ пьесахъ, напримѣръ, въ «Кохинхинкѣ» и въ «Пустоцвѣтѣ», гдѣ онъ игралъ центральную роль Градобоева.

Въ числѣ любителей, съ которыми онъ иногда выступалъ ¹⁾, были и очень талантливые исполнители, какъ, напримѣръ, чиновникъ дворцоваго вѣдомства комикъ-резонеръ Алексѣй Алексѣевичъ Сусоровъ (превосходно игравшій городничаго), и очень молодые начинающіе, какъ чиновникъ казенной палаты Н. М. Захарьевъ, Василій Алексѣевичъ Охотинъ (впослѣдствіи артистъ Малаго театра и мужъ знаменитой Н. М. Медвѣдовой), Кисловскій и др. Одна изъ любительницъ, г-жа Фоглеръ, отличалась тѣмъ, что никогда не знала ролей. Ранѣе, когда она служила нѣкоторое время въ Маломъ театрѣ, какъ-то на сценѣ во время представленія она понесла такую чушь, что стоявшая рядомъ съ ней Медвѣдова громко сказала, обращаясь къ ней: «Вы все врете».

Такую совершенно необычную для артистки способность графиня В. А. Соллогубъ не замедлилъ запечатлѣть въ слѣдующемъ посвященномъ ей четверостишіи:

Г-ЖѢ ФОГЛЕРЪ.

Твердо все по роли
Надобно вамъ знать,
Чтобы дичь вы не пороли,
Когда съѣдется къ намъ знать.

Московскій артистическій кружокъ, собиравшій въ своихъ стѣнахъ столько яркаго и талантливаго, процвѣталъ, однако, недолго и вскорѣ началъ мало-по-малу распадаться.

¹⁾ Играли въ Секретаревскомъ театрѣ (на Большой Кисловскій) и на сценѣ кружка.

Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ вмѣстѣ съ другими видными дѣятелями изъ кружка ушелъ князь Кугушевъ. Оставивъ это столь любимое имъ дѣло, онъ повелъ тихую жизнь богатаго холостяка въ своей прекрасной квартирѣ въ домѣ Шубиной на углу Малой Дмитровки и Успенскаго переулка. Къ этому времени онъ почти совсѣмъ порвалъ свои связи какъ съ великосвѣтскими, такъ и съ театральными сферами.

Здѣсь жилъ онъ очень замкнуто, окруженный пьяницей-лакеемъ Маркомъ, котораго нѣжно называлъ Морковкой, и двумя древними старушками, бывшей своей нянькой Натальей Дмитриевной и горничной Настасьей Ивановной, тоже временами запивавшей. Горничная эта перѣдко, подавая барину трубку или чай, по его требованію становилась въ надлежащую позу и, шамкая беззубымъ ртомъ, декламировала подъ искренній и задушевный смѣхъ своего хозяина:

Ъхалъ принцъ Оранскій
Черезъ рѣку По,
Бабъ астраханской
Отпустилъ бонъ-мо.
.....
.....
.....
.....

Время отъ времени къ нему являлась, такъ сказать, на гастроли старая приживалка Варвара Дмитриевна Зайцева и проживала у него одну-двѣ недѣли, до какого-нибудь серьезнаго столкновенія съ хозяиномъ, послѣ котораго она торжественно изгонялась или, разразившись укоризнами и ругательствами, исчезала по своей собственной инициативѣ. Это была злая, сварливая, совершенно невѣжественная старуха темнаго происхожденія и очень большая сплетница. Она знала всѣхъ и все и своей безконечной болтовней помогала князю коротать скучные дни. Онъ раскладывалъ пасьянсъ, а она неутомимо вела свои безконечные рассказы, за что и получала ежемѣсячную субсидію—основной фондъ ея существованія. Но постояннымъ и неизмѣннымъ спутникомъ его одиночества являлась нѣжно имъ любимая собака, левретка Кукла; день она всегда лежала рядомъ съ нимъ на диванѣ или въ креслѣ, а ночью переходила вмѣстѣ съ нимъ въ его спальню, гдѣ ей также было отведено особое мѣсто.

На желѣзной дорогѣ онъ всегда бралъ ей мѣсто рядомъ съ собой, чтобы не сдавать ее въ собачій вагонъ. Однажды это обстоятельство подало поводъ къ большому скандалу. Князь Кугушевъ ѣхалъ въ Козловъ на именины къ своей племянницѣ Елизаветѣ Васильевнѣ Соболевской, женѣ инженера Константина Вла-

димировича Соболевскаго ¹⁾, служившаго начальникомъ ремонта путей и зданій на Рязанско-Козловской желѣзной дорогѣ. Онъ занялъ мѣсто въ вагонѣ перваго класса, рядомъ съ нимъ помѣстилась его собака, а неподалеку отъ него расположился какой-то военный инженеръ, какъ потомъ оказалось, начальникъ дороги Ильинъ, также ѣхавшій на именины къ Соболевскимъ. Въ это время мимо проходилъ контролъ, которому князь Кугушевъ и вручилъ два билета—за себя и свою собаку. Присутствіе начальника дороги заставило контролера предложить сдать собаку въ собачій вагонъ. Князь Кугушевъ запротестовалъ, его стѣрону принялъ пассажиръ князь Колопчаковъ, а противъ заявилъ себя прежде всего ремонтъ германской арміи безсмертный черный гусарь, баронъ Кунде, котораго князь Колопчаковъ не замедлилъ вызвать на дуэль. Скандалъ разрастался. Голоса раздѣлились, пассажиры горячо спорили, и контролеръ за разрѣшеніемъ вопроса обратился къ начальнику дороги, который и велѣлъ сдать собаку въ собачій вагонъ. Князь Кугушевъ заявилъ, въ свою очередь, что не позволитъ взять отъ себя собаку. Подѣзжали къ станціи Грязи, гдѣ къ нему предъявили окончательное требованіе или отдать собаку, или оставить поѣздъ. Онъ предпочелъ послѣднее и торжественно, понося всячески желѣзнодорожную администрацію, вышелъ изъ вагона, рѣшаясь сидѣть на станціи чуть ли не цѣлыя сутки, до слѣдующаго поѣзда. Между тѣмъ Ильинъ, благополучно прибывъ къ Соболевскимъ, послѣ обычныхъ поздравленій, поспѣшилъ рассказать именинницѣ исторію какого-то барина съ собакой, котораго пришлось высадить на станціи Грязи.

— Это дядя Григорій Васильевичъ,—воскликнула Соболевская, блѣднѣя, съ глазами, полнымъ злель.

Оказалось, что всѣ гости были налицо и ждали только дядю, чтобы сѣсть обѣдать.

Въ это время имейнницѣ подали телеграмму, въ которой дядя, поздравляя ее съ ангеломъ, увѣдомляетъ, что арестованъ на станціи Грязи начальникомъ дороги Ильинымъ.

Скучно и уединенно текла жизнь нашего писателя.

По праздникамъ къ нему приходили въ отпускъ его племянники Флоръ и Владиміръ Васильевичи Кугушевы и сынъ актера Степанова—Костя. Онъ очень любилъ этихъ мальчугановъ и охотно велъ съ ними оживленныя бесѣды и споры на всевозможныя темы. Въ свою очередь, и мальчики его очень полюбили, такъ что когда онъ заболѣлъ тяжелою формою дифтеритной жабы, то они самоотверженно рѣшились не оставлять его одного на попеченіи прислугъ и по очереди дежурили около него во все продолженіе болѣзни. Изъ знакомыхъ въ это время его навѣщали изрѣдка композиторъ

¹⁾ Сынъ директора института инженеровъ путей сообщенія,

баронъ Фитингофъ-Шель и писательница Юрѣва (Ирина Семёновна Сандунова-Кони). Чаще бывали у него Михайлъ Провычъ Садовскій, тогда еще совсѣмъ юный, Н. М. Захаревъ, артистъ Малаго театра В. А. Охотинъ. Время отъ времени прїѣзжала къ нему его дочь Екатерина Григорьевна Ма—дъ. Цѣлыми недѣлями одиноко сидѣлъ онъ съ длинной черешневой трубкой въ рукахъ, вытягивая изъ огромнаго янтарнаго мундштука застилающіе все кругомъ клубы табачнаго дыма. Писалъ онъ въ этотъ періодъ своей жизни очень мало и рѣдко что-нибудь печаталъ. Въ его письменномъ столѣ лежали безъ всякаго движенія его собственной рукой переписанная набѣло комедія въ пяти дѣйствіяхъ «Прогрессъ», четырехактная комедія «Нашла коса на камень» и водевилъ «Она была въ Аскольдовой могилѣ», передѣланная изъ «*Elle était à l'Ambigu*». Но онъ уже, кажется, и не думалъ о ихъ постановкѣ. Впослѣдствіи пьесы эти сгорѣли во время пожара деревяннаго дома. Ежедневно онъ прочитывалъ газеты и журналы, кой-что писалъ (для «Антракта» Радиславскаго, напримѣръ), раскладывалъ пасьянсъ и почти безвыѣздно сидѣлъ въ своемъ креслѣ. Изрѣдка только, развеселившись, поговорить бывало со своимъ любимцемъ «Какаду», который удивительно отчетливо спрашивалъ: «какъ тебя зовутъ» и «говоришь ты-по французски», чѣмъ всегда доставлялъ большое удовольствіе своему хозяину и учителю. Лѣто онъ проводилъ обыкновенно у себя въ имѣніяхъ, иногда на своей дачѣ въ Петровскомъ паркѣ или въ Липецкѣ, куда въ тѣ времена съѣзжались на сезонъ многіе помѣщики Тамбовской и сосѣднихъ съ нею губерній.

Обладая довольно крупнымъ состояніемъ, двумя имѣніями въ Тамбовской и Орловской губерніяхъ, домомъ въ Москвѣ (на Никитской) и нѣсколькими дачами въ Петровскомъ паркѣ ¹⁾, князь Кугушевъ постоянно нуждался въ деньгахъ. Какъ человекъ непрактичный, онъ вездѣ и на всемъ переплачивалъ и его всѣ по возможности обирали. Онъ постоянно жаловался на безденежье, хотя жилъ очень скромно. За прекрасную квартиру въ бельэтажѣ изъ семи комнатъ съ людскою, каретнымъ сараемъ и конюшней онъ платилъ шестьсотъ рублей въ годъ. Эту квартиру онъ занималъ нѣсколько лѣтъ и только незадолго передъ смертью переѣхалъ въ болѣе скромное помѣщеніе (Каретный рядъ). Столовался въ кухмистерскихъ и клубахъ, курилъ знаменитый «Жуковъ» восемьдесятъ копеекъ за фунтъ. И тѣмъ не менѣе временами у него не было ни копейки, и онъ занималъ у лакея двадцать копеекъ на четвертку табаку. Кредиторы постоянно его осаждали и ему приходилось временами буквально отъ нихъ спасаться. Управляющіе его имѣніями хозяйничали, какъ хотѣли, пользуясь тѣмъ, что самъ онъ хозяйствомъ совсѣмъ не за-

¹⁾ Аллея, гдѣ онъ стоялъ, носитъ теперь названіе Кугушевской.

нимался, а прѣзжалъ въ деревню только лѣтомъ на два-три мѣсяца. Они высылали ему, сколько и когда хотѣли, и безконтрольно вели его очень большое черноземное, усадебное и заводское хозяйство.

Въ тамбовскомъ имѣніи Алексѣевкѣ у него былъ большой конскій заводъ, въ орловскомъ (сельцо Ивановское близъ гор. Ельца), принадлежавшемъ ранѣе Мещериновымъ, были большія оранжереи и бѣлыя сливы и персики вызрѣвали у него прямо на террасѣ барскаго дома.

Получая всегда приглашенія на балы и рауты у московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, онъ время отъ времени ихъ посѣщаль; но этимъ почти и ограничивались его сношенія съ такъ называемымъ «большимъ свѣтомъ», къ которому онъ себя съ гордостью причислялъ, производя свой родъ отъ Батыя на основаніи какой-то родословной, въ которой якобы написано, что у Батыя было три сына Кугушъ, Тенишъ и Енгальчъ, откуда и произошло три княжескихъ фамиліи: Кугушевыхъ¹⁾, Тенишевыхъ и Енгальчевыхъ. Вообще своимъ княжескимъ титуломъ онъ очень гордился. Любя страстно театръ, онъ, однако, никакъ не могъ рѣшиться поступить на сцену, такъ какъ это казалось ему (да и не одному ему) несомнѣемымъ съ княжескимъ достоинствомъ. Его пристрастіе къ всевозможнымъ титуламъ сказывалось даже въ персонажахъ его пьесъ, въ которыхъ князья, графы, бароны являются своего рода неизбѣжностью. Его тяготѣніе къ большому свѣту сказывалось и въ его мечтахъ о придворномъ званіи. Онъ не скрывалъ своего желанія сдѣлаться хотя бы камеръ-юнкеромъ.

Даже интересы своего личнаго счастья приносились имъ въ жертву сословнымъ предразсудкамъ. Мысль о женитьбѣ не разъ приходила ему въ голову. Но въ большомъ свѣтѣ не было для него подходящихъ невѣстъ. Для бѣдныхъ онъ былъ недостаточно богатъ, а для богатыхъ—слишкомъ бѣденъ. Горячій поклонникъ женщинъ, онъ часто ими увлекался, но это не помѣшало ему остаться холостякомъ. Возможно, что отъ женитьбы его удерживала какая-то застарѣлая болѣзнь, которою онъ, видимо, постоянно тяготился и на почвѣ которой у него развилась болѣзнь сердца.

Вообще по своему воспитанію и образованію князь Кугушевъ былъ аристократомъ *pur sang*, а по убѣжденіямъ—большой консерваторъ. Читалъ онъ предпочтительно «Московскія Вѣдомости» и «Русскій Вѣстникъ» и былъ большимъ поклонникомъ Михаила Никифоровича Каткова, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Слѣдя по «Московскимъ Вѣдомостямъ» съ большимъ интересомъ за перипетіями франко-прусской войны, искренно скорбѣлъ

¹⁾ По энциклопедическому словарю родоначальникомъ Кугушевыхъ считается мурза Анай-Айтугановичъ, пожалованный вотчиной въ 1639 году.

душою и весьма энергично порицалъ и осмѣивалъ за легкомысліе и коммунистическія затѣи «самодержавный французскій народъ» ¹⁾ въ лицѣ Гамбетты и его единомышленниковъ.

Не сочувствуя реформѣ освобожденія крестьянъ въ томъ видѣ, какъ она была выработана, онъ послѣ манифеста 19-го февраля 1861 года, получивъ положеніе объ освобожденіи, написалъ на немъ:

Изъ положенія я вывелъ заключеніе,
Что плохо наше положеніе.

Сидя лѣтомъ на террасѣ своего деревенскаго дома въ Алексѣевкѣ (въ шестидесяти верстахъ отъ Тамбова и отъ Козлова) и видя, что его бывшіе крѣпостные проѣзжаютъ и проходятъ мимо, сплошь и рядомъ не снимая шапокъ и даже не кланяясь, онъ съ негодованіемъ восклицалъ: «Ишь, и шапокъ не ломаютъ».

Изъ великосвѣтскихъ знакомствъ онъ сохранилъ свои отношенія только съ графомъ В. А. Соллогубомъ и съ семействомъ московскаго губернатора Ивана Сергѣевича Фонвизина, внука извѣстнаго Дениса Ивановича ²⁾. Графъ Соллогубъ поселился рядомъ съ княземъ Кугушевымъ въ небольшомъ флигелѣ (по Успенскому переулку), тоже принадлежавшемъ Шубиной, и, какъ добрые сосѣди, оба писателя изрѣдка бывали другъ у друга, чтобы сыграть партію въ пикетъ и побесѣдовать о литературѣ, о театрѣ и великосвѣтскихъ новостяхъ. Они не были, собственно говоря, друзьями, но въ ихъ вкусахъ и стремленіяхъ, въ ихъ аристократизмѣ было много общаго.

Однажды графу Соллогубу, который былъ въ гостяхъ у князя Кугушева, очень понравилась у него какая-то статуэтка севръ, и хозяйнѣ вечеромъ того же дня послалъ ее сосѣду въ подарокъ, въ сопровожденіи любезной записки. Въ отвѣтномъ письмѣ графъ Соллогубъ писалъ:

Подарку радъ и благодаренъ,
И тѣмъ ты милъ мнѣ, мой сосѣдъ,
Что средь писателей—ты баринъ,
А въ барахъ—истый ты поэтъ.

Въ другой разъ графу Соллогубу среди богатой обстановки князя Кугушева очень понравилась художественно исполненная фарфоровая лягушка. На слѣдующій день Кугушевъ былъ у Соллогуба и проигралъ ему нѣсколько рублей въ пикетъ. Отсылая на другой день утромъ свой проигрышъ вмѣстѣ съ лягушкой, онъ писалъ:

---

¹⁾ Какъ его называлъ Катковъ.

²⁾ У его родного брата Павла Ивановича былъ сынъ Сергѣй Павловичъ—отецъ Ивана Васильевича.

Отъ сна возставъ и чай откушавъ,
Вчерашній долгъ вамъ шлетъ Кугушевъ.

На что Соллогубъ отвѣчалъ:

Къ вамъ ѣздить, милый князь, есть выгода сугуба,
Примите же за то спасибо Соллогуба.

Московский губернаторъ Иванъ Сергѣевичъ Фонвизинъ былъ женатъ на дочери бѣднаго дворянина Ивана Петровича Погонина ¹⁾, Варварѣ Ивановнѣ, отличавшейся удивительной красотой, передъ которой преклонялся и князь Кугушевъ, какъ большой поклонникъ всякой красоты. Фонвизинъ не имѣлъ никакой склонности къ административной дѣятельности и скоро покинулъ свой постъ. Графъ В. А. Соллогубъ увѣковѣчилъ его въ своихъ знаменитыхъ куплетахъ «благодарю не ожидалъ», которые въ свое время такъ нравились императору Александру II.

Фонвизинъ—древній литераторъ—
Пришедшихъ въ небо вопрошалъ:
Неужто внукъ мой—губернаторъ?
Благодарю—не ожидалъ.

Съ старшимъ братомъ Варвары Ивановны Александромъ Ивановичемъ Погонинымъ, провинціальнымъ *jeune premier*, князь Кугушевъ былъ въ особенно дружескимъ отношеніяхъ и, когда Погонинъ служилъ ²⁾ въ Гроднѣ, онъ въ одномъ изъ своихъ къ нему писемъ писалъ:

Хоть мнѣ тщеславіе не сродно,
Но все же буду хвастать я,
Что въ тепломъ краѣ, дальнемъ Гродно,
Вы не забудете меня.

Во времена своей молодости, когда онъ велъ чисто свѣтскую жизнь, онъ бывалъ у извѣстной поэтессы графини Е. П. Ростопчиной (урожденной Сушковой) и, будучи въ числѣ ея горячихъ поклонниковъ, написалъ ей въ альбомъ нижеслѣдующіе стихи:

Въ нѣжномъ страстномъ упоеньи
При мерцаніи луны
Рыцарь дѣвѣ, въ знакъ почтенья,
Подарилъ свои штаны.
И, желая предъ людьми
Доказать свою любовь,
Дѣва ходитъ со штанами,
Рыцарь ходитъ безъ штановъ.

¹⁾ Держалъ меблированныя комнаты въ Леонтьевскомъ переулкѣ, домъ Олениной.

²⁾ Умеръ въ Москвѣ, въ Новоекатерининской больницѣ, какъ гласила молва, отъ отравленія свинцовыми бѣлилами, вслѣдствіе постояннаго ихъ употребленія при гримѣ.

Какъ при этомъ не замѣтить,
 Правды скрыть я не могу,
 Что любви такой не встрѣтить
 Даже въ высшемъ здѣсь кругу.

Въ литературныхъ сферахъ онъ болѣе или менѣе близокъ былъ еще съ извѣстнымъ водевилистомъ и переводчикомъ Беранже Дмитріемъ Тимоѣевичемъ Ленскимъ, а въ особенности съ извѣстнымъ критикомъ и фельетонистомъ «Московскихъ Вѣдомостей» Николаемъ Михайловичемъ Пановскимъ, жившимъ въ то время на Большой Дмитровкѣ, въ домѣ, принадлежащемъ теперь Лапнымъ (во флигелѣ во дворѣ). Когда-то очень богатый помѣщикъ, Пановскій все прожилъ и жилъ теперь единственно только на свой литературный заработокъ. Неся на плечахъ слишкомъ семьдесятъ лѣтъ, этотъ остроумный и энергичный старикъ поражалъ своей жизнерадостностью, весельемъ и беззаботностью. Это и теперь былъ большой балагуръ, селадонъ, бонвиванъ, неизсякаемый интересный рассказчикъ, который за словомъ въ карманъ не лезилъ и любилъ сильно приврать. Въ своемъ стихотворномъ къ нему писаніи изъ деревни князя Кугушевъ такъ писалъ ему:

Царь фельетона и сатиры,
 Какіе кормятъ васъ трактиры,
 Какъ запекаете Москву?
 Кому вы, Саксу или Морелю ¹⁾,
 Вручили яблоко, Парисъ,
 Гдѣ вашей слышенъ звукъ свирѣли,
 Гдѣ вашъ обычный оазисъ?
 Или, любя свою квартиру,
 Изъ глубины того жъ двора
 Вы шлете жаждущему міру
 Плоды волшебнаго пера?
 А я опять въ степяхъ Тамбова.
 Здѣсь земство всѣхъ свело съ ума.
 Для благъ отечества родного
 Народу съѣхалось тьма.
 Купцы тутъ были и мѣщане,
 Дьячки, дворяне и попы
 И разжирѣвшіе крестьяне,
 А съ ними блохи и клопы.
 Все это вмѣстѣ дружно, четко...
 И громко крикнуло «ура»,
 Когда во всѣхъ сказалась водка
 Еще дремавшая съ утра.
 Нельзя иначе, какъ съ любовью;
 Къ такому дѣлу отнестись.
 Прогрессъ. Сословіе сословію
 Не скажетъ больше: сторонись.
 Ахъ! Доживу ли до мгновенья,—

¹⁾ Извѣстные московскіе рестораторы.

Надежда эта далека,—
 Когда въ восторгѣ, въ упоеньи
 Обниметь баринъ мужика.
 По этой эры ждать намъ рано,
 Я падрываюсь отъ тоски,
 Что въ дѣлѣ земства какъ бараны
 И господа, и мужики.

Въ этомъ посланіи къ пріятелю и единомышленнику живо чувствуется міровоззрѣніе отживающаго барства. Застольный ораторъ, острякъ, каламбуристъ, Пановскій никогда не оставался въ долгу, если дѣло шло о комплиментахъ, и на одномъ изъ гастрономическихкихъ обѣдовъ, предлагаемыхъ Кугушевымъ ближайшимъ изъ своихъ друзей, обратился къ хозяину съ слѣдующимъ экспромтомъ:

Люблю стихъ бойкій вашихъ пьесъ
 И роскошь барскую обѣдовъ.
 Вы за столомъ—Камбасересъ ¹⁾,
 Вы въ кабинетѣ—Грибоѣдовъ.

Мы говорили уже, что съ театральными сферами были окончательно порваны всякія связи, и князь Кугушевъ изъ своего уединенія неустанно дарилъ болѣе или менѣе злыми эпиграммами своихъ враговъ, а иногда и своихъ бывшихъ друзей. Въ концѣ шестидесятихъ годовъ онъ неутомимо сыпалъ ихъ на Малый театръ ²⁾. Приводимъ здѣсь всѣ намъ извѣстныя, за исключеніемъ нецензурныхъ.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Особенно доставалось отъ него И. В. Самарину за его экскурсіи въ область драматургіи.

Такъ, по поводу представленія его комедія «Перемелется—мука будетъ», онъ написалъ:

Писатель и актеръ,
 Когда толпа разсудитъ,
 Перемеля твой вздоръ,
 Мука наврядъ ли будетъ.

¹⁾ Извѣстный французскій гастрономъ графъ Камбасересъ.

²⁾ Нѣкоторыя изъ нихъ были напечатаны въ «Антрактѣ» Радиславскаго.

³⁾ Директоръ театровъ.

Ему же:

Когда срокъ юности прошелъ,
Онъ старикомъ на сцену вышелъ,
Потомъ въ писатели пошелъ,
А все изъ дураковъ не вышелъ.

По поводу представленія пьесы «Иванъ Грозный»:

Два представителя на Грознаго у насъ;
Но оба предъ царемъ Иваномъ просто насъ.
Одинъ не только что не царь, но и не баринъ,
Иванъ Васильичъ, да не Грозный, а Самаринъ.
Другой ¹⁾ въ «Воробушкахъ» ²⁾ такую силу взялъ,
Что даже Грознаго воробушкомъ сыгралъ.

Затѣмъ большую неприязнь питалъ князь Кугушевъ къ мужу
Гликеріи Николаевны Федотовой Александру Филипповичу Федо-
тову. Когда поставленная на сценѣ Малаго театра его пьеса «Году-
новы» провалилась, Кугушевъ написалъ:

Ахъ давно ли новы
Были Годуновы.
Нынче—груды тѣлъ,
Нѣтъ отъ нихъ и тѣни,
Только дребедени
Этой авторъ цѣль.
Лучше бъ «Годуновы»
Были вѣчно новы,
Только бъ вѣтръ степеней,
Ради Мельпомены,
Смелъ съ московской сцены
Ихъ творца скорѣй.

Въ другой посвященной ему эпиграммѣ онъ писалъ:

Самъ по себѣ онъ не актеръ;
Но онъ одѣлся въ перья
Своей чувствительной Лукерьи
И держится съ тѣхъ поръ.

А вотъ его экспромтъ Г. Н. Ф..

Глядя на этотъ станъ, на эти губки,
Ей въ красотѣ и не откажешь.
А какъ не согрѣшишь, не скажешь:
Она—Самаринъ въ юбкѣ.

Далѣе слѣдуютъ экспромты разнымъ другимъ лицамъ, такъ
или иначе прикосновеннымъ къ искусствамъ и литературѣ.

¹⁾ С. В. Шумскій.

²⁾ Репертуарная пьеса, имѣвшая большой успѣхъ.

Вотъ четверостишіе по поводу поступленія на сцену сын
Акимовой:

Акимовой дана награда:
На сцену принять сынъ,
Но публика ужасно рада,
Что онъ у ней одинъ.

А вотъ по поводу дебютовъ въ московскомъ Маломъ театрѣ На-
дежды Сергѣевны Васильевой ¹⁾:

Вотъ Катенькиной дочкѣ
Рецензія въ стихахъ:
Явилась разъ въ сорочкѣ,
А прочіе—въ штанахъ ²⁾.

Послѣ представленія пьесы А. Н. Островскаго «Дмитрій Само-
званецъ»:

Ну, самозванецъ, говоря
По чести, шель съ изъянцемъ,
И въ роли ложнаго царя
Былъ Вильде ³⁾ чистымъ самозванцемъ.

Послѣ представленія оперы Верстовскаго «Аскольдова мо-
гила»:

Верстовскій доказалъ таланта силу:
Аскольдъ и здѣсь нашель свою могилу.

Къ портрету актрисы Череповой:

Дурного въ Череповой нѣтъ,
Нѣтъ и таланта въ ней большого;
Но, какъ инспекторъ и поэтъ,
Я вижу много въ ней Дурнова ⁴⁾.

Капельмейстеру императорскихъ театровъ Шрамеку:

Съ бородой мочалочкой
Капельмейстеръ жалкій.
Не тебѣ бы съ палочкой,
А тебя бы палкой.

Сергѣю Васильевичу Шумскому:

Привыкнувъ брать всѣ роли съ бою,
Онъ и «Тартюфа» взять успѣлъ;
Но даже быть самимъ собою
Онъ, къ сожалѣнію, не сумѣлъ.

¹⁾ Дочери Екатерины Николаевны и Сергѣя Васильевича (извѣстнаго московскаго комика) Васильевыхъ.

²⁾ Такъ случайно подобраны пьесы, что и то и другое было справедливо.

³⁾ Бывшій артистъ Малаго театра и драматургъ (см. выше).

⁴⁾ Тогдашній московскій полицеймейстеръ, котораго Черепова дарила своей благосклонностью.

Пѣвицѣ Карской ¹⁾:

Какъ соловей, поете вы съ душою;
Но вотъ бѣда:
Что тотъ поетъ одной весною,
А вы—всегда.

Пѣвицѣ Оноре ²⁾:

Пѣвица ты—пѣвицамъ всѣмъ примѣръ:
Отличный тонъ, отмѣнная манера.
Когда поешь «Два гренадера»,—
Мнѣ слышится и третій гренадеръ.

По поводу вторичнаго замужества Е. Н. Васильевой:

Пылая нѣжностью къ Васильевой глубокой,
Николя Бокъ сошелся съ ней на срокъ;
Теперь, когда на вѣкъ ихъ связываетъ рокъ,
Бокъ будетъ съ боку лишь припека.

Кн. Кугушевъ очень ухаживалъ за артисткой Кр . . . ѣ, но безуспѣшно. Можетъ быть, подъ впечатлѣніемъ постоянныхъ неудачъ онъ написалъ на нее нижеслѣдующее очень злое стихотвореніе.

Мы всѣ свидѣтели,
Что добродѣтелей
Въ ней было множество.
И стала славиться
Она, красавица,
Въ трудѣ-убожествѣ:
Плетутъ рассказчики:
Ее приказчики
Сперва замѣтили.
Идеи дикія.
. . . . .
. . . . .
Такой манерою
Всѣ пробавляются
И вотъ карьерою
Что называется.

Далѣе слѣдуютъ его эпиграммы на разныхъ другихъ лицъ, представителей литературнаго міра и прочихъ:

¹⁾ Бывшею замужемъ за фельетонистомъ «Русскихъ Вѣдомостей» Лукинымъ, который писалъ подъ псевдонимомъ «Скромный наблюдатель».

²⁾ Обладала очень низкимъ контральто и довольно грубоватыми манерами

М. Н. Лонгинову ¹⁾:

Все расплываясь шире, шире,
Онъ, литераторъ и зоилъ,
О томъ, что дважды два—четыре,
Не разъ въ газетахъ повѣстилъ.

Къ А. П. Андрееву ²⁾:

Вотъ въ наши дни какое «Наше Время»
Песчаной публикѣ навязываетъ бреми:
Тургенева отдѣлавъ выше мѣръ,
Андрееву отдѣлъ отводитъ новый.
Въ отдѣлъ годится сей путейскій офицеръ,
Въ литературѣ же осель онъ непутевый.

Братьямъ Курочкинымъ:

Василій Курочкинъ—прославленный молодчикъ,
Кутила-мученикъ и бойкій переводчикъ.
Николя жъ Курочкинъ ³⁾—здоровый человекъ,
Не пишетъ ничего, свой доживая вѣкъ;
Но безъ особенныхъ, какъ слышалъ я усилій,
Петьеъ ровно столько же, какъ братъ его Василій.

Г. Пятого:

Пятого. Пятого.
Ты рожденъ для того,
Чтобъ въ театрѣ сидѣть,
На артистокъ глазѣть.

Когда у него въ тамбовскомъ имѣннн Алексѣевка гостилъ
его дядя Иванъ Ильичъ Мещериновъ, послѣдннй написалъ въ убор-
ной на стѣнѣ нижеслѣдующе вирши:

.....
.....
.....
.....

Внизу кн. Григорій Васильевичъ написалъ:

Твой стихъ такъ вялъ и такъ негибокъ,
Иванъ Ильичъ, что просто страхъ.
И въ четырехъ твоихъ стихахъ
Нашель я ровно семь ошибокъ.

¹⁾ Михаилъ Николаевичъ Лонгиновъ, извѣстный литераторъ, впоследствии началь-
никъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

²⁾ Александръ Николаевичъ Андреевъ, редакторъ газеты «Наше Время», воде-
вильщикъ, авторъ цыганскихъ романсовъ.

³⁾ Сатирическнй поэтъ, впоследствии сотрудникъ «Наблюдателя» (псевдонимъ).

Къ числу шуточныхъ стихотвореній нужно отнести его пародіи, какъ, напримѣръ, Лермонтовское:

Въ минуту жизни трудную,
Когда карманъ мой пусть,
Твержу я пѣсню чудную:
Когда жъ ты будешь густъ.
Есть сила благодатная
И въ мѣдномъ пятакѣ,
Но прелесть непонятная
Въ набитомъ кошелькѣ.
Есть нѣсколько цѣлковенькихъ,
Сомнѣнье далеко...
Возьмешь сажень еловенькихъ
И такъ тепло, тепло...

Или на Пушкинское: «Любви все возрасты покорны»:

Любви все возрасты покорны,
И по числу своихъ годовъ
Все женщины неравнодушны
Къ мужчинамъ разныхъ все сортовъ.
Въ пятнадцать-двадцать лѣтъ—къ артисту,
Лѣтъ въ тридцать съ лишкомъ—къ старику,
А въ сорокъ съ лишкомъ—къ гимназисту
Пылаютъ молча въ уголку.

Уже изъ этихъ эпиграммъ, посвященій и посланій видно, что князь Кугушевъ обладалъ остроуміемъ, бойкимъ стихомъ и несомнѣннымъ поэтическимъ дарованіемъ, о которомъ еще лучше можно судить по его «Пустоцвѣту», написанному особенно легкимъ и красивымъ стихомъ.

Изъ мелкихъ его стихотвореній очень хорошо приводимое ниже «Смерть»¹⁾:

СМЕРТЬ.

Она придетъ неслышимо, незримо,
И станетъ свѣтлая у моего одра,
И скажетъ мнѣ съ тоской невыразимой:
Пора, пора.
Повѣсть мнѣ въ лицо прохладой темной ночи,
Желѣзною рукой мою придавить грудь,
Тихонько навсегда мои закроетъ очи,
И въ путь, и въ путь.

¹⁾ Оно было напечатано въ одномъ изъ повременныхъ изданій (кажется, въ «Развлеченіи»), какъ неизданное стихотвореніе М. Ю. Лермонтова. Тогда князь Кугушевъ написалъ въ редакцію журнала «Развлеченіе» опроверженіе, въ которомъ доказываетъ, что стихотвореніе это принадлежитъ ему. Тѣмъ не менѣе, оно и до сихъ поръ перепечатывается въ нѣкоторыхъ сборникахъ въ искаженномъ видѣ, какъ Лермонтовское.

* * *

И въ той странѣ она меня разбудить,
Гдѣ, можетъ быть, невѣдома печаль,—
Но дней земныхъ, тяжелыхъ, жалкихъ будетъ
Да жаль, да жаль.

Ниже приводимъ нѣсколько другихъ его стихотвореній, оставшихся не напечатанными и относящихся ко времени его увлеченія одною дамою изъ великосвѣтскаго московскаго общества.

ВЪ ТИШИ.

Отъ деревьевъ тѣни
По саду легли;
Запахъ отъ сирени,
Отъ сырой земли,

Запахъ сѣна съ луга
Вѣтерокъ несетъ;
Надъ гнѣздомъ подруги
Соловей поетъ;

Ивы смотрятъ въ воду,
Дремлютъ камыши;
Все бы на природу
Я смотрѣлъ въ тиши.

Если бы тревожно
Не дышала грудь,
Если бъ было можно
На тебя взглянуть.

ТАМАРЪ.

Тамарѣ демонъ искуситель
Сокровищъ горы обѣщаль
И къ ней таинственно въ обитель
На крыльяхъ ночи прилеталь.
Онъ не терялъ надменной вѣры,
Что оболъщенной яркихъ нитъ
Одна единственная мѣра
Къ себѣ Тамару приманить.
Но демонъ—духъ, нигдѣ незримый,
А смертный человѣкъ простой
Къ иной Тамарѣ, имъ любимой,
Избралъ бы путь совсѣмъ иной.
Не предложилъ бы многоцѣнныхъ
Онъ ей сокровищъ покупныхъ,
Ни синихъ яхонтовъ нетлѣнныхъ,
Ни брилліантовъ огневыхъ.
Дворецъ бы ей необычайный
Онъ изъ тепла души сковаль,

Покрыль бы крышей вѣчной тайны,
 Любовью бь весь драпироваль.
 Ее въ тотъ храмъ на новоселье
 Онъ на цвѣтахъ бы перенесъ
 И подарилъ ей ожерелье
 Изъ благодарности и слезъ.
 Вѣнкомъ изъ солнечнаго свѣта
 Ея бь онъ кудри увѣнчалъ,
 И достояніемъ поэта—
 Стихами путь ей усыпалъ.
 Онъ, ложе ей устлавъ травою
 И въ изголовье кинувъ розъ,
 Надъ утомленной головою
 Покровъ бы бросилъ чистыхъ грезъ.
 А самъ, склоняся къ изголовью,
 Смотрѣлъ бы нѣжно ей въ глаза,
 Не загорится ли любовью
 Тѣхъ глазъ безстрастныхъ бирюза...

КОШМАРЪ.

Темно на улицѣ; до утренней зари
 Угомонилась жизнь; ползеть рысцой клячонка
 Извозчичья домой. Погасли фонари;
 И гдѣ-то въ доску бьетъ ночной блюстителъ звонокъ:
 Все въ домѣ спитъ; одинъ я у окна
 За письменнымъ столомъ; почти сгорѣли свѣчи;
 Гляжу въ нѣмую даль, какъ будто жажду встрѣчи,
 Какъ будто за окномъ покажется она.
 И вдругъ два огонька блеснули издалека,
 Несутся, прыгая, и блещутъ, и дрожатъ.
 И подъ моимъ окномъ, взрывая снѣгъ глубоко,
 Лихіе рысаки, прозябнувши, храпятъ.
 Скрипучій поворотъ мнѣ слышится кареты;
 Рисую полосы на темномъ потолкѣ,
 Фонарики легли на прочіе предметы,
 Еще блеснули разъ и скрылись вдалькѣ.
 И вотъ опять одинъ я съ грустью тревожной
 За письменнымъ столомъ съ поникшей головой,
 Себя баюкая надеждой невозможной,
 Что эти лошади ее несли стрѣлой,
 Что эти огоньки услужливо и ясно
 Ей освѣщали путь, что, можетъ быть, тепло
 Сквозь потускнѣвшее отъ холода стекло
 Взглянуть сюда она старалася напрасно
 И этотъ взглядъ поймать не довелось мнѣ.
 Затихло все кругомъ; и снова ночь нѣмая,
 О завтрашнемъ не помышляя днѣ,
 Идетъ своимъ путемъ, все въ сумракъ одѣвая.
 А мнѣ все слышится завѣтный скрипъ колесъ
 И видятся, какъ бы въ волшебной сказкѣ,
 То пряди черныя ея густыхъ волосъ,
 То въ бархатѣ бровей лазуревыя глазки.
 А можетъ быть легко, что это лишь кошмаръ;

Разсудокъ шепчетъ мнѣ внушительно и сухо:
 Напрасно трагилъ ты любви священный жаръ,
 Въ тотъ поздній часъ могла проѣхать и старуха,
 Отжившая княжна въ цвѣтахъ на парикѣ,
 Съ открытымъ воротомъ, съ какой-нибудь пирушки,
 Съ глазами сонными, прижавшись въ уголокъ
 И глубоко уйдя въ атласныя подушки.

Ф . . . . .

Давно ль въ минуту разставанья,
 Среди обыденныхъ общихъ фразъ—
 Я затаенное страданье
 И проблескъ чувства видѣлъ въ васъ.
 За эти сдавленные слезы
 Я васъ въ душѣ благословлялъ
 И отъ житейской пошлой прозы
 Больное сердце отрѣшалъ.
 Я думалъ: просіяло небо,
 Расцвѣлъ любви роскошный садъ
 И, какъ голодный коркъъ хлѣба,
 Мечтѣ обманчивой былъ радъ.
 Все въ васъ мнѣ такъ казалось ново
 И такъ прекрасно въ этотъ мигъ,
 Что съ сердца прорывалось слово—
 Да не послушался языкъ.

Сравнительно рѣдко онъ отзывался на такъ называемыя злобы дня и затрагивалъ въ своихъ стихотвореніяхъ общественные вопросы. Къ этой категоріи относится нижеприводимое:

НА ПОЛѢ.

Рожь подъ косою
 Рядами лежитъ,
 Пахарь съ женою
 На нивѣ сидитъ,
 Хлѣба краюшку,
 Кувшинчикъ кваску
 Тащитъ старуха
 Обѣдать сынку.
 Солнце отвѣсно
 Безъ устали жжетъ.
 Вѣтру, знать, тѣсно,
 Нѣтъ, нѣтъ—колыхнетъ
 Травку съдую,
 Ковыль молодой,
 Свѣжей, густою
 Не хлышетъ волной.
 Стень полевая
 Нѣма и гладка,
 Зорька ночная
 Еще далека.

Въ люлькѣ ребенокъ
 Лежитъ на спинѣ,
 Плачетъ спросонокъ,
 Лепечетъ во снѣ.
 Мать молодая
 Дала бѣ молока,
 Нива большая,
 Работа тяжка.
 Кончить работу,
 Покормить тогда...
 Сколько тутъ поту,
 Тревоги, труда,
 Слезъ и печали
 На нивы пошло.
 Долго страдали—
 Зато отлегло.
 Трудное дѣло,
 Работа тяжка,
 Ломить все тѣло,
 Гнететъ мужика.
 Тяжкая доля,
 А трудъ-то кипитъ.
 «Волюшка—воля»,
 Мужикъ говорить.

1869 г.

Къ готовящемуся празднованію двухсотлѣтняго юбилея русскаго театра князь Кугушевъ написалъ для артистическаго кружка аллегорію «Апоѳеоза Волкова», дружно разыгранную любителями, членами кружка. Въ этой «апоѳеозѣ» три дѣйствующихъ лица: Искусство, Жизнь и Веселость.

Приводимъ ее здѣсь полностью съ сохранившагося у насъ рѣдкаго экземпляра.

Жизнь.

Что вижу я? И лавры, и цвѣты,
 И блескъ, и музыки ласкающіе звуки;
 Веселье общее. Чьи свѣтлыя черты
 Вѣнчаютъ здѣсь? Царю какой науки
 Вѣнки душистые привѣтливо сплели
 И ихъ смиренно принесли
 Къ подножію стариннаго портрета?
 Какого смертнаго въ храмъ славы привели,
 Какого новаго открыли вы поэта?

Искусство.

Того, чьи свѣтлыя, сказала ты, черты
 Вѣнчаютъ лаврами безсмертными потомство;
 Его когда-то знала ты,
 Но нужнымъ не сочла тѣснѣй связать знакомство.
 Ты, равнодушная, узнавъ его, прошла,—
 Какъ жизнь всегда идетъ стопою тихой мимо,—
 И поддержать его ты нужнымъ не сочла,
 А ты была нужна ему и имъ любима.

Онъ рано отошелъ отъ жизненныхъ суетъ,
 Но довершить успѣлъ начатое строенье,
 И, хотъ его давно для славы русской нѣтъ,
 Но, видимо, живетъ его руси творенье.

Жизнь.

Но кто же онъ?—художникъ, семьянинъ,
 Писатель?—баринъ именитый,
 Вельможа, графъ?

Искусство.

Нѣтъ, русскій мѣщанинъ,
 Простой, но только даровитый.

Жизнь.

Чѣмъ онъ прославился? Что сдѣлалъ? чѣмъ онъ былъ?
 За что теперь намъ всѣмъ славна его могила?

Искусство.

Онъ говорилъ, уму и сердцу говорилъ.

Жизнь.

И только? Кто же онъ?

Искусство.

Онъ Волковъ.

Жизнь.

Я забыла.

Искусство.

Забить того, чья грудь и умъ полны,
 И переполнено огня бывало чувство;
 Забыть его: ни жизнь, ни люди, ни искусство,
 Сама исторія не могутъ, не должны.
 Актеръ въ душѣ, на честь родного края,
 Въ борьбѣ съ невѣжествомъ, онъ, съ горемъ пополамъ,
 Почти изъ ничего—изъ стараго сарая
 Искусству русскому построилъ первый храмъ.
 Тамъ сыграна «Эсфирь»; тамъ первое волнение
 Испытано; тамъ побѣжденъ имъ страхъ,
 Тамъ выстрадано имъ успѣха наслаждение,
 Тамъ путь указанъ имъ, тамъ сдѣланъ первый шагъ.

Жизнь.

Тамъ онъ изображалъ по всѣмъ правамъ тирана,
 И былъ, въ тѣ времена, настолько же великъ,
 Какъ комикъ, о святой, любого балагана;
 Что рѣчь теперь—тогда былъ только крикъ;
 Прекрасное тогда—теперь смѣшное, и забавно,
 Повѣрь мнѣ, прошлое затѣмъ лишь, что прошло,
 Затѣмъ и хорошо, затѣмъ оно и славно.
 Ты вспомни, сколько лѣтъ съ тѣхъ поръ ужъ протекло,
 За гаснущей звѣздой является другая,
 Еще блестяще для сердца и ума:

Сегодня былъ Леженъ, на завтра есть Тальма,
И дальше, безъ конца, какъ стая птицъ густая.
Одинъ и тотъ же людямъ путь:
Какъ ни талантливъ будь и славенъ новый геній,
На ту же грудь земли придетъ онъ отдохнуть
И ей же принести прахъ тщетныхъ вдохновеній.
Все забывается подъ бременемъ вѣковъ.
Что отжило, того къ сознанью не пробудишь.
Хоть сотней голосовъ, хоть грудю вѣнковъ
Прошедшее рядить и славить будешь.

Искусство.

Все забывается, но память, но любовь
Къ тому, кто за собой къ теперешнимъ потомкамъ
Актеровъ вывелъ рядъ, въ комъ не застыла кровь,
Пробудится всегда къ такимъ обломкамъ.
Ему и честь, и слава, и хвала,
И нѣтъ числа объ немъ хвалебныхъ толковъ;
Да, русскому всегда останется мила
Твоя великая заслуга, Ѳедоръ Волковъ.
Не будь его...

Жизнь.

Нашелся бы другой...

Искусство.

Нѣтъ, въ немъ горѣлъ неугасимый пламень;
Онъ первый смѣлою рукою,
Онъ положилъ строенья первый камень.
И вотъ оно съ тѣхъ поръ росло, росло,
Расширилось, окрѣпло, возмужало
И сколько намъ талантовъ принесло...

Жизнь.

А вспомни, сколько ихъ не стало?

Искусство.

Не стало ихъ, но все они живутъ
Въ сердцахъ и въ памяти народной;
Потомство ихъ оцѣнитъ трудъ,
Грудь честный, славный, благородный.

Жизнь.

Положимъ, ихъ всехъ громки имена,
И въ жизнь они давно проникли;
Кѣмъ сцена здѣсь въ кружкѣ оживлена?
Кого здѣсь видѣть мы привыкли?
Любителей скучающихъ семья
Кой-какъ въ недѣлю разъ даетъ здѣсь представленья;
И аплодируютъ имъ дамы да друзья,
По дружбѣ кто, а кто изъ снисхожденья,
Пародія они, карикатура, вредъ,
И трата времени, и срамъ искусству...

Искусство.

Пѣть.

Они сравнительно...

Жизнь.

Циклопы и пигмен,

Какъ грубый калькъ съ античною камеей.

Искусство.

О, пѣть! Они въ своемъ нехитростномъ жильѣ,
Какъ пчелы въ замкнутомъ ульѣ,
Работаютъ для своего прихода
И, можетъ быть, дождутся тоже меда.

Жизнь.

Особенно, когда на нихъ такая мода.

Искусство.

Они, какъ Волковъ, первый гвоздь
Въ подмостки вбивъ, ушелъ, какъ гость.
Они кладутъ начало, основанье
Свободному труду; они порогъ, ступень,
Съ которой всякое прямое дарованье,
Безвѣстности съ себя роняя тѣнь,
Выходитъ иногда на свѣтъ и судъ публичный
И сценѣ опытной, столичной
Своихъ трудовъ отраднѣйшій плодъ
Кружокъ, хоть со слезой, но все же отдаетъ.

(Вбѣгаетъ Веселость).

Веселость.

О чемъ вы спорите, голубушки-сестрицы?
Давайте, васъ я помирю.
Въ деревнѣ ли, въ столицѣ,
Въ избѣ ли, во дворцѣ, вездѣ я говорю;
Куда я ни приду, вездѣ мнѣ очень рады.
Что грѣетъ душу такъ, что обновляетъ всѣхъ?
Чего купить нельзя, хоть лопни Крезъ съ досады,
Меня купить нельзя: Веселость я и смѣхъ.
Зачѣмъ, скажите мнѣ, сюда вы собралися?
Кого вѣнчаютъ, что поютъ?
Сегодня къ Волкову артисты придралися
И праздникъ, въ честь его, себѣ они даютъ.
Искусство, не сердись. Хоть злоупотребляютъ
Они тобой, но цѣнятъ высоко;
Искусно и вино во здравье потребляютъ
И тянуть болѣе шипучее Клико,
Оно и холодно, и таяется легко,
И на душѣ такъ отъ него теплѣетъ,
Что на тебя, сестрица Жизнь, глядѣтъ
Еще пріятнѣе, и обликъ твой свѣтлѣетъ,
И хочется тобой надолго завладѣтъ.

Оставьте же вашъ споръ, не къ мѣсту онъ, не пузень,
Какой, я вамъ скажу, сегодня будетъ ужинъ,
И тащи да и то, а за столомъ
И говоръ будеть, шумъ,—какъ шумъ—умень и вздорень.
Подъ трескъ оркестра,—и смычкомъ
По воздуху водить изволить самъ Кокоринъ ¹⁾.

Жизнь.

Нѣтъ, мы туда съ тобой, Искусство, не поидемъ.

Веселость.

Да въ васъ-то вся и суть, голубушки-сестрицы.
И васъ какъ слѣдуетъ за карты усажу
И даже Ланинскою игристой вамъ водицы,
Какъ существамъ, вина не пьющимъ, предложу;
Оно хоть не «К.лико», а все жъ питье отъ скуки.
Оставимъ мѣръ искусствъ, на землю низойдемъ.

(подаетъ имъ руки).

Что если бъ такъ всегда, подавъ другъ другу руки,
Веселость съ Жизнью и Искусствомъ шли втроемъ.

Князь Кугушевъ не былъ чуждъ и музыки. Самъ онъ написалъ нѣсколько романсовъ, изъ которыхъ нѣкоторые нравились въ то время. Какъ большой любитель и знатокъ музыки, онъ вращался и въ музыкальныхъ кругахъ Москвы, былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. Г. Рубинштейномъ, а въ особенности съ барономъ Б. А. Фитингофъ-Шелемъ, къ оперѣ котораго «Мазепа» имъ было написано даже либретто. Самъ онъ недурно пѣлъ довольно приятнымъ теноромъ, аккомпанируя себѣ на рояли. Современная критика, вообще говоря, относилась къ князю Кугушеву довольно холодно и сдержанно. На его долю рѣдко выпадали особенныя похвалы, но его все-таки знали, о немъ говорили и онъ нерѣдко служилъ объектомъ для шутокъ, болѣе или мѣнѣе безобидныхъ. Такъ, въ одномъ изъ номеровъ юмористическаго журнала «Заноза» было напечатано, напримѣръ, шуточное стихотвореніе о современныхъ дѣятеляхъ, гдѣ о Кугушевѣ, между прочимъ, сказано:

Гдѣ вѣру разрушивъ
Въ талантъ свой и вкусъ,
Покинетъ Кугушевъ
Сообщество музъ.

А Борисъ Николаевичъ Алмазовъ (Діамантовъ) въ своемъ стихотвореніи «Московскій театръ въ 1863 году» писалъ:

Дьяченко пропасть даль
Намъ пьесъ; одну Устряловъ,

---

¹⁾ Извѣстный въ то время дирижеръ.

Марковъ здѣсь отломаль
 Комедь на либераловъ;
 Она недурно шла,
 Но юморъ въ ней отсталый,
 И такъ она пошла,
 Что я совсѣмъ усталый
 Куда-то укатилъ,
 Поль-акта не прослушавъ,
 И недоволенъ былъ
 Ей даже князь Кугушевъ.

С. Колошинъ, писавшій въ «Развлеченіи» фельетоны подъ псевдонимомъ «Не я», написалъ на него такую эпиграмму:

КНЯЗЮ Г. В. КУГУШЕВУ.

Сражаясь за дамъ
 И на Никитской за домъ,
 Я первому врагу задамъ
 И передомъ и задомъ.

На это князь Кугушевъ отвѣчалъ:

С. КОЛОШИНУ.

Онъ былъ въ душѣ храбрѣ Нея ¹⁾,
 Дивлюсь съ нимъ перемѣнъ я,
 Что, къ «Развлеченью» пламенѣя,
 Сталъ фельетонъ писать «Не я».

Высокаго роста, полный, нѣсколько сутуловатый, князь Кугушевъ обладалъ симпатичной и представительной наружностью, какъ о томъ свидѣтельствуетъ прилагаемый здѣсь портретъ поразительнаго сходства. Это былъ шатень съ рѣдкою русою клинообразной бородкой, узенькими, начинающими надъ самой губою, такими же усами и красивыми, добрыми, живо и умно смотрѣвшими карими глазами. Въ общемъ имѣлъ видъ совершенно здороваго человѣка, на щекахъ котораго игралъ даже румянецъ. Говорилъ громко и отчетливо. Былъ всегда щеголеватъ и по модѣ одѣтъ, тщательно причесанъ, имѣлъ выхоленные, красивые руки со старательно отдѣланными ногтями. Очень любилъ картины, художественный фарфоръ и всякія изящныя вещи и бездѣлушки, такъ что квартира его представляла собою маленькій музей рѣдкостей. Среди картинъ иностранныхъ мастеровъ хозяинъ съ гордостью называлъ Рубенса и Мурильо, но подъ этими именами антикваріи сбывали ему, кажется, вещи довольно сомнительнаго происхожденія. Его письменный столъ былъ заставленъ

¹⁾ Известный французскій генераль.

статуетками извѣстныхъ писателей, и по этому поводу онъ импровизироваль слѣдующій экспромтъ:

Я разъ имѣль неосторожность
Свой столъ людьми великими убрать;
Но приобрѣль зато возможность
Свою, сравнительно, ничтожность
Всегда наглядно сознать.

Талантливость его проявлялась во всемъ, за что онъ брался. Онъ, на примѣръ, бойко рисоваль карандашомъ, дѣлалъ очень изящные букеты изъ сухихъ цвѣтовъ, вазы и столики «калькомани» и т. п. Вообще говоря, ему знакомы были многіе виды искусства, а самъ онъ былъ большой любитель и отчасти знатокъ изящныхъ искусствъ и литературы, въ особенности французской и русской.

Князь Г. В. Кугушевъ очень любилъ всякаго рода шутки, остроты, каламбуры и постоянно сыпаль ими направо и налево. Для одного великосвѣтскаго вечера онъ написалъ цѣлую серію изреченій, принятыхъ въ высшемъ обществѣ шумнымъ одобреніемъ. Приводимъ здѣсь нѣсколько этихъ «bons mots» на манеръ знаменитаго Козьмы Пруткова:

«Выйти изъ границъ—не значить быть за границею». «Съ уничтоженіемъ тѣлесныхъ наказаній общество ввело моральную пытку—любительскіе спектакли». «Люби себя—не будешь знать измѣны». «Маскарадъ—не значить—маскѣ радъ». «Разстояніе и меньше версты можетъ быть разверстано». «Неуча легче проучить, чѣмъ выучить». «Однихъ выводятъ въ люди, другихъ люди выводятъ—большая разница». «Ты встрѣтишь истинную любовь, взглянувъ въ зеркало». «Твои лавры—въ духовой говядинѣ». «Средство жить открыто—не имѣть никакого помѣщенія». «Соглашеніе по любви легче полюбовнаго соглашенія». «Вы все увлекаете за собою—шлейфомъ». «Сидѣть на штофѣ и сидѣть за штофомъ—далеко не одно и то же». «Не бери извозчика, чтобы не сказали, что ты сядишься не въ свои сани». «Съ твоими музыкальными способностями ты сотворишь что-нибудь въ родѣ «Сотворенія міра» Гайдна». «Если ты играешь на скрипкѣ, дай мнѣ твой адресъ—я никогда не буду твоимъ сосѣдомъ». «Если хочешь имѣть «Голосъ», пошли за нимъ въ редакцію». «Ты не позволишь наступить себѣ на ногу—у тебя мозоли». «Если желаешь сдѣлать открытіе, выдвинь первый ящикъ твоего комода». «Война родитъ героевъ, а миръ—храбрецовъ». «Ты бываешь героемъ, когда тебѣ дѣлають шлемъ». «Если тебя оставитъ Надежда, помирись съ Вѣрой, и если въ это дѣло вмѣшается Любовь—дѣло не проиграно». «Все лѣнивое дур-

¹⁾ Извѣстная газета Краевского.

но, только щи хороши». «Непріятно, когда лошадей бьютъ, но еще непріятнѣе, когда лошади бьютъ» и т. д.

Остроумный, живой, веселый, легко увлекающійся, баринъ до мозга костей, талантливый, но не глубокий писатель, въ жизни князь Г. В. Кугушевъ отличался необыкновенной довѣрчивостью, глубокой религіозностью и сердечной добротою. Домъ его всегда былъ открытъ для званыхъ и незваныхъ и здѣсь всегда находили пріютъ и полное гостепрійство всѣ, кто искалъ въ немъ поддержки и помощи. Такъ, въ одинъ прекрасный день сюда къ нему явился оборванный и голодный мальчунъ лѣтъ двѣнадцати, оказавшійся сыномъ провинціального актера Степанова. Отецъ оставилъ мальчика въ Костромѣ у добрыхъ людей, а самъ пѣшкомъ отправился въ Москву искать ангажемента. Получивъ мѣсто въ Гродну, онъ выслалъ деньги на дорогу своему сыну, но дилижансъ опоздалъ, и мальчикъ, не заставъ отца въ Москвѣ, остался въ незнакомомъ городѣ съ двадцатью копейками въ карманѣ. Добрые люди пріютили его на время, пока отецъ снова выслалъ ему деньги на дорогу, причемъ написалъ, чтобы онъ передъ отъѣздомъ непременно сходилъ къ князю Кугушеву. Последнему очень нравился бойкій, смышленный мальчикъ, и онъ тотчасъ же переселилъ его къ себѣ, обѣщая найти ему попучика, а потомъ рѣшилъ и совсѣмъ оставить его у себя и отдать въ какую-нибудь школу. Мальчику была отведена особая комната, его обули, одѣли, вымыли, и онъ ежедневно ѣздилъ съ хозяиномъ въ его собственной каретѣ обѣдать на Петровскій бульваръ въ домъ Мангольдъ (позднѣе Тишенинова) въ одно близкое князю Кугушеву семейство. Затѣмъ былъ нанятъ учитель, чтобы приготовить его въ школу. Черезъ годъ Степановъ отлично выдержалъ экзамень, но его отецъ задержалъ высылку документовъ и потому его вакансію замѣстили другимъ мальчуганомъ. Узнавъ объ этомъ, князь Кугушевъ поѣхалъ къ начальнику школы межевыхъ топографовъ ¹⁾ генералу Николаю Павловичу Горлову и, послѣ довольно бурныхъ съ нимъ объясненій, добился того, что Степановъ былъ принятъ сверхъ комплекта на собственный страхъ и рискъ начальника школы.

Насколько нѣжны были отношенія князя Кугушева къ этому мальчику, показываетъ нижеслѣдующее къ нему стихотворное посланіе изъ деревни въ Москву, гдѣ онъ въ то время готовился къ экзамену, испытывая особая затрудненія при усвоеніи дробей.

Франтъ заморскій. Почему ты
Мнѣ не пишешь никогда?

¹⁾ Нынѣ упраздненной, помѣщавшейся на Гороховской улицѣ въ домѣ, который во времена французскаго нашествія принадлежалъ Букову и въ которомъ теперь помѣщается межевой институтъ.

Или мѣтишь въ алеуты,
 Или въ большіе господа?
 Отложи высокопарность,
 Санъ высокій свой забудь,
 И узнаешь благодарность
 И любовь когда-нибудь.
 Мало быть снаружи чистымъ,
 Очищай душевный міръ
 И не будь ты эгоистомъ
 И безчувственъ, какъ кумирь.
 Поищи въ широкомъ тѣлѣ,
 Нѣтъ ли сердца у тебѣ?
 Невозможно въ самомъ дѣлѣ
 Жизнь прожить лишь для себя.
 Какъ идутъ твои занятя?
 Взялъ ли силу ты въ дробяхъ?
 У тебя въ башкѣ понятя
 Больше, чѣмъ волосъ въ бровяхъ ¹⁾.
 Будь побольше заботы,
 Меньше вѣтру въ головѣ,
 Да поменьше работы
 Сапогамъ твоимъ въ Москвѣ.
 Ты бы былъ мальчишка бравый,
 Я бы всѣмъ тебя хвалилъ.
 Ну, сдавай экзаменъ съ славой,
 Чтобъ тебя я полюбилъ.

На одномъ изъ своихъ произведеній, подаренныхъ имъ этому юношѣ въ 1869 году, онъ сдѣлалъ такую надпись:

Пройдутъ года, меня уже не будетъ,
 И чтенье этихъ старыхъ строфъ
 И новый вздохъ въ тебѣ пробудитъ,
 И временемъ остывшую любовь.

Въ другое время онъ пріютилъ у себя нѣкоего молодого человека, брата одного своего пріятеля, и скоро такъ къ нему привязался, что положительно нянчался съ нимъ. Это былъ недоросль изъ дворянъ, почти безъ образованія и безъ средствъ и безъ малѣйшаго желанія работать. Онъ скоро учелъ всѣ выгоды своего привилегированнаго въ домѣ положенія и, начавъ погуливать и покучивать, въ одинъ прекрасный день забрался къ хозяину въ письменный столъ и стащилъ оттуда нѣсколько золотыхъ и серебряныхъ вещей, которыя въ тотъ же день и заложилъ. Воровство было скоро обнаружено, и юноша съ позоромъ былъ изгнанъ. Въ другой разъ къ князю Кугушеву явился ловкій и смысленный лакей, скоро успѣвшій заслужить полное къ нему довѣріе. Пришла повѣстка на полученіе изъ деревни нѣсколькихъ сотъ рублей.

¹⁾ У мальчика почти не было бровей.

Лаксю была выдана довѣренность, но онъ, получивъ деньги, скрылся. Впослѣдствіи онъ былъ разысканъ и осужденъ, но деньги, конечно, безслѣдно исчезли.

Продавъ свое имѣніе Грязнуши и получивъ за него двадцать одну тысячу рублей, онъ привезъ деньги для лучшей сохранности къ женщинѣ, съ которой онъ жилъ и къ которой питалъ полное довѣріе. Деньги пропали и не были разысканы. За все заплатилъ его любимый лакей Кузьма, на котораго легла вся тяжесть подозрѣній. Онъ потерялъ мѣсто, его нигде не принимали, онъ бѣдствовалъ и съ горя запилъ. Впослѣдствіи князь Кугушевъ, видимо, призналъ его невиновнымъ и опять взялъ его къ себѣ.

Такъ этого добраго и довѣрчиваго человѣка всю жизнь всѣ обкрадывали.

Съ сношеніяхъ съ близкими былъ очень привѣтливъ, ласковъ и даже нѣженъ. Многихъ изъ нихъ онъ называлъ ласкательными именами, такъ М. П. Садовскаго—«Мишенька», Н. М. Захарьева—«Захарочка», своего воспитанника Степанова «Константинка». И его за это добросердечіе и эту привѣтливость многіе очень любили и дарили искренней и глубокой симпатіей. Расходился онъ съ своими друзьями и пріятелями главнымъ образомъ по принципиальнымъ вопросамъ въ области искусства и политики. И здѣсь въ этихъ сферахъ онъ твердо отстаивалъ свои убѣжденія и взгляды «старога барина и аристократа».

Осенью 1871 года князь Г. В. Кугушевъ серьезно заболѣлъ и 21-го сентября умеръ въ своей квартирѣ въ Спасскомъ переулкѣ (Каретный рядъ), въ домѣ Усова, отъ водянки (болѣзни сердца), на рукахъ прислуги и только что успѣвшаго пріѣхать своего двоюроднаго брата князя Петра Николаевича Кугушева. Болѣзнь сердца началась у него давно, и онъ о ней часто писалъ своимъ друзьямъ. Такъ, въ одномъ изъ писемъ онъ говорить:

Но злой недугъ меня сосеть,
 Меня изводитъ слишкомъ рано;
 И я вдыхаю креозотъ ¹⁾,
 Чтобы избавиться тирана.

Умеръ онъ всѣми забытый и оставленный. Схоронили его въ хмурый холодный осенній день на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря рядомъ съ братомъ, Флоромъ Васильевичемъ, умершимъ еще въ юношескихъ годахъ. На отпѣваніи въ церкви Спаса, что въ Каретномъ ряду, почти никого не было, кромѣ его друзей М. П. Садовскаго и Н. М. Захарьева, а въ московскихъ газетахъ появи-

¹⁾ Лечившій его докторъ кадетскихъ корпусовъ Скопинъ назначалъ ему вдыханіе паровъ креозота. Незадолго передъ смертью на консультацію былъ приглашенъ извѣстный тогда въ Москвѣ докторъ Варвинскій.

лись только краткія извѣстія о его смерти. На его могилѣ наследниками впоследствии поставленъ скромный мраморный памятникъ. Все свое довольно значительное состояніе онъ завѣщалъ двоюродному племяннику князю Алексѣю Петровичу, умершему въ 1908 году и похороненному въ томъ же Новодѣвичьемъ монастырѣ, рядомъ съ своимъ дядей (дачи въ Петровскомъ паркѣ онъ оставилъ своей дочери Екатеринѣ Григорьевнѣ Ман—дѣ).

Вмѣстѣ съ нимъ и его племянниками угасла эта, такъ сказать, литературная вѣтвь князей Кугушевыхъ.

К. И. Тумскій.

ВСТРѢЧИ И ВПЕЧАТЛѢНІЯ НА БАЛКАНАХЪ.

УТЕШЕСТВИЕ, здѣсь описанное, было совершено мною еще до нынѣшней войны. Мнѣ не пришлось наблюдать особенно долго жителей тѣхъ странъ, гдѣ я былъ, но случилось такъ, что я натолкнулся именно на тѣ особенности характера каждаго народа, которыя такъ ярко выразились потомъ въ великой европейской войнѣ. Человѣкъ вездѣ остается самимъ собой: на войнѣ и въ морѣ, дома за чашкой чая и въ далекомъ пути, на зарѣ своей недолгой жизни и при ея трудномъ концѣ; отъ всего можно уйти—отъ несчастья, отъ горя, отъ болѣзни, отъ смерти даже, если вѣришь въ бессмертіе души, но отъ себя не уйдешь; въ этомъ есть своего рода фатализмъ и, если вдуматься, фатализмъ самый безнадежный, какой можетъ быть.

Am Ende bist du, wass du bist.

Нѣмецъ, мой случайный спутникъ, оказался нахаломъ и наглцомъ: параллель ему—разрушеніе Лувена, нарушеніе нейтралитета Бельгій и вообще вся эта бисмарковская «идеологія», такъ неудачно разыгранная Вильгельмомъ.

Въ Сербіи я учился патриотизму и удивлялся удивительному сочетанію его съ демократизмомъ народа; эта черта сербовъ сказалась и на ихъ войскѣ: сѣренькіе солдаты маленькаго роста, не умѣющіе шагать, какъ слѣдуетъ, въ ногу (не наши блестящіе гвардейцы), оказались въ силу своего патриотизма чуть ли не лучшимъ войскомъ Европы; Шабаць и Вальево это доказали! Сербія окружена

врагами, вся ея исторія—исторія борьбы съ сосѣдями за право была самостоятельной націей; немудрено, что сербы такъ сильно чувствуютъ свою національность. Что ожидаетъ Сербію послѣ войны, если война окончится торжествомъ славянства, что несомнѣнно? Нужно думать, что побѣда славянъ вызоветъ въ Сербіи расцвѣтъ культуры и большую дифференціацію среди народа.

Въ Константинополѣ я видѣлъ симпатичнѣйшій народъ—турокъ, но видѣлъ также, во что обращается Турція, какъ государство, благодаря правленію младотурковъ; маленькая историческая справка о турецкихъ революціонерахъ поможетъ убѣдиться въ ненормальности положенія Турціи въ Европѣ и также докажетъ, что никакія младотурки и никакія реформы не воскресятъ того, что отживаетъ свой вѣкъ. Турецкая авантюра на Черномъ морѣ, послужившая началомъ нынѣшней русско-турецкой войны, прибавитъ лишнюю страничку къ исторіи нелѣпой политики намѣстниковъ пророка.

Долженъ сказать нѣсколько словъ о «Максимѣ Максимовичѣ», о комъ идетъ рѣчь въ 1-й главѣ. Многимъ, вѣроятно, этотъ типъ русскаго офицера покажется утрированнымъ и неестественнымъ, нѣкоторые найдутъ въ немъ, быть можетъ, даже нѣчто обидное для насъ, русскихъ: какъ, молъ, русскій офицеръ уступилъ крикуну нѣмцу? Но, во-первыхъ, я писалъ о томъ, что видѣлъ, а, во-вторыхъ, нѣтъ ничего обиднаго въ томъ, что русскій оказался вѣжливѣе нѣмца. Я, быть можетъ, нехорошо описалъ то, что видѣлъ, но усмотрѣлъ я въ своемъ спутникѣ именно тѣ черты нашего національнаго характера, которыя изобразилъ намъ Пушкинъ въ капитанѣ Мироновѣ, Лермонтовъ въ Максимѣ Максимовичѣ и Левъ Толстой въ Каратаевѣ, въ Тушинѣ, Кутузовѣ и т. д. Вспомнимъ блестящую статью профессора Ключевскаго, который, анализируя этотъ типъ военнаго, сказалъ, что именно Мироновы и имъ подобные вынесли на своихъ плечахъ всю нашу славную военную исторію отъ Гроссъ-Егерсдорфа до Севастополя.

Безконечное добродушіе и, болѣе того, кристаллическая чистота души, какая-то всепрощающая, не думающая инстинктивная любовь, какъ у Лизы Калитиной, «ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности»— вотъ что я видѣлъ и пытался передать своимъ слабымъ перомъ. Это одна изъ особенностей русскаго характера (говорю «одна», такъ какъ, конечно, есть и другія, не столь лестныя черты, но не въ нихъ теперь дѣло), и понять ее можетъ только тотъ, кто чувствуетъ разницу между этимъ типомъ людей и безличнымъ Молчалинымъ даже въ томъ періодѣ его пребыванія на землѣ, когда онъ еще «копѣлъ въ Твери» и, вѣроятно, ни къ кому не подлизывался, такъ какъ не изъ-за чего было это дѣлать.

Здѣсь не мѣсто касаться вопроса о томъ, какъ реагировало русское общество на текуція событія; это очень сложный и трудный

вопросъ, но сейчасъ ясно, что никакой рѣзкой нетерпимости къ врагамъ у насъ въ общемъ нѣтъ; гдѣ-то очень глубоко внутри нашего сознанія живетъ «Максимъ Максимовичъ», и слава Богу! Мы этимъ духовно сильнѣе нѣмцевъ и этимъ мы ихъ побѣдимъ!

Нѣмецъ и русскій.

Когда я вошелъ въ купе своего вагона, я засталъ тамъ трехъ пассажировъ: у входа сидѣлъ невысокаго роста блондинъ-нѣмецъ, а у окна помѣщалось двое русскихъ: офицеръ лѣтъ сорока пяти и полная дама лѣтъ пятидесяти; передъ ними на столикѣ стоялъ чайникъ; они пили чай вприкуску и съ большимъ наслажденіемъ; одѣты они были по-русски, т. е. растрепанно. Лица ихъ были до того добродушны и милы, что нельзя было сразу же не полюбить ихъ.

— Такъ вотъ,—началъ офицеръ, обращаясь къ нѣмцу и, видимо, продолжая начатый разговоръ:—я вѣдь тоже у васъ былъ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, давно ужъ это было... Вы говорите, что у васъ все есть, а я вошелъ въ лавку и говорю имъ: дайте мнѣ вотъ такого сукна (офицеръ указалъ на свои форменныя брюки), по-нѣмецки говорю, я вѣдь немного понимаю по вашему-то; нѣту, говорятъ они, такого, у насъ такого не дѣлаютъ. Самаго простого и не нашлось-то,—съ укоризной сказалъ офицеръ.

— Ну, ужъ ты, душенька,—вступилась пѣвуче дама,—чего захотѣлъ отъ нѣмцевъ-то—нашего сукна.

— Да у нѣмецъ никто не пугетъ купить таки сукно, потому и не дѣлаютъ,—сказалъ нѣмецъ.

Разговоръ повертѣлся нѣсколько времени около этой темы и перешелъ на Россію.

— А какъ вамъ нравится Петербургъ?—спросила дама нѣмца.

— О, Россія очень хорошо, все хорошо, икра хорошо, вагонъ хорошо, городъ хорошо, дамы хорошо, краска на щека у нихъ красна, красива

Нѣмецъ, лукаво улыбнувшись, указалъ себѣ на щеки.

Дама стыдливо потупилась, какъ будто этотъ комплиментъ касался ея блеклыхъ щекъ.

Скоро нѣмецъ вышелъ въ коридоръ покурить.

— Надѣнь, миленькая, себѣ кофточку,—обратился офицеръ къ дамѣ:—ты себя совсѣмъ застудишь.

— Ужъ тебѣ бы надо беречься больше моего, вѣдь у тебя же воспаленіе легкихъ было, надѣнь-ка шинель, а ляжешь, укройся потеплѣе, душенька.

— Нѣтъ, пледикъ-то я оставляю тебѣ, вѣдь ночью будетъ дуть изъ окошка, тебѣ всѣ косточки застудить.

Въ это время въ коридорѣ вагона послышался крики.

— Я хочу раздѣвовать и пугу все снимать, жилетъ и брюка, и кальсона и все,—кричалъ нѣмецъ.

— Здѣсь не спальный вагонъ,—басиль проводникъ:—дама можетъ обидѣться и претензію заявить.

— Мнѣ никакой дама не нужна, я хочу раздѣвовать все, дама можетъ уходить дамски купе.

— Ахъ, душенька, — всплеснула руками дама:—никакъ онъ и подштанники снимать хочетъ!

Офицеръ растерянно глядѣлъ по сторонамъ и старался успокоить даму.

— Позвольте ему постелить постель,—обратился вошедшій проводникъ на ухо офицеру:—ужъ очень они кричать-сь.

— Ахъ да, пусть, пусть... постель... ну, хорошо, можно, мы въ коридоръ выйдемъ,—пролепеталъ тотъ.

Нѣмецъ, весь красный, стоялъ у дверей купе и кричалъ:

— Дама можетъ други купе сидѣть, я хочу раздѣвовать и буду все раздѣвать.

Онъ вошелъ въ купе и сталъ поднимать спинку сидѣнья, но не сумѣлъ ее укрѣпить. Офицеръ бросился ему помогать. Старательно, выпятивъ губы впередъ и посыпывая носомъ, онъ привелъ все въ порядокъ и, вытеревъ шитымъ платкомъ потъ съ лица, сѣлъ на свое мѣсто. Нѣмецъ, не поблагодаривъ даже, влѣзъ наверхъ и улегся спать; Максимъ Максимовичъ и его спутница легли внизу и, поговоривъ цѣлаго о томъ, кому достанется «пледикъ», тоже вскорѣ заснули. Когда я засыпалъ, у меня подъ мѣрный стукъ колесъ носились мысли: «ѣду я на Балканы, къ сербамъ, болгарамъ, тамъ ихъ притѣсняють нѣмцы... панславизмъ... русскіе во главѣ... противъ австріяковъ... русское войско...» И вдругъ мнѣ представилась фигура офицера, вытягивающаго губы и помогающаго нахалу-нѣмцу устроиться спать. «Да, мы выйдемъ въ коридоръ»... и офицеръ закивалъ вдругъ головой и скрылся въ какомъ-то облакѣ.

Сербскій патриотъ.

Черезъ два дня я сидѣлъ въ поѣздѣ, шедшемъ изъ Вѣны въ Бѣлградъ. Когда я сѣлся въ него, поѣздъ былъ уже полонъ, и я едва нашелъ себѣ мѣсто. Я вошелъ въ одно купе и спросилъ, есть ли здѣсь мѣсто. «Не знаю», довольно невѣжливо отвѣтилъ мнѣ одинъ изъ пассажировъ. Я велѣлъ носильщику положить наверхъ мой чемоданъ; для этого пришлось положить маленькій пакетикъ невѣжливаго пассажира на его же чемоданъ, что могло быть сдѣлано безъ всякаго ущерба для этого господина. Однако онъ рѣзко вмѣшался, сказавъ:

— Цѣтъ, это мое мѣсто, извините.

Кое-какъ удалось, однако, уладить инцидентъ. Помѣтившись въ этомъ купе, я вышелъ на минутку въ коридоръ вагона. «Швабъ», услышавъ я презрительно брошенное слово; оно предназначалось мнѣ и должно было значить, какъ я узналъ потомъ, «нѣмецъ». Я говорилъ по-нѣмецки, а мои спутники были сербы, они меня приняли за нѣмца, и вотъ причина всего этого инцидента. Конечно, когда они узнали, что я не швабъ, а русскій, тонъ ихъ сразу перемѣнился. Одинъ изъ нихъ оказался аптекаремъ; онъ возвращался со своей маленькой дочкой въ Грушеваць, древнюю столицу Сербіи. Дѣвочка все играла разными монетами, австрійскими, нѣмецкими, сербскими, и я далъ ей русскій серебряный пятакъ; она конфузливо отвернулась.

— Бери же, бери, этотъ господинъ русскій, онъ славянинъ, какъ и мы, понимаешь, онъ не швабъ; скажи: благодарю.

Но дѣвочка продолжала конфузиться. Тогда сербъ взялъ самъ монету и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ:

— Благодарю, васъ, Herr Professor (мы, увы, принуждены были объясняться по-швабски), я знаю, что вы наши первые друзья... и единственные,—прибавилъ онъ.

— Почему единственные? А болгары?

Сербъ подскочилъ на своемъ мѣстѣ; его подвижная черная физиономія вся задвигалась, глаза засверкали.

— Вы сказали: болгары,—и онъ стукнулъ кулакомъ по столу купе.—Знаете ли вы, что такое болгары? Это не люди, это хуже турокъ, ихъ надо бы выгнать изъ Европы; да, ихъ, а не турокъ.

Я поспѣшилъ исправить неумѣстный вопросъ.

— Да, конечно, они вамъ навредили много въ послѣдней войнѣ, но я не думалъ, что вы ихъ такъ не любите, все-таки они славяне.

— Какіе они славяне, когда они сами отъ этого отрекаются и ищутъ въ газетахъ, что они монгольскаго происхожденія и пришли съ востока отъ татаръ.

Я вспомнилъ камскихъ болгаръ—магометанъ.

— Болгары это свиньи, предатели, Иуды. Что они сдѣлали съ нами? Мы послали пятьдесятъ тысячъ своего войска имъ на помощь подъ Адрианополь, а они потомъ на насъ же напали ночью, какъ воры. Имъ ни одинъ сербъ руки не подастъ, и я вамъ не совѣтую съ ними знаться.

Сербъ въ волненіи выскочилъ на коридоръ.

Я постарался перейти на другую тему.

— А что, кромѣ Вѣлграда, есть у васъ интересные города? Нишь, напримѣръ?

— Нѣтъ, Нишь, какъ городъ, не интересенъ; тамъ, правда, есть Челэ-кула, башня, въ которой хранятся черепа сербовъ, замученныхъ турками... У болгаръ нѣтъ такой башни, эти всегда сумѣютъ ужиться съ кѣмъ бы то ни было!

— А сколько сейчасъ населенія въ Сербіи?

— Послѣ войны насчитываютъ четыре милліона. А было бы еще больше, если бы не проклятые болгары. Нѣтъ, Herr Professor, вы не знаете, что это за народъ, это ватерклозеть Европы, куда сбрасываютъ всю дрянь, вотъ что такое Болгарія!

Такое же отношеніе къ болгарамъ я встрѣтилъ и у остальныхъ сербовъ, съ которыми мнѣ приходилось имѣть дѣло... и такое же отношеніе я встрѣтилъ въ Болгаріи къ сербамъ. Это было мое первое впечатлѣніе о «братушкахъ». Вотъ вамъ и панславизмъ!

— Вы увидите, господинъ профессоръ, что за чудная наша Сербія,—говорилъ мой спутникъ:—я силою обстоятельствъ былъ принужденъ послѣ войны уѣхать въ Германію, такъ теперь моя родина представляется вдвойнѣ прекрасной. Конечно, Бѣлградъ—не Берлинъ, но все-таки тамъ много интереснаго: Калемегданъ—общественный садъ, изъ котораго видно сліяніе Дуная и Савы; на противоположномъ берегу виденъ австрійскій городъ Зимунъ, во время войны австрійки сидѣли тамъ на берегу и паводили на насъ пушки, но мы ничего, какъ будто тамъ никого нѣтъ.

— Ну, я думаю, что въ Зимунѣ мало австрійцевъ.

— Какое нехорошее, печальное слово вы меня побуждаете сказать, господинъ профессоръ, вѣдь тамъ все славяне, да и здѣсь вездѣ (онъ указалъ на мѣстность, по которой мы мчались) живутъ славяне, только австрійскія войска влѣзли сюда. Вотъ, посмотрите въ нѣмецкомъ путеводителѣ стоитъ «Марія-Терезіополь», а вѣдь такого города нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ (тутъ онъ опять вскопчилъ съ своего мѣста), а есть Чабадка—это его настоящее славянское имя.

— Спойте мнѣ вашъ національный гимнъ,—попросилъ я сербовъ.

— Национальный гимнъ у насъ рѣдко поютъ, мы вѣдь все демократы, но только теперь и на войнѣ мы, конечно, патріоты и теперь гимнъ поютъ чаще, чѣмъ раньше.

Онъ пропѣлъ мнѣ вполголоса гимнъ, причемъ его спутники подпѣвали ему со всевозможными жестикуляціями. Мотивъ гимна показался мнѣ неинтереснымъ, какъ и мотивы другихъ сербскихъ пѣсень, которыя мнѣ пришлось слышать потомъ.

— А вотъ мы вамъ споемъ лучше наши воинственныя пѣсни; ихъ мы пѣли на войнѣ. Слушайте.

Тутъ я услыхалъ опять-таки не особенно красивые мотивы, но я разобралъ это потомъ, въ первый моментъ я видѣлъ только блестящіе глаза, сжатые кулаки и необычайное воодушевленіе пѣвцовъ.

— И какой со мной чудный случай былъ на войнѣ съ этой самой пѣсней про нашего вождя Іова Бабунскаго, которую я вамъ сейчасъ спѣлъ. Именно чудный случай, это лучшее воспоминаніе моей жизни. Разъ вечеромъ, уже возвращаясь домой послѣ войны,

я зашелъ переночевать въ какую-то маленькую деревушку, въ единственный отель. Я, конечно, не могъ быть въ тѣ времена особенно равнодушнымъ, да и съ друзьями я недавно расстался по-товарищески, слѣдовательно, я былъ даже и очень веселъ и все время пѣлъ воинственныя пѣсни; взялъ я себѣ какого-то деревенскаго парня, который на скрипкѣ подыгрывалъ мнѣ. Когда я вошелъ въ гостиницу, тамъ сидѣлъ какой-то господинъ: онъ былъ одѣтъ скромно и сидѣлъ одинъ въ углу. Я запѣлъ: «Юва Бабунскій, Юва Бабунскій», и вдругъ этотъ господинъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и говоритъ: «Какъ мнѣ пріятно слышать эту пѣсню, я Юва Бабунскій». Понимаете?

Тутъ я, дѣйствительно, понялъ многое, если не все, въ колоритѣ этого новаго для меня, страннаго края. Я не о патріотизмѣ сербовъ говорю, патріотизмъ встрѣчается еще кое-гдѣ, но гдѣ, скажите, есть въ Европѣ страна, въ которой вы встрѣтите вождей народныхъ, въ буквальномъ смыслѣ слова—вождей народныхъ, настоящихъ мужиковъ-солдатъ, вождей иррегулярнаго, случайнаго войска, объединеннаго только пламенной ненавистью къ туркамъ. Теперь понятно, почему романтикъ-фантастъ Байронъ попалъ на Балканы: онъ тамъ нашелъ наяву, а не въ стихахъ и не въ своего рода музыкѣ, средніе вѣка, когда политику «дѣлали» не дипломаты, а самъ народъ, предводительствуемый своими собственными вождями.

Но вотъ средніе вѣка и кончились: я въ Бѣлградѣ, на таможенѣ, и за мой старый фотографическій аппаратъ хотятъ брать пошлину; сербъ-патріотъ, однако, кричитъ на таможенныхъ чиновниковъ:

— Что вы дѣлаете. Вы не знаете, кто это! Это профессоръ петербургскаго университета, русскій. Что онъ подумаетъ про васъ! Это позоръ, я долженъ буду самъ за него заплатить, чтобы не позорить Сербіи!

Меня пропускаютъ. У подъезда стоятъ два-три извозчика; жалкіе фонари освѣщаютъ совершенно пустую улицу столицы; черезъ десять минутъ мы подходимъ къ «Hôtel Bristol», который устроенъ по-европейски, и беремъ себѣ номеръ.

Бѣлградъ.

На слѣдующій день отправляюсь первымъ дѣломъ къ своимъ сосѣдямъ по зимней квартирѣ, милѣйшему старичку-инженеру, который живетъ у дочери, вышедшей замужъ за серба -офицера, славнаго участника послѣдней войны. Меня принимаютъ въ высшей степени радушно, и я себя чувствую сразу дома. Осматриваю при помощи своихъ знакомыхъ городъ; впрочемъ, его можно бы осмотрѣть и безъ чьей бы то ни было помощи, такъ онъ невеликъ; въ три

четверти часа можно пройти съ одного конца до другого. На высокомъ берегу Дуная расположенъ садъ Калемегданъ; изъ него, дѣйствительно, красивый видъ на Зимунъ. За Калемегданомъ остатки турецкой крѣпости, въ другую сторону ведетъ главная улица, очень чистая и вновь вымощенная, на ней новый и старый дворецъ (ко-накъ)—словомъ, достаточно двухъ-трехъ часовъ, чтобы увидѣть все. Однако, я остаюсь четыре дня, такъ какъ завтра «Петров-данъ» (29-го іюня, именины короля), а черезъ три дня похороны русскаго посла Гартвита; оба эти событія привлекутъ массу народа изъ провинціи, и я остаюсь посмотрѣть сербовъ. Въ «Петров-данъ» я отправляюсь вечеромъ въ Топчидеръ, тѣнистый лѣсъ-паркъ въ пяти верстахъ отъ города. Въ него ведетъ невѣроятно медленный трамвай «града Београда». Когда король бываетъ въ этотъ день въ Бѣлградѣ, онъ обыкновенно ѣздитъ вечеромъ въ Топчидеръ и, переходя отъ группы къ группѣ, бесѣдуетъ съ народомъ. Туда пріѣзжаютъ и славяне съ того берега Дуная, изъ Австріи, такъ что этотъ день, такимъ образомъ, обращается какъ бы въ праздникъ панславянства. Теперь король лечится въ курортѣ, и праздникъ носитъ болѣе скромный характеръ. Тѣмъ не менѣе народа масса, большею частью, конечно, простонародья. Многие пріѣхали въ своихъ телѣгахъ и расположились въ густой тѣни Топчидерскаго лѣса. Простонародье въ своихъ національныхъ костюмахъ, женщины въ расшитыхъ одеждахъ, на которыхъ наворочено страшно много всякой всячины, мужчины въ широкополыхъ шляпахъ, оригинальныхъ темныхъ, шитыхъ свиткахъ съ широкими кушаками и въ рубашкахъ, болтающихся свободно (онѣ не вдѣты въ брюки), что придаетъ имъ видъ короткихъ юбокъ, доходящихъ до колѣнъ. Тутъ и тамъ два или три музыканта играютъ однообразный мотивъ національнаго сербскаго танца «коло», а вокругъ нихъ, взявшись за руки, съ сердитыми, напряженными фізіономіями и съ взоромъ, неподвижно устремленнымъ въ одну точку, какъ бы загнипнотизированные, прямые, молчаливые, «играютъ» (по-нашему танцуютъ или, вѣрнѣе, топчутся) сербы; они образуютъ вокругъ музыкантовъ хороводъ, который медленно двигается кругомъ, все время переминаясь на мѣстѣ; иногда вокругъ одной группы музыкантовъ образуется два или три круга; красные, потные, отплясываютъ они свой безконечный танецъ, изрѣдка выкрикивая какое-то междометіе. Танцуютъ всѣ: мужчины, женщины (онѣ особенно серьезны), солдаты, приказчики въ европейскихъ костюмахъ и изрѣдка люди по виду интеллигентные. Кругомъ густая толпа любопытныхъ, продавцы лимонада, сластей, примитивныхъ бездѣлушекъ и т. д. Вернувшись домой, я рѣшаю не итти въ этнографическій музей. Что я тамъ увижу интереснаго послѣ Топчидера? Да и вообще развѣ есть что-нибудь общее между народомъ и его изображеніемъ въ этнографическихъ музеяхъ?

Какъ у Малодны Рафаэля
Ея молчанье говорить...

сказаль поэтъ.

Дѣйствительно, картина говоритъ, а кукла въ этнографическомъ музеѣ говоритъ развѣ что специалисту.

Похороны Гартвига.

Свѣжему человѣку можетъ показаться страннымъ, что праздный туристъ остается въ городѣ, гдѣ достаточно пробыть три часа, чтобы увидѣть все, три лишнихъ дня для того только, чтобы присутствовать на похоронахъ русскаго посла, человѣка совсѣмъ ему незнакомаго. Но обстоятельства показали, что оставаться стоило. Гартвигъ занималь совсѣмъ особое положеніе среди нашихъ пословъ, особое потому, что онъ пользовался необычайною популярностью той страны, въ которую онъ былъ посланъ. Эта популярность объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что онъ былъ представителемъ той страны, на которую сербы взирали съ надеждой, какъ на свою покровительницу; во-вторыхъ, его личный характеръ, гостеприимный и отзывчивый, приобрѣль ему немало друзей; его энергичная политика, направленная къ защитѣ славянской народности на Балканахъ, дала ему имя «славянофила». Обстоятельства, сопровождавшія его смерть, возбудили страсти неспокойныхъ сербовъ: онъ скоропостижно скончался отъ разрыва сердца въ австрійскомъ посольствѣ во время возбужденнаго разговора съ австрійскимъ посломъ, передъ которымъ онъ, очевидно, защищаль интересы сербовъ отъ какихъ-нибудь новыхъ посягательствъ «швабовъ».

— Его отравили австрійцы, — коротко объяснилъ мнѣ мой сербъ на вокзалѣ.

Немудрено, что похороны обратились въ грандіозную руссофильскую манифестацію. Гмъ, руссофильская манифестація! Гдѣ она еще бываетъ? Что-то не вѣрится, что за границей бываютъ руссофильскія манифестаціи. Да и въ Россіи-то манифестаціи бываютъ все больше съ краснымъ флагомъ, и только съ наступленіемъ настоящей войны красные флаги попрятались въ подпольѣ, уступивъ почтительно флагамъ національнымъ. Но именно руссофильская манифестація была въ Бѣлградѣ 1-го іюля 1914 года.

Уже за два дня до похоронъ граждане города выпустили прокламаціи, въ которыхъ они, восхваляя Гартвига, какъ защитника сербскаго народа и представителя великой Россіи, просили домовладѣльцевъ вывѣсить черные флаги и закрыть магазины въ день похоронъ. Все это было исполнено въ точности. Въ девять часовъ утра траурная процессія двинулась изъ русскаго посольства въ соборъ. Впереди шло все духовенство Бѣлграда во главѣ съ митрополитомъ; затѣмъ шло безчисленное количество депутацій съ вѣн-

ками со всѣхъ сторонъ Сербію. «Нашему Николаю Гартвигу», «Великому пріятелю сербскаго народа»—усиѣль я прочесть на лентахъ вѣнковъ. За гробомъ шель весь дипломатическій корпусъ, родные, знакомые, русская колонія, войска и масса народа. По всему пути шпалерами стояли войска. Порядокъ не нарушался нигдѣ.

— Посмотрите на этихъ молодцовъ,—сказаль одинъ изъ русскихихъ, шедшій со мной рядомъ.—Вѣдь вы и не подумаете, что эти самые бѣлобрысые малорослые солдатйки взяли Адрианополь. Они не очень-то выносливы, и дисциплина у нихъ неважная, видите, какъ вони тотъ стоятъ? А какъ они несли почетный караулъ у гроба! Стоять, развалившись, и въ усъ себѣ не дуетъ. Безобразіе просто! Маршировать они не умѣютъ, не попадаютъ въ ногу. Да и гдѣ ихъ выучить, когда срокъ службы всего полгода, и только теперь онъ доведенъ до года. Вотъ офицерскій составъ лучше, всѣ офицеры у нихъ кончаютъ курсъ, который равняется половинѣ курса нашей академіи генеральнаго штаба. Но вы не думайте, что у сербовъ дурное войско, наоборотъ, у нихъ великолѣпное войско. Духъ его удивительный, а это важнѣе всего. Каждый солдатъ—сила. А ихъ патріотизмъ! О если бъ вы видѣли ихъ одушевленіе, когда они шли на войну, ихъ готовность жертвовать всѣмъ на благо родины. Нѣтъ, молодцы, молодцы, что и говорить!

Процессія подошла къ собору, гдѣ былъ совершенъ краткій чинъ отпѣванія. Послѣ окончанія службы (на которой присутствовалъ наслѣдникъ) говорилъ или, вѣрнѣе, читаль рѣчь митрополитъ, а затѣмъ Пашичъ. Ихъ рѣчи кончались по-сербскому обычаю словами: «Нашему Николаю Гартвигу слава».—«Слава! Слава!» повторяли присутствовавшіе. Этотъ обычай придаетъ много торжественности похоронамъ. Изъ собора гробъ направился на кладбище; по дорогѣ процессія нѣсколько разъ останавливалась, и представители разныхъ плѣвческихъ обществъ плѣли вѣчную память. Особенно трогательное впечатлѣніе произвело плѣніе цыганъ. Ихъ черныя, подвижныя фізіономіи, конечно, не могли оставаться неподвижными, и ихъ «вѣчная память» скорѣе походила на «многая лѣта».

На кладбищѣ говорилъ рѣчь представитель города; если митрополитъ и Пашичъ, зная, что каждое ихъ слово будетъ учтено, гдѣ слѣдуетъ, говорили нѣсколько сдержанно, то послѣдній ораторъ далъ полную волю своему южному темпераменту; онъ говорилъ горячо, проникновенно и съ нескрываемымъ волненіемъ. Обращаясь къ дочери покойнаго, онъ сказалъ:

— Ты осталась сиротой, но отнынѣ ты будешь дочерью сербскаго народа.

И далѣе, обращаясь къ покойнику:

— Единственнымъ утѣшеніемъ въ нашемъ горѣ служить намъ то, что твой прахъ остается среди насъ, среди того народа, кото-

рый ты такъ любишь и который и тебѣ платилъ тѣмъ же. Твоему священному праху, о великій сынъ великой Россіи, отдаю я послѣдній, земной поклонъ!»

Онъ приблизился къ гробу и поклонился, прикоснувшись головой земли.

— Николаю Гартвигу слава!

— Слава, слава!—повторили всѣ присутствовавшіе.

Это былъ потрясающій моментъ; многіе плакали.

На слѣдующій день, простившись со своими любезными покровителями-русскими, благодаря которымъ я видѣлъ всю процессію вблизи, я ѣхалъ въ Софію. Рядомъ ѣхалъ какой-то сербъ и усиленно выкидывалъ въ окно вагона каждому встрѣчавшемуся на полотнѣ крестьянину какую-то бумажку. Я попросилъ у него экземпляръ и узналъ, что это была прокламація, пущенная въ народъ передъ выборами въ скупщину; въ прокламаціи критиковалась дѣятельность правительства, которое не слушается скупщины и дѣлаетъ все по-своему.

Итакъ, маленькое резюме о Сербіи: «Мы, сербы,—демократы», говоритъ мой сербъ-аптекарь. «У нихъ солдаты служатъ всего годъ, такъ какъ демократы провели такой законъ», говоритъ мой собесѣдникъ во время похоронъ. Агитаторъ открыто выкидываетъ противоправительственные листки изъ окна вагона. Это съ одной стороны. Съ другой: исторія всей войны, «мы, сербы,—патріоты», руссофильская манифестація и необычайно сильное чувство своей національности. Вотъ Сербія, какъ государство. Прибавьте сюда еще печальный, но понятный фактъ вражды съ болгарами, и вы будете имѣть полную картину сербской политической жизни. Не берусь утверждать, что здѣсь нѣтъ ошибки, но такой мнѣ представилась Сербія за время моего короткаго пребыванія въ ней. Не буду больше говорить на эту тему, но, быть можетъ, маленькая параллель простится мнѣ: въ Сербіи все живетъ, кипитъ, у насъ... «во глубинѣ Россіи, тамъ вѣковая тишина».

Въ Сербіи чувствуешь необычайно интенсивно свое славянство, а у насъ... «Кто вы, собственно?»—«Да всѣ мы, батюшка, русскіе, тутошніе».—«Какъ? И за тысячу верстъ тоже русскіе?»—«Да, батюшка, русскіе».—«И за 10000 верстъ у Великаго океана?»—«Тоже, батюшка, русскіе, свои значить». «Чужихъ» нѣтъ; откуда же явиться чувству расы, когда другой расы мы и не видимъ. Вотъ «мы» за границей и теряемся. Какой-то нѣмецъ, вѣроятно, очень ученый, дѣлилъ людей на *die Menschen und die Russen*: мы это поняли и восприняли, и за границей стараемся сойти за «*Menschen*». По крайней мѣрѣ, я никогда не чувствовалъ такъ сильно своей національности, своего славянства, какъ въ Сербіи.

Еще два слова о религіи сербовъ: Бѣлградъ, вѣроятно, единственная столица, гдѣ соборъ находится не въ центрѣ города и гдѣ

онъ не относится къ его достопримѣчательностямъ. Это, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что есть сербы-православные, католики и магометане, и великосербское движеніе, самое жизненное движеніе въ Сербіи, какъ преслѣдующее цѣль объединенія всѣхъ сербовъ, нарочно не хочетъ выдвигать на первое мѣсто религіознаго момента, не способствующаго при данномъ положеніи сербовъ ихъ объединенію.

Такая пестрота въ религіозномъ отношеніи не должна насъ удивлять; на Балканахъ все пестро и запутано. Откуда взялись сербы-магометане? Оказывается, ихъ насильно обращали въ свою вѣру турки, грозя имъ смертью въ случаѣ ихъ сопротивленія. Но что это за магометане?! Они молятся Аллаху и держатъ у себя дома тайно христіанскія иконы, а когда приходитъ страшная болѣзнь, такой магометанинъ отправляется къ могилѣ Душана Сильнаго, славнаго короля Сербіи, и, ища себѣ спасенія, пролѣзаетъ подъ его гробомъ, вѣруя, что этотъ христіанскій святой его исцѣлитъ. Вотъ и разберите: кто онъ? И это не рѣдкость на Балканахъ.

По пути въ Константинополь.

Въ Софіи я пробылъ одинъ день; это слишкомъ долго для такого города. Болгарія по виѣшнему виду болѣе похожа на Россію, чѣмъ Сербія. У военныхъ и городскихъ форма почти та же, что въ Россіи; на вывѣскахъ вы видите «Ѣ», «ъ», юсы, которыхъ нѣтъ въ Сербіи; не видно сербскихъ буквъ «ћ» и «ѣ», которыя вводятъ васъ въ смущеніе въ Сербіи. Странное впечатлѣніе производятъ окончанія словъ на «тъ», «та», и «то» напримѣръ, министерството, обявляента; это французскій *article*—членъ, только прибавляемый къ концу слова.

Я не могъ вникнуть въ жизнь болгарскаго народа такъ, какъ я вникъ въ жизнь сербовъ, но вотъ нѣсколько интересныхъ черточекъ: вхожу я въ новый православный соборъ, грандіознѣйшее сооруженіе, стоящее въ концѣ бульвара Царя-Освободителя на площади противъ памятника Александра II. Соборъ совершенно готовъ, но не освященъ. Спрашиваю о причинѣ этого сторожа. Онъ объясняетъ такъ: «Это будетъ тогда, когда у насъ будетъ другая политика, не австрійская». Его сосѣдь добавляетъ: «Когда Фердинандъ...»—и онъ дѣлаетъ выразительный жестъ, обозначающій паденіе.

Другой фактъ: какъ разъ наканунѣ моего пребыванія въ Софіи произошелъ «голѣмъ скандалъ» (большой скандалъ) въ собраніи (парламентѣ) изъ-за непопулярнаго займа. «Опозиціята» устроила «битка на камарата» (сраженіе въ парламентѣ), и займъ былъ голосованъ и принятъ среди невѣроятнаго шума и скандала. На слѣдующій день всѣ оппозиціонныя газеты метали громъ и молвію, а на уличныхъ кіоскахъ были вывѣшены объявленія аршинными

буквами: въ этихъ объявленіяхъ оппозиціонныя газеты печатали резюме своихъ статей въ такихъ, примѣрно, терминахъ: «Бандитизмъ законодательствува», «Отечеството» въ опасности, правительство—предатель страны и т. д. Къ довершенію картины прибавимъ, что среди чтецовъ этихъ объявленій были военные и городовые, которые спокойно смотрѣли на такое, очевидно, обычное для нихъ зрѣлище.

На слѣдующее утро послѣ безконечныхъ остановокъ на границѣ я увидалъ далеко на горизонтѣ тонкія высокія палочки. Это были минареты мечети Султашъ-Селима въ Адрианополѣ. Скоро показался и городъ; расположенный въ совершенно безлѣсной равнинѣ, на небольшихъ возвышеніяхъ, онъ съ виду представлялъ мало интереснаго, но его оживляли воспоминанія недавней войны, слѣды которой еще виднѣлись въ видѣ разрушенныхъ траншей и рововъ.

Въ Адрианополѣ появились турецкія власти; они всѣ оказались очень любезными людьми, говорившими достаточно по-французски. Кондуктора одѣты весьма прилично, начальники станцій—франты съ бѣлой повязкой на лѣвомъ рукавѣ; всѣ, конечно, въ фескахъ, кромѣ офицеровъ и солдатъ, у которыхъ теплыя барашковыя шапки. Азіей пока еще не пахнетъ. Но дальше я ее почувствовалъ: скорость въ 25 верстъ въ часъ, желѣзнодорожный путь весь въ бурьянѣ, полное отсутствіе буфетовъ въ теченіе всего дня (о мой бѣдный желудокъ!), мизерныя крошечныя станціи, игрушечныя звонки, въ которые сторожа, бѣгая по платформѣ, звонятъ, какъ въ Россіи, передъ отходомъ поѣзда,—все это показало мнѣ, что я уже не въ Европѣ. А потомъ эти турецкія деньги! Я пришелъ въ отчаяніе—на нихъ турецкими каракулями написано, сколько онѣ изъ себя изображаютъ. Хорошо еще, что на станціяхъ ничего нельзя было купить, кромѣ «суукъ-су». Это было единственное слово, которое я, любопытный ех-туристъ Крима, понималъ.

Весь день почти до самаго Константинополя мы тащились по выжженной степи мимо Люлли-Бургаса, Чорлу и Чатаджки. Только здѣсь я увидалъ горы, не особенно большія, но крутыя, и неприступныя. Ихъ бы, навѣрно, взяли болгары, если бы не «концертъ державъ».

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда справа показалось Мраморное море, но его дивная лазурь была уже подъ крыломъ ночи. Вотъ, наконецъ, Санъ-Стефано. Здѣсь были русскія войска въ 1878 году; отсюда виденъ, говорятъ, Константинополь, и мы увидали бы его еще ближе, если бы не «концертъ державъ».

Вотъ безчисленные домики, кафе надъ моремъ, узкія улицы, и стопъ—поѣздъ останавливается у дебаркадера. На вокзалѣ—вполнѣ европейскомъ—ревизія паспортовъ, десятая за десять дней. Черезъ двѣ минуты я на извозчикѣ, которому какой-то любезный турокъ, понимавшій по-французски, объяснилъ, куда ѣхать. Меня везутъ

по Стамбулу, по мосту черезъ Золотой Рогъ (такъ я догадался), по Перѣ и, наконецъ, я послѣ долгихъ поисковъ нахожу квартиру своего кузена N.

Младотурки и ихъ предшественники.

Итакъ, я въ гостяхъ у «больного человѣка» на Босфорѣ.

Въ 1908 году говорили, что «больной человѣкъ» выздоровѣлъ; говорили это не только въ Турціи заинтересованные въ этомъ врачи «больного человѣка»—младотурки, говорили и въ Европѣ всѣ тѣ, для кого человѣкъ, произнесшій слово «свобода»,—да не съ вопросительнымъ, а съ восклицательнымъ знакомъ позади,—уже достоинъ всяческаго уваженія; «турецкая конституція»—и не какая-нибудь «куцая конституція», а такая, образцомъ которой была самая совершенная, самая либеральная бельгійская конституція,—о, это чего-нибудь да стоило! Указывали на воодушевленіе въ Константинополѣ, на группы турчанокъ съ открытыми лицами, привѣтствовавшихъ шествія младотурокъ, на обѣщанныя реформы и особенно на равенство передъ закономъ и мусульманъ и вѣчно угнетаемой «райи» «стадо»—презрительная кличка христіанъ) и ожидали новой эры. Любопытно прослѣдить, какъ и почему началось все это либеральное движеніе, названное младотурецкимъ.

Было время, когда никто не рискнулъ бы назвать Турцію больнымъ человѣкомъ: въ XVI вѣкѣ не только Балканы вплоть до Дуная были вѣрны волѣ падишаха,—цвѣтущая равнина Венгріи и Будапештъ были подъ его властью, и войска его доходили до стѣнъ самой Вѣны. Но времена переменчивы: мало-по-малу европейцы оттѣсняють турокъ все дальше и дальше на югъ; въ XIX вѣкѣ отъ турецкой власти освобождаются постепенно Сербія, Черногорія, Болгарія и Греція т. п.; уже не турки командуютъ Европой, а Европа командуетъ Турціей, дѣла которой сплошь да рядомъ рѣшаются не на берегахъ Босфора, а на берегахъ Сены и Невы.

Вотъ это-то положеніе и было причиной образованія партіи турецкихъ либераловъ; самое слово «младотурокъ» появилось не такъ давно, но, собственно говоря, первые младотурки (если понимать это слово въ широкомъ его значеніи—либераль) появились въ началѣ XIX вѣка, когда Махмудъ II уничтожилъ столь страшныхъ янычаръ; хотя янычары, конечно, были помѣхой всякимъ реформамъ, но все же эта реформа диктовалась больше чувствомъ самосохраненія, чѣмъ какими-нибудь иными побужденіями, такъ какъ янычары были страшны не только европейцамъ, но и мусульманамъ, и для ихъ уничтоженія Махмуду пришлось раздать населенію столицы оружіе и провозгласить противъ янычаръ священную войну.

Махмудъ II пытался ввести въ Турціи европейскіе порядки; онъ: напимѣръ, чеканилъ монету съ собственнымъ изображеніемъ

вопреки всѣмъ правиламъ Корана, запрещавшаго рисовать чьи-либо портреты: даже въ мелочахъ онъ старался подражать Европѣ; такъ, онъ издалъ правило, по которому борода правовѣрнаго не должна была быть длиннѣе двухъ вершковъ отъ подбородка. Самъ онъ тоже носилъ бороду, хотя это противорѣчило обычаю, такъ какъ султанъ единственный мусульманинъ, который не долженъ былъ носить бороды. Онъ любилъ пить вино и любилъ, чтобы его приближенные напивались пьяными. Вообще, это былъ интересный и просвѣщенный правитель, пытавшійся примирить требованія ислама съ требованіями западно-европейской культуры, то есть примирить непримиримое.

Въ 1839 году при его наслѣдникѣ Абдуль-Меджидѣ были задуманы широкія реформы; былъ опубликованъ Гюльханейскій гаттишерифъ (манифестъ), обѣщавшій много разныхъ благъ; обнародованіе гаттишерифа было обставлено чрезвычайно торжественно: въ султанскомъ саду розъ «Гюльханэ» (откуда и названіе этого гаттишерифа—«Гюльханейскій») были собраны высшіе чины правительства, представители райи и дипломатическій корпусъ; астрологъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ, чтобы выбрать наиболѣе подходящій моментъ для опубликованія хартии; во время ея чтенія былъ произведенъ 101 пушечный выстрѣлъ и т. д.

Устроивъ всю эту церемонію, турки успокоились и рѣшили, что съ европейцевъ довольно. Черезъ годъ великій визирь, Решидъ-паша, умный и образованный человекъ, былъ уже уволенъ, и его мѣсто занялъ ретроградъ Рифаатъ-паша, а Абдуль-Меджидъ сталъ по турецкому обычаю вилить и всячески откладывать исполненіе обѣщаннаго: то онъ сожалѣлъ, что его проектъ до сихъ поръ не приведенъ въ исполненіе, то онъ увѣрялъ, что его неправильно поняли тѣ, кто думаетъ, что внутренній строй государства будетъ измѣненъ. Между тѣмъ райя волновалась и возставала, либералы устраивали заговоры; Европа же пришла къ убѣжденію, что дѣлежъ турецкаго наслѣдства слишкомъ сложная исторія, и рѣшила охранять цѣлость Турціи; волновавшимся христіанамъ были снова обѣщаны реформы, и въ 1856 году тотъ же Абдуль-Меджидъ издаетъ манифестъ «Гатти-Гамаюнъ» на этотъ разъ уже подъ непосредственнымъ и сильнымъ давленіемъ Европы; въ немъ повторялось приблизительно то же, что и въ гаттишерифѣ Гюльханейскомъ, но дѣло съ мѣста не сдвинулось; реформы не осуществлялись, дипломаты выражали Блистательной Портѣ сожалѣніе, что она ихъ не слушается, а Порта потрясала кулаками и обѣщала проклясть всякаго чиновника, который рѣшится не исполнить приказанія падишаха, но чиновники, знавшіе, что новый ихъ повелитель (Абдуль-Азизъ) интересуется больше всего пѣтушиными боями и раздачей орденовъ ибѣтухамъ-побѣдителямъ, не слишкомъ боялись этихъ проклятій и продолжали старую полтику. Вотъ тутъ-то и стала образовываться

партія младотурокъ: она состояла изъ турокъ, пріобщившихся къ западно-европейской образованности, и изъ студентовъ (софты); эти софты, пріѣзжая изъ далекихъ провинцій, гдѣ они были свидѣтелями ужасающей нищеты населенія, избираемаго турецкими чиновниками, попадали сразу въ Константинополь, гдѣ чины правительства утопали въ роскоши, держали огромные гаремы и т. д. Многіе изъ этихъ софтъ были переселены султаномъ на дно Босфора на должность «смотрителей рыбнаго промысла», но извѣстно, что можно убить человѣка, но нельзя убить идею, и вотъ 18-го мая 1876 года огромная толпа младотурокъ окружила дворецъ Абдуль-Азиса, требуя реформъ; султанъ общалъ, но всѣ знали цѣну этому общанію. Заговорщики стоворились съ шейхъ-уль-исламомъ (первосвященникомъ), и тотъ издалъ «фетву» (посланіе), составленную, какъ и всегда, въ формѣ вопроса и отвѣта. Вотъ она: «Если султанъ доказываетъ свое безуміе, если онъ не имѣетъ политическихъ знаній, необходимыхъ для управленія государствомъ, если онъ дѣлаетъ личныя издержки, которыхъ государство не можетъ вынести, если его пребываніе на тронѣ грозитъ гибельными послѣдствіями, то нужно ли его низложить, или нѣтъ? Законъ (ислама) гласитъ: «да». Во исполненіе этой фетвы дворцовый врачъ перерѣзалъ 30-го мая Абдуль-Азису пожитками жилу на рукѣ, а 18-го августа на престолъ вступилъ Абдуль-Гамидъ.

Ему серьезно пришлось считаться съ младотурками: онъ далъ страшнѣ конституцію, авторомъ которой былъ Мидхатъ-паша, честный и европейски образованный дипломатъ, успѣвшій проявить себя съ лучшей стороны во время своего управленія Нишекимъ вилайетомъ. Мидхатъ-паша взялъ за образецъ своей конституціи самую либеральную конституцію Европы—бельгійскую: предполагалось ввести двухпалатную систему, отвѣтственность министровъ передъ парламентомъ, всеобщее образованіе, разныя свободы и т. д. Скоро собрался первый турецкій парламентъ; уже по тому, какъ велись выборы, видно было, насколько серьезно было желаніе властей обновить Турцію. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ представителей власти обратился къ жителямъ своего округа съ слѣдующимъ воззваніемъ:

«Жители! вы, конечно, помните, что я вамъ нѣкоторое время тому назадъ давалъ читать фирманъ султана о томъ, чтобы каждый округъ послалъ честнаго представителя въ Константинополь. Велѣдствіе этого вы должны избрать немедленно по полученіи моего воззванія такого-то (слѣдуетъ имя). Вместе съ тѣмъ я сообщаю вамъ, что никакихъ возраженій не потерплю. Если вы не подчинитесь, я поступлю съ вашей деревней такъ, какъ поступилъ съ другими».

Другой случай. Великій визирь передъ выборами оповѣстятъ жителей Стамбула о слѣдующемъ: «Его величество приказываетъ,

чтобы кандидатура Зиа-бея не выставлялась. Она недопустима, потому что Зиа-бей враждебен султану, а конституція не допускает скомпрометированных лиц въ парламентъ».

Въ результатъ парламентъ оказался состоящимъ изъ «*evet effendi*» (то есть изъ господъ, говорящихъ «да», поддакивающихъ правительству). Послѣ двухъ краткихъ сессій парламентъ былъ распущенъ, не успѣвъ сдѣлать почти ничего. Слѣдуетъ сказать, что Мидхатъ нисколько не былъ причастенъ къ такому способу веденію дѣла; онъ былъ смѣщенъ Абдуль-Гамидомъ, который боялся своего либеральнаго министра и сослать его въ Малую Азію; черезъ нѣсколько лѣтъ его задушили подосланные убійцы, но такъ какъ Абдуль-Гамидъ боялся, что подкупленные имъ убійцы могли быть подкуплены и сторонниками Мидхата, онъ не повѣрилъ извѣстію о его смерти, велѣлъ раскопать его могилу и привезти въ Константинополь голову своего министра; желаніе падишаха было исполнено, и скоро онъ получилъ закрытый ящикъ, въ которомъ будто бы везлись «японскія художественныя издѣлія»; въ дѣйствительности тамъ была голова Мидхата.

Такъ погибъ одинъ изъ немногихъ честныхъ и энергичныхъ турецкихъ чиновниковъ; вмѣстѣ съ Махмудомъ II и Решидь-пашой онъ былъ представителемъ той оригинальной группы турецкихъ государственныхъ дѣятелей, которые хотѣли обновить Турцію путемъ приобщенія ея къ европейской культурѣ при оставленіи, однако, ислама господствующей религіей.

Возможно ли это было сдѣлать? Исламъ регламентируетъ не только религіозную жизнь турокъ, онъ даетъ правила для всѣхъ вообще сторонъ мусульманской жизни, и эти правила настолько противорѣчатъ всѣму духу нашей культуры (напримѣръ, отношеніе къ неправовѣрнымъ, многоженство и т. д.), всему укладу нашей жизни¹⁾, что примирить исламъ съ Западомъ можно только путемъ сомнительныхъ компромиссовъ. Здѣсь не мѣсто разбирать этотъ интереснѣйшій вопросъ, надо только констатировать, что въ Турціи была и есть до сихъ поръ партія людей, утверждающихъ, что это примиреніе вполне возможно и что исламъ не противорѣчитъ западной культурѣ. Однимъ изъ такихъ примирителей былъ Мидхатъ-паша; онъ пытается доказать возможность и необходимость такого примиренія въ своей книгѣ: «*La Turquie, son passé, son avenir*». Онъ говоритъ въ ней, что исламъ основанъ на принципахъ свободы и демократіи; турки всегда были, молъ, самой вѣротерпимой націей, болѣе вѣротерпимой, чѣмъ народы Запада; конституція, говоритъ Мидхатъ, не противорѣчитъ Корану, такъ

¹⁾ Напримѣръ, во время рамазана правовѣрные не имѣютъ права ѣсть съ тѣхъ поръ, когда можно отличить черную питку отъ бѣлой, и до заката солнца.

Авт.

какъ Магометъ приказалъ калифамъ совѣтоваться въ важныхъ случаяхъ съ представителями общинъ. Послѣ отставки Мидхата и роспуска парламента въ Турціи наступила эпоха крайней реакціи, продолжавшейся вплоть до послѣдней турецкой революціи, то есть до 1908 года.

Абдуль-Гамидъ отлично понималъ, что Европа заинтересована въ сохраненіи цѣлости Турціи, и нисколько не стремился осуществить тѣ реформы, которыя были обѣщаны Европѣ.

Европеецъ можетъ только удивляться той смѣси наглости, грубости и азіатской наивности, которая такъ характерна для государственной жизни Турціи временъ Абдуль-Гамида. Подозрительности Абдуль-Гамида не было границъ—онъ не довѣрялъ рѣшительно никому, кромѣ своей гвардіи, составленной изъ албанцевъ, но такъ какъ и та могла быть подкупленной, онъ устроилъ себѣ въ своемъ дворцѣ десять спаленъ и кабинетовъ, чтобы никто не могъ знать, въ которой именно комнатѣ онъ сейчасъ находится. Даже принцы крови были окружены шпионами; стоило какому-нибудь болѣе или менѣе видному лицу заслужить любовь народа, какъ это лицо моментально высылалось въ мѣста не столь отдаленныя или назначалось «смотрителемъ рыбныхъ промысловъ» на днѣ Босфора. Содержаніе шпионовъ въ одномъ лишь Константинополѣ стоило 60.000 рублей въ день.

Цензура свирѣпствовала во всю. Исторія турецкой цензуры изобилуетъ массой комическихъ чертъ: былъ, напримѣръ, цѣлый рядъ словъ, употребленіе которыхъ безусловно воспрещалось; нельзя было печатать словъ: свобода, право, равенство, соединеніе, царь, дворець, оружіе, тиранія, герой и т. д.; нельзя было упоминать слова «звѣзда», такъ какъ это слово могло натолкнуть на мысль о звѣздѣ, приведшей волхвовъ въ Вифлеемъ, а эта мысль, въ свою очередь, могла навести на мысль о равенствѣ христіанъ и магометанъ; вмѣсто «звѣзда» надо было говорить «свѣтило». Возбранялось обращаться къ «Спасителю міра» (даже если таковымъ признавать Магомета или Аллаха), такъ какъ обращаются къ нему тѣ, кто недоволенъ существующимъ порядкомъ. Разумѣется, нельзя было говорить о покушеніяхъ на коронованныхъ особъ, поэтому въ свое время въ турецкихъ газетахъ появилось слѣдующее сообщеніе: «Его величество король сербскій Александръ и королева Драга умерли отъ удара молніи». О персидской конституціи нельзя было и заикаться, турецкая публика дѣлала видъ, что ничего не знаетъ о персидскомъ меджлисѣ, но когда шахъ разогналъ парламентъ, объ этомъ было сообщено, такъ какъ это должно было дѣйствовать устрашающе на революціонеровъ.

Но всему европейскому относились съ подозрѣніемъ: вводить телефонъ и электричество было воспрещено, такъ какъ электричествомъ можно было бы вврвать дворець, а по телефону можно было

бы передавать по городу недозволенное; для устройства фабрикъ надо было спрашивать разрѣшенія самого султана, а такъ какъ для этого нужно было пройти предварительно массу промежуточныхъ инстанцій и вездѣ давать огромный «бакшишъ» (взятку), почти никто не стремился открывать фабрикъ. Казна была пуста, а чтобы съэкономить деньги, правительство прибѣгло къ такимъ мѣрамъ: въ турецкомъ году 355 дней, но правительство ввело Юліанское лѣточисленіе въ 365 дней, жалованье же чиновникамъ не увеличило; такимъ образомъ, къ 1900 году получилась экономія въ два года.

Младотурки, преслѣдуемые въ Константинополѣ, перенесли свою дѣятельность въ европейскіе центры—Парижъ, Брюссель и т. д., они издавали тамъ свои газеты, печатали прокламаціи, агитировали (особенно среди турецкихъ войскъ) и всячески приготавливали почву для переворота 1908 года.

Въ 1907 году въ Парижѣ состоялся съѣздъ всѣхъ турецкихъ революціонныхъ партій, на которомъ онѣ путемъ взаимныхъ уступокъ пришли къ извѣстному соглашенію, а въ іюль 1908 года вспыхнуло возстаніе въ Турціи.

Подняли бунтъ войска третьяго корпуса, расположеннаго въ Македоніи; когда султанъ вынисать изъ Малой Азіи войска для подавленія мятежей, тѣ отказались стрѣлять въ своихъ братьевъ. Султану поневолѣ пришлось подчиниться и признать Мидхатову конституцію, которой добивались младотурки. Онѣ поклялся на Коранѣ не измѣнять ей и сталъ изображать раскаявшагося деспота; на первомъ же селямликѣ (торжественной молитвѣ), бывшемъ послѣ провозглашенія конституціи, онѣ обратился къ народу съ краткой рѣчью, въ которой сказалъ, что отнынѣ между нимъ и народомъ не будетъ никакой стѣны, что всякій будетъ имѣть къ нему доступъ и т. д. Министры и члены младотурецкаго комитета («комитетъ единенія и прогресса»), получившаго сразу огромную власть въ странѣ, говорили такія же сладкія рѣчи европейскимъ дипломатамъ и журналистамъ, указывали со слезами на глазахъ на то, какъ освобожденный народъ лобызалъ руки своего повелителя и вообще сулили Турціи новую эру. Нашлись такіе простецы, которые наивно повѣрили всему этому и торжественно возвѣстили въ Европѣ, что Турція пошла по новому свѣтлому пути; нѣкоторые европейцы, бывшіе случайно лѣтомъ 1908 года въ Константинополѣ, передаютъ о томъ энтузіазмѣ, который охватилъ турокъ при волшебномъ словѣ «хюріятъ» (свобода). Не надо сомнѣваться въ томъ, что этотъ народный восторгъ былъ искрененъ, но позволительно думать, что реакціонная партія съ Абдуль-Гамидомъ во главѣ, а также и новое правительство въ лицѣ младотурокъ понимало довольно своеобразно эту свободу и только втирало журналистамъ очки.

Фактической главой правительства былъ, конечно, не Абдуль-

Гамидъ и не смѣнившій его, въ 1909 году Магометъ V, а комитетъ «единенія и прогресса»; на это указываетъ хотя бы слѣдующій фактъ: когда освобожденная печать стала нападать на султана, онъ, желая ее обуздать, обратился къ комитету «единенія и прогресса», и комитетъ внушилъ печати должное уваженіе къ намѣстнику пророка.

Принимая все это во вниманіе, во всемъ томъ, что произошло потомъ, слѣдуетъ винить исключительно младотурокъ, понимавшихъ «хюріятъ» по-своему, т.-е. по-турецки. Это можно прослѣдить хотя бы ихъ по отношенію къ провозглашенію свободы печати. Печати было вскорѣ воспрещено касаться слѣдующихъ вопросовъ: дѣятельности султана, который былъ слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ младотурокъ, темнаго прошлаго многихъ важныхъ сановниковъ, критики мусульманской религій т. д., запрещалось писать статьи, могущія вызвать международныя осложненія или обострить національную вражду (это послѣднее запрещеніе было очень кетати); не одинъ строптивый журналистъ оказался высланнымъ изъ предѣловъ столицы, а были и такіе (напр., Самимъ-бей и Хассанъ-Феми-бей), которые оказались, благодаря стараніямъ младотурокъ, на томъ свѣтѣ. Въ концѣ концовъ турецкіе журналисты объединились въ «ассоціацію оттоманской прессы» для борьбы съ посягательствомъ младотурокъ на ихъ свободу.

Отношеніе комитета «единенія и прогресса» къ христіанамъ, населяющимъ Турцію, тоже не лишено интереса. Конечно, согласно конституціи, они уравнивались въ правахъ съ мусульманами, но, когда одинъ салоникскій журналистъ осмѣлился осудить измѣнившееся отношеніе младотурковъ къ болгарамъ, ему не на шутку пригрозили ссылкой туда, куда Макарь телятъ не гонялъ.

Когда патріархъ заступился за гонимыхъ грековъ, Махмудъ-Шевкетъ-паша, военный министръ и видный членъ младотурецкаго комитета, сказалъ ему на аудіенціи 20-го іюня 1909 года: «Греки во всемъ виноваты сами, турки въ союзѣ съ болгарами разобьютъ вамъ головы. Мы васъ всѣхъ разоримъ». (Sam Legy «Le declin du Croissant», стр. 65).

Назимъ-бюю, тоже видному члену комитета «единенія и прогресса», принадлежитъ знаменитый проектъ, которымъ онъ думалъ успокоить вѣчно волнующуюся Македонію; вмѣсто того, чтобы ввести въ ней реформы, онъ хотѣлъ переселить въ нее столько мусульманъ, чтобы живущіе тамъ христіане оказались въ меньшинствѣ и, такимъ образомъ, никакихъ реформъ въ европейскомъ духѣ не надо было бы вводить.

Къ чему привело Турцію правленіе младотурокъ, мы знаемъ. Въ октябрѣ 1908 года она лишилась Боснии и Герцеговины, въ сентябрѣ того же года Болгарія освободилась отъ той тѣни зависяности, которая еще существовала у нея по отношенію къ

Стамбулу, отпали африканскія части Имперіи, а въ 1912 году вспыхнула балканская война, послѣ которой у Турціи остался незначительный кусочекъ ея европейскихъ владѣній, а скоро, смѣемъ надѣяться, и того не будетъ.

Таковы пресловутые младотурки; ничего другого, собственно говоря, и ожидать нельзя было. Чѣмъ сильнѣе деспотизмъ власти, тѣмъ больше развращаетъ онъ народъ и тѣмъ деспотичнѣе и нетерпимѣе къ инакомыслящимъ бываютъ въ немъ либералы и революціонеры. Живой примѣръ этому Турція. Единственной неоспоримой заслугой младотурокъ является то; что они привели Константинополь въ нѣсколько европейскій видъ, но и то... не лучше ли былъ азіатскій Стамбуль, чѣмъ немного европеизированный Константинополь?

Начало европейскаго пожара.

Первая недѣля моего пребыванія прошла совсѣмъ тихо: мы съ кузеномъ ѣздили по окрестностямъ, осматривали мечети и уже собирались на три дня ѣхать въ Бруссу, какъ вдругъ все это мирное времяпрепровожденіе сразу прекратилось. Въ одинъ прекрасный день мы узнали изъ незначительной мѣстной газетки «Stamboul», издававшейся по-французски, объ австрійскомъ ультиматумѣ. И сейчасъ же за этой дипломатической бумажкой выросъ грозный ликъ общевропейской войны. Наглость австрійской дипломатіи превзошла все ожиданія; было ясно, что Австрія во что бы то ни стало хочетъ войны, иначе зачѣмъ же ей было требовать отъ самостоятельной націи, да еще отъ націи съ повышеннымъ чувствомъ національности, самаго настоящаго самоуваженія?

Что отвѣтить Пашичъ?—вотъ вопросъ, интересовавшій всякаго. И, разумѣется, каждый рѣшалъ его впередъ за Пашича: конечно, онъ откажетъ Австріи, иначе его моментально свергнутъ сербскій народъ, и новое правительство откажется удовлетворить Австрію.

— Но тогда неминуема общевропейская война?—говоритъ N, и въ его вопросѣ я слышу сомнѣніе въ возможности того, что сербы не исполняютъ требованія Австріи.

— Послѣдствія отрицательнаго отвѣта сербовъ будутъ, конечно, невѣроятно важны; но не могутъ же они, дѣйствительно, подставить голову подъ австрійскій ножъ?

— Получается неразрѣшимая дилемма: или общевропейская война или... или сербы согласятся.

— Да не согласятся они никогда! Ну, согласится Пашичъ—не согласится народъ, вѣдь народъ не дипломаты, онъ и не знаетъ, что такое концертъ державъ и во что обратится общевропейская война.

Къ намъ подходитъ съ вопросительнымъ видомъ содержатель кофейни, въ которой мы сидимъ, и нѣсколько робко спрашиваетъ, что намъ угодно.

— Ики шекерли, биръ лукумъ веренъ (дайте двѣ чашки сладкаго кофе и одну порцію лукума),—показываю я ему свои знанія турецкаго языка.

Это мы сидимъ на концѣ Золотого Рога, въ Эюбѣ, самомъ дальнемъ кварталѣ Стамбула. Здѣсь находится старинная мечеть Эюбъ, особенно почитаемая мусульманами. Она была основана въ честь нѣкоего Эюба, храбро сражавшагося при взятіи Константинополя въ 1454 году. Въ ней хранится мечъ султана Османа, которымъ опоясываютъ каждаго султана въ началѣ его правленія; этотъ обрядъ замѣняетъ здѣсь нашу коронацію.

Около мечети удивительно уютный дворъ; это самый типичный восточный дворъ мечети въ Константинополѣ. Онъ не особенно великъ; по срединѣ его растутъ два огромныхъ старыхъ платана, такъ что весь дворъ въ тѣни, и арабскіе двувѣтные своды между колоннами удивительно гармонируютъ съ лапчатыми листьями платановъ. Масса народа толпилось во дворѣ у лавокъ, въ которыхъ продавались четки, турецкіе духи, лакомства и т. д. За платанами виднѣлась стѣна двора, украшенная какими-то зелеными и золотыми письмами; они придавали всей картинѣ отпечатокъ чего-то загадочнаго и мистическаго.

«Вотъ онъ, Востокъ!—подумалъ я.—Что онъ такое? Сфинксъ въ пустынѣ и знойная Аравія»...

Въ мечети ничего особеннаго не оказалось. Мы хотѣли взойти въ турбѣ Эюба, но сторожъ не слишкомъ вѣжливо взялъ меня за руку и показалъ въ другую сторону.

Въ турбѣ не пускаютъ, такъ какъ это самая большая святыня мусульманъ въ Константинополѣ; недавно не пускали даже во дворъ мечети.

Я прошелъ по двору, невольно любуясь Востокомъ.

— А я все думаю про сербовъ,—перервалъ мои наблюденія N:—что они сдѣлаютъ?

Востокъ исчезъ, и появилась газета «Stamboul», Пашичь и вмѣсто Востока нѣчто придуманное о немъ Европой—восточный вопросъ.

Опять пошли разговоры. Но они всѣ кончились желаніемъ увидѣть поскорѣе вечернюю газету «Moniteur Oriental». Что дѣлать: не всегда проза бываетъ прозой, не всегда поэзія покоряетъ прозу!

И началось странное «смѣшанное» время. То я забывалъ Западъ, находясь подъ чарами Востока, то я стремился уѣхать поскорѣе въ Россію и бросить этотъ Востокъ. Но такъ какъ мнѣ казалось, что ничего особеннаго случиться не должно, я остался въ Константинополѣ, чтобы осмотрѣть все и не упрекнуть себя,

пріѣхавши въ Россію и нашедши тамъ полное спокойствіе, что я малодушно бѣжалъ, не повидавши всего, что было интересно.

«Moniteur», «Moniteur»,—кричитъ мальчишка. Хватаемъ «Moniteur», ничего опредѣленнаго, все дипломатическіе переговоры и гаданія журналистовъ. А сбоку Sultan Achmed со своими шестью минаретами, строгими и стройными, надъ нимъ голубое небо и щебетанье ласточекъ въ вышнѣ. «Нѣтъ, остаюсь въ Константинополѣ!»

Босфоръ. Турецкое войско.

Просыпаюсь на слѣдующее утро; я-таки привыкъ въ концѣ концовъ къ этимъ крикливымъ перотамъ и не просыпаюсь больше въ шесть часовъ утра, какъ раньше.

— Ну, что новаго?—обращаюсь я къ N, который уже сидитъ за газетой.

— Да ничего; сербы отказали, конечно, австріякамъ, а тѣ до сихъ поръ ничего не предпринимаютъ.

На другой день узнаемъ, что войны нѣтъ еще; очевидно, ея и не будетъ, такъ, одни лишь разговоры. Въ четыре часа мы ѣдемъ по Босфору до Beicos, а оттуда собираемся взойти на одну гору, съ которой видно Черное море.

Всѣ пароходы, отирающіеся въ окрестности Константинополя, отходятъ отъ новаго понтоннаго моста, ведущаго черезъ Золотой Рогъ. Не надо думать, что они отходятъ отъ какой-нибудь пристани, находящейся вблизи моста, нѣтъ, они отходятъ отъ самаго моста; по обѣимъ его сторонамъ устроены пристани, къ которымъ и пристають пароходы; такъ что для того, чтобы попасть на пароходъ, надо пройти половину моста и затѣмъ спуститься по лѣсенкѣ внизъ. Сдѣлано все это потому, вѣроятно, что въ Золотомъ Рогѣ не нашлось другого мѣста для пристани.

Босфоръ—единственное въ свѣтѣ мѣсто, гдѣ еще вы встрѣтите тридцативерстный узкій естественный морской проливъ, соединяющій два такихъ важныхъ моря, какъ Черное и Средиземное? Гдѣ еще есть такое оживленіе, такой блескъ, такіе лазурные берега, такія небеса и такой удивительный, всегда свѣжій морской вѣтеръ? И все это въ соединеніи съ тѣмъ необычнымъ восточнымъ колоритомъ, который такъ влечетъ европейца, немного пресытившагося слишкомъ банальной Швейцаріей, слишкомъ крикливыми гидами и рекламами и вообще всей этой черезчуръ навязчивой культурой Европы. Уже одни названія турецкихъ поселеній носятъ на себѣ нѣчто освѣжающее: Beylerbey, Boujoukdere, Anatolou Hissar, Ortakeу и т. д.; все это звучитъ гораздо свѣжѣе и поэтичнѣе, чѣмъ какіе-нибудь Konigstein, St.-Johann и т. д.; конечно, Ortakeу въ переводѣ значитъ «Средняя деревня», но какой

свропсець знаетъ это, а если и знаетъ, то развѣ ему не кажется, что Ortakeу должно быть живописнѣе, чѣмъ «Средняя деревня»?

Весь берегъ, какъ азіатскій, такъ и европейскій, густо заселенъ; пристани слѣдуютъ непрерывно одна за другой; вездѣ масса народа, турокъ, грековъ и европейцевъ, особенно охотно проводящихъ лѣто на Босфорѣ. У каждой пристани поплавокъ, на которомъ сидятъ и пьютъ свой кофе турки, здѣсь и тамъ среди зелени возвышается бѣлый невысокій минаретъ; изрѣдка портитъ видъ «Тирингъ-Галата», реклама одного большого еврейскаго магазина въ Галатѣ; Босфоръ, пожалуй, наиболѣе европейская часть Турціи, онъ скоро, вѣроятно, будетъ похожъ на какой-нибудь модный пляжъ въ родѣ Остенде или Біаррица.

На половинѣ Босфора съ европейской стороны, въ самомъ узкомъ его мѣстѣ находится Roumeli Hissar, замокъ, стѣны котораго спускаются до самой воды.

До Веисос почти полтора часа ѣзды; мы приѣзжаемъ туда около четырехъ часовъ и сейчасъ же отправляемся по узенькой прибрежной улицѣ къ мѣсту нашего назначенія. За городкомъ начинается великолѣпная платановая аллея, въ густой тѣни которой мы идемъ, нисколько не страдая отъ жары, затѣмъ мы карабкаемся по горной, размытой дождями дорогѣ и, проклиная мелкій лѣсъ, который ее окаймляетъ и совсѣмъ насъ не укрываетъ отъ солнца, наконецъ добираемся до вершины горы.

Наверху маленькій домикъ и рядомъ мечеть, спрятанная среди деревьевъ и кустовъ. Насъ встрѣчаетъ ободранный добродушный турокъ и, видя, что я собираюсь снимать виды, говоритъ:

— Здѣсь запрещено снимать, такъ какъ близко форты,—и онъ указываетъ на окрестные холмы.—Какъ васъ сюда пропустили?—продолжаетъ онъ.—Здѣсь все время ходятъ караульные.

— Мы никакихъ караульныхъ не видали,—удивляемся мы.

— Странно. А впрочемъ,—продолжаетъ онъ, какъ бы что-то вспомнивъ:—у насъ теперь рамазанъ, и всѣ солдаты спятъ.

Это было сказано настолько равнодушно, что я сразу понялъ, что въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего особеннаго. Дѣйствительно, у магометанъ теперь рамазанъ; это мѣсячный постъ, во время котораго они не имѣютъ права днемъ ни пить, ни ѣсть, ни курить; ночью все это разрѣшается, поэтому многіе мусульмане, чтобы легче выдержать этотъ жестокий постъ, спятъ днемъ; солдаты, охранявшіе дорогу на форты, тоже спали гдѣ-нибудь въ кустахъ. Вѣдь они же тоже мусульмане!

Не подумайте, что эти солдаты охраняли какой-нибудь ненужный фортъ; они стерегли входъ въ Босфоръ въ такое время, когда ихъ высшее начальство сочло нужнымъ начать исподволь тайную мобилизацію (на это указывало усилившееся за послѣднее дни

движеніе военныхъ автомобилей и войскъ въ городѣ) и когда пароходы перевозили на Босфоръ войска и мины.

Эта небольшая картинка турецкой жизни живо рисуетъ многое. Кто задаетъ тонъ въ Турціи? По газетамъ—нѣмцы черезъ младотурокъ, а въ дѣйствительно кто? Народъ, что ли? Да ему никакого дѣла нѣтъ ни до какой политики; гоняли его въ Африку противъ итальянцевъ, потомъ на сѣверъ—противъ славянъ, теперь, кажется, погоняютъ опять противъ славянъ, но ему все это такъ надоѣло и такъ ему хочется посидѣть спокойно, что никакая политика и никакіе младотурки не заставятъ его воодушевиться: лучше поспать подъ кустикомъ, пусть пройдутъ гяуры на форты, это ничего! Ничто не вдохнетъ жизнь въ эту инертную массу. Коранъ, желавшій все регулировать, окончательно отнялъ у нихъ какую бы то ни было инициативу къ чему-либо и навѣки заглушилъ интересъ къ тому, что дѣлается вокругъ; ничто не интересуется турка, даже тотъ самый Коранъ, который былъ причиной такого застоя, даже онъ для нихъ недоступенъ и безразличенъ. Нѣтъ никакихъ способовъ заставить Турцію двинуться впередъ—косность, невѣжество и равнодушіе ко всему—вотъ удѣлъ этой разлагающейся страны.

Кстати, о турецкомъ войскѣ. Когда-то это войско было знаменито своей храбростью и выносливостью, но теперь оно знаменито развѣ что своимъ безначаліемъ и неустройствомъ. До младотурокъ порядки въ немъ были анекдотическіе. Такъ какъ Турція—страна заговоровъ, гдѣ каждый мало-мальски сильный паша стремится свергнуть либо султана, либо какого-нибудь сильнаго сановника, то немудрено, что Абдуль-Гамидъ спалъ и во снѣ видѣлъ всюду заговорщиковъ; онъ окружалъ себя тучами шпионовъ и боялся усиленія кого бы то ни было, а такъ какъ онъ не надѣялся на вѣрность войска, то боялся и усиленія войска. Получалась нелѣпость, смѣшная и глупая: новобранцевъ сгоняли каждый годъ въ казармы и ничему ихъ не учили или учили спустя рукава, такъ какъ боялись, что если ихъ выучатъ военному искусству, они поднимутъ военный бунтъ и свергнутъ султана; войско было вооружено старыми, никуда не годными ружьями, а новыя ружья лежали въ складахъ подъ охраной гвардіи, которой султанъ довѣрялъ. Жалкій флотъ турокъ стоялъ по большей части безъ дѣла въ Золотомъ Рогѣ; на ученіе въ Мраморное море его почти не выводили; кто его знаетъ, чего добраго, онъ еще послѣ ученія, возвращаясь домой, начнетъ стрѣлять по Константинополью?

Младотурки постарались измѣнить все это и стали приглашать нѣмецкихъ инструкторовъ, но что могли они сдѣлать съ недисциплинированной толпой мужиковъ, упорно не желавшихъ ничего дѣлать? Въ годовщину дня провозглашенія конституціи въ Кон-

Константинополь былъ парадъ въ присутствіи султана; мѣстные нѣмецкія газеты въ длинныхъ напыщенныхъ статьяхъ всячески восхваляли «обновленное» турецкое войско, но весь секретъ заключался въ томъ, что никакого «новаго» войска не было, а былъ лишь нѣмецкій нахаль, генераль Сандерсъ, со своей военной миссіей, и въ угоду ему надо было писать, что войско обновилось, разумѣется, подъ его просвѣщеннымъ руководствомъ. Надо замѣтить, что нѣмецкая военная миссія занимаетъ въ Константинополь очень видное мѣсто: на пріемъ у великаго визиря въ день празднованія конституціи она была приглашена цѣликомъ, такъ что представители другихъ странъ тонули въ массѣ нѣмцевъ. Роль этой миссіи, проводимая энергично и, выражаясь мягко, не всегда корректно, очевидна: за нѣсколько дней до начала общеевропейской войны въ Константинополь было извѣстно, что нѣмецкая военная миссія въ случаѣ войны Германіи съ какой-либо державой не покинетъ Стамбула...

Теперь вернемся назадъ на Босфоръ. Итакъ, турокъ вѣжливо или, вѣрнѣе, равнодушно предупредилъ, что здѣсь снимать фотографіи нельзя. Конечно, я не воздержался отъ искуса снять при этихъ условіяхъ то, что было передъ нами. И было что снять! Черезъ рѣдкій лѣсъ видѣлся Босфоръ; съ одной стороны онъ, извиваясь, кружился среди зеленыхъ береговъ и былъ виденъ почти до самаго Стамбула. Удивительное впечатлѣніе производило сочетаніе цвѣтовъ темно-зеленаго лѣса и среди него морской сини Босфора, и оригинальнѣе всего было именно то, что этотъ синій морской цвѣтъ тянулся безконечно далеко вглубь страны узкой полосой. Съ другой стороны Босфоръ уходилъ въ Черное море; это было величественное зрѣлище. Берега Босфора въ этой его части были мало заселены и почти лишены лѣса; съ правой стороны на скалѣ стояло нѣсколько старыхъ башенъ, остатки какого-то замка; онѣ сторожили зорко, какъ и встарь, ворота Востока, а вдали за ними молча голубѣла свѣжая влажная синева Чернаго моря. Здѣсь уже не было того оживленнаго Босфора, который мы видѣли по ту сторону горы; что-то довременное величественно-спокойное и дикое было въ этомъ пейзажѣ; рѣдкія суда не оживляли его, но, наоборотъ, напоминали невольно о томъ, что въ другой части Босфора ихъ гораздо больше. И только здѣсь я вспомнилъ, что по этимъ же водамъ плыль когда-то Олегъ прибывать свой щитъ на вратахъ Цареграда, а еще раньше плыли галеры римлянъ, а еще раньше финикійцы и гдѣ-то очень ужъ далеко мерещились и аргонавты, плывшіе за золотымъ руномъ въ Колхиду. А за пустыннымъ берегомъ Азіи видѣлись Пафлагонія, Киликія, Дамаскъ съ его клинками синей стали, древняя Антиохія, камен-

ная Иудея, зеленая Галилея и бѣдные галилейскіе рыбаки, прошедшіе всю эту страну иѣшкомъ и покорившіе весь міръ силою своего слова. Еще дальше мерещился Синай съ грознымъ Иеговой, мечущимъ молніи на свой непокорный народъ, и знойная каменистая Аравія.

— Не хотите ли совершить «зіареть» (паломничество)?—спросилъ подошедшій сторожъ.—Здѣсь есть могила святого, Иисуса Навина. Иностранцы приходятъ и читаютъ надъ его могилой по краснымъ книгамъ ¹⁾ молитвы.

Около мечети, на небольшомъ дворѣ помѣщалась огромнѣйшая могила, шаговъ въ десять длины.

— Почему эта могила такъ длинна?

— Это былъ очень святой человекъ,—объяснилъ сторожъ,—и онъ все растетъ, когда за него молятся Богу.

Черезъ часъ мы спускались; я спряталъ аппаратъ подъ шиджакъ, но напрасно: пушка, возвѣщавшая заходъ солнца и конецъ поста, еще не выпалила, и солдатъ все еще не было видно. Еще черезъ часъ замелькали рекламы Тирингъ-Галата, и мнѣ уже казалось, что я видѣлъ древній Босфоръ только во снѣ.

Бѣгство изъ Константинополя.

Событія принимали все болѣе угрожающій характеръ и, наконецъ, послѣдовало объявленіе войны Германіей Россіи; масса германскихъ и австрійскихъ подданныхъ покидали Константинополь, направляясь въ ряды дѣйствующей арміи. Въ Турціи начиналось броженіе, по городу разъѣзжали военные автомобили, двигались войска и т. д. Оставаться дольше не было никакого смысла тѣмъ болѣе, что многія парходныя компаніи прекратили уже рейсы. Я взялъ билетъ на пароходъ русскаго общества пароходства и торговли «Императоръ Александръ III», который долженъ былъ уйти 21-го, въ 10 часовъ утра. Наканунѣ дня моего отъѣзда шелъ сильный дождь, и я сидѣлъ въ квартирѣ, ожидая, когда погода разгуляется. Настроеніе у меня было довольно мерзкое: кругомъ волненіе, а ты сиди и жди; скука, выйти на улицу изъ-за дождя нельзя, въ комнатѣ, выходящей на узенькую улицу, темнота, какъ въ Петроградѣ осенью. Вдругъ внизу на улицѣ раздались какіе-то крики: я выглянулъ въ окно и увидѣлъ двухъ мужчинъ, державшихъ въ рукахъ австрійскіе флажки; они шли по направленію къ пристани, а за ними шла кучка людей, человекъ въ сорокъ, съ чемоданами въ рукахъ; ихъ провожали женщины; это, очевидно, были австрійцы—запасные.

¹⁾ Очевидно, по путеводителямъ.

Я переждалъ дождикъ и пошелъ посмотрѣть, какъ они будутъ уѣзжать. Около Wiener Bank, прекратившаго платежа, стояла толпа, едва сдерживаемая копытами городскими; слышались негодующіе возгласы, нѣкоторые плакали. По мокрымъ тротуарамъ я съ трудомъ добрался до пристани; пароходъ съ австрійскими запасными уже отчаливалъ; когда онъ поравнялся съ русскимъ пароходомъ, стоявшимъ рядомъ, съ австрійскаго послышались свистки, ругательства и крики: «Ѣдемъ пить пиво въ Петербургъ!»

Тутъ только я замѣтилъ, что оба русскихъ парохода, «Александръ III» и «Николай II», дымятся. Это показалось подозрительнымъ; зачѣмъ имъ дымиться за двадцать часовъ до отхода? Захожу въ контору, спрашиваю. Миѣ отвѣчаютъ:

— Они идутъ сегодня, получена телеграмма изъ Одессы ѣхать немедленно.

— Когда же они ѣдутъ?

— Черезъ часъ или два. Вѣрно ѣхать какъ можно скорѣе, боятся захвата.

Я бѣгомъ домой; бѣгу и соображаю:

«Послѣдній пароходъ, нельзя не ѣхать, а квартира заперта, ни N, ни лакея нѣтъ, ключа тоже нѣтъ; быть можетъ, швейцаръ какъ-нибудь откроетъ. Но и то толку мало, вѣдь, все мои деньги подъ ключомъ у N».

Стучусь къ швейцару, его тоже нѣтъ. Бѣгу навверхъ, авось кто-нибудь да пришелъ: смотрю на часы: два часа, нѣтъ рано, никого не можетъ еще быть. Съ отчаяніемъ дергаю звонокъ... молчаніе... что тутъ дѣлать? Ѣхать безъ всего? До Одессы доѣду, а потомъ? Звоню вторично... и слышу въ передней торопливые шаги N. Онъ вернулся раньше, чѣмъ думалъ, и говоритъ впопыхахъ:

— Уѣзжайте поскорѣе, пароходъ сейчасъ уйдетъ.

Въ одинъ мигъ все было уложено, извозчикъ найденъ. Только что мы отѣхали, съ нами поравнялся экипажъ съ однимъ русскимъ, служащимъ въ посольствѣ:

— Уѣзжайте,—кричитъ онъ:—Турція объявила всеобщую мобилизацію, не знаю, доѣдете ли.

По дорогѣ вспоминаю, что у меня нѣтъ ни копейки русскихъ денегъ; заѣзжаю въ одну мѣняльную лавку,—не мѣняютъ, въ другую,—не мѣняютъ, наконецъ въ третьей размѣняли миѣ на сорокъ рублей.

На пристани сутолока; только благодаря помощи каваса я попадаю на пароходъ. Народу мало, пароходъ огромный; жуткое чувство одиночества сперва охватываетъ меня, но скоро я встрѣчаю пассажировъ, капитана, знакомаго доктора и опять вхожу въ прежнюю тревожную колею.

— Проклятые нѣмцы,—кричитъ какой-то телеграфистъ (это оказался служащій на пароходномъ радиотелеграфѣ),—не даютъ ничего понять; все время стучать со станцій своихъ пароходовъ, ничего не понимаю, посоль дастъ какія-то распоряженія объ отъѣздѣ, а эти проклятые...—и онъ грозитъ кулакомъ по направленію нѣмецкихъ пароходовъ.

Появляется капитанъ, нѣсколько сгорбленный, сухой старичокъ; онъ съ виду спокоенъ, но по его лицу видно, что онъ волнуется.

— Когда ѣдемъ?—накидываются пассажиры.

— Ничего не знаю, господа. Последнее распоряженіе было оставаться до утра.

Эта вѣсть сразу разносится по пароходу, но уйти съ парохода никто не рѣшается, такъ какъ никто не гарантированъ отъ того, что не будетъ новаго распоряженія уѣзжать сейчасъ.

Наступаетъ обѣденный часъ, никто, однако, не хочетъ спустаться въ столовую, и лакей напрасно звонить, бѣгая по палубѣ.

— Важная телеграмма получена,—говоритъ кто-то.

— Что такое? Въ чемъ дѣло? Спросите телеграфиста!

— Онъ не скажетъ, не имѣетъ права. Только капитанъ знаетъ.

Капитанъ беретъ подъ руку телеграфиста и идетъ съ нимъ медленными шагами по палубѣ, слушая его докладъ. Пассажиры отправляютъ пословъ къ капитану, но безрезультатно. Начинаются толки: что могло бы быть написано въ телеграммѣ?

За обѣдомъ я сажусь противъ фески; феска оказывается не турокъ, а египтянинъ; это профессоръ офталмологіи, ѣдущій на конгрессъ. Разговоръ принимаетъ болѣе обыденный характеръ: говорятъ объ Египтѣ, о Россіи, о медицинѣ, о томъ, что въ Египтѣ рецепты пишутся не по-латыни, а на какомъ-то другомъ языкѣ, и т. д. Въ разгарѣ разговора египтянинъ беретъ небольшой графинъ съ бѣлой жидкостью, которую онъ принимаетъ за воду, но которая оказывается водкой, и наливаетъ себѣ полный стаканъ. Всѣ смѣются и объясняютъ ему его ошибку; онъ, краснѣя, отодвигаетъ стаканъ и говоритъ:

— Я знаю, что такое русская водка; это какъ англійское виски. И еще я знаю: рябинука (рябиновка)—тоже водка.

Этотъ фактъ вернулъ всѣхъ на нѣкоторое время въ безпечное, веселое настроеніе.

Вечеръ прошелъ сравнительно спокойно; полная луна освѣщала Босфоръ и выдѣляла силуэтомъ мечети Стамбула. По случаю рамавана онѣ всѣ были освѣщены фонариками, которые опоясывали ихъ минареты двумя правильными кругами.

Движеніе пароходовъ и лодокъ не прекращалось; замѣтно было только, что коммерческихъ пароходовъ стало гораздо меньше. Городъ постепенно замиралъ; къ одиннадцати часамъ на при-

стани не было уже никого, одинъ лишь постовой городской въ своей остроконечной сѣрой барашковой шапкѣ и черной накидкѣ стоялъ у парохода. Страшно было смотрѣть съ высоты четырехъ этажей на этотъ мертвый городъ, еще недавно такой оживленный и шумный. Пассажиры не расходились еще; многіе усиленно слѣдили за лодками, которыя все время шныряли около насъ; въ этомъ не было ничего удивительнаго, но нѣкоторыя дамы придавали этому особое значеніе.

— Вотъ увидите, это шпионы слѣдятъ за нами. А потомъ, почему на насъ направляютъ все время прожекторъ? Очевидно, хотятъ насъ забрать.

— Прожекторы пускаютъ пароходы, чтобы освѣтить себѣ дорогу, — успокаиваю я даму: — никто за нами не слѣдитъ, повѣрьте мнѣ.

— Нѣтъ, въ двѣнадцать часовъ ночи никакіе пароходы больше не ходятъ; это слѣдятъ за нами.

— Да, дѣйствительно, въ это позднее время пароходы обыкновенно уже не ходятъ. Но теперь рамазанъ, и пароходы ходятъ всю ночь, — говорю я, а самъ думаю:

— А кто ихъ разберетъ, можетъ быть, это и дѣйствительно за нами слѣдятъ. Все можетъ теперь быть. Будь, что будетъ!

Луна спустилась уже совсѣмъ низко и, вся красная, кажется неподвижно стоящей въ блѣдно-голубомъ туманѣ надъ тихимъ Стамбуломъ. Что онъ думаетъ, этотъ загадочный, спящій Стамбулъ? Онъ такъ спокойно лежитъ черной массой своихъ домовъ на берегу Золотого Рога, что не вѣришь въ его намѣреніе забрать насъ въ плѣнъ. «Надо ли волноваться?» думаю я, и въ самомъ отбѣнкѣ моей мысли я чувствую успокоеніе. Если бъ волновался, не спрашивалъ, надо ли волноваться. Огни моста, по которому уже не замѣтно почти никакого движенія, ясно выдѣляются вдали правильными рядами.

Надъ городомъ повисла темная полоса дыма и пыли; воздухъ настолько неподвиженъ, что эта полоса такъ и повисла въ немъ, заслоняя собою свѣтъ фонариковъ на минаретахъ. А они попрежнему стоятъ, какъ будто бы не принимая никакого участія въ людскихъ дѣлахъ. Вонъ Айя-Софія, вонъ Солейманъ, вонъ и Фатихъ. Боже, какъ все это красиво! И я вспоминаю стихъ Лермонтова:

Я думалъ: жалкій человекъ.
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но безпрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ... Зачѣмъ?..

Стамбулъ, говорятъ, коваренъ и кровожаденъ, турки — звѣри, они ненавидятъ христіанъ, пытаются ихъ. Но гдѣ этотъ Стамбулъ?

Гдѣ эти кровожадные турки? Стамбуль, который лежитъ передо мной, ничего не думаетъ, тамъ никого нѣтъ! И странное чувство охватываетъ меня: я уже не знаю, были ли въ дѣйствительности всѣ эти страхи, или все это былъ сонъ. Быть можетъ, и все, что я сейчасъ вижу, тоже сонъ?

И мнѣ на умъ приходитъ первое не воспоминаніе, а скорѣе ощущеніе моего дѣтства. У насъ въ дѣтской висѣли двѣ картины, изображавшія различныя моменты «Демона» Лермонтова. На одной изъ нихъ была изображена комната (или келья) Тамары. Что на ней было изображено, не помню. Кажется, въ углу стояло что-то большое, мольбертъ—не мольбертъ, большія крылья, что ли, однимъ словомъ, не знаю что. Это даже была не картина, а фотографія съ картины, такъ какъ яркихъ цвѣтовъ я не помню. Большую часть картины занимало окно, въ которое видно было ночное небо съ звѣздами. И вотъ эта безконечная небесная даль была моимъ первымъ неяснымъ дѣтскимъ ощущеніемъ. Однажды, не такъ давно, я былъ въ Крыму; разъ ночью я проснулся; въ открытое окно шелестѣлъ платанъ, вдали мелькалъ огонь маяка въ гавани Ялты, и все было залито голубымъ свѣтомъ луны—и безконечное небо, и горы, и далекая Ялта, и шелестящій платанъ, и моя комната. Я взглянулъ на все это и вспомнилъ картину, висѣвшую въ нашей дѣтской, вспомнилъ свое дѣтское ощущеніе безконечности небеснаго свода; но я сейчасъ же заснулъ и до сихъ поръ не знаю, былъ ли это сонъ, или я, дѣйствительно, вставалъ и смотрѣлъ въ окно. Съ этого дня это забытое ощущеніе проснулось опять во мнѣ, и я ясно понимаю, что именно оно было первымъ моимъ впечатлѣніемъ. Я его опять вспомнилъ въ эту ночь въ Золотомъ Рогѣ.

Около половины перваго, когда луна совсѣмъ зашла и Стамбуль погрузился въ совершенную темноту, намъ передали по радиотелеграфу, чтобы мы, соблюдая всевозможныя предосторожности, снимались сейчасъ. Моментально погасили всѣ лишніе огни, но сняться мы успѣли только въ два часа, такъ какъ никакъ не могли найти капитана парового катера, который долженъ былъ оттащить насъ отъ пристани. Что дѣлать! Эти морскіе гиганты безпомощнѣе лодки, когда стоятъ у берега. Все время, пока мы шли по Босфору, настроеніе было у всѣхъ напряженное; полнѣйшая темнота, прожекторы, направляемые на насъ съ пароходовъ, безконечные поиски капитана катера, безъ котораго мы не могли уѣхать изъ Стамбула,—все это заставило насъ бодрствовать всю ночь.

Въ четыре часа мы остановились у Буюкъ-Дере, гдѣ лѣтомъ живетъ наше посольство; здѣсь мы приняли человѣкъ пятьде-

сятъ русскихъ, спѣшно покидавшихъ Константинополь. Ихъ всѣхъ подвезли къ трапу шлюпки съ нашего стаціонера; на веслахъ сидѣли бравые матросы, и рѣзкій командный голосъ морского офицера раздавался внизу надъ темной бездной Босфора.

Скоро начало свѣтать: погасли постепенно звѣзды, рѣзче обозначились контуры горъ на востокѣ у выхода въ Черное море, и исчезли вся тайна и все очарованіе восточной ночи; гдѣ-то на югѣ за горами въ Стамбулѣ осталась она, а передъ нами виднѣлось уже Черное море, только что проспавшееся и еще нѣжившее свои свѣтлыя воды въ розовомъ блескѣ зари. Вотъ уже Босфоръ за нами, мы вышли въ открытое море. Какая-то турецкая миноноска идетъ за нами слѣдомъ, но скоро начинаетъ отставать. Я спускаюсь въ каюту и засыпаю.

Будить меня рѣзкій стукъ въ дверь каюты; это лакей пришелъ за моимъ паспортомъ. Выхожу на палубу: солнце уже высоко, море изъ свѣтлаго стало темно-синимъ, береговъ не видно совсѣмъ. Мы отрѣзаны отъ всего міра: цѣлый день ни телеграммъ, ни газетъ, ни страшныхъ прожекторовъ, такъ пугавшихъ дамъ, ни подозрительныхъ лодокъ. Всѣ весело болтаютъ, какъ будто ничего не случилось.

На слѣдующее утро—Одесса; только пароходъ пришелъ, всѣ сразу накидываются на жандармовъ и носильщиковъ:

— Ну, что? Каковы дѣла?

— Слышите, Бельгія объявила Германіи войну,—кричитъ кто-то.—Полное единеніе всѣхъ партій, евреи устроили патриотическую манифестацію,—говоритъ другой голосъ снизу.—«Молодецкое дѣло у Млавы»,—кричитъ мальчишка съ газетой.

«Не дай Богъ, что случилось: цѣлый эскадронъ австрійцевъ изрубленъ». Чувствуется, что всѣ ждутъ важнѣйшихъ событій; и это ожиданіе придаетъ торжественно-дѣловитое настроеніе всему. Нѣтъ презняго сна, всѣ оживились, воскресли, вездѣ солдаты, пушки, телѣги, подъемъ невѣроятный.

Еще черезъ день я ѣду въ Кіевъ: все время попадаютъ воинскіе поѣзда, на вокзалахъ толчея, но цѣтъ ни пьяныхъ, ни безпорядка. Веселья, лихія пѣсни несутся изъ вагоновъ, офицеры, дѣловитые и оживленные, ходятъ по платформѣ въ походныхъ кителяхъ, тутъ и тамъ попадаютъ открытыя платформы съ пушками и лафетами, въ открытыя двери багажныхъ вагоновъ выглядываютъ лошадиныя морды, трубачъ трубитъ сборъ передъ отходомъ поѣзда,—и движутся безконечной вереницей поѣздовъ по далекой степи къ вражеской странѣ на подвигъ ратный русскіе люди, готовые положить свои головы за честь родной страны, великой Россіи.

Эпилогъ.

Прошелъ неполный мѣсяць съ того дня, какъ я покинулъ Россію, и что съ ней сдѣлалось за это время! Говорятъ, въ XX вѣкѣ не бываетъ чудесъ, исторія не знаетъ скачковъ. Но тотъ, кто видѣлъ еврейскую патріотическую манифестацію, несущую портретъ Государя, кто видѣлъ социаль-демократа, произносящаго патріотическую рѣчь, кто видѣлъ Милюкова, цѣлующагося съ Пуришкевичемъ, кто видѣлъ трезвую Россію, развѣ тотъ не видѣлъ чуда?

Въ вагонѣ на пути въ Константинополь я, сравнивая русскихъ съ сербами, позавидовалъ пылу и фанатизму сербовъ и противопоставилъ эти ихъ качества нашему воздержанію и спокойной мощи. Мнѣ даже на минуту показалось, что сербы выше насъ, именно благодаря этому ихъ качеству. Но жизнь безжалостно разбила мои теоріи, и я этому радъ. Вернувшись въ Россію, я увидѣлъ, на что мы способны, я увидѣлъ русскихъ въ героической роли защитниковъ слабыхъ, въ роли вождей всеобщей войны, я увидѣлъ чудо.

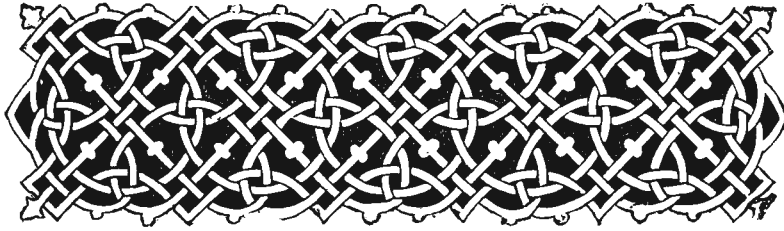
Развѣ можетъ русскій человѣкъ забыть конецъ іюля 1914 года, забыть тотъ подъемъ и то единодушіе, которое охватило всѣхъ, забыть марсельезу, не какъ нѣчто запретное, а какъ призывный кличъ, зовущій освободить этотъ чудный народъ на Дунаѣ—сербовъ.

Въ Кіевѣ на памятникѣ Столыпина выгравированы его крылатыя слова, брошенныя оппозиціи: «Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія». По разсѣянности я прочелъ ихъ такъ: «Намъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія». Въ такой испорченной редакціи эти слова какъ нельзя болѣе подошли къ данному моменту, такъ какъ, во-первыхъ, теперь нѣтъ «мы» и «вы», а есть только «мы», а, во-вторыхъ, только изъ огненнаго горнида бѣдствій можетъ выйти новая великая Россія. Но не примемъ этихъ словъ по-бисмаровски, т.-е. хвастливо и съ жесткимъ сердцемъ, а примемъ ихъ съ спокойнымъ сознаніемъ своей силы и съ смиренной готовностью перенести всѣ испытанія, которыя намъ будутъ посланы свыше.

А. Сербскій.

ИЗЪ ПРОШЛЫХЪ СНОШЕНІЙ СЪ ГЕРМАНІЕЮ

(Отрывки изъ воспоминаній).

I.

ДВА ЛИ мы ошибемся, сказавъ, что наши отношенія къ нѣмцамъ никогда не были особенно благожелательными и нынѣшняя война съ Германіей и Австріей была давнишней и постоянной мечтой всѣхъ русскихъ сословій, такъ какъ никто не причинилъ столько зла Россіи, какъ эти два государства въ совокупности и отдѣльно разбросанные по лицу земли русской ихъ заносчивые подданные. Было время, когда тевтонскіе выходцы считались у насъ какими-то сверхвыдающимися людьми, пользовались исключительнымъ положеніемъ, состояли подъ особливимъ покровительствомъ правительства, имъ давали преимущественный ходъ на всѣхъ поприщахъ служебной, торговой и промышленной дѣятельности и снисходительно смотрѣли на всякія ихъ безобразія, безчинства и злоупотребленія. Въ народѣ поэтому составилось убѣжденіе, что «гѣмецъ все можетъ». Болѣе рельефно очертилъ это положеніе знаменитый герой Кавказа А. П. Ермоловъ въ бесѣдѣ съ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, желавшимъ отличить его боевыя заслуги:

— Ваше величество! Пожалуйте меня нѣмцемъ!..

Особенно сильное недовольство питають ко всему нѣмецкому старовѣры и казаки. Называютъ они ихъ не иначе, какъ «слугами

«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

13

антихристовыми», потому что отъ нихъ происходитъ все зло, такъ какъ «обасурманились они и осквернили вѣру православную».

Въ послѣднее время, говорится въ старообрядческихъ книгахъ, «грянетъ оружіе съ запада, о немъ же страшно рещи, порушится вѣра Христова и облекутся людіе въ хламиды бѣсовскія... Мужки имуть носить одѣяніе короткое выше колѣну, штаны натянуты черезъ рамены, и не могутъ колѣнопреклоненіе творити; жены будутъ имѣть образъ бѣсовски, главы непокровенны имуть и на главахъ имуть носить скотскія роги; лица будутъ мазати вапами и власы вонями на прелесть поганскую; одѣянія имуть носить необычное, подобно бѣсовскому мечтанію, блудническія обычаи проклятыхъ нѣмецъ съ перетяжками»...

Со временъ бироновщины и особенно послѣ уничтоженія императрицей Екатериной II у казаковъ выборнаго самоуправленія много пришлось перенести послѣднимъ издѣвательствъ, глумленій и побоевъ отъ назначаемыхъ къ нимъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ изъ фоновъ и бароновъ, какъ объ этомъ говорятъ и рассказы старожилловъ и архивные матеріалы. Вслѣдствіе этого, видимо, отцы и дѣды наши внушали своимъ дѣтямъ съ малыхъ лѣтъ ненависть къ западнымъ сосѣдямъ.

— Нѣмецъ, что жидъ,—все едино,—говоривали наши старики:—они и талакаютъ одинаково...

Помню я, какъ старовѣры проклинали пруссаковъ во время турецкой войны 1878 года. По какимъ-то имъ извѣстнымъ преданіямъ, увѣряли они, будто Константинополь обязательно долженъ былъ быть взятъ русскими, но австрійцы съ германцами воспротивились тому. Случилось послѣднее такимъ образомъ.

Когда въ 1453 году султанъ Магометъ II осаждалъ своими полчищами Царьградъ, въ день паденія города въ храмѣ св. Софіи престарѣлый «благочестивый» священникъ служилъ литургію. Провивъ брешь въ воротахъ св. Романа, турки ворвались въ столицу, перебивъ слабыхъ защитниковъ съ послѣднимъ отпрыскомъ Палеологовъ, Константиномъ XI, сражавшимся противъ нихъ въ одеждѣ простаго воина. Ъхавшій на богато убранномъ конѣ среди своихъ тѣлохранителей султанъ искалъ императора, но, не найдя его между убитыми, направился къ св. Софіи. Сотни янычарскихъ мечей затрещали по запертымъ дверямъ храма, чтобы разломать ихъ для свободнаго вѣзда своему повелителю. Въ церкви произошелъ переполохъ.

— Турки, турки!—завопили изступленнымъ голосомъ молящіеся, прячась въ смертельномъ страхѣ по угламъ и нишамъ.

Двери церковныя распахнулись, и среди озвѣрѣлой толпы подчиненныхъ вѣхалъ въ храмъ Магометъ II. Въ это время дьякошъ провозгласилъ: «со страхомъ Возкіимъ и вѣрою приступите!» Вышедшій изъ царскихъ вратъ священникъ, увидя предъ собой пе-

честиваго повелителя, повернулъ назадъ. И вдругъ совершилось дивное чудо: предъ нимъ разверзлась «храмина», онъ ушелъ въ образовавшееся отверстіе, и стѣна закрылась.

Все это видѣли и турки, и молящіеся. Магометъ приказалъ сейчасъ же разобрать стѣну и найти священника, но онъ исчезъ безслѣдно.

Пройдетъ 450 слишкомъ лѣтъ,—гласить сказаніе:—народится другой православный императоръ, который вернетъ христіанству Константинополь. Когда съ благоговѣніемъ войдетъ онъ въ храмъ св. Софіи, священникъ выйдетъ изъ заточенія, dokonчитъ литургію и причаститъ св. таинъ благочестиваго царя.

Чтобы воспрепятствовать осуществленію этого предсказанія, султанъ повелѣлъ обратить св. Софію въ мечеть и заштукатурить внутреннія изображенія фресками и мозаикой святыхъ, но они все-таки обнажаются за послѣднее время.

Когда въ 1878 году русскія войска подвигались въ побѣдномъ шествіи къ Босфору, всѣ были увѣрены, что Стамбуль падетъ къ подножію православнаго императора Александра II. Такъ какъ городъ этотъ представлялъ большія преимущества для Россіи въ торговомъ и политическомъ сношеніи, то Англія и Франція настаивали на томъ, чтобы сдѣлать его международнымъ, подчинивъ управленію избираемаго съ согласія великихъ державъ генераль-губернатора, ограниченнаго конституціоннымъ совѣтомъ изъ представителей заинтересованныхъ государствъ. Но противъ того возстали Австрія и Германія.

Войска наши были остановлены въ двѣнадцати верстахъ отъ него у Санъ-Стефано, совершенно подавленные. Какъ рассказывали послѣ войны офицеры, имъ былъ воспрещенъ даже одиночный вѣздъ въ столицу. Между тѣмъ турецкіе офицеры часто проѣзжали мимо русскаго лагеря, ругали, какъ хотѣли, нашихъ солдатъ и офицеровъ и нерѣдко палили въ нихъ изъ ружей и пушекъ. А мы терпѣливо смотрѣли на все это и ничего сдѣлать не могли. Санъ-Стефанскій договоръ, говорили тогда, свелъ на нѣтъ всѣ наши труды и лишенія.

На Берлинскомъ конгрессѣ наша дипломатія, въ лицѣ престарѣлаго князя Горчакова и графа Игнатѣева была совсѣмъ уничтожена желѣзной рукой германскаго канцлера графа Бисмарка въ сотрудничествѣ съ австрійскимъ уполномоченнымъ графомъ Андраши. Вслѣдствіе этого, какъ говорили тогда, Россія не получила почти ничего, если не считать небольшой бѣдной провинціи Добруджи по правую сторону Дуная, у береговъ Чернаго моря, которая для насъ не имѣла никакого существеннаго значенія, почему мы отдали ее въ обмѣнъ Румыніи на пограничную полосу Бессарабіи, между рѣками Прутомъ и Серетомъ, отторгнутую у насъ послѣ севастопольской войны. Да съ большимъ трудомъ удалось намъ вырвать

присоединеніе завоеванныхъ въ Азіи городовъ: Батума, Карса и другихъ, тогда какъ Австрія отхватила безъ всякаго права богатую область Босніи и Герцеговины, изъ-за которыхъ собственно и воевала Россія съ Турціей.

Отношенія дипломатовъ на Берлинскомъ конгрессѣ обострились до того, что со дня на день ждали разрыва переговоровъ. Почти всѣ представители великихъ державъ урѣзывали требованія русскихъ уполномоченныхъ. Но особенно старались о сохраненіи цѣлости Турціи Бисмаркъ и Андраши. Настойчивость ихъ дошла до того, что они угрожали намъ новой войной, причемъ, какъ носились слухи, въ защиту Турціи выступали Австрія и Германія, намѣреваясь выставить observational корпусъ въ Галиціи по долинѣ рѣки Серета.

Помню, какъ сейчасъ, это произошло въ апрѣлѣ 1878 года. По телеграммѣ 16-го числа, на первый день Пасхи были произведены въ офицеры безъ экзамена всѣ юнкера выпускного класса оренбургскаго юнкерскаго училища, съ отправленіемъ ихъ въ армію. Была объявлена общая мобилизація преимущественно кавалеріи. Въ теченіе мѣсяца сформировали всѣ льготные казачьи полки не только внутреннихъ областей, но и отдаленныхъ войскъ Оренбургскаго, Уральскаго и Сибирскаго и организовали полкъ башкиръ, стоявшій въ Оренбургѣ. Отряды двинулись въ Бессарабію, расположившись близъ рѣки Прута.

Полки возвратились на родину только въ сентябрѣ этого года.

Послѣ такой демонстраціи нѣмецкіе дипломаты, повидимому, смирились и пошли на уступки. Но тогда же было ясно для всѣхъ, что эти совмѣстныя выступленія Бисмарка и Андраши имѣли заранѣе опредѣленную цѣль будущихъ взаимныхъ Германіи съ Австріей наступательныхъ дѣйствій. Результатомъ этихъ тайныхъ соглашеній явилось заключеніе въ слѣдующемъ (1879) году формальнаго между ними договора на случай войны съ Россіей. И съ той поры начинается открытое недоброжелательство нѣмцевъ къ русскимъ подданнымъ. Во главѣ съ девятнадцатилѣтнимъ воинственнымъ принцемъ Вильгельмомъ, нынѣшнимъ императоромъ Германіи, въ то время еще не наслѣдникомъ престола, прусскіе офицеры уже бряцали оружіемъ и похвалялись съ австріяками своей солдатской выправкой, насмѣхаясь надъ русскими «медвѣдями». Замѣтно было уже тогда намѣреніе ихъ ослабить и унижить Россію и достигнуть полной гегемоніи Пруссіи надъ всей Европой.

Безусловно, заключенный между ними союзъ не предвѣщаль для насъ ничего добраго, ибо послѣ турецкой войны Россія была значительно ослаблена. При томъ же она стояла совершенно изолированной отъ другихъ государствъ Европы, среди которыхъ могла бы найти себѣ сочувствіе.

Однако, пока еще не было рѣзкой причины сильно опасаться враждебныхъ со стороны Германіи выступленій, ибо императоры Александръ II и Вильгельмъ I всеми мѣрами старались поддержать добрососѣдскія отношенія и старинную между русскимъ и прусскимъ дворами дружбу. Изъ уваженія къ послѣднему германскіе шовинисты сдерживали свои воинственные порывы. Но съ кончиной императора Александра II положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться, обостренность отношеній постепенно увеличивается...

II.

Со вступленіемъ на престолъ императора Александра III желѣзный канцлеръ Германіи думалъ такъ же предписывать Россіи законы, какъ онъ дѣлалъ это раньше, но все его попытки подчинить своей необузданной волѣ русскую политику разбились о гранитный характеръ мощнаго русскаго царя, который неуклонно отстаивалъ интересы государства и самъ твердой рукой руководилъ международными сношеніями, не позволяя слишкомъ завираться иноземнымъ дипломатамъ.

Помню, какой переполохъ произвелъ въ Европѣ случай (въ 1885 году) съ генераломъ-лейтенантомъ Комаровымъ, который, чтобы прекратить дерзкіе набѣги на русскія границы афганцевъ, безъ разрѣшенія изъ Петербурга, неожиданно двинулся на Памиръ и съ небольшимъ отрядомъ завладѣлъ Кушкой, водрузивъ тамъ русскій флагъ. Все были увѣрены, что такое самовольное дѣяніе не пройдетъ Комарову даромъ. Навѣрно, уволятъ его отъ должности начальника Закаспійской области, — думали нѣкоторые, такъ какъ противъ этого якобы насильственнаго захвата встала на дыбы почти вся европейская дипломатія, особенно же Бисмаркъ и Гладстонъ. Послѣдній угрожалъ выставить на границу индійскія войска. Но императоръ не испугался такой угрозы.

«Побѣдителей не судятъ!» телеграфировалъ онъ Комарову и пожаловалъ ему золотое оружіе за храбрость.

— Тамъ, гдѣ развернулся русскій флагъ, — приказалъ государь отвѣтить англійскому послу: — Россія не уступитъ пяди земли.

Послѣ этого представители Европы стали побаиваться царя и относились съ уваженіемъ къ русскимъ требованіямъ.

Съ первыхъ же дней царствованія Александра III замѣчалось беспокойное состояніе на нашей западной границѣ. Подъ давленіемъ графа Бисмарка Австрія успѣла настроить враждебно противъ насъ Румынію и Болгарію. Въ послѣдней главенствовалъ приспѣшникъ нѣмцевъ, ненавидимый всей странѣ министръ Стамбуловъ, самопроизвольно распорядившійся всеми дѣлами государ-

ства, держа въ рукахъ князя Александра Баттенбергскаго. Его называли «вторымъ Бисмаркомъ», хотя онъ не столько сдѣлалъ добра, сколько зла Болгаріи.

Вслѣдствіе обострившихся отношеній надъ горизонтомъ все время висѣли грозовыя тучи и въ воздухѣ пахло порохомъ. Всюду слышались разговоры о близкой войнѣ съ Австріей, какъ застрѣльщицей Германіи. Въ казачьихъ войскахъ особенно усилили тактическія занятія съ офицерами, изучались карты пограничныхъ областей Австріи и Россіи, академики генеральнаго штаба дѣлали сообщенія на заданныя темы. Помню, осенью 1882 года читалъ въ военномъ собраніи докладъ о способѣ веденія съ Австріей такъ называемой малой войны атаманъ перваго военного отдѣла Оренбургскаго казачьяго войска полковникъ Обрамъ-Пальскій (полякъ), куда пригласили и насъ, юнкеровъ оренбургскаго училища. Лекція была прослушана съ большимъ вниманіемъ, но особенно произвели впечатлѣніе послѣднія слова лектора:

«La guerre comme la guerre! Я хорошо знаю нѣмцевъ. Они не станутъ съ нами сантиментальничать. И мы должны съ ними поступать такъ же: давить, жечь, разрушать. Война—такъ война! Покажемъ же мы имъ себя истыми казаками, какъ въ Отечественную войну показывали Европѣ наши отцы и дѣды!..»

Россія стала принимать нѣкоторыя мѣры для усиленія охраны пограничной съ Австріей полосы. Въ томъ же 1882 году были двинуты изъ Туркестанскаго края на западъ два полка Оренбургскаго войска и одинъ сформированъ вновь, два полка уральцевъ, Волгскій полкъ съ Кавказа и нѣсколько полковъ кубанскихъ; изъ донцовъ организована отдѣльная казачья дивизія. Черезъ два года всѣ находящіяся на западной границѣ казачьи и кавалерійскіе полки были доведены до шестиэскадроннаго состава (вмѣсто прежнихъ четырехъ эскадроновъ). Такимъ образомъ, численность нашей конницы увеличилась тамъ почти вдвое, превысивъ составъ австрійскихъ кавалерійскихъ частей, расположенныхъ въ Галиціи и плохо къ тому же подготовленныхъ. По этому поводу въ то время рассказывали такой анекдотъ.

Какъ-то разъ, кажется, все тотъ же Бисмаркъ на одномъ придворномъ обѣдѣ сказалъ, между прочимъ, что Австрія представляетъ для Россіи большую опасность въ случаѣ войны. На это, улыбнувшись, отвѣтилъ государь шутливо:

— Да, если туда послать пять казаковъ съ нагайками, то они свободно пройдутъ до самой Вѣны!..

При каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ нѣмцы старались уязвить Россію и такъ или иначе ослабить ее въ боевомъ, финансовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, производили въ ней раздоры и несогласія. Носились слухи, что происходившіе въ 1882—1884 гг. въ Москвѣ, Казани, Кіевѣ, Одессѣ и Харьковѣ такъ на-

зываемые студенческіе беспорядки были дѣломъ заграничныхъ агитаторовъ ¹⁾).

Почти во всѣхъ университетскихъ городахъ въ то время проживало по нѣскольку австрійскихъ и германскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ съ разрѣшенія нашего правительства къ штабамъ военныхъ округовъ для изученія якобы русскаго языка. Но я знаю нѣкоторыхъ изъ нихъ, жившихъ въ Россіи по два, по три года и не научившихся хорошо объясняться по-русски. Очевидно, у нихъ было другое, болѣе интересное дѣло...

Ради той же дѣли нѣмцы поселили раздоръ между Болгаріей и Сербіей, окончившійся братоубійственной войной 1885 года. Германія рассчитывала втянуть въ нее Россію, но это не удалось ей. Тогда она ударила насъ по карману, издавъ рядъ драконовскихъ таможенныхъ препятствій къ вывозу нашего сырья и живности. А потомъ прекратила покупку зерна и муки. Правда, отъ этой злобной мѣры много пострадало и населеніе Германіи, но губительнѣе всего отозвалась она, конечно, на русскихъ землеробахъ.

Лѣтомъ 1884 года цѣны на пшеницу держались отъ 76 до 95 копеекъ. Урожай въ общемъ вышелъ ниже средняго, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (какъ, напримѣръ, въ Оренбургской, Самарской, Ураль-

---

¹⁾ Во время этихъ беспорядковъ былъ убитъ въ Харьковѣ губернаторъ, кажется, Исккуль-Гильдебрандтъ. При мнѣ въ 1884 г. губернаторствовалъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Петровъ, человекъ крайне мнительный, часто изъ мухи дѣлавшій слона, мучая тѣмъ и своихъ и чужихъ подчиненныхъ. Для характеристики приведу такой случай.

Помню, мы только что воротились изъ Чугуева въ Харьковъ послѣ двухстороннихъ корпусныхъ маневровъ. Налѣ № 1 Оренбургскій казачій полкъ расположился на постоянныхъ квартирахъ: двѣ сотни въ Дергачахъ (въ 10 вер. отъ города), одна въ деревнѣ Негечи и три въ самомъ Харьковѣ поблизости Конной площади. Вдругъ, въ половинѣ сентября, рано утромъ отъ начальника дивизіи генералъ-лейтенанта Эртеля было получено по телефону приказаніе выслать двѣ сотни, но куда и зачѣмъ, мы сами не знали. Оказалось, что студенты составили въ университетѣ сходку, ходили по городу группами и о чемъ-то горячо разсуждали, хотя никакихъ безчинствъ не дѣлали. Опасаясь, видимо, повторенія беспорядковъ предыдущаго года, губернаторъ Петровъ посигнлизъ потребовать казаковъ на охрану. Насъ расположили недалеко отъ Университетской горки, ниже пассажа Пащенко-Тряпкина, на Благовѣщенскомъ базарѣ, въ грязномъ и тѣсномъ постояломъ дворѣ, носившемъ громкое названіе «Кіевское подворье». Сначала въ продолженіе болѣе двухъ недѣль дежурили тамъ двѣ сотни съ утра до самой ночи. Но потомъ, видя, что въ дѣйствительности никакого волненія не происходитъ, командиръ полка, съ согласія начальника дивизіи, распорядился посылать по одной сотнѣ изъ трехъ, расположенныхъ въ городѣ, ибо эта безцѣльная полицейская служба страшно изнуряла казаковъ и офицеровъ. Судите сами: одна сотня дежурила по полку, другая стояла дежурной на случай пожара и третья торчала на «беспорядкахъ». При томъ ежедневно въ помощь полиціи назначались еще до тридцати человекъ для ночныхъ разъѣздовъ по городу. Такимъ образомъ мы вертѣлись, какъ бѣлка въ колесѣ, не зная ни часа покоя и отдыха. Люди и лошади жили впроголодь, такъ какъ варить пищу было нельзя, да и негдѣ, а возить ее съ Конной площади чрезъ весь городъ представляло большія затрудненія. Изъ борща и каши получались какіе-то прокислые помоя, которые не могъ никто ѣсть. Затянутымъ въ походную форму офицерамъ приходилось торчать

ской и сосѣднихъ областяхъ) даже плохой, такъ что самимъ земляпашцамъ пудъ зерна обошелся болѣе 70 копеекъ. Поэтому тѣ, у кого не было острой нужды, воздерживались отъ продажи хлѣба осенью въ надеждѣ на повышеніе цѣнъ зимой. Но онѣ съ каждымъ днемъ падали все больше и въ февралѣ-мартѣ слѣдующаго года, какъ разъ передъ началомъ сѣва, когда каждому до зарѣзу требовались деньги, понизились до 35—30 копеекъ за пудъ.

Особенно памятно это обстоятельство мнѣ потому, что самому пришлось продавать по такой цѣнѣ пшеницу. Однако и за эту плату покупателей находилось мало, кромѣ скупщиковъ-жидовъ, которые выжимали каждую копейку и при томъ еще обвѣшивали.

Землеробы взвыли. Я принужденъ былъ окончательно ликвидировать свое немудрое хозяйство. Разорились даже многія крупныя экономіи, за неимѣніемъ кредита, такъ что одинъ только этотъ тяжелый годъ, хуже всякаго недорода, задержалъ культурно-экономическое развитіе Россіи чуть не на десять лѣтъ.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ, конечно, немислимо было приступить къ замышленному военнымъ министерствомъ перевооруженію нашей арміи, какъ это дѣлалось въ Германіи, повидимому, дѣятельно готовившейся къ войнѣ. Въ послѣдніе годы царствованія

цѣлый день въ душной и грязной каморкѣ. Для облегченія своей участи мы, наконецъ, условились по очереди отсиживать опредѣленное число часовъ: одинъ утромъ, другой днемъ, третій вечеромъ. Такъ продолжалось еще около мѣсяца. Выручилъ насъ неожиданный случай, виновникомъ котораго былъ я.

Однажды очередь моего дежурства выпала съ 12 до 4 часовъ дня. А какъ разъ въ это время нужно было мнѣ съ поручикомъ Римскимъ-Корсаковымъ ѣхать съ визитомъ къ одной дамѣ, съ которой мы познакомились наканунѣ. Въ условленный часъ заѣзжаетъ онъ ко мнѣ, отправляемся; путь нашъ лежалъ мимо зданія военно-окружнаго суда.

— Подожди тутъ,—сказалъ онъ:—я забѣгу на минутку въ судъ.

Пролетка подъѣхала къ подъѣзду. Вдругъ, о, ужасъ, изъ-за угла вывертывается пѣшечкомъ командующій войсками, генералъ-адъютантъ Фѣдоръ Фѣдоровичъ Радецкій, герой Шипки. «Вотъ, думаю, бѣда-то. Вѣдь я въ дежурной формѣ. Навѣрно, отправитъ на «бухту». Я соскочилъ на панель и вытянулся; душа въ пятки ушла: «Господи, прinesi грозу!» Но генералъ остановился, поровнявшись со мной.

— Вы дежурный?

Можете представить, что со мной произошло...

— Такъ точно, ваше высокопревосходительство!—едва я могъ промолвить.

— Все еще посылаютъ васъ на безпорядки?

— Такъ точно..

— Когда смѣнитесь,—передайте командиру полка, чтобы онъ больше казаковъ не посылалъ.

И, протянувъ мнѣ руку, генералъ медленно удалился.

Не успѣлъ еще я воротиться съ сотней въ полкъ, какъ тамъ уже было получено распоряженіе командующаго войсками. Когда на другой день офицеры собрались въ канцеляріи, командиръ полка обратился къ намъ.

— Кого изъ васъ видѣлъ вчера генералъ-адъютантъ Радецкій?..

— Меня, подковникъ!—скрѣпя сердце, рассказалъ я ему о своей встрѣчѣ.

— Такъ это мы вамъ обязаны отгнѣной дежурства? Очень благодаренъ! Авт.

престарѣлаго императора Вильгельма военная партія, во главѣ съ Бисмаркомъ и принцемъ Вильгельмомъ, одержала верхъ и предвкусала уже сладостное удовольствіе расправиться съ русскими «варварами».

Какъ сейчасъ помню, это было въ концѣ апрѣля 1887 года. Нашъ 2-й Оренбургскій казачій полкъ стоялъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Кругомъ все было тихо, и ничто, какъ будто, не предвѣщало скорой грозы. Только наши полковые поставщики евреи Безбородко, Вейсманъ и Добинъ мутили нашъ покой, задавая офицерамъ вопросы.

— Сто-зе, скоро на войну пойдете?

— На какую? съ кѣмъ?—спрашивали мы съ недоумѣніемъ.

— Пхе! Что ви? Хиба не жнаете,—зъ вѣмцами!..

Всѣ русскіе жидочки, имѣя постоянныя сношенія съ заграничными собратьями, оказалось, были освѣдомлены лучше насъ о политическомъ положеніи Европы и о воинственныхъ замыслахъ германцевъ въ союзѣ съ австрійцами. Знали они также и о томъ, какія приготовленія происходили въ нашемъ главномъ штабѣ и какіе взгляды царили въ высшихъ петроградскихъ сферахъ по этому поводу. Можетъ быть, наше правительство нарочно молчало, чтобы не тревожить понапрасну населеніе.

Какъ-то разъ послѣ полкового ученья командиръ бригады генераль-майоръ Вонлярлярскій собралъ офицеровъ и повѣдалъ намъ таинственное.

— Господа! Скоро война... Прошу объ этомъ никому не говорить. Я предупреждаю васъ заранѣе объ этомъ потому, чтобы вы успѣли приготовить все нужное и устроить свои дѣла, дабы мобилизація не застала васъ врасплохъ. По всей вѣроятности, намъ придется имѣть столкновеніе съ австрійцами.

При этомъ онъ разсказалъ намъ планъ наступательныхъ движеній, по проекту генерала Лобко.

Предполагалось на границѣ съ Австріей сосредоточить 200 тысячъ кавалеріи и казаковъ съ тѣмъ, чтобы, по объявленіи войны, немедленно «перевосить» ихъ въ Галицію; до прихода пѣхоты и артиллеріи они прорываются сквозь отряды непріятельскихъ войскъ и занимаютъ всѣ проходы Карпатскихъ горъ, дабы не дать возможности соединиться венгерской арміи съ германскими корпусами.

Въ то время (какъ и теперь) австрійцевъ не считали у насъ опасными противниками, но храбрость и стойкость венгерцевъ была извѣстна. Что же касается пруссаковъ, то ихъ армію всѣ находили самой лучшей въ Европѣ, какъ по боевой подготовкѣ солдатъ, подбору команднаго состава, теоретически хорошо обученнаго, такъ и по вооруженію пѣхотныхъ частей и артиллеріи. Начальство поэтому предупреждало насъ:

— Помните, господа, вѣдь это воевать не съ турками. Надо подтянуться.

— Напрасно, ваше превосходительство безпокойтесь!—отвѣчали наши старички.—Мы всегда готовы постоять за царя-батюшку. Пойдемъ и на нѣмца. Били мы его раньше, и теперь поколотимъ. Вы, ваше превосходительство, мало еще нашихъ казаковъ знаете! Намъ не страшны ихъ крупновскія орудія: пусть они будутъ хоть стодюймовыя. *Мы хитростью возьмемъ!..*

Къ сожалѣнію, придуманный смѣлый и очень рискованный, хотя и гениальный планъ этотъ не удалось примѣнить на дѣлѣ отчасти потому, что о немъ вскорѣ провѣдали нѣмцы, но главнымъ образомъ вслѣдствіе того, что обстоятельства нѣсколько измѣнились.

Какъ въ то время носились слухи, императоръ Александръ III хотѣлъ дать отпоръ завравшимся пруссакамъ, но противъ войны возстали министры: иностранныхъ дѣлъ Гирсъ, финансовъ — Бунге и военный—Ванновскій. Рассказывали, будто однажды все вмѣстѣ собрались они въ Аничковскій дворецъ, чтобы доложить государю свои по этому поводу соображенія.

— Что же вы скажете?—обратился императоръ къ тайному софѣтнику Гирсу.

— Ваше величество! Войны можно избѣгать путемъ дипломатическаго посредничества.

— Какая тутъ дипломатія!—съ раздраженіемъ обрѣзалъ его государь!

— А вы что?—спросилъ онъ потомъ министра финансовъ.

— Страна въ бѣдственномъ положеніи... денегъ нѣтъ...

— Денегъ можно занять!..

— Ну, а ты что скажешь?—направился онъ къ Ванновскому.

— Армія не подготовлена, плохо вооружена...

— Кто же виновать?..

Императоръ въ сильномъ волненіи ушелъ въ кабинетъ. Министры одинъ за другимъ поспѣшно сократились. Остался лишь Гирсъ. Онъ присѣлъ къ столу и дрожащими руками написалъ какую-то записку. Черезъ нѣсколько минутъ снова вышелъ государь, нѣсколько успокоенный. Гирсъ подаль ему бумагу.

— Это что такое? Прощеніе?!—пробѣжалъ онъ его.—Въ вашемъ положеніи не просятъ отставки, а вамъ даютъ отставку...—и разорвалъ бумагу.

Разговоры о войнѣ смолкли. Прошло все лѣто. Наши полки побывали въ лагерѣ близъ Ходынки, произвели положенные корпусные маневры, отбыли и мѣсячный срокъ на «подножномъ корму», воротились, наконецъ, на постоянныя квартиры, даже очередныхъ казаковъ спустили на льготу, и вдругъ въ концѣ сентября грянуло телеграфное изъ главнаго штаба предписаніе: немедленно перевести изъ внутреннихъ губерній на западную границу не только

всю конницу, но и всѣ пѣхотныя части съ артиллеріей. Къ 20 октября въ поволжскихъ губерніяхъ не осталось ни одного солдата полевыхъ войскъ.

Такимъ образомъ, близъ австрійскихъ и германскихъ владѣній сосредоточилось 15 армейскихъ корпусовъ, кромѣ пограничной стражи, мѣстныхъ войскъ, гренадерскихъ частей и нѣсколькихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ, расположенныхъ въ Варшавѣ, Вильнѣ, Ригѣ и Смоленскѣ. Войсками были заполнены сплошь всѣ города, села и мѣстечки Привислинскаго края, Бѣлоруссіи, Польши, Холмщины, Малороссіи, до предѣловъ Бессарабіи. Конечно, все вдорожало: квартиры, продовольствіе и даже извозчики (преимущественно евреи) набавили плату за перевозку пассажировъ.

Такая демонстрація стоила намъ многихъ милліоновъ рублей. Зато Германія какъ будто прісмирѣла на нѣкоторое время. Въ результатѣ упрочилось нѣсколько вліяніе наше на Балканскомъ полуостровѣ. Болгарскій премьеръ-министръ Стамбуловъ вмѣстѣ съ княземъ Александромъ были изгнаны изъ страны, и престолъ занялъ нынѣшній правитель Фердинандъ.

III.

Слѣдующій 1888 годъ выдвинулъ новыя событія въ политической жизни Европы. Пятидесятилѣтній германскій кронпринцъ Фридрихъ, страдавшій тяжелымъ недугомъ—ракъ горла, былъ близокъ къ переселенію въ лучшій міръ. Дни его были сочтены медицинскими свѣтилами. Между тѣмъ девяностолѣтній императоръ Вильгельмъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, еще крѣпко держалъ въ рукахъ руль государственнаго корабля.

Это обстоятельство прежде всего сильно осложняло вопросъ о престолонаслѣдіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣшало намѣченной Бисмаркомъ программѣ внѣшней политики Германіи и тѣсно связанному съ нею собственному его благополучію.

Если бы, паче чаянія, кронпринцъ умеръ ранѣе кончины императора, то германскій престолъ долженъ былъ бы перейти послѣ смерти Вильгельма I къ брату Фридриха, то есть къ младшей линіи Гогенцоллерновъ. Такимъ образомъ, старшая линія съ воинственнымъ 28-лѣтнимъ принцемъ Вильгельмомъ осталась бы ни при чемъ, безъ вліянія на дѣла политическія и государственныя. Такъ по крайней мѣрѣ въ то время разсуждали въ петербургскихъ гостиныхъ.

Но комбинація эта ничуть не улыбалась честолюбивому канцлеру, который могъ потерять тогда свой престижъ и лишиться желѣзнаго давленія на ходъ міровыхъ событій. Поэтому надо было устроить

такъ, чтобы императоръ Вильгельмъ умеръ раньше кронпринца Фридриха. И Бисмаркъ, какъ говорили, устроилъ это...

Въ началѣ того же 1888 года германскій императоръ неожиданно скончался. Престолъ занялъ Фридрихъ. Принцъ Вильгельмъ сдѣлался наслѣдникомъ обширной имперіи. Такъ какъ, по слабости здоровья, новый императоръ не могъ самъ руководить дѣлами государства, то вся власть осталась попрежнему въ рукахъ желѣзнаго канцлера.

Черезъ 99 дней императоръ Фридрихъ почилъ сномъ непробуднымъ. Съ особеннымъ энтузіазмомъ приняли буржуазныя сферы вѣсть о вступленіи на престолъ кронпринца Вильгельма. Особенно торжествовала партія военныхъ. Но больше всего, конечно, радовался благополучному исходу графъ Бисмаркъ, мечтавшій безконтрольно руководить молодымъ нѣмецкимъ повелителемъ и направлять его волю по своему желанію. Однако, хватаясь за палецъ первенства, онъ не учелъ одного весьма важнаго обстоятельства: чрезмѣрнаго честолюбія Вильгельма II, который самъ стремился сдѣлаться «вторымъ Наполеономъ» и по крайней мѣрѣ «Фридрихомъ Великимъ», чтобы диктовать свои повелѣнія всему свѣту. «Нашла коса на камень»,—говорили объ этомъ тогда. Не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Бисмаркъ потерпѣлъ полное крушеніе. Пылкій, энергичный и не переносящій ничьихъ противорѣчій императоръ уволилъ его въ отставку съ титуломъ герцога, на что отчасти, рассказывали, повліялъ императоръ Александръ III, давшій понять Вильгельму, что Россія не можетъ быть дружной съ Германіей, пока не прекратится травля ея Бисмаркомъ. (Передаю, конечно, то, что мнѣ приходилось слышать тогда).

Со вступленіемъ на престолъ Вильгельма II опасность войны увеличилась. Германія заняла вызывающее положеніе. Военственныя замыслы ея правителя, какъ стало извѣстно, простирались не только противъ Русской имперіи, но и противъ давнишняго своего врага Франціи, которую нѣмцы собирались добить окончательно, а послѣ посчитаться съ русскими. Фельдмаршаломъ Мольтке, при участіи императора Вильгельма, былъ выработанъ и планъ этого нападенія (отчасти практикующійся германской арміей и въ настоящей войнѣ), который среди офицеровъ въ Россіи распространялся въ такомъ видѣ.

Такъ какъ пространство къ сторонѣ Франціи, между герцогствомъ Люксембургскимъ и Швейцаріей, занимаемое весьма ненадежнымъ французскимъ населеніемъ Эльзась-Лотарингіи, представляло собой небольшую пограничную полосу около 300 километровъ длиною, при томъ изогнутую внутрь Германіи, не дававшую возможности широко развернуть фронтъ германской арміи, чтобы разомъ со всѣхъ сторонъ охватить Францію и не дать ей времени не только произвести мобилизацію, но и сосредоточить свои силы

противъ надвигающагося врага,—нѣмецкіе стратеги требовали учинить незаконный на французскую территорію прорывъ со стороны Бельгіи и Швейцаріи, не имѣвшихъ въ то время у себя постоянныхъ армій, которыя поэтому не могли оказать имъ какого-либо сопротивленія.

Такой маневръ, безусловно, имѣлъ громадное для войны значеніе: вслѣдствіе миролюбивыхъ отношеній этихъ государствъ къ Франціи пограничныя съ ними области послѣдней не были защищены надежными искусственными преградами въ видѣ фортовъ, укрѣпленій и крѣпостей. Германцамъ, слѣдовательно, не представляло большого труда быстро вступить въ предѣлы Франціи и пройти разстояніе отъ Люксембурга до Парижа (около 200 километровъ), чтобы въ Версальскомъ дворцѣ заставить французовъ подписать выгодныя для себя условія мира.

Покончивъ, такимъ образомъ, съ беззащитной Франціей и уничтоживъ всю ея армію, они перекидывали свои «стойкіе и храбрыя» корпуса на русскую границу. Чтобы скорѣе достигъ Петербурга, въ которомъ намѣревались также заставить русское правительство исполнить всѣ свои требованія, отряды ихъ слѣдовали туда кратчайшимъ путемъ отъ Кенигсберга Балтійскимъ побережьемъ, минуя крѣпость Динабургъ (Двинскъ), гдѣ, по ихъ предположеніямъ нѣмецкое и латышское населеніе будетъ принимать ихъ съ распростертыми объятіями, снабжая всѣмъ необходимымъ, и своимъ знаніемъ мѣстности способствовать успѣху передвиженія и побѣдѣ: будетъ служить у нихъ на посылкахъ въ качествѣ развѣдчиковъ и шпіоновъ.

Для того же, чтобы имъ че помѣшали въ такомъ триумфальномъ шествіи войска варшавскаго и виленскаго округовъ, нѣмцы ставили противъ нихъ заслоны съ тяжелой артиллеріей. Въ то же время, согласно договору, австрійская армія двигалась изъ Галиціи на Кіевъ. А какъ она слѣдовала черезъ области, населенныя преимущественно евреями и украинцами, то и венгры рассчитывали, что и ихъ войска также не будутъ чувствовать недостатка въ продовольствіи, которое поставятъ имъ чуть не даромъ якобы недовольные русскимъ правительствомъ жители Бессарабіи и Малороссіи и стануть сдавать безъ боя свои города и селенія.

Насколько былъ выполненъ такой «геніальный» планъ,—не берусь судить, но, безусловно, замыслы Германіи представляли большую опасность для Россіи и Франціи, ибо, какъ показалъ опытъ войны 1870 года и какъ такой же наглядно обнаруживается и въ нынѣшнюю войну, нѣмцы не брезговали никакими средствами ради ослабленія силъ противника: разбрасывали во враждебной странѣ прокламаціи, усиливали шпіонажъ путемъ учрежденія тамъ торговыхъ фирмъ и не жалѣли денегъ на подкуны.

Причина эта, видимо, и дала толчокъ къ невольному сближенію намѣченныхъ ими къ разгромѣ государствъ. Въ 1888 году начался

между послѣдними дипломатическіе переговоры, закончившіеся на слѣдующій годъ взаимнымъ «соглашеніемъ». Дружба двухъ народовъ сильнѣе окрѣпла послѣ того, какъ лѣтомъ 1891 года французская эскадра прибыла въ Кронштадтъ. Отвѣтный визитъ отдала русская эскадра, подъ начальствомъ адмирала Авелана.

Въ составѣ броненосцевъ «Императоръ Николай I», «Адмиралъ Нахимовъ», и «Память Азова» и канонерскихъ лодокъ «Рында» и «Терець» прибыла послѣдняя 1-го октября 1893 года [въ Тулонъ. Какъ писалъ мнѣ изъ Франціи аббатъ Марсель Ланглуа (Langlois), никогда среди французовъ не было такого одушевленія, какое царяла во время этихъ празднествъ. Всѣ сословія и племена слились въ одномъ порывѣ уваженія къ русской націи. И всѣ наперерывъ старались оказать чувства искренней братской любви прибывшимъ морякамъ, а съ ними вмѣстѣ и всей Россіи ¹⁾. Не только въ большихъ городахъ, но даже въ мелкихъ поселеніяхъ всѣ дома были расцвѣчены флагами, зеленью, цвѣтами. А вечерами «искусственный огонь» еще болѣе возбуждалъ крики «Vive la Russie, vive la France, vive le Tsar!» Особенно сильно выказали единодушный порывъ придавленные нѣмцами эльзасцы. Несмотря на то, что отъ Франціи ихъ отдѣляла замкнутая граница Германіи, они прислали въ даръ русской эскадрѣ «Золотую книгу» (Le livre d'or), въ которой такъ высказывали одушевляющія ихъ чувства:

«Иди, Золотая книга Лотарингіи, къ берегамъ Невы, къ Москвѣ, къ Уралу, къ Каспійскому морю, къ дальней Азіи, вездѣ, гдѣ развѣвается русскій флагъ: носи туда братскій поклонъ дружественнаго народа; скажи, что на этой землѣ, *вполнѣ французской*, нѣтъ ни одного округа, который не былъ бы одушевленъ единымъ чувствомъ. Никто изъ насъ не забылъ, какъ въ прошломъ году, при торжественныхъ обстоятельствахъ, великій князь Константинъ Константиновичъ благоволилъ посѣтить нашу старую столицу. Воспоминаніе это останется запечатлѣннымъ въ сердцахъ нашихъ. Въ тотъ день почитанія наши дѣлились между Его Величествомъ Императоромъ Всероссийскимъ и президентомъ Французской республики. Кронштадтъ, Нанси, Тулонъ—три достопамятные этапа нашей исторіи, три звена одной цѣпи,—рѣшительный залогъ дружбы и довѣрія между двумя великодушными націями. Мы знаемъ, къ какимъ обязанностямъ побуждаютъ насъ такія симпатическія удостовѣренія; но наше патріотическое и солдатское племя исполнить ихъ до конца съ вѣрностью.

«Всѣ тысяча семьсотъ тринадцать округовъ, пятьсотъ двадцать обществъ и лотарингская пресса, подписавшіеся на Золотой книгѣ,

¹⁾ Празднества эти живо описалъ Marius Vachon въ своей книгѣ «Les marins russes en France».

посылають благородной, доблестной Россіи единоподушное подтвержденіе ихъ завѣтной, честной и братской любви. «Vive la Russie! Vive la France...»

Отяжеломъ гнетѣ этой страны писалось много и у насъ и во Франціи, но полагаю не личнымъ къ случаю привести частичку свѣдѣній, сообщенныхъ мнѣ аббатомъ Ланглуа въ письмѣ отъ 11-го августа 1896 года:

«Я проѣхалъ до Страсбурга, чтобы видѣть вновь прекрасный Эльзась и его столицу, которую похитили у насъ пруссаки. Я много бесѣдовалъ съ нѣкоторыми нѣмцами. Они говорили о Франціи такъ грубо, какъ было только можно, и такъ глупо, какъ только они могутъ говорить объ этомъ. Чтобы удобнѣе торжествовать, они унизили нашихъ эльзасцевъ алкоголизмомъ, жида размножаются въ Страсбургѣ. Обѣщаніями, угрозами, постройками дворцовъ, церковей своихъ, школами и казармами они успѣли потушить въ душѣ многихъ эльзасцевъ огонь французскаго патріотизма. Это—наглость грубаго побѣдителя, которая топчетъ жертву безъ отдыха!»

Сомнѣнія нѣтъ, что возникновеніе франко-русскаго соглашенія ударило Германію, какъ обухомъ по головѣ. Начались интриги, грязные газетные выпады со стороны руководителей ея, чтобы посѣять раздоръ между двумя народами. Однако ни кончина инициатора союза императора Александра III, ни трагическая гибель президента Карно—не нарушили дальнѣйшаго его развитія. Печаль Россіи съ большою грустью раздѣляла и вся Франція.

«Прежде, чѣмъ возвѣстили наши газеты,—писалъ мнѣ 3-го ноября (нов. ст.) 1894 года г. Ланглуа:—я понялъ тяжелую вѣсть. Вчера утромъ официальные знамена (les drapeaux officiels), перевязанные креповыми бантами, показали намъ ваше и наше несчастье и несчастье всей Европы. Это событіе облекло печалью всѣ сердца. Какая утрата для нашихъ двухъ странъ лишиться въ шесть мѣсяцевъ двухъ правителей! Твори Небо, чтобы грядущее не принесло никакого затрудненія въ исполненіи нашихъ надежд!» Духовенство и народъ французскій молились за упокоеніе въ Божѣ почивающаго благодѣтеля своего и призывали Божье благословеніе на его молодого преемника!»

Эти событія еще больше укрѣпили дружбу двухъ народовъ, но въ то же время сильнѣе озлобили противъ насъ Германію. Нѣмцы старались придратъся ко всякому ничтожному случаю, чтобы унижить русскихъ, чтобы вызвать конфликтъ. Мнѣ очень памятно такое происшествіе, очевидцемъ котораго я былъ и которое лишній разъ подчеркиваетъ ихъ заносчивость и ихъ ненависть къ русскимъ.

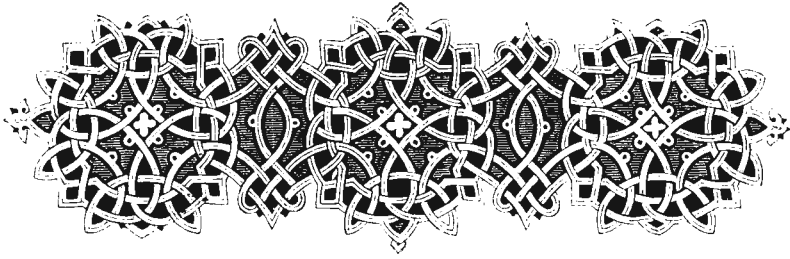
Это было 6-го мая 1896 года. Въ этотъ день на коронацію Ихъ Императорскихъ Величествъ ждали пріѣзда въ Москву принца Генриха Прусскаго, въ качествѣ представителя германскаго императора. На дебаркадерѣ Брестскаго вокзала былъ выстроены почет-

ный карауль, собрались всѣ высшіе военныя и гражданскіе чины столицы, не было только августѣйшаго генераль-губернатора. Его высочество не прибылъ къ назначенному по расписанію прихода поѣзда времени потому, что послѣдній, какъ сообщили по телеграфу, опаздываетъ на полчаса. Но вдругъ поѣздъ съ высокимъ гостемъ прибылъ на десять минутъ раньше. Можете себѣ представить, какой произошелъ переполохъ изъ-за такого, казалось бы, ничтожнаго событія. Принцъ страшно разобидѣлся, что его не встрѣтилъ великій князь, и сейчасъ же отправилъ въ Берлинъ императору телеграмму съ настояніемъ, какъ мнѣ говорили, потребовать отъ Россіи удовлетворенія. Едва-едва удалось уладить инцидентъ...

П. Юдинъ.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II ВЪ ПАЛЕСТИНѢ.

I.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1898 года было закончено въ Иерусалимѣ сооруженіе грандіознаго протестантскаго храма «des Erlösers» («Искупителя») вблизи порога историческихъ судныхъ воротъ ¹⁾, возлѣ православной церкви св. Александра Невскаго въ память въ Бозѣ почившаго императора Александра III.

Оттоманское правительство, извѣщенное императоромъ Вильгельмомъ II объ его рѣшеніи посѣтить Палестину для присутствованія при освященіи новой лютеранской церкви, не пожалѣло средствъ для приведенія въ порядокъ старыхъ непроѣзжихъ дорогъ и сооруженія новой, требовавшей громадныхъ затратъ сѣти шоссеиныхъ дорогъ для удобнаго путешествія въ экипажахъ.

Иерусалимскимъ вали (губернаторомъ) была получена отъ самого Абдуль-Гамида подробная инструкція относительно возможно болѣе торжественнаго, роскошнаго приѣма императору Вильгельму, какъ лучшему другу и дорогому, желанному гостю какъ самого султана, такъ и всей Турціи.

Императорская чета прибыла въ Иерусалимъ въ ясный, жаркій, солнечный день.

¹⁾ Отъ которыхъ начинается по преданію Крестный путь—«Via dolorosa». «Истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

Съ ранняго утра царило въ городѣ необычайное оживленіе. Всѣ плоскія крыши домовъ были переполнены народомъ, лѣпившимся по карнизамъ, по уступамъ каменныхъ стѣнъ, собравшимся отовсюду на необычайное зрѣлище.

Турки въ живописныхъ, пестрыхъ чалмахъ ¹⁾, типичные евреи, напоминавшіе ветхозавѣтныхъ патріарховъ, бедуины въ тѣхъ полосатыхъ тогахъ-обаяхъ, въ какихъ на картинахъ Новаго Завѣта изображаются волхвы египетскіе; худошавые арабы въ ярко-красныхъ фескахъ, мрачные греческіе монахи въ черныхъ высокихъ клобукахъ, члены различныхъ католическихъ конгрегацій, суровые францисканцы въ коричневыхъ, строгіе доминиканцы въ бѣлыхъ съ капюшонами сутанахъ—составляли ту разнородную, пеструю толпу, въ которой самое незначительное меньшинство представляли европейцы.

Среди послѣднихъ выдѣлялись особенно всесвѣтные туристы англичане въ пробковыхъ шлемахъ, съ неизмѣнными кодаками на ременной, черезъ правое плечо, перевязи.

По пути слѣдованія кортежа шеренгой была выстроена вооруженная большими, допотопными, какъ бы бутафорскими ружьями низкорослая турецкая стража.

Флаги оттоманскаго и германскаго государствъ виднѣлись только на зданіяхъ турецкихъ учреждений.

Въ моментъ въѣзда императорскаго кортежа въ древнюю столицу царей Давида, Соломона, священный градъ, гдѣ протекла земная жизнь Спасителя міра, царила глубокая тишина, не обнажились почтительно головы, не раздались привѣтственные возгласы...

Верхомъ на кровномъ, красивомъ арабскомъ жеребцѣ, въ ослѣпительно блестящихъ при яркомъ солнечномъ сіяніи шлемѣ и доспѣхахъ, рядомъ съ супругой въ короткой амазонкѣ, съ развѣвающейся по вѣтру длинной бѣлой вуалю въѣзжалъ Вильгельмъ II въ Іерусалимъ.

Верхомъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ императорской четы, слѣдовала блестящая, многочисленная свита.

Было что-то смѣлое, рыцарское, средневѣковое, напоминающее вступленіе въ Святую землю крестоносцевъ въ воинственной осанкѣ, въ сурово-строгомъ лицѣ, холодномъ взорѣ Вильгельма II, вступающаго во главѣ отряда всадниковъ подъ высокіе своды древнихъ яффскихъ воротъ.

Чѣмъ-то невиданнымъ, необычайнымъ, удивительнымъ пред-

---

¹⁾ Въ настоящее время головной уборъ этотъ можно видѣть только на старыхъ туркахъ и преимущественно въ Малой Азіи.

ставлялось туземному населенію это медленное, торжественное вступленіе блестящаго кортежа.

Городъ не имѣлъ обычнаго въ подобныхъ рѣдкихъ случаяхъ, исключительнаго праздничнаго вида... Толпа безмолвствовала...

II.

Въ небольшой оливковой рощѣ, прилегающей къ зданію германскаго консульства, подъ сѣнью густой, сѣровой, какъ бы покрытой налетомъ пыли листвы маслинъ, гдѣ раскинуты были многочисленные шатры, отдѣланные съ восточной роскошью для помѣщенія императорской четы и ея свиты, весь день до самаго вечера царило суетливое, лихорадочное оживленіе.

Когда же послѣ захода солнца стала догорать на западѣ, надъ грядой Іудейскихъ горъ, ярко-багровая полоса, императоръ звукомъ рога возвѣстилъ о времени вечерней зари.

Прочитана была имъ самимъ молитва Господня, пропѣто хоромъ присутствовавшихъ нѣсколько псалмовъ Давида...

Всѣ разошлись по шатрамъ ко сну.

Скоро въ Палестинѣ наступаетъ ночь, и на безоблачномъ, темномъ небѣ какъ-то особенно быстро, какъ-то сразу загораются мириады яркихъ звѣздъ, тѣхъ самыхъ звѣздъ, что съ высоты небесъ взирали на грѣшный міръ во времена земной жизни Спасителя міра, его Божественной проповѣди, его добровольныхъ страданій, его крестной смерти, его чудеснаго воскресенія!

Постепенно замирала жизнь на бивуакѣ. Догорали костры, сложенные изъ благоухающихъ кипарисовыхъ сучьевъ и вѣтвей, тѣ, что яркимъ трепетнымъ пламенемъ освѣщали лагерь съ группами оливъ и многочисленными шатрами, придававшіе лагерю особенно причудливо-фантастическій характеръ.

Медленно угасали мелкіе красные угли въ грудяхъ сѣрой золы.

Вокругъ царя таинственная глубокая тишина, нарушаемая мѣрными шагами ходившей дозоромъ турецкой стражи да изрѣдка ржаніемъ верховыхъ лошадей, рѣзкимъ крикомъ выючныхъ ословъ да какимъ-то отдаленнымъ, глухимъ лаемъ собакъ.

III.

Освященіе храма «des Erlösers» совершено было съ большою торжественностью.

Вся нѣмецкая колонія изъ Іерусалима и окрестностей его собралась съ семьями привѣтствовать in corpore своего императора.

Русскій консулъ Яковлевъ, консулы всѣхъ государствъ, администрація императорскаго палестинскаго общества съ Михайло-

вымъ во главѣ, члены католическихъ конгрегацій, всѣ турецкія гражданскія и военныя власти получили заблаговременное приглашеніе прибыть въ указанный часъ на освященіе церкви.

Предшествуемая нарядными, представительными кавасами ¹⁾ германскаго консульства, сопровождаемая своей блестящей свитой, императорская чета, вступивъ подъ высокіе своды новаго храма, заняла мѣста въ центрѣ перваго ряда скамеекъ.

По окончаніи продолжительнаго богослуженія Вильгельмъ II съ блестящей рѣчью обратился къ присутствовавшимъ. Онъ благодарилъ всѣхъ почтившихъ своимъ присутвіемъ великое торжество освященія храма, имѣющаго міровое значеніе, предназначеннаго для объединенія подъ покровомъ креста, вѣчающаго колокольню и высоко возносящагося къ небу (надъ другими зданіями?), протестантовъ цѣлаго міра безъ различія національности. Онъ желалъ дальнѣйшаго процвѣтанія тѣмъ нѣмецкимъ благотворительнымъ и просвѣтительнымъ учрежденіямъ, которыя въ Палестинѣ, какъ и въ другихъ странахъ, служа образцомъ благоустройства и Порядка, должны и вдали отъ родины составлять сея гордость и содѣйствовать славѣ и величію ея.

Поощренные вниманіемъ своего повелителя, нѣмцы возгласили единодушно восторженное несмолкаемое «hoch».

Храмъ «des Erlösers», сооруженный изъ крупныхъ плътъ свѣтлаго сѣраго камня, побѣленный по швамъ и карнизамъ, съ высокой, крытой красной черепицей колокольней, представляетъ собой громадное зданіе въ строго готическомъ стилѣ.

Внутренность его такъ же лишена украшеній, какъ и виѣшняя сторона.

Средина занята безконечными рядами тяжелыхъ, со спинками скамеекъ изъ моренаго дуба, въ широкомъ среднемъ проходѣ плотная бамбуковая дорожка. Въ глубинѣ обширной ниши превосходное распятіе изъ бѣлаго мрамора, художественной работы. На хорахъ великолѣпный, дорогой органъ. Накаяхъ украшеній и только одна широкая кайма въ мавританскомъ стилѣ, высоко подъ потолкомъ, подъ узкими стрѣльчатыми окнами, оживляетъ яркими красками причудливаго узора холодно-однообразную бѣлизну высокихъ стѣпъ и свода.

Духовное, дневное торжество закончилось банкетомъ въ германскомъ консульствѣ. Было провозглашено много тостовъ, произнесено много рѣчей. Вильгельмъ II, блистая краснорѣчіемъ, прославлялъ величіе и мощь Германіи, какъ въ самой странѣ, такъ и на чужбинѣ.

¹⁾ Съ булавами—символомъ власти.

IV.

Послѣдующіе дни пребыванія Вильгельма II въ Палестинѣ посвящены были поклоненію живописному гробу Господню, Голгоѣ, паломничеству въ Вифлеемъ, Геосиманію и прочія священныя мѣста, а, главнымъ образомъ, посѣщенію нѣмецкихъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій.

Съ особеннымъ вниманіемъ отнесся Вильгельмъ II къ нѣмецкой земледѣльческой колоніи (Temprescolonie). Онъ вникалъ во всѣ детали сельскаго хозяйства и особенно интересовался культурой плодовыхъ деревьевъ: лимонныхъ, апельсиновыхъ, оливковыхъ, миндальныхъ, смоковницъ (инжира), харупіи (сладкихъ рожковъ) и пр., условіями сбыта и вывоза ихъ въ Европу. Поощряя тяжелый трудъ колонистовъ по обработкѣ почвы каменистой и безплодной, онъ обѣщалъ имъ свое содѣйствіе по открытію новыхъ рынковъ и способовъ болѣе выгоднаго сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства—фруктовъ, овощей, злаковъ.

При посѣщеніи сирійскаго сиротскаго дома (Syrische Waisenhaus) онъ интересовался горячо всѣми подробностями какъ хозяйственнаго, такъ и воспитательнаго веденія дѣла.

Онъ обошелъ, осмотрѣлъ въ деталяхъ всѣ помѣщенія, пробовалъ пищу, заставлялъ дѣтей пѣть псалмы, декламировать стихотворенія и, какъ при освященіи храма, обратившись къ служащему и учащему персоналу въ пространной рѣчи, снова упомянулъ о томъ великомъ значеніи, какое должно имѣть подобное просвѣтительное, благотворительное заведеніе въ Палестинѣ, гдѣ широко распространена дѣятельность различныхъ католическихъ конгрегацій и русскихъ школъ и учреждений подъ вѣдѣніемъ императорскаго палестинскаго общества. Пожелавъ сирійскому сиротскому дому занять первенствующее мѣсто среди благотворительныхъ учреждений другихъ странъ, Вильгельмъ II отбылъ на своемъ кровномъ арабскомъ жеребцѣ, напутствуемый громкими, восторженными кликами «hoch».

Оповѣщенный о желаніи германскаго императора посѣтить Елеонскую гору—мѣсто вознесенія Спасителя міра за каменной оградой круглой мусульманской мечети, русскую православную церковь во имя Христа Спасителя, построенную архимандритомъ Антониномъ, и устроенный имъ же превосходный музей съ цѣнными найденными въ раскопкахъ древностями, архимандритъ русской духовной миссіи Рафаиль, сдѣлалъ распоряженіе о встрѣчѣ почетнаго гостя съ подобающими почестями.

На широкой площадкѣ возлѣ православнаго храма, вправо отъ небольшой сосновой рошцы, посаженной архимандритомъ Анто-

ниномъ, былъ разостланъ смирнскій коверъ и приготовлены кресла для германской императорской четы и ея приближенныхъ.

Привѣтствовавъ поспѣшно присутствовавшихъ, Вильгельмъ II, пораженный красотой и величіемъ открывшейся его взору картины, видомъ на разстилавшуюся у подножія горы необъятную пустыню, въ которой сорокъ дней провелъ Спаситель міра въ молитвѣ и постѣ, сильнымъ, глубоко взволнованнымъ голосомъ, простирая къ небу руки, превознесъ хвалу Вседержителю, Творцу и Премудрому Создателю міра.

Всѣ присутствовавшіе, склонивъ обнаженные головы, внимали словамъ той вдохновенно импровизированной молитвы, которую съ великимъ паѳосомъ, громко и внятно произнесъ императоръ, какъ бы изображавшій служителя церкви.

Онъ то понижалъ голосъ, устремляя взоръ свой въ пустыню, по направленію Иорданской долины, то сразу возвышалъ его, повернувшись къ Иерусалиму, гдѣ среди другихъ зданій, за древней Сионской стѣной, влѣво отъ круглаго купола мечети Омара, высилась колокольня имъ построеннаго и освященнаго храма, и чѣмъ-то грознымъ, властнымъ вѣяло отъ словъ царственнаго оратора.

Архимандритъ Рафаиль, не знавшій нѣмецкаго языка и не понявшій ни единого слова, на основаніи красивыхъ жестовъ, умѣлой интонаціи, силы и гибкости голоса утверждалъ, что молитва Вильгельма II на вершинѣ горы Елеонской произвела на слушателей поразительное, неизгладимо-сильное впечатлѣніе, что она была вся—порывъ могучей сильной души, вся—вдохновеніе.

По словамъ другихъ, понимавшихъ нѣмецкій языкъ, она была обильнымъ каскадомъ красивыхъ выраженій, то плавнымъ, то бурнымъ словоизліаніемъ.

Молитва Вильгельма II на вершинѣ Елеонской горы была апоѳеозомъ его краснорѣчивыхъ выступленій, заключительнымъ аккордомъ всѣхъ произнесенныхъ на Святой землѣ рѣчей передъ его выѣздомъ изъ Палестины.

V.

По поводу прибытія Вильгельма II въ Палестину сначала въ рукописи, а затѣмъ въ журналѣ «Le Pelerin» ¹⁾ («Странникъ»), появилось въ Иерусалимѣ стихотвореніе французскаго поэта «Обращеніе Спасителя къ Вильгельму II».

Le Christ à Guillaume II.

Homme qu'espères tu des lieux où je suis mort.
Où je me suis offert pour le salut du monde?
Que veux tu que ton Maître à ton appel réponde?
Viens tu par fantaisie ou viens tu par remord?

¹⁾ Мѣстномъ органѣ католическихъ конгрегацій.

Si tu veux le bonheur et la paix des humains
L'abaissement des forts si les forts sont injustes.
Si tu souffres avec souffrants, si tes mains
Pour le bien seulement deviennent mains robustes.

Si tu comprends que la gloire de tes aieux
Etant faite de sang, fut parfois criminelle
Si ta prière vers ton maître ouvre son aile.
Non point pour demander des jours victorieux.

Mais pour que la bonté fleurisse dans ta vie
Viens—je t'écouterai comme un petit enfant!
Viens, car l'humilité qui me reste asservie
Est plus grande à mes yeux—qu'un Cesar triomphant.

Si pour être Empereur et soldat qu'on redoute
Tu te crois plus qu'un pauvre au coeur souffrant et doux
Homme encore abasé—ne te mets pas en route
Et ne viens pas plier vainement les genoux!..

La prière d'orgueil est mauvaise prière,
Le royaume du Ciel—lui reste fermé
Et mon pouvoir Divin—refuse sa lumière
A qui n'a point souffert, à qui—n'a pas aimé!

Charles Grandmougin.

Переводъ М. Г. Веселковой-Кильштетъ:

Отвѣтъ Христа Вильгельму II.

Что ищешь, человекъ, ты здѣсь, гдѣ, смерть вкусивъ,
И отдавъ Самъ Себя для міра во спасенье?
Отъ Господа ты ждешь отвѣта на призывъ,
Но что ведетъ тебя? Причуды?.. Угрызенье?

И если жаждешь ты лишь блага для людей,
Принизить хочешь всѣхъ несправедливо властныхъ,
Со страждущимъ страдать, просить рукъ своей
У Бога крѣпости, чтобъ утѣшать несчастныхъ;

И если понялъ ты, что дѣдовскій завѣтъ
Не только славнымъ былъ, но кровью обограннымъ,
И молишь небеса не о вѣнцѣ побѣдъ,—
О милосердіи и сердцѣ озаренномъ,—

Гряди, гряди ко Мнѣ! Я слушаю тебя!
Я снизойду къ тебѣ, какъ къ малому дитяти...
Ты станешь предо Мною, смиреніе любя,
Славнѣ Кесаря въ сіяньѣ благодати!..

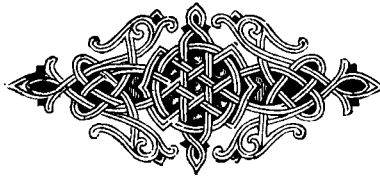
Но если, какъ солдатъ, какъ властелинъ, грозя,
Глумиться хочешь ты надъ бѣднякомъ и сирымъ,—
Не преклоняй колѣнъ... Уйди!.. Моя слеза
Не создана для злыхъ и деспотовъ надъ міромъ.

Мольба лукавая—молитва гордеца,
 Не отомкнуть ей вратъ въ небесномъ царствѣ Бога...
 И властью, данной Мнѣ, отрину Я сердца
 Не вѣдавшихъ любви и не страдавшихъ много.

Словами, вложенными поэтомъ въ уста Спасителя, обращеніемъ къ властному честолюбцу, какъ бы выяснился мотивъ прибытія Вильгельма II въ Святую землю, такъ какъ не по одному религіозному чувству прибылъ онъ для присутствованія при освященіи того протестантскаго храма, высокой колокольнѣ котораго надлежало «господствовать, яко бы, навѣки надъ прочими церквами и зданіями Иерусалима».

Результатомъ пребыванія Вильгельма II въ Палестинѣ было: для Германіи полученіе выгодной концессіи на постройку Багдадской дороги, а для богомольцевъ, для вѣрующихъ, для христіанъ всего міра возможность, благодаря новому, для него устроенному шоссе ¹⁾ къ Иордану, совершать съ удобствомъ то паломничество, которое только возможно было ранѣе караваномъ, пѣшкомъ, на верблюдахъ, ослахъ по узкимъ, каменистымъ тропинкамъ надъ кручами и глубокими пропастями.

М. Марина.

¹⁾ Сооруженіе этого шоссе, спускающагося спиралью по склонамъ горъ до Иерихонской долины на протяженіи семидесяти верстъ до долины Иерихонской представляло непреодолимая трудности. Приходилось динамитомъ взрывать громадныя каменныя глыбы, возводить каменныя загражденія надъ пропастями, на частыхъ поворотахъ дороги. Громадныя затраты турецкаго правительства оказались напрасными. Ссылаясь на недостатокъ времени, Вильгельмъ II отклонилъ поѣздку на Иорданъ.

Авт.

КЪ ИСТОРИИ ПОРТСМУТСКАГО ДОГОВОРА.

(Американецъ-руссофиль I. Д. Куртинъ и С. Ю. Витте).

В 1903 году, во время лѣтняго пребыванія въ одномъ изъ славянскихъ уголковъ Южной Австрiи, я случайно встрѣтился и затѣмъ продолжалъ дружеское знакомство съ замѣчательнымъ американскимъ ученымъ лингвистомъ и этнологомъ, искреннимъ славянофиломъ и горячимъ другомъ Россiи и русскаго народа I. Д. Куртиномъ (Curtin). Общенiе и бесѣды съ этимъ выдающимся и интереснымъ человѣкомъ доставляли всегда большое умственное наслажденiе. Въ виду тѣхъ дружескихъ отношенiй, въ какихъ онъ состоялъ съ нынѣ покойнымъ государственнымъ дѣятелемъ графомъ С. Ю. Витте, и той нравственной поддержки, которую въ немъ нашелъ послѣднiй въ своей великой мисси 1905 года, будетъ не лишнимъ повторить нѣсколько словъ о Куртинѣ изъ того, что я сообщилъ къ его характеристикѣ по поводу его кончины въ декабрѣ 1906 года ¹⁾. Россiю и славянскiй мiръ Куртинъ зналъ съ молодыхъ лѣтъ, извѣздилъ ихъ и изучилъ со всѣхъ сторонъ и успѣлъ горячо полюбить ихъ. Въ Россiю онъ попалъ впервые въ 60-хъ годахъ въ качествѣ секретаря американскаго посольства и въ 1866 году принималъ самое живое участiе въ англо-американскомъ братанiи. Уже тогда онъ свободно владѣлъ русскимъ языкомъ. Необыкновенныя дарованiя и большой умъ, широкiй и трезвый взглядъ на вещи, а главное чуткая душа и сердечная отзывчивость помогли Куртину не только глубоко понять и оцѣ-

¹⁾ См. «Новое Время», 13 янв. 1907, № 11077.

нить славянскую натуру, русскую жизнь и русскую душу, не только искренно полюбить ихъ, но и воспринять многое для созданія своего широкаго и оригинальнаго культурно-историческаго міровоззрѣнія, которое такъ отличало Куртина отъ массы западно-европейской интеллигенціи съ ея узкими, шаблонными и предвзятыми взглядами на славянскій Востокъ. Въ этомъ отношеніи въ выработкѣ взглядовъ американскаго ученаго сыграли, безъ сомнѣнія, немаловажную роль наши славянофилы, со многими изъ которыхъ, на примѣръ, съ И. С. Аксаковымъ онъ былъ не только въ живомъ общеніи, но и въ дружбѣ. Все національное и самобытное привлекало его, а славянскій вопросъ интересовалъ его особенно. Этотъ интересъ свелъ его со многими нашими представителями такъ называемаго «панславизма», то есть идеи объединенія славянства подъ главенствомъ Россіи, между прочимъ съ извѣстнымъ политическимъ писателемъ генераломъ Фадѣевымъ, съ которымъ онъ сблизился и въ семьѣ котораго онъ нашелъ радушный, дружескій пріемъ. Оттуда и раннее знакомство и близость его съ С. Ю. Витте, роднымъ племянникомъ (съ материнской стороны) генерала Фадѣева.

Куртинъ былъ также отличнымъ знатокомъ нашего Дальняго Востока—онъ былъ специалистомъ по монголо-вѣдѣнію,—и потому наше столкновеніе и война съ Японіей близко принимались имъ къ сердцу, причемъ, искренно огорчаясь нашими неудачами, онъ все надѣялся на конечный успѣхъ русскаго оружія, и эти надежды свои не переставалъ высказывать какъ при послѣднемъ свиданіи нашемъ въ Петроградѣ осенью 1904 года, такъ и въ послѣдующихъ письмахъ своихъ изъ Америки.

Но не дождался нашъ американскій другъ счастливаго для насъ оборота войны. Его отечеству пришлось сыграть роль посредника въ мирныхъ переговорахъ, для которыхъ былъ избранъ гор. Портсмутъ, а главнымъ нашимъ уполномоченнымъ былъ назначенъ (будущій графъ) С. Ю. Витте, на долю котораго выпала одна изъ самыхъ тяжелыхъ и отвѣтственныхъ историческихъ ролей, когда-либо достававшихся русскимъ сановникамъ.

Куртинъ былъ лично давно знакомъ съ президентомъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ Рузвельтомъ и пользовался его уваженіемъ и довѣріемъ и въ то же время былъ связанъ старымъ семейнымъ знакомствомъ съ С. Ю. Витте, а потому неудивительно, что онъ, какъ давній убѣжденный другъ Россіи, захотѣлъ принять хоть маленькое дружественное ей участіе въ этой новой исторической русско-американской встрѣчѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ прямыхъ данныхъ для выясненія истинной роли І. Д. Куртина въ сношеніяхъ и общеніи С. Ю. Витте въ эти дни портсмутскихъ переговоровъ съ официальными представителями Америки, о закулисной сторонѣ этого полнаго драматизма дипломатическаго состязанія.

ніа. Но мы имѣемъ основаніе думать, что нравственное значеніе присутствія Куртина, какъ друга С. Ю. Витте и благожелателя Россіи съ одной стороны и какъ хорошо знакомаго Рузевельту авторитетнаго и высокоуважаемаго американскаго дѣятеля—съ другой, и общенія его съ ними въ дни, предшествовавшіе исторической портсмутской конференціи, должно было быть велико.

Къ такому заключенію приводитъ меня какъ то, что я слышалъ отъ самого г. Куртина (въ его письмахъ), такъ и свидѣтельство самаго графа Витте, приводимое мною ниже.

Осенью 1905 года Куртинъ мнѣ кратко сообщалъ о своемъ свиданіи въ Нью-Йоркѣ съ Витте и сопровождавшими его русскими. «Я былъ тоже,—писалъ онъ,—у президента Roosevelt и завтракалъ у него въ тотъ день, когда Витте и баронъ Розенъ представлялись и завтракали у него также. До пріѣзда русскихъ представителей я говорилъ полчаса съ президентомъ о русскихъ и японцахъ и объ условіяхъ мира»...

Когда годъ съ небольшимъ послѣ того, къ большому горю друзей и почитателей, а также ученыхъ круговъ, 1-го декабря 1906 года І. Д. Куртинъ на 67 году жизни скончался послѣ тяжелой болѣзни въ гор. Бристолѣ (близъ Вашингтона), я посвятилъ памяти его статью въ газетѣ «Новое Время», въ которой упомянулъ и о свиданіи Куртина съ русскими дипломатическими представителями въ Америкѣ передъ портсмутской конференціей. Зная о дружескихъ связяхъ покойнаго съ С. Ю. Витте и нѣкогда съ семьей Фадѣевыхъ, я, хоть и не былъ лично знакомъ съ Сергѣемъ Юльевичемъ, счелъ все же своимъ долгомъ передъ памятью Куртина, отъ котораго часто слышалъ рассказы объ этихъ давнихъ отношеніяхъ, послать графу Витте при письмецѣ свою некрологическую статью.

Полученное мною въ отвѣтъ маленькое письмецо Сергѣя Юльевича настолько интересно по отзыву его о пережитомъ имъ въ портсмутскіе дни, что я не могу не привести его цѣликомъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣчалъ: «Очень вамъ благодаренъ за присланную вами превосходную статью о Куртинѣ. Не могъ сдѣлать этого ранѣе, не зная вашего адреса. Куртинъ меня зналъ съ юности, и я питалъ къ нему глубокое уваженіе. Онъ былъ другомъ моего отца и дяди и даже дѣда и бабушки (Фадѣева и Фадѣевой, урожденной Долгорукой). Когда меня жгли на портсмутскомъ огнѣ, это былъ единственный человѣкъ, который облегчалъ мою душевную боль, происходившую отъ разлада разума и сердца. Разумъ мнѣ императивно диктовалъ неизбѣжность подписать мирный договоръ, а сердце коробилось отъ неизбѣжности такого акта». Пока не обнаружены мемуары графа Витте, очень интересно и это маленькое автобиографическое припоминаніе.

О симпатичномъ нашемъ американцѣ Куртинѣ отмѣтимъ еще, что онъ всегда былъ большимъ почитателемъ А. С. Суворина,

его публицистической дѣятельности и литературнаго таланта, и только случайно не привелось лично сойтись этимъ близкимъ по духу и широтѣ міровоззрѣнія крупнымъ талантамъ. Въ раннія посѣщенія Куртинамъ Россіи судьба его не сталкивала съ Суворинымъ. Въ послѣдній свой прїѣздъ въ Петроградъ осенью 1904 года онъ очень стремился познакомиться съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ (онъ всѣ послѣдніе годы своей жизни былъ подписчикомъ и внимательнымъ читателемъ «Новаго Времени»), но и тутъ помѣшала случайность. Уже день и часъ свиданія на дому у А. С. Суворина были назначены: Суворинъ выразилъ удовольствіе познакомиться съ интереснымъ для него человекомъ, и, придя къ Алексѣю Сергѣевичу нѣсколько ранѣе, я уже ждалъ прибытія Куртина, какъ неожиданно узналъ, что онъ внезапно занемогъ и долженъ былъ отложить свой визитъ. Болѣзнь и семейныя дѣла ускорили затѣмъ его отъѣздъ, и встрѣча съ Суворинымъ не могла состояться, а черезъ два года его уже не стало...

К. Я. Гротъ.

ГРАФЪ СЕРГѢЙ ЮЛЬЕВИЧЪ ВИТТЕ ¹⁾.

(Матеріалы для біографіи).

VII.

НАЧЕНІЕ графа С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, не будетъ достаточно освѣщено, если мы не прибавимъ сюда еще нѣкоторыхъ данныхъ, имѣющихъ немаловажное значеніе для его біографіи.

Прежде всего отмѣтимъ, что его финансовая дѣятельность на протяженіи слишкомъ одиннадцати лѣтъ всегда удостаивалась Высочайшихъ благоволеній, онъ награжденъ былъ высокими почестями и по его адресу въ рескриптахъ говорились мнознаменательныя слова. Такъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 1-го января 1903 г., по случаю исполняющагося десятилѣтія его министерской службы мы читаемъ:

«Сергѣй Юльевичъ. Десять лѣтъ назадъ въ Бозѣ почивающій Родитель Мой призвалъ васъ къ управленію министерствомъ финансовъ. Несмотря на тяжелыя послѣдствія неурожая 1891 года, принявшій съ твердою вѣрою въ экономическую мощь Русскаго государства и съ настойчивою энергіею за упорядоченіе русскихъ финансовъ, начатое вашимъ предѣстникомъ, вы имѣли утѣшеніе оправдать довѣріе и заслужить благодарность императора Александра III.

«Нынѣ, по истеченіи десятилѣтія вашей дѣятельности по управленію финансами, Мнѣ пріятно выразить вамъ Мою признатель-

¹⁾ Продолженіе. См. «Ист. Вѣстн.», т. СХІІ, стр. 232.

ность за все, чѣмъ вы въ теченіе сихъ послѣднихъ восьми лѣтъ оправдали и Мое къ вамъ довѣріе. Съ тою же вѣрою въ силы русскаго народа и съ тою же преданностью Престолу вы не только облегчали Мнѣ трудъ осуществленія главнѣйшихъ заботъ Моихъ объ усиленіи государственнаго могущества и обороны и о благосостояніи государства, Мнѣ Богомъ ввѣреннаго, но и пробудили къ самодѣятельности многія отрасли и лучшія силы народнаго труда, упрочили независимость и устойчивость денежнаго обращенія, усилили ресурсы казны, чѣмъ давали изъ года въ годъ возможность сводить безпрепятственно постепенно увеличивавшіяся государственныя росписи, и, независимо отъ вашихъ многосложныхъ служебныхъ обязанностей, вы къ полному Моему удовольствію исполнили возложенный Мною на васъ трудъ преподаванія государственной экономіи Наслѣднику Моему, любезнѣйшему Брату великому князю Михаилу Александровичу.

«Съ надеждою на дальнѣйшее продолженіе столь полезной государствену и Мнѣ службы вашей во главѣ ввѣреннаго вамъ министерства, пребываю къ вамъ неизмѣнно благосклонный

На подлинномъ собственноручно Его Величествомъ написано:

«и благодарный» НИКОЛАЙ».

С.-Петербургъ.

1-го января 1903 года.

Его сослуживцы и подчиненные въ день исполнившагося того же десятилѣтія въ нижеслѣдующемъ адресѣ привѣтствовали своего заслуженнаго начальника:

«Многоуважаемый

Сергѣй Юльевичъ.

«Сегодня, 30-го августа, исполняется десятилѣтіе управленія вашего министерствомъ финансовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, десятилѣтіе нашей совмѣстной работы съ вами.

«Конечно, не намъ, вашимъ ближайшимъ сотрудникамъ, говорить о благотворности пройденнаго вами длиннаго и труднаго пути. Не намъ, помощникамъ вашимъ въ дѣлѣ государственнаго служенія, свидѣтельствовать объ историческомъ значеніи вашего творчества, которому вы отдали такъ много таланта, разумѣнія и воли, о высокой полезности уже осуществленныхъ вами новыхъ началъ—для экономической жизни нашей родины, о важности намѣченныхъ вами широкихъ задачъ—для ея будущаго роста. Составляя одно рабочее цѣлое, вами собранное, вами одухотворенное и вами руководимое, мы также, хотя бы только анонимно и въ очень скромныхъ размѣрахъ, подлежимъ оцѣнкѣ современнаго общества и суду исторіи.

«Но если намъ не дано судить о результатахъ вашихъ государственныхъ работъ и заботъ, то намъ болѣе, чѣмъ другимъ, доступна оцѣнка содержанія и объема вашей дѣятельности, въ особенности же той нравственной обстановки, которую вы создали для нашего участія въ вашихъ трудахъ.

«Дѣятельность ваша, составляющая предметъ удивленія всего просвѣщеннаго міра, исполинскимъ, доселѣ небывалымъ размахомъ развертывалась передъ нами на всѣхъ своихъ ступеняхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Зароженіе смѣлаго замысла, глубокой анализъ задуманнаго, энергичное воплощеніе мысли въ живое дѣло, неустанная борьба за ея осуществленіе, непрерывное исканіе новыхъ путей для лучшаго будущаго русской земли, постоянная провѣрка себя голосомъ жизни—все это проходило передъ нами, всего этого мы были живыми свидѣтелями.

«Позвольте намъ, глубокоуважаемый Сергѣй Юльевичъ, скромною памяткою напомнить вамъ—въ образахъ и краскахъ, въ символахъ и эмблемахъ, въ немногихъ цифрахъ, стоящихъ на рубежахъ—наиболѣе выдающіеся черты и факты вашего десятилѣтняго круга. Этотъ языкъ, «безъ словъ, но живой», скажетъ вамъ лучше словъ о той богатой, могучей и дѣятельной жизни духа, въ которой—весь человѣкъ. Воспоминанія о пережитомъ и бывшемъ воскреснуть въ вашей душѣ съ новою силою; мысли и дѣла, надежды и тревоги, радости и скорби, трудности и борьба за свои созданія на неровныхъ путяхъ государственнаго домостроительства встанутъ передъ вами опять, полныя жизни и движенія...

«Примите же эту памятку отъ насъ, какъ выраженіе искренней къ вамъ любви и глубокаго къ вамъ уваженія.

«По неоспоримому праву принадлежатъ вамъ эти чувства, какъ вполне заслуженныя. При той нравственной обстановкѣ, которую вы создали для насъ, всякое бремя было легко. Ваша непреклонная твердость въ осуществленіи задуманнаго поднимала нашу энергію и окрыляла нашъ духъ. Полное довѣріе къ нашимъ сотрудникамъ вы всегда считали лучшимъ залогомъ успѣха. Вы относились съ полнымъ уваженіемъ къ личности, съ полною терпимостью къ чужому мнѣнію и поощряли самостоятельность въ вашихъ сотрудникахъ. Будучи очень требовательнымъ къ себѣ, вы проявляли большую снисходительность къ другимъ и великодушіе къ чужимъ ошибкамъ. Простой и открытый, вы требовали правдивости и отъ другихъ. Простой и доступный, вы всегда были готовы прійти на помощь въ нуждѣ и бѣдѣ своимъ сослуживцамъ, обнаруживая въ особенности заботливость о тѣхъ малыхъ, голоса которыхъ зампраютъ на разстояніи. Ища въ каждомъ дѣлѣ живой сущности и полезности, вы относились къ формамъ проявленія дѣйствій и выраженія мыслей болѣе чѣмъ терпимо. Первый въ трудѣ, вы были послѣднимъ въ отдыхѣ.

«Такова была десятилѣтняя школа разумной трудовой энергій, сильной воли и сердечнаго отношенія къ людямъ.

«Очень много сдѣлали вы для вашего вѣдомства, и за многое намъ хотѣлось бы глубоко благодарить васъ отъ имени всѣхъ и за всѣхъ. Но мы не рѣшаемся смущать васъ перечисленіемъ предметовъ благодарности, зная, насколько это вамъ не по душѣ.

«Въ день вашего десятилѣтія отъ всего сердца привѣтствуемъ васъ, глубокоуважаемый Сергѣй Юльевичъ, и вашихъ близкихъ, отъ всей души желаемъ вамъ силъ и здоровья на порогѣ новаго періода для продолженія блестящей, быть можетъ, еще болѣе трудной и сложной, государственной дѣятельности на благо Россіи, искренно желаемъ еще долго работать съ вами въ той же доброй школѣ, которую исторія почетно свяжетъ съ вашимъ именемъ.

«Петръ Романовъ, А. Свиньинъ, Дмитрій Менделѣевъ, Н. Белюстинъ, І. Новицкій, П. Охочинскій, Владимиръ Михневичъ, А. Никольскій, Н. Кутлеръ, А. Конкевичъ, Владимиръ Ковалевскій, князь Алексѣй Оболенскій, Н. Фоллендорфъ, Э. Плеске, Болеславъ Малешевскій, Иванъ Шиповъ, Николай Ланговой, князь Борисъ Голицынъ, Л. Кербедзь, Аркадій Левицкій, Э. Циглеръ-фонъ-Шафгаузенъ, Л. Рейтеръ, А. Путиловъ, В. Котельниковъ».

Если сопоставить приведенные рескрипты и адресъ со всѣмъ тѣмъ, что было нами приведено изъ свидѣтельствъ о дѣятельности С. Ю. Витте, какъ министра финансовъ, то его фигура на этомъ министерскомъ посту обрисовывается довольно выпукло и отчетливо. Адресъ, поднесенный ему, любопытенъ еще подъ угломъ зрѣнія оцѣнки качествъ лицъ, подписавшихъ его. Большинство ихъ не безъ основанія пользовались, а многіе пользуются и понынѣ репутацией людей даровитыхъ, работоспособныхъ и просвѣщенныхъ, и это обстоятельство вноситъ въ біографію почившаго графа очень определенную черточку, а именно—стремленія окружать себя людьми даровитыми и способными, безъ всякихъ справокъ о ихъ прошломъ и прохожденіи ими ступеней іерархической служебной лѣстницы.

— Меня могутъ обвинять въ чемъ угодно,—говорилъ онъ мнѣ:—но никто не можетъ мнѣ поставить въ вину, что я избѣгалъ людей умныхъ и талантливыхъ. Какъ только я замѣчалъ, познакомившись съ кѣмъ-нибудь изъ той или иной среды, что человекъ своими знаніями и способностями можетъ быть мнѣ полезенъ въ работѣ, я его немедленно приближалъ къ себѣ и приспособлялъ къ тѣмъ или инымъ частямъ финансоваго и административнаго аппарата, не справляясь ни съ его кондуитомъ, ни съ тайниками его личной жизни. Несчастье русской жизни, что у насъ обычно выдвигаютъ людей или за выслугу лѣтъ, или по градаціи табели о рангахъ. Не то на Западѣ: тамъ люди выдвигаются исключительно своими

дарованіями и дѣеспособностью—вчерашній разночинець можетъ быть завтра вознесенъ на министерскій постъ, у насъ же вездѣ требуются справки о прошломъ человѣка, протекціи, выслуга чиновъ; а отсюда нашъ недостатокъ въ людяхъ, и вы себѣ представите

не можете, какъ и при какихъ условіяхъ возможно что-нибудь реформировать, творить и что-нибудь проводить въ жизнь новое.

Тутъ Витте дѣлалъ довольно любопытные экскурсы въ область
«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl. 15

характеристики своихъ бывшихъ подчиненныхъ и рѣзкими штрихами опредѣлялъ достоинства и недостатки многихъ изъ нихъ. отмѣчалъ причины ихъ проваловъ или замерзанія на опредѣленныхъ ступеняхъ служенія государству.

Дѣйствительно, если выскнуть во всю дѣятельность Сергѣя Юльевича и на посту министра путей сообщенія, и на посту министра финансовъ, и кратковременнаго премьеръ-министерства, мы вездѣ наблюдаемъ въ немъ стремленіе подыскивать подходящихъ для работы людей. Онъ искалъ ихъ и въ средѣ служилого сословія, и въ общественныхъ кругахъ и не менѣе зорко присматривался къ контингенту писателей и журналистовъ. И мы видимъ на всемъ протяженіи его кипучей дѣятельности въ Петроградѣ необычную дотолѣ для нашихъ министровъ близость къ журнальной средѣ. Какъ умный и смѣлый человекъ, какъ министръ до извѣстной степени на западный ладъ, онъ ясно отдавалъ себѣ отчетъ въ силѣ и значеніи общественнаго мнѣнія, а потому не только считалъ нужнымъ заручиться этимъ благопріятнымъ для себя мнѣніемъ, но и старался создавать подходящую для послѣдняго атмосферу силами дарованій и таланта. Если бы возможно было нарисовать полную картину друженія С. Ю. Витте съ писательской средой, то на первомъ планѣ мы увидѣли здѣсь людей безусловно выдающихся, съ репутаціей журналистовъ, отмѣченныхъ печатью дарovitости. Конечно, вокругъ него обильно кружилась и литературная мошकारа, но въ ближайшемъ соприкосновеніи онъ стоялъ только съ дѣятелями широкаго масштаба. Онъ вель съ ними длинныя бесѣды, приглашалъ ихъ къ себѣ, разъяснялъ имъ цѣли и значеніе своихъ начинаній, гипнотизировалъ ихъ, если можно будетъ такъ выразиться, своимъ умомъ и черезъ ихъ посредство бросалъ въ русскую жизнь нужныя для его цѣлей сѣмена, которыя, дѣйствительно, и давали пышной дѣловой расцвѣтъ. Говорили, что онъ, владѣя денежными государственными ресурсами, растлевалъ печать и ставилъ ее на ту покатую плоскость купли и продажи, на которой она стоитъ въ Западной Европѣ. Не берусь утверждать или опровергать справедливость такого приговора. Можетъ быть, здѣсь и была извѣстная доля правды, но одно можно сказать: въ эти золотыя сѣти, если только таковыя были разставлены, попадала не крупная рыба, а та мелкота, отъ которой не зависятъ тѣ или иныя благопріятныя или неблагопріятныя общественныя теченія...

VIII.

Будучи долгое время на министерскомъ посту въ ряду своихъ собратьевъ своего рода «полудержавнымъ властелиномъ», С. Ю. Витте простиралъ свое вліяніе и на многія такія стороны нашей государственной жизни, которыя собственно не входили въ ком-

петенцію его, какъ министра финансовъ; по многимъ причинамъ объ этомъ сейчасъ неудобно говорить, но кое-чего я коснусь впоследствии, когда пойдетъ рѣчь о графѣ Витте, какъ творцѣ русской конституціи и реформаторѣ отечественной жизни на основахъ манифеста 17-го октября 1905 года. Его способность проикать во всѣ сферы отечественной жизни обратила на себя вниманіе даже такихъ дѣятелей, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, который еще въ первой половинѣ девяностыхъ годовъ усматривалъ въ немъ дѣятеля, не только подходящаго для финансоваго вѣдомства, но и способнаго кое-что сдѣлать въ области нашего внутренняго управленія.

Когда въ 1895 году стоялъ на очереди вопросъ о назначеніи новаго министра внутреннихъ дѣлъ, то вліятельный тогда обер-прокуроръ Св. Синода не прочь былъ допустить возможность видѣть С. Ю. Витте на вакантномъ посту, но высказывалъ опасенія, куда энергичный и кипучій министръ финансовъ можетъ завести Россію, т. е. Побѣдоносцевъ какъ бы уже тогда предвидѣлъ въ лицѣ Сергѣя Юльевича того реформатора, который такъ опредѣленно проявилъ себя десять лѣтъ спустя.

Всѣмъ сказаннымъ выше о финансовой дѣятельности С. Ю. Витте не исчерпываются, однако, его заслуги передъ родиной, и тутъ, перескакивая черезъ довольно длинный періодъ его жизни, когда онъ занималъ постъ предсѣдателя комитета министровъ, необходимо отмѣтить его роль по заключенію за границей займа 1906 года, который спасъ Россію отъ экономическаго и денежнаго потрясенія послѣ несчастной для насъ русско-японской войны. Исторія этого займа настолько любопытна и какъ страница изъ исторіи Россіи, и какъ яркая страница изъ жизни самого гр. С. Ю. Витте, что мы остановимся на ней въ возможной полнотѣ, опуская здѣсь то, что относится къ вопросамъ нашей внѣшней политики и о чемъ сейчасъ по разнымъ обстоятельствамъ неудобно говорить.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ на имя министра финансовъ отъ 4-го апрѣля 1906 года повелѣно было выпустить пятипроцентный государственный заемъ на нарицательный капиталъ 843.750.000 рублей, равныхъ 2.250.000.000 франковъ для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ государственнаго казначейства 1905 и 1906 гг., превысившихъ бюджетные ресурсы. Заемъ сей внесенъ въ государственную долговую книгу подъ наименованіемъ «россійскій государственный пятипроцентный заемъ 1906 года». Этотъ наибольшій внѣшній заемъ, который когда-либо совершался, спасшій Россію отъ финансоваго краха и давшій ей возможность возстановить внутренній порядокъ, былъ заключенъ при весьма неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Нужно было преодолѣть цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ финансовыхъ препятствій. Когда С. Ю. Витте покинулъ

23-го августа 1903 года постъ министра финансовъ послѣ почти одиннадцатилѣтняго управленія вѣдомствомъ, осталось болѣе 380 милліоновъ рублей свободной наличности. Эта наличность и дала возможность вести первое время разразившуюся русско-японскую войну. По израсходованіи же этихъ денегъ нужно было изыскать новыя средства, и единственнымъ способомъ пополнить ресурсы казны представлялось заключеніе займовъ. Большинство бывшихъ въ то время у власти государственныхъ дѣятелей, въ особенности лица изъ военныхъ сферъ, были того мнѣнія, что Россія побѣдитъ японцевъ, и тогда можно было бы заключить заемъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ. С. Ю. Витте этихъ оптимистическихъ взглядовъ не раздѣлялъ. Когда же со временемъ стало ясно, что мы въ концѣ концовъ эту войну проиграемъ, то и тогда лишь часть высшихъ сановниковъ держались взгляда, что надо стремиться къ миру, большинство же съ этихъ не соглашалось. Разногласія эти рѣзко проявились въ одномъ изъ засѣданій финансового комитета. Вполнѣ поэтому естественно, что состоявшій въ то время министромъ финансовъ В. Н. Коковцовъ, основываясь на мнѣніи компетентныхъ лицъ, былъ сдержанъ и, несмотря на нужду въ деньгахъ, не спѣшилъ съ крупнымъ займомъ, а дѣлалъ лишь временные и мелкіе займы, насколько это было необходимо для оборота.

Послѣ восемнадцати мѣсяцевъ войны было рѣшено приступить къ переговорамъ о мирѣ. С. Ю. Витте назначенъ былъ Государемъ Императоромъ уполномоченнымъ для заключенія мира. Когда въ іюлѣ 1905 года онъ выѣхалъ въ Портсмутъ и по дорогѣ видѣлся съ президентомъ Франціи Лубэ и премьеръ-министромъ Рувье, известнымъ финансистомъ, съ которыми и завелъ разговоръ о займѣ, какъ то было намѣчено еще въ Петроградѣ, Лубэ и Рувье обѣщали оказать, по заключеніи мира, полное содѣйствіе къ осуществленію предполагаемой денежной операціи. Съ этимъ обѣщаніемъ С. Ю. Витте уѣхалъ въ Америку, гдѣ ему и удалось заключить довольно благопріятный миръ. По возвращеніи въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1905 года изъ Портсмута, Витте вторично видѣлся съ Лубэ и Рувье, съ которыми началъ говорить о займѣ уже въ болѣе конкретной формѣ. Въ это время начались серьезныя разномыслія между Франціей и Германіей относительно Марокко. Несмотря на это, возникшее международное осложненіе, которое отсрочило опять на неопредѣленное время возможность заключенія займа, С. Ю. Витте все-таки переговорилъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа о проектируемой операціи съ главой такъ называемой «христіанской» группы банкировъ Нецлиномъ, главнымъ директоромъ Парижско-Нидерландскаго банка, и условился, что какъ только политическій горизонтъ станетъ яснымъ, онъ пріѣдетъ для ближайшихъ переговоровъ въ Петроградъ. По дорогѣ домой Витте имѣлъ чрезвычайно важное

свиданіе съ германскимъ императоромъ, послѣдствіемъ котораго было образованіе алжесираской международной конференціи.

Вскорѣ по прибытіи въ Петроградъ, 17-го октября 1905 года, послѣдовало назначеніе Витте премьеръ-министромъ и ему было поручено сформированіе министерства, причемъ министромъ финансовъ былъ высочайше назначенъ И. П. Шиповъ. При назначеніи послѣдняго премьеръ-министръ принялъ, однако, именно на себя продолженіе веденія переговоровъ о займѣ.

Положеніе дѣлъ о займѣ къ концу 1905 года было таково: банкиры единогласно и самымъ рѣшительнымъ образомъ заявили о полной невозможности при образовавшихся тогда внутреннихъ осложненіяхъ нашей жизни и осложненіяхъ международного порядка совершить немедленно предполагавшуюся кредитную операцію въ формѣ ли долгосрочнаго консолидированнаго займа, или займа на срокъ безразлично. Тѣмъ не менѣе, невзирая на трусливость банкировъ и отсутствіе между ними, какъ представителями разныхъ странъ, единства стремленій, Витте все же продолжалъ настойчиво сноситься съ Рувье, который подъ его энергичнымъ натискомъ далъ твердое обѣщаніе воздѣйствовать на европейскія биржи и внушить имъ недостающую энергію. Нашъ премьеръ-министръ особенно торопился съ этимъ небывалымъ въ Западной Европѣ займомъ до созванія первой Государственной Думы и тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, видные представители кадетской группы, въ лицѣ князя Долгорукова и Маклакова, усиленно агитировали противъ того, чтобы Франція оказала намъ кредитъ безъ разрѣшенія законодательныхъ учрежденій. Настойчивые переговоры С. Ю. Витте, несмотря на всѣ неблагоприятныя для его цѣли обстоятельства, тѣмъ не менѣе увѣнчались успѣхомъ, и 2-го февраля 1906 года представитель Парижско-Нидерландскаго банка пріѣхалъ въ Петроградъ и составилъ начерно общій проектъ договора, главныя основанія котораго сводились къ слѣдующимъ положеніямъ:

«Въ надеждѣ, что можно будетъ начать переговоры въ первый же день и съ цѣлью избѣгнуть потери времени на совѣщанія, я беру на себя смѣлость изложить здѣсь, по моимъ замѣткамъ, въ общихъ чертахъ операцію, по поводу которой я имѣлъ честь бесѣдовать съ вашимъ превосходительствомъ и министромъ финансовъ: Международный заемъ въ 2.000.000.000 франковъ. Проценты—5%. Срокъ погашенія отъ 40 до 50 лѣтъ. Не подлежитъ конверсіи, по крайней мѣрѣ, въ теченіе десяти лѣтъ. Можетъ быть увеличенъ на 750.000.000 франковъ, чтобы имѣть возможность теперь или по истеченіи срока конвертировать или оплатить займы государственнаго казначейства. Лица, подписывающіяся на заемъ, вносятъ теперь же отъ 250 до 300 милліоновъ. Остальное будетъ внесено частями къ концу 1906 или началу 1907 года. Процентныя деньги съ 2.000.000.000 останутся въ депозитѣ у банкировъ, за исключе-

нѣмь—самое большое—одной пятой, которую мало-по-малу, не стѣсня денежнаго рынка, можно будетъ взять. Выпускная цѣна облигацій для правительства 80⁰/₀, на половину наличными, на половину срочными взносами».

Къ этому же времени и собравшіяся на западно-европейскомъ горизонтѣ тучи разсѣялись и осуществленіе намѣченнаго займа казалось дѣломъ близкаго будущаго; но въ это время состоялась во Франціи смѣна министерства, и Рувье палъ, послѣ чего въ ожиданіи сформированія новаго кабинета переговоры о займѣ затянулись и только къ концу февраля дѣло приняло болѣе скорый темпъ. Этимъ временемъ С. Ю. Витте, какъ ловкій финансистъ-дипломатъ, не соглашаясь въ нѣкоторыхъ частностяхъ на условія, предложенныя Нецциномъ старался, съ своей стороны, установить наиболѣе благоприятныя для Россіи основанія кредита и между прочимъ писалъ Неццину:

«Долженъ подтвердить то, что уже говорилъ вамъ, а именно, что мы не согласимся платить болѣе 6⁰/₀ на сумму, которую мы получимъ. Выпускная цѣна займа въ 80⁰/₀ невозможна. Желательно во всѣхъ отношеніяхъ покончить съ этимъ дѣломъ какъ можно скорѣе».

Въ отвѣтъ на письма нашего премьера Неццинь отвѣтилъ про-страннымъ изложеніемъ своихъ взглядовъ, которое приводимъ здѣсь полностью, какъ любопытный документъ, обрисовывающій передъ читателями, не освѣдомленными въ дѣлахъ международныхъ финансовыхъ договоровъ, какими путями и методами устанавливаются между договаривающимися государствами опредѣленныя условія международныхъ займовъ. Неццинь писалъ своему корреспонденту:

«Когда ваше превосходительство говорили мнѣ, что вы не намѣрены превышать 6⁰/₀ для правительства (положимъ, 83¹/₃⁰/₀), я позволилъ себѣ развитъ многочисленныя мотивы—скажу даже доводы необходимости въ этомъ случаѣ, которые заставляютъ меня говорить въ пользу 80⁰/₀, что соответствуетъ 61¹/₄⁰/₀. Такъ какъ все предпріятіе базируется не на немедленномъ распредѣленіи облигацій, а на огромномъ спекулятивномъ движеніи и на привлеченіи желающихъ нажить людей въ Европѣ и внѣ ея, то необходимо, чтобы не только всѣ дѣйствующія лица въ этой операціи, какъ-то: банки, синдикаты, посредники, печать и пр. были неотразимо привлечены къ дѣлу надеждой на наживу, но и спекулирующая публика увидѣла бы непосредственныя и значительныя выгоды отъ реализаціи этого займа. Дѣло идетъ о томъ, чтобы заинтересовать въ судьбѣ операціи не трусливаго капиталиста, который до сихъ поръ охотно слушалъ даваемые ему совѣты, но совершенно новые слои населенія, гораздо болѣе скептическаго. Прибавлю, кромѣ того, что необходимо побѣдить враждебное настроеніе еврейства. Такого результата можно достигъ не разговорами только, а единственно возможностью получить извѣстную прибыль. Если въ этомъ и заключается

суть всей задачи, благодѣтельное значеніе которой ваше превосходительство изволили признать, то совершенно ясно, что чѣмъ цѣна займа будетъ ниже, тѣмъ болѣе будетъ обезпеченъ его успѣхъ и наоборотъ, и нужно, чтобы этотъ успѣхъ былъ значителенъ еще до выпуска займа, ибо подобная комбинація не допускаетъ полумѣръ.

«Кромѣ того, если успѣхъ не будетъ совершенно очевиднымъ и не увлечетъ за собой весь финансовый міръ, то мы, конечно, не можемъ надѣяться реализовать обязательствъ государственнаго казначейства, что, однако, было бы очень желательнымъ для того, чтобы освободить правительство вашего превосходительства отъ всякой заботы насчетъ финансовъ.

«Собранію банкировъ предстоитъ высказаться о выпускной цѣнѣ займа, и этотъ пунктъ, безъ сомнѣнія, будетъ послѣднимъ. Позвольте мнѣ напомнить вашему превосходительству, что послѣ того, какъ я настаивалъ на выпускной цѣнѣ въ 80⁰%, вы изволили вычислить, во что обойдется операція, и нашли, что два миллиарда по 80⁰% дадутъ 1.600.000.000 франковъ, т. е. какъ разъ 600 милліоновъ рублей, которые нужны.

«Вторая телеграмма вашего превосходительства заставляетъ меня ускорить переговоры. Я охотно и не безъ внутренняго удовлетворенія признаю, что моментъ является благопріятнымъ для большой операціи, вся тяжесть которой лежитъ на мнѣ, какъ на ея отцѣ. Прозошла, однако, совершенно непредвидѣнная неудача, и я спрашиваю ваше превосходительство, представляете вы ея значеніе въ полной мѣрѣ? Мы потеряли въ правительствѣ лучшаго друга, который шагъ за шагомъ одобрялъ мои мысли, тогда какъ теперь приходится снова начинать все съ этой стороны. Я не позволяю себѣ ни входить въ оцѣнку, ни предсказывать о приѣмѣ, который я встрѣчу, разъ его превосходительство г. Нелидовъ начнетъ опять переговоры съ новымъ правительствомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней - я ограничивался привлеченіемъ къ нашему дѣлу высшихъ чиновниковъ и лицъ, занимающихъ офиціальное положеніе, на мнѣніе которыхъ прежде всего долженъ будетъ опираться новый министръ финансовъ, новичекъ въ этомъ дѣлѣ. Эти лица: управляющій Французскимъ банкомъ, синдикъ биржевыхъ агентовъ, главный директоръ фондоваго отдѣла и главный директоръ кассы вкладовъ. Кромѣ того, у меня было продолжительное совѣщаніе съ г. Лубэ, весьма благожелательнымъ, какъ всегда. Было бы невозможно и болѣе чѣмъ неосторожно дѣлать дальнѣйшіе шаги. Я не могу обращаться къ учрежденіямъ (довѣріе которыхъ, впрочемъ, мало-помалу завоевано безъ необходимости для меня вступать съ ними въ личные разговоры) до тѣхъ поръ, пока новый министръ финансовъ не уполномочитъ меня на это: операція такого размѣра, интересующая всю Францію, зависитъ исключительно отъ правительства. Убѣдительно прошу поэтому ваше превосходительство воору-

житься на нѣсколько дней терпѣнiемъ. Будеть сдѣлано все, чтобы ускорить дѣло.

«Прежде, чѣмъ обращаться за границу, необходимо добиться согласiя Парижа, ибо именно отсюда должна будетъ итти оцѣнка операции и довѣрiе, которое она должна внушать въ другихъ мѣстахъ. Для этого я убѣдительно прошу ваше превосходительство разрѣшить мнѣ съѣздить въ Лондонъ, не призывая къ этому дѣлу нашихъ друзей-нѣмцевъ, по той простой причинѣ, что въ Лондонѣ я не опасуюсь затрудненiй. Сильный поддержкой англичанъ и, надѣюсь, американцевъ, я буду лучше вооруженъ для борьбы, если къ тому представится случай съ возраженiями, которыя могутъ подняться за Рейномъ. Но чтобы не раздражать берлинскихъ друзей, я ихъ тотчасъ же извѣщу въ Лондонѣ и охотно пойду имъ навстрѣчу куда угодно, кромѣ Берлина. Этотъ рынокъ мнѣ представляется одинаково необходимымъ, чтобы сохранить тайну, которую я до сихъ поръ скрывалъ совершенно.

«Наконецъ я беру на себя смѣлость дать вашему превосходительству совѣтъ относительно одного технического вопроса, который мнѣ представляется очень важнымъ для французскаго рынка и ходъ котораго долженъ будетъ потянуть за собой и другiя мѣста. Намъ, вѣроятно, придется выпустить здѣсь облигацiй на 900—1000 миллюоновъ, и держатели краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпуска 1904 года на 800 миллюоновъ имѣютъ безусловно предпочтительное на нихъ право. Такъ какъ каждая бумага впослѣдствiи будетъ сопровождаться большой премiей, то захотятъ воспользоваться этимъ правомъ всѣ до послѣдняго обязательства, лишь бы обезпечить себѣ участие въ подпискѣ. Чтобы облегчить въ предѣлахъ возможнаго пользованiе этимъ правомъ, слѣдовало бы имѣть возможность размѣнять денежные обязательства на монету, т. е. позволить приобрѣтать облигацiи, не будучи вынужденнымъ нести тяжелые убытки по предварительному выкупу обязательства. Съ этой цѣлью можно прибѣгнуть къ разнымъ системамъ болѣе или менѣе практичнымъ и сложнымъ, и мнѣ пришла въ голову мысль воспользоваться купонами обязательствъ казначейства, срокъ которымъ 1-го (14-го) мая и которые будутъ служить удостовѣренiемъ на право подписки. Такой купонъ, будучи отрѣзанъ, получитъ различную продажную стоимость, смотря по добавочной премiи бумагъ новаго выпуска. Развивая эту мысль дальше, можно будетъ допустить приемъ этихъ купоновъ при подпискѣ въ качествѣ звонкой монеты по ихъ цѣнѣ двѣнадцать франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Русское государственное казначейство потеряло бы процентъ за нѣсколько недѣль отъ 1% до 1¹/₂% на семь съ половиной миллюоновъ рублей, что, на мой взглядъ, не имѣетъ значенiя, если принять во вниманiе очевидную выгоду этого приѣма. Позволяю себѣ поэтому спросить ваше превосходитель-

тельство, санкціонируете ли вы это небольшое досрочное употребленіе купоновъ отъ обязательствъ государственнаго казначейства?»

IX.

Тотчасъ по сформированіи новаго министерства съ Клемансо во главѣ было приступлено къ переговорамъ съ новымъ правительствомъ, и между Витте и Нецлиномъ рождается обширная переписка, гдѣ нашъ премьеръ-министръ, во-первыхъ, старается разсѣять неблагоприятныя для займа слухи, пущенныя въ Парижѣ представителями кадетской партіи относительно законности займа, и, во-вторыхъ, домогается отъ банкировъ наиболѣе благоприятныхъ условій русскаго кредита. Въ результатъ старанія графа С. Ю. Витте увѣнчиваются успѣхомъ и ему удается даже склонить русскіе банки къ участию въ финансированіи всего займа, хотя по первоначальному проекту ихъ участія не намѣчалось, такъ что къ концу марта дѣло настолько выяснилось, что явилась необходимость послать въ Парижъ для подписанія займа представителя русскаго правительства. Такимъ представителемъ по высочайшему повелѣнію былъ назначенъ бывшій министръ финансовъ В. Н. Коковцовъ съ прикомандированіемъ къ нему тогдашняго вице-директора кредитной канцеляріи А. И. Вышнеградскаго. Телеграфное сношеніе между нашей сѣверной столицей и Парижемъ во все время пребыванія здѣсь нашего финансоваго делегата продолжалось непрерывно, причемъ дѣло сводилось не къ принципу самаго займа, а къ нѣкоторымъ деталямъ его, въ томъ именно главнѣйшемъ направленіи, что Витте настойчиво стоялъ на своей позиціи облегченныхъ условій кредита, выторговывая въ пользу Россіи наибольшую сумму выгоды. Наконецъ черезъ пять дней по приѣздѣ В. Н. Коковцова въ Парижъ состоялось 3-го (16-го) апрѣля подписаніе договора. Цѣна займа была установлена въ $83\frac{1}{2}\%$, т. е. правительству пришлось заплатить шесть процентовъ съ суммы, полученной казною, чего графъ С. Ю. Витте добивался съ самаго начала переговоровъ. Сумма займа въ 2.250 милліоновъ франковъ была распредѣлена между отдѣльными участниками слѣдующимъ образомъ: Франція участвовала въ 1.200 милл., Англія—330 милл., Австрія—165 милл., Нидерланды—въ 500 милл. франковъ. Большая часть этой послѣдней суммы была въ сущности помѣщена за границей, особливо въ Германіи при посредствѣ тѣхъ же самыхъ русскихъ банковъ, несмотря на то, что Германія по политическимъ соображеніямъ въ займѣ официально не участвовала. Америка и Италія отъ участія въ займѣ совершенно уклонились.

Когда договоръ о кредитной операціи былъ подписанъ, Нецлинъ счелъ долгомъ написать графу С. Ю. Витте слѣдующее письмо:

«Международный заемъ—фактъ совершившійся, послѣдній этапъ пройденъ вчера. Предварительная подписка сдѣлана. Эта великая финансовая побѣда сегодня служитъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, и русскій кредитъ, въ первый разъ со времени войны, готовится пустить новые корни въ значительно расширившейся почвѣ.

«Констатируя этотъ фактъ, въ которомъ я, благодаря вашему превосходительству, принималъ участіе отъ перваго до послѣдняго шага, не могу удержаться и не выразить чувство большого удовлетворенія. Но прежде всего я долженъ и хочу выяснитъ главную причину его успѣха. Я обращаюсь посему къ вашему превосходительству, преисполненный глубокой признательности за оказанное мнѣ довѣріе въ теченіе всей операціи.

«Мнѣ кажется, небезполезно бросить на всѣ операціи взглядъ заднимъ числомъ и отмѣтить существенные пункты, которые могутъ имѣть значеніе для будущаго.

«Первымъ условіемъ успѣха я, не колеблясь, считаю, какъ я только что сказалъ, довѣріе, оказанное вашимъ превосходительствомъ моею сообразительности и усердію. Оставивъ послѣ нашего разговора въ Россіи выработанные заранѣе планы и принявъ мой проектъ, смѣлость котораго не оправдывалась тогда общимъ положеніемъ, ваше превосходительство вполнѣ меня одобрили, и это одно поддерживало и ободряло меня въ критическіе моменты переговоровъ. Напомню паденіе кабинета Рувье, преднамѣренное противодѣйствіе германскихъ властей и, наконецъ, затрудненія, которыя встрѣтило присоединеніе Австріи, первоначальная важность котораго была ушущена изъ виду. Ваше превосходительство обратились ко мнѣ одному, и это довѣріе позволило мнѣ, не связанному совѣщаніями съ сотрудниками, быстро принять рѣшенія и такимъ образомъ черезъ самый краткій промежутокъ времени устроить все къ сроку, predeterminedенному заранѣе обстоятельствами.

«Наконецъ опять—таки только благодаря нравственному авторитету, который мнѣ дало ваше высокое одобреніе, я и могъ быстро согласовать часто весьма противорѣчивыя желанія и мнѣнія нашихъ французскихъ учреждений, полная гармонія коихъ создала столь блестящій успѣхъ.

«Это единство дѣйствій было благодѣтельно даже для направленія прессы. Ваше превосходительство изволили замѣтить, что она держалась совершенно корректно и помогала движенію, какъ слѣдуетъ, безъ фанфаронства, а общественное мнѣніе уже было достаточно подготовлено биржей.

«Со времени своего прибытія съ полномочіями статсъ-секретарь Коковцовъ продолжалъ ту же линію поведенія, и я не могу въ достаточной мѣрѣ отблагодарить его за его постоянные знаки одобренія, которое не измѣнялось ни на минуту. Его превосходительство предоставилъ мнѣ попрежнему вести дѣло и съ француз-

скимъ правительствомъ, и съ иностранными делегатами, и съ парижскими учрежденіями, и я всегда находилъ у него совѣтъ и поддержку.

«Что касается самой операціи, то мнѣ приходится коснуться только двухъ пунктовъ: суммы займа и выпускной его стоимости. Всѣ другія условія сразу же встрѣтили общес одобреніе.

«Что касается суммы займа, то я всегда старался образовать немедленно добавочную сумму въ 750 милліоновъ, которая оставалась бы въ запасъ и предназначалась бы на погашеніе обязательствъ государственнаго казначейства. Г. Рувье одобрилъ разумность такого пріема. Понятно, однако, что новички, которые еще вчера совершенно не знали нашей задачи, должны были испытывать нѣкоторое колебаніе въ виду широты задуманнаго дѣла. Поэтому, чтобы добиться успѣха, я долженъ былъ начать переговоры съ Rue Rivoli, ограничивъ участіе Франціи — самое большое — милліардомъ франковъ по номинальной цѣнѣ. Такая политика была тѣмъ болѣе необходима, что нѣмцы отказались отъ участія, а содѣйствіе русскихъ банковъ, очевидно, не могло замѣнить ихъ въ желаемой степени. Прибытіе г. Коковцова, явившагося мнѣ на помощь, оказало большое дѣйствіе, и его переговоры съ министрами дали мнѣ возможность увеличить участіе Франціи до 1.200 милліоновъ по номинальной стоимости, а весь заемъ до размѣровъ двухъ съ четвертью милліардовъ.

«Отказъ Моргана, сознаюсь, не удивилъ меня, ибо уже съ прошлаго года я не питалъ на него большихъ надеждъ. Я убѣжденъ, что пройдутъ многіе годы прежде, чѣмъ нью-іоркскій денежный рынокъ станетъ интересенъ для русскаго кредита. Совершенно другое дѣло — Италія. И отказъ Рима, вызванный главнымъ образомъ внѣшней политикой, былъ для меня очень чувствителенъ.

«Это почва, которую нужно воздѣлывать для слѣдующаго раза.

«Я долженъ упомянуть здѣсь объ одномъ знаменательномъ эпизодѣ, который имѣетъ отношеніе къ главѣ о суммѣ займа. Я нашелъ черезчуръ строгой статью о закрытіи французскаго рынка въ теченіе двухъ лѣтъ и, стараясь добиться нѣкотораго смягченія въ этомъ отношеніи, я имѣлъ удовольствіе передать г. Коковцову нѣсколько словъ, собственноручно написанныхъ г. Пуанкарэ, которыя могутъ имѣть нѣкоторое значеніе въ будущемъ.

«Что касается выпускной цѣны, то я полагаю, что ваше превосходительство теперь изволили понять мою настойчивость въ первое время, пока банкиры и общественное мнѣніе не одобрили моей комбинаціи. Она цѣликомъ покоилась на выгоды займа, которая должна была вызвать международную спекуляцію, и мнѣ было очень пріятно получить изъ устъ г. Коковцова, который сначала сильно оспаривалъ именно этотъ пунктъ, призваніе, что назначить болѣе высокую выпускную цѣну было бы опасно. Если

вашему превосходительству угодно будетъ вспомнить, я говорилъ вамъ при личномъ свиданіи въ Россіи, что слѣдовало бы назначить четыре процента добровольной преміи, по крайней мѣрѣ за недѣлю до выпуска облигацій. Такъ буквально и было сдѣлано, и благодаря этому необычному приему мы могли поддерживать въ атмосферѣ желательную температуру и, наконецъ, засвидѣтельствовать огромный успѣхъ, который составитъ эпоху въ финансовомъ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вслѣдствіе разныхъ событій въ разныхъ концахъ міра, событій, съ которыми всегда надо было считаться, и въ виду безпокойнаго настроенія во Франціи, премія была понижена до двухъ процентовъ и пониженіе не остановилось на этомъ уровнѣ только потому, что французскій синдикатъ согласился въ этотъ моментъ купить авансомъ сто тысячъ бумагъ новаго займа. Эта сильная плотина задержала паденіе, и распредѣленіе пошло на славу.

«Если премія началась съ двухъ процентовъ, то мы, вѣроятно, достигли бы *al pari*, и тогда выпускъ бумагъ потерпѣлъ бы огромное крушеніе. Не нужно забывать, что при выпускѣ бумагъ, основанномъ на спекуляціи, а не на распредѣленіи между подписчиками, разстояніе, которое отдѣляетъ провалъ отъ успѣха, нерѣдко представляется безконечно-малымъ.

«Хотя мое письмо вышло уже изъ позволительныхъ предѣловъ, тѣмъ не менѣе я прошу разрѣшенія вашего превосходительства сказать еще нѣсколько словъ о выпускѣ бумагъ въ Парижѣ. Такъ какъ на этотъ разъ я преслѣдовалъ другую цѣль, то онъ весьма отличался отъ операций, которыя императорское казначейство цѣлый рядъ лѣтъ производило здѣсь. Онъ очень похожъ на тѣ выпуски, которые мы обыкновенно дѣлали лѣтъ 15—20 тому назадъ. Правда, въ то время выпуски не достигали такихъ большихъ цифръ, но зато и средства, которыми могла располагать публика, были пропорціонально далеки отъ этихъ цифръ. То былъ г. Жерменъ, который, видя, что сбереженія публики быстро увеличиваются, мало-по-малу измѣнилъ способъ выпуска и перенесъ центръ тяжести исключительно на немедленное размѣщеніе займа въ большихъ и малыхъ портфеляхъ и такихъ образомъ заставилъ сыграть болѣе плодотворную роль свое учрежденіе, которое тысячами щупалець находится въ прямомъ соприкосновеніи съ міркомъ мелкихъ капиталистовъ. Спекуляція была совершенно оставлена и мало-по-малу устранена отъ русскихъ фондовъ. Въ этотъ разъ я старался ввести въ дѣйствіе смѣшанную систему, въ которой были призваны играть роль всѣ скомбинированныя силы. Благодаря этому и былъ полученъ такой результатъ. Въ качествѣ доказательства я могу только указать цифры подписки на бумаги, разобранныя различными участниками, кромѣ тѣхъ, которые получили преимущественное право на облигаціи новаго займа, какъ держатели обязательствъ, выпущенныхъ въ 1904 году.

Banque de Paris	16.500.000	облигац.	83.000	подписав.
Crédit Lyonnais	14.450.000	»	220.000	»
Comptoir d'Escompte	7.785.000	»	109.000	»
Société Générale	6.675.000	»	45.000	»
Hottinguer et C-ie	2.800.000	»	110.000	»
Crédit Industriel	1.290.000	»	29.000	»
		<hr/>		
		49.500.000	облигац.	596.000
		подписав.		

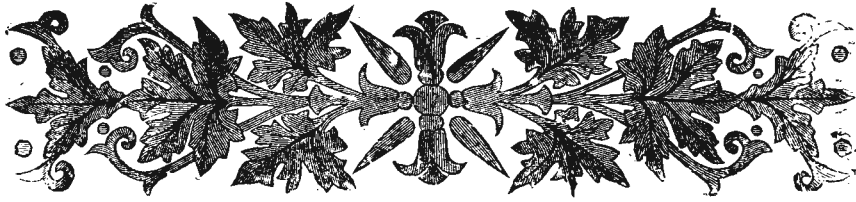
«Независимо отъ этихъ цифръ, держатели краткосрочныхъ обязательствъ государственнаго казначейства выпуска 1904 года заявили свое право на 1.400.000 облигацій, то есть на 87¹/₂ процентовъ».

Заключеніемъ столь обширнаго, небывалаго въ лѣтописяхъ нашихъ кредитныхъ операций займа графъ С. Ю. Витте записалъ одну изъ лучшихъ страницъ въ свою біографію: онъ во истину положилъ имъ залогъ будущаго спокойствія и мирнаго развитія Россіи, а потому въ воздаяніе его услугъ передъ родиной на его имя воспослѣдовалъ на канунѣ открытія законодательныхъ учреждений Высочайшій рескриптъ, гдѣ были начертаны нижеслѣдующія слова: «Благодаря настойчивымъ и просвѣщеннымъ трудамъ вашимъ эти учрежденія ¹⁾ нынѣ образованы и готовы къ открытію, несмотря на препятствія, чинимыя крамольниками, въ борьбѣ съ которыми вы проявили отличающую васъ энергію и рѣшительность. Одновременно съ симъ своею опытностью въ финансовомъ дѣлѣ вы содѣйствовали упроченію государственныхъ ресурсовъ, обезпечивъ успѣхъ заключеннаго Россіею займа».

Финансовая операція въ Парижѣ была лебединою пѣснею въ активной дѣятельности графа С. Ю. Витте на пользу финансоваго и экономическаго благополучія Россіи и, если по званію предсѣдателя финансоваго комитета, каковое мѣсто онъ въ послѣдніе годы жизни занималъ, ему приходилось своимъ опытомъ и знаніями помогать нашимъ государственнымъ дѣтелямъ, то эта помощь не носила на себѣ печати творчества, ибо для послѣдняго не было по самому существу государственнаго значенія финансоваго комитета реальной почвы и данныхъ для своего проявленія. Въ такомъ же духѣ обрисовываются и его выступленія по финансовымъ вопросамъ въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта, гдѣ въ большинствѣ случаевъ ему выпадала на долю роль строгаго и беспощаднаго критика, въ каковой роли онъ со свойственной ему смѣлостью заносилъ руку надъ такими сторонами отечественной дѣйствительности, къ созиданію которыхъ такъ или иначе онъ и самъ былъ причастенъ. Знаменитый «карауль» графа Витте при обсужденіи гибельныхъ послѣдствій имъ же когда-то созданной винной монополіи до сихъ поръ, вѣроятно, еще звучитъ въ ушахъ современниковъ... **Б. Глинскій.**

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Госуд. Дума и Госуд. Совѣтъ.

ИМПЕРАТОРСКІЙ НОВОРОССІЙСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ.

(По поводу 50-лѣтія его существованія).

ВЪ МАѢ текущаго 1915 года исполняется пятьдесятъ лѣтъ существованія императорскаго новороссійскаго университета.

Юбилей этотъ въ виду сравнительной молодости нашихъ высшихъ учебныхъ заведеній не можетъ не быть признанъ крупнымъ фактомъ русской культурной исторіи, а потому не будутъ лишними нѣкоторыя замѣчанія о возникновеніи и прошлой жизни его.

Непосредственнымъ предшественникомъ университета въ Одессѣ былъ открытый въ 1817 г. лицей, названный Ришельевскимъ въ честь много сдѣлавшаго для Новороссійскаго края извѣстнаго градоначальника герцога Ришелье.

По организациіи всего учебнаго дѣла, по характеру преподаванія между лицеемъ этимъ и бывшимъ институтомъ съ гимназіей было много общаго, и хотя въ Ришельевскомъ лицей такъ называемыя «высшія науки» (статистика, законовѣдѣніе и друг.) имѣли большее распространеніе, онъ въ общемъ былъ ближе къ гимназіи, чѣмъ къ высшему учебному заведенію. Историкъ Ришельевскаго лицея Михневичъ ¹⁾, констатируя это, отмѣчаетъ цѣлый рядъ реформъ, которыя въ періодъ по 1837 годъ предпринимались для возможнаго поднятія лицея на положеніе высшаго учебнаго заведенія.

Замѣтное приближеніе къ университету Ришельевскій лицей получилъ только по уставу 1837 года. Отдѣленія лицея приобрѣли

¹⁾ «Историческій обзоръ сорокалѣтня Ришельевскаго лицея» (Одесса, 1857).

характеръ университетскихъ факультетовъ; всѣ предметы по этому уставу преподавались на отдѣленіяхъ съ возможной полнотой и научностью. Все это увеличивало цѣнность лица и еще болѣе способствовало тому, что онъ пріобрѣталъ все большее и большее значеніе, привлекая воспитанниковъ не только изъ Новороссійскаго края, съ Кавказа, но нерѣдко и съ далекаго сѣвера.

Изъ лица выходили хорошо воспитанные и образованные молодые люди, обыкновенно прекрасно владѣвшіе новыми языками, такъ какъ на постановку преподаванія ихъ въ лицей съ самаго основанія его было обращено серьезное вниманіе.

Попечителемъ одесскаго учебнаго округа съ 1837 года былъ Д. М. Княжевичъ, дѣятельность котораго для просвѣщенія всего Новороссійскаго края была столь благотворна и столь разнообразна, что многія культурныя учрежденія въ Одессѣ своимъ существованіемъ обязаны именно ему ¹⁾.

Княжевичу обязанъ и Ришельевскій лицей правильнымъ, вполне соотвѣтствующимъ научнымъ требованіямъ примѣненіемъ положеній, развитыхъ въ уставѣ 1837 года. Упомянутый мною выше Михневичъ ²⁾ такъ характеризуетъ заботы Княжевича о Ришельевскомъ лицей:

«Съ года на годъ подвигалъ онъ лицей далѣе, расширяя существующія въ немъ каедры и учреждая новыя, дабы такимъ образомъ постепенно приготовить лицей къ занятію той степени въ ряду высшихъ учебныхъ заведеній Россіи, на которой онъ желалъ его видѣть, т.-е. степени университета, планъ коего былъ уже имъ приготовленъ, но преждевременная смерть его отдалила исполненіе этого плана на другое время».

Такимъ образомъ мы можемъ съ полной опредѣленностью говорить, что въ половинѣ прошлаго вѣка (сороковые и пятидесятые годы XIX стол.) въ средѣ лицъ, которыя близко стояли къ учебному дѣлу въ Одессѣ, уже совершенно созрѣла мысль о необходимости создать въ Новороссіи разсадникъ высшаго образованія, т.-е. университетъ, вмѣсто Ришельевскаго лица.

Съ особенной ясностью и обстоятельностью къ вопросу о преобразованіи Ришельевскаго лица въ университетъ отнесся назначенный въ 1856 году попечителемъ одесскаго округа Н. И. Пировъ.

---

¹⁾ О Княжевичѣ нѣсколько подробнѣе я говорилъ уже въ очеркѣ своемъ о семидесятипятилѣтнѣ императорскаго одесскаго общества исторіи и древностей въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1914 г., ноябрь. Авт.

²⁾ «Очеркъ сорокалѣтнѣя Ришельевскаго лица», стр. 49. О томъ, что Княжевичъ приготовилъ планъ преобразованія Ришельевскаго лица въ университетъ и даже взялъ его съ собой въ Петроградъ для доклада министру въ 1844 году (годъ смерти Княжевича), имѣются и другія указанія: см. у А. И. Маркевича «Двадцатипятилѣтнѣ Новороссійскаго университета» (Одесса, 1890), стр. 4, 5. Авт.

Ришельевскимъ лицеемъ, постановкой въ немъ преподаванія, необходимою вообще улучшить учебное дѣло въ немъ Пироговъ заинтересовался немедленно по прибытіи въ Одессу. Собравъ относительно всего этого необходимый матеріалъ, Пироговъ занялся разработкой вопроса и о самомъ преобразованіи Ришельевского лица въ университетъ. Въ теченіе своего непродолжительнаго пребыванія въ должности попечителя одесскаго учебнаго округа (по іюль 1858 г.) по вопросу о необходимости этого преобразованія Пироговъ представилъ въ министерство нѣсколько записокъ. Въ запискахъ этихъ Пироговъ данный вопросъ разсматриваетъ очень обстоятельно и съ особой настойчивостью выдвигаетъ положеніе, что университетъ въ Одессѣ необходимъ въ видахъ политическаго и культурнаго вліянія на различные сосѣдніе съ Россіей народы.

«Вскорѣ по вступленіи моемъ въ должность попечителя одесскаго учебнаго округа,—писалъ Пироговъ 2-го апрѣля 1858 года,—я обратилъ первое мое вниманіе на значеніе учебныхъ заведеній округа и на то вліяніе, ту роль, которую сама мѣстность края предназначила имъ имѣть въ нравственно-духовныхъ дѣлахъ всего православно-славянскаго народонаселенія Востока. Всѣ наши восточные единоплеменники не имѣютъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ бы науки излагались на славянскомъ нарѣчій, и самое ближайшее для нихъ есть только одно: одесскій лицей».

Отмѣтивъ дальше, что Ришельевскій лицей, не будучи въ полной мѣрѣ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, привлекаетъ мало уроженцевъ Балканскаго полуострова, Пироговъ говоритъ о слабости русскаго вліянія на Востокъ. «Всѣ эти соображенія,—продолжаетъ Пироговъ,—заставили меня еще годъ назадъ обратиться къ господину министру народнаго просвѣщенія съ проектомъ о преобразованіи Ришельевскаго лица въ высшее учебное заведеніе, съ цѣлью сообщить ему именно такую организацію, которая способствовала бы къ укрѣпленію нашихъ связей съ нашими восточными братьями по вѣрѣ и по племени. Очевидно, что Одесса, по ея мѣстности, могла бы быть именно тѣмъ центромъ нашихъ дѣйствій и истиннымъ разсадникомъ людей, могущихъ осуществить эту важную политическую цѣль...» ¹⁾ Доклады Пирогова о преобразованіи лица въ университетъ содержали всѣ необходимыя соображенія о планѣ преобразованія, а также и соотвѣтствующія смѣтныя вычисленія; все это принималось въ министерствѣ во вниманіе и одобрялось, но не получало окончательнаго утвержденія;

¹⁾ Записка Пирогова отъ 2-го апрѣля 1858 года, изъ которой я привелъ эти выдержки, напечатана въ «Русской Старинѣ» за 1887 г. (декабрь). Перепечатана она въ собраніи сочиненій Пирогова, т. I (Кіевъ, 1910 г.), стр. 651 и слѣд.

препятствовали этому обыкновенно вопросы объ изысканіи средствъ для содержанія университета.

Въ такомъ положеніи вопросъ о преобразованіи Ришельевского лицея въ университетъ находился и въ теченіе слѣдующихъ нѣсколькихъ лѣтъ, причемъ бывшіе послѣ Пирогова попечителями одесскаго учебнаго округа Ребиндеръ и Могиліанскій и съ своей стороны выступали съ докладами по этому вопросу съ различными смѣтными и другого рода соображеніями. Весьма возможно на основаніи указанныхъ данныхъ предположить, что дѣло о преобразованіи Ришельевского лицея въ университетъ еще очень продолжительное время не вышло бы изъ области предварительныхъ докладовъ, соображеній, а также всякаго рода запросовъ со стороны министерства. Этого, однако, не случилось, такъ какъ вопросомъ объ университетѣ въ Одессѣ заинтересовался тогдашній новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ графъ А. Г. Строгановъ, который авторитетно и энергично высказался по данному вопросу въ 1861 году въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о состояніи края.

«Въ Новороссійскомъ краѣ, — писалъ графъ Строгановъ въ этомъ отчетѣ ¹⁾, — всего одно высшее учебное заведеніе — Ришельевскій лицей. Заведеніе это отжило свое время, ибо даетъ юношеству образованіе слишкомъ энциклопедическое. Въ лицейъ всему учать понемногу и ничему положительно. Кончившіе курсъ наукъ выходятъ изъ заведенія какими-то полуучеными или, лучше сказать, недоучеными, а многіе изъ нихъ идутъ въ университеты доканчивать свое образованіе, а тѣ, кои не имѣютъ средствъ, безъ спеціальныхъ свѣдѣній не знаютъ, какъ устроить гражданскій бытъ свой. Положительно можно удостовѣрить, что лучше закрыть лицей, нежели оставить его въ теперешнемъ видѣ, во вредъ цѣлаго поколѣнія... «Вопросъ о преобразованіи лицея въ университетъ, — замѣчаетъ Строгановъ, — былъ уже поднятъ учебнымъ начальствомъ, но оставленъ безъ послѣдствій за недостаткомъ денежныхъ средствъ...» Указавъ далѣе на возможность изыскать нѣсколько статей для покрытія расходовъ по содержанію въ Одессѣ университета, Строгановъ говоритъ: «Если это предположеніе удостоится одобренія, то я немедленно, по сношеніи съ начальствомъ учебнаго округа, уставъ и штаты новороссійскаго университета представлю на разсмотрѣніе и утвержденіе министра народнаго просвѣщенія». Согласно высочайшей резолюціи, разрѣшившей графу Строганову заняться вопросомъ объ университетѣ, работа въ Одессѣ пошла настолько быстро и спѣшно, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ соотвѣтствующій проектъ о преобразованіи Ришельевского лицея

¹⁾ Ср. у Маркевича, стр. 46.

«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl.

въ университетъ былъ уже отправленъ въ министерство народнаго просвѣщенія.

Когда дѣло о преобразованіи Ришельевскаго лица въ университетъ стало такимъ образомъ на возможно надежный путь и въ виду вниманія къ нему государя могло получить благоприятное разрѣшеніе,—возникло опасеніе, что вопросъ о новороссійскомъ университетѣ будетъ рѣшенъ независимо отъ преобразованія его изъ Ришельевскаго лица, а въ смыслѣ самостоятельнаго учрежденія его, но не въ Одессѣ, а въ Николаевѣ.

Такого рода проектъ появился въ силу одного чисто виѣшняго обстоятельства. Въ Николаевѣ послѣ Восточной войны оставались незанятыми огромныя зданія, принадлежавшія морскому вѣдомству. Тогдашній николаевскій военный губернаторъ Глазенапъ нашель, что зданія эти можно весьма удобно примѣнить для новороссійскаго университета, а потому и сталъ ходатайствовать объ открытіи его именно въ Николаевѣ. Глазенапъ успѣлъ склонить на свою сторону великаго князя Константина Николаевича, и вопросъ о предпочтеніи въ данномъ случаѣ Николаева предъ Одессой принялъ весьма серьезное направленіе. Маркевичъ въ названной мною уже выше работѣ своей о двадцатипятилѣтніи новороссійскаго университета очень обстоятельно излагаетъ весь ходъ борьбы между сторонниками Николаева и Одессы. Графу Строганову и попечителю одесскаго учебнаго округа Могилянскому пришлось не мало хлопотать, немало представлять въ министерство всякихъ докладовъ, пока не удалось окончательно утвердить въ правительственныхъ кругахъ мнѣніе, что Одессѣ должно быть отдано предпочтеніе и что университетъ долженъ быть основанъ въ ней путемъ соотвѣтствующаго преобразованія Ришельевскаго лица. Всѣ эти споры и колебанія закончились въ маѣ 1862 года рѣшеніемъ совѣта министровъ, соглашаясь съ которымъ, 10-го іюня 1862 года государь императоръ повелѣтъ сонзволить: 1) «учредить новороссійскій университетъ въ Одессѣ, преобразовавъ для сего въ университетъ Ришельевскій лицей» и 2) «управляющему министерствомъ народнаго просвѣщенія составить подробное по сему предмету предположеніе для открытія въ Одессѣ университета на основаніи новаго университетскаго устава, по утвержденіи онаго общимъ порядкомъ».

Ко времени учрежденія новаго университетскаго устава (18-го іюня 1863 г.) всѣ подготовительныя работы по преобразованіи Ришельевскаго лица въ университетъ въ общемъ были закончены, но приказъ объ открытіи университета не былъ сообщаемъ въ Одессу, и Ришельевскій лицей на прежнихъ основаніяхъ функционировалъ. Объясняется это тѣмъ, что Государственный Совѣтъ, «сознавая всю пользу, ожидаемую для Новороссійскаго края отъ учрежденія университета въ Одессѣ, тѣмъ не менѣе нашель, что

приведеніе сей мѣры въ исполненіе въ настоящее время, при финансовомъ и политическихъ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, затруднительно». Государь императоръ такое положеніе Государственнаго Совѣта утвердилъ, и въ смѣту на 1864 годъ ассигнованій на содержаніе новороссійскаго университета внесено не было ¹⁾).

Въ такомъ положеніи вопросъ о новомъ университетѣ находился до 11-го іюля 1864 года, когда послѣдовало высочайшее повелѣніе «императорскій новороссійскій университетъ открыть 1-го мая 1865 года».

Согласно этому высочайшему повелѣнію, открытіе университета дѣйствительно и состоялось 1-го мая 1865 г., наступившіе за симъ лѣтніе мѣсяцы прошли въ нѣкоторыхъ дополнительныхъ приготовленіяхъ, а 7-го сентября 1865 года началось чтеніе лекцій на всѣхъ факультетахъ, т.-е. на историко-филологическомъ, физико-математическомъ и юридическомъ.

Изъ предложеннаго выше краткаго очерка исторіи возникновенія новороссійскаго университета мы можемъ съ полной опредѣленностью заключить, что учрежденіе этого университета должно было удовлетворить извѣстнымъ политическимъ взглядамъ на тотъ край, въ которомъ ему предстояло явиться центромъ высшаго просвѣщенія. Мы видѣли, что еще при первомъ возникновеніи мысли въ концѣ XVIII в. объ университетѣ въ Екатеринославскомъ намѣстничествѣ имѣлась въ виду необходимость возложить на него обслуживаніе культурныхъ запросовъ «сосѣдственныхъ намъ народовъ, наипаче же единовѣрныхъ». Эта же мысль высказывалась не разъ и позже при возбужденіи вопроса о преобразованіи Рижскаго университета; ее, на примѣръ, очень опредѣленно проводилъ Пироговъ, когда входилъ съ докладомъ своимъ по вопросу объ университетѣ въ Одессѣ. Кромѣ этого значенія—чисто-политическаго, въ силу котораго онъ долженъ былъ привлечь для продолженія образованія уроженцевъ славянскихъ и вообще христіанскихъ земель Балканскаго полуострова, а также и близкой къ Новороссійскому краю Австріи,—на университетъ въ Одессѣ не могли не возлагать большихъ надеждъ и въ дѣлѣ изученія одной изъ любопытнѣйшихъ по своему прошлому частей Россіи. Побережья Чернаго моря вообще, а въ частности рядъ поселеній, замѣнившихъ собой старыя греческія колоніи, имѣвшія глубокія и старинныя связи съ древнѣйшимъ населеніемъ южной Россіи,—должны были представить любопытный и важный матеріалъ для научныхъ изученій; имѣлось, конечно, въ виду также и то, что въ связи съ изученіемъ исторіи южной части Россіи неминуемо должно пойти и изслѣдованіе прошлой жизни близкихъ къ Одессѣ областей, входившихъ

¹⁾ Маркевичъ, стр. 99.

нѣкогда въ составъ Византійской имперіи. Было и еще одно обстоятельство, которое принималось во вниманіе въ вопросѣ выясненія тѣхъ научныхъ областей, разработкой которыхъ университетъ въ Одессѣ можетъ оказать особую услугу. Новороссійскій край былъ совершенно еще не изученъ въ отношеніи геологическомъ, мѣстная флора и фауна были мало извѣстны ¹⁾, находящіяся около Одессы лиманы, а также и самое Черное море мало были обследованы съ точки зрѣнія цѣлебнаго значенія. Все это долженъ былъ университетъ новороссійскій принять въ кругъ особыхъ своихъ научныхъ интересовъ. Въ какой же мѣрѣ новороссійскій университетъ такія задачи выполнилъ? Въ какой мѣрѣ онъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды? Отвѣтить на эти вопросы представляется не лишнимъ при выясненіи значенія пятидесятилѣтней дѣятельности новороссійскаго университета.

Ко времени открытія новороссійскаго университета заботы русскаго правительства о предоставленіи возможности уроженцамъ южно-славянскихъ земель (главнымъ образомъ—болгарамъ) получать въ Россіи образованіе вылились въ довольно опредѣленную форму. Въ 1863—1865 гг. въ Николаевѣ былъ для этой цѣли учрежденъ пенсіонъ Минкова; въ немъ проживали болгарскіе юноши, обучавшіеся въ николаевской гимназіи. Изъ этого контингента наиболѣе успѣвающіе могли, если желали, поступать въ высшія учебныя заведенія. Ближайшимъ и наиболѣе подходящимъ для этого былъ признанъ новороссійскій университетъ. Азіатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вѣдавшій постановку обученія южно-славянскихъ уроженцевъ Россіи, принималъ всѣ мѣры къ тому, чтобы новороссійскій университетъ могъ привлечь славянъ для полученія высшаго образованія. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ департаментъ этотъ въ 1869 году прямо говоритъ, что для этой цѣли въ новороссійскомъ университетѣ учреждаются спеціальныя стипендіи ²⁾. Благодаря всему этому, въ новороссійскомъ университетѣ съ первыхъ же лѣтъ егo существованія стали получать образованіе уроженцы различныхъ мѣстъ Балканскаго полуострова, но преимущественно болгары. Пересматривая списки окончившихъ различные факультеты новороссійскаго университета, я отмѣтилъ около пятидесяти человекъ, которые на родинѣ своей въ послѣдующее время занимали различные крупныя мѣста, до постовъ министровъ включительно. Кромѣ того, изъ дѣлъ архива университета видно, что очень многіе болгары оставляли университетъ, не окончивъ въ немъ полного

¹⁾ Объ этомъ между прочимъ также упоминалъ Н. И. Пироговъ, когда возбуждалъ вопросъ о преобразованіи Рижскаго лицея въ университетъ. Авт.

²⁾ См. «Сборникъ за народни умотворенія, наука и книжнина», кн. XXV (Софія, 1909), ст. «Южно-славянскія пенсіонъ въ Николаевѣ».

курса ¹⁾). Такимъ образомъ, новороссійскій университетъ до извѣстной степени выполнилъ по отношенію къ балканскимъ славянамъ ту миссію, которая на него возлагалась. По отношенію къ австрійскимъ славянамъ онъ оказался въ значительно болѣе неблагопріятномъ положеніи: австрійское правительство учло опасность, которую могъ представить для него въ дѣлѣ расширенія русскаго вліянія среди австрійскихъ славянъ новороссійскій университетъ, и въ 1874 году открыло университетъ въ Черновцахъ (въ Буковинѣ); университетъ этотъ долженъ былъ преградить путь тѣмъ австрійскимъ славянамъ, которые пожелали бы отправиться въ новороссійскій университетъ, столь близкій къ границѣ Австріи. Въ значительно большей степени новороссійскій университетъ оправдалъ возлагавшіяся на него надежды въ дѣлѣ оживленія и расширенія изученій юга Россіи и пограничныхъ съ нимъ областей.

Интеллигентные классы Одессы очень рано выдвигали изъ своей среды работниковъ, которые интересовались прошлой жизнью Новороссійскаго края вообще, а въ частности археологіей. Изъ такой группы дѣятелей вышли инициаторы основанія въ Одессѣ въ 1839 году историческаго общества ²⁾, которое собрало въ свою среду и представителей Ришельевского лицея. Изъ его профессоровъ въ качествѣ изслѣдователей мѣстной старины наиболѣе замѣтно выдвинулись Зеленецкій, Мурзакевичъ, Ф. К. Брунъ. Такимъ образомъ, ко времени открытія новороссійскаго университета для представителей высшаго учебнаго заведенія въ Одессѣ опредѣлена была область специальныхъ, такъ сказать, мѣстныхъ, научныхъ интересовъ. Этимъ нужно объяснить, что новый университетъ долженъ былъ привлечь вниманіе тѣхъ изъ русскихъ ученыхъ, которые хотѣли бы въ опредѣленномъ направленіи повести свои научныя занятія. Такъ, напримѣръ, смотрѣлъ на университетъ въ Одессѣ профессоръ казанскаго университета В. И. Григоровичъ, уже очень извѣстный въ то время специалистъ въ области славяновѣдѣнія. Уже въ 1860 году онъ намѣтилъ Одессу, какъ исключительно пригодный пунктъ для широкихъ цѣлей византійско-славянскихъ занятій. Въ помѣченной 1860 годомъ запискѣ онъ развиваетъ планъ основанія при Ришельевскомъ лицей катедры славянской филологіи съ нѣкоторыми сообразными мѣсту условіями. Академикъ Ѡ. И. Успенскій, цитируя ³⁾ эту записку Григоровича, говоритъ, что въ ней намѣчены, безспорно, самыя настоятельныя задачи мѣстныхъ одесскихъ научныхъ потребностей...

¹⁾ Болгарскіе юноши поступали въ новороссійскій университетъ главнымъ образомъ до освобожденія Болгаріи и въ первые годы послѣ освобожденія. Съ открытіемъ въ Болгаріи своего высшаго учебнаго заведенія поступленіе болгаръ въ одесскій университетъ уменьшилось очень значительно. Авт.

²⁾ См. мою статью въ «Истор. Вѣстн.» за 1914 г., въ № 11.

³⁾ «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ» (Одесса, 1890).

«Уму моему, — говоритъ въ этой запискѣ Григоровичъ, — давно рисуется планъ повременнаго изданія, въ которомъ складывались бы свѣдѣнія о южныхъ земляхъ, заселенныхъ славянами, румынами и греками. Не притязая на политическое значеніе и не выходя изъ скромнаго объема, оно могло бы служить посредникомъ въ передачѣ постоянно увеличивающихся свѣдѣній о древностяхъ, географіи, этнографіи и словесности сосѣднихъ народовъ». Такого рода идеи Григоровича вполне должны намъ объяснить ту страстную настойчивость, съ которой онъ стремился перейти на службу въ новороссійскій университетъ. Его желаніе исполнилось; онъ былъ назначенъ первымъ профессоромъ славяновѣдѣнія въ университетѣ одновременно съ его открытіемъ. Прибывъ въ Одессу, онъ встрѣтился здѣсь съ названнымъ уже мной Ф. К. Бруномъ, въ которомъ нашелъ вполне понимающаго задачи изученія мѣстной, южно-русской старины товарища по факультету, въ который Брунъ вступилъ, какъ достойный представитель науки, много лѣтъ уже работавшій въ качествѣ преподавателя Ришельевского лицея на избранномъ имъ поприщѣ изслѣдователя исторіи юга Россіи.

Такимъ образомъ, новороссійскій университетъ съ первыхъ шаговъ своего существованія имѣлъ съ средѣ своихъ профессоровъ такихъ двухъ дѣятелей, которые могли стать достойными выразителями того научнаго направленія, которое имѣлось въ виду сообщить новому университету. Ф. К. Брунъ оставался на службѣ въ новороссійскомъ университетѣ до 1871 года, В. И. Григоровичъ работалъ въ немъ до 1876 года. За указанный періодъ оба они напечатали много такихъ трудовъ своихъ, которые показываютъ, что мѣстная южно-русская старина, старина черноморскихъ побережій, этнографія и географія Новороссійскаго края могутъ дать достаточно матеріала для тѣхъ представителей науки мѣстнаго высшаго учебнаго заведенія, которые пожелали бы въ этой области вести свои спеціальныя занятія.

Само собой понятно, что я совершенно не въ силахъ въ настоящей краткой статьѣ дать характеристику обоимъ названнымъ выше ученыхъ, какъ изслѣдователей опредѣленно намѣченныхъ ими вопросовъ. Я могу только дать самыя поверхностныя замѣчанія, которыя желающими легко могутъ быть пополнены и расширены, такъ какъ Бруну и Григоровичу посвященъ рядъ очень обстоятельныхъ статей.

Ф. К. Брунъ былъ выдающійся ученый съ очень яснымъ взглядомъ на то, что ему, какъ профессору находящагося на югѣ Россіи университета, необходимо съ особымъ вниманіемъ отнестись къ прошлому того края, въ которомъ университетъ этотъ является ученымъ центромъ. Южно-русская географія привлекла вниманіе Бруна очень рано, и онъ въ цѣломъ рядѣ большихъ и малыхъ сочиненій выяснилъ въ этой области рядъ весьма важныхъ и интерес-

ныхъ вопросовъ. Берега Чернаго моря были театромъ важныхъ историческихъ событій не только въ древности, но и въ среднѣе вѣка. Брунъ задается вопросомъ, что объ этихъ мѣстностяхъ говорятъ древніе и средневѣковые источники; съ этой цѣлью онъ внимательно пересматриваетъ, толкуетъ и объясняетъ свѣдѣнія Геродота о Скиѣнѣи, морскія карты XIV и XV вѣковъ, составленныя для черноморскихъ факторій итальянскими купцами, свѣдѣнія, сообщенныя различными путешественниками, вещественныя памятники, найденныя въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, и пр. Весь обширный матеріалъ этотъ изученъ былъ Бруномъ до мельчайшихъ подробностей, и результаты такого изученія обыкновенно выливались у него въ стройныхъ, талантливо обработанныхъ статьяхъ. Въ трудахъ Бруна находится отвѣтъ на вопросы о Крымскомъ полуостровѣ въ очень отдаленныя времена, о черноморскихъ готахъ, о древнемъ рѣчномъ пути изъ Днѣпра въ Азовское море, о судьбахъ мѣстности, занимаемой Одессой, о старинныхъ судьбахъ Бессарабіи, Румыніи и т. д., т. е. на вопросы о самыхъ любопытныхъ моментахъ прошлой жизни Новороссійскаго края и нѣкоторыхъ близко къ нему примыкающихъ областей. Большинство статей Бруна перепечатано въ его знаменитомъ сборникѣ подъ общимъ заглавіемъ «Черноморье» (два тома, Одесса 1879 и 1880 гг.), Сборникъ этотъ, удостоенный въ свое время по отзыву академика Васильевскаго Уваровской преміи, незамѣнимое руководство для всѣхъ, кто интересуется исторической географіей южной Россіи. Это одно изъ тѣхъ изданій, безъ которыхъ не обойдется ни одинъ изслѣдователь древнѣйшей и средневѣковой исторіи Россіи и сосѣднихъ съ нею областей. Новые матеріалы, которые могутъ быть въ данной области открыты, обязательно будутъ освѣщаться съ учетомъ взглядовъ, высказанныхъ Ф. К. Бруномъ¹⁾, такъ какъ онъ въ своихъ трудахъ намѣтилъ цѣлую опредѣленную программу изученія прошлой жизни южной Россіи вообще, а въ частности побережій Чернаго моря.

Въ высшей степени цѣнными являются и всѣ работы В. И. Григоровича за время его пребыванія въ Одессѣ. Въ новороссійскомъ университетѣ Григоровичъ сталъ работать, когда ему было уже пятьдесятъ лѣтъ. Этотъ возрастъ въ полной мѣрѣ обеспечивалъ вдумчивое и серьезное отношеніе къ тѣмъ вопросамъ, которые могъ представить изслѣдователю Новороссійскій край.

У Григоровича уже было опредѣленно сложившееся научное направленіе, ему принадлежали уже многіе труды, которые выработали въ немъ извѣстные взгляды на рядъ научныхъ вопросовъ.

Взгляды эти, это научное міросозерцаніе съ прибытіемъ въ

¹⁾ Оцѣнка трудовъ Ф. К. Бруна и перечень его всѣхъ статей находится въ статьѣ О. И. Успенскаго о немъ (Одесса, 1881).

Одессу должны были еще больше окрѣпить, такъ какъ работа, которую уже давно въ Одессѣ велъ Брунъ, не могла его не захватить вполне и всецѣло. Мечтанія Григоровича о созданіи въ Одессѣ особаго центра культурнаго общенія народностей не сбылись. Населеніе города, всецѣло захваченное коммерческими интересами и хлопотами, было чуждо наукѣ и совершенно не думало о какихъ-то культурныхъ славянскихъ и византійскихъ задачахъ. Григоровичъ, однако, не сразу отказался отъ своихъ мечтаній; онъ хотѣлъ интеллигентныхъ одесситовъ сплотить вокругъ этихъ «славянскихъ» интересовъ; и въ виду этого онъ явился инициаторомъ учрежденія одесскаго славянскаго общества. Скоро, впрочемъ, онъ увидаль, что это общество не оправдаетъ его надеждъ, и постепенно сталъ уединяться въ своемъ учепомъ кабинетѣ, все болѣе и болѣе отдаваясь разработкѣ вопросовъ, которые вызывались мѣстными научными потребностями. Географія и этнографія нашего южнаго края заинтересовали его всецѣло, и онъ въ этой области намѣтилъ рядъ вопросовъ, отъ разработки которыхъ зависятъ насущные интересы русской науки.

Григоровичъ по свойству своего ума и предыдущаго научнаго опыта отличался особеннымъ умѣніемъ ставить такія задачи, которыя разрѣшаются на основаніи поѣздокъ и изслѣдованій на мѣстѣ. Въ разспросахъ мѣстнаго населенія, въ разговорахъ съ старожилками различныхъ селъ и деревень онъ на лету хваталъ намеки и указанія, которые служили ему путеводной нитью въ дальнѣйшихъ поискахъ, приводя къ интереснымъ выводамъ и построеніямъ. Въ одесскій періодъ своей дѣятельности Григоровичъ успѣлъ написать рядъ лишь краткихъ замѣтокъ и статей, но всѣ онѣ проникнуты, какъ и все, имъ написанное, глубокимъ убѣжденіемъ и свѣжестью идеи ¹⁾.

Его статьи объ историческихъ судьбахъ Херсонеса, о задачахъ археологическихъ разысканій въ Крыму, въ различныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, его описанія архивныхъ матеріаловъ и пособій для изученія южно-русской земли, его сообщенія о личныхъ наблюденіяхъ во время частыхъ поѣздокъ по Бессарабіи, по окрестностямъ Одессы и проч.—все это является цѣннымъ, какъ намѣчающія глубоко продуманныя программныя работы. Сдѣланное Григоровичемъ въ указанной области имѣетъ и нынѣ большое значеніе для всякаго, кто пожелаетъ работать по исторіи и археологіи юга Россіи. Къ сожалѣнію, статьи и замѣтки Григоровича разбросаны по различнымъ, не особенно нынѣ доступнымъ періодическимъ одесскимъ изданіямъ; это многія изъ нихъ сдѣлало почти

¹⁾ Идеиная сторона ученой дѣятельности В. И. Григоровича очень рельефно подчеркнута въ брошюрѣ Ф. И. Успенскаго «Воспоминанія о В. И. Григоровичѣ» (Одесса, 1890).

Авт.

совершенно забытыми, что, конечно, неблагоприятно отразилось и отражается на работах многих изслѣдователей. Въ виду этого предпринятое одесскимъ историко-филологическимъ обществомъ изданіе собранія статей Григоровича за періодъ съ 1865 по 1876 гг. будетъ, несомнѣнно, очень полезнымъ и важнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ явится и достойнымъ знакомъ почтенія къ памяти Григоровича, по случаю исполняющагося въ 1915 году столѣтія со дня его рожденія. Такимъ образомъ, мы съ полнымъ правомъ можемъ сказать, что Брунъ и Григоровичъ должны быть признаны въ виду изданныхъ имъ въ Одессѣ трудовъ яркими выразителями того научнаго направленія, которое по преимуществу надлежало установить новороссійскому университету. Ни Бруну, ни Григоровичу не удалось образовать школу изслѣдователей намѣченныхъ ими вопросовъ, но съ ихъ именами должно быть соединено то направленіе, которое въ той или иной мѣрѣ проявлялось или въ рядѣ трудовъ отдѣльныхъ преподавателей университета, или перенесено было ими въ дѣятельность нѣкоторыхъ ученыхъ обществъ, функционирующихъ при университетѣ или отдѣльно отъ него. Изъ профессоровъ новороссійскаго университета, которые въ дальнѣйшую пору его существованія опредѣленно выдвигали мѣстныя научныя потребности, какъ задачу изслѣдованій своихъ личныхъ и своихъ учениковъ, особенно долженъ быть отмѣченъ Ѳ. И. Успенскій, нынѣ академикъ и директоръ русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Начавъ свою дѣятельность въ новороссійскомъ университетѣ еще въ то время, когда въ немъ работали Брунъ и Григоровичъ, Ѳ. И. Успенскій всю свою широкую и многостороннюю подготовку въ области византиновѣдѣнія старался примѣнить между прочимъ и въ разработкѣ вопросовъ, которые находятся въ тѣсной зависимости съ изученіемъ прошлаго южной Россіи. Вмѣстѣ съ этимъ Ѳ. И. Успенскій въ задачу южно-русской школы изслѣдователей старины включалъ и болѣе широкіе вопросы, именно вопросы по изученію Византіи. Результатомъ такихъ взглядовъ Ѳ. И. Успенскаго были многочисленныя, прекрасно извѣстныя ученымъ авторитетныя работы его (о святыхъ Кириллѣ и Меѳодіи, о крещеніи Руси, объ отношеніяхъ Руси и Византіи, о византійскихъ владѣніяхъ на сѣверномъ берегу Чернаго моря и многія другія)¹⁾, а также и заботы по учрежденію при основанномъ при его же содѣйствіи одесскомъ историко-филологическомъ обществѣ—византійскаго отдѣленія. Организція этого отдѣленія должна быть признана выдающимся фактомъ въ дѣлѣ оживленія у насъ въ Россіи византиновѣдѣнія, и съ именемъ Ѳ. И. Успенскаго должно соединять продуктив-

¹⁾ Подробный перечень трудовъ академика Ѳ. И. Успенскаго данъ въ брошюрѣ М. Г. Попруженка «Сорокалѣтіе ученой дѣятельности Ѳ. И. Успенскаго» (Одесса, 1912).

ную научную работу этого отдѣленія до переѣзда его въ Константинополь на постъ директора русскаго археологическаго института, который, являясь въ настоящее время однимъ изъ крупнѣйшихъ нашихъ ученыхъ учреждений, благодаря трудамъ академика Ѳ. И. Успенскаго, имѣетъ исключительное на Ближнемъ Востокѣ культурное вліяніе.

Съ дѣятельностью въ Одессѣ, съ создавшимся здѣсь стремленіемъ къ изученію Византіи нужно связывать и работы академика Н. П. Кондакова, перваго профессора исторіи искусствъ въ новороссійскомъ университетѣ (1870—1888 г.). Съ началомъ своей профессорской дѣятельности въ Одессѣ Н. П. Кондаковъ началъ практически интересоваться археологіей и сталъ посѣщать тѣ мѣста юга Россіи, гдѣ производились археологическія разысканія. Его статьи «Изъ Керчи», «Съ кавказскаго побережья», «О древностяхъ, найденныхъ въ Аккерманѣ» и др. даютъ массу цѣнныхъ методологическихъ указаній для занимающихся археологіей Россіи. Изъ Одессы же Н. П. Кондаковымъ¹⁾ были совершены и тѣ многочисленныя поѣздки въ Константинополь, на Синай и въ другія мѣста, которыя дали ему возможность собрать матеріалъ для цѣлаго ряда своихъ крупныхъ и цѣнныхъ работъ по исторіи византійскаго искусства.

Въ трудахъ покойныхъ нынѣ профессоровъ новороссійскаго университета А. И. Кирпичникова и Н. Ѳ. Красносельцева въ періодъ ихъ дѣятельности въ Одессѣ также нашли отраженіе мѣстныхъ научныхъ потребности. А. И. Кирпичниковъ (служилъ въ Одессѣ профессоромъ съ 1885 г. по 1896 г.) разработалъ рядъ вопросовъ по исторіи духовной жизни Одессы, которая въ прошлой своей жизни не мало представила культурныхъ фактовъ, а также ввелъ въ кругъ своихъ специальныхъ историко-литературныхъ работъ обслѣдованіе памятниковъ византійскихъ, изучивъ для этого въ Одессѣ ново-греческій языкъ²⁾. Н. Ѳ. Красносельцевъ (служилъ въ Одессѣ съ 1889 г. по 1898 г.), будучи профессоромъ новороссійскаго университета, совершалъ частыя поѣздки на Афонъ, гдѣ накоплялъ матеріалы для работъ по церковной исторіи, по церковной археологіи; сдѣланныя имъ открытія новыхъ византійскихъ источниковъ относятся къ указанному періоду³⁾. Мѣстныхъ научныхъ потребности нашли яркое отраженіе и въ трудахъ покойныхъ профессоровъ новороссійскаго университета А. И. Маркевича⁴⁾ и В. А.

¹⁾ Очеркъ ученой дѣятельности Н. П. Кондакова сдѣланъ его покойнымъ ученикомъ по новороссійскому университету Е. К. Рѣдинымъ (Петроградъ, 1896).

²⁾ Дѣятельность А. И. Кирпичникова, какъ ученаго и общественнаго работника, представлена въ рядѣ статей, которыя вошли въ сборникъ, изданный въ Харьковѣ въ 1905 г.

³⁾ Въ сборникѣ «Поминка по Н. Ѳ. Красносельцевѣ» (Одесса 1899) дана оцѣнка трудовъ его по византиновѣдѣнію.

⁴⁾ Авторъ не разъ названной мною выше исторіи двадцатипятилѣтія новороссійскаго университета.

Яковлева. Исторія Новороссійскаго края вообще, а въ частности исторія Одессы интересовала ихъ во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Они оба съ искренней любовью, съ большимъ вниманіемъ отмѣчали всѣ факты прошлой жизни края вообще, каждаго города его, особенно Одессы, въ частности. Тщательное собираніе различныхъ матеріаловъ, регистрированіе библиографическихъ свѣдѣній по исторіи Одессы сдѣлало изъ нихъ глубокихъ и серьезныхъ знатоковъ мѣстной старины. Ихъ многочисленныя статьи по вопросамъ о времени основанія Одессы, объ учрежденіи въ пей учебныхъ заведеній, ихъ труды по исторіи книгопечатанія въ Новороссійскомъ краѣ, такъ важны и цѣнны, что заслуживали бы собранія и переизданія, но, къ сожалѣнію, никто изъ ихъ «друзей» объ этомъ до сихъ поръ не позаботился, какъ не позаботился никто изъ нихъ и объ изданіи серьезной работы о жизни и трудахъ этихъ въ высшей степени почтенныхъ мѣстныхъ историковъ¹⁾. Всѣ названные мною выше профессора новороссійскаго университета болѣе или менѣе дѣятельное участіе принимали въ трудахъ императорскаго одесскаго общества исторіи и древности, печатая въ его изданіяхъ свои статьи и сообщенія, а также выступая въ его засѣданіяхъ съ докладами. Ихъ главнымъ образомъ вліянію (начиная съ Бруна и Григоровича) названное общество обязано тѣмъ направленіемъ, которому оно неизмѣнно слѣдуетъ въ своемъ служеніи изученію мѣстной исторіи, этнографіи, археологіи, разработкѣ одесской старины. Все это даетъ полное основаніе утверждать, что новороссійскій университетъ въ дѣлѣ выясненія задачъ изученія исторіи Новороссійскаго края, въ дѣлѣ опредѣленія особыхъ, такъ сказать, специальныхъ вопросовъ для представителей исторической науки въ этомъ университетѣ миссію свою выполнилъ въ достаточной мѣрѣ. Цѣлый рядъ работниковъ точно выяснилъ мѣстные научные потребности и запросы; дорога работникамъ дальнѣйшихъ поколѣній указана ясно и опредѣленно.

На университетъ новороссійскій при возникновеніи вопроса объ его учрежденіи возлагали особыя надежды также и въ дѣлѣ разработки специальныхъ мѣстныхъ потребностей въ области естествознанія. О расширеніи успѣховъ въ этой области путемъ специальныхъ трудовъ представителей университета въ Новороссіи думалъ, какъ мы знаемъ, въ свое время Пироговъ. Если мы даже въ общихъ чертахъ, допустимыхъ на страницахъ историческаго журнала, представимъ себѣ работы университетскихъ преподавателей въ Одессѣ въ этой области, то должны будемъ признать, что и въ данномъ направленіи новороссійскій университетъ выполнилъ свою миссію.

¹⁾ Въ 1912 году въ Одессѣ нѣкимъ «Старымъ начетчикомъ» издана съ обычной для автора склонностью къ распространенію сплетенъ написанная брошюра о В. А. Яковлевѣ. Она содержитъ рядъ сомнительнаго качества анекдотовъ и совершенно не служитъ доброй памяти покойнаго. Похвально одно: авторъ—«Старый начетчикъ»—усердно держитъ подъ спудомъ свое историческое произведеніе.

Работы известнаго профессора химіи А. А. Верига въ области изученія свойствъ одесскихъ лимановъ являются основными въ этой области, и съ нихъ ведетъ свое начало серьезная научная разработка вопроса о лечебныхъ свойствахъ лиманной воды и грязи. Дальнѣйшія изслѣдованія въ этой области успѣшно ведутся нынѣ представителями молодого еще въ Одессѣ медицинскаго факультета. Все это, конечно, въ значительной мѣрѣ способствуетъ приведенію въ надлежащій видъ тѣхъ одесскихъ лимановъ, которые по справедливости должны стать однимъ изъ цѣннѣйшихъ лечебныхъ мѣстъ въ Россіи. Новороссійскій университетъ своими научными силами способствовалъ этому. Съ именемъ профессора новороссійскаго университета А. В. Клоссовскаго должна быть связана широкая, строго научная постановка организациі метеорологическихъ наблюденій на югѣ Россіи. Наблюденія эти, детально и научно разработанныя, не малую услугу оказывали вопросамъ сельскаго хозяйства, желѣзнодорожнаго сообщенія и т. д. Работы метеорологической станціи при новороссійскомъ университетѣ, развиваясь и совершенствуясь, явятся и въ будущемъ неоцѣнимой и надежной опорой различнымъ отраслямъ южно-русской промышленности. Постоянное участіе профессоровъ новороссійскаго университета въ трудахъ общества сельскаго хозяйства южной Россіи вноситъ научный элементъ въ труды людей практики и опыта и, конечно, является весьма цѣннымъ и важнымъ въ практическомъ отношеніи.

Многочисленныя, очень часто предпринимаемыя различными общественными организациями изслѣдованія геологическія по изученію водоснабженія юга Россіи, по выясненію строенія почвы и т. д.—обыкновенно не проходили и не проходятъ безъ самаго дѣятельнаго участія представителей новороссійскаго университета по соотвѣтствующимъ специальностямъ. Научная постановка этого рода работъ въ Крыму и въ окрестностяхъ Одессы изъ прежнихъ университетскихъ дѣятелей привлекала профессоровъ Н. А. Головкинскаго, И. Ѳ. Синцова и Р. А. Пренделя и др.

Не имѣя возможности перечислить участіе новороссійскаго университета въ разработкѣ мѣстныхъ научныхъ потребностей въ другихъ областяхъ естествознанія, скажу, что участіе это особенно ярко выразилось и выражается въ существующемъ съ 1870 года при университетѣ обществѣ естествоиспытателей. Многочисленные томы трудовъ этого общества содержатъ въ себѣ чрезвычайно цѣнныя изслѣдованія различнаго рода вопросовъ южно-русской фауны и флоры, такъ какъ членами его совершались и совершаются постоянныя экскурсіи въ предѣлахъ южной Россіи. Трудамъ и заботамъ этого общества принадлежитъ возникновеніе въ 1871 году нынѣ самостоятельно процвѣтающей и широко известной севастопольской біологической станціи.

Въ приведенномъ выше краткомъ очеркѣ дѣятельности новороссійскаго университета за первыя пятьдесятъ лѣтъ существованія я не касался статистическихъ данныхъ о числѣ окончившихъ его студентовъ и о дальнѣйшей ихъ работѣ въ различныхъ должностяхъ. Я считаю достаточнымъ лишь отмѣтить, что за указанный періодъ новороссійскій университетъ далъ очень много культурныхъ работниковъ на всѣхъ поприщахъ государственной, общественной и ученой жизни Россіи. Питомцы новороссійскаго университета внесли свою долю труда въ русскую культурную жизнь на всѣхъ ступеняхъ іерархической лѣстницы, вплоть до министерскаго поста (С. Ю. Витте, математикъ выпуска 1870 года). Это служеніе университета Россіи стало еще полнѣе съ открытіемъ въ немъ медицинскаго факультета, который со своей стороны даетъ и будетъ давать столь необходимыхъ нашей родинѣ врачей.

Культурная работа общества на пользу страны складывается изъ трудовъ отдѣльныхъ членовъ его, изъ такихъ же трудовъ складывается и работа на пользу экономическаго и промышленнаго процвѣтанія ея. Новороссійскій университетъ за пятьдесятъ лѣтъ своего существованія, переживъ, конечно, не мало всякаго рода тревогъ и волненій, достаточно далъ Россіи такого рода работниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вполне опредѣленно установилъ и задачи специальныхъ мѣстныхъ научныхъ потребностей и запросовъ той части нашей родины, въ которой ему надлежало стать центромъ и очагомъ высшаго просвѣщенія, разсадникомъ образованія.

Прошлая жизнь новороссійскаго университета протекла такимъ образомъ не безъ слѣда; онъ выполнилъ свою миссію добросовѣстно. Во вторую половину перваго столѣтія своего существованія императорскій новороссійскій университетъ вступаетъ въ моментъ величайшихъ міровыхъ событій, которыя, несомнѣнно, дадутъ Россіи возможность окончательно и навсегда занять по полному праву принадлежащее ей первое мѣсто въ славянскомъ мірѣ. Въ частности южной окраинѣ Россіи предстоитъ, конечно, стать центромъ значительно расширеннаго района, съ прочными и тѣсными связями на Ближнемъ Востокѣ...

Новороссійскій университетъ получить тогда еще большую возможность выполнить задачу, которую мечтала уже на него возложить, какъ мы видѣли, Великая Екатерина, — служить разсадникомъ «наукъ и художествъ, какъ для вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, такъ и для сосѣдственныхъ намъ, наипаче же для единовѣрныхъ нашихъ».

Готовность свою къ такого рода служенію новороссійскій университетъ доказалъ уже своей полувѣковой работой. Мы искренно желаемъ ему успѣха на этомъ поприщѣ и впредь.

М. Г. Попруженно.

ПАМЯТИ Г. К. ГРАДОВСКАГО.

(Черты изъ жизни).

В КОНЧАВШИЙСЯ 13-го апрѣля, въ девять часовъ утра послѣ мучительной и тяжелой болѣзни журналистъ и общественный дѣятель Григорій Константиновичъ Градовскій оставляетъ среди всѣхъ знавшихъ его и работавшихъ съ нимъ на почвѣ общественной добрую память и глубокое сожалѣнiе о его кончинѣ. Последняя не явилась неожиданностью для насъ, близкихъ ему и слѣдившихъ за послѣдними годами его жизни. Смерть избавила человѣка отъ тяжелыхъ страданiй, и рядомъ съ чувствомъ горечи невольно какъ-то вырывается и вздохъ облегченiя: страданiя окончены, и духъ его вознесся горѣ, гдѣ нѣсть болѣзни, печаль и воздыханiя... Судьба Григорiя Константиновича на всемъ протяженiи жизни не баловала его, а въ послѣднiя двадцать лѣтъ наполнила его существованiе, хотя и съ перерывами въ пользу облегченiя, тяжелыми муками, сковывавшими духъ и тѣло и тѣмъ сводившими его на положенiе живого мертвеца, какъ бы вынужденнаго вѣчно молить Бога о ниспосланiи ему послѣдняго часа и освобожденiя изъ невыразимо тяжелаго состоянiя.

Пишущiй эти строки на протяженiи многихъ лѣтъ стоялъ болѣе или менѣе въ близкихъ отношенiяхъ съ Григорiемъ Константиновичемъ, зналъ его, уважалъ и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля, какъ сотрудника и личнаго друга С. Н. Шубинскаго, а потому имѣетъ возможность на основанiи своихъ личныхъ наблюденiй повѣдать на страницахъ «Историческаго Вѣстника» нѣкоторыя не лишеныя интереса черты изъ жизни отошедшаго въ вѣчность писателя.

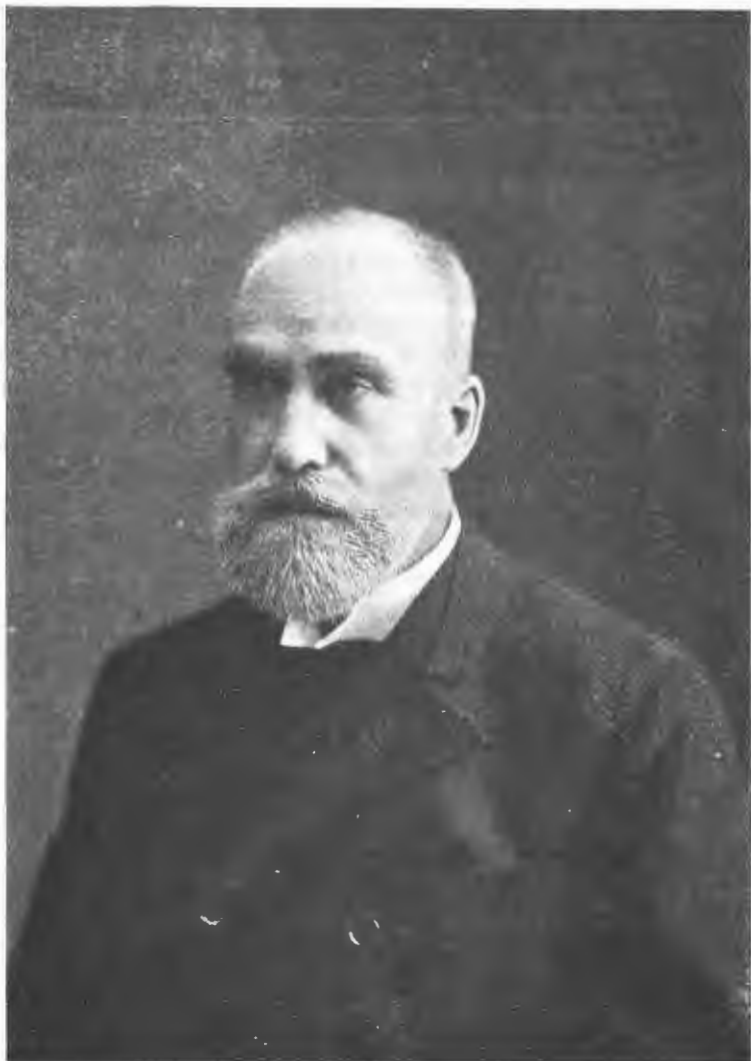
Григорій Константиновичъ родился въ 1842 году въ зажиточной дворянской военной средѣ, учился въ харьковскомъ университетѣ, но получилъ степень кандидата правъ отъ кievскаго университета, послѣ чего поступилъ въ канцелярію кievскаго генераль-губернатора Безака, при коемъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій. Эта служба дала ему возможность хорошо изучить строй нашихъ провинціальныхъ административныхъ учреждений, познать нужды провинціального общества и вообще на практикѣ войти въ соприкосновеніе съ реальными сторонами нашей отечественной только что пореформенной дѣйствительности. Изъ провинціи Градовскій въ 1869 году перекочевалъ въ нашу сѣверную столицу и былъ опредѣленъ юрисконсультомъ министерства юстиціи, а также служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, гдѣ явился однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ тогдашняго министра А. А. Зеленого, приверженца крестьянскаго и русскаго дѣла. Въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, когда вполнѣ опредѣлилась его литературная фізіономія, какъ вліятельнаго фельетониста «Голоса», писавшаго подъ псевдонимомъ «Гамма», онъ вынужденъ былъ бросить государственную службу, какъ несовмѣстимую съ амплу либеральнаго публициста, становившагося подчасъ вразрѣзъ съ административными вѣяніями и правительственными начинаніями. Съ этого момента связь Григорія Константиновича съ государственной службой совершенно прекращается, и онъ цѣликомъ отдаетъ себя общественному служенію, посвящая свои богатя и кипучія силы исключительно интересамъ журналистики и писательской среды, для которой является инициаторомъ и создателемъ нѣкоторыхъ живыхъ и плодотворныхъ начинаній, о чемъ будетъ рѣчь дальше.

Влеченіе къ писательству проявилось у Г. К. Градовскаго съ раннихъ лѣтъ, и еще студентомъ университета мы видимъ его сотрудникомъ «Кievскаго Телеграфа», затѣмъ, когда профессоръ В. Я. Шульгинъ сталъ издавать въ Кievѣ свою газету «Кievлянинъ», онъ принимаетъ въ ней дѣятельное участіе въ качествѣ переводчика и помощника редактора. Талантъ молодого писателя обратилъ на него вниманіе вліятельнаго тогда редактора «Московскихъ Вѣдомостей» М. Н. Каткова, предложившаго Градовскому постоянное сотрудничество въ своей газетѣ. Онъ напечаталъ здѣсь рядъ горячихъ статей—о необходимости судебной земской реформы въ Западномъ краѣ, о возможно большемъ обезпеченіи крестьянъ и друг.,—совпадавшихъ тогда съ литературнымъ либеральнымъ направленіемъ знаменитаго публициста Страстного бульвара. Въ 1872 году онъ принимаетъ участіе въ «Гражданинѣ» князя В. П. Мещерскаго, становится на недолгое время редакторомъ этого изданія, но черезъ годъ порываетъ связь съ сiятельнымъ публицистомъ, уступивъ свое мѣсто Ѳ. М. Достоевскому.

Вслѣдъ за симъ онъ окончательно отплываетъ отъ «праваго» литературнаго берега и оказывается на «лѣвомъ» берегу, гдѣ и приобретаетъ, какъ политическій публицистъ, громкую и шумную извѣстность, каковая получаетъ особенную популярность послѣ его знаменитаго фельетона, посвященнаго дѣлу Вѣры Засуличъ.

Вспоминая въ своей книгѣ «Итоги (1862—1907 гг.)» время своего литературнаго расцвѣта, Градовскій говоритъ: «Въ 1872 году я имѣлъ неосторожность соблазниться ролью редактора «Гражданина», но этотъ промахъ обошелся мнѣ крайне дорого и тяжело во многихъ отношеніяхъ, и черезъ годъ затѣя эта была брошена. Мое мѣсто занялъ Ѳ. М. Достоевскій, къ крайнему моему удивленію. Но и «Гражданинъ» 1872 года, несмотря на пресловутую «точку къ реформамъ» и извѣстныя чудачества издателя, не измѣнялъ общему либеральному направленію. Земское дѣло, новый судъ, народное образованіе, крестьянское дѣло находили въ немъ горячаго сторонника, а бюрократизмъ осмѣивался въ сатирическомъ очеркѣ «Одинъ изъ нашихъ Бисмарковъ». Нѣсколько мѣсяцевъ участія въ «Русскомъ Мирѣ» въ 1873 году при редакторѣ П. А. Висковатовѣ нисколько меня не стѣсняли, а когда газета перешла къ М. Г. Черняеву и въ ней сталъ подвизаться авторъ «Чѣмъ намъ быть» (генераль Фадѣевъ), я поспѣшилъ устраниваться. Въ это время главное руководство въ «Голосѣ» получилъ профессоръ В. А. Бильбасовъ. Онъ зналъ меня по «Кіевлянину» и пригласилъ къ участію въ «Голосѣ», главнымъ образомъ по внутреннимъ вопросамъ. Это было весной 1874 года. Лѣтомъ заболѣлъ фельетонистъ Ниль-Адмирари (Панютинъ). Бильбасовъ предложилъ мнѣ взять на себя и эту работу, измѣнивъ характеръ воскреснаго фельетона. вмѣсто увеселенія публики и праздно болтовни о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ, воскресный фельетонъ, по нашему соглашенію, долженъ былъ служить популярнымъ подспорьемъ общему направленію газеты и статьямъ по важнѣйшимъ вопросамъ общественной и политической жизни. Я попробовалъ, опытъ оказался удачнымъ, и съ 1-го января 1875 года я сталъ подписывать воскресные фельетоны псевдонимомъ Гамма. Участіе мое въ «Голосѣ» совпадаетъ съ развитіемъ и благосостояніемъ этой газеты. Въ 1876 году, 11-го іюля, я началъ издавать еженедѣльное «Русское Обозрѣніе», но во время приостановокъ моей газеты и послѣ ея запрещенія возобновлялъ работу въ «Голосѣ» и ѣздилъ отъ него корреспондентомъ на театръ войны 1877—1878 гг., сначала въ Малую Азію, а осенью и зимой въ Болгарію. Въ концѣ 1878 года, подъ давленіемъ цензуры, мнѣ пришлось разстаться съ «Голосомъ», сохраняя самыя лучшія отношенія съ А. А. Краевскимъ и В. А. Бильбасовымъ. Съ двухъ словъ я сговорился и началъ работать въ «Молвѣ» В. А. Полетики, на гораздо болѣе скромныхъ условіяхъ въ матеріальномъ отношеніи, но зато чрезвычайно

Григорій Константинович Градовскій

отраднихъ во всѣхъ остальныхъ. И тутъ не разъ проявлялись цензурныя давленія и угрозы, но В. А. Полетика съ привычнымъ ему истиннымъ джентльменствомъ всякій разъ отражалъ подобныя вмѣшательства.

«Молва» должна была прекратить свое существованіе 15-го марта 1881 года, когда исчезли и «благія вѣянія», совпавшія съ попытками графа М. Т. Лорисъ-Мелікова водворить у насъ евро-
«истор. вѣстн.», май 1915 г., т. сxl. 17

пейскіе порядки и хотъ сколько-нибудь закончить преобразованія шестидесятихъ годовъ, прерванныя злосчастной реакціей. Потомъ настала очередь сотрудничества въ «Порядкѣ», изданіи М. М. Стасюлевича; но эта газета просуществовала всего тринадцать съ половиной мѣсяцевъ; она прекратилась, не желая подчиниться натиску реакціоннаго произвола и беззастѣнливаго разрушенія всѣхъ пріобрѣтеній освободительной эпохи. Ну, а затѣмъ захлестнуло насъ мрачное прозябаніе, общественное омертвѣніе».

Свой переходъ изъ лагеря правыхъ въ лагерь лѣвыхъ покойный публицистъ объяснялъ сотруднику «Петроградскаго Курьера» (1915, № 490) г. Инк. Васильеву слѣдующимъ образомъ:

«Я ошибался, даже, можетъ быть, часто ошибался въ своей жизни, — сказалъ онъ мнѣ однажды, въ одной откровенной бесѣдѣ: — но я никогда не былъ предателемъ, никогда ни одной строкой не пользовался для какихъ-либо корыстныхъ цѣлей. Порвавъ съ консерваторами и перейдя къ либераламъ, я просто разочаровался въ правотѣ тѣхъ, съ которыми я работалъ въ началѣ своей журнальной дѣятельности. И это вполне понятно. Должно помнить, что еще на утрѣ дней моихъ я уже всосалъ въ себя консервативное міросозерцаніе. Подобно юному Бѣлинскому, исходя изъ благородныхъ порывовъ, я увлекался консервативной идеологіей и принималъ внѣшне-блестящую мишуру за настоящее золото, лживый и узкій націонализмъ за истинный патріотизмъ, прикрытое громкими и красивыми словами своекорыстное лицемѣріе за самую подлинную правду-истину... Къ тому же моя служба чиновника-администратора требовала отъ меня несовѣдыванія консервативнаго средо. Но жизнь, съ которой я все болѣе и болѣе знакомился, — и знакомился, главнымъ образомъ, все на той же службѣ, показала мнѣ во всей неприкрашенной наготѣ внутреннюю ничтожность и жестокую своекорыстность общественной группы, прикрывающейя русскимъ консервативнымъ знаменемъ. И я совершенно съ чистою и открытою душою отвернулся отъ того, чему по недоразумѣнію въ молодости поклонялся, и поклонился тому, что по своей недостаточной освѣдомленности считалъ прежде безчеловѣчнымъ увлеченіемъ западными теченіями, будто бы несвойственнымъ нашему національному духу и вредными для нашего государственнаго строительства. Я ушелъ въ станъ, правда, не погибающихъ, но, во всякомъ случаѣ, все же борющихся «за священное дѣло любви»...

«Въ «станъ погибающихъ», иными словами, въ лагерь нашихъ радикаловъ и лѣвбе,—продолжалъ Григорій Константиновичъ,—я не пошелъ не изъ страха передъ тяжкими жертвами, а по вполне искреннему и глубоко сознанныму убѣжденію въ необходимости и цѣлесообразности прямой, открытой, легально-оппозиціонной дѣятельности. И что я твердо шелъ по этому,—что ни говорите,—

весьма трудному, далеко не усыпанному розами пути,—свидѣтельствуешь вся моя общественная и публицистическая дѣятельность...»

Дѣйствительно, Градовскій въ своихъ писаніяхъ рисуется передъ нами, какъ представитель чистаго либерализма, какъ правовѣрный шестидесятникъ, твердо стоящій на политической плоскости эпохи великихъ реформъ, безъ всякаго уклона въ сторону социализма и политическаго радикализма. Таковымъ мы видимъ его въ періодъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, таковымъ же предсталъ онъ передъ нами въ 1907 году, послѣ своего прибытія въ Петроградъ, когда съ него спалъ тотъ тяжкій недугъ, который держалъ его десять лѣтъ въ своихъ цѣпкихъ когтяхъ. Но либерализмъ Градовскаго не былъ либерализмомъ спокойнымъ, академическимъ, научно-обоснованнымъ, а бурливымъ, кипищимъ, безпокойнымъ, каковымъ онъ и самъ былъ по своей природѣ и въ роли общественнаго дѣятеля, снискавшей ему среди близко знавшихъ его наименование «пенетоваго Григорія». Это пенетовство ставило его вполнѣ опредѣленно въ ряды рѣзкой оппозиціи, почему въ глазахъ администраціи долгое и долгое время за нимъ числилась репутація вреднаго и безпокойнаго человѣка, каковая, однако, при ближайшемъ знакомствѣ съ нимъ представитель этой администраціи оказывалась мало обоснованной. Этотъ клокочущій либерализмъ не вызывалъ къ себѣ сочувствія и довѣрія и того «стана погибающихъ», о которомъ упомянуто выше. Наша крайняя лѣвая печать сторонилась его; представители ея съ одной стороны, ставили ему въ минусъ бывшее участіе въ консервативныхъ органахъ, а съ другой, не видя въ его политическомъ неповѣданіи вѣры ближайшихъ точекъ опоры для своихъ революціонныхъ начинаній, полагали, что «мѣщанскій либерализмъ» умѣренно-прогрессивныхъ органовъ печати, каковымъ разсматривался «Голосъ», только тормозитъ осуществленіе въ Россіи тѣхъ социальныхъ утопій, которыми напоена была интеллигенція семидесятыхъ годовъ. Отсюда явное нерасположеніе къ Градовскому представителей крайней оппозиціи и распространеніе этого нерасположенія даже на всѣ проекты, которые выдвигались Григоріемъ Константиновичемъ какъ, напримѣръ, это имѣло мѣсто въ борьбѣ за созданіе по его мысли кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.

Экспансивность Градовскаго сыграла въ его литературной карьерѣ добрую роль: она пробуждала въ немъ ту отзывчивость на все окружающее, которая такъ насущно необходима каждому публицисту, и особенно работающему въ повседневной прессѣ, и которая превращаетъ его писанія въ своего рода Эолову арфу, отвѣчающую на всѣ окружающія переживанія. И надо отдать справедливость: публицистика Градовскаго въ этомъ отношеніи стояла на должной высотѣ, поскольку это зависѣло лично отъ него

и поскольку она не затемнялась, не коверкалась и не искажалась пресловутыми русскими «независящими обстоятельствами», а эти послѣднія преслѣдовали его всю жизнь, озлобляли его и порою ставили работника, жившаго исключительно повседневымъ заработкомъ, въ положеніе прямо-таки безвыходное и трагическое.

Очерчивая публицистическую дѣятельность Г. К. Градовскаго долго работавшій съ нимъ совмѣстно въ «Новостяхъ» А. Е. Кауфманъ въ «Петроградскомъ Курьерѣ» (№ 438) даетъ по предмету этой дѣятельности слѣдующія свѣдѣнія:

«Судьба сталкивала меня въ теченіе моей многолѣтней газетной дѣятельности со многими писателями и публицистами, но я не припомню ни одного, который отличался бы такою пылкою и кипучею натурою, такимъ страстнымъ и любовнымъ отношеніемъ къ своему дѣлу, какъ только что скончавшійся Гр. К. Градовскій. Все тѣ данныя, какія требуются для публицистической карьеры, природа отпустила Градовскому въ большой мѣрѣ, съ излишкомъ. У него былъ большой публицистическій темпераментъ, полемическая, вѣрнѣе, боевая жилка, сильный творческій умъ и умѣнье захватывать своего читателя.

«И при всемъ томъ издатели зѣло побаивались Градовскаго, пользовавшаго репутаціей неукротимаго либерала, опаснаго для газетъ, въ которыхъ онъ сотрудничалъ.

«Еще покойный издатель «Голоса», А. А. Краевскій, жаловался, что фельетоны популярнаго Гаммы не даютъ ему спокойно спать. Въ отдѣлѣ передовыхъ статей, гдѣ подвизались нерѣдко именитые бюрократы и даже министры, Валуевъ, Побѣдоносцевъ и друг., все обстояло благополучно, а въ нижнемъ этажѣ газеты Градовскій ратовалъ за реформы и свободы и потрясалъ порою основы.

«Много огорченій доставилъ Краевскому нашумѣвшій въ свое время фельетонъ Гаммы о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, стрѣлявшей въ генерала Третьякова за экзекуцію надъ «политическимъ» Боголюбовымъ, не снявшимъ шляпы передъ грознымъ градоначальникомъ.

«За этотъ фельетонъ получили предостереженіе не только «Голосъ», но и перепечатавшій его на своихъ столбцахъ «Новости» О. К. Нотовича.

«— Вамъ фельетонъ доставилъ сугубую популярность,—сказалъ Краевскій своему сотруднику:—а мнѣ—одно горе.

«Д. Д. Минаевъ вложилъ въ уста Краевскаго слѣдующее шутовское четверостишіе:

О, почто на горе я,
Не жалѣя гонарія,
Взялъ Градовскаго Григорія
Вмѣсто Нила Адмирарія.

«Ниль Адмирари-Панютинъ—предшественникъ Градовскаго въ фельетонномъ отдѣлѣ.

«Пробоваль Григорій Константинович издавать въ 1876—1877 годахъ собственную газету—«Русское Обзорѣніе», при ближайшемъ участіи М. Л. Песковскаго, и что же? Что ни номеръ—то предостереженіе, а послѣ троекратныхъ предостереженій—неизбѣжная пріостановка.

«Послѣ одиннадцати предостереженій и трехъ пріостановокъ «Русское Обзорѣніе» прекратило свое недолгое существованіе, принеся издателю одни убытки.

«Въ «Русскомъ Обзорѣніи» была помѣщена обратившая на себя вниманіе статья Градовскаго—«Духовная пища на генеральскомъ обѣдѣ». Дѣло происходило на обѣдѣ у виднаго генерала на кавказскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій, гдѣ Градовскій развивалъ свои свободололюбивыя идеи.

«Одно время Градовскій участвовалъ въ издававшихся В. А. Полетикой «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», представлявшихъ яркій политическій и общественный органъ, который отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ издающимися С. М. Пропперомъ «Биржевыми Вѣдомостями». Газета Полетки отличалась ярко либеральнымъ направленіемъ, но и въ ней Градовскій выдѣлился своимъ либерализмомъ. Тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, Абаза, пригласивъ къ себѣ Полетику, предложилъ ему «уволить» Градовскаго.

«— Приглашать и увольнять сотрудниковъ—мое личное дѣло!—рѣзко отвѣтилъ Полетика и отретировался.

«Абаза понялъ, что онъ хватилъ черезъ край, и на слѣдующій день явился къ Полетикѣ съ визитомъ.

«— А вотъ и «революціонеръ» Градовскій!—отрекомендовалъ Полетика Гр. К.—ча.

«Послѣ закрытія «Голоса» Градовскій, какъ онъ мнѣ потомъ говорилъ, остался безъ всякихъ средствъ. Семья его переѣхала въ Кіевъ, гдѣ жена его получила работу въ «Кіевлянинѣ». Редакторами «Кіевлянина» были сначала профессоръ Шульгинъ, а потомъ Нишио: оба они были женаты на свояченицахъ Градовскаго.

«Въ 1884 году Градовскій сталъ принимать участіе въ «Новостяхъ» О. К. Нотовича. О. К., немало страдавшій самъ отъ цензурнаго гнета, не побоялся, однако, пріютить у себя писателя съ такою опасною репутаціею. Газетѣ нуженъ былъ «внутренникъ», т. е. передовикъ по внутреннимъ вопросамъ, и лучшаго выбора Нотовичъ не могъ сдѣлать. Темы давалъ самъ О. К., при чемъ статьи до ихъ напечатанія фильтровались въ рукописи и въ нѣсколькихъ корректурахъ самимъ О. К. Нотовичемъ.

«Отправившись на покой, О. К. долго не засыпалъ, по его словамъ, опасаясь, что въ статьѣ Градовскаго все же останутся какіе-нибудь цензурные «жупелы». Но выходъ номера Нотовичъ неизмѣнно ждалъ «вызова» въ Театральную улицу.

«Недоразумѣнія съ Градовскимъ происходили и на другой почвѣ. У него былъ большой полемическій зудъ. Особенно враждовалъ Г. К. съ сотрудниками «Новаго Времени» и однажды вызвалъ даже на дуэль сотрудника этой газеты—Петербургца (Лялина). Разумѣется, во время полемическихъ схватокъ попутно доставалось и въ чемъ неповинному Нотовичу. Когда послѣдній сталъ вычеркивать полемическія «излишества», Градовскій изливалъ устно свою ненависть къ несимпатичной ему газетѣ. О. К. прибилъ тогда къ стѣнѣ редакціонной комнаты кружку съ надписью:

«За упоминаніе газеты «Новое Время» уплачивается штрафъ въ пользу тружениковъ печати». Но Градовскій всячески обходилъ запретъ, прибѣгая къ аллегоріямъ.

«Борьба на почвѣ цензуры совершенно измучила Градовскаго, и онъ одно время прервалъ свое участіе въ газетахъ.

«6-го іюня 1897 года Г. К. писалъ мнѣ:

«Нѣтъ расположенія писать... Все теперь пошло и подло, такъ мало предвидится хорошаго, что громить слѣдовало бы, а ремесленно писать, отбывать журнальную повинность—вы знаете—я не охотникъ. На томъ же основаніи я до сихъ поръ шедѣ не пристроился, несмотря на зазывы... Претить что-то!»...

«По приглашенію моему, Г. К. сталъ присылать мнѣ статьи и фельетоны въ редактировавшійся мною «Одесскій Листокъ». Но здѣсь обстояло дѣло еще хуже, чѣмъ въ Петроградѣ. Приходилось имѣть дѣло съ невѣжественными цензорами, которые вычеркивали даже переечатки изъ «Правительственнаго Вѣстника», о наблюденіяхъ астрономовъ и анализѣ молока, поелику сообщенія эти колеблютъ существующія понятія, или не пропускали рѣзкихъ отзывовъ рецензентовъ о «Гамлетѣ», ибо онъ датскій принцъ и датскій дворъ можетъ обидѣться.

«Когда я въ 1891 году обратился къ Градовскому съ просьбою прислать свой автографъ для сборника въ пользу голодающихъ, онъ предусмотрительно прислалъ мнѣ на выборъ нѣсколько замѣтокъ, опасаясь, что цензура похититъ нѣкоторыя изъ нихъ. И, разумѣется, не ошибся».

Страстность темперамента въ писаніяхъ Г. К. Градовскаго отчасти и хорошо знавшій его А. Измайловъ въ «Виричевыхъ Вѣдомостяхъ» (1915, № 14783), который, на основаніи личныхъ наблюденій и пользуясь книгой «Итоги», рисуетъ намъ слѣдующій портретъ сошедшаго въ вѣчность публициста на фонѣ отечественной дѣятельности въ разные періоды:

«Отмѣчая теченія нашей публицистической мысли, будущій историкъ русской общественности возьметъ болѣе талантливыя цитаты, болѣе красивыя слова у другихъ, не у Градовскаго. Но когда ему нужно будетъ начертать образъ типичнаго русскаго публициста семидесятыхъ восьмидесятыхъ годовъ, темпераментнаго,

неугомоннаго, перваго, загорающагося искреннимъ гнѣвомъ при видѣ всякой пошлости и нечисти, дерзновенно заявляющаго свое слово, какъ бы ему ни зажимали ротъ, рискующаго карами газетѣ, обысками у себя, арестами и Архангельской губерніей.—онъ возьметъ образъ Градовскаго и уважительно укажетъ на него будущимъ поколѣніямъ.

«Участь публициста и фельетониста подобна участи актера и не менѣе неблагодарна. Его знаютъ, любятъ, ищутъ, цитируютъ въ бесѣдахъ и перечитываютъ въ газетахъ, пока онъ на эстрадѣ, пока гудеть сегодняшний день. День прошелъ, схлынули его злобы, и вотъ уже забыть его трудъ, хотя бы онъ отдавалъ ему все золото своего вдохновенія, весь пылъ негодующаго сердца, весь задоръ гражданскаго чувства.

«Старыхъ газетъ не перечитываютъ, публицистическихъ статей не перенздаютъ. Да и кто бы сталъ теперь читать даже ту знаменитую статью по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, хотя бы въ свое время Градовскій писалъ ее въ настоящемъ вдохновеніи журналиста, кровью и нервами, а не перомъ и чернилами.

«Такъ случилось, что имя Градовскаго почти не значится въ библиотечныхъ каталогахъ. Онъ издалъ только двѣ свои пьесы да книгу «Итоги», гдѣ перепечаталъ кой-какія статьи о войнѣ 1877 года (онъ ѣздилъ туда въ качествѣ корреспондента), лучшіе фельетоны, въ родѣ того же нашумѣвшаго о Засуличъ, статьи по польскому и еврейскому вопросамъ, рассказъ о своихъ литературныхъ мытарствахъ, странички воспоминаній о встрѣчахъ съ Царемъ-Освободителемъ, Скобелевымъ, Достоевскимъ, обращеніе къ Побѣдоносцеву, и т. д. Здѣсь нѣтъ и десятой доли того, что онъ написалъ за свою жизнь. И добрая половина написаннаго имъ никогда не видѣла свѣта.

«Едва ли у цензуры времени его расцвѣта былъ болѣе злой врагъ, чѣмъ Градовскій, и обратно. Онъ буквально побивалъ всѣ рекорды въ цензурныхъ столкновеніяхъ и карахъ. Имя «Гамма», которымъ онъ подписывалъ свои статьи, пока ихъ можно было подписывать, было поистинѣ какимъ-то табу для учреждений, расположенныхъ въ Театральномъ переулкѣ. За собственное изданіе онъ получилъ одиннадцать предостереженій и три пріостановки. То, что не находило мѣста нигдѣ въ печати, шло въ его «Русскомъ Обзорѣннѣ». Такъ была напечатана знаменитая корреспонденція объ ужасахъ березовскихъ поселковъ, гдѣ гноили политическихъ ссыльныхъ, и Градовскій былъ правъ, когда говорилъ, что ему принадлежитъ честь пресѣченія этого зла.

«Покойный любилъ рассказывать трагическую исторію отнятія отъ него его газеты. На «Русское Обзорѣннѣ» была наложена печать полугодоваго молчанія. Мучительно выдерживалъ онъ испытаніе, подходило уже время возстановленія. Какъ разъ тогда, въ началѣ августа 1878 года, былъ убитъ шефъ жандармовъ Мезенцовъ. Пра-

вѣщія сферы охватила наника. Было рѣшено прежде всего «подтянуть печать».

«Русское Обозрѣніе» стояло, конечно, на первой очереди. Внезапно Градовскій получилъ приглашеніе явиться въ столь знакомое ему главное управленіе по дѣламъ печати къ тогдашнему начальнику Григорьеву.

«— Я обязанъ объявить вамъ Высочайшее повелѣніе,—оказалъ тотъ, показывая бумагу.—И онъ прочелъ ее.—Въ ней было написано, что по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повелѣно газету за крайне вредное направленіе прекратить навсегда.

«— Не угодно ли дать подписку,—сказалъ Григорьевъ:—что вы выслушали повелѣніе и не будете разглашать объ этомъ.

«Заготовленная заранѣе подписка заключалась въ обязательствѣ не печатать и не оглашать повелѣнія о запрещеніи. Градовскій молча исполнилъ все, далъ требуемую подписку.

«— Миѣ приказано,—сказалъ Григорьевъ,—еще предувѣдомить васъ, что въ случаѣ огласки, нарушенія подписки вы будете немедленно высланы въ Архангельскую губернію.

«При новыхъ временахъ и новыхъ людяхъ, на своемъ юбилей, Градовскій вспомнилъ эту трагическую страницу изъ своей жизни. Тогда только что прошли такъ называемые «дни свободы», и было чудовищно слышать объ этомъ случаѣ, который былъ, однако, фактомъ исторіи.

«Съ точки зрѣнія сегодняшняго реальнаго дня, въ жизни и дѣятельности Градовскаго, пожалуй, быть элементъ почти донъ-кихотства. Писать Побѣдоносцеву въ надеждѣ получить отъ него раскрѣпощеніе печати,—тому Побѣдоносцеву, который откровенно приравнивалъ печать къ коготкѣ,—подавать петиціи о пересмотрѣ законовъ о печати, звать правительство въ передовицахъ, лекціяхъ, рѣчахъ къ тому, чтобы оно перестало увлекаться виѣшней политикой и подумало о внутреннемъ обновленіи! И дѣлать это тогда, когда у просящихъ и требующихъ не было рѣшительно никакой почвы подъ ногами, когда самая мысль о возможности не революціи, а простой стачки,—заставила бы расхохотаться и Валуева, и Лорисъ-Меликова, и Игнатьева, и Сивягина! Но не будь этой идеалистической мечты у того времени, не будь Градовскаго и ему подобныхъ,—вся русская жизнь превратилась бы въ сплошное зловонное болото, въ ночь безъ всякаго просвѣта утра. Ужасна жизнь, если она кишитъ только Санхо-Пансами».

Мѣсто не позволяетъ миѣ ознакомить читателей съ образцами публицистическихъ писаній Градовскаго. Отмѣчу лишь, что, помимо талантливой разработки многочисленныхъ вопросовъ текущаго дня въ передовыхъ статьяхъ и во внутреннихъ обозрѣніяхъ, онъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ особенно много заставилъ о себѣ го-

ворить по поводу своих выступлений по вопросу о возстаніи въ Босніи и Герцеговинѣ, своими корреспонденціями съ азіатскаго и европейскаго театровъ войны въ періодъ нашей освободительной борьбы съ турками и въ особенности своимъ отчетомъ по извѣстному дѣлу Вѣры Засуличъ, судившейся по дѣлу о покушеніи на жизнь тогдашняго петербургскаго градоначальника О. О. Трепова. Въ категоріи первыхъ изъ перечисленныхъ работъ публицистъ «Голоса» держался той отрицательной позиціи, которую заняла газета Краевскаго въ его нападкахъ на то патріотическое славянолюбивое настроеніе, представленное здѣшнимъ славянскимъ благотворительнымъ обществомъ и его главнѣйшими дѣятелями. Въ особенности доставалось отъ Гаммы-Градовскаго бѣдному профессору О. О. Миллеру за его агитаціонныя рѣчи, въ которыхъ русское общество призывалось къ сочувствію возставшей «райѣ» противъ своего турецкаго сюзерена. Въ этихъ призывахъ западническая либеральная фракція нашей печати на этотъ разъ въ полномъ единомысліи съ административными сферами усматривала опасность общеевропейскаго и всероссійскаго военнаго пожара. Градовскій, какъ и другіе публицисты его лагеря, въ данномъ случаѣ не учелъ значенія общественаго и политическаго момента, что отразилось гибельно на «Голосѣ», сочувствіе къ которому въ русскомъ обществѣ значительно понизилось. Но зато съ началомъ русско-турецкой войны мы видимъ Градовскаго блестящимъ корреспондентомъ, превосходно отражающимъ въ своихъ статьяхъ все перипетіи освободительной войны и съ полнымъ сочувствіемъ и пониманіемъ значенія преживаемаго политическаго періода изъясняющимъ освободительный смыслъ этой войны. Изъ числа его корреспонденцій особенно выдѣлилась статья, написанная послѣ заключенія Санъ-Стефанскаго договора, подъ заглавіемъ: «Итоги войны», пропитанная всеми тѣми идеями, которыя всегда просвѣчивали во всехъ работахъ Г. К. Градовскаго и которыя въ конечномъ своемъ результатѣ сводились къ требованію внутреннихъ реформъ для нашего отечества въ духѣ освободительныхъ тенденцій эпохи великихъ реформъ. Такъ, подвергнувши сильной критикѣ существующій строй и нарисовавъ сочною кистью генезисъ нашихъ неудачъ и ошибокъ во время войны, онъ въ заключеніи говоритъ: «Къ чему же мы, наконецъ, пришли въ эти два съ половиною года, послѣ дѣлаго ряда тяжелыхъ жертвъ, страданій и героическихъ подвиговъ: лучше ли мы теперь стали? Добились ли мы того счастья, которое, казалось бы, заслужили? Прояснилась ли погода? Печезли ли тучи съ нашего неба? Отвѣтъ, повидимому, нетруденъ. Мы пришли къ той дорогѣ, съ которой все добрые и лучшіе люди, все вѣряющіе въ будущее родины совѣтуютъ никогда не сворачивать. Этотъ путь—внутреннее наше развитіе, честное и безбоязненное сознаніе своихъ ошибокъ и недостатковъ, искреннее стремленіе къ ихъ устраненію не какими-

нибудъ небывалыми, никѣмъ еще ясно не выраженными способами и «повыми словами», а тѣми, которые свойственны всему образованному человѣчеству. Къ этому человѣчеству мы захотѣли принадлежать съ великой эпохи Петра I; эта испытанная дорога никогда не обманывала насъ и вполнѣдствѣн всякій разъ, когда мы къ ней возвращались послѣ безплодныхъ шатаній изъ стороны въ сторону. Она возвеличила насъ при Екатеринѣ, она сослужила свою службу при Александрѣ Благословенномъ, она не измѣняла намъ и при царѣ-Освободителѣ. Съ нею, дѣйствительно, не страшны намъ ни англичане, ни австрійцы, ни кто другой. На ней мы непремѣнно удержимъ добрыя послѣдствія только что оконченной войны и получимъ твердое ручательство въ довершеніи того, чего эта война не могла намъ дать».

Статья Г. К. Градовскаго «Итоги войны» настолько дышитъ свѣжестью, полна неоспоримыхъ положеній, что она до извѣстной степени еще недавно могла быть разсматриваема (отчасти можетъ быть разсматриваема и понынѣ), какъ статья злободневная. По крайней мѣрѣ, когда Градовскому по случаю его исцѣленія отъ тяжкаго недуга, въ связи съ исполненнымъ сорокапятилѣтіемъ его литературной дѣятельности, былъ данъ обѣдъ въ ресторанѣ «Вѣна», и тамъ на обѣдѣ военный писатель В. А. Апушкинъ въ своей рѣчи почти цѣликомъ наизусть процитировалъ эту статью, то всѣ мы, присутствовавшіе, были поражены, такъ сказать, злободневностью того, что слышали изъ устъ оратора. То, что когда-то Г. К. Градовскій говорилъ по поводу русско-турецкой войны, намъ вѣдми созналось, какъ своевременное заключеніе по поводу неудачъ нашей злосчастной Японоской войны.

Въ свое время въ статьяхъ, посвященныхъ обзору русскихъ революціонныхъ движеній, когда шла рѣчь о дѣлѣ Вѣры Засуличъ, я отмѣтилъ значеніе фельетона Г. К. Градовскаго по поводу ея процесса и привелъ данныя, свидѣтельствующія объ активной его роли въ увозѣ ея на конспиративную квартиру отъ преслѣдованій оправданной подсудимой со стороны властей, желавшихъ ея вторичнаго задержанія. Повторять сказаннаго не буду и тѣмъ болѣе, что сейчасъ объ этомъ неудобно говорить. Не буду касаться и трагической судьбы его газеты «Русское Обозрѣніе»; вскользь объ этомъ упомянуто выше въ выдержкахъ изъ воспоминаній А. Е. Кауфмана, а болѣе подробно объ этомъ повѣдалъ самъ Г. К. Градовскій въ своихъ «Итогахъ» въ главѣ «Исторія «Русскаго Обозрѣнія». Эта написанная имъ исторія можетъ по всей справедливости считаться «блестящей страницей» въ общемъ мартирологѣ русской печати...

Восьмидесятые годы Г. К. Градовскій цѣликомъ отдастъ работѣ въ «Новостяхъ», и именно къ этому времени относятся его слова, приведенныя нами выше, о «мрачномъ прозябаніи» и «общественномъ омертвѣніи». Какъ тяжело въ качествѣ передового публици-

циста онъ чувствовалъ себя въ газетѣ Нотовича, сообщаетъ намъ между прочимъ и г. Номо Novus въ «Русскомъ Словѣ» (1915, № 87).

«Градовскій, какъ настоящій публицистъ, писалъ обо всемъ, но это «все», по условіямъ времени, всегда сводилось, съ одной стороны, къ защитѣ «эпохи великихъ реформъ», а съ другой—къ робкому, однако настойчивому указанію на необходимость «увѣнчанія зданія». Всѣ дороги вели въ Римъ. Или проводилась мысль о благодѣтельности суда присяжныхъ или о спасительности общественнаго самоуправленія, или о сложномъ сотрудничествѣ правительства и общества. Иногда для разнообразія—о положеніи женщины. Преимущество Градовскаго и въ то же время его «нецензурность» заключались въ томъ, что онъ, болѣе или менѣе, называлъ вещи своими именами. Онъ не умѣлъ писать аллегорически и туманно. Идетъ, моль, весна, и выставляется первая рама, и вы уже извольте догадываться, какая такая весна и что за рама. Осеннихъ скрипокъ, весеннихъ флейтъ и зимнихъ контрабасовъ онъ не зналъ. «Игра ума» была чужда его дарованію. Онъ былъ всегда немного элементаренъ, но именно въ этой открытой убѣжденности и заключалась огромная заслуга Градовскаго. Эти элементарныя истины, во-первыхъ, было крайне необходимо распространять и вѣдрять въ общественное сознаніе, а, во-вторыхъ, элементарная простота его политическихъ и общественныхъ домогательствъ составляла главное бремя его заслугъ. Онъ казался страшнымъ, почти карбонаріемъ. Одно время ему было запрещено писать, и онъ писалъ подъ строжайшимъ секретомъ. Потомъ секретъ былъ разоблаченъ, Нотовичъ былъ вызванъ въ главное управленіе по дѣламъ печати (тогда это просто дѣлалось), и В. С. Адикаевскій конфиденціально, а Оеоктистовъ вполне официально требовали устраненія «карбонарія». Тогда карбонарій умолкалъ совершенно. Въ одинъ изъ такихъ періодовъ вынужденнаго молчанія я посѣтилъ его, не помню, по какому дѣлу,—въ его квартирѣ, гдѣ онъ прожилъ очень долгіе годы, на Бассейной. Онъ былъ удивительно трогателемъ въ своихъ тѣсныхъ комнаткахъ, заваленныхъ багетами и книгами, со своимъ необычайно упрямымъ и гордымъ видомъ, со своею настойчивостью почти сектанта и фанатика, когда говорилъ о положеніи печати. Тутъ былъ міръ его—міръ служенія и великаго пострита. И въ чемъ было его сектантство, въ чемъ фанатизмъ? Въ томъ, что «тамъ, гдѣ строятъ дороги желѣзныя, пароходство растетъ каждый часъ», необходимъ судъ присяжныхъ и что городское положеніе отнюдь нельзя перестранвать назадъ и что въ концѣ концовъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ осуществится сотрудничество общества съ правительствомъ. И, зная Градовскаго съ четверть вѣка, если не больше, я не зналъ ни его вкусовъ, ни художественныхъ наклонностей, а зналъ только, что, конечно, судъ присяжныхъ необходимъ, что городское

положеніе священно и что будущее принадлежит земскому самоуправленію. «Да вы напишите это какъ-нибудь обняками!— говорилъ ему редакторъ.—Развѣ это такъ трудно? Вотъ, возьмитѣ примѣръ съ Михневича, у него это очень хорошо выходитъ: поѣхалъ на взморье, свѣтло погружало лучи свои въ вздымающіяся волны, а потомъ, въ заключеніе, въ высшей степени либеральная мысль»... Но Градовскій ни за что не унизился до обняковъ. Уже на положеніи опаснаго «карбонарія», послѣ вынужденнаго долговременнаго молчанія, ему вдругъ улыбнулась судьба: Вольфъ задумалъ издавать газету «Лучъ» и поручилъ редакцію Градовскому. Онъ помолодѣлъ сразу лѣтъ на пятнадцать. Помню, какъ сейчасъ, эту газету, на сѣровато-желтой бумагѣ. Въ первомъ номерѣ доказывалась необходимость суда присяжныхъ,—предостереженіе; во второмъ подтверждались священныя основы городского самоуправления,—второе предостереженіе. Тогда, съ отчаяніемъ въ душѣ, Градовскій написалъ о свободѣ печати, какъ фундаментѣ общественнаго прогресса, и, конечно, получилъ третье предостереженіе. Вечеромъ я его встрѣтилъ въ клубѣ. Онъ негодовалъ. Это понятно. Но самое любопытное было то, что онъ наивно не понималъ, какъ все это могло случиться. Въ его упорствѣ было что-то дѣтское, довѣрчиво-простое и душевное, трогательное. Такъ же упорно, наивно, простодушно и довѣрчиво онъ хлопоталъ надъ кассою взаимопомощи. Какъ надъ кассою этою въ самомъ началѣ смѣялись и издѣвались! Но онъ шелъ, какъ всегда, прямо, не оглядываясь по сторонамъ, и ловилъ новыхъ членовъ, и вербовалъ ихъ. Онъ не изобрѣталъ мыслей и не бросалъ крылатыхъ словъ, но былъ фундаментальнымъ воплощеніемъ истинъ, не допускающихъ сомнѣній, петнѣ, безспорныхъ, какъ солнце. И съ этою фундаментальностью и вѣрою онъ простоялъ всю жизнь на часахъ, какъ вѣрный солдатъ».

Такимъ же будителемъ русской общественности въ направленіи необходимости завоеванія разныхъ свободъ и въ особенности свободы слова обрисовалъ его въ пламенной рѣчи извѣстный въ свое время и нынѣ замолкшій писатель-публицистъ Д. А. Миневъ-Далнѣцъ на упомянутомъ выше юбилейномъ банкетѣ, особенно обныхъ начинаній «Русскаго Обозрѣнія».

стоятельно отмѣтившій значеніе въ дѣлѣ нашихъ освободитель- Потеривъ неудачу съ «Лучемъ», разставшись съ «Новостями», въ девяностыхъ годахъ мы видимъ Г. К. Градовскаго сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» С. М. Проппера, но и здѣсь въ связи съ тогдашними неблагоприятными для печати теченіями онъ не находитъ себѣ удовлетворенія, и единственный кругъ статей, которыя снова обращаютъ на него вниманіе сферъ общественныхъ и правительственныхъ, это статьи о золотой валютѣ, въ тѣ дни осуществляемой у насъ С. Ю. Витте. Г. К. Градовскій умѣлъ

настолько понятно и убедительно осветить значение вводимого тогда золотого обращения, что Витте был не прочь даже предоставить нашему писателю видный постъ въ своемъ министерствѣ, но такое назначеніе по неизвѣстной днѣ причинѣ не состоялось, — кажется, по нежеланію самого Градовскаго промѣнять свободолюбивое перо на стѣпенительный казенный вице-мундиръ.

Если конецъ восьмидесятыхъ и первая половина девяностыхъ годовъ не даютъ особенно богатаго и колоритнаго матеріала для повѣствованія о Г. К. Градовскомъ, какъ о публицистѣ, заявляющемъ себя чѣмъ-нибудь крупнымъ и оригинальнымъ, то именно въ этотъ періодъ времени онъ выдѣляется особенно ярко, какъ практической дѣятель, воодушевленный стремленіемъ пробудить писательскую самостоятельность въ направленіи матеріальной взаимопомощи. Онъ вырабатываетъ уставъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, несмотря на чинимыя ему оппозиціею препятствія со стороны вліятельныхъ въ писательской средѣ либеральныхъ и радикальныхъ представителей нашей литературы, однако осуществляетъ и создаетъ изъ этой кассы нечто дѣйствительно въ высшей степени полезное и благотѣльное для членовъ, въ нее вступившихъ. Оппозиція Градовскому при основаніи имъ кассы взаимопомощи писателей можетъ считаться печальной страницей въ нашей писательской средѣ, ибо въ данномъ случаѣ люди, руководяея исключительно личнымъ несочувствіемъ къ Г. К. Градовскому и его политическому *profession de foi*, проваливали то дѣло, которое содержало въ себѣ благотѣльное начало для немущей писательской среды.

Я хорошо помню, какъ въ 1889 году вліятельные вершители судебъ литературнаго фонда, гдѣ сосредоточился тогда цвѣтъ нашего писательскаго либерализма и радикализма, успѣшно записывали насъ, только что вступившихъ тогда на тернистый путь писательства, въ члены фонда и давали намъ директиву на его общихъ собраніяхъ ротировать противъ «Гришки» (т.-е. Григорія Градовскаго) и его проекта кассы. Въ результатѣ, однако, благодаря авторитетности К. К. Арсѣева и Н. С. Таганцева, Г. К. Градовскій восторжествовалъ надъ своими противниками, и касса осуществилась. Касса была основана, Градовскій былъ избранъ первымъ ея председателемъ, и въ скоромъ времени она дала тотъ пышный расцвѣтъ, который вполне оправдалъ возложенныя на нея надежды ея инициатора. Въ теченіе почти семи лѣтъ Г. К. Градовскій не жалѣлъ своего труда на дѣло упроченія созданнаго имъ учрежденія, и дѣйствительно сумѣлъ его поставить на прочное основаніе. Эти его заслуги передъ кассой были, между прочимъ, отмѣчены и въ томъ адресѣ, который былъ поднесенъ Г. К. Градовскому его товарищами и сподвижниками по кассѣ на его юбилейномъ обѣдѣ, каковой адресъ и приводимъ здѣсь полностью:

Дорогой и глубокоуважаемый

Григорій Константиновичъ

«Товарищи и сочлены ваши по кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ вдвойнѣ счастливы привѣтствовать сегодня возвращеніе въ Петербургъ основателя кассы и ея перваго предѣдателя и въ то же время лично принести свои поздравленія съ исполненнымъ сорокалѣтнѣтнѣмъ вашего талантливаго и беззаветнаго общественнаго служенія на босвыхъ постахъ родной печати. Наша касса, за осуществленіе которой вамъ пришлось вести борьбу въ продолженіе ряда лѣтъ, остается и до сихъ поръ въ писательской средѣ единственнымъ учрежденіемъ на началахъ не филантропіи, а взаимопомощи. Быстрый ростъ кассы, насчитывающей уже до восьмисотъ членовъ, при четырехъ филиальныхъ отдѣленіяхъ въ провинціи, доказываетъ наглядно жизнѣнность и плодотворность этихъ началъ. Но многіе изъ насъ живо помнятъ, сколько упорной энергіи, вѣры въ дѣло и систематическаго самоотверженнаго труда потребовалось для того, чтобы воплотить въ жизнь новую идею. Вы, Григорій Константиновичъ, не жалѣли своего труда и съ рѣдкимъ искусствомъ, тактомъ и заботливостью обставили и проводили молодое учрежденіе по этимъ труднымъ и опаснымъ первымъ этапамъ.

«Однако, какъ ни велики для насъ заслуги основателя кассы, въ нашей жизни, посвященной всецѣло страстной и отвѣтственной работѣ прогрессивнаго публициста, онѣ обнимаютъ сравнительно небольшой періодъ. Въ самомъ дѣлѣ, сорокъ пять лѣтъ, едва не полвѣка, борьбы съ перомъ въ рукѣ—вѣдь это почти вся жизнь. Здѣсь не мѣсто для подробнаго обзоренія громадной работы публициста, выполненной вами со всею разносторонностью и глубиной, присущими самой жизни, всегда въ защиту передовыхъ гуманныхъ идей, въ непрестанной борьбѣ за свободу устнаго и печатнаго слова. Но есть дѣло общее и основное, что красной нитью проходитъ черезъ всю вашу дѣятельность, что составляетъ, такъ сказать, душу ея, проявляющуюся неизмѣнно въ крупномъ и маломъ: это природный вамъ, рѣдкій по цѣльности и яркости выраженія темпераментъ общественнаго дѣятеля и борца; это тотъ рѣдкій даръ, которому присущи и не изсякающее горѣніе мысли, и естественная, никогда не измѣняющаяся чуткость публицистическаго таланта.

«Многіе изъ сочленовъ вашихъ по кассѣ черезчуръ молоды, чтобы помнить теперь уже далекую карьеру Гаммы, блестящаго фельетониста «Голоса», или корреспонденціи съ театра русско-турецкой войны и рядъ яркихъ статей, посвященныхъ войнѣ, и недолгое боевое существованіе вашей собственной газеты «Русское Обзореніе», прекращенной по Высочайшему повелѣнію, и пронесшіяся по всей Россіи огневая строка по поводу оправданія Вѣры Засуличъ, и благородную защиту національныхъ интересовъ всѣхъ сыновъ многоязычной Россіи, и еще многое, что здѣсь невозможно перечислить. Но не всѣ мы молоды,—въ нашей средѣ еще немало и тѣхъ, для кого ваше имя тѣсно связано съ славной эпохой великихъ реформъ и съ смѣлѣвшимъ ее двадцатилѣтнѣмъ мертвящей реакціи, когда вашимъ страстнымъ и образнымъ перомъ водила горячая вѣра въ побѣду правовыхъ началъ и непримиримая ненависть къ насилию и мраку.

«Григорій Константиновичъ Мы радостно привѣтствуемъ ваше возвращеніе къ прежней любимой дѣятельности, и мы хотимъ надѣяться, что и въ жизни всѣмъ намъ дорогой кассы намъ суждено пережить вмѣ-

ствъ съ вами тотъ расцвѣтъ дѣятельной самопомощи, въ которомъ вы всегда видѣли и проповѣдывали единственный путь матеріальной и нравственной независимости, достойный работниковъ мысли.

(Слѣдуютъ многочисленныя подписи).

Въ девяностыхъ годахъ мы видимъ Г. К. Градовскаго сильно агитирующимъ въ писательскихъ кругахъ о подачѣ прошенія на Высочайшее имя относительно пересмотра законовъ о печати. Такое прошеніе было дѣйствительно составлено Н. К. Михайловскимъ, а объяснительную къ нему записку написалъ Г. К. Градовскій. Прошеніе съ запиской были, несмотря на все создавшіяся по пути подачи затрудненія, переданы по назначенію, но благопріятнаго отвѣта на него не послѣдовало, и прошеніе было «оставлено безъ всякаго уваженія». Нашъ выскіи публицистъ не ограничился этой агитаціей и въ 1896 году по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія государственной и научно-публицистической дѣятельности К. Н. Побѣдоносцева адресовалъ ему письмо относительно необходимости облегченія тогдашнихъ условій печати, гдѣ, между прочимъ, говорилъ:

«Константинъ Петровичъ, ознаменуйте юбилейный годъ свой великой услугой Россіи, услугой той самой печати, къ которой вы такъ отрицательно относитесь, но съ которой вы все же связаны своими публицистическими трудами. Отъ васъ зависитъ сказать свое авторитетное слово государю и облегчить попетинѣ тягостное и вредное для государства положеніе печати. Не государю, не Россіи можетъ быть опасно печатное слово, подчиненное закону и праведному суду. На васъ общественный говоръ возлагаетъ отвѣтственность за неудачный исходъ принятаго государемъ ходатайства русскихъ писателей. Вамъ, ученому и писателю, приписываются въ обществѣ все невзгоды, постигающія русскую печать. Достойно ли это васъ? «Любые уличные проходимцы» умѣли прилаживаться и сумѣють приспособиться къ самымъ унижительнымъ условіямъ печатнаго слова, но мы, писатели, задыхаемся... Христа ради, простите. «аще злѣ глаголахъ»; но если въ моихъ доводахъ заключается хотя крупинка добра, то извлеките ее и не пренебрегите ею».

Конечно, это письмо, какъ и упомянутое выше прошеніе писателей, осталось безъ всякаго отвѣта, и только девять лѣтъ спустя свобода, возвѣщенная актомъ 17-го октября 1905 года, хоть до нѣкоторой степени приблизила насъ въ принципѣ къ тѣмъ идеаламъ, которые всю жизнь дѣлѣялъ Градовскій и въ идейномъ осуществленіи которыхъ была нѣкоторая доля и его труда. Эту долю труда картинно описываетъ г. Номо Novus все въ той же статьѣ изъ «Русскаго Слова», когда вспоминаетъ данный Г. К. Градовскому юбилейный обѣдъ по случаю его выздоровленія. Публицистъ московской газеты Сытина говорить:

«Онъ прїѣхалъ выздоровѣвшій въ Петроградъ, и тогда былъ отпразднованъ его юбилей. Собралось много представителей печати и литературы, однако меньше того, что можно было ожидать. Звучали въ то время не только весеннія флейты, но и весенніе, можно сказать, тромбоны. То, что ежедневно самымъ невозбраннѣмъ образомъ печаталось въ газетахъ, было такъ стремительно и ярко, что статьи бывшаго «карбонарія», о которыхъ вспоминали, казались произведеніями индивидуальной публицистики, отрывками изъ сентиментальнаго Карамзина и добро-сердечнаго Жуковскаго. Градовскій сидѣлъ, растроганнѣй и взволнованный, на почетномъ мѣстѣ, и большіе навѣкатъ глаза его были такіе же наивные и дѣтски-престодушные, какъ и встарь. Для многихъ, для всего молодого литературнаго поколѣнія Градовскій былъ даже незнакомъ. Слышать — слышали, а вѣдать — не вѣдали. И вообще, все такъ измѣнилось. Кто онъ, этотъ Градовскій? Эсъ-декъ или эсъ-эръ, или трудовикъ, или, можетъ быть, кадетъ? Несмотря на воскуриваніе юбилейныхъ оміаюмовъ, чувствовалась глубокая отчужденность между этими новыми людьми, которыхъ родила революціонная буря, и высокимъ старцемъ съ упрямою челостью неуклоннаго борца. Но старецъ этого не понималъ. Горѣли глаза его, и неизъяснимое чувство гордости читалось въ его чертахъ. Онъ сказалъ въ отвѣтъ очень мало, и я даже не помню, что именно. Но долженъ былъ онъ сказать современности, которая такъ скоро все забываетъ, ничему толкомъ не научившись, что онъ, не кто другой, былъ тотъ Градовскій, что въ темную до-историческую ночь, преодолевая неслыханныя затрудненія, пробиваясь сквозь нетронутую чащу, шелъ долго, мучительно долго за похитителями огня и настигъ ихъ и, отобравъ у нихъ глиняную невзрачную клѣтку съ маленькимъ язычкомъ пламени, благополучно принесть ее домой, сдать на руки новымъ поколѣніямъ...»

Въ этихъ словахъ очень мѣтко описано положеніе дѣлъ. Я, который организовалъ по порученію правленія кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ торжественную встрѣчу «воскресшаго изъ мертвыхъ» Г. К. Градовскаго, прекрасно помню во всѣхъ деталяхъ психологическую, такъ сказать, атмосферу этой встрѣчи и видѣлъ воочию, какъ коротка память у русскаго людей. «Градовскій — въ чемъ его заслуги?» «Градовскій — развѣ онъ еще живъ?» «Гдѣ и что онъ писалъ?» И тутъ же путали имя извѣстнаго въ свое время профессора А. Д. Градовскаго съ именемъ публициста Г. К. Градовскаго. Но когда эти не вѣдающіе пресмѣства поколѣній услышали изъ рѣчей ораторовъ, кто такой Градовскій былъ въ печати и какова была его роль въ писательской средѣ, они тутъ же на обѣдѣ преисполнились сознаниемъ и признаніемъ заслугъ Г. К. въ области буженія русскаго общества въ мрачные періоды его застоя и прозябанія.

Основатель кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ, инициаторъ писемъ на высочайшее имя и К. П. Побѣдоносцеву, Градовскій незадолго до своего тяжкаго заболѣванія усиленно посплелъ съ мыслию о литературной артельной газетѣ, въ которой писатели были бы на равныхъ правахъ наймиками, вкладчиками трудомъ и не находились бы въ зависимости отъ капризовъ и вельній того или иного издателя-антрепренера. По этому вопросу Градовскій велъ настоятельные переговоры съ разными писателями, въ которыхъ и пишущему настоящія строки пришлось принять дѣятельное участіе. Составленъ былъ опредѣленный редакціонный кругъ, гдѣ официальнымъ редакторомъ de jure намѣченъ былъ маститый П. Д. Боборыкинъ, а сотрудниками наиболѣе ответственными должны были явиться М. Л. Песковскій, Р. И. Сементковскій, И. Ф. Василевскій (Буква), Д. А. Линевъ-Далнъ и мн. др. На меня была возложена хозяйственная и административная часть изданія, и я же былъ командированъ въ Москву для переговоровъ съ опредѣленнымъ кругомъ капиталистовъ относительно финансированія предпріятія, согласно адресамъ и указаніямъ, даннымъ М. Л. Песковскимъ. Но мои переговоры въ Москвѣ не привели къ желательнымъ результатамъ, да, въ сущности, въ нихъ уже не встрѣтилось надобности, такъ какъ именно къ этому времени Г. К. Градовскаго постигла тяжкая болѣзнь, почти на десять лѣтъ выведшая его изъ писательскаго строя. Вообще, я думаю, если бы даже не разразилась надъ собравшимся кружкомъ катастрофа въ видѣ болѣзни Градовскаго, все равно этому дѣлу не суждено было стать прочнымъ. «Непестовый Григорій» не удержался бы въ своей оппозиціонной необузданности, и преждевременная гибель новаго органа «украшила» бы еще однимъ номеромъ историческій синодикъ нашей печати.

Замышляя свою газету, Г. К. Градовскій одновременно съ симъ совершенно неожиданно для многихъ знавшихъ его вдругъ выступилъ въ амплу драматурга и ему удалось даже провести на сценѣ Малаго театра свою пьесу «Во имя любви», пьесу не столько выдающуюся своей сценичностью и сюжетомъ, сколько соприкасающуюся съ тѣмъ кругомъ передовыхъ идей, коимъ онъ всегда служилъ. Постановка пьесы на сценѣ, очевидно, была тою каплею, которая переполнила чашу, выходящую въ немъ и до того нервность. Организмъ его сразу сдалъ, и тяжкое психическое заболѣваніе придавило его долу. Доктора мало подавали надежды на возможность выздоровленія, и до насъ, знавшихъ и любившихъ его, въ теченіе многихъ лѣтъ доходили изъ Кіева неутѣшительныя свѣдѣнія о состояніи здоровья нашего милаго больного. Но тѣмъ не менѣе какая-то смутная надежда на то, что Градовскій такъ или иначе не совѣтъ для насъ утратить, у многихъ сохранялась, и тутъ мнѣ приходится разсказать почти что анекдотъ, случившійся со мною. Когда исполнилось

пятнадцатилѣтіе кассы взаимопомощи писателей, гдѣ я въ то время секретарствовалъ, мнѣ пришлось выступить на юбилейномъ общемъ собраніи съ рѣчью въ честь Г. К. Градовскаго и здѣсь я коснулся его біографіи и обрисовалъ его значеніе въ исторіи нашей повседневной печати. Моя рѣчь была отмѣчена въ газетахъ, которыя главнымъ образомъ привели біографическія данныя, сообщенныя мною. Каково же было мое удивленіе, когда нѣсколько времени спустя, С. Н. Шубинскій передалъ мнѣ мелко писанный карандашомъ листокъ бумаги, гдѣ почеркомъ Градовскаго было написано: «Поправки къ моему некрологу, прочитанному г. Глинскимъ на общемъ собраніи кассы». Это обстоятельство показало, что Г. К. Градовскій не совсѣмъ-то безнадеженъ и продолжаетъ внимательно слѣдить за явленіями нашей общественной жизни, что даетъ надежду на благоприятный выходъ его изъ тяжкаго положенія. И дѣйствительно, бурный 1905 годъ, всколыхнувшій всю отечественную дѣятельность, произвелъ, видимо, определенное и при томъ благоприятное сотрясеніе въ психикѣ и физическомъ организмѣ Григорія Константиновича. Туманъ, окутывавшій періодически его мозгъ, спалъ, духъ изъ состоянія подавленности воспрялъ, и векоръ мы на берегахъ Невы увидали среди насъ вопетницу воскресаго «старога либерала». Какъ боевой конь, слышавшій призывной трубный гласъ, Григорій Константиновичъ ринулся въ водоворотъ нашей общественности и вновь обрисовался передъ нами тѣмъ страстнымъ и кипучимъ борцомъ за писательскую самодѣятельность, каковымъ мы знали его десять лѣтъ назадъ. Онъ точно навертываетъ утерянное въ бездѣйствіи время и, какъ нѣкогда прежде, широко развертываетъ свои организаторскія способности, явившеся инициаторомъ двухъ постѣдовательныхъ писательскихъ съѣздовъ, изъ коихъ особенно второй ему пришлось цѣлкомъ вынести на своихъ плечахъ и мужественно отразить ту партійную рознь, которая, увы! всегда сопутствуетъ нашимъ писательскимъ начинаніямъ и губить ихъ.

Напряженная дѣятельность въ періодъ по возвращеніи изъ Кіева отразилась, однако, вредно на здоровьи Г. К. Градовскаго и въ связи съ нѣкоторыми неблагоприятными обстоятельствами личной жизни снова привудила его выбыть изъ нашихъ рядовъ и стать въ разрядъ инвалидов. Последніе два года были невеселыми страницами его жизни, тяжкими для него лично, а еще болѣе для окружающихъ. Смерть разрѣшила его страданія, и вѣчный покой на Литераторскихъ мосткахъ Волкова кладбища возлѣ могилы Скабичевскаго, Анисенкаго, Якубовича-Мельнича заключилъ собою его многотрудную жизнь.

Б. Глинскій.

М Ц Е Н С К Ъ.

I.

Видъ города.

ОБЪЗДЪ вынырнулъ изъ выемки и пробѣжалъ по мосту черезъ рѣку Зушу. Налѣво, впереди, виденъ красивый городокъ, утопающій въ садахъ, и среди зелени рѣзко бѣлѣютъ его одиннадцать храмовъ. Направо виденъ повышенный берегъ рѣки—онъ весь зеленый, съ своими церковками и уютными дачками, слегка окутанный дымкомъ, далеко уходитъ на западь. У семафора рѣзкій свистокъ быстро мчавшагося дотолѣ паровоза. Налѣво у желѣзнодорожнаго полотна—большое зданіе элеватора, построенное въ памятный голодный (1891) годъ на средства комитета Наслѣдника, а за элеваторомъ—товарный пакгаузъ и пассажирская платформа приличнаго двухъэтажнаго каменнаго вокзала.

Мценскъ...

Поѣздъ бѣжитъ далѣе. Съ высокой желѣзнодорожной насыпи отлично виденъ весь городъ. Внизу глубокой оврагъ, по которому когда-то протекала рѣчка Мцена, а надъ нимъ поднимается высокая крутая каменная гора, на которой возвышается величественный Никольскій соборъ. Подъ своды этого собора идутъ и идутъ сотни, а, можетъ быть, и тысячи паломниковъ. Направо, среди

густой зелени, видѣется небольшой Богоявленскій храмъ, также дорогой сердцамъ правовѣрныхъ мецнянъ.

Я посѣтилъ Мценскъ.

II.

Лѣгонисъ города.—Вятичи.—Священномученикъ Кукша.—Захватъ Мценска литовцами.—Окончательное принятіе мецнянами христіанства.—Нападенія на городъ татаръ.—Моровая язва въ городѣ и пожаръ города.—Мценскъ—уѣздный городъ

Восемь вѣковъ капули въ лету съ тѣхъ поръ, какъ вятичи основали на берегахъ Зуши и Мецны нашъ городокъ. Дикіе, грубые, воинственные потомки Вятко долго и упорно отстаивали свою самостоятельность отъ напора кіевскихъ князей. Святославу первому изъ русскихъ князей удалось покорить вятичей и принудить ихъ платить дань, хотя, правда, ненадолго; пользуясь походомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ его наслѣдника, а потомъ междоусобіемъ его сыновей, они перестали платить дань въ Кіевъ. Въ 981 году вятичи вновь были побѣждены Св. Владиміромъ и были обложены имъ такою же данью, какую ранѣе они платили Святославу. На берегахъ Дибра и Волхова уже ярко сіялъ христіанскій крестъ и раздавалось кроткое Слово Учителя міра, а здѣсь, на берегахъ Оки, вятичи упорно коснѣли въ язычествѣ. «Онѣ жили въ лѣсу, какъ звѣри,—говоритъ С. М. Соловьевъ,—ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ спохами, браковъ у нихъ не было, по игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвками, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сажали трупъ и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столбѣ, на распутиѣ». Вятичи, по словамъ лѣтописца, «не зная закона Божія, сами творили себѣ законъ». Наконецъ и среди этихъ дикарей послышалась громкая проповѣдь ученія Христа. Апостоломъ великаго ученія среди нихъ явился инокъ, «черноризецъ» Кіево-Печерскаго монастыря, священномученикъ Кукша. Св. Кукша, по предположеніямъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, по происхожденію и самъ былъ вятичъ, на что указываетъ, между прочимъ, и его языческое имя, сохраненное имъ и въ христіанствѣ. На свою апостольскую дѣятельность онъ выступилъ въ концѣ XI или въ самомъ началѣ XII вѣка, получивъ на это благословеніе отъ черниговскаго архіепископа Оеоктиста. О проповѣднической дѣятельности св. Кукши въ землѣ вятичей имѣется свидѣтельство св. Симона, епископа владимирскаго и суздальскаго, въ посланіи къ печерскому черноризцу Поликарпу. Печерскій Патерикъ передаетъ это сказаніе св. Симона такъ: «блаженный священномученикъ, нарицаемый Кукша, одинъ отъ отецъ Печерскаго монастыря, веѣмъ знаемъ бѣ. зане вятчанъ, людей невѣрствіемъ помраченныхъ, крести

и многихъ вѣрою просвѣти. Многа же и велика чудеса сотвори. бѣсы прогна, дождь съ небесе свде, озеро изсуши, и ина различна удивительна знаменія послѣдоваша ему. Та же по многихъ мукахъ отъ невѣрныхъ усѣченъ бысть съ ученикомъ своимъ». Да, вятичи въ благодарность за проповѣдь имъ слова истины звѣрски умертвили своего апостола и его ученика Никона. Это произошло 27-го августа 1113 года, въ пятнадцати верстахъ отъ Мценска, главнаго мѣста его апостольской дѣятельности.

Указаніе епископа Симона о крещеніи св. Кукшей вятичей не приходится понимать въ томъ смыслѣ, чтобы при св. Кукшѣ всѣ вятичи приняли христіанство. Думать такъ не позволяютъ, съ одной стороны, мученическая кончина св. Кукши отъ рукъ вятичей,

Мценскъ. Общій видъ города. Николаевскій соборъ (палѣво);
городекая дума.

а съ другой—данныя о существованіи язычества въ этомъ краѣ до XV вѣка. По всей вѣроятности, онъ положилъ здѣсь прочное основаніе христіанству крещеніемъ многихъ, быть можетъ, вліятельнѣйшихъ жителей этой страны, каковы жители городовъ и наиболѣе извѣстныхъ селеній. При св. Кукшѣ въ землѣ вятичей построены были и первые христіанскіе храмы.

Впервые Мценскъ (Меченескъ, Мценескъ) въ лѣтописи упоминается въ 1147 году, когда онъ входилъ въ составъ Черниговскаго княжества. Но, съ ослабленіемъ послѣдняго, Мценскъ былъ захваченъ въ 1320 году княземъ Гедиминомъ литовскимъ и, какъ окраинный городъ между владѣніями Литвы, татаръ и Московскаго государства, видѣлъ подъ своимъ стѣнами не мало битвъ.

Въ началѣ XV вѣка медняне окончательно приняли христіанство. «Въ лѣто 6923 (т.-е. въ 1415 г.) правящу скипетры великаго

княжества Василя Дмитріевича и брата его Андрея Дмитріевича, въ предѣлахъ и градѣхъ и во всѣхъ всехъ невѣрующихъ просвѣщаху во Христову вѣру. Во градѣ Мценскѣ мнози бѣша невѣрующіи во Христа Бога Нашего. Тогда послани быша отъ князей великихъ вой со многымъ воинствомъ и отъ митрополита Фотія пресвитерь. Живущіи мецянне устрашишися и ратоваша на нихъ, и одержимы бяху слѣпотой. Они же прихождаху, и увѣщевашу и (ихъ) къ святому крещенію. Десятыя недѣли по Паскѣ, въ пятокъ, пріемъ святое крещеніе Мецянне — Ходаны, Юшники и Зкѣи, и прозрѣша; и обрѣтоша крестъ Господень, яко камень избѣченъ, и образъ святителя Николая, яко воинъ въ рудѣ пмущъ ковчегъ, въ немъ же залогъ тѣла и крови Господня. Во градѣ вѣроваху, всякихъ недугъ свободавшесе; окрестъ страны живущіи прихождаху, всякія болѣзни свободавшесе; и создаша церковь десятыя недѣли пятка». Пресвитерь, крестившій мецяннъ, былъ Іоаннъ.

Въ 1423 году подъ Мценскомъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ съ награбленными имъ въ московскомъ государствѣ богатствами ханъ Барощъ, а черезъ семь лѣтъ послѣ этого Мценскъ былъ въ теченіе недѣли безуспѣшно осаждаемъ ордынскимъ ханомъ Айдаромъ. Въ 1480 году вся Мценская область была опустошена ханомъ Ахматомъ, несмотря на то, что Казимиръ литовскій былъ его союзникомъ. Въ 1492 году, во время войны великаго князя Ивана III съ Казимиромъ, Мценскъ былъ взятъ и сожженъ московскимъ воеводой княземъ Ѳедоромъ Оболенскимъ, въ отмщеніе за то, что мецянне постоянно нападали на московскія области. Черезъ два года послѣ этого, во время войны Ивана III съ княземъ Александромъ литовскимъ, Мценскъ снова былъ взятъ русскими, подъ начальствомъ воеводы Якова Захаревича Кошкина и уже съ тѣхъ поръ, очевидно, навсегда остался во власти московскихъ государей. Въ 1505 году онъ былъ завѣщанъ Иваномъ III старшему сыну Василю. Въ смутное время Мценскъ переходилъ то на сторону самозванцевъ, то на сторону московскаго правительства. Въ 1618 году крымскіе татары разграбили и опустошили окрестности Мценска, но самый городъ взять имъ не удалось.

Въ 1654 году Мценскъ постигло великое бѣдствіе—половину его населенія истребила моровая язва, а почти черезъ сто лѣтъ послѣ этого и другая бѣда стряслась надъ городомъ: въ 1748 году Мценскъ изрядно выгорѣлъ, а именно: въ немъ сгорѣло 205 дворовъ, причемъ воеводская канцелярія объявила, что этотъ страшный пожаръ былъ дѣломъ злодѣевъ: «подлѣ воеводской квартиры зажигали разные дворы, только тушили, а при третьемъ поджогѣ найденъ въ соломѣ съ пухомъ и въ хлопьяхъ зажженный трутъ, отчего жители перепугались и съ пожитками вывезлись на поля и на берега рѣки».

Въ 1778 году Мценскъ былъ назначенъ уѣзднымъ городомъ Ор-

ловской губернии и въ 1787 году, при проѣздѣ императрицы Екатерины II, имѣлъ уже тысячу домовъ, десять церквей и три тысячи жителей.

Императрица Екатерина II, возвращаясь въ Петербургъ изъ «дожженныхъ предѣловъ Россіи», прибыла въ Мценскъ въ шесть часовъ вечера 18-го іюня 1787 года и имѣла здѣсь ночлегъ. Для этого пребывания былъ выстроенъ специально домъ, существующій и въ настоящее время и давшій пріютъ присутственнымъ мѣстамъ. Онъ двухъэтажный, довольно большой и находится въ центрѣ города, на Бѣлевской улицѣ, противъ городского сада. На его фронтонѣ имѣется изображеніе государственнаго герба и надпись о годѣ его постройки, но, къ сожалѣнію, лѣтъ двадцать тому назадъ безжа-

Мценскъ. Общій видъ города съ Соборной горы.

стные маляры закрасили и заштукатурили то и другое. Интересно маленькая подробность: на другой день по выѣздѣ государыни изъ Мценска въ комнату, которая служила спальней государыни, обрушился потолокъ. Это, разумѣется, произвело большую тревогу и переполохъ. Немедленно дали знать въ «губернію», откуда и были командированы чиновники для изслѣдованія причинъ катастрофы. Однако выяснить ихъ губернскимъ слѣдователямъ не удалось, по крайней мѣрѣ съ достовѣрной ясностью... Тѣмъ дѣло это и кончилось.

Извѣстно, что во время этого обставленнаго безумной, чистовосточной роскошью путешествія императрицы, этого, по выраженію профессора Трачевскаго, «чудовищнаго никника», угодливые сановники украшали путь («Сѣверной Семирамиды») всевозможными декораціями. Такъ было и здѣсь. Когда государыня подѣ-

близка къ каменнымъ воротамъ, которыя незадолго передъ тѣмъ были выстроены, на оврагѣ открылась роскошная барка, въ которой находились гребцы съ веслами въ рукахъ, все въ одинаковой одеждѣ, въ красныхъ рубахахъ и шапкахъ. Лишь только показалась карета государыни, гребцы съ громкимъ крикомъ «ура» принялись гребти веслами по песку, какъ по водѣ. Карета ѣхала шагомъ, а государыня, приподнявшись съ своего мѣста, бросила гребцамъ кошелькъ съ золотомъ.

Въ шестидесятыхъ годахъ въ Мценскѣ останавливались императоръ Александръ II и наследникъ великій князь Николай Александровичъ. Оба дома, въ которыхъ имѣли пребываніе августѣйшіе путешественники, находятся на Старо-Московской улицѣ; въ настоящее время въ одномъ изъ нихъ помѣщается аптека, а въ другомъ— бакалейный магазинъ.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ въ Мценскѣ числилось болѣе тринадцати тысячъ жителей, а по переписи 1897 года въ немъ оказалось всего 9.355 жителей.

III.

Николаевскій соборъ.—Чудотворный образъ св. Николая и животворящій крестъ.—Часовня-пенцера.—Богоявленскій храмъ.—Мощи священномученика Кукии.—Крестовоздвиженскій храмъ.

Главную святыню города составляетъ чудотворный образъ святителя Николая, находящійся въ Николаевскомъ соборѣ. Соборъ живописно расположенъ на высокомъ и крутомъ холму, на лѣвомъ берегу рѣки Зуши. На этомъ холмѣ около половины XVII в. былъ построенъ, вблизи деревянной Пятницкой церкви, каменный соборъ, куда и были перенесены изъ послѣдней чудотворный образъ и животворящій крестъ. Этотъ соборъ стоялъ параллельно нынѣшнему собору, воздвигнутому лишь въ 1810 году. Онъ занялъ мѣсто между старымъ соборомъ и Пятницкой церковью, которая своею мѣстностью вошла также подъ своды новаго собора. Когда старый соборъ былъ разобранъ, то новый соборъ былъ расширенъ придѣлами—съ южной стороны во имя Печерской Божіей Матери, а съ сѣверной—во имя первомученика Стефана, а затѣмъ была возобновлена трансная (теплая) церковь съ придѣлами—южнымъ во имя св. Афанасія Александрійскаго и сѣвернымъ—во имя мученицы Параскевы. Внутри соборъ отлично расписанъ художниками Богдановыми.

Чудотворный образъ св. Николая помѣщается на правой сторонѣ главнаго иконостаса подъ балдахиномъ. Образъ изсѣченъ изъ дерева. Святитель изображенъ во весь ростъ. Изъ серебро-позлащенной ризы глядитъ темный ликъ святителя. Черныя кисти обѣихъ рукъ обнажены. Въ правой рукѣ святитель держитъ обна-

женый мечъ, а въ лѣвой — ковчегъ въ видѣ храма. Вънецъ надъ головою святителя украшенъ драгоценными камнями. Передъ образомъ теплятся нѣсколько пугаемыхъ лампадъ. Глубокую вѣру питаетъ народъ къ этому образу. Лѣтомъ, особенно весной, передъ 9-мъ мая, сотни тысячъ богомольцевъ, съ котомками за плечами, тянутся по московскому шоссе въ Мценскъ, или, какъ его называютъ просто народомъ, — «Амченскъ».

На лѣвой сторонѣ главного иконостаса подъ сѣбною помѣщается изсѣченный изъ камня животворящій крестъ, украшенный серебряной ризой.

По преданію, чудотворный образъ явился въ 1415 году на берегу Зуши на камнѣ, изъ котораго потомъ былъ изсѣченъ только

Мценскъ. Зарѣчная часть города (Балчугъ).

что описанный крестъ. «И обрѣтоша крестъ Господень, яко камень изсѣченъ, и образъ святителя Николая, яко воинъ, въ руцѣ имущъ ковчегъ, въ немъ же залогъ тѣла и крови Господня».

Соборъ снаружи очень великъ, каковымъ онъ представлялся бы и внутри, если бы не имѣлъ двухъ придѣловъ въ трапезной церкви, а былъ бы храмомъ лишь съ двумя придѣлами.

На южной сторонѣ холма, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ собора, возвышается величественная колокольня, оконченная постройкой въ 1875 году. Подъ колокольней устроены широкія святыя врата.

Съ соборнаго храма открывается великолѣпный видъ. По правому берегу Зуши раскинулась главная часть города. Храмы, дома, домишки утопаютъ въ зелени садовъ. На окраинѣ города у большой Бѣлевской дороги высятся большое, пугающее камен-

ное зданіе тюрьмы. Два рыбака на утлыхъ челнокахъ маячатъ на рѣкѣ. Вдоль восточнаго подножья холма протанулись два ряда рельсовъ Московско-Курской желѣзной дороги. Видны станціонныя постройки. На югъ, параллельно желѣзнодорожному полотну, въ гору тянется бѣлая лента шоссе.

Отъ собора, кромѣ обыкновенной дороги, идутъ два спуска: одинъ къ желѣзнодорожному полотну, а другой — на улицу, поднимающуюся къ собору. Особенно хорошъ послѣдній спускъ: широкія каменныя ступени съ нѣсколькими площадками красно затѣнены развѣсистыми вѣтвями, лианами, кленами, березами.

У подножья холма, на самомъ берегу Зуши, устроена часовня. Я подъезжалъ къ ней съ южной стороны и о существованіи ея здѣсь узналъ лишь потому, что передо мною вдругъ выросъ почтенный сѣдовласый сторожъ. Часовня-пещера на половину находится въ нѣдрахъ каменнаго холма. Нѣскольکو ступеней ведутъ въ нее. Часовня небольшая, дощатый полъ въ ней при хожденіи слегка дрожитъ; потолокъ сводчатый, съ рельсами. Стѣны украшены иконами, передъ каждой изъ которыхъ теплится лампада. Посрединѣ стоитъ большой металлическій сосудъ, увѣличающій крестомъ, въ него проведена вода изъ источника, вытекающаго изъ глубины холма. Сторожъ, предварительно сполоснувъ стаканъ, напль въ него воды изъ сосуда: вода была чистая, холодная, вкусная. Часовня довольно темная, ее освѣщаютъ лишь свѣтъ, падающій изъ входной двери, и мерцающіе огоньки лампадъ. По преданію, именно на этомъ мѣстѣ, гдѣ находится часовня, и явился въ 1415 году чудотворный образъ св. Николая на томъ камнѣ, изъ котораго былъ потомъ изсѣченъ животворящій крестъ. Въ былое время это мѣсто называлось «тайникомъ», потому что къ нему велъ изъ города тайный, подземный ходъ, куда и была проведена вода изъ Зуши. Во время осады города непріателемъ этотъ тайникъ снабжалъ жителей водой, почему онъ тщательно и оберегался: надъ нимъ была устроена деревянная башня изъ толстыхъ бревенъ, а кромѣ того, онъ былъ защищенъ городскими башнями со стороны Зуши. Къ концу XVII вѣка эти башни сгнили и развалились, а подземный ходъ къ «тайнику» совершенно засыпался. Лишь въ 1824 году «тайникъ» былъ случайно открытъ и была устроена здѣсь часовня. Правовѣрные паломники считают своимъ долгомъ посѣтить эту часовню и нести въ ней воды.

На окраинѣ города, на валу, высоко поднявшемся надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ (съ правой стороны отъ Москвы), на старомъ кладбищѣ, среди зелени стоитъ каменная церковка въ честь Богоявленія Господня. Эта церковка древнѣйшая въ городѣ. Будучи долгое время безприходной, она постепенно приходила въ упадокъ и имѣла жалкій видъ; колокольня ея настолько наклонилась, что грозила паденіемъ. Но вотъ въ 1875 году при

храмъ было учреждено братство во имя священномученика Кукши, «просвѣтителя страны нашей». Братство прежде всего возобновило старый храмъ, а затѣмъ пристроило къ нему трапезную церковь съ придѣлами: лѣвымъ во имя св. Кукши и правымъ во имя преподобныхъ Петра и Онуфрія. Храмъ очень не великъ и тѣмъ. Его святыню составляетъ частица мощей св. Кукши. По правую сторону царскихъ вратъ предъ иконостасомъ придѣла во имя этого святого поставлена рака изъ кипарисоваго дерева. На раку положена икона священномученика, на которой онъ изображенъ почившимъ, въ полномъ облаченіи; въ средній поручи, въ правой рукѣ вложенъ ковчегъ съ мощами, закрытый слодой. Мощи священномученика, какъ извѣстно, почиваютъ въ Антоіевыхъ пе-

Мценскъ. Николаевскій соборъ.

щерахъ Кіево-Печерской лавры и часть ихъ, помѣщенная на иконѣ, была торжественно внесена въ нашъ городъ 26-го августа 1895 года, наканунѣ дня памяти святого. Около раки помѣщается сосудъ съ святой водой.

На Никитской улицѣ стоитъ Крестовоздвиженскій храмъ, въ которомъ находилось тѣло императора Александра I при перевезеніи его изъ Таганрога въ Петербургъ. Въ храмѣ имѣется памятная доска: «1826 г. Января 23-го дня. Храмъ сей ознаменованъ внесеніемъ въ оный тѣла блаженныя памяти государя императора Александра I, при случаѣ препровожденія онаго въ Санктъ-Петербургъ изъ города Таганрога, гдѣ августѣйшій монархъ скончался. Встрѣчалъ процессію преосвященный Гавріилъ, епископъ орловскій и сѣвскій, съ соборомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, іереевъ, съ хоромъ пѣвчихъ своихъ и про-

чимъ церковнымъ причтомъ. 24-го числа гробъ августѣйшаго праха, поставленный на возвышенномъ мѣстѣ подъ балдахинномъ, во всю ночь озаренъ былъ множествомъ свѣтъ. Церкь надъ нимъ читали св. Евангеліе, а народъ непрерывно лобызалъ оный съ подobaющимъ поклоненіемъ. На утріе, т. е. сего 24-го числа литургія пѣта архіерейскимъ служеніемъ и панихида, каковая совершена была предъ симъ уже дважды. Предположеніе, чтобы сего дня съ тѣломъ предиринять дальнѣйшее путешествіе, отмѣнено за холодомъ. И потому порфиропосецъ усоншій еще пребывалъ въ семь храмѣ. 25-го числа пѣта литургія архіерейскимъ служеніемъ, панихида; и послѣдовало поднятіе тѣла ко препровожденію онаго за границу епархіи Орла». Въ память этого событія Высочайшимъ дворомъ было подарено храму паникадило, которое и донинѣ виситъ въ трапезной церкви.

VI.

Былое торговое значеніе Мценска.—Современный Мценскъ.

Было время, когда Мценскъ имѣлъ пристань, у которой сотня барокъ грузилась хлѣбомъ, пенькой, коноплянымъ сѣменемъ и проч. Судоходная Зуша весь этотъ грузъ передавала Окѣ, отъ впаденія въ которую она отъ города находилась всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ. И торговая жизнь въ городѣ относительно кипѣла, а поэтому и имя его попадало въ учебники географіи. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка черезъ городъ прошла Московско-Курская желѣзная дорога, которая, конечно, и притянула къ себѣ значительную часть груза, притекавшаго въ городъ. Но все-таки десятки барокъ продолжали сплавляться отъ Мценска до Вѣлева, стоявшаго пока въ сторонѣ отъ желѣзнаго пути. Когда же въ 1899 году черезъ Вѣлевъ пробѣжалъ первый поѣздъ Рязанско-Уральской желѣзной дороги, мценская барка утратила свое послѣднее значеніе и... сгнила... А въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Мценская пристань грузила до четырехъ милліоновъ пудовъ груза. Въ настоящее время станція Мценскъ грузитъ до полутора милліона пудовъ хлѣба и много пудовъ яблокъ. Послѣднее крупное коммерческое предпріятіе—маслобойный заводъ наслѣдниковъ М. П. Уланова—недавно прекратило свою дѣятельность.

Желѣзнодорожный вокзалъ находится въ зарѣчной части города, носящей названіе Балчуга. Отъ вокзала идетъ Сергіевская улица, пересѣкаемая Ново-Московской улицей. Послѣдняя идетъ подъ гору, а затѣмъ по мосту черезъ рѣку Зушу. За мостомъ, направо, расположенъ небольшой, уютный городской садъ. Параллельно Ново-Московской идетъ лучшая улица—Воскресенская

или Старо-Московская. На ней находятся лучшіе магазины, изъ коихъ мануфактурный, галантерейный и писчебумажный магазинъ Половнева прямо хорошъ и этотъ «Мюръ и Мерилизъ» не былъ бы плохимъ и въ губернскомъ городѣ. У Половнева можно приобрести «открытки» съ видами Мценска. На Ново-Московской улицѣ также имѣются магазины.

Красивыхъ зданій городъ не имѣетъ. Пожалуй, какъ на самый красивый домъ въ городѣ, можно указать на домъ мѣстнаго дѣятеля Е. П. Случевского, построенный надъ желѣзнодорожнымъ полотномъ недалеко отъ вокзала.

Общее впечатлѣніе, производимое Мценскомъ на туриста, не дурное: уѣздный городокъ куда не хуже многихъ своихъ собратьевъ, разбросанныхъ по матушкѣ-Руси. Право, господа автомобилисты, совершившіе въ сентябрѣ 1911 года пробѣгъ изъ Петрограда въ Севастополь, напрасно охаяли Мценскъ. «Мценскъ, вѣроятно, самый грязный городъ въ Россіи,—писалъ г. Борей въ «Новомъ Времени».—Онъ живописенъ лишь издали. Пробѣжая по его улицамъ, наши автомобили буквально утонули въ черной грязи, а дождя не было. Мценскіе обыватели и ихъ свиньи кунаются въ грязныхъ лужахъ». Нѣтъ, г. Борей, вы, очевидно, не видали настоящихъ трупобъ, лишенныхъ всякаго «примитивнаго благоустройства», а Мценскъ далеко еще не изъ самыхъ плохихъ уѣздныхъ городовъ.

А. Фирсовъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ИСТОРИКА.

Чего должна ожидать Россія для внутренней своей жизни отъ войны съ нѣмцами?—Роль министерства народнаго просвѣщенія.

ДВЕ ДЕВЯТЬ мѣсяцевъ русскій народъ несетъ на себѣ тягости величайшей изъ войнъ, какія только вѣдь онъ за все время своей исторіи. Велики, несчастлимы его жертвы, а между тѣмъ до конца войны еще далеко. Но встрѣчаемъ ли хотя малѣйшія проявленія недовольства среди русскаго народа продолжительностью войны, желанія облегчить бремя жертвъ, наложенное на него войною? Нѣтъ, и ихъ быть не можетъ! Весь народъ русскій жаждетъ, во что бы то ни стало, лишь одного: продолжать борьбу съ германизмомъ до полного его разгрома, до тѣхъ поръ, пока онъ лишень будетъ всякой возможности оказывать свое тлетворное вліяніе на жизнь Европы и Россіи, ибо иной миръ съ Германіей былъ бы для Россіи только тяжкимъ перемиріемъ. Русскій народъ по своему добродушному славянскому характеру никогда не питаетъ ненависти къ своимъ врагамъ, и его твердое, непоколебимое желаніе довести нѣмцевъ до полного подчиненія волѣ побѣдителей диктуется не чувствомъ злобы или мести къ нимъ, а яснымъ, глубокимъ сознаниемъ, что, не обезпеченный, нѣмецъ не дастъ намъ спокойно жить даже у себя дома. И это сознание, какъ это ни странно, растетъ и крѣпнеть съ каждымъ днемъ... Именно война заставила насъ внимательно разобратъся во вліяніи нѣмцевъ на внутреннія дѣла Россіи, и мы въ буквальный смыслъ ежедневно открываемъ новые и новые стороны и факты вредоноснаго для насъ нѣмецкаго засилья— даже тамъ, гдѣ раньше о немъ и не подозрѣвали по своей россіи-

ской безопасности. Снѣжный комъ нѣмецкаго засилья постепенно превращается для насъ въ лавину, и уже народное одно чувство само-сохраненія переисплавляетъ все прежнія чувства и соображенія при надвигающемся разрѣшеніи вопроса: какъ быть съ нѣмцами? Пусть они живутъ свободно и благополучно, но у нѣмца-звѣря должны быть отняты все средства вредить въ будущемъ прочему человѣческому роду, ибо, по мнѣнію нѣмцевъ, все прочіе люди должны служить лишь удобнымъ матеріаломъ для ихъ культурныхъ вождѣній. Узнали мы объ этомъ доподлинно лишь послѣ начала войны изъ единодушныхъ заявленій представителей нѣмецкаго народа, въ томъ числѣ изъ воззвѣній германскихъ писателей и ученыхъ. Звѣрства нѣмцевъ надъ женщинами и дѣтьми, варварскій способъ веденія войны, напоминающій времена викинговъ и гунновъ, довершили картину глубокаго нравственнаго упадка нѣмцевъ, стремящихся лишь къ мамонѣ и поставившихъ превыше всехъ нравственныхъ принциповъ силу бронированнаго кулака. Все глубина ихъ паденія въ этическомъ отношеніи Европа узнала лишь послѣ начала войны: тогда только она вопли оцѣнила ѣдкую сатиру Гейне, хорошо знавшаго своихъ соотечественниковъ и еще шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ умѣвшаго дать надлежащую цѣну блестящей по видѣности германской культуры.

Но, быть можетъ, шедъ въ цѣломъ мѣрѣ обнаруженіе истинной сути германской культуры не произвело такого потрясающаго впечатлѣнія, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ известная часть общества и интеллигенціи со временъ Жуковского и Станкевича, по указкѣ Бѣлинскаго, привыкла преклоняться предъ германской культурой, а съ начала 60-хъ годовъ воспринимала, въ талантливой передачѣ Чернышевскаго и его послѣдователей, матеріалистическое ученіе «по Бюхнеру и Молешотту», выродившееся у насъ въ нигилизмъ. Материализмъ и рационализмъ, шедшіи къ намъ изъ Германіи, убивали потребности духа, идеи добра и красоты низводились у насъ до уровня пошлости, трудъ сановника ставили выше вдохновенія Пушкина; даже православная церковь и православное богословіе не убереглись отъ воздѣйствія сухихъ рационалистическихъ лютеранскихъ доктринъ. Черствая прямолинейность германскаго духа встрѣтила у насъ противодѣйствіе въ проповѣди Достоевскаго и В. Соловьева (въ его «Разговорахъ»), но эта проповѣдь не помѣшала дальнѣйшему торжеству германизма въ движеніяхъ марксистовъ и эсъ-дековъ, упразднявшихъ у насъ національную мысль и національное чувство на почвѣ космополитическихъ ученій. Русскіе люди привычны доводить все до крайности...

Правительство было обезкошено такимъ теченіемъ общественной мысли, начало бороться съ его проявленіями, но оно само въ верхнихъ своихъ слояхъ находилось подъ сильнымъ вліяніемъ гер-

манизма, какъ и русскіе ученые люди и учрежденія, имѣя во главѣ нѣмецкую академію наукъ, существующую въ Петроградѣ. Типичнымъ являлось въ дѣйствіяхъ правительства то, что, проводя одной рукой развитію идей матеріализма, нигилизма и космополитизма, оно другой рукой насаждало ихъ въ системѣ школьнаго образованія и воспитанія по бездушнымъ нѣмецкимъ образцамъ. Мѣропріятіями графа Д. А. Толстого школа наша сознательно лишена была всякаго творческаго живого національнаго духа, идеи воспитанія замѣнены были идеями бумажнаго воздѣйствія и безпредметной дисциплины. Любимое дѣтище Толстого — гимназій — болѣе походило на арестантскія роты, чѣмъ на учебныя заведенія. Знакомство съ исторіей и географіей Россіи было въ пренебреженіи. Законъ Божій превращенъ въ учебный предметъ, а превыше всего поставлено было изученіе латинской и греческой грамматикъ подъ руководствомъ спеціально натасканныхъ въ германскихъ учебныхъ заведеніяхъ чеховъ. Толстой былъ порожденцемъ космополитическаго бюрократическаго слоя, со временъ Николая I привыкшаго въ націонализмѣ видѣть опасность для правительственной опеки и думавшаго дисциплинировать русскую мысль удаленіемъ ея отъ современной жизни въ эпоху древнихъ Эллады и Рима и въ дебри латинской грамматикки; онъ, конечно, не понималъ, что, устранивъ изъ школы живое содержаніе народной жизни, удаляя воспитаніе отъ національныхъ основъ, онъ только расчищалъ почву для воздѣйствія на юношество тѣхъ самыхъ началъ космополитизма и матеріализма, которыхъ онъ якобы являлся противникомъ. Для юношества нашлись другіе воспитатели, дѣйствовавшіе въ революціонномъ направленіи, извращавшіе въ русскихъ юношахъ русскую мысль, русское чувство, поучавшіе ко всему русскому относиться съ презрѣніемъ... Зло правительственныхъ мѣропріятій осложнялось еще тѣмъ, что правительство вело глухую борьбу съ славянофилами, то есть съ той частью русскаго мыслящаго общества, которая добивалась проведенія національнаго элемента въ воспитаніи. Оно осложнялось еще и тѣмъ, что Толстой стоялъ во главѣ и духовныхъ школъ, заправлялъ дѣятельностью вѣдомства православнаго исповѣданія и академіи наукъ. При благосклонномъ содѣйствіи Толстого въ Германіи учреждались даже спеціальныя семинаріи для приготовленія учителей для русскихъ школъ. Пишущій эти строки могъ бы многое разсказать объ этой мрачной эпохѣ русскаго просвѣщенія и печальномъ интеллектуальномъ состояніи русскаго общества за это время, но... мимо, мимо! Пріятнѣе думать и говорить о наступающемъ свѣтломъ утрѣ, чѣмъ о давней безпросвѣтной тьмѣ.

Да, мы дождались наконецъ того дня, когда въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей и наша сбитая съ толку интеллигенція познала наконецъ, что будущее Россіи, будущее создаваемаго ее

народа можетъ быть обезпечено только развитіемъ его дѣятельности на національныхъ основахъ, изученіемъ ихъ въ прошломъ и настоящемъ. Тогда ей не страшны будутъ ни внѣшніе, ни внутренніе враги. Казалось бы, что это—простая, азбучная истина, а сколько времени потребовалось для этого въ нашемъ историческомъ развитіи! Спасибо, русское спасибо нѣмецкому кайзеру и его нѣмецкому народу, что они открыли намъ сущность хваленой нѣмецкой культуры, обнажили предъ нами идеаль, которому мы поклонялись въ своемъ ослѣпленіи. Русскіе люди, бывшіе отъ юности своей поклонниками германской культуры и проводниками ея въ русскомъ обществѣ, отступили съ ужасомъ отъ этого зрѣлища, отъ такой культуры, которая приводитъ, въ послѣднемъ своемъ словѣ, къ угнетенію духа и торжеству мамоны и звѣрскихъ инстинктовъ человѣка. И какъ зато потянуло ихъ къ неконнымъ русскимъ началамъ кротости и милосердія! Вотъ что говоритъ изъ глубины сердечной бывший членъ Государственной Думы, недавній профессоръ-марксистъ, извѣстный писатель С. Н. Булгаковъ въ «Утрѣ Россіи»:

«Казалось, что высокоомѣрное пренебреженіе къ родному, пустопорожнее западничество чрезъ посредство интеллигенціи становится уже всеобщимъ. Но нынѣ и западничество уже умерло съ шумомъ, умерло навсегда подъ ударами тевтонскаго кулака, вмѣстѣ съ фантомомъ «международнаго» социализма и братства социалистическихъ легіоновъ... Предъ лицомъ міровой европейской войны, показавшей всю ограниченность и условность европейской культуры, нельзя уже въ нее вѣрить какъ въ Царство Небесное, какъ въ земной рай; европейскими легіонами разстрѣливаются западническіе кумиры русской интеллигенціи, вѣра Бѣлинскаго и его потомковъ. Для вдумчиваго наблюдателя понятно, что нынѣшняя война знаменуетъ общій кризисъ европейской цивилизаціи, свидѣтельствуетъ о ея зрѣлости и приближенія ея конца, какъ бы ни былъ продолжителенъ по времени этотъ конецъ. «Новая исторія» кончается, и Западъ сказалъ уже все, что имѣлъ сказать. *Ex oriente lux*. Теперь Россія призвана духовно вести европейскіе народы, на нее возложена страшная отвѣтственность за духовныя судьбы человечества. Но для этого она должна стать духовно свободной, выйти изъ своего духовнаго вассалства у «Европы».

Мы съ удовольствіемъ цитируемъ эти строки почтеннаго профессора не только потому, что они отвѣчаютъ нашимъ убѣжденіямъ отъ дней нашей юности, но и потому, что онѣ сказаны и выразительно характеризуютъ моментъ, переживаемый теперь Россіей и русскимъ народомъ, то настроеніе пасхальной заутрени, Свѣтлаго Христова Воскресенія, которое паритъ въ душѣ каждаго русскаго, несмотря на все бремя ужасной войны и на массу привходящихъ домашнихъ треній. Этотъ историческій, важнѣйшій въ русской исторіи послѣ петровской реформы моментъ повелительно требуетъ отъ

насъ, чтобы мы оказались достойны уготованнаго для насъ пиршества, чтобы конецъ западной цивилизаціи совпалъ съ торжествомъ національныхъ русскихъ началъ у насъ, дабы Россіи было что сказать, когда исторія передастъ въ ея руки верховенство въ культурѣ. Нужно, чтобы Россія къ этому времени нашла самое себя, сбросила съ себя чуждыя неконному духу русскаго народа пути во всѣхъ отрасляхъ государственной и общественной жизни. Нечего и говорить о томъ, что цѣль эта можетъ быть достигнута лишь тогда, когда мы будемъ имѣть для этого нужныхъ дѣятелей, когда Россія будетъ наконецъ имѣть достойную себя *русскую* интеллигенцію и въ широкомъ смыслѣ грамотный низшій народный слой. Боже мой, какъ покажутся тогда просты и несложны всѣ обуревающіе насъ «проклятые» вопросы: политическіе, церковные, экономическіе, промышленные, аграрные и т. д. и т. д.! Мы уже видимъ эволюцію въ этомъ смыслѣ общественной мысли въ широкомъ масштабѣ, но это стихійное общественное движеніе, чтобы получить необходимую, устойчивую и плодотворную, нуждается въ поддержкѣ цѣлесообразно поставленной національной школы, которой, увы, у насъ нѣтъ ни на высшихъ ея ступеняхъ, ни на низшихъ. На созданіе національной школы въ Россіи должна быть устремлена теперь совмѣстная дѣятельность правительства и общества. Изъ всѣхъ правительственныхъ заботъ школьная забота должна стоять по окончаніи войны на первомъ планѣ, ибо только въ этомъ случаѣ Россія во главѣ съ своимъ Царемъ совершитъ свою историческую миссію спокойно, безъ потрясеній внутреннихъ и внѣшнихъ.

Когда мы говоримъ о *національной* русской школѣ на всѣхъ ступеняхъ образованія—низшей, средней и высшей, то понимаемъ ее въ самомъ широкомъ смыслѣ. Въ ней на первомъ планѣ должно быть поставлено познаніе Россіи для нуждъ и пользы самой Россіи—въ противоположность нынѣ существующему содержанию общеобразовательнаго курса, опредѣлившемуся по нѣмецкимъ образцамъ. Въ прежнее время задачей государственной просвѣтительной дѣятельности являлось созданіе кадра чиновниковъ, въ настоящее время потребности государства несравненно шире и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніяхъ, и мы, прилагая всѣ мѣры къ разведенію такъ называемаго интеллигентнаго пролетаріата и ставя это разведеніе цѣлью своей общеобразовательной системы, выбрасываемъ за бортъ школы массу дорогихъ молодыхъ силъ, которыя были бы безцѣнны на поприщахъ техническомъ и профессиональномъ. Такое отношеніе наше къ главнымъ задачамъ государства и является причиной зависимости нашей отъ нѣмцевъ въ простѣйшихъ явленіяхъ экономической и промышленной жизни. Какъ обнаружилъ война, въ Россіи нѣтъ производствъ, предметы потребленія которыхъ составляютъ насущную необходимость всѣхъ и каждого (шуговичное, игольное, фармацевти-

ческие продукты) или низшаго качества (напр., кожа), и огромныя естественныя богатства Россіи или остаются не использованными; или эксплуатируются иностранцами. Стремленіе къ роскоши образованія выражается и въ томъ печальномъ фактѣ, что у насъ число второстепенныхъ техниковъ и мастеровъ далеко не соотвѣтствуетъ количеству техниковъ, вышедшихъ изъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Оттого у насъ хорошій садовникъ или лѣсничій—нѣмецъ, дорожный мастеръ—нѣмецъ, машинистъ или слесарь—нѣмецъ, техникъ-рисовальщикъ—нѣмецъ и т. д., и т. д. А русскій человекъ ищетъ и не находитъ себѣ мѣста, потому что даже съ гимназическимъ аттестатомъ въ рукахъ, ни къ чему серьезно не подготовленъ, если для него двери высшаго учебнаго заведенія окажутся закрытыми. Невозможно съ ранняго дѣтства предопредѣлять человеку его призваніе или уровень способностей (Петли и Омелстокиосы высшихъ бюрократическихъ круговъ, по рожденію призванные быть дипломатами или прокурорами, въ счетъ не идутъ). Поэтому школа одного типа возможна только на низшей ступени образованія, да и тамъ, смотря по мѣстнымъ потребностямъ, съ тѣми или иными сельско-хозяйственными, промышленными или ремесленными классами. Средняя общеобразовательная школа, въ старшихъ своихъ классахъ, уже должна специализироваться въ томъ или другомъ направленіи, или техническомъ, или гуманитарномъ, смотря по наклонностямъ и выбору самихъ учащихся, готовящихся къ обученію въ высшей школѣ. Существующій нынѣ балластъ въ курсѣ нынѣшнихъ гимназій (въ видѣ, напр., подробной исторіи Греціи и Рима) долженъ быть устраненъ уже въ виду необходимости сокращенія общеобразовательнаго курса, растянувающагося у насъ *minimum* на восемь лѣтъ обученія и захватывающаго съ подготовительнымъ курсомъ чуть ли не третью средней продолжительности человеческой жизни (двѣнадцать лѣтъ). Стремясь напрасно къ идеалу общечеловѣческаго образованія, вѣдь, можно растянуть его и на всю жизнь человека, забывъ положеніе, что школа только *подготавливаетъ* къ жизни и что лучшей школой при этой подготовкѣ является сама жизнь. Люди, нахватавшіеся вершущекъ разнообразнаго неперевавленнаго знанія, обыкновенно бываютъ къ жизни непригодны.

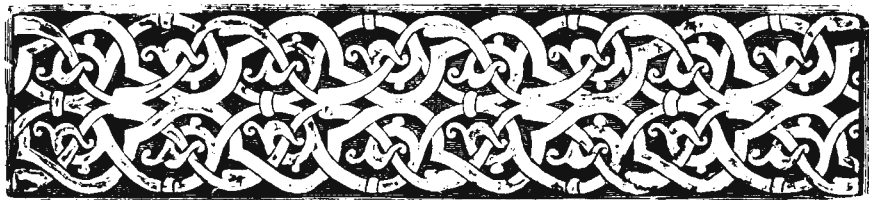
Нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія, въ лицѣ графа П. Н. Игнатьева, выражаетъ готовность итти навстрѣчу образовательнымъ потребностямъ русскаго народа и уже приняло нѣкоторыя мѣры, чтобы очистить ниву народнаго образованія отъ засоряющихъ ее плевелъ «праваго» или «лѣваго» происхожденія. Болѣе того, въ распоряженіяхъ министерства общество отгѣтило вдумчиво-сочувственное отношеніе къ учащейся дѣтворѣ и юпопеществу, видѣ установленныхъ формъ и казенно-«сердечнаго» краснорѣчія министерскихъ циркуляровъ. Факты всегда краснорѣчивѣе

словъ. Русское общество, однако, должно оказывать новому министру полное довѣрїя содѣйствіе во всехъ его начинанїяхъ, направленныхъ къ подъему народнаго образованїя въ Россїи соотвѣтственно важности переживаемаго нами историческаго момента и выпавшихъ на его долю огромныхъ задачъ. Безъ содѣйствїя же общества нельзя и мечтать о созданїи въ Россїи школы, которая могла бы удовлетворить потребностямъ великой страны и ея хозяина—русскаго народа.

Было бы, однако, односторонне стѣснять и опредѣлять дѣятельность министерства народнаго просвѣщенїя только школьной сферой. Несомнѣнно, она должна быть связана съ народной жизнью многими нитями и до нѣкоторой степени руководить ею, насколько жизнь эта требуетъ для себя правительственной поддержки. Такова будетъ, между прочимъ, роль его въ освобожденїи Россїи отъ зеленого змїя, т.-е. пьянства, заповнявшаго до войны досугъ русскаго крестьянина... Запретъ продажи водки, состоявшійся по мановенїю Царя въ самомъ началѣ войны, естественно возбудилъ вопросъ, чѣмъ заполнить трезвый досугъ въ русской деревнѣ, и министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ совѣтъ министровъ свои предложенїя по этому предмету. Совѣтъ министровъ образовалъ для обсужденїя ихъ междувѣдомственное совѣщанїе. Рѣчь идетъ объ устройствѣ въ деревняхъ народныхъ домовъ, библиотекъ, курсовъ и т. д. Намъ кажется, что судить о вкусахъ и потребностяхъ крестьянскаго населенїя той или другой мѣстности могутъ скорѣе мѣстные люди и организаціи, напр., земства, чѣмъ петербургскїе чиновники, и, вѣроятно, междувѣдомственное совѣщанїе, установивши общїя положенїя о народныхъ домахъ, обратится за указанїями къ содѣйствїю мѣстныхъ общественныхъ круговъ, какъ это и предполагалось Государственной Думой два года тому назадъ при разсмотрѣнїи вопроса о борьбѣ съ развитїемъ сельскаго хулиганства. Каковы бы ни были эти указанїя, но они, безъ всякаго сомнѣнїя, будутъ имѣть связь съ просвѣтительною дѣятельностью мѣстныхъ органовъ министерства народнаго просвѣщенїя и Святѣйшаго Синода, ибо дѣятельность органовъ министерства внутреннихъ дѣлъ можетъ касаться только регламентаціи и внѣшняго порядка новыхъ просвѣтительныхъ учреждений въ деревнѣ. Чѣмъ благожелательнѣе отнесется въ этомъ случаѣ министерство народнаго просвѣщенїя къ заявленїямъ мѣстныхъ организацій, тѣмъ легче будетъ окончательная побѣда надъ зеленымъ змїемъ въ Россїи и тѣмъ легче будетъ осуществленїе ближайшихъ его задачъ о просвѣщенїи народа...

Министерству народнаго просвѣщенїя предложить въ ближайшемъ будущемъ просвѣтить и оздоровить Россїю. Нельзя не пожелать ему на этомъ славномъ историческомъ пути полного успѣха.

Е. Шумигорскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Великій князь Николай Михайловичъ. Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Второе изданіе съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ. Петроградъ. 1914. Стр. XIII. 772. Цѣна 10 руб.

УЧТИ всѣ историческіе труды великаго князя Николая Михайловича, удовлетворяя научнымъ запросамъ русскаго общества въ области русской исторіи, уже сдѣлались библиографическою рѣдкостью, но, къ сожалѣнію, они не выходятъ вторымъ изданіемъ и, такимъ образомъ, исчезаютъ съ книжнаго рынка. Нельзя поэтому не благодарить великаго князя за выпускъ вторымъ изданіемъ важнѣйшаго изъ его трудовъ: «Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія», распорядившагося уже три года тому назадъ, тотчасъ по выходѣ своемъ въ свѣтъ. Безспорно, это счастливое исключеніе допущено августѣйшимъ авторомъ именно въ виду особаго значенія, которое имѣетъ указанное сочиненіе въ ряду другихъ его работъ по эпохѣ Александра I. Оно является до нѣкоторой степени какъ бы сводкой, итогомъ сдѣланныхъ имъ ранѣе изысканій и тонкаго изученія Александровской эпохи. Еще прежде появленія этого труда великій князь Николай Михайловичъ успѣлъ много сдѣлать для выясненія личности Александра, бывшаго для историковъ «неразгаданнымъ сфинксомъ» главнымъ образомъ по недостаточному знанію ими относившихся къ нему матеріаловъ. Двадцатилѣтняя кропотливая работа надъ этими матеріалами и побудила великаго князя изложить результаты изученія ихъ въ особомъ трудѣ, посвященномъ характеристикѣ знаменитаго русскаго государя, счастливаго соперника Наполеона и «сущаго прельстителя» современниковъ и потомства, не умѣвшихъ разобраться въ его душевной жизни и міросозерцаніи. Послѣдній биографъ императора Александра I, Н. К. Шильдеръ,

въ своемъ извѣстномъ сочиненіи скорѣе лавировалъ между трудностями въ объясненіи характера и дѣйствій этого государя, «къ противочувствіямъ привычнаго», чѣмъ объяснялъ ихъ, и четыре тома его біографіи Александра I доказываютъ только то, что авторъ не разобрался самъ въ собраныхъ имъ важныхъ матеріалахъ по Александровской эпохѣ, предоставляя дѣлать изъ нихъ выводы самому читателю. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что, по цензурнымъ условіямъ своего времени, П. К. Шильдеръ не могъ касаться въ должной степени даже обстоятельствъ кончины императора Павла I, которыми многіе позднѣйшіе историки придаютъ, по нашему мнѣнію, чрезчуръ важное вліяніе на душевную жизнь императора Александра.

Мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго труда великаго князя Николая Михайловича, уже въ первомъ своемъ изданіи обратившаго на себя всеобщее вниманіе своими научными достоинствами и вызвавшаго цѣлый рядъ критическихъ отзывовъ въ русской и иностранной литературѣ, въ томъ числѣ и въ «Историческомъ Вѣстникѣ». Но для читателей нашего журнала, еще незнакомыхъ съ этой работой августѣйшаго автора, мы должны сказать, что она совлекла многіе покровы съ душевныхъ переживаній императора Александра Павловича, и «неразгаданный сфинксъ», въ характеристикѣ великаго князя Николая Михайловича, является предъ нами въ естественномъ своемъ видѣ.

Въ окончательномъ результатѣ, путемъ тщательнаго историческаго и психологическаго анализа, великій князь пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: «Думаемъ,—говоритъ онъ,—что, какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцати-четырёхлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человека и простаго смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, чрезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаетъ столь же обаятельнымъ». Эти выводы имѣютъ тѣмъ большую цѣну, что августѣйшій авторъ, вообще осторожный въ своихъ заключеніяхъ, сознавалъ сложность своей задачи и трудность ея осуществленія. «Задача наша не изъ легкихъ,—пишетъ онъ въ предисловіи.—мы это сознаемъ: во-первыхъ, потому, что многіе источники отсутствуютъ, благодаря систематическому истребленію ихъ императоромъ Николаемъ I; другіе хотя и существуютъ, но съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка императрицы Маріи Феодоровны съ сыномъ-первенцемъ; во-вторыхъ, мы не могли воспользоваться полностью всеми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивовъ иностранныхъ дѣлъ: французскаго, австрійскаго и прусскаго; наконецъ, доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще не открытъ». Это заставляеть изслѣдователя, добросовѣстнаго до щепетильности, скромно сузить значеніе своей работы: «Мы,—говоритъ онъ,—давали и даемъ матеріалы, которыми будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться. Не намъ также рѣшать вопросъ, возвеличить или

понизить предлагаемое историческое изслѣдованіе образъ Благословеннаго монарха». Но, разумѣется, изученіе всѣхъ рукописныхъ матеріаловъ, хранящихся въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ и имѣющихъ отношеніе къ Александру I,—задача колоссальная, не по силамъ одного человѣка, и указаніе на нихъ отнюдь не уменьшаетъ важности и цѣнности работъ по матеріаламъ уже доступнымъ: даже по исторіи Петра Великаго далеко еще не исчерпаны рукописные источники въ русскихъ и иностранныхъ хранилищахъ. И выводы, сдѣланные августѣйшимъ авторомъ, и методъ, имъ усвоенный, несомнѣнно, послужатъ точкой отправленія для работъ «будущихъ русскихъ историковъ», на которыхъ, авторъ возлагаетъ свои надежды. Что касается заявленія автора, что не ему рѣшать вопросъ, возвысить или понизить его изслѣдованіе образъ Александра, то оно можетъ только свидѣтельствовать о стремленіи его къ возможной объективности его изслѣдованія,—въ противоположность Н. К. Шильдеру, для котораго Александръ былъ «любимымъ героемъ» на мистической подкладкѣ... Можно сказать положительно, что дѣйствительно историческому, объективному изученію личности Александра I положено прочное основаніе лишь трудами великаго князя Николая Михайловича.

Второе изданіе «Александра I» есть перепечатка перваго двухтомнаго изданія. Лишь въ приложеніяхъ августѣйшій авторъ счелъ необходимымъ изъять нѣкоторыя бумаги на французскомъ языкѣ, что дало возможность выпустить его трудъ въ одномъ томѣ. Но взамѣнъ этихъ бумагъ прибавлены нѣкоторыя письма императрицы Елизаветы Алексѣевны, князя П. М. Волконскаго и камеръ-фурьера Бабкина, писанныя изъ Таганрога въ 1825 и въ началѣ 1826 года и имѣющія прямое отношеніе къ кончинѣ императора Александра I. Почти всѣ эти документы уже были напечатаны великимъ княземъ Николаемъ Михайловичемъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за прошлый годъ для уясненія факта кончины Александра I въ Таганрогѣ въ 1825 году, заподозрѣваемаго на основаніи фантастическихъ предположеній поклонниками легенды о старцѣ Ѳеодорѣ Козьмичѣ. Въ текстѣ книги (во вторую главу) вставлено донынѣ еще неизвѣстное письмо Н. Н. Новосильцова къ императору Александру отъ 5-го марта 1807 года, написанное въ самый разгаръ борьбы Россіи съ Наполеономъ, предпринятой для защиты Пруссіи.

Е. Шумигорскій.

Journal de Victor de Balabine, secrétaire de l'ambassade de Russie. 1842—1847. Publié par Ernest Daudet. Paris. Emile Paul, frères éditeurs. 1914. P. 317. Prix 7 fr. 50 c.

Журналъ Виктора Балабина, секретаря російскаго посольства въ Парижѣ. 1842—1847 гг. Издалъ Эрнестъ Додэ. Парижъ. 1914. Стр. 317. Ц. 7 фр. 50 к.

Викторъ Павловичъ Балабинъ—питомецъ петроградскаго университета, въ которомъ онъ окончилъ курсъ наукъ и былъ опредѣленъ затѣмъ на службу въ коллегію иностранныхъ дѣлъ (позднѣе преобразованную въ министерство иностранныхъ дѣлъ) съ чиномъ губернскаго секретаря 7-го марта 1832 года,

имѣя девятнадцать лѣтъ, какъ это упомянуто въ формулярномъ спискѣ о его службѣ¹⁾. Лѣтъ черезъ десять, именно 27-го марта 1842 г., В. Балабинъ былъ назначенъ младшимъ секретаремъ нашего посольства въ Парижъ и, постепенно повышаясь въ чинахъ, былъ сдѣланъ совѣтникомъ того же посольства 4-го сентября 1853 года. При разрывѣ мирныхъ сношеній съ Франціею при Наполеонѣ II въ 1853 году В. Балабинъ былъ причисленъ къ министерству, а затѣмъ съ 17-го декабря 1856 года состоялъ нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Вѣнѣ. Произведенный 15-го апрѣля 1856 года въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и въ томъ же году 26-го августа пожалованный въ званіе камергера его величества, Балабинъ, по заключеніи Парижскаго мира, былъ опять назначенъ совѣтникомъ посольства въ Парижъ 24-го іюня 1856 года, а затѣмъ въ 1858 году назначенъ состоять по особому порученію при императорѣ австрійскомъ. Награжденный въ порядкѣ постепенности орденами св. Станислава и св. Анны 1-й степени въ 1858 и 1860 гг., Балабинъ былъ произведенъ въ тайные совѣтники въ 1862 году и затѣмъ неожиданно скончался въ Дрезденѣ 24-го ноября (6-го декабря) 1864 года.

Пребывая долгое время въ Парижѣ, онъ находился въ оживленной перепискѣ со своею матерью, по кончинѣ которой всѣ ея бумажки, въ томъ числѣ и письма ея сына достались госпожѣ Вагнеръ, племянницѣ умершаго В. Балабина. Госпожа Вагнеръ передала ихъ французскому писателю-историку Эрнесту Додэ, который, исключивъ изъ писемъ все имѣющее болѣе или менѣе семейный, частный характеръ, изложилъ остальное въ формѣ связнаго, послѣдовательно разказа, раздѣленнаго преимущественно по годамъ, и напечаталъ по настоящее время пока первый томъ (второй и послѣдній—должны, какъ объявлено въ предисловіи, выйти въ скоромъ времени), посвященный пребыванію г. Балабина въ Парижѣ въ 1842—1847 годахъ. Въ эти годы какихъ-либо видныхъ дипломатическихъ сношеній между Россіею и Франціею не происходило. Императоръ Николай I не благоволилъ къ королю Людовіку-Филиппу, достигшему французскаго престола послѣ событій 1830 года, и не отправлялъ даже въ Парижъ своего посланника графа Палена (назначеннаго послѣ извѣстнаго гр. Поццо-ди-Борго), такъ что текущую перепискою посольства завѣдывалъ Николай Киселевъ (котораго не должно смѣшивать съ гр. Павломъ Киселевымъ, министромъ государственныхъ имуществъ и затѣмъ чрезвычайнымъ посломъ нашимъ въ Парижѣ). Поэтому и въ изданномъ журналѣ Балабина исключительно говорится о парижской жизни и при томъ великосвѣтской, въ которую онъ имѣлъ доступъ, какъ состоящій при посольствѣ. Онъ сообщаетъ не мало любопытныхъ свѣдѣній о главнѣйшихъ политическихъ дѣятеляхъ того времени во Франціи, какъ-то о Гизо, Тьерѣ, Ламартинѣ, объ обществѣ, собиравшемся у извѣстной княгини Ливенъ, а также у Свѣчиной, и другихъ лицахъ. Какъ самъ большой музыкантъ, Балабинъ говоритъ не мало объ оперѣ въ Парижѣ и знаменитыхъ пѣвцахъ и музыкантахъ, въ свое время по-

¹⁾ Свѣдѣнія объ этомъ и дальнейшей службѣ В. П. Балабина заимствованы нами изъ дѣла о его службѣ (№ 37, IV, 6) въ государственномъ архивѣ въ Петербургѣ.

сбщавшихъ и нашу столицу, о театрахъ, различныхъ выставкахъ картинъ т. д. Все это изложено очень просто и живо и читается весьма легко и съ не малымъ интересомъ.

П. Майковъ.

А. Успенскій. Столбцы бывшаго архива Оружейной палаты. Вып. 3. М. 1914. Изд. общ. архива мин. имп. двора. Стр. 497—738. Ц. 2 р. 50 к.

На всякаго неспециалиста эти «столбцы» должны произвести впечатлѣ удручающее впечатлѣніе. Дѣйствительно, чего можно ожидать интереснаго отъ книги, гдѣ подъ номерами помѣщены одни лишь списки древнихъ актовъ и такого еще содержанія, какъ, напримѣръ, о высылкѣ въ Москву къ государевымъ дѣламъ двухъ каменщиковъ, о выдачѣ церковныхъ облачений въ московскіе соборы и церкви, о посылкѣ подарковъ восточнымъ патріархамъ и прочіе въ томъ же родѣ.

Но вотъ начинаешь просматривать столбцы, а кое-гдѣ повнимательнѣе и прочитывать ихъ, и невольно эти сухіе съ виду документы, страница за страницей, все болѣе и болѣе приковываютъ къ себѣ ваше вниманіе. Дѣйствительно, изъ отдѣльныхъ мелкихъ черточекъ, разбросанныхъ вездѣ по этимъ столбцамъ и характеризующихъ жизнь XVII вѣка, предъ читателемъ развертывается яркая картина того времени. Напримѣръ, очень любопытна такая подробность, занесенная въ одинъ изъ актовъ (№ 1.283): «А пожаловалъ великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ московскій и всеа Русіи тѣмъ кубкомъ и отласомъ и собольми бѣярина Ивана Никитича за то, что онъ на вербное воскресенье подъ великимъ государемъ патріархомъ ослѣ велѣ». Или вотъ очень выразительная челобитная Алексѣя Нащокина (за № 1279в): «Живу я холопъ твой при твоѣй царской свѣтлости въ житѣ. Помѣстѣйца, государь, за мной холопомъ твоимъ и вотчинки нѣтъ нигдѣ ни одной чети. Скутаюсь межъ дворѣ. Милосердый государь царь и великій князь Михайло Федоровичъ всеа Русіа пожалуй меня холопа своего для моея бѣдности, вели мнѣ дать на платышко, какъ тебѣ государю Богъ извѣститъ. Царь государь смилуйся, пожалуй».

И содержаніе этихъ актовъ интересно, и великолѣпнѣе нашъ старинный языкъ, крѣпкій, выразительный, «ядреный», какимъ говорили и одинаково писали въ XVII вѣкѣ наши предки, особенно послѣ чахлой теперешней литературной рѣчи. Въ этомъ отношеніи чтеніе древнихъ документовъ доставляетъ прямо-таки художественное наслажденіе. Трудно не испытывать особеннаго удовольствія, когда встрѣчаешь въ описаніи царскаго платья такія выраженія: «образцы по атласу по таусинному низаны жемчугомъ съ канителью, завязки шолкъ зеленъ съ золотомъ...», или когда документъ говоритъ о купленныхъ въ Архангельскѣ для царя «фряжскихъ винахъ», разныхъ «романеяхъ», «мушкатели», «мармази» и пр., и пр.

Таковы впечатлѣнія отъ книги у неспециалиста, специалистъ же извлечетъ изъ нея для себя необходимое полными горстями.

Ал-дръ Елецкій.

«Въ странѣ чудесъ». А. Ренниковъ. (Правда о прибалтійскихъ нѣмцахъ). Петроградъ. 1915 г. Изданіе М. А. Суворина. Стр. 347. Цѣна 1 р. 50 к., со многими рисунками и снимками въ текстѣ.

Война произвела переоцѣнку многихъ цѣнностей, и только поэтому получилась возможность писать о такихъ вопросахъ, которые до войны представлялись безнадежно заброшенными. Къ такимъ вопросамъ принадлежалъ и прибалтійскій вопросъ. Никакой самый храбрый публицистъ или экономистъ не рискнули бы до войны написать «правду о прибалтійскихъ нѣмцахъ». Фонды нѣмецкихъ бароновъ стояли такъ высоко, особенно послѣ пресловутаго возстанія латышей, что никакая газета не отвела бы даже строчки, неспріятной господамъ баронамъ. Давно уже въ публикѣ ходили смутные слухи, что въ Прибалтикѣ далеко не все благополучно, дѣлались робкія попытки отдѣльныхъ русскихъ, мѣстныхъ администраторовъ проникнуть въ тайны разныхъ опуставшихъ Остзейскій край ферейновъ, но все эти попытки пресѣкались въ корнѣ указами изъ Петрограда на недопустимость какихъ-либо сомнѣній въ лояльности прибалтійскихъ нѣмцевъ, и только война позволила поднять уголокъ плотнаго занавѣса, скрывавшаго за собой «страну чудесъ», и передъ глазами изумленныхъ читателей развернулась картина удивительно сохранившагося въ нѣсколькихъ часахъ отъ Петрограда средневѣковья со всемъ комплексомъ феодальнаго права, съ гильдіями, съ полнымъ подчиненіемъ нѣмецкимъ элементомъ, составляющимъ восемь процентовъ всего мѣстнаго населенія, остальныхъ 92 процентовъ латышей, эстонцевъ, русскихъ и поляковъ, съ чрезвычайно запутанными, но безусловно выгодными для нѣмецкихъ земельладѣльцевъ земельными отношеніями и съ такими привилегіями бароновъ, которыхъ не знало даже крѣпостное право. Первоначально свои изумительныя открытія г. Ренниковъ печаталъ отдѣльными статьями въ «Новомъ Времени», и тамъ онѣ производили ошеломляющее впечатлѣніе, но особый эффектъ получился только тогда, когда эти статьи составили солидный томикъ съ массою рисунковъ и снимковъ и съ значительными дополненіями, пропущенными въ газетѣ. До войны многіе наивно думали, что Прибалтика составляетъ неотъемлемую часть Русскаго государства, но приведенное на страницахъ 12—13 книжки г. Ренникова стихотвореніе, приписываемое газетшотскому предводителю дворянства барону Карлу фонъ-Мантейфелю «Wacht in Ost» безнадежно разочаровываетъ такихъ проспакозовъ. Въ этомъ стихотвореніи г. Мантейфель мечтаетъ о скоромъ времени, когда въ Прибалтикѣ «воцарится скоро весна вмѣсто зимы и одна рѣчь (конечно, нѣмецкая), одна вѣра (конечно, лютеранская), одна земля объединять единый братскій народъ». Теперь не удивительно, что «сынишка одного изъ заправиль города Риги отказывается изучать русскій языкъ и говорить репетитору: «Не хочу учить русскій!.. Онъ скоро здѣсь никому не понадобится!» (стр. 50). Если къ этому еще прибавить 10 заповѣдей «Дейчеръ-ферейна», помѣщенныхъ въ календарѣ на 1914 г. (стр. 259), особенно заповѣди первую и девятую, то совершенно ясно станеть, къ какому «нашему государству» и «нашему передовому народу» причисляютъ себя остзейскіе нѣмцы. Да, много чудесъ въ Прибалтикѣ! Оказывается, что прибалтійскіе бароны болѣе страстные

игроки въ лаунъ-теннсъ, чѣмъ англичане, и любятъ устраивать для этого бетонныя площадки на пустынныхъ песчаныхъ берегахъ моря, несомнѣнно, чтобы никто имъ не мѣшалъ наслаждаться этой игрой, что они необычайно искусно ловятъ какихъ-то птицъ съ особыхъ вышекъ, что управляюще и другіе служащіе въ ихъ имѣніяхъ, исключительно чины запаса германской арміи, заядлые рыболовы, по пѣлымъ недѣлямъ изслѣдующіе прибрежную глубину, что въ нѣмецкихъ имѣніяхъ среди лѣсовъ культивируются болота и лѣсныя площадки спосѣбомъ, совершенно неизвѣстнымъ агрономамъ, — именно путемъ сплошной засыпки ихъ бѣлой известью и т. п. Бароны-землевладельцы чрезвычайно безкорыстны и продаютъ нѣмецкимъ колонистамъ свою землю, стоящую 170—150 руб. десятина, за 50—70 рублей, а рижскій магистратъ чрезвычайно заботливъ объ участи своихъ согражданъ (но только нѣмцевъ) и служащихъ въ магистратъ (тоже только нѣмцевъ), славая и даже продавая городскія земли прямо за гроши въ тѣмъ мѣстахъ, гдѣ русскіе и латыши не могутъ купить землю или арендовать ее за рубли. Но все это безкорыстіе сразу слетѣло при реквизиціи лошадей и автомобилей, и многимъ баронамъ пришлось по судебнымъ приговорамъ или оставить временно свои владѣнія, или заплатить штрафы и другими неудобствами. Да, много чудесъ! Сплошныя чудеса!

Въ короткой рецензентской замѣткѣ нельзя исчерпать все содержаніе чрезвычайно интересной и важной книжки г. Ренникова, пришлось бы выписывать цѣлыя страницы, — остается только горячо ее рекомендовать, какъ настольную книгу для каждаго русскаго человѣка.

П. Л.—овъ.

**Труды саратовской ученой архивной комиссіи. Выпускъ 31. 1914. Стр. 300.
Ц. 2 р.**

На первыхъ страницахъ тридцать перваго выпуска помѣщены «Акты и грамоты Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря» 1472—1695 гг. Документы пересмотрѣны профессоромъ Н. К. Никольскимъ изъ Петрограда. Въ монастырь, «по указу великихъ государей царей і великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича» препровождался раскольникъ Аeonька Лентинъ, для исправленія въ вѣрѣ, и велѣно его «держать въ земляной тюрьмѣ въ тѣхъ же кандалахъ», въ которыхъ онъ посланъ съ Москвы. Не мало выразительныхъ подробностей относительно нашей бытовой старины разсыпано и въ статьяхъ гг. Доброва: «Слѣдствіе о Кузнецкомъ пожарѣ въ 1839 г.», проф. Бахметьева: «Освобожденіе моего отца отъ крѣпостного ига» и другихъ.

Интересъ къ внѣшней культурѣ вымершихъ поколѣній на нашей землѣ въ той или другой мѣрѣ насыщаютъ и у читателя-неспециалиста иллюстрированія. Въ «Трудахъ» снабжены рисунками нижеслѣдующіе очерки: «Курганы и яминъ на выгонѣ гор. Петровска», г. Зайковскаго; «Раскопки двухъ кургановъ въ имѣніи Радищевыхъ при с. Адоевщицѣ», В. Орѣхова; «Хвалынскія городища» г. Радищева; «Павловская пещера», г. Орѣхова и т. д.

Отраженъ въ сборникѣ и кое-что изъ міра мѣстныхъ преданій: «Изъ легендъ Дѣвичьихъ горъ. Волшебница Аринка» (ея чары одолѣли и могучаго Сте-

пана Разина»), г. Зайковского и его же: «Сахарное озеро. Легенда, записанная на развалинах Сарая». Имѣются въ тридцать первомъ выпускѣ архива и статьи: «Къ исторіи пѣмецкихъ колоній въ Саратовской губерніи» г. Хованскаго; «Къ исторіи старыхъ русскихъ селъ въ теперешней Болгаріи», профессора Вахметьева.

Пріоткрывается уже текущая провинціальная духовная жизнь и въ разныхъ докладахъ и отчетахъ ученой архивной комиссіи. Къ слову—«весь сборъ отъ продажи настоящаго выпуска «Трудовъ», по постановленію общаго собранія комиссіи 9-го августа 1914 года, назначенъ въ помощь раненымъ и больнымъ воинамъ и ихъ семьямъ».

А. Нальмовъ.

П. Дульскій. Памятники казанской старины. Съ 50 снимками видовъ «Старой Казани». Казань. 1914 г. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Для интересующихся русскою стариною книга г. Дульскаго представляетъ несомнѣнный интересъ. Послѣ краткаго очерка возникновенія Казани авторъ переходитъ къ описанію разныхъ памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго зодчества этого города съ XVI по XIX вѣка включительно, довольно подробно описывая церкви Казани, ихъ фрески, различные строенія, сохранившіяся въ первоначальномъ ихъ видѣ или реставрированныя, зачастую не всегда удачно, въ позднѣйшее время. Къ числу интереснѣйшихъ и древнѣйшихъ памятниковъ Казани долженъ быть отнесенъ кафедральный соборъ Благовѣщенія, закладка котораго состоялась въ день вѣзла Іоанна Грознаго въ Казань 4-го октября 1552 года. Изъ памятниковъ гражданскаго зодчества обращаетъ на себя вниманіе университетъ, сооруженный въ 1825 году на мѣстѣ и подъ вліяніемъ фасада зданія построенной еще при императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ мужской гимназіи. Интересенъ памятникъ поэту Державину (1846 г.), выполненный въ классическомъ духѣ и украшенный барельефами на постаментѣ. Любопытно описаніе памятника павшимъ при взятіи Казани воинамъ, представляющаго собою оригинальное сочетаніе египетскаго стиля съ греческимъ; такое смѣшеніе авторъ объясняетъ, какъ результатъ впечатлѣній создателя этого памятника, архитектора Алферова, отъ совершеннаго имъ незадолго до того путешествія по Египту и Греціи.

Одну изъ главъ книги г. Дульскій посвящаетъ описанію старинныхъ монастырей и церквей, находящихся въ окрестностяхъ Казани, и сосѣдняго города Свияжска—мѣста древняго художества русской старины.

Къ книгѣ присоединена статья Б. П. Денике—о фрескахъ Успенскаго собора въ Свияжскомъ мужскомъ монастырѣ, а также указатель литературы о памятникахъ Казани.

Въ текстѣ помѣщено много хорошо исполненныхъ иллюстрацій—видовъ старой Казани; часть этихъ иллюстрацій является снимками съ этюдовъ художника Турина, жившаго въ прошломъ столѣтіи. Этюды его служатъ прекраснымъ историческимъ матеріаломъ для составленія картины казанской жизни XIX вѣка.

А. С. В.

Дѣйствія нижегородской губернской, ученой архивной комиссіи. Сборникъ Томъ XVII. Выпускъ I. Нижній-Новгородъ. 1914. Стр. 52+26. Цѣна не обозначена.

Наиболѣе пикантной во всѣхъ отношеніяхъ статей настоящаго выпуска является сообщеніе Н. П. Матюнина о происхожденіи извѣстнаго живописца А. В. Ступина. Оказывается, что онъ былъ сыномъ игумена и одного помѣщика Арзамасскаго уѣзда. Н. В. Степановъ путемъ кропотливыхъ изысканій и остроумныхъ соображеній устанавливаетъ «вѣроятнѣйшую» дату рожденія святого благовѣрнаго великаго князя Георгія Всеволодовича, именно 26-ое ноября 1187 года. Въ обширной статьѣ В. М. Косткина «Посѣщеніе Н.-Новгорода императоромъ Николаемъ I и его заботы по благоустройству города» обращаютъ на себя особое вниманіе два слѣдующія замѣчанія общаго характера: 1) Въ Петроградѣ ни одинъ частный домъ въ центрѣ города, въ Россіи ни одно общественное зданіе не возводилось и не перестраивалось безъ вѣдома Николая Павловича: всѣ проекты для подобныхъ построекъ онъ разсматривалъ и утверждалъ самъ. 2) Во всѣхъ своихъ поѣздкахъ императоръ строго запрещалъ полиціи разгонять или останавливать народъ и даже приходилъ въ гнѣвъ, если замѣчалъ нарушеніе этого распоряженія. В. П. Княжнинъ публикуетъ изъ Добролюбовскаго архива два письма: одно дѣда писателя къ его отцу, а другое къ отцу П. А. Добролюбова отъ его пріятели. Оба письма, по справедливому мнѣнію издателя, представляютъ «безхитрое, непосредственное описаніе жизни 30-хъ годовъ XIX вѣка». Кромѣ того, въ выпускѣ имѣются описи дѣлъ и журналы засѣданій комиссіи за конецъ 1913 и начало 1914 годовъ.

М.

В. К. Лукомскій и В. Л. Модзалевскій. Малороссійскій Гербовникъ. Съ рисунками Е. Нарбута. Изданіе черниговскаго дворянства. Петроградъ. 1914.

Исслѣдованія въ области отечественной геральдики, къ которой вообще за послѣднее время проснулся значительный интересъ, продолжаютъ оставаться чрезвычайно немногочисленными. За исключеніемъ журнала «Гербовѣдъ», существующаго всего только два года, врядъ ли можно насчитать хотя бы самое ограниченное число какъ отдѣльных трудовъ, такъ и статей, посвященныхъ данному предмету. И потому появленіе въ этой области новой большой работы нельзя не признать событіемъ, далеко не лишенымъ крупнаго интереса.

«Малороссійскій Гербовникъ», изданный по постановленію черниговскаго дворянства, распадается на двѣ части: геральдическую, составленную В. К. Лукомскимъ, и генеалогическую, составленную В. Л. Модзалевскимъ.

Трудъ В. К. Лукомскаго, извѣстнаго своими многочисленными статьями по геральдикѣ и генеалогіи, представляетъ собою детальную разработку разсматриваемаго имъ предмета и является результатомъ внимательнаго изученія свыше 6,000 архивныхъ дѣлъ черниговскаго дворянскаго депутатскаго собранія. Въ предисловіи составитель подробно указываетъ тѣ источники,

которыми онъ пользовался для извлечения гербовъ малороссійскаго дворянства. Богатый и драгоценный матеріалъ (всего около 600 гербовъ), который былъ собранъ В. К. Лукомскимъ, посвятившимъ немало времени на трудную и кропотливую подготовительную работу, сгруппированъ составителемъ въ три различныя категоріи: 1) гербы фамилій малороссійскаго происхожденія, Высочайше утвержденныя и внесенныя въ общій гербовникъ; 2) гербы польскіе, коими пользуются представители различныхъ малороссійскихъ родовъ, и 3) гербы «самобытной композиціи», представляюще собою, какъ совершенно справедливо указываетъ составитель, «наибольшій интересъ оригинальностью выбора своеобразныхъ эмблемъ». Каждому гербу двухъ послѣднихъ группъ, вошедшему въ «Гербовникъ», дано В. К. Лукомскимъ подробное описаніе, что, при разнообразіи гербовыхъ фигуръ, при разнообразіи ихъ сочетаній и при недостаточной выработкѣ у насъ условнаго геральдическаго языка, представляется далеко не легкимъ дѣломъ. Такимъ образомъ, благодаря появленію «Малороссійскаго Гербовника», цѣлый рядъ гербовъ, нерѣдко весьма старинныхъ, весьма интересныхъ по замыслу и по заключающимся въ нихъ эмблемамъ, не только извлечены на свѣтъ изъ той безвѣстности, въ которой они до сихъ поръ находились, но собраны, систематизированы и описаны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русская геральдическая наука обогащена новымъ источникомъ для дальнѣйшаго изученія и дальнѣйшихъ изслѣдованій.

Генеалогическая часть «Гербовника», а также и та система, которая была положена въ основаніе при его составленіи, разработана В. Л. Модзалевскимъ. Къ сожалѣнію, планъ, принятый имъ въ основаніе и изложенный въ его объяснительномъ предисловіи, страдает нѣкоторой туманностью и неясностью. Трудно понять, почему, напримѣръ, В. Л. Модзалевскій, помѣщая въ «Гербовникъ» гербъ «вспѣвальной музыки тенориста» Чижевскаго, исключаетъ изъ него гербъ «басиста» той же музыки Коченева; пожалованнаго дворянствомъ и гербомъ одновременно съ Чижевскимъ, причѣмъ потомство Коченева внесено въ родословную книгу черниговскаго дворянства, а— Чижевскаго нѣтъ? Или почему не внесень въ «Гербовникъ» гербъ Звенигородскихъ, «предокъ коихъ—Василій Звенигородскій находился въ службѣ въ бывшихъ малороссійскихъ войскахъ и въ 1742 году награжденъ чиномъ войскаго товарища»? Или почему не помѣщенъ въ «Гербовникъ» гербъ потомства повгородъ-сѣверскаго уроженца Федора Дубянскаго, духовника императрицы Елизаветы Петровны и лица далеко незауряднаго? Неприятно поражается глазъ отсутствіемъ всякаго упоминанія о гербѣ Богдана Хмѣльницкаго, хотя онъ наряду съ своей гетманскою печатью пользовался и печатью родовой (Абданкъ).

Художественная сторона «Гербовника» не оставляетъ желать ничего лучшаго. Рисунки Высочайше утвержденныхъ гербовъ представляютъ собою точную репродукцію съ ихъ изображеній, находящихся въ общемъ гербовникѣ, или воспроизведены съ подлинныхъ грамотъ и дипломовъ. Польскіе гербы репродуцированы съ польскаго гербовника К. Лодзя-Чарнецкаго. Что же касается оригинальныхъ малороссійскихъ гербовъ, то рисунки ихъ исполнены Г. П. Нарбутомъ съ тѣмъ искусствомъ и талантомъ, которыми вообще отмѣчены всѣ работы этого художника.

По количеству и цѣнности геральдическаго матеріала «Малороссійскій Гербовникъ» займетъ выдающееся мѣсто въ литературѣ по отечественному гербовѣдѣнію, а черниговское дворянское депутатское собраніе, показавшее прочимъ дворянскимъ собраніямъ примѣръ въ этомъ дѣлѣ, имѣетъ неоспоримое право на искреннюю благодарность за опубликованіе столь интереснаго и богатаго матеріала.

Р. В. М.

Великорусскія сказки Пермской губерніи. Съ приложеніемъ двѣнадцати башкирскихъ сказокъ и одной мещерянской. Сборникъ Д. К. Зеленина. Петр. 1915. Стр. LIII+656. Цѣна 2 р. 50 к.

Сборникъ сказокъ, записанныхъ неумолимымъ дѣятелемъ на пивѣ русской этнографіи Д. К. Зеленинымъ, представляетъ многознаменательное явленіе. Обычна увѣренность въ томъ, что живая традиція устнаго творчества сильноклонится къ полному исчезновенію въ народѣ; а, между тѣмъ, факты доказываютъ противоположное. Братья Борисъ и Юрій Соколовы составили недавно большое собраніе сказокъ въ Новгородской губерніи, а Д. К. Зеленинъ даетъ громадный томъ сказокъ Пермской губерніи, преимущественно Екатеринбургскаго уѣзда. И это не какіе-нибудь жалкіе остатки былаго эпоса, не сказки въ двѣ-три странички, а вполне развитыя въ отношеніи сюжета произведенія. Такъ, Д. К. Зеленинымъ записаны сказки въ 16, 14, 12 страницъ печатнаго текста. Богатство памяти и творческой способности обнаруживается удивительное. Отъ сказочника крестьянина деревни Кожакунъ Екатеринбургскаго уѣзда Ломтева собирателемъ записано 227 печатныхъ страницъ, вмѣщающихъ только 27 сказокъ.

Живучесть сказочной традиціи Д. К. Зеленинъ объясняетъ по отношенію къ Пермской губерніи условіями природы Урала: «Близость необитаемаго и дикаго пространства, тянущагося вдоль и поперекъ на сотни верстъ, питаетъ и крѣпитъ въ сосѣднемъ населеніи вѣру во все таинственное и волшебное. А такая вѣра—прямой залогъ глубокаго интереса къ сказкѣ». Подтверженіе этому находимъ въ томъ, что мѣстомъ дѣйствія большей части записанныхъ собирателемъ сказокъ является Уралъ.

Бытовые условія также способствуютъ сохраненію сказочной традиціи. Въ рудникахъ, на рыбныхъ ловляхъ, въ лѣсосѣкахъ въ долгіе зимніе вечера сказка оказывается среди многочисленныхъ рабочихъ артелей единственнымъ средствомъ развлеченія. Среди ремесленниковъ, особенно «пимокатовъ», т. е., валяльщикова валеной обуви, и портныхъ сказка также держится крѣпко. Заказчики даже предпочитаютъ ремесленниковъ, знающихъ сказки, такъ какъ съ ними веселѣе. Своеобразно отразился этотъ интересъ къ сказкѣ въ одной изъ пермскихъ сказокъ, гдѣ рассказывается, какъ странниковъ пустили на царскую свадьбу только послѣ заявленія съ ихъ стороны, что они умѣютъ рассказывать сказки.

Не всѣ пермскія сказки, такъ сказать, аборигены данной мѣстности. Сильно заносится сюда сказка солдатами и тюремными сидѣльцами изъ другихъ мѣстъ: подаркомъ толстовскій Акимъ говорилъ о военной службѣ и тюрьмѣ, какъ сред-

ствахъ развитія мужиковъ. Солдатское вліяніе въ сказкахъ очень велико; въ большомъ количествѣ сказокъ дѣйствующими лицами являются солдаты, при чемъ, конечно, это всегда храбрцы, люди находчивые, опытные.

Среди сказокъ Пермскаго края есть совершенно неизвѣстныя въ этнографической литературѣ, какъ сказка «Рязанцевъ и Милотинъ», мѣстомъ дѣйствія которой оказывается даже «Питербурхъ», въ ней и городничій дѣйствуетъ, и фрейлины, и лакейки. Однако одинъ изъ сюжетовъ этой сказки о духахъ, запертыхъ кунцомъ Рязанцевымъ въ шкатудку и брошенныхъ въ море, восходитъ къ талмудической легендѣ о духахъ, бывшихъ на службѣ у царя Соломона.

Очень интересны наблюденія Д. К. Зеленина подъ типами сказочниковъ. Упомянутый Ломтевъ относился къ сказкамъ серьезно, не любилъ сказывать такія, въ которыхъ много неприличнаго элемента: эти-де сказки—«только мужикамъ ржать». Онъ почти вѣрилъ въ истинность дѣйствія сказокъ и увѣрялъ собирателя, что его сказки—изъ книжки, что, очевидно, имѣло цѣлью поднять собственный авторитетъ, какъ сказочника. Противоположный типъ—сказочникъ Савруллинъ. Для него сказка—складка: онъ любитъ рѣшмы, рѣшмый стиль и, нужно—не нужно вводить въ сказку какое-либо лицо для рѣшмы. Встрѣтится ему слово «триста», сейчасъ же на сцену является созвучный «приставъ», хотя въ немъ нѣтъ никакой надобности.

Къ сборнику приложенъ словарь областныхъ словъ, примѣчанія, содержащія перечень сюжетовъ и указаніе вариантовъ, а также index именъ и предметовъ.

Въ книгѣ собиратель обѣщаетъ такое же собраніе вятскихъ сказокъ. Желаемъ, чтобы столь полезное для науки и интересное изданіе не задержалось.

В. Даниловъ.

Д. І. Нивинскій. Народная словесность. Посobie для учащихся при изученіи русской литературы. Петр. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время» 1914 г. Стр. 222. Ц. 1 р. 25 к.

Въ краткомъ введеніи авторъ знакомитъ читателя съ вопросомъ о происхожденіи народнаго творчества и его видовъ, используя для этой цѣли послѣднее слово науки. Построеніе самой книги задумано оригинально. Она состоитъ изъ двухъ большихъ частей, содержащихъ «лирическую поэзію» и «эпическую поэзію». Въ первой разсматриваются обрядовыя пѣсни и бытовыя; во второй—заговоры-заклинанія, сказки, загадки, пословицы и поговорки, былины и историческія пѣсни. Эти рубрики имѣютъ свои дальнѣйшія подраздѣленія. Въ каждой такой маленькой главкѣ авторъ, стараясь быть возможно понятнѣе, объясняетъ, что, напримѣръ, такое пѣсни хороводныя или свадебныя, миѣческія сказки и т. п.

Въ цѣляхъ наглядности, авторъ приводитъ описанія различныхъ народныхъ игръ, пѣсень, заговоровъ и т. д. въ томъ видѣ, какъ они попадаются у разныхъ русскихъ писателей. Напримѣръ, описаніе колядки взято изъ «Ночи подъ Рождество» Гоголя, гаданія и хороводы—изъ Мельникова-Печерскаго, заговоры—изъ «Князя Серебрянаго» Ал. Толстого и т. д. Въ концѣ

каждой главы, содержащей объясненіе какого-либо вида народнаго творчества (сказки, пѣсни, былины), дается опредѣленіе его («сказкой называется» и т. д.) и прилагаются образцы: пѣсень, сказокъ, заговоровъ, пословицъ, отрывковъ изъ былинь. Гдѣ нужно, приводятся параллели изъ другихъ литературъ, очень оживляющія изложеніе.

Отмѣтимъ, что пѣсня «Не шуми, мати, зеленая дубравушка» не можетъ служить образцомъ «широкаго разгула, удали и безграничной веселости», стр. 51—52. Лучше бы взять, напримѣръ, ту, въ которой поется: «а и въ горѣ жить—не кручинну быть». Жаль также, что автору осталось, повидимому, неизвѣстнымъ собраніе (т. I) обрядовыхъ пѣсень, сдѣланное П. В. Кирѣевскимъ и изданное подъ редакціей покойнаго В. Θ. Миллера и М. Н. Сперанскаго московскимъ обществомъ любителей россійской словесности.

В. К.

Александръ Закржевскій. Лермонтовъ и современность. Кіевъ. 1915. Стр. 153. Ц. 1 р.—А. Евлаховъ. Надорванная душа. (Къ апологій Печорина). Въ память столѣтія со дня рожденія Лермонтова. Ейскъ. 1914. Стр. 53. Ц. 50 к.

Обѣ книжки изданы по поводу столѣтняго юбилея Лермонтова.

При ближайшемъ ознакомленіи съ книгою г. Закржевскаго остается большое чувство разочарованія. Многословно и безпочвенно ведетъ свои разсужденія авторъ на заданную себѣ тему... «За волосы», какъ говорится притягиваетъ онъ Лермонтова въ компанію «богоискателей»; безжалостно расцвѣчиваетъ его поэзію партийными ярлыками и всѣ усилія направляетъ къ тому, чтобы изъ сильнѣйшаго индивидуалиста (Лермонтова) и свободнѣйшаго въ обращеніи съ силами ада и рая поэта сдѣлать какого-то члена религіозно-философскаго общества. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ авторъ по всей книгѣ разбрасываетъ сопоставленія поэзіи Лермонтова съ современной поэзіей: «Какъ ужасы плѣняли юный духъ, какъ я рвался на небо къ облакамъ». Лермонтовъ. «Я башню высокую зижду высоко надъ морокомъ жизни». Вячеславъ Ивановъ». При этомъ, по мнѣнію автора: «Лермонтовъ—это какъ бы зеркало, въ которомъ рельефно выступаетъ лицо нашего времени». Почему же не наоборотъ? можно спросить...

Далѣе идутъ сопоставленія со множествомъ другихъ современныхъ писателей... Здѣсь и З. Гиппиусъ, и В. Розановъ. Эго-футуристъ Ив. Игнатьевъ, «изысканный жрецъ сиреневыхъ усадъ»—Игорь Сѣверянинъ, Д. Бурлюкъ, изъ сочиненій котораго авторъ взялъ наиболѣе, по его мнѣнію, сблизжающее настроеніе г. Бурлюка съ Лермонтовымъ: «...Отрадно быть червемъ могильнымъ, сосать убитаго врага, подъ кровомъ ночи смерти пыльномъ, когда ужъ съѣдена нога».

Наконецъ, почему-то къ этой же ультра-современности привлеченъ и Достоевскій... Остается удивляться, почему въ этой компаніи нѣтъ императора Вильгельма и покойнаго Бисмарка, у которыхъ, вѣроятно, тоже нашлись бы двѣ-три фразы, похожія или не похожія на два-три стиха Лермонтова.

Авторъ сопоставляетъ «демонизмъ» Лермонтова съ «сверхчеловѣчествомъ» Ницше. Ничего существеннаго, конечно, и по этому поводу автору не удастся сказать. Онъ упускаетъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ двумя несопоставляемыми плоскостями. Одинъ поэтъ, а другой философъ, олицетворяющіе два совершенно разныхъ принципа творчества. Поэтъ смѣетъ многое. Въ его творествѣ допустимо противорѣчіе, непостоянство и даже ложь. Поэтъ разсуждаетъ «образами», а философъ силенъ логикой. Не уяснивъ себя этого различія, авторъ впадаетъ постоянно въ противорѣчія и создаетъ вопросы, которыхъ не существуетъ. Относясь съ полнымъ восхищеніемъ къ Лермонтову, г. Закржевскій, самъ того не замѣчая, развѣчиваетъ его гений. Связывая его гнилыми нитками именно съ современностью, онъ тѣмъ самымъ отнимаетъ поэта отъ вѣчности. Лермонтовъ, несомнѣнно, будетъ имѣть связь съ «современностью» постольку, поскольку она будетъ въ уровень съ его творческими силами и идеями. Въ этомъ смыслѣ Лермонтовъ такъ же не принадлежитъ «современности», какъ не принадлежатъ и своему поколѣнію. Низводя Лермонтова лишь до «зеркала современности», г. Закржевскій оказывать поэту медвѣжью услугу и вполне заслуживаетъ ту самую оцѣнку, которую онъ дѣлаетъ другимъ критикамъ: «Теперь, въ дни юбилея Лермонтова, пошлость кретиновъ вокругъ пераскрытаго генія достигаетъ, конечно, апогея, и кирпичи всевозможныхъ бездарныхъ истолкователей и фабрикантовъ — загромоздятъ путь къ постиженію одного изъ загадочнѣйшихъ художниковъ нашего времени...»

Что касается брошюры А. Евлахова, то, отвѣчая своему заглавію, она содержитъ простой пересказъ «Героя нашего времени», комментированнаго въ духѣ безсмертія личности Печорина: «Это наша тоска по свободѣ и недостижимому».

А. М. Нечаева.

С. В. Соловьевъ, профессоръ харьковскаго университета († 4-го апрѣля 1913 г.). Очерки изъ исторіи новой французской и провансальской литературы. Съ приложеніемъ некролога и портрета автора. Петроградъ 1915. Стр. XXXIX, + 342. Ц. 2 р.

Покойный С. В. Соловьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ профессоровъ, которые всей душой отдаются дѣлу преподаванія, весьма тщательно работаютъ надъ отдѣлкой своихъ лекцій и сравнительно немного пишутъ для публики. Кромѣ того, почившій ученый не любилъ гоняться за разнообразіемъ темъ, а, приступивъ къ изученію того или другого вопроса, хотѣлъ разработать его возможно детально. Такъ и въ настоящемъ трудѣ онъ заново пердѣлалъ и значительно дополнилъ цѣлый рядъ предшествующихъ своихъ работъ. Первые три очерка [«Изъ исторіи романтической поэзій во Франціи», «О предкахъ французскаго романтизма (отъ септиментализма къ романтизму)», «О романтическомъ идеализмѣ»] выросли изъ критическихъ отзывовъ о трудахъ профессора И. И. Замотина, графа де-ла-Барта и профессора М. Н. Розанова. Въ первомъ изъ нихъ авторъ доказываетъ, что первымъ по времени манифестомъ французскаго романтизма были не «Préface de Cromwell» В. Гюго, а préfaces Фориэля; во второмъ, разбирая вопросъ о такъ называемомъ руссоизмѣ, по-

чившій обращалъ вниманіе на древне-греческаго писателя Діона Златоуста, (Гв. по Р. Хр.), взгляды котораго близко соприкасаются съ Руссо и Л. Толстымъ, и доказывалъ, что Руссо былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ родоначальниковъ французской романтической школы. Въ третьемъ очеркѣ, полемизируя съ профессоромъ Замотинымъ, С. В. Соловьевъ указывалъ, что при опредѣленіи романтизма надо считаться съ характерными національными чертами его въ той или иной странѣ и съ этапами его эволюціи не только въ отдѣльныхъ странахъ, но даже и въ творчествѣ отдѣльныхъ писателей. Четвертая большая (въ 72 страницы) глава посвящена эволюціи литературныхъ взглядовъ Виктора Гюго. Здѣсь краснорѣчиво подчеркнута побѣда французскаго писателя надъ классиками и поражение его отъ реалистовъ и натуралистовъ. Пятый очеркъ, наименѣе интересный и наиболѣе краткій, посвященъ Жоржъ-Зандѣ. Зато съ огромнымъ талантомъ и подъемомъ написанъ послѣдній, къ сожалѣнію, оставшійся не законченнымъ за смертью автора, отдѣлъ книги о провансальской поэзіи и наиболѣе типичномъ новѣйшемъ представителѣ ея Фредерикѣ Мистралѣ. Характеризуя его поэму «Mireio», С. В. Соловьевъ писалъ: «Главное лицо въ ней... «Провансъ» съ его горами, долинами, масличными рощами, виноградниками, пустынной равниной Камарго, капризной и коварной Роной, болѣе скромной Дурансой; Провансъ, съ его благодѣтельнымъ, хотя и суровымъ вѣтромъ мистралемъ, съ лазуревымъ небомъ, съ южнымъ горячимъ солнцемъ, его религіей, суевѣріями, легендами и поэтическими традиціями; Провансъ съ бьющей ключомъ жизнью...» Не мудрено, что эта благодатная страна и ея поэзія увлекли одного изъ нашихъ соотечественниковъ (Н. Н. Семенова) до того, что онъ тамъ выстроилъ себѣ замокъ, гдѣ неоднократно принималъ своихъ друзей—поэтовъ-провансальцевъ.

Задушевно и тепло написанный некрологъ почившаго автора, составленный его ученымъ коллегой профессоромъ В. П. Бузескуломъ, наглядно показываетъ, сколько потеряли со смертью С. В. Соловьева наука и университетское преподаваніе. Изъ этого же некролога мы знакомимся съ обаятельной личностью покойнаго, и, вѣроятно, многіе, прочитавшіе статью профессора Бузескула, пожалуютъ, что имъ не удалось познакомиться съ Соловьевымъ при его жизни. Таково, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе автора этихъ строкъ.

Л. Л.

Лаврецкій (Б. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобиль (въ 1913 г. и 1914 г.г.) и очерки «День за днемъ». Библиотека «Вечерняго Времени». Изданіе Б. А. Суворина. Пгр. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р.

Б. А. Суворинъ, немало фздившій на своемъ автомобильѣ въ теченіе двухъ лѣтъ по Германіи въ качествѣ рядового туриста, дѣлится воспоминаніями и любопытными впечатлѣніями о своемъ пребываніи у нашихъ нынѣшнихъ враговъ. Въ настоящіе дни Б. Суворинъ занялъ въ нашей публицистикѣ рѣзко очерченное положеніе страстнаго и энергичнаго борца за самодѣятельность Россіи, угнетенной цѣпкимъ нѣмецкимъ засильемъ, и за изгнаніе «внутренняго нѣмца» изъ всѣхъ отраслей нашей общественной и государственной жизни. По-

20*

этому тѣ, кто станутъ искать въ его книгѣ «До войны» какихъ-либо огульныхъ недоброжелательныхъ отзывовъ ко всему нѣмецкому, какъ враждебному намъ, глубоко ошибутся. Правда, и до войны нѣмецкая тупость, самодовольство, ограниченная увѣренность въ неизбѣмости принципа «Deutschland über alles», все это отталкивало автора отъ «новой» современной Германіи, но тонъ повѣствованія остался строго корректнымъ и разсказъ безпристрастнымъ, объективнымъ. Авторъ просто заноситъ въ свою записную книжку то, что встрѣчаемъ на пути, описываетъ мѣстности, ландшафты, нравы и обычаи людей этихъ мѣстъ, старинные памятники прошлаго, безмолвную красоту древнихъ зданій, ратушь, соборовъ, башенъ и вообще старую германскую культуру, передъ которой трудно удержаться и теперь, чтобы не выразить чувства глубокаго уваженія и восхищенія. Но благодаря этимъ памятникамъ старинной цивилизаціи, современная Германія вырисовывается какъ-то еще ярче и выпуклѣе въ своей вымуштрованной по прусской указкѣ новой культурѣ, и, изображая этихъ новыхъ нѣмцевъ и эти новыя жизненныя условія и явленія, В. Суворинъ даетъ рѣзкую характеристику слугъ Вильгельма II, будь то берлинскій лейтенантъ или простой «добрый» бюргеръ. На ряду съ картинами вылощенной нѣмецкой аккуратности, предусмотрительности и долгихъ, заранѣе обдуманыхъ приготовленій къ нынѣшней войнѣ, авторъ даетъ нѣсколько характерныхъ штриховъ нашей отечественной безалаберности и перышества. Подобно очень многимъ русскимъ, еще въ то время, когда ни о какой войнѣ съ Германіей у насъ не было и рѣчи, В. Суворинъ какъ-то точно между строкъ высказываетъ особенную враждебность къ напыщенному, самодовольному и самоувѣренному въ своей правотѣ и могуществѣ нѣмцу, и это чувство вражды, сквозящее въ простыхъ воспоминаніяхъ туриста, характерно и важно въ томъ отношеніи, что показываетъ намъ, какъ глубоко противоположенъ, намъ русскимъ, юнкерско-прусскій духъ, искалѣчившій германскую культуру, и какъ уже заранѣе чужалось въ воздухѣ будущее столкновеніе двухъ народовъ. Особенно интересны воспоминанія о его пребываніи въ Германіи въ послѣднюю недѣлю до войны. Книга оканчивается нѣсколькими фельетонами изъ «Вечерняго Времени»—«День заднемъ», гдѣ авторъ уже совершенно опредѣленно высказываетъ тѣ мысли о Германіи, которыя незамѣтно бродили въ немъ во время его путешествія и въ дни войны получили, наконецъ, твердую обоснованность и опредѣленность.

Въ цѣломъ книга В. А. Суворина читается съ неослабвающимъ интересомъ, чему, кромѣ злободневности темы, много способствуетъ легкость разсказа, сплошь и рядомъ прерывающагося остроумными и мѣткими замѣчаніями.

Д. М—ко.

НОВОСТИ ИСТОРИИ.

Неудачи крымской кампаніи и конецъ императора Николая I.—Колкости Фридриха Великаго по адресу русской императрицы.—«Четвертая шпостась».—Событія русско-турецкой войны предъ судомъ турецкой черни.—Николаевскіе придворные праздники по воспоминаніямъ старой фрейлины.—Университетскіе студенты за артиллеріей и фортификаціей.—Новое о Тургеневѣ.—Тайны его творчества.—Кто былъ первообразомъ Базарова?—Два неизписанныхъ разсказа изъ «Записокъ Охотника».—Антипатія къ Некрасову и Бенедиктову.—Ничилизмъ въ гостяхъ у эстета.—Новое о Гоголѣ.—Гоголь на медленномъ огнѣ Погодинской дружбы.—Нежданное письмо его къ государю.

ИСТОРИЧЕСКІЕ журналы окончательно приспособились къ событіямъ и образовали ежемѣсячные отдѣлы войны и параллельныхъ воспоминаній. Если въ первой части матеріалъ нерѣдко совпадаетъ съ газетнымъ, то во второй воскресается много документовъ и анекдотовъ, которые только теперь, при свѣтѣ новыхъ событій и по снятіи масокъ съ добрыхъ нашихъ сосѣдей,—получаютъ свою полную выразительность.

«Въ «Русской Старинѣ» въ воспоминаніяхъ извѣстнаго Е. И. Ламанскаго находимъ страницы, посвященныя финалу царствованія императора Николая I, тому политическому моменту, когда въ вопросѣ о Святой Землѣ Россія встрѣтила противъ себя почти всю Европу и вынуждена была начать знаменитую крымскую кампанію. Любопытно забытыя ходившія тогда въ русскомъ обществѣ подробности того, какъ русскій царь узналъ о нашихъ пораженіяхъ.

Всѣ говорили, что мы не допустимъ къ себѣ непріятеля и не дозволیمъ ему высадиться въ Крымъ. Утверждали, что тамъ и нельзя высадить болѣе десяти тысячъ солдатъ. Когда пришло извѣстіе, что на насъ идутъ Франція,

Англія и угрожаетъ Италія, и что они готовы вступить на нашу землю въ Крыму, у насъ было такъ мало войска, что предотвратитьъ вторженіе уже не было возможности. Первая встрѣча съ непріятелемъ, высадившимъ сорокъ тысячъ человѣкъ, произошла на рѣкѣ Альмѣ, гдѣ мы потерпѣли пораженіе. При полученіи извѣстія о неудачѣ съ государемъ, по разсказу Ламанскаго, случилось нѣчто вродѣ удара.

«Разсказывали, что, когда посланный съ донесеніемъ Грейгъ явился къ государю и сообщилъ о встрѣчѣ съ непріятельскою арміею, онъ спросилъ его: «Ну, что?..»—«Мы не имѣли успѣха,—отвѣчалъ Грейгъ.—Насъ было мало, полки дрогнули и побѣжали».—«Что?..—побѣжали?».—Государь побагровѣлъ, вскочилъ съ кресла и быстрыми шагами направился къ Грейгу, который съ испуга бросился къ дверямъ и, только своевременно выйдя, избѣжалъ проявленій царскаго гнѣва. Но при этомъ Грейгъ забылъ свою шляпу въ кабинетѣ государя. Какъ уйти безъ шляпы? Онъ подождалъ нѣсколько минутъ, думая, что придетъ камердинеръ, какъ вдругъ дверь открывается, и государь кидаетъ его шляпу.

«Государь никакъ не могъ представить себѣ, что войско его можетъ быть разбито. А что это было за войско! Военная служба для крестьянъ считалась своего рода наказаніемъ. Помѣщики сдавали въ солдаты своихъ крѣпостныхъ за ничтожный проступокъ, даже за дурной характеръ. А какъ обращались съ этими солдатами: ихъ били въ зубы эфесами шпагъ за малѣйшее неправильное поднятіе ноги. Съ этимъ войскомъ, съ отсталымъ оружіемъ мы встрѣтили непріятеля, начавшаго стрѣлять въ насъ на такомъ разстояніи, на которое не хватили наши пушки и ружья. Весьма естественно, мы дрогнули и побѣжали.

«Государь не пережилъ постигшей Россію военной неудачи. Причину его смерти официально приписывали простудѣ во время смотра какого-то полка, но правильнѣе предполагать, что государя сломило пережитое имъ нервное потрясеніе. По ходившимъ тогда слухамъ, государь передъ смертью призвалъ къ себѣ наслѣдника и завѣщалъ ему, между прочимъ, освобожденіе крестьянъ. И въ этомъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Императоръ Николай, несмотря на всю энергію свою въ подавленіи свободнаго развитія, былъ человѣкъ, прямо идущій къ своей цѣли. Онъ серьезно понималъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, но въ его понятіяхъ это не было сочувствіе къ крестьянской несчастной участи, а, главнымъ образомъ, желаніе нивелировать всѣхъ своихъ подданныхъ. Къ скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса побуждали, вѣроятно, также интересы внутренняго спокойствія и общественной безопасности».

«Дневникъ русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 гг.» (Е. Рагозиной, «Русская Старина», апрѣль) рисуетъ небезынтересную картину турецкаго отношенія къ Россіи въ канунъ врученія Портъ извѣстнаго ультиматума съ требованіемъ остановить движеніе турецкой арміи къ Бѣлграду.

Турецкая чернь, еще наканунѣ встрѣчавшая Абдуль-Гамиду въ качествѣ побѣдителя невѣрныхъ, конечно, не сумѣла сразу ни узнать, ни оцѣнить со-

бытія. На улицахъ Стамбула или манифестаціи. Бродячіе актеры типа вѣнскихъ Петрушекъ забавляли народъ веселыми импровизаціями съ одурчиваніемъ русскихъ. Авторъ, случайно появившійся на представленіе этого жанра, подробно передаетъ маленькую комедійку, гдѣ дѣйствующими лицами являлись двѣ куклы—портной и черномазый шутъ. Шутъ, визжа и прыгая, производилъ себя въ самый высокій чинъ.

— Это я поднялъ на ноги весь дипломатическій корпусъ, а иначе московскій гадуръ захватилъ бы вчера Босфоръ и Дарданеллы.

— Какъ!—восклицалъ портной:—русскій флотъ уже прорвался изъ Чернаго моря? Да хранить насъ Аллахъ отъ вражеской силы!

— Что ты говоришь!—восклицалъ шутъ тономъ глубочайшаго негодованія. Развѣ можетъ какой бы тамъ ни было европейскій флотъ проникнуть въ Босфоръ? Одинъ выстрѣлъ съ нашего берега, и онъ идетъ ко дну!

Продолжая арескипаду, шутъ переходилъ къ глумленію надъ нашимъ генераломъ Игнатъевымъ.

— Ладно, по дружбѣ я открою тебѣ секретъ! Вчера московскій генералъ перевезъ свои пожитки на стационеръ. Я стоялъ на берегу и видѣлъ собственными глазами, какъ несли чемоданы, ящики и сто пудовъ халвы!

— Аллахъ, на что ему столько! Ну, купишь бы два-три ока (фунта),—на всю компанію и довольно.

— Ахъ, ты, деревянная банка, и этого понять не можетъ: извѣстно каждому, что у нихъ тамъ, въ Московскомъ царствѣ, кромѣ водки и самовара, ничего другого не найдешь въ лавкахъ.

Всгдѣ за тѣмъ начиналось вышучиваніе русскаго ультиматума. Портной, оказывается, даже не зналъ, что значить это слово. Вѣшенный хохотъ публики наполнялъ воздухъ. Турчанки за ширмами начинали визжать, какъ поросята.

— Господа!—объяснялъ шутъ:—ультиматумъ есть обыкновенный листъ бумаги, на которомъ отъ времени до времени московское правительство пишетъ высокой Портѣ разные комплименты. Сегодня утромъ, на примѣръ, генералъ Игнатъевъ, отъ имени князя Горчакова, поздравилъ его величество султана съ блистательнымъ разгромомъ Черняева у Алексинаца...

Толпа всегда толпа, и во дни международныхъ кровопролитій она особенно довѣрчива и новинистична. Какъ ни чудовищна была для знати и черни мысль о послушаніи гяурамъ, случилось именно то, чего никто не ждалъ. Абдуль-Гамиль подписалъ на два мѣсяца перемиріе и отозвалъ свою армію. Народная масса вылила свое негодованіе въ бурныхъ демонстраціяхъ. Точно лавина обрушилась на Константинополь и потрясла его до основанія.

Въ «Нашей Старинѣ» закончились любопытныя записки фрейлины двора императора Николая I, Анненковой-Мердере. Характеръ послѣднихъ страницъ—болѣе вѣншій. Здѣсь мы уже не встрѣчаемъ психологическихъ характеристикъ придворной жизни. Вниманіе автора отдано всецѣло вѣнскимъ проявленіямъ быта, въ частности придворнымъ увеселеніямъ, своею роскошью и изысканностью вызывающимъ въ памяти блистательные праздники вѣка

Екатерины. Вотъ любопытная картина устроенной Николаемъ I въ 1841 году въ Царскомъ Селѣ карусели, весьма удавшейся и навсегда оставшейся въ памяти тѣхъ, кому удалось видѣть это зрѣлище.

«Въ карусели участвовало семнадцать человѣкъ. Ихъ величества, великіе княжны и князья были дѣйствующими лицами и великолѣпно исполнили свои роли. Всѣ кавалеры были въ настоящихъ доспѣхахъ рыцарей среднихъ вѣковъ, такъ какъ государь самъ выбралъ эти доспѣхи, для раздачи участвующимъ, изъ коллекціи древняго вооруженія, находившейся въ царскосельскомъ арсеналѣ. Дамы же сдѣлали себѣ костюмы по портретамъ королевы двѣнадцатаго вѣка.

«Братъ мой имѣлъ честь принимать участіе въ этомъ турнирѣ. Приглашенныхъ быть зрителями было крайне мало. Матушкѣ очень хотѣлось видѣть это зрѣлище и показать его намъ, дѣтямъ, и ей стоило большихъ трудовъ добыть себѣ окошко у кого-либо изъ жившихъ въ Александровскомъ дворцѣ. Въ паркѣ никого не пускали, и было позволено смотрѣть только издали. Послѣ долгихъ хлопотъ ей удалось заручиться однимъ окошкомъ въ чей-то квартирѣ, но изъ него смотрѣли только мы, матушка же въ самый день турнира получила приглашеніе отъ императрицы, которая предложила ей сопровождать мою сестру, уже ранѣе приглашенную по должности фрейлины. Она была крайне польщена такимъ вниманіемъ и не преминула, конечно, воспользоваться столь лестнымъ приглашеніемъ.

«Государыня императрица Александра Феодоровна, умѣвшая отлично ѣздить верхомъ и любившая этотъ спортъ, въ этотъ день была изумительна хороша, такъ какъ средневѣковый костюмъ, который былъ сдѣланъ ей для карусели, замѣчательно шелъ къ ея фигурѣ. Государь, имѣя на себѣ тяжелые доспѣхи рыцаря шестнадцатаго столѣтія, чувствовалъ себя настолькоъ удобно и хорошо, что казалось, будто онъ всю жизнь ихъ носилъ и привыкъ къ нимъ.

«Карусель началась съ того, что всѣ, принимавшіе въ ней участіе, отправились пѣшкомъ въ арсеналъ, гдѣ и сѣли на ожидавшихъ ихъ лошадей. Оттуда, предшествуемая хоромъ музыкантовъ Кирасирскаго полка, тоже наряженныхъ въ древнія одежды и вооруженныхъ съ головы до ногъ, кавалькада отправилась паркомъ къ Александровской башнѣ, прошла «готическими» воротами и затѣмъ, выйдя изъ другихъ воротъ, шагомъ прибыла къ Александровскому дворцу.

«Впереди ѣхалъ герольдъ, которымъ былъ, несмотря на свой маленькій ростъ, Юрьевичъ. Первой парой были императрица и графъ Апраксинъ; ихъ сопровождали маленькіе пажы—великіе князья. Противъ дворца ея величество сошла съ лошади и сѣла въ приготовленное для нея кресло. По окончаніи турнира императрица снова сѣла на лошадь, и всѣ поѣхали парадомъ по саду, такъ что были видимы многимъ постороннимъ зрителямъ, громадной толпой стоявшимъ вдоль рѣшетки парка. Что же касается до тѣхъ дамъ, которыя были приглашены смотрѣть на это зрѣлище, то онѣ всѣ, по распоряженію государя, переданному церемоніймейстеромъ высочайшаго двора княземъ Долгорукимъ, должны были вернуться домой, чтобы переодѣнуть туалеты и вновь вернуться во дворецъ къ ужину.

«Графиня Воронцова на этой карусели была дамой государя. Ея костюмъ Изабеллы Баварской обошелся ей, какъ говорили, въ пять тысячъ рублей. Это было платье изъ громадныхъ квадратовъ, красныхъ и бѣлыхъ; на нихъ были вышиты гладью—шелками и золотомъ—гербы Нарышкиныхъ, и на другихъ—гербы Воронцовыхъ. Она имѣла также очень оригинальную шляпу съ золотомъ и чернымъ бархатомъ, очень точно, какъ тогда утверждали, скопированную съ портрета Изабеллы Баварской»...

Едва ли не самымъ интереснымъ сборникомъ литературныхъ матеріаловъ послѣдняго мѣсяца явился «Тургеневскій сборникъ», составленный подъ редакціей извѣстнаго Н. К. Циксанова изъ трудовъ слушательницъ нашихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Пріятно привѣтствовать рвеніе молодежи, на этотъ разъ выразившееся не въ типичныхъ школьныхъ упражненіяхъ, которыя могутъ радовать профессора и быть рѣшительно никому ненужными, а въ рядѣ работъ по первоисточникамъ и даже по новымъ матеріаламъ.

Такъ, участницамъ сборника удалось открыть новую статью Тургенева, гдѣ онъ какъ бы предначертываетъ планъ будущаго царствованія Александра III, письма матери Тургенева къ сыну, переосцѣнивающія установленный доселѣ взглядъ, что Варвара Петровна и въ отношеніи своего сына была суровой крѣпостницей: она была, оказывается, любящей и нѣжной матерью и интимныя письма Тургенева, касающіяся Θεоктисты Волковой, той крѣпостной дѣвушки, которую влюбленный Тургеневъ купилъ и потомъ, приживъ отъ нея сына, выдалъ замужъ за маленькаго чиновника.

Но особенно цѣнный матеріалъ представляютъ воспоминанія о Тургеневѣ Н. А. Островской, проредактированныя ея дочерью. Воспоминанія счастливо отличаются отъ обычныхъ записокъ о великихъ людяхъ, гдѣ, увы, читателю приходится главнымъ образомъ знакомится съ невеликими. Островская знала Тургенева долго и близко, бесѣдовалъ онъ съ ней охотно, и она принадлежала къ тѣмъ рѣдкимъ собесѣдницамъ, которыя умѣютъ говорить съ писателемъ о томъ, что и ему самому интересно, и въ его біографіи занимательно. Будущій изслѣдователь Тургенева рѣшительно не сможетъ обойти нѣкоторыхъ подсказовъ этихъ записокъ, часто являющихся комментариемъ къ страницамъ тургеневскихъ романовъ и рассказовъ.

Вотъ, между прочимъ, интересная страница, пѣчто уясняющая въ характерѣ художественнаго творчества творца Рудина и Базарова. Въ одной изъ бесѣдъ Тургеневъ такъ высказался о своемъ способѣ создаванія образовъ.

«Чаще всего меня преслѣдуетъ образъ, а схватить его я долго не могу. И странно: часто выясняется мнѣ прежде какое-нибудь второстепенное лицо, а затѣмъ уже главное. Такъ, въ «Рудинѣ» мнѣ прежде всего ясно представился Пигасовъ, представилось, какъ онъ заспорилъ съ Рудинимъ, какъ Рудинъ одѣлалъ его—и послѣ того уже и Рудинъ передо мной обрисовался. Иной разъ напишешь съ вечера сцену,—какъ будто хорошо, на другой день перечтешь и приходишь въ отчаянье. Кажется, если бы самъ чортъ на смѣхъ водилъ твоимъ перомъ—хуже не могло выйти. Такъ и мучаешься надъ каждой страницей. Я обыкновенно, когда кончу какую-нибудь вещь, перечту, перепишу и уже больше не перечитываю. Дамъ сначала прочесть кому-нибудь такому, кто мнѣ

правду скажетъ,—Анненкову, напримѣръ,—а тамъ ужъ прямо и отправляю въ печать.

«Липо Базарова до такой степени меня мучило, что, бывало, сяду я обѣдать, а онъ тутъ передо мной торчитъ; говорю съ кѣмъ-нибудь,—а самъ придумываю, что бы сказалъ Базаровъ на моемъ мѣстѣ? У меня есть вотъ какая большая тетрадь предполагаемыхъ разговоровъ à la Базаровъ. Въ Базаровѣ есть черты двухъ людей: одного медика—(ну, да на того онъ мало похожъ, больше виѣшностью, да и медикъ этотъ побаловался, побаловался—и кончилъ тѣмъ, что все бросилъ и сталъ медициной заниматься). Главный матеріалъ мнѣ далъ одинъ человекъ, который теперь сосланъ въ Сибирь. Я встрѣтился съ нимъ на желѣзной дорогѣ и, благодаря случаю, могъ узнать его. Нашъ поѣздъ отъ сибѣрскихъ заносовъ долженъ былъ простоять сутки на одной маленькой станиці. Мы ужъ и дорогой съ нимъ разговорились, и онъ меня заинтересовалъ, а тутъ пришлось даже почевать вмѣстѣ въ какомъ-то маленькомъ станціонномъ чуланчикѣ. Спать было неудобно, и мы проговорили всю ночь.

— А знали онъ, кто вы?

— Не знаю. Вѣроятно, знали, но это его не стѣсняло. Онъ не считалъ нужнымъ скрываться ни передъ кѣмъ. И, вѣдь, не рисовался нисколько,—онъ былъ совершенно простъ. Къ утру намъ захотѣлось спать. Въ комнатѣ были диванъ и стулъ. Онъ предлагаетъ мнѣ лечь на диванѣ. Я началъ было церемониться, а онъ говоритъ: «Да вы не церемоньтесь; вѣдь, вы на стулѣ не заснете, а я могу заснуть какъ и когда хочу».—Я усомнился.—«Это говоритъ, дѣло выдержки и воли. Вотъ увидите, черезъ пять минутъ я буду спать». Сѣлъ онъ на стулъ, сложилъ руки на груди, закрылъ глаза и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ заснулъ. Онъ въ Сибири, говорятъ, имѣетъ большое вліяніе на окружающихъ».

Записки подтверждаютъ устами Тургенева случайность происхожденія знаменитыхъ «Записокъ охотника». Серію своихъ повелѣй о народѣ-рабѣ Тургеневъ могъ бы продолжать еще долго. Въ запискахъ приведены нѣсколько сюжетовъ его ненаписанныхъ разсказовъ. Тургеневъ разсказывалъ, что у него въ деревнѣ есть старый портфель съ набросками разсказовъ для «Записокъ охотника», которые такъ и не попали въ печать. «Помню, былъ разсказъ объ одномъ истинномъ происшествіи: Бывши студентомъ, пріѣхалъ я лѣтомъ въ деревню охотиться. На охоту водилъ меня старикъ изъ дворовыхъ сосѣдняго имѣнія. Вотъ разъ ходили мы, ходили по лѣсу, устали, сѣли отдохнуть. Только, вижу я, старикъ мой все осматривается, головой покачиваетъ. Меня это, наконецъ, заинтересовало. Спрашиваю: «Ты что?»—«Да мѣсто, говоритъ, знакомое... И разсказалъ онъ мнѣ исторію, какъ когда-то на самомъ этомъ мѣстѣ барина убили. Баринъ былъ жестокой. Особенно понималъ онъ дворовыхъ, конечно, потому что они находились съ нимъ въ болѣе близкихъ сношеніяхъ, чѣмъ крестьяне. Вотъ дворовые и сговорились вытащить его ночью изъ дома куда-нибудь подальше и покончить съ нимъ. Старикъ мой былъ еще тогда мальчишкой. Онъ случайно подслушалъ разговоръ и въ ту ночь слѣдилъ за заговорщиками,—видѣлъ, какъ стащили барина съ завязаннымъ ртомъ, чтобы онъ не могъ кричать (мальчишкѣ бѣжалъ за этой процессіей сторонкой). Когда мужики пришли

въ дѣсь, мальчишкѣ спрятался въ кустарникъ и оттуда все видѣлъ. Были страшныя подробности,—напримѣръ; поварь набивалъ барину ротъ грязью (въ тотъ день шель дождь), приговаривая, чтобы онъ его кушанья попробовалъ.

«Быль у меня еще разсказъ, писанный съ натуры,—только онъ мнѣ просто не удался. Сюжетъ былъ не для меня: годился бы развѣ для Щедринаго таланта.—У матери моей пропала шкатулка съ деньгами. Подозрѣніе пало на караульщика, отставнаго солдата. Нарядили слѣдствіе. Допросъ происходилъ во флигелѣ, который былъ раздѣленъ на двѣ половины. Въ одной половинѣ расположилась матушка со своими лекарствами, пилюлями и каплями, въ другой засѣдали мой дядя, предводитель дворянства, принимавшій участіе въ слѣдствіи по родству, становой приставъ и священникъ, который обязанъ былъ увѣщевать вора. Я былъ еще мальчишкой. Мнѣ очень хотѣлось присутствовать при этой исторіи, и такъ какъ я зналъ, что меня оттуда прогонять, то я потихоньку пробрался въ темный чуланчикъ и изъ этого чуланчика смотрѣлъ и слушалъ. Прежде всего вышелъ на сцену попъ,—крякнулъ и сталъ увѣщевать. Потомъ становой затопалъ ногами и заоралъ. Изъ сосѣдней половины раздавались стоны, истерическія вскрикиванья. Дядя то и дѣло бѣгалъ къ маменькѣ, уговаривая ее: *«soyez raisonnable, ménagez vous pour vos enfants»*,—затѣмъ прибѣгалъ назадъ и принимался уговаривать преступника возвышеннымъ слогомъ и тономъ благовоспитаннаго дворянина.

«Воръ не признавался. Въ комнату набрался, конечно, народъ. Въ числѣ другихъ стоялъ отставной солдатъ и все усмѣхался. Дядя въ концѣ концовъ его замѣтилъ.—«Ты что смѣешься? Знаешь развѣ что?»—«Дадите мнѣ, ваше благородіе, пять рублей,—найду деньги»... Становой нѣ него кричать: «А, ты, мошенникъ, заодно». Но дядя догадался—пообщалъ пять рублей. «Прикажите, говоритъ, ваше благородіе, у него въ дегтяркѣ посмотреть. У насъ въ полку все въ деготь деньги прячутъ»... Какъ только онъ это сказалъ, воръ сейчасъ же въ ноги»... Въ самомъ дѣлѣ, похищенное оказалось спрятаннымъ въ указанномъ мѣстѣ.

Характерна, а моментами не лишена почти комическаго оттѣнка антипатія Тургенева къ Некрасову, къ области монополизированныхъ имъ гражданскихъ чувствованій, въ искренность которыхъ онъ плохо вѣрилъ, а отсюда, наконецъ, и къ самому писательству поэта мести и печали. Съ обычнымъ умѣньемъ саркастически преломлять дѣйствительность и создавать анекдотъ Тургеневъ разсказывалъ такіе, якобы, житейскіе случаи.

«— Зашелъ я въ Петербургѣ къ пріятелю. Онъ одѣвается въ кабинетѣ, я остался ждать его въ сосѣдней комнатѣ. Тутъ же сидѣла его дочка, дѣвочка лѣтъ двѣнадцать, съ книгой въ рукахъ. Я подошелъ къ ней, спрашиваю: «Душенька, что вы читаете?»—«Стихотворенія Некрасова».—«И что же? Вамъ нравится?»—«Нравится».—«Что же именно вамъ тутъ нравится?»—«Чувство гражданской скорби, выраженное въ его стихахъ...» Я закричалъ пріятелю: «Слышишь? Я въ обморокъ падаю».—«Попробовалъ, говоритъ, останавливать,—хуже выходитъ».

— Теперь,—продолжалъ Тургеневъ—молодежь поэзіи не знаетъ и знать не хочетъ. Читаетъ только г. Некрасова, а о Пушкинѣ и понятія не имѣетъ...

Кто Некрасова любить, Пушкина любить не может; кому Некрасовъ нравится—тотъ поэзіи не чувствуетъ... Некрасовъ и Пушкинъ: «Чертогъ сіяль...»—продекламировалъ онъ нѣсколько строкъ.

— И послѣ этого... Кто помнитъ что-нибудь изъ Некрасова?—спросилъ насъ Иванъ Сергѣевичъ.—Все равно—первое попавшееся.

«— Ты подвяжешь подъ мышки передникъ...—начала я.

«— Перестанешь уродливо грудь,—продолжалъ онъ.—Да что я молодежь нынѣшнюю обвиняю! И мы хороши были! Знаете ли вы, кого мы ставили рядомъ съ Пушкинымъ? Бенедиктова! Знаете ли вы что-нибудь изъ Бенедиктова? Вотъ я вамъ скажу что-нибудь. Только его надо декламировать особеннымъ образомъ, по тогдашнему, нараспѣвъ и звукоподражательно. Вотъ слушайте.

Онъ продекламировалъ какой-то «Каскадъ» и представилъ голосомъ, какъ падаетъ каскадъ съ высоты, и какъ разбивается вода о камень.

— А то вотъ еще. Представьте себѣ, что вамъ декламируетъ стихи армейскій офицеръ, завитой, надушенный, но съ грязной шеей. «Кудри кольца, кудри змѣйки, кудри шелковый каскадъ...»

— Стихъ: «и поцѣлуемъ припекаетъ»—надо было говорить такъ, чтобы слышалось шипѣнье щипцовъ. Да-съ,—и вотъ какой чепухой восхищались и восхищались не кое-кто, а Грановскій, на примѣръ, вашъ покорнѣйшій слуга и другіе, не хуже насъ съ Грановскимъ. Одно насъ только немножко смущало: мы слышали, что Пушкинъ прочиталъ и остался холоденъ. Мы кончили тѣмъ, что рѣшили: великій человекъ Александръ Сергѣевичъ, а тутъ погрѣшилъ, позавидовалъ.

Не менѣе опредѣленна была его антипатія къ тѣмъ, кто окружалъ Некрасова въ журналистикѣ. Въ этомъ смыслѣ съ нимъ заодно было большинство людей его поколѣнія. Вотъ, на примѣръ, любопытныя подробности объ отношеніяхъ его и Боткина къ Добролюбову и Писареву.

«— Добролюбова я зналъ мало,—говорилъ Иванъ Сергѣевичъ.—Писарева тоже. Добролюбовъ казался мнѣ болѣе крупною личностью. Писаревъ—болѣе тонкою. Когда Писаревъ пришелъ навѣстить меня, онъ меня удивилъ своею внѣшностью. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе юноши изъ чисто дворянской семьи, нѣжнаго, холенаго, руки прекрасныя, бѣлыя, пальчики тонкіе, длинныя, манеры деликатныя. Я останавливался тогда у В. Боткина. Надо вамъ сказать, что Боткинъ бывалъ частенько очень грубоватъ. Когда онъ узналъ, что пришелъ Писаревъ, онъ взволновался.—«Зачѣмъ этотъ еще пришелъ? Неужели ты его примешь?»—Я говорю: «Конечно, приму; если тебѣ непріятно, ты бы лучше ушелъ».—«Нѣтъ,—говорить,—останусь».—Мнѣ хотѣлось, чтобы Боткинъ ушелъ: я зналъ его и боялся, какъ бы онъ не выкинулъ какой штуки... Но дѣлать было нечего: не могъ же я гнать хозяина изъ его собственнаго дома. Я ихъ познакомилъ. Боткинъ едва кивнулъ головой и усѣлся въ уголъ.—«Ну, думаю, быть бѣдѣ!» И дѣйствительно, только что Писаревъ что-то сказалъ, какъ мой Боткинъ вскочилъ, да и началъ. «Да вы, говоритъ, мальчишки, моллокососы, неучи!.. Да какъ вы смѣете?»... Писаревъ отвѣчалъ учтиво, сдержанно, заявивъ, что едва ли г. Боткинъ настолько знаетъ современную молодежь, чтобъ называть всю ее, огуломъ—«неучами». Что же касается самаго укора

въ молодости, то это еще не вина: придетъ время—и эта молодежь созрѣетъ. Такимъ образомъ оказалось, что поклонникъ всего прекраснаго, изящнаго и утонченнаго—оказался совершенно грубымъ задирой, а предполагаемый «нигилистъ», «циникъ» и т. п.—истымъ джентльменомъ. Я послѣ стыдиль этимъ Боткина. «Не могу,—оправдывался онъ,—не могу переносить ихъ.

Тургеневъ умѣлъ быть сдержаннѣе. Съ чисто-европейскою выдержкою онъ, напримѣръ, принялъ дерзкую выходку Достоевскаго, какъ извѣстно, изобразившаго его въ «Бѣсахъ» въ слитномъ образѣ писателя Кармазинова и, отчасти, профессора Верховенскаго. Еще не зная объ этомъ, Островская заговорила съ Тургеневымъ по поводу «Бѣсовъ». «Бѣсы» мнѣ совсѣмъ не нравятся». — «Нѣтъ, хорошо!—какъ-то неопредѣленно возразилъ Тургеневъ.—«По-моему, во-первыхъ, романъ скученъ, а потомъ въ немъ все такъ туманно, неясно». — «Да, правда!»—сорвалось у Тургенева.—А, впрочемъ, все-таки хорошо»—спохватился онъ, снова становясь европейцемъ и сознавая, что въ подобныхъ случаяхъ задѣтому достоинству не выказать волненія и раздраженія.

«Временикъ Пушкинскаго дома», постоянное изданіе симпатичнаго музея, недавно возникшаго при академіи наукъ и сейчасъ уже располагающаго весьма цѣнными литературными матеріалами и реликвіями, въ своихъ приложенияхъ и на этотъ разъ оглашаетъ матеріалы значительной исторической цѣнности. Е. П. Казановичъ разработала поступившія въ музей 25 записокъ Гоголя и Погодина, небольшіе лоскутки съ бѣлыми строчками, какими Гоголь обмѣнивался съ историкомъ-журналистомъ, живя въ верху того дома, низъ котораго занимать тотъ.

Записки относятся къ тому времени, когда въ Гоголѣ уже обозначился печальный переломъ, и самыя отношенія его съ Погодинымъ изъ дружескихъ переходили въ холодныя, а иногда и враждебныя, вплоть до того, что оба временими не разговаривали другъ съ другомъ. Насколько виноваты въ этихъ отяжелѣвшихъ отношеніяхъ самъ Гоголь, болѣной, капризный, сомнительный, хотя и напускающій на себя смиреніе и самоуничтоженіе, судить теперь трудно, но что Погодинъ, здоровый, порою нечуткій и всегда практическій, вписалъ одну изъ многихъ трагическихъ страницъ въ біографію болѣного гения, это съ несомнѣнностью явствуетъ изъ этихъ оглашаемыхъ впервые матеріаловъ.

Гоголь былъ безденеженъ, болѣнъ, въ меланхоліи, на его плечахъ были бѣдныя сестры, фантастическія идеи и мечты связывались въ его воображеніи съ судьбою его романовъ. Но денегъ на печатаніе его не было, и приходилось водить дружбу съ тѣмъ же опустылѣвшимъ Погодинымъ, у котораго денежные дѣла были тоже не блестящи. Иногда точно стоны Гоголя вырываются въ его мимолетныхъ запискахъ. «Не безпокой меня въ теченіе двухъ недѣлей по крайней мѣрѣ! Дай отдохновеніе душѣ моей!» Погодинъ искалъ у Гоголя поддержки своему журналу и предлагалъ ему вмѣсто объявленія о выходѣ «Мертвыхъ душъ» помѣстить одну или двѣ главы изъ нихъ въ очередномъ номерѣ «Москвитянина». Гоголь отвѣтилъ ему почти сквозь слезы, почти въ истерикѣ:

«Ты безсовѣстенъ и неумолимъ, жестоко, неблагоприятно! Если тебѣ ничто мои слезы и мое душевное терзаніе и мои убѣжденія, которыхъ ты и не можешь и не въ силахъ понять, то исполни, по крайней мѣрѣ, ради Самого

Христа, распятаго за насъ, мою просьбу! Имѣй вѣру, которой ты не въ силахъ и не можешь имѣть ко мнѣ,—имѣй ее хоть на пять-шесть мѣсяцевъ! Боже, я думалъ уже, что буду спокоенъ хоть до моего выѣзда! Но у тебя все порывъ. Ты великодушенъ на первую минуту и черезъ три минуты потомъ готовъ повторить прежнюю пѣсню. Если бы у меня было какое-нибудь имущество, я бы сей же часъ отдалъ все свое имущество съ тѣмъ, чтобы не помѣщать до времени моихъ произведеній!»

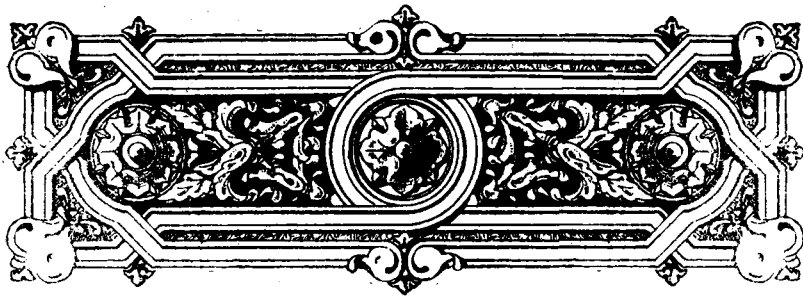
Когда, послѣ всѣхъ непрятностей и тревогъ, Гоголь получилъ возможность разстаться съ Погодиннымъ, онъ облегченно вздохнулъ. На проводахъ его недавній пріятель отсутствовалъ. Провожали его Аксаковы и Щепкингъ. Разставаніе было скучное, принужденное. Гоголь скрывалъ свою радость, но Аксаковы ее замѣтили, и она ихъ обидѣла. Только потомъ Аксаковъ понялъ, отъ чего обѣжалъ великій писатель и мученикъ.

Прямую историческую цѣнность для біографіи Гоголя имѣетъ и впервые оглашенное во «Временникѣ» письмо Гоголя къ императору Николаю I отъ 1846 г.—просьба его о выдачѣ заграничнаго паспорта на полтора года и предоставленіи ему особыхъ полномочій во время предстоящаго путешествія къ Святымъ Мѣстамъ. Гоголь проситъ паспортъ «особенный и чрезвычайный, въ которомъ бы великимъ именемъ вашимъ склонялись всѣ власти и начальства Востока къ оказанію мнѣ покровительства во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ буду проходить я».

Письмо характерно тѣмъ типичнымъ для Гоголя соединеніемъ смиренія съ гордостью, какое отличаетъ всю его позднюю переписку. «Я ничто: дворянинъ, незамѣтливѣйшій изъ ряда незамѣтныхъ, чиновникъ, начавшій было служить вамъ и оставшійся поныгѣ въ восьмомъ классѣ, писатель, едва означившій свое имя кое-какими незрѣлыми произведеніями». И рядомъ обычная, почти маньяческая мечта о выполненіи какой-то великой, благотѣльной для царей и народовъ миссіи. «Великой милостью Бога вложены въ меня нѣкоторыя, необходимыя другимъ способности, которыхъ не слѣдовало мнѣ выказывать, покуда не вызрѣютъ онѣ во мнѣ и не воспитаются и которыми по возвращеніи моемъ изъ Святой земли я сослужу вамъ службу такъ же вѣрно и честно, какъ умѣли служить истинно русскіе духомъ и сердцемъ. Тайный, твердый голосъ говоритъ мнѣ, что не останусь я въ долгу передъ вами, мой царственный благотѣль, великодушный спаситель уже было погибавшихъ дней моихъ».

Какъ отвѣтилъ государь великому писателю, уже извѣстно. Въ матеріалахъ Шенрока приведено письмо Адлерберга на имя Николая Ивановича (sic!) Гоголя, гласящее, что государь «съ особеннымъ благоволеніемъ» прочиталъ его письмо, но приказалъ «увѣдомить, что таковыхъ чрезвычайныхъ паспортовъ никогда и никому не выдавалось, что, желая содѣйствовать благому намѣренію, онъ приказалъ снабдить его безошлиннымъ паспортомъ и сообщить посольству нашему въ Константинополь и нашимъ восточнымъ консуламъ, чтобы Гоголю было оказываемо съ ихъ стороны возможное покровительство и попеченіе».

Временно отложенное путешествіе въ Святую Землю Гоголь, какъ и извѣстно, осуществилъ. 19-го февраля 1848 года онъ былъ у гроба Господня, но и святыня міра не принесла обновленія его изстрадавшейся душѣ. **А. Измаіловъ.**

**Въ редакцію „Историческаго Вѣстника“ поступили съ 15 марта
по 15 апрѣля для отзыва слѣдующія книги:**

Лаврецкій (Бор. Суворинъ). До войны. По Германіи на автомобиль (въ 1913 и 1914 гг.) и очерки «День за днемъ». Изданіе Б. А. Суворина. 1915. Пгр. Стр. 244. Ц. 1 р.

С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Изданіе 2-е т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1914. Стр. 234. Ц. 2 р.

— Гордость Гарлема. Эпизодъ изъ исторіи книгопечатанія. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 30. Цѣна не обозн.

Марко П. Цемовичъ. Современныя славянскія проблемы. Пгр. 1915. Стр. 115. Ц. 1 р.

Пушкинъ. Подъ редакціей проф. С. А. Венгерова. Т. VI. «Библиотека великихъ писателей». Изданіе Брокгаузь-Эфронъ. Пгр. 1915. Стр. 661. Цѣна 8 р.

Э. Н. Пекарскій. Путеводитель по музею антропологии и этнографіи имени императора Петра Великаго. Галлерей императора Петра I. Пгр. 1915. Стр. III+42. Ц. 10 к.

Библиологическій сборникъ. Томъ I, вып. 1. Русскія библиографическія организаціи. Очерки ихъ возникновенія и дѣятельности. Изданіе «Русскаго библиологическаго общества». Пгр. 1915. Стр. 46. Цѣна 80 к.

С. И. Лаврентьева. Пережитое. (Изъ

воспоминаній). Пгр. 1914. Стр. 327. Ц. 1 р. 20 к.

— Омушка. (Не былъ и не сказка). Пгр. 1915. Стр. 22. Ц. 20 к.

М. И. Демковъ. Дары юности. Рассказы. М. 1915. Стр. 244. Цѣна 1 р. 25 к.

Авторъ—известный педагогъ. Поэтому темы его рассказовъ взяты изъ жизни преподавателей или учащихся. Если эти рассказы не блещутъ драматическими эффектами, то содержатъ много довольно любопытныхъ разсужденій о русской жизни, просвѣщеніи и литературѣ.

Тургеневскій сборникъ. Новоткрытыя страницы Тургенева. Незданная переписка. Воспоминанія. Библиографія. Тургеневскій кружокъ подъ руководствомъ Н. К. Шксанова. Кн-во «Огисъ». Пгр. 1915. Стр. XVI+215. Ц. 1 р. 75 к.

Вешнія воды. Научно-литературно-художественный студенческой журналь. V—VI. Пгр. 1915. Стр. 213. Ц. 1 р.

Гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ. О необходимости національнаго направленія нашей школы. Пгр. 1915. Стр. 13. Ц. 25 к.

— Къ вопросу объ университетскомъ преподаваніи. Пгр. 1915. Стр. 14. Ц. 25 к.

Воронежская Старина. Вып. 13-й. Изданіе Воронежскаго церковнаго историко-

археологическаго комитета. Воронежъ. 1914. Стр. 467. Ц. 2 р. 50 к.

Е. С. Истрина. Руководство по исторіи русскаго языка съ хрестоматіей, снимками съ древнихъ рукописей и двумя картами въ краскахъ. Пгр. Изданіе Я. Башмакова и К^о. 1915. Стр. 114. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ перекл. 90 к.

Руководство г-жи Истриной отличается въ авторѣ и опытнаго педагога, и хорошаго знатока своего предмета.

Г. Е. Псальмовъ. Полное собраніе сочиненій. Подъ ред. Г. Е. Ключковского. Великія Луки. 1914. Стр. 244. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящее полное собраніе сочиненій Гервасія Ефремовича Псальмова знакомитъ читателей съ незабвливой, но некрепней музой неизвѣстнаго поэта-самородка, пѣвца народнаго горя и заключаетъ въ себѣ «Пѣсни горя», «Пѣсни любви», «Опшанія», «Духовные стихи», эпиграммы, экзаромты и пр. вмѣсто біографіи къ книгѣ приложены статьи о поэтѣ изъ провинціальной печати. Вся прибыль съ продажи за отчисленіемъ расходовъ по изданію и по слѣдующему 2-му изданію, жертвуется въ пользу пострадавшихъ отъ войны, раненыхъ, больныхъ, увѣчныхъ, ихъ семей и семей павшихъ въ бою воиновъ.

В. Г. Смородиновъ. Годы службы моей въ варшавскомъ учебномъ округѣ и эпизоды учебнаго быта. Пгр. 1914. Стр. 200. Цѣна не обозн.

В. Г. Ширяевъ. Университетъ въ Иркутскѣ. Историческая справка. Иркутскъ. 1915. Стр. 28. Цѣна не обозн.

Н. Рудникова, Г. Елачичъ. Люциферъ и Антихристъ. Фантастическій діалогъ. Пгр. 1915. Стр. 46. Ц. 60 к.

О. Старосельская. Кондорсе, какъ социологъ. (М. В. Ж. К. Работы слушательницъ. Историко-филологическій факультетъ). М. 1915. Стр. 122. Ц. 80 к.

Матеріалы для исторіи Гангутской операціи. Пгр. 1914. Вып. 1-й. Ч. I. Грамоты, указы и письма Петра Великаго 1713 г. Стр. XXXVI+138.—Вып. 1-й. Ч. II. Грамоты, указы и письма Петра Великаго 1714 г. Стр. 275.—Вып. III. Журналы 1714 г. Цѣна не обозн.

Дѣйствія нижегородской губернской ученой архивной комисіи. Сборникъ. Т. XV. Вып. VI. Стр. 180.—Т. XVII. Вып. II. Стр. 126.—Вып. III. Стр. 98.—Вып. IV. Стр. 102. Цѣна не обозн.

Леонардо Риччіарди. Вулканизмъ въ міонологіи и въ наукѣ. Перев. съ итал. С. А. Веретенникова. Воронежъ. 1915. Стр. 23. Ц. 50 к.

Бар. В. Я. Искуль. Полное собраніе

сочиненій. Т. VIII. Стихи. Перев. Вл. Вольпицева. Ревель. 1915. Стр. 95. Ц. 1 р.

Р. Кумовъ. Очерки и рассказы. Изданіе 2-е. Кн-во «Жизнь для всѣхъ». Пгр. 1915. Стр. 183. Ц. 50 к.

Проф. Б. Н. Меншуткинъ. Первый русскій ученый. («Знаніе для всѣхъ»). Изданіе П. П. Сойкина. Пгр. 1915. Стр. 36. Ц. 50 к.

Популярный очеркъ проф. Б. Н. Меншуткина о М. В. Ломоносовѣ, кромѣ его біографіи, даетъ яркое изображеніе того состоянія науки и тѣхъ общественно-политическихъ условий, при которыхъ приходилось трудиться нашему первому русскому ученому. Выѣшность изданія, обильно иллюстрированнаго, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Книжка проф. Меншуткина явится полезнымъ вкладомъ для ученическихъ и народныхъ бібліотекъ.

Вѣра Рудичъ. Осень золотая. Въ дни войны. Пгр. 1915. Стр. 88. Ц. 75 к.

А. Петровъ. Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угріи. О сомнительной «венгерской» націи и о недѣльности Угріи. Пгр. 1915. Стр. 46. Ц. 75 к.

Минусинскій городской Мартыановскій музей. В. А. Вагинъ. Минусинскій край въ XVIII вѣкѣ. Этюдъ по исторіи Сибири. Минусинскъ. 1913. Стр. IV+212. Ц. 1 р. 50 к.

— Село Минусинское. Историч. очеркъ. Минусинскъ. 1914. Стр. VI+179. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ тщательно разрабатываетъ скудные архивные матеріалы, хранящіеся въ Минусинскомъ музеѣ. Первая изъ названныхъ работъ удостоена половинной преміи Л. П. Кузнецова при томъ же университетѣ за лучшія сочиненія по исторіи Сибири.

Дѣти и война. Сборникъ статей. Изданіе кievскаго фребелевскаго общества. Кіевъ. 1915. Стр. 118. Ц. 1 р.

Н. Березинъ. Задачи и работы по географіи. (Азія, Африка, Америка, Австралія). Изданіе Я. Башмакова и К^о. Пгр. 1915. Стр. 47. Ц. 30 к.

— Начальная географія. Ч. 2-я. (Азія, Африка, Америка, Австралія). Изданіе Я. Башмакова и К^о. Пгр. 1915. Стр. 156+47. Ц. 1 р.

Великіе полководцы міра (выпускъ I). Александръ Великій. Составилъ Казанскаго военнаго училища шт.-капитанъ Н. В. Колесниковъ, членъ Имп. русск. военно-историч. об-ва. Казань. 1914. Стр. 102. Ц. 2 р.

Книга написана живо и интересно. Къ сожалѣнію, авторъ не достаточно си-

- стематизировать огромный матеріалъ. Древнихъ авторовъ оны знаетъ только по переводамъ, но всегда безупречнымъ. Кстату Діодоръ Сицилійскій перев. на русск. языкъ Ивановъ Алексѣевымъ (1774—75, 6 т.). Къ книгѣ приложенъ рядъ рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ большею частью свободныя композиціи.
- И. С. Крыловъ.** Десятилѣтіе кинешемскаго реальнаго училища имени П. А. Коновалова. 1904—1914 г.г. Краткая историческая записка. Кинешма. 1914. Стр. 104. Цѣна не обозн.
- В. В. Есиповъ.** Славяне и нѣмцы. М. 1913. Стр. 23. Ц. не обозн.—Милость и правда въ тюрьмѣ. Тюрьма русская и германская. Пгр. 1914. Стр. 23. Ц. 30 к.—Высшее образованіе въ царствѣ Польскомъ за его лѣтъ (1815—1915). Варшавскій университетъ. Пгр. 1914. Стр. 21. Ц. 30 к.—Предѣлы гражданскаго права въ царствѣ Польскомъ. Варшава. 1915. Стр. 21. Ц. 20 к.—Германцы. Варшава. 1915. Стр. 48. Ц. 40 к.
- Библиографическій** ежегодникъ. Вып. IV. Подъ ред. П. В. Владиславлева. Систематическій указатель литературы за 1914 г. Кн-во «Наука». М. 1915. Стр. 329. Ц. 1 р. 80 к.
- Главное** управленіе землеустройства и земледѣлія. Обзоръ дѣятельности за 1913 годъ. Изданіе канцеляріи главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ. Пгр. 1915. Стр. 126. Ц. не обозн.
- А. Меньшиковъ.** О великой европейской войнѣ 1914—15 г.г. Съ 19 рис. Изданіе витекаго комитета общества помощи семьямъ запасныхъ. Вятка. 1915. Стр. 151. Ц. 25 к. Чистый доходъ отъ продажи книжки поступаетъ въ пользу означеннаго комитета.
- Настоящая брошюра по содержанию весьма разнообразна, заключаетъ въ себѣ описаніе хода войны за семь мѣсяцевъ, знакомитъ съ общимъ состояніемъ воюющихъ странъ и выясняетъ мотивы, по которымъ государства приняли участіе въ развернувшемся всемірномъ военномъ пожарѣ. Книга украшена 19 рисунк. и снабжена очень полезнымъ для народа военнымъ словаремъ.
- Славянское объединеніе.** Журналъ издаваемый С. К. Родіоновымъ подъ ред. О. О. Арсстова. № 1—2. Москва. 1915. Выходитъ два раза въ мѣсяць. Плата въ годъ за 24 номера съ доставкой и пересылкой 3 рубля.
- И. И. Донуинъ.** Вѣчный календарь православной церкви въ таблицахъ. Для историческихъ, судебныхъ и семейныхъ справокъ. Рязань. 1914. Стр. 32. Ц. 25 к.
- Изъ переписки** Я. К. Грота съ кн. П. А. Вяземскимъ. (Сообщилъ К. Я. Гротъ). Пгр. 1915. Стр. 16.
- Брошюра содержитъ главнымъ образомъ нѣсколько любопытныхъ матеріаловъ къ исторіи статьи Я. К. Грота «Первенца лица и его преданія» и стихотвореній кн. Вяземскаго, помѣщенныхъ въ сборникѣ «Складчина» (въ пользу голодающихъ Самарской губерніи. Спб. 1874).
- Великій князь Николай Михайловичъ.** Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія. Второе изданіе, съ 12 таблицами портретовъ и рисунковъ. Пгр. 1914. Стр. XIII+782. Цѣна 10 р.
- Н. Н. Сергіевскій.** Записки плѣнника. Два съ половиной мѣсяца въ плѣну у нѣмцевъ. Изданіе журнала «Наша Старина». Пгр. 1915. Стр. 114. Ц. 80 к.
- Н. Серебрянскій.** Древне-русскія княжескія житія. (Обзоръ редакцій и тексты). Изданіе императорскаго общества исторіи и древностей россе при московскомъ университетѣ. М. 1915. Стр. IV+295+186. Цѣна не обозн.
- Извѣстія** главнаго комитета всероссійскаго земскаго союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ. М. 1915. № 10. Стр. 91. № 11. Стр. 84. Цѣна не обозн.
- Проф. С. V. Z. Charlier.** Какъ можетъ быть устроена безконечная вселенная. Симбирскъ. 1914. Стр. 16. Ц. 20 к.
- Н. А. Павловъ.** Записки землевладельца. Первая часть. Пгр. 1915. Стр. VIII+362. Ц. 2 р.
- А. Лескинъ.** Грамматика древне-болгарскаго (древне-церковнаго) языка. Переводъ П. Петровскаго. Казань. Изданіе книжнаго магазина Маркелова и Шаронова. 1915. Стр. IX+318+II. Цѣна 2 р.
- Книга представляетъ въ высшей степени цѣнное пособіе для преподавателей и студентовъ, такъ какъ переводчикъ, извѣстный славистъ и профессоръ, присоединилъ къ ней нѣкоторыя важныя дополненія.
- Хрестоматія** по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. II. Эпоха абсолютизма и революціи. Сост. проф. П. Н. Ардашевъ въ сотрудничествѣ съ Н. И. Никифоровымъ, В. П. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ и Н. П. Руткевичемъ. Киевъ. 1915. Стр. VIII+255. Я. 1 р. 25 к.
- Проф. Н. Н. Эйрсовъ.** Петръ III и Екатерина II. Первые годы ея царствованія. Опытъ характеристикъ. Изданіе т-ва М. О. Вольфъ. Пгр. 1915. Стр. 108. Ц. 75 к.

В. Русановъ. Юные русскіе герои. Очерки и рассказы о военных подвигахъ русскихъ мальчиковъ. Изд. т-ва М. О. Вольфа. Пгр. 1915. Стр. 120. Ц. не обозн.

Записки общества исторіи, филологіи и права при императорскомъ варшавскомъ университетѣ. Вып. 7. Варшава. 1914. Стр. 181. Ц. 1 р.

В. И. Гоцневичъ. Херсонскій городской музей древностей Херсонскаго края. Лѣтопись музея за 1913 г. Вып. 5. Изданіе херсонскаго городского управленія. Херсонъ. 1915. Стр. 44. Ц. не обозн.

Найзеръ безъ маски. (Переводъ съ англійскаго). Разоблаченія негінныхъ причинъ войны, изложенныхъ въ дневникѣ графа Акселя фонъ-Шверинга. Пгр. 1915. Стр. 70. Ц. 35 к.

А. Ренниковъ. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ пѣмцахъ. Изданіе второе. Пгр. 1915. Стр. 347. Ц. 1 р. 50 к.

Витошинскій, Е. М. Указатель именной и предметный къ труду А. В. Горскаго и К. И. Невоструева: «Описание славянскихъ рукописей московской синодальной библиотеки». Москва 1855—1869. 5 книгъ. Варшава. 1915. Стр. 316+VI. Цѣна 1 р.

Крылатое изреченіе, что книга безъ указателя на имѣетъ права на существованіе, особенно подходитъ къ библиографическимъ пособіямъ, лишеннымъ такого указателя. Вотъ почему надо благодарить г. Витошинскаго за неполненію имъ нелегкую задачу. Оба указателя составлены вполне цѣлесообразно; общее впечатлѣніе не-

много портится только отъ прибавки addenda et corrigenda.

П. Д. Успенскій. Исканія новой жизни. Что такое юга? Изданіе 2. Ки-во «Новый Человѣкъ». Пгр. 1915. Стр. 55. Ц. 30 к.

Н. А. Лаппо-Данилевская. Жена министра. Романъ въ двухъ частяхъ изъ жизни петроградской бюрократіи. Изданіе 3. Пгр. 1915. Стр. 376. Ц. 1 р. 50 к.

Ан. Волынцева. Въ часы досуга. Стихотворенія. Пгр. 1915. Стр. 62. Ц. 1 р.

П. А. Гнѣдичъ. Матеріалы по народной словесности Полтавской губерніи. Роменскій уѣздъ. Вып. 1. Пѣсни обрядовыя. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Полтава. 1915. Стр. 150. Ц. 1 р. 50 к.

Ежегодникъ тобольскаго губернскаго музея, состоящаго подъ августѣйшимъ Его Императорскаго Величества покровительствомъ. Тобольскъ. 1915. Стр. 266. Ц. 1 р.

Великій князь Николай Михайловичъ. Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. VII. Пгр. 1914. Стр. IX+439. Ц. не обозн.

Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Т. XXVI. Вып. 2. Подъ ред. С. Д. Яхонтова. Рязань. 1915. Стр. 244. Ц. 1 р. 50 к.

Н. Каманинъ. Звѣринецкія пещеры въ Кіевѣ. (Ихъ древность и святость). Кіевъ. 1914. Стр. 164. Ц. 1 р. 50 к.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

В ПРИ ДВОРѢ германскаго кронпринца.— Въ февральской книжкѣ «Fortnightly Review» продолжаютъ воспоминанія англійской гувернантки внуковъ кайзера Вильгельма. Героиня напечатанной второй главы этихъ мемуаровъ является на этотъ разъ самъ Вильгельмъ, не утерпѣвшій, чтобы не стать передъ англичанкой въ позу.

«Однажды,—разсказываетъ авторъ воспоминаній,—день выдался дождливый, и мои принцы и ихъ родственница занимались англійскимъ языкомъ въ одной изъ бесѣдокъ въ паркѣ. Принцесса не любила, чтобы дѣти оставались дома, и это было хорошо, такъ какъ нѣкоторыя части «замка» провѣтривались очень плохо, и тамъ стоялъ смертный, вонючій воздухъ.

«Я читала дѣтямъ вслухъ книжку американскаго автора Джорджа Гента, и это чтеніе такъ ихъ захватило, что всѣ трое въ одинъ голосъ восклицали: «Дальше! Дальше!» Вдругъ на дорожкѣ, которая вела къ бесѣдкѣ, послышался хрустъ чьихъ-то шаговъ. Я не отрывала отъ книги глазъ, полагая, что это лейтенантъ-воспитатель. Но вдругъ хрустъ прекратился. Кто-то подошелъ совѣмъ близко къ намъ. Я нетерпѣливо оглянулась.

«На дорожкѣ стояли два человѣка въ военной формѣ. Одинъ стоялъ впереди, другой на шагъ сзади. Всякій, кто видѣлъ фотографію кайзера, не преминулъ бы узнать его въ первомъ, хотя на фотографіяхъ онъ изображается въ сильно прикрашенномъ видѣ. На самомъ дѣлѣ лицо его гораздо старше, носъ тяжеловѣснѣе, вся фигура короче и коренастѣе. О рубцѣ на лѣвой щекѣ обыкновенно нѣтъ и помина. Я растерялась отъ неожиданности

и, вставая, уронила книгу и опрокинула плетеный стулъ, который считался англійскимъ издѣлемъ. Я была такъ смущена всѣмъ этимъ, что готова была плакать. Къ довершенію несчастья, императоръ залѣлся хохотомъ, добродушнымъ, но неприятымъ для меня, такъ какъ именно я была предметомъ его веселости.

«— Я опрокинуль все Соединенное королевство и Соединенные Штаты!»— проговорилъ онъ на хоронемъ англійскомъ языкѣ.

«Голосъ его былъ хриплъ. Рукой онъ показывалъ на кресло и книгу Гента и пристально глядѣлъ на меня, какъ бы вызывая на возраженіе.

«Оба мои принца бросились къ нему, принцесса послѣдовала за ними, но робко, какъ бы зная, что императоръ не любитъ дѣвочекъ.

«Кайзеръ наскоро приласкалъ дѣтей и, казалось, не обращалъ вниманія на то, что они ждали, чтобы онъ ихъ поцѣловалъ. Можетъ быть, это объяснялось тѣмъ, что они прибыли сюда изъ города, гдѣ свирѣствовали заразные болѣзни, а императоръ сильно ихъ боится. Положивъ правую руку на плечо старшаго принца, онъ повернулъ его лицомъ къ гувернанткѣ и спросилъ:

«— Что составляетъ первую обязанность, т. е. первое удовольствіе благовоспитаннаго человѣка, если дама что-нибудь уронить?»

«— Поднять.—отвѣчалъ мальчикъ, краснѣя.

«— Хорошо, только надо было сообразить это раньше. Можетъ быть, по господствующимъ въ Англии идеямъ, я покажусь старомоднымъ? Надѣюсь, впрочемъ, что вы не настолько англичанка, чтобы быть суффражисткой, а?»

«Я слышала.—замѣчаетъ авторъ воспоминаній,—что суффражистки для императора—то же, что красная тряпка для быка, и что онъ заговариваетъ о нихъ со всякой англичанкой, которую видитъ въ первый разъ. Я отвѣчала, что для того, чтобы быть англичанкой, нѣтъ надобности непременно быть суффражисткой.

«Императоръ, словно школьный учитель, погрозилъ мнѣ пальцемъ.

«— Впрочемъ, они съютъ хорошія сѣмена, которыя пожнемъ мы.

«Я не понимала, что этимъ хотѣлъ сказать кайзеръ. Его увѣренность, что онъ правъ въ своихъ сужденіяхъ, составляла обычное свойство нѣмцевъ.—общее всѣмъ посѣтителямъ «пюссса»: каждый изъ нихъ, въ особенности если это былъ пруссакъ,—зналъ объ Англии больше, чѣмъ сами англичане. Я иногда старалась ихъ разувѣрить, но безъ всякаго результата. Только теперь я поняла, что подъ «хорошими сѣменами» императоръ разумѣлъ междоусобную «войну половъ» въ Англии».

Вильгельмъ представилъ своей собесѣдницѣ своего адъютанта и разсказалъ, что они провели цѣлую ночь въ поѣздѣ и ѣздили осматривать расположенный недалеко гарнизонъ. Имѣя немного свободнаго времени, они заѣхали сюда на моторъ, чтобы освѣдомиться о здоровьѣ меньшаго изъ принцевъ, который былъ не совсѣмъ здоровъ вслѣдствіе прорѣзыванія зубовъ.

«— Это не заразно,—замѣтилъ императоръ.—Многіе изъ насъ хотѣли бы, чтобы у нихъ прорѣзался зубъ мудрости.

Выпустивъ какой-нибудь «вишъ», императоръ громко хохоталъ, закидывая назадъ голову и открывая ротъ. При этомъ онъ пристально смотрѣлъ,

на собеседника, как бы приглашая его тоже смеяться. Чѣмъ больше смѣялись, тѣмъ больше ему это нравилось. Когда острить было не надъ чѣмъ, на его лицѣ появлялось какое-то странное, напряженное выраженіе. Въ такія минуты онъ казался старше своего возраста.

«Императоръ пробылъ около бѣсѣдки не болѣе двадцати минутъ, но успѣлъ поговорить о множествѣ самыхъ разнообразныхъ вещей»

«— Вы уже, вѣроятно, начали собирать матеріалы для великой книги?—спросилъ онъ меня.

«Я довольно педагогично спросила, какую книгу разумѣть его величество.

«— Какъ какую? Книгу, которую вы напишете о насъ,—отвѣчалъ онъ скрипучимъ голосомъ.—О насъ все пишуть».

Несмотря на увѣреніе англичанки, что она вовсе не думаетъ писать о немъ, кайзеръ улыбался и упорно стоялъ на своемъ.

«— Когда вы будете писать, то прошу только объ одномъ: пишите правдиво.—прибавилъ онъ.—Впрочемъ, намъ нечего бояться. Мы, вѣмцы, самый искренній народъ и странно, какъ это иностранцы не понимаютъ насъ. Они просто завидуютъ нашимъ успѣхамъ. Множество книгъ о насъ было написано недоброжелательными людьми, въ томъ числѣ и женщинами. Мнѣ это надобно.

«На минуту его лицо приняло свирѣпое выраженіе, а жесткіе голубые глаза смотрѣли совсѣмъ, какъ у фанатика. Но черезъ минуту все это исчезло.

«— Лучше будетъ, если вы покажете мнѣ ваши замѣтки прежде, чѣмъ начнете писать книгу. Можетъ быть, я помогу вамъ исправить нѣкоторыя сужденія».

Потомъ кайзеръ, чтобы загладить впечатлѣніе, заговорилъ о воспитаніи, о томъ, что англичанка-воспитательница имѣетъ значительныя преимущества передъ нѣмкой. Неожиданно онъ заявилъ, что если бѣ его слушались, то при дѣтяхъ давно была бы англичанка.

— Но принцесса самая своенравная женщина, которую я только видѣлъ. Вы думаете, что я нескроменъ. Вотъ газеты меня обвиняютъ въ нескромности, потому что я говорю, что думаю. Но это ни для кого не тайна. Она самой природой не предназначалась быть женой и матерью. Что хочеть, то и дѣлаетъ. Впрочемъ, я ужъ, кажется, сказалъ слишкомъ много.

«Прощаясь, императоръ милостиво протянулъ руку, держа ее ладонью книзу. Я замѣтила, что въ сравненіи съ лѣвой, которую онъ прижималъ къ себѣ, она была немощно велика, зато на ней было больше колець, чѣмъ у богатой американки».

Прощаясь, онъ такъ стиснулъ англичанкѣ руку, что та едва не вскрикнула отъ боли. Этимъ кайзеръ, вѣроятно, хотѣлъ показать, какъ онъ силенъ.

Неожиданный визитъ императора переполошилъ всѣхъ въ «шлюсѣ». Всѣ старались узнать, о чемъ говорилъ онъ съ англичанкой. Первыми явились къ ней двѣ придворныя дамы.

— Какъ вы думаете, что привело его сюда?—спросила одна.

— Вѣроятно, желаніе повидать дѣтей.

— Ничего подобного. Императору они вовсе не интересны. Онъ прѣбзжалъ для того, чтобы видѣть васъ. Принцесса хотѣла, чтобы дѣти прежде всего хорошо выучились по-французски. Но императоръ всякій разъ, какъ встрѣчался съ ней, настаивалъ, чтобы взяли англичанку. Въ концѣ концовъ принцъ и его жена уступили, хотя оба ненавидятъ англичанъ.

— Но зато императоръ цѣнить нашу пародь,—замѣтила англичанка.

— Ничего подобного,—послѣдовалъ отвѣтъ.—Онъ боится англичанъ и вмѣстѣ съ тѣмъ презираетъ ихъ. Это, конечно, противорѣчіе, но вѣдь онъ весь сотканъ изъ противорѣчій.

— Парижскія увеселенія въ XVII вѣкѣ.—«La Promenade à Paris au XVII siècle»—такъ озаглавлена книга Марселя Поета, которая недавно появилась на парижскомъ книжномъ рынкѣ. Авторъ набрасываетъ картину тогдашнихъ нравовъ и придворнаго быта, перемѣшивая все это забавными анекдотами и сатирическими стихами поэтовъ того времени. Передъ читателями, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ картины пышныхъ празднествъ, которыя короли давали при различныхъ торжественныхъ обстоятельствахъ, галантныхъ развлеченій, нравовъ какъ придворныхъ, такъ и буржуазныхъ.

Въ старомъ Парижѣ улицы раздѣлялись на два разряда: по однимъ жители могли спокойно ходить, на другихъ они рисковали не только своимъ карманомъ, но и жизнью. Это были пристанища для воровъ и всякаго рода бродягъ.

Въ гигиеническомъ отношеніи Парижъ той эпохи не могъ похвастаться опрятностью. На берегу Сены ютились кожевенные заводы и красильныя заведенія, которые заражали воздухъ миазмами. Къ этому примѣшивался запахъ разлагавшейся крови съ городской бойни, и хотя правительство предписало еще въ XVI вѣкѣ перевести эти заведенія за черту города, но и въ XVII вѣкѣ они благополучно оставались на прежнемъ мѣстѣ.

Впрочемъ, парижане были вознаграждены за оскорбленіе ихъ обонянія массою цвѣтниковъ. Тюльпаны, анемоны, гвоздики и прочіе цвѣты украшали сады частныхъ лицъ, монастырей и аббатствъ.

Мало того, на римскихъ развалинахъ Клюни былъ устроенъ всячій садъ нанодобіе сада Семирамиды. Его поддерживали очень широкіе кирпичные своды на уровнѣ съ крышами сосѣднихъ домовъ. Украшенный цвѣтниками, обсаженный кустами розъ, этотъ всячій садъ служилъ украшеніемъ Парижа.

Не было также недостатка въ питомникахъ лечебныхъ травъ и растений, которые разводились за городомъ. Уже въ то время зарождались санаторіи, и при одномъ изъ питомниковъ находился пансіонъ для больныхъ. Въ одномъ изъ такихъ питомниковъ разводились рѣдкія тропическія растения и заграничныя деревья для лечебныхъ цѣлей.

Съ каждымъ новымъ королемъ городъ измѣнялъ свой внѣшній видъ: онъ разрастался и украшался. Вниманіе королевъ все болѣе и болѣе привлекалъ вопросъ объ общественныхъ развлеченіяхъ и гигиенѣ. Особенно съ эпохи царствованія Франциска I Парижъ началъ замѣтно измѣнять свою внѣш-

ность. Частные сады уничтожались ради общественной пользы и уступали мѣсто или новымъ улицамъ, или пустымъ пространствамъ въ родѣ Королевской площади, на которыхъ устраивались народные игры и ярмарки. Въмѣсто нихъ возникали большіе общественные парки и сады, подобно Тюльерійскому, который устроила Екатерина Медичи, Люксембургскому при дворцѣ, построенномъ Маріей Медичи, саду при Кардинальскомъ дворцѣ, который Ришелье завѣщалъ королю, и Ботаническому, устроенному тоже въ царствованіе Людовика XIII.

Парижане всегда отличались одной характерной чертой—любовью къ уличной жизни, къ общественности. Поэтому Парижъ во всё времена славился необыкновеннымъ оживленіемъ. Это способствовало тому, что онъ производилъ впечатлѣніе города съ гораздо большимъ народонаселеніемъ, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ. Въ началѣ XVII вѣка въ самомъ Парижѣ было немного мѣстъ для прогулокъ, гдѣ могло бы собираться общество: для этого пользовались галереей дворца Ришелье, гдѣ ютились различныя лавки.

Галантный парижскій міръ нашелъ себѣ здѣсь уютный уголокъ для свиданій. Придворные ловеласы и легкомысленныя придворныя дамы, даже самъ король находилъ удовольствіе прогуливаться здѣсь. Одинъ путешественникъ, который посѣтилъ Парижъ въ ту эпоху, писалъ, что «дворецъ служилъ какъ бы посредникомъ для любовниковъ. Они встрѣчались подъ сводами этихъ коридоровъ незамѣтно среди толпы, которая являлась сюда или по дѣлу или веселиться».

Парижанамъ приходилось довольствоваться скромными прогулками по берегу Сены. Но съ каждымъ годомъ Парижъ расширялся, и умножались площади, на которыхъ устраивались различныя игры, особенно въ мячъ.

Открытіе Королевской площади совпало съ торжествомъ празднованія двухъ королевскихъ свадебъ: Людовика XIII съ Анной Австрійской и его сестры Елизаветы съ принцемъ Филиппомъ испанскимъ. Регентша Марія Медичи устроила по этому случаю трехдневное празднество со скачками, турнирами и проч. На площади былъ выстроенъ деревянный дворецъ «Félicité», который служилъ цѣлью атаки и защиты, въ которой участвовали герцоги де-Гизъ, Неверъ, Жуанвиль и друг. Это празднество, по свидѣтельству современниковъ, было обставлено чрезвычайно роскошно. Королевская площадь покрылась цвѣтникомъ роскошныхъ дамскихъ туалетовъ. Со стороны королевскаго павильона прибывали отряды рыцарей солнца, лилии, вѣрности, феникса, четырехъ вѣтровъ, четырехъ королей воздуха, нимфъ, за ними слѣдовали два рыцаря вселенной, девяти знаменитыхъ римлянъ и т. д.

Звуки всевозможныхъ музыкальныхъ инструментовъ, восторженные возгласы присутствовавшихъ, выстрѣлы изъ мушкетовъ, все это оживляюще дѣйствовало на зрителей.

На другой день вечеромъ при пушечныхъ выстрѣлахъ дворецъ Félicité освѣтился тысячею фигурныхъ фейерверковъ. Особично замѣчательно былъ выполненъ одинъ номеръ—портреты короля и королевы, которые свѣтились въ воздухѣ съ четверть часа. Одинъ изъ нихъ былъ окруженъ ореоломъ солнечныхъ лучей, другой—лунныхъ.

Когда окончилась эта часть праздника, последовало шествіе съ факелами по улицамъ, прилегающимъ къ Королевской площади. Въ дома и улицы были иллюминированы разноцвѣтными фонарями. Въ темнотѣ они казались неподвижными звѣздами или кометами и производили волшебное впечатлѣніе.

На третій день разыгрывался призъ королевы. Участвующіе должны были на скаку поймать конькомъ металлическое кольцо. Призъ оцѣнивался въ десять тысячъ ливровъ и состоялъ изъ кольца, которое дарилъ королева.

По сосѣдству съ Королевской площадью находился другой любимый уголокъ галантныхъ парижанъ—*Marais*. Это бывшее болото, когда-то полное мазмозъ, превратилось въ изящный кварталъ вродѣ Сень-Жермена. Здѣсь жило избранное общество: аристократы, финансисты и вообще люди со средствами. И здѣсь, какъ въ Сень-Жерменѣ, было изобиліе *femmes galantes*. Вотъ извѣстная «*petite Nichon de Marais*», любовница великаго Конде; вотъ красавицы де-Лормъ, Дюбуа, Бабеть, Фишонъ и цѣлая стая другихъ красавиць.

Въ зимніе дни парумяненные красавицы съ мушками на щекахъ, декольтированные и прикрытыя лишь легкими шелковыми пелточками, отправлялись на Королевскую площадь для свиданій и новыхъ знакомствъ. А въ лѣтніе вечера по этимъ мѣстностямъ и особенно по Королевской площади любили прогуливаться со своими метрессами надушенные франты.

Фронта внесла смятеніе въ жизнь этихъ красавиць квартала *Marais* и на время лишила ихъ средствъ существованія. А въ 1656 г. этотъ веселый уголокъ Парижа подвергся новой напасти. Въ январѣ вышелъ указъ, чтобы женщины и дѣвицы дурной жизни, лакеи и бродяги не смѣли ходить подъ сводами королевскихъ коридоровъ и по сосѣднимъ съ площадью улицамъ. Имъ запрещали назначать тамъ свиданія и останавливаться подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Это было для нихъ большимъ ударомъ.

Патріархальныя прогулки по берегамъ Сены теперь не могли удовлетворять парижанъ. Парижанки все болѣе и болѣе царили надъ толпою. Безъ нихъ не могло обойтись ни одно пріятное общество. Подъ ихъ окнами раздавались серенады, ихъ засыпали любовными письмами, имъ посвящали стихотворенія. Поэтому совершенно естественно, что должно было возникнуть новое поле для ихъ побѣдъ, гдѣ онѣ могли бы блеснуть своими чарами—и вотъ появились «*courts*» на подобіе флорентійскихъ и римскихъ корсо.

Въ ту эпоху названіе «*courts*» было для парижанъ новинкой. Оно появилось вмѣстѣ съ развитіемъ галантной жизни парижанъ. Это слово привезла Марія Медичи изъ Флоренціи, гдѣ «корсо» были въ большой модѣ. Оно означало: «катанье въ экипажѣ въ наиболѣе прохладное время дня и въ извѣстномъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями». До ея регентства парижане не знали другого рода прогулокъ, какъ пѣшкомъ въ садахъ.

Регентша очень хлопотала объ устройствѣ этихъ «*courts*». Она приказала обсадить деревьями аллею по берегу Сены на западъ отъ Тюльерійскаго сада. Эта затѣя ее такъ интересовала, что она болѣе ни о чемъ другомъ не думала.

Это новое развлеченіе вносило въ жизнь парижанъ нѣкоторую новизну. Теперь имъ необходимо былъ нарядный экипажъ въ четыре лошади—и въ Па-

рижѣ появилось столько роскошныхъ экипажей, что они совершенно наводнили улицы.

Обыкновенно до начала гулянья публика собиралась въ саду Тюльери. Экипажи ѣхали шагомъ, чтобы сѣдоки могли пѣть, смѣяться, вести игры, однимъ словомъ, эти «cours» являлись какъ бы передвижнымъ салономъ. Здѣсь царилъ необыкновенная учтивость: даже незнакомые между собою обмѣливались поклонами. Мужчины почти все время оставались съ обнаженной головою, не смѣя пропустить мимо даму, не снявъ шляпы. За такую небрежность мужчина прослылъ бы невѣждой.

Аллеи, по которымъ ѣхали позолоченные и роскошно отдѣланные бархатомъ экипажи съ наряженными дамами, представляли въ эти часы любовитное зрѣлище. Особенно красивый видъ на «cours» былъ съ террасы Ренаръ, украшенной цвѣтниками.

Начиная съ двухъ королевъ, Марин Медичи и Анны Австрійской, до государственныхъ людей, придворныхъ и финансистовъ все стремились на это гулянье. Сюда собиралось не только высшее общество, но и скромные буржуа со своими домохозянами. Нянюшки и мамки предусмотрительно набирали съ собою полные передники пирожковъ, кренделей и пряниковъ.

Шаловливый Амуръ не скунился пускать свои стрѣлы въ прекрасныхъ дамъ и кавалеровъ. Красавица Нинонь де-Ланкло одерживала любовныя побѣды. Однажды вечеромъ она увидѣла, какъ маршалъ Грамонъ приглашалъ въ свою коляску одного господина, который ѣхалъ верхомъ. Красавица велѣла сказать ему, что будетъ рада поговорить съ нимъ послѣ гулянья, и увезла къ себѣ ужинать.

Среди этой толпы выдѣлялись любовитные типы, вродѣ маркиза Рувьяка. Онъ привозилъ съ собою ларцы съ дамскими перчатками и посылалъ ихъ тѣмъ дамамъ, которыя имѣли счастье ему понравиться. Иногда онъ спускалъ стору кареты и перебѣнялъ свой костюмъ, появляясь затѣмъ «какъ солнце изъ-за тучъ».

Кавалеры ввели обычай носить на шляпахъ шелковый чулочекъ своей возлюбленной въ знакъ вѣрности. Женщины являлись иногда на подобныхъ гуляньяхъ въ маскахъ и вводили мужчинъ въ обманъ. Одинъ парижанинъ воспыла къ такой замаскированной парижанкѣ, но когда она по какому-то поводу сняла маску, то обожатель такъ испугался ея, что попросилъ скорѣе надѣть маску.

Для парижанки той эпохи лучшимъ удовольствіемъ было маскироваться, посѣщать сень-жерменскую ярмарку и прогуливаться на «cours». Подобныхъ гуляній потомъ развелось очень много, и были назначены часы, для каждаго гулянья различныя. Въ *La Loi de la galanterie* былъ даже затронутъ вопросъ о томъ, чтобы составить альманахъ, въ какомъ часу начинаются «cours» въ томъ или другомъ мѣстѣ. Разница между *Cours de la Reine* и *Cours hors la porte Saint Antoine* была небольшая: первое было засажено деревьями, а второе пѣть. Увлеченіе такого рода забавой распространилось и на другіе города. Королева часто ѣздила въ Тулузу, чтобы присутствовать на тамошнихъ «cours».

Особенное оживленіе царило на *cours Saint Antoine* во время карнавала.

Толпы замаскированных дам и кавалеров осыпали друг друга отрубями и ржаной и пшеничной мукой вмѣсто теперешних конфетти:

Въ послѣдніе годы царствованія Людовика XIII подобныя гулянья устраивались исключительно въ Cours de la Reine, и только карнавалъ неизмѣнно справлялся на cours Saint Antoine.

Но вотъ наступилъ 1649 годъ, и фронда прервала всѣ наслажденія и удовольствія парижанъ. Но въ слѣдующемъ году на Cours de la Reine снова появились еще болѣе роскошные экипажи. Одни передъ другими придворные щеголяли богатствомъ своихъ экипажей, обитыхъ богатыми матеріями и украшенныхъ позолотою, серебряною бахромою, бархатомъ и т. д. Многіе подвергли себя опасностямъ, показываясь въ роскошныхъ экипажахъ, такъ какъ въ послѣдніе годы уже вышелъ указъ относительно позолоченныхъ каретъ. Поэтому въ слѣдующее очередное гулянье было запрещено появляться въ экипажахъ съ золотыми и серебряными украшеніями.

Въ 1651 году подобное гулянье еще не вышло изъ моды. На этомъ гуляньѣ появился великій Конде въ своемъ великолѣпномъ экипажѣ. По выходѣ изъ тюрьмы, куда онъ былъ заключенъ по приказанію регентши, герцогъ снова сталъ въ оппозицію съ правительствомъ.

Но вотъ наступила эпоха Короля Солнца, и на «cours» появилось новое общество. Это было общество Мольера и Лабрюйера. Каждый вечеръ парижане собирались на этихъ гуляньяхъ. Матери вывозили дочерей-невѣстъ на показъ женихамъ. Несостоятельные люди въ складчину нанимали экипажи въ шесть лошадей, хотя сами голодали. Отъ экипажа къ экипажу перебѣгали продавщицы сластей—онѣ же посредницы для передачи любовныхъ записокъ. Это было мѣсто, гдѣ исключительно царилъ Амуръ, и потому туда никто не являлся со своей женой.

Въ концѣ царствованія Людовика XIII на этихъ cours была введена новая мода: по вечерамъ тамъ устраивались прогулки съ факелами, играла музыка и устраивались танцы. На подобное гулянье въ Шальо публика привозила съ собою въ каретахъ поваровъ и провизію и пока они приготавливали кушанье, развлекались всѣ подъ тѣнью деревьевъ.

На этихъ гуляньяхъ въ слѣдствіи варьировался характеръ развлеченій, и въ нихъ вводили различныя игры. Съ каждымъ годомъ старый Парижъ разрастался и умножались пустыя пространства, т. е. площади. На нихъ устраивались уже не только одни cours, но различныя общественныя игры, академіи для аристократовъ, какъ научныя, такъ и чрезвычайно распространенныя въ Парижѣ XVIII вѣка—верховой ѣзды. Площади требовались и для ярмарокъ вродѣ сенъ-жерменской, на которой парижане очень веселились.

Подъ вліяніемъ Кольбера Людовикъ XIV усиленно старался устроить какъ можно больше широкихъ площадей и публичныхъ прогулокъ. Поэтому въ 1667 году Парижъ обогатился Елисейскими полями и Булонскимъ лѣсомъ.

— Изъ в о с п о м и н а н і й • Л о к р у а. — Газета «Le Temps» опубликовала въ позавчерашнемъ году отрывки изъ воспоминаній бывшаго морского министра Франціи Эдуарда Локруа, за свою долгую жизнь видѣвшаго не мало любопытныхъ людей и вещей. Такъ какъ г. Локруа, насколько намъ извѣстно,

не собрался издать свои мемуары отдельной книгой, то извлекаемъ здѣсь для русскаго читателя нѣсколько эпизодовъ изъ его жизни, рассказанныхъ имъ на страницахъ «Temps».

Одной изъ яркихъ фигуръ ранняго періода воспоминаній Локруа является Эрнестъ Ренагъ.

«Ренану,—говоритъ авторъ,—я много обязанъ и навсегда сохранилъ къ нему чувство признательности. Я жилъ съ нимъ вмѣстѣ болѣе года, и это соприкосновеніе привело меня къ такимъ научнымъ занятіямъ и такимъ мыслямъ, которыя безъ него не пришли бы мнѣ и въ голову. Въ Сирію онъ отправился одинъ-одинешенекъ, только въ сопровожденіи своей сестры Гортензіи. У него и тогда замѣчалось уже предрасположеніе къ полнотѣ. Больше всего поражали въ немъ огромный носъ и маленькіе глазки. Прямые волосы, свойственные бретонцамъ, плотно прилегали на вискахъ. Выраженіе губъ было ироническое. То былъ самый милый человекъ, котораго мнѣ приходилось видѣть въ жизни. Когда онъ начиналъ говорить, собесѣдники забывали и о его носѣ, и о его узенькихъ глазкахъ.

«Онъ сохранилъ манеры духовнаго лица. Все въ немъ, начиная отъ манеры знакомиться до манеры кланяться, обличало бывшаго духовнаго. Къ нему болѣе всего пристали бы митра и риза.

«Мы исходили съ нимъ всѣ церкви Кайссеруна, которыя всѣ построены на развалинахъ древнихъ храмовъ. Въ ихъ стѣнахъ находились иногда камни, на которыхъ попадались почти стертые древнія надписи. Ренагъ разыскивалъ здѣсь финикійскія надписи.

«Его сестра Гортензія относилась къ нему, какъ къ ребенку: помогала ему одѣваться, завязывала галстукъ, усаживала за столъ, когда подавали обѣдъ, нерѣдко она бранила его и дѣлала ему выговоры, и Ренагъ сокрушенно просилъ у нея прощенія. Гортензія Ренагъ просматривала все, что писалъ ея братъ, который читалъ ей всѣ свои работы. Она прямо, не обинюясь, высказывала свое мнѣніе, и Ренагъ почти всегда ему слѣдовалъ.

Гортензія Ренагъ работала въ той же области, что и ея братъ: она знала финикійскій языкъ, говорила по-латыни, знала греческій и нѣкоторые изъ новыхъ языковъ. Въ матери семейства она не годилась. Она держалась на все очень опредѣленныхъ мнѣніи и не увлекалась такъ религіозными вопросами, какъ ея братъ. Она обожала брата и сосредоточила на немъ всю свою нѣжность. Жизнь ея проходила тяжело и бурно. Она долго жила въ Польшѣ въ качествѣ воспитательницы въ семействѣ одного польскаго магната. Разлука съ братомъ, который выросъ на ея рукахъ, доставляла ей много страданій и сдѣлала изъ нея серьезнаго, строгаго человекъ, производившаго на людей, съ ней мало знакомыхъ, впечатлѣніе какого-то холоднаго профессора.

«Обыкновенно,—говоритъ авторъ воспоминаній,—мы отправлялись съ Ренаномъ на расконтки рано утромъ. Ренагъ ѣхалъ на своемъ ослѣ, а я на лошади, имѣвшей отвратительную привычку сбрасывать всадника и уже убившей такимъ путемъ одного итальянца, которому я ее одолжилъ. Ренагъ давалъ мнѣ какое-нибудь порученіе—списывать надписи и разыскивать ихъ. Въ теченіе года я такимъ образомъ извѣздилъ всю Сирію и зналъ ее лучше, чѣмъ Парижъ

Вздилъ я обыкновенно съ своей собакой и слугой-арабомъ. То были лучшіе часы моей жизни. Я спалъ, гдѣ приходилось, иногда подъ открытымъ небомъ, иногда въ палаткѣ какого-нибудь бедуина или друга. Я, конечно, подвергался при этихъ поѣздкахъ большимъ опасностямъ, но тогда я былъ молодъ и всегда питалъ склонность къ одиночеству, которая позднѣе получила даже болѣзненные размѣры».

Другимъ давнишнимъ пріателемъ Локруа былъ извѣстный композиторъ Гуно.

«Однажды,—вспоминаеть Локруа,—сизу я въ своемъ служебномъ кабинетѣ въ министерствѣ, какъ вдругъ мнѣ докладываютъ о приходѣ Гуно.

Гуно входитъ. Глаза его обращены къверху, лицо сосредоточено, руками онъ перво теребитъ свою шляпу.

«— Милый другъ,—началь онъ прерывающимся голосомъ:—я къ вамъ по очень, очень важному дѣлу, которое не дастъ мнѣ покою. Вѣрите ли, я сегодня не спалъ всю ночь... Не могу заснуть, да и только. Наконецъ я взялъ сочиненія Платона. Какой изумительный философъ! Я читалъ его до разсвѣта. Онъ страшно успокаиваетъ. Вѣдь вы, конечно, вѣрите въ безсмертіе души? Кто же не вѣритъ въ это? Несомнѣнно, душа не можетъ погибать. Пусть тѣло разлагается, превращается въ прахъ, но душа?

И онъ съ жаромъ пустился приводить всевозможныя доказательства въ пользу безсмертія души.

Монологъ этотъ продолжался около часу. Когда вопросъ наконецъ былъ исчерпанъ, я спросилъ Гуно:

— Какое же у васъ дѣло:

Гуно вскочилъ, ударилъ себя по лбу и закатилъ глаза къ небу.

— Знаете, мы подняли такіе серьезные вопросы... Извините, я позабылъ...

Я приду къ вамъ другой разъ.

Онъ пожалъ мнѣ руку и исчезъ.

Особый интересъ по нынѣшнему времени представляетъ знакомство Локруа съ бывшимъ германскимъ канцлеромъ фонъ-Бюловымъ, который теперь занимаетъ постъ германскаго посла въ Римѣ и, благодаря своимъ итальянскимъ связямъ, всѣми силами старается удержать Италію отъ выступленія противъ Австріи.

Дѣло было въ 1905 году въ Баденъ-Баденѣ, куда Локруа пріѣхалъ лечиться. Какъ-то къ нему зашелъ знакомый сотрудникъ «Nechе Freie Presse» и между прочимъ сообщилъ, что въ сосѣднемъ отелѣ живетъ Бюловъ, что онъ очень интересуется французскимъ государственнымъ дѣятелемъ и неоднократно освѣдомлялся о немъ. Это было косвеннымъ приглашеніемъ завезти ему карточку, что Локруа и сдѣлалъ. На другой день фонъ-Бюловъ пригласилъ его къ обѣду.

Когда Локруа прибылъ въ назначенный день, его приняли съ утонченной любезностью. Княгиня фонъ-Бюловъ—итальянка по происхожденію, дочь какого-то итальянскаго князя. Ея мать впоследствии вышла замужъ второй разъ за нѣкоего Мингетти. Сама княгиня по своимъ манерамъ, по вкусамъ и языку осталась типичной итальянкой. Занимается она главнымъ образомъ искусствомъ, политика же кажется ей чѣмъ-то жалкимъ. Увлекается Вагнеромъ и

символистами. Она была лично знакома и дружна съ Вагнеромъ, который однажды въ минуты откровенности сказалъ ей: «Признаюсь вамъ по секрету, я очень люблю оперы Россіи, но ради Бога не говорите этого вагнеріанцамъ: они мнѣ этого никогда не простятъ».

Обѣдъ былъ накрытъ въ общей залѣ отеля, но Бюловъ и его приглашенные были отдѣлены отъ остальной публики рядомъ деревьевъ въ кадкахъ. За обѣдомъ разговоръ то и дѣло переходилъ на итальянскій языкъ.

Бюловъ—высокій, блѣлокурый сильный человекъ, голубые глаза котораго почти не видны изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ. Толстое лицо его имѣетъ четырехугольную форму. Жидкіе волосы, раздѣленные проборомъ посрединѣ, какъ будто приклеены къ черепу. На немъ былъ смокингъ, въ петлицѣ огромная красная бутоньерка.

Бюловъ прекрасно говоритъ по-французски и отлично знаетъ французскую литературу. Онъ, конечно, разсыпался въ похвалахъ ей, попенялъ на Тэна, который, по его мнѣнію, не понялъ великой французской революціи и недостаточно оцѣнилъ ея экономическія причины, распространился насчетъ «печальныхъ недоразумѣній», которыя раздѣлили оба великихъ народа Европы, т. е. французовъ и нѣмцевъ, потомъ заговорилъ о социализмѣ и о Бебелѣ, который представлялся ему человекомъ убѣжденнымъ, вѣрившимъ въ сочиненія Маркса, какъ въ Евангеліе.

— Это замѣчательный ораторъ, человекъ, сумѣвшій сдѣлаться образованнымъ. Онъ превосходитъ другихъ цѣлой головой.

Этимъ обѣдомъ и кончилися сношенія обоихъ государственныхъ людей.

— Англійская суфражистка въ роли защитницы союзныхъ державъ.—Въ свое время вниманіе Европы и Америки привлечь къ себѣ англійскій писатель В. Шоу своимъ выступленіемъ въ пользу Германіи. Онъ произвелъ большой шумъ своимъ «страннымъ поведеніемъ», и теперь появилась пламенная отповѣдь «неуравновѣщенному писателю» со стороны представительницы англійскихъ суфражистокъ извѣстной миссъ Панкхерстъ.

Въ Европѣ еще не забыли, какую бурю поднимали суфражистки въ Англии въ ихъ походѣ за равноправіе. Это было передъ самой войной. Но лишь только онѣ убѣдились, что отечество въ опасности, какъ тотчасъ же объединились для общаго дѣла и принялись работать въ пользу союзныхъ державъ.

Мать миссъ Панкхерстъ посвятила себя на время войны организациі собраній и митинговъ, на которыхъ она горячо проповѣдуетъ толпѣ объ ея долгѣ передъ родиной. Сама миссъ Панкхерстъ отправилась въ Соединенные Штаты, гдѣ съ энергіей, почти сверхчеловѣческой, ведетъ борьбу противъ Германіи и въ пользу союзныхъ державъ. Ея многочисленныя статьи и брошюры заставили американцевъ взглянуть на борьбу союзныхъ странъ съ Германіей иными глазами, чѣмъ это было въ началѣ войны. Но, нападая на врага родины, она не задитъ и своихъ соотечественниковъ, нѣкоторыхъ «фальшивыхъ» патриотовъ, за ихъ нападки на Англию и Францію.

Свою агитацію она ведетъ и во Франціи, помѣщая статьи въ журналахъ. Между прочимъ, она напечатала въ «La Revue» статью «Bernard Show et la guerre», гдѣ выясняетъ роль В. Шоу по отношенію къ Германіи.

По ея словамъ, въ Англии уже давно сложилось определенное мнѣніе объ этомъ драматургѣ, какъ о человѣкѣ, который всегда идетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, что ставитъ его иногда въ странное положеніе. Напримеръ, на одномъ митингѣ, гдѣ возставали противъ алкоголизма, Б. Шоу одобрялъ этотъ порокъ. Но стоило бы только попросить его отстаивать продажу алкоголя, какъ онъ сталъ бы требовать запрещенія продажи. Настолько развитъ въ немъ духъ противорѣчія.

Вообще Б. Шоу является личностью, которая не выноситъ иного мнѣнія, кромѣ своего собственного, и это именно развило въ немъ страсть къ противорѣчіямъ. По словамъ его соотечественницы, онъ страдаетъ излишнимъ самомнѣніемъ и поэтому не допускаетъ никакой критики, кромѣ собственной.

Б. Шоу обвинялъ своихъ соотечественниковъ въ умственной лѣнности. На это миссъ Панкхерстъ говоритъ, что они не настолько лѣнны, чтобы допустить Б. Шоу за нихъ говорить. Самъ Б. Шоу иногда говорилъ здраво, но съ нѣкоторыхъ поръ нельзя признать, что онъ идетъ къ усовершенствованію, судя по его статьямъ о войны. Вообще его поведение по отношенію Англии довольно странное, и онъ все дѣлаетъ, какъ бы желая тормозить ея успѣхъ.

Извѣстно, какіе безпорядки и скандалы производили въ Англии суфражистки предъ войною, но едва онѣ увидѣли, что Англии грозитъ опасность со стороны Германіи, то смирили свой гнѣвъ и отложили свое личное дѣло до болѣе благоприятнаго момента. Честь и безопасность родины требовали этой жертвы. Напротивъ, Б. Шоу со своей стороны, отнесся къ Англии иначе и не только не проявилъ патриотизма, но даже не могъ удержаться отъ фривольной, поверхностной критики своихъ соотечественниковъ.

«Что касается суда Линча,—говоритъ суфражистка,—то американская публика можетъ быть спокойна, что Б. Шоу ничѣмъ не рискуетъ. Ему угрожаетъ большая опасность: получить Железный крестъ отъ кайзера въ благодарность за его усиліе помочь задачѣ официального бюро нѣмецкой прессы. Въ Англии его ожидаетъ не судъ Линча, а хуже: его слова не будутъ болѣе имѣть цѣны, какъ это было прежде».

Въ то время, какъ англичане умиравъ на полѣ брани, Б. Шоу спокойно пишетъ, что «надо искоренить гордость англичанъ». Это возмущаетъ суфражистку. Она находитъ, что «Англія не могла не послать войска на континентъ, потому что она играетъ на Зпадѣ роль полисмена»

Критика Б. Шоу своей родины, конечно, достигла Германіи, и выдержки изъ его статей циркулируютъ тамъ и считаются выраженіемъ взгляда одного изъ замѣчательныхъ людей Англии.

Б. Шоу рѣзко обвинялъ Англию за роль «нѣжной газели», «оскорбленной невинности». Возмущенная суфражистка возражаетъ ему, что англичане просто народъ, который защищаетъ себя самого и сражается за идеалъ свободы и независимости. «Когда наша страна,—говоритъ миссъ Панкхерстъ,—окажется въ безопасности, то мы, суфражистки, если это необходимо, будемъ готовы сражаться и продолжать нашу гражданскую войну, чтобы завоевать свободу и независимость женщины. Но въ ожиданіи мы помогаемъ мужчинамъ и даже правительству, сражаясь съ общимъ врагомъ, который угрожаетъ нашей свободѣ и свободѣ всего міра».

Б. Шоу обвиняет Англию въ появленіи пѣмечкаго милитаризма и цитируетъ факты. Но англійская суфражистка говоритъ, что сами эти факты говорятъ противъ него. «Ядовольно старь»,—говоритъ Б. Шоу,—чтобы запомнить начало военной пропаганды, которая велась въ Англии противъ Германіи». Франко-прусская война 1870—71 годовъ оставила Англию изолированной. До тѣхъ поръ никто не боялся Пруссіи, и вдругъ Пруссія обратила во врагъ Францію». На это миссъ Панкхерстъ отвѣчаетъ, что именно война противъ Франціи, подстрекателемъ которой былъ Бисмаркъ, и поражение и разореніе Франціи вскормили пѣмечкій милитаризмъ и поощрили пѣмечкій народъ подготовить этотъ проектъ. Планъ военного наступленія Германіи заставилъ и другія страны подготавливаться къ собственной защитѣ.

Миссъ Панкхерстъ убѣждена, что Б. Шоу помогаетъ Германіи, поддерживая ея ложныя увѣренія, будто у нея не было агрессивныхъ намереній и ей угрожала Россія. Но англійскую суфражистку это не убѣждаетъ, и она говоритъ: «Поистинѣ трудно указать точку, гдѣ прекращается желаніе Германіи увеличить свои предѣлы. А между тѣмъ Б. Шоу рисуетъ Германію «оскорбленной невинностью», «пѣмечкой газелью», защищающей себя. Онъ утверждаетъ, что ультиматумъ Сербіи предѣлка стараго пустомели Франца-Иосифа», а между тѣмъ уже всемъ извѣстно, что онъ продиктованъ въ Берлинѣ. Германія продиктовала условія сербскаго ультиматума и приказала Австріи отказаться отъ всякихъ компромиссовъ и переговоровъ, которые могли бы способствовать избѣжанію войны. Поэтому Б. Шоу взялъ на себя неблагоприятную задачу: ослѣпить весь міръ и заставить его повѣрить, что въ этой войнѣ роль Германія не агрессивна».

Б. Шоу будто не понимаетъ, какой ударъ нанесла Германія чести Бельгіи своимъ поведеніемъ. Она требовала, чтобы Бельгія пропустила по своей территоріи войска кайзера и этимъ поощрила Германію идти противъ собѣдной Франціи. Б. Шоу слишкомъ хорошо знаетъ военное дѣло и не можетъ не вѣдать, что, пропуская войска кайзера по своей территоріи, Бельгія выступаетъ уже, какъ врагъ Франціи. Только благодаря своему необыкновенному героизму, бельгійцы избѣжали позора, подготовленнаго имъ въ Берлинѣ.

Б. Шоу, защищая Германію, въ экстазѣ восклицаетъ, что быть побѣжденному не составляетъ бѣды. Это возмущаетъ англійскую суфражистку, и она съ негодованіемъ говоритъ: «Какъ кайзеръ долженъ быть благодаренъ Б. Шоу, что онъ провозгласилъ такую идею! Но духъ независимости не можетъ быть искорененъ изъ людей ни словомъ, ни силою».

Затѣмъ миссъ Панкхерстъ объясняетъ, что Великобританія сражается не только за Бельгію, хотя призывъ и одной Бельгіи заставилъ бы англичанъ вступить въ войну. «Мы сражаемся также за Францію, потому что на нее предательски напали, и потому, что по своей культурѣ и цивилизаціи она мировая драгоценность. Мы сражаемся также потому, что защищаемся!»

Б. Шоу говоритъ, что Англія должна была прямо сказать Германіи: «Если вы нападете на Францію, мы объявимъ вамъ войну». «Я также думаю,—прибавляетъ миссъ Панкхерстъ,—что такая декларация была бы превосходна. Для меня и для многихъ другихъ мыслей, что наша страна будетъ спокойно при-

существовать при франко-прусской войнѣ, была бы нетерпима. Велико было наше облегченіе, когда мы узнали, что англійское правительство объявило войну». Почему же Англія не сказала Германіи, что она поддержитъ Францію въ случаѣ конфликта? И миссъ Панкхерстъ объясняетъ это тѣмъ, что она боялась сильной оппозиціи суфражистокъ, лондонской лиги социаль-демократовъ, части либеральной прессы и рабочей партіи, которая была обманута профессорами и другими миссионерами кайзера. Ихъ убѣдили, что вѣтешкой опасности не существуетъ. Но ея нѣтъ, напрасно англійское правительство колебалось, такъ какъ народъ вполне понималъ, что необходимо сражаться, если бы даже Бельгія не подверглась нападенію.

Въ одною английскія суфражистка соглашается съ Б. Шоу: онъ требуетъ болѣе младости относительно иностранной политики. Но при этомъ она пользуется случаемъ уязвить непрекрасную половину человеческого рода. «Въ этомъ онъ правъ,—говоритъ она:—по этой реформѣ онъ и его друзья позабыли потребовать, тогда какъ, располагая женщиною правомъ голоса, онъ давно бы ея потребовали».

— Изъ біографіи Жака Ватто.—Пельзя сказать, чтобы Флорансь Ватто, кровельщикъ изъ Валансьена, былъ счастливымъ отцомъ. Онъ былъ женатъ на рослой, здоровой фламандкѣ, три сына которой должны были бы наследовать его почтенное «дѣло». Къ несчастью, второй изъ его сыновей, которому при крещеніи дали имя Жанъ-Алтуанъ, оказался ни къ чему неспособнымъ. Его отдали въ ученіе; но онъ былъ слабъ здоровьемъ, и его хозяева были имъ недовольны. Въ тринадцать лѣтъ онъ еще не умѣлъ покрыть черепицею самой простой крыши. Пришлось поневолѣ взять его домой. И вотъ Жанъ Ватто бѣгаетъ по свободѣ по улицамъ, по рыночнымъ рынкамъ и по тавернамъ своего родного городка, толкается среди ремесленниковъ, матросовъ, кружевницъ, забирается въ лабиринтъ темныхъ, извилистыхъ переулковъ, освѣщенныхъ лишь огнями кухни. Вечеромъ, усталый отъ ходьбы и всего видѣннаго, онъ возвращается къ родителямъ и изображаетъ на аспидной доскѣ или на клочкѣ бумаги разныя народныя сцены, которыя ему приходилось переживать за день.

Кровельщикъ и его жена были противъ того, чтобы дѣлать изъ своего сына живописца; несмотря на его склонность къ этому дѣлу. Для человѣка, который удостоенъ чести ходить въ торжественныхъ процессіяхъ во главѣ своей корпорации, это было бы слишкомъ унижительно. Не долге, какъ года два-три тому назадъ, въ обязательныхъ постановленіяхъ города художники и живописцы были причислены къ гражданамъ второго разряда, вмѣстѣ съ слесарями, оружейниками и другими низшими ремесленниками. Тѣмъ не менѣе, въ виду неспособности маленькаго Ватто поддерживать дѣло своего отца, родители рѣшили сдѣлать изъ него хоть что-нибудь и отдали его въ ученіе къ мѣстной знаменитости—живописцу Жаку Герину, который за шесть ливровъ согласился посвятить мальчика въ тайны своего искусства. Около четырехъ лѣтъ оставался Ватто у этого учителя, смущая родителей отсутствіемъ всякихъ успѣховъ въ своемъ ученіи и полнымъ неуваженіемъ къ таланту своего учителя. Онъ дошелъ даже до того, что въ одно прекрасное утро 1702 года, когда ему

было восемнадцать лѣтъ, покинулъ своего учителя и ѡбъялъ вмѣстѣ съ какимъ-то странствующимъ живописцемъ, направлявшимся въ Парижъ—писать декорации въ театрахъ.

И вотъ Жанъ Ватто очутился безъ гардероба и безъ денегъ въ этомъ сказочномъ городѣ. Надо было чѣмъ-нибудь жить, и юный художникъ пристраивается къ торговцу иконами и картинками религіознаго содержанія, имѣвшему маленькую лавочку на мосту черезъ Сену, который вель къ собору Парижской Богоматери. Иконы эти дѣлались такъ же, какъ ихъ дѣлаютъ теперь у насъ: одинъ пишетъ ликъ, другой только ризы, третій накладываетъ «оживки» и т. д. Ватто особенно удавалось изображеніе святого Николая, на котораго былъ большой спросъ. Онъ работаетъ съ утра до вечера, за что ему дается ежедневно тарелка супу и три ливра въ концѣ каждой недѣли. По вечерамъ, когда Ватто свободенъ, онъ рисуетъ для себя, что попало подъ руку. Ему приходится и голодно, и холодно, но счастье вращаться среди художниковъ, жить въ Парижѣ все искупаеть.

Лавочка Авраама Мегейца очень извѣстна среди парижскихъ живописцевъ: они перѣдко обращаются туда съ просьбами прислать имъ на помощь какого-нибудь мазилку. Вотъ почему Ватто приходится иногда работать и въ Люксембургскомъ дворцѣ, и въ замкѣ Шантильи, и въ театрѣ Оперы. Онъ пытается дѣлать первые самостоятельные шаги, но, увы! его случайные учителя совѣтуютъ вырваться изъ-подъ этой опеки, скопить деньжонокъ и добраться до своей милой родины Фландріи съ ея голубымъ небомъ и тишиной. Онъ распродаетъ за безцѣнокъ свои картины и послѣ семилѣтняго отсутствія возвращается на родину.

Война за испанское наслѣдство была въ самомъ разгарѣ, и Валансьенъ вмѣсто тишины и мирныхъ картинъ представляетъ живую батальную картину: вездѣ войска, раненые, вдали бухаютъ пушки. Сколько моделей! Ватто зарисовываетъ и раненыхъ, и обозы, и кокетливо разряженныхъ офицеровъ. Никто и не подозрѣваетъ, что этотъ юноша одинъ отмститъ врагамъ за проигранную французами битву при Мальплаке и покроетъ Францію новой славой!

Когда Ватто привозитъ свои картины изъ военнаго быта въ Парижъ, онъ сразу становится знаменитостью. Но батальная живопись не его специальность: онъ начинаетъ посѣщать уборныя актрисы, проникаетъ въ будуаръ герцогини Беррійской и навсегда дѣлается живописцемъ утонченнаго салоннаго изящества наиболѣе развращеннаго общества.

Не нужно, однако, думать, что онъ самъ увлеченъ всей этой обстановкой. Напротивъ, его фигура представляетъ рѣзкій контрастъ со всѣми окружающими. Онъ неизмѣнно посѣщаетъ всѣ эти маскарады, которые потомъ воспроизведены на своихъ полотнахъ, но съ своимъ длиннымъ носомъ, худымъ сумрачнымъ лицомъ онъ кажется старикомъ, хотя ему всего тридцать лѣтъ. Онъ любитъ проводить время за чтеніемъ и размышленіемъ, любитъ слушать музыку. Вѣчно кашляющій и закутаный въ шарфъ, онъ аккуратно посѣщаетъ церковныя службы, терпѣть не можетъ шума, не любитъ деньги и раздаетъ свои картины первому попавшемуся: своимъ лавочникамъ, парикмахеру, у котораго

покупает парик: Изображая поѣздки на остров Цитеры, всякія любовныя сцены, самъ Ватто остается чуждъ этимъ похождениямъ, сумраченъ и задумчивъ.

Тридцати семъ лѣтъ онъ рѣшилъ перемѣнить родъ живописи и написать Христа на крестѣ, окруженнаго ангелами. Это огромное усиліе духа окончательно надломило его впалую грудь, и онъ скоро умеръ въ Ножанѣ, гдѣ у него былъ маленькій домикъ, существующій и до сихъ поръ.

Біографія великаго художника, жизнь и характеръ котораго стоятъ въ такомъ противорѣчій съ его творчествомъ, разсказана Эдмонъ Пилонъ въ недавно вышедшей книгѣ «Watteau et son école».

— Исторія Лувена.—Исторія европейскихъ государствъ богата войнами, но народы, сражавшіеся между собою, обладали, несмотря на свой эгоизмъ, такимъ запасомъ великодушія, что забывали о понесенныхъ жертвахъ,—говоритъ А. Водрильяръ въ «Revue Hebdomadaire».—Когда же непріятель наносилъ смертельный ударъ самой душѣ народа и его цивилизаціи, то это не забывалось въ теченіе многихъ вѣковъ. Исторія едва вспоминаетъ о жестокостяхъ Омара, но скоро будетъ тринадцать вѣковъ съ того времени, какъ онъ приказалъ сжечь александрийскую бібліотеку, а память объ этомъ фактѣ до сихъ поръ живетъ въ народахъ.

Въ этомъ отношеніи Лувень играетъ такую же роль въ глазахъ бельгийцевъ, какъ александрийская бібліотека.

Исторія Лувена начинается съ римской эпохи, но полного блеска она достигла въ началѣ второй половины XII вѣка. Въ эту эпоху здѣсь поселились въ очень большомъ количествѣ норманы. Оградивъ мѣстность окопами и частоколомъ, они прожили здѣсь семь лѣтъ, но императоръ Арнульфъ твердо рѣшился избавить отъ нихъ страну. Тогда произошло такое избіеніе нормановъ, что около ста тысячъ труповъ остановили теченіе рѣки, которая разлилась по сосѣднимъ болотамъ.

Мало-по-малу этотъ бывший лагерь нормановъ превратился въ городъ и въ теченіе пяти вѣковъ послѣдовательно тамъ устраивались улицы и воздвигались дома. Сто лѣтъ спустя послѣ избіенія нормановъ Ламберъ-воинъ, seigneur de Bruxelle, принялъ титулъ графа Лувена и перевелъ свою резиденцію въ этотъ городъ.

Въ 1106 году шестой изъ графовъ лувенскихъ Готфридъ Бородатый, добился отъ Генриха V званія герцога Нижней Лотарингіи и сдѣлался родоначальникомъ герцоговъ Брабантскихъ. При нихъ Лувень получилъ новое значеніе, но убійство Генриха I вызвало въ его преемникахъ отвращеніе къ двору, гдѣ онъ умеръ, и они переселились въ Брюссель.

Хотя Лувень съ перенесеніемъ резиденціи герцога, конечно, потерялъ значеніе столицы, но онъ все-таки остался сильно населенной (около 100.000—200.000 жителей) свободной общиной, надѣленной съ XI вѣка хартіей и съ 1219 года управляемой своими бургомистрами. Онъ соперничалъ съ фламандскими городами своими суконными фабриками, кожевенными заводами и производствомъ оружія. Но это цвѣтущее состояніе нарушилось вслѣдствіе гражданскихъ войнъ между ремесленниками, буржуа и патриціями.

Сколько раз герцогамъ Брабантскимъ приходилось вмѣшиваться съ оружіемъ въ рукахъ въ эти распри. Въ XIV вѣкѣ рабочій классъ, наконецъ, добился нѣкоторыхъ правъ въ управленіи городомъ. Но это его не удовлетворило, и снова начались распри, которыя доходили до народной расправы съ представителями власти.

Съ момента этимъ междоусобій для Лувена начался политическій упадокъ. Его постигла участь Брюсселя и Брабанта, которые послѣдовательно дѣлались бургундскими, испанскими, австрійскими и французскими—простыми подпрефектурами во время консульства и имперіи. Съ 1815 года по 1830 годъ Лувенъ сдѣлался бельгійскимъ.

Этотъ городъ менѣе выдается своими зданіями, чѣмъ Брюгге, Брюссель и Гентъ, но въ деталяхъ онъ изящнѣе, законченнѣе, цвѣтущее и ярче остальныхъ бельгійскихъ городовъ.

Викторъ Гюго оцѣнилъ красоту его ратуши и на 'вопросъ бургомистра, надо ли дополнить статуями двѣсти восемьдесятъ нишъ фасада, отвѣтилъ: «Общественныя или религіозныя зданія, у которыхъ ниши для статуй пусты, представляютъ книгу съ непечатанными страницами. Помѣстить въ нишу статую все равно, что напечатать букву на страницѣ. Этими буквами пишется исторія».

Желаніе поэта было исполнено.

Лувенъ обладаетъ настоящими сокровищами архитектуры. Но особенно выдающееся сокровище Лувена представляетъ университетъ.

Быль моментъ, когда Лувенъ началъ приходить въ упадокъ, вслѣдствіе уменьшенія народонаселенія, такъ какъ рабочій классъ удалился въ другіе города. Это положеніе продолжалось лѣтъ сорокъ, когда въ 1425 году герцогъ Брабантскій Іоаннъ IV занялся его возрожденіемъ и умственнымъ развитіемъ жителей. До тѣхъ поръ въ Бельгіи не было никакого учрежденія для полученія высшаго образованія. Бельгійская молодежь для довершенія образованія отправлялась въ Парижъ и Кельнъ.

Моментъ для приведенія своей идеи въ исполненіе Іоаннъ IV выбралъ тяжелый. Тогдашнее время было еще трагичнѣе, чѣмъ то, какое Европа переживаетъ въ данный моментъ. Фландрія была тѣсно связана съ исторіей Франціи и Англіи, которыя въ этотъ моментъ бились на смерть.

Во Франціи преемникомъ несчастнаго безумца, окончившаго свое существованіе въ Парижѣ, догнывая среди червей, былъ англійскій король Генрихъ VI, находившійся подъ опекой своихъ дядей: жестокаго, тщеславнаго безиравственнаго герцога Глостера и честолюбиваго хитраго герцога Бедфорда. Дофинъ Карль не могъ вынести этого и удалился въ центральную Францію. Страна раздѣлилась на два лагеря. Раздираемая предательствомъ однихъ, подвергаясь ударамъ и вымогательствамъ другихъ, она, казалось, подвергнется раздѣлу или подпадетъ подъ иго чужеземцевъ. Сама Англія, подвергавшая ее пыткамъ, находилась не въ лучшихъ условіяхъ, несмотря на свои побѣды. За народнымъ возстаніемъ послѣдовало возмущеніе дворянства, а потомъ междоусобныя войны. Цѣлые годы шла рѣзня, царила ересь, пылали костры. Развратный Генрихъ V сдѣлался самымъ жестокимъ, самымъ надменнымъ и

лицемѣрнымъ изъ королей. Король и въ то же время ростовщикъ, палачъ, пасторъ методистовъ, онъ морилъ голодомъ цѣлые города, поддѣлывалъ монеты, губилъ на висѣлицѣ во имя Бога несчастныхъ узниковъ. Убивая всѣхъ, кто не могъ откупиться и дѣйствуя такимъ чудовищно-безчеловѣчнымъ образомъ, онъ въ то же время бормоталъ молитвы и повторялъ псалмы. Наконецъ онъ умеръ въ Венсеннѣ, и ему наследовалъ ребенокъ, которому не было и года.

Все это отзывалось на Фландріи. Ея долины затонули въ крови и покрылись костями. Дворяне и простые граждане предались неистовой рѣзнѣ. Одни призывали къ себѣ на помощь англичанъ, другіе—французовъ. Несчастливая страна сдѣлалась жертвою и нападающихъ, и защитниковъ. Она раздѣлилась на двѣ части, одна часть стояла за мать, другая за сына.

Едва только окончилась война, какъ вспыхнула другая.

Въ Брабантѣ вели борьбу герцогъ Іоаннъ противъ своей жены, Жакелины Голландской. Онъ открыто жилъ съ другой женщиной, и его жена добивалась у папы Петра уничтоженія брака. Она обвинялась съ герцогомъ Глостеромъ. Но послѣдній не любилъ ее и бросилъ, чтобы отправиться воевать. Жакелина осталась въ сѣти интригъ своего дяди, епископа Льежа, и своего бывшего мужа, герцога Брабантскаго, и герцога Бургундскаго, который пытался захватить Голландію.

Всѣ несчастія свалились на страну. Изъ открытыхъ шлюзовъ хлынула вода и залила цѣлыя деревни; огонь и чума dokonчили картину бѣдствій.

Къ этимъ несчастіямъ еще примѣшались интриги папъ, которые подвергались отлученію и сами отлучали отъ церкви свое стадо, возмущенное, дошедшее до отчаянія и готовое броситься «въ объятія сатаны».

Но вотъ наступилъ 1425 годъ. Осторожный, благоразумный папа Мартынъ V объединилъ свою паству, Имперія, хотя и залитая кровью въ войнѣ съ гуситами, была совершенно удовлетворена блестящими качествами своего главы Сигизмунда.

Въ это именно время въ Лувенѣ 7-го сентября 1426 года основался университетъ, благодаря невѣждѣ и развратнику Іоанну IV, не чуждавшемуся, однако, добрыхъ совѣтовъ. Многимъ переменамъ подвергался этотъ университетъ за время своего существованія.

Французскіе короли совершили двѣ ошибки, за послѣдствія которыхъ Бельгія принуждена расплачиваться до сихъ поръ: вѣроломство Людовика XV относительно Маріи Бургундской, дочери и наследницы Карла Смѣлаго, и разрывъ Карла VIII со своей невѣстой Маргаритой австрійской, дочерью этой Маріи и будущаго императора Максимилиана I. Послѣдствіемъ этихъ ошибокъ было то, что Бельгійскіе Нидерланды попали въ ряды владѣній австрійскаго дома. Бракъ Филиппа Красиваго съ дочерью Фердинанда и Изабеллы присоединилъ ихъ къ испанской коронѣ. Они оставались въ этомъ положеніи до отреченія Карла V, когда ихъ раздѣлили на двѣ вѣтви—испанскую и нѣмецкую. Моментъ этой важной политической эволюціи совпалъ съ интеллектуальной и моральной эволюціей въ Европѣ—латинскимъ возрожденіемъ и германскою реформацией. Лувенскій университетъ сталъ на сторону возрожденія.

Онъ игралъ видную роль среди европейскихъ университетовъ и поддерживалъ Бельгію на пути латинскихъ традицій и католичества. Въ 1502 году въ Лувенскомъ университетѣ появился отецъ возрожденія, гуманистъ Эразмъ. Въ 1517 г. по его инициативѣ здѣсь основалась «Collège des trois langues» — прототипъ теперешней «Collège de France» въ Парижѣ.

Въ концѣ XVI вѣка въ Бельгіи снова вспыхнуло междоусобіе, но на этотъ разъ причиной была не только борьба классовъ, но и борьба на религиозной почвѣ, сѣмя которой заронили идеи Лютера. Въ началѣ эта борьба ограничивалась поединкомъ на словахъ, но вскорѣ она перешла на иную почву. Появились инквизиція и беспощадныя репрессіи. Бельгійскіе протестанты обратились къ Германіи, умоляя императора анектировать ихъ провинціи.

Среди этой борьбы лувенскій университетъ своимъ поведеніемъ вызвалъ одобреніе папъ за дѣятельность его представителей, а впоследствии и за выполнение его декретовъ.

Но среди XVI вѣка профессоръ философіи Баюсъ, президентъ коллегіи папы Адриана VI, сталъ брать орудіемъ своей борьбы только святое писаніе и поученія отцовъ церкви и вскорѣ самъ склонился къ «протестантскимъ ошибкамъ» въ нѣкоторыхъ вопросахъ.

Баюсъ умеръ въ 1589 году, оставаясь вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Но послѣ него остался ученикъ Янсень, который сдѣлался главою партіи и впоследствии образовалъ партію янсенистовъ.

До конца прежняго режима, несмотря на конкуренцію университетовъ Лейдена и Дуэ, Лувенъ оставался во главѣ университетскихъ городовъ. Университетскій міръ жилъ обособленною жизнью, не сближаясь съ буржуазіей, и оставался вѣрнымъ руководителемъ народа въ интеллектуальномъ отношеніи. Послѣ эфемернаго управления французовъ въ началѣ царствованія Филиппа V Бельгія перешла подъ владычество австрійцевъ. Однако, когда императоръ Іосифъ слишкомъ натянулъ вожжи, лувенскій университетъ сумѣлъ постоять за себя.

Надо надѣяться, что университетъ этотъ, родившійся въ конвульсіяхъ начала XV вѣка, не умеръ, унесенный теперешней міровой бурей.

— Воскресеніе Вольтера и Руссо. — Какъ извѣстно, нѣкоторыми французскими историками была пущена въ оборотъ мысль, что при реставраціи Бурбоновъ, когда все прошлое истреблялось беспощадно, прахъ Руссо и Вольтера былъ выкинутъ изъ ихъ гробницъ въ Пантеонъ и разбѣянъ по вѣтру. Чтобы провѣрить это утвержденіе, французское правительство назначило въ 1897 году особую комиссію изъ чиновниковъ и виднѣйшихъ французскихъ литераторовъ, которой было получено вскрыть гробницы Руссо и Вольтера и объ оказавшемся составить officialный протоколъ.

Объ этомъ осмотрѣ сообщаетъ въ «Temps» одинъ изъ его участниковъ Жоржъ Кэнь.

Слухъ о томъ, что прахъ великихъ писателей подвергся поруганію, прошелъ впервые въ 1864 году. Увѣряли, что на этотъ счетъ были предприняты самыя тщательныя изслѣдованія, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что прахъ Руссо и Вольтера исчезъ безслѣдно. Комиссія, собравшаяся для осмотра ихъ могилъ

17-го декабря 1897 года, видимо, раздѣляла это мнѣніе. Каждый высказывалъ свои предположенія... Всѣ безпрестанно стучали ногами о плиты гулкого подземелья коридора, чтобы хоть немножко согрѣться отъ пронизывающаго холода, въ ожиданіи, пока соберутся всѣ члены комиссіи.

Наконецъ всѣ двинулись въ путь. Послѣ длиннаго путешествія по гулкимъ подземнымъ коридорамъ Пантеона комиссія остановилась передъ могилою Вольтера. Всѣ заволновались. Былъ данъ приказъ—приступить къ работѣ. Но оказалось, что администрація Пантеона не приняла никакихъ мѣръ: не было ни инструкторовъ, ни рабочихъ. Поднялись разговоры, протесты. Тѣмъ не менѣе пришлось приступить къ работѣ собственными силами. Черезъ полчаса сняли саркофагъ, покрытый надписями. Подъ саркофагомъ оказался ящикъ въ два метра длины и 50 сантиметровъ ширины. Ящикъ стоялъ на трехъ деревянныхъ перекладинахъ. На немъ ясно были видны слѣды краснаго сургуча, но печатей уже не сохранилось.

Одинъ изъ членовъ комиссіи удостовѣряетъ, что это тотъ самый ящикъ, о которомъ говорится въ протоколахъ 1821 и 1830 годовъ, когда гробъ Вольтера былъ перемѣщенъ и опять поставленъ на старое мѣсто. Рабочій, вооружившись ножницами, перерѣзываетъ припечатанные шнуры и поднимаетъ верхнюю доску ящика. Показывается гробъ. Доски его источены червями, но сдерживаются двумя узкими заржавленными желѣзными обручами. Рабочій быстро поднимаетъ крышку, и передъ присутствующими—кости Вольтера. Бертелло беретъ голову великаго писателя и передаетъ ее депутату отъ Парижа Жоржу Берже. Тотъ, въ свою очередь, высоко поднимаетъ ее надъ своей головой, чтобы всѣ могли ее видѣть.

Голову узнали тутъ же. Широкій лобъ, короткій, выступающій впередъ подбородокъ. Портреты, сдѣланные съ Вольтера въ глубокой старости, когда онъ почти совсѣмъ усохъ, не очень отличались отъ этой мертвой головы. Сходство между статуей, украшавшей саркофагъ, и маской, снятой съ лица умершаго Вольтера, которая была предоставлена въ распоряженіе членовъ комиссіи, оказалось полное.

Наступилъ моментъ глубокаго волненія! Казалось, комиссія присутствовала при воскресеніи Вольтера!

— Господа, — раздался голосъ предсѣдателя:—передъ нами несомнѣнно прахъ Вольтера. Реставрацію обвиняли въ томъ, что она осквернила этотъ прахъ. Теперь это обвиненіе падаетъ, и я счастливъ заявить объ этомъ.

Затѣмъ комиссія направилась къ мѣсту упокоенія Руссо. На одной сторонѣ саркофага изображенъ барельефъ—группа дѣтей, женщинъ и мужчинъ, плачущихъ надъ гробомъ, на которомъ написано: «Руссо».

«Въ саркофагъ оказался большой четырехугольный ящикъ, стоящій на подмосткахъ. На ящикѣ видна надпись по-латыни: «*Hic jacent ossa Johanni Jacobi Rousseau, anno 1778*». (Здѣсь лежатъ кости Жана-Жака Руссо. 1778 года).

Когда вскрыли ящикъ, показался деревянный гробъ, а въ немъ другой—свинцовый. Это тотъ самый гробъ, въ который положилъ своего друга маркизь Рене де-Жирарденъ и похоронилъ на Тополномъ островѣ въ Эрменонвиллѣ.

Опять явились рабочіе. Между тѣмъ стало темно. Принесли факель. Довольно долго визжали ножницы, отдѣляя крышку свинцоваго гроба. Присутствующие, видимо, первичають и стоять молча. Вотъ человѣкъ въ синей блузѣ работаетъ уже у того мѣста, гдѣ должна быть голова Руссо. Рабочій беретъ факель, приставляетъ руку къ глазамъ въ видѣ козырька и заглядываетъ въ щель, которую сдѣлали его ножницы.

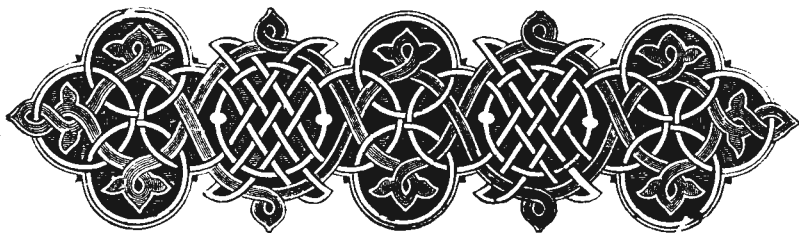
— Здѣсь!—раздается его голосъ.

Скелетъ Руссо, обернутый въ савань, оказался въ полной сохранности: руки сложены на груди, голова слегка наклонена влево: Руссо какъ будто спалъ. Голова была совершенно цѣла, представляя собою какъ бы маску изъ сѣровой пыли. Но видѣніе продолжалось не болѣе секунды: какъ только струя воздуха достигла останковъ Руссо, они быстро рассыпались и исчезли изъ глазъ потрясенныхъ зрителей. Это было одно мгновеніе, но присутствующие, несомнѣнно, видѣли передъ собой подлиннаго Жанъ-Жака.

Взволнованные, удалялись отъ могилъ великихъ мертвецовъ члены комиссіи. Они только исполняли свой долгъ, но на душѣ у нихъ было не спокойно. Совѣсть упрекала за то, что потревоженъ былъ покой мертвыхъ, и это чувство какъ нельзя лучше выразилъ одинъ изъ членовъ комиссіи, иронически замѣтившій:

— Честное слово, господа, не особенно-то пріятно быть великимъ чловѣкомъ!

С М Ъ С Ъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ юбилей императорскаго московскаго археологическаго общества. 27 марта было торжественно отпраздновано 50-лѣтіе существованія императорскаго московскаго археологическаго общества. Громадный залъ Историческаго музея былъ переполненъ представителями правительственныхъ и общественныхъ учреждений, съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи на торжество 50-лѣтняго юбилея московскаго археологическаго общества. Среди присутствовавшихъ: попечитель московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, генераль М. П. Степановъ, генераль Д. И. Петровъ, ректоръ московскаго университета М. К. Любавскій, профессоръ В. К. Мальмбергъ, профессоръ Р. Ф. Брандтъ, профессоръ А. Н. Филипповъ, профессоръ М. М. Богословскій, профессоръ А. Е. Грузинскій, профессоръ Д. И. Боголъповъ (Харьковъ), профессоръ С. Ѳ. Платоновъ (Петроградъ), профессоръ Н. С. Павлуцкій (Кіевъ), академикъ Н. И. Веселовскій, князь В. Д. Голицынъ, князь Н. С. Щербатовъ, директоръ петроградскаго археологическаго института Н. В. Покровскій, московскій городскаго голова М. В. Челноковъ, профессоръ Д. П. Анучинъ и мн. др. Графиня П. С. Уварова объявила собраніе открытымъ, предоставивъ слово члену совѣта министра народнаго просвѣщенія Латышеву, который доложилъ Высочайшую грамоту на имя общества слѣдующаго содержания: «Нашему императорскому московскому археологическому обществу. Въ 1864 году въ первопрестольномъ градѣ Москвѣ графомъ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Уваровымъ, Севастьяновымъ, Забѣлинымъ и другими поборниками просвѣщенія было основано археологическое общество, поставившее своей цѣлью изслѣдованіе какъ археологіи вообще, такъ и отечественной по преимуществу.

Подъ самоотверженно ревностнымъ руководствомъ графа Алексѣя Сергѣевича Уварова, состоявшаго свыше 20 лѣтъ предѣвателемъ общества, и затѣмъ супруги его графини Параскевы Сергѣевны московское археологическое общество своей неутомимой дѣятельностью въ разныхъ областяхъ археологии въ теченіе полувѣкового существованія всегда поощряло и другихъ къ плодотворной научной работѣ. Благодаря стараніямъ и заботамъ общества были произведены раскопки и изслѣдованія, вызваны къ жизни первые въ нашемъ отечествѣ археологическіе съѣзды, на которые стекались со всѣхъ концовъ міра свѣточки науки; сохранены для потомства многочисленные древніе памятники гражданскаго и церковнаго зодчества; организованы ученныя экспедиціи, обогатившія науку произведеніями высокой цѣнности, и изданы обширныя труды, получившія заслуженную извѣстность далеко за предѣлами Россіи. Привѣтствуя императорское археологическое общество съ исполнившимся пятидесятилѣтіемъ его высокополезной передъ отечествомъ дѣятельности, Мы, отвѣчая велѣнію сердца Нашего, выражаемъ императорскому археологическому обществу Нашу монаршую признательность и душевное пожеланіе дальнѣйшаго процвѣтанія во славу Россіи и на благо науки. НИКОЛАИ». Въ Царскомъ Селѣ. Марта 27 дня 1915 года». Чтеніе высочайшей телеграммы сопровождалось дружнымъ трехкратнымъ «ура!» Графиня П. С. Уварова обратилась къ собранію съ рѣчью, въ которой изложила краткій очеркъ 50-лѣтней дѣятельности общества. Секретарь В. К. Трутовскій огласилъ имена лицъ, избранныхъ по случаю торжества въ почетныя члены общества: профессоровъ Д. И. Плавайскаго, Д. Н. Анучина, Е. В. Барсова, Д. Ф. Кобко и Д. А. Корсакова и академика А. Н. Веселовскаго академика В. В. Иконникова. За лучшія изслѣдованія по исторіи археологии и памятниковъ старины присуждены золотыя медали: М. В. Никольскому, А. В. Орѣшникову, профессору М. А. Ростовцеву, академику В. В. Суслову, профессору В. А. Тураеву и Б. В. Фармаковскому. Затѣмъ оглашена была телеграмма великой княгини Елизаветы Θεодоровны слѣдующаго содержанія: «Отъ души привѣтствую васъ, графиня Параскева Сергѣевна, и императорское археологическое общество съ завершившимся пятидесятилѣтіемъ его выдающейся научной дѣятельности на благо нашей родной старины. Молитвенно съ вами. Да благословитъ Господь ваши труды. Не могу не вспомнить при этомъ, какъ всегда близко къ сердцу принималъ великій князь Сергѣй Александровичъ дѣятельность вашего общества и какъ онъ глубоко цѣнилъ, уважалъ и любилъ незабвеннаго его основателя графа Алексѣя Сергѣевича. ЕЛИЗАВЕТА». Далѣе прочитанъ текстъ телеграммы великаго князя Георгія Михайловича: «Русскій музей императора Александра III привѣтствуетъ предѣдательствуемое вами императорское московское археологическое общество съ полувѣковой годовщиной его дѣятельности и горячо желаетъ обществу дальнѣйшаго процвѣтанія на благо русской науки и русскаго просвѣщенія. ГЕОРГИИ». Затѣмъ прочитана телеграмма великаго князя Николая Михайловича слѣдующаго содержанія: «Императорское русское историческое общество сердечно привѣтствуетъ императорское московское археологическое общество въ день 50-лѣтія его въ высшей степени плодотворной ученой дѣятельности, неразрывно и навсегда связанной со славнымъ

именемъ графа А. С. Уварова и его высокочтимой супруги, неутомимой и даровитой продолжательницы его просвѣщеннаго служенія наукъ и отечеству. Великій князь НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ». Послѣ оглашенія привѣтственной телеграммы министра народнаго просвѣщенія графа П. П. Игнатьева, началось поднесеніе адресовъ и привѣтствія депутацій: отъ московскаго городского самоуправленія—М. В. Челноковъ, отъ московскаго градоначальства—главноначальствующій свиты Его Величества генераль-майоръ А. А. Адриановъ, отъ московскаго учебнаго округа А. А. Тихомировъ, отъ императорской академіи наукъ, академіи художествъ, Румянцовскаго и Историческаго музеевъ, московскаго, петроградскаго, кіевскаго, казанскаго, харьковскаго, новороссійскаго, юрьевскаго и томскаго университетовъ, Лазаревскаго института восточныхъ языковъ, московскаго и петроградскаго археологическаго институтовъ, императорскаго географическаго общества, императорскаго военно-историческаго общества и цѣлаго ряда столичныхъ и провинціальныхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. Торжество закончилось благодарственной рѣчью графини П. С. Уваровой и званнмъ обѣдомъ въ ея собственномъ домѣ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ.

Отъ общества археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ. Переживаемый нами моментъ не только глубоко интересенъ, но по широтѣ событій единственный въ исторіи. Не заинтересованныхъ въ происходящихъ предъ нами событіяхъ нѣтъ. Еще болѣе такой моментъ важенъ для будущаго историка. Въ немъ онъ найдетъ много матеріала для наблюденій и обобщеній. Результатъ предшествующей жизни Европы—настоящій моментъ является ключомъ для пониманія внѣшней и внутренней политики, социальныхъ отношеній, отдѣльныхъ личностей и т. д. И обязанность наша сохранить какъ можно больше фактовъ, документовъ, предметовъ, характеризующихъ и иллюстрирующихъ событія великой европейской войны. Наша обязанность дать будущему историку больше матеріала для всесторонняго и детальнаго изученія эпохи. Между тѣмъ много предметовъ, документовъ расходятся по частнымъ рукамъ, расплываются въ общей массѣ населенія и гибнутъ для будущаго. А часто мелкій штрихъ, малая деталь имѣетъ для историка важное значеніе. Въ этихъ видахъ общество археологіи, исторіи и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ имѣетъ организовать музей современной войны и обращается ко всѣмъ съ просьбой содѣйствовать собиранію предметовъ, связанныхъ съ настоящимъ военнымъ временемъ. Общество обращается съ просьбой предоставить въ его музей вещи, документы, печатныя произведенія, отчеты благотворительныхъ учрежденій, помогающихъ раненымъ, письма, картины, открытки, карты военныхъ дѣйствій и т. д. Не ставя себѣ широкихъ задачъ, общество особенно будетъ благодарно за предоставленіе предметовъ и др. памятниковъ, отражающихъ участіе въ современныхъ событіяхъ гор. Казани, Казанской и приволжскихъ губерній. Общество считаетъ, что это его прямая задача, тѣмъ болѣе цѣнная, что участіе отдѣльныхъ мѣстностей обычно ускользаетъ отъ вниманія исторіи, ибо мало придаетъ значенія дѣятельности отдѣльныхъ мелкихъ ячеекъ. Пожертвованія въ музей принимаются—лично или по заявленію—въ слѣдующихъ мѣстахъ гор. Казани: предсѣдателемъ общества,

проф. М. М. Хвостовымъ (Б. Лядская, д. Панаева. Телефонъ № 13—17. Простая заявлять по телефону). Членами совѣта общества: проф. Н. М. Петровскимъ (Грузинская ул., д. № 39); проф. К. В. Харламповичемъ (Поперечно-Горшечная ул., д. Знаменскаго); приватъ-доцентомъ Л. К. Ильинскимъ (Попова гора, д. № 18. Телеф. № 14—84); приватъ-доцентомъ Н. П. Граціанскимъ (улица Голя, д. Ильина); приватъ-доцентомъ В. И. Огородниковымъ (Петропавловскій пер., мебл. комн. Соболевой, №№ 11—13. Телеф. № 15—32); А. Г. Муравьевымъ (Петропавловскій пер., мебл. ком. Соболева, №№ 11—13. Телефонъ № 15—32) или архивъ университета., Н. В. Никольскимъ (Б. Проломная ул., д. Кузнецова). Предѣдатель общества археологии, истории и этнографіи при императорскомъ казанскомъ университетѣ М. Хвостовъ. Члены совѣта общества: Н. Петровскій, К. Харламповичъ, Л. Ильинскій, Н. Граціанскій, В. Огородниковъ, Н. Никольскій и А. Муравьевъ.

Годовое собраніе русскаго географическаго общества. 11-го марта, подъ предѣдательствомъ Ю. М. Шокальскаго, состоялось годовое общее собраніе русскаго географическаго общества. А. А. Достоевскій прочиталъ отчетъ за 1914 годъ. Въ минувшемъ году общество потеряло рядъ своихъ выдающихся членовъ: П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго, В. И. Ламанскаго, Ф. Н. Чернышева, Д. А. Клеменца, А. Н. Краснова и др. Собраніе почтило память покойныхъ вставаніемъ. По предложенію Ю. М. Шокальскаго, собраніе почтило затѣмъ вставаніемъ память почетнаго члена общества графа С. Ю. Витте. Изъ предполагавшихся въ отчетномъ году научныхъ экспедицій нѣкоторыя не могли состояться изъ-за войны. Зачѣмъ былъ оглашенъ списокъ медалей, присужденныхъ совѣтомъ географическаго общества за научныя заслуги въ области географическихъ наукъ. Константиновская медаль присуждена Б. А. Вилькицкому за труды по открытію новыхъ полярныхъ земель къ сѣверу отъ Азіи. Медаль имени графа Ф. П. Литке выдана д-ру Шарко за труды по изученію антарктической области, земли Александра I и острововъ Петра I. Золотую медаль имени П. П. Семенова присудили князю В. И. Масальскому за трудъ «Туркестанскій край», медаль имени Н. М. Пржевальскаго—В. В. Рѣзниченко за труды по изученію оледенѣнія южнаго Алтая, золотую медаль этнографіи—В. Н. Харузиной за совокупность ея ученыхъ трудовъ по этнографіи (отзывъ составленъ Л. Я. Штернбергомъ), серебряную медаль имени П. П. Семенова—Н. О. Щеткину за трудъ «Эфемериды звѣздъ для опредѣленія времени», малыя золотыя медали—В. Ф. Піотровскому и Б. П. Дитмару за труды по изученію озеръ Олонекскаго края, В. М. Ионову за участіе въ работахъ якутской экспедиціи по собранію матеріаловъ о до-христіанскихъ вѣрованіяхъ якутовъ и г-жѣ Д. Л. Юхельсонъ за участіе въ работахъ камчатской экспедиціи. Малыя серебряныя медали присуждены Я. И. Бѣляеву, Г. И. Мѣшкову и І. Ф. Калининкову. С. Т. Минцовъ сдѣлалъ затѣмъ сообщеніе на тему: «Урянхайскій край въ прошломъ и настоящемъ». Въ члены совѣта общества избраны П. Ф. Унтербергеръ и А. И. Звегинцевъ, въ корреспонденты общества—французское ученые М. Charles Lallemant и генералъ Bourgeois.

Въ обществѣ любителей древней письменности. 1-го апрѣля состоялось годовое засѣданіе императорскаго общества любителей древней письмен-

ности подь предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева. Академикъ Ѳ. И. Успенскій сдѣлалъ сообщеніе на тему: «О ближайшихъ задачахъ археологии въ Царьградѣ». Въ началѣ своего доклада Ѳ. И. Успенскій указалъ на большія стѣсненія, чинимыя младотурецкимъ правительствомъ въ послѣдніе годы новаго режима въ дѣлѣ производства археологическихъ изслѣдованій, и выразилъ сожалѣніе, что обстоятельства времени не дали возможности использовать всемілостивѣйшее пожалованіе Государемъ Императоромъ институту по 5 тысячъ въ годъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, на изслѣдованіе сербскихъ христіанскихъ памятниковъ. Затѣмъ докладчикъ остановился на важности для науки слѣдующихъ предпріятій института: 1) секретаремъ института В. А. Панченкомъ были произведены раскопки и изслѣдованія въ мечети Имрахоръ или въ знаменитомъ монастырѣ св. Ѳеодора Студита; здѣсь между прочимъ были найдены у восточной стѣны южнаго корабля храма три погребенія въ одномъ гробу, рельефы съ изображеніями: а) Христа и ап. Петра, б) входа въ Іерусалимъ и в) группы апостоловъ (въ фрагмент. видѣ), которые слѣдуетъ относить къ V в. Къ сожалѣнію, дальнѣйшія работы были прекращены по требованію турецкаго правительства. 2) Благодаря бывшимъ большимъ пожарамъ въ центрѣ Константинополя, на холмѣ, спускающемся отъ св. Софіи въ Мраморному морю, уничтожившимъ турецкія населенія, удалось обнаружить весьма значительные остатки большого дворца византійскихъ императоровъ, что даетъ новыя данныя для оріентировки зданій означеннаго дворца. 3) Вблизи св. Софіи, къ сѣверо-западу, на землѣ одного частнаго собственника при постройкѣ послѣднимъ кинематографа были обнаружены слѣды церкви древнѣйшей эпохи (V в.), громадная абсида съ прилегающей къ ней кирпичной стѣной съ дверью и колоннада если послѣдняя составляетъ часть портика, то можно думать, что здѣсь былъ храмъ Богоматери халкопратійской—изслѣдованія эти были произведены тоже секретаремъ института В. А. Панченкомъ. Въ заключеніе Ѳ. И. Успенскій выразилъ надежду, что правительство при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ окажетъ свое содѣйствіе и привлеченіемъ научныхъ силъ, и щедрою матеріальною поддержкой во славу нашей науки производству дальнѣйшихъ археологическихъ изысканій, на открывающемся широкомъ поприщѣ въ Царьградѣ.

Въ императорской академіи наукъ. 14-го марта состоялось, подь предсѣдательствомъ вице-президента П. В. Никитина, экстренное собраніе императорской академіи наукъ для обсужденія вопроса объ отношеніи академіи къ исключенію изъ состава академіи почетныхъ членовъ и членовъ-корреспондентовъ, состоящихъ подданными воюющихъ съ нами государствъ. Собраніе единогласно признало исключеніе всѣхъ германскихъ и австрійскихъ ученыхъ, числящихся почетными членами-корреспондентами академіи, по мотивамъ, подробно изложеннымъ въ резолюціи, неудобнымъ и сопряженнымъ со многими затрудненіями. Что касается вопроса объ отношеніи къ почетнымъ членамъ и членамъ-корреспондентамъ, подписавшимся подь воззваніемъ нѣмецкихъ ученыхъ къ культурному міру, то собраніе признало поступокъ этихъ лицъ заслуживающимъ осужденія. Собраніе полагаетъ, что лица эти сами лишили себя возможности общенія съ императорскою академіей наукъ. Среди подписавшихъ воззваніе

нѣмецкихъ ученыхъ, какъ извѣстно, были почетные члены академіи наукъ Густавъ Шмоллеръ (избранъ въ 1901 г.) и Вильгельмъ Вундтъ (избранъ въ 1902 г.), члены-корреспонденты Феликсъ Клейнъ, избранъ въ члены-корреспонденты по физико - математическому отдѣленію академіи въ 1895 г.), Вильгельмъ Оствальдъ (избранъ въ 1896 г.) и др.

Въ кассѣ взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 15-го марта состоялось чрезвычайное общее собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. Предсѣдательствовала П. И. Межеричевъ. Собраніе покончило съ старымъ вопросомъ—объ измѣненіи § 13 устава рядомъ дополненій, выработанныхъ правленіемъ общества. Правленіе предлагало отвергнуть нынѣшнюю систему развертки пенсіонныхъ суммъ, выдаваемыхъ лицамъ, переходящимъ изъ одного разряда въ другой, и признать болѣе справедливой ту норму уплаты, которая соответствуетъ послѣднему разряду. Предсѣдатель уставной комиссіи г. Колубовскій доказывалъ, что единственная справедливая система выплаты пенсій—это та, которая существуетъ уже въ теченіе 20 лѣтъ, то есть средняя. Большинствомъ голосовъ предложеніе г. Колубовскаго объ оставленіи § 13 устава безъ измѣненія было утверждено. Затѣмъ собраніе ассигновало 1.000 рублей на освобожденіе отъ платежей обдѣлѣвшихъ членовъ въ 1915 г. Поставленное на повѣтку предложеніе члена кассы В. В. Шаркова о немедленной выплатѣ пенсіи семьямъ всѣхъ кандидатовъ въ члены, не задерживая ихъ до выясненія источниковъ, откуда эти суммы должны черпаться, было единогласно отклонено.

Въ обществѣ «Самодѣятельная Россія». 8-го марта состоялось освященіе помѣщенія новаго общества на Вознесенскомъ проспектѣ, д. № 55. Общество «Самодѣятельная Россія» поставило свою цѣлью борьбу противъ нѣмецкаго засилья къ областяхъ: торгово-промышленной, экономической, общественной, художественной и научно-учебной, а также содѣйствіе развитію общественной самодѣятельности въ Россіи. Въ правленіе новаго общества выбраны были: Б. В. Глинскій (предсѣдатель), П. В. Лавровъ (дѣлопроизводитель), Н. И. Туръ, Н. П. Фоминъ, В. М. Шаховъ (секретарь), А. В. Скугаревскій, Э. Э. Новицкій, В. В. Таюрскій, кн. А. К. Мещерскій, П. А. Томилинъ, А. С. Жебелевъ, В. І. Никаноровъ, Г. П. Сацыперовъ, А. І. Синягинъ. Въ совѣтъ избраны: Г. Г. Извъковъ (предсѣдательствующимъ), А. П. Антиповъ, А. Н. Брянчаниновъ, Д. Н. Вергунъ, протоіерей Н. Г. Кедринскій, акад. В. Е. Маковскій, князь С. П. Мансыревъ, И. С. Терскій, Н. Ф. Рахманиновъ, Е. С. Шумигорскій, В. И. Харчевъ и др. Кромѣ того, на собраніи составлены комиссіи торгово-промышленная, земельная и финансово-кредитная и одобрена программа дѣятельности на текущій годъ.

Избраніе верховнаго главнокомандующаго почетнымъ членомъ петроградскаго университета. 10-го марта въ петроградскомъ университетѣ было созвано экстренное засѣданіе совѣта профессоровъ. Ректоръ университета профессоръ Э. Д. Гриммъ обратился къ присутствующимъ съ рѣчью, указавъ, что передъ нами еще долгая и упорная борьба, но да послужитъ судьба Перемышля предзнаменованіемъ полнаго торжества союзниковъ надъ вѣчной нѣмецкой угрозой и прочнаго мира, который послужитъ источникомъ широкаго и свободнаго развитія Россіи и всего цивилизованнаго міра. Рѣчь ректора

была покрыта единодушными кликами «ура» профессоровъ и шумными аплодисментами. «Великія событія государственной жизни,— снова обратился ректоръ къ совѣту,—естественно побуждаютъ насъ обратить взоры къ Державному Вождю Россіи и непобѣдимой русской арміи».

Подъ громъ аплодисментовъ и клики «ура» единогласно былъ принятъ слѣдующій текстъ телеграммы на имя Государя Императора:

«Въ единомъ радостномъ порывѣ, со-всєю Россією торжествуя взятіе твердыни Перемышля, совѣтъ императорскаго петроградскаго университета приносить Вашему Императорскому Величеству вѣрнопопданническія пожеланія скорѣйшей конечной побѣды святой Руси. Господь да поможетъ Вамъ, Государь, одолѣнїемъ врага положить начало обновленной жизни славянства и русскаго народа».

Кликами «ура» былъ покрытъ также и текстъ телеграммы на имя верховнаго главнокомандующаго, предложенный ректоромъ:

«При радостной вѣсти о паденіи Перемышля императорскій петроградскій университетъ, торжествуя взятіе нашими доблестными войсками австрійской твердыни, приносить вашему императорскому высочеству всепреданнѣйшія поздравленія и пламенное пожеланіе скорѣйшаго окончательнаго успѣха въ борьбѣ за правое дѣло Россіи. Да хранитъ Господь ваше императорское высочество и святягя русскія рати на путяхъ къ конечной побѣдѣ».

Кромѣ того, совѣтъ поручилъ ректору университета послать телеграмму отъ имени совѣта петроградскаго университета главнокомандующему войсками юго-западнаго фронта генералъ-адъютанту Н. І. Иванову. Въ заключеніе, по предложенію профессора Э. Д. Гримма, совѣтъ профессоровъ единогласно, при шумныхъ аплодисментахъ, избралъ верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича почетнымъ членомъ петроградскаго университета.

Съѣздъ профессоровъ-историковъ. 26-го марта въ Москвѣ, въ профессорскомъ залѣ новаго зданія университета состоялось совѣщаніе профессоровъ российскихъ университетовъ, занимающихъ кафедры русской исторіи и исторіи русскаго права. На совѣщаніе прибыли профессора: петроградскаго университета—С. О. Платоновъ, С. В. Рождественскій и В. М. Грибовскій; харьковскаго—Д. И. Багалъй, В. Н. Савва, М. В. Клочковъ и Н. А. Максимейко; варшавскаго—І. А. Малиновскій и И. П. Козловскій; кievскаго—В. С. Иконниковъ, М. В. Довнаръ-Запольскій и М. Н. Ясинскій; казанскаго—В. В. Ивановскій; юрьевскаго—И. И. Лаппо и Ф. В. Тарановскій; новороссійскаго—Е. П. Трефилъевъ, И. А. Линниченко и А. Я. Поповъ и томскаго—Г. Г. Тельбергъ. Представителями московскаго университета явились: ректоръ университета М. К. Любавскій, А. Н. Филипповъ и М. М. Богословскій. Предсѣдателемъ совѣщанія былъ избранъ М. К. Любавскій, секретаремъ—И. И. Лаппо. Совѣщаніе профессоровъ созвано было въ Москвѣ по инициативѣ московскаго университета для обсужденія нѣкоторыхъ очередныхъ вопросовъ, связанныхъ съ разработкой исторической науки въ Россіи. Обсуждался вопросъ о созывѣ періодическихъ историческихъ съѣздовъ, которые въ Россіи самостоятельно до сего времени не созывались. Совѣщаніе пришло къ единодушному заключенію о не-

обходимости періодическихъ сѣздовъ въ Россіи, посвященныхъ вопросамъ русской исторіи, исторіи русскаго права и соприкасающихся съ ними научныхъ дисциплинъ. Такіе сѣзды предположено созывать черезъ каждыя 5 лѣтъ въ университетскихъ городахъ по очереди, при чемъ подготовительныя работы должны падать на тотъ университетъ, при которомъ намѣчается сѣздъ. Первый сѣздъ историковъ намѣченъ въ Москвѣ во второй половинѣ декабря 1919 г. Совѣщаніе постановило обратиться съ всеподданнѣйшимъ адресомъ къ Его Императорскому Величеству Государю Императору и выработало текстъ этого адреса. На имя управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія графа П. Н. Игнатьева послана была телеграмма съ выраженіемъ благодарности за разрѣшеніе совѣщанія. Кромѣ того, по предложенію заслуженнаго профессора А. Н. Филиппова рѣшено приступить въ составленію словаря древнихъ юридическихъ терминовъ и выраженій, отчасти вышедшихъ и выходящихъ изъ обращенія. Избрана для подготовки матеріала для словаря особая комиссія, въ которую вошли профессора: московскаго университета—А. Н. Филипповъ, петроградскаго—В. Н. Грибовскій, харьковскаго—Н. А. Максимейко, кіевскаго—М. П. Ясинскій, новороссійскаго—А. Л. Шпакъ, томскаго—Г. Г. Тельбергъ, варшавскаго—И. А. Малиновскій и казанскаго—В. В. Ивановскій. По предложенію ректора университета профессора М. К. Любавскаго, рѣшено составить особый атласъ по русской исторіи. Къ участію въ засѣданіяхъ сѣзда по русской исторіи, намѣченнаго въ Москвѣ въ 1919 году, будутъ привлечены не только профессора россійскихъ университетовъ, но и ученые—историки и видные педагоги среднихъ учебныхъ заведеній.

Чествованіе памяти М. В. Ломоносова. 5-го апрѣля по случаю 150-лѣтія со дня кончины М. В. Ломоносова, по инициативѣ московскаго городского управленія, въ церкви Заиконоспасскаго монастыря совершена была заупокойная литургія и панихида. Службу совершалъ настоятель о. Алексѣй въ сослуженіи съ прочимъ духовенствомъ. На панихидѣ присутствовали: гласный московской городской думы Н. А. Шаминъ, членъ городской управы Г. А. Пузыревскій, проф. В. Д. Шервинскій, И. М. Громогласовъ и др. Въ Заиконоспасскомъ училищѣ, гдѣ М. В. Ломоносовъ получилъ первоначальное образованіе, также отслужена была панихида. На панихидѣ присутствовали учительскій персоналъ и учащіеся. Портретъ Ломоносова украшенъ былъ лентами и пальмами. Во всѣхъ городскихъ училищахъ учащимся розданы были брошюры о Ломоносовѣ. Въ четырехъ городскихъ училищахъ, которымъ присвоено имя Ломоносова, состоялись чтенія съ туманными картинами, иллюстрировавшими жизнь и творчество Ломоносова. Въ 6-мъ рогожскомъ училищѣ состоялось чтеніе въ присутствіи Н. А. Шамина. Одинокимъ и забытымъ казался памятникъ Ломоносову у зданія московскаго университета. Университетъ ничѣмъ не отмѣтилъ памяти Ломоносова. У памятника не позаботились даже убрать кучу грязнаго снѣга. Въ Петроградѣ были отслужены панихиды въ академіи наукъ и на могилѣ М. В. Ломоносова въ Александро-Невской лаврѣ. О Ломоносовѣ вспомнили въ его родномъ краю въ Ломоносовской гимназіи. Отслужены литургія и панихида, и прочитаны преподавателями рѣчи о заслугахъ Ломоносова. Хоръ учениковъ исполнилъ «Отрока» Пушкина, «Его избралъ Господь отъ малыхъ» и др. Архан-

гельская городская дума ограничилась лишь панихидой по Ломоносову. Ломоносовскія торжества перенесены на осень, на 6-ое сентября, день городского праздника. Даже реальное училище въ Архангельскѣ ничѣмъ не отмѣтило Ломоносовскій день. Въ городскихъ училищахъ были панихиды.

Двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности А. М. Ловягина. 1-го марта 1915 года исполнилось двадцатипятилѣтіе учено-литературной дѣятельности нашего сотрудника Александра Михайловича Ловягина. Юбиларь дебютировалъ на литературномъ поприщѣ критической замѣткой о книгѣ Семеновскаго «Бѣлорусскія древности»,¹ напечатанной въ «Историческомъ Вѣстникѣ», подписанной «L. А. М. родился въ 1870 году, среднее образование получилъ въ ревельской гимназій и императорскомъ петроградскомъ историко-филологическомъ институтѣ, курсъ котораго окончилъ въ 1892 году по историческому отдѣленію. Научные интересы А. М. сосредоточились сперва на древней исторіи: изъ трудовъ его въ этой области особенно выдѣляется изданіе «Трактаты Аристотеля объ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ» (на греческомъ и русскомъ языкахъ. 1895. Спб.), посвященное профессору Ѳ. Ѳ. Соколову въ день его двадцатипятилѣтняго юбилея. Затѣмъ А. М. увлекла отечественная исторія и въ частности взаимоотношенія Россіи и Голландіи, чему способствовало основательное знаніе г. Ловягинимъ голландскаго языка. Результатомъ этихъ занятій явились два переводныхъ труда Ловягина: «Посольство Кундраада-фанъ-Кленка къ царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳedorу Алексѣевичу», изданіе императорской археографической комиссіи, и «Путешествіе въ Московію магистра Адама Олеарія», изданіе А. С. Суворина. Для успѣшнаго исполненія этихъ работъ А. М. ѣздилъ въ Голландію и работалъ въ тамошнихъ архивахъ, результатомъ собранныхъ тамъ матеріаловъ явилась работа «Изъ библиотекъ и архивовъ Голландіи», помѣщенная въ «Сборникъ памяти Л. Н. Майкова» (Спб. 1899). А. М. Ловягинъ много потрудился для русскаго библиологическаго общества, былъ его основателемъ, учредителемъ и понынѣ состоитъ почти безсѣмнымъ его президентомъ: даже самое понятіе библиологіи было выяснено въ нашей литературѣ статьями А. М. Ловягинимъ. Поэтому русское библиографическое общество при московскомъ университетѣ избрало 31-го марта с. г. А. М. въ число своихъ почетныхъ членовъ. Въ связи съ дѣятельностью въ библиографическомъ обществѣ А. М. много работалъ въ органѣ этого общества «Литературный Вѣстникъ». Затѣмъ, кромѣ «Историческаго Вѣстника», постояннымъ сотрудникомъ котораго Ловягинъ состоитъ и по сіе время, А. И. Ловягинъ работалъ и работаетъ въ журналахъ «Русская Старина», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», «Гермесъ» и др. Въ настоящее время А. М. посвятилъ себѣ педагогию и состоитъ наставникомъ студентовъ императорскаго петроградскаго историко-филологическаго института и наставникомъ-руководителемъ по исторіи въ состоящей при этомъ институтѣ гимназій. Какъ знающій великолѣпно англійскій, французскій, нѣмецкій и голландскій языки, работаетъ онъ также въ петроградскомъ телеграфномъ агентствѣ. Въ связи съ педагогической дѣятельностью А. М. Ловягина необходимо упомянуть о томъ, что онъ первый составилъ въ 1900 году обстоятельный учебникъ по отечественной исторіи. Книга эта впоследствии неоднократно перерабатывалась и издавалась.

Юбилей Н. К. Кульчицкаго. 6-го марта исполнилось 35-лѣтіе научной дѣятельности попечителя петроградскаго учебнаго округа Н. К. Кульчицкаго. Юбиларъ окончилъ медицинскій факультетъ харьковскаго университета и въ 1879 году былъ оставленъ для подготовки въ профессорскому званію. Въ 1883 г. онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ и прозекторомъ при кафедрѣ гистологии, а затѣмъ состоялъ экстраординарнымъ и ординарнымъ-профессоромъ по той же кафедрѣ. Съ 1914 года онъ состоитъ попечителемъ петроградскаго учебнаго округа. Перу его принадлежитъ рядъ выдающихся работъ по гистологии и эмбриологии, куда онъ внесъ нѣсколько оригинальныхъ методовъ, получившихъ широкое распространеніе. Изъ его печатныхъ трудовъ извѣстны: «О строеніи окончаній двигательнаго нерва въ мышцахъ произвольнаго движенія», «О происхожденіи окрашеннаго тѣльца крови млекопитающихъ» и др.

Юбилей И. В. Скворцова. Начальникъ царскосельской и петроградскихъ женскихъ гимназій вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, членъ учебнаго комитета въ томъ же вѣдомствѣ и редакторъ-издатель журнала «Литературное Обзорніе», дѣйствительный статскій совѣтникъ, магистръ богословія Иванъ Васильевичъ Скворцовъ заканчивалъ 15-го марта тридцатипятилѣтіе своей служебно-общественной и сорокалѣтіе учено-литературной дѣятельности. Сынъ священника, Иванъ Васильевичъ родился 2-го февраля 1855 года въ селѣ Опариинѣ, Александровскаго уѣзда Владимирской губерніи, воспитывался въ переславльскомъ духовномъ училищѣ и владимирской семинаріи, получивъ высшее образованіе въ московской духовной академіи со степенью кандидата (1879). Съ 1880 года началась служебная дѣятельность И. В. сначала въ учебномъ комитетѣ при Синодѣ, а съ 1882 года—по вѣдомству учреждений Императрицы Маріи, гдѣ онъ былъ преподавателемъ исторіи, педагогики и русской словесности въ Александровской, Коломенской, Литейной и Рождественской женскихъ гимназіяхъ и въ Александровскомъ Смольномъ, Елизаветинскомъ и патріотическомъ женскихъ институтахъ. Въ 1891 году И. В. былъ назначенъ инспекторомъ гимназіи ея императорскаго высочества принцессы Евгениіи Максимиліановны Ольденбургской, затѣмъ былъ (1897—1910) помощникомъ начальника петроградскихъ и царскосельской женскихъ гимназій, а съ 1910 года состоитъ ихъ начальникомъ. Начавъ свою литературную дѣятельность на страницахъ «Владимирскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей», онъ сотрудничалъ въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» (Гилярова-Платонова), «Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ», «Отголоскахъ», «Словѣ» и «Новомъ Пути», а съ 1895 года издаетъ по своей редакціи журналъ «Литературное Обзорніе». Изъ отдѣльныхъ сочиненій И. В. отмѣтимъ: 1) «Въ защиту блага духовенства»; 2) «Въ области практической философіи»; 3) «Двадцатипятилѣтіе с-петербургскихъ гимназій»; 4) «Обзоръ исторіи крестьянъ на Руси до XVIII вѣка»; 5) «Общая педагогика»; 6) «Дидактика»; 7) «Исслѣдованія и статьи въ области политики, общественной жизни и литературы»; 8) «Родная поэзія»; 9) «Философская пропедевтика»; 10) «Русская исторія» (популярные очерки); 11) «Прошлое и настоящее женскихъ гимназій» и 12) «О роли Англій въ восточномъ вопросѣ».

Тридцатилѣтній юбилей научной дѣятельности профессора В. Ѳ. Левитскаго. 2-го апрѣля юридическій факультетъ харьковскаго университета чествовалъ

своего декана, одного из старѣйшихъ представителей профессорской коллегіи харьковскаго университета, Владимира Фаустовича Левитскаго, тридцать лѣтъ потрудившагося на пользу науки и русскаго просвѣщенія. Маститый юбиляръ сверхъ своихъ научныхъ трудовъ извѣстенъ въ широкихъ слояхъ населенія, какъ одинъ изъ видныхъ общественныхъ дѣятелей. В. Ф. родился въ 1852 году въ семьѣ священника въ Киевской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ домѣ отца и въ сельской школѣ, а затѣмъ поступилъ въ кievскую духовную семинарію. Въ 1874 году В. Ф. поступилъ въ новороссійскій университетъ, гдѣ сначала слушалъ лекціи по естественному факультету, а затѣмъ перешелъ въ юридическій факультетъ: тамъ уже на первыхъ курсахъ опредѣлилось его влеченіе къ экономическимъ наукамъ. По окончаніи университета, въ 1881 году В. Ф. уѣхалъ за границу для специальныхъ занятій по экономикѣ. Въ 1884 году онъ возвратился изъ-за границы и выдержалъ при московскомъ университетѣ магистратскій экзаменъ. Въ 1890 году юбиляръ получилъ въ московскомъ университетѣ степень магистра политической экономіи и статистики. Въ 1893 году харьковскій университетъ избралъ В. Ф. профессоромъ по кафедрѣ политической экономіи. Черезъ 6 лѣтъ онъ съ успѣхомъ защитилъ докторскую диссертацію «Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи», послѣ чего получилъ званіе ординарнаго профессора. Послѣднія восемь лѣтъ В. Ф. состоитъ деканомъ юридическаго факультета. Послѣдніе годы В. Ф. состоитъ гласнымъ харьковской городской думы.

Тридцатипятилѣтній юбилей сенатора С. М. Лукьянова. 6-го апрѣля исполнилось 35 лѣтъ дѣятельности члена Государственнаго Совѣта, сенатора, тайнаго совѣтника, С. М. Лукьянова. Юбиляръ родился въ Москвѣ въ 1855 году; по окончаніи курса гимназіи поступилъ въ медико-хирургическую академію. Въ 1879 году С. М. блестяще окончилъ академію и былъ оставленъ при ней при клиникѣ профессора С. П. Боткина. Въ 1886 году назначенъ экстраординарнымъ, а въ 1889 году ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ общей патологіи варшавскаго университета. Въ 1894 году С. М. былъ назначенъ директоромъ института экспериментальной медицины въ Петроградѣ. Какъ выдающійся ученый и педагогъ, С. М. былъ приглашенъ занять постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, а затѣмъ состоялъ членомъ Государственнаго Совѣта. 5-го февраля 1909 года юбиляръ получилъ назначеніе на постъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, въ каковой должноти и пробылъ до 2-го мая 1911 г. При юбилярѣ возникъ при Синодѣ страховой отдѣлъ, обѣщающій большую матеріальную подбзу для нуждъ церкви. 22-го марта сего года юбиляру Всемилостивѣйше повелѣно состоять при верховномъ начальникѣ санитарной части его императорскомъ высочествѣ принцѣ Александрѣ Петровичѣ Ольденбургскомъ, съ возложеніемъ на него завѣдыванія дѣлами по улучшенію отечественныхъ лечебныхъ мѣстностей.

НЕКРОЛОГИ.

МИТРИЕВЪ, Д. С. Въ Москвѣ священникъ Дмитрій Савватіевичъ Дмитріевъ, пробѣжая въ вагонѣ трамвая, почувствовалъ себя дурно, и, отправленный въ пріемный покой Зубовской аптеки, скончался, не приходя въ сознание. Родился покойный Д. С. въ 1848 году въ Москвѣ, среди зажиточной купеческой семьи; его отецъ былъ торговецъ, имѣлъ небольшую фабрику, свой домъ и лавки въ городскихъ рядахъ на Никольской улицѣ. «Кромѣ меня,—признавался Д. С.,—у отца было еще пятеро сыновей; всѣхъ онъ приучалъ къ коммерческому дѣлу; но у меня не лежало сердце къ торгашеству: мнѣ хотѣлось учиться; но мое образование ограничилось только тѣмъ, что я научился кое-какъ читать и съ грѣхомъ пополамъ писать; обучала меня сей премудрости монашенка изъ Рождественскаго монастыря за цѣлковый въ мѣсяць»... По словамъ покойнаго, онъ до восемнадцати лѣтъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о грамматикѣ, ариѳметикѣ, географіи, хотя въ отечественной исторіи уже и тогда былъ достаточно «силенъ». «Исторія» Карамзина и историческіе романы Зотова, Загоскина, Лажечникова, гр. А. Толстого были его излюбленнымъ чтеніемъ: этими книгами награждалъ юношу ходячій букинистъ, «беря за прочетъ каждой изъ нихъ гривенникъ». Скоро надъ головою молодого Дмитріева начинаютъ «разражаться ударъ за ударомъ». «Умираетъ,—пишетъ онъ,—горячо любимая мать, отецъ состарился, торговья дѣла у насъ сильно пошатнулись; скоро умеръ и отецъ; послѣ него остались мнѣ въ наслѣдство гроши; тутъ-то и пришлось мнѣ познакомиться съ нуждой-лиходѣйкой»... Изъ такого ѳбщественнаго положенія, къ счастью, вывелъ его П. А. Безсоновъ, тогдашній библіотекаръ московскаго университета; онъ взялъ Дмитріева въ писцы при библіотекѣ «съ жалованьемъ въ восемь рублей пятьдесятъ три копейки въ мѣсяць». «Такое скудное содержаніе,—говоритъ Д. С.,—меня не пугало: къ лишніямъ я уже привыкъ и ухитрялся тратить на свое питаніе по гривеннику въ день; жилъ я въ домѣ Бронникова (въ Охотномъ

ряду), на пятомъ этажѣ, гдѣ снималъ номеръ или каморку за пять рублей въ мѣсяць... Впрочемъ, скоро мои денежные средства понравились: я сталъ получать въ библиотекѣ двадцать рублей въ мѣсяць, а по вечерамъ занимался въ театрѣ Корша, состоя билетеромъ». «Болѣе пятнадцати лѣтъ,—прибавляетъ онъ,—служилъ я въ университетской библиотекѣ. У меня былъ богатый матеріалъ подъ руками; я читалъ и зачитывался исторіей и литературой; этимъ я мало-по-малу себя образовывалъ... Слѣдствіемъ такого непрерывнаго самообразования явилось у Дмитріева желаніе самому вступить на литературное поприще. «Пробой моего пера,—указываетъ онъ,—былъ рассказъ «Вѣдунья», напечатанный въ апрѣлѣ 1878 года въ журналѣ «Спутникъ», а вслѣдъ затѣмъ въ «Театральной Библиотекѣ» помѣщено было мое первое драматическое произведеніе: «Голенькій охъ, а за голенькимъ Богъ». Съ этой поры въ теченіе болѣе тридцати пяти лѣтъ Д. С. принимаетъ участіе во многихъ московскихъ періодическихъ изданіяхъ, а именно: въ журналѣ «Свѣтъ и Тѣни», «Развлеченіи», «Русской Газетѣ», «Соврем. Изв.», «Московской Газетѣ», «Новостяхъ Дня», «Русск. Листкѣ», «Иллюстрированной Газетѣ», «Русск. Сатир. Листкѣ», въ журналѣ «Россія» (1884—1885 гг.), «Народн. Благѣ», «Русск. Словѣ», «Радугѣ» и «Семѣ». Въ названныхъ газетахъ и журналахъ, кромѣ небольшихъ рассказовъ, имъ были напечатаны историческіе романы и повѣсти, какъ, напримѣръ, «Русскіе орлы», «Два императора», «Кавалеристъ-дѣвица», «Полудержавный властелинъ», «Императоръ-отрокъ», «Дочь Великаго Петра», «Саможигатели», «Сынъ временщика», «Золотой вѣкъ», «Большой бояринъ», «Случайный генералъ», «Жажда власти», «Таинственный домъ», «Гдѣ печаль, тамъ и радость», «Анна, купеческая дочь» и мног. друг. По собственнымъ словамъ автора, онъ канвой для своихъ повѣстей и романовъ бралъ отдаленную эпоху, начиная съ князя Владимира Красное-Солнышко и заканчивая временемъ императора Александра I. На ряду съ беллетристическими произведеніями появились и новыя пьесы Д. С. Дмитріева: драма «Лиходѣйка-мачеха», сцены «Мельникъ» и комедія «Грѣхъ ходить не по міру, а по людямъ», которыя и до сихъ поръ не сходятъ съ репертуара провинціальныхъ театровъ, такъ что авторъ до смерти числился членомъ общества русскихъ драматическихъ писателей. Съ начала 1908 года въ жизни автора-беллетриста и драматурга совершился большой переворотъ. Уже давно глубоко настроенный въ религіозномъ отношеніи, онъ послѣ смерти своего единственнаго сына рѣшился принять священныи санъ. 5-го февраля названнаго года Д. С. былъ рукоположенъ во священники епископомъ дмитровскимъ Трифономъ и опредѣленъ настоятелемъ Митрофаніевскаго храма при пріютѣ имени великой княгини Елизаветы Теодоровны въ Петровскомъ паркѣ, а затѣмъ вскорѣ переведенъ въ настоятели церкви пріюта для неизлечимо-больныхъ имени митрополита Сергія, гдѣ и служилъ до кончины, участвуя за послѣднее время въ журналахъ «Воскресный День», «Душеполезное Чтеніе» и «Божья Нива». (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 75).

† **Залозецкій, В. Д.** Въ Галичинѣ скончался на восемьдесятъ второмъ году отъ рожденія одинъ изъ выдающихся галицко-русскихъ писателей, униатскій священникъ Василій Дмитріевичъ Залозецкій. Залозецкій родился въ Буко-

винъ въ 1833 году, первоначальное образованіе получилъ въ Черновцахъ, затѣмъ изучалъ богословскія и филологическія науки въ львовскомъ (польскомъ) и вѣнскомъ (нѣмецкомъ) университетахъ. По окончаніи курса онъ былъ рукоположенъ въ пресвитеры въ 1858 году. Литературную дѣятельность Залозецкій началъ въ 1862 году, когда въ львовскомъ повременникѣ «Вечерницы» были напечатаны его стихотвореніе и разсказъ «Несвятоюрщина». Въ послѣдующее время Залозецкій принималъ дѣятельное участіе въ галицко-русскихъ юридическихъ изданіяхъ «Проломъ», «Галичанинъ», «Слово» и «Прикарпатская Русь». Съ половины восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія Залозецкій посвятилъ свои досуги изученію прошлаго своей родины и въ частности эпохи Галицкаго княжества. Результатомъ этихъ изученій явились историческіе повѣсти и разсказы Залозецкаго («Половецкая моленица» «Евфимія Володаревна», «Ростиславъ» и друг.) и изслѣдованія, напечатанныя въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ» и въ «Прикарпатской Руси»—о Баянѣ («Слова о полку Игоревѣ», о «Половецкой эпохѣ исторіи Галича», объ «Одгѣ Святославовичѣ», о «Плачѣ Ярославны» и мног. друг. Въ 1907 году во Львовѣ начало выходить полное собраніе сочиненій Залозецкаго (издано было только три тома). вмѣстѣ съ немногими галицко-русскими писателями новѣйшаго періода (Глушкевичемъ, Вергуномъ, Глѣбовицкимъ, Петрушевичемъ, Свистуномъ, Мончаловскимъ, Марковымъ, Яворскимъ) Залозецкій пользовался въ своихъ произведеніяхъ русскимъ литературнымъ языкомъ, а не мѣстнымъ галицко-русскимъ нарѣчіемъ. Этотъ фактъ, а также его прочныя симпатіи къ Россіи рано поставили Залозецкаго въ ряды русской народной («москвофильской») партіи въ Галичинѣ. (Некрологъ его «Славянскія Извѣстія», 1914, № 4).

† **Кологривова, Л. А.** Лидія Александровна Кологривова скончалась 20-го марта въ Москвѣ. Рожденная княжна Ухтомская, покойная получила образцовое воспитаніе и широкое образованіе, соединенное съ несомнѣннымъ природнымъ поэтическимъ дарованіемъ. Выйдя замужъ за С. Н. Кологривова, писателя по русской археологіи, она сама отдалась «живой поэзіи». Изподъ ея пера непрерывной вереницей стали появляться оригинальныя и переводныя произведенія въ стихахъ, которыя затѣмъ вошли въ книжку трехъ поэтессъ подъ такимъ заглавіемъ: «Стихотворенія и переводы А. Милорадовичъ, Л. Кологривовой и В. Гордѣвой» (М. 1902 г., 96—III стр.). Тогдашняя критика съ особенною похвалою отзывалась о выдающихся сочиненіяхъ нынѣ покойной поэтессы, какъ о легкости и плавности ея стиха, такъ и за интересные сюжеты, которые Л. А. брала, съ одной стороны—изъ жизни природы и изъ настроеній человѣческаго сердца, а съ другой—изъ событій родной старины. Напримѣръ, въ названной книжкѣ рельефно выдѣлялись три произведенія почившей: «Успенскій соборъ», «Княжна Долгорукая—пятая жена Грознаго» и «Св. митрополитъ Филиппъ». Поощренная такимъ сочувственнымъ отзывомъ, Л. А. Кологривова рѣшилась отдѣльно издать свои сочиненія особеннымъ сборникомъ, подъ простымъ заголовкомъ «Стихотворенія» (М. 1903 г., 109 стр.), а вслѣдъ затѣмъ начала выступать на страницахъ журнала «Вѣстникъ Европы» (1903—1904 гг.) и главнымъ образомъ на листахъ «Москов-

ских Вѣдомостей», гдѣ въ теченіе длиннаго ряда годовъ она еженедѣльно по воскресеньямъ поэтически откликалась или на историческія событія, или на факты современной общественной жизни, или рисовала въ чарующей формѣ картины русской природы. Такіе живые «поэтическіе отклики» составляли второй сборникъ ея «Стихотвореній» (М. 1910 г.), въ которомъ покойная, главнымъ образомъ, выказала себя, какъ писательница, обладавшая глубокимъ патріотическимъ чувствомъ и искреннимъ, задушевнымъ настроеніемъ; именно такими особенностями были запечатлѣны ея прекрасныя стихотворенія: «Цесаревичъ», «Ермакъ», «Бандуристъ», «Часовой» и многія другія, помѣщенныя въ указанномъ сборникѣ. Но и послѣ того Л. А. Кологривова продолжала свою дальнѣйшую поэтическую дѣятельность преимущественно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». (Некрологъ ея: «Московскія Вѣдомости». 1915, № 66).

† **Мануйловъ, И. М.** 4-го марта въ Москвѣ, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался хорошо всѣмъ извѣстный педагогъ, преподаватель рисованія Иванъ Мих. Мануйловъ. Будучи горячимъ послѣдователемъ новѣйшихъ методовъ въ преподаваніи, покойный первый устроилъ въ Москвѣ въ 1907 году выставку ученическихъ работъ по рисованію и ручному труду въ популярной московской гимназіи А. Е. Флерова. Выставка имѣла громадный успѣхъ и дала сильный толчокъ къ работѣ педагоговъ въ этомъ направленіи. И. М. горячо пропагандировалъ идею дѣтскаго творчества, и въ свое время критика сочувственно отнеслась къ его, совмѣстно съ другими педагогами, попыткѣ познакомить широкую публику съ дѣтскимъ творчествомъ путемъ изданія сборника «Молодые Побѣги». Какъ педагогъ, это былъ рѣдкій руководитель юношества, умѣвшій вдохнуть въ учащихся горячее и дѣятельное отношеніе къ искусству. Умеръ онъ еще молодымъ: ему не было и сорока лѣтъ. (Некрологъ его: «Жизнь и Школа», 1915, № 11).

† **Марковичъ, Б. А.** Рано утромъ 18-го марта, послѣ продолжительной болѣзни, скончался на шестьдесятъ второмъ году жизни извѣстный публицистъ Богданъ Аѳанасьевичъ Марковичъ. Сынъ талантливыхъ и выдающихся родителей, покойный унаслѣдовалъ отъ нихъ прекрасныя качества своего недюжиннаго дарованія и серьезнаго, склоннаго къ глубокому анализу, ума. Отецъ его извѣстный малороссъ-украинофилъ и этнографъ—Аѳанасій Васильевичъ Марковичъ, а мать—извѣстная въ литературѣ Марко-Вовчокъ. М. А. разошлась, однако, съ мужемъ и уѣхала съ своимъ малолѣтнимъ сыномъ Богданомъ въ Петербургъ, гдѣ была радушно принята въ среду корифеевъ тогдашней русской литературы. Здѣсь она сблизилась съ Т. Г. Шевченкомъ, который назвалъ молодую писательницу своей преемницей и литературной дочерью. Скончавшійся Б. А., такимъ образомъ, всѣмъ своимъ образованіемъ и воспитаніемъ обязанъ своей матери, память которой онъ благоговѣнно чтилъ до конца своей жизни. Дѣтство и юность Б. А. провелъ среди талантливыхъ людей, въ обществѣ которыхъ надо всѣмъ преобладали высокіе духовные интересы. И эта обстановка дѣтства и ранняго юношества отразилась на всей дальнѣйшей жизни покойнаго Б. А., отразилась и на его характерѣ; моментами весьма мягкомъ и сердечномъ, моментами весьма рѣши-

тельно и твердо, особенно в тех случаях, когда, по его глубокому убеждению, нельзя уже было делать ни малейших уступок... В более поздней поре своей юности, уже будучи студентом, такой человек, как Б. А., естественно, не мог не откликнуться на волнующую тогдашнюю молодежь течения, и, конечно, как и многие другие, должен был принять за это целый ряд испытаний, вынужденное оставление и своей матери, и столицы... В конце восьмидесятих годов, уже много пережившим, переиспытанным, много видевшим, он поселяется в Астрахани, где и принимает, совместно с жившим тогда в Астрахани Е. Н. Чириковым и другими, деятельное участие в местной печати, главным образом в «Астраханском Вестнике». Вскоре Б. А. Маркович переѣхал в Саратов, где и работал в «Саратовском Дневнике». Не было ни одного местного, ни общерусского вопроса того времени, которого не коснулось бы перо Марковича... Это был действительно русский журналист «Божією милостью»... В самом начале девятисотых годов Маркович появляется в Петербурге. Здесь он последовательно работает в целом ряде газет. Можно отметить, что Б. А. был последним по времени «литературным» редактором «Биржевых Ведомостей» и сыграл очень видную роль в блаженной памяти сдвиге этой газеты в сторону только-что народившагося тогда (в 1905 г.), кадетизма, в кратковременном увлечении которым С. М. Проппер стал было издавать «кадетские» официозы «Свободный Народ» и затѣм «Народную Свободу». В последние годы Б. А., уже больной, посвятил себя работѣ в различных издательствах, а равно педагогической деятельности. (Некроль его: «Петроградскій Курьеръ», 1915, № 413).

† **Перець, Л.** В Варшавѣ скончался известный еврейскій писатель Леонъ Перець. В лицѣ покойнаго еврейская литература на разговорно-еврейскомъ языкѣ понесла крупную утрату. Леонъ Перець родился в 1851 году, в Замостьѣ Люблинской губерніи. На литературное поприще онъ выступилъ в 1876 году съ первымъ своимъ стихотвореніемъ на древне-еврейскомъ языкѣ в журналѣ «Ha-Schachar». В 1888 году Перець началъ писать на жаргонѣ. В этомъ году появилась его поэма «Monisch» в «Indische Volksbibliothek». Съ 1890 года по 1892 годъ онъ издавалъ на жаргонѣ ежегодникъ, въ которомъ отстаивалъ лозунгъ—«просвѣщеніе народа и превращеніе фанатиковъ в образованныхъ людей». В этотъ періодъ времени онъ написалъ рядъ бытовыхъ очерковъ изъ жизни еврейской народной массы. Постепенно Перець, однако, переходилъ къ символизму. Много произведений, относящихся ко второму періоду его творчества, посвящены хасидизму. Его лирическая драма «Di Goldone Keif», появившаяся в этотъ періодъ, считается однимъ изъ лучшихъ произведений въ жаргонной литературѣ. В 1909 году появились его «Volkstümliche Geschichten», представляющія рядъ народныхъ легендъ. Леонъ Перець оказалъ сильное влияние на развитие новѣйшей жаргонной литературы. В 1901 году по случаю исполнившагося пятидесятилѣтія со дня рожденія Переца почитатели издали полное собраніе его сочиненій. Затѣмъ были изданы собранія его сочиненій в 1908—1910 гг. в Варшавѣ и Америкѣ. Многія произведенія Переца переведены на русскій и другіе европейскіе языки.

Въ 1910 году книгоиздательство «Современныя Проблемы» приступило къ изданію собранія сочиненій Переца на русскомъ языкѣ. За свои литературныя заслуги Леопъ Перецъ въ минувшемъ году былъ избранъ въ почетные члены общества распространенія просвѣщенія между евреями. Покойный также состоялъ почетнымъ членомъ еврейскаго литературнаго общества. Въ послѣдніе годы покойный писатель страдалъ болѣзью сердца. Похороны Переца состоялись въ Варшавѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1915, прибавленіе къ № 69).

† **Рева, И. М.** Въ селѣ Феликсовкѣ Кіевской губ. 31-го марта скончался Ілья Михайловичъ Рева. И. М. Рева приобрѣлъ въ Кіевскомъ краѣ широкую извѣстность, какъ политическій, общественный и земскій дѣятель и какъ журналистъ. Политическая карьера его началась въ семидесятыхъ годахъ и окончилась ссылкой въ Архангельскую губернію. Позже передавали, что ближайшимъ поводомъ къ ссылке послужила изданная въ 1879 году въ Кіевѣ книга «Уманская рѣзня» (Записки Вероники Кребсъ) въ переводѣ и съ предисловіемъ И. М. Ревы. Въ предисловіи сдѣланъ былъ выпадъ по адресу Мих. Юзефовича, и это обстоятельство, говорятъ, и повлекло за собой ссылку автора предисловія. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ мы видимъ И. М. Реву снова въ Кіевѣ, гдѣ онъ въ теченіе трехъ лѣтъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Земледѣліе», издававшемся кіевскимъ сельско-хозяйственнымъ обществомъ. Къ тому же времени относятся и его знакомство съ Д. И. Пихно и первыя его статьи въ «Кіевлянинѣ». Когда въ началѣ девяностыхъ годовъ произошли перемѣны въ составѣ редакціи журнала «Земледѣліе», И. М. Рева приглашенъ былъ въ качествѣ редактора журнала, но тогдашняя высшая администрація отказалась утвердить его въ этомъ званіи. Въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда повѣяло политической весной, И. М. Рева уходитъ изъ «Кіевлянина» и начинаетъ работать въ прогрессивныхъ изданіяхъ. Это длится недолго—два-три года, и съ 1906 года онъ снова переходитъ въ «Кіевлянинѣ». Тогда же начинается расцвѣтъ его политической дѣятельности. И. М. Рева принимаетъ дѣятельное участіе въ выборныхъ кампаніяхъ въ Государственную Думу, является однимъ изъ главныхъ руководителей предвыборной борьбы въ пользу правыхъ элементовъ. Журнальную работу свою И. М. Рева переноситъ исключительно въ «Кіевлянинѣ», гдѣ печатаетъ рядъ статей по политическимъ, экономическимъ и общественнымъ вопросамъ. Видную роль игралъ И. М. Рева и въ земской жизни Кіевской губерніи. Въ теченіе десяти лѣтъ онъ состоялъ губернскимъ земскимъ гласнымъ сначала въ упрощенномъ земствѣ, а послѣдніе три года—въ реформированномъ, выборномъ. Въ послѣднее трехлѣтіе И. М. Рева занималъ должность предсѣдателя липовецкой земской управы. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 91).

† **Синицій, Е. Д.** 6-го марта, послѣ двухъ лѣтъ тяжелыхъ страданій, скончался въ Кіевѣ доцентъ Демидовскаго юридическаго лица Евгенийъ Давидовичъ Синицій. Криминалистъ по специальности, Е. Д. сравнительно очень мало напечаталъ ученыхъ трудовъ, но этому имѣлась особая причина: съ болѣзненной щепетильностью относился онъ къ ученому печатному слову, и въ его перѣдѣлѣ годами лежали совершенно обработанные матеріалы въ

такомъ количествѣ, что ихъ съ успѣхомъ хватило бы на двѣ диссертациі и учебникъ въ придачу. Двѣ появившіяся въ печати работы Е. Д. отмѣчены большими достоинствами. Въ первой изъ нихъ «Моралистическое направленіе въ уголовномъ правѣ» авторъ вдумчиво характеризуетъ теченіе, связанное съ именемъ Жоли, критически разсматриваетъ это теченіе и даетъ ему глубокую оцѣнку, свидѣтельствующую объ огромной эрудиціи и возвышенности взглядовъ Е. Д. на важнѣйшія проблемы уголовного права. Значительно позже въ статьѣ «Преподаваніе права и наша правовая дѣятельность», появившейся въ «Вѣстникѣ Воспитанія», авторъ, оцѣнивая бурныя событія нашей переходной эпохи, дѣлаетъ оригинальную попытку прослѣдить судьбу основныхъ юридическихъ принциповъ въ это время и, анализируя привлеченный къ дѣлу историческій матеріалъ, даетъ яркую антитезу правосудія истиннаго и правосудія-расправы. Какъ преподаватель, Е. Д. отличался особой привлекательностью изложенія и самостоятельностью мысли; его аудиторія всегда была полна, и съ неизмѣнной любовью относились къ нему его слушатели. Какъ членъ коллегіи, Е. Д. отличался принципиальностью и глубокой преданностью лучшимъ академическимъ идеаламъ. Его любили, какъ человѣка не только большого интеллекта, но и чуткой и яркой совѣсти. На ряду съ наукой Е. Д. много времени отдавалъ публицистикѣ. Многолѣтній сотрудникъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія», онъ давалъ въ немъ яркіе обзоры академической жизни и ея судебъ; давалъ и статьи по разнымъ вопросамъ, и за подписью, и за инициалами, и подъ псевдонимомъ. Эти статьи одно время даже вызвали заботливый вопросъ министерства народнаго просвѣщенія, не мѣшаетъ ли преподаванію Е. Д. его дѣятельное сотрудничество въ «Вѣстникѣ Воспитанія», и Е. Д. пришлось, дорожа каѳедрой, впредь вести публицистическую работу не столь «дѣятельно». Два послѣдніе года Е. Д. были омрачены тяжелой болѣзью на нервной почвѣ. Работу и преподаваніе пришлось бросить и иногда мѣсяцами изъ-за тяжкихъ страданій не покидать постели. 6-го марта смерть прекратила эти страданія. Е. Д. не стало. (Некрологъ его: «Биржевыя Вѣдомости», 1915, № 14712).

† **Симоничъ, Н. Н.**, графъ. 5-го апрѣля, въ пять часовъ тридцать минутъ утра умеръ графъ Николай Николаевичъ Симоничъ, давнишній сотрудникъ газеты «Петроградскія Вѣдомости». Статьи, подписанныя его именемъ, а также псевдонимами его, — «Лахвари», «Житель», «Н. С—чъ», «N. S.» — всегда представляли интересъ, одухотворены были свѣжими, здоровыми мыслями, или проникнуты своеобразнымъ добродушнымъ юморомъ... Покойный началъ свою литературную дѣятельность въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, корреспонденціями изъ Тифлиса — въ журналъ «Всемирная Иллюстрація». Кромѣ «Петроградскихъ Вѣдомостей», которымъ онъ отдавался полностью до послѣднихъ дней своей жизни, онъ писалъ въ не такъ давно издававшихся «Сѣверномъ Курьерѣ» и «Сынѣ Отечества». Широко и разносторонне образованный, начитанный, покойный отличался замѣчательною памятью, которая позволяла ему имѣть рѣшительно энциклопедическія познанія. Кажется, не существовало науки, вопроса, общественнаго или политическаго теченія, которыми бы графъ Н. Н. не интересовался съ одинаковымъ рвеніемъ, изслѣ-

дую ихъ съ одинаковыми глубиною и основательностью... Какъ частный человекъ, графъ П. П. казался положительно исключительною натурою. Изысканная любезность, какая-то кроткая, чисто-голубиная доброта, благородное прямотушіе были отличительными чертами его свѣтлаго и мягкаго характера. Когда-то очень богатый человекъ, графъ много уже времени, что называется, влачилъ самое скромное существованіе, живя исключительно литературнымъ заработкомъ. Его богатство весьма скоро разсѣялось, ибо П. П. не придавалъ деньгамъ первенствующаго значенія и легко отдавалъ ихъ тому, кто ихъ у него просилъ... Книпы газетъ, нѣсколько полокъ книгъ, рукописныя записки, замѣтки—вотъ все матеріальное наслѣдство, оставшееся отъ графа Николая Николаевича. (Некрологъ его: «Петроградскія Вѣдомости», 1915, № 75).

† **Соловьевъ, Л. З.** Въ гор. Холмѣ въ четыре часа ночи на 19-ое марта скончался долголѣтній и талантливый сотрудникъ «Новаго Времени» Леонидъ Захаровичъ Соловьевъ—Эль-Эсъ. Л. З. былъ боевымъ офицеромъ, принимавшимъ участіе во многихъ сраженіяхъ въ русско-японскую войну, причемъ на Тумыллинскомъ перевалѣ въ бою 29-го сентября 1904 года онъ былъ раненъ двумя ружейными пулями. За отличія, оказанныя въ войнѣ противъ японцевъ, Л. З. имѣлъ три боевыхъ ордена. Подполковникъ Соловьевъ былъ сынъ инженеръ-механика флота, родился 21-го марта 1868 года, образованіе получилъ въ ревельской Александровской классической гимназій, въ петроградскомъ юнкерскомъ училищѣ и въ Николаевской академіи генеральнаго штаба, въ офицеры былъ произведенъ 2-го ноябрю 1889 г. въ 89-й пѣх. Бѣломорскій полкъ, затѣмъ, послѣ окончанія академіи, состоялъ младшимъ офицеромъ кіевскаго военного училища до начала японской войны, во время которой онъ находился въ 34-мъ Восточно-Сибирскомъ стрѣлковомъ полку. Послѣ окончанія военныхъ дѣйствій Л. З. былъ прикомандированъ къ главному управленію военно-учебныхъ заведеній, а въ 1907 году былъ назначенъ исправляющимъ должность штабъ-офицера для порученій при начальникѣ генеральнаго штаба и въ этой должности пробылъ до 30-го октября 1910 года, послѣ чего, вслѣдствіе измѣненія штатовъ, былъ зачисленъ въ запасъ въ Петроградскому уѣзду; 5-го октября 1912 года онъ вновь опредѣлился на службу въ распоряженіе начальника главнаго штаба и на этой должности числился до назначенія своего осенью минувшаго года въ дѣйствующую армію. (Некрологъ его: «Новое Время», 1915, № 14016).

† **Стефановичъ, Я. В.** 1-го апрѣля въ с. Красный-Колядинъ Конотопскаго уѣзда на шестьдесятъ первомъ году жизни скончался Яковъ Васильевичъ Стефановичъ, извѣстный семидесятникъ, знакомый широкой публикѣ главнымъ образомъ, по такъ называемому чигиринскому дѣлу. Покойный родился 28-го ноябрю 1854 года. Въ апрѣлѣ 1883 году приговоромъ суда онъ былъ присужденъ къ четыремъ годамъ каторжныхъ работъ, которыя отбылъ на Карѣ. Годы свободы, слѣдовавшіе за каторгой, Я. В. провелъ въ Сибири, занимаясь по преимуществу литературнымъ трудомъ и выполняя нѣкоторыя работы для географическаго общества. Въ началѣ девяностыхъ годовъ покойный получилъ возможность возвратиться въ Россію и поселился въ род-

вой деревнѣ, временно проживая въ Кіевѣ. До послѣднихъ минутъ покойный сохранилъ полное сознание, и въ ночь на 1-е апрѣля написалъ нѣсколько прощальныхъ строкъ, предназначенныхъ для печати. «Сегодня, въ ночь на 1-ое апрѣля,—написано карандашомъ слабой рукой на клочкѣ бумаги за нѣсколько минутъ до смерти,—заканчиваю свое существованіе послѣ многолѣтней болѣзни (болѣзни сердца). Очень сожалею, что не увижу, какъ закончится нынѣшняя война. Желалъ бы исполненія лучшихъ чаяній. Послѣдній привѣтъ какъ всеѣмъ любившимъ меня родственникамъ, такъ и добрѣйшимъ знакомымъ и товарищамъ. Въ особенности вѣрному другу Вѣрѣ Ивановичу (Засуличу). Да будутъ легки твои послѣднія минуты. Семидесятникъ Яковъ Васильевичъ Стефановичъ». Послѣ покойнаго осталась переписка съ друзьями, воспоминанія и нѣкоторыя литературныя работы. Все это наследіе передано Я. В. сестрѣ его В. В. Стефановичъ съ указаніемъ, когда и что подлежитъ опубликованію. (Некрологъ его: «Кіевская Мысль», 1915, № 94).

† **Татищевъ, С. С., графъ.** 29-го марта, около десяти часовъ вечера, послѣ продолжительной тяжелой болѣзни скончался начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ должности егермейстера Высочайшаго двора, графъ Сергій Сергѣевичъ Татищевъ. Покойный получилъ образованіе въ пажемскомъ корпусѣ, служилъ нѣсколько лѣтъ въ лейбъ-гвардіи Преображенскомъ полку, а затѣмъ былъ назначенъ адъютантомъ командующаго войсками виленскаго военного округа. Вскорѣ графъ С. С. оставилъ военную службу и былъ назначенъ виленскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства. Спустя нѣкоторое время, графъ С. С. перешелъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и послѣдовательно занималъ должности бессарабскаго вице-губернатора, виленскаго и саратовскаго губернатора. На постъ саратовскаго губернатора С. С. былъ назначенъ въ 1906 году, вскорѣ послѣ того, какъ П. А. Столыпинъ получилъ назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ бытность С. С. Татищева саратовскимъ губернаторомъ, нынѣ опальные, а тогда всемогущіе епископъ Ермогенъ и инокъ Илюдоръ вступили съ нимъ въ борьбу. Побѣда осталась на сторонѣ неукротимаго инока Илюдора и его покровителей епископа Ермогена, и С. С. подалъ въ отставку. Послѣ этого покойный поселился въ деревнѣ и оставался тамъ до 1912 года. 16-го апрѣля С. С. былъ приглашенъ на постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати. При его ближайшемъ участіи былъ разработанъ законопроектъ о печати и внесенъ въ 1914 году въ Государственную Думу. (Некрологъ его: «Современное Слово», 1915, № 2587).

† **Фроловъ, В. К.** 19-го февраля, около двѣнадцати часовъ дня, шестидесяти пяти лѣтъ отъ роду, скончался постоянный и многолѣтній сотрудникъ «Петроградскаго Листка» Владимиръ Константиновичъ Фроловъ, послѣ долготѣйшей мучительной болѣзни, съ сентября прошлаго года обострившейся невыносимыми страданіями, почти не спускавшими больного съ постели. Застарѣлый катарръ желудка и ракъ печени пресѣкли нить жизни музыкальнаго критика этой газеты, болѣе тридцати лѣтъ давшаго отчеты о музыкально-вокальныхъ концертахъ и операхъ въ театрахъ и залахъ казіи ѿ столицы. Сколько статей, обоснованныхъ, серьезныхъ, написалъ Фроловъ,

разбирая жизнь и деятельность композиторовъ, музыкантовъ, пѣвцовъ и пѣвицъ, капельмейстеровъ и другихъ художниковъ музыкальнаго и вокальнаго искусства за все время его журнальной деятельности! Какъ много содѣйствовали онъ нарастанію славы начинающихъ артистовъ оперныхъ театровъ, выделяя ихъ таланты и голосовыя средства. Какъ сильно расширялъ онъ своимъ анализомъ критика ореолъ славы извѣстныхъ артистовъ и музыкантовъ-художниковъ. Въ своихъ статьяхъ онъ, излагая сюжеты новыхъ оперъ, музыкальных картинъ, указывалъ исполнителямъ артистамъ, какъ надо сценически изображать дѣйствующее лицо оперы, чтобы получалось художественное воплощеніе, создавалось переживаніе его чувствъ и ощущений. Сколько цѣнныхъ указаній дѣлалъ Фроловъ дирижерамъ, хормейстерамъ, декораторамъ, бутафорамъ, и эти указанія принимались ими къ свѣдѣнію и исполненію. Его критика нерѣдко создавала «имена» и почти всегда учила тружениковъ оперныхъ театровъ, солистовъ, музыкантовъ и другихъ жрецовъ прикладнаго искусства тому, что надо дѣлать имъ для дѣла и ради личнаго усовершенствованія. Его статьи и замѣтки шли за подписью В. Ладовъ, или В. Л—овъ, или В. Л. Какъ спортсменъ, увлекавшійся катаньемъ на конькахъ, Фроловъ помѣщалъ также и отчеты о состязаніяхъ конькобѣжцевъ. В. К. образованіе получилъ въ императорскомъ коммерческомъ училищѣ въ Петроградѣ, затѣмъ онъ посѣщалъ специальные классы въ консерваторіи. Жизнь направила его на бюрократическое поприще, журнальная же работа была добавочнымъ средствомъ для жизни его семьи. Послѣ него осталась дочь. Въ государственномъ банкѣ онъ дослужился до пенсіи. Какъ чиновникъ, онъ былъ честный работникъ, хороший товарищ. Это оцѣнили при назначеніи ему пенсіи. У Фролова, убѣжденнаго трезвенника, почти аскетической жизни человѣка, всѣ лишнія деньги уходили на приобрѣтеніе картинъ русскихъ художниковъ. Послѣ него осталась недурная коллекція ихъ и хорошая музыкальная бібліотека. Лѣто онъ проводилъ или въ своей маленькой усадьбѣ, или на леченіи въ курортахъ Кавказа. (Некрологъ его: «Петроградскій Листокъ», 1915, № 49).

† **Чистосердова-Рейнгерцъ, Е. М.** Въ ночь на 22-ое марта безвременно скончалась въ Одессѣ Е. М. Рейнгерцъ, помѣщавшая въ «Одесскомъ Листкѣ» и другихъ мѣстныхъ изданіяхъ переводные и оригинальные рассказы подъ псевдонимомъ Е. Чистосердова. Покойная Е. М. Рейнгерцъ—дочь мѣстнаго архитектора, родилась въ 1901 году, окончила съ золотой медалью гимназію Березиной, а затѣмъ—вышіе женскіе курсы по естественному отдѣленію. Зная въ совершенствѣ французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій языки, покойная изучала въ подлинникахъ иностранныхъ писателей. Не ограничиваясь изученіемъ классиковъ, Е. М. Рейнгерцъ слѣдила и за современной литературой, лучшіе образцы которой переводились ею на русскій языкъ. Многіе изъ этихъ переводовъ помѣщались въ «Одесскомъ Листкѣ». Въ послѣдніе дни покойная занималась переводомъ романа «Innocent Marie Cozelle», только что появившагося въ Лондонѣ. Обладая красивымъ голосомъ (сопрано), Е. М. Рейнгерцъ, ученица Муньосъ, подавала большія надежды и въ качествѣ пѣвицы. Заболѣвъ scarlatinой, Е. М., несмотря на самый тщатель-

ный врачебный уходъ, въ четыре дня скончалась на двадцать четвертомъ году жизни. (Некрологъ ея: «Одесскій Листокъ», 1915, № 80).

† **Шавровъ. Н. Н.** 7-го марта скончался въ Петроградѣ членъ императорскаго общества любителей естествознанія кавказскаго общества сельскаго хозяйства и московскаго комитета шелководства Николай Николаевичъ Шавровъ. Покойный родился 15-го сентября 1858 года въ Николаевѣ, уѣздномъ городѣ Херсонской губерніи, по свое среднее и высшее образованіе получилъ въ Москвѣ: онъ воспитывался въ императорскомъ лицѣ цесаревича Николая (1872—1878) и на естественномъ факультетѣ московскаго университета (1878—1882 гг.). По окончаніи курса кандидатомъ покойный началъ службу въ тифлисской контрольной палатѣ (1882—1885 гг.), по послѣ заграничнаго путешествія по Австро-Венгрии, во время котораго специально знакомился съ шелководственными станціями въ Герцъ, Падуъ и Лейпцигъ, съ 1886 года перешелъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Съ 1887 года ему было поручено устройство кавказской шелководственной станціи въ Тифлисъ, которою онъ и завѣдывалъ въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ. Специальныя занятія Н. Н. Шаврова шелководствомъ ярко отразились на длинномъ рядѣ его научно-литературныхъ трудовъ и многочисленныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ императорскаго общества любителей естествознанія», «Трудахъ комитета шелководства», «Трудахъ кавказской шелководственной станціи», «Земледѣльческой Газетѣ», особенно же—въ газетѣ «Кавказъ». Онъ былъ также постояннымъ и дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Окраины Россіи»; помѣщалъ статьи въ «Новомъ Времени», «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ «Правительственномъ Вѣстникѣ», въ «Голосѣ Руса», «Русскомъ Знамени» и друг., въ журналахъ «Русское судоходство», «Журналъ плодоводства», «Дружескія Рѣчи» и друг. Изъ отдѣльно изданныхъ имъ работъ главнымъ образомъ извѣстны: «Болѣзни шелковичнаго червя и средства борьбы съ нимъ» (Тифлисъ, 1885 г.), «Состояніе шелководства въ Западной Европѣ» (Спб., 1887 г.), «Справочная таблица по шелководству» (1889 г.), «Къ вопросу объ участіи начальной школы въ дѣлѣ распространенія сельско-хозяйственныхъ знаний» (1889 г., два изданія), «Краткое наставленіе къ занятію шелководствомъ» (Тифлисъ, 1890 г.), «Пути для торговли въ бассейнѣ Каспія» (1890 г.), «Рыбное дѣло въ Астаринскомъ районѣ (1912 г.), «Вышняя торговля Персіи и участіе въ ней Россіи» (Спб., 1913 г.) и «Производительность Аральскаго района» (1913 г.). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1915, № 54).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

По поводу статьи «Черный бунтъ».

Въ журналѣ «Историческій Вѣстникъ» за январь 1915 года, въ статьѣ «Черный бунтъ» Е. Н. Косвищева, прочитанной мною только теперь, изложено: «Въ концѣ 1912 года русскіе аѳонскіе монахи подѣлились на два враждебныя лагеря. Сторонники книги схимонаха Иларіона называли себя «имяславцами», а противниковъ книги «имяборцами», то есть борющимися противъ имени Божія. Въ обыденныхъ же разговорахъ имяславцы называли себя «правыми», а своихъ противниковъ «лѣвыми». Эти термины имѣли подъ собою уже политическую подкладку. Имяславцы, принимая во вниманіе, что главари имяборчества люди интеллигентные и ученые, напримѣръ, схимонахъ Хрисанъ, авторъ рецензій, университетскіе іеромонахъ Алексѣй Кирѣевскій и Теофанъ—питомцы русскихъ духовныхъ академій, утверждали, что они лѣваго образа мыслей. Они будто бы радовались въ свое время наступившимъ въ Россіи «днямъ свободы» и приветствовали «новую эру». Монахи простецы съ ужасомъ передавали другъ другу, что видали въ келіи іеромонаховъ Алексѣя и Хрисанва сочиненія еретиковъ Льва Толстого и Фаррара. Рылись въ прошломъ имяборцевъ и докопались, что схимонахъ Хрисанъ, въ мѣрѣ Иванъ Ивановичъ Минаевъ—помѣщикъ Воронежской губерніи, въ молодости былъ пигилистомъ, занимался либеральной профессіей (адвокатурой), причастенъ къ царской убійству 1-го марта 1881 года. Когда это было обнаружено, Минаевъ будто бы съ паспортомъ на имя Потапьева бѣжалъ изъ Россіи, поналъ на Аѳонъ, гдѣ болѣе 25 лѣтъ и живетъ въ Ильинскомъ скиту, «объересивъ» его.

«Чью же сторону держало въ этомъ догматическомъ спорѣ начальство русскихъ аѳонскихъ обителей? Первоначально оно не вмѣшивалось и держало себя нейтрально. Но послѣ того, какъ сторону «лѣвыхъ» принялъ архіепископъ Антопій волинскій, котораго за это имяславцы заклеили «еретикомъ», начальство стало всецѣло на сторону имяборцевъ. Вмѣшательство Антопія волинскаго въ аѳонскій споръ объясняется тѣмъ, что единомышленники схимонаха Хрисанва—іеромонахи Теофанъ и Алексѣй Кирѣевскій—ученики владыки—первый по казанской, а второй по московской академіямъ и любимцы его. Подъ его вліяніемъ (какъ ректора) они приняли монашество».

Все сіе изложенное въ статьѣ «Черный бунтъ» не соответствуетъ истинѣ. Я въ мірскомъ званіи—изъ дворянъ по имени Христофоръ Ивановичъ Потапьевъ, служилъ въ Москвѣ въ межевомъ корпусѣ по ученой части, а не какъ сказано въ статьѣ «Черный бунтъ», будто я Иванъ Ивановичъ Минаевъ и занимался либеральной профессіей (адвокатурой). Въ 1864 году я поступилъ на монашеское житіе на Аѳонской горѣ въ русскій Ильинскій скитъ, гдѣ неотлучно пребываю не 25 лѣтъ, какъ сказано въ означенной статьѣ, а 50 лѣтъ, о чемъ извѣстно не только аѳонскимъ русскимъ поселенцамъ, но многимъ греческимъ

болгарскимъ и молдавскимъ—особенно начальствующимъ, и объ этомъ же извѣстно русскому консулу въ Салоникахъ, и о томъ, что я завсегда проводилъ на Аѳонѣ жизнь безукоризненную. Изъ этого одного ясно видно, что я не могъ быть участникомъ въ царевубійствѣ, совершенномъ въ Россіи въ 1881 году, то есть 34 года тому назадъ, когда я проживалъ на Аѳонѣ въ монашескомъ чинѣ. И если бы я въ мірскомъ званіи былъ нигилистомъ, то не поступилъ бы въ молодыхъ лѣтахъ на строго подвижническую монашескую жизнь на Аѳонѣ, какую, при помощи Божіей, по возможности я проводилъ, никогда не имѣлъ никакихъ еретическихъ заблужденій и никто на Аѳонѣ не замѣчалъ никогда меня въ вольнодумствѣ, а, напротивъ, я всегда высказывалъ религіозныя мысли въ совершенно православномъ духѣ, что можно видѣть изъ моего печатнаго сочиненія въ 1905 году подъ названіемъ «О православной церкви и ея святыхъ таинствахъ и молитвахъ». Упоминаемую же въ статьѣ «Черный бунтъ» мою рецензію на книгу схимонаха Иларіона «На горахъ Кавказа», и сія рецензія отпечатана была въ 1912 году въ журналѣ «Русскій Инокъ», въ коей я изъ апологетовъ первый разоблачилъ въ книгѣ Иларіона значительную ересь объ обоготвореніи имъ человѣческаго имени Иисусъ у Богочеловѣка, то сію рецензію вселенскій патріархъ съ своимъ синодомъ и святѣйшій всероссійскій синодъ, при разсмотрѣніи дѣла о «имябожеской» ереси и осудившіе оную, нашли (рецензію) совершенно согласною съ православною вѣрою. Также эти высшія духовныя власти нашли согласнымъ съ православною вѣрою и отпечатанный въ 1912 году въ «Русскомъ Инокѣ» мой критическій отзывъ на богопротивную статью главнаго распространителя имябожнической ереси аѳонскаго іеромонаха Антонія Булатовича. За эти мои сочиненія отъ всероссійскаго святѣйшаго синода прислана мнѣ въ награду икона Спасителя при грамотѣ. Изъ этого видно, что при спорѣ на Аѳонѣ съ еретиками «имябожниками» я отвергалъ эту ересь, а не вводилъ ее, какъ сказано въ статьѣ «Черный бунтъ», будто я свой Ильинскій скитъ «объересилъ». Напротивъ, къ удивленію благомыслящихъ, въ семь скитѣ рѣшительно никто изъ братій не былъ зараженъ этою ересью,—что не безъ содѣйствія моего произошло, тогда какъ въ другихъ на Аѳонѣ русскихъ обителяхъ она значительно была распространена и зараженныхъ въ этой ереси правительствомъ навсегда отправлено въ Россію съ Аѳонской горы, ибо отсюда всѣхъ еретиковъ удаляютъ, такъ какъ здѣсь во всей чистотѣ сохраняется православная вѣра.

Упоминаемые въ статьѣ «Черный бунтъ» ученые іеромонахи Теофанъ и Алексѣй Кирѣевскій также совершенно правовѣрующіе, и они опровергали на Аѳонѣ словесно ересь «имябожниковъ» согласно православною вѣры, за что отъ святѣйшаго синода получили въ награду отецъ Теофанъ наперсный крестъ и икону Спасителя при грамотѣ, а о. Алексѣй наперсный крестъ.

Аѳонскій инокъ Хрисанъ.

II.

По поводу ст. И. А. Слонова «Въ странѣ нашихъ союзниковъ».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» на стр. 623, въ статьѣ И. А. Слонова «Въ странѣ нашихъ союзниковъ» сказано про бухту Золотой Рогъ: «единственный недостатокъ ея это то, что она ежегодно замерзаетъ на семь мѣсяцевъ».

Это невѣрно: бухта Золотой Рогъ замерзаетъ обыкновенно въ половинѣ декабря, а въ концѣ марта уже совершенно свободна отъ льда, т. е. покрыта льдомъ не болѣе четырехъ мѣсяцевъ.

В. Рошцовскій.

III.

По поводу замѣтки г. М. Поливанова.

Г. М. П. указалъ на мою ошибку въ № 1 «Историческаго Вѣстника», на стр. 169. Совершенно вѣрно: маневры 1890 года окончались у д. Чирковны. Случай, когда императоръ Вильгельмъ II во время завтрака на Царскомъ валикѣ подъ Краснымъ Селомъ провозгласилъ тостъ по-русски за здоровье императора Александра III, долженъ быть отнесенъ не къ 1890 г., а къ 1888 году.

А. П. Скугаревскій.

По тихой окрестности неслись съ колокольной серебряные звуки, сливавшіеся съ легкимъ завываніемъ вѣтра въ старыхъ каштановыхъ деревьяхъ да шумомъ бурлившей Сены.

Тамъ и сямъ открывались двери, изъ которыхъ, словно золотая стрѣлка, вырывался лучъ свѣта, разсѣивавшійся на бѣлой дорогѣ. Изъ хижинъ выползали темные силуэты людей.

Мысли всѣхъ неслись къ Иисусу, лежащему на соломѣ и окруженному магами. Эвфеманъ уже зажегъ въ церкви десять свѣчей, разставленныхъ вокругъ воскового младенца, который поднималъ изъ яслей свои ручки. Въ ночной тишинѣ залѣлъ, словно нищій на праздникѣ, маленькій деревенскій органъ.

На другой день рано утромъ Тьенетта олять принялась за дѣло. Она сдѣлала изъ тѣста большой кругъ и, положивъ въ него отличный бобъ, тщательно раскатала тѣсто.

Между тѣмъ Жасменъ растопилъ печь при помощи сухого валежника, который трещалъ, словно кто-нибудь смѣялся во весь ротъ. Старуха Бюге желала запечь тѣсто непременно сама.

Тьенетта, разгладивъ сѣрую скатерть, поставила четыре прибора. Жасменъ принесъ букетъ какихъ-то цвѣтовъ.

— Подходить время,—замѣтила Тьенетта.—Изъ кухни хорошо пахнетъ. Мартина сейчасъ должна прійти.

— Я пойду ей навстрѣчу.

Не сдѣлавъ онъ и ста шаговъ, какъ показалась телѣжка, окрашенная въ ярко-зеленый цвѣтъ. Онъ призналъ въ ней телѣжку Сансонне и ускорилъ шагъ. Онъ видѣлъ, какъ лошаденка, осыпая ударами кнута, вдругъ понеслась вскачь. Изъ повозки вышла какая-то фигура, закутанная въ широкую накидку.

— Здравствуй, Жасменъ.

То была Мартина. Бюге подошелъ къ ней.

— Жасменъ, садись. Подвезу,—кричала тетка Сансонне.

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчала Мартина.—Лучше я разомну ноги.

— Ну, какъ хочешь. Видно, вдвоемъ-то быть лучше всего.

Она щелкнула кнудомъ, и телѣжка тронулась дальше.

— Фу!—воскликнула Мартина, отряхивая свою юбку съ такимъ кокетливымъ видомъ, какого Жасмену не приходилось раньше замѣчать у нея. Мнѣ кажется,—что я отъ нея пропахла рыбой. Понюхай!

И съ лукавымъ видомъ она положила ему голову на плечо.

— Отъ тебя пахнетъ лучше, чѣмъ въ цвѣтникѣ,—галантно отвѣчалъ онъ.—Дай-ка еще разъ понюхать твои волосы.

Мартина подняла съ головы свой капюшонъ.

— Ну! Такъ какъ ты не пользуешься случаемъ, какъ всѣ эти франты въ замкѣ, взять меня за подбородокъ, то, когда мы поженемся, ты можешь быть спокоенъ.

— Идемъ, идемъ!

— Побѣжимъ,—сказала Марина.—Я увѣренъ, что Тьенетта непременно слѣдитъ за нами.

— Она тутъ.

— Ну, еще бы! Она никогда не пропуститъ случая повертѣться около влюбленныхъ.

— Это для того, чтобы поучиться самой.

Мартина бросилась бѣжать. Добѣжавъ до дому, она толкнула дверь и очутилась въ объятіяхъ старухи Бюге.

— Что за тобой черти, что ли, гонятся?

— Бабушка Бюге, твой сынъ хочетъ меня щекотать.

Жасмень вошелъ сконфуженный. Тьенетта стояла, подпиравъ бока руками.

— Какъ у васъ хорошо!—промолвила гостя.

И жестомъ, который она подсмотрѣла у своей барыни, горничная сняла съ себя накидку, стараясь не смять своего бѣлаго чепца.

— Каково! Рождественскія розы!

Она взяла изъ букета одну розу, она взяла ее кончиками пальцевъ и принялась ощипывать лепестки. Потомъ, словно вспомнивъ, что она крестьянка, она взяла ее въ ротъ.

— Берегись!—вскричала Жасмень.—Это ядъ.

— Нѣтъ, это излечиваетъ отъ безумія.

— Много ты знаешь!

— М-ше д'Этиоль рекомендовала пить настойку изъ этихъ цвѣтовъ герцогу Гонто, который объявилъ, что влюбленъ въ нее безъ памяти, и не отходитъ отъ нея.

Тьенетта поставила на столъ телятину, плававшую въ коричневомъ соусѣ. Всѣ усѣлись за столъ.

Мартина не переставала распространяться о прелестяхъ своей хозяйки. Она рассказывала, что у нея есть фонтанъ духовъ, который представляетъ себою огромное яйцо съ тюльпаномъ наверху.

— И ты, конечно, черпаешь сама изъ этого фонтана?—насмѣшливо спросила Бюге.

— Нѣтъ. У него есть серебряный кранъ, который запирается.

Мартина проговорила все это съ такой интонаціей, которая чрезвычайно нравилась Жасмену.

— А сильно красится твоя м-ше д'Этиоль?—спросила Тьенетта.

— Порядочно. Она уже не такъ свѣжа, какъ молодая дѣвушка. У нея было двое дѣтей.

Потомъ горничная завела разговоръ о бѣльѣ своей госпожи. Прачки портили себѣ глаза, разглаживая каждый рубчикъ на ея юбкахъ, а портнихи не могутъ найти достаточно тонкихъ иго-

локъ, чтобы пришивать ея кружевные фестоны. Рубашки у нея такъ тонки, что, закатавъ въ клубокъ, ихъ можно было бы спрятать въ перстень аббата Берни.

— Неужели аббатъ сталъ бы принимать участіе въ такихъ глупостяхъ?

— Вѣроятно.

— Знаете, дѣти мои,—вмѣшалась мать Бюге.—Когда человѣкъ уже не скрываетъ ничего, это значить, что ему и терять уже нечего. Между нами сказать, я бы не дала ни гроша за добродѣтель твоей барыни.

— Матушка!—вскричалъ Жасмень.

— Ну, король на этотъ счетъ другого мнѣнія,—продолжала Мартина:—и, вѣроятно, заложилъ бы всю свою добрую провинцію Бри, чтобы купить то, что у нея еще осталось.

У Тьенетты глаза разгорѣлись.

— Когда я вырасту совсѣмъ большая, ты поставишь меня на мѣсто къ m-me д'Этиоль, Мартина. Довольно ужъ мнѣ горохъ-то собирать.

— Ну, вотъ!—заворчала старуха Бюге.—Какое честолюбіе, скажите, пожалуйста.

— Развѣ нельзя оставаться честной, служа въ замкѣ, или для этого непременно нужно держаться коровѣ за хвостъ. Посмотрите-ка на дочь Реньосіея! Вѣдь ей скоро родить! И она говорить, что это съ ней случилось въ чистомъ полѣ, когда она сгребала сѣно. А вотъ Мартина такъ и осталась, какой была!

Старуха Бюге вышла. Вернувшись, она внесла пирогъ, блестящій, словно эю, только что вышедшее съ монетнаго двора.

— Ну, Тьенетта, полѣзай подъ столъ и говори, кому давать.

Тьенетта наклонилась, закрыла голову угломъ скатерти и, какъ требуетъ обычай, стала выкликать:

— Tibi, domine!

— Для кого?—спрашивала Бюге.

— Для Мартины.

Это повторялось каждый разъ, пока всѣ не получили по куску.

— Теперь всѣмъ роздано,—заявила хозяйка.

Осмотрѣвъ внимательно свои куски, гости стали ѣсть. Вдругъ Мартина вскрикнула. Бобъ оказался у нея, и она была королевой.

Величественно, какъ это дѣлала m-me д'Этиоль, она бросила бобъ въ стаканъ Жасмена. Потомъ, играя глазами, она сказала:

— Ваше величество! Будьте самымъ счастливымъ изъ королей.

И, наклонившись, она поцѣловала его.

Жасмену показалось, что надъ нимъ наклонилась сама м-ше д'Эгюль: тотъ же голосъ, тѣ же жесты, быть можетъ, тотъ же взглядъ. Онъ вздрогнулъ и такъ неловко отвѣтилъ поцѣлуемъ своей рожденственной королевѣ, что теперь для нея не оставалось сомнѣнiя.

Старуха Бюге налила вина въ стаканы. Жасмень долженъ былъ пить первымъ. Женщины трижды воскликнули:

— Король пьетъ!

Жасмень поднялся и на этотъ разъ крѣпко поцѣловалъ королеву.

— Не угодно ли королю предложить мнѣ руку, чтобы пройтись по саду?—спросила Мартина, продолжая играть комедию.

Жасмень обнялъ ее за стянутую талию и поцѣловалъ ее въ ухо, красное, какъ пѣтушiй гребень.

— Если ты будешь такъ искусно притворяться маркизой, то дѣло пойдетъ живо, и мы скоро будемъ пировать на свадьбѣ,—лукаво шептала Мартинѣ Тьенетта.

Великолѣпный день догоралъ. Часовъ въ пять зажгли свѣчи. Мартина объявила, что теперь дни стали длиннѣе.

— Это замѣтно только въ Крещенье,—промолвила Бюге.

V.

Въ апрѣлѣ Жасмень получилъ отъ Мартины письмо.

«25-го февраля,—писала она между прочимъ,—король давалъ большой балъ въ Версалѣ. Моя барыня была тамъ, и я съ ней. Не болтай объ этомъ, это секретъ, но мнѣ неумоготу держать его про себя.

«Моя барыня была въ бѣломъ домино изъ лучшаго шелка съ розовыми лентами. Маску она достала себѣ изъ Венеции. Въ такомъ нарядѣ ее не узнала бы и родная мать. Я была въ домино изъ черной тафты и въ маскѣ, отъ которой у меня разгорѣлись щеки.

«Въ Версаль мы пріѣхали почти въ полночь. Какъ только показался дворецъ, освѣщенный сверху донизу, пришлось ѣхать шагомъ. Мадамъ топала ногами отъ нетерпѣнiя. Наконецъ мы пріѣхали. Въ подъѣздѣ насъ такъ стиснули, что мы не могли сдѣлать ни шагу. Толпа, ломившаяся черезъ всякія преграды, вынесла насъ въ первую залу. Мадамъ перепугалась и стала кричать, а я, сама не знаю какъ, попала въ Зеркальную залу. Много комнатъ мы еще прошли прежде, чѣмъ очутились въ той, которая, по-моему, красивѣе всѣхъ на свѣтѣ. Въ ней гремѣла музыка и носилась цѣлая толпа танцующихъ. Тутъ были и китайцы въ шляпахъ колоколомъ, и турки съ огромными, какъ у стрекозъ, головами. На пастушкахъ были надѣты такія маленькія шляпы, что закрывали имъ только одно ухо. Зеркальная зала великолѣпна. Мы прибыли какъ разъ къ тому времени, когда былъ выходъ коро-

левы. Она опиралась на плечо дофина, который былъ наряженъ садовникомъ, и это заставляло вспомнить о тебѣ. За ними шли принцы и принцессы, блестящія при свѣтѣ восемнадцати люстръ, свѣшивавшихся съ потолка. Знаешь, сколько это свѣчей? Я было принялась подсчитывать ихъ, но такъ какъ каждая изъ нихъ отражалась въ безчисленныхъ зеркалахъ, то въ концѣ концовъ я сбилась.

«Я наконецъ отыскала m-me д'Этиоль, которую потеряла было изъ виду. Она стояла въ концѣ зала подъ огненной гирляндой, изъ которой лилось дѣлое море свѣта. Около нея толпились сенбюры, наряженные тисами, какъ въ саду маркиза Оранжи. Тебѣ было бы очень смѣшно видѣть мужчинъ, наряженныхъ деревьями. Ихъ глаза блестяли изъ-подъ листьевъ. Передъ ними проходило много дамъ, дѣлая имъ глазки. M-me д'Этиоль смотрѣла только на одного. Тотъ замѣтилъ это и подошелъ къ ней. Моя барыня воспользовалась этимъ и стала интриговать. Дерево сдѣлало ей нѣсколько комплиментовъ насчетъ ея ума. И въ самомъ дѣлѣ, никто такъ красно не скажетъ, какъ она.

«Она нарочно сняла свою маску, чтобы дерево могло видѣть ея чудную красоту. Если бы ты слышалъ, какой вездѣ кругомъ пошелъ гулъ. Стараясь скрыться въ толпѣ, она уронила свой платокъ. Тисъ быстро поднялъ его и бросилъ ей. Она ловко поймала его. Тогда всѣ придворные стали кричать: «Платокъ брошенъ! Платокъ брошенъ!» Повидимому, это большая честь, когда король бросаетъ платокъ кому-нибудь, а этотъ тисъ и былъ король.

«Когда въ слѣдующее воскресенье былъ балъ въ городской ратушѣ и король, и моя барыня были въ одинаковыхъ черныхъ шелковыхъ домино, они о чемъ-то говорили между собой, но кругомъ ихъ стояла такая толпа, что я успѣла пробраться къ ней гораздо позднѣе. Чтобы поправить прическу, мы удалились въ отдаленную комнату. Тутъ моя барыня едва не упала въ обморокъ: такъ ее сдавили въ залѣ. Я умирала съ голоду. Это не то, что въ Версалѣ, гдѣ гости располагались кушать по всѣмъ угламъ, какъ будто въ лѣсу на травѣ. Въ ратушѣ всѣ, кому удавалось добраться до буфета, забирали все себѣ. Уже по тому, какъ они на все набрасывались, видно было, что это чернь. Даже одинъ аббатъ, котораго я попросила достать мнѣ бисквитъ, сказалъ мнѣ: «Ты сначала согрѣши за него и поцѣлуй меня!»

«Мы теперь часто ѣздимъ изъ Парижа въ Версалъ. Моя барыня недавно была въ театрѣ, гдѣ присутствовалъ король и самые могущественные вельможи. Изъ этого ты видишь, что она теперь въ чести, и все это надѣлалъ платокъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ мы живемъ въ Версальскомъ дворцѣ. Этотъ дворецъ въ сто разъ больше, чѣмъ Лувръ, и окруженъ такимъ паркомъ, что у тебя голова пошла бы кругомъ. Моя барыня почти каждый часъ

мѣняетъ свое платье. Она привезла съ собой изъ Парижа парикмахера. Посмотрѣлъ бы ты, какъ сыплется пудра. Не жалуютъ ни притираний, ни духовъ. Это необходимо при дворѣ. Однажды король пригласилъ мадамъ обѣдать въ обществѣ одной герцогини, принца и министра.

«Ты думаешь, что я очень горжусь всѣмъ, что видѣла, и нарочно тебѣ объ этомъ пишу. Но письмо это стоитъ мнѣ шесть лиаровъ—одна только бумага, а пришлю я тебѣ его съ человѣкомъ маркиза Оранжи, который приходилъ повидаться со мною».

Жасмень разъ двадцать перечелъ это письмо. По своему простодушію, онъ и не замѣчалъ, какую роль играла m-те д'Этиоль во всей этой интригѣ. Для него, какъ и для большинства тогдашнихъ людей, все, что происходило вокругъ короля, было священо. Любовь къ королю, даже въ семьяхъ горожанъ, была высшимъ счастьемъ.

Черезъ нѣсколько дней отъ Мартины опять пришло письмо. Она кратко извѣщала, что король ѣдетъ во Фландрію, что въ Версалѣ для m-те д'Этиоль готовятъ помѣщеніе, которое прежде занимала герцогиня Шатору, но что m-те д'Этиоль скромно удаляется къ себѣ въ деревню, на берегъ Сены. Мартина приглашала его заѣхать къ нимъ повидаться съ нею и поднести первые майскіе цвѣты ея барынѣ.

VI.

Миновавъ Корбейль, Жасмень дошелъ до того мѣста, гдѣ дорога начинаетъ спускаться къ деревнѣ Этиоль. Деревенька въ этотъ прекрасный майскій день была какъ бы вставлена въ рамку изъ зелени. Изъ цѣлаго моря стоявшихъ въ цвѣту яблонь выглядывали крыши деревенскихъ домиковъ и колокольня цвѣта старинной слоновой кости.

Бюге отправился довольно поздно съ своей телѣжкой, заваленной цвѣтами въ корзинкахъ и горшкахъ. Упряжка совершенно была новая, и рессоры ярко поблескивали на майскомъ солнышкѣ. Повозка, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, совершала первое свое путешествіе, а запряженная въ нее бѣлая лошадь бѣжала прытко и весело.

Не безъ борьбы удалось Жасмену стать хозяиномъ такой телѣжки. Его мать сначала и слышать не хотѣла о такой дорогой покупкѣ, и въ первый разъ въ домикѣ садовника вспыхнула ссора.

— Послушай,—кричала старуха Бюге:—помни, что я тебѣ скажу. Это будетъ началомъ всѣхъ твоихъ несчастій. Женись на Мартинѣ: она будетъ хорошей женой для тебя. Но покупать повозку для того, чтобы ѣхать провѣдать ее и ея барыню, которая вась обоихъ околдовала, да еще везти ей самые лучшіе цвѣты,—это уже глупость, и Богъ тебя накажетъ за это.

— Могу же я распорядиться деньгами, которыя я зарабатываю,—сдавленнымъ голосомъ отвѣчала Жасмень.—Могу же я тратить ихъ, какъ мнѣ заблагоразсудится. Терпѣть не могу скрягъ, которые копятъ монету за монетой. Я молодъ, и мнѣ хочется видѣть многое. Небойсь, моему отцу ты не рѣшалась перечить въ его затѣяхъ!

— Онъ былъ такой же упрямецъ и сумасбродъ, какъ и ты.

Сынъ настоялъ на своемъ и купилъ повозку у одного изъ лучшихъ каретниковъ Мелена.

При вѣздѣ въ Этиоль Жасмень замѣтилъ башни замка, поднимавшіяся изъ-за парка, гдѣ, словно зеленая стѣна, стояли буки и вязы. Его бросило въ дрожь. Чувства, уже нѣсколько мѣсяцевъ тѣснившіяся въ его сердцѣ, вдругъ пришли въ движеніе, какъ вѣтви деревьевъ, когда на нихъ набѣгаетъ вѣтерокъ.

Онъ совсѣмъ спустился въ деревню. Деревья, отбрасывавшія тѣнь на дорогу, покрыли садовника какъ бы сотканнымъ изъ свѣта и тѣни покрываломъ.

Онъ проѣхалъ вдоль рѣшетки парка и оказался передъ воротами, въ которыя и постучалъ желѣзнымъ молоткомъ. На голубыхъ часахъ фермы, которая находилась противъ воротъ, было одиннадцать часовъ.

Ворота открылъ молодой служитель.

— Меня зовутъ Бюге и я привезъ цвѣты для м-ше д'Этиоль. Передайте ихъ Мартинѣ Беко.

Малый исчезъ и скоро вернулся съ самой Мариной. Она пришла въ восторгъ отъ лошади и повозки и весело, прыгая около нихъ, кричала:

— Не раскрывай цвѣты! Я должна предупредить мадамъ! Я хочу, чтобы она сама взглянула, какъ это красиво.

Жасмень почувствовалъ, что у него по спинѣ пошли мурашки. Цвѣты сразу какъ будто полиняли на его глазахъ. Онъ охотно отдалъ бы стучавшую въ его сердцѣ кровь за то, чтобы тюльпаны сдѣлались такъ же красны, какъ и она, и пожертвовалъ бы все свое золото, чтобы придать его цвѣтъ астрамъ.

Мартина явилась обратно.

— Иди за мной!

И, взявъ лошадь подъ уздцы, она стала показывать ему дорогу.

Они вошли за ограду. Налѣво показался замокъ. Съ обѣихъ сторонъ треугольнаго зданія глядѣло по четыре окна въ каждомъ изъ четырехъ этажей: въ бѣлой стѣнѣ подъ красной черепичной кровлей они были размѣщены совершенно симметрически. Съ обѣихъ сторонъ главнаго зданія шли флигеля такой же высоты, заканчивавшіеся башенками съ синей аспидной крышей.

Эти строения окружали большой дворъ, передъ которымъ разстилались двѣ прелестныя лужайки. Все это было огорожено же-

лѣзной рѣшеткой, на которой кое-гдѣ виднѣлись позолоченные гербы.

Мартина отворила ворота и подвела экипажъ къ крыльцу.

М-ше д'Этиоль вышла въ домашнемъ туалетѣ, сотканномъ изъ кружевъ и свѣтло-зеленыхъ лентъ. Она была похожа на букетъ фіалокъ.

— Какіе прелестные цвѣты,—сказала она, улыбаясь подъ своей напудренной куафюрой.—Они явились какъ разъ во время для того, чтобы мои клумбы не были опустошены. Жасмень, вы попадаете всегда во время!

Садовникъ потушилъ глаза.

— Вы умѣете дѣлать корзины съ цвѣтами?—спросила она.

— Это мое ремесло, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ несите цвѣты сюда и садитесь за дѣло.

Мартина, ты будешь ему помогать!

Молодые люди быстро принялись за дѣло. Чувствуя, что м-ше д'Этиоль стоитъ возлѣ него, Жасмень не смѣлъ поднять глазъ.

Когда въ телѣжкѣ ничего не осталось, Бюге отвелъ свою повозку за ограду и далъ лошади корма. Покончивъ съ этимъ, онъ вернулся къ корзинамъ. Мартина разставила ихъ на столахъ въ большомъ залѣ. Это была огромная комната, вся бѣлая съ золотомъ, украшенная множествомъ картинъ, на которыхъ Жасмень успѣлъ разсмотрѣть какія-то празднества подъ рыжеватыми деревьями, у подножія которыхъ кавалеры развлекали дамъ игрою на мандолинѣ.

Когда м-ше д'Этиоль появилась въ залѣ, Жасмену показалось, что это сошла какъ разъ одна изъ этихъ дамъ съ картины. Она принесла съ собою великолѣпную вазу блѣдно-зеленаго цвѣта.

— Уберите ее фіалками.

Жасмень тотчасъ наполнилъ вазу свѣжимъ мхомъ, который онъ собралъ утромъ въ лѣсу Санъ-Поръ. Потомъ, дрожа самъ, какъ былинка, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и, видя, что м-ше д'Этиоль уже удалилась, спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Мартина, понравится это твоей барынѣ?

— Я сейчасъ покажу ей это.

Жасмень колебался.

— Подожди!

И, схвативъ вѣтку плюща, онъ пропустилъ ее змѣею между бѣлыми цвѣтами.

— Такъ будетъ красивѣе.

Мартина скоро вернулась.

— Ну, радуйся. Въ первый разъ удалось убрать эту вазу такъ, что мадамъ осталась довольна. Ей хотѣлось бы, чтобы король увидалъ ее во всей ея свѣжести.

— Король!..—забормоталъ Жасмень.

— Да, король. Но ему не придется этого видѣть. Онъ теперь бомбардируетъ города во Фландріи. Онъ оттуда часто присылаетъ письма барынѣ. На печати написано: скромнѣ и вѣренѣ.

— Скромнѣ и вѣренѣ?

— Да развѣ ты не догадываешься, чѣмъ стала у короля наша барыня.

Жасменъ уронилъ лилю, которую едва держалъ за тонкій стволъ.

— Неужели ты должна этимъ гордиться, Мартина?

— О, еще бы! Мой кошелекъ дѣлается гораздо толще. Скажи объ этомъ моей крестной. Это доставитъ ей удовольствіе. Барыня пишетъ отвѣты на эти письма и цѣлыми часами сидитъ, запершись у себя въ будуарѣ.

— Одна?

— Съ поэтомъ аббатомъ Берни,—пояснила со смѣхомъ Мартина.—Сегодня у нея будетъ еще г. Гонто.

— А? А какъ же самъ... г. д'Этіоль?

Мартина прыснула со смѣху.

— Ну, его прогнали. Онъ теперь путешествуетъ по Провансу съ какимъ-то порученіемъ. У него такая фізіономія, что на него надо смотрѣть издали. Вотъ, полюбуйся!

Камеристка вытащила изъ-за клавесинъ портретъ, писанный масляными красками, вставленный въ золоченую раму. Оттуда глядѣлъ на Жасмена худощавый человѣкъ съ желтымъ и преждевременно покрытымъ морщинами лицомъ. Одѣтъ онъ былъ въ кружевное жабо, ниспадавшее на шелковый камзолъ абрикосоваго цвѣта, и свѣтло-зеленныя короткія панталоны.

— Какой уродъ!—воскликнула Мартина, убирая портретъ на прежнее мѣсто.

— Король—красивый мужчина,—продолжала она.—И безумно влюбленъ въ барыню. Онъ осыпаетъ ее подарками. У насъ теперь множество китайскихъ клѣтокъ съ птицами, и всѣ перекладинки и рѣшетки въ нихъ золотыя.

Жасменъ молча продолжалъ убирать жонкилями синія вазы, украшенныя маленькими фигурками. Мартина дѣятельно помогала ему. Тѣнь отъ ея вишневаго платья падала на клавесины, на лакированный экранъ и на маленькіе стоявшіе кругомъ столики. Камеристка то и дѣло не безъ удовольствія оглядывалась на себя въ огромныя трюмо.

Появилась опять m-me д'Этіоль. Ее смѣшило дѣйствіе, которое производило ея появленіе на обоихъ молодыхъ людей. Мартина сіяла радостью, Жасменъ же не смѣлъ поднять глазъ, какъ бы боясь, что мадамъ увидитъ въ нихъ свой собственный образъ.

— Бюге, ты великолѣпный садовникъ,—сказала она.—Ты заслуживаешь по своей работѣ и не такихъ покупателей, какъ мелкіе

обитатели Мелена. Я подумаю о тебѣ. А пока, если можно, нельзя ли вывести для меня розы къ апрѣлю.

М-ме д'Этіоль засмѣялась какимъ-то серебрянымъ смѣхомъ, который словно бисеръ разсыпался въ душѣ Жасмена.

— Пусть хорошенько накормятъ садовника,—сказала она Мартинѣ.

Та повела Жасмена на кухню. Главный поваръ, наблюдая за жарившимися на вертелѣ цыплятами, смотрѣлъ въ то же время, чтобы его помощникъ не испортилъ какъ-нибудь убранство павлина; красовавшася на большомъ блюдѣ, распустивъ свой пышный хвостъ.

— Жалко убивать такую птицу,—промолвилъ Жасмень.

— Жалко то, что онъ будетъ жестокъ,—сказалъ въ отвѣтъ поваръ.—Мясо у него что-то твердовато.

Зазвонили къ завтраку прислугѣ. Мартина посадила Жасмена за столъ рядомъ съ собой. Кругомъ разсѣлись лакеи и казачки. Противъ Мартины сидѣлъ худой слуга съ впалыми сѣрыми глазами. Вѣки его были опущены, и, садясь за столъ, онъ широко перекрестился. Его блѣдное и гладко бритое лицо напоминало какого-то кюре.

— Влюбленъ въ меня безъ ума,—прошептала Мартина, подталкивая своего сосѣда.

Бритый слуга услышалъ эти слова и какъ бы въ знакъ протеста молитвенно сложилъ руки.

— Эй, ты, разстрига! Нечего дѣлать гримасы!—закричалъ одинъ изъ собесѣдниковъ:

— Разстрига?—спросилъ Жасмень.

— Да, онъ разстрига,—отвѣчала Мартина.—Это Агатонъ Пьефэнъ. Онъ когда-то носилъ тонзуру, а теперь онъ—выѣздной лакей. Это онъ собралъ мнѣ этотъ букетъ.

Передъ приборомъ Мартины въ стаканѣ красовались маргаритки, жонкили и еще какое-то растеніе въ родѣ пальмы.

— Очень хорошо сплетено,—замѣтилъ Жасмень.

— О, помилуйте,—отозвался Агатонъ, придавая своему лицу выраженіе, которое бываетъ у снисходительныхъ исповѣдниковъ.

— Вы опасный для меня соперникъ,—продолжалъ садовникъ.

— У меня только одна любовь—любовь къ Святой Дѣвѣ,—елейно замѣтилъ разстрига.

— Въ такомъ случаѣ,—насмѣшливо замѣтилъ старшій лакей,—почему же ты однажды вложилъ въ букетъ, который поднесъ Мартинѣ, записку съ нацарапанными стихами? И со стихами, которые сложилъ король въ честь м-ме д'Этіоль. Или ты эти стихи взялъ изъ своего катехизиса?

Агатонъ уткнулъ въ тарелку свой острый носъ.

— Какіе же это стихи?—спросилъ Жасмень.

Мартина, подражая своей барынь, продекламировала любовное четверостишіе. Вся кухня встрѣтила его одобреніемъ. Старый слуга предложилъ выпить за Мартину, за ея жениха и за неудачнаго ухаживателя изъ бывшихъ духовныхъ. Когда Агатонъ поднималъ свой стаканъ, руки его тряслись.

Послѣ завтрака Мартина жестомъ позвала Жасмена за ней.

— Мадамъ теперь кушаетъ съ герцогомъ Гонто, аббатомъ Берни, г. Желіоттомъ, который учитъ ее пѣнію, и съ г. Гибоде, учителемъ танцевъ.

Она провела Жасмена въ уборную своей барыни. Во всѣхъ уголкахъ были зеркала. На туалетномъ столикѣ стоялъ большой флаконъ, лапка съ румянцемъ, духи, пудра.

— Сколько всякихъ вещей!—прошепталъ Жасмень.

Вазы и фарфоровыя бездѣлушки были цвѣта утиного яйца. Разбросанные всюду банты походили на какіе-то красные цвѣты. Около двери висѣла кукла въ костюмѣ монахини съ тремя мушками на сильно накрашенныхъ щекахъ.

— Эта кукла, предназначается для Александрины, дочери m-me д'Этіоль,—пояснила Мартина.

Рядомъ съ уборной была гардеробная. Вездѣ на крючкахъ висѣли платья. Они производили одновременно и богатое и вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то свѣжее весеннее впечатлѣніе: это было счастливое соединѣніе свѣтло-краснаго, оранжеваго, свѣтло-лиловаго и зеленоватаго тоновъ съ кружевами и прошивками. Нѣкоторыя изъ этихъ платьевъ висѣли отдѣльно, словно трофеи. Каждая складочка на нихъ была тщательно расправлена. Одно изъ нихъ заставило Жасмена вздрогнуть.

— Въ этомъ платьѣ m-me д'Этіоль была тогда въ Сенарскомъ лѣсу,—безсознательно воскликнулъ онъ.

— Да, да!—отвѣчала, краснѣя, Мартина, задѣтая за живое.— У тебя хорошая память. Но чего ты дрожишь? Насъ никто не увидить.

Садовникъ зорко разсмотрѣлъ на нѣжной матеріи какъ бы слѣды слезъ.

— Это отъ воды, которой я прыснулъ на нее, чтобы привести ее въ чувство,—замѣтилъ онъ про себя.

Онъ слегка потрогалъ рукой платье.

— Мартина, чтобы носить такіе наряды, нужно быть красавицей, не правда ли?

— Ну, нѣтъ, въ такихъ платьяхъ и уродъ за красавицу сойдетъ. Вотъ если бы ты посмотрѣлъ на m-me д'Этіоль когда она встаетъ утромъ,—продолжала она ревниво.—Лицо у нея такое измятое! Ахъ, какъ я хотѣла бы быть когда-нибудь маркизой!

И она бросила на него взглядъ, какой бросила m-me д'Этіоль на Людовика, снявъ на балу маску. Жасмень вздрогнулъ.

— Отвернись теперь и стой смиренно,—продолжала Мартина. Жасмень сталъ смотрѣть въ окно на безлюдныя лужайки.

— Смотри теперь!—вдругъ воскликнула камеристка.

Съ быстротой какой-нибудь актрисы, привыкшей переодѣваться въ разныя платья, Мартина надѣла на себя платье своей барыни. Она подошла къ Жасмену, положила ему руку на плечо и, бросивъ на него взглядъ, который ему мерещился только во снѣ, томно сказала.

— Возлюбленный мой, мое сердце полно тоской. Я умру вдали отъ тебя!

О, этотъ голосъ и шелестъ шелковыхъ юбокъ, отъ которыхъ неслась волна аромата. Жасмень совсѣмъ потерялъ рассудокъ. Онъ схватилъ Мартину, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и дрожащими губами сталъ увѣрять ее въ своей любви. Въ глазахъ у него стояли слезы, а его слова были просты и нѣжны, какихъ не приходилось еще слышать камеристкѣ, привыкшей къ ухаживаніямъ лакеевъ и сальностейъ важныхъ господъ.

Бюге покрылъ поцѣлуями руки Мартины и ласкалъ ея волосы.

— Ахъ, если бъ мнѣ нагудриться!—прошептала камеристка.

— Твои волосы такого же цвѣта, какъ земля, когда по вечерамъ я бросаю лопатку и гляжу на небо надъ Этиодемъ.

И онъ прижалъ ее къ своей груди.

— Жасмень довольно! Я боюсь.

— Я обожаю тебя!

— Жасмень! Насъ могутъ увидѣть. Слышишь, кто-то идетъ! Уходи скорѣе!

Жасмень выпустилъ ея руки, схватилъ свою треуголку и, шатаясь, спустился по лѣстницѣ.

По просьбѣ садовника¹ онъ занялся цвѣтникомъ. Время отъ времени Мартина пробѣгала мимо него, красная и какъ будто сконфуженная всѣмъ тѣмъ, что произошло въ уборной. Впрочемъ, когда онъ оказался одинъ, она быстро поцѣловала его въ обѣ щеки.

Однажды они замѣтили Агатона Пьефэна, который вышелъ прогуляться. Длинный фартукъ спускался у него до пятъ, словно сутана. Онъ кликнулъ голубя, который усѣлся у него на плечѣ и сталъ мочить клювъ въ его слюнѣ.

— Онъ приручилъ этого голубя,—сказала Мартина.—Говорить, что это напоминаетъ ему о Св. Духѣ.

Когда наступилъ вечеръ, Мартина отвела его на ужинъ. Въ кухнѣ зажгли свѣчи. Чтобы позабавить своихъ сотоварищей, Пьефанъ сталъ щекотать голубя подъ хвостомъ. Голубь заворковалъ и сталъ кружиться.

— Ну, теперь отправляйся, уже пора,—сказала Мартина садовнику послѣ ужина.

Они поцѣловались еще разъ.

Проѣзжая по парку, Жасмень услыхалъ звуки скрипки и віолончели. На полянѣ при свѣтѣ луны и нѣсколькихъ фонарей на деревьяхъ на квадратномъ коврѣ гладко подстриженного газона m-me д'Этіоль въ розовомъ платьѣ танцевала менуэтъ. Она внимательно наблюдала за кончиками своихъ ногъ, учитель танцевъ, держа въ рукѣ смычокъ, отбивалъ тактъ. Въ тѣни подъ деревьями играли два музыканта. Какой-то сеньоръ и аббатъ смотрѣли на танецъ.

M-me д'Этіоль была граціозна и очаровательна. При бѣгломъ отблескѣ свѣта видно было, что она улыбалась. Нанудренные волосы блестѣли, словно какая-то легкая каска. Въ тотъ моментъ, когда Жасмень ее увидѣлъ, она подняла руки вверхъ, къ темнотѣ ночи.

— Начните еще разъ,—сказалъ учитель танцевъ...

Выбравшись съ своей повозкой на дорогу, ведущую черезъ Санъ-Поръ къ Буасси-ля-Бертранъ, Жасмень, подъ голубоватой тѣнью высокихъ деревьевъ, принялся пѣть. Передъ его глазами безпрестанно мелькали Мартина и m-me д'Этіоль—одна въ обаяніи молодости, другая—аристократической таинственности. Ихъ взгляды сливались въ одинъ свѣтлый лучъ, ихъ улыбка стала общей, ростъ одинаковъ, манеры такъ же изящны и легки.

VII.

За лѣто Жасмень получилъ отъ Мартины нѣсколько писемъ. Она прежде всего сообщала ему, что m-me д'Этіоль, получила титулъ маркизы Помпадуръ, потомъ писала, что король вернулся въ Парижъ, куда ѣдетъ и новая маркиза. 14-го сентября она подробно описывала вѣздъ ея въ Версальскій дворецъ.

«Въ передней короля,—писала она,—стояла цѣлая толпа. Мадамъ нужно было представить королевѣ и дофину. Чтобы подбодрить себя, она принуждена была принять лекарства». Въ концѣ сентября пришло новое письмо, гдѣ Мартина сообщала, что король и маркиза Помпадуръ отправляются въ Фонтенбло, куда она просила пріѣхать и садовника.

Бюге заложилъ лошаденку и раннимъ утромъ отправился въ Фонтенбло. Листья едва начали краснѣть. Сена слабо отражала улыбку утра, но на вершинахъ холмовъ уже серебрился день.

Жасмень ѣхалъ вдаль рѣки до Мелена. Онъ проѣхалъ черезъ пробуждавшійся городокъ, миновалъ красивый, утопавшій въ зелени островокъ, брошенный между двумя рукавами рѣки и соединенный съ кварталомъ С.-Аспэ стариннымъ мостомъ съ тремя арками. Надъ черепичными кровлями квартала поднималась высоко, высоко, какъ остроконечная игла, стройная колокольня. Потомъ Жасмень поѣхалъ черезъ лѣсъ, по широкой покрытой тѣнями дорогѣ, которая медленно поднималась къ Королевскому столу. Этотъ каменный столъ былъ построенъ въ 1723 году на перекресткѣ

для того, чтобы на него можно было класть дичь, вынутую изъ силковъ.

А вотъ и лѣсъ. Въ немъ проложены широкія безмолвныя аллеи, Высокія деревья, несмотря на яркій свѣтъ солнца, продолжаютъ сохранять подъ своими вѣтвями ночной мракъ и бросаютъ темныя спокойныя тѣни на нижнюю зелень. Кое-гдѣ вѣтви и скалы покрыты мохомъ, и это дѣлаетъ ихъ похожими на какихъ-то несчастныхъ прокаженныхъ. Торжественность всей этой дикой природы сильно дѣйствуетъ на Жасмена, и спинѣ дѣлается холодно. Онъ стегаетъ свою лошадку. Звонъ колокольчика въ этомъ глубокомъ, какъ море, лѣсу возвращаетъ ему самообладаніе.

Когда онъ проѣхалъ столь егермейстера, такой же, какъ и столь короля, вдругъ поднялся какой-то странный шумъ. Кто-то кричалъ, лаяли собаки. Подъ деревьями показался олень. Увидавъ Жасмена, онъ остановился и устремилъ на него свои большіе коричневые глаза, въ которыхъ стояли слезы. Потомъ онъ опустилъ голову и опять бросился бѣжать усталой и печальной рысцой.

Вслѣдъ за нимъ вылетѣла стая собакъ. Среди папоротниковъ подъ березами онѣ ищутъ оленій слѣдъ. Вдали на дорогѣ скачутъ охотники въ красныхъ камзолахъ. Жасмень узнаетъ, что это охотники короля.

Чтобы не попасть въ эту свалку, онъ сворачиваетъ на боковую, такъ называемую королевскую дорогу, обставленную столбами съ изображеніями лилій, спускается къ Фонтенбло. Лѣсная дорога, окаймленная могучими дубами, открываетъ широкую полосу неба. Сквозь поперечныя дороги слышенъ еще шумъ охоты и мѣстами видно, какъ за охотниками ѣдутъ на бѣлыхъ лошадяхъ красиво разодѣтые люди.

Вотъ показались и домики Фонтенбло. Бюге заѣзжаетъ въ гостиницу «Зеленаго Осла» и оставляетъ тамъ свою лошадь. Потомъ входитъ во дворъ «Вѣлой Лошади».

Въ это веселое утро солнце заливало своимъ свѣтомъ кирпичи и асфидъ королевскихъ построекъ. Крыши башенъ блестѣли подъ синимъ небомъ, на которомъ бродили кое-гдѣ легкія облачка. Въ одномъ углу громаднаго двора была тѣнь. Если оттуда появлялся какой-нибудь лакей, то онъ блестѣлъ, словно цвѣтокъ, выставленный на воздухъ. Одинъ изъ нихъ бросился къ Жасмену съ распростертыми объятіями. На немъ было одѣяніе цвѣтовъ маркизы Помпадуръ—желтаго и зеленаго.

— Бюге! Бюге!—закричалъ онъ.—Какимъ образомъ вы попали сюда?

То былъ Агатонъ Пьефэнъ. Щеки его были напудрены, а въ рукахъ онъ держалъ молитвенникъ.

— Я пріѣхалъ повидаться съ Мартиной,—весело отвѣчалъ садовникъ.—Если только вы уже не похитили ея сердце!

— Я чистъ, какъ голубица.

— Кстати, какъ поживаетъ вашъ голубъ?

— Ахъ, ему теперь приходится плохо, и я боюсь, что его вотъ-вотъ разорветъ какая-нибудь хищная птица изъ лѣса. Но зато я въ восторгѣ отъ того, что я здѣсь, въ этомъ дворцѣ. М-me де-Помпадуръ пристроила и меня къ здѣшней домовой церкви. Я кладу ладанъ, вливаю вино въ сосуды, чищу покровы и четырехъ бронзовыхъ ангеловъ. Пойдемте, я провожу васъ къ m-ше Беко.

Онъ повелъ Жасмена куда-то влѣво. Они прошли черезъ коридоръ безъ дверей и вышли на второй дворъ, который выходилъ на большой прудъ. Посреди двора билъ фонтанъ, украшенный мраморной фигурой воина, державшаго въ рукѣ отсѣченную голову. Около фонтана стояли на часахъ два гусара, охраняя воду, которая предназначалась только для короля.

Агатонъ съ Жасменомъ вторично прошли черезъ какое-то зданіе и очутились въ основномъ саду, ослѣпившемъ садовника своимъ дивнымъ цвѣтникомъ.

— Сюда,—сказалъ Агатонъ.

Они вошли подъ круглый сводъ, украшенный фресками, на которыхъ были изображены какія-то обнаженныя богини.

— Подождите здѣсь.

Агатонъ исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ появилась Мартина. Жасмень былъ очень удивленъ, увидя, что ея волосы напудрены, какъ и у ея госпожи.

— Не для того ли ты меня сюда и вызвала, чтобы показать, какъ идетъ къ себѣ пудра?—спросилъ онъ, здороваясь.

— И для этого и кое для чего другого. Ты нуженъ для маркизы Помпадуръ.

Они поднялись по лѣстницѣ, сдѣлали нѣсколько поворотовъ по коридорамъ и очутились въ большой залѣ, видъ которой ослѣпилъ садовника. Зала была украшена медальонами, въ которыхъ были изображены нагія женщины и воины въ героическихъ каскахъ. Эти фрески поддерживались стройными каріатидами съ длинными ногами и съ улыбкой ясной молодости. Они поддерживали карнизы, словно корзины цвѣтовъ. Въ залѣ тамъ и сямъ были раскиданы ширмочки. Въ углу была вѣлана небольшая порфиновая ванна. Слуга принесъ цѣлый сосудъ какой-то душистой воды, которую Мартина быстро влила въ ванну.

— Мы здѣсь только на время,—говорила она.—Маркиза хочетъ, чтобы для нея былъ построенъ особый навильонъ, подалше отъ этого дворца.

Жасмень молча разматривалъ нимфъ на фрескахъ.

— У настоящихъ женщинъ такихъ стройныхъ ножекъ не бываетъ,—замѣтилъ онъ.

— Ну, ты не видалъ женщинъ въ такомъ костюмѣ,—возразила

Мартина.—Оттого ты так и говоришь. Я, по крайней мѣрѣ, знаю двухъ, у которыхъ ноги будутъ не хуже.

— Вотъ какъ!

Мартинѣ вдругъ пришла въ голову лукавая мысль показать Жасмену маркизу де-Помпадуръ въ совершенно обнаженномъ видѣ. Ослѣпленная своей любовью, она не боялась послѣдствій своей смѣлой затѣи и догадывалась, что ея молодость выдержитъ какое угодно сравненіе.

— Уходи скорѣе,—сказала она Жасмену.—Сейчасъ должна прійти сюда маркиза.

Садовникъ шмыгнулъ въ какой-то темный коридоръ и остановился какъ разъ надъ Золотыми воротами, которыя вели въ паркъ.

Вдругъ около него появилась Мартина. Она шла на цыпочкахъ и держала палецъ на губахъ.

— Иди сюда,—прошептала она.

Она взяла садовника за руку.

— Тихонько! Чтобъ тебя и не слышно было!

Жасмень затаилъ дыханіе. Мартина ввела его въ какую-то комнату и поставила за трельяжъ.

— Взгляни въ щелку и уходи.

Жасмень приникъ лицомъ къ просвѣту между двумя листьями и вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Посреди порфировой ванны стояла, совершенно обнаженная, маркиза де-Помпадуръ и, изогнувшись, обливала себя черезъ плечо духами. Она улыбалась своими ярко накрашенными губами и, выливъ на себя большой серебряный флаконъ, бросила его Мартинѣ. Та бросилась вытирать ее, а это время другая служанка подала ей тонкую батистовую рубашку и легкое платье свѣтло-зеленаго цвѣта.

Жасмень отшатнулся. Грудь его тяжело дышала, кровь хлестала въ виски. Онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ.

— Что ты дѣлаешь со мной, Мартина?

Камеристка въ своей короткой юбкѣ, раскраснѣвшаяся отъ растирания маркизы, была уже около него. По ея обнаженнымъ рукамъ еще струились благовонныя капли.

— Ну, — сказала она вызывающе: — это, пожалуй, будетъ не хуже твоихъ нимфъ.

— О, Мартина!—могъ только прошептать садовникъ.

— Здѣсь нельзя оставаться, насъ могутъ застать,—промолвила она какимъ-то страннымъ, дрожащимъ голосомъ.

Она повлекла Жасмена въ одну изъ комнатъ, которыя были прежде заняты маркизой, и заперла ее на ключъ.

— Оставайся здѣсь,—сказала черезъ полчаса Мартина:—я приду къ тебѣ опять.

И дѣйствительно, она быстро вернулась. Бросивъ на Бюге лукавый взглядъ, она заговорила:

Маркиза бранила меня. Но я сказала, что я искала тебя во дворѣ «Бѣлой Лошади». Иди скорѣе.

Жасмень вздрогнулъ.

— Что ей надо отъ меня?

— Да иди же, дикарь, дурного она тебѣ ничего не сдѣлаетъ.

Жасмень поправилъ галстукъ, пригладилъ волосы.

Мартина быстро почистила его камзолъ.

— Ну, вотъ! Ты теперь сіяешь, какъ звѣзда!

Она взяла его за руку и повела. Они очутились въ той самой комнатѣ, гдѣ стояла порфиновая ванна. Отъ ароматовъ духовъ и влажной атмосферы Бюге сталъ красенъ, какъ пюнь. Мартина толкнула его въ полуотворенную дверь, и Жасмень очутился передъ маркизой де-Помпадуръ.

Многочисленныя ширмы придавали очень уютный видъ этой большой залѣ съ чернымъ потолкомъ. Маркиза сидѣла на легкомъ креслѣ возлѣ окна. Ея свѣтло-зеленаго платья совсѣмъ не было видно изъ-подъ шелковаго пеньюара: около нея хлопотали нѣсколько горничныхъ, напудривая ей волосы. Одна изъ нихъ сильно нажимала пульверизаторъ, и пыль изъ пудры тучей летала вокругъ головы маркизы. Поодаль стоялъ столикъ съ парикмахерскими принадлежностями и ящичкомъ съ мушками. За нимъ возвышалось дивное зеркало, украшенное позолоченными голубками.

Жасмень неловко мялъ въ рукахъ свою шляпу.

— А я узнаю васъ, — сказала маркиза, вскидывая на него глаза. — Я васъ видѣла въ Льесанѣ, и вы оказали мнѣ большую услугу. Я нахожу, что ваши цвѣты великолѣпны. Нечего краснѣть. У васъ есть такіе тюльпаны, которыхъ я никогда раньше не видала. Они такъ же красивы, какъ и тѣ, которые бываютъ на карнавалѣ въ Венеціи. Цвѣта такъ подобраны, словно на картинахъ Буше.

Легкимъ жестомъ своей бѣлой руки маркиза разогнала носившуюся передъ ней пудру.

— Наклей мнѣ три мушки, — сказала она Мартинѣ.

Повернувшись къ Жасмену, она указала ему на какой-то свертокъ, лежавшій на табуретѣ.

— Разстелите это по полу. Вы увидите, что я велѣла сдѣлать по вашимъ цвѣтамъ.

Бюге развернулъ шелковую матерію. На бѣломъ и свѣтло-зеленомъ фонѣ были сдѣланы тюльпаны и гіацинты, которые онъ тотчасъ призналъ за свои.

— Это тоже садъ.

— Такъ точно, сударыня.

Жасмень былъ ошеломленъ.

— Это вы работали въ паркѣ Во-Пралэнъ, Флери, анъ Біеръ и Курансъ? — спросила маркиза.

— Да, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ вы отличный садовникъ, и я дамъ вамъ мѣсто у себя.

Бюге казался удивленнымъ.

— Это васъ испугало?—смѣясь, спросила маркиза.—Не бойтесь. Я люблю цвѣты и садовниковъ.

Бюге бросился къ ея ногамъ.

— Это для меня настоящее счастье, сударыня, и я принимаю предложеніе. Это мечта всей моей жизни.

— Такъ какъ вы уже стоите на колѣняхъ,—продолжала, шутя маркиза:—то держите передо мной зеркало.

Бюге схватилъ зеркало и сталъ держать его передъ лицомъ маркизы, наклонившейся къ нему, чтобы лучше разсмотрѣть, какъ налѣплены мушки.

— Что вы такъ дрожите? Можно подумать, что вы стоите на колѣняхъ первый разъ въ жизни и притомъ передъ женщиной, въ которую вы влюблены?

Жасменъ едва не выронилъ зеркала.

Маркиза встала. Она была возбуждена, и сквозь косметики на ея блѣдномъ лицѣ пробивался естественный румянецъ. Въ какомъ-то артистическомъ самозабвеніи она говорила сама съ собой: «Цвѣты! Цвѣты! При помощи цвѣтовъ я достигну такой красоты, которая затмитъ саксонскій фарфоръ. Мои платья будутъ имѣть такой же блескъ и ароматъ, а мебель и мелкія вещи такое же изящество».

Задыхаясь отъ волненія, она опять опустилась въ кресло.

— А докторъ Кене заставляетъ меня сохранять спокойствіе. Мнѣ все запрещается.

Она вздохнула.

— Жасменъ, я сама назначу вамъ жалованье. А сколько я вамъ должна сейчасъ?

— Вы не должны мнѣ, сударыня.

— Однако, вѣдь не богиня Флора доставляетъ вамъ хлѣбъ и вино?

Маркиза Помпадуръ пристально взглянула на садовника, который сіялъ счастьемъ и молодостью.

— Вы не изъ жадныхъ,—промолвила она.—Я тоже и такъ какъ хозяйка я, то я и приказываю вамъ получить съ меня что слѣдуетъ.

Она взяла со стола листокъ бумаги, обмакнула гусиное перо въ чернильницу и поставила цифру.

— Идите съ этимъ къ моему казначею.

Жасменъ взялъ листокъ бумаги, прижалъ его къ своему сердцу, поклонился и вышелъ.

Въ сосѣдней комнатѣ его ждала Мартина.

— Когда же наша свадьба, Жасменъ?

— Когда хочешь, Мартина.

VIII.

На другой день Жасмень проснулся поздно. Когда онъ открылъ окно, надъ Сеной носился золотистый туманъ, птицы громко пѣли на индѣйскомъ каштанѣ, на крышѣ ворковали голуби. Виноградники были какъ бы окутаны паромъ. Рябина, посаженная у входа въ садъ, сверкала, какъ яркое пламя.

Старуха Бюге вышла изъ дому и открыла курятникъ. Птицы бросились изъ него толпой, хлопая крыльями и потрясая своими красными гребнями.

Появленіе матери навѣяло на Жасмена грустныя мысли.

«Хватить ли у меня духу сказать ей, что я скоро ее оставлю?»— думалъ онъ.

Онъ спустился внизъ и крѣпче обыкновеннаго поцѣловалъ мать.

— Ты что-то очень нѣженъ сегодня,—замѣтила она.

Послѣ завтрака Жасмень объявилъ о своей скорой свадьбѣ и о мѣстѣ, которое онъ получилъ у маркизы де-Помпадуръ. Сдѣлалъ онъ это, краснѣя и уткнувъ носъ въ тарелку.

Старуха отъ изумленія всплеснула руками.

— Не слышалась ли я?—вскричала она, блѣднѣя.—Да подумалъ ли ты о томъ, что хочешь сдѣлать? Оставить отчій домъ и садъ, который дастъ намъ кусокъ хлѣба, гдѣ ты самъ себѣ господинъ, и все это для того, чтобы заработать деньги. Итти подметать дорожки, по которымъ ходитъ эта колдунья. Вотъ и имѣйте послѣ этого дѣтей! Надрывайтесь, чтобы обезпечить имъ кровь! Какая жалость, какая досада!

Жасмень молчалъ.

— Что такое съ нами случилось? Старая Фугонъ—да упокоить Господь ея душу—давно предсказывала мнѣ, гадая на картахъ послѣ того, какъ ты родился, что намъ принесетъ несчастіе какая-то важная дама. Ахъ, Жасмень, Жасмень.

Она съ плачемъ вышла изъ-за стола и ушла въ свою комнату, не желая, чтобы сынъ входилъ къ ней.

— Оставь меня. Я хочу помолиться.

Зима была дождливая. Въ рѣдкіе дни, когда позволяла погода, Жасмень работалъ въ саду, раскладывалъ зерна въ маленькіе пакеты и исправлялъ силки для сусликовъ.

Мартина не была ни на Рождествѣ, ни въ Крещенье. Она прислала письмо изъ Парнжа, извѣщая, что 24-го декабря умерла мать маркизы и что она очень огорчена этой утратой.

Черезъ нѣсколько педѣль она писала, что маркиза купила имѣніе около Дре, гдѣ она будетъ передѣлывать домъ и хочетъ разбить новый паркъ. «Мы возвращаемся въ Версаль,—добавляла она:—ибо черезъ три дня тамъ будетъ концертъ. Надѣюсь, что намъ найдется дѣло въ новомъ паркѣ».

Но мѣсто получили другіе. **Мартина** уже не писала болѣе объ этомъ, а вскорѣ и совсѣмъ замолкла.

Это молчаніе приводило **Жасмена** въ уныніе. Онъ пошелъ къ кюре и исповѣдывался ему въ своемъ грѣхѣ. Тотъ отпустилъ ему его грѣхъ, но посовѣтовалъ какъ можно скорѣе вступить съ **Мариной** въ бракъ. Съ этого времени кюре сталъ иногда заходить къ садовнику. Изъ всѣхъ цвѣтовъ ему больше всего нравился страстоцвѣтъ.

— Это чудо Божіе,—говорилъ онъ.—Этотъ цвѣтокъ имѣетъ формы орудій страстей Христовыхъ. Листья представляютъ намъ одежду, въ которую іудеи облекли Христа, а ихъ острые концы—терніе, изъ котораго была сдѣлана для Него корона. А эти длинныя нити кроваваго цвѣта развѣ не похожи на бичи, которыми Его бичевали? А этотъ стебель напоминаетъ столбъ, къ которому Онъ былъ привязанъ.

Иной разъ достопочтенный отецъ, отвѣдавъ стаканчикъ вина, начиналъ убѣждать **Жасмена**, чтобы онъ былъ терпѣливъ.

— Другое дѣло высокопоставленные люди. Они не помнятъ своихъ словъ и обѣщаній. Но въ **Мартинѣ** ты можешь быть увѣренъ. Я училъ ее закону Божію, и я знаю ея сердце. Кромѣ того, терпѣніе есть добродѣтель христіанская. Сколько лѣтъ **Іовъ** жилъ въ своей лачугѣ и сколько лѣтъ простоялъ на своемъ столбѣ **Симеонъ Столпникъ**?

Въ октябрѣ **Жасмень** не пошелъ на сборъ винограда. Однажды его мать вернулась домой съ тыквой въ рукахъ.

— Ты словно несешь колесо счастья,—замѣтилъ ей **Жасмень**.

— Лучше держать это счастье въ рукахъ, чѣмъ бѣжать и ловить его по дорогамъ въ **Парижъ** и **Версаль**!

Старуха кончила тѣмъ, что стала отговаривать **Жасмена** жениться на **Мартинѣ**.

— Говорятъ, что мало повѣсить эту д'Этиоль,—говорила она.—Люди, вполнѣ достойные, которымъ случалось проѣзжать черезъ **Меленъ**, рассказываютъ, что эта пнтриганка, выскочившая изъ мелкаго рода, позоритъ Францію, что она дочь потаскушки и вора.

— Они лгутъ,—кричалъ **Жасмень**, красный отъ гнѣва.—Жаль, что меня тамъ не было, я бы вырвалъ имъ языкъ! Развѣ король могъ бы допустить ко двору такую женщину?

— Какъ видишь!

Жизнь въ деревушкѣ шла изо дня въ день своимъ чередомъ. Приходилъ **Евстафій Шатуйяръ** сказать, что онъ женится на дочери столяра изъ **Корбейля**, и приглашалъ **Жасмена** на свадьбу. **Жасмень** ѣздилъ на нее. Черезъ нѣсколько недѣль, въ одно ноябрьское утро, на улицѣ послышались шумные голоса:

Тьенетта Лампалеръ, вырвавшись изъ замка маркиза д'Оранжи, прибѣжала въ деревню въ розовыхъ чулкахъ и въ красивыхъ баш-

макахъ съ пряжками. Старый маркизъ, весь красный и въ сбившемся парикѣ, стоялъ у рѣшетки своего замка и грозился кулакомъ.

— Паршивая дѣвчонка,—кричалъ дьячокъ Гурбильонъ:—ты, кажется, связалась съ этимъ старикомъ!

— Вовсе нѣтъ,—отвѣчала бойкая Тьенетта.—Онъ мнѣ только надѣлъ чулки и башмаки. А когда онъ сталъ было расточать мнѣ свои любезности, меня и слѣдъ простыль.

1-го января 1747 года (Жасмень не видалъ Мартину уже цѣлый годъ) Бюге получилъ отъ нея письмо, въ которомъ она просила его отложить еще немного ихъ свадьбу! М-те де-Помпадуръ такъ занята! Она устраивала въ своихъ внутреннихъ апартаментахъ таатръ, въ которомъ могли подвизаться только три-четыре самыхъ большихъ вельможи. «Маркиза,—писала Мартина,—не забываетъ и устройство парка. Она закончила два рисунка, которые будутъ выгравированы.

На одномъ изображены твои трофеи: лейка, лопата, грабли, на другомъ нагіе амуръ, ухаживающіе за лавровыми деревьями».

Почеркъ этихъ писемъ дѣлался все красивѣе и тоньше, а стиль—благороднѣе и возвышеннѣе.

«Она становится гордой», вздохнулъ про себя Бюге, грустно махнувъ рукой.

Дѣло шло къ Пасхѣ. Погода была скверная: лилъ дождь и шелъ снѣгъ.

Время отъ времени Бюге посылалъ Мартинѣ пламенные посланія, въ которыхъ писалъ: «Все мнѣ кажется мрачнымъ, и я уже не жду съ нетерпѣніемъ цвѣтовъ и плодовъ, а дожидаясь только, когда ты пріѣдешь. Это будетъ моя единственная радость. Я уже не читаю книги Кэнтини, хотя мнѣ еще многому слѣдовало бы поучиться въ нихъ къ тому времени, когда я буду садовникомъ у маркизы Помпадуръ. Это время мнѣ представляется земнымъ раемъ. Ты должна постараться, чтобы оно наступило поскорѣе».

Мартина отвѣчала, что, къ сожалѣнію, она ничего не можетъ сдѣлать и что запрещено обращаться къ мастерамъ съ какими-либо вопросами.

«Маркиза попрежнему къ намъ очень расположена,—писала она.—Она строитъ дворецъ подъ Парижемъ. Тамъ мы будемъ завѣдывать паркомъ, а Агатонъ Пьефэнъ—кухней. Онъ такой же ханжа и все ухаживаетъ за мной. Всѣ смѣются надъ нимъ. Въ день его именинъ ему подали кашпюна съ горошкомъ, а онъ и не догадался, что съѣлъ своего знаменитаго голубя. Онъ очень плакалъ объ этомъ, и мнѣ стало его жалко».

Жасмень почувствовалъ, что имъ овладѣваетъ какое-то тайное отчаяніе. Лицо его похудѣло, на лбу показались морщинки. Онъ забросилъ свои растенія, сталъ работать въ саду кое-какъ и читалъ только письма Мартины, которыя носилъ всегда съ собою.

Наконецъ въ концѣ года онъ получилъ важную вѣсть.

«Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ я приѣду въ Буасси. Въ маѣ должна быть наша свадьба, а потомъ мы отправимся къ маркизѣ».

Подъ письмомъ стояла крупная веселая подпись «Мартина».

Свадьба состоялась въ первыхъ числахъ мая 1448 года.

Наканунѣ, какъ разъ въ среду, передъ домомъ садовника оставился тяжелый рыдванъ. Оттуда выпрыгнулъ какой-то длинный человѣкъ и сдѣлалъ пируэтъ.

— Бюге!—закричалъ онъ.—Здѣсь ли Бюге?

Жасмень вышелъ на дворъ.

— Агатонъ!

— Онъ самый! Маркиза Помпадуръ изволила поручить мнѣ передать вамъ свадебные подарки и приготовить столъ, пока женихъ съ невѣстой будутъ въ церкви.

Жасмень въ смущеніи не зналъ, что отвѣчать. Пришла старуха Бюге и пустилась въ разговоры по поводу предстоящаго отъѣзда сына. Великодушіе маркизы ее тронуло.

Агатонъ вытащилъ изъ рыдвана свертки, завернутые въ плотно.

— Не трогайте этого,—говорилъ онъ.

— Что это такое?—спросила Мартина.

— Увидите завтра.

Тетка Ланда была очень огорчена, что Агатонъ завтра не можетъ пойти въ церковь, и заявила, что останется съ нимъ.

— Нельзя же только смотрѣть, какъ будетъ все готовить этотъ молодой человѣкъ. Я съ удовольствіемъ пропущу мессу и стану чистить горошекъ и буду пробовать кушанья, чтобы они были по нашему вкусу. У насъ вѣдь не привыкли къ соусамъ, отъ которыхъ горло жжетъ.

Агатонъ, одѣтый не безъ щегольства, натянулъ на себя шелковые чулки. Ноги у него были короткія, но онъ старался сдѣлать ихъ маленькими.

Чтобы ошипывать каллуновъ, онъ потребовалъ себѣ передникъ. Мартина сняла съ себя свой и подвязала его Агатону. Дрожь пошла по его тѣлу, когда онъ почувствовалъ на себѣ этотъ фартукъ, еще теплый отъ тѣла камеристки.

Вся округа работала въ домѣ Бюге. Тъенетта усердно чистила золой какой-то мѣдный котелокъ.

— Вотъ какъ онъ блеститъ теперь!—говорила она.—Агатонъ можетъ разсматривать въ него свои острые уши. Право, онъ похожъ на того мраморнаго человѣка у маркиза д'Оранжи, который совсѣмъ человѣкъ, только ноги козлиныя. Если бъ Агатонъ захотѣлъ жениться на мнѣ, я непременно потребовала бы, чтобы онъ показалъ мнѣ, дѣйствительно ли у него ноги, какъ у всякаго христіанина.

На другой день вся деревенька пришла въ движеніе. Говорили, что маркиза Помпадуръ прислала лучшаго своего повара, чтобы приготовить свадебный обѣдъ.

Торговка угрями Николь Сансонне говорила, что это тотъ самый поварь, который нѣсколько времени тому назадъ изобрѣлъ для короля сорокъ новыхъ блюдъ, не говоря уже о десертахъ.

Всѣ старики вылѣзли изъ своихъ угловъ, чтобы посмотрѣть на торжественное шествіе мѣстныхъ сливокъ общества.

Былъ чудный майскій день. Съ колокольни деревенской церкви неся въ лѣса къ фіалкамъ и въ сады къ яблонямъ нѣжный чистый звонъ. Горлицы громко ворковали въ паркѣ маркиза д'Оранжи.

Шествіе съ трудомъ вышло изъ церкви. Всякій непременно хотѣлъ принести свое поздравленіе Мартинѣ, которая появилась на паперти при послѣднихъ звукахъ органа.

На новобрачной было розовое платье, которое такъ хорошо шло къ ея смуглому лицу. Жасменъ заставилъ ее заткнуть за корсажъ букетъ нарциссовъ. На головѣ у нея красовался небольшой бѣлый чепецъ.

Дома Агатонъ ощипалъ нѣсколько піоновъ и усыялъ ими дорогу новобрачныхъ, а по обѣ стороны входныхъ дверей прикрѣпилъ по лиліи.

Когда шествіе подошло къ дому, раздались крики изумленія.

— Можно подумать, что все это сдѣлалъ какой-нибудь ангель, — закричала тетка Жильо.

Агатонъ опустилъ глаза. Когда онъ поднималъ ихъ на Мартину, въ его зрачкахъ сквозило смущеніе.

Николь Сансонне расширила ноздри и потянула воздухъ, несшійся изъ кухни.

— О, чуетъ мой носъ что-то хорошее.

Въ этотъ моментъ мимо дома проѣзжала старая маркиза д'Оранжи съ одной изъ своихъ родственницъ. Онѣ возвращались съ вѣнчанія. Онѣ были бѣдны, какъ арбалетчики изъ Коньяка, и туги на деньги, но все-таки имъ пришлось раскошелиться на угощеніе. Придерживаясь старинной моды, онѣ носили громоздкія прически; которыя дѣлали ихъ похожими на какихъ-то нестрыхъ попугаевъ. На щекахъ, разрумяненныхъ португальскимъ румянцемъ, красовалось у каждой нѣсколько мушекъ.

— Обѣдъ готовъ! Къ столу! — кричалъ изъ дому дядя Жильо.

Новобрачныхъ посадили посрединѣ. Они какъ-то неувѣренно сѣли посрединѣ стола передъ приборами, которые были украшены цвѣтами.

Жильо нашель, что они держатъ себя слишкомъ вяло.

— Посмотрѣли бы на меня въ день моей свадьбы! — кричалъ онъ. — Помнишь, Θεодосія? — продолжалъ онъ, обернувшись къ женѣ. — А ты, Бюге?

Старуха Бюге пожала плечами съ видомъ полной покорности.

Быстрая улыбка скользнула по лицу Мартины. Съ самаго начала, какъ заигралъ органъ, ее охватила какая-то грусть. Ей вспомнилась охота въ Сенарскомъ лѣсу и все, что произошло потомъ въ сердцѣ Жасмена. Ей казалось, что въ сущности это не она выходитъ замужъ. Она почти раскаивалась въ тѣхъ уловкахъ, которыя она пустила въ ходъ, чтобы женить на себѣ Жасмена. Ей представлялось, что на ея мѣстѣ сидитъ другая и что Жасмень, хоть и разукрашенный бѣлыми цвѣтами, принадлежитъ не ей.

Гости сдѣлали нападеніе на угрей, которыхъ привезъ съ собой Агатонъ. Мартина сдѣлала честь оливкамъ, которыхъ никто въ деревенькѣ не видывалъ. Тьенетта тоже захотѣла попробовать, но онѣ ей не понравились. Она сдѣлала гримасу и выплюнула ихъ на полъ.

— Нельзя и сравнить съ розовой редиской,—промолвила жена Евстафія Шатуйяра, беременная восьмымъ ребенкомъ.

— А вотъ и редиска,—сказала ей Николь Сансонне.—Съѣшьте тарелочку, да съ листьями. Это очень хорошо для женщины, когда въ ней зашевелится ребенокъ.

Съ своей стороны дьячокъ Гурбильонъ, чтобы повеселить общество, вытащилъ изъ кармана какую-то книжку и пустилъ ее по сосѣдямъ. То былъ «Альманахъ рогаосцевъ».

Тетка Жильо, заглянувъ въ книжку, стыдливо захлопнула ее, но ея мужъ закричалъ:

— Ага! Это наводитъ на мысли!

Тьенетта бросилась было къ альманаху, но тетка Ланда завопила:

— Экая мерзость! Вѣдь на виду у всѣхъ это дѣлаютъ только собаки!

Жильо вырвалъ книжку и сталъ вслухъ читать эпиграммы.

Мартина густо покраснѣла.

Агатонъ провозгласилъ, что сейчасъ будутъ поданы «египетскія пирамиды». Онѣ были сдѣланы изъ мелко нарубленной телятины и ветчины, сдобренной всякими пряностями. Пшефенъ осторожно поставилъ ихъ на столъ.

— Египетскія пирамиды! Ихъ рецептъ идетъ, должно быть, отъ самыхъ грековъ, — докторально замѣтилъ Гурбильонъ.

Гости нашли ихъ великолѣпными, Жильо никогда не ѣлъ ничего подобнаго.

— Ты, навѣрно, чувствуешь себя счастливой, что служишь у маркизы?—спросилъ онъ Мартину.

— Еще бы! А особенно, если она и мужа теперь пристроитъ туда же—замѣтилъ Канкри.

— Конечно, конечно!—со вздохомъ отвѣчала новобрачная.

Ей хотѣлось плакать.

— Ты счастлива?—спросилъ ее Жасмень.

Онъ поцѣловалъ жену въ шею.

— Отлично!—закричалъ Жильо.—Такъ и надо! Для этого вѣдь женятся.

Понемногу съѣли и золоченыхъ каплуновъ. Потомъ Агатонъ, растопыривъ руки, внесъ поросенка, который держалъ въ зубахъ лимонъ. Лапы его были перевязаны бѣлыми лентами.

— Подвязки новобрачной!—закричалъ Евстафій!

Агатонъ поставилъ поросенка передъ новобрачными и елейнымъ голосомъ, какимъ когда-то произносилъ проповѣди, сказалъ:

— Мартина! Это тебѣ подносятъ всѣ твои товарищи по службѣ! Прими же это отъ насъ!

И онъ самъ принялся разрѣзать поросенка. Всѣ подтянулись, желая попробовать блюдо, отъ котораго такъ вкусно пахло трюфелями.

— Можно подумать, что мы въ раю,—вскричала Тьенетта.

Поваръ исчезъ, чтобы приготовить десертъ. Жильо велѣлъ принести бутылки.

— Послушай, малый,—сказалъ онъ Жасмену.—Что же ты словечка не скажешь и сидишь такъ неподвижно? Въ день свадьбы надо хорошенько выпить, чтобы подкрѣпить свои силы! Дай-ка твой стаканъ! Расшевели его хорошенько, Мартина!

— Я и такъ стараюсь,—отвѣчала она.—Жасмень!

Новобрачный снова поцѣловалъ жену.

— Можно перечесть, сколько разъ мы цѣловались и не собьешся,—замѣтила Мартина.

— Какъ бы мнѣ хотѣлось попасть въ услуженіе въ Парижъ,—шептала про себя Тьенетта.

— Въ Парижъ?—спросила подслушавшая ее Монно.—Ну, тамъ такихъ замарашекъ и безъ тебя довольно.

— Ну, ну, тетка Ланда! Нечего хвастаться!—вмѣшался Реми Госсе.—Мы всѣ знаемъ, что ты была тамъ вязальщицей.

— О, да,—воскликнула задѣтая за живое Ланда.—Я знаю свое ремесло и могла бы связать такой чулокъ, который не обезобразитъ ногу самой красивой дѣвушки. Доказательствомъ можетъ служить мой подарокъ Мартинѣ. Развяжи-ка вотъ это!

И она передала Тьенеттѣ свертокъ, который та принялась развязывать зубами.

— Фу! Вы, кажется, положили этотъ свертокъ вмѣстѣ съ сыромъ!

— А куда же, по-твоему, его надо было положить. Это единственное мѣсто, которое запирается на ключъ и гдѣ мыши не могутъ стащить. Но свертокъ не долженъ такъ сильно пахнуть, я положила его вмѣстѣ съ моимъ бѣльемъ поверхъ сыра.

— Понюхайте-ка!—говорила Тьенетта, передавая ей пакетъ.

Подали десертъ. Появился «кладезъ любви», наполненный вареньемъ. Надъ сладкимъ пирогомъ новобрачные должны были пожать другъ другу руку. Великъ за симъ Агатонъ Пьефенъ подаль пирожныя, названія которыхъ гости слышали въ первый разъ въ жизни.

Эти лакомства повысили настроеніе гостей. Тетка Монно тяжело вздыхала.

— Какъ хорошо пахнетъ!—промычала она.

Агатонъ откупорилъ тонкія вина, присланныя маркизой. Жена Евстафія стала глотать ихъ такими порціями, что ей спуругъ завопилъ.

— Что же, ты хочешь, чтобы нашъ ребенокъ явился на свѣтъ вплавь?

Дьячокъ Эвфемэнъ, пристроившись къ ликерамъ, которые онъ находилъ превосходными, кричалъ:

— Да здравствуетъ Мартина! Да здравствуетъ маркиза Помпадуръ!

— Здѣсь на пиршествѣ двѣ королевы—маркиза и Мартина,—добавилъ Госсе.

— Да здравствуетъ Мартина! Да здравствуетъ маркиза!—заорало все общество.

Мартина вся позеленѣла, словно ее укусила какаа-нибудь змѣя.

Жасменъ всталъ изъ за стола, шатаясь. Тьенетта молча похлопывала по спинѣ старуху Бюге, которая заливалась горючими слезами.

Кто-то сталъ стучать по стакану. Дьячокъ сталъ говорить рѣчь. Онъ распространился о святости брака.

— А въ карманѣ-то у тебя «Альманахъ рогоносцевъ»!—крикнула Тьенетта.

— Чортова перечница!—выругался Гурбильонъ.

Не смущаясь, онъ закончилъ свою рѣчь, назвавъ Бюге счастливой матерью. Потомъ къ новобрачнымъ подошелъ скрипачъ, чтобы начать танцы.

Задумчивость Бюге сильно огорчала Мартину. Желая напомнить и о себѣ, она встала изъ-за стола и пошла танцовать, стараясь припомнить, какъ маркиза Помпадуръ танцевала менуэтъ.

Заслышавъ музыку, явились посмотреть на деревенскій балъ маркизы д'Оранжи и ихъ знакомые. На маркизѣ былъ парикъ à la finapсіёге, тяжело падавшій ему на плечи. Маркиза высококомѣрно поднимала свой римскій носъ, около котораго красовалась черная мушка, означавшая: «все это меня оскорбляетъ».

Балъ на берегу Сены открыли новобрачные. Маркиза должна была сознаться, что эта мужичка не лишена граціи, которая встрѣчалась въ добрыя старыя времена. Ланда подала руку старому

Жильо, а Тьенетта, къ величайшему неудовольствію маркиза, танцевала поочередно со всѣми парнями.

Пока гости танцевали подъ липами, новобрачные прогуливались по берегу.

Жасмень глядѣлъ на воду, покрасившуюся отъ вечерней зари. Мартина приникла къ его плечу.

— Ты все думаешь о Парижѣ и Этиолѣ, куда мы поѣдемъ?

— Да, Мартина, — отвѣчалъ Жасмень, не зная, что ей уже извѣстна его сердечная тайна.

Слезы покатались по блѣднымъ щекамъ молодой женщины?

— Что съ тобой?

— Сейчасъ надъ ними пролетѣли два ворона. Я боюсь.

— Глупости, — пробормоталъ Жасмень.

IX.

Маркиза Помпадуръ отпустила Мартину въ Буасси-ла-Бертранъ на цѣлый мѣсяць. Затѣмъ ей было приказано явиться вмѣстѣ съ мужемъ въ Парижъ.

Въ день отъѣзда всѣ поднялись до восхода солнца. У старухи Бюге глаза были красны. Она подарила Мартинѣ четки, которыя принадлежали прадеду ея сына, и сказала:

— Перебирая ихъ, вспоминай обо мнѣ.

Она снабдила невестку на дорогу жареной курицей, короваемъ хлѣба и холодной лепешкой.

— Вамъ предстоитъ такое путешествіе! Вы такъ далеко ѣдете! Богъ знаетъ, куда васъ загонитъ еще ваша проклятая маркиза!

Сыну она сочла долгомъ сдѣлать внушеніе.

— Будь добрымъ мужемъ и не забывай молиться!

Сборы къ отъѣзду производились при свѣчахъ. Хотя было еще темно, Тьенетта была уже тутъ какъ тутъ.

— Напиши мнѣ, когда у тебя будетъ ребенокъ, — говорила она Мартинѣ. — Смотри, не свернись у этой маркизы Помпадуръ, — продолжала она, обнимая свою подругу.

— Это я могу тебѣ обѣщать.

Жасмень старался утѣшить мать.

— Мы часто будемъ видѣться. Кромѣ того, каждый мѣсяць я буду писать тебѣ длинныя письма. Жильо и Реми Госсе будутъ навѣщать тебя, а ухаживать за тобой будетъ Канкри. Смотри, чтобы Леги хорошенько работалъ въ саду. Онъ знаетъ мои деревья. Если тебѣ будетъ страшно, то Тьенетта можетъ поселиться здѣсь. Когда же намъ удастся достигъ счастья, тогда можно будетъ зажечь и въ Буасси.

— Ваше счастье, — отвѣчала, качая головой, Бюге, — было въ этомъ домѣ.

Тьенетта и Мартина уложили въ телѣжку Жасмена ящики съ одеждой и склянки съ водой на винномъ спирту, которую удивительно дѣлала старая Бюге.

— Эта вещь вамъ будетъ пріятна вечеромъ, когда вы останетесь одни,—говорила она.

Въ открытую дверь врывался холодный ночной воздухъ, и лишь бубенчикъ Жасеновой лошаденки нарушалъ полную тишину.

Старуха Бюге принесла теплаго молока. Выпивъ его, отѣзжающіе поцѣловались съ нею въ послѣдній разъ, и оба супруга сѣли въ экипажъ.

— Да хранить васъ Господь Богъ,—прошептала Бюге.

Телѣжка тронулась. Не успѣла она отѣхать нѣсколько шаговъ, какъ кто-то сильно застучалъ кулакомъ въ дверь.

— Они вернутся, вернутся,—слышался успокаивающій голосъ Тьенетты.

Раздалось рыданіе. Мартина въ темнотѣ догадалась, что это плакалъ Жасмень.

Телѣжка направилась къ Мелену. Лошаденка бѣжала по берегу Сены, бурлившей подъ ночнымъ вѣтеркомъ.

Вскорѣ на горизонтѣ появился бѣлесоватый свѣтъ, и протянулась длинная полоска зари, которая, пересѣкаясь съ высокимъ шницемъ колокольни Сентъ-Аспэ, образовывала съ нимъ на небѣ большой крестъ. Осѣняемый имъ, Меленъ крѣпко спалъ.

Торговецъ телѣжками охотно купилъ у Жасмена его экипажъ. Давъ ему нѣсколько звонкихъ монетъ, онъ помогъ супругамъ добыть себѣ мѣсто на буксирномъ суднѣ, которое отправлялось въ Парижъ.

На палубѣ въ лучшемъ углу оказались два монаха, нѣсколько крестьянъ, какой-то офицеръ швейцарской гвардіи, торговцы живностью. Эти послѣдніе выгружали корзины съ курами, яйцами, утками, кричавшими въ своихъ ивовыхъ тюрьмахъ.

Тронулись дальше.

Тяжелый буксиръ тянули пять лошадей, привязанныхъ къ мачтѣ длинной веревкой. Иногда веревка, ослабѣвая, хлестала по розовѣвшей отъ утренней зари водѣ, и тогда казалось, что по рѣкѣ протягивалась огненная полоса. Матросы, столпившіеся на декѣ, готовили себѣ супъ въ котелкѣ. Поверхность рѣки была какъ зеркало.

Вскорѣ показался Буасси-ла-Вертранъ, гдѣ предстояло пересаживаться. Бюге все еще стояла на берегу Сены, дѣлая съ Тьенеттой прощальные знаки рукой. Жасмень смотрѣлъ на мать, пока она совсѣмъ не скрылась изъ виду. Когда буксиръ присталъ къ Сентъ-Пору, онъ могъ различить только ея бѣлый чепецъ. Видно было, что она поднималась въ гору. Тогда онъ сталъ искать глазами крышу своего дома, но изъ деревьевъ его уже не было видно. Только легкій ды-

мокъ вился на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ. Жасмень закрылъ лицо руками и заплакалъ.

Мартина старалась какъ-нибудь его утѣшить.

— Смотри, вотъ Жильо!—сказала она.

Дѣйствительно, Жильо вышли изъ ограды своего завода.

— Возвращайтесь къ сбору винограда!—кричалъ дядя Жильо.

Прибрежные утесы, тронутые утреннимъ солнышкомъ, казались янтарными. Виноградники блестѣли. Сена, сдѣлавъ поворотъ, вошла въ лѣсъ.

На буксирѣ монахи присосѣдились къ бутылкѣ, которую тянули по очереди. Офицеръ швейцарской гвардіи, покручивая усъ, украдкой бросалъ на Мартину нѣжные взгляды.

Судно поравнялось съ Ле-Кудрэ, плоскимъ мѣстомъ, гдѣ Сена расширяется. Небо стало совѣмъ сине и ярко отражалось въ рѣкѣ. Затѣмъ показался Корбейль съ своими бастионами, башнями и большими зерновыми складами. Такъ какъ это былъ базарный день, то мостъ былъ загроможденъ повозками. Маленькая церковка, стоявшая на самой вершинѣ холма, весело позванивала въ свои колокола. Съ буксира выгрузили нѣсколько корзинъ съ птицей.

Немного дальше справа показалась крыша замка въ Эгіюль. На Жасмена нахлынули воспоминанія. Вспомнилъ онъ, какъ онъ видѣлъ маркизу среди луннаго свѣта, какъ она была полна граціи и прелести. Ему представилась ея маленькая ножка, едва касающаяся зелени. Въ ушахъ у него еще стоялъ звукъ віолончели, несшійся къ весеннимъ небесамъ. Онъ вспомнилъ этотъ менуэттъ, который онъ напрасно до сего времени старался возобновить въ памяти. Задумчиво глядѣлъ онъ на рыбака, который на длинной лескѣ вытаскивалъ попавшуюся щуку, и на баржи, плывшія по теченію рѣки. Какой-то пастухъ утолялъ свою жажду, зачерпывая шапкой прямо изъ рѣки, прачки стояли, наклонившись, на плоту, отражавшемся въ водѣ, какъ въ зеркалѣ. Тамъ и сямъ мелькали деревеньки, тонущія въ зелени. Подходили къ Жювизи.

— Съѣдимъ что-нибудь,—говоритъ Мартина.—До полдня еще далеко.

Она вытащила курицу, взяла себѣ порцію и дала часть Бюге. Монахи попросили себѣ кости и прежде, чѣмъ начать ихъ глотать, забормотали свои молитвы.

Въ Шуази мѣстные обыватели принесли на паромъ сладкіе пирожки. Жасмень одинъ отдалъ Мартинѣ, а другой предложилъ офицеру швейцарской гвардіи.

Самаго замка Шуази не было видно. Виднѣлись лишь высокія крыши, верхушка бывшего фонтана и пристань, на концѣ которой среди цвѣтничковъ, спускавшихся до самаго берега рѣки, бесѣдка, похожая на ажурный кіоскъ.

— Мы иногда приходилось здѣсь бывать съ маркизой,—ска-

зала Мартина.—Она устроила этотъ дворець, словно какой-нибудь феерическій театръ.

Жасмень съ любопытствомъ глядѣлъ на крыши, которыя, казалось, скрывали подъ собой самыя соблазнительныя тайны.

Между тѣмъ буксиръ все плыль впередъ.

— Скоро мы будемъ и въ Парижѣ,—сказалъ одинъ изъ монаховъ.

Солнце покрывало Сену словно какой-то золотистой скатертью, и рѣка была какъ изъ расплавленной мѣди. Жасмень мало-по-малу сталъ различать на горизонтѣ крѣпостныя стѣны, безчисленныя крыши, налѣво возвышался старинный соборъ, направо—огромная крѣпость.

— Парижъ!—закричалъ матросъ.

Бюге пристально смотрѣлъ на залитый свѣтомъ городъ.

— Какой большой дворець,—сказалъ онъ Мартинѣ.

— Это Лувръ,—отвѣчала она.

— А это?—спрашивалъ онъ, указывая на крѣпость.

— Это Бастилія. Боже тебя сохрани туда попасть!

Они позвали двухъ крючниковъ, которые помогли имъ перенести ихъ корзины. Обогнувъ Бастилію, они очутились на улицѣ Сентъ-Антуанъ. Жасмень долго смотрѣлъ на закрытыя рѣшетками окна крѣпости, на ея тяжелыя башни и пушки, высовывавшіяся изъ амбразуръ. Со стороны улицы Сентъ-Антуанъ стѣны крѣпости были усажены лавками со сладостями, токарными и аптекарскими товарами и разными бездѣлушками. Онѣ лѣпились около сѣрой стѣны крѣпости, словно клѣтки съ птицами.

Въ этотъ іюньскій вечеръ толпа народу двигалась вдоль дома де-ла-Помпонеттъ, отличавшагося террасой съ цвѣтами. Далѣе шель другой домъ, похожій на перечницу. Стѣны третьяго сходились подъ острымъ угломъ. Запахъ коровниковъ и парного молока доносился до самой гостиницы «Золотой Левъ», гдѣ стояла королевская гвардія, и до гостиницы «Майнцъ», гдѣ остановился какой-то экипажъ. Пронесли какія-то посылки. Торопливо прошли двѣ гризетки въ подоткнутыхъ платьяхъ. На церкви св. Маріи, опиравшейся на контрфорсы крѣпости съ аспидной крышей, зазвонили къ вечерней молитвѣ.

Жасмень былъ въ восторгѣ отъ такого веселаго прибытія въ городъ. Встрѣча показалась ему хорошимъ предзнаменованіемъ.

— Помоги, Боже!—сказала Мартина.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Бюге углубился въ узкіе переулки. Жасмень былъ удивленъ высотой домовъ. Ему правилось, какъ хлопали бичами извозчики, правилось смотрѣть на суету экипажей и повозокъ, на навѣсы передъ книжными лавками и на огоньки, блестящіе въ закусочныхъ.

Какая-то толстая женщина сидѣла на тумбѣ, держа на колѣ-

няхъ корзину съ бутылками. Въ одной рукѣ она держала стаканъ, въ другой кружку и кричала:

— Вотъ жизнь! Жизнь!

Бюге предложилъ выпить у нея носильщикамъ, которые шли за ними. Тѣ закашлялись, Мартина расхохоталась.

Какая-то маленькая дѣвочка продавала посуду, крича:

— Вотъ фаянсъ! Кому фаянсъ!

— Не купить ли для начала нашего хозяйства?—спросила Мартина.

— Не стоитъ! Тутъ есть вещи получше!

И онъ показалъ Мартинѣ пирожное, красовавшееся въ окнѣ кондитерской.

Угостивъ жену, Бюге продолжалъ свой путь. Онъ останавливался передъ каждой лавкой, продавался ли тамъ табакъ, или вѣера, разные раритеты. Иногда его толкали франты, выходившіе изъ своихъ экипажей и бросавшіе дерзкіе взгляды на Мартину.

Подойдя къ Пале-Роялю, они увидѣли старуху, игравшую передъ трактиромъ на какомъ-то инструментѣ. Бюге остановился, какъ очарованный. Музыка напомнила ему тѣ пѣсни, которыя когда-то звучали въ его сердцѣ, и онъ вспомнилъ о маркизѣ Помпадуръ.

— Иди, иди,—говорила Мартина.—Мы и такъ опоздаемъ.

Вскорѣ они достигли огромнаго зданія изъ краснаго кирпича—то былъ дворецъ кардинала Мазарини—и, сдѣлавъ еще нѣсколько поворотовъ, оказались передъ большимъ домомъ. Ихъ встрѣтилъ какой-то лакей, одѣтый въ желтую съ зеленымъ ливрею, и сказалъ:

— Васъ всѣ ждуть.

Они поднялись на самый верхъ въ маленькую мансарду. Мартина очень устала. Доѣвъ то, что осталось отъ ихъ запасовъ, она легла спать.

Жасменъ спустился внизъ и пошелъ поужинать съ прочей прислугой. Агатоиъ Пьефанъ, увидѣвъ его, бросился ему на шею. Отъ повара нахло чеснокомъ и мускатомъ. Онъ казался утомленнымъ.

— Городъ дѣйствуетъ на меня плохо,—говорилъ онъ.—Я созданъ для того, чтобы жить въ загородныхъ замкахъ.

Въ девять часовъ онъ увлекъ Бюге съ собою въ одну изъ закусокныхъ лавокъ, гдѣ онъ былъ обычнымъ посѣтителемъ. На вывѣскѣ ся было нарисовано золотое солнце, неупускавшее тяжелые лучи и окруженное виноградомъ. Ужинъ только что кончился, пахло разлитымъ соуеомъ и остатками вина. Агатоиъ пожалъ руку хозяину-толстяку, поспѣшившему налить ему большую кружку вина. Поваръ маркизы Помпадуръ накинулся на индѣйку, красовавшуюся на блюдѣ, и сталъ макать ее въ деревянный сапогъ съ солью, припѣшенный около камина. Онъ ѣлъ съ жадностью.

— Не могу, знаете, ѣсть свою собственную стряпню,—сказаль онъ.—Предпочитаю чужую.

Онъ подошёлъ къ Жасмену и сталъ его разсирापивать.

— Вы въ самомъ дѣлѣ любите вашу жену.

— Какой смѣшной вопросъ! Я никогда не женился бы на ней, если бѣ я былъ къ ней равнодушенъ.

— Вотъ какъ! А на свадьбѣ у васъ былъ такой разсѣянный видъ!

— Плохо вы наблюдали.

— Въ самомъ дѣлѣ, я могъ и ошибиться,—вѣжливо отвѣчалъ поварь.—Человѣку свойственно ошибаться. Къ тому же въ день свадьбы новобрачный находится совершенно въ иномъ положеніи, чѣмъ въ другое время. Его душа смущена. Онъ похожъ на христіанина, который долго не былъ у исповѣди.

Агатонъ молитвенно сложилъ руки.

— Что касается меня, то я бываю у исповѣди раза четыре въ годъ. Это даетъ облегченіе, хотя бы на совѣсти было всего два-три мелкихъ грѣшка. Послѣ отпущенія грѣховъ мнѣ какъ-то легче гуляется. Если бѣ у меня было свободное время, я бы почаще ходилъ въ уголовный судъ.

Онъ подозвалъ хозяина и приказаль налить имъ еще по стакану.

— Я не люблю женщинъ,—вдругъ сухимъ тономъ объявилъ онъ.—Это дѣти сатаны. Ева насъ всѣхъ погубила. И я не могу видѣть юбки, чтобы не вспомнить о первородномъ грѣхѣ. А вы, Бюге, любите женщинъ, не правда ли? Я вижу это по вашимъ глазамъ. Если вы не очень пытки насчетъ Мартины,—можетъ быть, я и тутъ ошибаюсь,—то ваше сердце можетъ загорѣться и воспылатъ къ другой.

Бюге вздрогнулъ.

— О, эта дрожь выдаетъ васъ!—воскликнулъ разстрига.—Если мое ремесло заставляетъ меня смотрѣть подъ хвостъ пуляркамъ (я это дѣлаю съ покорностью, которая завоюетъ мнѣ милость Неба), то я умѣю также и заглядывать въ людскую душу и спускаться въ глубину мрачнаго колодца, называемаго совѣстью. Я вѣдь былъ духовнымъ лицомъ и посѣщалъ самыхъ искусныхъ исповѣдниковъ, которые вѣчно сражались съ капуцинами и выходили побѣдителями во всѣхъ спорахъ. Я говорю о монахахъ-премонтранцахъ.

Агатонъ поднялъ глаза къ небу и какъ бы въ экстазѣ прошепталъ:

— О, дорогіе мои отцы! Какъ хорошо было жить среди нихъ, какъ они раздѣляютъ всѣ наши радости! Среди нихъ никогда не чувствуешь себя одинокимъ. Они даютъ вашей душѣ столько хорошихъ чувствъ. Еще стаканчикъ?

— Нѣтъ, спасибо,—отвѣчалъ Жасменъ.

— Вѣдь угощаю я,—продолжалъ Пьефэнъ.—Выпить стаканчикъ бургонскаго не грѣхъ, увѣряю васъ. Самъ Исусъ Христосъ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

Т-ва А. С. Суворина — „Новое Время“

Петроградъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Дон.

Книжныя Новости» магазиновъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» (ежемесячные списки вновь поступающихъ въ магазины Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижеупомянутыя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжныя шкафы Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время» на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ АПРѢЛѢ 1915 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 4-й.

Богословіе.

АЛАБОВСКІЙ, М. Изъясненіе избраннѣйшихъ мѣстъ изъ Св. Евангелія съ предварительными свѣдѣніями о Библии. Кіевъ. 1914. Ц. 1 р. 20 к.

Философія, психологія, логика.

БЕЗАНТЬ, А. Джордано Бруно. Ц. 30 к.
ВВЕДЕНСКІЙ, А. Религіозныя сомнѣнія нашихъ дней. Т. I. Одесса. 1914. Ц. 2 р.
ГЕРЬЕ, В. Философія исторіи отъ Августина до Гегеля. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
ЛАЛО, Ш. Введеніе въ эстетику. М. 1915. Ц. 1 р. 75 к.
ОДНОВЛЮДОВЪ, В. Трагедія современнаго интеллигентнаго общества. Критико-публиц. очеркъ. Ц. 50 к.
РИЧЧАРДИ, Л. Вулканизмъ въ міеологіи и въ наукѣ. Ц. 50 к.
СОКОЛОВЪ, П. Педагогическая психологія. Ц. въ папкѣ 1 р. 10 к.
ФЕХНЕРЪ, Г. Книжка о жизни послѣ смерти. Ц. 40 к.
ЦАГАРЕЛИ, К. Такъ говорилъ Заратустра-сынъ. Кн. I. Харьковъ. 1915. Ц. 1 р.

Словесность, исторія литературы, критика и библиографія.

АНДЕРСОНЪ, В. Романъ Апулея и народная сказка. Т. I. Казань. 1914. Ц. 3 р. 50 к.
ЕВДОКИМОВЪ, И. «Современникъ» Александра Пушкина. Ц. 1 р.
ЛИСОВСКІЙ, Н. Русская періодическая печать 1703—1900 гг. Библиографія и графическія таблицы. Ц. 20 р.
ПАМЯТИ великаго грузинскаго поэта Акакія Ростомовича Церетели. Ц. 60 к.
РОЖДЕСТВИНЪ, А. Лермонтовъ, личность и творчество. Къ столѣтію со дня рожденія. Казань. 1915. Ц. 25 к.
РУССКАЯ литература о войнѣ 1914 г. В. I. М. 1915. Ц. 25 к.
ЧЕХОВЪ, Н. Введеніе въ изученіе дѣтской литературы. М. Ц. 30 к.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АВЕРЧЕНКО, А. Волчьи ямы. Ц. 50 к.
БЕБУТОВА, О. Варвары XX вѣка. Никто меня не любитъ. Романъ изъ современной жизни. Ц. 1 р. 50 к.
БОГОМОЛОВЪ, С. Славянскій кобзарь. Стихи и лѣсны. Ц. 1 р.
БОГДАНОВА-БѢЛЫСКАЯ, П. Амulette. Стихи. Ц. 1 р. 25 к.

«истор. вѣсти». май 1915 г., т. снл.

1/24

БЯКИНЪ, В. Южные сказки. Стихи. Одесса. 1914. Ц. 1 р.
 ВОЛЫНЦЕВА, А. Въ часы досуга. Стихотворенія. Ц. 1 р.
 ВЪНОКЪ ГЕРОЯМЪ. Сборникъ стихотвореній, сост. В. Юшко. Одесса. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 ГНЪДИЧЪ, П. Сочиненія. Т. VIII. На окраинѣ: Повѣсти и рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
 ГОРЬКИЙ, М. По Руси. Очерки. Ц. 1 р. 50 к.
 ДЖЕМИСОНЪ, С. Приемышъ черной. Туанетты. Повѣсть. М. 1915. Ц. 85 к.
 ДЖЕПСОНЪ, Э. Лэди Ноггсъ. Дочь пара. Ц. 1 р. 20 к.
 КАРАБЧЕВСКИЙ, Н. Мирные плѣнники. Въ курортномъ плѣну у вѣмцевъ. Впечатлѣнія и наблюденія. Ц. 1 р.
 КРИНИЦКИЙ, М. Синяя борода. Романъ. Ц. 1 р. 50 к.

КУЗМИНЪ, М. Военные рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
 ЛАЗАРЕВСКИЙ, Б. Во время войны. Ц. 1 р. 50 к.
 ПСАЛЪМОВЪ, Г. Полное собраніе сочиненій. Ц. 2 р. 50 к.
 РЕННИКОВЪ, А. Въ странѣ чудесъ. Правда о прибалтійскихъ вѣмцахъ. Съ рисунками и снимками. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
 — Сѣятели вѣчнаго. Сатирический романъ. Изд. 2-ое. Ц. 1 р. 50 к.
 РОСЛАВЛЕВЪ, А. Покойникъ Посудевский и другіе рассказы. Ц. 1 р. 25 к.
 РУДИЧЪ, В. I. Осень золотая. II. Въ дни войны. Ц. 75 к.
 ЭРКМАННЪ-ПАТРИАНЪ. Эльзасскіе рассказы. Вып. I. Ц. 15 к.
 ЮШКЕВИЧЪ, С. Леонъ Дрей. Ч. II. Романъ. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

АРДАШЕВЪ, П. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Ч. II. Эпоха абсолютизма и революціи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 25 к.
 ЖУКОВСКИЙ, С. Сношеніе Россіи съ Бухарой и Хивой за послѣднее трехсотлѣтіе. Ц. 1 р. 25 к.
 ЗЪЛИНСКИЙ, Ф. Исторія античной культуры. Ч. II. М. 1915. Ц. 60 к.
 О—СКИЙ, В. Золотая ворота въ гор. Кіевъ. К. 1915. Ц. 75 к.

РУССКИЙ біографическій словарь. Лабзина-Ляшенко. Ц. 5 р.
 САХАРОВЪ, И. Происхожденіе вольнаго донскаго казначества и первыя службы донцовъ Россіи. Ц. 25 к.
 ТУРГЕНЕВЪ, Н. Россія и русскіе. Т. I. Воспоминанія изгнанника. М. 1915. Ц. 2 р. 50 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

БАРСЕГЯНЦЪ, О. Законы о наследственныхъ пошлинахъ. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.
 БУДУЩЕЕустройство Арменіи. (Третья Оранжевая книга). Ц. 75 к.
 БЪЛЯВСКИЙ, Н. Полицейское право. Административное право. Изд. 3-е. Ц. 3 р.
 ВЫСОЧАЙШЕЕ утвержденныя 2-го февраля 1915 года Положенія Совѣта Министровъ, съ относящимися къ нимъ узаконеніями. Ц. 25 к.
 ГОЛЬДШТЕЙНЪ, I. Война, русско-германскій торговый договоръ и слѣдуетъ ли Россіи быть «колоніей» Германіи. М. 1915. Ц. 60 к.
 ГРОМАНЪ, В. Уставъ о промышленномъ трудѣ. Ц. 2 р. 50 к.
 ДЕО. Тайна графа С. Ю. Витте. Ц. 20 к.
 ИВАНОВЪ, Н. Землевладѣніе и землепользованіе иностранцевъ, подданныхъ воюющихъ державъ и состоящихъ въ русскомъ подданствѣ выходцевъ. Законъ 2-го февраля 1915 года. Одесса. Ц. 25 к.
 — Уставъ о гербовомъ сборѣ. Одесса. 1915. Ц. 85 к.
 ИНСТРУКЦІЯ для устройства, ревизіи лѣсоустройства и наслѣдованія казенныхъ лѣсовъ вѣдомства гл. упр. земл. и землеустройства по лѣсному департаменту. Ц. 75 к.
 КАЙЗЕРЪ БЕЗЪ МАСКИ. Разоблаченія истинныхъ причинъ войны, изложенныхъ въ дневникѣ графа Акселя фонъ-Шверинга. Ц. 75 к.
 КЛАДО, Н. Очерки мировой войны. В. VII. Ц. 75 к.
 ЛАЗАРЕВСКИЙ, Н. Причины и задачи войны 1914—1915 гг. Ц. 30 к.
 ЛОУЭЛЛЬ, А. Государственный строй Англіи. Т. I. М. 1915. Ц. 3 р.
 МАТВѢЕВЪ, В. Государственный надзоръ за общиннымъ самоуправленіемъ во

Франціи и въ Пруссіи. Казань. 1915. Ц. 2 р. 50 к.
 МАТЕРІАЛЫ для реформы земскихъ учреждений. Ц. 50 к.
 МИХАЙЛОВСКИЙ. Законы о ликвидаціи со 2-го февраля 1915 года нѣмецкаго и австрійскаго землевладѣнія въ Россіи. Одесса. 1915. Ц. 50 к.
 НЕКРАСОВЪ, Ф. Межеваніе земель въ Россіи. Межевые законы. М. 1915. Ц. 1 р. 50 к.
 ПЕРГАМЕНТЪ, М. Къ толкованію ст. 1148 законовъ гражданскихъ. Ц. 30 к.
 — Памяти Александра Владимировича Завадскаго. Ц. 15 к.
 ПЕТРОВЪ, А. Мадьярская гегемонія въ Угріи (Венгріи) и Угорская Русь. I. Мадьярскій глобусъ на глиняныхъ ногахъ. II. Горькая судьба угороруссовъ. Ц. 25 к.
 ПОСОЧИНСКИЙ, К. Таблицы подсудности волостнымъ судамъ по закону 15-го июня 1912 года о преобразованіи мѣстнаго суда. Ц. 30 к.
 — Таблицы подсудности мировымъ судебнымъ установленіямъ. Ц. 30 к.
 ПРОКОФЬЕВЪ, Н. За Вѣру, Царя и Отечество. Ц. 3 к.
 ПРУТКОВСКИЙ, Н. Желѣзнодорожное дѣло. Ц. 3 р. 60 к.
 РОГОВИНЪ, Л. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. Ц. 4 р. 50 к.
 СБОРНИКЪ СТАТЕЙ. «Дѣти и война». Ц. 1 р.
 ТЮТЧЕВЪ, А. Руководство по призыву нижнихъ воинскихъ чиновъ и ихъ семействъ и о порядкѣ назначенія имъ пенсій.
 — Дополненіе. Ц. 50 к.
 ХМЪ-ГЬНИЦКИЙ, И. Судебная реформа въ ея дѣятеляхъ. Одесса. 1915. Ц. 20 к.

- ЦИНГОВАТОВЪ, А.** Въ Россію можно только вѣрять! Забѣты О. И. Тютчева. Ц. 15 к.
- ШВИТТАУ, Г.** Трудовая помощь въ Россіи. Т. I. II. Ц. за оба тома 2 р.
- Ш—Ъ, АРК.** Сборникъ узаконеній объ обезпеченіи въ военное время офицерскихъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота и ихъ семействъ. Ц. 60 к.
- ЩЕРБИНИНЪ, Г.** Къ вопросу объ организаціи земледѣльческихъ приютовъ для сельскихъ сиротъ. Ц. 60 к.
- ЯКОВЛЕВЪ, М.** Народный судъ и степное положеніе съ киргизскимъ переводомъ. Казань. 1915. Ц. 60 к.

Искусство.

- БЕНУА, А.** Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Вышелъ выпускъ XVI. Принимается подписка.
- ИМПЕРАТОРСКАЯ Академія Художествъ.** Т. II. Биографическая. Сост. С. Н. Кондаковъ. Ц. 7 р. 50 к.
- КРАСОВСКІЙ, М.** Планы древне-русскихъ храмовъ. (Опытъ послѣдованія допетровскаго церковнаго русскаго зодчества, въ связи съ церковнымъ зодчествомъ Византии). Ц. 3 р.
- МЕЖДУНАРОДНАЯ выставка графическихъ искусствъ въ Лейпцигѣ въ 1914 г.** Ц. 1 р.
- ФЕЛЬДМАНЪ, В.** Свѣтъ и чистота красокъ въ живописи. Принципы импрессионизма. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р.

Естествознаніе и математика.

- ИВАНОВЪ, Б.** Теоретическая механика. Статика. Ц. 2 р. 85 к.
- МАКСИМОВЪ, Н.** Введеніе въ общую ботанику. Лекціи для учителей. Ц. 90 к.
- ПАВЛОВИЧЪ, С.** Repetitorium къ практическимъ занятіямъ по зоологіи. Ц. 60 к.
- ПОСПѢЛОВЪ, А.** Фосфоресценція. За конъ убыванія яркости свѣта фосфоресценціи. Томскъ. 1914. Ц. 1 р.

Географія, этнографія, антропологія, путешествія.

- КОРСУНСКІЙ, Д.** Изъ поѣздки въ Галицію. Ц. 20 к.
- КУЗЬМИНЪ, Е.** По Африкѣ на автомобиль. Кругомъ Средиземнаго моря. Путевыя впечатлѣнія. Ц. 3 р.
- ПЕТРОВЪ, А.** Объ этнографической границѣ русскаго народа въ Австро-Угріи, о сомнительности венгерской націи и о недѣлимости Угріи. Ц. 75 к.
- ЦАРЬГРАДЪ.** Подъ ред. И. Лазаревского. М. 1915. Ц. 4 р.

Языковѣдніе.

- КОРАБЛЕВЪ, В.** Образцы чешскаго литературнаго языка. Пособіе къ лекціямъ по чешской грамматикѣ. Ц. 60 к.
- ЛЕСКИНЪ, А.** Грамматика древне-болгарскаго языка. Казань. 1915. Ц. 2 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

- БОЙКОВЪ, В.** Домашняя коза. Польза и способы ея разведенія. Ц. 25 к.
- ЕЛИНЪ, И.** Разведеніе пчѣловъ въ домашнемъ саду. М. 1915. Ц. 35 к.
- КАЛЬНИКЪ, Э.** Краткое руководство для приготовленія домашнимъ способомъ булокъ, хлѣба, кондитерскихъ печеній, тортовъ и проч. Изд. 3-е. Ц. 1 р. 50 к.
- МАКРИНОВЪ, И.** Бактеріальные земледобрильные препараты и ихъ практическое примѣненіе. Ц. 1 р.
- О СТРАХОВАНІИ СКОТА.** Ц. 10 к.
- ПАВЛОВЪ, П.** Записки землевладѣльца. Ч. I. Ц. 2 р.
- РАЕВСКІЙ, Ф.** Канарейка, разведеніе, обученіе пѣнію, уходъ, болѣзань и леченіе. Ц. 20 к.
- ЧУЧУПАЛЪ, А.** Сушка картофеля для кормовыхъ цѣлей. Ц. 20 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

- КРИЧЕВСКІЙ, Л.** Самоучитель для высшей подготовки на должность бухгалтера-корреспондента. Одесса. 1914. Ц. 3 р. 50 к.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ржевсла.

- АЛЕКСАНДРОВЪ, П.** Ковка жернововъ и постройка различныхъ приспособленій для мукомольныхъ мельницъ. Ц. 30 к.
- БОДРИ-ДЕ-СОНЬЕ, Л.** Практическіе совѣты автомобильстамъ и шофферамъ. Ц. 6 р.
- ВИКТОРОВЪ, П.** Добываніе простѣйшими способами смолы, дегтя, угля, сажы, поташа, спирта, скипидара и вара. Съ 63 рис., табл. и кратк. смѣтами на постройку заводовъ. Ц. 60 к.
- ГЕРСЕВАНОВЪ, Н.** Постройка желѣзобетонныхъ опоръ для углесережжателей въ Петроградскомъ портѣ. Ц. 50 к.
- GROSSMAN, J.** Элементы ученія о приборахъ и машинахъ химической промышленности. Кіевъ. 1915. Ц. 80 к.
- ЕНИШЪ, П.** Практическое руково-

ство для всѣхъ работъ по гальваностегии и гальванопластикѣ. Ц. 50 к.

КАЗИМІРОВЪ, А. Руководство къ техно-химическому анализу продажнаго сухого и сырого картофельнаго крахмала. Ц. 1 р. 50 к.

ЛЕОНАРДЪ, Г. Руководство къ приготовленію различныхъ чернилъ. Ц. 40 к.
МАКСИМОВЪ, В. Приданіе огнестойности деревяннымъ постройкамъ. Вып. I. Съ 57 политип. Ц. 50 к.

— Вып. II. Саманная изба. Ц. 75 к.

МИТИНЪ, И. Руководство по выдѣлкѣ красной и сѣрой спиртовой подошвы. Ц. 50 к.

НОВГОРОДСКІЙ, М. Устройство заарудъ и плотинъ земляныхъ, фашинныхъ, каменныхъ и бетонныхъ, пригодныхъ для

водопоя, орошенія и приведенія въ дѣйствіе, мельницъ, молотилокъ, лѣсопилокъ и проч. Ц. 1 р. 20 к.

ОПЦЕРВЕККЕ, А. Ватерклозеты, отхожія мѣста и выгребныя ямы. Ц. 60 к.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЕ машиностроеніе. Отчетъ подсенціи сельско-хоз. машин. подъ ред. инж. П. А. Козьмина. Ц. 4 р.

ШЕНБЕРГЪ, С. Гидромеханика вязкой жидкости и гидравлическія фрикціонныя машины. Кіевъ. 1915. Ц. 3 р.

ШТАУБЪ, К. Къ вопросу о механическомъ освѣтленіи или биологическомъ обезвреживаніи канализационныхъ водъ гор. Саратова и спускъ ихъ въ рѣку Волгу. Саратовъ. 1915. Ц. 50 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ВЕНГЛОВСКІЙ, Р. Оперативная хирургія. М. 1915. Ц. въ пер. 5 р.

ГУРАРИ, Д. Пятновскіе, его цѣлебныя силы. Ц. 50 к.

ЗЕЛЕНКОВА, А. Вегетарианство, какъ средство для леченія и предупрежденія болѣзней. Ц. 20 к.

КИСЕЛЕВЪ, Н. Краткій курсъ акушерства. Т. I. Ц. 2 р. 25 к.

КЛИНГЕ, А. Русскій фармацевтическій мануалъ. Т. I. Ц. 3 р. 50 к.

ОБРАЗЦОВЪ, В. Къ физическому изслѣдованію желудочно-кишечнаго канала и сердца. Ц. 1 р. 75 к.

РІВВЕРТ, Н. Учебникъ общей патологіи и общей патологической анатоміи. Кіевъ. 1915. Ц. 1 р. 75 к.

Военное и морское дѣло.

ВОЕННЫЙ флотъ Германіи. Справочная книжка. Цѣна 70 к.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства

АКИНОШЕВЪ, И. Какъ устраивать эскурсіи съ учащимися. Ц. 10 к.

АМЕНИЦКІЙ, Н. Ариеметика въ связи съ методами преподаванія и исторіей развитія этого предмета. М. 1915. Ц. 1 р.

БЕРЕЗИНЪ, Н. Задачи и работы по географіи. Ц. 30 к.

— Начальная географія. Ч. II. Азія. Африка. Ц. 1 р.

ДЪТСКІЙ МІРЪ въ разсказахъ и картинахъ. Первая и вторая книга послѣ буквара для класснаго чтенія. Ч. I. Ц. 35 к. Ч. II. Ц. 50 к.

ИНДРИКСОНЪ, Ф. Начальная свѣдѣнія изъ физики. Ч. I. М. Ц. 50 к.

ИСТРИНА, Е. Руководство по исторіи русскаго языка. Ц. 75 к., въ переплетѣ 90к.

ЛАУРСОНЪ, А. Законы о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ мин. нар. проsv. О порядкѣ приобрѣтенія аванія учителя-цы среди. учебн. зав. Обь улучшенія матеріальнаго положенія служащихъ. Ц. 50 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Великая война. Поэтическая хрестоматія для семьи и школы. М. Ц. 1 р. 50 к.

ПИНКЕВИЧЪ, А. Краткій учебникъ химіи, минералогіи и геологіи. Ц. 1 р. 50 к.

РАУДЭ, О. Этимологическій разборъ. Таблица-пособіе при изученіи этимологіи русскаго языка. Ц. 5 к.

— Синтаксическій разборъ. Ц. 5 к.

РОСТОВЦЕВЪ, С. Товаровѣдніе. Ч. I. Краткій очеркъ химическихъ явленій. М. 1915. Ц. 40 к.

ШАМРАЕВЪ, В. Пособіе при чтеніи и разборѣ произведеній русской словесности въ средн. учебн. зав. и дома. Вып. I. Ц. 1 р. 35 к.

ШАРРЕЛЬМАНЪ, Г. Живая вѣра въ преподаванія и бесѣды о жизни съ дѣтьми и юношествомъ. М. Ц. 55 к.

ШУЛЬКЕВИЧЪ, О. Русская художественная литература XIX вѣка. Крыловъ, Грибоедовъ, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Кольцовъ и друг. Одесса. 1915. Ц. 2 р.

ЩЕРБАКОВЪ, А. Учебная тетрадь для начальной географіи. Ц. 20 к.

ЯСИНСКІЙ, Е. Русская хрестоматія для письменнаго изложенія. Ц. 75 к.

Книги для дѣтей и юношества.

ПРИОРОВЪ, М. Подрастающему поколѣнію. Разсказы. Ц. 1 р.

РОБЕРТСЪ, Ч. Дѣти воды и лѣсовъ. Ц. въ пер. 1 р. 60 к.

— Ребята дикихъ. Разсказы изъ жизни дѣтей животныхъ. М. 1914. Ц. 80 к.

СМИРНОВА, Е. Весна идетъ! Сборникъ для дѣтей младшаго возраста. М. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Справочныя книги.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Великой Сибирской ж. д. 1915. Ц. 2 р.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ по Туркестану и жел. дор. Средне-Азіатской и Ташкентской. 1915. Ц. 2 р.

Разныя книги.

КАРИКАТУРЫ «Война и Памъ». Вып. I. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к.

